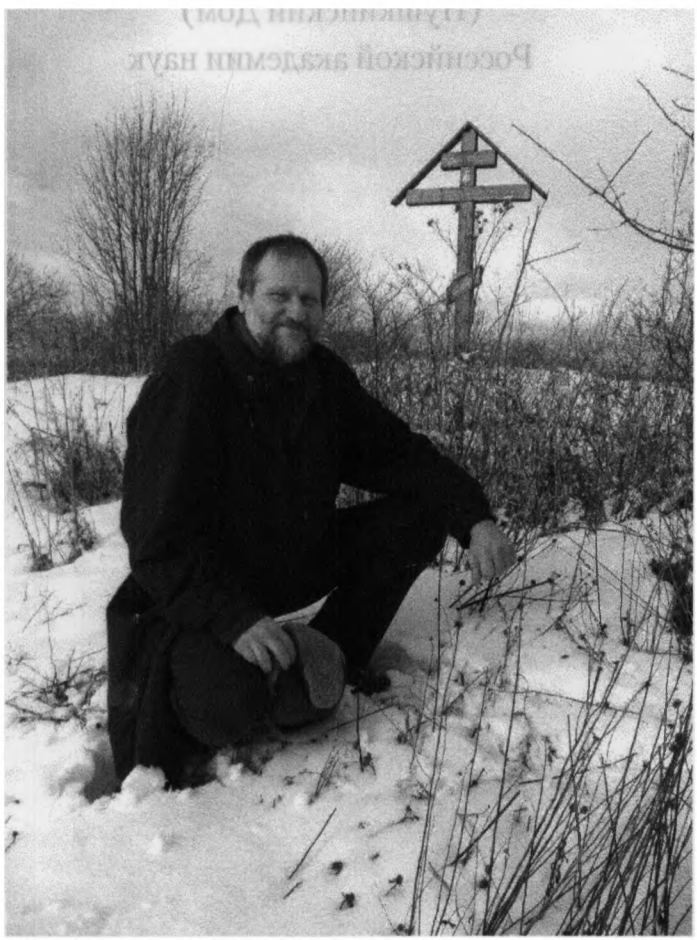
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Г. Бобров

КНИЖНОСТЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук

А. Г. Бобров на месте бывшего Лисицкого монастыря в Новгороде

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Г. Бобров

КНИЖНОСТЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

МОСКВА
Квадрига
2024

УДК 821.161.1.0'04
ББК 83.3(2=411.2)4
Б72

Монография рекомендована к печати
Ученым Советом Института русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук (протокол № 11 от 05.12.2022 г.)

Рецензенты:

С. И. Николаев,
доктор филологических наук, академик Российской академии наук,
заведующий Отделом по изучению русской литературы XVIII века
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

М. В. Печников,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Церковно-научного центра
«Православная энциклопедия»

Бобров А. Г.

Б72 Книжность Великого Новгорода / А. Г. Бобров. – М.: Квадрига, 2024. – 720 с.: ил. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-468-8

Предлагаемая вниманию читателей книга – сборник научных работ, посвящённых книжности Великого Новгорода. Они написаны на протяжении нескольких десятилетий и сюжетно складываются в три части очерков, посвященных единому новгородскому тексту.

Первая посвящена книжным центрам Новгородской республики. Вторая («Люди и книги») посвящена отдельным новгородским сюжетам, произведениям, персонажам, а также основоположникам текстологического исследования новгородского летописания. Третья часть состоит из материалов о новгородском летописании.

В Приложении помещены переводы на современный язык новгородских сочинений: Жития Арсения Коневского, новгородского летописания за 1429–1448 гг. и Повести о походе Ивана IV на Новгород.

Завершают издание Список печатных работ автора и Указатель личных имен.

На 1-й стороне переплета:
Новгородская София. *Акварель Марии Жервэ.*
На 4-й стороне переплета:
Преподобный Варлаам Хутынский. *Деревянный медальон святительского места Новгородской Софии. 1560 г.*

ISBN 978-5-91791-468-8

© Бобров А. Г., 2024
© Жервэ М. Б., акварель на 1-й стороне переплета, 2024
© Разумова М. Л., дизайн переплета, 2024
© Издательство «Квадрига», оформление, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой сборник научных работ, посвящённых книжности Великого Новгорода, написанных (и в большинстве своём ранее опубликованных) на протяжении нескольких десятилетий. Текст статей воспроизводится без изменений, за исключением исправления явных опечаток.

...А началось всё с того, что моя мама, Тамара Николаевна Боброва (Бальтерманц) преподавала в ленинградской школе № 157 русский язык и литературу, вела Литературный клуб, проводила литературные вечера, а я у неё учился. Один из таких вечеров в 1977 г. был посвящён «Слову о полку Игореве». Мама подошла к делу серьёзно: она пригласила выступить с научными докладами ведущих учёных-«древников» из Пушкинского Дома и Ленинградского университета – Льва Александровича Дмитриева, Олега Викторовича Творогова, Наталью Сергеевну Демкову, а Дмитрий Сергеевич Лихачёв записал на магнитофон специальное обращение к ученикам. На вечере, помимо выступлений учёных, звучали фрагменты древнерусского текста (Владимир Викторович Колесов представил свою реконструкцию произнесения), а также классические переводы и переложения древнерусской поэмы в исполнении школьников. Ряд докладов был подготовлен старшеклассниками и недавними выпускниками школы. Благодаря этому литературному вечеру я впервые встретился с настоящими большими учёными, прочитал работы о проблеме подлинности «Слова о полку Игореве», о его исторической основе, о личности, маршруте и целях похода князя Игоря. Всё это было настолько увлекательно, что для меня определилась будущая профессия, а также особая «потаённая любовь» – «Слово о полку Игореве», в котором со временем начали проступать новгородские черты[1].

[1] *Лихачёв Д. С.* Новгородские черты в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 509–513 (новгородскими чертами являются использование автором «Слова о

Поступив на Филологический факультет Ленинградского государственного университета, я уже твёрдо знал, чем буду заниматься, поэтому начал посещать семинар по древнерусской литературе Натальи Сергеевны Демковой, спецкурс по славяно-русской палеографии Николая Николаевича Розова, поехал в свои первые экспедиции – фольклорную под руководством Натальи Михайловны Герасимовой (1978 г., Вологодская область) и археографические под руководством Николая Ивановича Николаева (1979–1980 гг., Пинега). С глубокой благодарностью называю имена своих учителей.

Особое место среди них занимает Валентин Александрович Булкин. В 1979 и 1980 гг. я копал под его руководством фундаменты полоцкого Софийского собора XI в., где обрёл и любовь к археологии, и друзей, и даже встретил будущую жену. В ещё неотреставрированном полоцком Спасо-Ефросиньевском соборе XII в. под руководством Татьяны Всеволодовны Рождественской мне довелось читать и копировать средневековые записи на стенах – граффити.

Завершив исследования в Полоцке, В. А. Булкин с 1981 г. начал работать с новгородскими памятниками, и вслед за ним последовал устойчивый состав постоянных участников его экспедиций – «ветеранов»[2]. В 1981 и 1982 гг. мне, тогда ещё студенту, посчастливилось работать в «булкинских» археологических экспедициях в Хутынском и Юрьевом монастырях в Великом Новгороде[3]. Валентин Александрович показывал нам не только отреставрированные памятники древнерусского зодчества, но и разрушенные, поросшие «травой забвения», лежащие в «мерзости запустения» храмы и монастыри, и вдохновенно о них рассказывал. Руины более всего вызывали у меня щемящее чувство «любви-жалости», которое описал в своих «Воспоминаниях» Дмитрий Сергеевич Лихачёв: «Многие убеждены, что любить Родину – это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви – любви-жалости. (...) Чем шире развивались гонения на цер-

полку Игореве» известий новгородской летописи, употребление им в составе словесных формул новгородских денежных единиц, упоминания «готских красных дев» с Готского берега на Балтике, «славы Ярослава» как новгородского понятия и др.).

[2] Этот круг включал в себя Василия Александровича Булкина (младшего брата Вал. А. Булкина), Виталия Николаевича Смирнова, Валерия Шалабина, Марию Козловскую, Олега Шарова, Елену Толоконину, Ивана Москвина, Татьяну Долгую, Олега Лысенко, Александра Первозванского, Андрея Хлобыстина и многих других чудесных людей, вдохновляемых Валентином Александровичем Булкиным.

[3] *Булкин В. А.* Новые данные о каменных постройках Хутынского монастыря и Гостиного двора в Новгороде // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 10–11; *Булкин В. А., Седых В. Н., Штендер Г. М.* К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 123–128 и др.

ковь (...), тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, ее победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотических песен, – мы плакали и молились. И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 г. древней русской литературой и древнерусским искусством. (...) Мои книги – это, в сущности, поминальные записочки, которые подают «за упокой»: всех не упомнишь, когда пишешь их, – записываешь наиболее дорогие имена, и такие находились для меня именно в древней Руси»[4].

Во время обучения на Филологическом факультете (1977–1982 гг.) я работал над дипломным сочинением о древнерусском апокрифе «Сказание Афродитиана», известном по славянским рукописям XIII – XIX веков[5], и обнаружил, в частности, что одна из важнейших его редакций была создана около 1400 г. в Лисицком Новгородском монастыре, находившемся по соседству с Хутынской обителью. От монастыря «на Лисьей горке» остались только заросшие холмы, но в библиотеках и архивах обнаружилось более десяти происходивших из него рукописей. Значительное влияние на мои интересы оказали старшие коллеги в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки, куда я поступил на работу после окончания университета в 1982 г., особенно Николай Николаевич Розов и его опыты систематизации сведений о древнерусских рукописях по месту их создания и бытования («библиогеография»)[6]. Изучение книжного наследия отдельно взятой Лисицкой обители привело к необходимости рассмотрения более широкого контекста, в том числе книгописания в других новгородских монастырях.

Эти исследования представлены в **Части 1** данной книги («Книжные центры Великого Новгорода»), состоящей из четырёх очерков. Открывает её статья о книгописании в Лисицком монастыре конца XIV – первой половины XV вв., написанная в 1991 г. для только что появившейся тогда новой серии «Книжные центры Древней Руси»

[4] *Лихачёв Д. С.* Воспоминания. СПб.: "Logos", 1995. С. 119–120.

[5] Научным руководителем являлась Н. С. Демкова, но сама тема была предложена мне Миленой Всеволодовной Рождественской, заменявшей Наталью Сергеевну на время её длительной зарубежной командировки. Впоследствии «Сказанию Афродитиана» была посвящена моя кандидатская диссертация (1987 г.) и основанная на ней книга: *Бобров А. Г.* Апокрифическое "Сказание Афродитиана" в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб.: «Наука», 1994. 169 с.

[6] *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. [Вып. 1.]. С. 24–51.

(Очерк 1)[7]. Далее в настоящем издании помещена обобщающая статья «Монастырские книжные центры Новгородской республики», состоящая из описательной части и Материалов к каталогу новгородских монастырей (Очерк 2)[8]. В сжатом реферативном изложении содержание этого исследования было представлено в более поздней журнальной публикации «Монастыри новгородские (до XVI в.)» (Очерк 3)[9]. Завершает первую часть книги небольшая заметка о монастырях на "святых горах" Великого Новгорода (Очерк 4)[10].

Часть 2, состоящая из девяти очерков, посвящена отдельным новгородским сюжетам, произведениям, персонажам, и называется «Люди и книги Великого Новгорода». Открывает её статья «Повести древних лет», в которой анализируется цикл новгородских и афонских сочинений, принадлежащих руке одного автора, возможно, Пахомия Серба (Очерк 1)[11]. В статье, посвящённой правке текста в Синодальном списке Новгородской первой летописи, рассматриваются «промосковские» исправления, сделанные, вероятно, дьяком Степаном Бородатым (Очерк 2)[12]. Запись в Синодике, в которой поминаются посадник Великого Новгорода Афанасий Остафьевич Груз и его род, была проанализирована в статье для сборника памяти Елены Константиновны Ромодановской (Очерк 3)[13]. Творческому наследию обитателя северной окраины Новгородского государства игумена Досифея Соловецкого посвящено исследование, в котором рассматривается его деятельность как

[7] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб.: «Наука», 1991. С. 78–98.

[8] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. С. 3–123.

[9] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Монастыри новгородские (до XVI века) // София. 2011. № 1. С. 16–23.

[10] Первая публикация: *Бобров А. Г.* «Святые горы» Великого Новгорода: О символических смыслах пригородных монастырей «на горах» // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы Международного симпозиума / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2017. С. 79–81.

[11] Первая публикация: *Бобров А. Г.* «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 136–171. Читателю этой работы следует учитывать дополнения и уточнения, сделанные Д. М. Буланиным (*Буланин Д. М.* Заметки библиографа // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2012. Вып. 2: Вторая половина XIV-XVI в. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. С. XXI).

[12] Первая публикация: *Бобров А. Г.* «Рука Москвы»: Правка текста в Синодальном списке Новгородской первой летописи // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 140–163.

[13] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Поминальная трапеза в Лисицком монастыре в конце XV века // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 133–147.

писателя и как книжника (Очерк 4)[14]. Две взаимодополняющие статьи в настоящем издании посвящены единственному списку Стишного Пролога русской редакции, авторской работе пока анонимного книжника 1510-х гг. из «владычных монастырей» Великого Новгорода. В первой более ранней статье анализируются тексты житий новгородских святых из этой рукописи (Очерк 5)[15], а во второй доказывается новгородское происхождение самого манускрипта (Очерк 6)[16]. Следующая статья посвящена жизнеописанию новгородского святого Ксенофонта Робейского, сохранившемуся в единственном позднем списке (Очерк 7)[17]. Завершают эту часть книги две историографические работы, посвященные академикам А. А. Шахматову и Д. С. Лихачёву как основоположникам текстологического исследования новгородского летописания (соответственно, Очерки 8 и 9)[18].

Часть 3 состоит из статей о летописании Великого Новгорода. Одна из книг, созданных в Лисицком монастыре, представляла собой некую летопись, датированную 1450 г. Эта рукописная книга не сохранилась до наших дней, но более поздний летописец составил её описание и скопировал запись переписчика. Из попытки понять, что же представляла собой Лисицкая летопись 1450 г., родился интерес к истории новгородского летописания, которое почти всегда велось в монастырских или церковных книжных центрах. Этой теме был посвящён цикл статей, опубликованных на протяжении 1993–2003 гг., докторская диссертация (1996 г.) и основанная на

[14] Первая публикация: *Бобров А. Г.* К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 27–61.

[15] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Т. 2. СПб., 2011. С. 565–575.

[16] Статья ранее не публиковалась. Она была написана для журнала Rossica Antiqua, который более не издаётся. В тезисном изложении см.: *Бобров А. Г.* Стишной Пролог русской редакции: время и место создания // Шестые Лихачевские чтения. Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие». Тезисы докладов. СПб., 2021. С. 16–19.

[17] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие / Сборник статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257–268.

[18] Первые публикации: *Бобров А. Г.* 1) А. А. Шахматов и спорные вопросы раннего новгородского летописания // Академик А. А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб., 2015. С. 242–250 (Очерк 8); 2) Д. С. Лихачев как исследователь новгородских летописей (Диссертация «Новгородские летописные своды XII века») // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 128–141 (Очерк 9).

ней книга (2001 г.). Статья «Из истории летописания первой половины XV века» была первой публикацией по новой для меня теме. В ней были пунктирно намечены многие сюжеты, получившие дальнейшее развитие и частично пересмотренные в последующих работах (Очерк 1)[19]. Следующие далее в настоящем издании Очерки 2–7 воспроизводят отдельные статьи о новгородском летописании, опубликованные в различных изданиях, которые впоследствии (или параллельно), как правило, в сокращенном виде, вошли в книгу «Новгородские летописи XV века»[20]. Можно сказать, что эти статьи в совокупности представляют собой первую пространную редакцию книги 2001 г. и в значительной степени совпадают с нею (см. в сноске 20 указания на параллельные места). Завершающие эту часть настоящего издания две статьи посвящены «Летописи Авраамки» и являются дальнейшим развитием намеченных ранее направлений исследования в связи с подготовкой нового издания летописного памятника[21]. В первой из этих работ анализируется сохранившийся в единственном Виленском списке текст заключительной части «Летописи Авраамки» (Очерк 8)[22], а во второй исследуется судьба самой этой рукописи (Очерк 9)[23].

---

[19] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV века // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3–20.

[20] Первые публикации: *Бобров А. Г.* 1) Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 89–101 (Очерк 2), ср.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001 (далее сокр. – Новгородские летописи). С. 111–128; 2) Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 187–191 (Очерк 3), ср.: Новгородские летописи. С. 84–92; 3) Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 51. С. 107–136 (Очерк 4), ср.: Новгородские летописи. С. 167–194; 4) Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // ТОДРЛ. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. Т. 50. С. 359–373 (Очерк 5), ср.: Новгородские летописи. С. 194–214; 5) Летописный свод митрополита Фотия: (Проблемы реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. Т. 52. С. 90–130 (Очерк 6), ср.: Новгородские летописи. С. 128–160; 6) Летописание Великого Новгорода второй половины XV в. // ТОДРЛ. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 53. С. 90–121 (Очерк 7), ср.: Новгородские летописи. С. 218–242. В последней из перечисленных статей в Приложении на с. 559–575 был опубликован ранее не публиковавшийся «Летописец епископа Павла» (см. с. 564–580 в настоящем издании); в монографии этого текста нет

[21] Полное собрание русских летописей. СПб., 2018. Т. 44: Летопись Авраамки / Сост., предисл. А. Г. Бобров, А. М. Введенский, Н. А. Морозова; Отв. ред. А. В. Майоров. 2-е изд., испр. и доп. 224 с., 7 илл.

[22] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники: Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 124–151.

[23] Первая публикация: *Бобров А. Г.* Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки // Славянская Библия в эпоху раннего книго-

В Приложении помещены авторские переводы на современный русский язык трёх новгородских сочинений XV-XVI вв.: Жития Арсения Коневского[24], Официального новгородского летописания за 1429–1448 гг.[25] и Повести о походе Ивана IV на Новгород в 1570 г.[26] Завершают книгу Список моих опубликованных работ за 1982–2023 гг. и Указатель личных имен.

Поскольку вошедшие в данное издание работы были написаны в разное время как отдельные самостоятельные публикации, в них неизбежны повторы, но присутствует и развитие научной мысли, например, от высказанной в примечании догадки к более или менее аргументированной гипотезе.

Посвящаю эту книгу моим коллегам, с которыми, несмотря на споры и разногласия, мы объединены общей любовью к древним рукописям и к Великому Новгороду. Особенно я благодарен за доброжелательность и советы, помимо названных выше учителей, моим друзьям – «рукописникам» Вячеславу Михайловичу Загребину (1942-2004), Елене Михайловне Шварц, Павлу Андреевичу Медведеву (в том числе за изготовление новых фотографий для этой книги), Владимиру Павловичу Бударагину и Глебу Валентиновичу Маркелову.

А. Г. Бобров
17 мая 2023 г.

печатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2017. С. 314–322.

[24] Первая публикация: Житие Арсения Коневского [перевод на совр. рус. яз.] // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13: XVI в. С. 155–181.

[25] Первая публикация: Официальное новгородское летописание первой половины XV века (за 1429–1448 годы) [перевод на совр. рус. яз. и комм.] // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб., 2006. С. 319–332.

[26] Первая публикация: Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году [перевод на совр. рус. яз. и комм.] // Русские летописи XI–XVI веков. С. 425–433.

ЧАСТЬ 1

КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

ОЧЕРК 1

КНИГОПИСНАЯ МАСТЕРСКАЯ ЛИСИЦКОГО МОНАСТЫРЯ (КОНЕЦ XIV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV В.) [1991 г.]

Лисицкий (на Лисьей или на Лисичьей горке) монастырь Рождества Богородицы находился в 7 верстах от Новгорода по Московской дороге, на берегу Малого Волховца[1]. В летописях он упоминается впервые под 1389 г., по-видимому, как уже существующий[2], а в XVIII в. он был упразднен.

Истории лисицкого книгописания было посвящено несколько строк в исследовании В. С. Иконникова, который отметил, что в монастыре был переписан в 1397 г. Тактикон Никона Черногорца, около 1400 г. – сборник с поучениями Ефрема Сирина, в 1431 г. – поучения Исаака Сирина; а в 1450 г. был составлен летописный свод «повелинием инока Геронтия»[3]. А. И. Семенов добавляет к этим сведениям еще Евангелие 1496 г.[4]; Г. И. Вздорнов отмечает существование связей между Лисицким монастырем и Афоном[5]; Н. Н. Розов указывает на рукописи из Софийского собрания ГПБ, принадлежавшие ранее Лисицкому монастырю, и на список с Лисицкого оригинала в Соловецкой библиотеке[6]. Оформлению

[1] *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 197–198; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877. Стб. 98–99.

[2] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1 (Новг. IV летопись). С. 367 («И на Лисицьи горке поставиша церковь древяную Рожество святыя Богородица». Ср. здесь же: «И на Сокольи горке поставиша церковь древяну святаго Николу, и манастырь устроиша»).

[3] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 703–704.

[4] *Семенов А. И.* Лисицкий монастырь – пригородный центр Новгородского книгописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 369–373.

[5] *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 171–198.

[6] *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография: По новгородско-псковским материалам // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 39.

рукописей, созданных на Лисьей горе, посвящена часть диссертации Т. Б. Уховой[7]. В нашей статье 1985 г. приведен обзор известных в то время 16 рукописных книг конца XIV – начала XVI в., связываемых с Лисицким монастырем, и дана общая характеристика этого монастыря как книжного центра средневекового Новгорода[8]. В этой статье было показано, что расцвет книгописания в Лисицком монастыре относится к концу XIV – первой половине XV в. Настоящая статья посвящена более пристальному анализу рукописных книг этого периода, связанных с Лисицким монастырем или созданных в его книгописной мастерской.

Большая часть изучаемых книг сохранилась до наших дней, лишь две не сохранились, но мы имеем письменные свидетельства об их существовании. Из записей писцов на некоторых книгах их связь с Лисицким монастырем в конце XIV – первой половине XV в. очевидна, в других случаях эта связь предполагается с большей или меньшей вероятностью на основании кодикологических или искусствоведческих наблюдений. Приведем основные сведения о рукописных книгах, являющихся предметом данного исследования.

1. **Устав монастырский**, вероятно, Афонско-Иерусалимской редакции. 80–90-е гг. XIV в. Пергамен (?). Привезен иноком Лисицкого монастыря Арсением, впоследствии св. Арсением Коневским, с Афона (согласно его житию, «еще же и устав иноческаго жительства от Святыя горы съ собою принесе» (ГПБ, Мих. Q.149, л. 43)[9]. Рукопись не сохранилась.

В Житии Арсения рассказывается, что он отроком был отдан родителями учиться ремеслу, «и тако вскоре изучися художеству сему, и бысть ковачь меди». Вскоре он оставляет родителей «и имения, и стяжания, и всехъ житейскихъ отвергая, и иде во единъ отъ манастырей, зовомый Лисья гора, и восприя на ся святый ангельский образъ» (л. 45). Здесь у Арсения появляется желание идти «во Святую гору Афонскую, и помышляющу ему о семь непрестанно, и се в то время приидоша старцы отъ Святыя горы в Великий Новъградъ» (л. 45 об.). По благословению игумена Лисицкого монастыря Арсений вместе с афонскими старцами «отходит» на Святую гору, где живет в разных монастырях три года. Афонский игумен Иоанн

[7] *Ухова Т. Б.* Художественное оформление древнерусских рукописных книг. Конец XIV–первая треть XV века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1974. 16 с.

[8] *Бобров А. Г.* Из истории книгописания Лисицкого Новгородского монастыря в конце XIV–начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Сб. науч. тр. Л., 1985. С. 10–16.

[9] *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 58–59. Списки жития, использованные нами: ГПБ, собр. Михайловского (далее – Мих.), Q.149 (л. 42 об. и далее) и Q.360 (оба – XVIII в.). Здесь и далее житие цитируется по более исправному списку Мих. Q.149. В текстах начиная с XV в. ѣ передается как «е», ѧ – как «я», ѫ – как «у».

благословляет Арсения основать новый монастырь и дает ему «икону пречистыя Богородицы, яже во обители блаженнаго святогорская зватися обыче, такожде и **Уставъ Святыя горы**» (л. 47 об. – 48). Арсений «прииде въ великий Новъградъ съ благословениемъ Святыя горы» к архиепископу Иоанну (1388–1415 гг.) с просьбой благословить основание нового монастыря в честь Рождества Богородицы; «архиепископъ же благослови, и вдаде ему потребная». Далее в Житии рассказывается об основании Арсением монастыря на острове Коневец в Ладожском озере, о его новой поездке на Афон, о приезде в Коневский монастырь новгородского архиепископа Евфимия II («име бо сей архиепископъ Еуфимий велию любовь к преподобному Аръсению, понеже оба сии в начале постничества своего во единой обители, иже въ Лисичий горе, тако нарицаемой, пожиста» – л. 53), причем Евфимий дал Арсению «ветхий клобук свой белой носити» (!). Умирает Арсений, согласно житию, в 6952 (1444) г., 12 июня, пробыв «в чернечестве шестьдесять и пять летъ» (л. 55 об., 56 об.). Следовательно, дата его пострижения в Лисицком монастыре – ок. 1379 г.

2. **Тактикон Никона Черногорца**. 1397 г. 1°. 222 л. Пергамен. Основные записи: л. 222 – «В лѣт(о) 6905 (1397) г. при кнѧз(е) великомъ Васильи Дмитриевич(е) всея Руси, при мотрополитѣ (так!) Киприянѣ всея Руси, при архиеп(иско)пѣ новгородьскомь Иоанѣ списана бы(сть) книга сия с(вя)тыи Никонъ въ Великомъ в Новѣгородѣ, къ с(вя)тѣи Б(огороди)цѣ ч(ес)тному ея Р(о)ж(ес)тву на Лисичью горку, повелѣниемь того же архиеп(иско)па новгородского Иоана. Вынеслъ бо бѧше сия книгы с(вя)тыи Никонъ изъ С(вя)тое горы игуменъ Ларионъ того же монастырѧ, а тогда игуменьствующю Варламу, ученику его. А писали сия книгы два калугера, Яковъ да Пуминъ 20 днии и 4 днии, въ славу Б(ог)у и преч(ис)тѣи его м(а)т(е)ри вл(а)д(ы)ч(и)цѣ нашеи Б(огороди)ци, ч(ес)тному ея Р(о)ж(ес)тву. Аминь, шг шг шг шг шг шг шг». На том же листе полууставом XV в. – «Сп(а) си, Г(оспод)и, помилуи пр(еосвя)щ(е)н(о)го архиеп(ис)к(о)па Великого Новагорода вл(а)д(ы)ки Еуфимиа...» (ГПБ, F.п.I.41) (см. рис. 1)[10].

3. **Паренесис Ефрема Сирина с прибавлениями**. Конец XIV в. 1°. 225 л. Бумага. См.: *Бобров А. Г.* «Сказание Афродитиана» в домонгольском переводе: Вопросы текстологии // Древнерусская литература: Источниковедение. Сб. научных трудов. Л., 1984. С. 24. Здесь указаны как близкие филиграни в альбоме Мошина и Тралича: «колокол» 1394 г.

[10] *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]. Л., 1953. С. 36 (здесь же библиография).

и «полумесяц» 1399 г.[11] Е. М. Шварц в процессе описания рукописи для Сводного каталога справедливо уточнила, что филигрань «колокол» в рукописи ближе к изображению в том же альбоме, № 2888 (1381/1385 гг.)). Запись писца: л. 225 – «Сия книгы б(ог)од(у)х(о)вныя на сп(а)с(е)ние ч(е)л(о)в(е)комъ и на отупущение (так!) д(у)ши грѣховъ. И аще чести ихъ и к тому творити повелѣное ими, то от Б(ог)а прославитсѧ и от с(вя)тыхъ его сугубь бл(а)г(осло)в(е)ние въсприиметь, и въ ц(а)р(с)твии н(е)б(ес)нѣмь великъ наречетсѧ. Написаны же быша по бл(а)г(ослове)нию доброизволениемь г(осподи)на игумена Тарасия и с(вя)тыя его братия въ ц(е)рк(о)вь с(вя)тыя Б(огороди)ца, възываемо на Лисичьи горѣ, рукою многогрѣшнаго иереа инока Савы» (ГПБ, F.I.202) (см. рис. 2)[12].

4. **Минея служебная** (сентябрь), Афонско-Иерусалимской редакции. Конец XIV в. 208 л. Пергамен. Запись: л. 1–2, скорописью XVII в. – «Книга Сентябрь м(еся)ць, Лис(ь)я м(о)н(а)ст(ы)ря» (ГПБ, Соф. 187) (см. рис. 3)[13].

Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря на основании того, что характер тиснения и набор басм ее переплета совпадают с переплетом ГПБ, F.I.202 (оба переплета первоначальные)[14].

5. **Синодик монастырский.** Конец XIV в. (л. 1–81, 90–155); XV в. (л. 82–89). 8°. 155 л. Пергамен (л. 1–81, 90–155); бумага (л. 82–89), филигрань – «голова быка», близко: Лихачев, № 3501 (1447 г.). Основные записи: л. 1 (рукой писца первоначального текста Синодика) – «Помилуй мя грѣшнаго Пумина»; л. 2, скорописью XVII в. – «Кн(и)га Лис(ья) м(о)н(ас)т(ы)ря». (ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 141)[15].

Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря на следующих основаниях: 1) монастырь, к которому относится Синодик, посвящен Рождеству Богородицы (л. 2 об.: «Вседеньник с(вя)тыя

[11] *Mošin V. A., Traljić S. M.* Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka. Zagreb, 1957. T. 1–2. № 2944 («колокол») – 1394 г. и № 3432 («полумесяц») – 1399 г.

[12] *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славянороссийских рукописей ... графа Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 117–118 (нач. XV в.).

[13] *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. С. 48.

[14] Интересно также, что текст только одной службы в Минее – на 8 сентября («Рожеству Богородицы», л. 58–62 об.) – размечен писцом пометами интонационного (?) характера – киноварными крестиками между синтагмами. Напомним, что Лисицкий монастырь был посвящен именно Рождеству Богородицы.

[15] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 44–45, 77; Каталог славяно-русских рукописных книг XI– XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 2. С. 307–308.

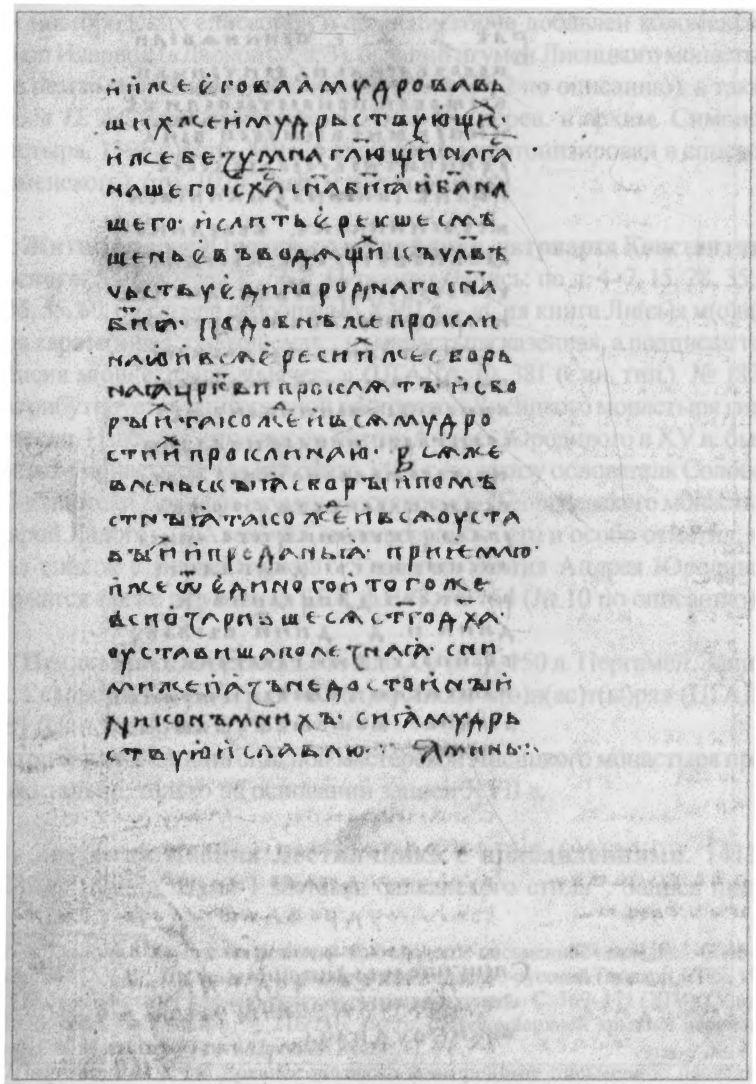

Рис. 1. Почерка двух писцов – Якова и Пимена, 1397 г.
(ГПБ, F. п. 1.41. Л. 221 об. – 222)

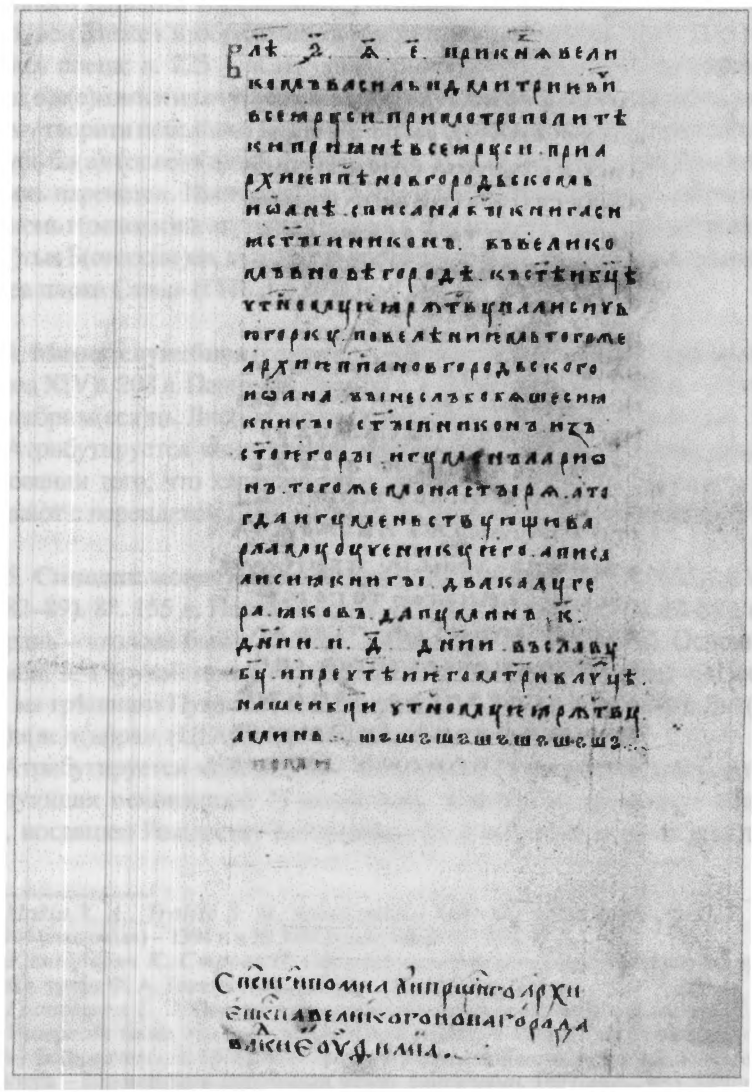

Рис. 1 (продолжение)

Б(огороди)ца ч(ес)тнаго ея Р(о)ж(ес)тва»); 2) писец Пимен («Пуминъ») известен как переписчик Тактикона 1397 г. (F.п.I.41); 3) к списку поминаемых новгородских епископов и архиепископов добавлен коломенский епископ Иларион («Ларионъ», л. 3), бывший игумен Лисицкого монастыря (см. о нем выше, запись в рукописи F.п.I.41 (№ 2 по описанию), а также: *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 98 (перев. в архим. Симонова монастыря, 1396 г.), стб. 149 (26 авг. 1406 г. хиротонизирован в епископа Коломенского), стб. 1029 (умер 9 марта 1408 г.)).

6. **Житие Андрея Юродивого и Епифания, патриарха Константинопольского**. XIV–XV вв. 1°. 66 л. Пергамен. Запись: по л. 4–7, 15, 28, 35, 43 об., 46, 55, 60, 66 скрепа скорописью XVII в. – «Сия книга Ли(сь)я м(о)н(ас) т(ы)ря харате(и)ная, гл(агол)емая... из манастыря казенная, а подписал того же Лисия м(о)н(ас)тыря д(ь)ячек...» (ЦГАДА. Ф. 381 (Син. тип.). № 182)[16].

Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря гипотетически. Известно, что список Жития Андрея Юродивого в XV в. был в Лисицком монастыре, так как около 1494 г. по заказу основателя Соловецкой библиотеки Досифея игумен «застенский» (Георгиевского монастыря в Старой Ладоге – ?) Алексий Смола переписал его и особо отметил, что «имал список с Лисьей горки»[17]. Главы из Жития Андрея Юродивого содержатся также в рукописи ГБЛ, ф. 173, № 154 (№ 10 по описанию).

7. **Псалтырь гадательная**. Начало XV в. 4°. 150 л. Пергамен. Запись: на л. 1 скорописью XVII в. – «Кн(и)га Лисья м(о)н(ас)т(ы)ря» (ЦГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 33)[18].

Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря предположительно, только на основании записи XVII в.

8. **Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями**. 1411 г. 4°. 289 л. Бумага. На л. 1 заставка балканского стиля[19]. Запись писца:

---

[16] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие... С. 46–47, 258–259, 384 (XV в.); *Лисицын М.* Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911. С. 203 (XIV в.); Каталог славяно-русских рукописных книг... С. 169–171 (XIV–XV вв.).

[17] ГПБ, собр. Соловецкое, № 216/216, внутр. сторона верхней крышки переплета: *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси... С. 39.

[18] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие... С. 248–249; *Погорелов В.* Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1901. Ч. 1, вып. 3: Псалтири. С. 68–74. В. Погорелов отметил, что гадательные записи на полях носят следы новгородского говора (с. 72).

[19] Воспроизведена в кн.: *Вздорнов Г. В.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII–начала XV веков. М., 1980. Кат. № 74; здесь же основная библиография рукописи.

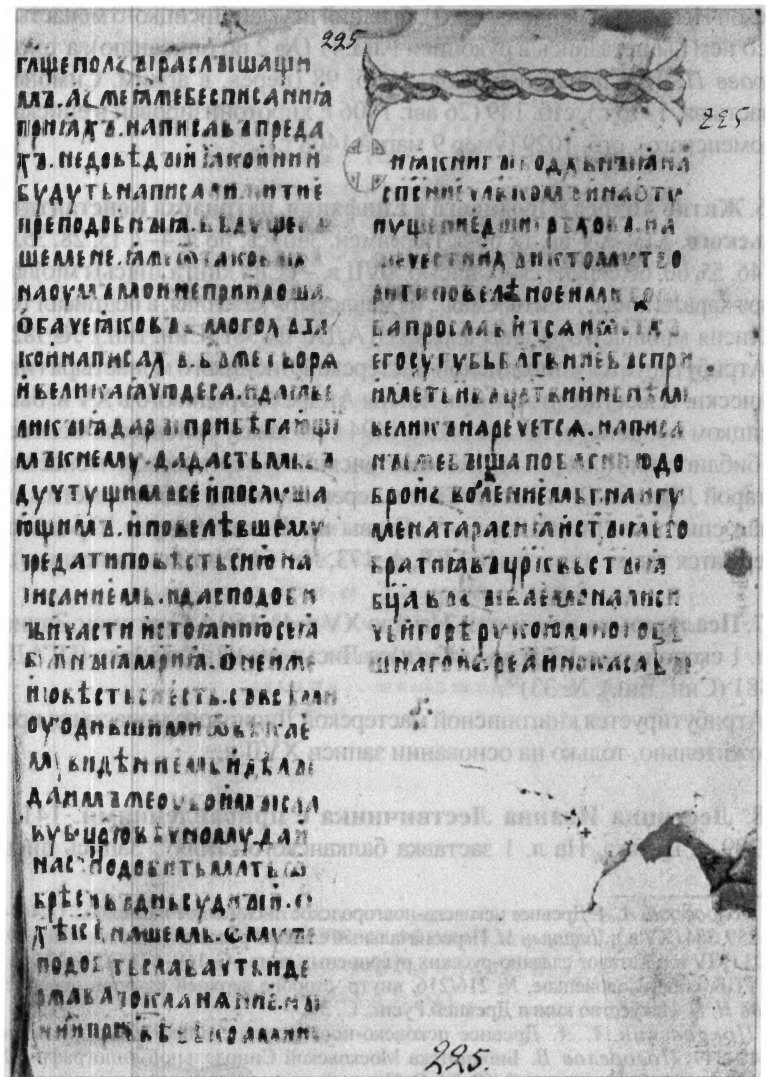

Рис. 2. Запись писца Савы, около 1400 г. (ГПБ, F. I. 202. Л. 225).

л. 252–252 об. – «Помощию с(вя)тыя Тро(и)ця съписася книга сиа, еи же именование Лествица, на имя с(вя)щенноиноку Матфею рукою грубаго и худаго, страннаго, последняго во иноцехъ, смереннаго многыми грехы Варлама. Слав(а) съверъшителю Б(ог)у и пр(е)ч(и)стеи его м(а)т(е)ри въ векы, аминь. Ты же, възлюбленныи о с(вя)темъ д(у)се о с(вя)щенне Матфее, Х(рист)а ради не сътвори мя забвена, егда предстоиши пред пр(е)ст(о)ломъ славы, и ту да помянеши мя // (л. 252 об.) въ с(вя)щенныхъ ти м(о)л(и)твахъ, а не сътвори мя забвена грубости ради писаниа. В лет(о) 9620 (1411 г.) написася б(о)ж(е)стьвнаа Лествица м(е)с(я)ца октовриа в 14 д(е)нь на память с(вя)т(ы)хъ м(у)ч(е)никъ Назариа, Геврасиа, Протасиа, Келесиа въ обители пр(е)под(о)бнаго иигумена Сергиа. В то ж лет(о) и с(вя)щена быс(ть) ц(е)ркви в тои же обители м(е)с(я)ца семптямриа въ 25 д(е)нь. О ленивыи Варламе, готовися къ ранамъ, близь ес(ть) конець»[20] (ГБЛ, ф. 304 (собр. ТСЛ), № 156).

Хотя в записи указано место написания рукописи – Троице-Сергиев монастырь, – есть основания относить ее к лисицкой книгописной школе. Т. Б. Ухова считает заставку этой рукописи «вполне чуждой канону Троицкого монастыря»[21]. «Выделение группы памятников, украшенных орнаментом, сходных с заставкой Лествицы, написанной иноком Варламом, – отмечает Т. Б. Ухова, – позволило обнаружить еще один канон, который... можно связывать с новгородским монастырем Рождества Богородицы на Лисичьей горке»[22]. Исследовательница считает Варлаама «новгородским мастером, работавшим в Троице-Сергиевом монастыре», выходцем из Лисицкого монастыря[23]. Действительно, в записи Варлаам называет себя «странным», что трудно понять иначе как «путешествующим, иной области, чужим, странником»[24] (или, принимая во внимание самоуничижительный контекст, – «бродяжничающим»). Варлаам с Лисичьей горки известен из приписки к Тактикону 1397 г. (см. выше), он же, видимо, упоминается в летописи под 1410 г. как архимандрит; до 1419 г. он архимандрит Юрьева монастыря в Новгороде[25].

---

[20] Эта запись была использована В. Н. Лазаревым для датировки «Троицы» Рублева, написанной, как он считает, для деревянной Троицкой церкви 1411 г. *(Лазарев В. Н.* Андрей Рублев и его школа. М., 1966. С. 33, 135–137).

[21] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль» в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: XIV–XV вв. М., 1984. С. 149.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 150.

[24] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 540–541.

[25] *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 45.

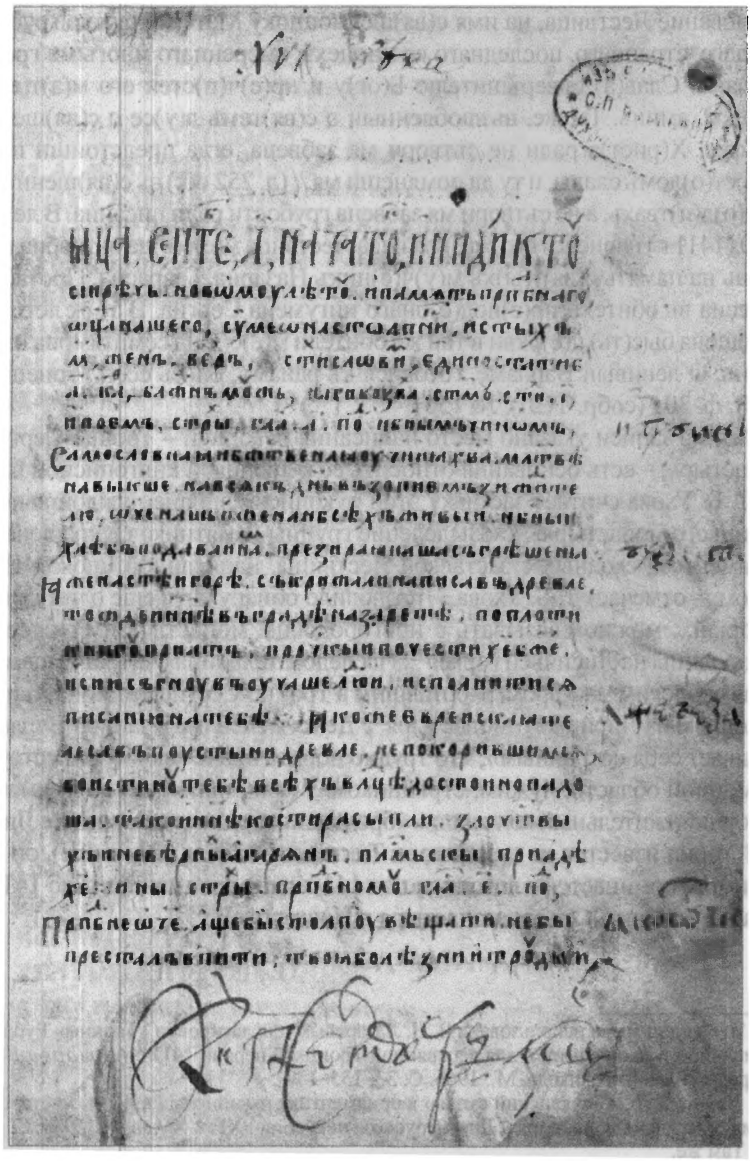

Рис. 3. ГПБ. Собр. Софийское. № 187. Л. 1

9. **Лествица Иоанна Лествичника.** 1418 г. 1°. 371 л. Бумага. На л. 2, 12 заставки балканского стиля. Основные записи: полууставом на л. 2 рукой писца – «Зачало сътворих о Х(рист)е книзе сеи август(та) въ 15»; на л. 371 – «В лето 6926 (1418 г.) конца достиже книга сиа, м(еся)ца марта въ 18, на памят(ь) с(вя)таго о(т)ца Курила Иер(уса)л(и)мьскаго. Того м(о)л(и)твами, Х(рис)те Б(о)же, помилуи нас. Аминь» (ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 34/159).

Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря на основании характера оформления рукописи[26].

10. **Сочинения Симеона Нового Богослова с прибавлениями.** 1420–1430-е гг. 1°. 450 л. Бумага. На л. 1 заставка балканского стиля. Записей нет (ГБЛ, ф. 173 (собр. МДА), № 154)[27].

Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря на основании характера оформления рукописи[28].

11. **Евангельские чтения.** Начало XV в. 1°. 150 л. Пергамен. На л. 2, 67 – заставки балканского стиля, на л. 83 – заставка тератологического стиля. На л. 1 выцветшие и стертые записи (ГПБ, F. п. I.19)[29].

Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря на основании характера оформления рукописи[30].

12. **Поучения Исаака Сирина и аввы Дорофея с прибавлениями.** 1431 г. 1°. 470 л. Бумага. На л. 1 заставка балканского стиля. Запись писца: на л. 470 – «В лето 6939 (1431 г.), индикта 9, м(еся)ца июля 2, конца достиже книга с(вя)таго Исака Сирина, въ обители преч(ис)тыя Б(ого)м(а)т(е)ре, ч(ес)тнаго ея Р(о)ждьства, на Лисичей горке, в пределехъ Великаго Новаго града, иеромонахъ Серапионъ Маза» (ГБЛ, ф. 304 (собр. ТСЛ), № 175)[31].

---

[26] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль»... С. 149.

[27] *Леонид, архим.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Троицкой Сергиевой Лавры.., ныне находящихся в Библиотеке Московской Духовной Академии. М., 1887. Вып. 2. С. 133–142.

[28] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль»... С. 149.

[29] *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. С. 56. (конец XIV–начало XV в.).

[30] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль»... С. 149.

[31] [*Иларий, иером., Арсений, иером.*]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. Ч. 1. С. 157–158; *Ухова Т. Б.* 1) Каталог миниатюр и гравюр собраний Троице-Сергиевой Лавры и Московской Духовной Академии // Зап. Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1960. Вып. 22. С. 104–105; 2) «Балканский стиль» ... С. 149; *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона... С. 196.

На основании этой записи Т. Б. Ухова связывает особый вариант орнамента «балканского» стиля с Лисицким монастырем.

13. **Летописец Лисицкий.** 1450 г. 4° (в «полдесть»). Бумага (?). Ветхий («держан»). Рукопись не сохранилась.

Известен из записи в Новгородской II летописи (л. 147 об.): «В лето 6958 (1459 г.) написа бысть сия книга в летописець во обители пречистеи Рожества на Лисьи гори повелинием раба божия дьякона инока Геронтия, в полдесть, держанъ. В лето 7000 восмъдесятага (1572 г.) месяца февраль въ 5, вторник, а служилъ того дни // (л. 148) в манастыри на Лисьи горе обидню и смотрил в манастыри книгы литопистца церковнаго. А сказывал, что литописець Лесицкои добри сполна, ажо не сполна. Развие написано в летописце в Лесуцкомъ владыкы Навгороцькые, не вси сполна писаны, развие до владыкы Еуфимия Навгороцького. А смотрил въ кельи у старца у келаря у Деонисия»[32].

Приведенный выше материал не только способствует составлению полного каталога древнерусских рукописей, сгруппированных по принципу их владельческой принадлежности (или места написания), но и позволяет сделать ряд наблюдений об особенностях книгописания в Лисицком монастыре конца XIV–первой половины XV в.

Комментируя приведенные описания, в первую очередь следует обратить внимание на «афонские» связи книжников Лисицкого монастыря. Как видно из описаний, инок Арсений и игумен Иларион совершили «хожения» на Святую гору и «принесли» оттуда рукописные книги – Устав монастырский (№ 1) и Тактикон Никона Черногорца (№ 2)[33]. Оба доставили книги не в сам монастырь, а к новгородскому архиепископу Иоанну, который разрешил Арсению основать новый монастырь и «повелел» снять копию с рукописи, привезенной Иларионом. Это обстоятельство кажется нам не случайным. Многие факты говорят о том, что в конце XIV–первой половине XV в. Лисицкий монастырь постоянно связан с «владычным двором». Источники указывают, например, что в 1400 г. в монастыре умирает «владычень брат» (т. е. брат архиепископа Иоанна) Василий[34],

[32] ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 194–195 («Новгородская вторая (Архивская) летопись»).

[33] В конце XIV в. связи Новгорода с Афоном были весьма активными. Так, например, в «Сказании Епифания мниха о пути к Иерусалиму» и в «Хождении архимандрита Грефенья обители пресвятыя Богородицы» (конец XIV в.) указаны маршруты путешествия в Византию (и на Афон) из Великого Новгорода (*Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 77–78). В это время (1378 г.) новгородцы приглашают для росписи церкви Спаса Преображения на Ильиной улице Феофана Грека.

[34] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 104.

в 1421 г. «владычень ключник с Лисьи горки» Арсений упоминается в числе кандидатов на архиепископскую кафедру[35], Евфимий II в 1429 г. избран архиепископом из игуменов Лисицкого монастыря[36], сюда же в 1458 г. отправляется, заболев, и здесь умирает[37] и т. д.

Об «афонских» связях Лисицкого монастыря свидетельствует и запись писца Серапиона в сборнике 1431 г. (№ 12) о том, что переписанное здесь «Слово постническое» Максима Исповедника было переведено с греческого на Афоне всего шестью годами раньше – в 1425 г. – Иаковом «Доброписцем»[38]. Троицкие списки этого слова, по предположению Р. П. Дмитриевой, являются копиями Лисицкого[39]. Г. И. Вздорнов отмечает следующую закономерность: рукописи из Константинополя шли в Московские монастыри, а с Афона – в Новгород и Тверь[40]. Необходимо отметить, что для конца XIV–первой половины XV в. известны лишь две новгородские рукописи, в которых афонский оригинал засвидетельствован записью переписчика, и обе они связаны с Лисицким монастырем (№ 2 и № 12). Другие каналы поступления книг с Афона в Новгород, несомненно, были в этот период, но документально не зафиксированы. Существует еще несколько фактов, говорящих о связи монастыря с афонской книжной традицией.

В пяти рассматриваемых рукописях (№ 8, 9, 10, 11, 12) имеются заставки балканского стиля. По мнению Т. Б. Уховой, они созданы по одному канону, сложившемуся в монастыре на Лисичьей горе под влиянием именно афонской традиции, причем независимо от канона, созданного в книгописной мастерской Троице-Сергиева монастыря[41].

К проблеме влияния афонской традиции на книгописание Лисицкого монастыря примыкает вопрос о переходе в Новгородских землях от Студийского к Афонско-Иерусалимскому уставу и о роли книжников Лисицкого монастыря в этом процессе.

Как известно, переход от древнего Студийского к более новому Афонско-Иерусалимскому уставу и, следовательно, к новым редакциям книг, отражающих литургическую и дисциплинарную практику, совершался

[35] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 110.

[36] Там же.

[37] Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 21 («Повесть о Евфимии»).

[38] Л. 420 об.: «Преведено от гръчьска языка на русиискы на с(вя)тои горе Афонстеи в лето 6933 (1425 г.) кур Иаковом доброписцем убогому Евсевию иноку».

[39] *Дмитриева Р. П.* Четьи сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 158.

[40] *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 178, 195.

[41] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль»... С. 149, 151.

в Московской Руси при митрополите Киприане (1389–1406 гг.)[42]. В Новгороде, как показало исследование Е. М. Шварц, служебные минеи, составленные по новой редакции, появляются лишь при архиепископе Евфимии II в конце 30-х – начале 40-х годов XV в.[43] Только сентябрьская служебная минея из Лисицкого монастыря, датируемая концом XIV в. (№ 4), содержит текст Афонско-Иерусалимской редакции. Если учесть, что Тактикон Никона Черногорца определяет дисциплинарную практику Афонско-Иерусалимского устава, а его оригинал был доставлен лисицким игуменом с Афона (№ 2), то можно сделать вывод: в конце XIV в. в Лисицком монастыре уже знали и могли использовать новый для Новгородских земель церковный устав. Вполне вероятно, что и Лисицкая служебная минея восходит к афонскому оригиналу, тем более что на ее текст, как отметил М. Лисицын, оказал влияние сербский церковный устав[44]. В круг уставных текстов следует включить и сборники Уставных чтений. XIV–XV века – это время, когда переводятся, возникают разные по составу сборники Уставных чтений[45], интенсивно пополняются новым литературным материалом сборники, появившиеся на Руси ранее и переводные «гомилиарии», идет процесс идейного и литературного оформления нескольких типов древнерусской четьей книги. Вероятно, эти процессы связаны с распространением на Руси Афонско-Иерусалимской редакции церковного устава. Из лисицких рукописей этого периода (конца XIV в.) к числу сборников Уставных чтений относится Паренесис Ефрема Сирина: «...по уставу патриарха Алексея... в течении седмиц четыредесятницы „чьтеться святый Ефрем до въторника цветьнаго“»[46].

В 20-х годах XV в. игуменом Лисицкого монастыря был будущий новгородский архиепископ Евфимий II (1429–1458 гг.). Здесь он мог познакомиться со служебными минеями новой редакции, которую впоследствии распространил по всей епархии.

Помимо связи Лисицких книжников конкретно с афонской традицией, можно отметить факты, свидетельствующие об общем византийском и южнославянском влиянии на деятельность этого книгописного центра.

[42] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1: Восточная агиология. С. 36.

[43] *Шварц Е. М.* О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. ст. Л., 1984. С. 82–85.

[44] *Лисицын М.* Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911. С. XII, 320.

[45] *Черторицкая Т. В.* Уставные чтения // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 271–273.

[46] *Виноградов В. П.* Уставные чтения: Проповедь книги. Историко-гомилет. исслед. Сергиев Посад, 1914. Вып. 1. С. 43.

Текст одного из произведений, содержащихся в Паренесисе Ефрема Сирина с прибавлениями (№ 3) – апокрифического переводного «Сказания Афродитиана», – как показало исследование, отличается от большинства других списков: вставлены несколько фраз, отсутствующих в других славянских списках, но имеющих соответствия в известных нам греческих рукописях. Перевод этих фраз описателен, неточен, имеет лишь приблизительное соответствие в греческом тексте, а порой и просто неверен. Эта версия «Сказания Афродитиана» с правкой по греческому тексту была названа нами Новгородской редакцией[47]. Вслед за «Сказанием Афродитиана» в рукописи находится связанное с ним тематически «Пророчение о Христе в кумирнице елинска бога Аполона» – самый ранний из известных нам русских списков этого произведения. Гипотеза о сверке с греческим списком и наличие нового переводного памятника подкрепляют наши представления о связи Лисицкого монастыря с византийской книжностью. Стремление к точности соответствия греческого и древнерусского текстов «Сказания Афродитиана», неудовлетворенность старым переводом, побудившая редактора заняться его исправлением, – все это соответствует духу евфимиевской книжной реформы XIV в., предвозрожденческим веяниям эпохи. Книжников этого направления с их интересом к античности апокрифическое «Сказание Афродитиана» могло привлекать изображением языческих богов – Диониса, Геры, кумиров, а также архаическими мотивами текста[48].

Анализ репертуара книг мастерской Лисицкого монастыря показывает, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых на Руси традиционно связывается со «вторым южнославянским и византийским влиянием»[49], которое сопровождалось особым интересом русских людей к Византии, к переводной литературе с греческого[50]. Как отмечает Д. С. Лихачев, это влияние «принесло с собой новые темы, новые идеи и новый литературный стиль, в которых не без основания можно усматривать отражение веяний общеевропейского Предвозрождения»[51].

---

[47] *Бобров А. Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. С. 7, 13.

[48] *Бобров А. Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана»... С. 15.

[49] См.: *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность XIV–XV *вв.* // *Соболевский А. И.* История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 150–151; *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов. М., 1960. С. 95–171.

[50] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 80.

[51] Там же. С. 83.

Зачастую в рукописях, связанных с Лисицкой книгописной мастерской, находятся наиболее ранние русские списки новых переводных сочинений. Так, например, А. И. Соболевский указывает на два древнейших списка Тактикона – Лисицкий 1397 г. и Синодальный рубежа XIV–XV вв.[52] Анализ водяных знаков, сделанный Н. П. Лихачевым, позволил ему отнести Синодальный список к 20-м годам XV в.[53]; в таком случае Лисицкий Тактикон оказывается древнейшим пз всех известных русских списков этого памятника, причем оригинал его привезен с Афона, где, возможно, и был сделан перевод.

Самыми ранними в сохранившихся русских рукописях являются также уже упоминавшиеся лисицкие списки Новгородской редакции «Сказания Афродитиана», «Проречения о Христе в кумирнице елинска бога Аполона» (№ 3) и «Слова постнического» Максима Исповедника (№ 12), а также Синодика (№ 5) и Жития Андрея Юродивого (№ 6). Из-под пера лисицких книжников вышли и самые ранние из известных нам русских датированных списков Слов Григория Синаита и Исаака Сирина, «Глав добродетельных» Феодора Едесского, «Глав трезвительных» Филофея Синаита, «О восьми помыслах» Нила Философа (№ 8), сочинений Никиты Стифата, Илариона «Об отвержении мира» и Зосимы «Беседы душеспасительные о ярости» (№ 9)[54]. Как уже отмечалось, Минея служебная (№ 4), а, возможно, и Устав монастырский (№ 1), также относятся к новой, ранее не распространенной в Новгородской земле редакции.

Как упомянутые выше, так и многие другие сочинения в рукописях, связанных с Лисицким монастырем (Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, аввы Дорофея и др.), большей частью переводные, относятся к кругу монашеской литературы, получившей распространение на Руси в связи с проникновением из Византии и от южных славян идей исихазма. Культурная ориентация лисицких книжников на «новые веяния» просматривается в их «афонских» связях, в принятии церковного устава, распространителем которого был митрополит Киприан, и в репертуаре сочинений, которые они включали в свои рукописи. На основании этих фактов их можно отнести к «единомудренным» с Киприаном и Сергием Радонежским сторонникам «грекофильской иноческой партии»[55], представителям общежительного движения среди русского монашества. Не

[52] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV– XVI веков. СПб., 1903. С. 21.

[53] *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1889. Ч. 1. С. 121–124.

[54] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVI веков. С. 15–23.

[55] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.

случайно лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского или Кириллу и Ферапонту, уходит далеко на север и основывает новый (Коневский)[56] монастырь (учитывая афонское происхождение Устава, вероятнее всего, общежительный)[57].

Показательна в этом смысле судьба лисицкого игумена Илариона, путешествовавшего около 1396 г. на Святую гору и «принесшего» оттуда Тактикон Никона Черногорца. Напомним, что после 1385 г., когда новгородцы лишили митрополита права на апелляционный суд, церковные отношения между Москвой и Новгородом были напряженными. Так, например, в 1392 г. Киприан уехал, «на владыку и на всь Новъгородъ великое нелюбие дрьжа»[58]. Однако в 1395 г. он был принят в Новгороде дружественно[59], а в конце зимы 1396 г. побывавший в Москве архиепископ Иоанн был отпущен «съ благословениемъ и съ честию»[60]. В приписке 1396–1397 гг. к Тактикону, переписанному «повелением» архиепископа Иоанна, упоминаются великий князь Василий Дмитриевич и митрополит всея Руси Киприан, что в общем не свойственно новгородским рукописям периода независимости. Очевидно, в 1395–1397 гг. наступило некоторое смягчение в московско-новгородских отношениях, несмотря на то что добиться утраченного права на церковный суд Киприан так и не смог. Новое обострение отношений наступило в конце 1397 г. из-за Двинской земли, причем запись к Минее служебной 1398 г. (по Студийскому уставу!) гласит, что рукопись переписана «повелѣниемь архиеп(иско)па вл(а)д(ы)цѣ Ивана при посадницѣ Олександрѣ ц(е)с(а)ри. В то время послаша Новгородьци за Волокъ рать» (БАН, ОР, 34.7.5, л. 115)[61]. В связи с этим фактом можно высказать предположение, что неприятие новгородцами Афонско-Иерусалимского устава вплоть до конца 30-х годов XV в. могло иметь политический смысл как знак культовой (и шире – культурной) независимости от Москвы (подобно отказу митрополиту в церковном суде). В таком

[56] Согласно Новгородской IV летописи, – в 6906 (1398 г.); см.: ПСРЛ. Л., 1925. Вып. 4. Ч. 1. С. 382.

[57] Отметим, что и Лисицкий, и Коневский, и Симонов монастыри посвящены Рождеству Богородицы – празднику, который не мог не связываться в сознании современников с происшедшей в этот день Куликовской битвой. Как показал Г. М. Прохоров в книге «Повесть о Митяе», победа над Мамаем была и политической победой «иноческой партии» в борьбе со сторонниками церковного обособления и протатарской ориентации Великой Руси.

[58] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. С. 372 (Новг. IV летопись).

[59] Там же. С. 375.

[60] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 97 (Новг. I летопись).

[61] Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 106.

случае позиция лисицких иноков, принявших новый устав (хотя не из Москвы, а с Афона), выглядит как «объединяющая», противостоящая новгородскому сепаратизму. Возможно, именно эту позицию оценил по достоинству Киприан в лисицком игумене: в 1396 г. Иларион становится архимандритом известного Московского Симонова монастыря. В 1384 г. патриарх Константинопольский Нил дал грамоту «строити манастырь Симановский в патриарше имя... а митрополиту ничимъ, никоторыми делы не повиноваться, ни владети митрополиту манастырем Симановскимъ ничемъ»[62]. Иларион становится первым, главным игуменом русских монастырей, причем среди его «братии» – Кирилл и Ферапонт Белозерские, около 1397 г. отправившиеся основывать свои монастыри. 26 августа 1406 г. Иларион благословляется Киприаном в епископы Коломенские. Вскоре, в том же году, Иларион присутствует среди других иерархов на похоронах Киприана (ум. 16 сентября 1406 г.)[63], а 9 марта 1408 г. умирает сам Иларион[64].

Из приписки к Тактикону мы знаем, что у Илариона был «ученик», «игуменствовавший» на Лисьей горе во время путешествия учителя на Афон. Впоследствии, в 1410 г., Варлаам становится архимандритом Юрьевским, первым, главным игуменом Новгорода. По мнению В. Л. Янина, Варлаам, возможно, оставался при этом и лисицким игуменом[65]. Весьма вероятно, что именно он переписывает в Троице-Сергиевом монастыре Лествицу Иоанна Лествичника с прибавлениями (№ 8). Происходит это в 1411 г., когда в Троице-Сергиевом монастыре творили Андрей Рублев и Епифаний Премудрый. В 1418 г. архимандрит Варлаам принимает участие в примирении восставших новгородцев[66]. С 1419 г. он не упоминается источниками[67].

Наиболее известен из лисицких книжников игумен этого монастыря (до 1429 г.), впоследствии новгородский архиепископ Евфимий II, называемый Вяжищским. С тем же основанием его можно называть Лисицким: в Вяжищском монастыре он принял постриг и похоронен, а в Лисицком – игуменствовал и скончался[68]. Мудрый политик и покровитель культуры,

[62] ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 142 (Никоновская летопись). См.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... С. 176–177. Архимандрит Симоновского монастыря, видимо, являлся по традиции духовником великого князя.

[63] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 400 (Новг. IV летопись).

[64] *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 1029.

[65] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1077. С. 145.

[66] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 423.

[67] *Строев П. М.* Списки иерархов... Стб. 45.

[68] *Никитин В. А.* Житие и труды святителя Евфимия, архиепископа Новгородского // Богословские труды. М., 1984. Сб. 24. С. 260–307 (здесь же библиография).

Евфимий оставил о себе память во многих областях деятельности. Уже упоминалось, что он, подобно Киприану в Московской Руси, вводил в своей епархии Афонско-Иерусалимский устав. Именно при Евфимии, возможно, по его инициативе, в Новгород приезжает с Афона Пахомий Логофет (до 1438 г.)[69], будущий биограф новгородского архиепископа. Архиепископ, очевидно, сохранял связи с монастырем, где он ранее был игуменом. Об этом свидетельствует запись на Тактиконе Никона Черногорца (№ 2), сделанная при жизни Евфимия, а также его путешествие (согласно Житию Арсения) в Коневский монастырь для встречи со своим лисицким «сподвижником».

По мнению исследователей, с именем Евфимия связано создание некоторых летописных сводов, в том числе «свода 1448 года»[70]. Летописание при жизни Евфимия велось и в Лисицком монастыре. В Новгородской II летописи (далее – НIIЛ) под 1450 г. есть запись о написании книги «в летописець» на Лисьей горе, «повелинием» дьякона инока Геронтия, «в полдесть, держан» (№ 13). Непосредственно за ней, на том же л. 147 об., следует запись под 1572 г., принадлежащая, возможно, новгородскому архиепископу Леониду, о просмотре в Лисицком монастыре летописца, доведенного «до владыкы Еуфимия». Д. С. Лихачев[71], а вслед за ним и А. И. Семенов[72] на основании первой части этой записи считали Лисицкий летописец одним из основных источников сведений НIIЛ до 1450 г. Однако новое издание этой летописи в 30-м томе ПСРЛ, где текст издан в том же порядке, что и в рукописи, а не в «хронологическом», реконструированном, порядке, как ранее, дает возможность предположить, что записи под 1450 и 1572 гг. составляют единое целое. Автор записи 1572 г. составил описание просмотренного им Лисицкого летописца 1450 г., включив в него сведения о том, до какого времени доведено повествование («...до владыкы Еуфимия»), о приписке писца, о формате кодекса («в полдесть») и о его сохранности («держан», то есть подержанный). Кроме того, за период до 1450 г. в НIIЛ встречаются только два упоминания событий в Лисицком монастыре: пожар 1392 г. и строительство каменной церкви в 1393 г. В то же время не упоминаются: строительство деревянной церкви – 1389 г., «преставление» в Лисицком монастыре «владычня брата» Василия – 1400 г., роспись каменной церкви – 1403 г.

[69] *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1907. С. 11–16.

[70] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 151–160.

[71] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 444.

[72] *Семенов А. И.* Лисицкий монастырь... С. 370.

и строительство церкви Варлаама Хутынского (первой в Новгородских землях) – 1410 г. Важно также, что в НIIЛ нет уточнения при упоминании Илариона, епископа Коломенского, на погребении митрополита Киприана в 1406 г.: «...быв преже игуменомъ Лисицкои лавры (!)»[73]. Все эти сведения содержатся только в Новгородской IV летописи (далее – НIVЛ) и, кроме двух – пожара 1392 г. и преставления Василия 1400 г., – в Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК) (ГПБ, F.IV.603, л. 393, 293, 411 об., 413 об., 300 об.). Если бы действительно составитель НIIЛ использовал Лисицкий летописец 1450 г., вряд ли бы он сократил 5 из 7 известий, связанных с этим монастырем. Таким образом, вероятнее всего, Лисицкий летописец лишь упомянут в НIIЛ, но не являлся одним из ее источников до 1450 г.

Какой же новгородский летописный свод мог быть переписан «повелинием инока Геронтия» в Лисицком монастыре? Анализ известий об этом монастыре в летописных текстах показывает, что наиболее полно они отразились в НIVЛ (1389, 1392, 1393, 1400, 1403, 1406, 1410 гг.), НК (1389, 1393, 1403, 1406, 1410 гг.), восходящих, как показал Я. С. Лурье, к общему оригиналу[74]. Протографом этого новгородского свода и Софийской I летописи (далее – СIЛ) является знаменитый «свод 1448 года», однако в СIЛ летописи нет ни одного известия, связанного с Лисицким монастырем. Можно сделать вывод: летописных записей о монастыре на Лисьей горе не было в тексте «свода 1448 года», они появляются в своде-оригинале НIVЛ и НК, с которым и связан, видимо, Лисицкий летописец – свод Геронтия 1450 г. Эта гипотеза подтверждается еще одним обстоятельством. Для НК характерно «своеобразное расположение текста, разделенного на две подборки: с начала до 1411 г. и снова с 988 по 1428 г. («до владыкы Еуфимия»! Евфимий – архиепископ с 1429 г. – *А. Б.)*»[75]. Я. С. Лурье считает возможным, что уже в общем оригинале НК и НIVЛ, своде «явно новгородском», материал был расположен в виде двух подборок. В связи с этим обращает на себя внимание запись в Лисицком летописце 1450 г.: «Написа бысть сия книга в летописець». Употребление предлога «в» здесь кажется излишним, если не предположить, что название переписанной книги «в (2) летописець» (двойной / второй? летописец). Именно так можно

[73] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 400.

[74] *Лурье Я. С.* 1) Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–121; 2) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199–218; 3) Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199–200.

[75] *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема... С. 200.

было назвать летопись, разделенную на две подборки, или же охарактеризовать труд книжника, добавившего вторую подборку летописных известий к уже имеющейся.

Несомненная причастность архиепископа Евфимия к созданию свода – оригинала НК и НIVЛ позволяет объяснить, почему столь важный летописный памятник мог переписываться именно в Лисицком монастыре «повелинием» дьякона инока Геронтия[76].

Видимо, в последний раз Лисицкий монастырь оказывается в центре внимания спустя 8 лет после написания «свода Геронтия». В 1458 г. Евфимий, заболев, отправляется в этот монастырь, откуда «жребий» возвел его на кафедру новгородских владык. Здесь он и умирает. Пахомий Логофет описывает, как новгородцы, узнав о смерти Евфимия, стекаются в Лисицкий монастырь: «Вси путие, иже к тому монастырю ведущии, речным быстринам подобяхуся; вси скорбяху и вси тужаху...»[77]. Еще под 1496 г. в летописи Лисицкий игумен в перечне новгородских настоятелей монастырей назван пятым (после архимандрита Юрьевского, игуменов Антониевского, Хутынского и Вяжищского)[78], что определялось, видимо, не богатством, а авторитетом обители. Начиная с XVI в. монастырь на Лисьей горе перестает играть сколько-нибудь заметную роль в культурной жизни Новгорода. В XVIII в. монастырь упраздняется, а в XIX в. разрушается последняя постройка – каменная церковь Рождества Богородицы 1393 г., расписанная фресками в 1403 г. Сейчас на месте монастыря едва виден небольшой холм.

Э. С. Смирнова указала мне на еще одну лисицкую рукопись (14): Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями. 1431 г. 4°. 417 л.

---

[76] Нам не представляется невероятным отождествление лисицкого инока (в 1450 г.) Геронтия с митрополитом всея Руси Геронтием (до 1453 г. – архимандрит Симонова монастыря, в 1453–1472 гг. – епископ Коломенский, в 1472–1489 гг. – митрополит всея Руси). О возможности такого отождествления говорит путь Геронтия по ступеням церковной иерархии, аналогичный тому, который проделал ранее Иларион (Лисицкий монастырь – Симонов монастырь – Коломенская епископия), а также существование «посоха владыки Геронтия», созданного новгородскими мастерами в 1462 г. (см.: *Бочаров Г. Н.* Резьба по кости в Новгороде: X–XV века // Древний Новгород: История. Искусство. Археология. М., 1983. С. 129–140). Характерно, что летописный свод 80-х годов XV в., связываемый с именем митрополита Геронтия, содержит много отсутствующих в других летописях новгородских известий (рассказы из Жития Варлаама Хутынского, рассказ 1460 г. о том, как новгородский владыка Иона отговорил новгородцев от нападения на Василия II, об освобождении пленных новгородцев по просьбе владыки Феофила, о поездке Ивана III в Новгород, об отказе новгородского владыки Феофила от архиепископского престола; см.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 235–240).

[77] Памятники старинной русской литературы... Вып. 4. С. 21.

[78] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 144 (НIIЛ).

Бумага. На л. 2 заставка балканского стиля. Запись писца на л. 417: «В лето 6939 (1431) краа достиже сиа книга на горе Ли(с)» (ГБЛ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 200). См. *Востоков А.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума: СПб., 1842. С. 255–268.

Анализ книгописной деятельности в Лисицком монастыре позволяет утверждать, что на протяжении конца XIV–первой половины XV в. монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния. На протяжении более полувека монастырь на Лисичьей горе был своего рода «лицеем», готовившим крупных церковных деятелей (Арсений Коневский, епископ Иларион, архимандрит Варлаам, архиепископ Евфимий и, возможно, митрополит Геронтий). Широта и независимость взглядов лисицких книжников, можно сказать, древнерусских интеллигентов, позволила им сыграть важную роль в истории распространения церковного устава, книгописания в целом и летописания в частности.

ОЧЕРК 2

МОНАСТЫРСКИЕ КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ [2001 г.]*

Введение

Значение монастырей для христианской цивилизации трудно переоценить. По справедливому замечанию Д. С. Лихачева, «изучение монастырской культуры позволяет проникнуть в самую суть средневековой культуры в целом»[1], причем если западноевропейский тип культуры был по преимуществу городским и университетским, то русский – монастырским и библиотечным[2]. Во всяком случае, в XV–XVII вв. на Руси, несомненно, преобладающая часть литературных, исторических и публицистических произведений создавалась в стенах монастырей, и почти весь объем рукописной книжности переписывался в монастырских

*Исследование подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 99-15-96095 «Средневековая книжность Русского Севера».

Некоторые разделы или положения данной работы частично используют материал опубликованных ранее статей: *Бобров А. Г.* 1) Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV–начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 10–16; 2) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98; 3) Предисловие // *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 1–10 (1-я паг.); 4) Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257–268; 5) Лисицкий Рождества Богородицы монастырь // София. Новгород, 1997. № 1. С. 19–21; 6) Ксенофонтов Робейский монастырь // София. Новгород, 1998. № 3. С. 21–23; 7) Троицкий Клопский монастырь // София. 1999. № 2. С. 8–11; 8) К вопросу о древнейших скрипториях Великого Новгорода // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России: Сб. докладов конференции 17–21 ноября 1998 года, Москва. М., 1999. С. 42–50.

[1] *Лихачев Д. С.* Вступительное слово, произнесенное на открытии конференции «Монастырская культура: Восток и Запад» 2 июня 1998 года // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 5.

[2] Философы и историки о монастырях // Русские монастыри: Искусство и традиции. [СПб.], 1997. С. 8.

скрипториях и хранился в монастырских библиотеках. Можно сказать, что древнерусские монастыри с их библиотеками были «университетами» (или, точнее, «духовными академиями») своего времени. Значение монастырской традиции именно для Новгородской республики дополнительно подкреплялось тем обстоятельством, что представитель черного духовенства – новгородский владыка – являлся одновременно высшим должностным лицом государства, или, по словам рыцаря Гильбера де Ланнуа (1413 г.), «сеньором города»[3].

На территории существовавшей до 1478 г. Новгородской республики было много, не менее 130 монастырей, но в данном исследовании предметом изучения явились лишь те из них, которые находились в самом городе и в его ближних и дальних окрестностях (не далее 25 км) и существование которых засвидетельствовано письменными источниками не позже конца XV в. (вплоть до Новгородских писцовых книг 1490-х гг.). В новейшей работе новгородских исследователей пригородными монастырями считаются обители, расположенные в пределах примерно 12 км от вала Окольного города, хотя признается условность этих границ[4]. Большинство пригородных монастырей действительно находится в указанных пределах. Новгородские авторы рассмотрели топографию (и отчасти историю) 48 обителей, известных по письменным источникам, из которых 42 монастыря существовали в интересующий нас период и сведения о которых также вошли в нашу работу. Помимо этих монастырей мы включили данные о 9 городских обителях (т. е. оказавшихся внутри Окольного города в его границах XV в.) и о 7 пригородных монастырях, расположенных на расстоянии 15–25 верст от Новгорода.

Такое географическое и хронологическое ограничение привлекаемого в данной работе материала объясняется рядом причин. Хронологические границы, пожалуй, не требуют детального обоснования: ясно, что с присоединением Новгорода к Московскому государству начался новый период его истории, причем Новгородские писцовые книги 1490-х гг. отразили «процесс смены общественных укладов», что делает их особенно важными для изучения «великой северной республики эпохи независимости»[5]. Более того, как отметил В. Л. Янин, после утраты политической незави-

[3] Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy: 1399–1450. Paris, 1840. P. 190.

[4] *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 99. Пользуюсь случаем поблагодарить И. Ю. Анкудинова за возможность познакомиться с этим исследованием еще до опубликования, а также за ценные советы и консультации.

[5] *Баранов К. В.* Предисловие // Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. С. 6.

симости в 1478 г. Новгород сохранял экономическую самостоятельность на протяжении последующих 10 лет. Вотчинная система новгородского землевладения «не была еще подвергнута коренной ломке» вплоть до массового вывода 1488–1489 гг., а дипломатические прерогативы боярской элиты сохранялись еще дольше (судя по договору Новгорода с Ливонским орденом 1493 г.)[6]. Закрытие ганзейского двора в Новгороде состоялось лишь в 1494 г.[7] Наконец, в области книжного искусства в 1480– 1490-х гг. удалось «сохранить основы новгородских художественных традиций и обогатить их новыми качествами»[8]. Таким образом, в январе 1478 г. изменилась лишь система государственного управления, и хотя уже тогда на долгие годы прервалось ведение летописания и каменного строительства, во многих сферах культурной и экономической жизни Новгорода перемены наступали постепенно, на протяжении двух последних десятилетий XV в.

Что же касается географических границ, то, во-первых, примерно 25 км (20–25 верст) – это древнерусская мера расстояния, преодолеваемого за один день[9]. Именно в пределах этого расстояния находятся анализируемые здесь обители, причем более отдаленные монастыри находились уже не менее чем в 50 верстах от Новгорода (в Обонежской пятине – Отенский Покрова Богородицы, в 50 верстах и Папороцкий Николаевский,

---

[6] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 3–4.

[7] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 261–273.

[8] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. С. 113.

[9] См., например: «поприще» – «Црк. путевая мера, и вероятно суточный переход, около 20 верст» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 306), «Мера длины около 20 верст» (Словарь русских народных говоров. СПб., 1996. Вып. 30. С. 5); «Расстояние в один день пути» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 100), «Путевая мера в дневной переход» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1204); ср.: «днище» – «Расстояние, проходимое за день, равное дневному переходу» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 251), «Длина пути, пройденного за день» (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 132), «Расстояние в 20 верст, которое ненец может проехать в один день на тяжело груженых оленях» (Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8. С. 72), «сиб. День пути или денное расстояние» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 441). Между прочим, величина суточного перехода войск в Древней Руси живо обсуждалась исследователями в связи с географией событий, описанных в «Слове о полку Игореве», и определялась в достаточно широком диапазоне от 25–30 км и выше (см.: *Бобров А. Г.* Поход Игоря Святославича на половцев 1185 г. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 4. С. 161). По всей видимости, размерами дневного перехода определялся тот факт, что монастыри, расположенные в пределах 20–25 км от города, были включены в повседневную жизнь новгородцев.

в 53 верстах, а в Водской пятине – Николаевский с Клинска, в 50 верстах и Тесовский Успения Богородицы, в 60 верстах от Новгорода)[10].

Во-вторых, иноки монастырей, находившихся на расстоянии не более одного дня пути от города, действительно принимали самое деятельное участие в культурной и политической жизни Новгорода эпохи независимости. Так, например, игумен Троицкого Клопского монастыря Феодосий и монах той же обители преподобный Михаил Клопский, согласно Житию последнего, были все время вовлечены в разнообразные события городской жизни. Клопский монастырь постоянно посещают паломники (князья Константин Дмитриевич и Дмитрий Юрьевич Шемяка, посадники Григорий Кириллович и Иван Васильевич Немир, архиепископ Евфимий II и др.), а самого Михаила мы то и дело видим на улицах Новгорода[11]. Основатель Ксенофонтова Робейского монастыря, преподобный Ксенофонт, согласно его Житию, был непосредственно связан с Хутынской и Лисицкой обителями (см. об этом ниже). Не только Клопский и Ксенофонтов, но и другие монастыри, расположенные в дальних окрестностях города, судя по летописным известиям и по записям на листах рукописных книг, также оказываются тесно связаны с людьми и событиями новгородской жизни.

Д. С. Лихачев отметил, что кольцо обступивших город монастырей не только образовывало «редкий по красоте архитектурного ритма хоровод строений», но и «архитектурно организовывало <...> окружающую Новгород страну, делало Новгород органической, но вместе с тем и господствующей частью Новгородской области». «Новгород как город, – писал Д. С. Лихачев,– как бы оказывался в центре еще более грандиозного архитектурного замысла»[12]. Этот ансамбль складывался постепенно, на протяжении веков. Для удобства изложения материала наше исследование разделено на две части: посвященную домонгольскому периоду и XIV–XV вв.

Некоторые из монастырей Великого Новгорода не оставили после себя почти никаких следов в письменных источниках, кроме описаний в

[10] Возможно, также не позже конца XV в. был основан Антониев на Боженке монастырь, находившийся на левом берегу Волхова, против с. Змейска. До наших дней он не сохранился. Согласно В. В. Зверинскому, он располагался в 20 верстах к северо-востоку от Новгорода *(Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1897. Т. 3: Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. С. 16–17 (№ 1376)), однако на самом деле расстояние от границ Окольного города до места Антониева на Боженке монастыря равно приблизительно 30 км.

[11] Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 89–167.

[12] *Лихачев Д. С.* Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. М., 1959. С. 8–9.

Писцовых книгах или беглого упоминания в летописях. Другие являлись важными религиозными, культурными, экономическими и даже политическими центрами. Изучение их истории особенно важно, и в тексте данного исследования 10 из них посвящены отдельные очерки (для домонгольского периода это Антониев, Юрьев и Лазарев, а для XIV–XV вв. – Лисицкий, Хутынский, Деревяницкий, Ксенофонтов Робейский, Клопский, Пантелеймонов и Николо-Островский монастыри). В будущем предполагается посвятить исследовательские очерки такого рода и некоторым другим новгородским обителям.

В разделе II Приложения к исследованию приведены Материалы к каталогу «Монастырские книжные центры Новгородской республики», включающие сведения о 58 городских и пригородных обителях, существовавших до 1500 г. (это без малого половина всех обителей, находившихся на территории Новгородской республики).

Сведения о других монастырских книжных центрах новгородских пятин и северных колоний я надеюсь опубликовать в последующих работах.

1. Монастырские книжные центры Великого Новгорода в домонгольский период

1.1. Домонгольские монастыри в Новгородских землях

Среди средневековых монастырских библиотек, дошедших до наших дней в виде единых комплексов (рукописных собраний), как ни странно, практически не представлены те из них, которые происходят из обширных земель Великого Новгорода. На территории Новгородской республики было не менее 130 обителей, но их книжные собрания не сохранились до нового времени в виде более или менее целостных и представительных комплексов и оказались распыленными по различным хранилищам и коллекциям[13], поэтому при их изучении необходимо выявлять рукописные книги в архивах, библиотеках и музеях и пытаться реконструировать состав и историю складывания этих монастырских собраний.

История монастырских библиотек и скрипториев неотделима от истории самих обителей. Хотя Н. И. Костомаров полагал, что «монастыри

[13] Исключение составляет собрание Соловецкого монастыря, хранящееся в РНБ, но и оно начало активно формироваться лишь после падения Новгородской республики, в 90-х гг. XV в., при игумене Досифее (*Розов Н. Н.* 1) Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 294–304; 2) Соловецкая библиотека // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 311–338).

в Новгороде явились вместе с христианством», все же и он вынужден был признать, что «о монастырях в XI веке нет положительных известий»[14].

В целом вопрос о том, какие новгородские монастыри существовали уже в домонгольский период, неоднократно рассматривался в литературе. Однако еще Е. Е. Голубинский отмечал, что в Новгороде известно несколько домонгольских церквей, при которых «в последующее время являются монастыри», причем исследователи, «предполагая непременно, что монастыри явились вместе с церквами», предлагают и для основания обителей раннюю датировку. Возражая построениям такого рода, историк писал: «Но непременное тут нисколько не следует: церкви были построены в период домонгольский, а монастыри могли явиться при них в разное время после <...> На сем основании монастыри эти должны быть отнесены к числу домонгольских сомнительных»[15]. Следуя этому принципу, мы можем выделить древнейшие монастыри Новгорода, бесспорно существовавшие в домонгольский период. Среди этих обителей 10 упоминаются в источниках не позже 80-х гг. XII в.:

1. Антониев Рождества Богородицы (осн. 1117);
2. Юрьев (св. Георгия) (осн./упом.? 1119);
3. Пантелеймонов (осн. 1134);
4. Воскресенский на Мячине (упом. 1136);
5. Варварин (упом. 1138);
6. Зверин Покрова Богородицы (упом. 1148);
7. Аркажский Успения Богородицы (осн. 1153);
8. Духов (упом. 1162);
9. Благовещенский на Мячине (осн. 1170);
10. Росткин Иоанна Предтечи (упом. 1179).

Обращает на себя внимание тот любопытный факт, что все древнейшие монастыри Новгорода, за исключением Антониева, находились на Софийской стороне и в ее ближайших окрестностях, что может свидетельствовать о некоторой обособленности и выделенности обители, основанной преп. Антонием, остающейся единственной известной нам на правом берегу Волхова вплоть до самого конца XII в. (см. рис. 1)[16].

[14] *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада: (История Новгорода, Пскова и Вятки). 3-е изд. СПб., 1886. Т. 2. С. 302–303.

[15] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1904. Т. 1, втор. половина тома: Период первый, киевский или домонгольский. С. 754. Принцип, предложенный исследователем, представляется не только корректным с научной точки зрения, но и верным по сути: летописцы в своем изложении, как правило, четко различали церковь и монастырь (церковь в монастыре).

[16] Карты, помещенные на рис. 1 и 2, основаны на рукописном плане С. Н. Орлова 1960-х гг., озаглавленном «Топография монастырей в Новгороде Великом и его

Рис. 1. Новгородские монастыри к 80-м гг. XII в.

Возможно также, что будущие исследования позволят наметить постановку вопроса о сравнительно меньшей или более поздней христианизации Торговой стороны.

Следующий этап монастырского строительства в Новгороде, начавшийся в 90-е гг. XII в., связан как раз с созданием новых обителей исключительно на Торговой стороне:

11. Хутынский Спасо-Преображенский (осн. 1192);
12. Кириллов на Нелезине острове (упом. 1196);
13. Евфимиин Благовещения Богородицы (осн. 1197);
14. Нередицкий Спасо-Преображенский (осн. 1198);
15. Михалицкий Рождества Богородицы (осн. 1199);
16. Павлов (осн. 1238).

Следуя совершенно справедливому «принципу Е. Е. Голубинского», мы не будем включать в список домонгольских монастырей те обители, для которых имеются свидетельства лишь о раннем строительстве церкви (к числу таких «домонгольских сомнительных» монастырей относятся Лазарев, Николаевский Островский, Перынский Рождества Богородицы, Петровский с Белого креста, Петропавловский на Синичьей горе и Рождества на Поле (Приложение, № 29, 38, 43, 44, 45, 48, а также рис. 2)).

1.2. Антониев Рождества Богородицы монастырь

Если исходить из даты первого прямого упоминания монастыря в письменных источниках, то древнейшей оказывается обитель, основанная преподобным Антонием Римлянином (именно так и полагал Е. Е. Голубинский). Об Антониеве монастыре Рождества Богородицы впервые говорится в Новгородской первой летописи старшего извода (далее – Н1ст.) под 1117 г.: «Въ то же лѣто игуменъ Антонъ заложи церковь камяну святыя Богородиця манастырь»[17], а в 1119 г. «съвѣршена бысть

окрестностях (XI–XVI вв.). Масштаб 1 : 20000 (примерный)». Фотокопия этого плана (без экспликации) была подарена С. Н. Орловым Н. Н. Розову, а мне в свою очередь Н. Н. Розовым в 1984 г. и послужила основой для дальнейших историко-географических исследований. Упомянутое выше ценное исследование новгородских авторов Л. И. Петровой, И. Ю. Анкудинова, В. А. Попова и Т. В. Силаевой (включающее карту) позволило проверить, уточнить, а в ряде случаев впервые установить локализацию 48 пригородных монастырей (из них 42 учтены в нашей работе). Рис. 7 (Монастыри дальних окрестностей Новгорода) основан на карте, опубликованной в изд.: Новгородская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 20000. М., 1997. С. 16–17, при этом, наряду с другими материалами, учитывались данные карты-схемы, опубликованной в изд.: *Секретарь Л. А., Филиппова Л. А.* По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991. С. 212–213.

[17] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 20.

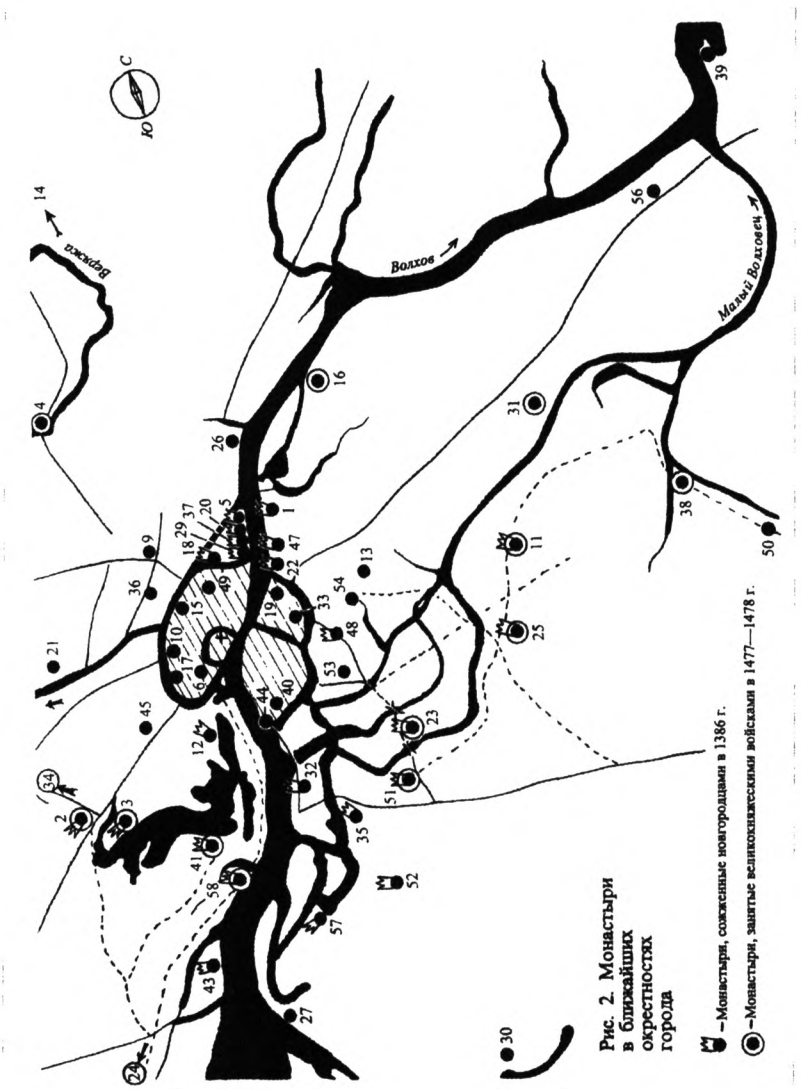

Рис. 2. Монастыри в ближайших окрестностях города

черкы Антонова святая Богородица»[18]. В 1125 г. «испьсаша божницю Антонову», а в 1127 г. «обложи трьпезницю камяну Антонъ игуменъ»[19]. Любопытно, что, хотя основатель обители в приведенных летописных известиях именуется «игуменом», под 1131 г. в Н1ст. специально отмечено, что «тъгда же Антона игуменомь Нифонтъ архепископъ постави»[20], что, вероятно, свидетельствует либо о включении упомянутых выше известий 1117–1127 гг. в текст летописи задним числом, после 1131 г., либо о расхождении между именованием летописцем Антония «игуменом» и официальным статусом основателя монастыря.

Среди ранних летописных известий об истории Антониева монастыря особый интерес представляет уникальное для Новгорода XII–XIV вв. упоминание под 1127 г. «трапезницы», археологически до сих пор с полной достоверностью не обнаруженной[21]. Известно, что «трапезница» (отдельное помещение для трапезования в монастырях) является характерной чертой общежительных обителей (киновий), в то время как в особножительных (келлиотских) монастырях иноки трапезничали в своих кельях. Характерно, что в 1528 г. архиепископ новгородский Макарий, вводя в монастырях общежительный устав, «начаша <...> и тряпезы со церквами ставити»[22]. Упоминание под 1127 г. «трапезницы» в Антониевом монастыре позволяет полагать, что обитель была основана сразу (или почти сразу) как общежительная, наподобие Киево-Печерского монастыря, в котором существовала трапезная 1108 г.[23]

Как известно, согласно житию преп. Антония, написанному не ранее XVI в., основатель монастыря прибыл из Рима (почему и называется Римлянином), однако до XVI в. указания на западное происхождение Антония в источниках не встречаются, что вызывало сомнения исследователей в достоверности этой легенды. С одной стороны, действительно в монастыре хранилось несколько церковных предметов западного про-

[18] НПЛ.С. 21.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 22.

[21] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 114. Археологические исследования середины–второй половины 1980-х гг. позволили обнаружить развал строительных материалов начала XII в., предположительно связываемый с остатками трапезной (см.: *Булкин Вал. А.* 1) Материалы к строительной истории Новгородского Антониева монастыря // Храм и культура. Древнерусский семинар: Сб. материалов. СПб., 1996. Вып. 12. С. 105–127; 2) Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира: XII век. СПб., 1999. С. 270–288; *Булкин Вал. А., Турова Е. А.* Новые данные к изучению древнейшей трапезной Новгородского Антониева монастыря // Программа «Храм»: «Погибшие святыни»: Сб. материалов. СПб., 1996. Вып. 10. С. 73–85).

[22] ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 544-545.

[23] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 113.

исхождения[24]; термин «божница», использованный в Н1ст. в известии о росписи основанной Антонием церкви, употребляется в этой летописи еще 4 раза[25], в том числе 2 раза – во множественном числе, применительно ко многим различным церквам, а 2 раза – применительно именно к западным церквам («варязьская божница» под 1217 г. и «божници ихъ» в Юрьеве-Немецком под 1328 г.[26]); наконец, сами росписи 1125 г. традиционно считались выполненными в традициях романского искусства[27].

С другой стороны, последняя точка зрения была подвергнута пересмотру в обстоятельной работе современного исследователя[28], убедительно показавшего, что антониевские фрески чужды романскому искусству, но «принадлежат истории византийской живописи и одновременно являются неотъемлемой частью новгородской культуры»[29].

Не так все просто и с термином «божница»; он, например, встречается под 6655 (1147) г. в Лаврентьевской летописи, когда упоминается церковь новгородцев в Киеве («И повелѣ Лазарь взяти [тѣло] Игоря и понести и в церковь святаго Михаила, в новгородьскую божницю»)[30], и под 6654 (1146) г. в Ипатьевской летописи, где названа «Турова божьница» (очевидно, церковь жителей г. Турова)[31]. Похоже, что «церковь» и «божница» действительно различались каким-то оттенком значения, связанным с «инородностью» последней, но совсем не обязательно конфессиональной.

Что же касается предметов западного происхождения, то, согласно Описи Новгорода 1617 г., так называемые реликвии Антония Римлянина (в которые входили лиможские эмали и колокольчик) фиксируются не в Антониевом, а в Благовещенском монастыре как его исконная собственность, и этот факт привел В. Л. Янина и М. Е. Бычкову к заключению, что «формирование комплекса "реликвий" происходило в XVII в., уже после возвращения Новгорода в состав Русского государства»[32].

---

[24] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1, втор. пол. тома. С. 591–592.

[25] A Concordance to the First Novgorod Chronicle (Synodal Edition) / Edited by Naoki Chujo. Nagoya, 1998. P. 26.

[26] НПЛ. С. 57, 98.

[27] См. наиболее подробную аргументацию этой точки зрения: *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1973. С. 262–264.

[28] *Сарабьянов В. Д.* Стилистические основы фресок Антониева монастыря // Древнерусское искусство: Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 56–82.

[29] Там же. С. 79.

[30] ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 318.

[31] «Скупишася вси Кияне у Туровы божьницѣ» (ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 321).

[32] Опись Новгорода 1617 года / Под ред. В. Л. Янина; Подгот. публикации и вступ. статья В. Л. Янина, М. Е. Бычковой. М., 1984. Ч. 1. С. 14.

По мнению В. Д. Сарабьянова, высказанному в личной беседе, Антоний мог быть действительно пришельцем в Новгороде, но не из Рима, а именно из общежительного Киево-Печерского монастыря, чем объясняется и существование «трапезницы», и его поставление в игумены лишь владыкой Нифонтом, бывшим иноком той же Киево-Печерской обители[33]. Упомянутая нами выше географическая противопоставленность Антониева монастыря другим новгородским обителям вплоть до 1180-х гг. кажется в этом контексте также вполне закономерной.

Библиотека монастыря, несомненно, была весьма значительной. По Описи Новгорода 1617 г. в Антониевом монастыре имелось 44 только пергаменных («харатейных») рукописных книги да еще, кроме того, «173 книги печатных и писмяных на бумаге»[34]. В составе Софийского собрания РНБ, как отметил Н. Н. Розов, до наших дней сохранилось 9 богослужебных рукописных книг с владельческими пометами Антониева монастыря, причем в древнейшей из них – пергаменном Обиходе церковном XIV в. – содержится «Канон молебен» Кирилла Туровского (РНБ, Софийское собр., № 1052)[35]. Е. Э. Гранстрем указала, что эта рукопись переписана тем же почерком, что и еще 2 другие, также пергаменные: РНБ, Софийское собр., № 526 (Служебник, XIV в.) и Софийское собр., № 1056 (Требник, XIV в.)[36]. Можно сделать вывод, что все эти 3 рукописи были созданы в одном книжном центре (весьма вероятно, в самом Антониевом монастыре).

К XIV в. относится также пергаменный Служебник Антониева монастыря (ГИМ, Синодальное собр., № 605), ошибочно именуемый иногда, как указала О. А. Белоброва, «Служебником Антония Римлянина»[37]. Существуют также отдельные бумажные рукописи, принадлежавшие библиотеке обители Антония Римлянина, однако сведений о писцах или заказчиках этих книг не имеется (например, Минея служебная на сентябрь середины XV в. – РНБ, собр. Погодина, № 494[38] и Евангелие тетр конца XV в. – РНБ, собр. Погодина, № 155[39]).

---

[33] О том, что Нифонт был выходцем из Киево-Печерского монастыря, мы знаем из поздней Новгородской третьей летописи (далее – НЗ) и из Киево-Печерского патерика.

[34] Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. С. 92.

[35] *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография (По новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 37.

[36] Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские / Сост. Е. Э. Гранстрем. Л., 1953. С. 49, 55.

[37] *Белоброва О. А.* К изучению Жития Антония Римлянина // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 101.

[38] Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. С. 132.

[39] Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Л., 1988. Вып. 1. С. 112.

То, что нам известно об Антониевом монастыре в ранний период его истории, приводит нас к заключению о его совершенно особом месте в системе новгородских обителей. Три четверти века с момента своего основания монастырь стоял одиноко на Правобережье Волхова. Он был единственным общежительным в Новгороде почти с момента своего основания и, очевидно, представлял здесь, на Русском Севере, особую киево-печерскую монастырскую традицию.

Наконец, необходимо отметить, что монахом, диаконом и доместиком Антониева монастыря был выдающийся новгородский писатель первой половины XII в. Кирик Новгородец, автор «Вопрошания Кирика» и «Учения о числах»[40], бывший, согласно Д. С. Лихачеву, тем самым книжником, который заменил в новгородском летописании прокняжескую третью редакцию «Повести временных лет» оппозиционным Киево-Печерским «Начальным сводом»[41].

С годами обитель преподобного Антония, по всей видимости, постепенно утратила свои первоначальные особенности: она перестала быть общежительной (в 1528 г. митрополиту Макарию пришлось снова вводить здесь общежительный устав) и сделалась кончанской обителью Плотницкого конца (см. об этом подробнее ниже). Но в ранний период истории, особенно вскоре после своего основания, Антониев монастырь представлял собой уникальный культурный центр средневекового Новгорода, в определенном смысле противостоявший другому древнейшему монастырю – Юрьеву.

1.3. Юрьев монастырь

Принято считать, что древнейшим монастырем в Новгородских землях являлся Юрьев (св. Георгия) монастырь, находящийся в 3 верстах к югу от Новгорода[42]. Это мнение основано на указании В. Н. Татищева, который, однако, высказал его не в основном тексте, а лишь в примечаниях к своей «Истории Российской», и без ссылки на источники. Единственным обоснованием историку послужило соображение, что крестильным именем

[40] *Пиотровская Е. К.* Кирик Новгородец // СККДР. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 215–217.

[41] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. М., 1948. Т. 25. С. 240–265 (переизд.: *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154–184). В статье Е. К. Пиотровской (см. сноску 40) эта работа не учтена, и соответственно ничего не говорится о Кирике как летописце.

[42] «Полагают, что основан около 1030 г. в дни княжения в Киеве Ярослава (Георгия)» (*Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 415).

князя Ярослава Владимировича было Георгий, следовательно, он мог основать монастырь «в свое имя»[43]. Как заметил Е. Е. Голубинский, «само собою очевидно, что это основание вовсе не достаточное»[44]. Первое упоминание Юрьева монастыря в Н1ст. датировано лишь 1119 г.: «Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всѣволодъ церковь камяну манастырь святого Георгия Новѣгородѣ»[45]. Некоторые косвенные аргументы, однако, свидетельствуют в пользу возможности более ранней датировки основания или хотя бы начала подготовки к созданию обители (в приведенном летописном свидетельстве об игумене Кириаке говорится не как о поставленном в только что учрежденный монастырь, а как об уже действующем; в составе монастырской библиотеки хранились рукописные книги, датируемые XI в.[46]; сама особая роль Юрьева монастыря, центра организации черного духовенства Новгорода в последующие годы, позволяет предполагать его приоритет и в хронологическом смысле; ср. также ниже об употреблении титула «игумен» в новгородских источниках первых десятилетий XII в.).

В. Л. Янин пришел к выводу, что получение юрьевским игуменом титула «архимандрит новгородский» (глава новгородской организации черного духовенства) относится к рубежу XII–XIII вв., ко времени игуменства Савватия (1194–1226)[47]. А. А. Гиппиус предложил еще более точное определение датировки появления титула «архимандрит новгородский»: первые годы игуменства Савватия, между 1194 и 1199 гг.[48] Новгородская архимандрития, глава которой избирался на вече, по мнению В. Л. Янина, стала практически независимой от архиепископа новгородского. Развивая мысль о связи монастырей с концами и кончанским управлением, В. Л. Янин пришел к заключению, что монастыри, основанные боярами одного конца, подчинялись одному главному кончанскому монастырю, а игумены этих обителей в свою очередь подчинялись новгородскому архимандриту[49] (некоторые исследователи, правда, подвергли сомнению тезис исследователя о неподчиненности монастырей владыке)[50].

---

[43] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1995. Т. 2, 3: История Российская. Ч. 2. С. 241, 244, 261.

[44] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Втор. пол. тома. С. 752.

[45] НПЛ. С. 21.

[46] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. С. 61–62, 71–73.

[47] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 142.

[48] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 30.

[49] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. С. 136–149.

[50] *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси: (Очерки истории средневекового города). Л., 1989. С. 104–106; *Мартышин О. В.* Вольный Новгород: (Общественно-политический строй и право феодальной республики). М., 1992. С. 215–216 и др.

Представление о Юрьеве монастыре как о крупном книгописном центре является если не общепринятым, то, во всяком случае, достаточно широко распространенным. Так, например, Т. В. Рождественская, опубликовав 14 надписей-граффити на стенах лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря, а также проанализировав находящиеся там же рисунки, пришла к заключению, что этот материал (профессионально выполненные надписи, в том числе с использованием двойного контура; использование глаголических букв в кириллической надписи; рисунки-граффити, имеющие аналогии в книжных миниатюрах и заставках, и т. д.) свидетельствует о деятельности монастырского скриптория в XII–XIII вв.[51] Хотя сведений о рукописях, достоверно здесь переписанных, в литературе не приводилось, Т. В. Рождественская отметила, что «его (скриптория. – *А. Б.)* существование не вызывает сомнений у исследователей рукописей, принадлежность которых Юрьеву монастырю определяется по косвенным данным»[52]. Более того, некоторые авторы (в особенности И. М. Троцкий и В. Водов) полагали, что в Юрьеве монастыре начиная с XII в. велась особая местная летопись, отличная от официального владычного летописания[53].

Что же на самом деле известно о юрьевской библиотеке и о здешнем гипотетическом скриптории в ранний (домонгольский) период? Как отметил Н. Н. Розов, «сведения о библиотеке этого монастыря <...> чрезвычайно скудны: в Типографской библиотеке из него хранятся лишь две книги XIII–XIV вв., а в Софийской – три Служебника XVII века»[54]. Упомянутые исследователем книги в собрании Синодальной типографии на самом деле обе датируются второй половиной XIV в.: Шестоднев служебный, Праздники со вставками из Триоди цветной и Службы избранным святым (РГАДА, ф. 381. № 70) и Пролог за сентябрьскую половину года (РГАДА, ф. 381, № 158)[55]. Согласно Описи 1617 г., в Юрьеве монастыре было всего «47 книг письмяных и печатных» (о пергаменных же не сказано ничего)[56].

Отсутствие пергаменных кодексов в библиотеке Юрьева монастыря по описи начала XVII в. кажется особенно удивительным, если мы вспомним,

---

[51] *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 48–72.

[52] Там же. С. 72.

[53] *Троцкий И. М.* Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Сер. 7: Отд-ние обществ, наук. Л., 1933. № 5. С. 348–361; *Vodoff W.* Quelques remarques sur la premiere chronique de Novgorod//Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. P. 741–753.

[54] *Розов Н. Н.* Искусство книги Древней Руси и библиогеография... С. 38.

[55] Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 2. С. 245–248, 328–329.

[56] Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. С. 88.

что в Антониевом монастыре таких древних книг было в то же время 44 (!). С другой стороны, если из библиотеки Антониева монастыря до наших дней не дошло ни одной славяно-русской рукописной книги XI–XIII вв., то с Юрьевым монастырем связано несколько таких древних кодексов. Во-первых, это уже упоминавшиеся выше рукописи XI в., обнаруженные в этой обители архиепископом Евгением (Болховитиновым): фрагменты Жития Кондрата (РНБ, собр. Погодина, № 64) и Жития Феклы (Там же. № 63), а также «Евгеньевская псалтырь» (Там же. № 9 и БАН, 4.5.7). Во-вторых, существует целый ряд рукописных книг XII–XIII вв., о которых известно, что они были переписаны где-либо для Юрьева монастыря или «стяжанием» иноков этой обители.

Так, например, в известном «Юрьевском евангелии», традиционно датируемом 1119–1128 гг. (ГИМ. Синодальное собр. № 1003), находится запись писца: «Азъ грѣшьныи Феодоръ напсахъ еуаг(елие) се роукою грѣшною с(вя)тому м(у)ч(ени)ку Георгеви въ манастырь Новоугородоу при Куриящѣ игоуменѣ и Савѣ иконом̃ѣ. Оугриньць псаль» (имя писца определяется либо как Федор Угринец (т. е. венгр), либо просто Угринец, а Федор – заказчик)[57].

Другая знаменитая рукопись – «Выголексинский сборник» конца XII в. (РГБ. Ф. 178, № 1832) – была приобретена «стяжанием» монаха («калогера») Феофила и завещана им «святому Георгию» (по мнению исследователей, – новгородскому Юрьеву монастырю)[58]. «Симоновское евангелие» 1270 г. (РГБ. Ф. 256. № 105) было переписано «стяжанием» «черньца от с(вя)т(о)го Георгия» Симона. В последнем случае известно имя писца – это «Гюрги, с(ы)нъ поповъ, гл(аго)лемаго Лотыша съ Городища»[59]. По мнению исследователей, тот же юрьевский монах Симон был заказчиком и другой рукописи – «Симоновской псалтыри» последней четверти XIII в. (ГИМ. Собр. Хлудова. № 3), причем последняя, оказывается, переписана тем же почерком, что и Псалтырь 1296 г. писца Захарии (ГИМ. Синодальное собр., № 235)[60].

Итак, древнейшие юрьевские рукописи переписывались «стяжанием» обители или ее иноков, но, видимо, не в самом монастыре. О единственном исключении, казалось бы, свидетельствует запись, относящаяся к 1129/1130 г., в Сборнике житий второй половины XIV в. (РНБ. Собр.

[57] Сводный каталог... С. 92–93.

[58] Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977. С. 17–18.

[59] *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 305.

[60] Сводный каталог... С. 203–205, 214–215, 318–319.

Погодина. № 71б). Эта запись (на л. 154 об.), заслуживающая специального анализа, гласит:

«В лѣт(о) 6637 [1129/1130] при благовѣрномъ и вѣликомъ князѣ Мъстиславѣ Владимировиче сыне Мономахове и при архиеп(и)с(ко)пѣ Вѣликаго Новаграда Нифонте писана книга сия С(вя)тыхъ о(те)цъ житья по благословѣнию о(т)ца нашего игумена Ефимия Юрьева моностыря, писалъ многогрешный и смирѣнный инокъ Антонии, аще в чемъ погрѣшилъ, исправте, Бога ради, понеже мало и нѣ твѣрдо обучихся по гречески чтению божествѣннаго писания, онехъ Святыхъ о(те)цъ жития нигдѣ же видѣхъ. По усердию моему и бл(а)гословѣниемъ настоятеля нашего потрудихся по силе моеи, съ грѣческаго языка писалъ книгу сию и ничтоже прибавилъ отъ своего ума или отъменилъ, разве по нѣдоумению. И молю вы, братия и отъцы, еда прочитаите книгу сию, помяните мя вы в молитв[ахъ] вашихъ, да азъ [полу]чу оставлѣние грѣховъ в будущия веки, аминь» (см. рис. 3).

По мнению Л. В. Столяровой, эта запись, сохранившаяся в списке второй половины XIV в., имеет копийный характер и восходит к недошедшей подлинной записи 1129/1130 г.: «Упоминания в ней конкретных исторических лиц также в целом не содержат хронологических несообразностей: киевский в. кн. Мстилав Владимирович (1125–1132 гг.) в это время был жив. Архиеп. Нифонт прибыл в Новгород 1 января 1131 г. (ум. 21 апреля 1156 г.). Однако он мог быть избран еще в 1130 г., когда архиеп. Иоанн Попьян „отвержеся епископьи“. Игумен Юрьевского мон. Евфимий (Ефимий) в других источниках первой половины XII в. не фигурирует. Учитывая предполагаемую дату избрания Нифонта, запись следует датировать 1 января–28 февраля 1130 г. (6637–5507). <...> В целом нормам XII в. соответствует и формуляр этой записи. Однако ее лексика выглядит несколько модернизированной и более характерной для записей XIV, нежели XII в.»[61].

По сути дела, если не считать кратких упоминаний этого сборника у И. И. Срезневского и Е. Э. Гранстрем[62], он был введен в научный обиход

[61] *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи... С. 290. В своей новейшей работе Л. В. Столярова отказалась лишь от рассуждений о возможности написания несохранившегося оригинала записи в январе–феврале 1130 г. и теперь датирует его просто 1129 г. *(Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XVI веков. М., 2000. С. 76– 78. № 70).

[62] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (XI– XIV вв.). СПб., 1882. Стб. 293 (запись определена как подложная или скопированная «с того списка, с которого считывал переписчик рукописи»); Описание русских и славянских пергаменных рукописей... С. 53 (запись определена как подложная, с ошибочной датой 1139 г.).

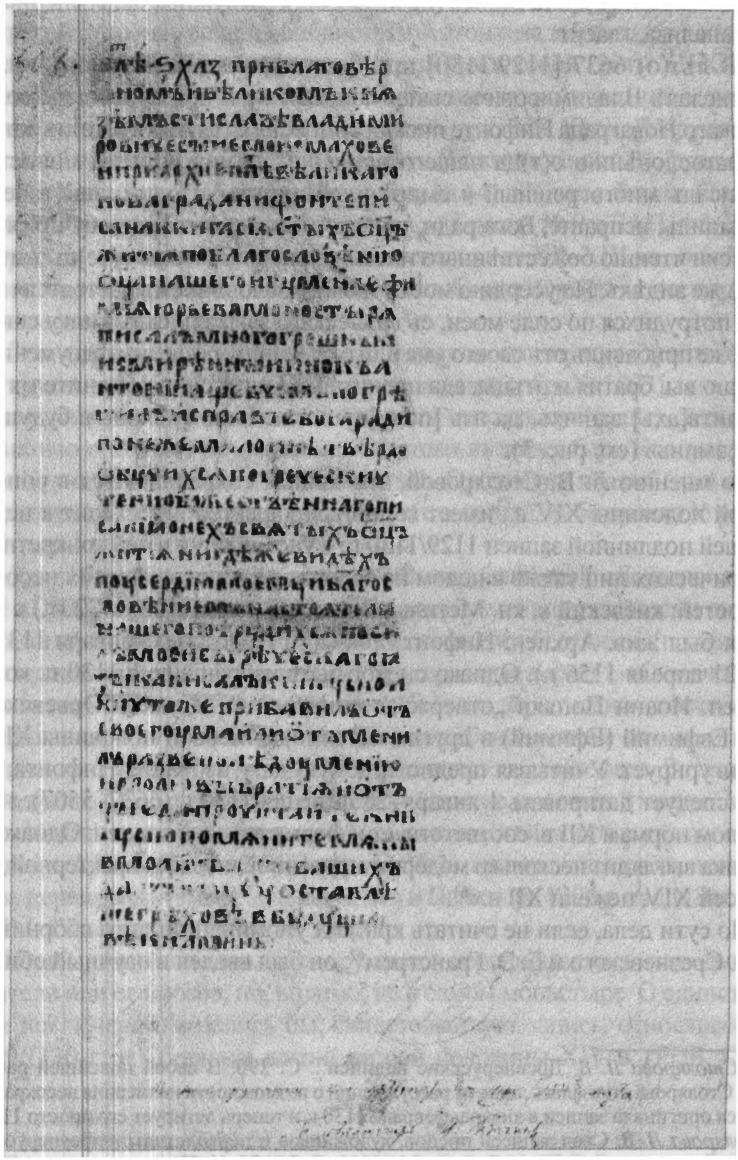

Рис. 3. Подложная запись 1129/1130 г. (РНБ, Погод. 716. Л. 154 об.)

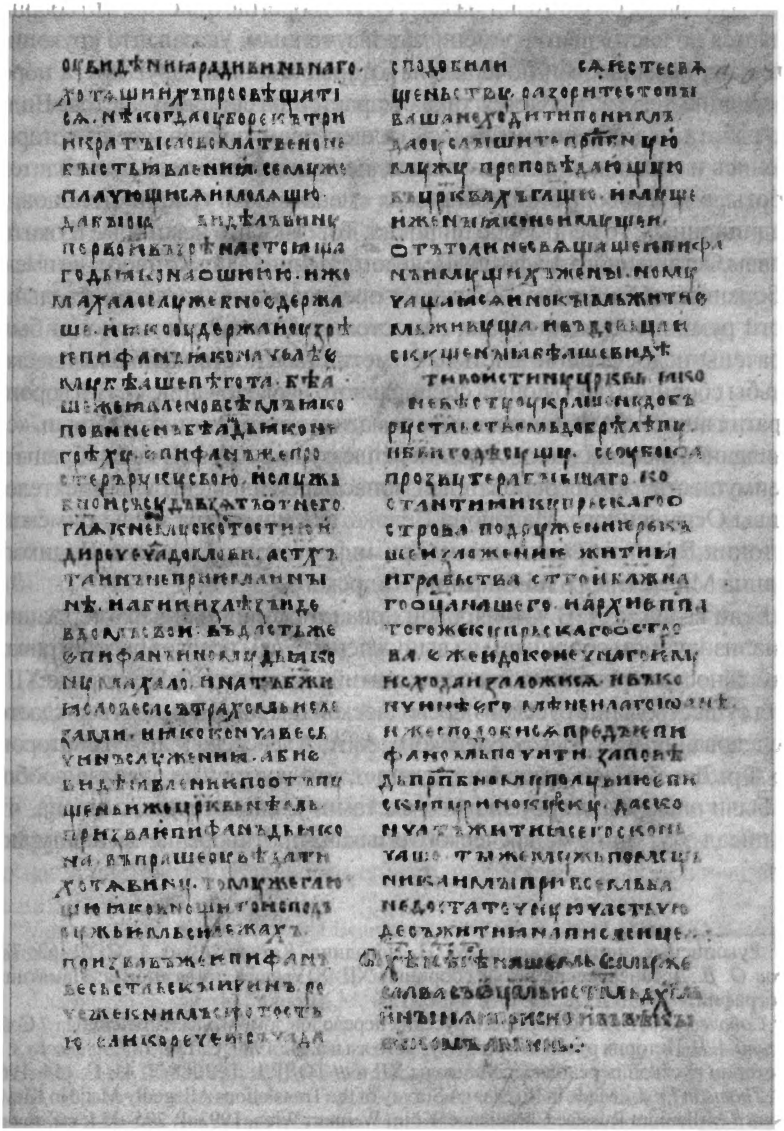

Рис. 4. Образец почерка одного из писцов второй половины XIV в. (РНБ. Погод. 716. Л. 154)

совсем недавно, около 10 лет назад[63]. О. В. Творогов, отметив, что сборник является до настоящего времени малоизученным, указал, что «рукопись написана несколькими почерками, которые сменяют друг друга порой в середине текста; меняется также характер разлиновки листов. Видимо, работа над сборником велась коллективом писцов, среди которых имелись и малоквалифицированные, не был на высоте и руководитель работы, о чем говорит хотя бы резкая смена конфигураций столбцов, то традиционных, то непомерно широких. Тот факт, что некоторые из житий (Саввы Освященного, Евфимия Великого, Иоанна Милостивого) не имеют либо конца, либо начала, побуждает предположить: когда-то отдельные части рукописи существовали самостоятельно – в этот период и были утрачены недостающие листы». Отметив неясность кодикологической судьбы сборника, требующей специального исследования, О. В. Творогов обратил внимание на несомненное тематическое единство рукописи, «составленной, как свидетельствует переплет, уже в XIV в. В ней собраны по преимуществу жития основателей монастырей или церковных деятелей: Саввы Освященного, Илариона Великого, Сильвестра, папы римского, Антония Великого, Спиридона Тримифунтского, Евфимия Великого, Иоанна Милостивого и Епифания Кипрского».

Если вслед за Л. В. Столяровой признать копийный характер записи в анализируемом сборнике, мы вынуждены будем всерьез рассматривать возможность перевода упомянутых житий с греческого в Новгороде XII в. Хотя существование русской переводческой школы XII в. подтверждается исследованиями А. И. Соболевского, А. А. Алексеева и других авторов[64] (но Фр. Дж. Томсон, напротив, считает, что восточные славяне вообще не были знакомы с греческими текстами[65]), свидетельство писца, что он писал эту книгу «с греческого языка», противоречит литературной

[63] Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Вып. 1. С. 61–62; *Творогов О. В.* Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 197.

[64] *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134–147; *Алексеев А. А.* К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 154–196.

[65] *Thomson Fr. J.* «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Millenium Russiae Christianae. Köln; Weimar; Wien, 1993. P. 295–354; см. также: *Алексеев А. А.* Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia») // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 278–296. Исследование Фр. Дж. Томсона недавно было переиздано с обширными дополнениями: *Thomson Fr. J.* «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // *Thomson Fr. J.* The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney, 1999. P. V: 294–354; Addenda: 16–48.

истории содержащихся в рукописи текстов (например, Житие Антония Великого, бесспорно, было переведено в Болгарии[66]).

Некоторые несообразности наблюдаются и в упоминании исторических лиц: в записи назван киевский великий князь Мстислав Владимирович вместо ожидаемого в данном контексте его сына, новгородского князя Всеволода Мстиславича; юрьевский игумен Ефимий не только не известен другим источникам, но и назван вместо Исайи, бывшего, согласно В. Л. Янину, настоятелем именно около 1130 г.[67]

Наконец, самое главное: писец записи употребляет так называемое «е» якорное после согласных, а не в поствокальной и начальной позициях или в конце строки, что было правилом во второй половине XIV в. (см. рис. 3: «исправте», строка 14; «понеже», строка 15; «нигдѣже», строка 19; «ничтоже», строка 25; «разве», строка 27)[68].

Таким образом, следует вернуться к точке зрения Е. Э. Гранстрем, что данная запись является подложной, хотя ее создатель, живший, очевидно, уже в новое время, действительно довольно искусно имитировал начертания букв второй половины XIV в. (ср. рис. 4). Текст этой записи не может и не должен быть использован для изучения ни русской переводческой школы XII в. (что после работ Л. В. Столяровой напрашивалось, но, по счастью, пока не было осуществлено), ни домонгольских монастырских скрипториев Великого Новгорода[69].

Также не оказывается доказательной гипотеза о ведении в Юрьеве монастыре начиная с XII в. особой местной летописи. А. А. Гиппиус, подробно рассмотрев аргументы сторонников этой точки зрения (И. М. Троцкого и В. Водова)[70], пришел к следующему выводу: «Предполагать для XII–XIII вв. существование особой Юрьевской летописи, отличной от той дополненной местными записями копии владычного свода, которая дошла до нас в составе Синодального списка, нет достаточных оснований»[71].

---

[66] *Буланин Д. М.* Житие Антония Великого // СККДР. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 132–135.

[67] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 135.

[68] Благодарю за консультацию В. М. Загребина. См. также: *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 117–118.

[69] Я так подробно остановился на этом вопросе потому, что вина за рассмотрение анализируемой записи как предположительно восходящей к утраченному оригиналу 1129/1130 г. отчасти лежит на мне: воспроизводя в каталоге собрания М. П. Погодина ее текст, я написал, что запись сделана «чернилами, отличающимися от чернил основного текста, рукой писца (?)» (Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Вып. 1. С. 62 (описание рукописи в целом было выполнено Е. М. Шварц, но прочтение записей – А. Г. Бобровым; см. с. 15)). Хотя сомнение было обозначено вопросительным знаком, данная формулировка, кажется, и ввела Л. В. Столярову в заблуждение.

[70] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 6–34.

[71] Там же. С. 33.

Сам Синодальный список Н1ст. (ГИМ, Синодальное собр., № 786) действительно был дополнен сделанными в Юрьеве монастыре записями разными почерками за 1330–1352 гг. (л. 167–169)[72], но в основе его лежала, как убедительно показал А. А. Гиппиус, не Юрьевская летопись, а изготовленный по заказу Юрьева монастыря список с владычной летописи[73].

Выводы, к которым нас привело данное исследование, находятся в явном противоречии с распространенной точкой зрения о существовании в Юрьеве монастыре скриптория уже в XII–XIII вв. Мы видим, что иноки этой обители охотно выступали в роли заказчиков, но практически никогда – книгописцев. Кроме 3 листов в конце Синодального списка летописи, неспешно созданных на протяжении двух с лишним десятилетий (1330–1352 гг.), насельники Юрьева монастыря ничего не переписали своими руками. Лишь в 1470 г. некий дьяк Кирилл переписал здесь Евангелие учительное (РНБ, ОСРК, F.I.194), оставив на л. 360 собственноручную запись: «В лѣто 6979 [1470] <...> списано бысть сие святое Еуангелие толковое при благоверном великом князи Иванѣ Васильевичи, при нареченомъ владыкы Великого Новагорода и Пьскова Феофилѣ <...> месяца декабриа въ 13 <...> А писано многогрѣшнаго рукою Кирилл дьяка в манастырѣ, зовомое в Юрьевѣ, в дому святого милостивого Спаса и святого великого страстотерьпца Христова мученика Георгия <...> при архимадрѣтѣ Кузьмы...» (см. рис. 5).

Как же в таком случае следует объяснять появление многочисленных профессионально выполненных надписей и рисунков на стенах лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря? По всей видимости, насельники этой обители не занимались книгописанием вовсе не потому, что были неграмотны (если бы дело обстояло так, им незачем было и собирать свою монастырскую библиотеку, заказывая в разных местах переписывание книг). Очевидно, книгописание, трудное и занимающее много времени занятие, просто не входило в круг их интересов и обязанностей (см. об этом подробнее ниже).

1.4. Лазарев монастырь

Одной из древнейших новгородских обителей, согласно исследованию В. Л. Янина, являлся Лазарев монастырь[74]. Исследователь атрибутировал

[72] Фотовоспроизведение этих записей можно увидеть в изд.: Новгородская харатейная летопись / Изд. под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964. С. 339–343. Текст записей см. в разделе II Приложения настоящей работы (№ 58).

[73] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 34.

[74] *Янин В. Л.* Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 52–63.

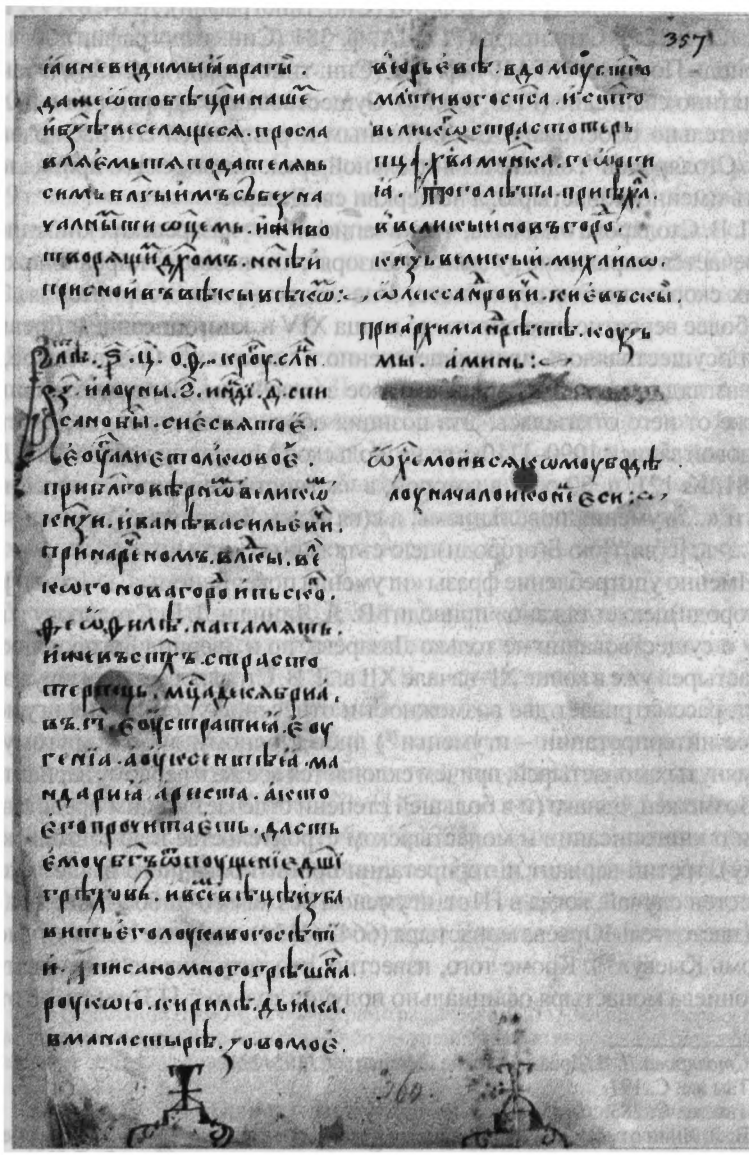

Рис. 5. Запись 1470 г. (РНБ. ОСРК. F.I.194)

скрипторию Лазарева монастыря 10 рукописных книг рубежа XI–XII вв.: 7 служебных Миней (РГАДА, ф. 381 (Син. типографии), № 84, 89, 99, 103, 110, 121 и 125), Стихирарь (РГАДА, ф. 381 (Син. типографии), № 147) и Триодь Постную (РГАДА, ф. 381 (Син. типографии), № 138), а также Милятино евангелие (РНБ, F.п.I.7). Существование скриптория в целом убедительно обосновано В. Л. Яниным и развившей его наблюдения Л. В. Столяровой[75], однако сомнительной представляется его принадлежность именно монастырю, а не церкви св. Лазаря.

Л. В. Столярова отметила, что «в записях <...> лазаревских книжников встречается выражение „у святого Лазоря", что позволяет предположить в них скорее писцов церковного, а не монастырского скриптория. Это тем более вероятно, что вплоть до конца XIV в. книгописание в Древней Руси осуществлялось преимущественно в церквах»[76]. Сделав такое, на наш взгляд, совершенно справедливое заключение, исследовательница тут же от него отказалась. Эта позиция обоснована, очевидно, текстом писцовой записи 1090–1110-х гг. на июльской Минее служебной (РГАДА, ф. 381, № 121, л. 52 об.), в которой, в частности, говорится о переписке книги «...игумения повелѣниемь, а с(вя)тымь Лазарьм м(о)л(и)тва <...> а б<...>ь, [с(вя)т]ою Б(огороди)цею сътяжано»[77].

Именно употребление фразы «игумения повелѣниемь <...> [с(вя)т]ою Б(огороди)цею сътяжано» приводит В. Л. Янина и Л. В. Столярову к выводу о существовании не только Лазарева, но и Зверина Богородицкого монастырей уже в конце XI–начале XII в. Л. В. Столярова, анализируя этот текст, рассматривает две возможности: отнесение упоминания игумена (по ее интерпретации – игуменьи[78]) либо к одному, либо к другому из упомянутых монастырей, причем склоняется все же к первому варианту[79].

Возможен, однако (и в большей степени отвечает нашим представлениям о книгописании и монастырском строительстве в домонгольскую эпоху), третий вариант интерпретации процитированного выше текста. Известен случай, когда в Н1ст. игуменом без какого-либо уточнения назван настоятель Юрьева монастыря (6642 (1134) г.: «И иде Исаия игуменъ съломь Кыеву»[80]). Кроме того, известно, что титул игумена основатель Антониева монастыря официально получил только в 1131 г. (см. об этом

[75] *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи... С. 193–221.
[76] Там же. С. 197.
[77] Там же. С. 283.
[78] В. Л. Янин отметил: «К сожалению, весьма неопределенно выражение „игумения повелением": оно может иметь в виду и игумена, и игуменью» *(Янин В. Л.* Новгородский скрипторий... С. 56).
[79] *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи... С. 197.
[80] НПЛ. С. 23.

выше), что позволяет предполагать принадлежность этого титула в более ранний период исключительно настоятелю юрьевскому, подобно тому, как в последующие годы только настоятель юрьевский мог именоваться архимандритом[81].

Очевидно, следует признать возможность того, что в записи на Минее служебной 1090–1110-х гг. имеется в виду не игумен св. Лазаря, а настоятель Юрьева монастыря. О вероятности основания этой обители ранее 1119 г. мы уже писали выше, здесь же добавим, что в летописном известии говорится: «Заложи Кюрьякъ игуменъ <...> церковь камяну манастырь святого Георгия Новѣгородѣ»[82], из чего следует, что, даже если Юрьева монастыря до 1119 г. не было, Кюрьяк уже имел титул игумена в момент его основания.

В этом случае надо полагать, что в записи на июльской Минее служебной конца XI–начала XII в. под «игуменом» не имелся в виду настоятель лазаревский и что скрипторий существовал не при Лазаревом монастыре, которого в конце XI–начале XII в. еще не было, а при церкви св. Лазаря. Обитель же была основана позже, причем впервые собственно Лазаревский монастырь упоминается лишь в 1367 г.[83], а во всех более ранних упоминаниях в источниках речь всегда идет только о церкви св. Лазаря.

Указание в тексте анализируемой записи на то, что написание книги было «[с(вя)т]ою Б(огороди)цею сътяжано», привело В. Л. Янина к заключению, что в конце XI–начале XII в. существовал также и Зверин Богородицкий монастырь, причем Лазарев был по отношению к Зверину «дочерним»[84]. По-видимому, и это утверждение исследователя должно быть подвергнуто сомнению. Дело в том, что известна еще одна рукописная книга начала XII в. (1103–1117 гг.) – знаменитое Мстиславово евангелие (ГИМ, Синодальное собр., № 1203), в выходной записи которой говорится, что она была написана «на бл(аго)с(ло)в(е)ние прѣс(вя)тѣи ч(и)стѣи вл(а)д(ы)ч(е)ци нашей Б(огороди)ци»[85], причем вполне очевидно, что здесь имеется в виду известная церковь Благовещения Богородицы на

[81] Ср. в берестяной грамоте № 605 (стратиграфическая дата – конец XI– первая треть XII в.) упоминание игумена без каких-либо уточнений («мене игоумене не поустиле...») *(Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 246–248).

[82] НПЛ. С. 21.

[83] Под 6875 (1367) г. в Эрмитажном списке Московского летописного свода конца XV в. помещено известие о том, что «того же лѣта июля въ 23 бысть громъ страшенъ и избии Новогородцевъ в церкви в святомъ Лазори, черньцевъ и черницъ, на вечерни...» (ПСРЛ. М., 1949. Т. 25. С. 394).

[84] *Янин В. Л.* Новгородский скрипторий... С. 56.

[85] *Столярова Л. В.* 1) Древнерусские надписи... С. 287–288; 2) Свод записей... С. 67.

Городище, которая была заложена князем Мстиславом Владимировичем в 1103 г. (ей и принадлежало Мстиславово евангелие еще в 1551 г.)[86].

По всей видимости, и июльская Минея служебная 1090–1110-х гг. была переписана «стяжанием» той же церкви Благовещения Богородицы на Городище, а не Зверина Богородицкого монастыря, существование которого на рубеже XI и XII вв. более чем проблематично[87]. «Повеление» игумена княжеского Юрьева монастыря удачно корреспондирует со «стяжанием» княжеской Благовещенской церкви, что в целом позволяет предполагать в данном случае заказ на переписывание книги со стороны именно княжеских духовных корпораций.

В другой, начальной в этом комплекте, сентябрьской Минее 1095/1096 г. писец Дъмъка прямо указал, что написал «кънигы сия с(вя)тѣи г(оспо)жѣ Б(огороди)цѣ» (РГАДА. Ф. 381. № 84. Л. 176 об.)[88]. Из этого факта следует, между прочим, что и весь «лазаревский комплект» рукописных книг был предназначен для некоей духовной корпорации, посвященной не св. Лазарю, а Богородице. Можно полагать, что подготовка к созданию княжеской Благовещенской церкви на Городище 1103 г. началась еще во второй половине 1090-х гг. с заказа на создание для нее комплекта богослужебных книг.

Заметим еще, что, согласно концепции В. Л. Янина, «с момента основания Лазарев монастырь был девичьим», а наличие в нем мужчин-писцов объясняется исследователем, с одной стороны, тем, что «минимальный мужской штат клириков существовал в любом девичьем монастыре», а с другой – тем, что тогда еще «не существовало запретов на постоянное пребывание чернецов в девичьих монастырях и черниц в мужских»[89]. Второй аргумент сомнителен, так как в приведенном В. Л. Яниным примере 1528 г. речь идет лишь о том, что архиепископ Макарий заменил в женских монастырях игуменов на игумений («а преже бо сего въ техъ монастырехъ жили игумены и черницы, и архиепископъ повѣле отвести игуменовъ въ мужскии монастыри, а черницамъ вдасть игумении благочиния ради»[90]). Что же касается утверждения о возможности наличия в девичьем Лазаревом монастыре «минимального мужского штата», то оказывается, что число писцов, создававших «лазаревский комплект», составляет по меньшей мере (!) 12 человек[91]. Довольно странный женский монастырь...

[86] *Столярова Л. В.* 1) Древнерусские надписи... С. 288; 2) Свод записей... С. 69.

[87] Впервые этот монастырь упоминается под 6656 (1148) г. (НПЛ. С. 28).

[88] Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1. С. 38.

[89] *Янин В. Л.* Новгородский скрипторий... С. 56.

[90] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 545.

[91] *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи... С. 200–201.

Между прочим, сомнения в убедительности концепции В. Л. Янина высказывал еще покойный Н. Н. Розов. Он отметил в своей только теперь опубликованной книге, что почерки Домки – писца служебных Миней 1095–1096 гг. и Домки – писца «Милятина» евангелия совершенно различны (Л. В. Столярова объясняет это тем, что «Милятино» евангелие – копия с недошедшего «Домкина» евангелия) и что «ни в одной из многочисленных записей и помет писцов тех Миней нет ни намека на то, что мастера их были монахами»[92].

Несомненно, выявленный и подробно описанный В. Л. Яниным и Л. В. Столяровой «древнейший скрипторий Северо-Западной Руси» существовал и действительно являлся «беспрецедентным» по наличию в нем «столь значительного числа специально обученных книгописцев»[93]. Следует, однако, признать, что попытки рассматривать этот замечательный скрипторий как монастырский наталкиваются на непреодолимые препятствия.

Скорее всего, так называемый лазаревский скрипторий – это существовавшая на протяжении сравнительно недолгого времени при церкви св. Лазаря артель книгописцев[94], собранная специально для выполнения княжеского заказа на создание комплекта богослужебных книг в создающуюся церковь Благовещения Богородицы на Городище.

1.5. Характер книгописания в домонгольский период

Приведенные выше наблюдения позволяют уточнить мысль Л. В. Столяровой о том, что в древнейший период книгописание на Руси осуществлялось *преимущественно* в церквах[95]. Мы видим, что даже те редкие примеры, которые, казалось бы, свидетельствовали о существовании древнейшего монастырского книгописания в Новгородских землях (Юрьев и Лазарев монастыри), могут и должны быть подвержены пересмотру.

Вообще все сохранившиеся древнерусские рукописи XI–XIII вв. были переписаны священниками, сыновьями священников, дьяконами, дьяками, пономарями или просто «грешными писцами», но в любом

[92] *Розов Н. Н.* Русские мастера рукописной книги: (К 1000-летию русской книги). СПб., 1999. С. 66.

[93] *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи... С. 193, 201.

[94] О роли «артелей» в Новгороде XII в. писал Д. С. Лихачев: «Обычным становится в Новгороде исполнение различных работ постоянными коллективами (артелями – «дружинами»), что накладывает сильный отпечаток на новгородское искусство и литературу» *(Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 156).

[95] *Столярова Л. В.* Кодикология древнерусских памятников письменности. Надписи XI–XIV вв. как объект кодикологического исследования: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 2–3.

случае – не представителями черного духовенства. И позже, на протяжении второй половины XIV в., новгородские писцы – это главным образом «владычни робята», «владычень паробок», «владычень писец». Даже переписанные, несомненно, в монастырях новгородские рукописи конца XIV в. созданы писцами, не указавшими своей принадлежности к монашеству (дьяком Стефаном в Троицком Видогощском монастыре, 1380-е гг., дьяком Матфеем в Хутынском монастыре, 1391 г., и священником Федором в Хутынском монастыре, 1400 г.). Только Тактикон Никона Черногорца 1397 г. был переписан в Лисицком монастыре «калугерами» Яковом и Пименом, но эта рукопись открывает уже совершенно другую главу истории книгописания в Великом Новгороде (см. об этом ниже).

Можно сделать вывод, что по крайней мере до XIV в. переписывание книг не включалось в монашеский подвиг, и этот факт должен быть связан с преобладанием в Древней Руси XII– XIII вв. монастырей, придерживающихся так называемого келлиотского устава («особные монастыри»). В келлиотских монастырях иноки жили в своих особых кельях, ели свою пищу, владели своим имуществом и т. д., а общей у них была только церковь или часовня, куда они сходились на молитву. Основанные ктиторами– князьями, епископами, боярами, посадниками и содержавшиеся на их средства, эти монастыри строились как «прибежище» для крупных вкладчиков. Если вкладчик хотел уйти из монастыря, он мог потребовать обратно свой вклад. Такие иноки могли заказать (и заказывали) переписывание книги, но не занимались книгописанием сами.

Монастыри другого типа – общежительные – основывались на принципе отказа от какой-либо личной собственности, не исключая пищи и одежды, и на принципе равного обязательного посильного участия всех иноков во всех службах и работах, включая переписывание и хранение книг. Первым общежительным монастырем на Руси была знаменитая Киево-Печерская обитель, но если в ранний период истории обители здесь строго придерживались общежительных порядков, то уже к XIII в., судя по Киево-Печерскому патерику, право личной собственности проникло в среду иноков. Еще в меньшей степени общежительство сохранилось в других обителях, и к XIII–XIV вв. несомненное большинство монастырей на территории древнерусских княжеств придерживалось келлиотского устава.

В Новгороде первым общежительным монастырем был Антониев, и не случайно именно отсюда происходит знаменитый писатель XII в. Кирик Новгородец. В последующие годы, вплоть до конца XIV в., киновии не известны в новгородских пределах, и соответственно для того времени ничего не известно и о существовании здесь крупных монастырских библиотек и скрипториев.

Общежительные монастыри постепенно начали определять тип древнерусской (в том числе и новгородской) культуры позже, с конца XIV в., но об этом речь пойдет ниже – в следующем разделе исследования.

2. Монастырские книжные центры XIV–XV вв.

Территориальная система управления новгородскими монастырями в том виде, какой она постепенно сложилась к XIV– XV вв., реконструируется В. Л. Яниным следующим образом: кончанским монастырем Плотницкого конца был *Антониев Рождества Богородицы*, Славенского – *Сковородский архангела Михаила* (с подворьем или городским филиалом в *Павловом монастыре)*, Неревского – *Николаевский Белый*, Загородского – *Аркажский Успения Богородицы* (с подворьем или городским филиалом в *Никольском на Поле монастыре*), Людина – *Благовещенский на Мячине* (с подворьем или городским филиалом в *Варваринoм монастыре*). Как отметил В. Л. Янин, «использование монастырских печатей в качестве кончанских прямо свидетельствует о сращении мирской администрации новгородских концов с администрацией кончанских монастырей»[96]. В юрисдикции концов города, очевидно, находились не только упомянутые главные кончанские монастыри и их городские филиалы, но и другие обители, о чем свидетельствует Подтвердительная грамота Славенского конца Савво-Вишерскому монастырю (60-е гг. XV в.), в которой говорится о передаче обители «кончанской земли». Земельные и иные владения новгородских монастырей, основанных представителями боярских родов, рассматриваются исследователями не как неотчуждаемая церковная собственность, а как «депонированные» богатства тех или иных семей (В. Л. Янин, А. С. Хорошев). Действительно, во время восстания 1418 г. новгородцы подвергли разграблению боярские усадьбы Загородского конца и тут же «монастырь святого Николы на Полѣ разграбиша, ркуще: „здѣ житницѣ боярьскыи"»[97], т. е. собственность этой обители (филиала основного кончанского монастыря Загородского конца) горожане рассматривали как «боярскую». Известно, что новгородские монастыри являлись к концу республиканского периода крупнейшими землевладельцами, однако около половины этих владений, по А. С. Хорошеву, было вложено боярами государственным либо частным порядком, подтверждением чему служит требование московской администрации

[96] *Янин В. Л.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 920.

[97] НПЛ. С. 409.

после присоединения Новгорода сдать в казну половину монастырских волостей[98].

2.1. Сведения летописей

Для изучения истории новгородских монастырей особый интерес представляют 3 списка обителей, попавшие в состав летописей (под 1386, 1477 и 1528 гг.).

Первый из них, относящийся к 1386 г., перечисляет 24 монастыря около города (12 на Софийской стороне и 12 – на Торговой), сожженных самими новгородцами при наступлении войск великого князя Дмитрия Ивановича Донского, и еще один, 25-й монастырь, сожженный уже великокняжескими войсками:

«А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24:
[1] на Перуни,
[2] Юрьевъ,
[3] Рожественыи,
[4] Пянтелеевъ,
[5] Въскресеньскыи,
[6] Благовѣщеньскии,
[7] Оркажь,
[8] Духовъ,
[9] Борисиглѣбьскии,
[10] Богородицинъ,
[11] Николинъ,
[12] Лазоревъ,
а на Торговой сторонѣ:
[13] Антоновъ,
[14] Богородицинъ,
[15] Иоанновъ,
[16] на Волотовѣ,
[17] на Ковалевѣ,
[18] Рожественыи,
[19] Кириловъ,
[20] на Ситискѣ,
[21] на Ляткѣ,
[22] в Нередицахъ,
[23] на Сковороткѣ,

[98] *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 168.

[24] въ Щиловѣ».

Кроме того, добавлено:

«А на Понедѣлии и [25] Николиньскии монастырь княжи пожгли, и по инымъ мѣстамъ...»[99].

Все эти монастыри, за исключением одного, названного «Рожественыи» (на Софийской стороне), легко отождествляются с обителями, известными по другим источникам (см. рис. 2). Упоминание некоего Рождественского монастыря между Юрьевым и Пантелеймоновым, видимо, объясняется тем, что церковь Рождества Богородицы Юрьева монастыря была принята за отдельный монастырь. Если это так, то составителя данного перечня монастырей, очевидно, следует считать не новгородцем, так как местный житель вряд ли мог бы так ошибиться. Действительно, список сожженных в 1386 г. монастырей впервые встречается в составе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей, при этом его нет в обеих подборках Новгородской Карамзинской летописи. Весьма вероятно, что этот текст впервые появляется в составе московской по происхождению Софийской первой летописи (или ее предполагаемого Свода-протографа, который мы определяем как Свод митрополита Фотия 1418 г.) и уже оттуда заимствуется Новгородской четвертой летописью.[100] Таким образом, составление анализируемого списка сожженных монастырей можно отнести на счет некоего москвича, возможно участвовавшего в походе на Новгород 1386 г.

Интересен также анализ системы умолчаний этого перечня 1386 г. Что касается упомянутых в перечне обителей Левобережья (Софийской стороны и ее окрестностей), то обращает на себя внимание естественное отсутствие появившихся или впервые упоминаемых источниками позднее 1386 г. монастырей: Николаевского на Поле (1390), Водского Спасского (1394), Колмовского Успенского (1396), Вяжищского Николаевского (1411), Клопского Троицкого (1412), Мостищского Николаевского (1412), Ильинского (1421). Все остальные обители Софийской стороны, достоверно существовавшие к 1386 г. и находившиеся за пределами строившихся как раз в те годы (1372–1392) городских укреплений[101], были новгородцами сожжены.

Видимо, еще не существовал тогда Петропавловский на Синичьей горе (на Сильнище) монастырь, церковь которого была построена в 1185–

[99] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 346.

[100] *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 126.

[101] *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997. С. 52.

1192 гг. Этими же годами традиционно (но безосновательно) датировалось и возникновение монастыря. Из отсутствия упоминаний этой обители в письменных источниках, вплоть до Новгородских писцовых книг (и, в частности, в перечне 1386 г.), следует, что в ранний период здесь была только церковь, а монастырь появился позже 1386 г. (видимо, в XV в.).

На Правобережье (Торговой стороне) новгородцы сожгли в равной степени почти все монастыри, существовавшие к тому времени. В летописном перечне, естественно, нет основанных или впервые упоминаемых источниками позже 1386 г. пригородных монастырей, расположенных на Красном поле: Сокольницкого Николаевского (1389), Воскресенского с Красной горки (1415) и Спасского Нерукотворного Образа (1463/1495), а также более удаленных от города Ксенофонтова Робейского (конец XIV–начало XV в.), Савво-Вишерского (1417), Николаевского на Холопьем городке (1417), Коломецкого Троицкого (1421), Николаевского Островского (1460-е гг.) и Липенского Николаевского (конец XV в.).

Из монастырей Правобережья (Торговой стороны и ее окрестностей), достоверно существовавших к 1386 г., в перечне отсутствуют лишь Хутынский Спасо-Преображенский (1192) и Деревяницкий Воскресенский (1335) монастыри и предположительно уже существующий Лисицкий Рождества Богородицы (впервые упомянут летописью только в 1389 г., но по косвенным данным существовал намного раньше). Вопрос о причине отсутствия в перечне 1386 г. этих 3 обителей представляет особый интерес и будет рассмотрен подробнее ниже.

В этой связи кажется характерным, что если женские обители располагались на территории самого города и его ближайших окрестностей (см. рис. 6), то мужские находились в большем отдалении от крепостных стен. В целом такое распределение корреспондирует с широко распространенным представлением о пригородных монастырях как о некиих форпостах, имевших оборонное значение. По мнению многих авторов, кольцо монастырей, окружавших средневековый Новгород, выполняло военно-стратегическую функцию. Так, например, Д. С. Лихачев писал: «На значительном расстоянии от Новгорода, опоясывая его, шло кольцо монастырей-форпостов. Укрепления двух самых значительных из них – Антониева и Юрьева – с пристроенными к их соборам сторожевыми башнями-вежами запирали с двух сторон подступы к Новгороду по Волхову»[102].

Правда, в 1386 г., когда действительно к Новгороду подходило войско Дмитрия Донского, все пригородные монастыри были сожжены самими

[102] *Лихачев Д. С.* Новгород Великий... С. 13.

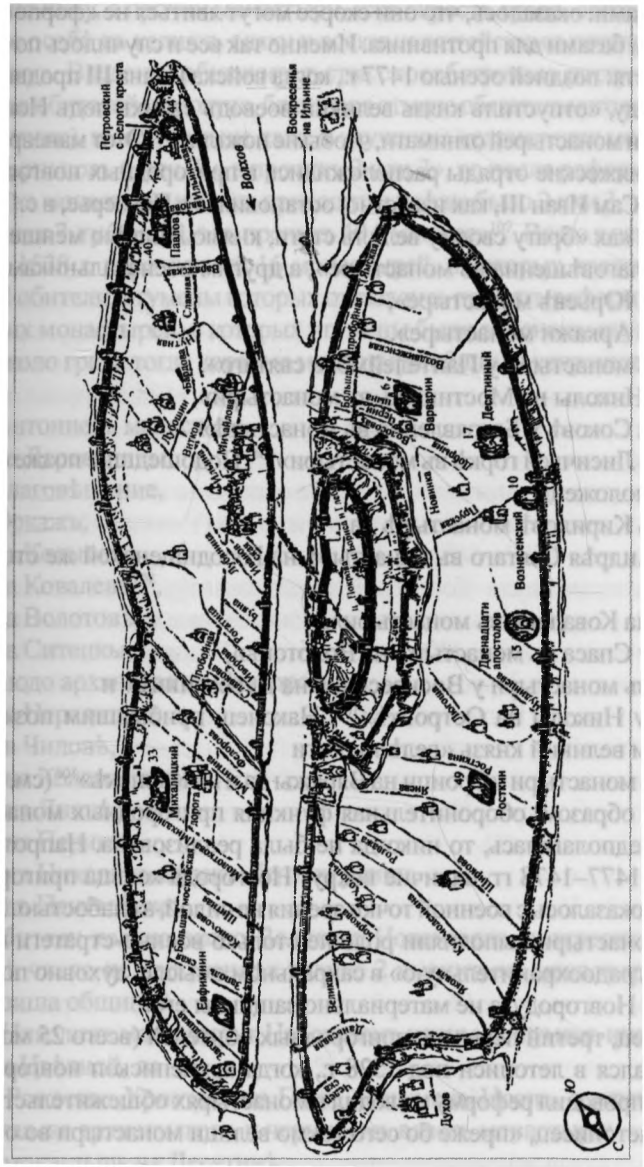

Рис. 6. Монастыри, находившиеся к XV в. в черте города

новгородцами: оказалось, что они скорее могут явиться не «форпостами», а готовыми базами для противника. Именно так все и случилось почти столетие спустя: поздней осенью 1477 г., когда войска Ивана III продвигались к Новгороду, «отпустилъ князь великий воеводъ своихъ подъ Новгородъ Городища и монастырей отнимати, чтобы не пожгли»[103]. Этот маневр удался, и великокняжеские отряды расположились в пригородных новгородских обителях. Сам Иван III, как известно, остановился в Поозерье, в с. Троица, в то время как «брату своему велѣлъ стати, князю Андрѣю меншему,

[1] у Благовѣщениа въ монастыре»; а другим военачальникам –

[2] «въ Юрьевѣ монастыре»,

[3] «въ Аркажи монастыре»,

[4] «въ монастыри у Пантелеймона святаго»,

[5] «у Николы на Мостищахъ въ монастыри»,

[6] «на Соковѣ у Богоявлениа въ монастырѣ»,

[7] «на Лисичьей горкѣ въ монастыри»[104]. Подошедшие позже отряды были расположены

[8] «въ Кириловѣ монастырѣ да

[9] у Андрѣя Святаго въ манастырѣ на Городищенской же сторонѣ», а также

[10] «на Ковалевѣ въ монастыри»,

[11] «у Спаса въ монастырѣ на Волотовѣ»,

[12] «въ монастыри у Воскресениа на Деревяницѣ» и

[13] «у Николы на Островкѣ»[105]. Наконец, прибывшим позже всех псковичам великий князь «велѣлъ стати

[14] въ монастыри у Троици на Вяряжы да и на Клопскѣ»[106](см. рис. 2).

Таким образом, оборонительная функция пригородных монастырей если и предполагалась, то никогда не была реализована. Напротив, и в 1386, и в 1477–1478 гг. наличие вокруг Новгорода кольца пригородных обителей оказалось с военной точки зрения не силой, а слабостью. На наш взгляд, монастыри выполняли роль не столько военно-стратегическую, сколько «градоохранительную» в сакральном смысле, духовно покровительствуя Новгороду, а не материально защищая его.

Наконец, третий перечень пригородных обителей (всего 25 монастырей) *оказался в летописи под 1528 г., когда архиепископ новгородский* Макарий проводил реформу и вводил в монастырях общежительство. Как отметил летописец, «преже бо сего токмо велици монастыри во общины

[103] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 174.
[104] Там же. С. 178.
[105] Там же. С. 179.
[106] Там же. С. 180.

быша и по чину, а прочии монастыри, иже окрестъ града, особь живуще, и коиждо особѣ въ келияхъ ядяху и всякими житейскими печалми обдержими бяху». Введение общежительства способствовало росту числа насельников обителей (вероятно, благодаря отмене обязательного вклада при пострижении), и если раньше даже в «лучших» келлиотских монастырях было «черньцовъ 6 или 7, а в прочихъ 2 или 3», то после реформы 1528 г. «братия въ монастыри начаша приходити: идѣже было 2 или 3, ту 12 и 15; идеже 6 или 7, ту 20 и 30, а въ прочихъ 40 и множее»[107]. Всего в летописном перечне 1528 г. перечислено 16 монастырей, в которых введено общее житие, 2 обители, игумены которых отказались принять реформу, а также 7 женских монастырей, в которых игумены были заменены игуменияими:

«А около града тогда которые монастыри общины устроиша, а се ихъ имена:

[1] Антониевъ манастырь,

[2] на Деревяницы,

[3] Благовѣщение,

[4] Оркажъ,

[5] на Колмовѣ,

[6] на Ковалевѣ[108],

[7] на Волотовѣ,

[8] на Ситецкы,

[9] Чюдо архангела на Сковороткѣ,

[10] в Нередицахъ,

[11] в Чиловѣ,

[12] на Коломъцахъ,

[13] на Липнѣ,

[14] на Перинѣ,

[15] на Николинъ конецъ Легощи улици,

[16] въ Пантелѣеве;

си обители толико около Великого Новагорода, а окрестнымъ градомъ здѣ число не положено; а толико 2 именитыхъ манастырѣи тогда не устроиша общины:

[17] Николинъ монастырь в Неровскомъ концы, а игуменъ инокъ Илья, зовемыи Цвѣтной, да

[18] Рожество Христово на Поли, а игуменъ Иоанъ, зовемыи Заяць <...> Тогда же архиепископъ и черницамъ вдасть монастыри:

[19] монастырь на Десятинѣ,

[107] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 545.

[108] Доб. по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 285.

[20] монастырь Петровскои,
[21] Ильинскои и
[22] Спаскои на Во[ло]цкои дорозе,
[23] на Соколницы,
[24] Богословскои на Вятки,
[25] на Шнятине;

а преже бо сего въ техъ монастырехъ жили игумены и черницы, и архиепископъ повѣле отвести игуменовъ въ мужскии монастыри, а черницамъ вдасть игумении благочиния ради»[109].

В этот перечень, естественно, не были включены монастыри, уже бывшие общежительными к 1528 г. Для установления круга общежительных монастырей Новгородской республики могут быть привлечены различного рода источники (наряду с перечнем 1528 г. другие летописные известия, а также сведения житий новгородских святых, данные по истории архитектуры и т. д.).

Можно условно выделить 3 группы общежительных монастырей:

1) предположительно возникших в конце XIV–начале XV в. (приблизительно между 1389 и 1403 гг.: Лисицкий, Ксенофонтов и Видогощский, а кроме пригородных – Коневский и Валаамский);

2) монастыри, возникшие как общежительные в 1410-х гг. (приблизительно между 1411 и 1421 гг.: Клопский, Вяжищский, Мостищский, Воскресенский на Красном поле, Савво-Вишерский, Никольский на Холопьем городке, Богоявленский на Водской дороге, а кроме пригородных– Отенский), и наконец,

3) обители, созданные при владыке Ионе (1458–1470 гг.: Николо-Островский, Спасский Нерукотворного образа с Поля, а кроме пригородных – Соловецкий).

Таким образом, можно полагать, что появление общежительных монастырей в Новгородских землях следует датировать временем архиепископства владыки Иоанна (1388–1415), причем после его задержания в Москве при митрополите Киприане (1403) наступает перерыв до нового смягчения отношений с Москвой после приезда на Русь митрополита Фотия и новгородского посольства в Москву (1410/1411 г.). За период после кончины архиепископа Симеона (1421) и до поставления архиепископа Ионы (1458) о новых общежительных монастырях сведений нет.

С другой стороны, нам неизвестно, в какое время приняли общежительный устав основанные ранее монастыри, кроме упоминавшегося выше Антониева (Хутынский, Радоковицкий, Кириллов, Лятский, Бори-

[109] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 545.

соглебский на Гзени, Зверин, Лазарев, Духов, Воскресенский на Мячине), но отсутствие упоминания их в перечне 1528 г. позволяет думать, что к этому времени реформа в них уже была проведена.

Особое значение для истории общежительства в Новгородских землях имеет обитель, бывшая, на наш взгляд, первой в ряду киновий, – Лисицкий Рождества Богородицы монастырь. Именно отсюда, по всей вероятности, новая для республики монастырская традиция стала распространяться еще в конце XIV в.

2.2. Лисицкий Рождества Богородицы монастырь

В драгоценном венце новгородских монастырей, славящихся святыми ли основателями и подвижниками, сохранившимися ли до наших дней памятниками древнерусской архитектуры и живописи, сложенными ли о них легендами и сказаниями, Лисицкий монастырь, на первый взгляд, мало примечателен. Поросший кустами холм, где лишь под дерном обнаруживаются обломки кирпичей и куски строительного раствора, не произведет впечатления ни на паломника, ни на туриста. Имя основателя обители и само время ее возникновения остаются неизвестными, а среди произведений древнерусской литературы мы не встретим ни житий лисицких подвижников, ни повестей о событиях в этом монастыре. Значение и роль обители в истории древнего Новгорода раскрывается постепенно, по мере работы в библиотеках и архивах, при изучении средневековых рукописных книг и содержащихся в них записей.

Монастырь Рождества Богородицы на Лисьей (или на Лисичьей) горке находился в 7 верстах от Новгорода по старой Московской дороге (ныне ведущей к Хутынскому монастырю), на берегу Малого Волховца. В летописях он упоминается впервые под 1389 г.: «И на Лисицьи горке поставиша церковь древяную Рожество святыя Богородица». По-видимому, обитель упоминается как уже существующая, а не только что основанная, так как рядом, в той же летописной статье об основании другого монастыря, говорится: «И на Сокольи горке поставиша церковь древяну святого Николу, и манастырь устроиша». Когда же монастырь мог быть основан?

В Житии преподобного Арсения, основателя Коневского монастыря на Ладожском озере, говорится, что этот святой принял постриг в Лисицком монастыре, прожил в иночестве 65 лет и скончался в 1447 г. Несложные арифметические вычисления позволяют установить, что Арсений стал иноком, согласно его Житию (в целом очень достоверному и наполненному подлинными, поддающимися проверке фактами и реалиями), в 1382 г., т. е. на 7 лет раньше даты первого упоминания Лисицкого монастыря в летописи. Далее, в одной из сохранившихся монастырских рукописей – Синодике

конца XIV–начала XV в. (РГАДА. ф. 381. Синод. типографии, № 141) – в разделе, озаглавленном «Помяни, Господи, душа рабъ своихъ правовѣрныхъ архиманьдритъ игуменовъ», содержится перечень 26 имен, а в разделе, озаглавленном «Помяни, Господи, душа рабъ своихъ яже окрестъ святѣи Богородици лежащихъ братьи нашеи калугеров», упоминается более 100 имен. Если это действительно имена игуменов и монахов Лисицкого монастыря, то основание обители следовало бы относить к значительно более древним временам, чем ее первое упоминание в летописи. В Новгороде бытовали смутные предания о более раннем основании Лисицкого монастыря даже по сравнению с возникшим в конце XII в. соседним Хутынским (о том, что в нем были похоронены родители Варлаама Хутынского[110] и что сам Варлаам Хутынский до того, как стал основателем своего монастыря, игуменствовал на Лисьей горе[111]). Окончательно вопрос о времени основания Лисицкой обители смогут решить будущие исследования, в том числе, возможно, и археологические.

Наиболее полно письменные известия о ранней истории Лисицкого монастыря представлены в Новгородской четвертой летописи (далее – Н4), созданной, согласно нашим исследованиям, около 1430–1431 гг.[112] Из этой летописи мы узнаем о том, что после обедни 27 мая 1392 г. упомянутая выше деревянная церковь Рождества Богородицы сгорела, а на следующий год была выстроена вновь, но, вероятно, уже в камне; что в 1400 г. в монастыре умер «владычень брат» (т. е. брат архиепископа новгородского Иоанна) Василий; что в 1403 г. церковь святой Богородицы «подписана бысть» (т. е. расписана фресками); что в 1410 г. архимандрит Варлаам в Лисицком монастыре построил каменную надвратную церковь Варлаама Хутынского; что в 1421 г. «владычень ключник с Лисьи горки» Арсений упоминается в числе 3 кандидатов во время выборов на архиепископскую кафедру, а спустя 8 лет другой кандидат на аналогичных выборах – Евфимий II – был избран архиепископом из игуменов Лисицкого монастыря. Под 1406 г. к упоминанию Илариона, епископа коломенского, летописец добавляет: «бывъ преже игуменомъ Лисицкои лавры».

Расцвет книгописания в Лисицком монастыре относится к концу XIV–первой половине XV в. 12 рукописных книг этого времени, связанных по своему происхождению с Лисицким монастырем (древнейшая точно датированная – Тактикон Никона Черногорца, 1397 г., РНБ, F.п.I.41), со-

[110] *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства... Т. 2. С. 310.

[111] Об этом говорится в Житии Ксенофонта Робейского (Сборник Житий новгородских святых 30-х гг. XIX в., хранящийся в Новгородском государственном музее (КП 30056-312. Л. 103 об. – 106)). См. об этом подробнее ниже.

[112] *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи. С. 107–136.

хранились до наших дней. Следует обратить внимание на «афонские» связи книжников Лисицкого монастыря: в конце XIV в. инок Арсений (будущий основатель Коневского монастыря) и игумен Иларион совершили «хожения» на Святую гору и «принесли» оттуда рукописные книги – Устав монастырский и Тактикон Никона Черногорца. Оба доставили книги к новгородскому архиепископу Иоанну (1388–1415), который разрешил Арсению основать новый монастырь (Коневский) и повелел снять копию с рукописи, привезенной Иларионом. Это обстоятельство не случайно: в конце XIV– первой половине XV в. Лисицкий монастырь постоянно связан с «владычным двором» (напомним, что в монастыре жили «владычень брат» Василий, «владычень ключник» Арсений и т. д.). Об «афонских» связях Лисицкого монастыря свидетельствует и запись писца Серапиона в сборнике 1431 г. о том, что переписанное здесь сочинение Максима Исповедника было переведено с греческого на Афоне всего 6 годами раньше. Кроме того, в 6 рукописях, связанных с лисицким скрипторием, имеются заставки балканского стиля, созданные по одному канону, сложившемуся в этом монастыре под влиянием именно афонской традиции.

Существуют также свидетельства об общем византийском и южнославянском влиянии на деятельность этого книгописного центра. Анализ репертуара книг мастерской Лисицкого монастыря показывает, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых на Руси связывается с этим влиянием, с особым интересом к Византии и к переводной литературе с греческого. Из-под пера лисицких книжников конца XIV–первой половины XV в. вышли списки сочинений Максима Исповедника, Григория Синаита, Феодора Эдесского, Филофея Синаита, Нила Философа, Никиты Стифата, Илариона, Зосимы, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, аввы Дорофея и др. Все они относятся к кругу монашеской литературы, получившей распространение на Руси в связи с проникновением из Византии и от южных славян идей исихазма. На основании этих фактов лисицких книжников можно отнести к сторонникам «грекофильской иноческой партии» того времени, представителям общежительного движения среди русского монашества. Не случайно лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского, уходит далеко на север и основывает новый монастырь[113].

Наиболее известны из лисицких иноков кроме преподобного Арсения Коневского также игумены этого монастыря Иларион, совершивший паломничество на Афон, после чего в 1396 г. ставший

[113] *Бобров А. Г.* 1) Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV – начале XVI в. С. 10–16; 2) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV – первая половина XV в.). С. 78–98.

архимандритом московского Симонова монастыря, а позже– епископом коломенским, и святой Евфимий Новгородский, в ноябре 1429 г. ставший новгородским архиепископом. Исследования недавнего времени показали, что существенную роль в истории и культуре Новгорода начала XV в. играл еще один выходец с Лисьей горы – Варлаам. Наиболее раннее упоминание его имени датируется 1397 г. В приписке к Тактикону Никона Черногорца говорится, что «в лѣто 6905 [1397] <...> списана бысть книга сия святыи Никонъ въ Великомъ в Новѣгородѣ къ святѣи Богородицѣ честному ея Рожеству на Лисичью Горку <...> Вынеслъ бо бяше сия книгы святыи Никонъ изъ Святое Горы игуменъ Ларионъ того же монастыря. А тогда игуменьствующю Варламу, оученику его...». Из этого текста о Варлааме становится известно следующее: он был учеником игумена Лисицкого монастыря Илариона и после него также выполнял игуменские обязанности. В 1410 г. он упоминается уже в качестве архимандрита юрьевского (Новгородская первая летопись младшего извода (далее – Н1мл.) сообщает о строительстве архимандритом Варлаамом церкви, посвященной Варлааму Хутынскому в Лисицком монастыре). Архимандрит Варлаам, вероятно, принимал участие в ведении летописания, в частности, с его именем связывается создание летописного свода 1411 г.[114]

Анализ книгописной деятельности в Лисицком монастыре позволяет утверждать, что на протяжении конца XIV–первой половины XV в. монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния. На протяжении более полувека монастырь на Лисичьей горе был своего рода «духовной академией», готовившей крупных церковных деятелей (Арсений Коневский, епископ Иларион, архимандрит Варлаам, архиепископ Евфимий II).

Видимо, в последний раз Лисицкий монастырь оказывается в центре внимания жителей Новгорода в 1458 г., когда Евфимий II, заболев, отправляется в ту обитель, откуда «жребий» 30 лет назад возвел его на кафедру новгородских владык. Здесь же, в Лисицком монастыре, он и скончался. Пахомий Серб, автор Жития св. Евфимия Новгородского, описывает, как жители города, узнав о смерти своего архиепископа, стекаются в Лисиц-

[114] *Бобров А. Г.* 1) Варлаам Лисицкий – новгородский книжник конца XIV – начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. № 18. С. 5; 2) Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 89–101.

кий монастырь: «Вси путие, иже к тому монастырю ведущии, речным быстринам подобяхуся; вси скорбяху и вси тужаху...»[115].

Еще под 1496 г. в летописи лисицкий игумен в перечне новгородских настоятелей монастырей назван пятым (после архимандрита юрьевского, игуменов антониевского, хутынского и вяжищского), что определялось, конечно, не богатством, а авторитетом обители. Начиная с XVI в. монастырь на Лисьей горе постепенно перестает играть сколько-нибудь существенную роль в культурной жизни Новгорода.

Согласно Описи Новгорода 1617 г., монастырь был богат каменными постройками: здесь было 2 каменные церкви (Рождества Богородицы и Варлаама Хутынского) и 2 каменные палаты, а также деревянные трапезная церковь Иоанна Златоуста и колокольня[116]. В 1764 г. монастырь был упразднен. В XIX в. разрушилась последняя постройка – каменная церковь Рождества Богородицы 1393 г., расписанная фресками в 1403 г. Археологически монастырь почти не исследован, хотя несколько десятилетий назад здесь был обнаружен клад средневековых серебряных монет. О былой славе Лисицкой обители напоминают главным образом рукописные книги на полках наших библиотек и архивов.

Как уже мы отметили выше, по крайней мере 2 легенды связывают Лисицкий монастырь с соседним с ним Хутынским (о том, что в Лисицкой обители были похоронены родители Варлаама Хутынского и что сам Варлаам Хутынский до того, как стал основателем своего монастыря, игуменствовал на Лисьей горе). Хутынский монастырь также был в конце XIV–XV в. заметным книжным центром.

2.3. Хутынский Спасо-Преображенский монастырь

Хутынский Спасо-Преображенский монастырь, основанный в 1192 г. св. Варлаамом Хутынским, находится на правом берегу Волхова, в 10 верстах от города, вниз по течению (№ 56 в разделе II Приложения и на карте – рис. 2 и 7). Из древних рукописей сохранился только «Служебник Варлаама Хутынского» конца XII–начала XIII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 604)[117]; значительным книжным центром монастырь становится позже – с конца XIV в.

---

[115] Повесть о Евфимии // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 21.

[116] Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. С. 105–106. Очевидно, библиотека обители была распылена уже к этому времени: по Описи числится только 2 Евангелия и еще 4 бумажные рукописи (Там же. С. 105).

[117] Сводный каталог... С. 187–188 (№ 167).

К 1391 г. относится пергаменный Апостол (РНБ, собр. Погодина, № 26), а около 1400 г. 2 Служебника переписал хутынский священник Федор (ГИМ, Синодальное собр., № 600 и РНБ, Q.п.I.7)[118].

Особый интерес для истории книгописания в Хутынском монастыре представляет Евангелие толковое 1441 г. (БАН, 34.7.10).

На л. 460 этой рукописи имеется писцовая запись: «Великаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа господину своему игумену Герману написах сию книгу смеренный и многострастныи диакъ Иовь чернець в лето 6000 и 900 и 49 [1441]».

Вопрос о том, где было переписано Евангелие толковое 1441 г., однако, довольно непрост. В XV в. в Новгородских землях достоверно известно по крайней мере 7 Спасо-Преображенских монастырей (Хутынский, Верендовский, Нередицкий, Водский Спасский (в конце Козмодемьянской улицы), Спасо-Преображенский в Старой Руссе, Соловецкий и Валаамский), но игумен Герман документально засвидетельствован только в 1479 г. в Хутынском монастыре[119]. Э. С. Смирнова, отметив, что упомянутое Евангелие было создано «в каком-то из нескольких новгородских монастырей Спасо-Преображенских»[120], осторожно предположила: «Возможно, это Соловецкий монастырь»[121]. Эта догадка, основанная, видимо, на упоминании имени игумена Германа, вызвавшего невольное сопоставление с преподобным Германом Соловецким, представляется, однако, более чем сомнительной. В 1441 г. Соловецкий монастырь, видимо, еще не был основан, а если и существовал, то переживал самый ранний, зачаточный период своей истории[122], игуменство же в нем преподобного Германа источниками вообще не документируется.

Многие аргументы свидетельствуют в пользу того, что Спасо-Преображенское Евангелие чернеца Иова 1441 г. было переписано в Хутынском монастыре. Во-первых, из перечисленных 7 новгородских Спасо-Преображенских монастырей, существовавших в то время, к середине XV в., несомненно, Хутынский был и богатейшим[123], и известнейшим. Скорее

[118] *Вздорнов Г. И.* Рукописи новгородского писца Федора (1400 г.) // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 252–264.

[119] См. запись в Прологе 1479 г. (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 3933).

[120] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода... С. 155.

[121] Там же. Ср. с. 71, 72.

[122] Зосима и Герман поселились на Соловках, видимо, в 1436 г., а официально монастырь был учрежден только при архиепископе новгородском Ионе (1458–1470 гг.) (см.: *Дмитриева Р. П.* О раннем периоде истории Соловецкого монастыря в Житиях Зосимы и Савватия и в списках Соловецкого летописца// ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 89–98).

[123] Согласно данным писцовых книг, к концу XV в. Хутынский монастырь был вторым по богатству в Новгородских землях, ненамного уступая только Юрьеву монастырю

Рис. 7. Монастыри дальних окрестностей

всего, именно этот монастырь мог быть назван писцом просто «Преображения» без дополнительных географических уточнений[124]. Во-вторых, Хутынский монастырь в конце XIV–XV в. был известным и крупным книгописным центром (см. Приложение, раздел II, № 56).

Наконец, в-третьих, для локализации нашего Спасо-Преображенского монастыря большое значение имеет имя писца: «диакъ Иовъ чернець»[125]. Известно, что Иов чернец в 1435 г. выполнял заказ по переписыванию книги (Октоиха) для архиепископа Евфимия II: «По замышлению господина преосвященнаго архиепископа Великого Новгорода владыкы Еуфимиа начах сию книгу писати глаголемый Осмогласникь месеца маиа в 1 день, на память святого пророка Иеремиа, в дом Божии Софии <...> В лѣто 6944 по замышлению пресвященнаго архиепископа Великого Новагорода владыкы Еуфимиа написана бысть сия книга глаголемая Осмогласник рукою многогрешнаго в иноцѣх Иева чернца месяца ноября в 8 день на память святаго великаго архистратига Михаила» (ГИМ, Синодальное собр., № 199, л. 1 и 260).

Если принять отождествление двух писцов – дьяка чернеца Иова 1441 г. и чернеца Иева 1435 г., то вероятность отнесения этого книжника к братии именно Хутынской обители становится еще большей: ведь Иев выполнял заказ архиепископа Евфимия II, бывшего, согласно его Житию, некоторое время иноком в этом монастыре. Став владыкой новгородским, Евфимий не потерял связи со своей прежней обителью. Как раз в 1441 г. он одарил на престольный праздник хутынскую братию пергаменным списком Иерусалимского церковного Устава[126]. Согласно Распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского, в 1440 г. состоялось «смотрение мощей преподобнаго Варлама» архиепископом[127], а в 1445 г.

(см.: *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе... С. 210–211).

[124] Ср. упоминание Хутынского монастыря в известии Н1мл. 6896 (1388) г. об избрании архиепископом новгородским Иоанна: «и избра Богъ и святая Софѣя и престолъ Божии мужа добра, тиха, смирена Иоана, игумена святого Спаса, и стави жеребей его на престолѣ своемь...» (НПЛ. С. 382).

[125] Фотовоспроизведение почерка писца Иова из рукописи 1441 г.: *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода... С. 71.

[126] ГИМ. Синодальное собр. № 332. Нач. XV в. На л. 199 об. запись полууставом середины XV в.: «В лето 6949 [1441] се положи господин пресвященныи архиепископ Великого Новагорода владыка Еуфимеи Устав сеи в дом святаго Спаса на Хутино на праздник Преображения Господа нашего Исуса Христа» (*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 214).

[127] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 40–41.

Евфимий II «постави церковь камену на Хутинѣ святого Варлама, а на верху колоколницу»[128].

Предположение о написании Евангелия 1441 г. в Спасо-Преображенском Хутынском монастыре позволяет приблизиться к ответу на вопрос о месте создания летописного сборника, содержащего Комиссионный список Н1мл. (далее – Км.). Совпадение практически всего основного объема бумаги, использованной писцами Км. (кроме небольшой самой поздней части на л. 14–24 об.) с сортами бумаги, использованной чернецом Иовом в 1441 г., вероятно, в Хутынском монастыре, наводит на мысль о возможной связи рукописи Км. с этой обителью[129]. Эта гипотеза может быть подкреплена и другими соображениями.

Во-первых, в записях на рукописных книгах зачастую встречается один признак причастности к ведению летописной работы– это так называемые записи летописного характера (см. об этом подробнее ниже). Такого рода запись встречаем мы и в Хутынском Уставе Иерусалимском (том самом, который Евфимий II подарил в монастырь в 1441 г.): «В лѣто 6966 [1458] преставися пресвященныи архиепископ Еуфимии марта въ 11 в субботу въ 9 час нощи. Того же месяца марта въ 19 възведен бысть на владычество Иона игумен»[130].

Во-вторых, в самом тексте списка Км., несмотря на близость между собой всех списков Н1мл., также можно обнаружить одну деталь, свидетельствующую о связи его переписчика именно с Хутынским монастырем. Излагая события 1223 г., новгородский летописец пишет: «Того же дни приведоша въ дворъ Арсениа черньца съ Хутина, мужа добра и зѣло боящася Бога» (списки Академический, середины XV в. (БАН, 17.8.36 (Осн.153) и Толстовский, середины XVIII в. (РНБ, ОСРК, F.IV.223))[131]. Это чтение протографично, так как почти дословно повторяет чтение Н1ст. («Томь же дни въведоша въ дворъ Арсению цьрньця съ Хутина, мужа добра и зѣло боящася Бога»)[132]. Переписчик Км. слегка отредактировал текст, придав ему большую торжественность: «Того же дни *пакы* въведоша

[128] НПЛ. С. 424. То же известие см. в Н4.

[129] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 68–74. Сопоставление почерка Иова с почерками писцов Км. затруднительно, так как рукописи написаны разными типами почерков: каллиграфический торжественный полуустав в Евангелии 1441 г. и варианты «обиходного» беглого полуустава в Км. (ср. установление 3 совершенно разных типов почерка, использованных одним и тем же новгородским книжником XV в. Закхеем, в исследовании Н. А. Охотиной-Линд: *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 120–130, 141–146).

[130] ГИМ. Синодальное собр. № 332 (*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей... С. 214).

[131] НПЛ. С. 263.

[132] НПЛ. С. 61.

въ дворъ Арсѣния *инока изъ обителѣ святого Спаса Хутинъскаго*, мужа добра и зѣло боящася Бога»[133]. Замена чтения «черньца съ Хутина» на чтение «инока изъ обителѣ святого Спаса Хутиньскаго» составителем списка Км. свидетельствует, по всей видимости, о его особом отношении к названному монастырю.

Итак, анализ списка Км. позволяет предположить, что его основная часть была переписана в Хутынском монастыре в 40-х гг. XV в. Следовательно, этот монастырь был не только книжным, но и летописным центром.

В последней четверти XV в. в Хутынской обители занимался книгописанием выдающийся писец-каллиграф, владевший 3 различными типами почерков, – инок Закхей, сыгравший весьма заметную роль в истории новгородской культуры.

Проанализировав в своем капитальном труде «Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век» развитие новгородского книжного искусства 1480–1490-х гг., Э. С. Смирнова обратила внимание на его наиболее существенную черту – воскрешение византийских традиций[134]. Особое место в этом ряду занимает знаменитое Закхеевское евангелие 1495 г., переписанное на Валааме по заказу игумена новгородского Хутынского монастыря (БАН, 24.4.26). Именно в этом Евангелии впервые для Новгородских земель на смену балканскому орнаменту приходит другой стиль – византийский (или иначе «неовизантийский») орнамент[135]. По мнению Э. С. Смирновой, этот тип орнамента был «создан, сотворен в Москве в конце XV в. на протяжении 1480-х– начала 1490-х гг. как талантливый парафраз традиционного византийского узора»[136], хотя она не приводит фактов существования московских рукописей с византийским орнаментом, хронологически предшествующих Закхеевскому евангелию 1495 г. Надо сказать, что это не единственный случай в ее в целом замечательной книге, когда без доказательств предполагается приоритет Москвы в тех или иных аспектах развития книжного искусства при том, что реально дошедшие до наших дней рукописи новгородского происхождения древнее московских. Исследовательница исключительно высоко оценила значение Закхеевского евангелия в развитии книжного искусства Новгорода, отметив, например, что среди других валаамских рукописей «лицевое Евангелие апракос 1495 г., с его замечательным декором, сияет, как звезда»[137].

[133] НПЛ. С. 263.
[134] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода...
[135] Там же. С. 127.
[136] Там же. С. 129.
[137] Там же. С. 162.

Обстоятельства написания Евангелия были изложены самим писцом: «Написана бысть божественаа сиа книга Четвероблаговѣстник в дому святого Спаса в манастыри на Валамѣ, по благословению господина игумена Якима, в дом святого Спаса и преподобнаго чюдотворца Варлама, в прѣчестнѣишую обитель на Хутино. Повелениемъ раба Божиа господина Нафанаила игумена и всего священнаго събора».

Каким образом «кардинальная смена орнамента»[138], принципиальная новация для искусства Новгорода, смогла осуществиться в рукописи, переписанной в хотя и знаменитом, но весьма отдаленном монастыре?

Выяснение личности и биографии писца Закхея, таким образом, имеет немалое значение для истории новгородского книгописания конца XV в. В этом направлении многое уже сделано Н. А. Охотиной-Линд, опубликовавшей в 1992 г. отдельную статью об этом книжнике[139], а также посвятившей его деятельности многие страницы своей прекрасной монографии «Сказание о Валаамском монастыре»[140].

Основные выводы исследовательницы таковы. Н. А. Охотина-Линд обнаружила и подробно проанализировала 5 переписанных иноком Закхеем рукописей: Слова Григория Богослова 1475 г. (РНБ, F.I.890), Закхеевское евангелие 1495 г. (БАН, 24.4.26), лицевое Евангелие конца XV в. (БАН, 13.1.26), Евангелие 1506–1507 гг. (РГБ, Муз. 8619) и лицевое Евангелие 1523 г. (РНБ, НСРК, F.299). Хотя перечисленные рукописи создавались на протяжении почти 50 лет, принадлежность их одному писцу не вызывает сомнений (отождествление почерков Евангелий 1495 г. и 1523 г. принадлежит автору этих строк, отождествление почерков в других рукописях осуществлено Н. А. Охотиной-Линд). Первые 3 рукописи, созданные в XV в., были переписаны на Валааме, Евангелие 1506–1507 гг. – в Хутынском монастыре под Новгородом, а Евангелие 1523 г. – в Коневском монастыре на Ладожском озере.

Валаамский книжник Закхей отождествляется Н. А. Охотиной-Линд с известным по ряду источников («Повесть о посаднике Добрыне», «Повесть о пономаре Тарасии», Жалованная грамота Палеостровскому монастырю) хутынским игуменом Закхеем. Существенным здесь оказывается обстоятельство, что, переписывая в Хутынском монастыре Евангелие 1506–1507 гг., Закхей в своей записи не упоминает о благословении игу-

[138] Там же. С. 126.

[139] *Охотина Н. А.* Книгописец и игумен Закхей в новгородской литературе кон. XV–нач. XVI в. // Книга в меняющемся мире. Седьмая научная конференция по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. М., 1992. С. 22–24.

[140] *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 121–132, 140–145, 154–155.

мена обители, следовательно, заключает исследовательница, «в то время Закхей сам был хутынским игуменом»[141]. Действительно, в известном памятнике новгородской литературы – «Видении пономаря Тарасия» – говорится, что видение это явилось хутынскому пономарю в 1505 г., он же «повѣда сие <...> тоя святыя обители игумену Закхеи и всеи братии...»[142]. В другом источнике – «Повести о посаднике Добрыне» (известной также под названием «Повесть о варяжской божнице») говорится, что «сия ми повѣда игумен Сергии Островьского манастыря от святого Николы, отець Закхиевъ, нынешнего игумена Хутиньского»[143].

Наконец, третий источник, привлекаемый в этой связи, – это не имеющая точной даты Жалованная грамота хутынского игумена Закхея палеостровскому игумену Конону и палеостровским старцам о разрешении рыбной ловли на реке Челможе, впервые введенная в научный оборот В. И. Корецким в 1958 г.[144]

Тот факт, что в 1475 и 1495 гг. Закхей переписывает рукописи на Валааме (последнюю – для Хутынского монастыря), а под 1505 г. он упоминается как хутынский игумен в «Повести о пономаре Тарасии», позволяет Н. А. Охотиной-Линд датировать «Повесть о посаднике Добрыне» и Жалованную грамоту Палеостровскому монастырю (где Закхей также фигурирует как хутынский игумен) временем после 1495 г., но до 1523 г., когда Закхей уже в преклонном возрасте переписывает рукопись в Коневском монастыре. Биографию Закхея исследовательница реконструирует следующим образом: «Молодые годы инок Закхей, вероятно, сын игумена Островского монастыря Сергия, проводит в Валаамском монастыре. „Слова Григория Богослова", переписанные им в 1475 г., выполнены еще молодым человеком. Позже Закхей вырабатывает еще два изысканных варианта почерка и становится писцом-каллиграфом, создающим настоящие книжные шедевры. В 1495 г. им переписывается на Валааме роскошное „Закхеевское Евангелие", которое дается вкладом в Хутынский монастырь (не исключено, что в это время уже существовала перспектива перевода Закхея в этот новгородский монастырь в качестве игумена; может быть, этим вызвано и появление «панегирика» архиепископу Геннадию в записи на рукописи). В эти же годы, и, скорее всего, в том же месте, Закхей переписывает еще одно изумительное Евангелие (БАН, 13.1.26). <...> Вероятно, вскоре после 1495 г. Закхей становится игуменом одного из наиболее зна-

[141] *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 141.

[142] Там же.

[143] ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 190.

[144] *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 450.

менитых новгородских монастырей – Спасо-Хутынского <...> Сохранилась переписанная им, хутынским игуменом, рукопись 1506/1507 г. В этом же качестве он упоминается в двух ярких произведениях литературы того времени: в „Видении хутынского пономаря" <...> и в „Повести о посаднике Добрыне". К этому же периоду его деятельности относится и грамота, выданная Палеостровскому монастырю»[145].

На первый взгляд такое построение вполне логично и закономерно, однако в источниках имеются некоторые противоречащие ему факты, о чем я уже кратко упоминал в «Предисловии» к упомянутой книге Н. А. Охотиной-Линд[146]. Теперь я попытаюсь остановиться на этом подробнее. Выяснение такого, казалось бы, частного вопроса, как датировка игуменства Закхея в Хутынском монастыре, имеет, однако, весьма существенное значение как для выяснения биографии этого выдающегося новгородского книжника, так и для истории самой литературы Великого Новгорода. Для решения поставленного вопроса следует привлечь относящиеся к нему источники в полном объеме.

Как уже упоминалось, в «Повести о посаднике Добрыне» говорится о том, что историю эту записавшему ее книжнику «повѣда игумен Сергии Островьского манастыря от святого Николы, отець Закхиевъ, нынешнего игумена Хутиньского». Игумен Сергий Островский является одной из заметных фигур в истории древнерусской литературы. Это именно он «повѣдаше» некоему новгородскому книжнику еще одну историю, известную как «Повесть о Благовещенской церкви». Эта повесть прямо начинается словами: «Той же чюдныи мужъ Сергии повѣдаше о Благовещенском монастыри...», и это объясняется тем, что в сборниках она следует сразу за «Повестью о посаднике Добрыне». Таким образом, обе повести были рассказаны одним и тем же лицом и составляют определенное единство. В двух рукописях – сборнике XVI в. (РГБ. Собр. Волоколамского монастыря, № 659) и сборнике XVII в. (СПб. ФИРИ РАН. Собр. Лихачева. № 294) эти повести входят в цикл новгородских сказаний, существование которого было отмечено еще В. О. Ключевским и Л. А. Дмитриевым[147].

В. О. Ключевскому был известен только Волоколамский сборник; исследователь указал на 4 новгородские повести: о варяжской божнице, о Благовещенском монастыре, о просфоре (иначе – «Сказание о Михалицком монастыре») и об архиепископе Ионе (пророчество Михаила Клопского Ионе в детстве) и заметил, что «по ссылкам, которые

[145] *Охотина-Линд Я. А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 145.

[146] *Бобров А. Г.* Предисловие // Там же. С. 1–10 (1-я паг.).

[147] *Ключевский В. О.* Жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 162–164; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 171–174.

делает в них автор, видно, что оне записаны одной рукой. Так в первой из них замечено: „сия ми поведа игумен Сергий Островского монастыря от св. Николы, отец Закхиев, нынешнего игумена Хутынского“; вторая начинается словами: „той же чудный муж Сергие поведа”», «третья: „Поведаше некто от благочестивых муж”; четвертая: „Поведа нам сам господин архиеп. Иона”»[148]. По мнению В. О. Ключевского, эти четыре повести были написаны в конце 70–80-х гг. XV в.

Дополнительный материал для изучения цикла новгородских повестей привлек Л. А. Дмитриев, указавший, что в состав Волоколамского сборника входят еще 2 легендарных сочинения – «Видение пономаря Аарона» и Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных. Кроме того, исследователь привлек к анализу Лихачевский сборник, содержащий кроме 6 названных текстов еще целый ряд новгородских сочинений, в том числе единственный список краткой редакции Жития Исидора Юрьевского (написанной вскоре после 1474 г.)[149]. Как отметил Л. А. Дмитриев, «вся эта новгородская часть Лихачевского сборника требует специального исследования», однако «совершенно очевидно, что и Волоколамский сборник, и Лихачевский восходят к какому-то сборнику новгородских легендарных рассказов»[150].

Этот гипотетически реконструируемый сборник, очевидно, представлял собой уникальное явление в истории древнерусской литературы. Некий новгородский книжник собрал и литературно обработал записи устных рассказов-легенд о местных подвижниках и монастырях, при этом зачастую сохранил форму повествования от первого лица (рассказ пономаря Аарона о чуде 1439 г., рассказ архиепископа Ионы о пророчестве ему Михаила Клопского и др.) или указание на рассказчика истории. Этот сборник, имеющий, между прочим, явную «антилатинскую» направленность (о чем свидетельствует хотя бы включение в его состав Повести о варяжской божнице и Жития Исидора Юрьевского), может быть назван «Новгородским патериком»[151].

Не останавливаясь подробно на анализе содержания этого сборника (это тема отдельного исследования), отметим, что все входившие в его состав тексты датируются по разным признакам 70–80-ми гг. XV в., и

[148] *Ключевский В. О.* Жития святых как исторический источник. С. 162–163.

[149] *Соколова Л. В.* Житие Исидора Юрьевского // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. С. 284–285.

[150] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 174.

[151] С благодарностью вспоминаю, что идея назвать так существующие в рукописях подборки статей о новгородских преподобных была подсказана мне Д. С. Лихачевым в частной беседе.

следует согласиться с В. О. Ключевским, относившим к этому времени и само создание цикла.

Все упомянутые в текстах «Новгородского патерика» реальные исторические лица жили не позже названного времени.

Вопрос о том, в какие годы рассказчик 2 повестей Сергий являлся игуменом Островского монастыря, довольно ясен: в этом качестве он упоминается в 3 давно опубликованных новгородских грамотах, бесспорно датируемых 1460–1470-ми гг.[152] Его сын Закхей, названный «нынешним» игуменом Хутынского монастыря, казалось бы, в 1470–1480-х гг., согласно исследованию Н. А. Охотиной-Линд, был валаамским иноком. Однако упоминавшаяся выше недатированная грамота хутынского игумена Закхея дана палеостровскому игумену Конону, а настоятельство самого Конона засвидетельствовано двумя грамотами с указанными в них датами 1477/1478 и 1478/1479 гг.[153] Составитель «Новгородского патерика» записал рассказ пономаря Аарона, вспоминающего, видимо, на старости лет, о чуде, бывшем в 1439 г., а также воспроизвел по памяти рассказ архиепископа Ионы, умершего в 1470 г.

Хронологически «Новгородский патерик» как бы пришел на смену летописанию, ведение которого с потерей независимости в 1478 г. было вовсе прекращено. Однако уже в 1470-х гг. нет никаких указаний на «владычный» характер летописи, вполне очевидный до этого времени. Архиепископ Феофил, избранный на место умершего в 1470 г. Ионы, упоминается на всем протяжении летописного повествования за 1470-е гг. только 3 раза, там, где не упомянуть его было просто невозможно: при возведении на кафедру (1470 г.), при заключении Коростынского мира с Москвой (1471 г.) и при «поставлении» в архиепископа в Москве (1471 г.). В описании Шелонской битвы 1471 г. летописец даже явно осуждает действия архиепископской дружины: «...коневаа рать не пошла к пѣшеи рати на срокъ в пособие, зане же владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: „владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути; послалъ насъ владыка на Псковичь“»[154].

Следует отметить, что предшествующее 1470 г. официальное владычное летописание дошло до нас в составе так называемой Летописи Авраамки (далее – ЛА), и с литературной точки зрения оно является произведением незаурядным. Летописец охотно использует риторические приемы, вы-

[152] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 114, 117, 120; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 223–225.

[153] *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 143; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 316.

[154] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 446.

работанные представителями школы «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов («той день благъ, и светелъ, и радостенъ»; «святителя честьна, смирена, благоумна»; «мужа честьна, проста и тиха»; «бысть дни снежны, бурны, студены, бестравны» и др.); ритмизацию повествования и глагольные рифмы. Не вызывает сомнения тот факт, что автор известий ЛА за период до 1469 г. был официальным «владычным» летописцем, весьма искушенным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный «экспрессивно-эмоциональный» стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями (например, «малъ векъ, кратко время!»), цитатами из церковной службы и Священного Писания. Мною на основании стилистических сопоставлений было высказано предположение, что этим летописцем мог быть знаменитый писатель XV в. Пахомий Логофет (Пахомий Серб)[155].

Складывается впечатление, что составитель известий ЛА за период перед 1469 г. был последним «владычным» летописцем, а с 1470 г. ведение летописания передается в руки магистрата. В этой связи существенно, что в некоторых текстах «Новгородского патерика» можно, наряду с антилатинскими настроениями, видеть и антипосадничьи выпады («Повесть о посаднике Добрыне»). Связь создания «Новгородского патерика» со спорами 1470–1480-х гг. о выборе между Западом и Москвой представляется очевидной, причем позиция его составителя – явно антизападная и лояльная по отношению к московским князьям.

Л. А. Дмитриев в своем исследовании севернорусских житий показал, что «Повесть о Благовещенской церкви» (один из двух рассказов Сергия, игумена островского) «ко времени создания Основной редакции Жития Иоанна Новгородского уже существовала»[156]. Это наблюдение позволяет нам прийти к одному четкому хронологическому рубежу: дело в том, что Основная редакция Жития Иоанна Новгородского дошла до наших дней в списке, вложенном игуменом Досифеем в Соловецкий монастырь в 1494 г. (РНБ, Соловецкое собр., № 500/519). Следовательно, игумен Сергий рассказывал свои истории составителю «Новгородского патерика» до 1494 г., а значит, и Закхей назван «нынешним» хутынским игуменом не после, а до написания им на Валааме Закхеева евангелия 1495 г. В таком случае понятно, что заказ Хутынского монастыря Закхею на написание этой рукописи объясняется не предположительной «перспективой перевода Закхея в этот новгородский монастырь в качестве игумена», а тем, что он уже

[155] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 233.
[156] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 176, ср. с. 170.

был до этого хутынским настоятелем, именно поэтому он и переписал на Валааме рукопись для своего бывшего монастыря.

То, что в 1505–1507 гг. Закхей вновь становится игуменом на Хутыни. не является беспрецедентным: известно повторное игуменство в этой же обители Нафанаила – сначала в 1471– 1475 гг., а затем вновь – в 1495 г.

Итак, мы пришли к заключению, что Закхей в первый раз был игуменом на Хутыни в конце 70–80-х гг. XV в. и что «Новгородский патерик», в который вошла «Повесть о посаднике Добрыне» (где Закхей назван «нынешним» игуменом Хутынской обители), составлен соответственно в те же годы.

Таким образом, Хутынский монастырь был значительным книжным центром в конце XIV–XV в., причем согласно данным писцовых книг конца XV в. он был по богатству вторым в республике после Юрьева, совсем не намного уступая ему[157]. Судя по тому, что в 1478 г. великий князь Иван III не потребовал конфискации земельных владений Хутынского монастыря, можно предполагать, что если в Юрьеве монастыре «депонировалась» общегородская собственность, а в кончанских – собственность городских концов, то Хутынская обитель была «депозитарием» владений самой архиепископской кафедры. Существуют, как уже мы отметили выше, основания полагать, что в XV в. именно здесь велось официальное владычное летописание, отразившееся в Н1мл.

2.4. Деревяницкий Воскресенский монастырь

Из Жития Михаила Клопского мы знаем о неприязненном отношении иноков этой обители к владыке Евфимию I (Брадатому)[158], выходцу из Деревяницкого монастыря, со времени основания архиепископом Моисеем в 1335 г. тесно связанного с «домом святой Софии».

Известно, что в Деревяницком монастыре существовали «владычнѣ хоромы» (1414 г.)[159], предназначавшиеся, по всей видимости, для ушедших «на покой» архиепископов, а сам монастырь рассматривался как «владычный» некрополь. Если факт погребения здесь архиепископов Алексея (ум. в 1389 г.) и Иоанна (ум. в 1417 г.) подтверждается свидетельством Н1мл.[160], то вопрос о месте погребения Евфимия I более сложен. В. Л. Янин отметил, что «место погребения Евфимия I Брадатого (1423–1429) в древних

[157] 976 дворов против 1131 у Юрьева (*Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе... С. 210–211).

[158] Повести о житии Михаила Клопского. С. 43–45, 93 (о том, что Евфимий I не захотел принять участие в похоронах Феодосия, из-за чего последний пролежал три дня непохороненным); с. 98, 104–105 (о том, как Евфимий I, захотев получить с Клопского монастыря «куны», взял вороного коня, а Михаил в ответ предсказал ему скорую смерть).

[159] НПЛ. С. 404.

[160] НПЛ. С. 407, 475.

источниках не зафиксировано»[161], и предположил, что он мог быть похоронен в Мартирьевской паперти Софийского собора[162].

Однако в 1989 г. Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН приобрело Устав Иерусалимский, датируемый по пасхалии 1498 г. и принадлежавший в XVI в. Деревяницкому монастырю. Запись того же времени прямо указывает: «Месяца ноября 1 день, обѣд по владыкы по Еуфимьи, что лежит здѣсь, по челкви братьи» (ИРЛИ. Новгородско-Псковское собр., № 89. Л. 296 об.). Таким образом, Евфимий I, выходец из Деревяницкого монастыря, в этой же обители и похоронен. В находящихся рядом записях упоминаются поминальные трапезы для братии по похороненным здесь владыкам Алексею, Иоанну, а также и по Василию Калике, из чего следует, что последний, возможно, предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, так как дал вклад на «вечное поминание»[163]. Как известно, владыка Василий умер скоропостижно на пути из Пскова в Новгород 3 июля 1352 г. и был похоронен в новгородском Софийском соборе[164].

Таким образом, Деревяницкий монастырь, ставший общежительным только по реформе 1528 г., выполнял роль своего рода «загородной резиденции» новгородских архиепископов, при этом сам он имел крайне незначительные земельные владения, даже меньшие, чем у известного своей «малоземельностью» Клопского Троицкого монастыря.

Евфимий Брадатый преставился 1 ноября 1429 г. Он управлял новгородской епархией более 6 лет, не оставив, однако, заметного следа в ее истории[165]. В области летописания он отличился, кажется, лишь тем, что устранил годовые статьи 1422 и 1423 гг., написанные при его предшественнике Феодосии Клопском, и возобновил традиционный узконовгородский подход к ведению владычной летописи. И в других областях книжной культуры время Евфимия I не дало ничего примечательного (известна всего лишь одна переписанная в период его «владычества» датированная новгородская рукопись: Стихирарь 1424 г. – ГИМ, Синодальное собр., № 199).

Местный патриотизм, порожденный стремлением к независимости, начал перерастать в искусственную самоизоляцию, автаркию. Новго-

[161] *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 66.

[162] Там же. С. 66, 87.

[163] О поминальных трапезах в монастырях XV в.: *Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 196–204.

[164] НПЛ. С. 100.

[165] *Понырко Н. В.* Евфимий I (Емелиан) Брадатый // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV– XVI в.), ч. 1: А–К. С. 205–206; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 50–51, 176–177.

родская культура, думается, отторгла «чужака» Феодосия с его слишком прямолинейной промосковской ориентацией, но она нуждалась в притоке свежих тем, сюжетов и образов. Следующий архиепископ, Евфимий II, занявший кафедру в конце 1429 г., выходец из Лисицкого монастыря с его богатыми книжными традициями и связями с византийским миром (см. об этом выше), сумел вдохнуть новые силы в культуру Великого Новгорода.

2.5. «Владычные» монастыри

Обители, которым были посвящены 3 предыдущих очерка, кажутся, на первый взгляд, совершенно разными. Но их, однако, объединяет одно любопытное обстоятельство: когда в 1386 г. к Новгороду подошли войска великого князя Дмитрия Ивановича Донского, новгородцы сожгли все свои пригородные монастыри, за исключением бесспорно существовавших Хутынского и Деревяницкого, а также почти наверняка существовавшего Лисицкого.

Тот факт, что именно эти 3 обители, располагавшиеся близко друг к другу, играли «важную роль в политической жизни Новгорода, причем составляли некое единство, массив», уже отмеченный Э. С. Смирновой[166], должен быть сопоставлен с их особой судьбой во время военных действий 1386 г. Кажется наиболее вероятным, что принятое на вече решение о сожжении пригородных монастырей для 3 указанных обителей не имело обязательной силы, что говорит об их особой юрисдикции. Очевидно, существование системы архимандритии – «особого государственного института, зависимого от архиепископа только в области церковно-канонического права, подчиняющегося боярскому вечу и формируемого на вече»[167], с входящими в ее состав кончанскими и ктиторскими монастырями, привело к выделению в противовес ей особой группы «владычных» (архиепископских) обителей, подчиняющихся кафедре напрямую, без посредства архимандрита и стоявшего за ним веча.

В одной из версий былины о Василии Буслаевиче говорится о споре («великом закладе») между дружиной Василия и горожанами:

> На весь на Новгород,
> Окроме трех монастырей –
> Спаса Преображения,
> Матушки Пресвятой Богородицы,
> Да еще монастыря Смоленского[168].

[166] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 23.
[167] *Янин В. Л.* Монастыри средневекового Новгорода... С. 919.
[168] Новгородские былины. М., 1978. С. 22.

Если учесть возможные искажения в устной традиции названий и посвящений обителей, то мы вновь получим образ тех же 3 монастырей, на которые не может спорить «весь Новгород» (т. е. не входящих в его юрисдикцию). Таким образом, Хутынский, Деревяницкий и Лисицкий монастыри, очевидно, действительно составляли «некое единство» по отношению к другим обителям, хотя между собой они также существенно различались.

2.6. Ксенофонтов Робейский монастырь

Ксенофонтов Робейский монастырь находился в 25 км к северо-востоку от Новгорода, в 12 км от Хутынской обители, в 4 км от Волхова (по правой стороне), на берегу впадающей в Волхов речки Робейки, в глухой лесистой и болотистой местности. Согласно церковной традиции, обитель была основана преподобным Ксенофонтом Робейским, учеником Варлаама Хутынского (ум. в 1192 г.), по версиям разных авторов, либо в 1230 г., или же не позже 1245, 1262, 1266 или 1268 г. (никаких достоверных оснований для этих догадок не существует). Одни исследователи полагают, что построенный тогда же, еще при жизни преподобного, собор был посвящен св. Николаю Мирликийскому, а по мнению других, первоначальная церковь была освящена во имя св. Троицы. В 1417–1418 гг., во всяком случае, в обители была выстроена церковь, позже неоднократно перестраивавшаяся (последний раз – в середине XIX в., в 1845–1851 гг.). Здесь находились под спудом мощи преподобного Ксенофонта Робейского (память 28 июня и 26 января). Известны тропарь и кондак преподобному Ксенофонту. В 1653 г. обитель была приписана к Хутынскому монастырю, а упразднена в 1764 г., после чего собор использовался в качестве приходской церкви. Таковы в самых общих чертах сведения о монастыре, которые можно найти в справочной и исторической литературе[169].

Недавно был обнаружен единственный известный на сегодняшний день список Жития Ксенофонта Робейского, находящийся в Сборнике житий новгородских святых (Новгородский государственный музей, КП 30056-312, на л. 103 об.–106). Рукопись датируется 30-ми гг. XIX в. (бумага с «белой датой» 1831 г.). Текст, очень близкий к рукописному Житию Ксенофонта Робейского, однако, уже был введен в научный оборот около 100 лет назад: надписи, начертанные на раке преподобного в бывшем Ксенофонтовом Робейском монастыре, в 1899 г. были напечатаны почти полностью священником А. Цветковым (никаких соображений о времени их появления он не привел), который включил их в свой рассказ

[169] *Бобров А. Г.* Ксенофонтов Робейский монастырь. С. 21–23.

о жизни святого[170]. Хотя А. Цветков заметил, что текст надписей приведен им «с удержанием всех особенностей как выражений, так и орфографии», на самом деле он, судя по сравнению с текстом рукописного Жития, не только унифицировал и модернизировал многие написания, но и сократил целый ряд несущественных, на его взгляд, фраз. Можно полагать, что обе версии текста – и рукописное Житие, и надпись на раке – восходят к не дошедшему до нас общему протографу.

Для определения даты, ранее которой был создан этот текст (terminus ante quem), нам служит список Новгородского музея, переписанный в 30-х гг. XIX в. Что же касается terminus post quem, то эта хронологическая граница может быть определена употреблением в тексте Жития слова «предмет» («душа наша <...> ничемъ изъ скоротлеющихъ вещей века сего удовольствованна быть не можетъ, но единственно стремится къ высочаишему своему предмету»), которое, являясь переводом латинского objectum, неизвестно древнерусским источникам, но встречается уже в дипломатической переписке под 1720 и 1746 гг., а также у В. К. Тредиаковского (1703–1769). Таким образом, Житие Ксенофонта Робейского – это не древнерусский памятник (хотя текст написан вполне в традиции древнерусских житий, и автор его старательно следует лексическим и фразеологическим «клише» агиографического жанра), а сочинение нового времени, созданное, очевидно, не ранее середины XVIII в. (даже 1760-х гг.) и не позже 1830-х гг. [171]

Если оставить в стороне традиционную для жанра риторику, то «историческое» содержание Жития может быть передано следующим образом: Ксенофонт сначала стал послушником, а затем иноком новгородского Лисицкого монастыря при игумене Варлааме. В одно время с Ксенофонтом иноком Лисицкого монастыря был преподобный Антоний Дымский. Однажды Ксенофонт и Антоний на месте, называемом Хутынь, увидели 2 огненных столпа и дым, покрывший то место, о чем они поведали игумену Варлааму. Узнав о видении, Варлаам с помощью учеников на этом месте водрузил крест и поставил часовню и хижину, собираясь создать там и монастырь. Испугавшись начавшейся бури, Ксенофонт стал призывать Варлаама спрятаться в хижине, что вызвало гнев игумена, отославшего Ксенофонта на плоте прочь с «четвертиной» хлеба в качестве напутствия. Плот вначале плывет вниз по течению Волхова до устья реки Робейки, по которой чудесным образом устремляется вверх против течения до того

[170] *Цветков А., свящ.* Преподобный Ксенофонт Робейский и основанная им обитель // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 5 (1 марта). Часть неофиц. С. 304–315.

[171] См. публикацию текста Жития и комментарий: *Бобров А. Г.* Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени. С. 257–268.

места, где пристает к берегу. Там Ксенофонт и поселяется. Впоследствии преподобный, получив прощение и благословение Варлаама Хутынского, создал на этом месте свой монастырь с каменной церковью Николая Мирликийского, в котором и умер в глубокой старости.

Хотя в тексте нет никаких прямых хронологических указаний, упомянутые в нем имена и реалии очень важны как непосредственно для его интерпретации, так и для изучения ранней истории Ксенофонтова Робейского монастыря.

Лисицкий Рождества Богородицы монастырь, в котором, согласно Житию, принял постриг Ксенофонт, являлся значительным духовным и культурным центром средневекового Новгорода (см. о нем выше). Для нашей темы особенно существенным является то обстоятельство, что первое упоминание Лисицкого монастыря в источниках датируется 1389 г. («И на Лисицьи горке поставиша церковь древяную Рожество святыя Богородица»). Не исключено, что обитель существовала и ранее этой даты, но расцвет монастыря наступает только с конца XIV в.[172] Именно в это время в Лисицком монастыре, в соответствии со свидетельством Жития Ксенофонта Робейского, действительно был игумен Варлаам.

Наиболее раннее упоминание имени игумена Варлаама с Лисичьей горки датируется 1397 г. В приписке к Тактикону Никона Черногорца говорится, что Варлаам был учеником игумена Лисицкого монастыря Илариона и после него также выполнял игуменские обязанности. В 1410 г. он упоминается уже в качестве архимандрита (Н1мл. сообщает о строительстве архимандритом Варлаамом церкви, посвященной Варлааму Хутынскому в Лисицком монастыре).

Как уже говорилось выше, Варлаам в качестве игумена Лисицкого монастыря упомянут в Житии Ксенофонта Робейского: «...прииде в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы, нарицаемый Лисицкий, къ пречестному тоя обители игумену Варлааму, вдаде себе въ научение иноческаго и постническаго жития, въ скоромъ времени постриженъ бысть от него во ангельский образъ». Далее, согласно тексту Жития, Варлаам, однако, оказывается не кем иным, как преподобным Варлаамом Хутынским, бывшим, по этой версии, до основания своей обители (Хутынского монастыря) лисицким игуменом.

Казалось бы, доверять столь позднему источнику у нас нет никаких оснований, но известие Жития о пострижении Ксенофонта в Лисицком монастыре при игумене Варлааме находит неожиданное, хотя и косвенное, подтверждение в новгородских летописях первой половины XV в.

[172] *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря... С. 78–98.

В Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК) (вторая подборка) мы встречаем следующее известие 6925 (1417) г.: «Поставишя 5 церквии древяных: Въскресение Христово на Варяжскои улици, Вознесение Господне в Савине пустыне, святого Николы в Селифонтове, святого Николы на Вяжищах» (РНБ, F.IV.603, л. 421 об.). Схожий текст читается и в Н4, где к слову «Селифонтове» добавлено «пустыне». Эта Селифонтова Никольская пустынь достоверно фиксируется писцовыми книгами конца XV в. (но никакого Ксенофонтова монастыря в них нет), о ней говорится в Описи Новгорода 1617 г.: «В монастыре в Селифонтове пустыни церковь каменная Никола чюдотворец, глава у церкви побита железом, плеча покрыты тесом. В церкве Божия милосердия. Два образа местные, один на золоте, другой на краскех. В деисусе 11 образов на золоте. Над деисусом 12 праздников, 12 пророков, все на красках. Писмо у всех образов попортилось. В монастыре 6 келей. Около монастыря ограды нет. А старцов и слуг и крестьян и бобылей и рыбных тонь в монастыре нет же. Пашня монастырская лежит впусте»[173].

В позднем «Летописце Новгородском церквам Божиим» (так называемая Н3) аналогичное упомянутым выше летописное известие читается так: «...да церковь святаго Николая чюдотворца в *Ксенифонтове* (!) пустыни». Ясно, что имя «Селифонт» – это не что иное, как русифицированное «Ксенофонт» (в новгородско-псковской зоне это греческое имя адаптировалось как Ксинофонт, Синофонт, Селифонт[174]); соответственно в указателе к 4-му тому ПСРЛ Селифонтова пустынь справедливо отождествляется с Ксенофонтовой[175], хотя в классическом справочнике по истории монастырей В. В. Зверинского они ошибочно учтены как разные[176].

Сам контекст упоминания Селифонтовой (Ксенофонтовой) пустыни сразу после Савиной пустыни («...в Савине пустыне, <...> в Селифонтове пустыне...»), под которой, несомненно, разумеется незадолго до этого основанная обитель Саввы Вишерского, позволяет уверенно считать преподобного Ксенофонта («Селифонта») современником не Варлаама Хутынского, а Саввы Вишерского и Варлаама Лисицкого. По всей вероятности, лежащий в основе сохранившегося Жития источник свидетельствовал о том, что Ксенофонт был выходцем из Лисицкого монастыря и принял постриг при игумене этой обители Варлааме в конце XIV–начале

[173] Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. С. 118.

[174] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 423–424.

[175] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 673.

[176] *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. Т. 2. С. 195–196 (№ 902) – Ксенофонтов Робейский монастырь; Т. 3. С. 154 (№ 2004) – Селифонтов Никольский монастырь, со ссылкой только на летописное известие 1417 г.

XV в. Агиограф, творивший, судя по всему, никак не ранее середины XVIII в., ошибочно отождествил его с Варлаамом Хутынским, жившим раньше лисицкого игумена на 2 века.

Отдельно следует упомянуть об Антонии Дымском, который, согласно Житию Ксенофонта, был его сподвижником в Лисицком монастыре. Хотя специальные научные разыскания о времени возникновения самой Антониево-Дымской обители, находившейся неподалеку от Тихвина, пока не проводились, можно утверждать, что мы не имеем никаких достоверных свидетельств ее существования ранее XV в., а общие соображения о характере монастырской колонизации Русского Севера говорят о конце XIV–первой половине XV в. как о наиболее вероятном времени ее основания. Во всяком случае, как установила О. А. Белоброва, первоначальная редакция Жития Антония Дымского, в которой, в связи с ошибочным отождествлением Антония Дымского и Антония Новгородского (в миру Добрыни Ядрейковича), утверждалось, что и основатель Дымского монастыря был учеником Варлаама Хутынского, также имеет довольно позднее происхождение (конец XVII в.)[177].

Мог ли и Антоний Дымский действительно быть выходцем из Лисицкого монастыря? Этот вопрос пока следует оставить открытым, заметив лишь, что особая роль Лисицкой киновии в появлении новых общежительных монастырей на территории Новгородской республики подтверждается не только житийной биографией преподобного Арсения Коневского (выходца из Лисицкого монастыря, основавшего в конце XIV в. Коневскую обитель на Ладожском озере), но и употреблением в НК (вторая подборка) под 1406 г. применительно к Лисицкому монастырю именования «лавра»: «...Иларион, епископъ Коломенскыи, бывъ преже игуменъ Лисицкоя лавры». Насколько мы можем судить, «лаврами» в то время называли только общежительные, а не келлиотские монастыри, к тому же такие, выходцами из которых были основаны «дочернии» обители.

Итак, Житие Ксенофонта Робейского – это памятник древнерусской литературы «после Древней Руси». В его основе лежало не дошедшее до нас историческое свидетельство (возможно, надпись на книге или иконе?) о пострижении преподобного Ксенофонта в новгородском Лисицком монастыре при игумене Варлааме, относившееся к концу XIV–началу XV в. Никольская церковь в обители была создана, очевидно, при жизни ее основателя, преподобного Ксенофонта, в 1417 г. Агиограф, писавший свое сочинение не ранее 60-х гг. XVIII в., ошибочно отождествил Варлаама –

[177] *Белоброва О. А.* Житие Антония Дымского: Время его составления // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 128– 135.

игумена Лисицкого монастыря с Варлаамом – основателем Хутынского монастыря, жившим в конце XII в. Сравнительно позднее по времени создания, Житие Ксенофонта Робейского сохраняет отголоски подлинных исторических событий эпохи монастырского освоения Русского Севера.

2.7. Клопский Троицкий монастырь

Основание Троицкого Клопского монастыря, находящегося на реке Веряже приблизительно в 15 км от Новгорода, относится к началу XV в. В поздней Н3 («Летописец Новгородский церквам Божиим») под 1408 г. читается следующее известие: «Прииде преподобный Михаилъ Клопский, сродникъ великихъ князей Московскихъ, в Великий Новъградъ, с Москвы, и пророчество его Ионы архиепископу и о взятии Великаго Новаграда». Однако еще Л. А. Дмитриев показал, что эта запись построена на основе Жития Михаила Клопского, где точной даты прихода святого нет. Напротив, согласно Житию Михаила, святой прожил в обители 44 года, но умер он не раньше 1453 г. (Михаил был жив в год смерти Дмитрия Шемяки) и, согласно Житию архиепископа Ионы, не позже 1458 г. (ко времени поставления этого владыки святой уже умер)[178]. Таким образом, если следовать житийной хронологии, приход Михаила Клопского в монастырь можно датировать не 1408 г., а 1409–1414 гг.

В пределах этих временных границ находится и первое действительно достоверное свидетельство существования монастыря. Под 1412 г. в Н1мл., современной описываемым событиям, сообщается о том, что в указанном году граждане республики построили 3 церкви, в том числе «на КлопьскѢ церковь древяную святую Троицю». Можно думать, что строительство первой деревянной церкви в обители хронологически недалеко отстоит от времени самого основания монастыря.

Представляется существенным то обстоятельство, что это известие в летописи находится сразу после известия о поездке в Москву к новому митрополиту Фотию новгородского владыки Иоанна. Эта поездка заслуживает особого внимания в связи с историей Клопского монастыря.

Как известно, в 1406 г. умер митрополит Киприан, с которым новгородцы были настолько в плохих отношениях, что даже угрожали константинопольскому патриарху переходом в «латинство». С именем Киприана исследователи связывают подготовку сгоревшей в московском пожаре 1812 г. так называемой Троицкой летописи, законченной уже после его смерти, но еще до приезда на Русь Фотия. Эта летопись весьма недоброжелательна по отношению к новгородцам (см., например, вы-

[178] Повести о житии Михаила Клопского. С. 31–32.

писку из Троицкой летописи у Н. М. Карамзина: «Таков бо есть обычай Новгородцев: часто правают ко Князю к Великому, и паки рагозятся, и не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни <...> Кого от Князь не прогневаша? или кто от Князь угоди им, аще и Великий Александр Ярославичь не уноровил им?»)[179].

Следующий митрополит, грек Фотий, прибыл на Русь только в 1410 г. (22 апреля) и почти сразу обратился к новгородцам с довольно дружественным посланием (29 августа того же года). В 1411 г. состоялся упомянутый в летописи визит новгородского архиепископа Иоанна в Москву к митрополиту Фотию. Поездка Иоанна в Москву к новому митрополиту была для него первой после некоторого перерыва. Предыдущая закончилась тем, что митрополит Киприан продержал его более 3 лет под арестом. Пребывание новгородского посольства в Москве следует датировать концом 1411 – началом 1412 г. Именно к этому периоду улучшения новгородско-московских отношений и относится первое свидетельство источников о Троицком Клопском монастыре, который, как известно, был оплотом сторонников Москвы в Новгороде. Учитывая, что землю в Новгороде могли приобретать только граждане республики, основание такого рода монастыря, видимо, явилось формой представительства московских интересов на новгородской территории. Само посвящение обители празднику св. Троицы невольно вызывает ассоциации с посвящением другого монастыря, основанного Сергием Радонежским (в самом Новгороде и его ближайших окрестностях до этого не было Троицких монастырей).

Итак, основание Клопской обители может быть связано с улучшением новгородско-московских отношений в 1411–1412 гг. Следствием этой перемены явился, очевидно, и отъезд в Литву из Новгорода князя Семена (Лугвеня) Ольгердовича («А Лугвень съѣха в Литву и намѣстникы сведе с пригородовъ новгородчкых»; следующее известие Новгородской первой летописи под 1412 г. после сообщения об основании Троицкой церкви «на Клопскѣ»).

Преподобный Михаил Клопский, несомненно, пришел в уже существующий монастырь. Об этом свидетельствует его Житие, в котором описано таинственное появление в обители неведомого никому человека, причем на вопросы игумена Феодосия незнакомец отвечает, повторяя его слова:

---

[179] *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 282 (примеч. 148).

Феодосий. Кто еси ты, человек или бес? Что тебе имя?

Михаил. Человек ли еси или бес? Что ти имя? ...

Феодосий. Как пришел к нам и откуду еси? Что еси за человек? Что имя твое?

Михаил. Как еси к нам пришел? Откуду еси? Что твое имя?

Получив неоднократно ответы такого рода, игумен Феодосий приходит к заключению, что «Бог нам послал сего старца». Очевидно, наряду с «оттенком юродства»[180] в этих загадочных ответах преподобного следует усматривать и другой смысл: Михаил как бы дает понять, что он также имеет право задавать вопросы, потому что пришел в «свою» обитель.

Некоторое время имя нового старца остается неизвестным для иноков Клопского монастыря, но лишь до той поры, пока в обитель не приехал сын Дмитрия Донского князь Константин (по В. Л. Янину, это произошло, скорее всего, 6 августа 1413 г.[181]). Князь, «слышав голос» и «посмотрев в очи» преподобного, сообщил монахам и игумену, что неведомый старец – это «Михаил, Максимов сын», добавив при этом: «Поберегите его – той человек нам своитин». По убедительному предположению В. Л. Янина, преподобный являлся сыном Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка, одного из героев Куликовской битвы (видимо, принявшего в иночестве имя Максим), и дочери великого князя Ивана Красного – Анны Ивановны[182].

Московская ориентация иноков Клопского монастыря находит многочисленные подтверждения в источниках. Сам приезд князя Константина Дмитриевича в только что основанный монастырь и строительство им каменной Троицкой церкви вместо деревянной, наряду с московским происхождением Михаила Клопского, уже в достаточной мере свидетельствуют об этом. Кроме того, как мы увидим далее, «шестником» (пришельцем из другой земли, неновгородцем) был и сам игумен Феодосий.

Расстановка политических сил в Великом Новгороде и позиция иноков Клопского монастыря может быть прослежена на примере событий известного восстания 1421 г. В Новгородской первой летописи (далее – Н1) после известия о смерти владыки Симеона 15 июня 1421 г. сразу следует описание выборов по жребию нового архиепископа: «Того же лѣта сдумавше новгородци на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, и ставъ вѣцемъ у святѣи Софѣи, положиша 3 жеребьи на престолѣ во святѣи

[180] *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 74.

[181] *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 55.

[182] Там же. С. 55–60.

Софѣи, написавъ: игумена Феодосиа святѣи Троицѣ съ Клопьска, игумена Захарью от Благовѣщениа святѣи Богородици, Арсиния ключника владычня съ Лисиции горкѣ, и по отпѣтии святыя службы Труфанъ попъ 1 вынесе Арсѣниевъ жеребии, потом Захарьинъ, а на престолѣ остася Феодосьевъ жеребии. Посадникъ Тимофѣи Васильевич и тысячкыи Кузма Терентѣевич с новгородци възведоша игумена Феодосиа честно в домъ святѣи Софѣи на сѣни, мѣсяца септября въ 1, в понедѣльник, на память святого отца Семеона столпъника»[183].

Сопоставление текстов Н1 и Н4 (последняя, очевидно, была составлена около 1430 г.) показывает, что летом 1421 г., между 15 июня (кончина владыки Симеона) и 1 сентября (избрание Феодосия), в городе произошло событие, которое не упомянуто в первой из названных летописей: «И в Новѣгороди восташа бранью два конца, Неревьскии и Славеньскии, за Климента Ортѣмьина, про землю, на посадника Ондрѣя Ивановича, и пограбиша дворъ его в доспѣсехъ, и иныхъ боляръ разграбиша дворы напрасно, и убиша Андрѣевыхъ пособниковъ 20 чловѣкъ до смерти, а Неревлянъ 2 чловѣка, и умиришася»[184].

Для нас существенно то, что в Н1 ничего не говорится о восстании и подробно описана процедура избрания Феодосия, а в Н4, напротив, есть рассказ о восстании, но нет описания выборов по жребию. Более того, если автор известия в одной летописи подчеркивает законность и «правильность» избрания нового владыки («възведоша игумена Феодосиа честно в домъ святѣи Софѣи на сѣни»), то в другой восстание, приведшее, очевидно, к избранию во владыки Феодосия Клопского, описано с явным осуждением («разграбиша дворы напрасно»).

Учитывая, что спустя 2 года после избрания Феодосий был сослан *новгородцами обратно в Клопский монастырь, столь доброжелательное* описание выборов 1421 г. следует относить ко времени до его смещения. Иными словами, в Н1 сохранился текст, написанный современником событий – летописцем архиепископа Феодосия, и этот автор не счел нужным *упоминать о восстании, способствовавшем избранию на кафедру клопского игумена (возможно, правда, что описание восстания было удалено при последующем редактировании летописи).*

Еще И. Беляев связал избрание на владычный престол Феодосия Клопского с восстанием 1421 г.[185], а Л. А. Дмитриев предположил, что причина восстания («про землю») может быть соотнесена с тем, что

[183] *НПЛ. С. 414.*

[184] *ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431.*

[185] *Беляев И.* Рассказы из русской истории. М., 1866. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. С. 461.

«бедный Клопский монастырь вынужден был сталкиваться с крупными боярами-землевладельцами»[186]. С другой стороны, по мнению В. Л. Янина, восстание 1421 г. было связано с нарушением норм представительства в посадничестве от Неревского и Славенского концов, причем неревская династия Онцифоровичей была среди инициаторов этого выступления[187].

В. Л. Янин также отметил, что «1421 г. является вероятной датой падения Онцифоровичей как посадничьей династии. Сын Юрия Онцифоровича Михаил еще в 1420 г. принимает деятельное участие в новгородских государственных актах. Между тем в последующее время ни он, ни его сыновья не избираются больше на государственные должности, хотя берестяные грамоты фиксируют их существование по крайней мере до середины XV в. Не связано ли это падение с осуждением их инициативы в 1421 г.?»[188]. Следует уточнить, что восстание 1421 г. явно окончилось успехом, о чем можно судить и по избранию Феодосия на «владычную» кафедру, и по числу жертв (погибло 20 сторонников посадника Андрея Ивановича и только двое из восставших), и по достигнутому в результате расширению представительства в посадничестве Славенского конца. Успех был отмечен победившей стороной: сразу вслед за рассказом о восстании в Н4 сообщается, что «свершиша 2 церкви каменны Исаакъ Онкифоровичь в манастыри на Полѣ Богоявление, и Василеи Филиповичь с Лукианомъ Онцифоровичемъ святыи Спасъ на Розважи улици». «Падение Онцифоровичей», видимо, следует относить к несколько более позднему времени, чем 1421 г., а именно к 1423 г., когда избранный после восстания владыка Феодосий был сослан обратно в свой монастырь. Таким образом, можно полагать, что неревская посадничья династия Онцифоровичей вместе с представителями Славенского конца и монахами Троицкого Клопского монастыря (с маячившей за их спиной Москвой) выступили союзниками в событиях 1421 г. и добились успеха, хотя и временного. Связь Онцифоровичей с Троицкой обителью подтверждается, между прочим, тем фактом, что в Синодике Клопского монастыря 1660 г. читаются имена представителей этого рода[189].

Таким образом, надо полагать, что Феодосий Клопский, игумен монастыря с промосковской ориентацией, занял архиепископскую кафедру не столько в результате народных волнений, когда, по мнению

[186] Повести о житии Михаила Клопского. С. 32–35.

[187] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 257–258.

[188] Там же. С. 258.

[189] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 16.

Л. А. Дмитриева, «боярство было вынуждено пойти на некоторые уступки народным массам», сколько в связи с победой одной боярской группировки (неревско-славенской) над другой («прусско-плотницкой» – Людин, Загородский и Плотницкий концы). В этой связи, вероятно, должна быть в какой-то степени пересмотрена или смягчена точка зрения Л. А. Дмитриева, согласно которой отсутствие обширных земельных владений «определяло антибоярскую позицию монастыря, его связь с демократическими слоями новгородского населения»[190].

Уже через 2 года после избрания владыка Феодосий был вынужден вернуться в свою обитель. Автор Жития Михаила Клопского прямо указывает: «Сведоша его с сеней боари». Согласно Н4, мотивировалось его смещение с кафедры так: «Не хотим шестника владыкою». Феодосий был чужим, пришельцем в Новгороде, и это обстоятельство было использовано его политическими противниками, взявшими реванш за неудачу двухгодичной давности. Победившая сторона не только добилась смещения владыки, но и провела редактирование официальной владычной летописи, созданной при Феодосии Клопском.

Так, например, в Н1 годовые известия 1422 и 1423 гг. были практически полностью сокращены. Нам представляется, что по инициативе Феодосия Клопского около 1423 г., когда он был «нареченным» владыкой, в раздел, предваряющий архиепископскую летопись, были включены статьи о родословии великих князей и о русских городах, произведена правка и дополнение ряда статей по московскому летописному источнику, а также были написаны годовые статьи 1421, 1422 и 1423 гг. От первой из них сохранилось только известие об избрании Феодосия владыкой, последние же две, вероятно, были изъяты из владычной летописи следующим архиепископом Евфимием I, а разделы о родословиях князей и о городах уцелели лишь в Комиссионном списке Н1.

Евфимий I, выходец из Деревяницкого монастыря, со времени основания тесно связанного с «домом святой Софии» (см. об этом монастыре выше), стал новгородским владыкой в конце 1423 г., и он вернул летописание в традиционное русло, причем из Жития Михаила мы знаем о взаимном неприязненном отношении иноков Клопской обители и нового владыки (см. выше, примеч. 158).

Иначе относился Михаил Клопский к следующему владыке – Евфимию II. Принято было считать, что деятельность Евфимия II по воскрешению памяти новгородских святынь, канонизации архиепископов и князей Великого Новгорода, строительству храмов «на древней основе»

[190] Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. С. 618.

носила антимосковский, «сепаратистский» характер. Эти представления, однако, должны быть пересмотрены в свете новых материалов[191]. Правда, в 1434 г. Евфимий II ездил на поставление в архиепископы к митрополиту Герасиму в Смоленск. Однако мы не имеем никаких оснований рассматривать этот шаг как «западнический». Герасим, во-первых, был законным митрополитом «всея Руси». Во-вторых, и самого митрополита Герасима нельзя назвать «западником».

Митрополит Герасим был по-своему замечательной фигурой. В 1416 г. он, тогда еще епископ Владимира-Волынского, – участник неканонического поставления западнорусского митрополита Григория Цамблака, вызвавшего негодование Царьграда и Москвы, а после смерти или ухода Цамблака в 1419 г. он уже на следующий год оказывается в Константинополе. Вполне в духе времени он заказывает здесь переписку иноческого аскетического сочинения – Слов постнических Исаака Сирина. В одной только записи на рукописи 1428 г., содержащей созерцательные сочинения преподобного Исаака (копия с константинопольского списка 1420 г.), Герасим умудрился и упомянуть о своих московских корнях, и сплести похвалу Витовту (включая утверждение, что тот властвует над всеми восточными славянами и даже чехами). В 1433 г. при поддержке нового литовского князя Свидригайло Герасим стал митрополитом «Киевским и всея Руси», причем, обосновавшись в Смоленске по причине феодальной войны на Руси, вел с Римом переговоры о готовящейся церковной Унии. В конце концов за переписку со своими политическими противниками князь Свидригайло его сначала заключил в тюрьму, а в 1435 г. в Витебске Герасим окончил свою бурную жизнь на костре. Он участвовал во всех интригах на стороне всех политических партий своего времени. Так, например, его участие в распространении сочинений Исаака Сирина, скорее всего, – не знак определенных взглядов и убеждений, а попытка заручиться сочувствием «иноческой партии» и особенно митрополита Фотия. Даже «промосковски» настроенный св. Михаил Клопский не видел ничего предосудительного в поездке Евфимия II на поставление в Смоленск: согласно его Житию, он предсказал Евфимию: «Доездиши в Смоленьско и поставять тя владыкою».

Само Житие Михаила Клопского, созданное, очевидно, в стенах Троицкой обители[192], в своем гипотетически реконструируемом перво-

[191] *Бобров А. Г.* Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 359–373.

[192] Книжное наследие Клопского монастыря остается неизученным; рукописей XV в. пока не обнаружено. Согласно Описи 1617 г., в обители имелось 5 Евангелий (в том

начальном виде[193] представляло собой собранные воедино рассказы о случаях из жизни преподобного, в значительной степени посвященные его прозорливости и предсказаниям (помимо упомянутых выше – о приходе разбойников в монастырь, об обретении неисчерпаемого источника, о примирении князя Константина с братьями, о болезни и исцелении посадника Григория Кирилловича Посахно, о смерти князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, о месте собственного захоронения и др.). Одно из таких предсказаний (о грядущем взятии Новгорода Москвой: «Да по малѣ времени князь великый опять будетъ, да город возметъ, да всю свою волю учинитъ, да Богъ дастъ ему») позволяет исследователям датировать создание первоначальной редакции Жития временем после января 1478 г., когда и наступил конец новгородской независимости. Можно, однако, возразить, что предсказание это лишено конкретных фактических деталей, а ощущение грядущей катастрофы, несомненно, витало в воздухе Новгорода последних лет существования республики.

Ранний период истории Клопского монастыря был бурным и насыщенным. Вовлеченность его представителей в «мирские страсти» своего времени не вызывает сомнений. Конечно, не случайно вскоре после присоединения Новгорода к Москве, когда Иваном III в целом проводилась политика конфискации новгородских монастырских земель, Клопской обители, наоборот, были пожалованы новые земельные владения: «московские князья не забыли заслуг Клопского монастыря»[194]. Действительно, деятельность иноков этой обители, особенно игумена Феодосия и преподобного Михаила, сыграла важную роль в истории Новгородской республики периода самостоятельности и свидетельствовала о необычайном богатстве красок в палитре своего времени.

2.8. Пантелеймонов монастырь

Окончанием текста «второй» редакции Н4, как отметил еще А. А. Шахматов[195], является известие 6955 (1447) г. о борьбе великого князя Василия Васильевича Темного с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским: «Князь великии выбѣже во Тферь, и приехаша к нему князи и бояри, и татари; и слышавъ князь Дмитрии и князь Иванъ Можаискии, и выехаша

числе одно рукописное) и еще 83 других «печатных и писменых» книги (Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. С. 95–96).

[193] Издание реконструкции первоначального вида Жития, выполненной Л. А. Дмитриевым на основании сопоставления текстов первой (варианты А и Б) и второй редакций, см.: «Изборник» (Сборник произведений Древней Руси). М., 1969. С. 414–430.

[194] Повести о житии Михаила Клопского. С. 34.

[195] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182–183.

за Волгу в Галич и на Кострому, и на Вологду, и стоаху противу себе о рѣцѣ о Волгѣ, а новгородци не въступишася ни по одиномъ; а землю Русскую остатокъ истратиша, межи собою бранячися. А за Волокомъ Онѣго и Каркополе, и Пудогу повоеваша и пограбиша шестники»[196]. Это летописное известие как нельзя лучше характеризует ту социально-психологическую ситуацию, в которой оказалась Русская земля к началу второй половины 40-х гг. XV в., после того, как Василий II был в 1445 г. побежден и захвачен в плен татарским царевичем Мамотеком, в следующем году за огромный выкуп выпущен из плена, а позже схвачен в Троицком монастыре и ослеплен. В статье, которой завершилось ведение «общерусского новгородского летописания», фраза «землю Русскую остатокъ истратиша» выглядит своеобразным объяснением прекращения работы над Н4.

Подобно тому, как несколькими годами раньше события, связанные с Флорентийской унией и ее восприятием на Руси, повлияли на политику новгородского владыки и, вероятно, обусловили прекращение ежегодных дополнений к Н4 «старшей» редакции, именно эти обстоятельства побудили Евфимия II еще в большей степени пересмотреть те принципы, которые нашли яркое отражение в созданном им в первые годы своего правления и продолженном до 1447 г. «новгородском общерусском летописании».

К 1447 г. не только перестает пополняться новыми годовыми статьями «вторая» редакция Н4, но и, более того, создается Новгородская пятая летопись (далее – Н5)[197], в целом ряде текстов возвращающаяся снова к Н1мл., т. е. к традиционной узконовгородской точке зрения. Состав Н5, по замечанию А. А. Шахматова, «вполне прозрачен»[198]. Как было установлено исследователями, Н5 представляет собой особую сокращенную переработку Н4 младшей редакции, в которой была проведена правка по Н1мл., причем статьи 955–996 гг. и 1384–1405 гг. были просто полностью заменены на текст Н1мл.[199]

---

[196] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 444.

[197] В первом издании ПСРЛ были, как известно, опубликованы 4 новгородские летописи. Определение данной летописи как «Пятой» принадлежит А. А. Шахматову (см.: *Шахматов А. А.* 1) Обозрение русских летописных сводов... С. 196–207; 2) Киевский Начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 145–147).

[198] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 197.

[199] Там же. С. 196–207; *Клосс Б. М.* Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 257–264; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 241–251; *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 91.

А. А. Шахматов обратил внимание «на связь составителя Новгородской 5-й летописи с церковью Пантелеймона в Новгороде». «Мы видели, – пишет исследователь, – что летопись эта выпускала много известий Новгородской 4-й, а между прочим и известия о построении церквей. Поэтому вставка трех известий, относящихся к церкви Пантелеймона, не может быть объяснена случайностью, а конечно вызвана теми или иными отношениями к этой церкви самого летописца»[200]. Исследователь привел эти 3 дополнения:

1. Под 6664 (1156) г. прибавлено после слов: «въ то же лѣто поставиша купци заморьстии церковь святыя Пятница на Торговищи» – «а Федоръ Пинещиниць св. Пантелемона».

2. В статье 6716 (1208) г. к известию о строительстве церкви св. Пантелеймона добавлено: «камену»[201].

3. Под 6880 (1372) г. добавлено известие: «Того же лѣта поновиша церковь камену святаго Пантелеимона, бѣ бо палася»[202].

Итак, неизвестный нам исполнитель, несомненно связанный каким-то образом с церковью св. Пантелеймона, около 1447 г. провел работу по «исправлению» Н4. Значительное число списков, среди которых и явно «официальные» (легшие в основу псковского и смоленского летописания, и список, оказавшийся позже, вероятно, у архиепископа Геннадия), убеждает в том, что этот отход от «общерусской» линии был не частной инициативой, а исполнением заказа владыки Евфимия II.

О церкви св. Пантелеймона известно немного фактов, но они позволяют отчасти пролить дополнительный свет на историю создания Н5. Эта церковь находилась в Пантелеймоновом монастыре, до наших дней не сохранившемся. Монастырь был основан в 1134 г. князем Изяславом Мстиславичем[203] на левом берегу Волхова, у южной оконечности оз. Мячино, совсем недалеко от Юрьева монастыря. Не только географически, но и своей былой принадлежностью княжескому домену, Пантелеймонова обитель «тянула» к Юрьеву монастырю. Более того, в 1667 г. она и была к нему приписана[204].

---

[200] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 204.

[201] В Н4: «Свѣршиша церковъ святаго Пянтелѣимона в монастырѣ Феодоръ Пинѣшиничь» (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 181).

[202] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 204–205. Исследователь отмечает, что кроме известий о церкви Пантелеймона «находим еще только одну вставку в Новгородской 5-й – это о построении церкви Иоанна-усекновения Моисеем Домажиричем в 6682 (1174) г.» (Там же. С. 205).

[203] Датировку жалованной грамоты князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю 1134 г. см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 136–138.

[204] *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2. С. 260–261 (№ 1036). По Описи Нов-

Достаточно ярко характеризуется консервативная позиция иноков Пантелеймонова монастыря тем фактом, что общежительным он стал только в 1528 г. по реформе архиепископа Макария[205]. Если вспомнить «общежительные» корни и симпатии Евфимия II, а также традиционную противопоставленность резиденции архимандрита (Юрьева монастыря) и владычной кафедры, то сама передача летописного дела в Пантелеймонов монастырь оказывается почти символом «смены курса» новгородской политики.

Особенно существенна для характеристики взглядов составителя Н5 принадлежащая ему обширная вставка под 6911 (1403) г.:

«Того же лѣта бысть сие: искони дьяволъ не хотя добра роду человѣчьскому, паче же Бога любящимъ спротивится, вложи въ сердце Кюприану митрополиту, еже удержати владыку Новгородьского Ивана безъ разсуда; честныи же старець радуяся съ благодарениемъ терпяше, и молящеся Богу Господу нашему Исусу Христу и пречистѣи его Матери, по написанному: „Господи! Не постави ему грѣха сего!“. И исполнися еуангельское слово, рекшее: „Не можеть градъ укрытися верху горы стоя“, ни вжигають свѣтилника и поставляють въ скровѣ, но на свѣтилѣ, да свѣтить на вся. Такоже и сего старца не може утаитися смиренная его добродѣтель, исполняше бо еуангельская словеса, еже рече: „Страненъ бѣхъ, и введосте мене“, а сии самъ страненъ и въ неволи бяше тамо, а странныя и нищая велми любляше и потребная имъ даяше. И вложи Богъ въ сердце великому князю Василью Дмитрѣевичу, и въспомяну архиепископа Ивана, видя честныя его добродѣтели, и посла къ митрополиту глаголя: „Иже еси удержалъ владыку Ивана, въ тъ часъ отпусти его съ честью къ Великому Новугороду“. Куприанъ же митрополитъ, не могыи ослышатися слова князя великаго, отпусти архиепископа Ивана съ благословениемъ и съ честию.

И приѣха владыка Иванъ въ Новгородъ, мѣсяца июня въ 15, бывъ на Москвѣ 3 годы и 3 мѣсяци, и 3 недѣли. И стрѣтоша и со кресты игумены и попове, и всь клиросъ святыя Софья, и всь Новгородъ, у святаго Николы на Ярославлѣ дворѣ, и обрадовашася радостию великою своему господину владыцѣ»[206].

Этот текст в своей заключительной части основан на известии Н1мл.: «Того же лѣта прииха в Новгород владыка Иоанн, мѣсяца июля въ 15 день,

---

города 1617 г. после «шведского разорения» в Пантелеймоновом монастыре числилось «26 книг в десть и в полдесть и в четверть писменые на бумаге»; «а келей и ограды и старцов и слуг никого нет» (Опись Новгорода 1617 года. С. 111–112).

[205] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 545.

[206] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 144.

бывъ на Москвѣ 3 годы и 4 мѣсяци у Киприяна митрополита. Стрѣтоша и со крести игумены и попове с крилошаны святыя Софѣя, и весь Новъгород, у святого Николы на Ярославлѣ дворѣ, и обрадовашася радостию великою своему владыцѣ»[207]. Уточнение срока задержания владыки Иоанна (вместо 3 лет 4 месяцев в Н1мл. – 3 года, 3 месяца и 3 недели в Н5), скорее всего, является литературным приемом, придающим «эпичность» повествованию (типа сказочной формулы «тридцать лет и три года»). Сам рассказ в целом следует рассматривать не как достоверный исторический источник, а как факт литературы и датировать его создание временем работы над составлением Н5 (около 1447 г.). Благочестивая роль великого князя Василия Дмитриевича в этом тексте, видимо, служит напоминанием сражающимся за его наследие сторонам о христианских заповедях.

Отметим, что благодаря замене текста Н4 на текст Н1 за 1384–1405 гг. составитель Н5 исключил из своего свода целый ряд общерусских повестей, в первую очередь «О том, како приходилъ князь великии Московскыи ратью к Новугороду к Великому» (1386 г.) и «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго» (1389 г.).

Под 1421 г. в Н5 при имени посадника Александра Фоминича добавлено его прозвище: «Царько». Действительно, в писцовой записи на Минее служебной (БАН, 34.7.5, л. 115) читаем о том, что она была создана в 1398 г., в разгар новгородско-московского конфликта и боевых действий, «повелѣниемь архиепископа владыцѣ Ивана при посадницѣ Олександрѣ Цесари. В то время послаша новгородьци за Волокъ рать». Возможно, это необычное прозвище посадника было дано ему в связи с его «антимосковской» позицией (напомним, что в «Слове о житии...» Дмитрий Иванович носит титул «царя Рускаго»). Можно думать, что составитель Н5, исключивший текст «Слова о житии...» из своего летописного свода, не случайно вспомнил «значимое» прозвище новгородского посадника[208].

[207] НПЛ. С. 398.

[208] В других источниках, кроме записи на Минее 1398 г. и Н5 (и восходящих к Н5 летописях), это прозвище не упоминается. В этой связи любопытно вспомнить, что в Предисловии к «Временнику» («Начальному своду») говорится: «все по ряду извѣстьно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакья» (НПЛ. С. 104). Попыткам интерпретации имен Александра и Исаакия посвящена огромная литература, начиная с П. М. Строева, заметившего: «Стоит только разыскать, кто были сии последние, чтобы узнать время, в которое жил летописатель <...> Не были ли они Посадниками Новгородскими?» (Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. Строев. М., 1820. Ч. 1: С 862 по 1425 г. С. 12–13). Еще Филарет заметил, что «если летописец начинает повесть с Михаила царя, то и оканчивает ее, конечно, царем Исаакием, а не посадниками». Упомянутого в Предисловии Исакия он отождествил с Исаакием Ангелом (1185–1204) *(Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. 862–1863. 3-е изд., поправл. и доп. СПб., 1884. Кн. 1. 862–1720. С. 44–45). Александра же исследователи, на основании чтения Троицкого

Таким образом, Пантелеймонов монастырь также может быть отнесен к числу книжных центров Новгорода[209] – представителем этой обители, очевидно, была создана одна из важнейших летописей XV в.

2.9. Николо-Островский монастырь

Дата основания Николо-Островского монастыря, находившегося на образованном рекой Вишерой и протокой островке (возле д. Родионово), нам точно неизвестна. В Н1ст. находится известие под 6705 (1197) г.: «Томь же лѣтѣ постави церковь на острове святого Никифора Мартурии архепископъ»[210], однако нет достаточных оснований для того, чтобы предполагать одновременное основание монастыря, а также для того, чтобы уверенно отождествлять упомянутый здесь «остров» с церковью св. Никифора и тот «остров», на котором мы позже, в XV в., обнаруживаем Николаевский Островский монастырь. Правда, в поздних Новгородской второй и третьей летописях мы встречаем указание на основание в 6705 (1197) г. именно церкви св. Николы (в Н3 даже с добавлением: «и манастырь устрои»)[211], но в летописях XV в. (в обеих подборках НК, в Н4 и Н5, Летописи Авраамки, Летописце епископа Павла) это известие пропущено вообще. Даже если церковь, основанная «на острове» в 1197 г., действительно имела посвящение св. Николаю, монастырь здесь достоверно фиксируется как летописью, так и актовым материалом[212] только начиная с 60-х гг. XV в. Именно в это время обитель и выступает в качестве книжного центра.

Особый интерес к этому монастырю проявляет автор заключительной части ЛА, который, на наш взгляд, может быть предположительно отождествлен с Пахомием Логофетом. Под 6971 (1463) г. этот автор отмечает следующее событие: «Того же лѣта подписываша церковь святого Николы на Островкѣ, повелѣниемь и тщаниемъ и вѣрою еже къ святому Николѣ рабомъ Божиимъ Пуминомъ, ключника владычня архиепископа Ионы, но неуспѣша написать зимы ради»[213]. Именно с этим владычным

списка Н1мл. («до Олекси, Исакья»: НПЛ. С. 512), отождествляют с братом Исаака Алексием. Не может ли быть связано каким-то образом чтение всех списков (кроме Троицкого) «до Александра» с необычным прозвищем посадника Александра Фоминича, умершего в 1421 г.?

[209] Согласно Описи Новгорода 1617 г., в Пантелеймоновом монастыре пергаменных книг не числилось, а «писменых на бумаге» было «26 в десть и в полдесть и в четверть» (Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. С. 111).

[210] НПЛ. С. 43.

[211] Новгородские летописи: (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 12, 197.

[212] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 223–226.

[213] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 213–214.

ключником Пименом связана одна из наиболее замечательных рукописей XV в. – «Островское евангелие» 1468 г. (Московский областной краеведческий музей, г. Истра, инв. 7344/Б 651 З.В.70)[214]. На л. 363–363 об. этой пергаменной лицевой рукописной книги находится запись рукой писца: «В лѣт(о) 6976 [1468] индик(та) 1 написана бы(сть) книга сиа с(вя)тое Еу(анге)лие в Великом Новѣград(ѣ) при великом князи Иванѣ Васил(ь)евич(и) и при архиеп(и)с(ко)пѣ Великог(о) Новаград(а) и Пскова вл(а)д(ы)кы Ионы, повѣлением раба Б(о)жиа с(вя)щенноинока Пимена, влад(ы)чня ключника хлѣбного»[215].

Как отметила Э. С. Смирнова, «ключник Пимен, работавший при дворе архиепископа Ионы, вошел в историю своей активной политической деятельностью. Он был сторонником Марфы Борецкой в борьбе против присоединения Новгорода к Москве, агитировал за союз с Литвой и мечтал сам занять владычный престол, однако потерпел жестокую неудачу, о которой язвительно рассказал промосковски настроенный составитель летописи»[216]. Как запись на «Островском евангелии» 1468 г., так и известие ЛА 1463 г. свидетельствуют о тесной связи Пимена, этого яркого деятеля новгородской политики и культуры, с Николо-Островским монастырем.

Далее, вслед за известием 1463 г. о росписи церкви св. Николая, в ЛА помещен подробный рассказ о видении, бывшем старцу Акинфу «у святого Николы чюдотворнаго на островкѣ» 1 апреля 6972 (1464) г., «в Великъ день», при игумене «Десефѣе»[217]. Сходные по характеру рассказы другого, видимо, следующего игумена Николо-Островского монастыря, Сергия, как мы отметили выше, послужили основой для создания «Новгородского патерика» (см. раздел 2.3). Мы предположили, что временем создания «Новгородского патерика» следует считать 1470–1480-е гг. Такая датировка сложения цикла новгородских легенд ведет нас и к установлению его авторства. В 1470–1480-х гг. в Новгороде был, пожалуй, всего один автор, профессионально интересовавшийся сведениями о жизни новгородских святых и об истории основанных ими обителей; автор, перу которого принадлежат Жития и Службы Варлаама Хутынского, Саввы Вишерского, архиепископов Иоанна, Моисея, Евфимия II и Ионы, и, между прочим, несмотря на свой интерес к новгородской истории, в какой-то степени положительно относившийся к Москве, – это Пахомий Логофет.

Из написанного им Жития архиепископа Моисея ясно, что сам Пахомий, прибывший в Новгород еще в 30-х гг. XV в., был жив по крайней

[214] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода... С. 290–304 и др.
[215] Фотовоспроизведение записи см.: Там же. С. 292–293.
[216] Там же. С. 106–107.
[217] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 215–217.

мере в 1484 г,, так как в нем говорится о случившемся в это время чуде с присланным из Москвы архиепископом Сергием, наказанным за свое неверие в новгородских святых.

Существуют 2 очень сильных аргумента в пользу того, что автором «Новгородского патерика» был именно Пахомий Серб. Во-первых, одна из статей патерика, засвидетельствованная как Волоколамским, так и Лихачевским сборниками, – это Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных. Как аргументированно предположил Л. А. Дмитриев, основываясь на совершенно других соображениях (а именно на анализе последовательности чудес в списках), данный текст принадлежит перу Пахомия и был дополнительно включен им самим в собственную версию Жития в 1470-х гг.[218]

Во-вторых, из Жития архиепископа Ионы известно, что владыка просил Пахомия Логофета написать Житие Михаила Клопского, «но не возможе его принудити писати», в то время как в «Новгородском патерике» содержится рассказ архиепископа Ионы от первого лица, обращенный к автору подборки, о бывшем ему пророчестве будущего архипастырства Михаилом Клопским («Поведа нам сам господин архиепископ Иона...»). Естественно, «понуждая» агиографа взяться за перо, владыка Иона Новгородский и должен был рассказать ему эту историю.

«Неукрашенность» текстов «Новгородского патерика», сохранение в них повествования от первого лица и ссылок на рассказчиков позволяют видеть в них рабочие записи Пахомия Логофета, неоднократно упоминавшего в своих Житиях, как он расспрашивал разных людей о своих героях. Такие записи, очевидно, не предназначались для широкого тиражирования, и действительно статьи «Новгородского патерика» не получили распространения в рукописной традиции; они известны по единичным спискам, а порой – только по Волоколамскому и Лихачевскому спискам, причем краткая редакция Жития Исидора Юрьевского – только по Лихачевскому списку (подробное рассмотрение данного вопроса является предметом специальной работы).

Сведения о реконструируемом «Новгородском патерике» позволяют представить себе тот круг новгородских книжников, во главе которого стоял один из крупнейших писателей Древней Руси Пахомий Логофет. Во всяком случае, игумен Николо-Островского монастыря Сергий, отец писца Закхея, был собеседником афонского старца, и 2 его рассказа были включены в «Новгородский патерик»; имя самого Закхея также упомянуто Пахомием как человека ему знакомого. Можно полагать, что истоки

[218] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 34; ср. с. 31.

обращения книгописца Закхея к византийскому орнаменту должны быть поставлены в связь с тем фактом, что Пахомий Серб прибыл в Новгород с Афона (он постоянно упоминал и даже подчеркивал это обстоятельство в своих сочинениях).

Как справедливо заметил В. О. Ключевский, «в нашей истории не много эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, „господин Великий Новгород", чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославова двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины»[219]. Теперь у нас есть основания связывать письменную фиксацию этих поэтических сказаний с деятельностью Пахомия Логофета, записывавшего их в том числе и в Николо-Островской обители у ее игумена старца Сергия. Учитывая наличие в ЛА, к созданию которой, по нашему мнению, также был причастен Пахомий, пересказа еще одной местной николо-островской легенды (под 1464 г.), можно поставить вопрос о связи этого писателя с братией монастыря.

Библиотека Николаевского Островского монастыря, видимо, была достаточно богатой. По описи 1617 г. мы видим здесь «два евангилья напрестольные, на них распятие и еуангелисты медные», а также «36 книг бумажных, 3 книги харатейные»[220], но особый интерес эта обитель вызывает как книжный центр, с которым были связаны имена ярких деятелей новгородской культуры второй половины XV в. – владычного ключника Пимена, игумена Сергия, Пахомия Логофета.

2.10. Характер монастырского книгописания в Новгороде XIV–XV вв.

Как было показано выше, значение Лисицкого монастыря для новгородской культуры связано с тем фактом, что его история определила проникновение в республику новой монастырской традиции – общежительной. Нами уже отмечалось, что в отличие от традиционных для Новгорода монастырей келлиотского (особножительного) типа, общежительные обители (киновии) основывались на принципе отказа от какой-либо личной собственности, не исключая пищи и одежды, и на принципе равного обязательного участия всех иноков во всех службах и работах.

Возвращение к забытой традиции общежительства начинается на Руси с середины XIV в. Этот переворот в монастырской жизни связан прежде

[219] *Ключевский В. О.* Жития святых как исторический источник. С. 162.
[220] Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1. С. 103.

всего с деятельностью Сергия Радонежского и митрополитов Алексия и Киприана. Согласно Житию Сергия, написанному Епифанием Премудрым и переработанному Пахомием Сербом, общежительный устав в Троицкой лавре был введен по грамоте константинопольского патриарха в 1355 г. В 1366 г. Алексий основал в Москве Чудов общежительный монастырь, он же учредил в Москве Андроников монастырь (точная дата его основания неизвестна), где также устроил общежитие, причем Сергий выделил в игумены своего ученика Андроника, а при основании московского Симонова монастыря первым игуменом стал племянник Сергия Феодор. Всего учениками и духовными друзьями преподобного Сергия Радонежского было основано до 40 монастырей, из которых в свою очередь вышли основатели еще примерно 50 обителей, и все эти монастыри если не сразу, то вскоре после основания, по образцу Троице-Сергиевой лавры принимали общежительный устав.

Если нанести эти обители на карту, то нельзя не заметить, во-первых, преимущественное устремление учеников Сергия на Север Руси, главным образом в места, расположенные вдали от городов, в лесах, в пустынной незаселенной местности. Еще со времен В. О. Ключевского этот процесс был назван монастырской колонизацией Русского Севера.

Во-вторых, следует отметить ограничение распространения монашества из Сергиевой обители рубежами Новгородской республики. Хотя в церковном отношении Новгородская епархия подчинялась московским митрополитам, светские государственные границы были непроницаемы для учеников преподобного Сергия Радонежского. А. А. Савич справедливо отметил, что «монастырская колонизация на Русском Севере заключала в себе две струи. Одна направлялась из Московско-Ростовских областей, другая шла из Великого Новгорода»[221]. Общежительные монастыри Новгородской республики имели свою особую «родословную», восходившую не к троице-сергиевской, а к афонской традиции, причем в Новгороде, насколько мы можем судить по дошедшим до нас источникам, киновии появляются не раньше 1380-х гг.

Новые монастыри отличались от старых не только внутренним уставом, но, главным образом, характером своего влияния на внешний мир. Если ктиторские монастыри, в которых действовал келлиотский устав, не обладали большими земельными владениями и за очень редкими исключениями сами не были феодальными землевладельцами, то новые монастыри начиная со второй половины XIV в. превратились в самосто-

[221] *Савич А. А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации русского севера в XIV–XVII вв. // Сборник общества философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 54.

ятельные, независимые от князей и бояр феодальные вотчины с большим разветвленным хозяйством, играющие заметную роль в экономической и политической жизни страны[222]. Помимо экономических факторов при анализе перемен в монастырской жизни XIV–XV вв. следует, бесспорно, учитывать и культурный. Наличие общего имущества в новых монастырях обусловило появление обширных библиотек. Именно из общежительных монастырей – киновий – дошли до нас крупнейшие собрания древнерусских рукописей: Троице-Сергиевское, Соловецкое, Кирилло-Белозерское, Иосифо-Волоколамское, Чудовское и др. Именно в общежительных монастырях могли существовать книгописные мастерские – скриптории (назовем здесь также Андроников и Симонов монастыри в Москве, Лисицкий в Новгороде, Спасо-Елеазаров во Пскове, Ферапонтов в Белозерье). Именно такие монастырские библиотеки и скриптории постепенно начали определять тип древнерусской культуры с середины XIV в.

Если мы обратимся к содержанию рукописных книг, которые переписывались в этих обителях, то обнаружим, что наряду с литургическими текстами и аскетическими монашескими сочинениями все большее место начинают занимать в монастырских сборниках поучения против различных мирских пороков – лени, пьянства, языческих пережитков, «злых жен», сребролюбия и т. д.[223]

Парадоксальным образом, удаляясь в леса, иноки новых общежительных монастырей обращались лицом к миру. Что касается борьбы с язычеством, это неудивительно: с одной стороны, иноки общежительных монастырей, уходя все дальше от городов, все в большей степени должны были сталкиваться с проявлениями народных верований, а с другой – именно выучка в монастырях нового типа позволяла им выполнять миссионерскую роль и вступать в состязание с волхвами и кудесниками. Мы видим это на примере просветителя Пермской земли Стефана, одолевшего в своеобразном прении-единоборстве языческого старейшину Пама (80-е гг. XIV в.), а для Новгородских земель – на примере выходца из Лисицкого монастыря преподобного Арсения Коневского, заставшего в 90-х гг. XIV в. на острове Коневец (Ладожское озеро) культ камня, которому приносились в жертву лошади, и изгнавшего бесов с острова.

---

[222] *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках: (По «житиям святых»). М., 1966. С. 27.

[223] См. об одном из таких сборников: *Бобров А. Г.* Псковский сборник XV в. «Златая Матица» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 40–41; *Бобров А. Г., Черторицкая Т. В.* К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 341–358.

Но была и другая причина, по которой монахи из киновий должны были обратиться против мирских пороков. Если монастыри старого типа, основанные князьями, епископами, боярами и содержавшиеся на их средства, строились как «прибежище» для крупных вкладчиков, живших в них по келлиотскому уставу, то и цель нравственного просвещения окружающего населения не стояла перед ними. Иное дело общежительные монастыри: открытые не только для состоятельных вкладчиков, но для любого человека; вынужденные сталкиваться с миром повседневно в силу хозяйственных потребностей; вообще ставящие общее выше личного – они не могли оставаться замкнутыми корпорациями и оказывали на общество несравненно большее влияние, чем старые обители.

Помимо таинства исповеди единственными явными и публичными средствами воздействия на мир у иноков были проповедь, поучение, благословение (или неблагословение, моральное осуждение). Не случайно легенда связывает победу на Куликовом поле с благословением Сергия Радонежского, а победа в феодальной войне Василия Темного была во многом обусловлена позицией иноков отдаленных заволжских общежительных монастырей. Активная позиция по отношению к миру, к мирской жизни у монахов русских киновий была унаследована ими от их духовных учителей – византийских исихастов[224].

Д. С. Лихачев называет эпоху Сергия Радонежского и его учеников «Предвозрождением». Г. М. Прохоров уточняет: «Православное Предвозрождение». Действительно, термин Д. С. Лихачева вызвал в научном мире неоднозначную реакцию. Многие отмечали, что основная черта европейского Возрождения – секуляризация культуры, ее обмирщение. На Руси этого не произошло, поэтому связывать процессы, происходившие у нас в XIV–XV вв., с понятием «Возрождение» (или даже «Предвозрождение») некоторым казалось рискованным[225]. Но здесь важно подчеркнуть такой нюанс – иноки общежительных монастырей, обратившись лицом к миру, увидели в нем многие детали. В. П. Адрианова-Перетц заметила, что если положительный образ в поучениях строился методом «идеального преображения действительности», то обличение пороков больше опиралось на реальные наблюдения над действительностью[226]. Таковы были обличения пьянства и «злых жен», мздоимства и сребролюбия, чревоугодия

[224] *Прохоров Г. М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 9–12.

[225] См.: *Петров М. Т.* Проблема Возрождения в советской науке: Спорные вопросы региональных Ренессансов. Л., 1989. С. 183–205 (Глава «Проблема Ренессанса в России»).

[226] *Адрианова-Перетц В. П.* О реалистических тенденциях в древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 21–22.

и сквернословия, лени и языческих пережитков. Все эти темы, в общем известные русской литературе с XI в., именно в эпоху «Предвозрождения» и именно среди книжников из общежительных монастырей становятся особо популярными. В эти сочинения (или новые редакции старых произведений) проникает стихия фольклора, входят меткие реалистические характеристики, а порой просачиваются «глумы» и смех[227].

Благодаря книжникам из общежительных монастырей (Троице-Сергиева, Лисицкого, Саввино-Сретенского и др.) на Руси осуществляются контакты с Афоном и Константинополем, распространяется так называемое второе византийское и южнославянское влияние – появляются новые переводные литературные сочинения; прививаются новые художественные веяния; становится популярным «балканский» орнамент. В киновиях создают свои произведения Андрей Рублев и Епифаний Премудрый, Пахомий Серб и книжник Ефросин, а позже – Иосиф Волоцкий и старец Филофей. Похоже, что именно традиции общежительных монастырей определили на века некоторые черты русской культуры – «соборность» и антииндивидуализм, «старчество» и мессианство...

Нам пока мало известно о конкретных путях распространения общежительства в Новгородских землях. Важным оказывается то, что летописец назвал Лисицкий монастырь «лаврой» (1406 г.). Как уже отмечалось выше, анализ употребления этого слова в источниках конца XIV–XV в. показывает, что в ту пору «лаврой» называли только киновии, причем такие, выходцами из которых основывались новые «дочерние» обители, тоже общежительные. Действительно, мы видим, что Арсений основал Коневский монастырь, где, согласно его Житию, сразу ввел «общее житие». Позднее, но основанное на несохранившемся раннем источнике Житие Ксенофонта Робейского свидетельствует, что выходцами с Лисьей горы были и преподобные основатели Ксенофонтова-Робейского и Антониева-Дымского монастырей, но этот вопрос требует еще дальнейших разысканий.

Известно, что в Древней Руси летописи нередко создавались в монастырях, но в особенности – в Новгородской республике, где княжеское летописание в силу исторических причин не могло получить своего развития. Особую, ключевую роль в развитии новгородского летописания XV в. сыграл общежительный Лисицкий монастырь; очевидно, велись летописи также в Хутынском и Пантелеймоновом

[227] *Лурье Я. С.* Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31/32. P. 257–267; *Бобров А. Г.* «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 294–302.

монастырях; были причастны к летописному делу и книжники Клопской обители.

Книжными центрами, таким образом, были многие новгородские монастыри. Анализ новгородских монастырских книжных центров эпохи независимости, а в особенности конца XIV–XV в., позволил увидеть основные закономерности истории книгописания и развития культуры средневековой республики, обнаружить яркие индивидуальные особенности в истории различных обителей.

Приложение

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Структура и задачи Материалов к каталогу)

Материалы к каталогу «Монастырские книжные центры Новгородской республики (до 1500 г.)» являются своего рода продолжением ведущейся уже много лет в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН работы по изучению древнерусских скрипториев и библиотек (см.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991; Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991; Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994). Разумеется, в будущем данные Материалы будут дополняться и уточняться; их публикация носит предварительный характер.

Предлагаемые вниманию читателя Материалы к каталогу состоят из следующих 3 основных разделов:

I. Перечень городских и пригородных монастырей Новгородской республики (до 1500 г.).

В этом перечне курсивом выделены наименования монастырей, находившихся к XV в. в черте города (т. е. в границах окольного города). Таких монастырей всего было 9 (см. рис. 1). Далее, полужирным шрифтом в перечне выделены названия обителей, находившихся за пределами окольного города, в ближних окрестностях города (не далее 10–12 км от Новгорода). Таких монастырей насчитывалось 42 (см. рис. 2). Наконец, обычным шрифтом переданы названия монастырей, расположенных в дальних окрестностях Новгорода, на расстоянии от 15 до 25 км от границ окольного города. Таких монастырей было всего 7 (см. рис. 7). Таким образом, всего в перечень вошли 58 городских и пригородных монастырей, достоверно существовавших до 1500 г.

На упомянутых картах (см. рис. 1, 2 и 7), а также в следующем II разделе Приложения описания монастырских книжных центров расположены в соответствии с алфавитным порядком, принятым в данном перечне.

II. Материалы к каталогу «Монастырские книжные центры Новгородской республики (до 1500 г.)».

В Материалах учитывались не только те монастыри, с которыми связаны дошедшие до нас рукописи, но все существовавшие (до 1500 г.) на территории Новгородской республики обители, даже если они известны только по упоминанию в Писцовых книгах. В справке о каждом из монастырей приводятся данные об их местонахождении; о связанных с данным монастырем древнерусских литературных текстах; цитаты с упоминаниями обители из новгородских летописей XIII–XV вв. (если таких упоминаний не сохранилось, то используются и более поздние летописи, но повествующие о событиях до 1500 г.); списки игуменов, основные сведения о рукописных книгах, связанных с тем или иным монастырем, и библиография, не претендующая на исчерпывающую полноту (указаны работы обобщающего характера и связанные с историей библиотеки и/или скриптория обители). Во всех разделах по возможности полно цитируются тексты писцовых записей на рукописных книгах; владельческие записи и прочие пометы (до конца XV в.) включены только в тех случаях, когда в них содержится существенная информация. Если запись на книге позволяет связать ее происхождение и/или бытование одновременно с двумя и более скрипториями (библиотеками), то в соответствующих статьях информация повторяется.

III. Список литературы.

Список литературы, использованной в Материалах к каталогу, состоит из 2 частей: 1. Источники и 2. Исследования.

I. ПЕРЕЧЕНЬ ГОРОДСКИХ И ПРИГОРОДНЫХ МОНАСТЫРЕЙ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ДО 1500 г.)

1. АНТОНИЕВ Рождества Богородицы монастырь.
2. АРКАЖСКИЙ (Аркажь, Аркадиевский) Успения Богородицы монастырь.
3. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ НА МЯЧИНЕ монастырь.
4. БОГОЯВЛЕНСКИЙ на Вотской дороге монастырь.
5. БОРИСОГЛЕБСКИЙ НА ГЗЕНИ (с Загзенья) монастырь.
6. *ВАРВАРИН, с Черницыны улицы, монастырь.*
7. ВЕРЕНДОВСКИЙ Спасо-Преображенский, на р. Веренде, монастырь.
8. ВИДОГОЩСКИЙ Троицкий монастырь.
9. ВОДСКИЙ (С ВОТСКОЙ ДОРОГИ) СПАССКИЙ монастырь.
10. *ВОЗНЕСЕНСКИЙ Загородского конца монастырь.*
11. ВОЛОТОВ Успения Богородицы монастырь.
12. ВОСКРЕСЕНСКИЙ НА МЯЧИНЕ монастырь.
13. ВОСКРЕСЕНСКИЙ С КРАСНОЙ ГОРКИ (с Красного поля) монастырь.
14. ВЯЖИЩСКИЙ (Вяжицкий) Николаевский монастырь.
15. *ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ монастырь.*
16. ДЕРЕВЯНИЦКИЙ Воскресенский монастырь.
17. ДЕСЯТИНСКИЙ (на Десятине) Рождества Богородицы монастырь.
18. ДУХОВ, Сошествия Св. Духа, монастырь.
19. ЕВФИМИИН Благовещения Богородицы монастырь.
20. ЗВЕРИН Покрова Богородицы монастырь.
21. ИЛЬИНСКИЙ, Св. Ильи Пророка, монастырь.
22. ИОАННА БОГОСЛОВА НА ВИТКЕ В РАДОКОВИЧАХ монастырь.
23. КИРИЛЛОВ на Нелезине острове (Нелезинский) монастырь.
24. КЛОПСКИЙ Троицкий монастырь.
25. КОВАЛЕВ Спасский монастырь.
26. КОЛМОВ (КОЛМОВСКИЙ) Успения Богородицы монастырь.
27. КОЛОМЕЦКИЙ ТРОИЦКИЙ монастырь.
28. КСЕНОФОНТОВ РОБЕЙСКИЙ Троицкий монастырь.
29. ЛАЗАРЕВ, Св. Лазаря, монастырь.
30. ЛИПЕНСКИЙ Николаевский (на Липне) монастырь.
31. ЛИСИЦКИЙ Рождества Богородицы монастырь (на Лисьей горе).
32. ЛЯТСКИЙ Николаевский (на Лятке) монастырь.
33. *МИХАЛИЦКИЙ (НА МОЛОТКОВЕ) Рождества Богородицы монастырь.*
34. МОСТИЩСКИЙ Николаевский монастырь.
35. НЕРЕДИЦКИЙ (В НЕРЕДИЦАХ) Спасо-Преображенский монастырь.
36. НИКОЛАЕВСКИЙ НА ПОЛЕ (НА ЛЮГОЩЕ (ЛЕГОЩЕ)) монастырь.

37. НИКОЛАЕВСКИЙ БЕЛЫЙ (НЕРЕВСКИЙ) монастырь.
38. НИКОЛАЕВСКИЙ ОСТРОВСКИЙ (на Островке) монастырь.
39. НИКОЛАЕВСКИЙ на Холопьем городке монастырь.
40. *ПАВЛОВ, Св. Павла Исповедника, монастырь.*
41. **ПАНТЕЛЕЙМОНОВ монастырь.**
42. ПЕРЕКОМСКИЙ Николаевский монастырь.
43. ПЕРЫНСКИЙ Рождества Богородицы монастырь.
44. *ПЕТРОВСКИЙ С БЕЛОГО КРЕСТА Славенского конца монастырь.*
45. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ НА СИНИЧЬЕЙ ГОРЕ монастырь.
46. ПОНЕДЕЛЬСКИЙ Николаевский монастырь.
47. РАДОКОВИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ И ИОАННА БОГОСЛОВА монастырь.
48. РОЖДЕСТВА НА ПОЛЕ, Рождества Христова у скуделен монастырь.
49. *РОСТКИН Иоанно-Предтеченский монастырь.*
50. САВВО-ВИШЕРСКИЙ Вознесения Христова монастырь.
51. СИТЕЦКИЙ (Ситенский) Андреевский монастырь.
52. СКОВОРОДСКИЙ архангела Михаила (на Скороводке) монастырь.
53. СОКОЛЬНИЦКИЙ Николаевский монастырь.
54. СПАССКИЙ НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА С ПОЛЯ монастырь.
55. СУТОЦКИЙ Николаевский монастырь.
56. ХУТЫНСКИЙ Спасо-Преображенский монастырь.
57. ЩИЛОВ (ШИЛОВ) Покрова Богородицы монастырь.
58. ЮРЬЕВ, Св. Георгия, монастырь.

II. МАТЕРИАЛЫ К КАТАЛОГУ «МОНАСТЫРСКИЕ КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (до 1500 г.)»

1. АНТОНИЕВ Рождества Богородицы монастырь.

Основан св. Антонием Римлянином не позже 1117 г.

Пригородный. Кончанский монастырь Плотницкого конца.

На правом берегу Волхова, вниз по течению.

Церковь Рождества Богородицы заложена в 1117 г., окончена в 1119 г., расписана в 1125 г.; сохранились фрагменты древней росписи. В настоящее время церковь сильно обстроена, хотя сохранилась во всех основных частях.

Сожжен новгородцами в 1386 г.

Раскопки: Орлов, 1984.

НПЛ (ст.)

6625 (1117) г.: Въ то же лѣто игуменъ Антонъ заложи церковь камяну святыя Богородиця манастырь (С. 20).

6627 (1119) г.: Томь же лѣтѣ съвѣршена бысть черкы Антонова святая Богородиця Новѣгородѣ (С. 21).

6633 (1125) г.: Томь же лѣтѣ испьсаша божницю Антонову (С. 21).

6665 (1157) г.: Томь же лѣтѣ преставися Андрѣй, игуменъ святыя Богородиця, и поставиша Ольксу въ него мѣсто (С. 30).

6670 (1162) г.: Прѣставися игуменъ Олькса святыя Богородиця, и поставиша по немъ игуменомь Мануила (С. 31).

6695 (1187) г.: Томь же лѣтѣ преставися игуменъ Моисѣй у святыя Богородиця Антонове манастыри, и поставиша на мѣсте его Волоса (С. 38).

НПЛ (мл.)

6625 (1117) г.: В то же лѣто игуменъ Антонѣй заложи церковь камену святыя Богородица манастырь (С. 204).

6627 (1119) г.: Того же лѣта свершена бысть церковь Антонова святая Богородица в Новѣгородѣ манастырь (С. 205).

6633 (1125) г.: В том же лѣтѣ исписаша церковь Антонову в манастырѣ (С. 205).

6665 (1157) г.: Того же лѣта преставися Андрѣй, игуменъ святѣй Богородици, и поставиша игуменомъ Олексу на его мѣсто (С. 217).

6670 (1162) г.: Преставися Олекса игуменъ святыя Богородица; поставиша по немъ Мануилу игуменомъ (С. 218).

6695 (1187) г.: В том же пакы лѣтѣ преставися игуменъ Моисий святѣй Богородици въ Онтоновѣ манастырѣ, и поставиша по немъ Волоса (С. 229).

НПЛ (мл.)

6867 (1359) г.: ...и избраша три мужи: Олексѣя чернца, ключника дому святыя Софѣя, и Саву, игумена Онтонова манастыря, и Ивана, попа святыя Варвары; и положиша три жребиа на престолѣ святѣй Софѣи... (С. 365).

6873 (1365) г.: Постави владыка Алексѣй церковь камену святого Устрѣтениа на воротех въ Онтоновѣ манастырѣ, а на Лятькѣ постави Лазута церковь камену же святого Николы (С. 369).

6885 (1377) г.: Том же лѣтѣ преставися анхимарндрит новгородчкый Сава мѣсяца мая въ 29, на память святого мученика Калиньника; и проводи архиепископъ, новгородчкый владыка Алексѣй, съ игумены и с попы, с кандѣлы и со свѣщами, и положиша у святѣй Богородици Онтова манастыря (С. 375).

6904 (1396) г.: Погорѣ Онтоновъ манастырь весь, и святаа Богородица огорѣ, бяше бо свинцомъ побита; и Устрѣтение огорѣ (С. 387–388).

6950 (1442) г.: Того же лѣта бысть пожаръ въ Плотьничьскомъ концѣ: загорѣся от Щитной улицѣ мая въ 4, и погорѣ половина Конюховы улицѣ и Запольская вся, и за город прешед, погорѣ до Онтонова манастыря (С. 423).

Устав Всеволода, Комиссионный список	**Устав Всеволода, Троицкий список**
А пѣть въ праздникъ обѣдняа владыцѣ, а на завътрѣе архимандриту святого Георгия, а на 3 день игумену святѣй Богородици изъ Онтонова манастыря. <...> а игумену Онтоновьскому взяти дару полтина... (С. 509).	А пѣти в празьдникъ владыцѣ <...> А на завтрѣе пѣти анхимандриту святого Егориа <...> а на третей день пѣти игумену святей Богородици из Онътонова манастыря, взять ему полъгривне серебра (С. 560).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> на Торговои сторонѣ: Антоновъ... (С. 346).

Ключевский, 1871. С. 306–311.

Строев, 1877. С. 58–62:

Св. Антоний Римлянин – 1117–1147 гг.

Андрей, ученик его – 1147–1157 гг.

Алексей – 1157–1162 гг.

Мануил – с 1162 г.

Моисей – до +1187 г.

Власий – с 1187 г.

Савва – 1359 г. (после в Юрьеве).

Афанасий – 1387 г.

Андрей – 8 декабря 1499 г.

Зверинский. Т. 2. С. 55–57 (№ 617).

Хорошев, 1980. С. 203 (№ 3): Дворы – 297, Тяглецы – 360, Обжи – 588.

Раппопорт, 1982. С. 67–68 (с библиографией).

Где святая София..., 1997. С. 185–193 (Н. Жервэ).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 42.

2. АРКАЖСКИЙ (Аркажь, Аркадиевский) Успения Богородицы монастырь.

Основан св. Аркадием, епископом новгородским, в 1153 г.

Пригородный. Кончанский монастырь Загородского конца.

На левом берегу Волхова, вверх по течению, в 2.5 верстах от города, в 0.5 версты к западу от Благовещенского на Мячине монастыря.

Сожжен новгородцами в 1386 г.

Не сохранился.

Раскопки: Орлов, 1963; Орлов, Красноречьев, 1967.

НПЛ (ст.)

6661 (1153) г.: В то же лѣто сруби Аркадъ игуменъ церковь святыя Богородиця Успение и състави собе манастырь; и бысть крестьяномъ прибежище, ангеломъ радость, а дьяволу пагуба (С. 29).

6664 (1156) г.: В то же лето събрася всь град людии, изволиша собе епископъ поставити мужа Богомь избрана Аркадия; и шьдъше всь народъ, пояша и̑ из манастыря от святыя Богородиця, и князь Мьстиславъ Гюргевиць, и всь клиросъ святыя Софие, и вси попове городьстии, игумени и церньци, и вьвѣдоша и̑, поручивъше епископью въ дворѣ святыя Софие, дондеже придеть митрополитъ въ Русь; и тогда поидеши ставитъся (С. 29–30).

6696 (1188) г.: Заложи церковь камяну святыя Богородиця Успение въ Аркажи манастыри Сьмьюне Дыбачевиць (С. 39).

6697 (1189) г.: Святи церковь Гаврила, архиепископъ новъгородьскый, святыя Богородиця Успение въ Аркажи манастыри мѣсяця июня въ 4, на святого Митрофана (С. 39).

6702 (1194) г.: Той же зиме преставися игуменъ Герасимъ у святыя Богородиця въ Аркажи манастыри, и поставиша на мѣстѣ его Панъкратия попина (С. 41).

6714 (1206) г.: Прѣставися рабъ Божий Митрофанъ, а мирьскы Михалъко, постригъся у святѣй Богородици въ Аркажи манастыри майя въ 18, посадникъ новгородьскый. Въ то же лѣто постави Твьрдислав церковь на воротѣхъ въ Оркажи манастыри Михалковиць, святого Сьмена Стълъпника, иже на Дивнѣй горѣ (С. 50).

НПЛ (мл.)

6661 (1153) г.: В то же лѣто заложи Аркадий игуменъ святыя Богородица Успение, и состави собѣ монастырь, и бысть крестияномъ прибѣжище и аггелом радость (С. 215).

6664 (1156) г.: В то же лѣто собрася всь град людии, изволѣша собѣ епископомь поставити мужа свята и Богомъ изъбрана именемь Аркадиа; и шед весь народ, пояша из манастыря святыя Богородица, и князь Мьстиславъ Юрьевич, и весь крилосъ святыя Софѣя, и вси попове городстѣи, игумены и чернци, и введоша и̑, и поручивше ему епископью въ дворѣ святыя Софѣя, доидеже прииидеть митрополит в Русь; и тогда поидеши ставится (С. 216).

6696 (1188) г.: Заложи Семьюнъ Дыбучевиць церковь камену святыя Богородица Успение во Оркажи манастырѣ (С. 229).

6697 (1189) г.; Святи церковь Гаврила, архиепископъ новгородчкый, святыя Богородица Успение въ Аркажи манастырѣ июня въ 4 (С. 230).

6714 (1206) г.: Преставися посадник новгородчкый Михалко, маа въ 18, приимши мнишьскый чинъ, и наркоша имя Митрофанъ, и положенъ бысть у святѣй Богородици въ Оркажи манастыри. В то же лѣто постави Твердиславъ церковь на воротех въ Оркажи манастыри Михалковиць, святого Симеона Столпника, иже на Дивнѣй горѣ (С. 246).

6728 (1220) г.: Твьрдиславъ же <...> утаивься женѣ и дѣтий и всѣй братьи, иде къ святѣй Богородици въ Аркажь манастырь и пострижеся февраря въ 8 день (С. 60).

6728 (1220) г.: Твердислав же <...> утаивься жены и дитий, и абие поиде в манастырь къ святѣй Богородици въ Аркажь, февраля въ 8 день и пострижеся (С. 262).

НПЛ (мл).

6903 (1395) г.: Того же лѣта постави Исакъ Онкифовъ церковь камену Зборъ святого Михаила в Аркажи манастыри (С. 387).

6915 (1407) г.: Поставиша братеницѣ Юрьи посадникъ Дмитриевич, брат его Яковъ церковь камену Чюду архистратига Михаила в Хонѣх, въ Аркажи манастыри (С. 400).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Оркажь... (С. 346).

Строев, 1877. С. 99:

Св. Аркадий – 1153–1156 гг. (потом епископ новгородский).

Герасим – + 1194 г.

Панкратий – с 1194 г.

Зверинский. Т. 1. С. 76–68 (№ 17).

Хорошев, 1980. С. 203 (№ 1): Дворы – 632, Тяглецы – 775, Обжи – 776,5.

Раппопорт, 1982. С. 72.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 5.

3. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ НА МЯЧИНЕ монастырь.

Основан новгородским архиепископом Ильей и его братом Гавриилом в 1170 г.

Пригородный. Кончанский монастырь Людина конца.

На левом берегу Волхова, вверх по течению, в 2 верстах от Юрьева монастыря, на северо-западной оконечности оз. Мячино.

В 1386 г. сожжен новгородцами. В 1786 г. упразднен и обращен в приход.

Сохранилась каменная церковь Благовещения Богородицы 1179 г. с фресками 1189 г.

НПЛ (ст.).

6678 (1170) г.: Въ то же лѣто архиепископъ боголюбивый Илия съ братомь Гавриломь създаста манастырь, церковь святыя Богородиця Благовещение (С. 33).

НПЛ (мл.).

6678(1170)г.: В то же лѣто боголюбивый архиепископъ новгородчкый владыка Илья с братом Гавриломъ создаста манастырь и церковь устроиста святыя Богородица Благовещение (С. 222).

6687 (1179) г.: Заложи архиепископъ Илия съ братомь церковь камяну святыя Богородиця Благовѣщение, и начя здати церковь майя мѣсяця въ 21, на святую цесарю Костянтина и Елены, а коньцяша мѣсяца августа въ 25, на святого апостола Тита, а всѣго дѣла церковьнаго зьдания дний 70; и бысть крестьяномъ прибежище (С. 36).

6687 (1179) г.: Заложи архиепископъ новгородчкый владыка Илья церковь камену святыа Богородица Благовѣщение, а начаша ю дѣлати мая 21, а концаша августа въ 25, а всего дѣла церковнаго дний 70; и бысть крестияномъ прибѣжище (С. 225).

6688 (1180) г.: Томь же лѣте заложи церковь камяну въ манастыри на воротехъ боголюбивый архепископъ новъгородьскый Илия съ братомь Гавриломь у святого Благовѣщения (С. 36).

6688 (1180) г.: Того же лѣта боголюбивый архиепископъ Илья заложи церковь камену с братом своимъ с Гавриломъ в манастырѣ святого Благовѣщениа на воротех святое Богоявление (С. 226).

6690 (1182) г.: Томь же лѣтѣ концяста церковь архепископъ Илия съ братомь на воротѣхъ святого Богоявления (С. 37).

6690 (1182) г.: Того же лѣта концаша церковь архиепископь новгородчкый владыка Илья съ своимъ братом Гаврилою на воротех святое Богоявление (С. 227).

6697 (1189) г.: Томь же лѣтѣ коньцаша церковь пишюще святого Благовѣщения (С. 39).

6726 (1218) г.: Того же лѣта приде из Володимиря архиепископъ Митрофан, и провадиша й новгородци къ святѣй Богородици Благовѣщению (С. 57–58).

6726 (1218) г.: Того же лѣта прииде из Володимеря архиепископъ Митрофанъ новгородчкый в Новъгород, и провадиша й новгородци къ святѣй Богородици къ Благовѣщению (С. 259).

6807 (1299) г.: По преставлении же Климонтовѣ новгородци, много гадавше с посадникомь Андрѣемь, възлюбиша вси Богомь назначенана мужа добра и смѣрена Феоктиста, игумена святого Благовѣщения; и съзвонивше вѣче у святой Софьи, князь Борисъ Андрѣевич со всѣми новгородци въведоша его с поклономь, и посадиша и въ владычни дворѣ, донде увѣдають, кдѣ митрополит (С. 90).

6807 (1299) г.: По преставлении же Климентовѣ новгородци много гадавше с посадникомъ Андрѣемъ, възлюбиша всь градъ от мала и до велика Богомъ назначена мужа блага и смирена, игумена святого Благовѣщениа, именемь Феоктиста; и созвонивше вѣче у святѣй Софѣи, князь Борисъ Андрѣевич съ всѣми новгородци введоша его с поклономъ, и посадиша въ владычнѣ дворѣ, дондеже увѣдаеть, гдѣ митрополитъ (С. 330).

6816 (1308) г.: Того же лѣта, на зиму, выиде архиепископъ Фектистъ изъ владычня двора, своего дѣля нездоровия, благословивъ Новъгородъ, и иде в манастырь къ Благовѣщению святыя Богородица, изволивъ молчаньное житие (С. 92).

6818 (1310) г.: Той же зимы преставися архиепископъ новгородский Фектистъ, мѣсяца декабря 23, на память святыхъ мученик 10, иже въ Критѣ, и положенъ бысть въ церкви, в манастыри святыя Богородица Благовѣщения, честно всѣмь ерѣйскым чиномь (С. 93).

6815 (1307) г.: Того же лѣта, на зиму, архиепископъ новгородчкый Феоктистъ выиде изо владычня двора, по своей волѣ своего ради нездравия, благословивъ Новъгород; иде в манастырь святыя Богородица Благовѣщению, изволивъ молчалное житье, в немощи будя (С. 332).

6818 (1310) г.: Того же лѣта, на зиму, преставися блаженый архиепископъ новгородчкый Феоктистъ, мѣсяца декабря въ 23, на память святых мученикъ 10, иже въ Критѣ, много пострада Богови въ болезни, святая душа его возиде на небеса, а лице его просвѣтися яко свѣтъ, яко всѣмъ видящим дивитися и славити Бога; и положено бысть тѣло его честное всѣмъ иерѣйскымъ чиномъ в манастырѣ святыя Богородица Благовѣщениа (С. 333).

НПЛ (мл).

6896 (1388) г.: И избраша три мужи: Иоанна игумена святого Спаса с Хутина, Парфѣниа игумена святого Благовѣщения, Афанасиа игумена святого Рожества, и положиша три жребии на престолѣ въ святѣй Софѣи... (С. 381).

6929 (1421) г.: ...положиша 3 жеребьи на престолѣ во святѣй Софѣи, написав: игумена Феодосиа святѣй Троицѣ съ Клопьска, игумена Захарью от Благовѣщениа святѣй Богородици, Арсиния ключника владычня съ Лисиции горкѣ <...> Того же лѣта свершены быша 4 церкви камены: Богоявление на полѣ, Въскресение у Благовещениа въ манастыри, Иванъ Милостивый въ Людинѣ конци (С. 414).

Перечень новгородских архиепископов; перед Н1мл. в списке К: А Феоктиста постави митрополитъ Максим въ Новѣгородѣ въ владыкы <...> и жит лѣт 8, и иде въ манастырь святыя Богородиця къ Благовѣщению, и бысть 3 лѣта, и преставися декемвриа въ 23, и положенъ бѣ въ церкви святыя Богородиця (С. 474).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Благовѣщеньскии... (С. 346).

Повесть о Благовещенской церкви – памятник новгородской литературы XV в. Строев, 1877. С. 43, 111–112:

Св. Феоктист – до 29 июля 1300 г. (потом епископ новгородский).

Парфений– 1388 г.

Захарий–1421 г.

Зверинский. Т. 1. С. 83–84 (№ 32).

Дмитриев, 1973. С. 169–177.

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 4): Дворы – 509, Тяглецы – 729, Обжи – 523.

Раппопорт, 1982. С. 72 (с библиографией).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 4.

4. БОГОЯВЛЕНСКИЙ на Вотской дороге (на Веряже) монастырь.

Основан не позже 1421 г.

Пригородный.

При пересечении Водской дороги и р. Веряжи в 3840 м от Козмодемьянских ворот Окольного города (локализация: Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 13).

Не сохранился.

НПЛ.

6929 (1421) г.: Того же лѣта свершены быша 4 церкви камены: Богоявление на Полѣ... (С. 414).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып, 2.

6929 (1421) г.: Свершиша 2 церкви каменны: Исаакъ Онкифоровичь в манастыри на полѣ Богоявление... (С. 431).

ПСРЛ. Т. 12.

6986 (1478) г.: А воеводамъ своимъ князь великии велѣлъ стати около города съ полки своими: <...> а князю Борису Оболенскому на Соковѣ у Богоявления въ монастырѣ... (С. 178).

Зверинский. Т. 1. С. 98 (№ 75) (уп. 1421, 1478 гг.).

Строев, 1877. С. 128.

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 5): Дворы – 54, Тяглецы – 62, Обжи – 56.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 13.

5. БОРИСОГЛЕБСКИЙ НА ГЗЕНИ (с Загзенья) монастырь.

Основан не позже 1386 г.

Пригородный.

На левом берегу Волхова, у впадения р. Гзени, напротив рощи Антониева монастыря.

В 1386 г. сожжен новгородцами.

Не сохранился.

НПЛ (мл.).

6932 (1424) г.: Того же лѣта свершенѣ быша двѣ церкви камены: святый Лука на Лубяницѣ и святый Борисъ и Глѣбъ на Гъзенѣ (С. 415).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Борисоглѣбьскии... (С. 346).

Строев, 1877. С. 129.

Зверинский. Т. 3. С. 32–33 (№ 1452).

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 6): Дворы – 4, Тяглецы – 4, Обжи – 21.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 21.

6. ВАРВАРИН, с Черницыны улицы, монастырь.

Основан не позже 1138 г.

Женский.

На Софийской стороне, в Людине конце, на Черницыной улице.

Не сохранился.

НПЛ (ст.)

6646 (1138) г.: ...Святослава яша на пути смолняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ манастыри, якоже и жену его Новегородѣ у святое Варвары въ манастыри, жидуще оправы Яропълку съ Всѣволодкомь (С. 25).

6668 (1160) г.: Прияша новгородьци Ростиславиця Святослава, и поправиша ѝ въ Ладогу, а княгыню въпустиша въ манастырь святыя Варвары, а дружину его въ погрѣбъ въсажаша (С. 30).

6675 (1167) г.: Въ то же лѣто преставися раба Божия Анна, игумения святыя Варвары; и поставиша на месте ея Марьмьяну (С. 33).

6703 (1195) г.: Томь же лѣтѣ преставися раба Божия Хрьстна святыя Варвары; и поставиша на мѣстѣ ей, избра владыка и сестры все, кротъку и съмѣрену именьмь Варвару Гюргевую Олекшиниця; и постави ю владыка на сборъ святыя Еуфимие (С. 42).

6726 (1218) г.: Того же лѣта заложи архиепископъ Антоний церковь камяну святыя Варвары манастыр (С. 57).

6727 (1219) г.: Тъгда же концяша церковь камяну святыя Варвары (С. 59).

НПЛ (мл.).

6646 (1138) г.: ...Святослава яша на пути смолянѣ и стрѣжаху его на Смядынѣ в манастырѣ, якоже и жену его в Новѣгородѣ у святои Варварѣ в манастырѣ, ждущу Ярополку оправы съ Всеволодкомъ (С. 211).

6668 (1160) г.: Прияша новгородци Святослава Ростиславица, и послаша его в Ладогу, и княгыню впустиша в монастырь святыа Варвары, а дружину его в погребъ всажаша (С. 218).

6726 (1218) г.: Того же лѣта заложи архиепископъ Антонии церковъ камену святыя Варвары в манастырѣ (С. 258).

6728 (1220) г.: Твьрдиславъ <...> иде къ святѣй Богородици въ Аркажь манастырь и пострижеся февраря въ 8 день. Тогда и жена въ друзѣмь манастыри пострижеся у святѣй Варвары (С. 60).

6728 (1221) г.: Твердислав <...> поиде в манастырь къ святѣй Богородици въ Аркажь, февраля въ 8 день и пострижеся. Тогда же и жена его въ друзѣмъ манастырѣ у святѣи Варварѣ пострижеся (С. 262).

НПЛ (мл.).

6910 (1402) г.: Поставиша чудиньцевци церковь камену Усѣкновение главы святого Иоанна Предтеца; а черницинци церковъ камену святую Варвару поставиша; а посадник Кюрила Ондрѣянович 3 отрокъ придѣлъ у святого Михаила на Пръскои улицѣ (С. 397).

Строев, 1877. С. 43:

Анна – + 1167 г.

Маремиана – с 1167 г.

Христина – +1195 г.

Варвара – с 1195 г.

Зверинский. Т. 2. С. 85–86 (№ 686).

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 7): Дворы – 88, Тяглецы – 148, Обжи – 152,5.

7. ВЕРЕНДОВСКИЙ Спасо-Преображенский, на р. Веренде, монастырь.

Основан не позже 1391 г. (Янин, 1991. С. 215–216) или 1407 г. (по летописи). В 21 версте от Новгорода, на р. Веренде (совр. – Веронда).

В 1764 г. упразднен. Не сохранился.

НПЛ (мл.)

6915 (1407) г.: Постави владыка Иоанн церковь камену на Верендѣ святого Спаса Преображение, и свяща ю самъ, и манастырь устрои (С. 400).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6915 (1407) г.: Постави владыка Иванъ каменну церковь на Верендѣ и на Видогощи святый Спасъ Преображение, и манастырь устрои (С. 404–405).

ПСРЛ. Т. 11.

6915 (1407) г.: Того же лѣта, мѣсяца августа, совръши владыка Иванъ, архиепископъ Новогородцкии, церковь камену на Верендѣ и на Видогощи святаго Преображениа Господня, и манастырь устрои (С. 202).

Строев, 1877. С. 111.

Зверинский. Т. 2. С. 92 (№ 708) (Верендовский-Сутоцкий-Спасский, иначе Видогощский или Видогощский-Преображенский); Т. 3. С. 38–39 (№ 1483) (Верендовский – Николаевский). У Зверинского эти два монастыря различаются, хотя он ссылается на одну и ту же летописную запись 1407 г., но в одном случае приводит ее как относящуюся к церкви Спаса Преображения, а в другом – церкви св. Николая Чудотворца. См. ПСРЛ. Т. 3. С. 234.

Хорошев, 1980. С. 209 (№ 97): Дворы – 3, Тяглецы – 3, Обжи – 22.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 110–111 (локализация монастыря у места впадения р. Видогощь в р. Веронда, у д. Борок).

Янин, 1991. С. 215–216. Датирует Данную грамоту Верендовскому монастырю на рыбные ловли на р. Веренде и на земли с угодьями между реками Верендой и Видогощью хронологическими рубежами между 17 января 1389 г. (хиротонисан архиепископ Иоанн) и 1391 г. (умер посадник Григорий Якунович).

Где святая София..., 1997. С. 275–279 (Л. Секретарь).

8. ВИДОГОЩСКИЙ Троицкий монастырь.

Основан не позже 1402 г.

В Шелонской пятине, у р. Видогощь.

Упразднен в начале XVIII в. Не сохранился.

НПЛ (мл.).

6923 (1415) г.: Поставиша церковь камену святую Троицю на Видогощи в манастыри (С. 405).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6910 (1402) г.: На Видогощи во общемъ манастыри поставиша церковь древяну святую Троицю (С. 394).

ПСРЛ. Т. 11.

6911 (1403) г.: Того же лѣта въ Новѣгородѣ въ Великомъ <...> Кирилъ Андрѣевичь посадник Новогородцкии постави церковь камену Трие Отроцы и прѣделъ святаго архистратига Михаила на Пруской улицѣ; и церковь древяну на Видогощи пресвятыя Троицы поставиша во опщемъ манастырѣ въ Великомъ Новѣгородѣ (С. 189).

6923 (1415) г.: Того же лѣта въ Новѣгородѣ поставиша церковь камену пресвятыа Троицы въ монастыри на Видогощи (С. 226).

Строев, 1877. С. 128.

Зверинский. Т. 3. С. 186 (№ 2127). Зверинский (Т. 2. С. 92) рассматривает как один Верендовский и Видогощский монастыри, но в т. 3 выделяет Видогощский особо, правда, указывая для него то же географическое положение, что и для Верендовского (в 21 версте от Новгорода и недалеко от с. Сутоки), и в обоих случаях отмечая, что его место в конце XVIII в. досталось Клопскому монастырю.

Хорошев, 1980. С. 211 (№ 113): Дворы – ?, Тяглецы – ?, Обжи – 21.

Рукописи:

XIV в. (конец).

Октоих. Пергамен. РНБ, Соф. 124.

На л. 210 об. киноварная приписка: Написаны быша книгы сия, нариченыи октаикъ, в манастырѣ святѣи Троици на Видогощѣ к святому Въскресенью за Волокъ, в Ракулу на Двинѣ повелѣниемь раба Божия Пумина грѣшнаго отьца владычня, и

повелѣниемь сына его Андрѣяна многогрѣшнаго черньца, нарѣченаго Маркияна. А писалъ Стефанъ дьякъ. Ци буду гдѣ описалься своимъ неразумь, и вы, господо, поите исправливая, а мене грѣшнаго в молитвахъ помните.

Гранстрем, 1953. С. 49.

XIV–XV вв.

Сборник слов и поучений. Пергамен. РНБ, Соф. 1262.

На л. 1 полууставом XIV–XV вв.: Помяни, Господи, душю раба Божия священоинока Труфана Скимана начальника месту сему, утопъшаго на мори в одномъ корабли с Васильемъ и с Назарьемь, но те два жива, что книгу сию положилъ в домъ святѣи Троици на Видогощи, Бога ради Павла <...> щно Павла инока.

Гранстрем, 1953. С. 60.

9. ВОДСКИЙ (С ВОТСКОЙ ДОРОГИ) СПАССКИЙ (В КОНЦЕ КУЗЬМОДЕМЬЯНСКОЙ УЛИЦЫ) монастырь.

Основан в 1394 г.

Пригородный.

На левом берегу Волхова, рядом с городом, на Вотской дороге, возле Неревского конца, в конце Кузьмодемьянского заполья.

Упразднен в XVIII в.

Не сохранился.

НПЛ (мл).

6902 (1394) г.: Поставиша церковь древяну святый Спасъ конець Кузмодѣмьянѣ улицѣ и манастырь устроиша (С. 387).

Зверинский. Т. 3. С. 40 (№ 1490).

Хорошев, 1980. С. 209 (№ 99): Дворы – 9, Тяглецы–12, Обжи–10.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 11.

По описи 1582 г. значился как Кузмодемьянской на полѣ. В 1662 г. приписан к Отенскому, в 1764 г. упразднен. Зверинский. Т. 2. С. 186 (№ 880) (Козмодемьянский-Спасский на Поле).

Кузьмодемьянская ул. продолжалась как Водская дорога, поэтому в Новгородских писцовых книгах (далее – НПК) нет Спасского Кузьмодемьянского монастыря. Возможно, этот же Кузьмодемьянский монастырь Зверинский описал: Т. 3. С. 144 (№ 1956): «Пятницкий-Козмодемьянский. В окрестностях Новгорода, по Ивангородской дороге. В записи о ружных церквах и монастырях 1577–1589 гг. сказано: В монастырь св. Пятници да чудотворцев Космы и Дамиана, что на Ивангородской дороге, игумену Тарасию и 15 старцамъ». (В отдельный пункт не выделяю, так как нет сведений о существовании до 1500 г.). По всей видимости, этот же Водский Спасский монастырь упоминается в НПК как СПАССКИЙ ГОРОНЧАРНОГО КОНЦА монастырь (известен только по: НПК. Т. 2. С. 85, 394; Хорошев, 1980. С. 209 (№ 100): Дворы –27, Тяглецы – 28, Обжи – 25).

10. ВОЗНЕСЕНСКИЙ ЗАГОРОДСКОГО КОНЦА монастырь.

Основан не позже конца XV в.

По всей видимости, находился на Софийской стороне, в Загородском конце, возле Прусской улицы, у большого земляного вала (известна церковь Вознесения).

Известен только по: НПК. Т. 3. С. 204; ВОИДР. Кн. 11. С. 352.

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 11). Дворы–16, Тяглецы–17, Обжи–19.

11. ВОЛОТОВ Успения Богородицы монастырь.

Основан не позже 1352 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 3 верстах от города, на Волотовом поле, на Слудке.

Сожжен новгородцами в 1386 г. Упразднен в 1764 г. Церковь Успения Богородицы 1352 г. сохранилась до Великой Отечественной войны. Руины церкви законсервированы (Л. Е. Красноречьев, 1955 г.).

НПЛ (мл.).

6860 (1352?) г.: Того же лѣта постави владыка Моиси церковь камену въ имя святыя Богородица Успение на Волотовѣ (С. 362).

6871 (1363?) г.: Того же лѣта подъписана бысть церкви святыя Богородица на Волотовѣ, в Моисѣевѣ манастыри, повелѣниемъ боголюбиваго архиепископа новгородчкого Алексѣя (С. 368).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> на Волотовѣ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 96:

Иринарх – 30 сентября 1500 г.

Зверинский. Т. 2. С. 386–387 (№ 1312).

Алпатов, 1977.

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 8): Дворы – 74, Тяглецы – 98, Обжи–120 (у Хорошева – Введения Пречистые с Волотовой горы).

Вздорнов, 1989.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 161–165.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 39.

12. ВОСКРЕСЕНСКИЙ НА МЯЧИНЕ монастырь.

Основан не позже 1136 г.

Пригородный. Женский.

На левом берегу Волхова, у городской черты, возле Людина конца. Сохранились церковь Уверения Фомы 1463 г. (на месте церкви Воскресения 1195 г.) и церковь Иоанна Милостивого 1421 г.

В 1386 г. сожжен новгородцами.

НПЛ (ст.)	**НПЛ** (мл.).
6644 (1136) г.: Тъгда же съгорѣ церкы святого Въскресения манастырь (С. 24).	6644 (1136) г.: Тогда же сгорѣ церкви святого Въскресениа в манастырѣ (С. 209).
6700 (1192) г.: Томь же лѣтѣ переставися игумения Мария святого Въскресения, и поставиша на месте Евдокию (С. 40).	Нет
6701 (1193) г.: Томь же лѣтѣ сърубиша церковь святую Апостолу на Хълмѣ Живогложю и святого Иоанна Милостивого на воротехъ с Воскресения (С. 41).	Нет
6703 (1195) г.: Тои же осени заложи церковь святого Въскресения камяну въ манастыри владыка Мартурии, и възделаша до двьрии около до осени (С. 42).	6703 (1195) г.: Тои же осени заложи церковь камену святого Въскресения в манастырѣ архиепископъ новгородчкыи Мантуръи (С. 234).
6704 (1196) г.: Въ то же лѣто концяша церковь святого Въскресения; и святи владыка Мартурии мѣсяця септября въ 13, на святого Корнилия, на канонъ святого Въздвижения, при игумени; а владыка тружаяся и горя въ день зноемь, а въ ноць печялуяся, абы конъцяти и видети церковь съвѣршену и украшену; и егоже желавъ, прия царство небесное и радость неисконъцяему въ вѣкы, аминъ (С. 42).	6704 (1196) г.: В то же лѣто концаша церковь святого Въскресениа; и святи ю архиепископъ Мантурии септября въ 13, а владыка тружаяся и горя зноемъ въ день, а в нощь печалуяся, како бы концати и видѣти церковь свершена и украшена; егоже желавъ, прия царство небесное и радость неконцаему в вѣкы (С. 235).

НПЛ (мл.)

6926 (1421) г.: Того же лѣта бысть вода велика въ Волховѣ и снесе Великыи мостъ и Нередичкои и Жилотужьскыи, а с Коломець и церковь снесе святую Троицю; а въ Щиловѣ и на Соколницѣ и в Радоковицах и [въ] Въскресениа в Людинѣ концѣ, в тѣх церквах толко на полатех пѣлѣ (С. 413).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Въскресеньскыи... (С. 346).

Строев, 1877. С. 127, 43:

Мария – + 1192 г.

Евдокия – с 1192 г.

Зверинский. Т. 3. С. 50–51 (№ 1540). Зверинский отождествляет Воскресенский на Мячине и Воскресенский с Красной горки монастыри, но сведения Н1мл., в отличие от сведений более поздних летописей, позволяют их различать.

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 12): Дворы – 89, Тяглецы – 98, Обжи – 121 (Воскресенский Горончарного конца).

Где святая София..., 1997. С. 326–330 (Л. Красноречьев).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 8.

13. ВОСКРЕСЕНСКИЙ С КРАСНОЙ ГОРКИ (с Красного поля) монастырь.

Основан в 1415 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в конце Никитиной улицы, за валом возле Плотницкого конца.

Уже в 1418 г. упоминается как общежительный.

Сохранилась трапезная церковь середины XVI в. (перестроена в XIX в.; реставрирована в 1991–1995 гг.).

НПЛ (мл.).

6923 (1415) г.: Того же дни (11 августа.– *А. Б.*) священа бысть церкви древяная святое Въскресение Господне на Красной горкѣ у Плотничского конца, и манастырь устроиша (С. 405).

6926 (1418) г.: Того же лѣта поставлены быша 4 церкви камены: Всѣ святыи на Черници улици, святого Саву на Кузмодемьянѣ улици, святого Илию у Спаса на Хутинѣ, Въскресение Христово общий манастырь; и святого Николу на Пидбѣ (С. 411).

Строев, 1877. С. 128.

Зверинский. Т. 3. С. 51–52 (№ 1542). Зверинский называет этот монастырь с Красного поля, ошибочно полагая, что с Красной горки – это другой монастырь (Воскресенский на Мячине).

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 16): Дворы – 73, Тяглецы – 85, Обжи – 72 (Воскресенский с поля, конец Никитины); Там же. № 15: Дворы – 30, Тяглецы – 30, Обжи – 29,5 (Воскресенский с Красной горки, с поля); Там же. № 14. Дворы – 39, Тяглецы – 45, Обжи – 37,5 (Воскресенский с Запольской улицы). Очевидно, речь идет об одном и том же монастыре под разными названиями.

София. 1997. № 1. С. 17–19 (Н. Кузьмина).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 35.

14. ВЯЖИЩСКИЙ (Вяжицкий) Николаевский монастырь.

Основан не позже 1411 г.

Пригородный.

На левом берегу Волхова, на болотистом месте, называемом Вяжищи, в 12 верстах от города, у левого берега р. Каменки (ниже монастыря называется р. Веряжа).

Сохранились постройки XVII в.; единственное изображение древних строений сделано в 1615 г. Антонисом Хутеерисом. Ныне действующий (женский). Мощи св. Евфимия Вяжищского под спудом.

НПЛ (мл.).

6944 (1436) г.: Того лѣта владыка Еуфимии заложи церковь камену святого Николу на Вежищах (С. 418).

6945 (1437) г.: Того лѣта паде церковь на Вежищах святыи Никола камень (С. 419).

6946 (1438) г.: Того лѣта опять поставиша церковь святого Николу на Вяжищах, на старои основѣ, каменъ (С. 419).

6949 (1441) г.: Того же лѣта, повелѣньемъ пресвященнаго архиепископа Великого Новагорода владыкы Еуфимья, подписана бысть церковь святыи Никола на Вежищах (С. 421).

6950 (1442) г.: Того же лѣта, повелѣниемъ архиепископа новогородскаго Еуфимия, подписана бысть церковь св. Николы на Вежищахъ (С. 463).

Строев, 1877. С. 65–67:

Пахомий – 1411 г.

Пимен – около 1437 г.

Исидор – в Синодике.

Лев – в Синодике.

Иоаким – 1456 г.

Варлаам – 1466 г.

Зверинский. Т. 2. С. 223–225 (№ 979).

Хорошев, 1980. С. 206 (№ 38): Дворы – 408, Тяглецы – 360, Обжи – 369.

Малков, 1983. С. 346–350.

Где святая София..., 1997. С. 251–259 (Н. Жервэ).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 16.

Рукописи:

Около 1441 г.

Триодь постная. РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 438.

На л. 305–305 об. запись: Боголюбивому архиепископу Еуфимию Великаго Новаграда, а писалъ попъ Дионисие у святаго Николы на Вежищехъ.

Востоков, 1842. С. 707–708.

ПС XV в., 1986. № 1627.

15. ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛОВ монастырь.

Основан в 1432 г. (?) Евфимием II.

На Софийской стороне, в Загородском конце, близ большого земляного вала, между Чудинцевой и Прусской улицами.

Сохранилась церковь 1454–1455 гг.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3: 6939 (1431) г.: Того же лѣта владыка Еуфимеи постави церковь древяну святыхъ Апостолъ у скуделницы и манастырь устрои черницамъ (список Н. К. Никольского). В летописях XV в. аналогичное сообщение о строительстве церкви читается под 6940 (1432) г., но в них ничего не говорится об учреждении монастыря.

Женский монастырь, однако, бесспорно существовал в 1577–1589 гг.

Зверинский. Т. 3. С. 59 (№ 1574).

Где святая София..., 1997. С. 323–324 (Л. Красноречьев).

16. ДЕРЕВЯНИЦКИЙ Воскресенский монастырь.

Основан не позже 1335 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 4 верстах от города, на устье ручья Деревяница.

Сохранились поздние постройки: церковь Воскресения Христова 1700 г. и церковь Успения Богородицы 1725 г.

НПЛ (мл.).

6843 (1335) г.: Моисии владыка заложи церковь камену святого Въскресения на Деревяници, манастырь. Того же лѣта сверши <...> Моисии другую святого Въскресения каменую (С. 346–347).

6856 (1348) г.: Того же лѣта боголюбивыи архиепископъ новгородчкыи Василии повелѣ подписати церковь святого Въскресения на Деревяницѣ, и концаша на зачатие Ивана Крестителя (С. 361).

Строев, 1877. С. 72–74.

Зверинский. Т. 1. С. 121–122 (№ 134).

Кадыкин, 1911.

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 13): Дворы – 38, Тяглецы – 46, Обжи – 39.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 43.

Рукописи:

1454 г.

Минея служебная (октябрь). Пергамен. 172 л. ГИМ, собр. Уварова, № 795 (465) (251).

На л. 172 запись (киноварью): Въ лѣто 6962 [1454] индикта 2, се дасть господинъ боголюбивыи преосвященный архиепископъ богоспасаемаго Великаго Новагорода и Пскова владыка Еуфимеи сии Мѣнеи въ домъ святаго Въскресениа въ окрестъныхъ Новагорода Великаго, въ мѣсто рекомое на Деревяници.

Леонид, 1893. Ч. 2. С. 125–126.

17. ДЕСЯТИНСКИЙ (на Десятине) Рождества Богородицы монастырь.

Основан в 1327 г.

На Софийской стороне, в Людине конце.

Сохранилась церковь Рождества Богородицы 1397 г.

НПЛ (ст.).
6835 (1327) г.: Того же лѣта постави церковь святой Богородици Рожество архиепископъ Моисий въ Десятинѣ (С. 98).

НПЛ (мл.).
Нет.

НПЛ (мл.).

6905 (1397) г.: Постави Исакъ Онкифовъ церковь камену святыя Богородица Рожество на Десятинѣ (С. 388).

6921 (1413) г.: А Иванъ Морозовъ постави церковь камену на Десятинѣ Зачатье святого Иоанна Предтечя (С. 404).

Строев, 1877. С. 113.

Зверинский. Т. 2. С. 124–125 (№ 781).

Хорошев, 1980. С. 208 (№ 75): Дворы – 98, Тяглецы– 127, Обжи– 121.

Где святая София..., 1997. С. 237–242 (Н. Жервэ, Л. Секретарь).

Рукописи:

Около 1430 г.

Триодь цветная. РНБ, собр. Погодина, № 486.

На л. 299 приписка рукой писца: Написана бысть книга сиа в пречестнѣи обители пресвятыа владычица нашя Богородица и приснодевы Мария внутрь Великого Новаграда глаголемѣи на Десятинѣ, повелѣниемь раба Божиа игумена Макариа грѣхослужимою десьницею многогрѣшнаго инока Исаища.

Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. С. 126.

ПС XV в., 1986. № 132.

18. ДУХОВ, Сошествия Св. Духа, монастырь.

Основан не позже 1162 г.

Пригородный.

На левом берегу Волхова, у городской черты, возле Неревского конца. Сохранились церковь Сошествия Св. Духа 1892 г. и трапезная церкви Троицы (ок. 1557 г.).

В 1386 г. сожжен новгородцами.

НПЛ (ст.).

6670 (1162) г.: Томь же лѣтѣ у святого Духа Съшьствия поставиша игуменомь Саву (С. 31).

НПЛ (мл.).

6670 (1162) г.: Того же лѣта у святого Духа поставиша игуменомъ Саву попина святого Савы (С. 218).

6865 (1357) г.: Постави владыка Моисий церковь камену Духъ святый, монастырь (С. 364).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Духовъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 43, 89–90:

Савва – 1162 г.

Зверинский. Т. 1. С. 137–138 (№ 179).

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 18): Дворы – 275, Тяглецы – 367, Обжи – 358.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 17.

19. ЕВФИМИИН Благовещения Богородицы монастырь.

Основан в 1197 г. Полюжаей, дочерью Жирошки Городщинича.

Женский.

На Торговой стороне, в Плотницком конце, у Запольской улицы. Упразднен в 1787 г., в 1807–1808 гг. все строения разобраны.

НПЛ (ст.).

6705 (1197) г.: Въ то же лѣто постави манастырь святыя Еуфимия въ Плътьникихъ Полюжая Городъшиниця Жирошкина дъци (С. 43).

НПЛ (мл.).

6705 (1197) г.: В то же лѣто постави манастырь святыя Еуфимиа в Плотникех Полюжая Жирошкѣ Городъшиниця дщи (С. 237).

НПЛ (мл.).

6922 (1414) г.: Тои осени свершиша церковь камену святую Еуфимию въ Плотничком концѣ (С. 405).

Строев, 1877. С. 44, 108.

Зверинский. Т. 1. С. 142–143 (№ 188).

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 19): Дворы – 47, Тяглецы – 45, Обжи – 39.

20. ЗВЕРИН Покрова Богородицы монастырь.

Основан не позже 1148 г.

Пригородный. Женский.

На левом берегу Волхова, у городской границы, в Зверинце, рядом с ручьем Гзень, возле Неревского конца.

Сохранился комплекс построек XIV–XIX вв.

В 1386 г. сожжен новгородцами.

НПЛ (ст.)	**НПЛ** (мл.)
6656 (1148) г.: Бысть дъжгъ съ градомь июня въ 27, в недѣлю, и зажьже гром церковь святыя Богородиця въ Звериньци манастырь (С. 28).	6656 (1148) г.: Бысть дождь съ градом и громомъ июня въ 27, в недѣлю, зажьже громъ церковь святыя Богородица въ Звѣринцинѣ манастырѣ (С. 214).
6700 (1192) г.: Томь же лѣтѣ у святѣй Богородици въ Звериньци поставиша игумению (С. 40).	6700 (1192) г.: В то же лѣто поставиша у святѣй Богородици въ Звѣринци игумению Ефросинию Петровую Купцевица (С. 231).
6808 (1300) г.: Того же лѣта срубиша 4 церкви: святыя Богородица в манастыри на Звѣринци, и святого Лазоря, и святого Дмитрия на Бояни улкѣ, и святою Бориса и Глѣба на Подолѣ (С. 91).	Нет.

НПЛ (мл).

6843 (1335) г.: Заложи архиепископъ Василий церковь святыя Богородица въ Звѣринцѣ, а Моисий владыка заложи церковь камену святого Въскресения на Деревяници, манастырь (С. 346).

6843 (1335) г.: Того же лѣта сверши владыка Василий церковь святую Богородицю въ Звѣринци, а Моисий другую святого Въскресения каменую (С. 346–347).

6907 (1399) г.: Того же лѣта постави архиепископъ новгородчкый владыка Иоан съ своими дѣтми, с новгородци, церковь камену святыа Богородица Покровъ на Звѣринци, и свяща ю сам владыка Иоан с попы и с клиросом святѣй Софѣи, мѣсяца октября въ 1 день, на Покровъ святыа Богородица (далее – молитва Богородице, нач.: О, пречистая царице Богородице...) (С. 394).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Богородицинъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 43, 100:

Ефросиния – 1192 г.

Граффито летописного характера в церкви Симеона: В лѣто 6975 [1468] бысть мор въ Великом Новигороди, въ Старыя Русы и в Новои, и во всѣх пятинах Новгородцькои области. В Неревском конци за городом во Звиринцы монастыри у Покрова Богородицы бысть скуделня велия близ церькви. Божиим попущением преставилось в Великом Новигороди от смертоносныя язвы 48 482 человеки, а в монастырех игуменов и старцов, и в девичьих игумении и стариц, и крѣстиан 7652 человики. И в тое повѣтрие явись на сем мисти на скуделни образ Симион Богоприимец. Аще бы не было б явления святаго Семиона, было бы мерзость и запустение граду и всѣм пяти

пятинам. Да извисно написано в книги в Часословцы подлино. Богу нашему слава во вѣкы. Аминь. Лита 7169 [1661] (Сивак, 1984).

Зверинский. Т. 2. С. 137 (№ 806).

Хорошев, 1980. С. 208 (№ 78): Дворы – 3, Тяглецы – 6, Обжи – 3.

Где святая София..., 1997. С. 213–219 (Н. Жервэ), 219–223 (М. Чумовицкая).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 20.

21. ИЛЬИНСКИЙ, Св. Ильи Пророка, монастырь.

Основан не позже 1496 г. (или, по церкви, не позже 1416 г.?).

Пригородный.

На левом берегу Волхова, около города, за валом на Прусском заполье, против Прусской улицы (примерно в 720 м к западу от Прусских ворот Окольного города при дороге, ведущей из Новгорода в Псков, – см. о локализации: Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 9).

Не сохранился.

НПЛ (мл.).

6924 (1416) г.: Поставиша церковь святого Илью конець Пръскои улицѣ (С. 405).

6925 (1417) г.: А крестианы овѣ на конех, а друзии пѣши, из лѣса беръвна привозивъ, поставиша церковь святую Ностасью в память ея..., а въ остаточных беръвнах поставиша церковь святого Илью конець Пръскои улицѣ (С. 408).

НПК. Т. 1. Стб. 246; Т. 2. Стб. 637.

Строев, 1877. С. 110.

Зверинский. Т. 2. С. 147 (№ 830) (Ильинский Мокрый).

Хорошев, 1980. С. 205 (№ 24): Дворы – 41, Тяглецы – 45, Обжи – 44 (Ильинский с Прусской).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 9.

22. ИОАННА БОГОСЛОВА НА ВИТКЕ В РАДОКОВИЧАХ (Богословский) монастырь.

Основан не позже 1383 г.

На правом берегу Волхова, за валом, возле Плотницкого конца.

В 1386 г. сожжен новгородцами. В 1764 г. упразднен и обращен в приход. Сохранилась церковь Иоанна Богослова 1384 г.

НПЛ (мл.).

6891 (1383) г.: Того же лѣта заложиша двѣ церкви камены: святого Филипа на Нутнои улицѣ и святого Иоанна в Радоковицах (С. 379).

6892 (1384) г.: Той же осени свершиша церковь камену святого Филиппа на Нутнои улицѣ, и свяща ю архиепископъ владыка Алексѣи; и другую церковь свершиша святыи Иоанн в Радоковицахъ (С. 380).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Иоанновъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 99–100.

Зверинский. Т. 2. С. 75 (№ 660). (Указывают на год основания в 1354 г.).

Хорошев, 1980. С. 204 (№ 20): Дворы – 2, Тяглецы – 5, Обжи – 2,5 (Иоанна Богослова на Витке (Богоявленский). Богоявленский у Хорошева, вероятно, ошибочно вместо Богословский).

Янин, 1991. С. 217–219 (Меновая грамота архиепископа Евфимия с монастырем датируется 1424–1429 гг.).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 40.

23. КИРИЛЛОВ на Нелезине острове (Нелезинский) монастырь.

Основан не позже 1196 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, на острове, образуемом р. Малый Волховец и р. Левошней, в 3 верстах от города.

Сожжен новгородцами в 1386 г. Церковь св. Кирилла Александрийского 1196 г., перестроенная в верхней части в 1754 г., была разрушена во время Великой Отечественной войны (руины заросли деревьями и бурьяном).

Не сохранился.

НПЛ (ст.).

6704 (1196) г.: Заложиста црьковь камяну святого Кюрила въ манастыри на Нѣлезѣнѣ Къснятинъ и Дъмитръ, братеника, на Лубянѣи улици; и начаша дѣлати мѣсяця априля, а конъцаша мѣсяця июля въ 8, на святого Прокопия; и святи ю владыка Мартурии на зиму мѣсяця генваря въ 19, на святыя Татияны, при игумене Онисиме; и бысть радость крестьяномъ, а Къснятину и Дъмитру вѣчьная память (С. 42).

6704 (1196) г.: Тои же зиме святи церковь святого Кюрила въ Нелезенѣ епископъ Мартурии (С. 43).

НПЛ (мл.).

6704 (1196) г.: Заложиста церковь камену святого Кирила в манастырѣ въ Нелѣзенѣ Костянтинъ и Дмитръ, братеника, [а мастеръ бяше] Коровъ Якович с Лубянѣи улицѣ; начаша ю дѣлати априля, а концаша июня въ 8, на святого Прокопиа; и святи ю владыка Мантурии генваря въ 12, и бысть радость крестианомъ, а Костянтину и Дмитру вѣчная память (С. 235).

6704 (1196) г.: Тои же зимѣ святи церковь архиепископъ Мартурии въ Нелѣзене (С. 236).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Кириловъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 44, 76–78:

Онисим – 1196 г.

Иосиф – убит 1381 г.

Зверинский. Т. 2. С. 165 (№ 866).

Хорошев, 1980. С. 205 (№ 27): Дворы – 337, Тяглецы – 349, Обжи – 502.

Раппопорт, 1982. С. 75 (с библиографией).

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 19–20.

София. 1997. № 1. С. 24–25 (Л. Секретарь).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. №31.

24. КЛОПСКИЙ Троицкий монастырь.

Основан не позже 1412 г.

Пригородный.

На р. Веряжи, в 15 верстах от Новгорода.

Сохранились постройки XVI–XIX вв.

Житие Михаила Клопского (Дмитриев, 1958).

Строев, 1877. С. 69–72:

Феодосий – с 1408 г., а 1 сент. 1421 г. избран в архиеп. новгородскаго; + 29 сент. 1452 г.

Феодосий, 10 янв. 1452 г.

Иона, 6 авг. 1499 г.

Зверинский. Т. 2. С. 182–183 (№ 872).

Дмитриев, 1958.

Хорошев, 1980. С. 211 (№ 114): Дворы – 35, Тяглецы – 40, Обжи –78,5.

Видимо, этот же монастырь в НПК называется Троицкий с Веряжи (Там же. С. 211 (№ 111): Дворы – 3, Тяглецы – 3, Обжи – 3).

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 74–49.

25. КОВАЛЕВ Спасский монастырь.

Основан не позже 1345 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 4 верстах от города, у р. Волховец.

В 1386 г. сожжен новгородцами. Упразднен в 1764 г., церковь обращена в приход.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> на Ковалевѣ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 109.

Зверинский. Т. 2. С. 184 (№ 875).

Хорошев, 1980. С. 209 (№ 102): Дворы – 69, Тяглецы–143, Обжи – 79.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 156–159.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 38.

26. КОЛМОВ (КОЛМОВСКИЙ, КОЛОМЕЦКИЙ) Успения Богородицы монастырь.

Основан в 1392 г. (по Янину) или не позже 1310 г. (?)

Пригородный.

На левом берегу Волхова, в 3 верстах от города, на Колмове, у Колмова ручья.

НПЛ (ст.).

6818 (1310) г.: Того же лѣта постави церковь камену на Коломцах архимандрит Кюрилъ Успѣние святыя Богородица... (С. 93).

6832 (1324) г.: Тогда же сдумавше новгородци и игумени и попове и черньци и вся Новъгород, възлюбиша вси Богомь назнаменана Моисия, преже бывша архимандритомь у святого Георгия, потомь вышелъ бяше по своеи воли къ святои Богородици на Коломци въ свои манастырь, и възведоша ѩ на сѣни, и посадиша ѩ въ владычни дворѣ, дондеже позоветь его митрополитъ (С. 97).

НПЛ (мл.).

6818 (1310) г.: Того же лѣта постави церковь камену на Коломцахъ анхимандритъ Кирилъ въ имя святыя Богородица Успение... (С. 333).

6832 (1324) г.: Тогда же сдумавши новгородци, игумены и попове и черънци и весь Новъградъ, възлюбиша вси Богомь назнаменана Моисѣя, преже бывша анхимандритомъ у святого Георгиа, потомъ бяше вышелъ по своеи воли къ святѣи Богородици на Коломци въ свои манастырь, и возведоша на сѣни, и посадиша ѩ во владычни дворѣ, дондеже позоветь его митрополитъ (С. 340).

Строев, 1877. С. 97:

Макарий б/д.

Лев – 1415 г.

Зверинский. Т. 2. С. 390 (№ 1318). Этот же монастырь ошибочно учтен у Зверинского вторично на основании летописного свидетельства 1392 г.: Т. 3. С. 26 (№ 1423).

Хорошев, 1980. С. 205 (№ 28): Дворы – 40, Тяглецы – 84, Обжи – 63.

Янин, 1991. С. 229–231.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 22.

27. КОЛОМЕЦКИЙ ТРОИЦКИЙ монастырь.

Основан не позже 1421 г.

Пригородный.

В дельте р. Мста, в 7 верстах от города, в 2 верстах от Липенского монастыря, в урочище Коломцы.

Упразднен из-за подмыва строений после наводнения 1680 г. Не сохранился.

НПЛ (мл.).

6926 (1421) г.: Того же лѣта бысть вода велика въ Волховѣ и снесе Великыи мостъ и Нередичкои и Жилотужьскыи, а с Коломець и церковь снесе святую Троицю; а въ Щиловѣ и на Соколницѣ и в Радоковицах и [въ] Въскресениа в Людинѣ концѣ, в тѣх церквах толко на полатех пѣлѣ (С. 413).

Зверинский. Т. 3. С. 81–82 (№ 1686). Зверинский приводит летописное известие 1324 г. о владыке Моисее, где имеется в виду не Коломецкий, а Колмов монастырь.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 33–34.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 24.

28. КСЕНОФОНТОВ РОБЕЙСКИЙ Троицкий монастырь.

Согласно церковной традиции, основан не позже 1262 г. св. Ксенофонтом Робейским, учеником Варлаама Хутынского. Но, вероятнее всего, основан в конце XIV – начале XV в.

На р. Робейке, в 25 верстах от Новгорода, в 15 верстах от Хутынского монастыря.

Каменная церковь св. Троицы, согласно Зверинскому, построена в 1418 г.

Мощи св. Ксенофонта под спудом. Упразднен в 1764 г.

Житие Ксенофонта Робейского.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6925 (1417) г.: Поставиша 4 церкви древяны: Въскресение Христово на Варейской улици, Въскресение Господне в Савинѣ пустынѣ, святаго Николу в Селифонтовѣ пустынѣ, святаго Николу на Вежищахъ.

Ср.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 257–258 (Летописец новгородский церквам Божиим): 6925 (1417) г.: Поставиша 4 церкви древяныхъ: 1. Воскресение Христово на Варежской улицы в Павловѣ манастыри, Вознесение Христово в Савинѣ пустыни у Савы Вишерскаго, да церковь святаго Николая чюдотворца в Ксенифонтовѣ пустыни, да церковь святаго Николая чюдотворца на Вяжищахъ.

Таким образом, это тот же монастырь, что и Селифонтов Николаевский [= СЕЛИФОНТОВ НИКОЛЬСКИЙ монастырь (пустынь). ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. 6925 (1417) г.: Поставиша 4 церкви древяны: Въскресение Христово на Варейской улици, Въскресение Господне в Савинѣ пустынѣ, святаго Николу в Селифонтовѣ пустынѣ, святаго Николу на Вежищахъ.– Зверинский. Т. 3. С. 154 (№ 2004) (ссылка только на ПСРЛ); Хорошев, 1980. С. 207 (№ 59): Дворы – 9, Тяглецы – 9, Обжи–10].

Строев, 1877. С. 107.

Зверинский. Т. 2. С. 195–196 (№ 902).

Цветков, 1899. С. 304–315.

29. ЛАЗАРЕВ, Св. Лазаря, монастырь.

Основан не позже 1367 г. (или не позже конца XI – начала XII в., по В. Л. Янину).

Пригородный. Женский.

На левом берегу Волхова, за земляным валом, возле Неревского конца. В 1386 г. сожжен новгородцами. Упразднен в 1764 г. Не сохранился.

НПЛ (ст.).

6808 (1300) г.: Того же лѣта срубиша 4 церкви: святыя Богородица в манастыри въ Звѣринци, и святого Лазоря, и святого Дмитрия на Бояни улкѣ, и святою Бориса и Глѣба на Подолѣ (С. 91).

НПЛ (мл.)

Нет.

НПЛ (мл).

6847 (1339) г.: Того же лѣта бысть знамение, мѣсяца августа въ 13, у святого Лазаря от иконы святыя Богородица на вечернии изъ обою очью яко слезы течаху, и подъставиша 2 вощаници; наутрѣя же увѣдавше город всь, игумены и попове съ причетникы в ризахъ съ кресты ходиша видѣти (С. 350).

6892 (1384) г.: В то же лѣто загорѣся в Неревьском концѣ у святого Лазоря, и сгорѣ церкви святый Лазарь и другая церкви святый Петръ (С. 379).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Лазоревъ... (С. 346).

ПСРЛ. Т. 25.

6875 (1367) г.: Того же лѣта июля въ 23 бысть громъ страшенъ и избии Новогородцевъ в церкви в святомъ Лазори, черньцевъ и черницъ, на вечерни... (С. 394).

Строев, 1877. С. 110.

Зверинский. Т. 2. С. 196 (№ 903).

Хорошев, 1980. С. 205 (№ 31): Дворы – 28, Тяглецы – 55, Обжи – 38.

Янин, 1982. С. 52–63 (атрибутирует скрипторию Лазарева монастыря 10 рукописных книг рубежа XI–XII вв.: 7 служебных Миней, Стихирарь и Триодь Постную из ф. Типографской библиотеки РГАДА, Милятино евангелие из РНБ).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 18.

Рукописи:

[1090–1110-е гг.]. Минея служебная (июль).

РГАДА, ф. 381, № 121.

Азъ грѣшьныи Матфѣи начахъ писати кънигы сия, а Лавреньти до коньца. Не азъ бо своею худостию написахъ и брать, нъ силою с(вя)тыя Тр(ои)ца, [О](т)ца и С(ы)на и С(вя)т(о)го Д(у)ха, ныня и присно и въ вѣкы вѣмъ, аминь. Игумения повелѣниемь, а с(вя)тымь Лазарьм м(о)л(и)т[в]а <...> а б<...>ь, [с(вя)т]ою Б(огороди)цею сътяжяно (Л. 52 об.).

Столярова, 1998. С. 283–284 (№ 4); Столярова, 2000. С. 33– 35 (№ 15).

Существование скриптория именно при монастыре, а не церкви св. Лазаря в первую очередь обосновывается фразой «игумения повелѣниемь», однако известен случай, когда в Н1ст. игуменом без какого-либо уточнения назван настоятель Юрьева монастыря (6642 (1134) г.: «И иде Исаия игуменъ съломь Кыеву» – НПЛ. С. 23). Если в записи имеется в виду настоятель Юрьева монастыря, то следует полагать, что скриптoрий существовал не при Лазаревом монастыре, а при церкви св. Лазаря, обитель же была основана позже.

[1092–1115 гг.].

РНБ, F.п.I.7.

Помощию Х(ристо)вою написашася с(вя)тии Бо(го)видьци ап(о)с(то)ли 4 еуанг(е)листи Иоанъ и Матфеи и Лука Маркъ, аминь. Въ голодное лѣто написахъ Еуанг(е)лие и Апос(то)лъ обое одиномъ лѣт(ом) Дъмъка, поп у с(вя)т(о)го Лазоря поя, а повелѣниемь Милятиномь Лукиницьмь, и крилъ обоѣ книгы на сп(а)сение собѣ и на съдравие, аминъ (Л. 160 об.).

Столярова, 1998. С. 285–287 (№ 6).

30. ЛИПЕНСКИЙ Николаевский (на Липне) монастырь.

Основан не позже XV в. (или 1292 г.?).

Пригородный.

На правом берегу Волхова, у ручья Малая Глинка (или Гнильница), в 7 верстах от города, рядом с устьем р. Мсты.

Не упоминается среди сожженных новгородцами в 1386 г. По штатам 1764 г. монастырь оставлен на своем содержании, но вскоре упразднен. Сохранилась церковь св. Николая 1292 г.

НПЛ (мл.).

6800 (1292) г.: Того же лѣта заложи архиепископъ новгородчкый Климентъ церковь камену святого Николу на Липнѣ (С. 327).

Строев, 1877. С. 112.

Зверинский. Т. 1. С. 191–192 (№ 323).

Хорошев, 1980. С. 206 (№ 48): Дворы – 5, Тяглецы – 5, Обжи – 23.

Где святая София..., 1997. С. 333–337 (Т. Царевская).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 23.

31. ЛИСИЦКИЙ Рождества Богородицы монастырь (на Лисьей, на Лисичьей горе).

Основан не позже 1389 г.

Пригородный. Общежительный.

На правом берегу Волхова, у р. Малый Волховец, в 7 верстах от города, в 3 верстах от Хутынского монастыря.

Упразднен в 1764 г. Не сохранился.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6897 (1389) г.: И на Лисицьи горкѣ поставиша церковь древяную Рожество святыя Богородица (С. 367).

Строев, 1877. С. 98:

Иларион – переведен в Симонов в 1396 г.

Варлаам, его преемник, 1397.

Тарасий (б/д).

Арсений – 1421 г.

Зверинский. Т. 2. С. 197–198 (№ 908).

Семенов, 1961. С. 369–373.

Хорошев, 1980. С. 208 (№ 80): Дворы– 121, Тяглецы– 140, Обжи – 238.

Бобров, 1985. С. 10–16.

Бобров. 1991. С. 78–98.

София. 1997. № 1. С. 19–21 (А. Бобров).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 44.

Рукописи:

80–90-е гг. XIV в.

Устав монастырский, вероятно, Афонско-Иерусалимской редакции. Пергамен (?). Привезен иноком Лисицкого монастыря Арсением, впоследствии св. Арсением Коневским, с Афона (согласно его Житию, «еще же и Устав иноческаго жительства от Святыя горы съ собою принесе» (РНБ, собр. Михайловского, Q.149, л. 43)). Рукопись не сохранилась.

1397 г.

Тактикон Никона Черногорца. Пергамен. РНБ, F.п.I.41.

На л. 222 приписка: В лѣто 6905 [1397] при князе великомъ Васильи Дмитриевиче всея Руси, при мотрополитѣ Киприанѣ всея Руси, при архиепископѣ Новгородьскомь Иоанѣ списана бысть книга сия святыи Никонъ въ Великомъ в Новѣгородѣ къ святѣи Богородицѣ честному ея Рожеству на Лисичью Горку повелѣниемь того же архиепископа Новгородьского Иоана. Вынеслъ бо бяше сия книгы святыи Никонъ изъ Святое Горы игуменъ Ларионъ того же монастыря. А тогда игуменьствующю Варламу, оученику его. А писали сия книгы два калугера, Яковъ да Пуминъ 20 днии и 4 днии (24) во славу Богу и Пречистѣи его Матери, владычицѣ нашей Богородици честному ея Рожеству, аминь.

На том же листе ниже полууставом XV в.: Спаси, Господи, помилуи преосвященного архиепископа Великого Новагорода владыки Еуфимиа, что изыдосте и что видѣ.

Гранстрем, 1953. С. 36.

Конец XIV в.

Паренесис Ефрема Сирина с прибавлениями. 1°. 225 л. Бумага. РНБ, F.I.202.

Запись писца на л. 225: Сия книгы богодуховныя на спасение человекомъ и на отупущение души грѣховъ. И аще чести ихъ и к тому творити повелѣное ими, то от Бога прославится и от святыхъ его сугубь благословление въсприиметь, и въ царствии небеснѣмь великъ наречется. Написаны же быша по благословению доброизволениемь господина игумена Тарасия и святыя его братия въ церковь святыя Богородица, възываемо на Лисичьи горѣ, рукою многогрѣшнаго иереа инока Савы.

Конец XIV в.

Минея служебная (сентябрь). РНБ, Софийское собр., № 187. 208 л. Пергамен. Запись на л. 1–2, скорописью XVII в.: Книга Сентябрь месяц, Лисья монастыря. Атрибутируется книгописной мастерской Лисицкого монастыря на основании того, что характер тиснения и набор басм ее переплета совпадают с переплетом РНБ, F.I.202 (оба переплета первоначальные).

Конец XIV в.

Синодик монастырский. РГАДА, ф. 381 (Синод. типогр.), № 141. 155 л. Пергамен (л. 1–81, 90–155); бумага (л. 82–89), филигрань – голова быка, близко: *Лихачев*, № 3501 (1447 г.). На л. 1 запись рукой писца первоначального текста Синодика: Помилуй мя грѣшнаго Пумина; на л. 2 скорописью XVII в.: Книга Лисья монастыря. Бобров, 1991. С. 84.

Конец XIV–начало XV в.

Житие Андрея Юродивого и Епифания, патриарха Константинопольского. РГАДА, ф. 381 (Синод. типогр.), № 182. 1°. 66 л. Пергамен.

По л. 4–7, 15, 28, 35, 43 об., 46, 55, 60, 66 скрепа скорописью XVII в.: Сия книга Лисья монастыря харатеиная, глаголемая <...> из манастыря казенная, а подписал того же Лисия монастыря дьячек...

Начало XV в.

Псалтырь гадательная. РГАДА, ф. 381 (Синод. типогр.), № 33. 150 л. Пергамен.

Запись на л. 1 скорописью XVII в.: Книга Лисья монастыря.

1431 г., 2 июля.

Поучения Исаака Сирина и аввы Дорофея с прибавлениями. РГБ, ф. 304 (собр. ТСЛ), № 175.

На л. 470 приписка: В лето 6939 [1431], индикта 9, месяца июля 2, конца достиже книга святаго Исака Сирина, въ обители пречистыя Богоматере, честнаго ея Рождьства, на Лисичьей горке, в пределехъ Великаго Новаго града, иеромонахъ Серапион Маза.

1431 г.

Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями. РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 200.

На л. 417 запись писца: В лѣто 6939 [1431] краа достиже сиа книга на горе Лис.

1450 г.

Летописец Лисицкий. Рукопись не сохранилась.

Известен из записи в Н2: В лѣто 6958 [1450] написана бысть сия книга в лѣтописець во обители Пречистеи Рожества на Лисьи гори повелинием раба Божия дѣякона инока Геронтия, в полдесть, держанъ. В лѣто 7000 восмъдесятага [1572] мѣсяца февралъ въ 5, вторник, а служилъ того дни в манастыри на Лисьи горѣ обидню и смотрил в манастыри книгы литопитца церковнаго. А сказывал, что литописець Лѣсицкои добри сполна, ажо не сполна. Развие написано в лѣписцѣ в Лѣсуцкомъ владыкы Навгороцькые, не вси сполна писаны, развие до владыкы Еуфимия Навгороцького. А смотрилъ въ кельи у старца у келаря у Деонисия.

32. ЛЯТСКИЙ Николаевский (на Лятке) монастырь.

Основан не позже 1356 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 1 версте от города и в 0,5 версты от Городища, на острове, окружаемом Волховом, Волховцом и Левошней. Сожжен новгородцами в 1386 г. В 1672 г. приписан к Новгородскому архиерейскому дому, а в 1677 г. – к Иверскому монастырю. Здания использованы для построек в Кирилловом монастыре. Не сохранился.

НПЛ (мл.).

6864 (1356) г.: Того же лѣта поставлены быша три церкви древяны: святый Николу на Яковли улици, святого Саву на Кузмодѣмѣанѣ улици, святого Николу на Ляткѣ (С. 364).

6865 (1357) г.: Того же лѣта громъ бысть силенъ: въ Николѣ святомъ на Лятки игумена зашибло и иных людий... (С. 364).

6873 (1365) г.: Постави владыка Алексѣй церковь камену святого Устрѣтениа на воротех въ Онтовѣ (*так!*) манастырѣ, а на Ляткѣ постави Лазута церковь камену же святого Николы (С. 369).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> на Ляткѣ... (С. 346).

Куприянов, 1863 (Опись монастыря 1604/1605 г.: 2 каменные церкви – св. Николая [1365 г.] и Троицы с трапезной).

Строев, 1877. С. 115.

Зверинский. Т. 3. С. 109–110 (№ 1813).

Хорошев, 1980. С. 206 (№ 49): Дворы – 109, Тяглецы – 117, Обжи – 121.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 18–19.

София. 1997. № 1. С. 26 (Л. Секретарь).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 29.

33. МИХАЛИЦКИЙ (НА МОЛОТКОВЕ) Рождества Богородицы монастырь.

Основан не позже 1199 г.

Городской. Женский.

Торговая сторона, в Плотницком конце, на Михалице, по Молотковой улице.

В 1764 г. упразднен, но в 1775 г. в него переведен сгоревший Сокольницкий монастырь, а в 1787 г. обращен в приход. Сохранились 2 каменные церкви: Рождества Богородицы 1479 г. (?) и Михаила Малеина 1557 г.

НПЛ (ст.).

6707 (1199) г.: Томь же лѣтѣ постави церковь княгыни Ярославляя на Михалици манастырь святыя Богородиця Рожьство, игумению поставиша Завижюю посадника (С. 44).

НПЛ (мл.).

6707 (1199) г.: Того же лѣта постави церковь княгыни Ярославляя и манастырь устрои святыя Богородица Рожество, и игумению постави Завижюю (С. 238).

Строев, 1877. С. 44, 108.

Зверинский. Т. 1. С. 184–185 (№ 300) (Михалицкий Рождество-Богородицкий на Малеткове или Михайловский Малеин).

Дмитриев, 1973. С. 171–174 (о Сказании о Михалицком монастыре или о просфоре).

Хорошев, 1980. С. 205 (№ 34): Дворы – 54, Тяглецы – 71, Обжи – 66.

34. МОСТИЩСКИЙ Николаевский монастырь.

Основан не позже 1412 г.

Пригородный.

На левом берегу Волхова, у моста через р. Веряжу, по дороге на Псков, в 3 верстах от города.

В 1764 г. упразднен и обращен в приход. Не сохранился (построенный в 1791 г. деревянный храм просуществовал до начала XX в.).

НПЛ (мл.).

6920 (1412) г.: Поставиша церковь камену святого Николу в Порховѣ, а другую на Веряжи у мосту святого Николу церковь древяну в манастырѣ (С. 403).

Строев, 1877. С. 90–91:

Геннадий– 1496 г.

Зверинский. Т. 2. С. 230–231 (№ 991).

Хорошев, 1980. С. 206 (№ 51): Дворы – 5, Тяглецы – 6, Обжи – 23.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 102–103.

Секретарь, 1996. С. 216–218.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 6.

Рукописи:

1433 г., 30 ноября.

Алфавит духовный. ГИМ, собр. Черткова, № 230. 1°.

На л. 424–424 об. запись писца: В лѣто 6942 [1433], круг солнцю 23, луны 7, индикта 12, фемелиа 20, Рожество Христово в пяток имеяся 5 недель и 3 дни, месяца ноемьвриа 30, на память святого апостола Андриа Первозваньнаго краа достиже сиа книга черниломь рукою многогрѣшнаго и послѣдняго въ человецѣх и многогрѣшнаго и недостоинаго Иоанишка худаго. При благовѣрнемь и христолюбивѣмь князи велицѣмь Василии Василиевичи Московьстѣмь при архиепископѣ нашемь Герасимѣ Киевстѣм и всеа Русѣи, при преподобнѣмь отци нашемь Еуфимии Новьгородстѣмь, нареченымь архиепископомь Великому Новугороду, при посадничьствѣ Федорови Даниловича, повелѣниемь раба Божиа игумена Макариа, списася сиа книга въ окрестъных мѣстех Великаго Новагорода иже во обители великаго чюдотворца Николы въ мѣстѣ глаголемемь на Мостищи благословлениемь игумена Селивестра и иже тамо сущих брати...

Примечание: Один из ранних примеров употребления в Новгороде сентябрьского года. Согласно Н1мл., владыка Евфимий II выехал в Смоленск на поставление в сан архиепископа 11 апреля 6942 (мартовского) (1434) г. и вернулся 26 мая того же года. Данная рукопись же была переписана 30 ноября 6942 (сентябрьского) (1433) г., поэтому ее писец называет Евфимия еще нареченым.

35. НЕРЕДИЦКИЙ (В НЕРЕДИЦАХ) Спасо-Преображенский монастырь.

Основан в 1198 г. великим князем Ярославом Владимировичем. Пригородный.

На правом берегу Волхова, около Городища, в 3 верстах от города.

В 1386 г. сожжен новгородцами. В 1764 г. упразднен и обращен в приход. Сохранилась церковь Спаса-Нередицы 1198 г. с росписями 1199 г., частично разрушенная во время Великой Отечественной войны и восстановленная в 1956–1958 гг. (Г. М. Штендер по проекту С. Н. Давыдова).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> в Нередицахъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 44, 104–105:

Митрофан – между 1459–1471 гг.

Зверинский. Т. 2. С. 327–328 (№ 1163).

Хорошев, 1980. С. 210 (№ 104): Дворы – 22, Тяглецы – 29, Обжи – 90,5.

Раппопорт, 1982. С. 74–75 (с библиографией).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 27.

36. НИКОЛАЕВСКИЙ НА ПОЛЕ (НА ЛЮГОЩЕ (ЛЕГОЩЕ)) монастырь.

Основан в 1390 г.

Пригородный.

На левом берегу Волхова, в конце Люгощей (Легощей) и Чудинцевой улиц, на скудельнице, или на поле, также в Легощском заполье (в 600 м к западу от рва Окольного города; локализацию см.: Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 10).

Общежительный с 1528 г.

Не сохранился.

НПЛ (мл.).

6898 (1390) г.: И поставиша монастырь новъ святого Николу конець Люгощи улицѣ и Чудинцевѣ на скуделници (С. 383).

НК1.

6898 (1390) г.: И поставишя монастырь святого Николы конець Чудинцевѣ улици на скуделницѣ (л. 292 об.–293).

Зверинский. Т. 3. С. 115–116 (№ 1831) (Николаевский Чудинцовский или конец Легощи улицы).

Хорошев, 1980. С. 206 (№ 47): Дворы – 30, Тяглецы – 44, Обжи – 76.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 10.

37. НИКОЛАЕВСКИЙ БЕЛЫЙ (НЕРЕВСКИЙ) монастырь.

Основан в 1312–1313 гг. архиепископом Давыдом.

Пригородный. Кончанский монастырь Неревского конца.

На левом берегу Волхова, за земляным валом, возле Зверина монастыря.

В 1386 г. сожжен новгородцами. Общежительный с 1552 г. В 1764 г. упразднен и приписан к Зверину монастырю. Сохранилась церковь св. Николая 1312–1313 гг.

НПЛ (ст.).

6820 (1312) г.: Того же лѣта владыка Давыдъ заложи церковь камену в Неревьскомь конци, на своемь дворищи, во имя святого отца Николы (С. 94).

6821 (1313) г.: Того же лѣта священа бысть церкы каменая святого Николы в Неревьскомь конци, юже созда архиепископъ Давыдъ, и створи в ней вседеньную службу, и черньци совъкупи (С. 94).

НПЛ (мл.).

6820 (1312) г.: Того же лѣта владыка Давыдъ заложи церковь камену в Неревьскомъ конци, на своемъ дворищи, во имя святого Николы (С. 335).

6821 (1313) г.: Того же лѣта священа бысть церкви каменая святого Николы в Неревьскомъ конци, създаниемъ архиепископа новгорочкого Давыда, и створи в ней вседеньную службу, и бысть прибѣжище всѣмъ крестианомъ, и чернци в немъ совокупишася (С. 335).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Николинъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 105–106.

Костомаров (1886. Т. 2. С. 308) пишет об основании монастыря архиепископом Иоанном в 1165 г., устроившим в нем общинное житие (известие на самом деле относится к 1552 г.; см.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 193).

Зверинский. Т. 2. С. 221–222 (№ 976) (Николаевский Белый в Неревском конце).

Будовниц, 1966. С. 49–50.

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 52): Дворы – 336, Тяглецы – 547, Обжи – 387.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 19.

38. НИКОЛАЕВСКИЙ ОСТРОВСКИЙ (на Островке) монастырь.

Основан в XV в. (не позже 1460-х гг.) или не позже 1197 г. (?)

Пригородный.

На правом берегу Волхова, у р. Вишера (по ее левому берегу) и ручья Вельи (по его правому берегу), в 7 верстах от города, возле д. Родионово.

Не упоминается в числе сожженных новгородцами в 1386 г. Упразднен в 1764 г. Не сохранился.

НПЛ (ст.)

6705 (1197) г.: Томь же лѣтѣ постави церковь на острове святого Никифора Мартурии архепископъ (С. 43).

НПЛ (мл.).

6705 (1197) г.: Того же лѣта постави архиепископъ новгорочкыи Мантурии владыка церковь на островѣ, святого Никифора (С. 237).

ПСРЛ. Т. 12.

6986 (1478) г.: [Великий князь] ...Тферскому воеводѣ князю Михаилу Федоровичю велѣлъ стати съ полкомъ своимъ у Николы на Островкѣ (С. 179).

Строев, 1877. С. 106:

Сергий (б/д).

Зверинский. Т. 2. С. 231–232 (№ 995) (Николаевский Островский Вишерский).

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 54): Дворы – 41, Тяглецы – 45, Обжи – 55,5.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 166–167.

Янин, 1991. С. 210–211 (ошибочно считает, что первоначально монастырь находился у оз. Холопьего, на городище Холопий городок в нижнем течении р. Робьи (совр. – Робейка), и к нему относится известие Н1мл.

6925 (1417) г.: Того же лѣта свершены быша 6 церквий каменых: <...> святого Николу на Холопьи городци. По мнению Янина, не исключено, что позднее монастырь был перенесен на иное место: на плане 1815 г. упраздненный Николаевский монастырь показан на левом берегу Вишеры примерно в 1,5 км от ее впадения в Волховец [*Сумароков П. И.* Новгородская история. М., 1890. Вклейка между с. 16 и 17]; Там же. С. 214–215 (выражает сомнение в том, что монастырь уже существовал в XII в., так как церковь св. Никифора на острове, упомянутая в 1197 г. (НПЛ. С. 43, 237), больше нигде не упоминается источниками; сам монастырь становится известен только в XV в. (С. 215)).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 47.

Рукопись:

1468 г.

«Островское евангелие».

Московский областной краеведческий музей, г. Истра, инв. 7344/Б 651 З.В.70.

На л. 363–363 об. этой пергаменной лицевой рукописи находится запись рукой писца: «В лѣт(о) 6976 [1468] индик(та) 1 написана бы(сть) книга сиа с(вя)тое Еу(анге)лие в Великом Новѣград(ѣ) при великом князи Иванѣ Васил(ь)евич(и) и при архиеп(и)с(ко)пѣ Великог(о) Новаград(а) и Пскова вл(а)д(ы)кы Ионы, повѣлением раба Б(о)жиа с(вя)щенноинока Пимена, влад(ы)чня ключника хлѣбного».

Смирнова, 1994. С. 290–304.

39. НИКОЛАЕВСКИЙ на Холопьем городке монастырь.

Основан не позже 1417 г. (?).

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 850 м севернее места впадения в него Малого Волховца (Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000).

НПЛ.

6925 (1417) г.: Того же лѣта свершены быша 6 церквий каменых: <...> святого Николу на Холопьи городци (С. 407).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 46.

40. ПАВЛОВ, Св. Павла Исповедника, монастырь.

Основан в 1238 г. вдовой бывшего посадника Семена Борисовича.

На Торговой стороне, в Славенском конце, на Павловой и Варяжской (Варецкой) улицах.

НПЛ (ст.).

6732 (1224) г.: Въ то же лѣто създа Борисовичь Сменъ церковь камяну святого Павла, и святого Смена Богоприимьця, и святую Костянтина и Елены, и святиша ноября въ 6, на Павловъ день (С. 63).

6746 (1238) г.: Створи манастырь у святого Павла Семеновая Борисовича (С. 74).

НПЛ (мл.).

6732 (1224) г.: В то же лѣто создаста Семеонъ Борисовиць церковь камену святого Павла, и святого Семеона Богоприимца, и святого Константина и Олены, и святиша ю ноября въ 6, на Павловъ день (С. 267).

НПЛ (мл.)

6843 (1335) г.: Того же лѣта заложи владыка Василий съ своими дѣтми, с посадникомъ Федоромъ Даниловицемъ и с тысячкым Остафьемъ и со всѣмъ Новымъгородом, острогъ каменъ по оной сторонѣ, от Ильи святого къ Павлу святому, при великомъ князи Иванѣ Даниловици (С. 346).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6930 (1422) г.: Свершены быша 3 церкви каменны: Воскресение Христово у Благовѣщения в манастыри, Иоаннъ Милостивый в Людинѣ конци, Въскресение въ Павловѣ манастыри (С. 431).

Учитывая существование церкви Воскресения в Павловом монастыре, по мнению Л. И. Петровой, весьма вероятно отождествление этой обители с упомянутым в НПК Воскресенским Славенского конца монастырем (под таким названием известен только по: НПК. Т. 3. С. 642; Хорошев, 1980. С. 204 (№ 17): Дворы – 15, Тяглецы – 21, Обжи – 16).

Строев, 1877. С. 44.

Зверинский. Т. 3. С. 122–123 (№ 1857).

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 66): Дворы – 25, Тяглецы – 29, Обжи – 28.

41. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ монастырь.

Основан в 1134 г. князем Изяславом Мстиславичем.

На левом берегу Волхова, у южной оконечности оз. Мячино, в 3 верстах от города.

Не сохранился.

В 1386 г. сожжен новгородцами. Общежительный с 1528 г. В 1667 г. приписан к Юрьеву монастырю.

Каменная церковь Пантелеймона 1207 г. разобрана в 1808 г.; возведенная на ее месте новая разрушена во время Великой Отечественной войны.

Раскопки: Раппопорт, 1978.

НПЛ (ст.).
6715 (1207) г.: Того же лѣта съвьрши церковь святого Пянтѣлѣймона Федоръ Пинещиниць (С. 50).

НПЛ (мл.).
6715 (1207) г.: В то же лѣто свершиша церковь святого Пянтелѣймона Федоръ Пинещиниць, в манастырѣ (С. 247).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Пянтелеевъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 107:

Аркадий, первый игумен (б/д).

Михаил – XIV в.; сего или Псковского?

Зосима.

Зверинский. Т. 2. С. 260–261 (№ 1036).

Янин, 1977. С. 77.

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 68): Дворы – 60, Тяглецы – 78, Обжи – 77,5.

Раппопорт, 1982а. С. 190–192.

Янин, 1991. С. 136–138 (датировка жалованной грамоты князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю 1134 г.).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 2.

42. ПЕРЕКОМСКИЙ Николаевский монастырь.

Основан не позже конца XV в.

У впадения р. Веренды в оз. Ильмень, в 25 верстах от Новгорода.

Мощи св. Ефрема Перекомского (память 16 мая и 26 сентября). В 1764 г. монастырь упразднен, но в 1796 г. сюда переведены иноки Николаевского Розважского монастыря (осн. в 1555 г.). Закрыт в 1919 г.

Не сохранился.

Строев, 1877. С. 113.

Зверинский. Т. 1. С. 290 (№ 588) (Перекомский или Перекопский Николаевский-Розважский). Зверинский считает, что этот монастырь появился только в начале XVI в. после того, как ученик св. Ефрема Перекомского Роман перенес церкви и мощи Ефрема из Верендовского Николаевского монастыря (см. Верендовский Спасо-Преображенский монастырь). Однако он уже упоминается Новгородскими писцовыми книгами (см. НПК. Т. 5. С. 66).

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 56): Дворы – ?, Тяглецы – ?, Обжи – 0,5 (Никольский с Перекомы).

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 95–98 (первоначальное место монастыря – на берегу Ильменя, близ р. Черной, около 1450 г.; в 1466 г. построен Богоявленский храм; в 1509 г. монастырь перенесен на новое место, тоже на берегу оз. Ильмень, у д. Дубровка).

43. ПЕРЫНСКИЙ Рождества Богородицы монастырь.

Основан не позже 1386 г.

Пригородный.

На левом берегу Волхова, у его истока, в 4 верстах от города.

В 1386 г. сожжен новгородцами. Общежительный с 1528 г. В 1634 г. приписан к Юрьеву монастырю, в 1764 г. упразднен и обращен в приход, в 1827 г. возобновлен и вновь приписан к Юрьеву монастырю. Сохранилась церковь Рождества Богородицы первой пол. XIII в. (реставрирована в 1948–1961 гг., Р. Кацнельсон и Л. Е. Красноречьев).

Раскопки: А. В. Арциховский, 1948 г.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: на Перуни... (С. 346).

Строев, 1877. С. 106.

Зверинский. Т. 1. С. 200–201 (№ 351).

Хорошев, 1980. С. 208 (№ 83): Дворы – 18, Тяглецы – 33, Обжи – 49,5.

Раппопорт, 1982. С. 75 (с библиографией).

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 50–52.

Где святая София..., 1997. С. 165–167 (Вал. А. Булкин).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 3.

Рукописи:

1438 г., 28 августа.

Минея на ноябрь. Пергамен. РНБ, Соф. 191.

На л. 299 приписка: В лѣто 6946 [1438] месяца августиа вь 28 списана бысть книга сиа, глаголемая минея, месяць ноеврие при благовѣрнѣмь и велицѣмь князи Василии Василиевиче Московстѣмь, при архиепископѣ нашемь Исидорѣ митрополитѣ Киевьстѣм и всея Руси, повелѣниемь господина моего архиепископа владыкы Еуфимиа Великаго Новагорода, при посадницѣ степенном Феодорѣ Даниловиче, при тысяцьском Иванѣ Лукиничѣ. А списана вь обители святыа Богородица на Перынѣ рукою многогрѣшнаго Дионисиища Шестника, бывшаго в та лѣта игуменомь у святѣи Богородици на Перынѣ. Отци господо и братиа, клиросъ великыи святыа Софиа, исправливаа поите или чтите, а мене грѣшнаго не поклените, аще гдѣ буду описался есмь или съ другомь глаголя, или дѣти уча, или в помышлениих окаанных, не поропщите на мое окааньство, а Богъ мира и любви буди с вами и со мною въ вся бесконечныя вѣкы, аминь.

Гранстрем, 1953. С. 64.

44. ПЕТРОВСКИЙ С БЕЛОГО КРЕСТА СЛАВЕНСКОГО КОНЦА монастырь.

Основан не позже конца XV в.

На Торговой стороне, в Славенском конце, возле церкви св. Ильи на Славне (указано И. Ю. Анкудиновым).

Церковь, по всей видимости, упоминается уже под 6700 (1192) г.: «Томь же лѣтѣ съгоре црькы на Хълмѣ святыхъ Апостолъ, зажьжена от грома» (НПЛ. С. 40); ср.: «Того же лѣта сгорѣ церковь святых Апостолъ Петра и Паула от грома на Холмѣ» (НПЛ. С. 231). Монастырь известен только по: НПК. Т. 2. С. 628. Также, возможно, этот же монастырь упоминается в летописи под 1528 г.: «Тогда же архиепископъ и черницамъ вдасть монастыри: <...> монастырь Петровской..., а преже бо сего въ техъ монастырехъ жили игумены и черницы, и архиепископъ повѣле отвести игуменовъ въ мужскии монастыри, а черницамъ вдасть игумении благочиния ради» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 545) (но есть еще Петропавловский на Синичьей горе).

Зверинский (Т. 2. С. 268–269) ошибочно отождествляет Петропавловский на Синичьей горе монастырь (см.) с упоминаемым в НПК, так как они находятся на разных берегах Волхова.

Хорошев, 1980. С. 208 (№ 69): Дворы – 9, Тяглецы – 9, Обжи – 9.

45. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ НА СИНИЧЬЕЙ ГОРЕ (НА СИЛЬНИЩЕ) монастырь.

Основан не позже конца XIV в. или в XV в. (но церковь относится к 1185–1192 гг.).

Пригородный.

На левом берегу Волхова, за валом, на Синичьей горе или на Сильнище. Не упоминается в числе сожженных новгородцами в 1386 г. В 1764 г. упразднен и обращен в кладбищенскую церковь. Мощи св. инокини Харитины, княжны литовской и настоятельницы монастыря под спудом. Сохранилась церковь Петра и Павла 1185–1192 гг., реставрированная в 1963 г. (Г. М. Штендер).

НПЛ (ст.)

6693 (1185) г.: Мѣсяця того же (мая. – *А. Б.*) въ 6 заложиша Лукиници церковь камяну святых апостолъ Петра и Павла на Сильнищи (С. 38).

6700 (1192) г.: Въ то же лѣто концяша церковь святыхъ Апостолъ на Силинищи, и святи ю архиепископъ Григории на Петровъ день (С. 40).

НПЛ (мл.).

6693 (1185) г.: Того же мѣсяца (мая. – *А. Б.*) въ 6 день заложиша Лукинци церковь камену святых апостолъ Петра и Павла на Синилищи (С. 228).

6700 (1192) г.: Въ то же лѣто пакы концаша церковь Петра и Паула на Синилищи, и святи ю архиепископъ Гаврила на Петровъ день (С. 231).

Строев, 1877. С. 128.

Зверинский. Т. 2. С. 268–269 (№ 1052) (Петропавловский на Синичьей горе или Петровский с Белого костра). Отождествление Петропавловского на Синичьей горе монастыря с Петровским с Белого костра / Креста монастырем ошибочно, так как последний находился в Славенском конце, т. е. на другом, правом, берегу Волхова (см. Хорошев, 1980. С. 208).

Хорошев, 1980. С. 208 (№ 70): Дворы – 18, Тяглецы – 21, Обжи – 18,5 (Петровский из Горончарного конца).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 7.

46. ПОНЕДЕЛЬСКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ монастырь.

Основан не позже 1386 г.

На берегу р. Понедели, в 24 верстах на юго-восток от Новгорода.

Сожжен великокняжескими войсками в 1386 г. Монастырь изображен на рисунке Августина Мейерберга (1662 г.). В 1764 г. упразднен и обращен в приход. Церковь св. Николая сгорела в 1799 г.; в 1800 г. вместо нее выстроена новая, также не сохранившаяся до наших дней.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревь 24: <...> А на Понедѣлии и Николиньскии монастырь княжи пожгли, и по инымъ мѣстамъ (С. 346).

Строев, 1877. С. 115.

Зверинский. Т. 2. С. 233 (№ 999).

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 58): Дворы – 19, Тяглецы – 22, Обжи – 20.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 200–202.

47. РАДОКОВИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ (И ИОАННА БОГОСЛОВА?) монастырь.

Основан не позже 1357 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, за валом, возле Плотницкого конца.

В 1386 г. сожжен новгородцами. Упразднен в 1764 г. Не сохранился (церковь Успения Богородицы разобрана в 1801 г.).

НПЛ (мл.).

6865 (1357) г.: Того же лѣта постави владыка Моиси Богородицю святую в Радоковицах (С. 364).

6876 (1368) г.: Мѣсяца мая въ 12, на память святого мучника Епифания, бысть пожаръ золъ в Новѣгородѣ: погорѣ <...> и Плотничьскый конець весь, от святого Никиты до Радоковиць, и церкви погорѣша, и людий нѣколико погорѣ (С. 370).

6891 (1383) г.: Того же лѣта заложиша двѣ церкви камены: святого Филипа на Нутной улицѣ и святого Иоанна в Радоковицах (С. 379).

6892 (1384) г.: Той же осени свершиша церковь камену святого Филиппа на Нутной улицѣ, и свяща ю архиепископъ владыка Алексѣй; и другую церковь сверьшиша святый Иоанн в Радоковицахъ (С. 380).

6899 (1391) г.: Бысть пожаръ, и погорѣ от Борковѣ улицѣ и до Гзеня, а на другой сторонѣ от Микитинѣ улицѣ и до Радокович... (С. 384).

6929 (1421) г.: Того же лѣта бысть вода велика въ Волховѣ и снесе Великый мостъ и Нередичкой и Жилотужьскый, а с Коломець и церковь снесе святую Троицю; а въ Щиловѣ и на Соколницѣ и в Радоковицах и [въ] Въскресениа в Людинѣ концѣ, в тѣх церквах толко на полатех пѣлѣ... (С. 413).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Богородицинъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 114.

Зверинский. Т. 2. С. 385–386 (№ 1309). Зверинский считает, что известия летописей о церкви Иоанна Богослова относятся к монастырю Иоанна Богослова на Витке (см.).

Хорошев, 1980. С. 209 (№ 85): Дворы – 12, Тяглецы – 30, Обжи – 24.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 41.

48. РОЖДЕСТВА НА ПОЛЕ, Рождества Христова у скуделен монастырь.

Основан не позже 1226 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 0,5 версты от вала, в Никитском Заполье.

В 1386 г. сожжен новгородцами. Упразднен в 1764 г. и обращен в кладбищенский приход. Сохранилась церковь Рождества Христова 1382 г.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Рожественыи... (С. 346).

Строев, 1877. С. 44.

Афанасий – 1388 г.

Зверинский. Т. 2. С. 401 (№ 1345) (Христорождественский или Рождственский на поле у Скуделен, а также на Божьем Дому); Т. 3. С. 147–148 (№ 1976) (Рождественский с Никитины улицы). Учтен дважды под разными названиями.

Хорошев, 1980. С. 209 (№ 90): Дворы – 33, Тяглецы – 41, Обжи – 39 (Рождественский с Никитиной); Там же (№ 89): Дворы – 181, Тяглецы – 201, Обжи – 193 (Рождественский противу Рогатицы). Видимо, это один и тот же монастырь, так как к нему можно было выйти и по Никитиной ул., и по Рогатице.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 33.

49. РОСТКИН Иоанно-Предтеченский монастырь.

Основан не позже 1179 г.

Городской. Женский.

Софийская сторона, на Росткиной улице.

Упразднен в 1764 г. Не сохранился (церковь Иоанна Предтечи разобрана из-за ветхости в 1848 г.).

НПЛ (ст.).

6687 (1179) г.: Томь же лѣтѣ прѣставися раба Божия Елисава, игумения святого Иоанна; и поставиша на мѣстѣ ея Фегнию (С. 36).

НПЛ (мл.).

Нет.

НПЛ (мл.).

6904 (1396) г.: Сгорѣ церкви святый Иоанъ в Ростькинѣ манастырѣ, и иконы и книгы сгорѣша (С. 388).

6914 (1406) г.: Поставлены быша 3 церкви: Рожество святого Иоана Предтеця в Ростькинѣ монастыри, и святый Петръ и Павелъ в Неревьском конци, и святого Никиту въ Плотничкомъ концѣ (С. 399).

Строев, 1877. С. 44, 105:

Елисава– +1179 г.

Феогния, поставлена 1179 г.

Хорошев, 1980. С. 209 (№ 94): Дворы – 52, Тяглецы – 50, Обжи – 61.

50. САВВО-ВИШЕРСКИЙ Вознесения Христова монастырь.

Основан в начале XV в. (не позже 1417 г.) св. Саввой Вишерским.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, у левого берега р. Вишеры, в 10 верстах от города.

Мощи св. Саввы Вишерского (см. Трояновский, 1993). Житие его написано Пахомием Сербом. Память 1 октября.

Строев, 1877. С. 95–96:

Св. Савва Вишерский – ок. 1420 –1 окт. 1461 +

Геласий – 1464 г.

Алексей – в исх. XV в.

Зверинский. Т. 1. С. 221–222 (№ 416).

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 169–170.

Янин, 1991. С. 221–222.

Трояновский, 1993. С. 45–52.

Где святая София..., 1997. С. 242–251 (С. Трояновский).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 48.

NB. См. Синодик Савво-Вишерского монастыря: РНБ, ОСРК, F.I.877 (Отчет ИПБ за 1906 г. С. 116–119).

51. СИТЕЦКИЙ (Ситенский) Андреевский монастырь.

Основан не позже 1371 г.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 4 верстах от города, на берегу р. Ситенки, в 1 версте от Кириллова монастыря, в 4 верстах от города.

В 1386 г. сожжен новгородцами. Упразднен вскоре после 1764 г.; в 1776 г. церковь Андрея Юродивого приписана к Кириллову монастырю. Во время Великой Отечественной войны эта церковь (1371 г.) была разрушена, остались фрагменты кладки нижних частей здания.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> на Ситискѣ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 107.

Зверинский. Т. 1. С. 74–75 (№ 14).

Хорошев, 1980. С. 203 (№ 2): Дворы – 105, Тяглецы – 110, Обжи – 113.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 19.

София. 1997. № 1. С. 25 (Л. Секретарь).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 30.

52. СКОВОРОДСКИЙ архангела Михаила (на Сковородке) монастырь.

Основан в 1355 г. Моисеем, архиепископом новгородским.

Пригородный. Кончанский монастырь Славенского конца.

На правом берегу Волхова, в 4 верстах от города.

Сожжен новгородцами в 1386 г. Церковь Михаила архангела 1355 г. с фресками, расчистка которых началась в 1937 г., разрушена во время Великой Отечественной войны.

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> на Скворотк‍ѣ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 68–69:

Михаил – 1415 г.

Тарасий – 1453 г.

Зверинский. Т. 2. С. 309–310 (№ 1147).

Хорошев, 1980. С. 205 (№ 33): Дворы – 115, Тяглецы – 162, Обжи – 138.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 29–31.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 26.

53. СОКОЛЬНИЦКИЙ Николаевский монастырь.

Основан в 1389 г.

Пригородный. Женский.

На правом берегу Волхова, в 1 версте от города, на Сокольей горе, между р. Левошней и ручьем Федоровским.

Упразднен после пожара 1775 г. Не сохранился. Мощи св. братьев Алфановых перенесены в Антониев монастырь.

Сказание о Сокольницких чудотворцах (Сказание о явлении мощей братьев Алфановых) относит основание монастыря к XII в., но этот памятник составлен не раньше 1606 г., когда в Новгороде уцелело скудное и смутное предание о чудотворцах (Ключевский, 1871. С. 464).

НПЛ (мл.).

6926 (1421) г.: Того же л‍ѣта бысть вода велика въ Волховѣ и снесе Великыи мостъ и Нередичкои и Жилотужьскыи, а с Коломець и церковь снесе святую Троицю; а въ Щиловѣ и на Соколницѣ и в Радоковицах и [въ] Въскресениа в Людинѣ концѣ, в т‍ѣх церквах толко на полатех п‍ѣлѣ (С. 413).

Строев, 1877. С. 108–109.

Зверинский. Т. 1. С. 233 (№ 436).

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 60): Дворы – 52, Тяглецы – 55, Обжи – 53.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 32.

54. СПАССКИЙ НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА С ПОЛЯ монастырь.

Основан не позже 1463 г. (?) или 1495 г.

ПСРЛ. Т. 16.

В л‍ѣто 6971-е [1463]. Того же л‍ѣта заложиша церковь Святыи Образъ Господень на Поли, повел‍ѣньемъ и тьщаньемъ раба Божиа тысяцкого Великого Новагорода Иякова Игнатьевича, словутнаго Лозьева; сии Яковъ ревнуя Божиимь рабомъ церковнымъ строителемь и милостивнымъ к нищимъ, таже желая рабъ Христовъ Яковъ церковь Божию устроити во имя Образа Господня нерукотворенаго во славу Божию и Образу

Господню, а собѣ также в память в сеи вѣкъ и въ будущеи, и всякому творящему блага земная и въздаються имъ небесная, благословеньем пресвященнаго архиепископа Великаго Новагорода и Пъскова владыкѣ Ионы, мѣсяца мая 29, на святыя Троици день, на память святыя мученици Федосии дѣвици преподобныя (С. 212).

Там же: Того же лѣта мѣсяца августа 28 <...> Того же дни священна бысть церковь Святыи Образъ Господень на поли; архиепископъ владыкы Ионы по <...> самъ създалъ (С. 214).

Известен по: НПК. Т. 1. С. 449–451.

Хорошев, 1980. С. 210 (№ 105): Дворы – 22, Тяглецы – 22, Обжи – 20.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 34.

Известна рукопись 1416 г. (Евангелие тетр. ГИМ, собр. Черткова, № 256, 4°), переписанная «грешным Макарием» по заказу «кир Александра» в обители «Нерукотворена Образа Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Позже в XV в. рукопись принадлежала игумену новгородского Отенского монастыря Феодосию, однако существование в Новгородских землях Спасского Нерукотворного Образа монастыря уже в 1416 г. представляется маловероятным судя по тому, что в подробной летописной записи 1463 г. говорится только о строительстве церкви, причем не упоминаются ни монастырь, ни бывшая на этом месте прежняя церковь. Видимо, следует согласиться с Э. С. Смирновой, что Евангелие 1416 г. было переписано не в Новгороде, а в московском Андрониковом монастыре, где в 1410–1420-х гг. был игумен Александр (*Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. С. 33–34).

55. СУТОЦКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ монастырь.

Основан не позже конца XV в.

На берегу р. Веренды (совр. – Веронды), в Сутоцком погосте (совр. д. Сутоки), в 21 версте от Новгорода.

Упразднен в XVIII в. Не сохранился.

Розов, 1972. С. 50 (карта), 51 (указатель): Рукописные книги в составе Софийской библиотеки.

Хорошев, 1980. С. 207 (№ 63): Дворы – ?, Тяглецы – ?, Обжи – 7,5 (Никольский на Сутцком погосте).

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 106–107.

56. ХУТЫНСКИЙ Спасо-Преображенский монастырь.

Основан в 1192 г. св. Варлаамом Хутынским.

Пригородный.

На правом берегу Волхова, в 10 верстах от города, вниз по течению. Мощи св. Варлаама под спудом.

НПЛ (ст.).
6700 (1192) г.: Въ то же лѣто постави цьрковь вънизу на Хутинѣ Варламъ цьрнець, а мирскымь именьмь Алекса Михалевиць, въ имя святого Спаса Преображения; и святи ю владыка архепископъ Гаврила на праздьникъ, и нарече манастырь (С. 40).

НПЛ (мл.).
6700 (1192) г.: В то же лѣто постави церковь на Хутинѣ черниць Варламъ, а мирьскымъ именемь Олекса Михаилович, во имя святого Спаса Преображение; и свяща ю архиепископъ Новгородчкыи владыка Гаврила на праздникъ, и нарече монастырь (С. 231).

Строев, 1877. С. 49–52:

Св. Варлаам Хутынский – + 6 нояб. 1193 г.
Антоний, его преемник.
Варлаам – 1207 г.
Арсений – в 1230 г.
Исидор – 1243 г.
Ксенофонт – + 28 июня 1262 г.
Иоанн – 7 мая 1388 г. избр. архиеп. новгородским.
Закхей (б/д).
Тарасий – 1440 г.
Леонтий – 1460 г.
Нафанаил – 1471, 1476 гг.

Герман – 27 янв. 1479 г.

Зверинский. Т. 2. С. 401–405 (№ 1349).

Хорошев, 1980. С. 210 (№ 108): Дворы – 976, Тяглецы – 1160, Обжи – 1036.

Где святая София..., 1997. С. 193–201 (Н. Жервэ).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 45.

Рукописи:

1391 г.

Апостол. Пергамен. РНБ, собр. Погодина, № 26.

На л. 247 об. киноварная приписка писца: В лѣто 6899 [1391] написанъ бысть апостолъ сыи святому Спасу на Хутинѣ повелениемъ раба Божия владыцѣ Иоанна. А прописывалъ многрѣшныи Матфѣи дьякъ, Бога ради въ молитвах помяните.

На л. 247 приписка писца: Спаси, Господи, душю грѣшнаго раба своего Марка молитвами святыя Богородица и преподобнаго Варлама молитвою.

Гранстрем, 1953. С. 35.

1441 г.

Евангелие толковое. БАН, 34.7.10.

На л. 460 приписка: Великаго Прѣображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа господину своему игумену Герману написах сию книгу смѣренныи и многострастныи диакъ Иовъ чернець в лѣто 6 и 9 и 49 [1441].

Рукопись отнесена к числу переписанных в Хутынском монастыре предположительно.

1441 г.

Устав Иерусалимский. ГИМ, Син. 332. Нач. XV в.

Вкладная запись в Хутынский монастырь 1441 г.

Горский, Невоструев, III, I, 1869. С. 288–302 (№ 385).

Щепкина, Протасьева, Костюхина, Голышенко, 1965. С. 214.

1463 г.

Минея на май. Пергамен. РНБ, Соф. 205.

На л. 232 об. киноварная приписка: В лѣто 6971 [1463] написана бысть книга сия по благословлению господина преосвященного архиепископа Великаго Новагорода и Пьскова владыкы Ионы в церковь боголѣпнаго Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисус Христа и преподобнаго отца Варламиа на Хоутино. Слава свершителю Богоу, свершающему всяко дѣло благо, арипь (аминь).

Гранстрем, 1953. С. 66.

1464 г., 11 августа.

Минея на апрель. Пергамен. РНБ, Соф. 201.

На л. 168 об. приписка: В лѣто 6972 [1464] индикта 5 месяца авгоуста 11 на память святого мученика Еоупла дьякона по благословлению пресвященнаго архиепископа Великого Новаграда и Пскова владыкы Ионы, написана бысть книга сия, повелѣниемъ раба Божия, ключника Романа, святомоу Спасоу на Хоутыню и преподобномоу Варламоу. А писалъ многогрѣшныи Григореи дьяконъ.

Гранстрем, 1953. С. 66.

1479 г.

Пролог. РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3933.

Запись: В лето 6987 месяца генуариа в 27 <...> краа достиже книга сиа глаголемаа Прилог <...> повелением священноинока Германа, игумена дому святаго Спаса и преподобнаго и Богоноснаго иже в постницех великого чюдотворца Варлаама <...> А писана бысть книга сия в лето благовернаго великаго князя Иоанна Васильевича и при архиепископе Новгороцком Феофиле и при священницех святаго Спаса, при старом игу... (обрыв).

Дмитриев, 1973. С. 149.

57. ЩИЛОВ (ШИЛОВ) Покрова Богородицы монастырь.

Основан в 1310 г. иноком Олонием, называемым Щилом (Сшкилом, Шкилом и др.).

Пригородный.

На правом берегу Волхова, у его устья, в урочище Дубенка, в 3 верстах к югу от города.

В 1386 г. сожжен новгородцами. В 1725 г. полностью разобран. Не сохранился.

Повесть о посаднике Щиле – памятник начала XV в.

НПЛ (ст.).

6818 (1310) г.: Того же лѣта постави церковь камену на Коломцах архимандрит Кюрилъ Успѣние святыя Богородица; а другую камену поставиша церковь на Дубенкѣ Покров святыя Богородица, стяжаниемь раба Божиа Олониа мниха (С. 93).

НПЛ (мл.).

6818 (1310) г.: Того же лѣта постави церковь камену на Коломцахъ анхимандритъ Кирилъ въ имя святыя Богородица Успение; и другую поставиша церковь камену на Дубенкѣ во имя святыя Богородица Покровъ, стяжаниемъ раба Божиа Олониа мнѣха, нарицаемаго Сшкила, и бысть монастырь крестияномъ прибѣжище (С. 333).

НПЛ (мл.).

6926 (1421) г.: Того же лѣта бысть вода велика въ Волховѣ и снесе Великыи мость и Нередичкои и Жилотужьскыи, а с Коломець и церковь снесе святую Троицю; а въ Щиловѣ и на Соколницѣ и в Радоковицах и [въ] Въскресениа в Людинѣ концѣ в тѣх церквах толко на полатех пѣлѣ (С. 413).

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> въ Щиловѣ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 112.

Зверинский. Т. 3. С. 212 (№ 2231).

Хорошев, 1980. С. 209 (№ 88): Дворы – 147, Тяглецы – 155, Обжи – 173,5.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 31–32.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 25.

58. ЮРЬЕВ, Св. Георгия, монастырь.

Основан не позже 1119 г.

Пригородный. Резиденция архимандрита – главы новгородского черного духовенства.

На левом берегу Волхова, в 3 верстах к югу от города, около устья ручья Княжева.

Сожжен новгородцами в 1386 г. Мощи св. Евфросинии (в миру – Евдокия), жены кн. Ярослава II, и св. Феоктиста, архиепископа новгородского (перенесены в 1786 г. из Благовещенского на Мячине монастыря).

НПЛ (ст.)

6627 (1119) г.: Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всѣволодъ церковь камяну манастырь святого Георгия Новѣгородѣ (С. 21).

НПЛ (мл.)

ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2.

6894 (1386) г.: А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: <...> Юрьевъ... (С. 346).

Строев, 1877. С. 44–49:

Кириак – 1119–+ 1128 гг.

Исаия – 1128–1134 гг.

?Иона – ок. 1138 г.

Дионисий – определен 1158– +1194 гг.

Савватий – определен 1194– +16 апр. 1226 гг.

Савва, Грек – 1226–+15 марта 1230 гг.

Арсений– 1230 г. перев. из Хутыня (не он ли был наречен в архиеп.?).

Варлаам – + 1270 г.

Иоанн– 1270–1274 гг.

Зверинский. Т. 2. С. 415–418 (№ 1363).

Хорошев, 1980. С. 211 (№ 117): Дворы – 1131, Тяглецы – 1298, Обжи – 2184.

Секретарь, Филиппова, 1991. С. 38–49.

Где святая София..., 1997. С. 174–185 (Н. Жервэ).

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000. № 1.

Рукописи:

1119–1128 гг.

«Юрьевское евангелие».

ГИМ, Син. 1003.

Запись рукой писца на л. 231 об.: Азъ грѣшныи Феодоръ напсахъ єуаг(елие) се роукою грѣшьною с(вя)тому м(у)ч(ени)ку Георгеви въ манастырь Новугороду при Куриящѣ игуменѣ и Савѣ иконом̃ѣ. Оугриньць псалъ.

Столярова, 2000. С. 72–73 (№ 68).

1130 г., января 1– февраля 28 (подложная).

Сборник житий святых.

РНБ, собр. Погодина, № 716.

Л. 154 об.: В лѣт(о) 6637 при благовѣрномъ и вѣликомъ князѣ Мъстиславѣ Владимировиче сыне Мономахове и при архиеп(и)с(ко)пѣ Вѣликаго Новаграда Нифонте писана книга сия С(вя)тыхъ о(те)цъ житья по благословѣнию о(т)ца нашего игумена Ефимия Юрьева моностыря, писалъ многогрешныи и смирѣнныи инокъ Антонии, аще в чемъ погрѣшилъ, исправте, Бога ради, понеже мало и нѣ твѣрдо обучихся по гречески чтению божествѣннаго писания, онехъ Святыхъ о(те)цъ жития нигдѣ же видѣхъ. По усердию моему и бл(а)гословѣниемъ настоятеля нашего потрудихся по силе моеи, съ грѣческаго языка писалъ книгу сию и ничтоже прибавилъ отъ своего ума или отъменилъ, разве по нѣдоумению. И молю вы, братия и отъцы, еда прочитаите книгу сию, помяните мя вы в молитв[ахъ] вашихъ, да азъ [полу]чу оставлѣние грѣховъ в будущия вѣки, аминь.

Столярова, 1998. С. 289–291 (№ 8); Столярова, 2000. С. 76– 78 (№ 70).

Выголексинский сборник (Жития Нифонта Константиноградского и Феодора Студита).

РГБ, ф. 178, № 1862.

На л. 33 завещательная запись XIII в.: Се азъ худыи калогеръ Феофилъ от своеѣ худости сътяжяхъ книжиця сия въ славу с(вя)тѣи Троицѣ и въ чьс(ть) с(вя)туму м(у)ч(е)нику Георгию. Ти аще поиметь мя Б(ог)ъ от сего жития, се оставляю с(вя)т(о)му Георгию, бл(а)г(о)словление и брат(ье) утѣху, и на сп(а)сение д(у)ш(а)мъ. И поминайте мя, брат(ье), въ с(вя)тых вашихъ м(оли)твахъ.

На л. 1 владельческая запись XVII в.: Кн(и)га Юр(ь)ева м(о)н(ас)т(ы)ря.

Выголексинский сборник, 1977. С. 17–18.

1330–1352 гг.

Новгородская первая летопись старшего извода.

ГИМ, Синодальное собр., № 786.

На л. 167–169 дополнительные записи разными почерками: Того же лѣта поставиша Василья въ Велыньскои земли в Новъгородъ.

Въ лѣто 6839. Мѣсяца ноября въ 30, на память святого апостола Андрѣя, бысть помрачение въ солнци и стоя от 1-го часа до 3-го.

Въ лѣто 6840. Въсташа крамолници в Новѣгородѣ, и отъяша посадничьство у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михаиловичю, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его Сенефонта села пограбиша. Того же лѣта великыи князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новъгородъ, прося у нихъ серебра закамьского, и в томь взя Торжекъ и Бѣжичьскыи верхъ за новгородскую измѣну. Том же лѣтѣ отъяша посадничьство у Захарья и даша Матфѣю.

Въ лѣто 6841. Приде князь Иванъ в Торжекъ съ всими князи низовьскыми и с рязаньскыми, и присла в Новъгородъ, сведе намѣстникы, а сам сѣде в Торжьку от Крещения до Сбора, теряя волость Новгородьскую. И послаша новгородьци послы, зовуче его в Новъгород: архимандрита Лаврентия, Федора Твердиславлича, Луку Валъфромѣева; и онъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не да, поѣха прочь. Того же лѣта архиепископъ новгородьскыи Василии постави городъ каменъ въ два лѣта, и архимандритъ святого Юрья Лаврентии постави стѣны святого Юрья силою 40 саженъ и съ заборолами.

Въ лѣто 6845. Индикта 5 наваженіемь дияволимь сташа простая чадь на архимандрита Есифа, а думои старого архимандрита Лаврентия, и створиша вѣче, и запроша Есифа въ церкви святого Николы; и сѣдоша около церкви нощь и день коромолници, стрегуще его. А оже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадется в ню.

Въ лѣто 6853. Индикта лѣто 3-ее, поновлена бысть церки си святыи Георгии покровомь, при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, при архиепископѣ новъгородьскомь Василии, при посадницѣ Еустафьи, при тысячьскомь Аврамѣ, промысломь Божиимь,

поспѣшениемь святого мученика Христова Георгия, повелѣниемь боголюбиваго архимандрита новъгородьского Есифа.

Въ лѣто 6860. Добиша челомъ новъгородьци, бояре и черныи люди архиепископу новъгородьскому владыцѣ Василию, чтобы «еси, господине, ехалъ нарядилъ костры во Орѣховѣ»; и онъ ехавъ, костры нарядилъ, и приеха в Новъгородъ. И приехаша послове изо Пскова, биша челомъ владыцѣ Василию, ркуче такъ: «Богови тако изволишю, святои Троицѣ, дѣтемъ твоимъ пьковицемъ Богъ реклъ жити дотолѣ, чтобы еси, господине, былъ у святои Троици и дѣтии своихъ благословилъ псковиць». И онъ не умедли поеха, поимя собою архимандрита Микифора, игумены, попове, приеха въ Псковъ, служи въ святои Троици, у святои Богородици на Снѣтнои горѣ, у святого Михаила, у Ивана Богослова, опять въ святои Троици, ходи около города со кресты, и благослови дѣти своихъ всихъ псковиць, поеха ис города, доеха до Прощеника въ день недѣлныи; обечерившися за Прощеникомъ сь едину версту, на рѣцѣ на Чересѣ сташа; и разболѣся ту; привезоша его в манастыри ко святому Михаилу, усть Узы рѣки, на Шелонѣ; и приставися ту, на память святого мученика Уакинфа, въ вторникъ; привезоша и в Новъгородъ в четвергъ, мѣсяця июля въ 5, на память святого отца Лампада; проводи и архиепископъ новъгородьскии владыка Моисѣи, игумени и попове и весь Новъгородъ, и положиша и у святои Софьи притворѣ.

НПЛ. С. 99–100.

1470 г., 13 декабря.

Евангелие учительное.

РНБ, ОСРК, F.I.194.

На л. 360 рукой писца запись: В лѣто 6979 [1470], круг солнца 7 и луны 3, индикт 4, списано бысть сие святое Еуангелие толковое при благовѣрном великом князи Иванѣ Васильевичи, при нареченомъ владыкы Великого Новагорода и Пьскова Феофилѣ, на память иже въ святыхъ страстотерпець, месяца декабриа въ 13, Еустратия, Еугения, Ауксентѣя, Мандария, Ариста. А кто его прочитаеть, дасть ему Богъ отпущение души грѣховъ и в сем вѣцѣ избавить его лукавого сѣтии. А писано многогрѣшнаго рукою Кирилѣ дьяка в манастырѣ, зовомое в Юрьевѣ, в дому святого милостивого Спаса и святого великого страстотерьпца Христова мученика Георгия. Того лѣта приѣхал в Великыи Новъгород князь великыи Михаило Олександрович Киевъскыи, при архимадрѣтѣ Кузьмы. Аминь. О, Христе мои, всякому бо дѣлу начало и конец еси (см. рис. 5).

III. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1–41.

2. Исследования

Алпатов, 1977 – *Алпатов М. В.* Фрески церкви Успения на Волотовом поле. М., 1977.

Бобров, 1985 – *Бобров А. Г.* Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV – начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л.: [ГПБ], 1985. С. 10–16.

Бобров, 1991 – *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV–первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.

Будовниц, 1966 – *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках: (По «житиям святых»). М., 1966. 392 с.

Вздорнов, 1989 – *Вздорнов Г. И.* Волотово: Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989. 344 с.

Востоков, 1842 – *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. 905 с.

Выголексинский сборник, 1977 – Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977. С. 17–18.

Где святая София..., 1997 – Где святая София, там и Новгород. СПб., 1997. 434 с.

Горский, Невоструев, 1855–1917 – Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки [Сост. А. В. Горский, К. И. Невоструев]. М., 1855–1917. Т. 1–6.

Гранстрем, 1953 – Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские / Сост. Е. Э. Гранстрем. Л., 1953. 132 с.

Дмитриев, 1958 – Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958.

Дмитриев, 1973 – *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. 304 с.

Зверинский. Т. 1 – *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1890. Т. 1: Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–95 по 1 июля 1890 г.

Зверинский. Т. 2 – *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов.

Зверинский. Т. 3 – *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1897. Т. 3: Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II.

Кадыкин, 1911 – *Кадыкин П. Ф.* Летописные известия и документы новгородского Деревяницкого Воскресенского монастыря: (1335–1839). [СПб., 1911].

Ключевский, 1871 – *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 3, 465, 4, 3 с.

Костомаров, 1886. Т. 2 – *Костомаров Н.* Севернорусские народоправства во времени удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). 3-е изд. СПб., 1886. Т. 2. 466 с.

Кукушкина, 1977 – *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI– XVII веков. Л., 1977. 223 с.

Куприянов, 1863 – *Куприянов И. К.* Опись монастыря Николая-чудотворца на Лятке близ Рюрикова городища под Новгородом // Известия императорского Археологического общества. СПб., 1863. Т. 4.

Леонид, 1893 – *Леонид*, архим. Систематическое описание славянороссийских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2.

Малков, 1983 – *Малков Ю. Г.* Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 г.) // Древний Новгород. История. Искусство. Археология: Новые исследования. М., 1983. С. 338–353.

Орлов, 1963 – *Орлов С. Н.* Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Научная конференция Новгородского педагогического института. Март, 1963. Новгород, 1963. С. 23–24.

Орлов, 1984 – *Орлов С. Н.* Археологические исследования на территории бывшего Антониева монастыря в Новгороде // Новгородский край: Материалы научной конференции (Новгород, 1982 г.). Л., 1984. С. 152–156.

Орлов, Красноречьев, 1967 – *Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е.* Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 69–76.

Охотина-Линд, 1996 – *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре / Предисл. А. Г. Боброва. СПб., 1996. 10, 246 с.

Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева, 2000 – *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18) (в печати).

ПС XV в., 1986 – Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. 374 с.

Раппопорт, 1982 – *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. 136 с.

Раппопорт, 1982а – *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 189–202.

Розов, 1972 – *Розов Н. Н.* Искусство книги древней Руси и библиогеография: (По новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 24–51.

Секретарь, 1996 – *Секретарь Л. А.* К истории трех утраченных новгородских монастырей: Николаевского Мостищского, Николаевского Верендовского, Спасского Верендовского // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 216–225.

Секретарь, Филиппова, 1991 – *Секретарь Л. А., Филиппова Л. А.* По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991. 220 с.

Семенов, 1961 – *Семенов А. И.* Лисицкий монастырь – пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 369–373.

Сивак, 1984 – *Сивак С. И.* Неизвестное граффити церкви Симеона Богоприимца Зверина монастыря (к истории строительства церкви) // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1982. Л., 1984. С. 29–33.

Смирнова, 1994 – *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. 480 с.

Столярова, 1998 – *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI– XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. 414 с.

Столярова, 2000 – *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI– XIV веков. М., 2000. 543 с.

Строев, 1877 – *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

Трояновский, 1993 – *Трояновский С. В.* Архитектурно-археологические исследования на территории Савво-Вишерского монастыря // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1993 г.). Новгород, 1993. Вып. 7. С. 45–52.

Хорошев, 1980 – *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. 224 с.

Цветков, 1899 – *Цветков А.*, свящ. Преподобный Ксенофонт Робейский и основанная им обитель // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 5. С. 304–315.

Щепкина, Протасьева, Костюхина, Голышенко, 1965 – *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 135–234.

Янин, 1977 – *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

Янин, 1982 – *Янин В. Л.* Новгородский скрипторий рубежа XI– XII вв. Лазарев монастырь // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 52–63.

Янин, 1991 – *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

ОЧЕРК 3

МОНАСТЫРИ НОВГОРОДСКИЕ (до XVI в.) [2011 г.]

Домонгольский период

Принято считать, что древнейшим монастырем в Новгородских землях являлся Юрьев (св. Георгия) монастырь, находящийся в трех верстах к югу от Новгорода: «Полагают, что основан около 1030 г. в дни княжения в Киеве Ярослава (Георгия)»[1]. Это мнение основано на указании В. Н. Татищева, который, однако, высказал его не в основном тексте, а лишь в примечаниях к своей «Истории Российской», и без ссылки на источники. Единственным обоснованием историку послужило соображение, что крестильным именем князя Ярослава Владимировича было Георгий, следовательно он мог основать монастырь «в свое имя»[2]. Как заметил Е. Голубинский, «само собою очевидно, что это основание вовсе не достаточное»[3]. Первое упоминание Юрьева монастыря в Новгородской первой летописи старшего извода (далее – Н1ст.) датировано лишь 1119 г.: «Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь камяну манастырь святого Георгия Новгород»[4]. Некоторое косвенные аргументы, однако, свидетельствуют в пользу возможной более ранней даты основания обители (в приведенном летописном свидетельстве об игумене Кириаке говорится не как о поставленном в только что учрежденный монастырь, а как об уже действующем; в составе монастырской библиотеки хранились рукописные книги, датируемые XI в. – Жития Кондрата и Феклы и Евгеньевская псалтырь. Сама особая роль Юрьева монастыря,

[1] *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. С. 415.

[2] См.: *Татищев В. Н.* Собр. соч. в 8-ми т. Т. 2, 3: История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 241, 244, 261.

[3] *Голубинский Е.* История русской церкви. Изд. 2-е. Т. 1, 2-я пол. М., 1904. С. 752.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 21.

в последующие годы, позволяет предполагать его приоритет и в хронологическом смысле; ср. также ниже об употреблении титула «игумен» в новгородских источниках начала XII в.).

Древнейшие юрьевские рукописные кодексы переписывались «стяжанием» обители или ее иноков, но, видимо, не в самом монастыре. О единственном исключении, казалось бы, свидетельствует запись, относящаяся к 1129/1130 г., в Сборнике Житий второй половины XIV в.[5] Эта запись гласит, что книга создана «В лето 6637 при благовременном и великом князе Мстиславе Владимировиче сыне Мономахове и при архиепископе Великаго Новаграда Нифонте <...> по благословению отца нашего игумена Ефимия Юрьева моностыря, писалъ многогрешный и смиренный инокъ Антонии <...> съ греческаго языка писалъ книгу сию». По мнению Л. В. Столяровой, эта запись, сохранившаяся в списке второй половины XIV в., имеет копийный характер и восходит к недошедшей подлинной записи 1129/1130 г.[6] Если вслед за Л. В.Столяровой признать копийный характер этой записи, мы вынуждены будем всерьез рассматривать возможность перевода упомянутых житий с греческого в Новгороде XII в., что противоречит литературной истории содержащихся в рукописи текстов. Несообразности наблюдаются и в упоминании исторических лиц: в записи назван киевский великий князь Мстислав Владимирович, вместо ожидаемого новгородского князя Всеволода Мстиславича; юрьевский игумен Ефимий не только неизвестен другим источникам, но и назван вместо Исайи, бывшего, согласно В. Л. Янину, настоятелем именно около 1130 г.[7] Наконец, палеографический анализ подтверждает, что данная запись является подложной, хотя ее создатель, действительно, довольно искусно имитирует начертания букв второй половины XIV в. Текст этой записи не может быть использован для изучения ни русской переводческой школы XII в., ни монастырских скрипториев Великого Новгорода.

В. Л. Янин пришел к выводу, что получение юрьевским игуменом титула «архимандрит новгородский» относится к рубежу XII–XIII вв., ко времени игуменства Савватия (1194–1226). А. А. Гиппиус предложил еще более точное определение датировки появления титула «архимандрит новгородский»: первые годы игуменства Савватия, между 1194 и 1199 гг.[8] Новгородская архимандрития, глава которой избирался на вече, по мне-

[5] Российская Национальная библиотека (далее – РНБ). Погод. 716.

[6] *Столярова А. В.* Древнерусские надписи XI-XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 290.

[7] *Янин В. А.* Новгородские акты XII-XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 135.

[8] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 30.

нию В. Л. Янина, стала независимой и от архиепископа Новгородского. Развивая мысль о связи монастырей с концами и кончанским управлением, В. Л. Янин пришел к заключению, что монастыри, основанные боярами одного конца, подчинялись одному главному кончанскому монастырю, а игумены этих обителей, в свою очередь, подчинялись новгородскому архимандриту[9]. Некоторые исследователи, однако, подвергали сомнению тезис о неподчиненности монастырей владыке[10].

Если исходить из даты первого прямого упоминания монастыря в письменных источниках, то древнейшей оказывается обитель, основанная преподобным Антонием Римлянином (именно так и полагал Е. Е. Голубинский). Об Антониеве монастыре Рождества Богородицы впервые говорится в Н1ст. под 1117 г.: «Въ то же лето игуменъ Антонъ заложи церковь камяну святыя Богородиця манастырь»[11], а в 1119 г. «съвершена бысть церкы Антонова святая Богородиця»[12]. В 1125 г. «испьсаша божницю Антонову», а в 1127 г. «обложи трьпезницю камяну Антонъ игуменъ»[13]. Любопытно, что, хотя основатель обители в приведенных летописных известиях именуется «игуменом», под 1131 г. в Н1ст. специально отмечено, что «тъгда же Антона игуменомь Нифонтъ архепископъ постави»[14], что, вероятно, свидетельствует либо о включении упомянутых выше известий 1117–1127 гг. в текст летописи задним числом, после 1131 г., либо о расхождении между именованием Антония «игуменом» летописцем и официальным статусом основателя монастыря.

Среди ранних летописных известий об истории Антониева монастыря особый интерес представляет уникальное для Новгорода XII–XIV вв. упоминание под 1125 г. «трапезницы», археологически до сих пор не обнаруженной[15]. Известно, что «трапезница» является характерной чертой общежительных обителей (киновий), в то время как в особножительных (келлиотских) монастырях иноки питались в своих кельях. Характерно, что в 1528 г. архиепископ Новгородский Макарий, вводя в монастырях общежительный устав, «начата <...> и тряпезы со церквами ставити»[16]. Упоминание под 1125 г. «трапезницы» в Антониевом монастыре позволяет

[9] *Янин В. А.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 136–149.

[10] *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси: (Очерки истории средневекового города). Л., 1989. С. 104–106; *Мартышин О. В.* Вольный Новгород: (Общественно-политический строй и право феодальной республики). М., 1992. С. 215–216 и др.

[11] НПЛ. С. 20.

[12] Там же. С. 21.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 22.

[15] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X-XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 114.

[16] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л., 1929. С. 544–545.

полагать, что обитель была основана сразу как общежительная, наподобие Киево-Печерского монастыря.

Как известно, согласно житию прп. Антония, написанному не ранее XVI в., основатель монастыря прибыл из Рима (почему и называется Римлянином), однако ранее XVI в. указания на западное происхождение Антония в источниках не встречаются, что вызывало сомнения исследователей в достоверности этой легенды. С другой стороны, в монастыре хранилось несколько церковных предметов западного происхождения[17]; термин «божница», использованный в Н1ст. в известии о росписи основанной Антонием церкви, употребляется в этой летописи еще четыре раза, в том числе два раза – во множественном числе, применительно ко многим церквям, а два раза – применительно именно к западным церквям («варязьская божница» под 1217 г. и «божници ихъ» в Юрьеве Немецком под 1328 г.[18]). Наконец, сами росписи 1125 г. считались выполненными в традициях романского искусства, что, правда, подвергается пересмотру в обстоятельной работе современного исследователя[19]. Весьма существенным представляется высказанное в личной беседе мнение В. Д. Сарабьянова, что Антоний мог быть, действительно, пришельцем в Новгороде, но не из Рима, а из Киево-Печерского монастыря.

Одной из древнейших новгородских обителей, если принять точку зрения В. Л. Янина, является Лазарев монастырь[20]. Исследователь атрибутирует скрипторию Лазарева монастыря десять рукописных книг рубежа XI–XII вв.: семь служебных Миней, Стихирарь и Триодь Постную из фонда Типографской библиотеки РГАДА, а также Милятино евангелие из РНБ. Существование скриптория в целом убедительно доказано, однако его принадлежность именно монастырю, а не церкви св. Лазаря, обоснована, в первую очередь, текстом писцовой записи 1090–1110-х гг. на июльской Минее служебной[21], в которой, в частности, говорится: «...Игумения повелениемь, а святымь Лазарьм молитва[...]а...».

Употребление фразы «игумения повелениемь» приводит В. Л. Янина к выводу о существовании Лазарева монастыря уже в конце XI – начале XII в. Однако известен случай, когда в Н1ст. игуменом без какого-либо уточнения назван настоятель Юрьева монастыря (6642/1134 г.: «И иде

[17] *Голубинский Е.* История русской церкви... С. 591-592.

[18] НПЛ. С. 57, 98.

[19] *Сарабьянов В. Д.* Стилистические основы фресок Антониева монастыря // Древнерусское искусство: Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 56-82.

[20] *Янин В. А.* Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 52-63.

[21] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). ф. 381. № 121. Л. 52 об.

Исайя игуменъ селомь Кыеву»[22]). Кроме того, известно, что титул игумена основатель Антониева монастыря официально получил только в 1131 г., что позволяет предполагать принадлежность этого титула в более ранний период только настоятелю Юрьевскому. Очевидно, не следует исключать возможности того, что в записи на Минее служебной 1090–1110-х гг. имеется в виду «повеление» единственного в то время игумена Юрьева монастыря. В этом случае надо полагать, что скрипторий существовал не при Лазаревом монастыре, а при церкви св. Лазаря, обитель же была основана позже (причем впервые собственно Лазаревский монастырь упоминается лишь в 1367 г., а в более ранних случаях речь идет только о церкви).

В целом вопрос о том, какие новгородские монастыри существовали уже в домонгольский период, неоднократно рассматривался в литературе. Однако еще Е. Голубинский отмечал, что в Великом Новгороде известно несколько домонгольских церквей, при которых «в последующее время являются монастыри», причем исследователи, «предполагая непременно, что монастыри явились вместе с церквами», предлагают и для основания обителей раннюю датировку. Возражая построениям такого рода, историк писал: «Но непременное тут нисколько не следует: церкви были построены в период домонгольский, а монастыри могли явиться при них в разное время после <...> На сем основании монастыри эти должны быть отнесены к числу домонгольских сомнительных»[23].

Следуя этому принципу, мы можем выделить древнейшие монастыри Новгорода, бесспорно существовавшие в домонгольский период. Среди этих обителей – десять упоминаются в источниках не позже 80-х гг. XII в.:

1. Антониев Рождества Богородицы (осн. 1117);
2. Юрьев (св. Георгия) (осн./упом.? 1119);
3. Пантелеймонов (осн. 1134);
4. Воскресенский на Мячине (упом. 1136);
5. Варварин (упом. 1138);
6. Зверин Покрова Богородицы (упом. 1148);
7. Аркажский Успения Богородицы (осн. 1153);
8. Духов (упом. 1162);
9. Благовещенский на Мячине (осн. 1170);
10. Росткин Иоанна Предтечи (упом. 1179).

Обращает на себя внимание тот факт, что все древнейшие монастыри Новгорода, за исключением Антониева, находились на Софийской стороне,

[22] НПЛ. С. 23.

[23] *Голубинский Е.* История русской церкви... С. 754.

что, возможно, свидетельствует о сравнительно более поздней христианизации Торговой стороны и, во всяком случае, еще раз свидетельствует о некоей обособленности и выделенности обители, основанной прп. Антонием. Вплоть до самого конца XII в. она так и оставалась единственной в окрестностях Торговой стороны. Следующий этап монастырского строительства в Новгороде, начавшийся в 90-е гг. XII в., связан как раз с созданием новых обителей исключительно на Торговой стороне:

11. Хутынский Спасо-Преображенский (осн. 1192);
12. Кириллов на Нелезине острове (упом. 1196);
13. Евфимиин Благовещения Богородицы (осн. 1197);
14. Нередицкий Спасо-Преображенский (осн. 1198);
15. Михалицкий (на Молоткове) Рождества Богородицы (осн. 1199);
16. Павлов (осн. 1238).

Для новгородских монастырей домонгольского периода характерно, что если женские обители располагались на территории самого Новгорода (№ 5, 10, 13, 15 и, видимо, № 16), то мужские – в окрестностях города. В целом такое распределение корреспондирует с популярным представлением о пригородных монастырях как о неких форпостах, имевших оборонное значение. Правда, в 1386 г., когда, действительно, к Новгороду подходило войско Дмитрия Донского, все пригородные монастыри были сожжены самими новгородцами: оказалось, что они скорее могут явиться готовыми базами для стороны противника (см. подробнее ниже).

Приведенные выше наблюдения позволяют уточнить мысль Л. В. Столяровой о том, что в древнейший период книгописание на Руси осуществлялось преимущественно в церквях. Мы видим, что даже те редкие примеры, которые, казалось бы, свидетельствовали о существовании древнейшего монастырского книгописания в новгородских землях (Юрьев и Лазарев монастыри), могут и должны быть подвержены пересмотру.

Вообще все сохранившиеся древнерусские рукописи XI–XIII вв. были переписаны священниками, сыновьями священников, дьяконами, дьяками, пономарями или просто «грешными писцами», но в любом случае – не представителями черного духовенства. На протяжении второй половины XIV в. новгородские писцы – это, главным образом, «владычни робята», «владычень паробок», «владычень писец». Даже переписанные в монастырях рукописи конца XIV в. созданы не монахами, а дьяком Стефаном (в Троицком Видогощском монастыре, 1380-е гг.), дьяком Матфеем (Хутынский монастырь, 1391 г.) и священником Федором (Хутынский монастырь, 1400 г.). Только Тактикой Никона Черногорца 1397 г. был переписан в Лисицком монастыре «калугерами» (монахами)

Яковом и Пименом, но эта рукопись открывает уже совершенно другую главу истории книгописания в Великом Новгороде.

Можно сделать вывод, что, по крайней мере, до XIV в. переписывание книг не включалось в монашеский подвиг, и этот факт должен быть связан с преобладанием в Древней Руси XII–XIII вв. монастырей, придерживающиеся так называемого келлиотского устава («особные монастыри»). В келлиотских монастырях иноки жили в своих особых кельях, ели свою пищу, владели своим имуществом и т. д., а общей у них была только церковь или часовня, куда они сходились на молитву. Основанные ктиторами – князьями, епископами, боярами, посадниками и содержавшиеся на их средства, эти монастыри строились как «прибежище» для крупных вкладчиков. Если вкладчик хотел уйти из монастыря, он мог потребовать обратно свой вклад. Такие иноки могли заказать (и заказывали) переписывание книги, но не занимались книгописанием сами.

Середина XIII – конец XV в.

Территориальная система управления монастырями в том виде, какой она постепенно сложилась к XIV–XV вв., реконструируется В. Л. Яниным следующим образом: кончанским монастырем Плотницкого конца был Антониев, Славенского – Михайловский Сковородский (с подворьем или городским филиалом в Павловом монастыре), Неревского – Никольский Белый, Загородского – Аркажский (с подворьем или городским филиалом в Никольском на Поле монастыре), Людина – Благовещенский (с подворьем или городским филиалом в Варваринoм монастыре). Как отметил В. Л. Янин, «использование монастырских печатей в качестве кончанских прямо свидетельствует о сращении мирской администрации новгородских концов с администрацией кончанских монастырей»[24]. В юрисдикции концов города находились не только упомянутые главные кончанские монастыри и их городские филиалы, но и другие обители, о чем свидетельствует Подтвердительная грамота Славенского конца Савво-Вишерскому монастырю (60-е гг. XV в.), в которой говорится о передаче обители «кончанской земли». Земельные и иные владения новгородских монастырей, основанных представителями боярских родов, рассматриваются исследователями не как неотчуждаемая церковная собственность, а как «депонированные» богатства тех или иных семей (В. Л. Янин, А. С. Хорошев). Действительно, во время восстания 1418 г. новгородцы

[24] *Янин В. А.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛΥТРОПОN: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 920.

подвергли разграблению боярские усадьбы Загородского конца и тут же «монастырь святого Николы на Поле разграбиша, ркуще: «зде житнице боярьскыи»[25], т. е. собственность этой обители (городского филиала основного кончанского монастыря Загородского конца) горожане рассматривали как «боярскую». Известно, что новгородские монастыри являлись к концу республиканского периода крупнейшими землевладельцами, однако около половины этих владений, по А. С. Хорошеву, было вложено боярами государственным либо частным порядком, подтверждением чему служит требование московской администрации после присоединения Новгорода сдать в казну половину монастырских волостей[26].

Для изучения истории новгородских монастырей особый интерес представляют два списка обителей, попавшие в состав летописей (под 1386 и 1528 гг.). Первый из них, относящийся к 1386 г., перечисляет 24 монастыря около города (12 на Софийской стороне и 12 – на Торговой), сожженных самими новгородцами при наступлении войск великого князя Дмитрия Ивановича Донского, и еще один, 25-й монастырь, сожженный уже великокняжескими войсками: «А в то время Новгородци пожгоша около города манастыревъ 24: [1] на Перуни, [2] Юрьевъ, [3] Рожественыи, [4] Пянтелеевъ, [5] Воскресеньскыи, [6] Благовещеньскии, [7] Оркажь, [8] Духовъ, [9] Борисиглебьскии, [10] Богородицинъ, [11] Николинъ, [12] Лазоревъ, а на Торговой стороне: [13] Антоновъ, [14] Богородицинъ, [15] Иоанновъ, [16] на Болотовѣ, [17] на Ковалевѣ, [18] Рожественыи, [19] Кириловъ, [20] на Ситискѣ, [21] на Ляткѣ, [22] в Нередицахъ, [23] на Сковоротке, [24] въ Щилов». Кроме того добавлено: «А на Понедѣлии и [25] Николиньскии монастырь княжи пожгли, и по инымъ местамъ...»[27].

Что касается упомянутых в перечне монастырей Левобережья (Софийской стороны и ее окрестностей), то обращает на себя внимание упоминание некоего Рождественского монастыря между Юрьевым и Пантелеймоновым, неизвестного всем прочим источникам. Если предположить, что церковь Рождества Богородицы Юрьева монастыря была принята за отдельный монастырь, то составителя данного перечня монастырей, видимо, следует считать не новгородцем. Интересно также отсутствие в этом перечне Петропавловского на Сильнище монастыря, церковь которого была построена в 1185–1192 гг. Очевидно, в ранний период здесь была только церковь, а монастырь появился после 1386 г.

[25] НПЛ. С. 409.

[26] *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 168.

[27] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л. 1925. С. 346.

Из монастырей Правобережья (Торговой стороны и ее окрестностей) в перечне отсутствуют лишь Хутынский и Деревяницкий монастыри и предположительно уже существующий Лисицкий (впервые упомянут летописью позже, в 1389 г.). Тот факт, что именно эти три обители, располагавшиеся близко друг к другу, играли «важную роль в политической жизни Новгорода, причем составляли некое единство, массив»[28], может быть сопоставлен с их особой судьбой во время военных действий 1386 г. Кажется наиболее вероятным, что принятое на вече решение о сожжении пригородных монастырей для трех указанных обителей не имело обязательной силы, что говорит об их особой юрисдикции. Очевидно, существование системы архимандритии – «особого государственного института, зависимого от архиепископа только в области церковно-канонического права, подчиняющегося боярскому вечу и формируемого на вече»[29] с входящими в ее состав кончанскими и ктиторскими монастырями – привело к выделению в противовес им особой группы «владычных» (архиепископских) обителей, подчиняющихся кафедре напрямую, без посредства архимандрита и стоявшего за ним веча. В одной из версий былины о Василии Буслаевиче говорится о споре («великом закладе») между дружиной Василия и горожанами «на весь на Новгород, Окроме трех монастырей – Спаса Преображения, Матушки Пресвятой Богородицы, Да еще монастыря Смоленского»[30]. Если учесть возможные искажения в устной традиции названий и посвящений обителей, то мы вновь получим образ трех монастырей, на которые не может спорить «весь Новгород» (т. е. не входящих в его юрисдикцию). Хотя Хутынский, Деревяницкий и Лисицкий монастыри, очевидно, действительно составляли «некое единство» по отношению к другим обителям, между собой они также существенно различались.

Так, например, Деревяницкий Воскресенский монастырь со времени основания владыкой Моисеем в 1335 г. тесно связан с «домом святой Софии»: здесь существовали «владычне хоромы» (1414 г.[31]), предназначавшиеся, по всей видимости, для ушедших «на покой» архиепископов, а сам монастырь рассматривался как «владычный» некрополь. Если факт погребения здесь архиепископов Алексея († 1389) и Иоанна († 1417) подтверждается свидетельством летописи[32], то вопрос о месте погребения Евфимия I выясняется из текста записи на Уставе, датируемом по пас-

[28] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 23.
[29] *Янин В. А.* Монастыри средневекового Новгорода... С. 919.
[30] Новгородские былины. М., 1978. С. 22.
[31] НПЛ. С. 404.
[32] НПЛ. С. 407, 475.

халии 1498 г. и принадлежавшем в XVI в. Деревяницкому монастырю. Запись того же времени прямо указывает: «Месяца ноября 1 день, обед по владыкы по Евфимьи, что лежит здесь, по челкви братьи»[33]. В находящихся рядом записях упоминаются поминальные трапезы для братии по похороненным здесь владыкам Алексею, Иоанну, а также и по Василию Калике, из чего следует, что последний, возможно, предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, так как дал вклад на «вечное поминание». Таким образом, Деревяницкий монастырь, ставший общежительным только по реформе 1528 г., выполнял роль своего рода «загородной резиденции» новгородских архиепископов, при этом сам он имел крайне незначительные земельные владения, даже меньшие, чем у известного своей «малоземельностью» Клопского Троицкого монастыря.

Напротив, Хутынский монастырь был, согласно данным писцовых книг конца XV в., по богатству вторым в республике после Юрьева, совсем не намного уступая ему[34]. Можно предполагать, что если в Юрьевом монастыре «депонировалась» общегородская собственность, а в кончанских – собственность городских концов, то Хутынская обитель была «депозитарием» владений самой архиепископской кафедры. Существуют основания полагать, что в XV в. именно здесь велось официальное «владычное» летописание, отразившееся в Н1мл.

Особое место среди «владычных» монастырей занимал Лисицкий, находившийся в семи верстах от Новгорода по старой Московской дороге (ныне ведущей к Хутынскому монастырю), на берегу Малого Волховца. В летописях он упоминается впервые под 1389 г.: «И на Лисицьи горке поставиша церковь древяную Рожество святыя Богородица». По-видимому, обитель упоминается как уже существующая, а не только что основанная, так как рядом, в той же летописной статье об основании другого монастыря говорится: «И на Сокольи горке поставиша церковь древяну святого Николу, и манастырь устроиша».

Действительно, в одной из сохранившихся лисицких рукописей – Синодике конца XIV – начала XV в.[35], в разделе, озаглавленном «Помяни, Господи, душа рабъ своихъ правоверныхъ архиманьдритъ игуменовъ», содержится перечень 26 имен, а в разделе, озаглавленном «Помяни, Господи, душа рабъ своихъ яже окрестъ «святеи Богородици лежащихъ братьи» нашей калугеров», упоминается более 100 имен. Если это действительно

[33] Институт русской литературы РАН (далее – ИРЛИ РАН). Новгородско-Псковское собр. № 89. Л. 296 об.

[34] 976 дворов против 1131 у Юрьева – см.: Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе... С. 210-211.

[35] РГАДА. Ф. 381 (Синод. типографии). № 141.

имена игуменов и монахов Лисицкого монастыря, то основание обители следовало бы относить к значительно более древним временам, чем ее первое упоминание в летописи. В Новгороде бытовали смутные предания о более раннем основании Лисицкого монастыря даже по сравнению с возникшим в конце XII в. соседним Хутынским (о том, что в нем были похоронены родители Варлаама Хутынского, и что сам Варлаам Хутынский до того, как стал основателем своего монастыря, игуменствовал на Лисьей горе).

Наиболее полно письменные известия о ранней истории Лисицкого монастыря представлены в Новгородской четвертой летописи, созданной, вероятно, около 1431 г.[36] Из этой летописи узнаем о том, что после обедни 27 мая 1392 г. упомянутая выше деревянная церковь Рождества Богородицы сгорела, а на следующий год была выстроена вновь, но, вероятно, уже в камне; что в 1400 г. в монастыре умер «владычень брат» (т. е. брат архиепископа Новгородского Иоанна) Василий; что в 1403 г. церковь святой Богородицы «подписана бысть» (т. е. расписана фресками); что в 1410 г. архимандрит Варлаам в Лисицком монастыре построил каменную надвратную церковь Варлаама Хутынского; что в 1421 г. «владычень ключник с Лисьи горки» Арсений упоминается в числе трех кандидатов во время выборов на архиепископскую кафедру, а спустя восемь лет другой кандидат на аналогичных выборах – Евфимий II – был избран архиепископом из игуменов Лисицкого монастыря. Под 1406 г. к упоминанию Илариона, епископа Коломенского, летописец добавляет: «бывъ преже игуменомъ Лисицкои лавры».

Расцвет книгописания в Лисицком монастыре относится к концу XIV – первой половине XV в. Двенадцать рукописных книг этого времени, связанных по своему происхождению с Лисицким монастырем (древнейшая точно датированная – Тактикон Никона Черногорца, 1397 г.[37]), сохранились до наших дней. Следует обратить внимание на «Афонские» связи книжников Лисицкого монастыря: в конце XIV в. инок Арсений (будущий основатель Коневского монастыря) и игумен Иларион совершили «хожения» на Святую гору и «принесли» оттуда рукописные книги – Устав монастырский и Тактикон Никона Черногорца. Оба доставили книги к новгородскому архиепископу Иоанну (1388–1415), который разрешил Арсению основать новый монастырь (Коневский) и повелел снять копию с рукописи, привезенной Иларионом.

[36] *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 107-136.

[37] РНБ. ОСРК. F.п.I.41.

Это обстоятельство не случайно: в конце XIV – первой половине XV в. Лисицкий монастырь постоянно связан с «владычным двором» (напомним, что в монастыре жили «владычень брат» Василий, «владычень ключник» Арсений и т. д.). Об «Афонских» связях Лисицкого монастыря свидетельствует и запись писца Серапиона в сборнике 1431 г. о том, что переписанное здесь сочинение Максима Исповедника было переведено с греческого на Афоне всего шестью годами раньше. Кроме того, в шести рукописях, связанных с Лисицким скрипторием, имеются заставки балканского стиля, созданные по одному канону, сложившемуся в этом монастыре под влиянием именно Афонской традиции. Существуют также свидетельства об общем византийском и южнославянском влиянии на деятельность этого книгописного центра. Наиболее известны из лисицких иноков, кроме преподобного Арсения Коневского, также игумены этого монастыря – Иларион, совершивший паломничество на Афон, после чего в 1396 г. ставший архимандритом московского Симонова монастыря, а позже – епископом Коломенским, святой Евфимий Новгородский, в ноябре 1429 г. ставший новгородским архиепископом, а также Варлаам, бывший учеником игумена Илариона, и после него также выполнявший игуменские обязанности. В 1410 г. Варлаам упоминается уже в качестве архимандрита Юрьевского. Он, вероятно, принимал участие в ведении летописания, в частности, с его именем связывается создание летописного свода 1411 г.[38]

Анализ книгописной деятельности в Лисицком монастыре позволяет утверждать, что на протяжении конца XIV – первой половины XV в. монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния. На протяжении более полувека монастырь на Лисичьей горе был своего рода «духовной академией», готовившей крупных церковных деятелей (Арсений Коневский, епископ Иларион, архимандрит Варлаам, архиепископ Евфимий II).

Особая роль принадлежит Лисицкому монастырю в распространении в Новгородской республике общежительной реформы. О заключительном этапе этого процесса мы знаем из другого перечня пригородных обителей (всего 24 монастыря), помещенного в летописи под 1528 г., когда архиепископ Новгородский Макарий проводил реформу и вводил в монастырях общежительство. Как отметил летописец, «преже бо сего токмо велици монастыри во общины быша и по чину, а прочии монастыри,

[38] *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 89–101.

иже окрестъ града, особъ живуще, и коиждо особѣ въ келияхъ ядяху и всякими житейскими печалми обдержими бяху». Введение общежительства способствовало росту числа насельников обителей (вероятно, благодаря отмене обязательного вклада при пострижении), и если раньше даже в «в лучших» келлиотских монастырях было «черньцовъ 6 или 7, а в прочихъ 2 или 3», то после реформы 1528 г. «братия въ монастыри начата приходити: идѣже было 2 или 3, ту 12 и 15; идеже 6 или 7, ту 20 и 30, а въ прочихъ 40 и множее»[39].

Всего в летописном перечне 1528 г. перечислено 16 монастырей, в которых введено общее житие, две обители, игумены которых отказались принять реформу, а также семь женских монастырей, в которых игумены были заменены игуменияими: «А около града тогда которые монастыри общины устроиша, а се ихъ имена: [1] Антониевъ манастырь, [2] на Деревяницы, [3] Благовещение, [4] Оркажъ, [5] на Колмовѣ, [6] на Ковалевѣ (доб. по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку». – А. Б.), [7] на Волотовѣ, [8] на Ситецкы, [9] Чюдо архангела на Сковороткѣ, [10] в Нередицахъ, [11] в Чиловѣ, [12] на Коломъцахъ, [13] на Липнѣ, [14] на Перинѣ, [15] на Николинъ конецъ Легощи улици, [16] въ Пантелееве; си обители толико около Великого Новагорода, а окрестнымъ градомъ здѣ число не положено; а толико 2 именитыхъ манастыри тогда не устроиша общины: [17] Николинъ монастырь в Неровскомъ концы, а игуменъ инокъ Илья, зовемыи Цветной, да [18] Рожество Христово на Поли, а игуменъ Иоанъ, зовемыи Заяць... Тогда же архиепископъ и черницамъ вдасть монастыри: [19] монастырь на Десятинѣ, [20] монастырь Петровской, [21] Ильинской и [22] Спаскои на Волоцкои дорозе, [23] на Соколницы, [24] Богословской на Вятки, [25] на Шнятине; а преже бо сего въ техъ монастырехъ жили игумены и черницы, и архиепископъ повеле отвести игуменовъ въ мужскии монастыри, а черницамъ вдасть игумений благочиния ради»[40]. В этот перечень, естественно, не были включены монастыри, уже бывшие общежительными к 1528 г. Для установления круга общежительных монастырей Новгородской республики могут быть привлечены различного рода источники (наряду с перечнем 1528 г., другие летописные известия, а также сведения Житий новгородских святых, данные по истории архитектуры и т. д.).

Суммируя сведения разнообразных источников, можно условно выделить три группы общежительных монастырей: 1) предположительно возникших в конце XIV – начале XV в. (приблизительно между 1389 и

[39] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л., 1929. С. 545.
[40] Там же.

1403 гг.: Лисицкий, Коневский, Валаамский, Ксенофонтов и Видогощский); 2) монастыри, возникшие как общежительные в 1410–1420-х гг. (приблизительно между 1411 и 1421 гг.: Клопский, Вяжищский, Мостищский, Воскресенский на Красном Поле, Савво-Вишерский, Никольский на Холопьем городке, Отенский, Богоявленский на Водской дороге), и, наконец, 3) обители, созданные при владыке Ионе (1463–1470 гг.: Соловецкий, Николо-Островский, Спасский Нерукотворного образа с Поля). Между прочим, говорить о «монастырской колонизации» Русского Севера вне истории общежительного движения невозможно, а, следовательно, более ранние чем конец XIV в. даты основания северных обителей нуждаются в корректировке[41].

Таким образом, можно полагать, что появление (или возобновление, если вспомнить о ранней истории Антониева монастыря) общежительных обителей в Новгородских землях следует датировать временем архиепископства владыки Иоанна (1388–1415), причем после его задержания в Москве при митрополите Киприане (1403) наступает перерыв до нового смягчения отношений с Москвой после приезда на Русь митрополита Фотия и новгородского посольства в Москву (1410/1411 г.). За период после кончины архиепископа Симеона (1421) и до поставления архиепископа Ионы (1459) о новых общежительных монастырях в Новгородской республике сведений нет (в частности, Соловецкий монастырь, очевидно, основанный еще в 1430-х гг., был официально признан только при Ионе)[42].

С другой стороны, нам неизвестно, в какое время приняли общежительный устав основанные ранее монастыри, кроме упоминавшегося выше Антониева (Хутынский, Радоковицкий, Кириллов, Лятский, Борисоглебский на Гзени, Зверин, Лазарев, Духов, Воскресенский на Мячине, предположительно Петропавловский на Синичьей горе), но отсутствие упоминания их в перечне 1528 г. позволяет думать, что к этому времени реформа в них уже была проведена.

Общежительные монастыри основывались на принципе отказа иноков от какой-либо личной собственности, не исключая пищи и одежды, и на принципе равного обязательного участия всех монахов во всех службах и работах, включая переписывание и хранение книг. Именно возникшие в общежительных монастырях библиотеки и скриптории постепенно начали определять тип древнерусской культуры в целом с середины XIV в., а в новгородской традиции чуть позже, с конца 1380-х гг.

[41] Применительно к Валаамскому монастырю такого рода пересмотр уже успешно осуществлен: *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996.

[42] *Дмитриева Р. П.* О раннем периоде истории Соловецкого монастыря в Житиях Зосимы и Савватия и в списках Соловецкого летописца // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 94–98.

Среди новгородских монастырей, наряду с разделением по принципу юрисдикции (городские кончанские – «владычные») или по типу организации (келлиотские – общежительные), можно выделить группу обителей, основанных выходцами из других древнерусских княжеств и, возможно, выполнявших также некоторые дипломатические и политические функции. Если для Савво-Вишерского монастыря, основанного, очевидно, выходцем из Тверского княжества Саввой Бороздиным, или для Папороцкого Николаевского монастыря, основанного в 1404 г. некиим Перфурием Камьским (видимо, выходцем с Камы) мы пока не можем говорить о представительстве ими интересов той или другой земли, то для Клопского монастыря связь его с интересами московской внешней политики представляется весьма вероятной.

Московская ориентация иноков Клопского монастыря находит многочисленные подтверждения в источниках. Сам приезд князя Константина Дмитриевича в только что основанный монастырь и строительство им каменной Троицкой церкви вместо деревянной, наряду с московским происхождением Михаила Клопского, уже в достаточной мере свидетельствуют об этом. Кроме того, «шестником» (пришельцем из другой земли, не новгородцем) был и первый игумен Клопской обители Феодосии, нареченный архиепископ Новгорода в 1421–1423 гг. Можно полагать, что он пришел к власти в результате народных волнений летом 1421 г., когда неревская посадничья династия Онцифоровичей вместе с представителями Славенского конца и монахами Троицкого Клопского монастыря (с маячившей за их спиной Москвой) выступили союзниками и добились успеха, хотя и временного. Связь Онцифоровичей с Троицкой обителью подтверждается, между прочим, тем фактом, что в Синодике Клопского монастыря 1660 г. читаются имена представителей этого рода[43]. Таким образом, надо полагать, что Феодосии Клопский, игумен монастыря с промосковской ориентацией, занял архиепископскую кафедру не столько в результате народных волнений, когда, по мнению Л. А. Дмитриева, «боярство было вынуждено пойти на некоторые уступки народным массам», сколько в связи с победой одной боярской группировки (неревско-славенской) над другой («прусско-плотницкой» – Людин, Загородский и Плотницкий концы). В этой связи, вероятно, должна быть в какой-то степени пересмотрена или смягчена точка зрения Л. А. Дмитриева, согласно которой отсутствие обширных земельных владений «определяло антибоярскую позицию монастыря, его связь с демократическими слоями

[43] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 16.

новгородского населения»[44]. Уже через два года после избрания владыка Феодосии был вынужден вернуться в свою обитель. Автор Жития Михаила Клопского прямо указывает: «Сведоша его с сеней боари». Согласно Новгородской четвертой летописи, мотивировалось его смещение с кафедры так: «Не хотим шестника владыкою». Феодосии был чужим, пришельцем в Новгороде, и это обстоятельство было использовано его политическими противниками, взявшими реванш за неудачу двухгодичной давности. Победившая сторона не только добилась смещения владыки, но и провела редактирование официальной владычной летописи, созданной при Феодосии Клопском.

Ранний период истории Клопского монастыря был бурным и насыщенным. Вовлеченность его представителей в «мирские страсти» своего времени не вызывает сомнений. Конечно, не случайно вскоре после присоединения Новгорода к Москве, когда Иваном III в целом проводилась политика конфискации новгородских монастырских земель, Клопской обители, наоборот, были пожалованы новые земельные владения: «московские князья не забыли заслуг Клопского монастыря»[45].

Система новгородских монастырей в последние годы независимости может быть с достаточной полнотой реконструирована на основании текстов Новгородских писцовых книг конца XV в., актового материала, летописных известий и записей на рукописных кодексах. Согласно предварительным данным, к концу XVв. в новгородских землях существовало, по крайней мере, 132 монастыря. В том числе 9 городских – в черте Окольного города, 49 пригородных – в пределах 30 верст от Новгорода, 69 – на территории новгородских пятин и 5 – на территории северных колоний республики.

[44] ПЛДР: Вторая половина XVвека. М., 1982. [Т. 5]. С. 618.

[45] Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 34.

ОЧЕРК 4

«СВЯТЫЕ ГОРЫ» ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: О СИМВОЛИЧЕСКИХ СМЫСЛАХ ПРИГОРОДНЫХ МОНАСТЫРЕЙ «НА ГОРАХ» [2017 г.]

Окружавшие кольцом Великий Новгород пригородные монастыри, по словам Д. С. Лихачева, образовывали «редкий по красоте архитектурного ритма хоровод строений», при этом сам город «оказывался в центре еще более грандиозного архитектурного замысла»[1]. Несмотря на равнинный характер местности в ближайших окрестностях Новгорода, здесь известно по крайней мере четыре монастыря, находившиеся, согласно их именованию, «на горах» или «на горках». Построенные на возвышенных местах, небольших всхолмлениях, эти обители являлись живописными доминантами в панораме новгородских пригородов.

Лисицкий Рождества Богородицы («на Лисьей, Лисичьей горке») монастырь. Основан в XII в. или в конце XIV в. (не позже 1389 г.). Находился на правом берегу Волхова, в 7 верстах от города, у р. Малый Волховец. Общежительный.

Сокольницкий Николаевский («на Сокольей горке») монастырь. Основан в 1389 г. Находился на правом берегу Волхова, в 1 версте от города, между р. Левошней и Федоровским ручьем.

Петра и Павла на Сильнище («на Синичьей горе») монастырь. Основан не позже конца XIV – XV в., хотя церковь была построена еще в 1185-1192 гг. Находился на левом берегу Волхова, за валом.

Воскресения Христова («с Красной горки») монастырь. Основан в 1415 г. Находился на правом берегу Волхова, в конце Никитиной улицы, за валом возле Плотницкого конца. В 1418 г. упоминается как общежительный[2].

---

[1] *Лихачев Д. С.* Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. М., 1959. С. 8-9.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 411 («общий манастырь»).

Все четыре монастыря «на горах» – пригородные, т. е. находились за пределами Окольного города («за валом»). Объединяет их и время основания или возобновления – конец XIV – начало XV в.

Очевидный смысл именования обителей по их реальному местонахождению «на горах» (возвышенностях) сочетается с неявной отсылкой к афонской традиции. Видимо, не случайно по крайней мере два расположенных «на горах» новгородских монастыря (Лисицкий и Воскресенский) уже в ранний период своей истории были не келлиотскими, как подавляющее большинство других обителей, а общежительными. Этот факт позволяет связать именование обителей как находящихся «на горах» с распространением в новгородских пределах общежительной традиции, пришедшей сюда со Святой горы.

Наибольшее значение в культурной жизни Новгорода имел монастырь на Лисьей горке. Из Жития преп. Арсения Коневского известно, что этот инок, постриженник Лисицкого монастыря, в конце XIV в. привёз с Афона Устав монастырский, а из приписки с Тактикону Никона Черногоца 1397 г. – что оригинал этой рукописи доставил оттуда же лисицкий игумен Иларион. Как Арсений, так и Иларион привезли афонские рукописи не в свой монастырь, а к новгородскому архиепископу Иоанну, который велел сделать с них копии, поэтому можно предполагать покровительство общежительному движению со стороны владыки[3]. Сведения о появлении в Новгороде и его окрестностях киновий позволяют установить, что первая волна распространения общежительства датируется периодом архиепископства владыки Иоанна (1388–1415 гг.), и именно к этому времени относится появление обителей «на горах».

Наконец, еще один символический смысл именования пригородных новгородских обителей монастырями «на горах» заключается в соотнесении их с «горним» миром, сферой духовных сущностей. В этом смысле небольшие холмы в окрестностях Новгорода сближаются со священными горами библейской традиции.

[3] *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 36–40.

ЧАСТЬ 2

ЛЮДИ И КНИГИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

ОЧЕРК 1

«ПОВЕСТИ ДРЕВНИХ ЛЕТ»
[2003 г.]

В нашей истории не много эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославова двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины.

В. О. Ключевский[1]

1. Волоколамский сборник

Для истории литературы и книжности Великого Новгорода значительный интерес представляет подборка текстов, содержащаяся в рукописи РГБ. Ф. 113. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 659 (далее – Волоколамский сборник), составленной в 1536 г. по повелению игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына[2]. Эта рукопись является конволютом, составленным из тетрадей, написанных разными почерками и в разное время[3]. Как отметила Р. П. Дмитриева, Волоколамский сборник составлен «из статей, по преимуществу написанных в 20–30-е гг. XVI в. и привезенных из Новгорода и из Москвы»[4].

[1] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 162.

[2] *Дмитриева Р. П.* Нифонт Кормилицын // СККДР. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 141–144. Нифонт был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря в 1522–1543 гг.

[3] Сборник, XVI в. 614 л. 4° (195×135 мм). Переплет XVI в. – доски в коже с тиснением, в обрез, застежки утрачены. На верхней крышке переплета сохранились три из четырех медные жуковины, а на нижней – две. На корешке переплета – бумажная наклейка с надписью «Рукопись Волок. Б-ки № 659». Согласно оглавлению («Главы настоящия книгы сея Соборникъ»), находящемуся на л. 1–2, содержит 58 глав. На л. 2 об. запись «В лѣто 7044 [1536] съвръшися книга сиа Съборник повѣлѣнием и благословением господина отца нашего игумена Нифонта при дръжавѣ благовѣрнаго великого князя Ивана Васильевича всея Русии и при архиепископѣ Макарьи Великаго Новаграда и Пъскова».

[4] *Дмитриева Р. П.* Нифонт Кормилицын. С. 142.

Среди материалов, включенных в рукопись, есть немало статей новгородской тематики и происхождения, но в данном исследовании мы уделим особое внимание текстам, находящимся в двух вставленных в сборник тетрадях 30-х гг. XVI в., переписанных одним почерком (л. 352–367 об.)[5]. Эти тексты посвящены не только новгородским, но и афонским (святогорским) подвижникам и святыням, однако рассматривать их следует вместе, так как они в совокупности представляют собой внутри Волоколамского сборника особый «новгородско-афонский сборник» (далее – НАСб.)[6]. Согласно оглавлению рукописи, составленному, очевидно, в 1536 г., в НАСб. содержится 9 глав (№ 20–28)[7], однако же на самом деле всего их 11 (пропущена статья между 20-й и 21-й главами, не имеющая самоназвания – [Повесть о построении Благовещенской церкви], а также последняя, после 28-й главы, видимо, по причине дефектности – отсутствия окончания текста: «Воспоминание отчясти Святыя горы Афонския...»):

20 Повѣсть о Добрынѣ посадницѣ в Великом Новѣградѣ
[Б/н Повесть о построении Благовещенской церкви]
21 Повѣсть о церкви Пречистыа на Михалицѣ в Новградѣ //
22 Повѣсть како понамарь Софѣскои видѣнье видѣ
23 Повѣсть о архиепископѣ Ионѣ Новгородцком
24 Чудо преподобнаго Варлама иже на Хутынѣ
25 О Святогорском монастырѣ зовомем Иверскои
26 О другом Святогорском монастырѣ, еже есть Ватопедѣ
27 Повѣсть о старци, иже живяше въ Святои горѣ в шумѣ
28 Повѣсть о юннѣм старци и аввѣ, иже живяше въ Святои горѣ
[Б/н «Воспоминание отчясти Святыя горы Афонския»]

Волоколамский сборник в целом (и НАСб. в частности) был широко использован еще В. О. Ключевским в его знаменитом труде «Древнерусские жития святых как исторический источник». Исследователь отметил наличие в нем «рядом» четырех новгородских повестей: «о варяжской

[5] Обе тетради, по 8 листов каждая, переписаны одним почерком (беглый полуустав с элементами скорописи). Водяной знак – кабан (см.: Лихачев. Вод зн., № 3292 (1535 г.)).

[6] «Мы можем назвать сборником и такой свод произведений, которые в реальной рукописи под общим переплетом составляют только часть ее текста < > Если единым позднейшим переплетом объединены несколько рукописей разных почерков, то полное описание такого сборника представит интерес только для истории самой рукописи, для истории же текста понадобится описание только той ее части, которая написана одним почерком». (*Лихачев Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 248–249).

[7] В соответствии с оглавлением пронумерованы на полях рукописи и сами главы (см. Приложение).

божнице (иначе – Повесть о новгородском посаднике Добрыне. – *А. Б.)*, о Благовещенском монастыре, о просфоре (иначе – «Сказание о Михалицком монастыре». – *А. Б.)* и об архиепископе Ионе (пророчество блаженного Ионе в детстве. – *А. Б.)*», и заметил, что «по ссылкам, какие делает в них автор, видно, что *оне записаны одной рукой* (курсив мой. – *А. Б.)*. Так, в первой из них замечено: „сия ми поведа игумен Сергий Островского монастыря от св. Николы, отец Закхиев, нынешнего игумена Хутынского"; вторая начинается словами: „той же чудный муж Сергие поведа"», «третья: „Поведаше некто от благочестивых муж»; четвертая: „Поведа нам сам господин архиеп. Иона"»[8]. По мнению В. О. Ключевского, эти четыре повести были записаны «в конце 70-х или в 80-х гг. XV в., когда подчинение Новгорода Москве было решено и когда в нем стали обнаруживаться иконоборческие мнения жидовствующих»[9].

Еще один сборник, сходный по составу с Волоколамским, находится в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области (ГАЯО, № 1265, 1557–1558 гг.; далее – Ярославский сборник). Эта рукопись, переписанная, согласно записи на л. 90–90 об., «повелением» Григория Никифорова в 7066 (1557/1558) г. и вложенная в Михайловский Сковородский монастырь около Новгорода, была впервые описана В. В. Лукьяновым[10], а введена в научный оборот С. О. Шмидтом[11]. Среди статей Ярославского сборника находим все те сочинения и в том же порядке, что и в НАСб. (из них Повесть о посаднике Добрыне и первые четыре Афонские повести были изданы С. О. Шмидтом, причем сопоставление текстов НАСб. и Ярославского сборника свидетельствует о вторичности последнего).

Дополнительный материал для изучения цикла новгородских повестей был привлечен Л. А. Дмитриевым, указавшим, что в состав Волоколамского сборника входят не 4, а 6 легендарных новгородских сочинений (В. О. Ключевским не были отмечены «Видение пономаря Аарона» и Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных). Рассматривая, вслед за В. О. Ключевским, ту часть Волоколамского сборника, в которую входят перечисленные сочинения, как «цельную подборку легендарных нов-

[8] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 162–163.

[9] Там же. С. 164.

[10] *Лукьянов В. В.* Дополнение к книге: Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV–XX вв. Ярославль, 1957 (машинопись).

[11] *Шмидт С. О.* 1) Предания о чудесах при постройке Новгородской ропаты // Историко-археологический сборник: (К 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962. С. 319–325; 2) Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 148–152; 3) Сказания об Афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 355–363.

городских рассказов» и отмечая их «объединенность», Л. А. Дмитриев, однако, высказал сомнение в «принадлежности всех их одному автору»[12].

Кроме того, исследователь привлек к анализу еще 2 сборника схожего состава: РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 39, начала XIX в. (далее – Румянцевский сборник), и СПбИИ РАН, собр. Н. П. Лихачева, оп. 1, № 294, середины XVII в. (далее – Лихачевский сборник). В Румянцевском сборнике содержатся 5 первых новгородских сочинений (нет последнего – Чуда Варлаама Хутынского о двух осужденных), причем они, по мнению Л. А. Дмитриева, скопированы с Волоколамского списка: «Последовательность текстов такая же и разночтения ограничиваются орфографией»[13]. Что же касается Лихачевского сборника, то в нем помимо всех 6 известных по Волоколамскому сборнику текстов содержится еще ряд дополнительных новгородских сочинений: Сказание о чуде иконы Знамения; текст об Арсении Коневском; Предсказание Михаилом Клопским поставления во владыки Евфимию II; Житие Исидора Юрьевского и «Сказание о Мануиле Греческом». Как отметил Л. А. Дмитриев, «вся эта новгородская часть Лихачевского сборника требует специального исследования», однако «совершенно очевидно, что и Волоколамский сборник, и Лихачевский восходят к какому-то сборнику новгородских легендарных рассказов»[14].

Р. П. Дмитриева, отметив наличие в Волоколамском сборнике новгородских и псковских житий и сказаний, указала на близость его составителя кругу архиепископа Макария, а также заметила, что 2 сочинения из числа вошедших в анализируемые тетради, содержащие НАСб., – «Повесть о посаднике Добрыне» и «Повесть о Святогорском монастыре, зовомом Иверском» – были переписаны самим игуменом Нифонтом Кормилицыным в собственный сборник (РНБ. Q.XVII.15; далее – Нифонтовский сборник)[15].

Еще один сборник, чрезвычайно близкий по составу к НАСб., был подарен в 1973 г. рукописному отделу Института русского языка РАН (ф. I,

[12] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII– XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 171–172.

[13] Там же. С. 173. С. О. Шмидт предположил, что текст «Повести о посаднике Добрыне» в Румянцевском сборнике восходит к Нифонтовскому (РНБ, Q.XVII.15) (*Шмидт С. О.* Предания о чудесах... С. 320), но это не объясняет наличия в Румянцевском списке других новгородских повестей из НАСб., которых нет в Нифонтовском сборнике (см. подробнее ниже).

[14] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 174.

[15] *Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 215–216.

№ 20; далее– Институтский сборник)[16]. Эта рукопись первой половины XVII в. содержит не только все 6 новгородских сочинений, встречающихся и в НАСб. (главы расположены в том же порядке: л. 204 об.–213 об.), но и все 5 текстов, связанных со Святой горой (из них первый и последний тексты переписаны после остальных и отделены от них некоторыми другими статьями: л. 213 об.– 217, 218–221 об., 236 об.–239). Как было отмечено В. С. Голышенко, вновь обнаруженный сборник «отдельными своими частями близок по содержанию» к некоторым сборникам из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, в том числе и № 659[17]. Более того, практически полное совпадение приведенных в описании заглавий и инципитов статей Институтского сборника[18] с НАСб. позволяет предположить, что он напрямую восходит к анализируемому Волоколамскому сборнику.

Сравнив состав и последовательность новгородских статей Волоколамского и Лихачевского сборников, О. Л. Новикова пришла к убедительно аргументированному выводу о вторичности текста Лихачевского сборника, в котором сочинения выстроены в хронологическом порядке описываемых событий, а между ними «вставлены статьи летописного характера (но не всегда летописного происхождения), образующие смысловые связки между произведениями»[19]. По мнению О. Л. Новиковой, «подборка, помещенная в Лихачевском списке, получила свое окончательное оформление в этом списке – рукописи XVII века»[20].

Итак, с «новгородско-афонскими» статьями Волоколамского сборника связаны, как это было установлено разными исследователями, еще 5 сборников: Нифонтовский (конца первой половины XVI в.), Ярославский (1557–1558 г.), Институтский (первой половины XVII в.), Лихачевский (середины XVII в.) и Румянцевский (начала XIX в.). Все они, однако, имеют черты вторичности по отношению к НАСб., поэтому в дальнейшем основное внимание мы уделим новгородским текстам и более близкого к протографу, и более древнего Волоколамского сборника.

[16] *Голышенко В. С.* Сборник XVII в. из собрания Института русского языка АН СССР // Памятники русского языка: Исследования и публикации. М., 1979. С. 203–238.

[17] Там же. С. 230–231.

[18] Там же. С. 222–226.

[19] *Новикова О. Л.* Новгородские сборники XVI–XVII вв.: летописи, сказания, жития // РЛ. 2000. № 3. С. 79.

[20] Там же. С. 81.

2. «Новгородский цикл» Волоколамского сборника

Открывается «новгородский» раздел рукописи киноварным заголовком: «Повѣсти древних лѣтъ, яже съдѣяшася в Великомъ Новѣгородѣ». Несомненно, множественное число («повести») говорит о том, что этот заголовок относится не только к одной следующей далее Повести о варяжской божнице (о посаднике Добрыне), но и ко всему циклу. Рассмотрим сочинения, входящие в «новгородский цикл» Новгородско-Афонского сборника более пристально.

1) [Повесть о варяжской божнице (о посаднике Добрыне)].

Повесть находится в рукописи на л. 352–354 и озаглавлена «О посадникѣ Добрынѣ» (завершающий эпизод имеет отдельный заголовок – «О тои же ропатѣ», л. 353 об.). В научной литературе принято называть этот текст «Повестью о посаднике Добрыне» или «Повестью о варяжской божнице»[21]. В редакции Волоколамского сборника (Л. А. Дмитриев называет ее условно «первой») повесть известна еще в 5 списках: Нифонтовском, Ярославском, Институтском, Лихачевском и Румянцевском. Произведение неоднократно издавали исследователи древнерусской книжности: Н. М. Карамзин[22] и К. Ф. Калайдович[23] (оба – по Нифонтовскому сборнику), Г. Кушелев-Безбородко (т. е. Н. И. Костомаров) – по Румянцевскому сборнику[24], С. О. Шмидт – по Ярославскому сборнику[25], Л. А. Дмитриев – по Волоколамскому сборнику[26]. Кроме того, известны еще две другие редакции Повести, взаимоотношение которых с нашей, так называемой первой, редакцией требует еще дальнейшего рассмотрения[27].

---

[21] *Дмитриев Л. А.* Повесть о варяжской божнице // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 225–227.

[22] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е. изд. СПб., 1818. Т. 3. С. 154–155, примеч. 244; соврем. изд.: *Карамзин Н. М.* История государств Российского. М., 1991. Т. 2–3. С. 607–608 («из одной старинной книги Волоколамского монастыря»).

[23] [*Калайдович К. Ф.*] «Повести древних лет, яже содеяшася в Великом Новегороде. О посаднике Добрыне» (из древней рукописи) // Северный архив. 1827. Ч. 26. С. 196–200.

[24] Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. 1. С. 249–253.

[25] *Шмидт С. О.* Предания о чудесах... С. 319–325.

[26] Повесть о посаднике Добрыне // ПЛДР. М., 1982. [Т. 5]: Вторая половина XV в. С. 186–191, 598–599; Повесть о посаднике Добрыне // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV в. С. 22– 25, 492–493 (в обоих случаях – подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева).

[27] *Никольский А. И.* Сказания о двух новгородских чудесах из Жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня // ИОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 3. С. 98–116; *Рыбина Е. А.* Повесть о новгородском посаднике Добрыне // АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 79–85; *Дмитриев Л. А.* Повесть о варяжской божнице. С. 226.

Открывающая цикл Повесть о посаднике Добрыне начинается словами: «В лѣта благочестивых великих князеи наших русскыхъ, живущимъ новгородцемъ в своеи свободѣ и со всѣми землями в мѣре и совокуплении...». Эта фраза выглядит как вводная по отношению ко всей подборке новгородских текстов. Далее рассказывается история о строительстве в Новгороде западной церкви и наказании получившего мзду посадника Добрыни (он был утоплен вихрем в Волхове за содействие «немцам» и повеление перенести церковь Иоанна Предтечи на другое место). Завершается Повесть дополнительным чудом «О тои же ропатѣ», которое записавшему его книжнику «повѣда игумен Сергии Островьского манастыря от святого Николы, отець Закхиевъ, нынѣшнего игумена Хутиньского» (л. 353 об.). Указание на игуменство Сергия и Закхея позволяет датировать письменную фиксацию легенды концом 70-х гг. XV в. (см. подробнее ниже).

2) [Повесть о построении Благовещенской церкви].

Повесть находится в Волоколамской рукописи на л. 354–356 и озаглавлена следующим образом: «Тои же ми чюдныи муж Сергие повѣда о Благовѣщенскои церкви манастыря Благовѣщенского, юже создаша два брата по плоти, потом же оба бывша архиепископи Великому Новугороду, именемъ Григории и Иванъ». В научной литературе принято называть этот текст «Повестью о построении Благовещенской церкви» или «Повестью о Благовещенской церкви». Произведение в ряде списков присоединено к Житию Иоанна Новгородского, но встречается и в отдельных списках. Повесть возникла независимо от Жития Иоанна; известна в единственной редакции[28]. Произведение неоднократно публиковалось по разным спискам (но не по Волоколамскому): Г. Кушелевым-Безбородко (т. е. Н. И. Костомаровым)[29], издателями Великих Миней Четьих митрополита Макария[30], Л. А. Дмитриевым[31]. Датировка письменной фиксации этой новгородской легенды концом 1470-х гг. также определяется указанием («Тои же ми чюдныи муж Сергие повѣда») на ее рассказчика, игумена Николо-Островского монастыря Сергия (см. подробнее ниже).

[28] *Дмитриев Л. А.* Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием // СККДР. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 267–268.

[29] Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 1. С. 255–256.

[30] Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 345–347.

[31] Повесть о Благовещенской церкви // ПЛДР. М., 1981. [Т. 4] XIV – середина XV в. С. 464–467, 584–585, Повесть о Благовещенской церкви // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. XIV – середина XV в. С. 460–463, 570–571 (в обоих случаях – подготовка текста по списку БАН, 34.4.1 (XVII в.), перевод и комментарии Л. А. Дмитриева).

3) [Повесть о Михалицком монастыре].

Повесть находится в Волоколамской рукописи на л. 356–357 и озаглавлена следующим образом: «Сие же о церкви Пречистыя честнаго ея Рожества, яже есть в манастыри женьстемь на Михалицѣ, так зовемъ от искони». Ссылка на рассказчика в начале Повести явно напоминает ссылки книжника на рассказы игумена Сергия в двух предыдущих повестях («Повѣда ми нѣкто от честных о церкви пречистыя, яже есть в манастыри на Мѣхалицѣ, сице...»; л. 356). В XVII в. Повесть о Михалицком монастыре была включена в состав Новгородской третьей летописи («Летописец Новгородский церквам Божиим») под 1199 г.[32], однако ее списки, более древние, чем содержащийся в Волоколамском сборнике, неизвестны. Повесть текстологически не изучена; издавалась только в летописной версии. Для датировки письменной фиксации легенды нет прямых оснований; заметим лишь, что указание в конце Повести на строительство «трапезы» в монастыре может относиться ко времени только после начала распространения общежительных монастырей в Новгородской земле (скорее всего, к XV в.). Если верить свидетельству Новгородской второй летописи, в 6987 (1479) г. в Михалицком монастыре была заложена каменная церковь Рождества Богородицы[33], что могло привлечь внимание книжника, записывавшего новгородские легенды, к истории этой обители.

4) [Видение пономаря Аарона].

Произведение находится в Волоколамской рукописи на л. 357–357 об. и не имеет заглавия (нач.: «При архиепископѣ Еуфимии Новгородцкомъ въ едину нощь видѣ понамарь Софѣискои инок Аронъ не во снѣ, ни в привидѣнии, но явѣ...»). В XVI в. «Видение пономаря Аарона» было включено в состав Новгородской летописи Дубровского в статью 6966 (1458) г., но при этом отнесено к 6946 (1438) г.[34], а в XVII в. – в состав Новгородской третьей летописи («Летописец Новгородский церквам Божиим») под 6947 (1439) г.[35] Древнейший список «Видения» находится в Волоколамском сборнике. Сочинение текстологически не изучено; издавалось только в летописных версиях. Пономарь инок Аарон был отождествлен В. В. Филатовым с иконописцем иноком Аароном, написавшим в 1439 г. икону «Архангел Гавриил» для ико-

[32] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 198–200.
[33] Там же. С. 57.
[34] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 491.
[35] Новгородские летописи. С. 271–272.

ностаса Софийского собора «повеленьем» архиепископа Евфимия[36]. Как отметил Л. А. Дмитриев, в Лихачевском сборнике текст «Видения пономаря Аарона» читается в другой версии: повествование о чуде в Софийском соборе ведется от первого лица как рассказ самого Аарона («Аз же, смиренный инок Арон понамарь, от страха падох...»)[37]. Возможно, письменная фиксация книжником сюжета о чуде в Софийском соборе 1439 г. также была основана на устном рассказе самого пономаря Аарона.

5) [Предсказание архиепископу Ионе].

Рассказ о предсказании будущего архиепископства Ионе некиим блаженным находится в Волоколамской рукописи на л. 357 об. – 358 об. и озаглавлен так: «О архиепископѣ Ионѣ Новгородцкомъ». Ссылка на рассказчика в начале текста, бесспорно, напоминает ссылки книжника на рассказы игумена Сергия в двух первых повестях цикла («Повѣда намъ самъ господинъ архиепископъ Иона...»; л. 357 об.). Рукописная традиция «Предсказания архиепископу Ионе» не изучена. В XVI в. сочинение под названием «Сказание о архиепископѣ Новгородскомъ Ионе» было включено в Новгородскую летопись Дубровского (под 6967 (1459) г.)[38]. Существует список, сделанный в 1529–1531 гг. рукой Михаила Медоварцева[39] (БАН, Архангельское собр., Д. 193, л. 460–460 об., на полях)[40]. В этом списке названо имя юродивого («блаженныи старец Михаил Клопскии уродом ся творя»), но пропущено указание на то, что взявшая на воспитание сироту Ивана (будущего архиепископа Иону) Наталья Медоварцева была бабкой писца («а Михаиловѣ бабѣ» – НАСб., л. 358–358 об.).

Письменная фиксация рассказа архиепископа Ионы произошла после его кончины в 1471 г., так как в конце текста указано, что он «бысть на архиепископьствѣ 12 лѣт и шесть месяць» (НАСб., л. 358 об.). Хотя имя блаженного, предсказавшего Ионе будущее, в НАСб. не названо, для Михаила Медоварцева, а также для составителя версии Лихачевского сборника (см.: СПбИИ РАН, собр. Н. П. Лихачева, оп. 1, № 294, л. 48 об. – 49) и для автора Жития архиепископа Ионы (другое название – Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском) было ясно, что им являлся именно св. Михаил Клопский.

[36] *Филатов В. В.* Иконостас Софийского собора // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 63–82.

[37] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера... С. 174.

[38] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 492–493.

[39] *Дмитриева Р. П.* Медоварцев Михаил // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 109–113.

[40] *Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 313–314.

В Житие архиепископа Ионы данный эпизод вошел в варианте, бесспорно напрямую восходящем к тексту «О архиепископѣ Ионѣ Новгородцкомъ» в НАСб.:

Предсказание Ионе (НАСб)	Житие архиепископа Ионы
Дѣти же устремившеся на него всѣ, и начаша метати камение и сметие на очи его	...вси дѣтие < > измѣтаемая из домовъ сметиа на главу безумнѣ възметаху и камение по ногах метаху ему < >
А мнѣ стоящу на единомъ мѣсти недвижимо	дѣтищу же сему стоящу на мѣстѣ укромнѣ < >
Он же < > притече ко мнѣ и взем мя за власы, да поднялъ выше себе	притекъ бо взять отрочища сего за власы, и подъемъ его вышши себе, въпиаше ему
«Иванецъ, учися Господне грамотѣ с прилежаниемъ, быти тебѣ в Великомъ Новѣгородѣ архиепископомъ»	«Иване, < > учи книгы прилѣжно, имаши бо великому граду сему архиепископъ быти»[1)]

[1)] Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. Вторая половина XV в. С. 236 (подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской).

Таким образом, можно утверждать, что письменная фиксация рассказа самого Ионы о предсказании ему архиепископства уже существовала к моменту создания его Жития и явилась одним из источников этого агиографического сочинения. Вопрос о времени создания Жития архиепископа Ионы не решен окончательно, но в любом случае «несомненно <...>, что в основе известных редакций Жития Ионы Новгородского лежит произведение современника»[41]. Возможно, Житие было создано уже в 1472–1473 г., так как в нем говорится: «И второму лѣту уже исходящу по успении его и никтоже доднесь смрад обонявъ явися от гроба его»[42], но даже если создание Жития датировать несколько более поздним временем, все равно письменная фиксация его источника – рассказа Ионы должна быть отнесена к 70-м–началу 80-х гг. XV в. Между прочим, из Жития архиепископа Ионы известно, что этот владыка просил Пахомия Логофета написать Житие блаженного Михаила Клопского, но «не воз-

[41] *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 175. По поводу авторства Жития архиепископа Ионы в первоначальной редакции существуют сомнения: возможно, оно было написано самим Пахомием Сербом (см.: Там же. С. 175–176).

[42] Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском. С. 252. Правда, по мнению Я. С. Лурье, Житие Ионы Новгородского написано после 1480 г., так как в нем содержится предсказание об освобождении Руси «от ординских царей» (*Лурье Я. С.* Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 192–193).

може его принудите»[43]. Можно полагать, что, пытаясь «принудить» агиографа написать Житие Михаила, Иона должен был рассказать ему об этом предсказании.

6) [Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных].

Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных находится на л. 358 об. – 360 Волоколамского сборника. Оно озаглавлено в рукописи следующим образом: «От чюдес преподобнаго чюдотворца Варлама Хутынского, яже множества ради чюдес его не написана быша сия». Статья встречается в рукописной традиции как отдельная либо в составе Жития Варлаама Хутынского. По мнению Л. А. Дмитриева, Пахомий Логофет в 1470-х гг., перерабатывая собственную более раннюю редакцию Жития Варлаама Хутынского, включил в нее дополнительные чудеса, в том числе и данное Чудо о двух осужденных[44]. Таким образом, и это сочинение, очевидно, получило письменную фиксацию лишь в 1470-х гг. сначала в виде отдельной статьи, а потом было включено в состав новой версии Жития преподобного Варлаама.

3. «Святогорский цикл» Волоколамского сборника

Вслед за 6 сочинениями, повествующими о новгородских подвижниках и святынях, в составе НАСб. следуют 5 текстов о Святогорских обителях. Хотя заголовок «Повѣсти древних лѣтъ, яже съдѣяшася в Великомъ Новѣгородѣ», очевидно, может относиться только к «новгородским» сочинениям сборника, рассмотрение этих «афонских» текстов важно для установления литературного окружения и истории складывания интересующего нас цикла. Связь новгородского и афонского (святогорского) циклов сочинений в пределах одного сборника представляется нам не случайной. Как отметил Г. И. Вздорнов, еще на рубеже XIV и XV вв. культурные контакты Новгорода осуществлялись преимущественно с Афоном, в то время как Москвы – с Константинополем (Царьградом)[45]. Не позже 1438 г. архиепископ Новгородский Евфимий II пригласил с Афона священноинока Пахомия Логофета[46]. Известны также другие

[43] Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском. С. 250. Ср. Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 33.

[44] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера. С. 31, 33–34.

[45] *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV и XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 181.

[46] *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб. С. 167. Время приезда Пахомия в Новгород определяется по наличию его сочинений в датированной ноябрьской служебной Минее 1438 г. (РНБ, Софийское собр., № 191).

факты, свидетельствующие о существовании новгородско-афонских культурных связей, осуществлявшихся в то время главным образом иноками Лисицкого монастыря[47]. Обратимся теперь к самим «святогорским» текстам анализируемого сборника и попытаемся выяснить, когда они могли проникнуть в древнерусскую рукописную книжность.

1) [Сказание о иконе Богоматери Иверской].

Сочинение, которое в научной традиции принято называть «Сказание о иконе Богоматери Иверской», находится в Волоколамском сборнике на л. 360 об.–363 об. Оно озаглавлено в рукописи так: «О Святогорьскомъ монастыри, зовомем Иверскои, в нем же церкви Успение Пречистыя».

В древнерусской книжности, как указал Д. М. Буланин, существуют три варианта предания о происхождении «одной из самых знаменитых святынь православного мира – чудотворной иконы Божьей матери, находящейся в Иверском Афонском монастыре»[48]. Первый из них, раньше остальных появляющийся в составе древнерусских сборников, – это и есть вариант, читающийся в НАСб.; он «появляется в рукописях XVI в. вместе с другими рассказами об афонских святынях»[49]. Среди рукописей, содержащих комплекс «афонских» текстов, Д. М. Буланин указывает уже упоминавшийся выше Ярославский сборник, а также рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 34 (новгородских статей в ней нет)[50]. Исследователь отметил, что в начале XVII в. Сказание о иконе Богоматери Иверской вместе с двумя другими сочинениями из нашего «святогорского цикла» (Повесть о Ватопедском монастыре и «Воспоминание отчасти Святыя горы Афонския...») попадают в позднее Троицкое собрание сочинений Максима Грека, что дало повод приписывать авторство этих сочинений этому писателю. «Между тем, – замечает Д. М. Буланин, – атрибуция (Сказания. – *А. Б.)* Максиму Греку не может быть признана достаточно убедительной. Против его авторства говорит и язык произведения, по определению А. И. Соболевского, „сбивающийся на русский", и тот факт, что в составе другой компилятивной статьи, надписанной именем Максима <...>, читается иной вариант Сказания. По-видимому, первый

[47] См.: *Бобров А. Г.* 1) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV–первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98, 2) Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 114–117.

[48] См.: *Буланин Д. М.* Сказание о иконе богоматери Иверской // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 362–365.

[49] Там же. С. 362.

[50] См.: Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 133–134 (№ 236 (34), Сборник, вторая половина XVI в., л. 394–397. О святогорских монастырях).

вариант был переведен в XVI в. в России, а может быть, записан со слов афонских монахов, часто в это время появляющихся в Москве»[51]. Текст «Сказания» наряду с другими «афонскими» сказаниями был опубликован по Ярославскому списку С. О. Шмидтом[52], высказавшим предположение, что они могли быть записаны около 1547 г., когда старец Софроний Грек из Савина монастыря близ Иерусалима и старец Синайской горы Григорий «сказывали» митрополиту Макарию повести о Савине монастыре и о Египте («Быть может, примерно к этому времени и относится запись публикуемых сказаний? Монахи афонских монастырей в те годы бывали в России, а Максиму Греку снова предоставили возможность вести „душеполезные" беседы»[53]). Так как Волоколамский сборник был создан в 1536 г., письменная фиксация «афонских» сказаний должна быть отнесена к более раннему времени, чем 1547 г.

2) [Повесть о Ватопедском монастыре].

Произведение, известное в научной литературе под названием «Повесть о Ватопедском монастыре»[54], находится в Волоколамском сборнике на л. 363 об.– 365 об. и озаглавлено так: «Сие же о другомъ манастыри Святогорскомъ, еже есть Ватопедѣ». Вариант повести из нашего сборника «появляется в рукописях XVI в. вместе с другими рассказами об афонских святынях»; эта версия «разделила судьбу Сказания об Иверской иконе Богоматери: в нач. XVII в. она попала в Троицкое собрание сочинений Максима Грека (под заглавием «О манастыре Ватопеди»), что дало повод А. И. Иванову приписать ему данный текст (оснований для этого недостаточно...)»[55]. По мнению Д. М. Буланина, «различные версии легенды о возникновении Ватопедского монастыря записывались на Руси со слов афонских иноков»[56]. Текст Повести опубликован С. О. Шмидтом по Ярославскому списку[57].

3) [О некоем старце].

Первый из двух рассказов святогорского старца Герасима в Волоколамском сборнике заглавия не имеет; находится на л. 365 об.–366 (нач.: «Повѣда нам старецъ от Святыя горы, именемъ Герасим, дивну вещь...»). Текст был опубликован С. О. Шмидтом по Ярославскому списку[58].

[51] *Буланин Д. М.* Сказание о иконе богоматери Иверской. С. 362–363.
[52] *Шмидт С. О.* Сказания об Афонских монастырях. С. 358–360.
[53] Там же. С. 358.
[54] *Буланин Д. М.* Повесть о Ватопедском монастыре // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 227–230.
[55] Там же. С. 228.
[56] Там же.
[57] *Шмидт С. О.* Сказания об Афонских монастырях. С. 361–362.
[58] Там же. С. 362.

4) [О старце Павле].

Второй из рассказов святогорского старца Герасима в рукописи никак не озаглавлен; находится на л. 366–367; начинается словами: «Тои же старец Герасим повѣда...». Его текст также публиковался только С. О. Шмидтом по Ярославскому списку[59]. По поводу обоих текстов исследователь заметил, что они, очевидно, входили в «первоначальный комплекс» сказаний об афонских монастырях, причем «сказания эти («поведания» старца Герасима) еще больше напоминают устные рассказы: в них приводятся бытовые подробности монастырской жизни, заметны элементы просторечия»[60]. По мнению С. О. Шмидта, «в основу сказаний (особенно о Павлове монастыре) положены рассказы, записанные со слов афонских монахов на Руси или русскими, побывавшими на Афоне»[61]. Для датировки письменной фиксации рассказов старца Герасима у нас нет достаточных оснований: афонский монах с таким именем по другим источникам неизвестен.

Попытаемся, однако, высказать осторожную догадку: не мог ли быть выходцем со Святой горы и рассказчиком этих историй известный книжник конца XV в. Герасим Поповка[62]? О том, где провел первую половину жизни Герасим Поповка, ничего не известно, но его младший брат, Дмитрий Герасимов (род. около 1465 г.), во всяком случае, в юности учился в Ливонии[63], а сам Герасим впервые появляется в русских источниках в 1487 г. уже как инок, авторитетный книжник, писец Патерика (ср. с патериковым характером рассказов старца Герасима в Волоколамском сборнике), посланного им из Новгорода Иосифу Волоцкому (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 657), а спустя два года он же («грѣшныи черньчишко») посылает волоколамскому игумену книгу «Житие и деяния Сильвестра папы Римского» «да бочкю лососеи, да полтора луба соли»[64]. Впоследствии Герасим Поповка в 1491 г. записал со слов доминиканца Вениамина рассказ о взятии Царьграда турками, а в 1499 г. руководил изготовлением Геннадиевской Библии[65]. Одна любопытная деталь заставляет вспомнить Герасима Поповку в связи с рассказом старца Герасима в НАСб. о безбородом основателе Павлова

[59] *Шмидт С. О.* Сказания об Афонских монастырях. С. 361–362.

[60] Там же. С. 357–358.

[61] Там же. С. 358.

[62] См. о нем: *Лурье Я. С.* Герасим Поповка // Словарь книжников. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 149–150.

[63] *Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Там же. С. 195.

[64] *Хрущов И.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. 262–263.

[65] *Лурье Я. С.* Герасим Поповка. С. 149.

монастыря на Афоне: в рукописи библейских книг 1490-х гг., посланной из Новгорода в Иосифо-Волоколамский монастырь, имеются два киноварных рисунка безбородых людей[66], что достаточно необычно для православной традиции.

Если рассказчиком этих историй действительно был Герасим Поповка, то они также могли получить письменную фиксацию в Новгороде в конце XV в.

5) [«Воспоминание отчасти святыя горы Афонския...»].

Текст, озаглавленный «Въспоминание отчясти Святыя горы Афонскыя, како наречена бысть Святая гора, и коихъ ради дѣлъ тако прозвася», находится на л. 367–367 об. Волоколамского сборника (окончание утрачено). Это апокрифическое сочинение о посещении Афона Богородицей в начале XVII в. было включено наряду с двумя другими «афонскими» сказаниями в Троицкое собрание сочинений Максима Грека, но его принадлежность перу этого писателя сомнительна. Древнейшие списки «Воспоминания» относятся к началу XVI в.; произведение остается неизданным[67]. Таким образом, этот текст проник в древнерусскую книжность не позже начала XVI в., что хорошо согласуется с данными о времени письменной фиксации остальных сочинений «новгородско-афонского» цикла.

4. Датировка «Новгородского цикла»

Предложенная В. О. Ключевскогим датировка цикла новгородских повестей концом 70-х – 80-ми гг. XV в. основана на достаточно общих соображениях («написаны... когда подчинение Новгорода Москве было решено и когда в нем стали обнаруживаться иконоборческие мнения жидовствующих»)[68]. Широкую датировку создания цикла дают упоминание в тексте кончины архиепископа Ионы (т. е. после 1470 г.) и тот факт, что дошедшее в списке, вложенном игуменом Досифеем в Соловецкий монастырь в 1494 г. (РНБ, Соловецкое собр., № 500/519), Житие Иоанна Новгородского цитирует вошедшую в подборку Повесть о Благовещенской церкви (т. е. цикл сложился в известном нам составе не раньше 1470 и не позже 1494 гг.).

[66] РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 9, л. 2. Благодарю В. А. Ромодановскую, указавшую мне на этот факт.

[67] См.: *Троицкая Т. С.* Воспоминание отчасти святыя горы Афонския, како наречена бысть Святая гора и коих ради вин тако прозвася // Словарь книжников. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 142–144.

[68] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 164.

Для более точной датировки письменной фиксации анализируемого цикла повестей и сказаний существенное значение имеют упоминаемые в нем имена двух новгородских игуменов – Сергия и его сына Закхея. В особенности выяснение биографии Закхея имеет принципиальное значение для истории новгородской литературы и книгописания последней трети XV в. В этом направлении многое уже сделано Н. А. Охотиной-Линд, опубликовавшей в 1992 г. отдельную статью об этом книжнике, а также посвятившей его деятельности многие страницы своей монографии о Валаамском монастыре[69]. Основные выводы исследовательницы таковы.

Н. А. Охотина-Линд обнаружила и подробно проанализировала 5 переписанных иноком Закхеем рукописей: Слова Григория Богослова 1475 г., Закхеевское евангелие 1495 г., лицевое Евангелие конца XV в. (БАН, 13.1.26), Евангелие 1506–1507 гг. и Лицевое Евангелие 1523 г. Хотя перечисленные рукописи создавались на протяжении почти 50 лет, принадлежность их одному писцу не вызывает сомнений (отождествление почерков Евангелий 1495 г. и 1523 г. принадлежит автору этих строк, отождествление почерков в других рукописях осуществлено Н. А. Охотиной-Линд). Первые 3 рукописи, созданные в XV в., были переписаны на Валааме, Евангелие 1506–1507 гг. – в Хутынском монастыре под Новгородом, а Евангелие 1523 г. – в Коневском монастыре на Ладожском озере.

Валаамский книжник Закхей отождествляется Н. А. Охотиной-Линд с известным по ряду источников («Повесть о посаднике Добрыне», «Повесть о пономаре Тарасии», Жалованная грамота Палеостровскому монастырю) хутынским игуменом Закхеем. Существенным здесь оказывается обстоятельство, что, переписывая в Хутынском монастыре Евангелие 1506–1507 гг., Закхей в своей записи не упоминает о благословении игумена обители, следовательно, заключает исследовательница, «в то время Закхей сам был хутынским игуменом»[70]. Действительно, в известном памятнике новгородской литературы начала XVI в. – «Видении пономаря Тарасия» – говорится, что видение это явилось хутынскому пономарю в 1505 г., он же «повѣда сие <...> тоя святыя обители игумену Закхеи и всеи братии...»[71]. В другом источнике – «Повести о посаднике Добрыне», как уже упоминалось, говорится: «Сия ми повѣда игумен Сергии Островьского манастыря от святого Николы, отець Закхиевъ, нынешнего игумена Хутиньского»[72]. Наконец, третий источник, привлекаемый в этой

[69] *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996.

[70] Там же. С. 141.

[71] Там же.

[72] Волоколамский сборник, л. 353 об. (изд.: ПЛДР. М., 1982. Вторая половина XV в. С. 190).

связи, – это Жалованная грамота хутынского игумена Закхея палеостровскому игумену Конону и палеостровским старцам о разрешении рыбной ловли на реке Челможе, впервые введенная в научный оборот Вадимом Ивановичем Корецким в 1958 г.[73]

Тот факт, что в 1475 и 1495 гг. Закхей переписывает рукописи на Валааме (последнюю – для Хутынского монастыря), а под 1505 г. он упоминается как Хутынский игумен в «Повести о пономаре Тарасии», позволяет Н. А. Охотиной-Линд датировать «Повесть о посаднике Добрыне» и Жалованную грамоту Палеостровскому монастырю (где Закхей также фигурирует как Хутынский игумен) временем после 1495 г., но до 1523 г., когда Закхей уже в преклонном возрасте переписывает рукопись в Коневском монастыре. Биографию Закхея исследовательница реконструирует следующим образом: «Молодые годы инок Закхей, вероятно, сын игумена Островского монастыря Сергия, проводит в Валаамском монастыре. „Слова Григория Богослова“, переписанные им в 1475 г., выполнены еще молодым человеком. Позже Закхей вырабатывает еще два изысканных варианта почерка и становится писцом-каллиграфом, создающим настоящие книжные шедевры. В 1495 г. им переписывается на Валааме роскошное „Закхеевское Евангелие“, которое дается вкладом в Хутынский монастырь (не исключено, что в это время уже существовала перспектива перевода Закхея в этот новгородский монастырь в качестве игумена; может быть, этим вызвано и появление «панегирика» архиепископу Геннадию в записи на рукописи). В эти же годы, и, скорее всего, в том же месте, Закхей переписывает еще одно изумительное Евангелие (БАН, 13.1.26). <...> Вероятно, вскоре после 1495 г. Закхей становится игуменом одного из наиболее знаменитых новгородских монастырей – Спасо-Хутынского <...> Сохранилась переписанная им, хутынским игуменом, рукопись 1506/1507 г. В этом же качестве он упоминается в двух ярких произведениях литературы того времени: в „Видении хутынского пономаря“ <...> и в „Повести о посаднике Добрыне“. К этому же периоду его деятельности относится и грамота, выданная Палеостровскому монастырю»[74].

На первый взгляд, такое построение вполне логично и закономерно, однако в источниках имеются некоторые противоречащие ему факты, о чем я

[73] *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 450.

[74] *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 145.

уже кратко говорил в «Предисловии» к упомянутой книге Н. А. Охотиной-Линд[75]. Теперь я попытаюсь остановиться на этом подробнее.

Как уже упоминалось, в «Повести о посаднике Добрыне» говорится о том, что историю эту записавшему ее книжнику рассказал игумен Николо-Островского монастыря Сергий. Игумен Сергий Островский является одной из заметных фигур в истории древнерусской литературы. Это именно он «повѣда» некоему новгородскому книжнику еще одну историю, известную как «Повесть о Благовещенской церкви». Эта повесть прямо начинается словами: «Тои же ми чюдныи муж Сергие повѣда о Благовѣщенскои церкви...», и это объясняется тем, что в сборниках она следует сразу за «Повестью о посаднике Добрыне». Таким образом, обе повести были рассказаны одним и тем же лицом и составляют определенное единство. Вопрос о том, в какие годы рассказчик двух повестей Сергий являлся игуменом Островского монастыря, довольно ясен: в этом качестве он упоминается в трех давно опубликованных новгородских грамотах, бесспорно датируемых 1460–1470-ми гг.[76] Его сын Закхей, названный «нынешним» игуменом Хутынского монастыря, казалось бы, в 1470–1480-х гг., согласно исследованию Н. А. Охотиной-Линд, был валаамским иноком. Однако упоминавшаяся выше недатированная грамота Хутынского игумена Закхея была дана Палеостровскому игумену Конону, а настоятельство самого Конона засвидетельствовано двумя грамотами с указанными в них датами 1477/1478 и 1478/1479 гг.[77] Таким образом, конец 1470-х гг. – это наиболее вероятное время письменной фиксации рассказанных игуменом Сергием новгородских легенд. Из датировки «Повести о Благовещенской церкви» (см. выше) очевидно, что игумен Сергий рассказывал свои истории составителю «Повестей древних лет» во всяком случае *до* 1494 г., а значит, и Закхей назван «нынешним» Хутынским игуменом не *после,* а *до* написания им на Валааме Закхеева евангелия 1495 г. В таком случае понятно, что заказ Хутынского монастыря Закхею на написание этой рукописи объясняется не предположительной «перспективой перевода Закхея в этот новгородский монастырь в качестве игумена», как думает Н. А. Охотина-Линд, а тем, что он уже был до этого хутынским настоятелем, именно поэтому он

[75] *Бобров А. Г.* Предисловие // *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 8–10 (1-я паг.).

[76] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 114, 117, 120; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 223–225.

[77] *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. С. 143; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 316.

и переписал на Валааме рукопись для своего бывшего монастыря. То, что в 1505–1507 гг. Закхей вновь становится игуменом на Хутыни, не является беспрецедентным: известно повторное игуменство в этой же обители Нафанаила – сначала в 1471–1475 гг., а затем вновь – в 1495 г.

Если письменная фиксация двух рассказов игумена Сергия может быть датирована концом 1470-х гг., то вполне вероятно, что тот же книжник записал и рассказ пономаря Аарона, вспоминающего, видимо, на старости лет, о чуде, бывшем в 1439 г., а также воспроизвел по памяти рассказ архиепископа Ионы, умершего в 1470 г.

Хронологически «Новгородский цикл» как бы пришел на смену летописанию, ведение которого с потерей независимости Новгорода в 1478 г. было вовсе прекращено. Однако уже в 1470-х гг. нет никаких указаний на «владычный» характер летописи, вполне очевидный до этого времени. Архиепископ Феофил, избранный на место умершего в 1470 г. Ионы, упоминается на всем протяжении летописного повествования за 1470-е гг. только 3 раза, там, где не упомянуть его было просто невозможно: при возведении на кафедру (1470 г.), при заключении Коростынского мира с Москвой (1471 г.) и при «поставлении» в архиепископа в Москве (1471 г.). В описании Шелонской битвы 1471 г. летописец даже явно осуждает действия архиепископской дружины: «Коневаа рать не пошла к пѣшеи рати на срокъ в пособие, зане же владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: „Владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути; послалъ насъ владыка на Псковичь“».

Следует отметить, что предшествующее 1470 г. официальное «владычное» летописание дошло до нас в составе так называемой Летописи Авраамки, и с литературной точки зрения оно является произведением незаурядным. Летописец охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов («тои день благъ, и светелъ, и радостенъ»; «святителя честьна, смирена, благоумна»; «мужа честьна, проста и тиха»; «бысть дни снежны, бурны, студены, бестравны» и др.); ритмизацию повествования и глагольные рифмы. Не вызывает сомнения тот факт, что автор известий «Летописи Авраамки» за период до 1469 г. был официальным «владычным» летописцем, весьма искушенным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный «экспрессивно-эмоциональный» стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями (например, «малъ векъ, кратко время!»), цитатами из церковной службы и Священного Писания. Мною на основании стилистических сопоставлений было высказано

предположение, что этим летописцем был знаменитый писатель XV в. Пахомий Логофет[78].

Складывается впечатление, что составитель известий «Летописи Авраамки» за период перед 1469 г. был последним «владычным» летописцем, а с 1470 г. ведение летописания передается в руки магистрата. В этой связи существенно, что в некоторых текстах цикла новгородских повестей можно, наряду с антилатинскими настроениями, видеть и антипосадничьи выпады («Повесть о посаднике Добрыне»). Связь создания «Новгородского цикла» со спорами 1470–1480-х гг. о выборе между Западом и Москвой представляется очевидной, причем позиция его составителя – в целом антизападная и лояльная по отношению к московским князьям. Именно этот состоящий из 6 фрагментов памятник был назван его составителем «Повестью древних лет».

5. Атрибуция «Новгородского цикла»

Вопрос о вероятном составителе цикла новгородских повестей Волоколамского сборника пока в научной литературе не обсуждался. Установление времени создания «Новгородского цикла», вообще говоря, уже само подводит нас и к догадке о его авторе. В 1470–1480-х гг. в Новгороде был, насколько нам известно, один книжник, профессионально интересовавшийся сведениями о жизни новгородских святых и об истории основанных ими обителей; автор, перу которого принадлежат Жития и Службы Варлаама Хутынского, Саввы Вишерского, архиепископов Иоанна, Моисея, Евфимия II и Ионы, и, между прочим, несмотря на свой интерес к новгородской истории, положительно относившийся к Москве, где он прожил многие годы, – это Пахомий Серб (Логофет). Из написанного им Жития архиепископа Моисея ясно, что сам Пахомий, прибывший в Новгород еще в 30-х гг. XV в., был жив по крайней мере в 1484 г., так как в нем говорится о случившемся в это время чуде с присланным из Москвы архиепископом Сергием, наказанным за свое неверие в новгородских святых.

Существуют 3 весомых аргумента в пользу того, что создателем подборки новгородских и афонских сказаний был именно Пахомий Серб. Во-первых, одна из статей цикла, засвидетельствованная как Волоколамским, так и Лихачевским сборниками, – это Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных. Как аргументированно предположил Л. А. Дмитриев,

[78] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 232–233; текст см.: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Стб. 197–224.

основываясь на совершенно других соображениях (а именно на анализе последовательности чудес в списках Жития), данный текст принадлежит перу Пахомия и был дополнительно включен им самим в собственную версию Жития в 1470-х гг. (см. об этом выше).

Во-вторых, из Жития архиепископа Ионы известно, что владыка просил Пахомия Логофета написать Житие Михаила Клопского, «но не возможе его принудити писати», в то время как в «Новгородском цикле» содержится рассказ архиепископа Ионы от первого лица, обращенный к автору подборки, о бывшем ему пророчестве будущего архипастырства Михаилом Клопским («Поведа нам сам господин архиепископ Иона...»). Естественно, «понуждая» агиографа взяться за перо, владыка Иона Новгородский и должен был рассказать ему эту историю.

Наконец, третье. В Волоколамском сборнике сразу вслед за 6 новгородскими историями тем же почерком и на той же бумаге переписано еще 5 других, посвященных Святой горе: «О Святогорском монастыре, зовомем Иверский», «О другом монастыре святогорском, еже есть Ватопеде», два рассказа святогорского старца Герасима – о гласе от образа Господня и о старце Павле, и «Воспоминание... святыя горы Афонския». Манера изложения в святогорском разделе, несомненно, напоминает манеру изложения в новгородской части: достаточно сказать, что мы видим ту же систему ссылок: «Поведа нам старец от Святыя горы, именем Герасим...», «Тои же старец Герасим поведа...». Конечно, этот факт заставляет нас вспомнить о происхождении Пахомия, пришедшего на Русь со Святой горы.

Стилистическое единство всего цикла позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что он написан одним книжником. В центре каждой из 11 историй находится чудо или чудесное знание (предсказание). Единство повествования новгородской части определяется не только общим заголовком («Повести древних лет») и одинаковой системой ссылок на рассказчиков, но и тем фактом, что только последний, шестой фрагмент (Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных) завершается формулой «ему же слава и ныне, и присно, и въ веки веком», а другие тексты соединяются фразами такого рода: «Сиа же дозде» – «Тои же ми чюдныи муж Сергие поведа»; ... – «Сие же о церкви Пречистыя»; ... «Приложимъ убо и сие к прочим преславным чюдодеиствам» и не имеют традиционных заключительных формул. «Новгородский цикл», озаглавленный в рукописи «Повесть древних лет», очевидно, представлял собой уникальное явление в истории древнерусской литературы. Некий новгородский книжник собрал и литературно обработал записи устных рассказов-легенд о местных подвижниках и монастырях, при этом зачастую сохранил форму повествования от первого лица или указание на рассказчика истории.

В то же время должно быть отмечено и стилистическое единство новгородских и афонских сказаний. Оно определяется, например, постоянным (к месту и не к месту) использованием слова «абие». Оно встречается в «новгородских» сказаниях цикла 6 раз («И абие стекошася множество народа на великии мостъ» (л. 353); «и абие въскорѣ томъ часѣ прииде туча з дождемъ и з градом» (л. 353 об.); «и абие страхомъ и радостию обьята быста, приступиста к коню» (л. 355); «абие опаляя их огнь, и многажды покусившеся пси приступити къ хлѣбу» (л. 356 об.); «абие идяше по улицы блаженъ мужо» (л. 358); «абие самъ стал, никим же молимъ, и нача народ благословляти и просити осуженнаго себѣ» (л. 359)), а в «афонских» – 9 раз («И абие принес ю на брег пристанища градцкаго»; «И се абие подняся честная она икона от воды»; «И се абие невидима бысть от очию его» (л. 361); «устремися взяти рукою икону, она же абие отскочи от руку его»; «И абие текохъ, скоро притече къ игумену» (л. 361 об.); «и се абие отрочя течяше пред ними въ купину» (л. 364 об.); «и абие родителие падше пред иконою» (л. 365); «и абие братья, вземше мощи его и, по повелѣнию его, повезоша на море в сандалии»; «и абие поиде судно особѣ, никим же направляемо» (л. 366 об.)). Постоянное и даже чрезмерное использование слова «абие» представляется характерной чертой, особенностью стиля именно того книжника, который создал цикл «новгородских» и «афонских» сказаний. Для сравнения заметим, что на всем протяжении текста Новгородской первой летописи старшего извода это слово употреблено только 2 раза[79].

«Неукрашенность» текстов «Новгородско-афонского сборника», сохранение в них повествования от первого лица и ссылок на рассказчиков позволяет видеть в них рабочие записи Пахомия Логофета, неоднократно упоминавшего в своих Житиях, как он расспрашивал разных людей о своих героях. Такие записи, очевидно, не предназначались для тиражирования, и действительно статьи, вошедшие в состав сборника, не получили широкого распространения в рукописной традиции; они известны по единичным спискам.

6. Место создания «Новгородского цикла»

Ссылки Пахомия Логофета на рассказы игумена Николо-Островского монастыря Сергия заставляют нас внимательнее рассмотреть, что из себя представляла эта обитель.

[79] A Concordance to The First Novgorod Chronicle (Synodal Edition) / Edited by Naoki Chujo. Nagoya, 1998. P. 10.

Дата основания Николо-Островского монастыря, находившегося на образованном рекой Вишерой и протокой островке (возле д. Родионово), нам точно неизвестна. В Новгородской первой летописи старшего извода находится известие под 6705 (1197) г.: «Томь же лѣтѣ постави церковь на острове святого Никифора Мартурии архепископъ», однако нет достаточных оснований для того, чтобы предполагать одновременное основание монастыря, а также для того, чтобы уверенно отождествлять упомянутый здесь «остров» с церковью св. Никифора и тот «остров», на котором мы позже, в XV в., обнаруживаем Николаевский Островский монастырь. Даже если церковь, основанная «на острове» в 1197 г., действительно имела посвящение св. Николаю, монастырь здесь достоверно фиксируется как летописью, так и актовым материалом только начиная с 60-х гг. XV в. Именно в это время обитель и выступает в качестве книжного центра.

Особый интерес к этому монастырю проявляет автор заключительной части «Летописи Авраамки», который, как уже говорилось, может быть предположительно отождествлен с Пахомием Логофетом. Под 6971 (1463) г. этот автор отмечает следующее событие: «Того же лѣта подписываша церковь святого Николы на Островкѣ, повелѣниемь и тщаниемъ и вѣрою еже къ святому Николѣ рабомъ Божиимъ Пуминомъ, ключника владычня архиепископа Ионы, но неуспѣша написать зимы ради».

Именно с этим владычным ключником Пименом связана одна из наиболее замечательных рукописей XV в. – «Островское евангелие» 1468 г. (Московский областной краеведческий музей, г. Истра, Инв. 7344/Б 651 З.В.70). На л. 363–363 об. этой пергаменной лицевой рукописной книги находится запись рукой писца: «В лѣт(о) 6976 [1468] индик(та) 1 написана бы(сть) книга сиа св(вя)тое Еу(анге)лие в Великом Новѣград(ѣ) при великом князи Иванѣ Васил(ь)евич(и) и при архиеп(и)с(ко)пѣ Великог(о) Новаград(а) и Пскова вл(а)д(ы)кы Ионы, повѣлением раба Б(о)жиа с(вя)щенноинока Пимена, влад(ы)чня ключника хлѣбного».

Как отметила Э. С. Смирнова, «ключник Пимен, работавший при дворе архиепископа Ионы, вошел в историю своей активной политической деятельностью. Он был сторонником Марфы Борецкой в борьбе против присоединения Новгорода к Москве, агитировал за союз с Литвой и мечтал сам занять владычный престол, однако потерпел жестокую неудачу, о которой язвительно рассказал промосковски настроенный составитель летописи»[80]. Как запись на «Островском евангелии» 1468 г., так и известие «Летописи Авраамки» 1463 г. свидетельствуют о тесной связи ключника

[80] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. С. 106–107.

Пимена, этого яркого деятеля новгородской политики и культуры, с Николо-Островским монастырем.

Далее, вслед за известием 1463 г. о росписи церкви св. Николая, в «Летописи Авраамки» помещен подробный рассказ о видении, бывшем старцу Акинфу «у святого Николы чюдотворнаго на островкѣ» 1 апреля 6972 (1464) г., «в Великъ день», при игумене «Десефѣе». Сходные по характеру рассказы другого, видимо, следующего игумена Николо-Островского монастыря, Сергия, как мы отметили выше, были использованы при создании «Новгородского цикла».

Сведения, содержащиеся в НАСб., позволяют представить себе тот круг новгородских книжников, во главе которого стоял один из крупнейших писателей Древней Руси Пахомий Логофет. Во всяком случае, игумен Николо-Островского монастыря Сергий, отец писца Закхея, был собеседником афонского старца, и два его рассказа были включены в «Новгородский цикл»; имя самого Закхея также упомянуто Пахомием как человека ему знакомого. Именно в Евангелии писца Закхея 1495 г. впервые в русской книжности появляется заставка византийского орнамента, встречающегося в греческих рукописях XIV в. Можно полагать, что истоки обращения книгописца Закхея к византийскому орнаменту должны быть поставлены в связь с тем фактом, что Пахомий Серб прибыл в Новгород с Афона (он постоянно упоминал и даже подчеркивал это обстоятельство в своих сочинениях).

Теперь у нас есть основания связывать письменную фиксацию сказаний, вошедших в НАСб., с деятельностью Пахомия Логофета, записывавшего их в том числе и в Николо-Островской обители у ее игумена старца Сергия. Учитывая наличие в «Летописи Авраамки», к созданию которой, по нашему мнению, также был причастен Пахомий, пересказа еще одной местной николо-островской легенды (под 1464 г.), можно поставить вопрос о связи этого писателя с братией монастыря.

Библиотека Николаевского Островского монастыря, видимо, была достаточно богатой. По описи 1617 г. мы видим здесь «два евангилья напрестольные, на них распятие и еуангелисты медные», а также «36 книг бумажных, 3 книги харатейные», но особый интерес эта обитель вызывает как книжный центр, с которым были связаны имена ярких деятелей новгородской культуры второй половины XV в. – владычного ключника Пимена, игумена Сергия, Пахомия Логофета[81].

[81] См. подробнее о Николо-Островском монастыре как книжном центре: *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 70–73.

7. «Новгородский патерик»?

Однажды после обсуждения моего доклада на заседании Отдела древнерусской литературы о новгородских летописях XV в., в котором шла речь и о некоторых нелетописных памятниках, в частности о «Видении пономаря Аарона», Д. С. Лихачев сказал мне в частной беседе: «Имейте в виду, что в рукописях существует особый „Новгородский патерик"». Попытки обнаружить сведения о сочинении с таким названием были абсолютно безуспешны; в научной литературе упоминается о существовании только 4 непереводных оригинальных древнерусских патериков – Киево-Печерского, Псково-Печерского, Иосифо-Волоколамского и Соловецкого.

С другой стороны, в древнерусских рукописях известны многочисленные подборки глав или статей (главным образом житий, служб, повестей и сказаний), объединенных по тому или другому географическому принципу; известны в их числе и новгородские. Как правило, такие подборки имеют достаточно позднее происхождение, их списки относятся к XVI–XVII вв. Один замечательный лицевой сборник новгородских текстов, датируемый XVII в., имеется и в Древлехранилище им. В. И. Малышева Пушкинского Дома. Услышав о «Новгородском патерике», я подумал, что Д. С. Лихачев в переносном смысле имеет в виду подборки новгородских сочинений такого рода – разнородных по происхождению, сведенных вместе из разных сборников, не составляющих единой композиции. О. Л. Новикова указывает на существование в XVII в. многочисленных «софийских» сборников, в которых содержались произведения, связанные с новгородским Софийским собором и владычной кафедрой. Наиболее полный сборник такого рода, так называемый Егоровский (РГБ, собр. Егорова, № 1274), был создан в последней четверти XVII в. при новгородском митрополите Корнилии и содержит жития со службами владык Никиты, Нифонта, Антония, Моисея, Евфимия II, Ионы, Серапиона, новгородских святых Варлаама Хутынского, Михаила Клопского, Арсения и Николы Кочанова, а также «Краткий летописец новгородских владык», «Сказание о святой Софии», «Послание Василия Новгородского о рае» и др. Как отметила О. Л. Новикова, «при замене переплета Егоровской рукописи в конце XVIII века на ее корешке было сделано тиснение: „Патерик новгородский". Однако никаких данных о том, что это название было дано сборнику при его составлении, не обнаружено»[82]. Другой сборник,

[82] *Новикова О. Л.* Новгородские сборники XVI–XVII вв. С. 76–77.

имеющий самоназвание «Патерик новгородских чудотворцев», был составлен в 1831 г. Паисием Кривоборским в Михайловском Сковородском монастыре под Новгородом[83].

Таким же образом, говоря о «Новгородском патерике», Д. С. Лихачев мог иметь в виду, подобно книжникам конца XVIII–первой половины XIX в., именно подобные поздние сборники новгородских литературных памятников. Так я и думал долгое время, пока не начал более пристально заниматься подборкой сочинений Волоколамского сборника. Стало очевидным, что именно такого рода цикл новгородских сочинений мог иметь в виду Д. С. Лихачев в устной беседе, а также в своей знаменитой «Текстологии», когда писал: «История древнерусской литературы знает немало циклов произведений, объединенных каким-либо общим (географическим, хронологическим или тематическим) признаком. К сожалению, эти циклы изучаются крайне недостаточно. К таким циклам принадлежит цикл новгородских произведений XV в., изданных в свое время порознь Г. Кушелевым-Безбородко...»[84].

Итак, согласно нашим представлениям, подборка из 6 новгородских повестей в Волоколамском сборнике (и в некоторых других более поздних списках) представляет собой единое авторское произведение, имеющее самоназвание «Повести древних лет». Время его создания – конец 1470-х–1480-е гг. Его автором с достаточной степенью уверенности можно считать жившего на Руси сербского писателя Пахомия Логофета. Вероятно, в поздний новгородский период своей жизни (после 1462 г., когда он в очередной раз вернулся из Москвы) святогорец жил в Николо-Островском монастыре. Очевидно, что памятник должен быть осознан как единое произведение, и поэтому в Приложении к данному исследованию он напечатан в целостном виде, а не в виде отдельных фрагментов – повестей (некоторые, но не все из них были опубликованы в ПЛДР и БЛДР, но попали даже в разные тома).

На мой взгляд, приведенный материал свидетельствует о том, что Д. С. Лихачев справедливо указал в частной беседе на существование «Новгородского патерика», и в этом проявились как присущее ему глубокое знание древнерусской книжности, так и его блестящая научная интуиция.

[83] РНБ, собр. Александро-Невской Лавры, А–9. 1°. 215 л. Благодарю В. А. Ромодановскую за указание на эту рукопись.

[84] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 247.

8. Неовизантийский орнамент

Драматические перемены, произошедшие в жизни Новгорода в конце 70-х гг. XV в., не могли не сказаться и на всем характере его культуры. После 1478 г. в Новгороде полностью прекращается каменное строительство, возобновленное лишь в XVI в., прерываются ведение летописания и роспись храмов (монументальная живопись). Как отметила Э. С. Смирнова, «при таких обстоятельствах, похоже, вся творческая энергия художников обратилась к созданию произведений „малых форм", в частности книжного декора»[85]. Проанализировав развитие новгородского книжного искусства 1480–1490-х гг., Э. С. Смирнова обратила внимание на его наиболее существенную черту – воскрешение византийских традиций. Особое место в этом ряду занимает знаменитое Закхеевское евангелие 1495 г., переписанное на Валааме по заказу игумена новгородского Хутынского монастыря (БАН, 24.4.26). Именно в этом Евангелии впервые для Новгородских земель на смену балканскому орнаменту приходит другой стиль – византийский (или иначе «неовизантийский») орнамент[86]. По мнению Э. С. Смирновой, этот тип орнамента был «создан, сотворен в Москве в конце XV в. на протяжении 1480-х–начала 1490-х гг. как талантливый парафраз традиционного византийского узора»[87], хотя исследовательница не приводит фактов существования московских рукописей с византийским орнаментом, хронологически предшествующих Закхеевскому евангелию 1495 г. Надо сказать, что это не единственный случай в ее в целом замечательной книге, когда без доказательств предполагается приоритет Москвы в тех или иных аспектах развития книжного искусства при том, что реально дошедшие до наших дней рукописи новгородского происхождения древнее московских. Исследовательница исключительно высоко оценила значение Закхеевского евангелия в развитии книжного искусства Новгорода, отметив, например, что среди других валаамских рукописей «лицевое Евангелие апракос 1495 г., с его замечательным декором, сияет, как звезда»[88]. Обстоятельства написания Евангелия были изложены самим писцом: «Написана бысть божественаа сиа книга Четвероблаговѣстник

[85] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода. С. 113.

[86] Там же. С. 127.

[87] Там же. С. 129.

[88] Там же. С. 162. Писец этой рукописи Закхей оставил на последнем листе подробную запись, содержащую, в частности, похвалу архиепископу Геннадию (говорится, что рукопись переписана «при святѣищем преосвещеннѣм Генадии архиепископѣ великого Новаграда и Пскова, его же благословениемъ архиепископиа его миръ глубок приемлет, церкви же Божиа православиа одеждею свыше истканною одѣяся, исправлением его и учениемъ, и светлѣется паче солнечных зареи, и напаяется яко от источника присно-

в дому святого Спаса в манастыри на Валамѣ, по благословению господина игумена Якима, в дом святого Спаса и преподобнаго чюдотворца Варлама, в прѣчестнѣишую обитель на Хутино. Повелѣниемъ раба Божиа господина Нафанаила игумена и всего священнаго събора».

Каким же образом «кардинальная смена орнамента»[89], принципиальная новация для искусства Новгорода, осуществилась в рукописи, переписанной в хотя и знаменитом, но весьма отдаленном монастыре? Возвращаясь к Закхеевскому евангелию 1495 г., заметим, что появление нового «византийского» типа орнамента в нем должно теперь связываться с тем фактом, что его создатель Закхей прошел школу Хутынского монастыря, одного из крупнейших центров книгописания XV в. Сведения о реконструируемом «Новгородском цикле» (куда было включено и чудо Варлаама Хутынского) позволяют представить себе тот круг книжников, в котором получил образование Закхей. Несомненно, во главе этого круга новгородских книжников стоял один из крупнейших писателей Древней Руси Пахомий Логофет. Во всяком случае, отец Закхея игумен Островский Сергий был собеседником афонского старца, а имя самого Закхея упомянуто Пахомием как человека ему знакомого. Тот факт, что знаменитый агиограф прибыл в Новгород с Афона, позволяет полагать, что истоки обращения книгописца Закхея к византийскому орнаменту надо искать в его знакомстве с Пахомием Логофетом.

Падение Новгородской республики в 1478 г. явилось тем поворотным пунктом в русской истории, после которого необходимо было заново осознавать смысл происходящих событий. Создавая «Новгородский патерик» и примыкающие к нему афонские сказания, Пахомий Логофет как бы предложил своим читателям смотреть на мир не «внешними», а «сердечными» очами, увидеть его сокровенный чудесный смысл.

текуша. И съзывает вся с высоким проповѣданиемъ, глаголюшы „Жажаи да приидет къ мнѣ и пиет“» (л. 484)).

[89] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода. С. 126.

Приложение

РГБ. Ф. 113. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 659. Л. 352–367 об.

ПОВѢСТИ ДРЕВНИХ ЛѢТЪ,
яже съдѣяшася в Великомъ Новѣгородѣ

О посадникѣ Добрынѣ[1]

В лѣта благочестивых великих князеи наших русскыхъ, живущимъ Л. 352
новгородцемъ в своеи свободѣ и со всѣми землями в мѣре и совокуплении, прислаша нѣмцы от всѣх седмидесяти городов посла своего, биша челомъ архиепископу новгородцкому, и посадником, и тысяцкимъ, и всему Великому Новугороду, глаголюще: «Милыи наши съсѣды, дайте намъ мѣсто у себе, посредѣ Великого Новагорода, гдѣ поставити божница по нашеи вѣре и обычаю». И новгородцы отмолвиша и рекуще: «Милостию Божиею и его пречистыя Богоматери и отца нашего господина архиепископа благословением и молитвою у нас в вотчинѣ господы нашеи великих князеи русских, в Великом Новѣгородѣ, стоят всѣ церкви православныя нашеи вѣры христианьскиа. Ино кое причастие свѣту къ тмѣ, также и вашеи божницы быти как в нашем градѣ?».

Бѣ же тогда посадник степенныи, Добрыня именемъ. // И нѣмцы, Л. 352об.
слышавше жестокии отвѣтъ от архиепископа и от всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посул великъ. О семъ бо и Соломонъ рече: «Всѣ послушают злата». Посадник же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повели немцом говорите старостам купецкимъ и купцомъ новгородцкимъ: «Толко нашеи божницѣ, храму святых верховных апостолъ Петра и Павла не быти у вас в Великомъ Новѣгородѣ, ино вашимъ церквамъ у нас по нашим городомъ не быти же». И то слышавше старосты купецкие и всѣ гости новгородцкие[2], начаша бити челомъ господину своему отцу архиепископу имярек и всему Великому Новугороду, рекуще: «Пожалуите, поволите нѣмцомъ поставити ропату по их обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ даите, гдѣ полюбят. Зане же не будет их божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ[3] у ихъ не быти таже». И посадникъ Добрыня за старость и за гости начат говорите: «Толко не будет наших церквеи по немецкимъ городомъ, ино нашим гостем // новгородцкимъ велми будет Л. 353
нужно». И архиепископъ, и новгородцы, послушаа посаднича совѣта

и гостеи своих челобитья, поволиша немцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажет посадникъ, гдѣ будет прилично.

И нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града в Торгу, гдѣ стоит церковь деревяна святого Иоанна Предотечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣплен мздою и наученъ диаволомъ, повелѣлъ снести[4] церковь святого Предтечи[5] на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцом. Предтеча же Господень не терпя вражия навѣта и его злаго совѣтника, что испоругалъ святыи его храмъ мзды ради.

В нощи убо тои услыша понамарь тоя церкви Предтечевы глас, глаголющь ему: «Заутра на третьемъ часу дневномъ иди на Великии мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посаднича чюда». И понамарь заутра възвѣсти новгородцом, яко же слыша. И абие стекошася множество народа на великии мостъ видѣти, что хощет быти. И како же поѣха посадник Добрыня с вѣча къ своеи улицы
Л. 353 об. чрез Волхово въ насадѣ с людми своими, // и внезапу прииде вихръ и, вземъ насадъ, възнесе на высоту яко боле дву саженеи, и удари о воду, и ту потопе посадникъ Добрыня къ дну, а прочих всѣх переимаша в судех в малыхъ перевозники. И тако неводы[6] мрежами и ужие вда, възмогоша вывлещи тѣло его из рѣки. За свое же лукавьство не получи и погребениа, яже есть[7] обычаи православнымъ.

Сия ми повѣда игумен Сергии Островьского манастыря от святого Николы, отець Закхиевъ, нынѣшнего игумена Хутиньского.

О той же ропатѣ

И яко же совръшиша нѣмцы ропату свою и наяша иконников новгородцких, и повелѣша имъ написати образ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣи странѣ, вверху, на прелесть христианом и на соблазнъ. И яко же написаша иконописцы образ Спасовъ на ропатѣ, архиепископа не доложа, и открыша покровъ, и абие въскорѣ томъ часѣ прииде туча з дождемъ и з градом, и выбило градомъ и мѣсто
Л. 354 то, иде же былъ написанъ // образ Спасовъ, и левкас смыло дождемъ, яко же не явится ни знамению писаниа.

Сиа же дозде[8].

Тои же ми чюдныи муж Сергие повѣда

О Благовѣщенскои церкви манастыря Благовѣщенского,

юже создаша два брата по плоти, потом же оба бывша архиепископи Великому Новугороду, именемъ Григории и Иванъ

Сия убо бѣста братиа себѣ по плоти. Бѣста же благородну и благочестивому и богату родителю чада, имѣста же оба межи собою любовь, яко истинная братиа плотию и духомъ[9]. Яко же видѣста родителя своя преставльшася, имѣниа же многа имъ оставльша, имѣста вѣру велию къ пречистои Богоматерѣ владычицѣ нашеи Богородици приснодевѣ Марии, помыслиста създати манастырь во имя Пречистые, честнаго ея Благовѣщенья. И яко же поставиша церковь в началѣ древяну и манастырь сограднша, и вся, яже на потребу, устроиша, и кѣлиа, и трапезу. Та же не по мнозѣ време[ни] съвѣщастася поставити церковь камену, // Л. 354 об.
и наяша хитреца зиждущих церковь, яко же начаша созидати и досптша до раменъ, недоста сребра на совершение. Они же начаша тужити, не вѣдуще, что сътворити, и от многиа печали и срама помолишася пречистои Богоматери, глаголюще: «Ты убо, владычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже къ сыну Твоему и Богу нашему, и к Тебѣ, яко со всѣмъ усердиемъ и вѣрою на дѣло сие, пречестнаго Твоего храма, подвигохомся и на тя, Богомати, помощъ и надежу возложихом. Помози намъ на съвершение храма Твоего пречестнаго сего. Посли помощъ свою, владычице, и не посрами нас, рабъ своих, яко начахом здати и не можемъ съвершити без Твоея помощи, недоставшу сребру, яже къ съврьшению».

Сѣтующема же има о сребрѣ, вкупѣ же и молящемася милостивому Спасу и пречистѣи его Богоматери, являетса имъ пречистая царица Богомати въ снѣ, глаголя имъ: «Что убо в толику печаль и сѣтование вдастася о создании церкве моея, любимая мною раба Божия? // Л. 355
Не презрю моления вашего, и вѣры, и любве. Въскорѣ убо послю вамъ, яже къ съвершению, яко и на ину потребу преизбудетъ. Токмо потщитеся к дѣлу и не оскудѣита вѣрою».

То же видѣние оба брата видѣста и слышаста, въставша от сна радостна и надежею укрѣплястася. В тои же день по отпѣтии убо пѣниа утреняго изыдоста оба брата пред врата манастырьская по обычаю напред всѣх. По Божию же устроению и его пречистыя Богоматере видят оба брата не в мѣчтании, но явѣ, конь велми дивен, предстоящъ пред враты манастырьскими, обузданъ позлащеною уздою, и сѣдло на немъ оковано златомъ, яздящаго же на немъ не бѣ. Стояща же кротцѣ недвижимо, яко ожидая мужа она к себѣ. Она же дивящеся велми, зряще красоты и величества коня оного. И абие страхомъ и радостию

Л. 355 об. обьята быста, приступиста[10] к коню // и видят два чемоданца немала по обѣ странѣ седла висяща, полна суща. И дивистася коня оного стоянию и кротости, и помыслиста от Бога послану ему сущу. Таже, смѣя и не смѣя, помянувше Пречистыя имя, взяста мѣшца она с сѣдла оба. Конь же не обрѣтеся пред ними. И начаша, радующеся, раздрѣшати мѣшца, и обрѣтоша въ единых – злато и в других – сребро, полна суща оба. Милостию же Божиею и пречистыя Богоматерѣ совершиста церковь и украсиста всякою лѣпотою, иконами, и подписми, и книгами. Таже и селъ доволно куписта и предаста манастырю, прочее же даша игумену и братьи. Таже и сами взяста на ся иноческии образ. И пожиста в томъ манастыри въ постѣ и в молитвах, и в прочих добродѣтелех просияста и Богу угодиста, и Богъ прослави их ради добрыхъ дѣлъ их. Взята быста единъ по единому по времени на архиепископьскии столъ Великого Но-
Л. 356 вагорода // и Пскова и добрѣ упасше порученое имъ стадо. И положена быста оба въ соборнои церкви святыя Софиа. А у Благовѣщениа въ церкви положен бысть архиепископъ Феоктистъ, бѣ бо ис того манастыря взятъ на престолъ.

О церкви Пречистыя честнаго ея Рожества,
яже есть в манастыри женьстемь на Михалицѣ, так зовемъ от искони[11]

Повѣда ми нѣкто от честных о церкви Пречистыя, яже есть в манастыри на Мѣхалицѣ, сице. Убо бысть муж нѣкто, благочестивъ обычаи имяша от дѣтска по вся дни приходите въ церковь къ всякому пѣнию церковному. Таже по отпѣтии приимаше дору и хлѣб Пречистыя по обычаю от священника. То же творяще и по ястии обѣда, аще прилучашеся гдѣ священник, взимаше от него чясть Пречистыя хлѣба. Званъ же бысть нѣкогда тои благочестивыи муж от нѣких на пиръ, и яко же по обѣдѣ раздаваше священникъ хлѣб Пречистыя, взятъ же и он благовѣрныи[13]
Л. 356 об. мужъ часть Пречистыя хлѣба, и яко вьсхотѣ снѣсти, // помяну нѣчто неначаанно сотворшееся ему в дому, и не яде хлѣба оного, но связа в платъ, хотя заутра снѣсти. Та же сѣде пита с людми на пиру ономъ, и, яко же бысть веселъ, поиде в домъ свои, бѣ бо далече. И не дошед до двора своего, рознялъ его сонъ и хмель, и леже на простѣ мѣсти. Спящу же ему, людие же бяху назирающе его из домовъ своих, когда въстанет. Оному же спящу крѣпцѣ, случися убрусцу оному в руцы его быти, в немъ же хлѣбъ Пречистыя. Приступиша к нему пси диаволимъ навожениемъ, ощутивше хлѣбъ онъ, и яко хотяще исторгнути от руку мужа оного хлѣба оного. Абие опаляя[12] их огнь, и многажды покусившеся пси приступити къ хлѣбу Пречистыя, огнь опаляше их.

Видѣвше мужие мѣста оного, притекше отгнаша псы, и муж, въставши от сна, бывшее же оно чюдо повѣдаша всѣмъ. Они же, слышавше, удивишася велми, и повѣдаша архиепископу. Онъ же повелѣ постави церковь // Пречистыя, честнаго ея Рожества, таже и манастырь Л. 357
составиша на томъ мѣсти, яже и донынѣ стоит Божиею милостию и молитвами Пречистыя его Матерѣ. На ономъ же мѣстѣ, идѣ же огнь исхожаше, поставиша святую трапезу въ славу и честь святыя и живоначальныя Троица и Пречистыя его[13] Богоматере[14].

[Видение пономаря Аарона][15]

При архиепископѣ Еуфимии Новгородцкомъ въ едину нощь видѣ понамарь Софѣискои инок Аронъ не во снѣ, ни в привидѣнии, но явѣ, преже отшедшая архиепископы прѣжними дверми церковными влѣзша ис притвора въ церковъ и идоша въ святыи олтарь, двери имъ церковныя сами о себѣ отверзошася. Понамарь же Арон лежааше на одрѣ своемъ, страхомъ великимъ одръжимъ, не смѣ побудите своих товарыщовъ, онѣм спящимъ, не вѣдущимъ бывающаго. И помалѣ поидоша изо олтаря въ своемъ чину, яко же на выход, единъ по единому, и сташа пред иконою Пречистыя Богоматере пред Корсуньскою, и начаша // пѣти на Л. 357 об.
многъ час, глас же их слышашеся, а словес глаголемых от них не может разсудити. Стоявше же яко час, та же поидоша въ святыи олтарь, и не видѣ их к тому, ни гласа их не слыша.

Архиепископу же Еуфимию и всему священному събору пришедшу на заутренюю, и понамарь Аарон повѣда всѣм, еже видѣ преславное видѣние. Архиепископъ же Еуфимие бывъ радостен о таковѣ явлении и прослави Бога, и рече: «Не оставит Богъ мѣста сего молитвъ ради святых своих архиепископовъ», и пѣл панахиду по архиепископех и с собором, и обѣднюю служил у соборънои церкви, и съборяномъ далъ почесть, кормил и поил ихъ, и милостыню далъ, так же и милостыня[16] нищимъ много[17] раздая в тои день.

О архиепископѣ Ионѣ Новгородцкомъ[18]

Повѣда намъ самъ господинъ архиепископъ Иона: «Егда, – рече, – бѣх еще младенецъ, оставшу ми сиротою от отца седми лѣт, а от матери – треи лѣтъ, и положилъ Богъ на сердце женѣ вдовицѣ именемъ Натальи, матери Якова Дмитреевичя Медоварцовѣ, а Михаи//ловѣ бабѣ, и взя мя Л. 358
в домъ к собѣ, и начат кормити и одѣвати яко истинная мати родная. Та же вда мя на учение грамотѣ дьяку. Бысть же въ училищи том множество

дѣтеи учащихся, мнѣ же от убожества и нищеты сущу тиху и смирену, бѣх бо и болязнив, не приставах къ прочим дѣтемъ. Онѣм убо играющим, яко же обычаи есть дѣтем, аз же на них толико смотрях, како играют.

Въ един убо от днии, дѣтем играющим по вечерне, абие идяше по улицы блаженъ муж. Дѣти же устремившеся на него всѣ, и начаша метати камение и сметие на очи его. А мнѣ стоящу на единомъ мѣсти недвижимо. Он же, оставя всих дѣтеи, притече ко мнѣ и взем мя за власы, да поднялъ выше себе и начат звати именем, никако же зная мя, ни отца моего, ни матере моея: „Иванецъ, учися Господне грамотѣ с прилежаниемъ, быти тебѣ в Великомъ Новѣгородѣ архиепископомъ“».

И по изволению же Божию, по преставлению архиепископа Еуфимия, по пророчению оного юродивого Христа ради, възведен бысть Иона
Л. 358 об. на архиепископьство Великому Новугороду // и Пскову, и бысть на архиепископьствѣ 12 лѣт и шесть месяць. Бысть же при его святителствѣ миръ со всѣ землями и тишина, и гобзование плодом. И нынѣ его молитвами, Христе Боже, помилуи нас. Аминь.

От чюдес преподобнаго чюдотворца Варлама Хутынского, яже множества ради чюдес его не написана быша сия[19]

Приложимъ убо и сие к прочимъ преславнымъ чюдодѣиством преподобнаго чюдотворца отца нашего Варлаама. Святиишому убо господину архиепископу Антонию Великого Новагорода и Пскова, имуще вѣру къ святому милостивому Спасу, и преподобнаго чюдотворца Варлаама, игумена Хутынского монастыря, имѣяше во чти. Овогда убо самъ архиепископъ приѣждааше в домъ святого Спаса и къ преподобному Варлааму духовныя ради бесѣды, овогда же к себѣ архиепископъ призываше преподобнаго въ архиепископью. Он же яко послушливыи раб ни о чемъ же не ослушаетса отца своего архиепископа ради еже о Христѣ любовнаго съюза и духовныя бесѣды. Нѣкогда убо архиепископу Антонию по
Л. 359 обычаю призвавшу преподобнаго к себѣ // о церковных исправлениих. Чюдотворцу же къ архиепископу ѣдущу, яко бысть на Великомъ мосту, прилучися новгородцомъ по градцкому обычаю осужена человека метати в рѣку в Волховъ. Преподобныи же Варлаамъ повели слугамъ стати в томъ мѣстѣ, гдѣ вмещут человека. Сродникомъ же не успѣвшимъ старцу бити челом, абие самъ стал, никим же молимъ, и нача народ благословляти и просити осуженнаго себѣ, да порабатает в дому святого Спаса на манастырьскую потребу братьи. Народ же весь единогласно кликнуша: «Преподобнаго ради отца нашего Варлаама отпустите осуженнаго

и даите его чюдотворцу. Отселе не имат на себѣ в том дѣли никакова истязания». Он же, испросивъ повиннаго, посла в манастырь и повели ему работати братьи, и сотвори его угодна на всяку службу, та же и во мнишескии образ оболкъ его и присовокупи къ братьи, и спасе душу его.

Паки же во ино время, по обычаю, прилучися преподобному къ архиепископу ѣхати по тому же Великому мосту, и новгородцем[20] иного осужена приведшим вкинути в рѣку с Великого мосту, таковъ бѣ[21] обычаи градцкои. Сродници же его // со множествомъ народа падше пред Л. 359 об.
нимъ, со многими слезами плачюще и молящуся преподобному, чтобы благословилъ народ и отпросилъ осужена сродника их от лютыя смерти. Онъ же нѣ по них озрѣся на них, повели слузѣ борзо ѣхати мимо их. Сродницы же рѣша: «Грѣх ради наших преподобныи не послуша молениа нашего. Пред малыми денми, никим же молимъ, сам встав, начя благословляти народ и отпросил осужена у народа и у супостат. И нынѣ, нами много молим, презрѣ моление наше. Что есть се, не вѣма».

И приведше священоиерѣи къ осуженному, молиша поновити его и причястие дата. И священник понови его и причастие дал, отиде от осуженнаго. Приставше и супостатнии его, сринуша его с мосту, и сродници же его, вземше мощи его, погребоша его, яко же и прочих осужеников.

В обитель же приѣха преподобныи, въспросиша его старци, бывшеи с нимъ, и видившеи обое: «Что убо бысть, господине отче, яко оного осужденна никим же молима избавил еси от горкия смерти прошениемъ своимъ, и велико почение показа о немъ, и въ мнишескии образ // повелѣ Л. 360
его постричи и къ дружинѣ причести, сего же презрѣл еси, народу и сродникомъ его молящимся тебѣ о избавлении его. Ты же никако послуша моления ихъ. Скажи нам, Бога ради, отче, нами молимъ».

Он же отвръзъ священная[22] своя уста, глагола имъ, яко: «Вѣм и азъ. Вы убо внѣшни очима зряще, внѣшняя и судите, азъ же сердечныма очима смотрѣх, яко он пръвыи осужены, его же испросих у народа, человекъ въ мнозѣх грѣсех бяше, и осужен в правду. И яко осудиша его судья, прииде раскаяние в сердце его, и не бѣ помогающаго ему, мнозѣмъ супостатомъ сущим. Но не[23] прииде чяс его. Аз же видѣв, яко иматъ вѣру спастися, испросих его и устроих о немъ, яко Господеви годѣ. Другии же, иже по нем осужены человекъ, без правды осужен[24] бѣ по напрасньству. И видѣх, яко мученическою смертию[25] умирает, и вѣнец ему от Христа предлежит. Не бѣ потребно моление мое о немъ, Христа бо имат помощника и избавителя. Вы же о семъ не соблажняитеся». Братья же поклоншеся ему, вземше прощение, прославиша Бога, прославляющаго святыя своя и творящаго дивная и преславная, Ему же слава нынѣ, присно и въ вѣки вѣком[26]. // Л. 360 об.

О Святогорьскомъ монастыри, зовомем Иверскои, в нем же церкви Успение Пречистыя[27]

Бѣ нѣкто купец въ Иверскомъ царствии богат велми, имѣяше сына единородна млада еще. И разболѣся болѣзнью смертною. И раздая нищим множество богатства, и церквам Божиимъ, а прочее остави сыну своему, злато и сребро, и все житие свое. И приказал сына своего сродникомъ своимъ блюсти, и останки свои вси. И яко преставися муж тои, начаша приказники злохитрьством, един по единому, имати лутшии вещи от живота его, сыну еще в младоумии не могущу възбранити имъ. И рознесоша весь живот, злато и сребро, и съсуды всѣ, и запасы, и иконы. Бѣ же у него икона Пречистая велми изрядна, окована златомъ и[28] драгимъ жемчюгом, и с камением. Отрок же нача плакати пред иконою и глаголати: «О, владычице, всемилостивая царица, помилуи мою нищету, вижь насилование враг моих, яко звѣрие лютии разграбиша вся, яже ми остави отецъ мои наслѣдие имѣниа своего. Кому бых оставлен на со-
Л. 361 блюдение, и се от них и погибох. // Конечнее же хотят от твоея честныя иконы зрѣниа и поклонениа разлучити мою нищету. Но, о владычице, сама соблюди свое достояние и устрои упокоище честнѣи сеи твоеи иконѣ, тамо же и мою нищету преупокои, яко всемогущаго Бога мати».

И абие принес ю на брег пристанища градцкаго, и съ всяким благочестиемъ и многими слезами облияв, пущает на воду, на море. И се абие подняся честная она икона от воды на воздухъ, яко бы мощно рукою досягнути, и поиде сама о себѣ быстрѣе орлова летаниа. Отроку же зрящу неизреченное оно чюдо, и слезы безпрестани проливаху. И се абие невидима бысть от очию его. Взврати же ся отрок в домъ свои, уже не имѣя ни на что же надежи, все бо отнято бысть от него. И начат просити, по граду ходя, яко един от нищих. И не могыи срама тръпѣти, отиде от своего града Трапизонта, и, много походив по градом, устрѣмися къ Святѣи горѣ, помышляя во иноческии образъ облещися, уже бо в мѣру возраста исполнениа Христова пришел.

Л. 361 об. Бѣ же бо отрок благочестив и благообразен, // и любя чистоту душевную и телесную, и безмѣрное смирение, и тихость, скитаяся лѣта многа в нищетѣ, яко в пещи палим от многих напастеи и бѣд. Хождааше бо и не вѣдыи, камо грядет.

Божественая же[29] она и пречестная икона пречистыя Богоматере, егда пусти ю отрок от себе на воду, прииде въ едино мѣсто Святыя горы, бѣ же на мѣсте том монастырь, и ста на брезѣ у пристанища монастырского, идѣ же братия воду черплют на всяку потребу. И яко бысть год, прииде

повар на брегъ почерпъсти воды, и се видит неизреченное чюдо – икону, плаваюшу близ бервѣ, яко рукою мощи досягнути. От радости устремися взяти рукою икону, она же абие отскочи от руку его. Покуси же ся по трижды повар взяти ея и не возможе. И абие текохъ, скоро притече къ игумену, и повѣда ему, яко икона плаваетъ на брезѣ в монастырскомъ пристанищи: «И яз покусихся многажды взяти ея, и отбѣгаша от руку моея». Игумен же скоро въста и повели звонити в тяжкая, // и оболкся в Л. 362
священную одежу, и со всею братиею приде в срѣтение. И яко приидоша на брег съ свѣщами и с кандилы, зрят неизреченную ону и преизящную честную икону, к самои берви приближшуся. Игумен же радости духовныя наполнився, приближися, хотя взяти ея, и се устремився икона, въскочи от воды сама о себѣ на руцѣ игумену. Игумен же, радостию обьят неизреченною, повелѣ покадити честными ароматы и пѣти молебная Пречистои, и, принесше в монастырь, поставиша в церкви Пречистыя честнаго ея Успениа у царьских врат, да видима будет всѣми въходящими.

И по мнозѣ времени прииде отрок он въ Святую гору, и начат ходите по манастыремъ и бити челом, чтобы приняли его в монастырь и постригли въ мнишескии образ, но ни въ единъ монастырь не прияша его, яко ненавидима от всѣх, еще же и озлобляху его. Сие[30] же бысть промысломъ Божиим, Пречистая бо промышляше о рабѣ своемъ, яко иде же благоволи жилище себѣ, ту и рабу его подобаетъ быти.

Бѣ же[31] тот монастырь в то время убожаиших прочих. И се приде отрокъ въ он монастырь, идѣ же бѣ икона его, не вѣдущу ему, бѣ же велми обнищал, // и яко прииде в монастырь, и в тот год поющим Л. 362 об.
братиам литургию, бѣ же время лѣтнее, вниде отрокъ в церковь, и по обычаю начат въ церкви[32] кланятися, взирая на иконы, и се зрит пречестныи и ангелом говѣиныи образ пречистыя Богоматере, честную и многоцѣнную ону икону, яже бяше нѣкогда в дому его. От несказанныя же радости стояша, не могы проглаголати ничто же мног час, ни поступити на ино мѣсто, игумену же и братьи дивлящимся стоянию его. Отрок же яко бысть в себѣ, паде пред честною иконою оною, и начат съ слезами гласомъ великим вопити и глаголати: «О, владычице моя, Пречистая, здѣ ли благоволи жилище себѣ въ пречестнѣи обители сеи и в честномъ храмѣ своемъ, яже создан есть въ честь пресвятого имени твоего?». Обрати же ся къ игумену, и начат сказовати ему, яко: «Икона сиа отца моего есть». Сказа же имя отца своего имярек игумену, и како пусти ю на море, и в кое время и лѣто, и коею притчею. Они же начяша на его браните: «Ты ходишь в нищетнѣ // образѣ, а сказываешься такова Л. 363
отца сынъ, да и икону сказываешь свою. Нѣси ты добръ человекъ. Мы того человека слыхали, а иные от братья нашея и знали. Он бѣ от великих

велмож, того дѣля сказываешь себѣ отцемъ, нѣчто хочешь у нас икону сию украсти». И выбиша его из манастыря вон, ни кормив, ни поив.

Он же, яко бысть за манастырем, начат плакати неутѣшно и глаголати къ Пречистои, яко ту сущи ей: «Владычице, почто забыла еси мою нищету и мое окаянство, и презрѣла мя еси в бедѣ сеи? Аз надѣяхся от тебе помощи себѣ и упокоя, се нынѣ выгнан есмь от обители твоея, еще же и с поруганиемъ»[33]. И иная многая глаголаше от великиа печали. И леже на земли, и начат спати. Бѣ же время полудниою, вар же солнечныи яко огнем паляше лице его, он же спаше.

Чюдотворная же она икона, никима несома, выиде из церкве и пришед, ста над отроком на въздусѣ, и начат осиняти ему лице от солнца, не видущу отроку, токмо спаше без пакости от солнечнаго жжениа. Братьямъ же обѣдающим в трапезѣ, и по обѣди в подобно время начаша клепати вечернюю, приидоша въ церковь и не обрѣтоша иконы. И всѣ едино//
Л. 363 об. мыслено рѣша, яко взялъ есть икону онъ нищии, бывыи здѣ. И поидоша того часа на взыскание отрока, и яко выидоша за манастырь, видят неизреченное чюдо: икону на вздуси, никим же держиму, отроку же спящу, осиняше лице от солнечнаго жжениа. Они же стояще дивлящеся бываемымъ, и розбудиша отрока спяща, и начяша бити ему челомъ, и съ благоговениемъ, чтобы шол в манастырь. И падше пред иконою с молениемъ, и вземше, принесоша въ церковь, и поставиша на обычномъ мѣсти. Отрока же начаша чьствовати, и постригоша его въ чернеческии образъ, и потом бысть игумен тому манастырю. Оттолѣ начат манастырь роспространитися, и всего добра в немъ прибывати. Имѣниа и братьи бысть до семисотъ, собрашася в славу Божию и пречистыя его Богоматере[34].

Сие же о другомъ манастыри Святогорскомъ, еже есть Ватопедѣ[35]

Л. 364 Бысть в Римстемъ градѣ купец нѣкии велми богатъ, // и по обычаю своему въсхотѣ поѣхати за море. И срядив корабль со всяким товаром, и поѣха по морю съ женою своею и съ единороднымъ сыномъ своимъ. И бысть за морем лѣто все до того же времени, и с великимъ прибыткомъ[36] поиде въ свою землю в корабли по морю, вѣтру им поносну сущю. И по прилучаю водѣ им недоставши, яже на потребу, и присташа у Святыя горы. Купец же онъ и съ женою своею, и с сыномъ своим, – бѣ бо сынъ его мал велми, учяшеся ходити, яко и еще и языком нѣмутуя бѣ, – выидоша ис корабля на брег, и прочии корабници, сущии с ним, и вземше воду, яже на потребу, и начаша по острову оному ходити[37], събирающе овощия. И яко бысть год поити им на корабль, и начаше людие собиратися на корабль, и собрашася всѣ, отроча же оно хожаше[38] съ материю

своею. И внезапу озрѣся мати его, и не вѣди младенца своего. И наняша искати всѣ корабници, и по три дни искавше, не возмогоша наити его. И оставльше его, поидоста на корабль, недоумѣющеся, или звѣрь въсхитил будет, или в воду впадеся, или в ровъ вринуся. Вѣтру же им поносну сущу, родителем же // плачющимъ и рыдающимъ неутѣшно. И приидоша в дом Л. 364 об.
свои, въ град Римъскии, и безпрестани тужащим о своемъ чади, и никто же можаше утѣшити их.

И яко минуло лѣто, начат же на купца того съвѣтовати мужу своему и глаголати: «Не могу забыти чяда моего. Поѣдем, господине, и поищемъ его въ Святои горѣ, нѣкли Богъ помилуетъ нас и услышит наше рыдание слезное, и явит нам чадо наше в живых ли, или въ мертвых есть». И поидоша въ Святую гору, и яко быша на мѣстѣ ономъ, идѣ же отрочя оста, и, мало походивше, видят родитилие его неизреченное чюдо: и се абие отрочя течяше пред ними въ купину, мати же тече скоро за ним, зовущи его именем: «Чядо, азъ мати твоя, почто бѣжиши от мене?». Он же отзвася ис купины: «Нѣси ты мати моя. Мати моя здѣ есть, иже мя кормит». И поидоша в купину къ отрочяти, и видят въ купинѣ икону пречистыя Богоматере, и свѣщу, пред нею горящу. Родителие же отрочяти оного // начяша въпрашати его: «Како здѣ пребысть? Или кто питает тебе и Л. 365
грѣетъ?». Он же, възрѣвъ на икону[39] преблагословеныя владычица нашея Богородица, глагола: «Сия мя кормит и грѣетъ, яко мати ми есть. И свѣща сия безпрестани горит пред нею[40] день и нощь неугасимо[41]. Тебе же не вѣмъ, кто еси, и нѣчто еси привидение».

И абие родителие падше пред иконою, съ слезами глаголаста: «Что ти въздамы, владычице? Мы недостоинии, яже въздася намъ, яко съблюде чядо наше невредженно от всякого прилога и навѣта, и дарова нам неначаянныи дар». И пѣвше молебная пред честною оною иконою, и поставиша церковь на том мѣсти, идѣ же обрѣтоша отрочя и икону Пречистыя в купинѣ, въ имя Пречистыя, честнаго ея Благовѣщениа, и устроиша манастырь велми честен. Он же благовѣрныи муж и сам постриженся в том манастыри, и имѣние свое вдасть в манастырь онъ.

И есть и нынѣ манастырь велми велик и честен, и стѣна камянна около его. Отрочя же ту и возрасте в манастыри ономъ, и въ мнишескии образ облечеся, и потом бысть игумен честен в том манастыри, прият же порекло от искони и до нынѣ Ватопеди, сиречь в купинѣ отрочя. Свѣща же горит пред тою иконою во дне // и в нощи и до сего дне от оного огня. Л. 365 об.
Въсхотѣша же икону ту обложити златомъ, и не благоволи Пречистая. Сеи же манастырь поставлен бысть преже лавры великия.

Повѣда нам старецъ от Святыя горы, именемъ Герасим, дивну вещь

[О некоем старце][42]

Старецъ нѣкии живяше в шумѣ и имѣяше ученика священноинока. И яко приспѣ время божественаго поста, старец же не можаше терпѣти алканиа соборнаго поста. Священник же хотяше пѣти преже священную по Уставу манастырскому, старец же предлагаше немощъ свою, глаголя: «Не могу, – рече, – чадо, терпѣти не ядъши до уставнаго времени. Поиди и пои, какъ три чясы дневные минут».

Священноинок же бояшеся Устав преступит, не хотяше же и старца ослушатися, ни оскорбити, зря его старостью преклонена, и вшед въ церковь, начат пред Спасовымъ образом глаголати: «Господи, владыко, пресвятыи Исусе Христе, что сотворю? Преступити Устав[43] боюся – буду
Л. 366 яко законопреступник. Бою же ся и святого своего[44] старца // ослушатися». И бысть ему глас от образа Владычня: «Не ослушаися старца. Сътвори по воли его, яко же ти велит». Он же радостен быв, яко сподобися Владычня гласа слышати, начат пѣти, яко же старецъ веляше.

Тои же старец Герасим повѣда

[О старце Павле][45]

Старец нѣкии именемъ Павелъ прииде въ Святую гору от Царяграда, не имѣяше же брады, и не приаша его ни в един манастырь, яко не имѣяше брады. Бѣяше бо Устав сицевъ въ всѣх манастырех Святыя горы – не приимати голоуса, ни постригати. Аще ли приимуть нѣцыи, тот будет под клятвою, и приимшии, и принятыи. Аще ли лучится умрети голоусу мниху, то по погребении не истлѣют, яко же и прочих умершихъ, мощи, еще же и смрад от нихъ.

Сеи же старец Павелъ испроси себѣ мѣсто особно подале от манастыря от Сиропотамиа, и от прочих монастыреи, и начатъ жити жестоцѣ велми в шумѣ. Постъ же его и всенощная бдѣниа кто исповѣсть. Приидоша же к нему и прочая братиа жити с ним. На всяк день и чяс поминаше смертъ и глаголаше братьи, живущим с нимъ: «Бога ради Господа, не погребите мощеи моих по умертвии моем в сеи Святѣи горѣ, да не буду
Л. 366 об. преступникъ заповѣди. // И под клятвою святых отецъ, повезите мя на море и верзите, – рече, – мощи моя въ глубину морьскую».

Имѣяше же тот Павел два брата родные, в Царствующем градѣ живуща. По мнозѣх же лѣтехъ преставися Павел о надежи въскресениа, и абие братья, вземше мощи его и, по повелѣнию его, повезоша на море в сандалии, и хотяще въврещи в море. И бысть имъ пловущим по морю, и

яко отплыша от брега поприщ пять или вяще, и хотяще въврещи в море, и абие поиде судно особѣ, никим же направляемо. Онѣм же покушающимся взняти и стати, и не могоста, идяше бо сандалец, направляемъ Божиимъ промыслом къ Царствующему[46] граду. И яко приспѣша близ града, и направися кораблец къ пристанищу градскому, и увидѣша два человека, яко прииде кораблец къ брегу, и помыслиста в себѣ, яко купци суть иныя земли, и имут нѣкии товар у себе: «Идем, да купим у них преже иных». И приидоша к кораблецу, и видят святыя мощи святого Павла. // И вос- Л. 367
просиша: «Чии суть мощи сиа?». Они же сказаша им: «Имярек, Павловы суть», и вся по ряду житие его, и яко отечьство его сего града бяше.

Обрѣтошася они два мужа, иже приидоша въ стрѣтение, братиа Павлова. И скоро шедше, повѣдаша патриарху. Патриархъ же погребьсти его честно в манастырь съ отци. По погребении же его[47] быша многа исцѣлениа от честных мощеи Павловыхъ[48] болящим в славу святыя Троица, и прославиша Бога, творящаго дивная и преславная святыми своими.

Потом же въ Святѣи горе, иде же жил Павелъ, постави манастырь честенъ Серпскии деспот Юрьи, и собрашася братьи до пятисотъ, и церковь постави святого великого мученика Христова Георгия, и нынѣ зовом есть Павлов манастырь.

Въспоминание отчясти Святыя горы Афонскыя, како наречена бысть Святая гора, и коихъ ради дѣлъ тако прозвася

По иже страшнаго въскресения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, бяху вси апостоли на едином мѣсти сѣдяще в горници святого Семиона, с Мариею, с материю Исусовою, и поставиша жребиа между собою, и кыиждо их мѣсту и имя нарече, // которыи апостолъ Л. 367 об.
гдѣ проповѣдает слово Божие. И по глаголу воскресшаго из мертвых тридневно Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, глаголюща: «Шедше в весь мир, проповѣдите благовѣстующе всюду» и прочая, просивши же жребия и милости владыкы нашего Исуса Христа, яко да не будет и тая бес чясти, и молитву сътворши къ из неѣ рожжемуся сыну и Богу, и доволно помолшуся, метну и тая жребии. Испаде и въ жребии земля Иверьская, ити еи тамо. И та с радостию приемшу, нудящи же ся еи поити, предста еи архангелъ Гаврил и рече: «Не раздѣляися, дево, от Июдѣиския земли. Сия ти заповѣдует иже с тебе рождеися. Земля, иже тебѣ в жребии падши, на послѣдок времен в твои образ просвѣтится, и ты не будеши без потружениа».

Лазарь же четвородневныи бѣжа въ остров Кипрьскии страха ради Июдеиска, тамо рукоположися пастырь от Варнавы апостола. Тщашеся

многажды Лазарь приити видѣти матерь владыкы Христа своего, и не смѣяше ити...[49]

[1] *На поле помета* к͡ *(=20)* [2] *Испр., в ркп.* ногородцкие [3] *Испр., в ркп.* цркважъ *(без титла)* [4] *В ркп. зачеркнуто другими чернилами* [5] *В ркп. над строкой дописано другими чернилами и другим почерком* снести [6] *В ркп. буква* ы *написана поверх нескольких затертых букв другими чернилами и другим почерком* [7] *В ркп. слово* есть *написано дважды* [8] *Далее в ркп. стоит крест (рукой писца)* [9] *Испр., в ркп.* дхомъ *(без титла)* [10] *В ркп. буквы* ступи *написаны дважды; первое написание выскоблено.* [11] *На поле помета* к͡а *(=21)* [11a] *В ркп. испр. вместо* блаженый *(рукой писца)* [12] *Испр., в ркп.* опялая [13] *В ркп. написано поверх затертого текста* [14] *Далее в ркп. стоит крест (рукой писца)* [15] *На поле помета* к͡в *(=22), заглавия в ркп. нет, добавлено издателем* [16] *В ркп. зачеркнуто.* [17] *В ркп. доб.* милостыня. [18] *На поле помета* к͡г *(=23).* [19] *На поле помета* к͡д *(=24).* [20] *Испр.; в ркп.* ногородцем. [21] *В ркп. надписано над строкой (почерком писца).* [22] *Испр.; в ркп.* свщенная *(без титла).* [23] *Испр., в ркп.* неу [24] *Испр., в ркп.* осусужен [25] *Испр., в ркп.* смртию *(без титла)* [26] *Далее в ркп. стоит крест (рукой писца)* [27] *На поле помета* к͡е *(=25)* [28] *Испр., в ркп.* из [29] *Далее в ркп. выскоблено несколько (4 или 5) букв.* [30] *Испр.; в ркп.* Сеи. [31] *Над строкой в ркп. написана буква* б *(=2?).* [32] *Далее в ркп. выскоблено четыре буквы.* [33] *В ркп. на правом поле со знаком вставки почерком писца (?), но другими чернилами добавлено* и бесчест[ием] [34] *Далее в ркп. стоит крест (рукой писца)* [35] *Далее в ркп. стоит крест (рукой писца). На поле помета* к͡s *(=26)* [36] *Испр , в ркп.* брибыткомъ [37] *В ркп. над словами* по острову *помета рукой писца* а *(=1?), а над словом* ходити – в (=2) [38] *В ркп. после букв хожа выскоблена одна буква (ж?)* [39] *Далее в ркп. зачеркнуто* пречистыя Богоматере. [40] *Далее в ркп. добавлено на поле, другими чернилами* неугасим[о]. [41] *В ркп. зачеркнуто.* [42] *На поле помета* к͡з *(=27).* [43] *Далее в ркп. зачеркнуто* преступити. [44] *Слово* своего *в ркп. написано над строкой рукой писца.* [45] *На поле помета* к͡и *(=28).* [46] *Испр.; в ркп.* Цртвующему *(без титла).* [47] *В ркп. зачеркнуто.* [48] *Испр.; в ркп.* Павловловыхъ. [49] *Далее в ркп. начинается другая тетрадь с другим текстом.*

ОЧЕРК 2

«РУКА МОСКВЫ»: ПРАВКА ТЕКСТА В СИНОДАЛЬНОМ СПИСКЕ НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ [2016 г.]

Выражение «Рука Москвы», больше подходящее для шпионских романов или мемуаров разведчиков, может быть с полным основанием применено к исправлениям текста в пергаменном Синодальном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 786) Новгородской первой летописи (далее – Н1Л; старший извод, представленный Синодальным списком, обозначается сокращенно как Н1Л ст.), особенно к самому известному из них – замене слов «чересъ крестное цѣлование» на слова «за новгородскую измѣну». В свое время Н. Н. Яниш схожим образом охарактеризовал исправления «Софийского временника» (так он называл Софийскую первую летопись) в сравнении с Н1Л: «видна Московская рука»[1]. Наиболее яркое «промосковское» исправление текста, давно уже привлекшее внимание исследователей, находится на заключительных листах Синодального списка, в той его части, которая продолжает основную хронологическую сетку, но дописана другими почерками, поэтому в первую очередь следует обратить внимание на эти заключительные листы рукописи.

Напомним, что в Синодальном списке Н1Л ст. традиционно выделяется три неравные части. Первая часть написана почерком XIII в. и доводит повествование до 1234 г. (л. 1–118 об.)[2], вторая часть датируется

[1] *Яниш Н. Н.* Новгородская летопись и ее московские переделки // ЧОИДР. 1874. Кн. 2, отд. 1. С. 53.

[2] Текст первой части см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред., с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 15–73. По мнению С. В. Богданова, вторая часть Синодального списка была написана не в XIV в., а в первой половине XV в. для восполнения лакуны между окончанием первой части (1234) и началом третьей части (1330), однако его построения не нашли поддержки у других исследователей (см.: *Богданов С. В.* К вопросу об истории появления Синодального списка Новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля : История и археология: (Материалы науч. конф.). Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 105–130).

XIV в. и охватывает события 1234–1330 гг. (л. 119–166 об.)[3] и, наконец, интересующая нас более всего третья часть состоит из дополнительных листов с записями разными почерками, которые охватывают события 1330–1352 гг. (л. 167–169)[4].

В первую очередь отметим самостоятельный характер и независимое от основного кодекса происхождение третьей части Синодального списка. Вся рукопись состоит из 21 тетради по 8 листов в каждой (2 листа вырезаны, но их корешки сохранились), а последние три листа подшиты отдельно. Они отличаются от основной части кодекса и по размеру: если размер пергаментных листов всей рукописной книги составляет приблизительно 123–124 х 178 мм, то размер трех дополнительных листов – 120–121 х 174–177 мм. Кроме того, на них нет разлиновки на 23 строки, присутствующей в предшествующей части рукописи.[5] Отсутствуют в этой части рукописи и киноварные инициалы, характерные для первых частей кодекса. Кроме того, сам текст написан заметно более небрежно и неровно. Нет никаких сомнений в том, что эти три листа, как справедливо отметил А. Н. Насонов, «были дополнительно сброшированы в конце»[6].

Для того чтобы понять, как и когда это могло быть сделано, обратимся собственно к тексту приписок, сопоставляя его с соответствующими чтениями Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1Л мл.) и других источников.

Всего в дополнительной части Синодального списка имеется семь годовых статей: конец статьи 6838 [1330] г. и полностью статьи 6839 [1331], 6840 [1332], 6841 [1333], 6845 [1337], 6853 [1345] и 6860 [1352] гг. Они написаны, как принято считать, четырьмя почерками:

Почерк A: статьи за 6838–6841 гг. (л. 167–167 об., строка 16). Записи сделаны одним писцом, но в разное время: сначала были написаны строки 1–5 (известия 1330 и 1331 гг.), а позже – остальная часть (известия 1332–1333 гг.)[7]. См. рис. 1, 2.

Почерк B: статья 6845 г. (л. 167 об., строки 17–25). См. рис. 3.

Почерк C: статья 6853 г. (л. 168). См. рис. 4.

Почерк D: статья 6860 г. (л. 168 об.–169). См. рис. 5. На наш взгляд, почерк D весьма схож с почерком A.

[3] Текст второй части: Новгородская первая летопись... С. 73–99.

[4] Текст третьей части: Новгородская первая летопись... С. 99–100. См. рис. 1, 2, 3, 4, 5.

[5] [*Насонов А. Н.*]. Предисловие // Новгородская первая летопись. С. 6–7.

[6] [*Насонов А. Н.*]. Предисловие. С. 5.

[7] Подробное обоснование: *Гимон Т. В.* Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Норна у источника Судьбы : Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 56–60.

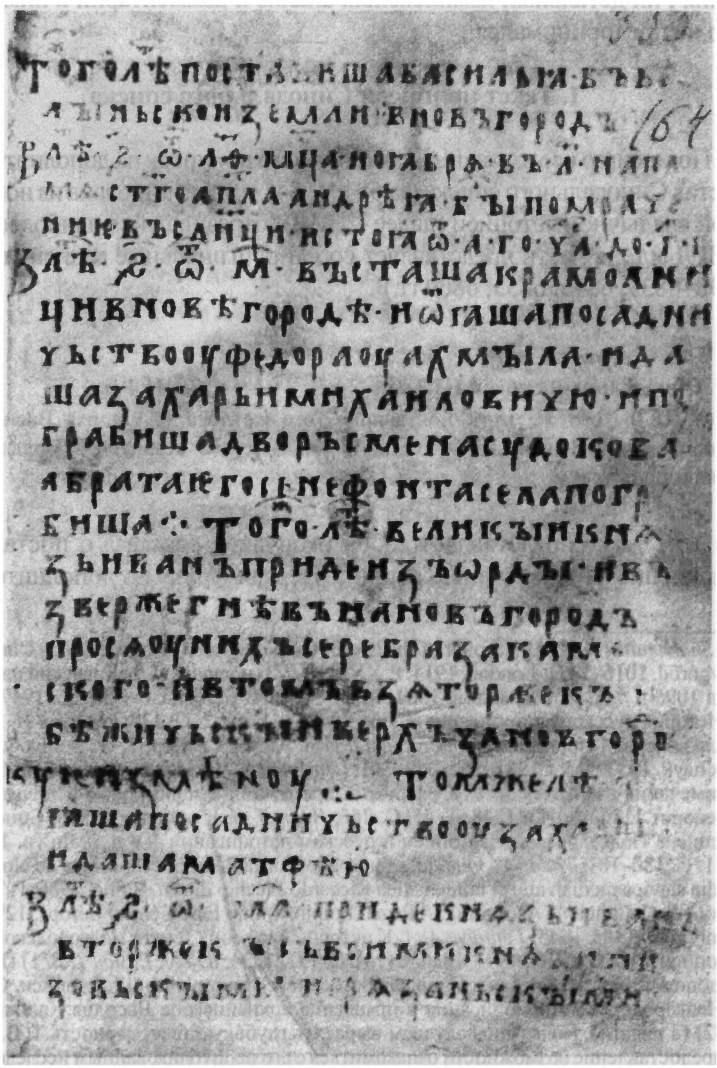

Рис. 1. ГИМ. Синодальное собр. № 786. Л. 167.
Летописные статьи 1330–1333 гг. Юрьев монастырь

Хотя эти приписки неоднократно становились предметом исследования[8], их детальный комплексный анализ и комментарий к ним до сих пор не предпринимался.

1. Текст приписок Синодального списка

По мнению исследователей, часть текста приписок на дополнительных листах Синодального списка (за 6840–6841 гг.) заимствована из новгородской владычной летописи (далее – НВЛ) (отразившейся наиболее полно в Н1Л мл.), а часть представляет собой оригинальные записи (текст за 6838–6839, 6845, 6853, 6860 гг.)[9].

Известие 6838 [1330] г.

Синодальный список Н1Л ст.	**Н1Л мл.**
// (л. 167) Того же лѣта поставиша Василья въ Велыньскои земли в Новъгородъ.	Того же лѣта <..> поиха Василии на владычество ставится в Волыньскую землю <..> и поставиша его.

Этот текст представляет собой окончание рассказа о поставлении в архиепископы Василия Калики[10]. Первая фраза на дополнительных

[8] *Shakhmatov A. A.* An account of the text of the Novgorod Chronicle // The Chronicle of Novgorod, 1016–1471. London, 1914. P. XXXIX; *Шахматов А. А.* 1) Киевский начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1947. С. 128; 2) История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 2. С. 437; *Троцкий И. М.* Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Сер. 7: Отд-ние общественных наук. 1933. №5. С. 351–352, 359–361; [*Насонов А. Н.*]. Предисловие. С. 5–6, 99–100 (примечания); *Лихачев Д. С.* Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 265; *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // ЛиХр. 1980. М., 1981. С. 180–181; *Vodoff W.* Quelques remarques sur la Première chronique de Novgorod // Studia slavica mediævalia et humanistica Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. P. 748–751; *Rowell S. C.* Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. P. 45; *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 17, 21, 34, 69–70; *Гимон Т. В.* 1) Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи. С. 53–60; 2) Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики (1330–1352) (в печати). Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Т. В. Гимону за предоставление возможности ознакомиться с его неопубликованным исследованием.

[9] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 21, 34, 69–70.

[10] Согласно древнерусским источникам, священник Козмодемьянской церкви на Холопьей улице был избран новгородским владыкой и 1 января 1331 г. принял постриг с именем в честь поминаемого в этот день святителя Василия Великого, «дондеже пошлют к митрополиту». 24 июня он отправился из Новгорода на поставление во Владимир-Волынский, где в то время находился киевский митрополит Феогност. 25 августа 1331 г. он

Рис. 2. ГИМ. Синодальное собр. № 786. Л. 167 об.
Летописные статьи 1333 и 1337 гг. Юрьев монастырь

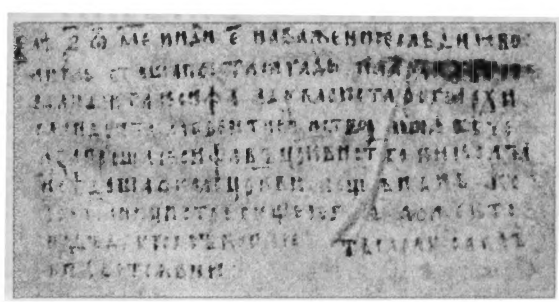

Рис. 3. ГИМ. Синодальное собр. № 786. Л. 167 об.
Летописная статья 1337 г. Юрьев монастырь

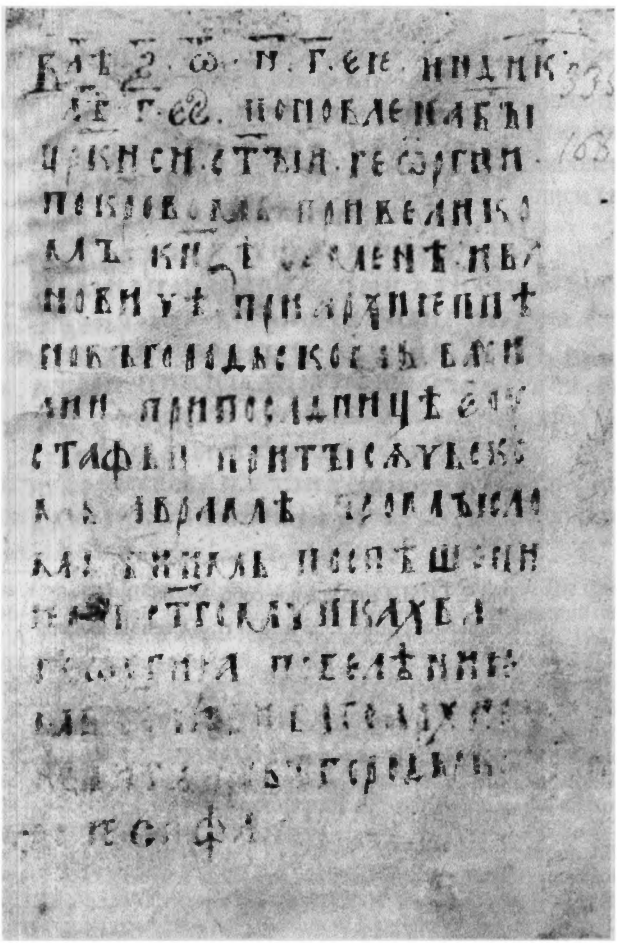

Рис. 4. ГИМ. Синодальное собр. № 786. Л. 168.
Летописная статья 1345 г. Юрьев монастырь

Рис. 5. ГИМ. Синодальное собр. № 786. Л. 168 об. – 169.
Летописная статья 1352 г. Юрьев монастырь

листах Синодального списка продолжает рассказ летописной статьи 6838 [1330] г., который находится на предыдущем листе (последнем в основной части рукописи): «Тои же зимы приѣхаша послове от митрополита из Велыньскои земли Федорко и Семенко, на страстнои недѣли, позывать на ставление»[11].

Как отметил Т. В. Гимон, начало статьи 6839 г. Н1Л мл. почти дословно совпадает с окончанием статьи 6838 г. Синодального списка: «В лѣто 6839. Приихаша послове от митрополита из Волыньскои земли Федорко и Сменко, на страстьнои недѣли, зовуще на поставление». По мнению исследователя, расхождения в дате между двумя изводами Н1Л объясняются тем, что «Страстная неделя в 1331 г. приходилась на 25–30 марта[12], т. е. это самое начало 6839 мартовского года. Нарушение границ соседних годов – типичнейшее явление в русском летописании. Ничто не мешает предположить, что первоначально в НВЛ известие о прибытии послов из Волынской земли завершало собой статью 6838 г. (и это состояние НВЛ отразилось в Син<одальном списке>), а позднее, когда НВЛ была продолжена следующими записями, летописец резонно решил, что Страстная неделя – это уже 6839 мартовский год, – и вставил слова перед данным известием «Въ лѣто 6839» (это состояние НВЛ отразилось в Н1Л мл.). Создатель 1-й приписки Син<одального списка>, напротив, продолжил рассказ о поставлении Василия (записав коротко сам факт этого поставления и не задумавшись о возникшей хронологической ошибке), а затем, в качестве отдельной статьи, зафиксировал солнечное затмение, точную дату которого он помнил»[13]. Точка зрения Т. В. Гимона представляется более убедительной, чем построения С. В. Богданова, который считает, что текст за 6742–6838 гг. (вторая часть Синонодального списка) был написан позже, чем дополнительные листы рукописи (уже в XV в.), и как бы подверстан к имевшемуся материалу, закрывая лакуну в нем между 1234 и 1330 гг.[14] Согласно С. В. Богданову, текст на л. 167 был написан ранее появления второй части Синодального списка, и писец этой второй части, чтобы избежать противоречия, события 6838–6839 гг. описал под одним

был хиротонисан во архиепископа Новгородского и Псковского, а вернулся в Новгород 8 декабря 1331 г. (*Печников М. В.* Василий Калика // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 200–203).

[11] Новгородская первая летопись... С. 99.

[12] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 284, 294 (Примеч. Т. В. Гимона).

[13] *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

[14] *Богданов С. В.* К вопросу об истории появления Синодального списка Новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля: Материалы конф. Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 105–130.

годом[15]. Точка зрения С. В. Богданова, однако, не находит палеографического подтверждения: вторая часть Синодального списка безусловно датируется не XV, а XIV веком, поэтому следует признать справедливость рассуждений Т. В. Гимона.

Известие 6839 [1331] г.

Синодальный список Н1Л ст.	**Н1Л мл.**
В лѣто 6839 [1331]. Мѣсяца ноября въ 30, на память святого апостола Андрѣя, бысть помрачение въ солнци и стоя от 1-го часа до 3-го.	

Солнечное затмение, согласно астрономическим исследованиям, действительно произошло 30 ноября 1331 г.[16] Оно наблюдалось не только на Руси, но также в Византии и в Австрии[17]. В других летописях полностью совпадающего известия нет, однако выражение, схожее с фразой «помрачение въ солнци», читается в новгородских летописях, начиная с середины XV в.: в Новгородской четвертой летописи («Того же лѣта помрачение бысть солнцю»[18]) и в Летописи Авраамки («Бысть помрачение солнцю»[19]). Учитывая, что Н1Л мл. об этом затмении вообще не упоминает, можно предполагать использование при работе над протографом Новгородской четвертой летописи самого Синодального списка. Интересно, что в московском летописании также есть информация об этом затмении, но иначе лексически оформленная: «помрькне солнце»[20].

Известие 6840 [1332] г.

Синодальный список Н1Л ст.	**Н1Л мл.**
В лѣто 6840 [1332]. Въсташа крамолници в Новѣгородѣ, и отъяша посадничьство у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михаиловичю, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его Сенефонта села пограбиша.	В лѣто 6840 [1332]. Въсташа крамолницѣ в Новѣгородѣ, и отъяша посадничьство у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михаиловичю, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его Сенифонта села пограбиша.

[15] Там же С. 108–110.

[16] *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М. Л. Городецким. М., 2007. С. 58.

[17] Там же. С. 86–87.

[18] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, вып. 1. С. 263.

[19] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 67.

[20] ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 204 (Никоновская летопись).

Того же лѣта великыи князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новъгородъ, прося у нихъ серебра закамьского, и в томъ взя Торжекъ и Бѣжичьскыи верхъ **за новгородскую измѣну**. Том же лѣтѣ отъяша посадничьство у Захарья и даша Матфѣю.	Того же лѣта великыи князь Иванъ прииде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новъградъ, прося у них серебра закамьское, и въ томъ взя Торжокъ и Бѣжичькыи верхъ **чересъ крестное цѣлование.** В том же лѣтѣ отъяша посадничьство у Захарьи и даша Матфѣю **Коскѣ.**

В этой годовой статье содержатся три летописных известия: о восстании новгородцев против посадника Федора Ахмыла, о столкновении с Иваном Калитой и о передаче посадничества от Захарьи к Матвею. Текст летописной статьи полностью совпадает с текстом Н1Л мл., за двумя исключениями: вместо слов «чересъ крестное цѣлование» по выскобленному пергаменту написано более поздним почерком: «за новгородскую измѣну» (см. рис. 6). На этом исправлении текста мы более подробно остановимся ниже. Следует отметить и второе отличие текста: в Н1Л мл. читается прозвище новгородского посадника – «Коска», которого нет в Синодальном списке, однако в нем, что не было ранее отмечено исследователями, также видны следы скобления. Следовательно, первоначально текст Синодального списка был практически полностью идентичен тексту Н1Л мл., и лишь в результате чьей-то правки появились отмеченные разночтения. Поскольку правка Синодального списка не отразилась в последующем летописании, мы лишены возможности говорить о «верхней хронологической границе» ее появления.

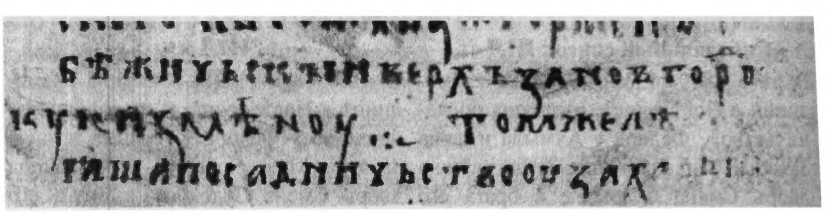

Рис. 6. ГИМ. Синодальное собр. № 786. Л. 167.
Правка «за новгородскую измену» в статье 1332 г. Юрьев монастырь

Известие Синодального списка, что «великыи князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новъгородъ, прося у нихъ серебра закамьского», не случайно вызвало противоположные оценки новгородского и московского летописцев. В 1331 г., после смерти Александра

Васильевича Суздальского, Ивану Калите удалось добиться в Орде передачи ему всего великого княжения и вдобавок к нему половины Ростова. Принять это решение татар побудили обильные дары московского князя, для покрытия которых Калита в 1332 г., видимо, и потребовал от Новгорода выплаты «закамского серебра», что привело к первому в истории московско-новгородских отношений серьезному конфликту. Вычегодско-Вымская летопись отмечает следующее: «Лета 6841 [1333] г. князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, по что устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру, и с тех времян князь московский почал взимати дани с пермские люди». Таким образом, речь шла о данях, которые новгородцы раньше не платили великому князю, следовательно, ссылка на «измену» была здесь неправомерна. Скорее надо признать правоту новгородского летописца, который считал требование новых даней нарушением сложившихся межгосударственных отношений и договоров («чересъ крестное цѣлование»).

Известие 6841 [1333] г.

Синодальный список Н1Л ст.

В лѣто 6841 [1333]. Приде князь Иванъ в Торжекъ съ всими князи низовьскыми и с рязаньскыми, // (л. 167 об.) и присла в Новъгородъ, сведе намѣстники, а самъ сѣде в Торжьку от Крещения до Сбора, теряя волость Новгородьскую. И послаша новгородьци послы, зовуче его в Новъгород: архимандрита Лаврентия, Федора Твердиславлича, Луку Валъфромѣева; и онъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не да, поѣха прочь.

Того же лѣта архиепископъ новгородьскыи Василии постави городъ каменъ въ два лѣта. И архимандритъ святого Юрья Лаврентии постави стѣны святого Юрья силою 40 саженъ и съ заборолами.

Н1Л мл.

В лѣто 6841 [1333]. Прииде князь Иванъ в Торжокъ съ всѣми князи низовьскыми <вариант: и с рязаньскыми>, и присла в Новъгородъ, и сведе намѣстьникы, а самъ сѣде в Торжьку от Крещениа и до Збора, теряя волость Новгородчкую. И послаша новгородци послы, зовуче <вариант: *доб.* его> в Новъгород: анхимандрѣта Лаврентиа, и Федора Твердиславля, Луку Валфромѣева; и онъ молбы не приялъ, а ихъ не послушалъ, а миру не далъ, и прочь поихалъ. Того же лѣта владыка Василии <..> город каменыи постави, **поспѣшениемь Божьимь,** въ два лѣта.

Как отмечает Т. В. Гимон, «текст Син. за 6841 г. – это не что иное, как первая половина статьи этого года Н1Л мл.»[21]. Тот факт, что в записи Синодального списка использована только первая половина статьи Н1Л мл., исследователь объясняет тем, что на момент ее создания второй части годовой статьи в источнике Н1Л мл. – Новгородском владычном своде – еще не было: «Видимо, на момент создания 2-й приписки текст в НВЛ доходил до сообщения о строительстве новгородских стен; сейчас в Н1Л мл. статья 6841 г. продолжается потом другими известиями, однако они, видимо, появились в НВЛ уже после создания 2-й приписки Син.»[22].

Существенное дополнение к статье НВЛ в записи Синодального списка относится к строительству укреплений Юрьева монастыря: «И архимандритъ святого Юрья Лаврентии постави стѣны святого Юрья силою 40 саженъ и съ заборолами». Наряду с другими чтениями данная фраза позволила многим исследователям говорить о юрьевском происхождении не только дополнительной части Синодального списка, но и всей рукописи[23].

Известие 6845[1337] г.

Синодальный список Н1Л ст.	**Н1Л мл.**
В лѣто 6845 [1337]. Индикта 5 наваженіемь дияволимь сташа простая чадь на архимандрита Есифа, а думои старого архимандрита Лаврентия, и створиша вѣче, и запроша Есифа въ церкви святого Николы; и сѣдоша около церкви нощь и день коромолници, стрегуще его. А оже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадется в ню.	Влѣто 6845 [1337]. Наваженіемь дияволимъ сташа простая чадь на анхимандрита Есифа, и створиша вѣче, запроша Есифа въ церкви святого Николы; и сѣдоша около церкви нощь и день коромолници, стрегуще его. Аже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадеться в ню.

Вновь почти полностью совпадающее с Н1Л мл. известие Синодального списка дополнено сведениями о юрьевском архимандрите Лаврентии: «а думои старого архимандрита Лаврентия». Судя по всему, перед нами выписка из НВЛ, дополненная в Юрьевом монастыре (добавлены лишь указание на индикт и обвинение в адрес бывшего архимандрита Лаврентия). О смерти Лаврентия говорится в Н1Л мл. под следующим, 6846 [1338] г.: «Того же <лѣта – *Ак.*> преставися анхимандритъ Лаврентѣи

[21] *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

[22] Там же.

[23] *Троцкий И. М.* Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 351–352, 361; *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 437; *Vodoff W.* Quelques remarques. P. 748–751; *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 17, 21 и др.

святого Георгиа, и посадиша Есифа». Т. В. Гимон рассуждает: «следовательно, в 6845 г. Лаврентию удалось стать снова архимандритом, а Есиф вернулся на этот пост только после смерти конкурента в следующем году. Остается лишь гадать: была ли запись Син<одального списка> за 6845 г. сделана по горячим следам событий (и словами «самъ впадется в ню» ее автор лишь предрекал несчастья Лаврентию) или же в 6846 г. (и тогда эти слова в иносказательной форме говорят об уже случившейся смерти Лаврентия). Первое кажется более вероятным, однако тогда придется себе представить, что какой-то монах мог на принадлежавшей монастырю копии летописи сделать столь враждебную действующему архимандриту запись»[24]. Существует и третий вариант интерпретации взаимоотношений между Есифом и Лаврентием: слова «оже кто подъ другомь копаеть яму, самъ впадется в ню»[25] относятся не к Лаврентию, а к Есифу, т. е. автор приписки хочет сказать, что Есиф в свое время каким-то образом навредил архимандриту Лаврентию и теперь за это поплатился. Именно так понимают это место Дж. Феннел и С. В. Богданов[26], однако Т. В. Гимон возражает им, указывая на то, что «автор приписки явно сочувствует Есифу, а не Лаврентию: восстание против Есифа, по словам автора, началось "наважениемь дияволимь"»[27]. Таким образом, последовательность смены настоятелей в Юрьевом монастыре может быть представлена следующим образом:

1333 г. – Лаврентий;

1337 г. – Есиф;

1338 г. – Лаврентий (умер);

1345 г. – Есиф.

Противоборство двух противостоящих друг другу партий нашло отражение в смене архимандритов Юрьева монастыря, однако приписывать кому-то из них «промосковские» настроения источники не позволяют.

[24] *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

[25] Фраза «А оже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадется в ню» восходит к тексту Повести об Акире Премудром («А иже яму копаеть подъ другомъ, да самъ в ню впадеть» – *Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром: Исследование и тексты. М., 1913. С. 233 (2-я паг.)). Как отметил А. Д. Григорьев, летописная формулировка в большей степени совпадает с фразой, завершающей Повесть об Акире Премудром, чем с аналогичными фразами из Священного Писания (Екк. 10: 8; Пс. 7: 16; Притч. 26: 27 – Там же. С. 486 (1-я паг.)).

[26] *Fennel J.* The Emergence of Moscow, 1304–1359. L., 1968. P. 153; *Богданов С. В.* К вопросу о датировке жалованных грамот великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю и печорским сокольникам // Новгород и Новгородская земля: Материалы конференции. Великий Новгород, 2008. Вып. 22. С. 238.

[27] *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики. Ср.: *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 437.

Скорее всего, эта борьба явилась проявлением обычного для Новгорода противостояния боярских кланов.

Следует отметить, что запись 1337 г. сделана таким образом, что она обходит дыру в пергаменте, вызванную скоблением на лицевой стороне л. 167: слово «архи/мандрита» разрывается этим дефектом (рис. 3). О значении этого обстоятельства для датировки записей см. ниже.

Известие 6853 [1345] г.

Синодальный список Н1Л ст.	**Н1Л мл.**
В лѣто 6853-ее. [1345] Индикта лѣто 3-е, поновлена бысть церки си святыи Георгии покровомь, при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, при архиепископѣ новъгородьскомь Василии, при посадницѣ Еустафьи, при тысячьскомь Аврамѣ промысломь Божиимь, поспѣшениемь святого мученика Христова Георгия, повелѣниемь боголюбиваго архимандрита новъгородьского Есифа.	Того же лѣта поновлена бысть церкви святыи Георгии, **покровенъ бысть новым свинцомъ**, при великомъ князи Семеонѣ Ивановичѣ промысломь Божиимь и поспѣшениемь святого мученика Христова Георгиа, замышлениемъ архимандрита Есифа.

Запись 1345 г. выполнена крупным почерком на отдельном листе; она имеет торжественный и официальный характер (рис. 4). Т. В. Гимон отметил, что по сравнению с Н1Л мл. в Синодальном списке добавлены «слово “си” про Георгиевскую церковь (уместное, конечно, только в юрьевской летописи)», и «некоторые слова и обороты, придающие определенную торжественность» этому сообщению (речь идет о словах «при архиепископѣ новъгородьскомь Василии, при посадницѣ Еустафьи, при тысячьскомь Аврамѣ», а также об именовании архимандрита Есифа «боголюбивым» и «новъгородьским»).

Многие исследователи писали о том, что приписки Синодального списка за 1337 и 1345 гг. являются оригинальными юрьевскими записями, которые не восходят к НВЛ, а напротив, были позднее использованы на одном из этапов сложения Н1Л мл.[28] И. М. Троцкий считал, что этот текст, как и предыдущий, был заимствован уже в XIV в. владычной летописью, которая «постоянно справлялась с Юрьевской»[29]. Т. В. Гимон поддержал

[28] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 437; *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. //Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 180–181; *Vodoff W.* Quelques remarques... P. 751; *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 17, 70.

[29] *Троцкий И. М.* Опыт анализа первой Новгородской летописи. С. 359–360.

точку зрения И. М. Троцкого, предположив, что известия 1337 и 1345 гг. были внесены в Синодальный список еще до того, как умер Василий Калика, поэтому следующее подробное известие 1352 г. не нашло практически никакого отражения в НВЛ.

Известие 6860 [1352] г.

Синодальный список Н1Л ст.	**Н1Л мл.**
В лѣто 6860 [1352]. Добиша челомъ новъгородьци, бояре и черныи люди, архиепископу новъгородьскому владыцѣ Василию, чтобы «еси, господине, ехалъ нарядилъ костры во Орѣховѣ»; и онъ ехавъ, костры нарядилъ и приеха в Новъгородъ.	В лѣто 6860 [1352]...
И приехаша послове изо Пскова, биша челомъ владыцѣ Василию, ркуче такъ: «Богови тако изволшю, святои Троицѣ, дѣтемъ твоимъ пьсковицемъ Богъ реклъ жити дотолѣ, чтобы еси, господине, былъ у святои Троици и дѣтии своихъ благословилъ псковиць». И онъ не умедли поеха, поимя собою архимандрита Микифора, игумены, попове, приеха въ Псковъ, служи въ святои Троици, у святои Богородици на Снѣтнои горѣ, у святого Михаила, у Ивана Богослова, опять въ святои Троици, ходи около города со кресты, и благослови дѣти своихъ всихъ псковиць.	приехаша послове **плесковьскыи в Новъгород, зовуще** владыку Василья к собѣ, дабы ихъ благословилъ, и владыка послуша молбы их, поеха к нимъ, и, приехавши, благослови их:
Поеха ис города, доеха до Прощеника въ день недѣлныи: обечерившися за Прощеникомъ сь едину версту, на рѣцѣ на Чересѣ сташа: и разболѣся ту: привезоша его в манастыри ко святому Михаилу, усть Узы рѣки, на Шелонѣ: и приставися ту, на память святого мученика Уакинфа, въ вторникъ; привезоша и в Новъгородъ в четвергъ, мѣсяця июля въ 5, на память святого отца Лампада: проводи и архиепископъ новъгородьскии владыка Моисѣи, игумени и попове и весь Новъгородъ, и положиша и у святои Софьи притворѣ.	и идя изо Пскова в Новгород, преставися на пути, на рѣцѣ на Узѣ, мѣсяца июля в 3 день, на память святаго мученика Акинфа, вторник въ 9 час дня.

Т. В. Гимон отмечает, что «приписка 6860 г. представляет собой независимый от владычной летописи (ср. Н1Л мл.) юрьевский рассказ о кончине архиепископа Василия Калики. В. Водов предполагает, что автором приписки 1352 г. в Синодальном списке был лично юрьевский архимандрит Никифор, прямо упоминаемый в числе лиц, сопровождавших архиепископа в его поездке во Псков[30]. Если даже это и не так, архимандрит безусловно был информатором: запись Синод<ального списка> значительно подробнее соответствующего известия Н1Л мл.»[31].

Таким образом, не вызывает сомнений, что дополнительные записи Синодального списка делались в Юрьевом монастыре в целом практически синхронно описываемым событиям. Для понимания исторического контекста, в котором они могли быть созданы, следует дать характеристику этой обители как центра книжности.

2. Юрьев монастырь

Принято считать, что Юрьев (св. Георгия) монастырь являлся древнейшим монастырем в Новгородских землях: полагают, что он был основан около 1030 г. в дни княжения в Киеве Ярослава (Георгия). Это мнение основано на указании В. Н. Татищева, который, однако, высказал его не в основном тексте, а лишь в примечаниях к своей «Истории Российской», и без ссылки на источники. Единственным обоснованием историку послужило соображение, что крестильным именем князя Ярослава Владимировича было Георгий, следовательно, он мог основать монастырь «в свое имя». Как заметил Е. Голубинский, «само собою очевидно, что это основание вовсе не достаточное». Первое упоминание Юрьева монастыря в Н1Л ст. датировано лишь 1119 г.: «Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь камяну манастырь святого Георгия Новгород». Но некоторые косвенные аргументы свидетельствуют в пользу возможной более ранней даты основания обители. Во-первых, в приведенном летописном свидетельстве об игумене Кириаке говорится не как о поставленном в только что учрежденный монастырь, а как об уже действующем. Во-вторых, в составе монастырской библиотеки хранились рукописные книги, датируемые XI в. – Жития Кондрата и Феклы и Евгеньевская псалтырь. Конечно, они могли появиться в монастырской библиотеке и позднее, но сама особая роль Юрьева монастыря в последующие годы

[30] *Vodoff W.* Quelques remarques... P. 751.

[31] *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

позволяет осторожно предполагать его приоритет и в хронологическом смысле. В. Л. Янин пришел к выводу, что получение юрьевским игуменом титула «архимандрит новгородский» относится к рубежу XII–XIII вв., ко времени игуменства Савватия (1194–1226). А. А. Гиппиус предложил еще более точное определение датировки появления титула «архимандрит новгородский»: первые годы игуменства Савватия, между 1194 и 1199 г. Новгородская архимандрития, глава которой избирался на вече, по мнению В. Л. Янина, стала независимой и от архиепископа Новгородского. Развивая мысль о связи монастырей с концами и кончанским управлением, В. Л. Янин пришел к заключению, что монастыри, основанные боярами одного конца, подчинялись одному главному кончанскому монастырю, а игумены этих обителей, в свою очередь, подчинялись новгородскому архимандриту. Некоторые исследователи, однако, подвергали сомнению тезис о неподчиненности монастырей владыке. Анализ книгописной деятельности в Юрьевом монастыре позволил сделать вывод, что иноки этой обители охотно заказывали рукописи «на стороне», пополняли свою библиотеку, но сами книгописанием не занимались. Два с половиной листа записей, приплетенных к Синодальному списку Н1Л ст. – это все, что сохранилось до наших дней из манускриптов, вышедших из-под пера юрьевских монахов вплоть до XV в.[32]

Но в середине XV в. в Юрьевом монастыре обитал автор одной очень интересной летописи. Речь идет о тексте Летописи Авраамки за целое десятилетие – с 1447 по 1457 г.[33] Обращает на себя внимание то обстоятельство, что точные даты событий, связанных с владыкой, приведены летописцем только при описании работ в церкви Иоанна Предтечи на Торгу (1453 г.) и отношений Новгорода с князьями во время войны 1456 г. Подавляющее большинство точных дат юрьевский летописец приводит при описании «мирских» политических событий: военных столкновений, дипломатических переговоров, происшествий в княжеском роде[34]. Только три известия из 20, имеющих точную дату, хотя бы косвенно относятся

[32] *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 16–21.

[33] *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники: Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 124–151.

[34] Из 20 точных дат 17 (85%) напрямую относятся к событиям такого рода (приход войска новгородцев с князем Александром к р. Нарове, сражение с «немцами» на р. Нарове, возвращение войска с р. Наровы – 1447 г.; приезд в Новгород князя Дмитрия Шемяки – 1449 г.; отъезд его из Новгорода – 1451 г.; смерть князя Дмитрия Шемяки – 1453 г.; выход в поход князя Василия Темного на Новгород, взятие Русы, выход новгородцев на войну из города, сражение при Русе, взятие Василием Темным Молвотиц, побег из Новгорода вдовы Шемяки княгини Софьи, погребение княгини Марьи (дочери княгини Софьи), отъезд владыки Евфимия на переговоры с великим князем, приход войска

к церковным делам (пожар в Юрьевом монастыре – 1451 г., разрушение и восстановление церкви Иоанна Предтечи на Торгу – 1453 г.), но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и они связаны с княжеской историей. Пожар в Юрьевом монастыре упомянут сразу после точно датированного известия о том, что князь Дмитрий Шемяка «поѣха» из Новгорода 21 марта 1451 г., «а княгиню свою оставивъ в Великомъ Новѣгородѣ, и сына Ивана». Из предшествующего текста за 6957 г. известно, что с осени 1448 г. жена Шемяки Софья и их сын Иван находились именно в Юрьевом монастыре, поэтому описание пожара в нем может быть также отнесено к событиям, непосредственно касающимся княжеского дома.

Летописец проявляет поразительное знание деталей юрьевской топографии, ему известно и точное время начала пожара: «Тои весны погорѣ Юрьевъ манастырь весь, отъ Спаса да отъ сѣнеи отъ домовныхъ къ Рожеству Христову по ручеи; а загорѣся назавтрѣе Радуничь, в среду на ноць»[35]. Кроме того, он указывает место захоронения («у святого Георгия въ притвори») и точную дату похорон в Юрьеве монастыре княгини Марьи, жены князя Александра Чарторыйского, дочери Шемяки («в пятокъ на Федоровѣ недѣли», т. е. 13 февраля 1456 г.), при этом не считая нужным упомянуть ни обстоятельств, ни места и времени ее смерти. Очевидно, этот летописец описывал современную ему историю, глядя на нее из Юрьева монастыря. В этом нет ничего удивительного, поскольку Новгородская пятая летопись (1447) создавалась, судя по ее специфическим чтениям, в Пантелеймоновом монастыре, не только непосредственно прилегавшим территориально к Юрьеву монастырю, но и связанным с ним общей историей[36]. Две точные даты в Летописи Авраамки относятся к описанию разрушения, воссоздания и освящения церкви св. Иоанна «на Петрянине дворе, в Торгу» под 1453 г. Из владычной летописи мы узнаем, что подготовительные работы в церкви начались в воскресенье, 3 июня 1453 г.: «Того же лѣта, веснѣ, почаша рушити церковь камену святого Ивана на Петрятинѣ дворѣ, в Торгу, повелѣниемъ владыкы Еуфимия, мѣсяца июня въ 3 день в недѣлныи, на память святого Лукиана». Предыдущее известие того же года («тои зимы») сообщает о приезде в Новгород князя Дмитрия Шемяки с войны «изъ Заволочья», а следующее после него – о смерти Шемяки во вторник, 17 июля 1453 г. В свою оче-

псковичей на помощь Новгороду, возвращение владыки Евфимия с миром, приезд в Новгород князя Юрия Васильевича – 1456 г.).

[35] Для 1451 г. точной датой будет 28 апреля. Выражение «назавтрие Радоничь» встречается также в Синодальном списке Новгородской 4 летописи под 6880 [1372] г., когда следующий после Радоницы день был 7 апреля (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 297).

[36] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 220–222.

редь, после сообщения о смерти Дмитрия Юрьевича следует известие о воссоздании и освящении церкви св. Иоанна: «Того же лѣта свершиша церковь святого Ивана в Торгу, на Петрятинѣ дворѣ, мѣсяца септяврия въ 23 день, в недѣлю; и священна бысть архиепископомъ владыкою Еуфимиемь на память Зачатия святого Иоанна»[37]. Такое чередование в летописце Евфимия событий, связанных с судьбой Дмитрия Шемяки и с работами в церкви Иоанна Предтечи, представляется не случайным. Для нас изучение контекста известий о работах в церкви св. Иоанна Предтечи имеет принципиальное значение. Как известно, эта знаменитая церковь («Иоанна на Опоках») была построена князем Всеволодом Мстиславичем «в имя сына своего» Ивана в 1127 г. и получила от него пожалование («Рукописание Всеволода»)[38]. Существенным представляется тот факт, что у князя Дмитрия Шемяки тоже был сын Иван, и возобновление княжеской по происхождению церкви могло иметь смысл выражения его поддержки архиепископом Евфимием и новгородцами. Деятельное участие архиепископа Евфимия в судьбе этой церкви символизировало политическое единство Великого Новгорода и великого князя Дмитрия Юрьевича с сыном Иваном. Это единство проявилось и в летописании.

Летописец в равной степени описывает события, связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом, при этом точные даты он проставлял даже чаще при описании последних. Он выполнял двуединую задачу, создавая своего рода совместное «княжеско-владычное» летописание. Такой необычный симбиоз оказался возможным благодаря присутствию в Великом Новгороде семьи и, очевидно, двора великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, который сам был «книжным» человеком[39].

Вопреки большинству известий московских великокняжеских сводов, новгородский летописец на всем протяжении текста последовательно именует Дмитрия Шемяку «великим князем», а его жену Софию – «великой княгиней». Шемяка действительно назывался великим князем с середины

[37] Позже, в 1455 г., был «подписанъ святыи Иванъ на Петрятинѣ дворѣ, повелѣниемъ владыкѣ Еуфимия» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194).

[38] *Янин В. Л.* Буевище «Петрянино дворище» в Новгороде // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 190–201. Об этой же церкви говорится в Повести о посаднике Добрыне, где рассказывается история о наказании получившего мзду посадника Добрыни, который был «утоплен вихрем» в Волхове за содействие «немцам» и повеление перенести церковь Иоанна Предтечи на другое место (см.: *Бобров А. Г.* «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 140–141, 160–161).

[39] Об этом свидетельствуют его противники, церковные иерархи, направившие ему в 1447 г. послание с призывом прекратить борьбу за великое княжение, в котором авторы говорят Шемяке, что «...как ти дал Бог разум, потонку разумеешь Божественое писание» (РФА. М., 1986. [Вып.] 1. С. 114).

1430-х гг.[40] Столица великого князя Василия II находилась в Москве, а великого князя Дмитрия Шемяки – в Угличе. К этому же времени относится известная «Шемякина плащаница» – «воздух», являющийся вкладом в Юрьев монастырь князя Дмитрия Юрьевича, его жены Софьи и сына Ивана. Шитая золотом вкладная запись на этой плащанице почерком XIX в. (повторяющая содержание древней утраченной надписи) гласит следующее: «В лѣто 6957 индикта 7, какъ былъ *велики князь* (курсив мой. – *А. Б.)* Дмитрии Юриевичь в Великом Новѣгородѣ, и повелением великаго князя наряжен бысть сии воздухъ въ храмъ святаго великомученика Георгия того же лѣта месяца августа въ 23 день...»[41]. До 1448 г. жена Шемяки Софья и сын Иван некоторое время находились в Галиче, но начавшийся новый этап феодальной войны принудил Дмитрия Юрьевича искать для своей семьи более безопасное место, и он, как мы узнаем из Летописи Авраамки, обратился к новгородцам с просьбой принять «княгыню и сына Ивана»[42]. В ответ на просьбу Шемяки «архиепископъ владыка Еуфимии и Великыи Новъгородъ прияша княгиню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осенинѣ въ Юрьевъ манастырь, а самъ князь великыи Дмитрии Юрьевичь, въ Великомъ Новѣгородѣ не бывъ, пошедъ Галицю»[43]. Как сообщает летописец, 2 апреля 1449 г. великий князь Дмитрий Юрьевич «челова крестъ» Великому Новгороду, а новгородцы – великому князю. Шемяка сел на новгородском столе как великий князь, поскольку одновременно с ним в Новгороде, согласно Летописи Авраамки, был и служилый князь – Александр Васильевич Чарторыйский[44].

Окончательно вернувшись в Новгород в начале 1453 г., Дмитрий Юрьевич Шемяка начал мирные переговоры с Василием Темным, а в июле того же года он был отравлен по поручению великого князя. Само отравление не было тайной для современников (в некоторых летописях упоминается, что Дмитрий Шемяка «умре со отравы»[45] или что «даша ему

[40] Именно к этому времени Я. С. Лурье относит так называемые «двуименные» монеты Василия II и Дмитрия Шемяки, содержащие надписи «князя великого Василия» и «князя великого Дмитрия». Так как под 1437 г. оба они были названы в летописи «великими князьями», исследователь приходит к выводу, что между 1436 и 1445 г. на Руси было своего рода «двоевластие» (*Лурье Я. С.* Двуименные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // Средневековая Русь. М., 1986. С. 84–88).

[41] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. М., 1971. С. 43 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–49).

[42] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

[43] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 122.

[44] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192–193.

[45] ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 464, 490.

лютаго зелия»[46]), но московское великокняжеское летописание, несмотря на это, умолчало об обстоятельствах смерти Шемяки, заметив лишь, что он умер «напрасно» (внезапно, безвременно[47]) и что подьячий, принесший эту весть в Москву, был поставлен дьяком. В неофициальном летописании мы встречаем два варианта рассказа о смерти Дмитрия Юрьевича: в Кирилло-Белозерском своде 1472 г. (по Ермолинской летописи)[48] и в тексте Львовской летописи, восходящей к неофициальному своду 1480-х гг.[49] Оба варианта признают, что отраву в Новгород привез великокняжеский дьяк Стефан Бородатый, причем в версии Львовской летописи прямо отмечено, что он был вхож в дом Шемяки: «Того же лѣта посла великии князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха въ Новгородъ къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову, поведа ему речь великого князя, он же обещася, якоже глаголетъ Давидъ: яды хлебъ мои възвеличи на мя лесть; призва повара на сеи советъ. Бысть же князю Дмитрею по обычью въсхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря доспети. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ доспеша его и принесоша его предъ князь; и яде не ведыи мысли ихъ; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся и лежа 12 днеи, преставися»[50].

Итак, сохранившийся до наших дней в единственном списке Летописи Авраамки текст новгородского летописания за 1447–1457 гг. принадлежит перу книжника, трудившегося, вероятнее всего, в Юрьевом монастыре. Летописец почти всегда указывал дни недели, в которые происходили описываемые события; большинство точных дат приводил при описании не церковных, а «мирских» политических событий: военных столкновений, дипломатических переговоров, происшествий в княжеском роде. Юрьевский летописец в равной степени описывал события как связанные с княжеским домом, так и с архиепископом, создавая тем самым своего рода совместное «княжеско-владычное» летописание. Этот своеобразный симбиоз оказался возможным благодаря присутствию на новгородском столе великого князя Дмитрия Юрьевича. Повествуя о событиях середины XV в., юрьевский летописец сохранил для нас уникальные сведения о пребывании Шемяки в Новгороде, о событиях в его доме. Как мы видим, в этот дом был вхож и великокняжеский дьяк Степан Бородатый.

[46] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати, ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 83.
[47] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10. С. 194–195.
[48] ПСРЛ. Т. 23. С. 155.
[49] ПСРЛ. Т. 20, перв. пол. С. 262.
[50] Там же.

3. Дьяк Степан Бородатый

Безусловно, дьяк Степан Бородатый был одним из ближайших к великокняжеской семье людей[51]. Так, именно он передает летописцу семейную легенду о чудесных обстоятельствах рождения Василия Темного (опасная болезнь матери, предсказание некоего старца монастыря Иоанна Предтечи на Бору о благополучных родах, указание неизвестного лица духовнику великого князя назвать младенца именем Василий)[52]. Известно, что «замышлением» дьяка Степана Бородатого в Москве с 8 января по 25 марта 1452 г. была переписана Хроника Георгия Амартола для архиепископа Новгородского Евфимия II и его казначея старца Феодора, «сердечнаго его ради еже о сеи князѣ желаниа и любви»[53]. Можно констатировать определенные контакты между двумя влиятельными государственными руководителями Новгорода и Москвы. «Новгород, где скрывался Дмитрий Шемяка, был нужен Москве в качестве союзника, и в этом ракурсе исполнение "желания" казначея новгородского архиепископа приобретало государственное значение», – справедливо замечает Т. В. Анисимова[54]. Напомним, что Стефан Бородатый был вхож и в дом Дмитрия Шемяки: он приезжает «къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову», и они вместе приглашают повара «на сеи советъ».

В дальнейшем, до самой смерти Василия Темного, дьяк Степан Бородатый продолжает выполнять его ответственные дипломатические поручения. В 1450-х гг. он ездил с какой-то миссией в Литву к королю Казимиру. Мы узнаем об этом из текста верительной грамоты митрополита Ионы дьяку великого князя Степану Бородатому и митрополичьему дьяку Василию Карло, отправленным к польскому королю и литовскому великому князю Казимиру IV, обращаясь к которому, Иона пишет: «:...и брат ваш, князь велики[й], о всем к тобе на своем листу написал и речми с своим диаком со Степаном приотказ[ал]. И Бог даст, господине и сыну, на его листу о всем великое ваше господство

[51] *Лурье Я. С.* Стефан Бородатый // Словарь книжников. Ч. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. С. 416–417; *Пономарева И. Г.* Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородатый // Вопросы истории. 2012. № 3 (март). С. 120–128.

[52] См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 177; ПСРЛ. Т. 25. С. 241–242.

[53] РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 863, л. 347 об. (см.: *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова (XV– XVI вв.) // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 24–26). Заметим, что Ефросин Белозерский несколько раз переписывал в свои сборники отдельные фрагменты текста, восходящие к Хронике Георгия Амартола: КБ 22, л. 423 об.– 425 об.; КБ 11, л. 368 об.– 369 об.; 380–382.

[54] *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола. С. 28.

познает и от его посла послышишь»[55]. Комментаторы (А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко) датируют составление верительной грамоты дьякам Степану и Василию временем «между февралем 1451 г. и летом 1458 г.», замечая, что никаких известий о посольствах за эти годы источники якобы не сохранили[56]. На самом деле существует информация о поездке в Литву некоего великокняжеского «слуги» именно в эти годы. В материалах о местническом споре между Петром Михайловичем Плещеевым и Петром Лобаном Григорьевичем Заболоцким 7012 [1504] г. представлена несохранившаяся до наших дней грамота, в которой говорилось: *«...Приехол слуга мои из Литвы* (курсив мой. – *А. Б.)*, а сказоваят, что перед ним приехола княиня Дмитреева Шемакина к сыну в Оболцы...»[57]. Вполне возможно, что верительная грамота Ионы дьякам Степану Бородатому и Василию Карло относится к этому посольству 1456 г., т. е. «слугой» был назван именно Степан Никифорович. Хотя русско-литовские переговоры и консультации, посвященные опасности для Москвы, исходившей от литовских «беглецов», а также судьбе захваченной еще Дмитрием Шемякой великокняжеской казны с грамотами, могли происходить в это время достаточно регулярно, в данном случае обращает на себя внимание удивительная осведомленность великокняжеского «слуги».

В январе 1462 г. дьяк Степан являлся участником посольства великого князя Василия Темного в Великий Новгород. По мнению новгородского летописца, современника описываемых событий, это посольство было связано с какой-то «неправдою и нечестью», причем «отъ многа замышления княжа возмущахуся новгородци»; архиепископ решил не ехать в Москву, куда его, очевидно, приглашали послы, в результате чего «нача князь великыи Василеи Васильевичь возмущатися отъ гнѣва на архиепископа Иону и на Великыи Новгородъ»[58]. Хотя содержание

[55] Русский феодальный архив XIV–первой трети XVI века. [Вып.] 1. С. 206–207 (№ 61; публикация текста); Русский феодальный архив XIV–первой трети XVI века. М., 1992. [Вып.] 5. С. 1017–1018 (комментарий).

[56] РФА. [Вып.] 5. С. 1018. Т. В. Анисимова, незнакомая с публикацией Послания митрополита Ионы и с комментариями к публикации в этом издании, без обоснования относит посольство ко времени «около 1450 г.» (*Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола. С. 25).

[57] Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; Под ред., с предисл. В. И. Буганова. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. 83–84. Согласно В. Л. Янину, грамота может быть датирована концом февраля–мартом 1456 г. (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 182), но поскольку княгиня София Дмитриевна покинула Новгород только 7 февраля 1456 г., поездку великокняжеского «слуги» в Литву и упоминающую ее грамоту следует датировать несколько более поздним временем, предположительно весной–летом 1456 г.

[58] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 207.

переговоров из слов летописца понять трудно, по обоюдному «возмущению» сторон очевидно, что проходили они очень напряженно. Вскоре, в 1463 г., новгородцы направили в Литву посольство «о княжи возмущении еже на Великии на Новъгородъ Ивана Васильевича (...) ко князю Ивану Ондреевичю Можаиску и къ князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великомъ Новегороде отъ князя великого»[59]. Употребление летописцем в известии 1463 г. того же самого термина «возмущение», что и при описании переговоров 1462 г., позволяет увязать требования московского посольства, в котором принимал участие дьяк Степан Бородатый, с последующим фактическим отказом Новгорода от положений Яжелбицкого мирного договора 1456 г. и обращением к находящимся в Литве князьям за помощью против притязаний Москвы[60]. После смерти Василия Темного, при его сыне Иване III, дьяк Степан Бородатый перешел на службу к вдове Василия – Марии (Марфе) Ярославне («своеи государыне» великой княгине Марье он купил село на Клязьме).

Итак, дьяк Степан был ближайшим доверенным лицом великого князя Василия Темного, выполнявшим самые деликатные его поручения по делам, связанным с Дмитрием Юрьевичем Шемякой и его семьей, а также с Литвой и Новгородом. Он представляется источниками также в качестве известного в свое время знатока летописей. В 1471 г., когда дьяк уже служил при дворе Марии Ярославны, Иван III, собираясь в поход на Новгород, специально «испроси у матери своей... дьяка Степана Бородатого». Летописец объяснил причину просьбы так: Степан требуется в качестве «умеюща говорити (вариант: «воротити». – *А. Б.)* по летописцомъ Русскимъ: егда, рече, придуть, и онъ въспоминаеть ему говорити противу ихъ измены давные, кое изменяли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дедомъ, и прадедомъ»[61]. Я. С. Лурье пояснил, что здесь Степан «выступает в роли знатока летописания, умеющего использовать летописный рассказ с политической целью»[62].

Мы видим присутствие в Новгороде, и даже точнее – в Юрьевом монастыре, где живет семья Шемяки, несомненного сторонника политики московских князей, дьяка Степана Бородатого, умеющего «воротити» летописцами (т. е., по-видимому, толковать их в нужном свете и выискивать подходящие к случаю примеры). Более того, он специализировался именно на новгородских «изменах»: «говорити противу ихъ измены

[59] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

[60] Скорее всего, московское посольство потребовало от Новгорода целовать крест как великому князю Ивану III.

[61] ПСРЛ. Т. 20, перв. пол., ч. 1. С. 282; ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 172.

[62] *Лурье Я. С.* Стефан Бородатый. С. 417.

давные, кое изменяли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дедомъ, и прадедомъ». Можно утверждать, что у него была не только возможность, но и мотив внести столь приятную сердцу московских великих князей правку в список новгородской летописи.

4. «За новгородскую измену»

Т. В. Гимон подробно останавливается на проблеме правки Синодального списка. Он пишет: «Исследователи давно обратили внимание на то, что в известии 6840 г. (2-я приписка) по выскобленному другими чернилами и почерком написано «за новгородскую измѣну» (речь идет о походе московского князя Ивана Даниловича на Новгородскую землю, л. 167). Судя по Н1Л мл., первоначально на этом месте читалось «чересъ крестное цѣлование»[63]. Одновременно с этим, по всей вероятности, было произведено и другое аналогичное исправление, отмеченное А. Н. Насоновым. В статье 6746 г. (л. 122 об., рассказ о нашествии Батыя) в предложении: «Москвичи же [побѣгоша] ничегоже не видѣвше» в Синодальном списке выскоблено слово «побѣгоша»[64]. Оба исправления явно носят промосковский характер. Первоначально исследователи объясняли исправление под 6840 г. позднейшей московской «цензурой»[65]. Однако этому противоречит то отмеченное А. Н. Насоновым обстоятельство, что первое из исправлений было произведено до написания статьи 6845 [1337] г. на обороте того же листа (3-й приписки Син.), т. е. промосковскую правку сделал современник событий, новгородец, и, скорее всего, монах Юрьева монастыря[66]. В. Водов справедливо видит в этом исправлении подтверждение промосковской позиции Юрьева монастыря в период архимандритства Есифа[67]. Дополнительные исторические соображения в пользу такой интерпретации привел С. В. Богданов[68].

Недавно А. В. Севальнев предложил вернуться к идее о сравнительно более поздней московской цензуре. Он предложил задуматься о возмож-

[63] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 36–37; ПСРЛ. Т. 3. С. 99, примеч. 2.

[64] ПСРЛ. Т. 3. С. 75, примеч. 2.

[65] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 36–37; *Лихачев Д. С.* 1) Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. Т. 25. 1948. С. 265; 2) Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001. С. 94.

[66] ПСРЛ. Т. 3. С. 99, примеч. 2.

[67] *Vodoff W.* Quelques remarques... P. 751–752.

[68] *Богданов С. В.* К вопросу о датировке жалованных грамот великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю и печорским сокольникам. С. 238–239.

ной связи исправления в статье 6841 г. (рис. 6) с 1470-ми гг., с эпохой противостояния Ивана III и Новгорода. При этом исследователь полагает, что тогда же, в 1470-х гг., на обороте л. 167 могла появиться запись 6845 г. А. В. Севальнев видит в этом целенаправленную палеографическую мистификацию: «цензор» XV в. не просто хотел поправить нечто в описании событий более чем столетней давности, но стремился представить дело так, будто сами новгородцы, современники событий 6841 [1333] г., сделали такое исправление[69].

Точка зрения А. В. Севальнева, по мнению Т. В. Гимона, «исходит из представления о том, что в XV в. образованным людям было присуще весьма развитое палеографическое "чутье": один книжник мог специально создать такую мистификацию в расчете на то, что другие не просто прочитают этот текст, но, посмотрев на исправление и на текст на обороте, сделают вывод, что исправление было произведено современниками событий. Не является ли такой ход мыслей анахронизмом для XV в.?»[70]. Гипотеза А. В. Севальнева является, на взгляд Т. В. Гимона, чрезмерно сложным объяснением при наличии куда более простого. Этим простым объяснением является промосковская позиция архимандрита Есифа, каковая подтверждается жалованными грамотами Ивана Калиты Юрьеву монастырю[71]. А. В. Севальнев не соглашается с таким объяснением потому, что исправление в Синодальном списке было сделано «в вызывающей для новгородцев форме», на что вряд ли бы решился современник[72]. Однако, возражает на это в свою очередь Т. В. Гимон, «если этот современник работал с летописью, находившейся в могущественном монастыре, настоятель которого как раз и разделял такую промосковскую позицию, в подобном "вызывающем" исправлении не было ничего невозможного»[73].

В этой весьма интересной дискуссии я не могу согласиться с Т. В. Гимоном в датировке двух «промосковских» исправлений, произведенных

[69] *Севальнев А. В.* Когда и кем было исправлено известие Синодального списка Новгородской I летописи о взятии Иваном Калитой Торжка и Бежецкого Верха?: (К вопросу о практической палеографии средневековья) // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII науч. конф., Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 366–369.

[70] *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики. Исследователь в этой связи ссылается на работу: *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Тр. Московск. гос. историко-архивного ин-та. М., 1961. Т. 17. С. 399–428, где приводится ряд примеров фальсификации документов и их разоблачений в XVI–XVII вв.

[71] *Богданов С. В.* К вопросу о датировке жалованных грамот великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю и печорским сокольникам. С. 226–245.

[72] *Севальнев А. В.* Когда и кем было исправлено известие Синодального списка... С. 367.

[73] *Гимон Т. В.* Новгородское историописание в правление архиепископа Василия Калики.

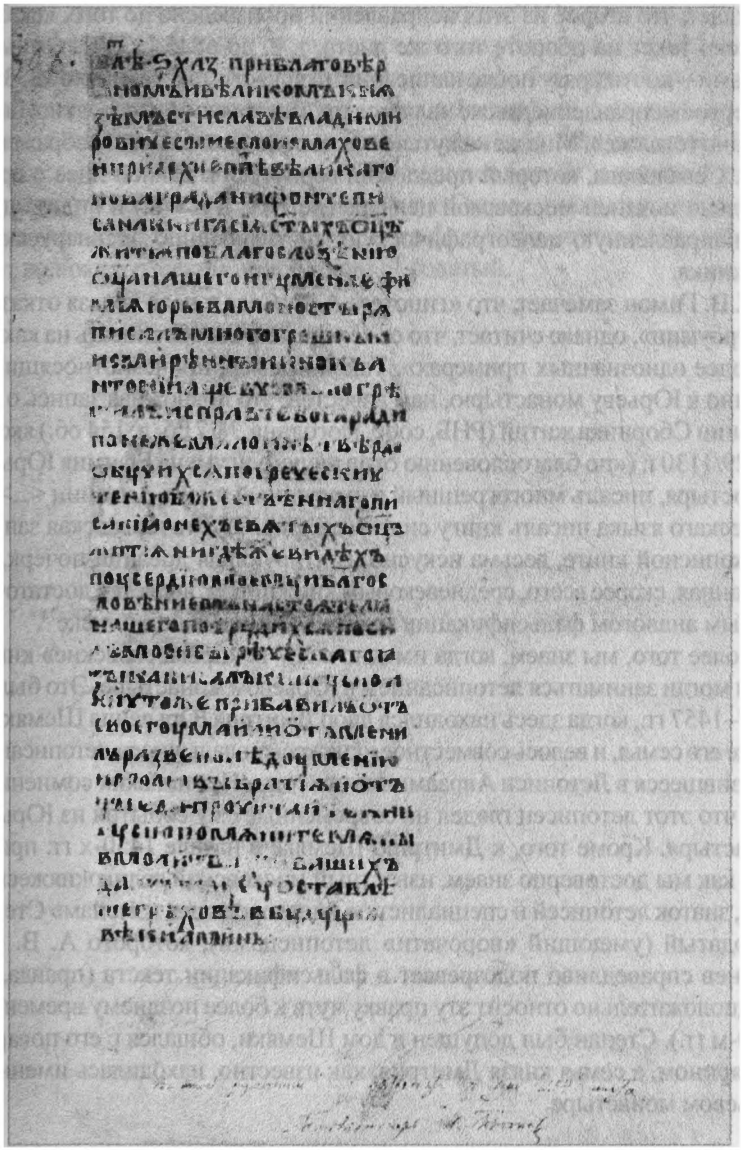

Рис. 7. РНБ, собр. М. Н. Погодина. № 71 б. Л. 154 об.
Подложная запись «1129/1130 г.». Юрьев монастырь

в Синодальном списке. Исследователь вслед за А. Н. Насоновым утверждает, что второе из этих исправлений произведено до того, как был написан текст на обороте того же листа, т. е. до 6845 [1337] г., иными словами – почти сразу после написания этой части текста (около 1333 г.); «...первое исправление также является промосковским и, вероятно, было сделано тогда же». Мне же кажутся весьма основательными соображения А. В. Севальнева, который предложил вернуться к давней идее о сравнительно поздней московской цензуре (не XIV, а XV в.) и видит здесь целенаправленную палеографическую мистификацию древнерусского книжника.

Т. В. Гимон замечает, что «гипотезе А. В. Севальнева нельзя отказать в остроумии», однако считает, что ее «следовало бы обосновать на каких-то более однозначных примерах». Такой пример, причем относящийся именно к Юрьеву монастырю, нам известен: это подложная запись о написании Сборника житий (РНБ, собр. Погодина, № 71 б, л. 154 об.) якобы в 1129/1130 г. («по благословению отца нашего игумена Ефимия Юрьева моностыря, писалъ многогрешный и смиренный инокъ Антонии <...> съ греческаго языка писалъ книгу сию») (см. рис. 7). Эта юрьевская запись в рукописной книге, весьма искусно имитирующая древний почерк, но сделанная, скорее всего, средневековым книжником, является достаточно точным аналогом фальсификации текста в Синодальном списке[74].

Более того, мы знаем, когда именно в XV в. «промосковские» книжники могли заниматься летописанием в Юрьевом монастыре. Это было в 1447–1457 гг., когда здесь находился двор Дмитрия Юрьевича Шемяки, а также его семья, и велось совместное «княжеско-владычное» летописание, отразившееся в Летописи Авраамки за эти годы. Нет никаких сомнений в том, что этот летописец глядел на современные ему события из Юрьева монастыря. Кроме того, к Дмитрию Шемяке в начале 1450-х гг. приезжал, как мы достоверно знаем, известный московский великокняжеский дьяк, знаток летописей и специалист по «новгородским изменам» Степан Бородатый (умеющий «ворочати» летописцами), которого А. В. Севальнев справедливо подозревает в фальсификации текста (правда, он предположительно относит эту правку чуть к более позднему времени, к 1470-м гг.). Степан был допущен в дом Шемяки, общался с его поваром и боярином, а семья князя Дмитрия, как известно, находилась именно в Юрьевом монастыре.

[74] *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики. С. 18–21 (прочтение текста – на с. 18, фотокопия записи – на с. 19).

Таким образом, гипотеза А. В. Севальнева о «промосковской» фальсификации текста летописи в Юрьевом монастыре XV в. находит дополнительные подтверждения и оказывается весьма убедительной. Одинокий и нехарактерный для XIV в. пример, когда якобы «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»[75], следует в таком случае отнести к более позднему времени, когда функции летописей изменились, и они действительно стали орудием в борьбе за власть. Можно полагать, что промосковские исправления в Синодальном списке сделаны «рукой Москвы» в середине XV в. и что фальсифицировал летописный текст великокняжеский дьяк Степан Бородатый.

[75] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 538.

ОЧЕРК 3

ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА В ЛИСИЦКОМ МОНАСТЫРЕ В КОНЦЕ XV ВЕКА [2015 г.]

Одно из самых замечательных открытий Елены Константиновны Ромодановской – обнаружение единственного отдельного списка «Синодика ермаковым казакам» – убедительно показало, каким существенным историко-литературным источником может являться церковно-поминальный текст[1]. К произведениям такого рода относится и дошедшая до нас в составе Синодика Новгородского Лисицкого монастыря краткая запись о поминальной трапезе в конце XV века. Хотя этот текст уже не раз цитировался в научной литературе (в работах А. А. Покровского, В. Л. Янина, С. В. Фролова)[2], до сих пор он изучен и прокомментирован совершенно недостаточно.

В древнерусских монастырях XV–XVI вв. существовала развитая практика поминальных трапез с употреблением хмельных ритуальных напитков – меда, пива и кваса[3]. Описывая такого рода трапезы, С. В. Фролов использовал недавно обнаруженные записи о поминальных обедах для братии Новгородского Деревяницкого монастыря по усопшим новгородским

[1] *Ромодановская Е. К.* Синодик ермаковым казакам: Предварительное сообщение // Известия Сиб. отд-ния АН СССР. № 11. Сер. обществ, наук. 1970. Вып. 3. С. 14–21; переиздание статьи см. на с. 135–144 1-го тома; *Ромодановская Е. К.* Избранные труды: Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 58–61, 130, 131, 360–361 и др.

[2] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916. С. 289 (Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. Т. 2); *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 114 (прим. 55); Каталог славяно-русских рукописных книг XI-XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, А. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 2. С. 308; *Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом» // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 202.

[3] *Романенко Е.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 227-272 (глава 9 «Монастырская трапеза»); *Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 196-204.

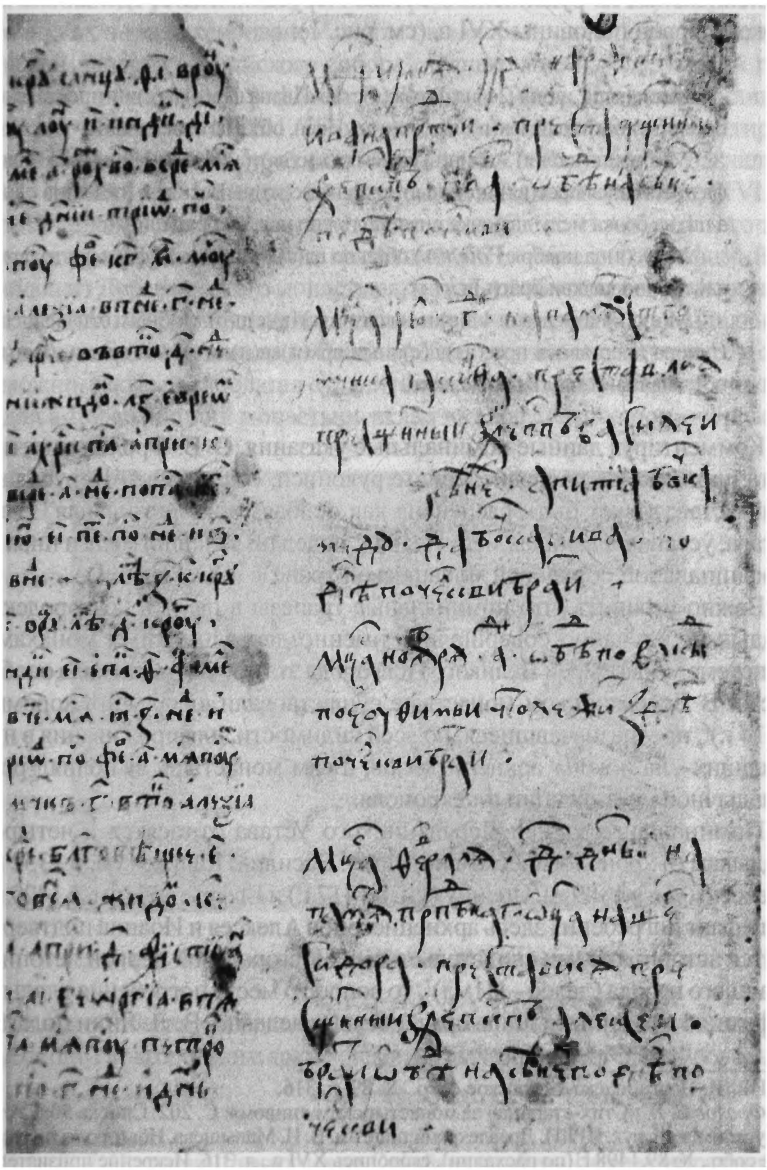

Рис. 1. Устав Иерусалимской редакции из Деревяницкого монастыря. ИРЛИ. Новгородско-Псковское собр. № 89. Л. 316

архиепископам из рукописного Устава Иерусалимского, сделанные почерком первой половины XVI в. (см. рис. 1):

> М(е)с(я)ца июня 24 на Р(о)ж(е)ство Ивана Пр(е)дт(е)чи преста[вися] пр(е)с(вя)щ(е)нный арх(и)еп(и)ск(о)пъ Иван, обѣд на сѣнех, подѣл по челкви.
>
> М(е)с(я)ца июл(я) 3 д(е)н(ь) на памят(ь) с(вя)т(а)го и м(у)ч(е)н(и)ка Иакинфа преставися прес(вя)щ(е)нныи архиеп(и)с(ко)пъ Василеи, [обѣд н]а сѣнех, а питиа бочка меду да бочка пива, подѣл по челкви брат(ь)и.
>
> М(е)с(я)ца ноября 1 *д(е)н(ь)* обѣд по вл(а)д(ы)кы по Еуфимьи, что лежит здѣс(ь), по челкви брат(ь)и.
>
> М(е)с(я)ца февраля 4 д(е)нь на памят(ь) пр(е)п(о)д(о)бнаго отца нашег(о) Сидора преставися прес(вя)щ(е)нныи арх(и)еп(и)ск(о)пъ Алексеи, брат(ь)и обѣд на сѣнех, подѣл по челкви[4].

Комментируя данные поминальные указания, С. В. Фролов отметил: «Эта приписка на последнем листе рукописи, содержащей Иерусалимский устав, может быть расценена как особая "дополнительная" глава Устава, устанавливающая меру пития ("подел по челкви") меда и пива на неофициальной обрядовой монашеской трапезе в XVI в.»[5].

Важно уточнить, что поминальные трапезы в память новгородских владык не случайно совершались именно деревяницкими монахами. В системе монастырей Великого Новгорода эта обитель занимала особое место. В Деревяницком монастыре существовали «владычнѣ хоромы» (1414 г.)[6], предназначавшиеся, по всей видимости, для проживания в них ушедших «на покой» архиепископов, а сам монастырь выполнял роль «владычной» резиденции и некрополя.

Поминальные записи Деревяницкого Устава относятся к четырем владыкам (в хронологическом порядке): Василию Калике (ум. в 1352 г.), Алексею (ум. в 1389 г.), Иоанну (ум. в 1417 г.) и Евфимию I (ум. в 1429 г.). Если факт погребения здесь архиепископов Алексея и Иоанна подтверждается авторитетными свидетельствами Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1мл)[7], то вопрос о месте погребения владыки Евфимия I прояснился лишь сравнительно недавно. В. Л. Янин полагал,

[4] ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 89, л. 316.

[5] *Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 202. Сноска 50: «Устав Иерусалимский, рук. ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Новгородско-Псковское собр., № 89,1498 г. (по пасхалии), скоропись XVI в., л. 316. Искренне признателен Н. В. Савельевой, любезно предоставившей сведения об этих записях, и В. П. Бударагину за консультацию в работе с ними».

[6] Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 404.

[7] Там же. С. 407, 475.

что «место погребения Евфимия I Брадатого (1423-1429) в древних источниках не зафиксировано»[8], и что он мог быть похоронен в Мартириевской паперти Софийского собора[9]. Однако уже на следующий год после публикации монографии В. Л. Янина, в 1989 г., Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) приобрело процитированный выше Устав Иерусалимский. Рукопись датируется по пасхалии 1498 г. и, согласно записям, принадлежала в первой половине XVI в. Деревяницкому Воскресенскому монастырю. Одна из записей того же времени прямо указывает, что архиепископ Новгородский Евфимий I, выходец из Деревяницкого монастыря, в этой же обители был похоронен («лежит здѣсь»). В находящейся рядом записи упоминается поминальная трапеза для братии по владыке Василии Калике, из чего следует, что и он, возможно, также предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, поэтому дал в Деревяницкий монастырь вклад на свое «вечное поминание»[10].

Е. К. Ромодановская, А. Г. Бобров, В. П. Бударагин, 1999 г.

Запись об обедах для братии Новгородского Деревяницкого монастыря по усопшим новгородским архиепископам была признана С. В. Фроловым

[8] *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 66.

[9] Там же. С. 66, 87.

[10] *Бобров А. Г.* Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 190; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 90.

«великолепной иллюстрацией того, как были усвоены и приняты в русских монастырях буква и дух правил Иерусалимского устава»[11].

Не только Деревяницкий монастырь в эпоху новгородской независимости может рассматриваться как «владычный», находившийся в прямом подчинении архиепископской кафедры. Судя по всему, таких обителей было по меньшей мере три, и они находились на Торговой стороне, в непосредственной близости друг от друга. В 1386 г. при наступлении войск Дмитрия Донского самими новгородцами были сожжены все окрестные монастыри за исключением трех обителей: Хутынского, Деревяницкого и предположительно уже существовавшего к этому времени Лисицкого монастырей. В научной литературе уже отмечалось, что эти три обители в XV веке «составляли некое единство»[12]. Это может быть соотнесено с их особой судьбой во время военных действий 1386 г. Судя по всему, принятое на городском вече решение о сожжении пригородных монастырей для трех указанных обителей не имело обязательной силы, что говорит об их особой юрисдикции. Очевидно, существование системы архимандритии – «особого государственного института, зависимого от архиепископа только в области церковно-канонического права, подчиняющегося боярскому вечу и формируемого на вече»[13] с входящими в ее состав кончанскими и ктиторскими монастырями – привело к выделению в противовес им особой группы «владычных» (архиепископских) обителей, подчиняющихся кафедре напрямую, без посредства архимандрита и стоявшего за ним веча.

Отголоски существования в древнем Новгороде трех особых монастырей можно обнаружить и в фольклоре. В одной из версий былины о Василии Буслаевиче говорится о споре («великом закладе») между дружиной Василия и горожанами «На весь на Новгород, Окроме трех монастырей: Спаса Преображения, Матушки Пресвятой Богородицы, Да еще монастыря Смоленского»[14]. Учитывая возможность некоторого искажения в устной традиции названий обителей, мы видим те же три монастыря, на которые не может спорить «весь Новгород» (то есть не входящих в его юрисдикцию): 1) Спасо-Преображенский (= Хутынский); 2) Богородичный (= Рождества Богородицы Лисицкий) и 3) Смоленский (= Деревяницкий; замена, вероятно, произошла по семантическому сходству: «смола» – «дерева»).

[11] *Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 202.

[12] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 23.

[13] *Янин В. Л.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 919.

[14] Новгородские былины. М., 1978. С. 22 (сер. «Литературные памятники»).

Лисицкий и Деревяницкий монастыри, наряду с Хутынью, действительно «составляли некое единство», поэтому естественным представляется и сходство поминальной практики в этих обителях. В качестве параллели к известиям о поминальных трапезах деревяницких монахов С. В. Фролов заметил: «Известны и другие случаи обрядового поминания братией едой и питием в новгородских монастырях эпохи "культурного компромисса". Так, например, в Синодике Лисицкого монастыря находим запись середины XV в.»[15].

Названная рукопись, относящаяся к концу XIV в., является самым ранним из всех сохранившихся до нашего времени древнерусских синодиков-помянников[16]. С высокой степенью вероятности по совокупности ряда косвенных признаков может быть установлено место создания самой пергаменной рукописи. Во-первых, совпадают имя писца первоначального текста Синодика Пимена с именем одного из переписчиков другой лисицкой рукописи, Тактикона Никона Черногорца 1397 года (РНБ, F.п.I.41). Почерк Пимена – писца Синодика весьма похож на почерк Пимена – первого писца Тактикона. Во-вторых, в Синодике имеются указания на посвящение монастыря, в котором создана рукопись, Рождеству Богородицы. В-третьих, перечень поминаемых новгородских владык дополнен именем коломенского епископа Илариона, выходца из Лисицкого монастыря[17]. В-четвертых, имеется владельческая запись на рукописи («Лисья монастыря»), относящаяся к XVII в. Таким образом, мы приходим к заключению, что Синодик наверняка происходит из библиотеки Лисицкого Рождества Богородицы монастыря, в которой он находился вплоть до XVII в., и почти наверняка – из книгописной мастерской этой обители[18].

---

[15] *Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом». С. 202. Сноска 52: «ЦГАДА, ф. 381 (собр. Синод. типографии), № 141, л. 87. Благодарю за этот пример А. Г. Боброва. Описание рукописи см.: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV – перв. пол. XV в.) // Рукописные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 84».

[16] Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв. С. 307-308; *Сазонов С. В.* О синодике новгородского Лисицкого монастыря // Археология и история Пскова и Псковской земли: 1992. Псков, 1992.

[17] Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв. С. 308; См. о нем: *Турилов А. А.* Иларион // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 156-157.

[18] *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV – первая половина XV в.) // Рукописные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 84-86. Из этой локализации рукописи следует одно важное обстоятельство. В Синодике содержится перечень 26 имен «архиманьдритъ игуменовъ» (л. 4–4 об.) и более 100 имен «братьи нашей калугеров», «яже окрестъ святеи Богородици лежащихъ» (л. 5 об. – 11). Если это имена игуменов и монахов Лисицкого монастыря, то основание обители следует датировать не концом XIV в., а значительно более ранним

Весь Синодик написан на пергаменте разными почерками конца XIV–XV вв., но одна вставная тетрадь, содержащая восемь листов, вложенных в пергаменный синодик, написана на бумаге (л. 82–89)[19]. Именно в этой вставной бумажной тетради находится интересующая нас поминальная запись, выполненная беглым полууставом последней четверти XV в. (а не «середины XV в.», как полагал С. В. Фролов).

На бумажных листах Лисицкого Синодика имеются сделанные разными почерками поминания следующих родов: «А се род Михаилѣ Медовника» (л. 82–82 об.); «А се родъ Офимьи Есипа Горошкова» (л. 82 об. – 83); «А се род Варлама Лисичника» (л. 83–83 об.); «А се род инок(а) Мантуриа» (л. 84); «А се род Деонисиа стараго» (л. 85 об.); «А се род Фомы Малого з Дворища» (л. 85 об.-86); «А се род с(вя)щ(е)нноинока Иакима» (л. 86 об.); «А се род(и)тели Марфѣ Мѣхиевѣ с Вареской улици» (л. 86 об.); [Род] «Марьинъ Офоноса Остафьевич(а) посадника» (л. 87–88); «А се родъ Стехна Фомина» (л. 88–89).

Поминальная запись в Лисицком Синодике, датируемая последней четвертью XV в. (см. рис. 2 и 3), гласит следующее:

временем, а именно домонгольским периодом. Действительно, можно предполагать существование обители до ее первого упоминания в летописи под 1389 г. («И на Лисицьи горке поставиша церковь древяную Рожество святыя Богородица» // ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. С. 158), в котором, по-видимому, обитель названа как уже существующая, а не только что основанная, поскольку в соседнем известии в той же летописной статье об основании другого монастыря говорится иначе: «И на Сокольи горке поставиша церковь древяну святого Николу, *и манастырь устроиша*» (Там же. Курсив мой. – *А. Б.*). Хронологические указания в Житии постриженника Лисицкого монастыря Арсения Коневского позволяют отнести приход преподобного в обитель приблизительно к 1382 г., поскольку утверждается, что он прожил в иночестве 65 лет и умер в 1447 г. (БЛДР. СПб., 2005. Т. 13: XVI в. С. 158, 174, 773–776). В Новгороде бытовали предания о существовании Лисицкого монастыря прежде возникшего в конце XII в. соседнего Варлаамиева Хутынского монастыря: считалось, что на Лисьей горе были похоронены родители Варлаама Хутынского (*Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. Ч. 1. С. 430–431; *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства. Т. 2. С. 310), и что сам Варлаам, согласно Житию Ксенофонта Робейского, до того, как он стал основателем своей обители, игуменствовал в Лисицком монастыре (*Бобров А. Г.* Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257–268).

[19] Водяной знак «Голова быка» читается только на л. 85 и просматривается не очень отчетливо. Схожие по рисунку и размерам знаки датируются 1480–1490-ми гг.: Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Findbuch II der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv. Stuttgart / Bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1966. T. 2. S. 444. VII: 691–692 (1486, 1487; 1487–1497 гг.); Piccard-Online, № 76497, 1487–1488 гг. (http:// www.piccard-online.de – проверено 18.04.2015). Благодарю А. Н. Левичкина за помощь в поисках схожих знаков. В описании рукописей РГАДА указана менее схожая филигрань «голова быка – т. б. Лихачев № 3501 – 1447 г.» (Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв. С. 307), что, очевидно, и привело С. В. Фролова к датировке поминальной записи серединой XV в.

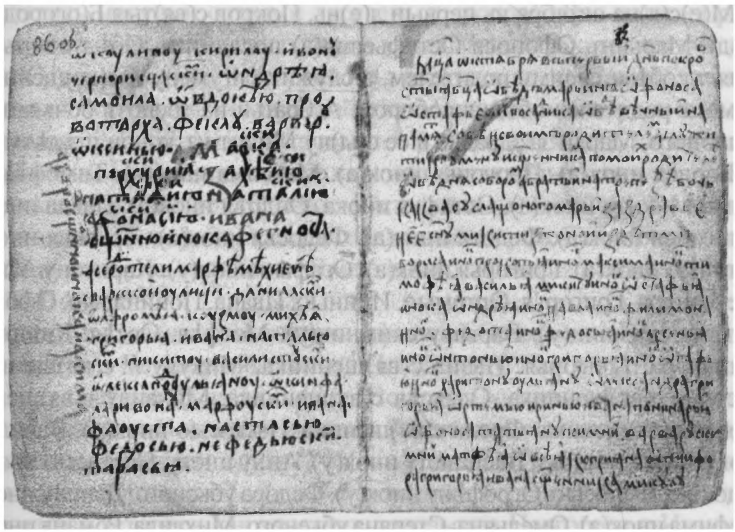

Рис. 2. Синодик из Лисицкого монастыря. РГАДА. Ф. 381. (собр. Синодальной типографии). № 141. Л. 86 об. – 87

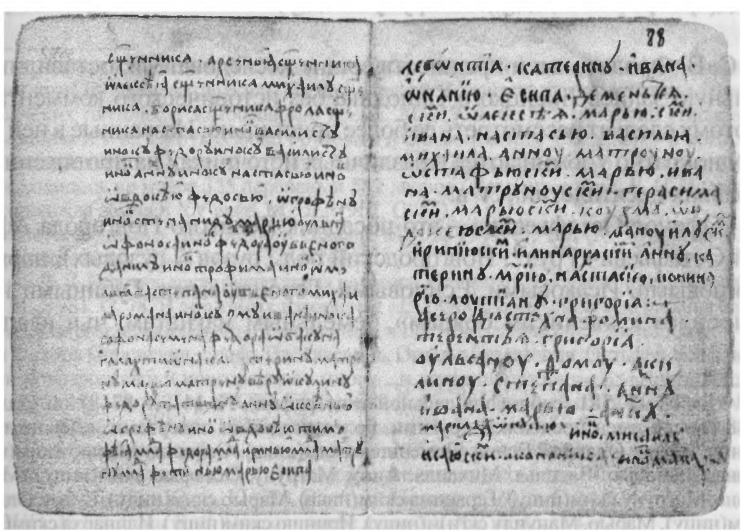

Рис. 3. Синодик из Лисицкого монастыря. РГАДА. Ф. 381 (собр. Синодальной типографии). № 141. Л. 87 об. – 88

М(е)с(я)ца октября въ первыи д(е)нь, Покров с(вя)тыя Б(огороди)ца, обѣдъ Марьинъ Офоноса Остафьевич(а) посадника. Обѣд вѣчныи на памят собѣ и своимъ родителем, а служити игумену и с(вя)щенникам по моих родителех обѣдня собором. А братьи на трепезѣ бочька квасу слащоного, Марьи за здравье и ее с(ы)ну Микити з жонои и з дѣтми.

Бориса инок(а). Прокопья инок(а). Максима инок(а). Тимофѣя. Василья. Микиту инок(а). Остафья инока. Ондрѣя инок(а). Павла инок(а). Филимона инок(а). Федота инок(а). Федосья инок(а). Арсенья инок(а). Онтонью инок(а). Григорья инок(а). Огафью инок(у). Харитону. Ульяну. Олександра. Григорья. Ортемью. Иринью. Ивана. Понинарью. Офоноса. Татьяну скимниц(у). Варвару скимниц(у). Матфѣя. Овсѣя. Кюприяна. Онцифора. Григорья. Ивана с(вя)щенника. Микулу // с(вя)щенника. Арсенья с(вя)щенника. Олексѣя с(вя)щенника. Михаилу с(вя)щеника. Бориса с(вя)щеника. Фрола с(вя)щеника. Настасью инок(у). Василисту иноку. Федору иноку. Василисту инок(у). Анну иноку. Настасью инок(у). Овдокѣю. Федосью. Огрофѣну инок(у). Федора убьеного. Данилу инок(а). Трофима инок(а). Омельяна. Степана убьеного. Михаила. Романа инок(а). Кузму. Ивана инок(а). Софона. Семена. Федора. Обакуна. Галахтиона. Катерину. Матрену. Марью. Матрену. Вѣру. Окулину. Федору. Татьяну. Анну. Оксѣнью. Огрофѣну инок(у). Овдокѣю. Тимофѣя млад(а). Федора млад(а). Иринью млад(у). Матруну млад(у). Фетинью. Марью. Есипа[20].

С. В. Фролов, как и предшествующие исследователи, оставил поминальную запись Лисицкого Синодика без исторического комментария, поэтому следует рассмотреть ее более пристально. Названные в ней лица неоднократно упоминаются в различных источниках на протяжении нескольких десятилетий XV в.

«Офонос Остафьевич» – это посадник Великого Новгорода Афанасий Остафьевич Груз[21]. Новгородский род Грузов (Грузовых), наряду с Овиновыми, Исаковыми, Есиповыми, Горошковыми, Губиными и др., относился к «великим боярам», земельным магнатам, чьи владения

[20] РГАДА. Ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 141, л. 87–87 об. Далее на л. 88 список имен продолжен другими, более поздними почерками: «Левонтия. Катерину. Ивана. Онанию. Есипа. Деменьтея ским(ника). Олексѣя. Марью ским(ницу). Ивана. Настасью. Василья. Михаила. Анну. Матруну. Остафью ским(ницу). Марью. Ивана. Матруну ским(ницу). Герасима ским(ника). Марью ским(ницу). Кузму. Овдокею ским(ницу). Марью. Мануилу ск(и)м(ницу). Иринию ским(ницу). Илинарха ским(ника). Анну. Катерину. М(а)рию. Настасию. Понинарию. Лутиану. Григория».

[21] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII-XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 61; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. Изд. 2-е, перераб. и дополн. С. 368–371, 502.

исчислялись многими сотнями деревень и дворов[22]. Вся история рода Грузовых от возвышения до падения укладывается в хронологические рамки XV века. Впервые Афанасий Груз был упомянут в Данной грамоте скотников и помужников Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами.[23] В этом документе, датируемом В. Л. Яниным 1440-ми гг., он еще не носит посадничьего титула и называется сыном тысяцкого («Офоносъ Остафьинъ тысячкого»). Отец Афанасия тысяцкий Остафий (Остафья) предположительно был отождествлен В. Л. Яниным с упомянутым в Н1мл одним из воевод в походе на Ржеву зимой 1434/1435 г.[24]

В качестве степенного посадника Афанасий Остафьевич Груз впервые упоминается в Договорной грамоте Новгорода и Пскова с Ливонией о мире, заключенной 25 июля 1448 г.[25] Во время составления Договорной грамоты Великого Новгорода с князем Василием Васильевичем о предоставлении ему «черного бора» (1461 г.) Афанасий Груз также именуется степенным посадником[26]. Далее «посадникъ Офоносъ Остафьевичь» называется в летописи как участник посольства Новгорода к Ивану III «о смирении мира». Посольство пробыло «немало дний на Москвѣ» (выехали из Новгорода 22 декабря 1462 г., вернулись 9 февраля 1463 г.), «а о блазень миру не успѣша ничто же»[27]. 18 марта 1466 г. Афанасий Остафьевич упоминается как степенной посадник в Договорной грамоте

[22] С. А. Тараканова-Белкина к числу «великих бояр» Новгородской земли относит 22 фамилии (*Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939. С. 51). Согласно Писцовым книгам конца XV в., «в руках бояр Грузовых и близких к ним Слизиных» в погостах по Свири, в Северном Прионежье (Шуя, Кижи) и за Онежским озером (Водлозеро, Пудога) находилось не менее 355 деревень и 582 дворов (см.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 57).

[23] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 148 (№ 90); *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 244-245.

[24] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 78. В летописях говорится: «Ездиша воеводы новгородчкыи в зиме: посадникъ новгородчкои Иванъ Васильевиць, и посадникъ Григории Кюрилович и тысячкои Федоръ Олисиевич, Есифъ Васильевиць, Онанья Семенович, Остафеи Есифович, и бояри новгородскыи и новгородчовъ много... и казниша ржевиць...» – Новгородская первая летопись... С. 417; ср.: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 179. Предположение В. Л. Янина о том, что летописный Остафеи Есифович может быть отцом Афанасия Остафьевича Груза, было поддержано Л. А. Бассалыго (*Бассалыго Л. А.* Новгородские тысяцкие. Часть III // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013. С. 118).

[25] ГВНП. № 73; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII-XV вв. С. 114–116.

[26] ГВНП. № 21; Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 323; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 184–185.

[27] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211.

Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года[28], а предположительно в марте-мае 1471 г. – в Договорной грамоте короля Казимира IV с Новгородом[29].

Наконец, из летописей мы знаем об участии Афанасия Груза в трех встречах с Иваном III во время «мирного похода» на Великий Новгород 1475–1476 г. (17 ноября и 1 декабря 1475 г., 2 января 1476 г.)[30]. В пятницу, 17 ноября 1475 г., великого князя встречала вся семья Грузовых: *«Офонас Груз, брат его Тимофѣьй,* Иванъ Шенкурской, *Никита Офонасов, Кузма брат Грузов с сыном Тимофѣьемъ...»*[31]. 1 декабря того же года «Офонас Груз Остафьевъ» был у великого князя на Городище[32], а 2 января 1476 года он принимал Ивана III у себя в Новгороде («Генваря въ 2 день. Пиръ у Вофонасиа у Груза; даровъ от него: 30 золотыхъ корабленныхъ, 3 постава сукна Ипского»[33]). Таким образом, Афанасий Груз был здравствующим и действующим посадником еще в начале января 1476 г.

В более поздних источниках его имя уже не встречается, но его родственники продолжали принимать участие в политической жизни и после присоединения Новгорода к Москве в январе 1478 г. Брат Афанасия Остафьевича боярин Тимофей Остафьевич (также занимавший посадничью степень в Новгороде в 1471 г. и 1475 г.[34]) 1 сентября 1481 г., участвовал в заключении договора с Ливонским орденом о перемирии на 10 лет[35]. Еще позже, в марте 1487 г., незадолго до «вывода» новгородских бояр 1488–1489 гг., в Договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на 20 лет в качестве участника крестоцелования был упомянут другой брат Афанасия Груза, боярин Кузьма «Остахенович» (= Остафьевич)[36]. Не только в поминальной записи Лисицкого Синодика, но и в новгородских писцовых книгах фигурирует сын Афанасия Остафьевича – Микита (Никита) Афанасьевич Грузов. В. Л. Янин отметил, что «в писцовых книгах бывшие владения Офонаса Грузова упомянуты

[28] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 76; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 117-118.

[29] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 77; *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 187-188.

[30] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 368-371.

[31] ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. Стб. 242. Курсив мой. – *А. Б.* Ср.: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 159.

[32] ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 248; ср.: ПСРЛ. Т. 12. С. 164.

[33] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. С. 514; ср.: ПСРЛ. Т. 12. С. 166.

[34] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 26, 98; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 189,193; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 379–381, 510.

[35] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 121–122.

[36] Там же. С. 122–123.

только в Бежецкой пятине (в книге 1545 г.), тогда как Никите Грузову принадлежат большие массивы вотчин в Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятинах. Поэтому очевидно, что Офонас Остафьевич не дожил до боярского "вывода", упоминание же его земель в Бежецкой пятине... является реликтовым»[37].

Записанный в Лисицкий Синодик степенной посадник Афанасий Остафьевич Груз, как установил В. Л. Янин, принадлежал к боярству Славенского конца[38]. Следовательно, заключает исследователь, «к тому же концу надо отнести также всех Грузовых: братьев Афанасия Остафьевича – Тимофея и Кузьму Остафьевичей, сына Афанасия Груза – Микиту Афанасьевича, сына Кузьмы Остафьевича – Тимофея Кузьминича»[39]. Все пятеро Грузовых (три брата «Остафьевича» и два представителя следующего поколения) встречали Ивана III на пути в Новгород 17 ноября 1475 г.[40]

Связь боярских кланов Славенского конца с Лисицкой обителью представляет собой интересную проблему, затрагивающую новгородскую агиографию и историю монастырского землевладения. В Житии Саввы Вишерского рассказывается о том, как этот преподобный сначала поселился у притока реки Вишеры – Сосницы, но это место принадлежало Лисицкому монастырю, монахи которого препятствовали основанию новой обители на их земле: «По сем же нѣкоему времени минувшу, нѣции от инокъ монастыря, иже Лисичиа гора зовомаа, не оставляху старца тамо житие имѣти, выше бо помянутого монастыря бяше мѣсто то. И сего ради блаженный Сава, яко услыша брань, бывающу о мѣсте, посылает тогда во град нѣкоего от ученикь своих, именем Ефрема, въ Славный конець, посадникомь и тысяцким, и прочим господинимь, христоименитымъ людемъ, испросити от них мѣсто над Вѣшерою рѣкою и тамо обитель составити. Они же с радостию даша ему мѣсто, иже прошаше»[41].

В результате «брани о месте» монастыря преподобный Савва получил от Славенского конца Великого Новгорода землю для своей обители на берегу реки Вишеры. М. А. Федотова следующим образом трактует данное известие Жития: «Савва Вишерский посылает Ефрема туда, потому что именно в ведении Славенского конца и находился Лисицкий монастырь»[42], то есть исследовательница считает земли Лисицкого монастыря «кончанскими», поэтому славенские бояре якобы имели

[37] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 114.
[38] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 402.
[39] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 70.
[40] ПСРЛ. Т. 6. С. 200–201; ПСРЛ. Т. 25. С. 304-305; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 57.
[41] БЛДР. Т. 12: XVI век. СПб., 2003. С. 66.
[42] Там же. С. 548.

возможность распоряжаться ими и решить земельный спор в пользу Саввы. Источники, однако, не подтверждают такую точку зрения. Было установлено, что славенскими «кончанскими» обителями являлись Сковородский Михайловский и Павлов монастыри[43], а Лисицкий, наряду с Хутынским и Деревяницким монастырями, напротив, рассматривается как «владычный», находившийся в юрисдикции не муниципальных властей, а непосредственно архиепископской кафедры[44]. О том, что Лисицкий монастырь не мог быть славенской «кончанской» обителью, косвенно свидетельствует, в частности, наличие в его Синодике поминания посадничьего рода Горошковых («А се родъ Офимьи Есипа Горошкова»)[45]. Здесь речь идет о Есипе (Есифе) Горошкове, который был новгородским посадником в 1440–1460-х гг.[46] В Лисицком Синодике, наряду с другими именами, поминаются сам Есиф Андреянович, его отец «Ондрѣян» и его сын Иван. Летописное известие 1463 г. о пожаре двора Есифа Горошкова позволяет уверенно считать его жителем не Торговой, а Софийской стороны (и не Славенского, а Загородского конца)[47].

Таким образом, бояре Славенского конца не могли являться владельцами и распорядителями земельной собственности Лисицкого монастыря. В таком случае, скорее всего, Савва Вишерский получил от «посадников и тысяцких» Славенского конца не спорную землю на р. Сосница, принадлежавшую Лисицкому монастырю, как думает М. А. Федотова, а какой-то другой участок земли на р. Вишера, предназначенный для строительства новой обители. Об этом свидетельствуют и формулировки самого Жития: Савва Вишерский спорил с лисицкими иноками из-за «мѣста близъ рѣкы Сосница», где он уже начал было «келии здати»[48], а после получения земли от Славенского конца «над Вѣшерою рѣкою» Савва «вселися тамо и всячески, елико мощно, подвизашеся обитель составити, и келию бо водрузивъ...»[49]. Получается, что на новом месте Савва вновь начинает возводить келью, что было бы излишним, если он просто получил права на уже занятую землю с построенными ранее кельями. Что же касается земли у реки Сосница, принадлежавшей Лисицкому монастырю, то она

[43] *Янин В. Л.* Монастыри средневекового Новгорода... С. 916–920.

[44] *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 32, 53–54.

[45] РГАДА, ф. 381 (собр. Синодальной типографии), № 141, л. 82 об. – 83.

[46] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 368, 504.

[47] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 214: «...сгорѣша двора два: Есифа Григорьева и Есифа Ондрѣянова, и вся Гребля дворы хрестьянсыа, и двѣ церкыи огорѣша: храмъ святого Иоанна Предтеци и храмъ святѣй Богородици Ведения». См.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 68.

[48] БЛДР. Т. 12. С. 64.

[49] Там же. С. 66.

в результате оказалась поодаль, в 5 км от нового места Вишерского монастыря[50].

Итак, Лисицкий монастырь, находившийся в юрисдикции «Дома святой Софии», уже в начале XV в., во времена Саввы Вишерского, владел землями, непосредственно примыкавшими к владениям Славенского конца. Этим близким соседством и объясняется, по всей вероятности, упоминание в Лисицком Синодике славенского посадника Афанасия Остафьевича Груза с женой Марьей и сыном Микитой, а также родов Фомы Малого «з Дворища» (л. 85 об., 86) и Марфы Мехиевой «с Вареской улици» (л. 86 об.).

Запись в Лисицком Синодике от лица Марьи, жены Афанасия Остафьевича, содержит поминальную, «заупокойную» часть («по моих родителех») и «заздравную» часть («Марьи за здравье и ее с(ы)ну Микити з жонои и з дѣтми»), однако при этом сам посадник Афанасий Груз не упомянут ни в той, ни в другой части. Очевидно, в момент вклада Марьи на «обѣд вѣчныи» его уже не было в живых, поэтому его имени нет среди поминаемых «за здравье». В перечне имен, следующем непосредственно за основной записью и сделанном тем же почерком (не заздравного, а поминального характера, судя по наличию в нем «убиенных» Федора и Степана), встречаются многие известные нам имена бояр Грузовых. Мы находим здесь «Тимофѣя» (брата Афанасия Остафьевича?), «Остафья инока» (отца Афанасия Остафьевича под мирским именем с указанием на факт предсмертного пострижения в монахи?), «Офоноса» (самого Афанасия Остафьевича?), «Кузму» (брата Афанасия Остафьевича?), «Марью» (жену Афанасия Остафьевича?), «Есипа» (деда Афанасия Остафьевича?).

В любом случае, относятся эти имена к роду Афанасия Груза или нет, можно сделать вывод, что его вдова Марья сделала некий значительный вклад в Лисицкий монастырь на «вечное поминание», позволившей ежегодно на Покров Богородицы, 1 октября, «служити игумену и с(вя)щенникам» обедню «собором», а также потчевать братию «бочькой квасу слащоного». Этот вклад и, соответственно, поминальная запись

[50] Там же. С. 548. Дошедшие до наших дней две грамоты посадников Славенского конца Савво-Вишерскому монастырю, согласно В. Л. Янину, датируются серединой 1460-х гг. (между 1463 и 1467 гг.). Первая из них является подтвердительной относительно прежнего дарения, сделанного ранее, около 1417 г., старцу Савве при основании им Вишерского монастыря, а вторая, выданная одновременно с первой, производит размежевание земли обители с землей боярина Ивана Васильевича Губарева (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 91,112; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. С. 221–222; *Анкудинов И. Ю.* Историко-географический комментарий к грамоте Славенского конца новгородскому Савво-Вишерскому монастырю // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2011. Вып. 25. С. 347–356).

в Лисицком Синодике, могут быть датированы временем между январем 1476 г. (последнее упоминание Афанасия Остафьевича как живого) и 1488–1489 гг. (последний массовый «вывод» бояр из Новгорода[51], после которого дальнейшая судьба всего рода Грузовых неизвестна). Не исключено, что вклад Марьи в Лисицкий монастырь был каким-то образом связан с «выводом» всего рода Грузовых из Новгорода в конце 1480-х гг.

Как заметил Р. Г. Скрынников, «чтобы покончить с республикой, Ивану III пришлось экспроприировать и выселить из пределов Новгородской земли всех местных бояр, а затем купцов и средних земледельцев... Экспроприация всех новгородских землевладельцев доказывала, что речь шла не об объединении Новгорода с Москвой, а о жестоком завоевании, сопровождавшемся разрушением всего традиционного строя общества»[52]. Схожую мысль высказал В. Л. Янин, который пришел к заключению, что московские власти «деклассировали древнюю аристократию Новгорода». Исследователь отметил, что мы «не знаем потомков гордых боярских родов Берденевых и Грузовых, Борецких и Лошинских, Казимера и Короба. Находившиеся на вершине власти, правившие огромным государством, распространявшие свое могущество на весь русский северо-запад, они оказались низвергнутыми и если не были уничтожены физически, то во всяком случае бесследно растворились в городах и городках центральной Руси»[53].

Не сохранился до наших дней и сам Лисицкий монастырь, в котором должны были вечно поминать род Грузовых. Последние его постройки разрушились во второй четверти XIX в., и лишь поросший кустами холм, на котором теперь установлен деревянный крест, напоминает о былой славе обители и о связанных с нею людях. Самыми надежными и долговечными хранителями родовой памяти оказались рукописные книги.

[51] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 321–322.

[52] *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 19.

[53] *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Морозовых // *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 204.

ОЧЕРК 4

К ВОПРОСУ О КНИЖНОМ НАСЛЕДИИ ДОСИФЕЯ СОЛОВЕЦКОГО [2010 г.]

1. Досифей Соловецкий как писатель

1.1. «Слово о о сотворении жития Зосимы и Савватия»

Священноинок Досифей Соловецкий, бывший некоторое время игуменом обители, жил во второй половине XV – начале XVI в. Он был и писателем, и книжником. Его перу бесспорно принадлежит «Слово о сотворении жития Зосимы и Савватия» (далее – Слово)[1], вошедшее в состав посвященного этим святым агиографического сочинения опального киевского митрополита Спиридона (далее – Житие).

Родился будущий инок Досифей, вероятно, в середине XV в. Монахом Соловецкой обители он стал еще при жизни игумена Зосимы, которого Досифей не только знал лично, но и был его непосредственным учеником, о чем он свидетельствует от первого лица: «Аз многогрешныи, и неключимыи ни в коем же деле блазе и грубыи разумом священноинок Досифеи, ученик блаженаго [«Зосимы, пребых у него до скончаниа его» – приписано на поле внизу листа]»[2]. После кончины Зосимы (ум. 17 апреля 1478 г.) Досифей жил в одной келье с другим преподобным старцем – Германом, некогда первым поселившимся на Соловках вместе с преподобным Савватием. Таким образом, Досифею

[1] *Дмитриева Р. П.* «Слово о сотворении жития началник соловецких Зосимы и Савватия» Досифея // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 123–136. На с. 132–134 – публикация текста по единственному списку редакции Волоколамского сборника: РГБ, ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 659, л. 307–309 об. Этот же текст был еще несколько раз опубликован: *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси: XI–XVI века: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 280–281; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2. С. 199–201; Житие Зосимы и Савватия Соловецких / Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, пер., коммент. О. В. Панченко // БЛДР. Т. 13: XVI век. СПб., 2005. С. 148–153.

[2] *Дмитриева Р. П.* «Слово о сотворении жития...». С. 132.

была известна ранняя история Соловецкого монастыря из наиболее достоверных источников: о жизни Зосимы он знал из уст самого преподобного, а о жизни Савватия – от его единственного спутника и очевидца происходивших событий.

В отличие от Спиридона Досифей не был искусным писателем – свою первоначальную версию Жития он, «како слышах, тако и написах, не украшая писания словесы». Книжник окружает эту точеную формулу авторского подхода к тексту самоуничижительной риторикой, при этом отмечая, что имелись как сторонники («овии любяще писанная мною...»), так и противники такого принципа («инии глумящеся о написанных и в смехъ сия полагаху»). Через какое-то время после утраты первоначального текста Жития, который был увезен с Соловков неким священноиноком Иосифом «з Белаезера тамошних монастырей» (очевидно, это Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри), Досифей по делам Соловецкой обители оказывается в Новгороде («послан бых игуменом и братиею на службу в Великий Новоград»). Можно предположить, какие именно «монастырские потребы» привели Досифея в Новгород: именно здесь на протяжении первой половины 1490-х гг. он заказывает написание целого ряда рукописных книг для Соловецкой библиотеки. Самая ранняя дата, свидетельствующая о написании рукописи по заказу Досифея, – 6999 г., т. е. сентябрь 1490 г. – август 1491 г. (РНБ, Сол. 491/510, Маргарит; см. раздел 2.1, № 2). Не позже этого времени Досифей начал грандиозную для своего времени работу по комплектованию монастырского собрания *и личной келейной библиотеки (см. об этом подробнее ниже, в разделе 2.1. настоящей статьи).*

В один из приездов Досифея в Новгород архиепископ Геннадий (12 декабря 1484 г.–12 июня 1504 г.) поручает ему составить Житие соловецких святых («благословляю тя, иди и напиши»), поскольку, как новгородский владыка рассказал соловецкому книжнику, он сам был учеником Савватия Соловецкого («Саватие, началник вашь, старець ми был, аз у него в послушании бых немало время»). Вернувшись на Соловки, Досифей затворился в келье и записал все, что сумел вспомнить, но «неукрашенность» текста останавливала его от представления этой версии Жития на суд архиепископа Геннадия. Наконец, Досифея снова отправляют по монастырским делам, на этот раз – в Москву, и он «на пути» заезжает в Ферапонтов монастырь, где уговаривает находившегося там в ссылке киевского митрополита Спиридона «украсити, якоже подобает» Житие Зосимы и Савватия Соловецких, что тот и сделал «в лето 7011» (сентябрь 1502 г. – август 1503 г.). «Украшенный» текст Жития Досифей представил на суд архиепископа Геннадия и получил его одобрение.

Соловецкий книжник был еще жив в 1514 г., когда составлялась самая ранняя из дошедших до нас монастырская опись (среди участников описания обители на первом месте среди «лудчих старцев» назван бывший игумен «Достофей»)[3].

Исследователи по-разному решали вопрос о первоначальном, авторском тексте Слова Досифея «о сотворении жития Зосимы и Савватия» и Жития Зосимы и Савватия Соловецких в целом. В. О. Ключевский обнаружил существование двух редакций Жития основателей Соловецкого монастыря, причем первоначальной он считал версию, сохранившуюся в рукописи РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 659 (далее – Волоколамский сборник), которая завершается упомянутым послесловием Досифея – «Словом о сотворении жития». Точку зрения В. О. Ключевского поддержала и дополнительно аргументировала Р. П. Дмитриева, посвятившая вопросам изучения биографии и литературных произведений Досифея, а также Житию в целом и Слову в частности цикл исследований 1980-х–начала 1990-х гг.[4] Исследовательница отметила, что для изучения писательской деятельности Досифея Волоколамский сборник представляет особый интерес, и пришла к выводу о связи происхождения статей о Соловецком монастыре в этой рукописи непосредственно с Досифеем[5].

Волоколамский сборник является конволютом, составленным в 1536 г. по повелению игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына[6] из тетрадей, написанных разными почерками и в разное

[3] Описи Соловецкого монастыря XVI века: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 38. Написание имени Досифея в Описи 1514 г. варьировалось: наряду с «Достофеем» («Да в казне Достофеевы рухляди: шюба белья черевчита нова, да шюба баранья нова, да двои сапоги новы, да рязка» – Там же. С. 37) встречаются также варианты «Досефей» (Там же. С. 33) и «Дософей» (Там же. С. 34). См. о Досифее Соловецком также: *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Досифей (игумен Соловецкого монастыря) // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия / Гл. ред. В. Л. Янин. М., 1996. Т. 2. С. 122; *Бобров А. Г.* Досифей // ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 55–58.

[4] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 202–203; *Дмитриева Р. П.* 1) «Слово о сотворении жития...». С. 123–136 (на с. 132–136 – публикация текстов Слова в двух редакциях); 2) Досифей // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 74–76; 3) Значение Жития Зосимы и Савватия Соловецких как культурно-исторического источника // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 215–228; 4) Досифей // СККДР. Л., 1988. Вып. 2: (Втор. пол. XIV–XVI в.), ч. 1: А–К. С. 198–201; 5) Житие Зосимы и Савватия Соловецких // Там же. С. 264–267; 6) Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 220–282 (на с. 226–282 – публикация текста Жития).

[5] *Дмитриева Р. П.* Досифей // СККДР. Вып. 2, ч. 1. С. 200.

[6] *Дмитриева Р. П.* Нифонт Кормилицын // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: (Втор. пол. XIV–XVI в.), ч. 2: Л–Я. С. 141–144. Нифонт был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря в 1522–1543 гг.

время[7]. Как отметила Р. П. Дмитриева, Волоколамский сборник состоит «из статей, по преимуществу написанных в 20–30-е гг. XVI в. и привезенных из Новгорода и из Москвы»[8]. По мнению исследовательницы, редакция Спиридона дошла до нас в единственном списке в составе сборника из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря (далее – редакция Волоколамского сборника); на ее тексте основана редакция, вошедшая в состав Великих Миней Четьих митрополита Макария (далее – редакция ВМЧ), к которой в свою очередь восходят остальные версии текста Жития[9].

В своей двухтомной монографии «Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.)» С. В. Минеева предприняла попытку кардинально пересмотреть историю создания агиографического сочинения и входящего в его состав Слова. По ее мнению, первоначальной является не версия Волоколамского сборника, как ранее полагали В. О. Ключевский и Р. П. Дмитриева, а вариант, читающийся в списке РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 192 (далее – редакция ОИДР), к которому восходит I Стилистическая редакция (= редакция ВМЧ), а уже на основе последней в дальнейшем создается I Дополненная редакция (= редакция Волоколамского сборника), оставшаяся, «несмотря на ее явные литературные достоинства», «тупиком в истории текста, не давшим своего продолжения»[10]. Исследовательница представила ряд убедительных аргументов в пользу вторичности текста версии Волоколамского сборника по отношению к редакции ОИДР и близкой к ней редакции ВМЧ. Так, например, запись митрополита Спиридона о завершении

[7] Сборник, XVI в. 614 л., 4° (195 X 135 мм). Переплет XVI в. – доски в коже с тиснением, в обрез, застежки утрачены. На верхней крышке переплета сохранилось три (из четырех) медные жуковины, а на нижней – две. На корешке переплета – бумажная наклейка с надписью: «Рукопись Волок. Б-ки № 659». Согласно оглавлению («Главы настоящия книгы сея Соборникъ»), находящемуся на л. 1–2, рукопись содержит 58 глав. На л. 2 об. запись: «В лѣто 7044 [1536] съвръшися книга сиа Съборник повѣлѣнием и благословением господина отца нашего игумена Нифонта при дръжавѣ благовѣрнаго великого князя Ивана Васильевича всея Русии и при архиепископѣ Макарьи Великаго Новаграда и Пъскова». Описание рукописи см.: *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной академии. М., 1882. С. 311; о Волоколамском сборнике см. также: *Бобров А. Г.* «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 136–171.

[8] *Дмитриева Р. П.* Нифонт Кормилицын. С. 142.

[9] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 221–222.

[10] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 1. С. 153.

работы над Житием имеет в редакции Волоколамского сборника черты вторичного сокращения и пересказа[11].

Редакция ОИДР	**Редакция ВМЧ**	**Редакция Волоколамского сб.**
Списаша же ся житие сиа *рабовъ Божиихъ первоначалникъ* соловецкиихъ Саватиа *преподобнаго* и Зосимы *блаженного, игумена острова, глаголемого Соловкы*, в лѣто 7011, *кругъ солнцу 11, луна 14, емеонъ 2, индиктъ 6, фенгари 12, калан* 4, митрополитомъ киевскымъ Спиридономъ, *всѣа Руси архиепископомъ. Поточену ми* сущу въ странѣ Бѣлаезѣра, *мѣсто глаголемое [Паское], сущи ми тогда* въ монастыри Пречистыа Богородица честнаго ея Рожества, [глаголемое Ферапонтовъ][1].	Списа же ся житие се *рабовъ Божиихъ первонач*альниковъ соловецкыхъ Саватия *преподобнаго* и *блаженного* Зосимы, *игумена острова, глаголемаго Соловки*, в лѣто 6011, *кругъ солнцу 11, лунъ 13, фемелеосъ 2, индиктъ 6, фенгари, июнь 12, калан 4.* Списано бысть митрополитомъ киевскимъ Спиридономъ, *всеа Русии архиепископомъ. Поточену ми* сущу тогда въ странѣ Бѣлаезѣра, *мѣсто глаголемое Пасское, сущу ми тогда* въ монастыри Пречистыя Богородица честнаго ея Рождества, глаголемое Ферапонтовъ[2].	Списано же бысть житие се *преподобныхъ отець*, начальниковъ соловецскыхъ Саватия и Зосимы въ лѣто 7011 Спиридономъ митрополитомъ кыевскимъ, *заточену ему* сущу тогда во странѣ Бѣлаезѣра въ манастыри Пречистыя Богородица честнаго ея Рожества, глаголемо Ферапонтовы[3]

[1] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 45.

[2] Там же. С. 118.

[3] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 281; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 201.

Действительно, только из подлинной записи Спиридона от первого лица мог получиться ее краткий пересказ в третьем лице (ср. «поточену ми»,

[11] По справедливому замечанию С. В. Минеевой, «отсутствие в редакции Волоколамского сборника приписки Спиридона и пересказ ее содержания от третьего лица в конце Слова Досифея может рассматриваться в качестве явного указания на то, что эта редакция не является первоначальной и тем более авторской редакцией Спиридона-Саввы» (*Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 1. С. 114).

«сущи ми тогда» в редакциях ОИДР–ВМЧ и «заточену ему» в редакции Волоколамского сборника). Эту запись мог сделать только сам Спиридон, поскольку создание вымышленного текста от лица опального митрополита в редакции ОИДР–ВМЧ на основании версии текста Волоколамского сборника было бы для древнерусского книжника весьма затруднительной, если не сказать прямо – немыслимой задачей[12]. Таким образом, текст редакций ОИДР–ВМЧ в данном случае должен рассматриваться как первичный по отношению к тексту редакции Волоколамского сборника. С. В. Минеева в этом совершенно права.

С другой стороны, материал сопоставления текстов Слова в редакциях ОИДР–ВМЧ и Волоколамского сборника подтверждает правоту В. О. Ключевского и Р. П. Дмитриевой, видевших в Волоколамской версии досифеевский текст. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют самоуничижительные формулировки Досифея в Волоколамском списке, где они представлены в полном виде, при этом они значительно мягче либо вообще отсутствуют в редакции ОИДР.

Редакция Волоколамского сборника	**Редакция ОИДР**
Азъ, *многогрѣшныи* и неключимыи ни въ коемъ же дѣлѣ блазѣ и *грубый* разумомъ...	Се азъ, *смиренныи въ мнозѣ грѣсехъ* и неключимии нѣ в коемъ же блазѣ делѣ, и *малѣеши дѣломъ и* разумомъ...
...*азъ, грубыи смысломъ*...	Нет
Азъ же неразумныи, како слышахъ, тако и написахъ, не украшая писания словесы, *понеже грубъ сыи и невежда,* но точию памяти ради...[1)]	...*клирици* тако писаше, не украшая писания словѣсы, но точию памяти ради...[2)]

[1)] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 280; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 199–200.

[2)] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 45–46.

[12] Обратим также внимание на именование себя Спиридоном в версии ОИДР–ВМЧ «всѣа Руси архиепископомъ», что, как показал Б. А. Успенский, является традиционным титулом киевского митрополита (*Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 462–467 (Экскурс XV. «Архиепископ» как традиционный титул киевского митрополита); запись Спиридона у Б. А. Успенского не учтена). Создателя редакции Волоколамского сборника, видимо, титул «всѣа Руси архиепископ» смутил, и он сократил это чтение, как и необыкновенно подробные хронологические выкладки опального иерарха.

Отказывая Досифею в авторстве Волоколамской редакции произведения, С. В. Минеева представляет историю текста таким образом, что некий позднейший редактор использовал применительно к соловецкому книжнику такие определения, как «многогрешный» и «грубый» вместо более мягких формулировок – «смиренный въ мнозѣ грѣсехъ» и «малѣеиши дѣломъ», а также добавил «от себя» такие суровые характеристики, как «грубый смысломъ», «неразумный», «грубъ сыи и невежда». Следует признать невероятным, чтобы все это написал о Досифее кто-то другой, а не он сам. Очевидно, что эти самуничижительные формулы могут принадлежать только самому автору текста – Досифею Соловецкому.

Весьма характерны также существенные различия между версиями Слова в описании встречи Досифея с митрополитом Спиридоном.

Редакция Волоколамского сборника	**Редакция ОИДР**
Посланъ же быхъ игуменомъ и братиею кь господствующему граду Москвѣ о потребахъ монастырскихъ. И на пути прилучи ми ся быти *на* Бѣлѣезѣрѣ *въ манастыри* Ферапонтовѣ. И приидохъ тамо благословитися къ некоему старцу, мужу добродѣтельну, во всѣхъ добродѣтелехъ пребывающу и премудростию разума украшену, Спиридону именемъ, бывшу митрополиту Кыевскому. И тои начатъ вопрашати мя о островѣ Соловецкомь и о создании манастыря, и о начальникехъ. Азъ же повѣдахъ ему все подробну, и начахъ молити его о изложении Жития преподобныхъ. И показахъ ему свое грубое писание, понеже бѣ мужъ мудръ, измлада извыче и добрѣ умѣя Божественная писания, Новая и Вѣтхая. И Божия ради имени не отречеся, понуди старость свою, изложи и написа добрѣ, яко же подобно, въ общую пользу хотящимъ спастися и ревновати сихъ преподобныхъ житию. Азъ же грубыи возрадовахся зѣло, яко сподоби мя Богъ изобрѣсти такова благоразумна старца...[1)]	По лѣтехъ же нѣкоихъ бывшу ми *на* Бѣлѣезѣрѣ, въ манастыри Мартемьяновѣ. *И понудихь тамо пребывающа* бывшаго митрополита Спиридона *преписати и изложити строино житие начальниковь Соловецкыхь, бъ бо онъ тому мудръ, имѣя* Вѣтхая и Новая [писания]. И Божиимъ *изволениемъ* не отречеся, и понуди старость свою, и изложи, и написася въ опщую пользу хотящимъ спастися и ревновати сихъ преподобныхъ житию...[2)]

[1)] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 281; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 201.

[2] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 47.

В редакции Волоколамского сборника содержится дополнительная по отношению к версии ОИДР информация, доступная в первую очередь самому Досифею Соловецкому. Только здесь рассказывается, что он попадает в Ферапонтов монастырь не случайно, а по пути в Москву, куда его послали по делам («о потребахъ монастырскихъ»); передается содержание личной беседы Досифея с опальным митрополитом Спиридоном. Здесь же вновь обнаруживаются «самоуничижительные» формулы соловецкого книжника, отсутствующие в редакциях ОИДР–ВМЧ («свое грубое писание», «Азъ же грубыи»). Так о себе мог писать только сам Досифей, а не безымянный автор позднейшей редакции, как считает С. В. Минеева.

Отметим также, что в тексте редакции Волоколамского сборника присутствуют пышные и обильные похвалы в адрес опального владыки, отсутствующие или читающиеся иначе в редакциях ОИДР–ВМЧ («мужу добродѣтельну, во всѣхъ добродѣтелехъ пребывающу и премудростию разума украшену»; «мужъ мудръ, измлада извыче и добрѣ умѣя Божественная писания Новая и Вѣтхая» вместо «бѣ бо онъ тому мудръ, имѣя Вѣтхая и Новая [писаниа]»; «добрѣ, яко же подобно», «благоразумна старца»). Митрополит Спиридон не мог так безудержно сам себя восхвалять, следовательно, и эти фрагменты текста, скорее всего, принадлежат перу Досифея Соловецкого.

Различия между Волоколамской версией текста Слова и редакциями ОИДР–ВМЧ весьма существенны, причем многие «избыточные» чтения Волоколамского сборника не могут рассматриваться, как думает С. В. Минеева, в качестве малозначительных, несущественных деталей «этикетно-канонического характера»[13]. В целом ряде случаев в редакции Волоколамского сборника обнаруживаются достоверные фактические сведения, которые вряд ли мог придумать создатель поздней вторичной версии текста. Например, согласно редакции Волоколамского сборника, Досифей отмечал, что Герман был «от простых человек, не учився Божественому Писанию, но тако просто поведааше святых житиа и чудеса»[14], а в версии ОЛДП говорится *«недоумѣя* [вариант списка Соф.: *«не умѣя»*] *книжнаго* писаниа». Разница значительная: либо Герман не изучал специально *Божественное* Писание и был недостаточно сведущ в нем, либо

[13] Там же. С. 149.

[14] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 280; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 200.

он вообще не владел *«книжным* писанием», т. е. был неграмотным. Существование рукописной книги, некогда принадлежавшей, скорее всего, Герману Соловецкому (см. об этом подробнее ниже, в разделе 2.1, № 48), склоняет нас больше доверять версии Волоколамского списка.

Кроме того, вероятно, только сам Досифей мог достоверно знать и прямо указать имя и происхождение инока, увезшего с собой его рукопись с первоначальным вариантом Жития.

Редакция Волоколамского сборника	**Редакция ОИДР**
Прииде же нѣкии *священноиноκъ именемь Иосифъ з Бѣлаезѣра тамошнихъ* манастырей...[1)]	...нѣкии бѣ священникъ у насъ от *инъшихъ* манастыреи...[2)]

[1)] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 280; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 200.

[2)] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 46.

Досифей мог рассказать и о своих переживаниях после завершения работы над текстом Жития: «...како везти ко архиепископу, стыжуся, понеже истинну написахъ, но удобрити, яко же бы сложно, недоумехся» (это чтение имеется лишь в редакции Волоколамского сборника)[15]. Существенно также, что, хотя рассказ о Зосиме в Житии вдвое пространнее, чем о Савватии, агиографическое произведение в редакции Волоколамского сборника было озаглавлено как «Саватея Соловецкого Житие» (и лишь далее: «зри после сего слова и Зосиме Соловецкому»). Это, видимо, объясняется тем, что архиепископ Геннадий, как справедливо заметила Р. П. Дмитриева, «просил Досифея написать и о Зосиме, и о Савватии, при этом *прежде всего имел в виду Савватия* (курсив мой. – *А. Б.),* так как являлся его учеником»[16].

Таким образом, С. В. Минеева права в том, что в тексте редакции ОИДР есть черты первоначальности по отношению к редакции Волоколамского сборника, но в Волоколамской версии Слова имеются убедительные свидетельства, доказывающие принадлежность ее текста руке Досифея, который был автором первоначальной редакции житийной биографии соловецких святых. Получается противоречивая картина, вызвавшая

[15] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 281; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 200.

[16] *Дмитриева Р. П.* «Слово о сотворении жития...». С. 130.

сложности в ее интерпретации исследователями: с одной стороны, первоначальным надо считать текст редакции ОИДР, а с другой – текст редакции Волоколамского сборника. Как же можно объяснить такое положение вещей?

Дело, на наш взгляд, разъясняется тем обстоятельством, что описание происходящих событий в редакциях ОИДР–ВМЧ завершается исполнением просьбы Досифея – написанием Жития бывшим митрополитом Спиридоном, а в тексте Волоколамского списка далее *дополнительно* рассказывается еще о поездке Досифея в Новгород к архиепископу Геннадию с готовым, уже написанным Житием и о беседе, состоявшейся между новгородским владыкой и соловецким книжником:

«Сия же везохъ ко архиепископу Геннадию, онъ же почетъ и похвали зѣло, и начатъ блажити мя, глаголя:

– Како ты, брате, селико имыи разума, и отрицаешься святыхъ жития писати? Се воистинну добро!

И рекохъ ему:

– Прости мя, владыко святыи, не мое се творение!

И повѣдахъ вся по ряду, како и от кого сотворена суть. Онъ же рече ми:

– Благословенъ ты от Бога, чадо, яко такова благоразумна мужа обрѣте! Сии человѣкъ въ нынѣшняя роды бѣяше столпъ церковныи, понеже измлада извыче Священная Писания, и чюденъ бяше старецъ житиемъ, многолѣтными сѣдинами украшенъ»[17].

Представляется, что наличие этого эпизода позволяет объяснить соотношение двух старших версий текста – Волоколамской и ОИДР–ВМЧ. Редакция Волоколамского сборника, как справедливо полагает С. В. Минеева, не является текстом, принадлежащим Спиридону, поскольку в нее, естественно, не могло бы войти описание беседы Досифея с Геннадием, происходившей уже *после* завершения работы опального митрополита над агиографическим произведением. Она могла появиться только спустя некоторое время, когда Досифей уже представил Житие в редакции Спиридона на суд архиепископа Геннадия. С другой стороны, только сам соловецкий книжник мог добавить как указанные выше самоуничижительные формулы, так и новые подробности – описание своих переживаний и происходивших «с глазу на глаз» бесед со Спиридоном и с новгородским владыкой. В таком случае наиболее вероятным объяснением соотношения текстов двух старших редакций Слова является предположение, что в Волоколамском списке мы имеем дело с вторичной

[17] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 281; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 201.

переработкой версии митрополита Спиридона, выполненной уже после 7011 (1502/1503) г. самим заказчиком редактирования агиографического произведения – Досифеем Соловецким.

Поскольку в основе текста Жития в редакции Спиридона лежали несохранившиеся записи того же Досифея, можно полагать, что последний мог «вернуть» первоначальные чтения или их первоначальный смысл в тех случаях, когда митрополичье редактирование представлялось ему неудачным или неверным по сути. Таким вторичным возвращением первоначального чтения или смысла представляется нам замена анонимных «клириков» на Досифея в качестве создателя записи рассказов преподобного Германа Соловецкого.

Согласно редакции Волоколамского сборника, первую запись рассказов об одном из основателей Соловецкого монастыря Савватии со слов Германа делает сам Досифей, живший, между прочим, в одной келье с преподобным, а по редакциям ОИДР и ВМЧ повествование Германа записывают анонимные «клирики». Важно отметить, что далее в Слове без какой-либо мотивировки говорится об отрицательном отношении части братии Соловецкого монастыря к этим запискам, сделанным со слов одного из основателей обители: «...глумящеся о написани, и в смѣхъ полагаше». Сравнение рассказов о создании первоначального несохранившегося текста Жития в двух старших редакциях Слова весьма показательно:

Редакция Волоколамского сборника	**Редакция ОИДР**
[Герман] повѣда ми вся...	*И сия вся* повелѣваше Германъ клирикомъ писати...
Азъ же неразумныи, како слышахъ, тако и написахъ, не украшая писания словесы, *понеже грубъ сыи и невежда,* но точию памяти ради...	*...сказавше криликомъ, еже что хотяше писания, и крилици* тако писаше, не украшая писаниа словѣсы, но точию памяти ради...
Братия же овии любяше писанная мною, а инии *глумящеся о написанных и в смехъ сия* полагаху.[1)]	*И не точию не брегоша неразумнии человѣцы, но* и глумящеся о написани, и в смѣхъ полагаше.[2)]

[1)] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы. С. 280; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 200.

[2)] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 46.

Согласно текстологическим представлениям С. В. Минеевой, получается, что в изначальном тексте Слова насмешки иноков относились

к записям рассказов самого преподобного Германа Соловецкого, а не к «неукрашенному» повествованию Досифея. Эта точка зрения представляется нам неубедительной, поскольку лишь сам Досифей мог говорить о своих писаниях в самоуничижительном тоне, а смех и «глумление» над записями «клириков», сделанными со слов Германа (по версии ОИДР–ВМЧ), выглядят как результат неудачного изменения текста. Такая трактовка могла получиться, только если Спиридон в несохранившемся первоначальном тексте произведения заменил упоминание Досифея на «клириков», а позже соловецкий книжник восстановил «историческую справедливость», вернув указание на собственное авторство записей рассказов преподобного Германа.

Если Досифей Соловецкий отредактировал и дополнил имевшийся у него текст Слова в редакции митрополита Спиридона, то ему же, скорее всего, следует атрибутировать и многочисленные «избыточные» по отношению к редакции ОИДР–ВМЧ чтения Жития в списке Волоколамского сборника – дополнения к тексту фактического характера (это «описания реалий Соловецкого острова, указания расстояний, различных временных промежутков, численности братии в обители в разное время, <...> перечень Соловецких островов, переданных новгородцами во владение монастырю <...> новые сведения о старце Германе <...> дополнительные сведения о происхождении преп. Зосимы: местом его рождения названо поморское село Шунга и говорится о том, что в прошлом его родители были новгородцами»[18] и т. д.).

Соглашаясь с С. В. Минеевой в том, что Житие и входящее в его состав Слово в редакциях ОИДР–ВМЧ имеет черты первичности по отношению к редакции Волоколамского сборника, мы, однако, приходим к иным выводам об авторстве этих текстов: если редакция ОИДР, скорее всего, принадлежит Спиридону и отражает отредактированный им текст Слова (и, вероятно, Жития) до вторичной правки Досифея, то редакция Волоколамского сборника может принадлежать только перу самого Досифея Соловецкого.

Таким образом, мы приходим к предположению, что о стиле произведений Досифея «следует судить» не «по тексту „Слова о сотворении Жития" в редакции ОИДР», как ошибочно полагала С. В. Минеева[19], а, в соответствии с выводами В. О. Ключевского и Р. П. Дмитриевой, именно по тексту Волоколамского сборника.

[18] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 153.

[19] Там же. С. 116.

1.2. «Чудо Зосимы о иноци диакони»; «Пророчество отца нашего Зосимы»

В том же самом Волоколамском сборнике, как отметил В. О. Ключевский, «перед житием отдельно помещены два рассказа из жизни Соловецкого монастыря», причем один из них, о пророчестве Зосимы («Пророчество отца нашего Зосимы, начальника монастырю нашему», далее – Пророчество), «писан 32 года спустя по смерти святого, т. е. в 1510 году, и судя по выражениям, тем же Досифеем»[20]. Другой рассказ, озаглавленный в рукописи как «Чудо Зосимы о иноци диакони» (далее – Чудо) и посвященный судьбе инока Мартирия, по мнению В. О. Ключевского, не содержит указаний на автора и на время его написания.

Рассмотрим эти два произведения более пристально. Первое из них, Чудо, рассказывает о судьбе соловецкого инока Мартирия, ушедшего вместе с купцами из своего монастыря, где он принял постриг. Через некоторое время не названный по имени соловецкий игумен с сопровождающими его монахами оказался в Москве у великого князя и митрополита. Мартирий обратился к инокам с просьбой, чтобы те «били челомъ игумену о немъ, что онъ безъ благословения изъ монастыря вышолъ». По ходатайству братии, Мартирий был не только прощен, но и поставлен в дьяконы. Хотя игумен после этого возвращается в свою обитель, Мартирий еще остается «въ мирскихъ монастырехъ» и лишь через «немало время» снова появляется на Соловках. Здесь он начал жить, «величаяся гордынею»: стал укорять и поносить монахов и даже «злословити» самого игумена, «хулу на него износя». Так Мартирий прожил в монастыре пять или шесть лет, после чего начал «проситися у игумена в миръ», но тот отказал дьякону в этой просьбе, говоря ему в частности: «Хто тя чимъ оскорбилъ, келарь или казначей? Возвѣсти, брате, мнѣ, и азъ тебѣ утѣшу и покою душевнѣ и тѣлеснѣ, только живи въ монастыри!». Мартирий, однако, настаивает на своем: «Не хощу, не хощу ничесо же, толико отпусти въ миръ!». И так, гневаясь на игумена, дьякон стал ходить по обители, «хулу износя» на него и на иноков. Через некоторое время Мартирий вновь пришел к настоятелю с той же просьбой: «Пусти мя въ миръ, да отыду!», но снова получил отказ. Дьякон в гневе заявил: «Игуменъ, аще меня не отпустишь, то азъ всяко изыду отсюду!», и с этими словами ушел. Через недолгое время некоторые монахи были посланы в Великий Новгород «на службу». Игумен благословил их и велел «рухло собирати и носити в ладию». Путешествие, однако, задержалось на два или три дня из-за встречного ветра. Но вот наконец ветер утих, наступила «тишина», и

[20] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 202–203.

наутро, получив от игумена благословение, иноки отправились в море. Они плыли целый день до вечера, уже гребцы «истомилися дозѣла», но только собрались путешественники пристать к одному из островов, как началась «буря ветрена велия» и отогнала их от берега. Попытка бросить «ядрило» не помогла: ладью стало уносить в море. Наступила темная и мрачная осенняя ночь; ветер, снег и ливень грозили опрокинуть судно. В этот кульминационный момент повествование переходит с третьего на первое лицо: «И намъ къ себѣ глаголющимъ: „Горѣ! Горѣ! Прииде уже намъ часъ смертныи!"». Монахи начали молиться о помощи Богу и «началнику нашеи обители» Зосиме. И тут внезапно «обрѣтеся предъ нами» дьякон Мартирий. Оказалось, что его, спрятавшегося в ладье, нашел слуга. Монахи ужаснулись и стали спрашивать дьякона, как он тут оказался, Мартирий же ответил уклончиво: «Се азъ нынѣ с вами здѣ». Иноки укоряют беглеца за то, что он дерзнул ехать без благословения игумена и спорил с ним «со многымъ озлоблениемъ», потому-то и море «насъ не носить за нашу неправду». Пока шел спор, судно принесло ветром к острову, на котором находилась Соловецкая обитель. Монахи вышли на берег и послали дьякона просить прощения у игумена, но тот вновь стал ходить по обители, «гордынею во умѣ своемъ величаяся». Игумен снова пытался добиться от Мартирия смирения, но безуспешно. Тогда он повелел посадить его «въ темно мѣсто въ затворъ», где дьякон пробыл «мало дней». К заключенному приходили монахи и советовали: «Бей челомъ братии, чтобы они били челомъ игумену о тебѣ!», но Мартирий вновь отказался от этого предложения. Игумен ждал «от него обращения, а того нѣсть», и тогда наконец повелел изгнать Мартирия из монастыря. Завершается текст Чуда указанием на то, что покидать обитель без благословения настоятеля – это «зло», и если бы не молитвы «отца нашего» (Зосимы), то все бы погибли. Поэтому, братия, «воздадимъ хвалу Богу и отцу нашему Зосимѣ»[21].

Во втором рассказе, предваряющем Житие Зосимы и Савватия в Волоколамском сборнике, – Пророчестве – говорится о предсмертном предсказании Зосимой будущих раздоров в монастыре своему ученику («Се же рече ученику своему...»). Далее этот ученик начинает говорить о себе в первом лице: «И рече ми: будеть нелюбовь велика у васъ и будут брани велики». Это пророчество сбылось через 32 года «по преставлении» Зосимы, т. е. в 1510 г. В тексте рассказывается о пострижении в Соловецкой обители при игумене Исайе трех иноков, бывших бояр, которые

[21] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 203; этот текст был опубликован: *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 147–148.

стали воздвигать «брань велику, хотяще своего священника поставити на игуменство», и в конце концов добились своего, но монахи у самозванного настоятеля «взяли посохъ игуменской силою» и направили послов в Москву с жалобой к великому князю. Игумен же в свою очередь отправил на берег своего старца с грамотой, чтобы послов «уняти», «бити и грабити», не желая допустить их в Москву (на этом повествование в рукописи оканчивается, причем оно не обрывается механически, поскольку свободной от текста осталась почти половина последней строки)[22].

Оба рассказа, предваряющие в Волоколамском сборнике Житие Зосимы и Савватия, объединяются одним характерным стилистическим приемом – внезапным переходом от повествования в 3-м лице к повествованию от 1-го лица. Такой переход не является уникальным явлением в древнерусской литературе: например, он наблюдается в древнерусском «Сказании о Вавилоне», где рассказ в 3-м лице о путешествии посланников за царскими регалиями также неожиданно превращается в повествование от 1-го лица: «Мы же, вземше ис кубка того, быхомъ веселѣ»[23], но если здесь изложение «ведется от лица очевидцев» для создания художественного эффекта – «впечатления достоверности»[24], то в Чуде и в Пророчестве явно прорывается живой «авторский голос» – свидетельство реального, а не вымышленного очевидца описываемых событий. Характерно для обоих рассказов и отсутствие морализаторской интенции. В Чуде столкновение между Мартирием, стремящимся уйти «в мир», и соловецким игуменом оканчивается не раскаянием или наказанием дьякона, а исполнением его заветного желания: по сути дела, он добивается своей цели – покидает монастырь. Так же и Пророчество в равной степени лишено ожидаемой концовки с раскаянием или наказанием «воздвигающих брань» иноков. Наконец, в обоих рассказах описание конфликтов в Соловецком монастыре отличается «неукрашенностью» стиля и «наивным реализмом». Все эти обстоятельства наряду с выводом о весьма вероятной принадлежности текста Жития и Слова в редакции Волоколамского сборника перу Досифея приводят нас к мысли, что автором и Чуда, и Пророчества также, скорее всего, является этот соловецкий писатель. Смешение повествования от 1-го и 3-го лица, отсутствие нравоучения, незавершенность сюжетов и «неукрашенность» стиля – вот причины того, почему написанные

[22] Этот текст был дважды опубликован: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых... С. 459–460; *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких. Т. 2. С. 149.

[23] Сказание о Вавилоне / Подгот. текста, пер., коммент. Н. Ф. Дробленковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV–середина XV века. СПб., 1999. С. 52.

[24] Там же. С. 520.

Досифеем тексты могли столь неоднозначно восприниматься их первыми читателями («Братия же овии любяше писанная мною, а инии глумящеся о написанных и в смехъ сия полагаху»). Впоследствии в предисловии к Житию преподобных Зосимы и Савватия, приписываемом Максиму Греку, была дана следующая оценка писательской манере Досифея: «...ученик преподобнаго Зосимы, написах убо потонку и неухищрено, яко же бо возможно тамо живущим человеком глаголати же и прочитати... Того ради Досифей неухищренно, ниже добрословесием писаше, но яко воспоминания ради»[25].

Итак, с высокой степенью вероятности мы можем полагать, что сохранившиеся в Волоколамском сборнике сочинения, связанные с Зосимой Соловецким, – «Слово о сотворении жития Зосимы и Савватия», а также Чудо и Пророчество, были написаны самим священноиноком Досифеем[26]. Скорее всего, он явился и создателем особой редакции Жития Зосимы и Савватия, дошедшей до нас также в единственном списке в Волоколамском сборнике. Поскольку текст Пророчества Зосимы, сбывшегося спустя 32 года после кончины преподобного, Досифей записал по памяти около 1510 г., то приблизительно этим временем можно датировать и работу писателя над остальными сочинениями[27].

Предложенное определение корпуса текстов, принадлежащих перу Досифея Соловецкого, позволит в будущем более детально изучить его литературную манеру, но уже сейчас можно говорить о нем как о самобытном и неординарном писателе конца XV–начала XVI в., чье реалистическое творчество вызывало неоднозначную оценку современников.

---

[25] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 2. С. 342.

[26] С. В. Минеева не согласилась «с мнением В. О. Ключевского, что о стиле досифеевских произведений и, в частности, написанного им Жития, можно судить по статье „О сотворении Жития" и по двум небольшим рассказам „Чудо об иноци диакони" и „Пророчество отца нашего Зосимы", предшествующим тексту Жития в том же (Волоколамском. – *А. Б.*) списке» (*Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких... Т. 1. С. 116). На самом деле В. О. Ключевский вовсе не атрибутировал Досифею первый из этих текстов (Чудо), но его так поняла не только С. В. Минеева, но, по всей вероятности, и авторы статьи о Досифее в энциклопедии «Отечественная история», которые прямо утверждали, что соловецкий книжник «около 1510 г. создал два сочинения, посвященные Зосиме: „Чюдо Зосимы о иноци диакони" и „Пророчество отца нашего Зосимы"» (*Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Досифей. С. 122).

[27] Во всяком случае, Досифеевскую редакцию Жития Зосимы и Савватия в Волоколамском сборнике следует датировать временем после 1502/1503 г., когда была создана лежащая в ее основе редакция Спиридона.

2. Досифей Соловецкий как книжник

2.1. Рукописи Досифея Соловецкого

Внимание ученых к собирательской деятельности соловецкого игумена Досифея впервые было привлечено еще до перевозки монастырской библиотеки в Казань[28]. Позже появилось исследование А. И. Лилова о библиотеке Соловецкого монастыря, в котором было учтено 19 рукописных книг, принадлежавших Досифею Соловецкому[29]. Наиболее существенный вклад в изучение книжного наследия соловецкого инока принадлежит Н. Н. Розову[30]. По его мнению, именно Досифей, организовавший в Новгороде переписку книг для своей обители, заложил в начале 1490-х гг. основы «библиотеки» Соловецкого монастыря («четьего» собрания рукописных книг). Другая статья Н. Н. Розова посвящена специально исследованию книжного знака Досифея[31]. В этой работе автор дополнил сведения о рукописях с экслибрисом Досифея еще двумя экземплярами: из собрания Овчинникова (РГБ, ф. 209, собр. Овчинникова, №791) и из частной коллекции А. П. Гранкова (впервые упомянут в печати в статье Ю. К. Бегунова)[32], а также показал эволюцию экслибриса соловецкого книжника из владельческой записи. Если в наиболее раннем знаке 1491 г. в букву «С» Досифей, еще «не набив руку», сумел вписать лишь первую часть слова «священноинок», то в дальнейшем он научился вписывать это слово целиком. Н. Н. Розов указал также на постепенное обособление знака Досифея от связи с текстом владельческих записей и приписок, его появление «самостоятельно и отдельно в самых разных местах – внутри досок переплета, в начале, в конце и на полях книг», а также «в центре красочной заставки»[33]. Кроме того, исследователь отметил, что «на одной книге конца XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря имя ее составителя-писца Ефросина обозначено по типу экслибриса Досифея. Только в качестве рамки здесь использована

[28] *Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. 2-е изд. М., 1853. Ч. 1. С. 288 (учтено 2 книги).

[29] [*Лилов А. И.*] Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 1. Янв. С. 33–34.

[30] *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 294–304.

[31] *Розов Н. Н.* Когда появился в России книжный знак? // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 88–91.

[32] *Бегунов Ю. К.* Собрание рукописных материалов XV – начала XIX в. А. П. Гранкова // Исторический архив. 1962. № 6. С. 194.

[33] *Розов Н. Н.* Когда появился в России книжный знак? С. 90.

не первая, а средняя буква, нарисованная в виде омеги»[34]. Из этой формулировки («по типу экслибриса Досифея») можно заключить, что соловецкий книжный знак Н. Н. Розов рассматривал как первоначальный по отношению к кирилло-белозерскому.

На развитие книжных знаков («экслибрисов») Досифея обратил внимание также Я. Н. Щапов. По мнению исследователя, ранние знаки соловецкого книжника первой половины 1490-х гг. входят в состав вкладных записей, в то время как более поздние знаки показывают эволюцию в сторону самостоятельного значения, без связи с записью[35].

В 1972 г. появилась статья Ю. К. Бегунова[36], основанная главным образом на материалах Н. Н. Розова (она осталась неучтенной в последнем по времени исследовании 2003 г.)[37]. Существенный вклад в изучение книжного наследия Досифея Соловецкого внесла М. В. Кукушкина, впервые опубликовавшая текст описания книг монастырской библиотеки 1514 г.[38], а также Е. В. Крушельницкая, подготовившая комментированное издание Описи 1514 г. на основании разысканного М. И. Мильчиком с помощью Т. А. Тутовой оригинала документа[39]. Эти исследования будут постоянно учитываться в ходе дальнейшего изложения материала.

Сохранились три перечня книг, вложенных Досифеем в Соловецкий монастырь. Два из них находятся в составе приписок к рукописям: 1493 г. (РНБ, Сол. 858/968, л. 609 об.) и 1494 г. (Сол. 1128/1237, л. 440 об.–441). В наиболее раннем из них (далее – перечень А) названо 17 книг, посланных Досифеем «в дом Спасу на Соловкы». Во втором, более полном (далее – перечень Б), перечислено 24 манускрипта: кроме книг из перечня А добавлено еще семь – три книги уже посланных на Соловки и четыре заказанных Досифеем («дал есми писати»), но на момент создания приписки еще не отосланных. Наконец, третий перечень вложенных священноиноком Досифеем в Соловецкую обитель книг содержится в Описи монастыря 1514 г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 7, № 1, сстав. 4) под заглавием «А се Досефеева данья книг, игумена бывшаго» (далее – перечень В). В нем упомянуто 43 книги, но в конце

[34] *Розов Н. Н.* Когда появился в России книжный знак? С. 91 (сн. 4).

[35] *Щапов Я. Н.* К истории русского книжного знака конца XV–XVII в. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 87, 90.

[36] *Бегунов Ю. К.* Книгописная деятельность игумена Досифея // Die Welt der Slaven. Köln; Wien, 1972. Jahrg. 17. Hf. 2. S. 255–264.

[37] Описи Соловецкого монастыря XVI века.

[38] Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. / Подгот. М. В. Кукушкина // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 357–372.

[39] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 29–38, 202–240, 285–295.

этого перечня утверждается, что «всех книг Дософеева дань пятдесят без четырех», т. е. 46[40].

При первой публикации перечня В по копии начала XX в. М. В. Кукушкина пропустила по сравнению с оригиналом 1514 г. следующий текст: «...дал книгу Шестодневник Васильев, дал книгу Минею новоявленных чюдотворцов». Вслед за ней тот же пропуск допущен и в статье Ю. К. Бегунова[41]. В издании 2003 г., подготовленном Е. В. Крушельницкой, сам текст перечня В напечатан полностью и правильно, но в комментарии к нему исследовательница использовала ранее опубликованный текст с лакуной, что привело ее к неверному выводу об отсутствии учета этих двух рукописей. Внося эту существенную поправку, приведем сводную таблицу, в которой отражены данные о всех рукописях, вложенных Досифеем в Соловецкий монастырь (см. таблицу; полужирным шрифтом в таблице и в тексте статьи отмечена сплошная нумерация связанных с Досифеем рукописей).

Подобная таблица была представлена в работе Е. В. Крушельницкой[42], но мы, помимо восполнения названного выше пропуска, приводим также порядковый номер упоминания той или иной рукописи в соответствующем перечне и разночтения между списками. Кроме того, в таблице Е. В. Крушельницкой ошибочно указано, что рукопись «Устав Око церковное», переписанная в 1494 г., уже упоминается в перечне А, чего быть в принципе не могло, поскольку этот перечень был создан за год до написания самой рукописной книги.

Всего в трех перечнях упомянуто 43 рукописи. Кроме книг, названных в перечнях А, Б и В (1493, 1494 и 1514 гг.), сохранился целый ряд других рукописей, имеющих характерный авторский книжный знак – «экслибрис» священноинока Досифея. Е. В. Крушельницкая отметила, что из числа реально существующих досифеевских рукописей с его экслибрисом многие не упомянуты «ни в одном источнике, современном его жизни» (т. е. в перечнях А, Б и В). Как пишет исследовательница, «то обстоятельство, что эти рукописи не указаны в перечнях вложенных Досифеем в Соловецкий монастырь книг, помогает объяснить и отсутствие этих книг в описи 1514 г. Очевидно, в 1514 г. эти рукописи еще находились в личном пользовании своего владельца, игумена Досифея, и только позднее влились в состав монастырской библиотеки»[43]. Отсутствие упоминания этих

[40] Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. С. 370.

[41] *Бегунов Ю. К.* Книгописная деятельность игумена Досифея.

[42] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 290–291.

[43] Книги Соловецкой библиотеки по монастырским описям XVI в. / Сост. Е. В. Крушельницкая // Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 291–292.

Книги, вложенные Досифеем или принадлежавшие его

№	Шифр рукописи	Перечень А (1493 г.)	Перечень Б (1494 г.)
1	Сол. 858/968	1. «Правила святых апостол и святых отець»	4. «Правила святых апостол и святых отець»
2	Сол. 491/510	2. «Маргарит»	6. «Маргарит»
3	Сол. 856/966	6. «Козму Прозвитера»	10. «Козму Презвитера»
4	Сол. 318/338	7. «Ивана Ексарха»	11. «Иоана Ексарха»
5	Сол. 115/115	11. «Дионисия Арепаита»	15. «Деонисья Ареопагита»
6	Сол. 694/802	13. «Пророчьства»	5. «Пророчества»
7	Сол. 478/497	14. «Кирил Ерусалимьскый»	17. «Кирил Ерусалимьскый»
8	Сол. 873/983	15. «Шестодневець Васильев»	18. «Шестодневець Васильев»
9	Сол. Анз. 62/1428	16. «Тръжественик постный четьи»	19. «Торжественик постный четьи»
10	Сол. 1049/1158	17. «Апакалипси Ивана Дамаскина»	20. «Апакалипси Иоана Богослова»
11	–	3. «Селивестр»	7. «Селивестр»
12	–	4. «Пчелу»	8. «Пчелу»
13	–	5. «Федора Студита»	9. «Феодора Студита»
14	–	8. «Ивана Дамаскина»	12. «Ивана Дамаскина»
15	–	9. «Палею»	13. «Палею»
16	–	10. «Василия Кесарийскаго»	14. «Василиа Кесарийскаго»
17	–	12. «Анастасия»	16. «Анастасиа»
18	Сол. 1128/1237	–	1. «Устав Око церковьное»
19	Сол. 199/199	–	3. «Иоанна Златоустаго»
20	РГБ, ф. 209, №791	–	21. «Афанасиа Ерусалимьскаго»
21	Сол. 216/216	–	22. «Андрея Уродиваго»
22	РГБ, ф. 711, №63	–	2. «Менею четью сентябрьскую»
23	Сол. 503/522	–	23. «Менею октябрьскую четьюю»
24	Сол. 518/537	–	24. «Менею новых чудотворцом кануны да и житья събрано»
25	Сол. 519/538	–	–
26	Сол. 74/74	–	–
27	Сол. 708/816	–	–
28	Сол. 800/910	–	–
29	Сол. 635/693 или Сол. 647/705	–	–
30	Сол. 270/270	–	–
31	Сол. Анз. 83/1448	–	–
32	Сол. 1044/1153	–	–

в Соловецкий монастырь (№ 1–43)
келейной библиотеке (№ 44–50)

Перечень В (1514 г.)	Экслибрис	ПС XV*
2. «Правило святых отець»	+	303
15. «Маргарид в десть»	+	289
18. «Кузмю Прозвутера»	+	Д209
26. «Ивана Ексаррха»	+	2423
29. «Деонисья Ареопагита в десть»	+	299
32. «Пророчества»	+	295
33. «Кирила Ерусолимъскова»	+	1181
35. «Шестодневник Васильев»	+	3384
31. «Торжественик посной в десть»	+	Нет
22. «Апакалипсия да Ивана Богослова»	+	355
16. «Селиверста»	–	–
17. «Пчелу»	–	–
23. «Фодора Студита»	–	–
25. «Ивана Дамаскина»	–	–
27. «Палею толковою»	–	–
24. «Василья Кисариска»	–	–
34. «Настасия преподобново»	–	–
1. «Устав церковный»	+	313
30. «Житье Ивана Златоустаго в полъдесть»	+	2643
40. «Офонассья Александрейскова»	+	1925
39. «Ондрея Уродоваго»	+	2640
5. Минея четья «сенътябрьская»	+	2084
4. Минея четья «октябрьская»	Нет	999
36. «Минею новоявленных чюдотворцов»	Нет	311
3. «Декабрьскую Менею на харатьи»	Нет	885
6. «Книга Бытья в полдесть»	Нет	2490
7. «Псалтырь в десть» («нарядил»)	Нет	2984
19. «Синоксарь»	Нет	3196
20. «Патерик скитцкий» («нарядил»)	Нет	1151 или 1152
28. «Измарахгд в десть»	+	2664
41. «Торъжественник в десть празничьная на вез год»	+	1580
42. «Псалтырь толковая в полдесть»		3036

№	Шифр рукописи	Перечень А (1493 г.)	Перечень Б (1494 г.)
33	–	–	–
34	–	–	–
35	–	–	–
36	–	–	–
37	–	–	–
38	–	–	–
39	–	–	–
40	–	–	–
41	–	–	–
42	–	–	–
43	–	–	–
44	Сол. 27/27	–	–
45	Сол. 75/75	–	–
46	Сол. 258/258	–	–
47	Сол. 754/864	–	–
48	Сол. 802/912	–	–
49	Сол. 1024/1133	–	–
50	Сол. 1056/1165	–	–

* ПС XV – номер по изд.: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР: (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР).

манускриптов в перечнях безусловно объясняется тем, что они входили в состав келейной библиотеки священноинока Досифея. Таким образом, все рукописные книги, связанные с именем Досифея Соловецкого, могут быть разделены на четыре группы.

Книги «данья» до 1493 г. – 17 (упомянуты в перечне А: 10 сохранившихся и 7 пока неразысканных).

Книги «данья» 1494 г. – 7 (упомянуты в перечне Б: все 7 сохранились).

Книги «данья» 1495–1514 гг. – 19 (упомянуты в перечне В: 8 сохранившихся и 11 пока неразысканных).

Келейные книги – 7 (сохранившиеся рукописи с экслибрисом Досифея, не вошедшие в перечни А, Б и В).

Всего насчитывается 43 книги, вложенные Досифеем Соловецким в монастырскую библиотеку, и 7 книг «келейных», находившихся, судя по всему, в его личном владении.

Суммируем сведения о книжном наследии Досифея Соловецкого, следуя предложенной схеме. В сносках указывается последнее по времени описание рукописи в издании 2003 г. и дополнительно – неучтенная в нем литература.

Перечень В (1514 г.)	Экслибрис	ПС XV*
8. Охтаик «в десть»		
9. Охтаик «в десть»	–	
10. Охтаик [гласы 1–4?]	–	–
11. Охтаик [гласы 1–4?]	–	–
12. Охтаик [гласы 5–8?]	–	–
13. Охтаик [гласы 5–8?]	–	–
14. «Онтиоха, Семена Новаго» («нарядил»)	–	–
21. «Патерик египетски» («нарядил»)	–	–
37. «Евангелиста» толкованного	–	–
38. «Евангелиста» толкованного	–	–
43. «Ефрема Сирина в десть»	–	–
Апостол	+	2458
Библейские книги: Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царств, Есфирь	+	2494
Златая чепь	+	Д160
Псалтырь с восследованием в лист	+	1289
Сборник («Книга Геръман»)	+	Нет
Служебник	+	1540
Кормчая	+	1964

Книги «данья» до 1493 г.

Сохранившиеся до нашего времени рукописные книги

1. РНБ, Сол. 858/968. Кормчая (АБ: «Правила святых апостол и святых отець»; В: «Правила святых отець»). 1493 г. Q. III + 618 л. Экслибрис Досифея – на л. 609 об.[44]

2. РНБ, Сол. 491/510. Маргарит. (АБ: «Маргарит»; В: «Маргарид в десть»). 1491 г. F. I + 248 л. Экслибрис Досифея – на внутренней стороне верхней крышки переплета[45].

3. РНБ, Сол. 856/966. Сборник полемических сочинений (Беседа Козьмы Пресвитера, антилатинские сочинения) и житий. (А: «Козму Прозвитера»; Б: «Козму Презвитера»; В: «Кузмю Прозвутера»). Конец XV в. (не позднее 1493 г.). Q. III + 280 л. Экслибрис Досифея – на внутренней стороне верхней крышки переплета[46].

[44] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 203–204 [К 2]; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР: (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986 (далее – ПС XV в.). С. 77, № 303.

[45] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 204–205 [К 4]; ПС XV в., № 289.

[46] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 205 [К 5]; *Попруженко Г. М.* Козма Пресвитер – болгарский писатель X в. // Български старини. София, 1936. Кн. 12.

4. РНБ, Сол. 318/338. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. (А: «Ивана Ексарха»; Б: «Иоана Ексарха»; В: «Ивана Ексаррха»). Конец XV в. (не позднее 1493 г.). Q. 1 + 263 л. Экслибрис Досифея – на внутренней стороне верхней крышки переплета[47].

5. РНБ, Сол. 115/115. Сочинения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника. (А: «Дионисия Арепаита»; Б: «Деонисья Ареопагита»; В: «Деонисья Ареопагита в десть»). 1492 г. F. I + 389 л. Экслибрис Досифея – на л. 3 об.[48]

6. РНБ, Сол. 694/802. Библейские книги: 16 пророков с толкованиями. (А: «Пророчьства»; БВ: «Пророчества»). 1492 г. Q. I + 597 л. Экслибрис Досифея – на л. 595 об.[49]

7. РНБ, Сол. 478/497. Поучения Кирилла Иерусалимского. (АБ: «Кирил Ерусалимьскый»; В: «Кирила Ерусолимъскова»). Конец XV в. (не позднее 1493 г.). Q. II + 246 л. Экслибрис Досифея – на л. 246 об.[50]

8. РНБ, Сол. 873/983. Шестоднев Севериана Гавальского. (АБ: «Шестодневець Васильев»; В: «Шестодневник Васильев»). Конец XV в. (не позднее 1493 г.). Q. III + 176 л. Экслибрис Досифея – на л. 116[51].

9. РНБ, Сол. Анз. 62/1428. Торжественник постный четий. (А: «Тръжественик постный четьи»; Б: «Торжественик постный четьи»; В: «Торжественик посной в десть»). 1493 г. F. III + 332 л. Экслибрис Досифея – на л. 1[52].

10. РНБ, Сол. 1049/1158. Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. (А: «Апакалипси Ивана Дамаскина»; Б: «Апакалипси Иоана Богослова»; В: «Апакалипсия да Ивана Богослова»). 1493 г. O. VII + 93 л. Экслибрис Досифея – на л. 90 об.[53]

11. «Селивестр». Упоминается в Перечнях А (№ 4), Б (№ 7) и В (№ 16 – «Селиверста»).

12. «Пчела». Упоминается в Перечнях А (№ 5), Б (№ 8) и В (№ 17).

13. «Федор Студит». Упоминается в Перечнях А (№ 6), Б (№ 9) и В (№ 23).

С. VII–XII; *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в болгарских литературах. София, 1973. С. 483–486; Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986). М., 1993. С. 95, № Д209.

[47] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 206 [К 7]; ПС XV в., № 2423.

[48] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 207 [К 8]; ПС XV в., № 299.

[49] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 209–210 [К 11]; ПС XV в., № 296.

[50] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 210 [К 12]; ПС XV в., № 1181.

[51] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 215 [К 22]; ПС XV в., № 3384.

[52] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 208–209 [К 10]. Нет в ПС XV в.

[53] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 205–206 [К 6]; ПС XV в., № 355.

14. «Иван Дамаскин». Упоминается в Перечнях А (№ 9), Б (№ 12) и В (№ 25).

15. «Палея». Упоминается в Перечнях А (№ 10), Б (№ 13) и В (№ 27: Опись упоминает эту рукопись как «Палею толковою»).

16. «Василий Кесарийский». Упоминается в Перечнях А (№11), Б (№14) и В (№24).

17. «Анастасий» [Синаит]. Упоминается в Перечнях А (№ 13), Б (№ 16) и В (№ 34 – «Настасия преподобново»).

Книги «данья» 1494 г.

Все семь книг, составивших поступление 1494 г., могут быть отождествлены с сохранившимися соловецкими манускриптами.

18. РНБ, Сол. 1128/1237. Устав церковный (Б: «Устав Око церковьное»; В: «Устав церковный»). 1494 г. Q. V + 444 л. Экслибрис Досифея – на л. 1, 440 об.[54]

19. РНБ, Сол. 199/199. Житие Иоанна Златоуста. (Б: «Иоанна Златоустаго»; В: «Житье Ивана Златоустаго в полъдесть»). Конец XV в. (не позднее 1494 г.). Q. 194 л. Экслибрис Досифея – на л. 2.[55]

20. РГБ, ф. 209 (собр. Овчинникова), №791. Сочинения и Житие Афанасия Александрийского. (Б: «Афанасиа Ерусалимьскаго»; В: «Офонассья Александрейскова»). Конец XV в. (не позднее 1494 г.). Q. IV + 312 л. Экслибрис Досифея – на внутренней стороне верхней крышки переплета и на л. 7.[56]

21. РНБ, Сол. 216/216. Житие Андрея Юродивого с прибавлениями. (Б: «Андрея Уродиваго»; В: «Ондрея Уродоваго»). Конец XV в. (не позднее 1494 г.). Q. 196 л. Экслибрис Досифея – на внутренней стороне верхней крышки переплета и на л. I.[57]

22. РГБ, ф. 711 (собр. А. П. Гранкова), №63. Минея четья на сентябрь. (Б: «Менею четью сентябрьскую»; В: Минея четья «сеньтябрьская»). Конец XV в. (не позднее августа 1494 г.). Q. Л. ненум. С экслибрисом Досифея[58]. Впервые рукопись была упомянута в печати в статьях

[54] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 202–203 [К 1]; ПС XV в., №313.

[55] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 207–208 [К 9]; ПС XV в., № 2643.

[56] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 211 [К 14]; ПС XV в., № 1925.

[57] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 210–211 [К 13]; ПС XV в., № 2640; *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 21–22.

[58] ПС XV в., № 2084 (указана под прежним временным шифром: «ГБЛ, Гранк., пост. 86/22–1975 г.»); Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. Т. 1, вып. 3: (1948–1979). М., 1996. С. 407.

Ю. К. Бегунова и Н. Н. Розова[59]. В Соловецком собрании РНБ сохранился, по всей видимости, список с этой рукописи первой половины XVI в.: РНБ, Сол. 500/519 (см. подробнее ниже).

23. РНБ, Сол. 503/522. Минея четья на октябрь. (Б: «Менею октябрьскую четьюю»; В: Минея четья «октябрьская»). Конец XV в. (не позднее 1494 г.?). Экслибриса Досифея нет[60].

В перечне Б говорится, что книжник к 7002 г. (сентябрь 1493 г. – август 1494 г.) послал на Соловки «Менею четью сентябрьскую» и «того же лета дал есми писати» «Менею октябрьскую четьюю». В Перечне В говорится уже о двух Минеях: «две Минеи четьих – октябрьская да сеньтябрьская». Среди рукописей Соловецкого собрания сохранились как сентябрьский, так и октябрьский тома Минеи четьей (соответственно РНБ, Сол. 500/519 и РНБ, Сол. 503/522), причем они оба авторами «Описания рукописей Соловецкого монастыря» были отнесены к числу рукописей Досифея[61]. В первом случае авторы описания, скорее всего, ошиблись, поскольку рукопись Сол. 500/519 датируется более поздним временем, чем конец XV в., и является, вероятно, списком с рукописи РГБ, ф. 711 (собр. А. П. Гранкова), № 63, но октябрьский том (Сол. 503/522) действительно датируется концом XV в.[62] Учитывая чрезвычайную редкость списков домакарьевских четьих миней, можно предполагать, что в составе Соловецкой библиотеки сохранилась именно упомянутая Описью рукописная книга.

24. РНБ, Сол. 518/537. Минея «новым чудотворцам». (Б: «Менею новых чудотворцом кануны да и житья събрано»; В: «Минею новоявленных чюдотворцов»). 1494 г. Экслибриса Досифея нет.[63]

[59] *Бегунов Ю. К.* Собрание рукописных материалов XV–начала XIX в. А. П. Гранкова. С. 194; *Розов Н. Н.* Когда появился в России книжный знак? С. 88–91.

[60] ПС XV в., № 999.

[61] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 368, 379–380.

[62] ПС XV в., № 999.

[63] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 218–219 [К 29]; ПС XV в., № 311. Впервые предположение о тождестве упомянутой в перечне Б Минеи «новым чудотворцам» и данной рукописи высказал Н. Н. Розов (*Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. с. 302). Несмотря на отсутствие экслибриса Досифея, тождество дошедшей до наших дней рукописи и манускрипта, упомянутого в перечне Б, не вызывает у исследователей ни малейших сомнений в силу уникальности сборника, содержащего подборку текстов о «новоявленных» русских святых.

Книги «данья» 1495–1514 гг.

Сохранившиеся до нашего времени рукописные книги

Восемь упомянутых в перечне В сохранившихся рукописных книг можно отнести к числу вложенных Досифеем в монастырскую библиотеку в период между созданием перечней Б (1494) и В (1514). Хотя экслибрис Досифея встречается только на двух из этих рукописей (Торжественник и Псалтырь толковая), шесть других книг могут быть также с той или иной степенью достоверности сближены с упомянутыми в источниках книгами (№ 25–30 по нашему списку).

25. РНБ, Сол. 519/538. Минея служебная, декабрь. (В: «декабрьскую Менею на харатьи»). Пергамен. XV в. Экслибриса Досифея нет[64].

М. В. Кукушкина в статье 1971 г. впервые отождествила «декабрьскую Менею на харатьи» перечня В с рукописью Сол. 519/538[65]. Действительно, эта рукопись написана в XV в. на пергамене, что встречается к этому времени уже нечасто. Более того, это единственная соловецкая служебная Минея XV в., и именно декабрьская (Минеи XV в. за другие месяцы в Соловецком собрании вообще не представлены).

26. РНБ, Сол. 74/74. Библейские книги: Пятикнижие Моисеево. (В: «Книга Бытья в полдесть»). Конец XV в. Экслибриса Досифея нет[66].

Поскольку Книга Бытия начинает Пятикнижие Моисеево, эту рукопись с некоторой долей вероятности можно отождествить с единственным в Соловецком собрании списком Пятикнижия XV в. – Сол. 74/74 (правда, формат сохранившейся рукописи – folio)[67].

27. РНБ, Сол. 708/816. Псалтырь в лист. (В: «Псалтырь в десть» («нарядил»)). Конец XV в. Экслибриса Досифея нет[68].

Известны две Псалтыри XV в. из Соловецкой библиотеки – Сол. 708/816 (ПС XV в., № 2984) и Сол. 754/864 (ПС XV в., № 1289). По мнению Е. В. Крушельницкой, упомянутая в перечне В «Псалтырь в десть» – это рукопись Сол. 754/864, имеющая на л. 2 экслибрис Досифея.[69] Действительно, формат этой Псалтыри – в лист, что соответствует данным перечня. Но исследовательница не обратила внимания на то, что в этом тексте после слов «да нарядил книгу Псалтырь» далее в строке зачеркнуто

[64] ПС XV в., № 885.

[65] Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. С. 359 (сн. 14).

[66] ПС XV в., № 2490.

[67] М. В. Кукушкина ошибочно, на наш взгляд, отождествила «книгу Бытья в полдесть» перечня В с рукописью РНБ, Сол. 75/75 (Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. С. 359 (сн. 15)), которую мы относим к числу келейных книг Досифея (см. ниже под № 45).

[68] ПС XV в., № 2984.

[69] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 204 [К 3].

слово «следованьем»[70]. Из этой правки можно заключить, что упомянутая в перечне В Псалтырь определенно *не была следованной*, поскольку это написанное в рукописи слово было воспринято как ошибочное и зачеркнуто. В таком случае это была келейная или простая Псалтырь[71]. Тогда ее следует отличать от дошедшей до наших дней рукописи Сол. 754/864 (Псалтырь с восследованием), имеющей экслибрис Досифея.[72] Скорее всего, в Перечне В речь идет о другой рукописной книге, при этом, вполне возможно, имелась в виду также рукопись Сол. 708/816 форматом folio, поскольку других Псалтырей «в десть» XV в. в Соловецком собрании не сохранилось.

28. РНБ, Сол. 800/910. Синаксарь триодный. (В: «Синоксарь»). Конец XV в. Экслибриса Досифея нет[73].

Отождествление книги «Синоксарь» Описи 1514 г. с Синаксарем триодным Сол. 800/910 принадлежит М. В. Кукушкиной[74].

29. РНБ, Сол. 635/693 или 647/705. Патерик Скитский. (В: «нарядил книгу Патерик скитцкий»). XV в. Экслибриса Досифея нет.[75]

В Соловецком собрании имеются два списка Патерика Скитского XV в. – Сол. 635/693 и Сол. 647/705. Возможно, один из них был переплетен трудами игумена Досифея, но определить это возможно лишь после проведения кодикологической экспертизы.

30. РНБ, Сол. 270/270. Измарагд. (В: «Измарахгд в десть»). Конец XV в. Экслибриса Досифея нет[76].

В Соловецком собрании имеется лишь один список Измарагда XV в. – Сол. 270/270. Формат его, действительно, folio. Вероятность того, что эта рукопись может быть отождествлена с упомянутой в Описи книгой, представляется весьма высокой, поскольку списки Измарагда XV в. вообще достаточно редки (известно всего семь списков), а в Соловецком собрании имеется вообще только один список. Впервые предположение о тождестве упомянутого в перечне В Измарагда и рукописи Сол. 270/270 высказала М. В. Кукушкина[77]. Соловецкий Измарагд относится к Основ-

[70] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 33 (сн. 44).

[71] *Никольский К. Т.* Обозрение богослужебных книг православной Российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858. С. 324–325. Благодарю за консультацию А. В. Вознесенского.

[72] К сожалению, первоначальный переплет рукописи Сол. 754/864 не сохранился, а существующий переплет относится к XVII в. (Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 204).

[73] ПС XV в., №3196.

[74] Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. С. 359 (сн. 16).

[75] ПС XV в., №1151, 1152.

[76] ПС XV в., № 2664.

[77] Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. С. 359 (сн. 17).

ной (по Б. М. Пудалову) редакции, причем три других ранних списка этой редакции датируются также концом XV в. и происходят из крупных монастырских собраний – Троице-Сергиева (РГБ, Тр. 91; ПС XV, № 2506 и РГБ, Тр. 203; ПС XV, № 1946) и Кирилло-Белозерского (РНБ, Кир.-Бел., № 38/1115; ПС XV, № 710) монастырей[78].

31. РНБ, Сол. Анз. 83/1448. Торжественник. (В: «Торъжественик в десть празничьная на вез год»). Конец XV в. Экслибрис Досифея – на л. 1.[79]

Впервые предположение о тождестве упомянутого в перечне В Торжественника и данной рукописи высказала М. В. Кукушкина[80].

32. РНБ, Сол. 1044/1153. Псалтырь с толкованиями Афанасия Александрийского. (В: «Псалтырь толковая в полдесть»). Конец XV в. Экслибрис Досифея – на л. 1 об.[81]

Неразысканные рукописные книги

33. Охтаик «в десть». В Перечне В – № 8.
34. Охтаик «в десть». В Перечне В – № 9.
35. Охтаик «в полдееть» (гласы 1–4?). В Перечне В – № 10.
36. Охтаик «в полдесть» (гласы 1–4?). В Перечне В – № 11.
37. Охтаик «в полдесть» (гласы 5–8?). В Перечне В – № 12.
38. Охтаик «в полдесть» (гласы 5–8?). В Перечне В – № 13.
39. «Онтиох, Семен Новый». В Перечне В – № 14 («нарядил»).
40. «Патерик египетски». В Перечне В – № 21 («нарядил»).
41. Евангелие толковое. В Перечне В – № 37.
42. Евангелие толковое. В Перечне В – № 38.
43. «Ефрем Сирин в десть». В Перечне В – № 43.

Келейные книги

Поскольку нам известны списки рукописей, вложенных Досифеем в собрание Соловецкой обители, реконструкция состава его личных (келейных) книг возможна путем выявления реально дошедших кодексов с его экслибрисом, при этом отсутствующих в перечнях А, Б и В, т. е. не входивших в состав монастырской библиотеки вплоть до 1514 г.

Н. Н. Розов, который не был знаком с перечнем В, назвал четыре такие книги (Сол. 75/75, Сол. 258/258, Сол. 754/864, Сол. 1024/1133),

[78] *Пудалов Б. М.* Сборник «Измарагд» в русской письменности XIV–XVIII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3, ч. 2. С. 402–403.

[79] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 211 [К 15]; ПС XV в., № 1580.

[80] Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. С. 359 (сн. 18).

[81] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 212 [К 16]; ПС XV в., № 3036.

а Е. В. Крушельницкая добавила к этому перечню еще три рукописи (Сол. 27/27, Сол. 802/912 и Сол. 1056/1165). Исследовательница ошибочно, на наш взгляд, перенесла Псалтырь Сол. 754/864 из числа личных рукописей соловецкого инока в число вложенных Досифеем в монастырь (см. об этом выше). Таким образом, по нашим подсчетам сохранилось семь книг Досифея Соловецкого с его экслибрисом, которые могут быть признаны келейными: Апостол; Библейские книги (Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царств, Есфирь); Златая чепь; Псалтирь; Сборник; Служебник; Кормчая.

44. РНБ, Сол. 27/27. Апостол. Конец XIV в. Экслибрис Досифея – на л. 14 об.[82]

45. РНБ, Сол. 75/75. Библейские книги: Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царств, Есфирь. Конец XV в. Экслибрис Досифея – на л. 2[83].

46. РНБ, Сол. 258/258. Златая чепь. Конец XV в. Экслибрис Досифея – на л. 3[84].

47. РНБ, Сол. 754/864. Псалтырь с восследованием в лист. Конец XV в. Экслибрис Досифея – на л. 2[85].

48. РНБ, Сол. 802/912. Сборник («Книга Геръман»). Втор. пол. XV в. Экслибрис Досифея – на л. 20[86].

49. РНБ, Сол. 1024/1133. Служебник. XV в. Экслибрис Досифея – на л. I[87].

50. РНБ, Сол. 1056/1165. Кормчая Древнеславянской редакции[88] (Номоканон в XIV титулах). Вторая половина XV в. Экслибрис Досифея – на л. 3[89].

Итак, мы связываем с именем игумена Досифея Соловецкого происхождение или «поновление» всего 50 рукописных книг, из которых 32 дошли до наших дней (см. таблицу)[90]. Сохранившиеся Досифеевские

[82] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 218 [К 28]; ПС XV в., № 2458. Эта рукопись, наиболее древняя из принадлежавших Досифею, возможно, досталась книжнику от кого-то из его предков или учителей.

[83] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 214–215 [К 21]; ПС XV в., № 2494.

[84] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 215–216 [К 23]; ПС XV в., № Д160.

[85] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 204 [К 3]; ПС XV в., № 1289.

[86] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 216–217 [К 25]; в ПС XV в. нет. В специальной работе Н. В. Понырко рассмотрела вопрос об интерпретации скорописной записи XVI в. на л. 1 «Книга Геръман монастырская старая»: *Понырко Н. В.* «Герван» или «Герман»?: (Об одной рукописи, принадлежавшей соловецкому игумену Досифею) // Междунар. науч. конф. «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.», 5–10 сент. 2005 г.: Тез. докл. Соловки, 2005. С. 8–11; см. также статью Н. В. Понырко в наст. сб.

[87] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 214 [К 20]; ПС XV в., № 1540.

[88] См. об этой рукописи: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. По указателю.

[89] Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 216 [К 24]; ПС XV в., № 1964.

[90] Возможно, к числу келейных книг Досифея относится также и Сборник смешанного содержания второй половины XV в. (РНБ, Сол. 804/914; ПС XV в., № 2269). Он не был упомянут ни в одном из перечней книг Досифея, нет на нем и экслибриса соловецкого

рукописи составляют около половины всех дошедших до нас соловецких манускриптов XV в. (их насчитывается в Соловецком собрании РНБ – 65 рукописных книг и в РГБ – 2 рукописные книги). Кроме того, еще 18 книг, упомянутых в перечнях Досифея 1493–1494 гг. и (или) в Описи 1514 г., пока не отождествляются с сохранившимися кодексами. Не дошли до наших дней или пока не выявлены в рукописных собраниях: «Селивестр», «Пчела», «Федор Студит», «Иван Дамаскин», «Палея», «Василий Кесарийский», «Анастасий» [Синаит] (как Досифеевские перечни, так и Опись 1514 г.), а также известные только по Описи 1514 г. рукописные книги «Досефеева данья»: шесть томов Октоихов, два Евангелия толковых, «Ефрем Сирин в десть» и две рукописи, которые Досифей «нарядил» (очевидно, переплел) – «Онтиох, Семен Новый» и «Патерик египетский».

Досифей вложил в свой монастырь более четырех десятков либо принадлежавших ему, либо специально переписанных, либо переплетенных по его заказу рукописей – больше, чем какой-либо другой книжник Древней Руси. В значительной степени его трудами находящийся на самом краю обитаемого света Соловецкий монастырь уже в конце XV – начале XVI в. стал обладать одним из самых богатых древнерусских книжных собраний.

Еще семь рукописей представляют келейную библиотеку соловецкого инока. Для реконструкции взглядов и интересов Досифея именно эти рукописи наиболее важны, поскольку они отражают индивидуальный вкус и выбор книжника. Кроме того, необходимо отметить общую близость состава манускриптов, переписанных по заказу Досифея Соловецкого, к «рекомендательному списку» книг архиепископа Геннадия Новгородского из его известного послания 1489 г. архиепископу Иоасафу Ростовскому[91].

2.2. О происхождении оригиналов рукописей Досифея Соловецкого

В рукописях Досифея имеется два прямых географических указания на происхождение списков-протографов: «застенский игумен» Алексий Смола для переписанного им Жития Андрея Юродивого «имал список с Лисьей горки» (это Лисицкий монастырь под Новгородом). Сам протограф, лисицкий пергаменный список Жития Андрея Юродивого XV в., также сохранился. Кроме того, писец диакон Феодор записал на первом

книжника, однако еще авторы описания рукописей Соловецкого монастыря в 1885 г. отмечали: «По письму можно думать, что сборник принадлежал к числу рукописей священноинока Досифея» (Описание рукописей Соловецкого монастыря... С. 466). Это предположение требует дополнительной кодикологической экспертизы.

[91] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 187, 267; *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 300.

листе переписанной им рукописи: «А писана книга сиа с Островъского Дионисия Ареопагита». Здесь, конечно, имеется в виду не город Остров, как предполагал Н. Н. Розов, а находившийся также под Новгородом Николо-Островский монастырь, заметный центр книгописания начиная с 60-х гг. XV в.[92] Эти две рукописи, несомненно, восходят к протографам из пригородных новгородских монастырей.

Книги брались для переписывания и непосредственно из окружения владыки Геннадия Новгородского. В сборнике, содержащем Беседу Козьмы Пресвитера «на богомилы», отмечено рукой писца: «Книгу сию взял на список [у] владыкы, Беседа на новоявившуюся ересь, а писана на харатьи, есть ей за пятьсоть лет». В другой книге, Шестодневе, имеется запись: «А писана книга сиа с Герасимова Шестодневника»; по мнению Н. Н. Розова, здесь имеется в виду сотрудник новгородского архиепископа Герасим Поповка. Очевидно, из Геннадиевского кружка происходит оригинал и Апокалипсиса с толкованиями Андрея Кесарийского, поскольку в этой рукописи имеются глоссы на латинском языке[93].

Еще одно географическое указание находится в приписке к Минее новым чудотворцам (РНБ, Сол. 518/537). На внутренней стороне верхней крышки переплета читалась до реставрации скорописная запись: «Минея новым чудотворцом монастырская старая, написана на Вологде в соборниках». Н. Н. Розов предполагал, что статьи этой рукописи «были переписаны в Вологде в какой-то сборник и переписчик сделал при этом помету в своем оригинале»[94]. С этим мнением трудно согласиться. Намного естественнее думать, что из разных рукописей тексты были собраны в одну, чем предполагать выписывание текстов из одной соловецкой Минеи в разные вологодские «соборники». Текст записи может восходить к несохранившейся записи писца или заказчика на листах самой Минеи, и тогда перед нами не помета вологодского переписчика Минеи, а, напротив, указание на вологодские «соборники» как на источник, находящееся в одном ряду с другими указаниями на географическое происхождение списков-протографов («имал список с Лисьей горки», «А писана книга сиа с Островъского Дионисия Ареопагита»).

Упоминание того, что «соборники» находились «на Вологде», значит, вероятно, не «в самом городе Вологда», а шире – в Вологодских пределах. Об этом свидетельствует, например, указание в месяцеслове другой соловецкой рукописи, где речь идет о Макариевом Калязинском монастыре

[92] *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2003. С. 70–73.

[93] *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. С. 302.

[94] Там же.

«на Вологде»[95]. С еще большим основанием к вологодским пределам могли быть отнесены и наиболее значительные книжные центры в этих краях – Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Кирилло-Белозерское влияние в книжности Соловецкого монастыря конца XV в. до сих пор не отмечалось в научной литературе. Следует напомнить, что выходцем из Кирилло-Белозерского монастыря был преподобный Савватий Соловецкий и что в конце XV в. из белозерских монастырей («з Бѣлаезѣра тамошнихъ манастырей» – очевидно, Кирилло-Белозерского или Ферапонтова) приезжал на Соловки некий священноинок Иосиф, увезший с собой рукопись Досифея с первоначальным вариантом Жития Зосимы и Савватия, а несколько позже, в 1503 г., Досифей достоверно посещал Ферапонтово, где заказал у бывшего митрополита Спиридона написание Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Кроме того, кирилло-белозерское влияние на раннюю соловецкую книжную традицию прослеживается достаточно определенно на материале некоторых «четьих» рукописей.

1. Соловецкий список летописи XV в. фиксируется Описью 1514 г. как «Летописец в полдесть»[96]. Возможно, именно он сохранился до наших дней под шифром Сол. 922/1032. Эта рукопись имеет формат «в восьмерку», но автор Описи 1514 г. мог в понятие «полдесть» включать как «полдесть большую», так и «полдесть малую».[97] В этом крайне интересном сборнике, введенном в научный оборот В. К. Зиборовым и Я. С. Лурье[98], на л. 45–119 содержится единственный список Соловецкого вида Сокращенного летописного свода конца XV в. Как показал Я. С. Лурье, Сокращенный летописный свод наряду с Ермолинской летописью восходит к севернорусскому (Кирилло-Белозерскому) своду 1472 г.[99]

---

[95] Требник второй половины XVI в. (Сол. 1091/1200, л. 25 об.): Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1898. Ч. 3, отд. 1. С. 143.

[96] Опись Соловецкого монастыря 1514 г. // Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 35.

[97] Ср. наблюдение Е. В. Крушельницкой о вариативности обозначения формата Соловецких рукописей в разных описях XVI в. (Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 288).

[98] *Зиборов В. К., Лурье Я. С.* Соловецкий вид «Сокращенного свода» последней трети XV в. // Летописи и хроники. 1980 г.: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 147–152.

[99] *Лурье Я. С.* Летописный свод Сокращенный // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 35. В статье Я. С. Лурье опечатка: вместо «1472» напечатано «1492». Сокращенный летописный свод в отличие от Ермолинской летописи сохранил изначально присущие Кирилло-Белозерскому своду 1472 г. рассказы об участии в битве на Липице богатырей Добрыни Золотого пояса и Александра Поповича, о гибели последнего в битве на Калке, о начале деятельности легендарного новгородского ушкуйника Анфала. Поскольку Соловецкий вид Сокращенного летописного свода – наиболее ранний (он представлен древнейшим по времени создания списком 70-х – начала 80-х гг. XV в.; текст в нем доведен до

2. В другом Досифеевском сборнике можно также увидеть следы влияния кирилло-белозерской книжности: состав дополнений к Кормчей 1493 г. (РНБ, Сол. 858/968) может быть сопоставлен с составом сборника Ефросина Белозерского РНБ, Кир.-Бел. 9/1086 (сочинения митрополита Киприана, церковные уставы князей Владимира, Ярослава, Всеволода, Русская Правда и др.).

3. Имеет черты сходства с еще одной рукописью Ефросина Белозерского (РНБ, Кир.-Бел. 11/1088) и ныне утраченный соловецкий «четий» сборник № 31 (46)[100]. Состав этих рукописей в свою очередь пересекается с содержанием другой несохранившейся рукописи – знаменитого Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве»[101].

Таким образом, состав «четьей» части Соловецкой библиотеки конца XV в. позволяет нам предположительно установить еще один его источник, помимо ранее известного новгородского – книжность Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. Исследование раннего книжного наследия этих книжных центров Древней Руси необходимо вести параллельно. Пока можно констатировать, что Досифей был неординарным писателем и выдающимся книжником конца XV – начала XVI в. и что детальное научное описание сохранившихся рукописных книг Досифея Соловецкого (подобное описанию сборников кирилло-белозерского книжника Ефросина[102]) и их кодикологическое исследование остается одной из насущных задач историко-филологической науки.

1472 г., а не до 90-х гг. XV в., как в других версиях), можно полагать, что он восходил непосредственно к Кирилло-Белозерскому протографу. По данным О. Л. Новиковой, которой я искренне благодарен за консультацию, время появления списка Сокращенного летописного свода в Соловецкой библиотеке относится к достаточно раннему времени, не позже XVI в.

[100] *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 132; *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Св. Землю русского игумена Даниила в начале XII в. // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 3 (158). С. 67–72.

[101] *Бобров А. Г.* «Заколдованный круг»: (О книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3. С. 110–118.

[102] *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3–300.

ОЧЕРК 5

ЖИТИЯ НОВГОРОДСКИХ СВЯТЫХ В ПРОЛОГЕ ПАПСКОГО ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА [2011 г.]

Стишной Пролог за март-август, хранящийся в Папском Восточном институте в Риме под шифром Slavo 5, был лишь сравнительно недавно введен в научный оборот. Описание собрания рукописей Папского Восточного института было опубликовано А. Джуровой и К. Станчевым только в 1997 г.[1], хотя сама рукопись Slavo 5 начала XVI в.[2] была куплена Папским Восточным институтом на аукционе «Международная книга» в Ленинграде еще в 1934 г.[3] В 2002 г. А. А. Турилов напечатал в журнале «Славяноведение» рецензию на это описание, причем он пришел к принципиальным выводам, что все находящиеся в Прологе Slavo 5 краткие жития русских святых уникальны, неизвестны по другим спискам и что сама рукопись имеет псковское происхождение[4]. Об интересующем нас манускрипте речь идет также в новейшей статье А. А. Турилова и М. А. Шибаева об архиепископе Евфимии, опубликованной в «Православной энциклопедии». Авторы осторожно датируют рукопись 1-й четвертью XVI в. и говорят о Житии Евфимия Новгородского, что «подобно большинству других русских житий в составе этой рукописи (свт. Василия Калики, прп. Евфимия Суздальского и др.) текст его уникален», а «факт его создания свидетельствует

[1] *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997. P. 22–25. (Orientalia Christiana Analecta; Vol. 255).

[2] Филиграни: Голова быка с крестом (л. 1–78, 242: *Лихачев*. Вод. зн. № 3917, 1506 г.); Голова быка с цветком (л. 79–241: типа: Там же. № 1379–1381, 1385–1386, 1509 г.).

[3] *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей... P. XXIX.

[4] *Турилов А. А.* 1) (Рец. на:) *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997 // Славяноведение. 2002. № 4. С. 120–122; 2) К ранней истории общерусского почитания преп. Евфимия Суздальского // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России. Владимир; Суздаль, 2003. С. 21–24; 3) К истории Стишного Пролога на Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2006. № 1 (23). С. 73.

о распространении почитания Евфимия в ранний период (между 1479 и 10-ми гг. XVI в.) за пределами Новгородской земли». Поскольку Евфимий в заглавии назван «великим Новоградьским новым чюдотворьцем, архиепископом Пьскова Великаго», авторы подтверждают сделанный ранее А. А. Туриловым вывод о псковском происхождении рукописи, а также затрагивают вопрос об источниках текста Жития Евфимия (см. подробнее ниже)[5].

Всего в Стишном Прологе находится 23 текста, посвященных памяти русских святых или событий: Евфимия Новгородского (10 марта, л. 3 об.–4); Ионы митрополита (30 марта, л. 34 об.); Евфимия Суздальского (1 апреля, л. 36 об.–37); Перенесения мощей Бориса и Глеба (2 мая, л. 79–79 об.); Феодосия Печерского (3 мая, л. 80 об.–82); Освящения Десятинной церкви князем Владимиром (12 мая, л. 93 об.–94); Перенесения мощей Бориса и Глеба (20 мая, л. 104 об.–105); митрополита Алексея (20 мая, л. 105); Никиты Переяславского (22 мая, л. 107 об.); Леонтия Ростовского (23 мая, л. 108); московских митрополитов Киприана, Фотия и Ионы (27 мая, л. 113); Игнатия Ростовского (28 мая, л. 115); Кирилла Белозерского (9 июня, л. 133 об.); Иоанна Новгородского «от града Орешка» (18 июня, л. 146 об.); Петра и Февронии Муромских (25 июня, л. 156); Василия Новгородского (3 июля, л. 166); Небесного знамения (запись летописного характера (7 июля, л. 170 об.)); княгини Ольги (11 июля, л. 176 об.–177); князя Владимира (15 июля, л. 182–183); Спиридона Новгородского (19 июля, л. 190 об.); Иоанна Новгородского «от града Ладоги» (23 июля, л. 194 об.–195); Бориса и Глеба (24 июля, л. 195 об, 198) и митрополита Петра (23 августа, л. 240 об.–241). [6] Предметом изучения в данной работе будут жития только новгородских святых, представленные в Прологе Папского Восточного института.

А. А. Турилов отметил в составе рукописи, дополнительно к трем отмеченным ранее в описании А. Джуровой и К. Станчева, еще два кратких жития новгородских владык (Иоанна Новгородского «от града Орешка» – под 18 июня, и Спиридона Новгородского – под 19 июля). Таким образом, общий корпус новгородских житий в Прологе Папского Восточного института составляет пять текстов, посвященных памятям исключительно архиепископов: Евфимия, Иоанна «от града Орешка», Василия, Спиридона и Иоанна «от града Ладоги». Приведем эти тексты и прокомментируем в порядке их следования в рукописи.

[5] *Турилов А. А., Шибаев М. А.* Евфимий II Вяжищский // ПЭ. М., 2008. Т. 17.С. 437.

[6] Пользуюсь случаем поблагодарить за помощь в ознакомлении с рукописью и копировании текстов Т. Р. Руди, С. А. Семячко и особенно К. Станчева.

1. Житие Евфимия Новгородского (10 марта), л. 3 об. – 4.

В тьи же день успение иже во святых отца нашего Еуфимия Великаго, Новоградьскаго новаго чюдотворьца, архиепископа Пьскова Великаго.

При велицѣмъ князи Данильи Ивановиче Московскомъ съи бысть святыи Еуфимеи мних въ манастыри близ Рима. Бысть же добронравенъ, изрядно житье имѣя. И милостивно тѣмъ искушая, и Богъ посла к нему аггела во образѣ, благовѣстить ему велиему изыти во инъ манастырь святаго Спаса на Хутыню. Повелѣниемъ же Божьим поставленъ бысть архиепискупомъ Новуграду на утвержение Германом патриярхомъ Коньстянтинаграда. Поживе же пася церковь Божью лѣт 43 и месяца 2, и преставися къ Богу. Честныя же его мощи дають ицѣления (sic!) приходящимъ с вѣрою, а святая его душа взыде на небеса, радующися со аггелы Божьими, веселяся.

Комментарий

Известное Житие Евфимия Новгородского, написанное вскоре после его кончины Пахомием Логофетом, как и проложное житие (под 11 марта)[7], не имеют ничего общего с приведенным выше текстом. А. А. Турилов и М. А. Шибаев справедливо отметили, что начальная часть текста Жития Евфимия в Прологе Папского Восточного института «практически дословно следует за Житием свт. Григория Великого (Двоеслова), помещенным в Прологе под 11 марта. Из него заимствованы известия о том, что Е. жил в монастыре „близ Рима“, и о посещении его ангелом»[8]. Действительно, Житие Евфимия Новгородского основано на тексте Жития Григория папы Римского, которое читается в той же самой рукописи Папского Восточного института:

Житие Евфимия Новгородского (10 марта), л. 3 об.– 4.	**Житие Григория папы Римского** (11 марта), л. 5 об.
...съи бысть святыи Еуфимеи мних въ манастыри близ Рима. Бысть же добронравенъ, изрядно житье имѣя. И милостивно тѣмъ искушая, и Богъ посла к нему аггела во образѣ...	...тъи бысть святыи Григории мних въ манастыри близ Рима. Бѣ же зѣло добронравенъ, изрядно житье имѣя. И милостивно тѣмъ искушая, и Богъ посла к нему аггела во образе истопъщаго въ мори, и обрѣте и спѣшь на подание...

[7] *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография. СПб., 2005. (Т. 1). С. 25–26, № 59.

[8] *Турилов А. А., Шибаев М. А.* Евфимий II Вяжищский. С. 437.

Цитата из Жития Григория папы Римского в Житии Евфимия Новгородского оборвана, и читатель не имеет возможности узнать, в каком же именно образе явился ангел будущему новгородскому владыке.

Указание на то, что архиепископ Евфимий жил во времена великого князя Даниила Ивановича, не соответствует действительности. Великого князя Даниила Ивановича вообще не было, история просто не знает такого лица. В то же время князь с таким именем является главным героем третьей редакции «Повести о начале Москвы» (вторая половина XVII в.), где под 6714 (1206) г. рассказывается, что великий князь Даниил Иванович, потомок «Рюрика, короля Римскаго», якобы поехал однажды «изыскивати места, где бы ему создати град престольный к великому княжению своему». С собой князь взял мудрого «греченина» Василия, который умел предвидеть, «чему впредь быти». Приехали они «во остров темен и непроходим зело», на котором было болото «велико и топко», а посреди того болота князь увидел «зверя превелика и пречюдна, троеглава и пестра велми пестринами различна и красна зело». Князь спросил грека, что означает это видение. Грек отвечал, что «на сем месте созиждется град превелик и распространится царствие треугольное», а различные «цвети» на звере – это указание на то, что царство наполнят «различных орд люди». Князь поехал дальше и «наехал» на хижину, в которой жил пустынник Букал. Через шесть лет на месте той хижины князь Даниил Иванович заложил Москву («и ныне на том месте <...> царской двор»), также на месте хижины «римлянина» Подона он основал церковь Спаса, а на месте хижины «мужа именем Сара земли Иверские» заложил город Алексин[9]. Безусловно фольклорный характер рассказа о великом князе Даниле Ивановиче в этом произведении позволяет предполагать смешение в устной традиции в одном образе двух реальных князей – Даниила Александровича Московского и Ивана Даниловича Калиты. Именно такого «фольклорно-апокрифического» великого князя Даниила Ивановича знает и проложное Житие Евфимия, что свидетельствует об опоре его автора на устные «сказания» и «припоминания», распространенные в церковной среде.

В Житии новгородского архиепископа Евфимия II говорится, что он приехал в Новгород из какого-то монастыря, находящегося близ Рима. Про Евфимия II мы знаем, что в ранний период своей деятельности он приглашал западных мастеров: владычная палата и, скорее всего, первая в

[9] Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 245–250.

Новгородских землях «часозвоня» были созданы мастерами «из немец»[10]. Таким образом, в принципе недостоверная информация о приходе владыки в Новгород из-под Рима могла быть основана на «устной» репутации владыки Евфимия II как своего рода «западника».

Источник сведений заключительной части Жития об утверждении Евфимия в архиепископском сане «Германом, патриярхом Коньстянтина града» неизвестен. На первый взгляд, упоминание Германа как лица, утвердившего избрание на кафедру владыки Евфимия, кажется очевидным анахронизмом. Но в 1371 г. в Новгород «изъ Царягорода приходи митрополитъ Германъ на Русь, Грицинъ»[11]. Его торжественный приезд мог превратиться в памяти новгородцев в визит самого патриарха, утвердившего на новгородской кафедре «нашего» владыку. Баснословный характер имеет известие о сроке пребывания Евфимия Новгородского на кафедре (43 года и 2 месяца), не установлен и источник известия об исцелениях от его мощей.

Таким образом, если начальную часть создатель проложного жития Евфимия позаимствовал из жития другого святителя, то дальнейшее изложение носит черты ошибочного «припоминания», пересказа устных источников («апокрифический» великий князь Даниил Иванович, западное происхождение Евфимия, утверждение его поставления патриархом Германом, вымышленная продолжительность управления епархией). Этот же прием, как мы увидим далее, в равной степени используется и в других новгородских житиях Пролога.

2. Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка» (18 июня), л. 146 об. (см. ил. 1)

Иже во святыи отець нашь Иоаннъ Великии бѣ от града Орѣшька, сестричиць преподобнаго Зосимы. Воспитанъ же бысть всѣмъ наказаниемъ. По успении же преподобнаго Семиона, архиепископа новоградскаго, причтомъ общимъ поставленъ бысть архиепископомъ Новуграду. Еретики же яко волкъ отгна и вѣрныя просвѣти, проповѣданья вселенныя благочестья насадивъ, всяко писанье ветхое и новое сказавъ, и многи написавъ книги, к Осподу отоиде.

[10] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 197.

[11] ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 94.

Комментарий

Житие новгородского архиепископа Иоанна, жившего в XII в., известно в нескольких редакциях[12], но ничего подобного нашему тексту в них не обнаруживается. Судя по упоминанию в нашем проложном Житии церковных деятелей XV в. – архиепископа новгородского Симеона и преп. Зосимы Соловецкого, – речь вообще здесь идет скорее о владыке Иоанне II (1388–1415), чем об Иоанне I (1165–1185), хотя живший позже архиепископ Иоанн II святым никогда не почитался. Приведенное в Прологе Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка» механически использует значительные фрагменты текста Жития Кирилла Александрийского, находящегося в этой же рукописи под 26 июня (на л. 158–158 об.):

Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка» (18 июня), л. 146 об.	**Житие Кирилла Александрийского (26 июня), л. 158–158 об.**
...Иоаннъ Великии бѣ от града Орѣшька. сестричиць преподобнаго Зосимы.	...Кирилъ Дивныи бе от града Александриискаго, сестричиць Феофила патриярха.
Воспитанъ же бысть всемъ наказаниемъ.	Воспитанъ же бысть всемъ наказаниемъ нашимъ же и елиньским.
По успении же преподобнаго Семиона, архиепископа новоградскаго, причтомъ общимъ поставленъ бысть архиепископомъ Новуграду.	По успении же и строя своего причтомъ общимъ на мести его приять Александрииское.
Еретики же яко волкъ отгна и вѣрныя просвѣти, проповѣданья вселенныя благочестья насадивъ, всяко писанье ветхое и новое сказавъ, и многи написавъ книги, к Осподу отоиде.	Еретики яко волкъ отогнавъ и верныя просветивъ, проповедания вселеныя благочестия насадивъ, всяко писание ветхое и новое сказавъ (...) и многи написавъ книги, ко Господу отоиде.

Таком образом, автор Жития Иоанна Новгородского, заменив имя святого, указал «от себя» на его происхождение из г. Орешек и на его родство с преподобным Зосимой, а также на поставление во владыки после кончины архиепископа Симеона. Все эти известия не могут быть признаны достоверными и не были основаны на известных нам письменных источниках.

«Приблизительность» исторических знаний автора проявилась в том, что он перепутал последовательность правления новгородских архиепископов Иоанна и Симеона (на самом деле Симеон был владыкой не до, а

[12] См.: *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий». С. 30–31, № 75.

сразу после Иоанна II, в 1415–1421 гг.), но все же он знал, что эти иерархи жили примерно в одно и то же время – в первой четверти XV в. Если бы автор использовал письменный источник, вряд ли бы он мог так ошибиться, а для устной традиции такое искажение кажется вполне возможным.

Для датировки создания всего цикла новгородских житий определяющим является упоминание преподобного Зосимы, под которым можно понимать только Зосиму Соловецкого. Это известие является свидетельством написания текста, по крайней мере, после кончины Зосимы (а он умер 17 апреля 1478 г.), причем почитание его как святого утвердилось далеко не сразу. Первоначальный вариант жития Зосимы написал его ученик Досифей незадолго до 7011 г. (сентябрь 1502 г. – август 1503 г.), после чего он «на пути» в Москву заехал в Ферапонтов монастырь и уговорил находившегося там в ссылке киевского митрополита Спиридона «украсити, якоже подобает» созданное им Житие Зосимы и Савватия Соловецких. «Украшенный» текст Жития Досифей представил на суд архиепископа Геннадия и получил его одобрение. Скорее всего, только начиная с этого времени, с начала 1500-х гг., местный соловецкий культ Зосимы мог приобрести такое широкое общеновгородское значение, которое позволило бы создателю проложного агиографического цикла рассматривать архиепископа Иоанна как «сестричица» (племянника) преподобнаго Зосимы[13].

Учитывая датировку самой рукописи, мы приходим к выводу о несомненной хронологической близости создания агиографического цикла и написания Стишного Пролога Папского Восточного института. Если же учесть, что непосредственные источники текстов житий Евфимия и Иоанна обнаруживаются в той же самой рукописи, то предположение о написании агиографического цикла либо писцом самого Пролога, либо создателем его ближайшего протографа представляется вполне вероятным.

3. Житие Василия Новгородского (3 июля), л. 166

Иже во святыи отець нашь Василеи прозвитеръ сыи бяше святаго Воскресения. Послѣди поставлен бысть архиепископомъ в Новиграде въ конечная лѣта Матвѣя Феодоровича, приведенъ Василиемъ тысяцкимъ и всѣмъ Новымъ градомъ. И пасяше стадо и церквѣ Божья лѣт 6 и месяца 2. Тако же преставися месяца июля въ 3 день на рѣци Узи. И привезоша

[13] См.: *Бобров А. Г.* Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 55–58. А. А. Турилов отмечает, что Зосима (Соловецкий?) не мог быть племянником владыки Иоанна; «в реальности речь могла идти только об обратном» (*Турилов А. А.* (Рец. на:) *Джурова А., Станчев К.* С. 120).

его в Новъград, и положиша его во церквѣ святѣи Софии въ болшемъ притворѣ. Приятель же преподобному Игнатью. И поставив намѣстник святаго Еуфимья.

Комментарий

Житие архиепископа новгородского Василия Калики до сих пор вообще не встречалось в древнерусской рукописной традиции, хотя Василий Калика, несомненно оставивший яркий след в народной памяти, почитался святым. Перед нами оригинальное сочинение, частично основанное на летописи, а частично ей противоречащее. Небольшой агиографический текст Пролога наполнен фактами, не имеющими соответствия в письменных источниках.

Владыка Василий действительно до поставления был священником («прозвитером»), но не «святаго Воскресения», а церкви Козьмы и Демьяна. Возглавлял он новгородскую кафедру не 6 лет и два месяца, а более 20 лет (1331– 1352).

Упомянутый в Житии Василия Новгородского посадник Матвей Федорович действительно жил в те же годы, что и Василий Калика. Это не кто иной, как известный под именем Матвей Коска (Матвей Кошка) влиятельный на протяжении 1330–1340-х гг. посадник[14], который в новгородских летописях называется по отчеству Варфоломеевичем, но однажды, под 6848 (1340) г., – Федоровичем[15]. В первоначальном тексте Новгородской первой летописи младшего извода под 1340 г. посадник верно назван Варфоломеевичем (в зачеркнутом варианте Комиссионного списка – Даниловичем)[16], и лишь в трех списках Новгородской четвертой летописи и в Летописи Авраамки он именуется Федоровичем, как и в проложном житии. Очевидно, что перед нами вторичная и при этом ошибочная правка отчества посадника, которую следует отнести к XV в. Откуда же взялся Матвей Федорович в списках Новгородской четвертой летописи? Вполне вероятно, что не с «трудным» на слух отчеством Варфоломеевич, а с более простым – Федорович – посадник Матвей запомнился в народном предании, что отразилось и в летописании, и в проложном Житии Василия Калики.

Упомянутый в тексте тысяцкий Василий – известное имя в новгородской истории, но только начиная с XV в. (в 1415 г. тысяцкие Василий

[14] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 507.

[15] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 267; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 71.

[16] Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 352.

Обакунович и Василий Есифович – участники посольства в Москву для поставления владыки Симеона, последний упомянут как тысяцкий также в 1410 г., а с 1416 г. он становится посадником; в 1456 г. упомянут тысяцкий Василий Пантелеевич; в 1459 г. тысяцким был Василий Александрович Казимир, а в 1475–1476 гг. – Василий Есифович[17]). Поскольку в XIV в. новгородские тысяцкие по имени Василий неизвестны, очевидно, что это имя могло быть связано с Василием Каликой лишь в сравнительно более поздней традиции, как ставшее к тому времени обычным и привычным.

«Юрьевский» по происхождению рассказ о погребении владыки Василия Калики, находящийся в Новгородской первой летописи старшего извода под 6860/1352 г. («привезоша и в Новъгородъ в четвергъ, мѣсяця июля въ 5, на память святого отца Лампада; проводи и архиепископъ новъгородьскии владыка Моисѣи, игумени и попове и весь Новъгородъ, и положиша и у святои Софьи притворѣ»), отсутствует в Новгородской первой летописи младшего извода, но отразился в труде более позднего новгородского летописца-сводчика XV в. следующим образом: «И превезше и в Новград, и положиша у святѣи Софии в притворѣ болшемь» (Вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи)[18]. Скорее всего, во владычном своде, на который опирались обе выписки, уже находилось уточнение места захоронения владыки: «в притворѣ болшемь». Такое же чтение находится также в Новгородской четвертой летописи и в Летописи Авраамки:

Житие Василия Новгородского (3 июля)	**Летопись Авраамки**
...преставися месяца июля въ 3 день на рѣци Узи. и привезоша его в Новъград, и положиша его во церквѣ святѣи Софии въ болшемъ притворѣ.	...преставися на рѣцѣ на Узѣ июля въ 3. И привезоша его в Новъгородъ, и положиша его у святѣи Софьи въ притворѣ болшомъ.
...пасяше стадо и церквѣ Божья лѣт 6 и месяца 2.	А бѣ въ святительстве лѣтъ 21 и 4 мѣсяци и два дни[1]).

[1]) ПСРЛ. Т. 16. Стб. 85.

[17] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 159, 163, 194; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 502–503. В списке новгородских тысяцких с таким именем упомянут в его заключительной части лишь Василий Игнатьевич (после Елисея Константиновича, князя Копорского, т. е. в XV в.) (Новгородская первая летопись. С. 472; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 626).

[18] ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 131; *Прохоров Г. М.* Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов: (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 185.

Указание Жития Василия на то, что этот владыка «приятель же преподобному Игнатью», следует связывать с наличием в нашем Прологе под 28 мая отдельного, лишенного каких-либо хронологических примет Жития Игнатия Ростовского (л. 115), а фраза «и поставив намѣстник святаго Еуфимья» отсылает к Житию Евфимия Новгородского (л. 3 об.–4, см. выше).

Итак, в Житии Василия Новгородского мы вновь встречаемся с соединением трех компонентов: новгородского летописного источника XV в., того или иного влияния житийного текста из той же рукописи Стишного Пролога и, очевидно, устных по своему происхождению недостоверных «припоминаний».

4. Житие Спиридона Новгородского (19 июля), л. 190 об. (см. ил. 2)

Спиридонъ иже во святыи отець нашь бѣ от села Бѣлые, сынъ Вавилинъ и матери Василисы, благородну родителю сынъ и благоговѣину. Научи же ся воскорѣ святымъ книгамъ. И бысть сии 16 лѣтъ, и шед в манастырь святаго Спаса, и бысть мних. По семъ поставлен бысть епископомъ Новуграду и пасше церковь Божью лѣт 6 и месяца 3. Тако же к Осподу отиде.

Комментарий

Житие архиепископа Спиридона до сих пор не встречалось в русских средневековых источниках; не упоминается оно и в выполненном О. В. Твороговым обзоре древнерусских агиографических сочинений. Ни место рождения владыки, ни имена его родителей также неизвестны другим средневековым источникам. Следует отметить, что местность, именуемая Белая, – это географическая реалия Новгородской земли, упомянутая в Летописи Авраамки («Того лѣта поставиша церковь камену святого Прокопиа на Бѣлой»[19]), но никаких оснований доверять сведениям о происхождении владыки Спиридона из этих мест у нас нет.

Недостоверными следует считать и другие известия Жития: на самом деле архиепископ Спиридон стал владыкой из монахов Юрьева монастыря, а не из некоей обители «святаго Спаса», и был он архиепископом не «лѣт 6 и месяца 3», а почти 20 лет (1230–1249). Искажения исторических фактов и в этом случае мы можем объяснить их трансформацией при устной передаче.

[19] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 184 (1442 г.).

5. Житие Иоанна Новгородского «от града Ладоги» (23 июля), л. 194 об. – 195 (см. ил. 3)

Иванъ во святыхъ отець нашь бѣ от града Ладоги, от благородну родителю сынъ: отца Романа и матери Евдокѣи. И вдаша ему учити святымъ книгамъ. И приставиша ему пѣстуны со слугами. Извыче воскорѣ всеи книжнои хитрости. И по семъ остави отца и матерь, и шед въ манастырь, и бысть мних. По семъ поставленъ бысть епископомъ Новуграду и пасяше церквѣ Божья лѣтъ 16 и 2 месяца. И тако преставися месяца июля въ 23. И положено бысть честное тѣло его въ манастыри во церквѣ святаго Воскресения на Деревяници въ притворѣ.

Комментарий

Неизвестно, откуда взяты автором сведения о происхождении владыки Иоанна «от града Ладоги», имена его родителей, время управления епархией («лѣтъ 16 и 2 месяца»). Судя по тому, что говорится о кончине и погребении владыки, речь идет не о святом Иоанне Новгородском, а вновь об архиепископе Иоанне II, жившем в конце XIV – начале XV в., при этом заключительная часть Жития Иоанна прямо основана на соответствующем летописном тексте (преставился 24 июня 6925 (1417) г. в Воскресенском Деревяницком монастыре, похоронен «въ притворе»[20]).

Помимо пяти рассмотренных выше новгородских житий, в анализируемом Прологе следует отметить еще один текст новгородского происхождения – Память небесного знамения (запись летописного характера): «Стих. Чюден еси Господи и дивна дѣла Твоя. Ты един мудръ. В лѣто 6923 (1415) месяца июля въ 7 мракъ бысть яко зелен и другъ друга одва видити, на одинъ часъ, какъ обѣдню поют» (л. 170 об.). Речь идет о полном солнечном затмении, бывшем в действительности не 7 июля, а 7 июня 1415 г. Искажение названия месяца легко объясняется палеографически и известно в рукописной традиции (в Церковном уставе 1608 г. под 8 июня находится заметка на поле: «В лѣто 6923 июня в 7 час дни тма бысть по всеи земли и стояла до полудня»); об этом же явлении речь идет в целом ряде летописей, но наиболее близкий текст находится во все той же новгородской по происхождению Летописи Авраамки:

[20] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164, 318.

Память небесного знамения (7 июля)	**Летопись Авраамки**
В лѣто 6923 [1415] месяца июля въ 7 мракъ бысть яко зелен и другъ друга одва видити, на одинъ часъ, какъ обѣдню поют.	В лѣто 6923 [1415] <...> июня въ 7 мракъ акы зеленъ, и друга возле одва видети, начася како обѣднюю пели.[2]

В более ранних, чем Летопись Авраамки, летописных источниках о зеленом оттенке мрака ничего не говорится, лишь в Московско-Академической летописи упоминается, что солнце «скры луча своя зелене от лица земнаго». Очевидно, что из всех летописных текстов Память небесного знамения в Прологе наиболее близка к тексту новгородской Летописи Авраамки.

Итак, автор агиографического цикла сплетает в своем повествовании три разных традиции: другие жития, содержащиеся в том же Стишном Прологе Папского Восточного института, откуда он порой заимствует текст целыми фрагментами, новгородскую летопись (типа Летописи Авраамки) и местные устные предания, откуда автор получил сведения об именах персонажей, об их родстве или знакомстве, о пребывании их в той или иной обители, о продолжительности нахождения владык на кафедре. Последний источник, устный, особенно интересен. Рассмотренные тексты, хоть и в редуцированном виде, отражают новое фольклорное влияние на книжность, проявляющееся со второй половины XV в. «Новгородские» Жития Пролога Папского Восточного института нельзя считать, как оценил их А. А. Турилов, не имеющими историко-литературного значения[21]. Они содержат важное свидетельство о влиянии устной традиции на книжность в начале XVI в., подтверждают отразившееся и в летописании проникновение в письменную литературу фольклорной стихии.

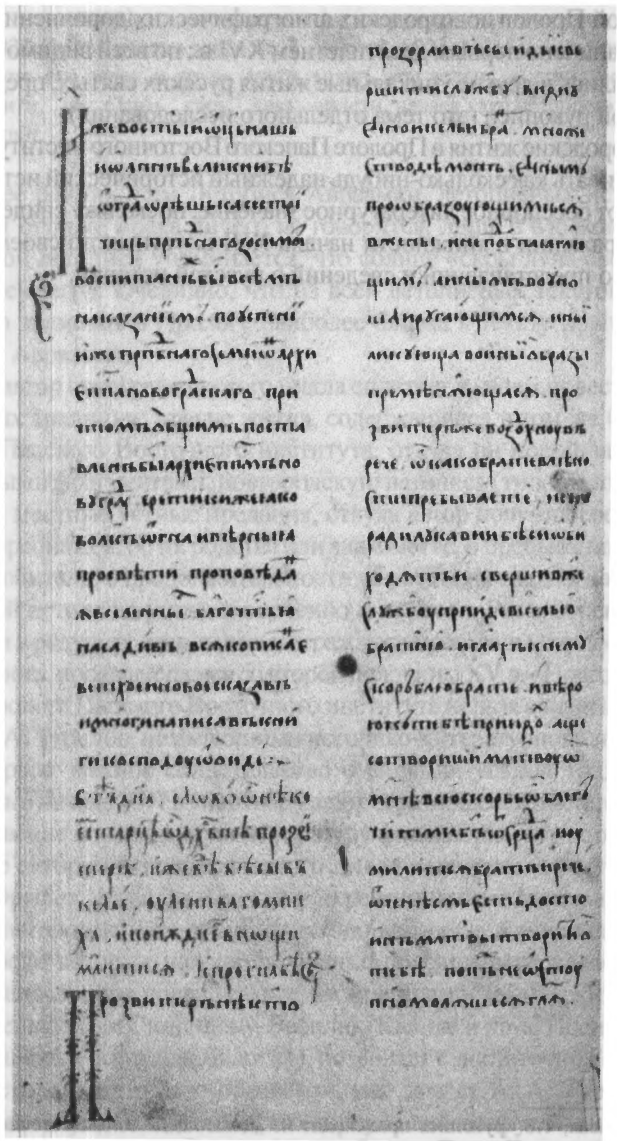
Знание автором агиографического цикла новгородской топонимики (Ладога, Орешек, Белая, Хутынский и Деревяницкий монастыри), использование новгородской по происхождению летописи, а также сам состав житий, среди которых находятся тексты, посвященные новгородским святым, не имевшим посвященных им иных агиографических сочинений (архиепископам Спиридону, Василию Калике и двум Иоаннам – «от града Орешка» и «от града Ладоги»), позволяет с достаточной степенью уверенности говорить не о псковском, как думает А. А. Турилов, а о новгородском происхождении всего корпуса анализируемых текстов и,

[21] А. А. Турилов считает, что «в историческом (в качестве источника) и литературном отношениях значение этих памятников по существу нулевое» (*Турилов А. А.* (Рец. на:) *Джурова А., Станчев К. С.* 120).

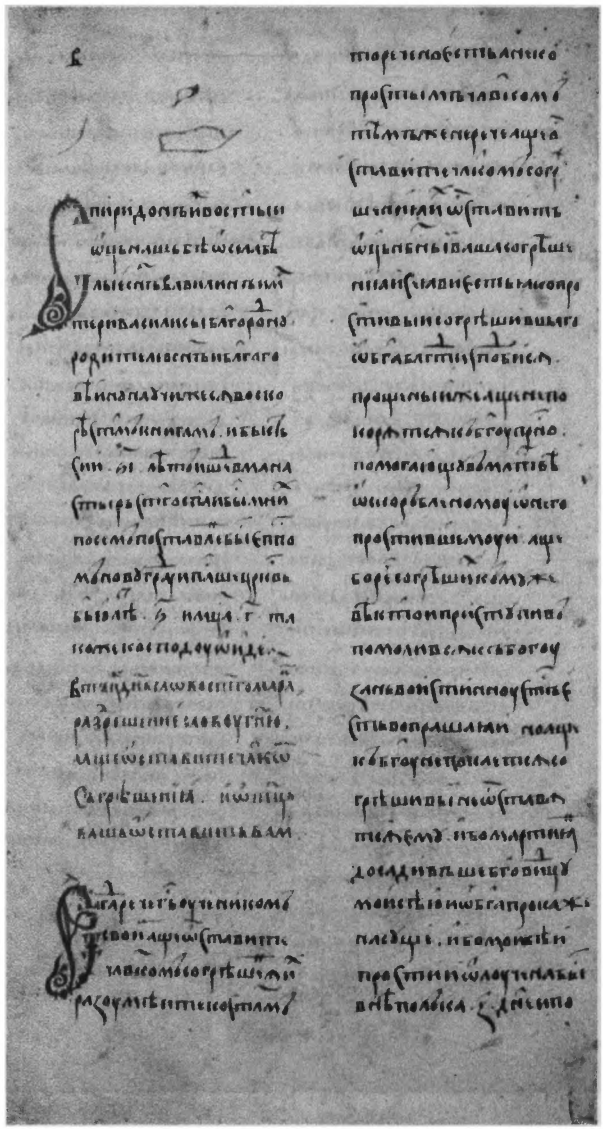
скорее всего, самого дошедшего до нас манускрипта[22]. Время включения в Стишной Пролог новгородских агиографических дополнений должно быть ограничено первым десятилетием XVI в.; по всей видимости, тогда же сложились и другие уникальные жития русских святых, представленные в этой рукописи (это тема отдельного исследования).

Новгородские жития в Прологе Папского Восточного института нельзя рассматривать как сколько-нибудь надежный исторический источник, но они имеют бесспорное литературное значение, поскольку свидетельствуют об отражении в книжности начала XVI в. устных по своему происхождению представлений и сведений о русской истории.

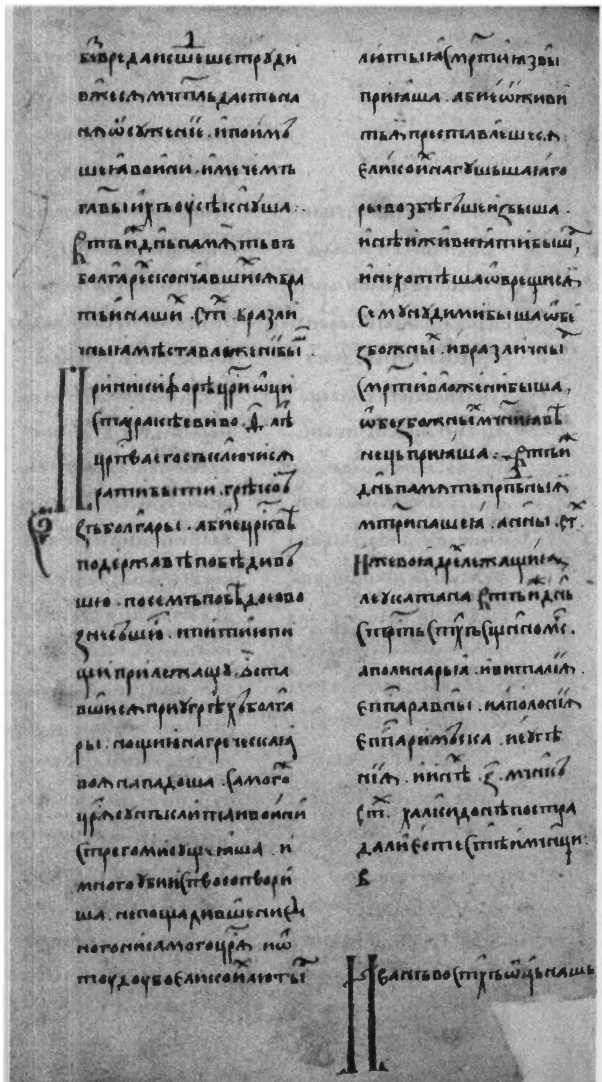
[22] Признавая, что «рукопись происходит из „цокающей" зоны восточнославянских говоров (Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск)», А. А. Турилов исключает Новгород из этого списка, поскольку «здесь не было нужды создавать жития местных архиепископов, подобные содержащимся в римском Прологе» (Там же. С. 121). Этот аргумент не представляется нам убедительным. Новгородский автор мог восполнять недостаток информации о святых, опираясь на книжный источник.

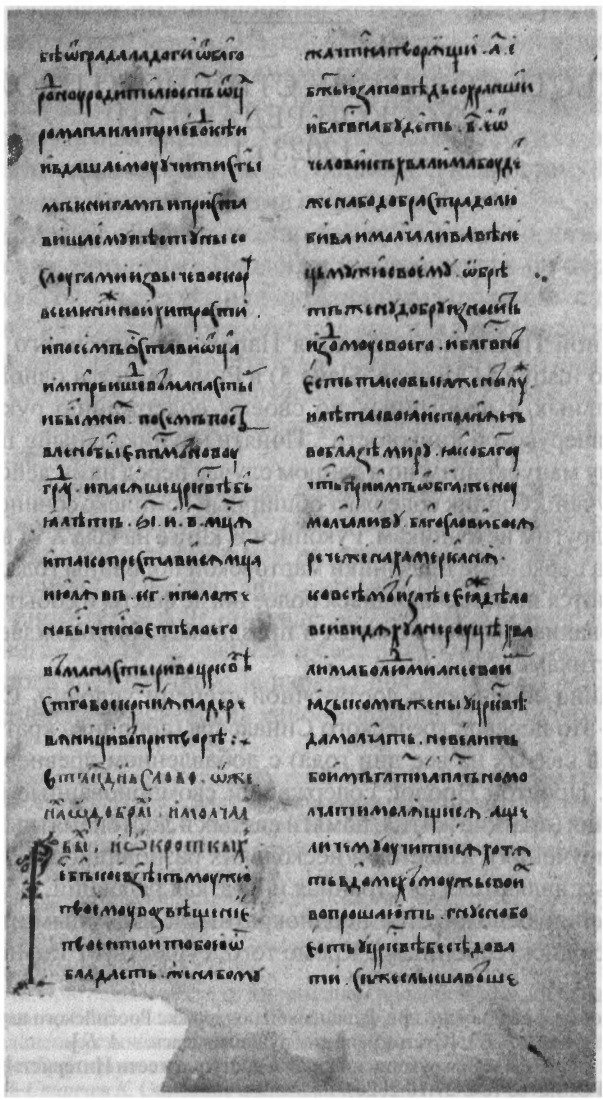
1. Папский Восточный институт (Рим, Италия). Slavo 5. Л. 146 об. – 147. Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка»

2. Папский Восточный институт (Рим, Италия). Slavo 5. Л. 190 об. – 191. Житие Спиридона Новгородского

3. Папский Восточный институт (Рим, Италия). Slavo 5. Л. 194 об. Житие Иоанна Новгородского «от града Ладоги»

3. Папский Восточный институт (Рим, Италия). Slavo 5. Л. 195.
Житие Иоанна Новгородского «от града Ладоги»

ОЧЕРК 6

О МЕСТЕ СОЗДАНИЯ СТИШНОГО ПРОЛОГА РУССКОЙ РЕДАКЦИИ[1] [2023 г.]

Стишной Пролог из собрания Папского Восточного института (Pontificio Instituto Orientale, Slavo 5) в Риме является одной из самых удивительных и необычных по своему содержанию рукописей во всей древнерусской книжности[2]. Понятие «уникальный» приложимо к каждому манускрипту, но в данном случае перед нами действительно такой случай: сборник содержит обширный комплекс сочинений, неизвестных другим источникам. Рукописная книга начала XVI в. включает чтения на церковные праздники мартовской половины года, в которых упоминаются не встречающиеся более нигде факты и события, причём повествование о многих святых и праздниках сопровождается авторскими «стихами»[3].

Название сборника в достаточной степени условно. Славянский Пролог – это перевод греческого Синаксаря (сборника кратких житий и памятей святых на все дни года) с добавлением древнерусских сочинений. Простой Пролог, содержащий скомпонованные на каждый день чтения (краткие жития, памяти святых и достопамятных событий, слова и поучения), известен в нескольких разновидностях, старшими из которых являются Пространная и Краткая редакции. Вопрос об их соотношении осложняется неоднократными взаимными влияниями и является дискуссионным[4]. Кроме того, существует так называемый

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16–18–10137). [Статья ранее не публиковалась. – *А. Б.*].

[2] Полная цифровая копия рукописной книги доступна в сети Интернет: https://archive.org/details/POISlavo5 (см. 27.10.2020).

[3] Предпосланные житиям Пролога стихи «составляют его необычность в не меньшей, если не в большей степени, чем содержащиеся в нем уникальные жития» (*Живова М. В.* Оригинальные стихи в нестишном прологе XVI в. PIO. Slavo 5 // Per Aleksander Naumow. Edizioni dell'Orso. Alessandria, 2019. P. 172).

[4] *Фет Е.А.* Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 378; *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древ-

Стишной Пролог, появившийся у южных славян в XIV в[5]. В нем каждой статье сборника был предпослан «стих» – своего рода краткое резюме последующего текста. Эта разновидность сборника также была известна на Руси, но к публикуемому тексту она не имеет никакого отношения, поскольку все «стихи» Пролога из собрания Папского Восточного института оригинальны и не встречаются в других рукописях, а основной его текст восходит не к Стишному, а к Простому Прологу и дополнен уникальными русскими сочинениями.

Анализируемый сборник можно было бы условно называть по месту хранения «Римским» Прологом (однако теперь он перемещен в Ватиканскую библиотеку[6]), или «нестишным Прологом» с добавлением стихов[7], но точнее всего именовать его, для терминологического различения с аналогичным по структуре южнославянским переводным сборником, Стишным Прологом русской редакции (далее сокр. – СПр), известным на сегодняшний день в единственном списке Папского Восточного института, Slavo 5.

Рукописная книга, содержащая СПр, только четверть века назад стала известна исследователям. Судьба книги на протяжении столетий остаётся в тени, поскольку на ней нет никаких владельческих и читательских записей. Известно лишь, что она была куплена Папским Восточным институтом в Ленинграде в 1934 г. на аукционе «Международная книга»[8]. В 1995 г. вышли в свет подробные тезисы доклада А. А. Турилова (без научного аппарата) под названием «Псковские предшественники макариевских канонизационных соборов»[9]. В этой

нерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 73–88; Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. М., 2011. Т. 2: Указатели. Исследования; *Прокопенко Л. В.* Древний славянский рукописный Пролог: история создания, редакции, бытование в XII–XIV вв. (сентябрьское полугодие). Saarbrucken, 2011 и др.

[5] *Петков Г.* Стишният пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV в.): Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000.

[6] *Плюханова М. Б.* Стихи о Софее в Стишном прологе из Папского Восточного Института в Риме // Slověne. 2015. 1. С. 378.

[7] *Живова М. В.* Оригинальные стихи в нестишном прологе XVI в. PIO. Slavo 5 // Per Aleksander Naumow. Edizioni dell'Orso. Alessandria, 2019. P. 171–172. Само систематическое присоединение стихов к статьям Простого Пролога является, на наш взгляд, механизмом преобразования его в Стишной Пролог.

[8] *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997. P. XXIX. См. также: Каталог антикварных книг АО «Международная книга»: Конволют из 78 каталогов: в 6 т. Репринтное издание 1924–1936 гг. СПб. 2006. Т. 1: Каталоги № 1–18; Т. 2: Каталоги № 19–33; Т. 3: Каталоги № 34–47; Т. 4: Каталоги № 48–57; Т. 5: Каталоги № 58–66; Т. 6: Каталоги № 67–78.

[9] *Турилов А.А.* Псковские предшественники макариевских канонизационных соборов // Церковная археология / Russian Christian archeology: Материалы Первой всероссийской

работе СПр («Римский пролог», как называет его автор) был не только впервые упомянут на страницах печатного издания, но и представлен читателям со многими подробностями. А. А. Турилов сообщил про рукопись Slavo 5, что её «с полным правом можно назвать уникальной», что она «может быть датирована кон. XV или перв. тр. XVI в.» (исследователь определил нижнюю хронологическую границу «кодекса или его протографа» по памяти перенесения мощей митрополита Петра 28 августа 1479 г.), и что в ней находится «22 русских Жития и Повести, большинство из которых неизвестно науке»[10]. А. А. Турилов сформулировал свою версию псковского происхождения манускрипта, которой придерживается и в последующих работах. Перечень неизвестных в редакции СПр по другим спискам произведений включает, согласно А. А. Турилову, 14 текстов (памяти и жития: Евфимия II Новгородского; митрополита Ионы; Евфимия Суздальского; Виленских мучеников; Никиты Переяславского; Обретения мощей Леонтия Ростовского; Перенесения мощей Фотия, Киприана и Ионы; Игнатия Ростовского; Иоанна II Новгородского; Петра и Февронии Муромских, Василия Калики, Спиридона Новгородского, Иоанна I Новгородского; Перенесение мощей митрополита Петра). По мнению исследователя, столь масштабное создание агиографических памятников «явно свидетельствует о стремлении создания свода проложных житий всех русских святых, почитавшихся как повсеместно, так и в отдельных княжествах и землях». А. А. Турилов отметил два источника знаний агиографа: книжные сведения («месяцеслов с тропарями и кондаками») были соединены «с устными известиями (более обильными для Новгорода, скудными для других городов)» и обработаны согласно житийному канону[11].

В 1997 г. вышел в свет каталог собрания славянских рукописей Папского Восточного института, подготовленный А. Джуровой и К. Станчевым. В нём под номером Slavo 5 было опубликовано научное описание данной рукописной книги, содержащее кодикологические сведения и частичную постатейную роспись сборника[12]. В 2002 г. А. А. Турилов опубликовал подробную рецензию на описание А. Джуровой и К. Станчева, причем в ней, как и в других своих статьях, он пришел

конференции: В 3 ч. Ч. 2 (Христианство и древнерусская культура). СПб.; Псков, 1995. С. 24–27.

[10] *Турилов А. А.* Псковские предшественники... С. 24–25.

[11] Там же... С. 26.

[12] *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997. P. 22–25 (Orientalia Christiana Analecta; Vol. 255).

к принципиальным выводам, что все находящиеся в СПр краткие жития русских святых уникальны, неизвестны по другим спискам, а «стихи» написаны специально для дополнения Житий Простого (нестишного) Пролога[13].

Наибольший интерес в составе СПр представляют сочинения русские (восточнославянские). Они имеют разное происхождение. Жития и памяти русских святых князей и их деяний в СПр условно выделяются в древний «княжеский» цикл, включающий в себя для мартовского полугодия следующие тексты: Сказание на перенесение мощей Бориса и Глеба (2 мая); Освящение Десятинной церкви князем Владимиром (12 мая); Перенесение мощей Бориса и Глеба (20 мая); Житие княгини Ольги (11 июля); Житие князя Владимира (15 июля); Житие Бориса и Глеба (24 июля). Эти статьи, с добавлением седьмой – Жития Феодосия Печерского (3 мая), представляют собой древнюю основу оригинальных восточнославянских чтений мартовского тома Пролога, сложившуюся, скорее всего, на Руси в XII в. По мнению О. В. Лосевой, Пространная редакция Пролога была создана в 1160-х годах в Северо-Восточной Руси. В ее мартовский том вошел целый ряд произведений русского происхождения, в том числе все упомянутые сочинения[14]. Все семь житий русских святых в СПр, ранее входивших в состав Простого Пролога, были заимствованы не из его Пространной редакции, а из Краткой. В одном случае видно влияние на текст СПр чтения Пространной редакция Пролога: наличие в статье 2 мая о перенесении мощей Бориса и Глеба заголовка, восходящего к проложной статье Пространной редакции Пролога говорит о том, что автор СПр или его источника сопоставлял и контаминировал версии двух проложных редакций[15].

[13] *Турилов А. А.* 1) [Рец. на:] *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997 // Славяноведение. 2002. № 4. С. 120–122; 2) К ранней истории общерусского почитания преп. Евфимия Суздальского: (Неизвестное краткое житие в Прологе нач. XVI в. из б-ки Папского Восточного института в Риме) // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России: Материалы научно-практической конференции / Сост. А. А. Тенеткина. Владимир; Суздаль, 2003. С. 21–24; 3) К истории Стишного Пролога на Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2006. № 1 (23). С. 70–75; 4) Леонтий [Почитание] // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 40. С. 488–502.

[14] Постатейную роспись состава Пространной редакции мартовского тома Пролога см.: *Творогов О. В.* Описание состава Пространной редакции Пролога по спискам XV–XVI века. Часть 2: Пролог за март-август // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 354–458.

[15] Схожая «технология» была применена в приблизительно одновременной с СПр западнорусской («Новогрудской») редакции Пролога, дошедшей в официальном списке 1512 г.: «основой новогрудской редакции послужила краткая редакция Пролога, но эпизодически проводилась сверка и с пространной редакцией» (*Чистякова М.* Рукописные

Другую группу в СПр составляют оригинальные сочинения, посвященные памяти русских святых или событий, и известные только по данному списку. Всего в СПр находится 17 «уникальных» текстов, впервые появляющихся в рукописной традиции в СПр[16].

1. Житие Евфимия Новгородского (10 марта, л. 3 об.);
2. Житие Ионы митрополита (30 марта, л. 34 об.);
3. Житие Евфимия Суздальского (1 апреля, л. 37);
4. Житие виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (14 апреля, л. 53).
5. Житие митрополита Алексея (20 мая, л. 105);
6. Житие Никиты Переяславского (22 мая, л. 107 об.);
7. Сказание об обретении мощей Леонтия Ростовского (23 мая, л. 108);
8. Память митрополитов Киприана, Фотия и Ионы (27 мая, л. 113);
9. Житие Игнатия Ростовского (28 мая, л. 115);
10. Житие Кирилла Белозерского (9 июня, л. 133 об.);
11. Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка» (18 июня, л. 146 об.);
12. Житие Петра и Февронии Муромских (25 июня, л. 156);
13. Житие Василия Новгородского (3 июля, л. 166);
14. Память небесного знамения (7 июля, л. 170 об.);
15. Житие Спиридона Новгородского (19 июля, л. 190 об.);
16. Житие Иоанна Новгородского «от града Ладоги» (23 июля, л. 194 об.);
17. Житие митрополита Петра ([24].08, л. 240 об.).

Вопрос о месте создания СПр уже оказывался предметом обсуждения. Отметив, что писец происходит из зоны говоров, известных по новгородским, псковским, полоцким и смоленским памятникам, А. А. Турилов отверг возможность западнорусского происхождения рукописи из-за наличия в ней «чисто московских (в широком смысле) святых и праздников». Новгородское же происхождение рукописи отвергается «в силу слабого знакомства автора (или авторов?) житий архиепископов с новгородскими реалиями, в частности – с биографическими сведениями, хотя само обилие житий новгородских

прологи Великого княжества Литовского и Польского королевства. Krakow, 2017. С. 82 (Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne. T. 13)).

[16] См. предварительную публикацию большинства текстов с краткими комментариями: *Бобров А. Г.* 1) Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Т. 2. СПб., 2011. С. 565–575; 2) Жития общерусских святых (преподобных и святителей) в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография. СПб., 2017. Т. 3. С. 118–133.

владык говорит в пользу новгородской епархии»[17]. Таким образом, «методом исключения» исследователь пришел к выводу о псковском происхождении рукописи, указав в пользу этого следующие дополнительные основания: «характерная оговорка писца» (Евфимий II назван архиепископом «Пьскова Великаго») и «крупные, пышные киноварные инициалы, известные по псковским памятникам вт. пол. XV – нач. XVI в.»[18].

Появление в СПр фразы «Еуфимия Великаго, Новоградьскаго новаго чюдотворьца, архиепископа Пьскова Великаго» является, скорее всего, не проявлением псковского происхождения писца, а результатом механической описки. Псков был включен в титулатуру новгородского владыки с середины XV в.[19] Реконструируемое правильное чтение выглядит следующим образом: «Еуфимия Великаго, Новоградьскаго новаго чюдотворьца, архиепископа Великаго [Новаграда и] Пьскова» Писец запутался в повторяющихся однокоренных словах: «Великаго, Новоградьскаго новаго (…) Великаго [Новаграда]», пропустил второе упоминание Новгорода и поменял местами два последних слова. Такую ошибку мог допустить не только пскович, но и любой книжник, утративший на время концентрацию внимания, причем не только копиист, но и автор текста[20].

Аргумент о том, что в Новгороде «не было нужды» создавать уникальные жития архиепископов, не представляется нам убедительным, поскольку автор СПр посвящает свои сочинения, главным образом, не имеющим церковного почитания новгородским святым, очевидно, с целью их последующего прославления и канонизации. «Нужда» в новых агиографических текстах не могла появиться сама по себе, по желанию того или иного книжника. Сначала появляются традиции поклонения и почитания того или иного святого, и они уже, в свою очередь, определяют необходимость появления соответствующих текстов. Никаких следов раннего церковного почитания персонажей оригинальных житий СПр во Пскове мы не находим, в то время как

[17] *Турилов А. А.* Псковские предшественники макариевских канонизационных соборов. С. 25. В другой статье исследователь исключает Новгород как место создания рукописи, поскольку «здесь не было нужды создавать жития местных архиепископов, подобные содержащимся в римском Прологе» (*Турилов А.А.* Рец. на: *Джурова А., Станчев К. С.* 121).

[18] *Турилов А. А.* Псковские предшественники… С. 25.

[19] *Белецкий С. В.* Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30–40-е гг. XV в. // Церковная археология. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2. С. 51–52.

[20] Что касается «пышных» киноварных инициалов как признаке псковского происхождения рукописи, то высказанное в общей форме без конкретных сопоставлений предположение трудно комментировать.

зарождение культа новгородских владык в «Доме святой Софии» находит прямое соответствие в текстах СПр.

В оригинальных сочинениях автора СПр упоминается целый ряд географических названий, которые, казалось бы, не оставляют места для сомнений в месте создания рукописи. В рукописи ни разу не назван Псков, за исключением его упоминания в титулатуре новгородского архиепископа. Напротив, знание автором агиографического цикла новгородской топонимики (Ладога, Орешек, Белая, Хутынский и Деревяницкий монастыри), наряду с использованием новгородской по происхождению летописи, а также сам состав житий, среди которых находятся тексты, посвященные новгородским святым, не имевшим посвященных им иных агиографических сочинений (архиепископам Спиридону, Василию Калике и Иоаннам «от града Орешка» и «от града Ладоги»), позволяет с достаточной степенью уверенности говорить не о псковском, как думает А. А. Турилов, а о новгородском происхождении всего корпуса анализируемых текстов и самого дошедшего до нас манускрипта.

В древнерусских месяцесловах и уставах не встречается поминание прославленных в СПр двух новгородских владык, Иоанна II и Василия Калики. Известно, помимо коллективной памяти владык в Соборе новгородских святых, лишь одно исключение: этим святителям были посвящены дополнительные статьи церковного Устава 1498 г. из Деревяницкого монастыря (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, № 89, л. 316). На последнем листе этой рукописи скорописным почерком первой половины XVI в. была сделана запись, в которой содержится указание на церковное поминание четырех владык, в том числе Иоанна II и Василия Калики[21]. При отсутствии каких-либо прямых письменных данных о церковном почитании названных архиепископов в древнерусский период, именно указание церковного Устава 1498 г. могло послужить для создателя СПр основанием для включения их памятей в свой труд и написания посвященных им агиографических сочинений.

Поскольку поминальные записи Устава 1498 г. об Иоанне II и Василии Калике неизвестны в рукописной традиции, следует рассмотреть более внимательно их текст, возможные причины и обстоятельства появления. В Уставе 1498 г., написанном в два столбца, на последнем листе оставался незаполненным второй столбец, и туда почерком, отли-

[21] Публикацию текста с комментарием и фотокопией записи см.: *Бобров А. Г.* Поминальная трапеза в Лисицком монастыре в конце XV века // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 133–135.

чающимся от основного, были вписаны поминания и указания на меру ритуального пития на трапезе в дни кончины четырех новгородских архиепископов: Иоанна II (24 июня), Василия Калики (3 июля), Евфимия I (1 ноября) и Алексея (4 февраля)[22]. Три из упомянутых четырех архиепископов были погребены в самом Деревяницком монастыре (место захоронения Иоанна и Алексея прямо указано в летописи[23], а про Евфимия I в записи Устава 1498 г. отмечено: «лежит здѣсь»). Наличие поминальной трапезы для братии по владыке Василии Калике, который погребен не в обители, а в Софийском соборе[24], позволяет предположить, что он, возможно, также предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, поэтому дал в Деревяницкий монастырь вклад на свое «вечное поминание». Это тем более вероятно, что именно при этом владыке в 1335 г. Деревяницкий монастырь был основан, а вскоре по повелению Василия Калики в обители была расписана Воскресенская церковь. Очевидно, что в Деревяницком монастыре Василий Калика почитался не потому, что был здесь погребен, как другие упомянутые в записи владыки, а потому, что с его именем было связано возникновение и ранняя история обители.

Таким образом, на основании записи в Уставе 1498 г. Деревяницкий монастырь должен рассматриваться как место посмертного почитания нескольких новгородских архиепископов. Следует оговорить, что ежегодные трапезы с ритуальным употреблением хмельных напитков совершались в новгородских монастырях конца XV в. не только по иерархам, но и по мирским людям[25], то есть не были обязательным признаком готовящегося церковного прославления. В Лисицком монастыре схожее поминание в 1470–1480-х гг. было включено в Синодик-помянник, но появление анализируемых записей, которые можно рассматривать как

[22] «Месяца июня 24 на Рожество Ивана Предтечи преставися пресвященныи архиепископъ Иван, обѣд на сѣнех, подѣл по челкви. Месяца июля 3 день на память святаго и мученика Иакинфа преставися пресвященныи архиепископъ Василеи, обѣд на сѣнех, а питиа бочка меду да бочка пива, подѣл по челкви братьи. Месяца ноября 1 день обѣд по владыкы по Еуфимьи, что лежит здѣсь, по челкви братьи. Месяца февраля 4 день на память преподобнаго отца нашего Сидора преставися пресвященныи архиепископъ Алексеи, братьи обѣд на сѣнех, подѣл по челкви» (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Новгородско-Псковское собр., № 89, л. 316).

[23] Новгородская первая летопись… С. 407, 475. Ср. также указание дополнительной статьи Летописи Авраамки: «Алексѣи преставися мѣсяца февруариа въ 3 и положенъ бысть в монастыри на Деревяницѣ у церкви святого Въскресениа в притворѣ, бывъ въ святительствѣ 28 лѣт и 7 мѣсяць. А Иоан преставися мѣсяца июна въ 24 в монастыри на Деревяницѣ и положенъ бысть у церкви святого Въскресения въ притворѣ, бывъ архиепископомъ 27 лѣт» (ПСРЛ. СПб., 2018. Т. 44: Летопись Авраамки. С. 147–148).

[24] Новгородская первая летопись… С. 100.

[25] *Бобров А. Г.* Поминальная трапеза в Лисицком монастыре… С. 133–147.

дополнительный раздел Устава 1498 г.[26], вводило их в новый контекст месяцесловных памятей и создавало предпосылки для возникновения церковного почитания и создания соответствующих агиографических текстов.

Из четырех названных в Уставе 1498 г. новгородских святителей два владыки поминаются в даты, относящиеся к несохранившемуся сентябрьскому тому СПр, поэтому неизвестно, содержал ли он памяти архиепископов Евфимия I и Алексея. Что же касается двух других владык, Иоанна II и Василия Калики, то их поминальные даты выпадают на летние месяцы, вошедшие в мартовский том СПр, и под той же или близкой датой мы видим появление в рукописи посвященных им новых, неизвестных рукописной традиции агиографических текстов.

Думается, такое совпадение неслучайно. В системе монастырей средневекового Великого Новгорода XIV–XV вв. Деревяницкий монастырь занимал особое место. В этой обители, с самого возникновения тесно связанной с «домом святой Софии», существовали упомянутые летописцем «владычнѣ хоромы» (1414 г.)[27], предназначавшиеся, по всей видимости, для проживания в них архиепископов (в том числе ушедших «на покой») и их гостей, а сам монастырь выполнял роль «владычной» загородной резиденции и второго, после Софийского собора, некрополя. Появление анализируемой поминальной записи свидетельствует о том, что в стенах этой обители зарождалось местное почитание ранее не прославляемых церковью новгородских архиепископов. В этом контексте следует рассматривать включение в СПр оригинальных агиографических сочинений, посвященных почитаемым в Деревяницком монастыре, «местночтимым» владыкам Иоанну II и Василию Калике.

Многое может сказать об агиографе его географический кругозор. Проявленные в текстах СПр знания автора о русских монастырях, за исключением упомянутой в заглавии Жития Евфимия Суздальского «честныя обители Еуфимьева манастыря», сводятся только к двум пригородным новгородским обителям – Воскресенской на Деревянице и Спасо-Преображенской на Хутыни. В XV в. эти монастыри, наряду с третьим, Лисицким Рождества Богородицы, играли важную роль в жизни Новгорода, «причем составляли некое единство, массив»[28]. Только три названные обители, видимо, являлись «владычными», то

[26] *Фролов С. В.* «Стих-старина» за монастырским «пивом» // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 202.

[27] Новгородская первая летопись... С. 407, 475.

[28] *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 23.

есть не входили в «кончанскую» монастырскую систему, подчинявшуюся архимандриту Юрьевскому.

В уникальных текстах СПр находятся неоднократные как прямые, так и косвенные упоминания Деревяницкого и Хутынского монастырей. Рассмотрим сначала два случая прямого упоминания этих монастырей. Первое известие находится в Житии Иоанна Новгородского «от града Ладоги»: «И положено бысть честное тело его въ манастыри во церкви святаго Воскресения на Деревяници въ притворѣ». Это упоминание говорит очень многое о его авторе. Он, безусловно, знал о существовании святого Иоанна Новгородского, но почитал им другого архиепископа, Иоанна II, жившего в конце XIV – начале XV в. и погребенного в Деревяницком монастыре. В СПр к известию, восходящему к летописи, добавлено уточнение места захоронения («въ притворѣ»), что говорит о возможности пребывания автора СПр в стенах этой обители. Видимо, наличие в Деревяницком монастыре почитаемого погребения новгородского архиепископа по имени Иоанн смутило агиографа и определило замещение в СПр. памяти Иоанна I памятью Иоанна II.

Прямое упоминание Хутынского монастыря находится в Житии Евфимия II Новгородского. В нем утверждается, что святой приехал «во инъ манастырь святаго Спаса на Хутыню» из какой-то обители, находящейся «близ Рима». Спасо-Преображенский Хутынский монастырь находится в ближайшем соседстве с Деревяницким, вдоль дороги, в древности ведшей «на Русь», в Москву, в нескольких километрах к северо-западу от Новгорода. Про владыку Евфимия II из его Жития, написанного Пахомием Логофетом в 1460-х гг., известно, что до избрания во владыки он жил последовательно в трех пригородных новгородских монастырях – Вяжищском, Хутынском и Лисицком[29]. В церковной и научной традиции преподобный называется Евфимием Вяжищским, иногда Евфимием Лисицким, но никогда – Хутынским. Действительно, Вяжищский монастырь был местом его пострижения, он неоднократно упоминается на протяжении всего текста Жития Евфимия начиная с заглавия («иже на Вежищи»), ему даже посвящена отдельная глава («О монастырѣ иже на Вежищахъ»). Лисицкий монастырь также находился в фокусе внимания Пахомия Логофета, поскольку Евфимий был в нём игуменом, а в конце жизни, заболев, вновь переехал в него, здесь же и скончался. Пребывание Евфимия в Хутынском монастыре упомянуто агиографом в одной фразе как

[29] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4: [Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым]. С. 16–25.

не самый значительный эпизод перемещений будущего владыки (инок Вяжищского монастыря, казначей архиепископа Симеона, инок Хутынского монастыря, игумен Лисицкого монастыря, архиепископ Новгородский). После смерти владыки Симеона он временно, пока старцы Лисицкого монастыря «молбою» не возвели его «на игуменство», оказывается в Хутынском монастыре, о чем скупо упоминает Пахомий: «отходитъ въ монастырь святаго Спаса, иже и Хутино зовомъ, и тамо житие имяше»[30]. Удивительно, что агиограф, создавший СПр, обратил внимание на малозначительный эпизод в биографии Евфимия и отметил его пребывание только в Хутынском монастыре. Автор жития СПр, слышавший о пребывании владыки Евфимия до избрания на кафедру в пригородных новгородских обителях, мог предпочесть упомянуть Хутынь в связи с его биографией по разным причинам. Во-первых, в XV в. это был наиболее известный из связанных с Евфимием II монастырей, по экономическому весу он был вторым в Новгороде после Юрьева, поэтому факт пребывания в нём мог показаться агиографу примечательным. Во-вторых, агиограф мог слышать рассказы о пребывании будущего владыки Евфимия в Хутынской обители, что побудило его отметить этот факт. В-третьих, он мог найти упоминание Хутыни в связи с Евфимием в своих предполагаемых источниках (фраза из Жития, написанного Пахомием Логофетом, или известие из летописи, где упоминается о строительной деятельности архиепископа в этой обители[31]). Как бы то ни было, упоминание в СПр Хутынского монастыря подкрепляет локализацию написания рукописи в Новгородских землях, и вновь приводит нас в окрестности Деревяницкой обители.

Другие упоминания в СПр интересующих нас монастырей косвенные. В Житии Василия Калики утверждается, что до избрания на владычную кафедру он «прозвитеръ сыи бяше святаго Воскресения». Поскольку данная информация противоречит летописной, можно также рассматривать ее в качестве авторского дополнения. Свидетельство Устава 1498 г. о почитании владыки Василия в Деревяницкой обители подразумевает существование местной устной традиции, к которой мог обратиться агиограф. Но и в своем летописном источнике автор СПр мог найти известие о «повелении» владыки Василия расписать фресками

[30] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4: [Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым]. С. 18.

[31] «В лѣто 6953. Постави владыка Еуфимии церковь камену на Хутинѣ, святого Варлама, а на верху колоколницю» (ПСРЛ. Т. 44: Летопись Авраамки. С. 88).

Воскресенский собор[32], что давало ему основания связывать раннюю биографию Василия Калики именно с этим монастырем.

В СПр встречаются также косвенные упоминания новгородских обителей по названию монастырского храма. В Житии Спиридона Новгородского говорится, что в возрасте 16 лет он «шед в манастырь святаго Спаса, и бысть мних». Во владычном летописном своде утверждалось иное, что Спиридон перед избранием во владыки был чернецом и дьяконом Юрьева монастыря[33]. Причиной смешения обителей, возможно, было упоминание в предполагаемом источнике агиографа, схожем с Летописью Авраамки, подряд двух предшественников Спиридона на кафедре новгородских святителей, связанных с Хутынской Спасо-Преображенской обителью: «В лѣто 6727 [1219]. Соиде Антонии владыка съ владычества по своеи воли на Хутино, и возведоша с Хутина Арсениа, мужа свята»[34]. В любом случае, Хутынский монастырь в силу своего духовного и экономического значения стоит первым в ряду новгородских Спасо-Преображенских обителей, которые автор СПр мог бы именовать только по посвящению храма. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что и в данном случае индивидуальное чтение СПр связано с «владычным» Хутынским монастырем.

В Воскресенском соборе Деревяницкого монастыря, помимо Иоанна II, покоился еще один соименный святому владыка, управлявший новгородской епархией непосредственно перед святым Евфимием II, а именно Евфимий I Брадатый (1423–1429 гг.). Можно предположить, что агиограф испытывал затруднения в различении «парных» владык – святого Иоанна I, жившего в XII в., и погребенного в Деревяницах Иоанна II, а также святого Евфимия II и погребенного в Деревяницах Евфимия I. Скорее всего, «неизвестно-откуда-взятое» известие о чудесах от мощей владыки Евфимия («Честныя же его мощи дають ицѣления приходящимъ с вѣрою») связано с захоронением в Воскресенском монастырском соборе Деревяницкого монастыря, а не с могилой Евфимия II в Вяжищской обители, о которой агиограф не упоминает.

Таким образом, определенно прослеживаемая связь между записями в монастырском Уставе 1498 г. и агиографическими новациями СПр, а также многократное прямое либо косвенное упоминание в оригинальных текстах «владычных» пригородных обителей, позволяет с большой

[32] «В лѣто 6856. Повелѣ владыка подписати церковь Въскресенье на Деревяницѣ» (ПСРЛ. Т. 44: Летопись Авраамки. С. 38).

[33] Новгородская первая летопись… С. 68.

[34] ПСРЛ. Т. 44: Летопись Авраамки. С. 23.

долей уверенности установить место его создания – Деревяницкий либо соседний Хутынский монастырь.

Существенным для определения места написания СПр является также характер использованного книжником летописного источника. Для сверки исторических фактов создатель СПр имел в своем распоряжении список, который был весьма схож с Летописью Авраамки. Как было показано в цикле работ, дошедшая до наших дней рукопись, содержащая полный текст Летописи Авраамки, представляла собой официальную «владычную» летопись Великого Новгорода. Рабочий экземпляр этой летописи был вывезен за пределы Новгородской республики, оказался на территории Великого княжества Литовского и сохранился в составе летописного сборника-конволюта (Библиотека имени Врублевских Академии наук Литвы, Отделе рукописей. F 22–49)[35]. Списки этой летописи очень редки, а в полном виде, доведенном до 1469 г., она сохранилась в единственном Виленском списке. Обретение Летописи Авраамки в псковских землях было бы невероятной удачей для агиографа. Намного легче представить себе, что он трудился там, где хранился основной экземпляр новгородской официальной «владычной» летописи, в «Доме святой Софии» (включавшем в себя и пригородные «владычные» монастыри).

Труд создателя СПр не был полностью завершен – остались недописанными многие киноварные заголовки и инициалы, не проставлено количество лет, не проведена вычитка текста. Неизвестно ни одного списка уникальных текстов СПр, они не получили дальнейшего развития в рукописной традиции. По мнению А.А. Турилова, труд «псковского книжника» не увенчался успехом, а созданные им тексты не получили распространения, «не будучи, вероятно, одобрены при новгородском владычном дворе»[36].

Примерно в те же годы, когда создавался СПр, в Великом княжестве Литовском получила распространение новая западнорусская «новогрудская» редакция Пролога. Древнейший список этой редакции был написан в 1512 г. при кафедральном Борисоглебском соборе. У книги был заказчик, чьим «замышлением и повелением» она создавалась, – киев-

[35] *Бобров А. Г.* Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2017. С. 314–322; *Бобров А. Г., Введенский А.М.* Летопись Авраамки: Проблемы изучения // Русская литература. 2017. № 4. С. 126–143; *Бобров А. Г., Введенский А. М., Морозова Н. А.* Предисловие // Полное собрание русских летописей. СПб., 2019. Т. 44: Летопись Авраамки. 2-е изд., испр. и дополн. С. 5–19 (1-я паг.).

[36] *Турилов А. А.* Псковские предшественники... С. 27.

ский митрополит Иосиф II Солтан (1507–1522); руководитель работы – дьяк Иоаким, непоименованные дьяки – писцы, переплетчик Порфирий и редактор списка дьякон Игнат (отождествляемый с архимандритом Лаврешевского монастыря). Западнорусская аналогия показывает, что для создания новой версии Пролога требовалось «замышление и повеление» церковных властей и усилия большого творческого коллектива с разделением труда.

В случае с нашим Прологом нам непросто согласиться с А. А. Турило̀вым и видеть в авторе СПр «рядового книжника», который не справился со своей задачей. Результат у него получился уникальный, хотя, скорее всего, и не вполне соответствующий ожиданиям заказчика. Мы уже отмечали выше, что создание новой редакции Пролога едва ли могло произойти без заказа или по меньшей мере благословения, санкции церковных властей. Последующая судьба СПр, оставшегося неизвестным в древнерусской рукописной традиции, заставляет усомниться в «замышлении и повелении» новгородского владыки, тем более, что с июля 1509 г. до 1526 г. в Новгороде вообще не было правящего архиерея.

Осторожно выскажу предположение, что заказчиком и руководителем работы по созданию СПр мог быть игумен далёкой северной обители Досифей Соловецкий, неоднократно гостивший в «доме святой Софии» и ещё в 1490-х гг. заказывавший новгородским писцам целую библиотеку, десятки рукописных книг, ставших основой богатейшего Соловецкого собрания рукописей[37]. Во второй половине 1500-х гг. Досифей работал над сочинениями о своем учителе Зосиме и часто приезжал в Новгород «по монастырским потребам», в 1514 г. он был еще жив.

О возможном участии Досифея в создании СПр говорит упоминание того, что архиепископ Иоанн «от града Ладоги» – это «сестричиць преподобнаго Зосимы». В связи с этим известием А. А. Турилов отмечал, что «Зосима (Соловецкий?) не мог быть племянником владыки Иоанна; «в реальности речь могла идти только об обратном»[38], а также выражал вообще сомнения в возможности их родства: «Остается неясным, отождествлял ли компилятор рубежа XV и XVI вв. упоминаемого в тексте Зосиму с соименным Соловецким преподобным († 1478), поскольку, даже если предположить (по аналогии с архиеп. Симеоном),

[37] *Бобров А. Г.* 1) Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 55–58; 2) К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 27–61.

[38] *Турилов А. А. Иоанн* (Стухин). Жития Иоанна // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 454–461.

что ситуация была обратной (Зосима являлся племянником Иоанна по матери), хронологический разрыв представляется непомерно большим»[39]. Русские народные говоры дают богатый материал для более широкого понимания значения слова «сестричиць»[40], который мог быть не только племянником или дядей, а любым дальним родственником по женской линии.

Как бы ни трактовать данное известие СПр о родстве Зосимы и Иоанна, других русских преподобных святых с именем Зосима к началу XVI в. известно не было, а культ самого соловецкого старца в 1500-х гг. только начинал складываться благодаря усилиям его ученика Досифея Соловецкого. Столь раннее почитание Зосимы невозможно предполагать во Пскове, а в Новгород оно вполне могло попасть именно в результате деятельности игумена монастыря Досифея, который работал над созданием посвященных Зосиме агиографических текстов для его последующего прославления.

У Досифея Соловецкого уже имелся богатый опыт «замышления» и «создания» проектов, подобных СПр, но, вероятно, благодаря профессионализму исполнителей, более успешных. Так, например, одна из заказанных им в Новгороде рукописей, Минея 1494 г., посвященная в значительной степени русским святым («новым чудотворцам»), по замыслу собирания новгородских и общерусских святых в едином произведении весьма напоминает СПр. Досифей не считал себя искусным писателем, он придерживался принципа «како слышах, тако и написах, не украшая писания словесы». Сам он признавал, что его сочинения вызывали неоднозначную читательскую оценку: «Овии любяше писанная мною, инии глумящеся о написанных и в смехъ сия полагаху», а Максим Грек впоследствии деликатно заметил, что Досифей писал «неухищренно»[41]. Действительно, работу создателя (создателей) СПр следует признать в достаточной мере дилетантской в том, что касается книжных источников, но зато весьма любопытной и даже уникальной благодаря использованию церковных легенд.

Издавна знакомого «владычному двору» влиятельного игумена северного монастыря в Новгороде должны были принимать с почетом

[39] *Туршлов А. А.* (Рец. на:) *Джурова А., Станчев К.* Описание славянских рукописей... С. 120.

[40] Сестрица, сестрична, сестреница, сестриница, сеструхна – это и родная, и двоюродная, и троюродная сестра, и дочь сестры, и золовка, и невестка, и жена двоюродного брата мужа, и падчерица тетки или дяди, и даже просто дальняя родственница (Словарь русских народных говоров. СПб., 2003. Вып. 37. С. 234–237).

[41] *Бобров А. Г.* К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 28–29, 42.

и селить во «владычных палатах» Деревяницкого монастыря, в котором Досифей имел возможность поклоняться новгородским архиепископам и быть «самовидцем» их почитаемых погребений. Поскольку о них мало что было известно, Досифей, по всей видимости, заказал местному книжнику написание своеобразного Стишного Пролога «новым чудотворцам» и направлял его работу[42]. Там же, в окрестностях Новгорода (скорее всего, в Деревяницком монастыре, либо в соседней Хутынской обители), трудился и сам безымянный книжник, чьими усилиями было исполнено «замышление» предполагаемого заказчика и написана сохранившаяся до наших дней неповторимая рукопись.

[42] Предположить, что Досифей Соловецкий сам был писцом СПр, затруднительно по двум причинам. Во-первых, он предпочитает не писать самому, а заказывать книги; даже Житие Зосимы, своего учителя, он доверяет обработать более профессиональному книжнику. Во-вторых, гипотетический почерк Досифея (*Шибаев М.А.* Кодикологические и палеографические наблюдения над записью «Память, как торговали доселе новгородцы» в Минее из Соловецкого собрания РНБ // Российский рубль: 700 лет истории / Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород, 2017. С. 44–49) не может быть отождествлен с почерком СПр.

ОЧЕРК 7

ЖИТИЕ КСЕНОФОНТА РОБЕЙСКОГО В СПИСКЕ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ [1997 г.]

Имя преподобного Ксенофонта Робейского, основателя находившегося в 25 километрах к северу от Новгорода Ксенофонтова-Робейского (на реке Робейке) монастыря, не относится к числу широко известных и популярных ни в древнерусских текстах, ни в исследованиях нового времени. Сведения о преподобном Ксенофонте (память 28 июня) и основанной им обители скудны и немногочисленны. Согласно церковной традиции, преподобный был учеником Варлаама Хутынского, жившего во второй половине XII века, монастырь же был основан им в 1230 г., или же не позже 1262 (или 1266) г. Упразднен монастырь был в 1764 г., после чего собор использовался в качестве приходской церкви[1].

Житие Ксенофонта Робейского до сих пор в литературе не упоминалось и по рукописям не публиковалось. Единственный известный на сегодняшний день список этого произведения находится в Сборнике Житий новгородских святых, хранящемся в Новгородском государственном музее (КП 30056-312, на л. 103 об. - 106). Рукопись датируется 30-ми гг. XIX в. (бумага с "белой датой" 1831 г.). В приложении к данной статье приводится полный текст Жития Ксенофонта по списку Новгородского музея.

[1] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 107; *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 320; *Костомаров Н.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). 3-е изд. СПб., 1886. Т. 2. С. 319; *Толстой М.* Книга, глаголемая Описание о Российских святых, где и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякого чина святых. М., 1887. С. 44 (№ 134); *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 195-196 (№ 902); Ксенофонт // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т.[9]: "Кнаппе-Кюхельбекеръ". С. 512; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI веках (по "житиям святых"). М., 1966. С. 52.

Текст, очень близкий к рукописному Житию Ксенофонта Робейского, однако, уже был введен в научный оборот около ста лет назад: надписи, начертанные на раке преподобного в бывшем Ксенофонтовом Робейском монастыре, в 1899 г. были напечатаны почти полностью священником А. Цветковым (никаких соображений о времени их появления он не привел), который включил их в свой рассказ о жизни святого[2]. Хотя А. Цветков заметил, что текст надписей опубликован им "с удержанием всех особенностей как выражений, так и орфографии"[3], на самом деле он, судя по сравнению с текстом рукописного Жития, не только унифицировал и модернизировал многие написания, но и сократил целый ряд несущественных, на его взгляд, фраз (типа "и по восприятии на ся иноческого чина, более...", "И по причине святои богоугоднои своеи жизни", "иже въ то время", "и въ самое то время" и др.). Используя публикацию А. Цветкова для подведения разночтений к тексту рукописного Жития, мы делаем это с большой осторожностью, поэтому в вариантах приводятся только наиболее существенные смысловые разночтения. Некоторые из этих вариантов исправляют текст рукописного Жития, другие же явно вторичны. Можно полагать, что обе версии текста – и рукописное Житие, и надпись на раке, восходят к недошедшему до нас общему протографу.

Для определения даты, ранее которой был создан этот текст (terminus ante quem), нам служил список Новгородского музея, переписанный в 30-х гг. XIX в. Что же касается terminus post quem, то эта хронологическая граница определяется употреблением в тексте Жития слова "предмет" ("Душа наша... ничемъ изъ скоротлеющихъ вещеи века сего удовольствована быть не может, но единственно стремится къ высочаишему своему предмету"), которое, являясь переводом латинского "objectum", неизвестно древнерусским источникам[4], но встречается уже в дипломатической переписке под 1720 и 1746 гг.[5], а также у В.К. Тредиаковского

[2] *Цветков А., свящ.* Преподобный Ксенофонт Робейский и основанная им обитель // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. №5 (1 марта). Часть неофиц. С. 304–315. Пользуюсь случаем поблагодарить Г. М. Прохорова, обратившего мое внимание на эту публикацию.

[3] Там же. С. 307.

[4] Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1992. Вып. 18 (Потка-Преначальный). С. 198.

[5] Согласно сведениям Картотеки Словаря русского языка XVIII в. (Институт лингвистических исследований РАН), впервые слово "предмет" встречается в переводном дипломатическом документе 1720 г.: "...дружба и союз Его Царского Величества были необходимо нужны, дабы достигнуть до сего предмета..."; "...понеже предметь сего намереваемаго союза быль по большей части противу Швеции..."; "...Ваше Величество достигли до сего предмета чрезь учиненныя ему гарантии..." ("Предложения господина Бестужева, Резидента Его Царскаго Величества въ Лондоне, поданные Октября 17 числа

(1703–1769)[6]. Таким образом, Житие Ксенофонта Робейского – это не древнерусский памятник (хотя текст написан вполне в традиции древнерусских житий, и автор его старательно следует лексическим и фразеологическим "клише" агиографического жанра), а сочинение нового времени, созданное, очевидно, не ранее середины XVIII в. (даже 1760-х гг.) и не позже 1830-х гг., и вероятно, ближе к концу, чем к началу этого периода.

Если оставить в стороне традиционную для жанра риторику, то "историческое" содержание Жития может быть передано следующим образом: Ксенофонт сначала стал послушником, а затем иноком новгородского Лисицкого монастыря при игумене Варлааме. В одно время с Ксенофонтом иноком Лисицкого монастыря был преподобный Антоний Дымский. Однажды Ксенофонт и Антоний на месте, называемом Хутынь, увидели два огненных столпа и дым, покрывший то место, о чем они поведали игумену Варлааму. Узнав о видении, Варлаам с помощью учеников на этом месте водрузил крест и поставил часовню и хижину, собираясь создать там и монастырь. Испугавшись начавшейся бури, Ксенофонт стал призывать Варлаама спрятаться в хижине, что вызвало гнев игумена, отославшего Ксенофонта на плоте прочь с "четвертиной" хлеба в качестве напутствия. Плот вначале плывет вниз по течению Волхова до устья реки Робейки, по которой чудесным образом устремляется вверх против течения до того места, где пристает к берегу. Там Ксенофонт и поселяется. Впоследствии преподобный, получив прощение и благословение Варлаама Хутынского, создал на этом месте свой монастырь с каменной церковью Николая Мирликийского, в котором и умер в глубокой старости. Хотя в тексте нет никаких прямых хронологических указаний, упомянутые в нем имена и реалии очень важны для его интерпретации.

Лисицкий Рождества Богородицы монастырь, в котором, согласно Житию, принял постриг Ксенофонт, являлся значительным духовным и культурным центром средневекового Новгорода. Он находился в семи верстах от города, на берегу Малого Волховца. Расцвет книгописания

1720 года двору Британскому въ ответь на данные ответы отъ канцелярии Великобританской и Брауншвейгъ Люнебургской на предложение Резидента Веселовскаго" // Журнал или Поденная записка ... имп. Петра Великого с 1698 г., даже до заключения Нейштадского мира. СПб., 1772. Ч. 2. С. 697, 713, 731). Следующее по времени употребление этого слова датировано 1746 г. (в Донесении посла Корфа из Копенгагена), но его широкое использование, когда оно, видимо, перестает быть "канцеляризмом", фиксируется только начиная с 60-х гг. XVIII в. Благодарю за любезную консультацию А. Н. Левичкина.

[6] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3 (Муза-Сят). С. 357.

в Лисицком монастыре относится к концу XIV – первой половине XV в. 12 рукописных книг этого времени, связанных по своему происхождению с Лисицким монастырем, сохранились до наших дней. Следует обратить внимание на "Афонские" связи книжников Лисицкого монастыря: в конце XIV в. инок Арсений и игумен Иларион совершили "хожения" на Святую гору и "принесли" оттуда рукописные книги – Устав монастырский и Тактикон Никона Черногорца. Оба доставили книги не в сам монастырь, а к новгородскому архиепископу Иоанну, который разрешил Арсению основать новый монастырь (Коневский на Ладожском озере) и повелел снять копию с рукописи, привезенной Иларионом. Это обстоятельство не случайно: в конце XIV – первой половине XV в. Лисицкий монастырь постоянно связан с "владычным двором". Источники указывают, что в 1400 г. в монастыре умирает "владычень брат" Василий, в 1421 г. "владычень ключник с Лисьи горки" Арсений упоминается в числе кандидатов на архиепископскую кафедру, Евфимий II в 1429 г. избран архиепископом из игуменов этого монастыря. Об "Афонских" связях Лисицкого монастыря свидетельствует и запись писца Серапиона в сборнике 1431 г. о том, что переписанное здесь сочинение Максима Исповедника было переведено с греческого на Афоне всего шестью годами раньше. Кроме того, в 6 рукописях, связанных с Лисицким скрипторием, имеются заставки балканского стиля, созданные по одному канону, сложившемуся в этом монастыре под влиянием именно Афонской традиции. Существуют также свидетельства об общем византийском и южнославянском влиянии на деятельность этого книгописного центра. Анализ репертуара книг мастерской Лисицкого монастыря показывает, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых на Руси связывается с этим влиянием, с особым интересом к Византии и к переводной литературе с греческого. Из под пера лисицких книжников вышли списки сочинений Максима Исповедника, Григория Синаита, Феодора Едесского, Филофея Синаита, Нила Философа, Никиты Стифата, Илариона, Зосимы, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, Аввы Дорофея и др. Все они относятся к кругу монашеской литературы, получившей распространение на Руси в связи с проникновением из Византии и от южных славян идей исихазма. На основании этих фактов лисицких книжников можно отнести к сторонникам "грекофильской иноческой партии", представителям общежительного движения среди русского монашества. Не случайно лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского, уходит на север и основывает новый (Коневский) монастырь.

Наиболее известны из лисицких иноков игумены этого монастыря Иларион, в 1396 г. ставший архимандритом московского Симонова монастыря,

а позже епископом Коломенским, и Евфимий II, в 1429 г. ставший новгородским архиепископом. Анализ книгописной деятельности в Лисицком монастыре позволяет утверждать, что на протяжении конца XIV – первой половины XV в. монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были "проводниками" второго византийского и южнославянского влияния. На протяжении более полувека монастырь на Лисичьей горе был своего рода "университетом", готовившим крупных церковных деятелей (Арсений Коневский, епископ Иларион, архиепископ Евфимий II)[7].

Для нашей темы особенно существенным является то обстоятельство, что первое упоминание Лисицкого монастыря в источниках датируется 1389 г.: "И на Лисицыи горке поставиша церковь древяную Рожество святыя Богородица"[8]. Возможно, обитель существовала и ранее этой даты, но расцвет монастыря наступает только с конца XIV в. Именно в это время в Лисицком монастыре, в соответствии со свидетельством Жития Ксенофонта Робейского, действительно был игумен Варлаам.

Наиболее раннее упоминание имени игумена Варлаама с Лисичьей горки датируется 1397 г. В приписке к Тактикону Никона Черногорца[9] говорится, что "В лето 6905 (1397)... списана бысть книга сия святыи Никонъ въ Великомъ в Новегороде къ святеи Богородице честному ея Рожеству на Лисичью Горку... Вынеслъ бо бяше сия книгы святыи Никонъ изъ Святое Горы игуменъ Ларионъ того же монастыря. А тогда игуменьствующю Варламу, оученику его...". Из этого текста о Варлааме становится известно следующее: он был учеником игумена Лисицкого монастыря Илариона, и после него также выполнял игуменские обязанности. В 1410 г. он упоминается уже в качестве архимандрита Юрьевского (Новгородская 1 летопись младшего извода сообщает о строительстве архимандритом Варлаамом церкви, посвященной Варлааму Хутынскому в Лисицком монастыре)[10].

Как уже говорилось выше, Варлаам в качестве игумена Лисицкого монастыря упомянут в Житии Ксенофонта Робейского: "...прииде

[7] *Бобров А. Г.* 1) Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV – начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л.: [ГПБ], 1985. С. 10–16; 2) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV - первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.

[8] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 367.

[9] РНБ, F. п. 1.41, л. 222.

[10] Подробнее см: *Бобров А. Г.* 1) Варлаам Лисицкий – новгородский книжник конца XIV – начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. N 18. С. 5; 2) Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 89-101.

в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы, нарицаемыи Лисицкии, къ пречестному тоя обители игумену Варлааму, вдаде себе въ научение иноческаго и постническаго жития, въ скоромъ времени постриженъ бысть от него во ангельскии образъ". Далее в тексте Жития Варлаам, однако, оказывается не кем иным, как преподобным Варлаамом Хутынским, бывшим, согласно этой версии, до основания своей обители (Хутынского монастыря) лисицким игуменом[11].

Казалось бы, доверять столь позднему источнику у нас нет оснований, но известие Жития о пострижении Ксенофонта в Лисицком монастыре при игумене Варлааме находит неожиданное, хотя и косвенное подтверждение в новгородских летописях XV в.

В Новгородской Карамзинской летописи (вторая подборка) мы встречаем следующее известие: (6925/1417 г.): "Поставишя 5 церквии деревянных: Въскресение Христово на Варяжской улици, Възнесение Господне в Славине пустыне, святого Николы в Селифонтове, святого Николы на Вяжищах" (РНБ. F. IV. 603, л. 421 об.). Схожий текст читается и в Новгородской 4 летописи, где к слову "Селифонтове" добавлено "пустыне"[12]. Эта Селифонтова пустынь фиксируется писцовыми книгами конца XV в.[13], о ней говорится в Описи Новгорода 1617 г.[14], а в позднем "Летописце Новгородском церквям Божиим" аналогичное упомянутым выше летописное известие читается так: "...да церковь святаго Николая чюдотворца в Ксенофонтове пустыни"[15].

---

[11] Лисицкий монастырь находился неподалеку от Хутынского, причем в нем, по преданию, были похоронены родители Варлаама Хутынского (*Костомаров Н.* Севернорусские народоправства... СПб., 1886. Т. 2. С. 310; источник информации не установлен).

[12] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 417.

[13] *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 207 (Приложение II: Список Новгородских монастырей-землевладельцев. N 59): Дворы – 9, Тяглецы – 9, Обжи – 10.

[14] Опись Новгорода 1617 года / Под ред. В.Л. Янина; Подгот. публикации и вступит, ст. В. Л. Янина, М. Е. Бычковой. М., 1984. Ч. 1. С. 118: "В монастыре в Селифонтове пустыни церковь каменная Никола чюдотворец, глава у церкви побита железом, плеча покрыты тесом. В церкве Божия милосердия. Два образа местные, один на золоте, другой на красках. В деисусе 11 образов на золоте. Над деисусом 12 праздников, 12 пророков, все на красках. Письмо у всех образов попортилось. В монастыре 6 келей. Около монастыря ограды нет. А старцов и слуг и крестьян и бобылей и рыбных тонь в монастыре нет же. Пашня монастырская лежит впусте".

[15] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 258. Ясно, что имя "Селифонт" - это русифицированное "Ксенофонт"; соответственно в указателе к 4 тому ПСРЛ Селифонтова пустынь справедливо отождествляется с Ксенофонтовой (ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 673), хотя у В.В. Зверинского они ошибочно учтены как разные (см.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 195–196 (№ 902) Ксенофонтов Робейский монастырь: СПб., 1897. Т. 3:

Сам контекст упоминания Селифонтовой (Ксенофонтовой) пустыни сразу после Савиной пустыни (под которой, несомненно, разумеется незадолго до этого основанная обитель Саввы Вишерского) позволяет уверенно считать преподобного Ксенофонта ("Селифонта") современником не Варлаама Хутынского, а Саввы Вишерского и Варлаама Лисицкого. По всей вероятности, лежащий в основе сохранившегося Жития источник свидетельствовал о том, что Ксенофонт был выходцем из Лисицкого монастыря и принял постриг при игумене этой обители Варлааме в конце XIV – начале XV в. Агиограф, творивший, судя по всему, никак не ранее середины XVIII в., ошибочно отождествил его с Варлаамом Хутынским, жившим раньше Лисицкого игумена на два века.

Отдельно следует упомянуть об Антонии Дымском, который, согласно Житию Ксенофонта, был его сподвижником в Лисицком монастыре. Хотя специальные научные разыскания о времени возникновения самой Антониево-Дымской обители, находившейся неподалеку от Тихвина, пока не проводились, можно утверждать, что мы не имеем никаких достоверных свидетельств ее существования ранее XV в., а общие соображения о характере монастырской колонизации Русского Севера[16] говорят о конце XIV – первой половине XV в. как о наиболее вероятном времени ее основания.

Мог ли и Антоний Дымский быть выходцем из Лисицкого монастыря? Этот вопрос пока следует оставить открытым, заметив лишь, что роль Лисицкой обители в появлении новых общежительных монастырей на территории республики подтверждается не только житийной биографией преподобного Арсения Коневского, но и употреблением в Новгородской Карамзинской летописи (вторая подборка) под 1406 г. применительно к Лисицкому монастырю именования "лавра": "...Иларион, епископ Коломенскыи, бывъ преже игуменъ Лисицкоя лавры"[17]. Насколько мы можем судить, "лаврой" в то время называли только общежительный, а не келлиотский монастырь, к тому же такой, выходцами из которого были основаны "дочерние" обители[18].

Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. С. 154 (№ 2004) – Селифонтов Никольский монастырь, со ссылкой только на летописное известие).

[16] См.: *Бобров А.Г.* Предисловие // *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 1–10 (1-я паг.).

[17] РНБ, F. IV. 603. Л. 413 об.

[18] Словари не дают напрямую такого значения, но оно с очевидностью вытекает из контекста употребления слова "лавра" в Похвале Феодосию Печерскому по списку 1406 г.: "Такы суть ветви твоего корени ... – таци суть отци твоея лавры" (РНБ, Q. п. 1. 31. Л. 101–101 об.); в Троицкой летописи 1409 г.: Сергий Радонежский в 1379 г. "... манастырь устрои ... на реце на Дубенке..., и единаго презвитера изведе отъ болшаго манастыря отъ великиа лавры [Троице-Сергиева монастыря. – *А.Б.*], именем Леонтиа,

С другой стороны, упоминание преподобного Антония Дымского в качестве сподвижника Ксенофонта Робейского и ученика Варлаама может быть объяснено влиянием на наш текст Жития Антония. Как установила О. А. Белоброва, первоначальная редакция Жития Антония Дымского, в которой (в связи с ошибочным отождествлением Антония Дымского и Антония Новгородского, в миру Добрыни Ядрейковича)[19] утверждалось, что и этот святой был учеником Варлаама Хутынского, также имеет довольно позднее происхождение, но она появилась уже в конце XVII в.[20]

К традиционным топосам новгородской литературной и фольклорной традиции следует отнести использованный автором Жития Ксенофонта мотив плавания преподобного Божиим соизволением на плоте против течения реки. Напрашивается параллель из Жития Иоанна Новгородского: "и поплове плоть вверхъ реки, никим же пореваемъ, на нем же святыи седяше, противу великие быстрины"[21]. "Чудесное плавание" в Житии Иоанна Новгородского и в восходящих к нему Житиях Василия Рязанского и Иакова Ростовского служит оправданию ложно обвиненного героя, и явный след мотивировки такого рода просматривается во внезапном гневе Варлаама на Ксенофонта и последующем его прощении. Другой использованный автором Жития Ксенофонта и контаминированный с предыдущим традиционный мотив – это "чудесное плавание", приводящее к основанию монастыря (ср. Житие Антония Римлянина, приплывшего в Новгород из Рима по морю на камне, отметим схожий мотив в легенде об основании старообрядческого центра Качема на Северной Двине[22]).

сего и нарече и поставити и быти игуменомь въ томь манастыри...". *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 418). Ср. также именование Валаамского монастыря в 1501 г. "честной и великой лаврой" (*Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре... С. 106, 133); Глушицкой обители как "бълшиа лавры" по отношению к дочерней пустыни (Житие Дионисия Глушицкого, цит. по: *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси... С. 173, 177) и т. д.

[19] См. о нем: *Белоброва О. А.* Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) (ум. 1232 г.) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: (XI-первая половина XIV вв.). С. 39–40.

[20] *Белоброва О. А.* Житие Антония Дымского: Время его составления // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16-19 мая 1995 года) / Сост. В.А. Кошелев. Новгород 1995. С. 128–135.

[21] Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV в. М., 1981. С. 458–459. Как отметил Г. Федотов, "эта вторая половина легенды св. Иоанна вместе с новгородским мотивом чуда на водах встречается на Руси еще в двух святительских легендарных житиях: Василия Рязанского (Муромского) и Иакова Ростовского" (*Федотов Г.* Святые Древней Руси. М.. 1990. С. 224). Правда, следует отметить, что в этих житиях чудесное плавание совершается не на "плоту", а на "мантии".

[22] *Бобров А. Г.* Экспедиция на Северную Двину 1989 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 479.

Итак, Житие Ксенофонта Робейского – это памятник древнерусской литературы "после Древней Руси". В его основе лежало не дошедшее до нас историческое свидетельство (возможно, надпись на книге или иконе?) о пострижении преподобного Ксенофонта в новгородском Лисицком монастыре при игумене Варлааме, относившееся к концу XIV – началу XV в. Каменная Никольская церковь в обители была создана, видимо, при жизни ее основателя, преподобного Ксенофонта, в 1417 г. Агиограф, писавший свое сочинение не ранее 60-х гг. XVIII в., ошибочно отождествил Варлаама – игумена Лисицкого монастыря с Варлаамом – основателем Хутынского монастыря, жившим в конце XII в. Текст Жития Ксенофонта, очевидно, испытал влияние Жития Антония Дымского, в котором утверждалось, что и этот преподобный являлся учеником Варлаама Хутынского.

Сравнительно позднее по времени создания Житие Ксенофонта Робейского сохраняет и отголоски подлинных исторических событий эпохи монастырского освоения Русского Севера, и традиционные мотивы и топосы древнерусской литературы.

Приложение

Основной список: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (НГОМЗ), КП 30056-312 (старый шифр: НГМ 10923), лл. 103 об. – 106.

Разночтения: надпись на раке преподобного Ксенофонта (по изд.: *Цветков А., свящ.* Преподобный Ксенофонт Робейский и основанная им обитель // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 5. 1 марта. Часть неофиц. С. 304–315).

По техническим условиям во всех случаях вместо буквы ять печатается "е".

ЖИТИЕ
преподобнаго отца нашего Ксенофонта Новгородскаго чудотворца, жившаго надъ рекою Робеикою

Сеи преподобныи отец Ксенофонтъ, рода[1] и коего града, или веси, откуду бе, не изобретено бысть. Но токмо[2] сие изыскахомъ, что сеи блаженныи Ксенофонтъ, Божиимъ миновениемъ уразуме мира сего настоящую жизнь, что весьма кратка, скоропреходяща и исполненна безъчисленныхъ и горестныхъ бедствии; другая жъ есть безъсмертная вечная, и всякихъ сладостеи и увеселении преисполненная, ихъ же око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша[3]. Сия вся блаженныи оныи

мужъ, въ сердце своемъ о сихъ разсуждая, воспалися зело желаниемъ о получении оныя безъсмертныя вечности, и ведая, яко оплетшияся лестными сладострастиями мира сего и превязавшии сердца своя // (л. 104) неразрешимою веригою къ скорогибнущимъ вещемъ света сего, не токмо не могутъ наследовати оныя, но еще за сие ожидаетъ ихъ вечная мука и огнь неугасающии. Вмени убо блаженная та душа вся красная мира сего[4], по апостолу, умети быти[5], потому что безъсмертная душа наша, созданная по образу Божию и по подобию, ничемъ изъ скоротлеющихъ[6] вещеи века сего удовольствованна быть не можетъ, но единственно стремится къ высочаишему своему предмету. Вся бо благая века сего суть[7] суета суетствии и вечная[8] суть суета, по Соломону.

Темъ же праведныи сеи мужь преподобныи отецъ Ксенофонтъ, последуя святеишимъ стопамъ[9] апостолъ Христовыхъ, рекшихъ: "Се мы вся оставихомъ и вследъ Тебе, дражаишии нашъ учителю, идохомъ", отвержеся мира[10] и возлюби Христа.

И прииде в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы, нарицаемыи Лисицкии, къ пречестному тоя обители игумену Варлааму, вдаде себе въ научение иноческаго //(л. 104 об.) и постническаго жития, въ скоромъ времени постриженъ бысть от него во ангелскии образъ, и по восприятии на ся иноческаго чина, более[11] горяше любовию къ Богу, и преметашеся день и нощъ въ храме Божиемъ, отърыну отъ себе богатство и избра самовольную нищету и нестязание, поплева мирскую славу.

И по причине святои и богоугоднои своеи жизни[12] сподобися угодникъ[13] Божии Ксенофонтъ съ преподобнымъ Антониемъ Дымскимъ, иже въ то время[14], во ономъ же Лисицкомъ монастыре, равноангельно препровождаше житие, видеть на месте, глаголемомъ[15] Хутыне, огненныи столпъ отъ небеси протязающиися до самыя земли. И по неколикомъ времени по симъ видения, паки сия же святии мужи видиша во иное время, во ономъ же имянуемомъ Хутыне, вторыи столпъ огненыи величиною въ половину перваго. А на конецъ видениа[16] - дымъ мрачныи окружающь и покрывающь самое то место.

И разсуждаша //(л. 105) тии блаженныи мужне Ксенофонтъ и Антонии и сихъ виденияхъ, что убо[17] оныя предзнаменуютъ, и избраша къ тому время, како бы имъ оныхъ[18] поведати пречестному отцу преподобному[19] Варлааму. И уведавъ преподобныи Вараамъ о сихъ виденияхъ отъ оныхъ блаженныхъ мужеи, Ксенофонта и Антония, поиде съ ними на то место, идеже видения оная откровенна имъ бяху, и по осмотрении[20] онаго, разчистивъ лесъ своими руками, водрузиша на ономъ[21] местъ крестъ и часовню, и хижину малу пребывания ради себе сооружиша. И по сооружении часовни и хижицы[22], нача преподобныи Варлаамъ со ученикомъ своимъ

Ксенофонтомъ около онаго жительства ходити и разсматривати, како бы имъ на томъ месте и святую[23] обитель создати. И въ самое то время[24] возста буря велия и страшная. И абие блаженныи Ксенофонтъ нача звати угодника Божия преподобнаго Варлаама въ хижину. Разгневася же о семъ на него преподобныи, отшли[25] его отъ себе // (л. 105 об.) и давъ ему въ благословение четвертину хлеба, посади его на плотъ и отлучи отъ себе.

Блаженныи же Ксенофонтъ плыве на томъ плоту внизъ по Волхову, доплы до реки Робеики, по которои[26] мановениемъ направляемъ[27] бысть противу быстроты[28] водныя до подъгория, идеже плотъ преста. И сошедъ преподобныи Ксенофонтъ со онаго, и воздевъ руце свои на небо, излия утробу свою предъ престоломъ величествия Божия, прося отъ него съ теплеишими слезами всесильныя помощи на лукаваго духа, да проженетъ онаго[29] отъ него всесильною своею десницею въ бездну адскую.

И начать ту обитати, и улови на ономъ месте на снедение себе рыбы довольно. По времене жъ многомъ, блаженныи Ксенофонтъ иде къ духовнику[30] наставнику своему преподобному Варлааму Хутынскому, ради испрошения себе во оскорблении его прощения и благословения о построении на томъ месте часовни // (л. 106) и для пребывания своего[31] келии. И яже от него приявъ, поиде во своя съ миромъ, и разчистивъ тамо лесъ, первее постави крестъ, а потомъ часовню и малу хижину своими руками согради, последи же и церковь каменную во имя святителя Христова Николая Мирликиискаго Чудотворца создаша. И по приятии отъ архипастыря, правящего престолъ великия церкве Новаграда, благословения, освятиши ю.

И въ сеи пустыне преподобныи отецъ нашъ Ксенофонтъ, препроводивъ остатки днеи своихъ въ посте, молитвахъ и слезахъ и прочихъ богоугодныхъ делахъ, и доспевъ старости маститыя, почи о Господе съ миромъ[32], и вселися въ небесныя чертоги, идеже непрестанно славитъ со всеми святыми триепостаснаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа в бесконечныя веки. Аминь.

[1] *Доб.* коего.
[2] *Нет* но токмо.
[3] внидоша.
[4] *Доб.* въ ничто.
[5] *Нет* по апостолу, умети быти.
[6] скорогибнущихъ.
[7] *Нет.*
[8] всяческая.
[9] словамъ.

[10] *Доб.* сего.
[11] *Нет* и по восприятии на ся иноческаго чина, более.
[12] *Нет* И по причине святои и богоугоднои своеи жизни.
[13] праведникъ.
[14] *Нет* иже въ то время.
[15] нарицаемемъ.
[16] видеша.
[17] *Нет.*
[18] *Доб.* виденияхъ.
[19] *Нет.*
[20] усмотрении.
[21] томъ.
[22] хижины.
[23] свою.
[24] *Нет* И въ самое то время.
[25] отсла.
[26] *Доб.* Божиимъ.
[27] несенъ.
[28] быстрины.
[29] *Нет.*
[30] духовному.
[31] *Доб.* малои.
[32] *Далее другое окончание текста*: и погребенъ бысть честно со псалмы и пении духовными, душею же на небеси со всеми святыми непрестанно славитъ триипостасного Бога: Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

ОЧЕРК 8

А. А. ШАХМАТОВ И СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕГО НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ [2015 г.]

Труды академика А. А. Шахматова в области летописания в целом и новгородского летописания в частности составили целую эпоху в отечественной историко-филологической науке[1]. Взгляды исследователя эволюционировали, и он не раз пересматривал многие положения, касающиеся истории новгородского летописания. В данной статье мы попытаемся дать краткий обзор точек зрения исследователя на важнейшие памятники раннего новгородского летописания XI – первой половины XII в., а также рассмотреть их судьбу в последующей научной традиции. Реконструируемые в трудах А. А. Шахматовым ранние новгородские летописи анализируются в хронологическом порядке.

Новгородская летопись 1017 г.

В работах А. А. Шахматова конца XIX – начала XX вв. достаточно определенно говорится о существовании летописи 1017 года, составленной в Великом Новгороде при владыке Иоакиме, бывшем, согласно церковной традиции, первым епископом Новгорода в 992–1030 гг. Этот гипотетический летописный свод, по мнению исследователя, время от времени пополнялся на протяжении XI в. новыми записями, которые с XII в. стали вестись полнее и обстоятельнее: «Трудно сомневаться, что Иоакимова летопись велась именно там, где она возникла, т. е. при дворе новгородского владыки»[2]. В одной из своих ранних работ А. А. Шахматов специально оговаривал, что он «мало занимался Иоакимовой летописью»

[1] *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 87–107; *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 210–227.

[2] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 332. С. 183–188.

и поэтому ничего не может «сказать о ее существовании»[3]. Позже ученый с определенной уверенностью отмечал, что в Новгороде уже при владыке Иоакиме в начале XI в. была составлена первая на Руси летопись; «она в начале сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом, поставлении им церквей, посажении Вышеслава, приглашении на стол Ярослава и затем подробно говорила о событиях 1015–1016 гг.; в конце была вписана Ярославова грамота»[4].

Характеризуя летопись, составленную предположительно при владыке Иоакиме Новгородском, А. А. Шахматов не опирался на выписки из некоей старой рукописи, опубликованные В. Н. Татищевым в 4-й главе 1-го тома его сочинения «История Российская». Как известно, эти выписки также получили в историографии наименование «Иоакимовская летопись». В наше время существуют как сторонники, так и противники древности известий этой «Иоакимовской летописи». С. Н. Азбелев говорит о летописи Иоакима, составленной около 1017 г., соглашаясь с наблюдениями А. А. Шахматова о существовании летописного текста, созданного около этого времени, но при этом он использует труд В. Н. Татищева. В несохранившейся «Иоакимовской летописи» С. Н. Азбелев видит отражение той самой летописи 1017 г., о которой писал А. А. Шахматов[5], однако в современной науке преобладает взгляд на «татищевскую» «Иоакимовскую летопись» как на произведение позднейшего времени, относящееся либо к XVII – началу XVIII в., либо даже к творчеству самого Василия Никитича Татищева (последняя точка зрения наиболее подробно аргументирована в монографии А. П. Толочко). Древность «Иоакимовской летописи» – якобы несохранившегося до наших дней источника сведений В. Н. Татищева, содержащего уникальные сведения о ранней истории Новгорода, по меньшей мере, сомнительна[6]. Заметим, что в более поздних работах А. А. Шахматова речь уже не идет о новгородском своде 1017 года, и летопись Иоакима как памятник начала XI в. не рассматривается.

---

[3] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. Первое изд. см.: *Шахматов А. А.* О Начальном Киевском летописном своде // Чтения ОИДР. 1897. Кн. 3. Отд. 3. С. 1–58.

[4] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 339. Первое изд. см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908.

[5] *Азбелев С. Н.* К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.

[6] *Толочко А. П.* «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 196–245; *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 76–93.

Новгородский свод 1050 г.

Следующий по времени создания новгородский летописный памятник, гипотетический свод 1050 г., появляется в построениях А. А. Шахматова в его монографии 1908 года («Разысканиях о древнейших русских летописных сводах»). Согласно выводам исследователя, в Новгороде еще в начале XI в. (около 1017 г.) были составлены краткие летописные записи, но впоследствии ведение летописи было прекращено и возобновилось лишь около 1036 г.[7] Записи 1017 и 1036 гг. около 1050 г. вошли в состав обширного новгородского летописного свода, созданного по инициативе князя Владимира Ярославича и епископа Луки Жидяты по случаю окончания строительства каменного Софийского собора. Этот свод, согласно А. А. Шахматову, представлял собой переработку киевского Древнейшего свода 1039 г., дополненную новгородским материалом. В дальнейшем, согласно А. А. Шахматову, новгородский свод середины XI в. время от времени пополнялся новыми записями, а лишь после 1108 г. летописание в Новгороде стало вестись из года в год. Новгородский свод 1050 г. послужил, по Шахматову, источником для киевского Начального свода 1095 г. и для более поздних новгородских сводов, начиная с новгородского свода 1167 г. А. А. Шахматов осуществил реконструкцию текста новгородского свода 1050 г. с продолжением до 1079 г.[8]

Гипотезу о Новгородском своде 1050 г. с теми или иными коррективами и поправками в целом приняли многие исследователи летописания: Б. А. Рыбаков[9], А. Г. Кузьмин[10], А. А. Зимин[11], В. А. Кучкин[12], С. Н. Азбелев[13] и др. Однако высказывались и мнения о том, что новгородского свода 1050 г. (XI в.) вообще не существовало (В. М. Истрин, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров[14] и др.). Некоторые авторы полагали, что в Нов-

[7] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 340–342.

[8] Там же. С. 431–449.

[9] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 193–206.

[10] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 362–382.

[11] *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999. С. 140–141. Время работы А. А. Зимина над этой монографией – 1950–1970-е годы.

[12] *Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ...» // Russia Mediaevalis. 1995. Vol. 8. № 1. P. 87–102.

[13] *Азбелев С. Н.* К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.

[14] *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962. С. 63.

городе XI в. велись не летописи, а отдельные записи (С. В. Бахрушин, М. Х. Алешковский, А. В. Поппэ, А. Накадзава[15] и др.).

Наиболее подробно рассмотревший этот вопрос Т. В. Гимон приходит к выводу, что шесть отдельных новгородских известий Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода (далее: НПЛ ст.), за 1045–1079 гг. – это краткие записи, делавшиеся в Новгороде в это время и не входившие в состав какого-либо более обширного памятника[16]. Аргументы Т. В. Гимона в пользу того, что новгородское летописание XI в. представляло собой не целый самостоятельный свод, а лишь единичные записи, представляются не только убедительными, но и принципиально важными для интерпретации многих известий, ранее воспринимавшихся как древние и полностью достоверные. Весьма авторитетная и почтенная гипотеза, подробно обоснованная А. А. Шахматовым, теперь должна быть существенно скорректирована.

Начальный свод 1095 г.

Этот летописный свод, существование которого являлось одной из краеугольных идей А. А. Шахматова, оказался наиболее авторитетной из его гипотез. Долгое время она не подвергалась пересмотру. Лишь сравнительно недавно появились работы киевской исследовательницы Т. Л. Вилкул, которая обосновала новый взгляд на историческое повествование Древней Руси, включающий принципиальный отказ от шахматовской концепции «Начального свода» 90-х гг. XI в. – предшественника текста «Повести временных лет» (далее: ПВЛ). По мнению исследовательницы, дошедший до нас текст Новгородской первой летописи младшего извода (далее: НПЛ мл.), в котором А. А. Шахматов видел отражение «Начального свода», сложился не в XI, а в XIV–XV вв. Этот пересмотр является стержнем монографии «Літопис і хронограф: Студії з текстології домонгольського київського літописання», в которой были разобраны проблемы, касающиеся шахматовских гипотез о Начальном своде и Хронографе[17].

Исследовательница привлекла для анализа текст НПЛ мл. на тех участках, где он коррелирует с ПВЛ и заимствованиями из хроник, т.е.

[15] *Накадзава А.* Исследования новгородских и московских летописей XV века. Тояма, 2006. С. 264–265.

[16] *Гимон Т. В.* Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление. Дисс. ... доктора исторических наук. М., 2014. URL: http://www.igh.ru/upload/information_system_8/6/3/4/item_634/gimon-dissertazia.pdf (дата доступа 26.05.2015).

[17] *Вілкул Т. Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольского київського літописання. К., 2015.

там, где обычно видели отражение новгородской летописью ранних киевских записей. В результате детального анализа Т. Л. Вилкул пришла к выводу, что текст НПЛ мл. не отражает более ранний этап летописания, чем ПВЛ, а наоборот, находится в зависимости от нее. В монографии убедительно показано, что шахматовский взгляд на текст НПЛ мл. как первичный по отношению к ПВЛ может быть по меньшей мере подвергнут сомнению. Вряд ли шахматовская гипотеза окончательно может быть сдана в архив, но киевская исследовательница создала целостную альтернативную концепцию, по сути дела, равнозначную той, которая кажется почти аксиомой для медиевистов.

Я думаю, что если верна предлагаемая Т. Л. Вилкул датировка «XIV–XV вв.» появления версии текста НПЛ мл., где Олег предстает не князем, а воеводой, то ее можно уточнить и говорить именно о первой половине XV в., когда на смену «лествичной» системе престолонаследия, «сеньорату», приходит новая – по нисходящей линии «от отца к старшему сыну», куда князь Олег уже никак не вписывается, и летописец вынужден делать его «воеводой» при сыне Рюрика, князе Игоре.

Летопись Кирика Новгородца 1136–1137 гг.

Впервые о Кирике как о летописце заговорил А. А. Шахматов. В работе 1908 г. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» он посвятил один из параграфов (134-й) обоснованию предположения, что Кирик был причастен к созданию годовых статей 6644/1136 и 6645/1137 гг. НПЛ ст.: «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день. Томь же лѣтѣ, наставъшю индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвергоша...»[18].

Аргументация А. А. Шахматова заключалась в следующем: не могли быть случайными совпадения записи 6644/1136 г. НПЛ ст. со временем, «когда Кирик писал свое Учение»; отмечались сложность календарного счета в летописной статье и в сочинении Кирика (счет календами, лунный день), а также трехкратное упоминание «индиктов» в летописных статьях 1136–1137 гг. при том, что «до этого 6644 г. индикты в Новгородской 1-й не обозначаются», а в следующий раз индикты упоминаются только под 6676/1168 г. Завершая свой краткий анализ текста НПЛ ст. под 6644/1136 и 6645/1137 гг., исследователь задался вопросом: «Не следует ли из это-

[18] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 24.

го, что Кирику принадлежали во владычнем своде только записи 6644 и 6645 гг.?»[19].

Позже Е. Ю. Перфецкий предположил, что Кирик писал и обрабатывал новгородскую летопись на протяжении не только двух лет, как думал А. А. Шахматов, а на протяжении трех десятилетий (1130-е – 1160-е гг.)[20].

Д. С. Лихачев надежно установил факт перехода ведения новгородского летописания от князя к владыке около 1136 г. Объяснение этого перехода он находил в изменениях в государственном управлении Новгорода в те же годы. Особенностью его исследовательского подхода было привлечение широкого историко-культурного контекста, свидетельствующего о синхронных переменах в новгородском искусстве, что явилось серьезным аргументом в пользу участия Кирика в создании нового владычного летописания[21].

Впоследствии В. Л. Яниным было уточнено, что изгнание Всеволода и приглашение Святослава было лишь этапом на пути трансформации княжеского правления в республиканское. Хотя этот процесс продолжался с конца XI до XIII в., все-таки смена летом 1136 г. на новгородском столе Мономаховича на Ольговича явилась бескомпромиссным примером реализации принципа «вольности в князьях», который именно в этом году, по словам В. Л. Янина, *«окончательно восторжествовал»* (курсив мой. – *А. Б.)*[22].

А. А. Гиппиус уточнил, что переход княжеского летописания в руки новгородского владыки мог произойти не в 1136 г., а в 1132 г., когда новгородцы с союзниками уже выгоняли из Новгорода князя Всеволода, но через недолгое время позвали обратно. По мнению А. А. Гиппиуса, вклад Кирика был не столь велик, поскольку замены «Повести временных лет» на Начальный свод вообще не было, и в новгородском летописании уже находился Киево-Печерский свод 1095 г. с продолжением до 1115 г. Но исследователь признает, что переход от княжеского свода к владычному

[19] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 137–138.

[20] *Перфецкий Е. Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. С. 68–69.

[21] *Лихачев Д. С.* Новгородские летописные своды XII в.: (Автореферат) // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 98–106; *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 240–265. Переизд.: *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154–184. См. также: *Бобров А. Г.* Д. С. Лихачев как исследователь новгородских летописей (Диссертация «Новгородские летописные своды XII века») // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 128–141.

[22] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 88–106.

осуществил именно Кирик. А. А. Гиппиус считает, что «предполагаемый Д. С. Лихачевым механизм превращения софийской летописи из княжеской во владычную в связи с изменением статуса св. Софии кажется вполне правдоподобным. Оправдано и отнесение этого преобразования к 30-м гг. XII в. Действительно, если в статье 6638 (1130) г. еще чувствуется рука княжеского летописца, то уже через шесть лет, в статье 6644 (1136) г. в летописи обнаруживает свою редкостную календарно-астрономическую осведомленность Кирик – автор «Учения о числах» и приближенный епископа Нифонта»[23].

В качестве дополнительного соображения в пользу гипотезы Шахматова-Лихачева о роли Кирика Новгородца в реформе новгородского летописания могут быть более подробно рассмотрены «аргументы индиктов». В статье 6644 г. впервые в новгородском летописании индиктом датируются не сакральные события церковной истории или торжественное вокняжение, а бурные события политической жизни. Такое явление мы видим в статье 1136 г. («Томъ же лѣтѣ наставъшю индикту 15»), когда сообщается об убийстве «Гюргя Жирославиця», а также в статье 6645/1137 г., индикт 15, где говорится о переходе посадника Константина на сторону князя Всеволода. Далее следует перерыв более чем в тридцать лет, и индикт появляется только в следующих статьях: 6676/1168 г., индикт 1, приглашение князя Романа Мстиславича; 6686/1178 г., индикт 10, смерть князя Мстислава Ростиславича, вокняжение его брата Ярополка. Далее индикты появляются только в дополнительных записях Синодального списка XIV в. Таким образом, датировка по индиктам в раннем новгородском летописании была достаточно редкой[24]. Трехкратное упоминание «индикта» в двух годовых статьях 1136 и 1137 гг. на фоне исключительной редкости таких упоминаний в новгородском летописании убеждает в том, что, вопреки сомнениям некоторых исследователей, что эти статьи писал Кирик Новгородец, автор «Учения» 1136 г., в котором находился целый раздел, посвященный индиктам.

О тождестве летописца и Кирика также говорят: использование в статье 1136 г. весьма редкого в новгородском летописании указания на точный час описываемого события (все такого рода упоминания в Новгородской I летописи младшего извода сокращены как избыточные);

[23] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 40–41.

[24] В семи из восьми случаев упоминание «индиктов» в НПЛ ст. оказалось сокращенным в НПЛ мл., в которой есть только два случая упоминания индиктов, и оба – в известиях о торжественных церковных событиях: 2 мая 6623/1115 г., индикта 8 – перенесение мощей Бориса и Глеба (есть и в НПЛ ст.); 6842/1334 г., индикта 2 – поездка новгородского архиепископа Василия Калики к митрополиту во Владимир.

указание в летописной статье лунного дня, подробно рассмотренного Кириком; уникальное для раннего летописания использование хронологического термина «каланда». Интерес к единицам измерения времени, в том числе необычным, и схожее использование их обозначений являются очень убедительными аргументами в пользу отождествления летописца и автора «Учения о числах».

Таким образом, гипотезы А. А. Шахматова о раннем новгородском летописании имеют различную судьбу в последующей научной традиции. Мысль о Своде 1017 г., судя по всему, была оставлена самим автором, но ее подхватили сторонники древности «татищевской» Иоакимовской летописи. Гипотеза о Своде 1050 года долгое время считалась авторитетной и в неё вносились лишь уточнения (состава и датировки), но в последнее время Т. В. Гимон в своих исследованиях ее практически опроверг. Начальный свод 1095 г. (киевский по происхождению, но новгородский по бытованию) до сих пор упоминается в основных учебниках и обзорах по истории древнерусской литературы, однако серьезную альтернативную точку зрения высказала Т. Л. Вилкул. До конца дискуссии здесь еще далеко. Наконец, соображения А. А. Шахматова о Кирике Новгородце как о летописце, авторе статей 1136 и 1137 гг., нашли впоследствии полное подтверждение.

Как бы ни складывалась дальнейшая судьба шахматовских гипотез, они сыграли свою стимулирующую и плодотворную роль в истории науки, побудили последующие поколения ученых к углубленным разысканиям, невозможным без учета и осмысления основополагающих трудов создателя отечественной текстологии.

ОЧЕРК 9

Д. С. ЛИХАЧЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

(Диссертация «Новгородские летописные своды XII века») [2010 г.]

Древнерусское летописание не только было первой крупной научной темой Д. С. Лихачева, но оставалось в кругу его первоочередных интересов на протяжении всей жизни. Изучение русских летописей было в значительной степени основано на классических трудах академика А. А. Шахматова (1864– 1920), с которыми Д. С. Лихачев близко познакомился во второй половине 1930-х гг., когда, будучи ученым корректором Издательства Академии наук, готовил к печати шахматовскую монографию «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.» (М.; Л., 1938). Спустя несколько лет, в июне 1941 г. Д. С. Лихачев защитил диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук по теме «Новгородские летописные своды XII века»[1].

В недавно опубликованной монографии Т. Ю. Фоминой дается подробное изложение основных работ Д. С. Лихачева, посвященных летописанию Новгорода[2], но содержание кандидатской диссертации, остающейся до сих пор неопубликованной, приводится исследовательницей лишь по краткому изложению в автореферате 1944 г.[3]

Выбор темы для первой крупной научной работы Д. С. Лихачева был в значительной степени обусловлен влиянием В. Л. Комаровича.[4] Особенно

[1] Основные положения диссертации в кратком изложении опубликованы: *Лихачев Д. С.* Новгородские летописные своды XII в.: (Автореферат) //Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1944. Т. 3, вып. 2–3. С. 98–106.

[2] *Фомина Т. Ю.* Новгородское летописание XI–XVII вв.: Отечественная историография. М., 2008. С. 68–72, 75–77, 80–82, 139–144.

[3] *Фомина Т. Ю.* Новгородское летописание XI–XVII вв. С. 68–69. Также авторефератом при изложении содержания кандидатской диссертации Д. С. Лихачева ограничился и В. И. Буганов (*Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 167–168).

[4] *Бобров А. Г.* Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович // Арзамас (Нью-Йорк, США). 2000. № 8. С. 110–113.

для Д. С. Лихачева была важна поездка в Новгород 1937 г.: «В Новгород мы поехали с Зиной отдыхать в мой отпуск по совету В. Л. Комаровича. Это было накануне рождения наших дочерей. Лето 1937 г. Мы наняли комнату у баронессы Тизенгаузен на самой окраине Новгорода. Из окон открывался чудный вид на Красное поле и Нередицу с колокольней на самом горизонте. Именно эту комнату нанимал перед нами Комарович»[5]. Д. С. Лихачев в своих «Воспоминаниях» свидетельствовал: «Итак, к началу войны я знал Новгород довольно хорошо. Нравился он мне чрезвычайно. Это повлияло и на выбор темы моей кандидатской диссертации: „Новгородские летописные своды XII в.“»[6].

Машинописный оригинал кандидатской диссертации с авторской правкой хранится в мемориальном кабинете Д. С. Лихачева в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Диссертация 1941 г. до сих пор остается неопубликованной, значительная часть ее текста так или иначе была использована в последующих работах Д. С. Лихачева.[7] В данной статье мы рассмотрим основные отличия диссертации 1941 г. от текста, представленного в основанной на ней статье 1948 г. «„Софийский временник” и новгородский политический переворот 1136 г.».

Кандидатская диссертация Д. С. Лихачева состоит из 10 разделов:

I. Предварительные замечания (С. 4–8);

II. История изучения новгородских летописных сводов XII в. (С. 9–36);

III. Установление нового политического строя в Новгороде в XII в. и новое положение в нем книжности и искусства (С. 37–88);

IV. Новгородского свода 1167 г. не было (С. 89–103);

---

[5] *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1997. С. 429.

[6] Там же. С. 430.

[7] Материал центральных глав кандидатской диссертации в сокращенном и отчасти дополненном и исправленном виде вошел в статью: *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 240–265. Переизд.: *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154–184 (далее страницы указываются по последнему изданию). Кандидатская диссертация, как показывает сопоставление текстов, отразилась также в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.; Л., 1947; Часть II: «Повесть временных лет» – С. 145–172; Часть III: «Областное летописание XII–XIII вв.» С. 173–288). Книга «Русские летописи и их культурно-историческое значение» в свою очередь явилась сокращенным вариантом докторской диссертации «Очерки по истории форм летописания XI–XV вв.: (Летописи как литературные произведения)», защищенной в том же 1947 г. В предисловии к докторской диссертации, сравнивая ее текст с опубликованным в книге вариантом, Д. С. Лихачев отметил: «Глава 11 „Городское летописание [летописные своды Новгорода XII и XIII вв.]“ значительно расширена. Текст ее – новый» (С. 9). Эта глава в докторской диссертации насчитывает 98 страниц (С. 448–545), а в книге «Русские летописи» – только 19. Докторская диссертация Д. С. Лихачева также не опубликована.

V. Особенности текста Синодального списка Новгородской I летописи в пределах до 1074 г. (С. 104–131);

VI. Княжеский свод Всеволода 1119–1135 гг. (С. 132–142);

VII. «Софийский временник» и обстоятельства его составления (С. 143–185);

VIII. Свод Германа Вояты (С. 186–211);

IX. Стиль и характер новгородских летописных записей XII в. (С. 212–261);

X. Заключение. Главнейшие выводы предыдущего исследования (С. 262–279).

Завершается диссертация списком использованной литературы.

Статья «„Софийский временник" и новгородский политический переворот 1136 г.» наиболее полно отражает содержание центральных глав диссертации (разделы III–VII). Проследим, в какой степени Д. С. Лихачев сокращал и (или) дополнял текст своего диссертационного исследования при подготовке статьи 1948 г.

Первый раздел статьи, имеющий в целом историографический характер, называется «„Софийский временник" и Начальный киево-печерский свод 1095 г.».[8] Он начинается с той же фразы, что и диссертация («Новгородские летописи занимают в системе восстанавливаемого А. А. Шахматовым летописания центральное место» – С. 4). Но если в диссертации далее подробно рассматривается содержание работ В. Н. Татищева, П. М. Строева, Д. И. Прозоровского, И. И. Срезневского, М. П. Погодина, Н. Н. Яниша, И. П. Сенигова и А. А. Шахматова (С. 10–36), то в статье лишь кратко изложены взгляды последнего из названных авторов.

Второй раздел статьи 1948 г. озаглавлен «Установление в XII в. нового политического строя в Новгороде и роль в нем Нифонта»[9] и в целом соответствует разделу III диссертации («Установление нового политического строя в Новгороде в XII в. и новое положение в нем книжности и искусства» – С. 37–88).

Сопоставление текстов показало, что в статье 1948 г. сокращены значительные и весьма существенные фрагменты диссертации. После фразы «XII век – это время, когда новгородцы сами держали в руках свою заморскую торговлю и когда новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых центрах Балтики»[10] в диссертации следовал довольно обширный очерк истории «заморской» торговли Новгорода

[8] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник»... С. 154–155.
[9] Там же. С. 155–166.
[10] Там же. С. 157.

(С. 39–41; от слов «Позднее Ганза вытеснила новгородских купцов...» до слов «... мировые связи новгородской торговли»)[11].

После слов «...ставленника киевского стола – новгородского князя»[12] в диссертации находится значительный не вошедший в статью фрагмент, посвященный отношениям новгородцев к князьям (С. 42–44; нач.: «Но у новгородского князя оказываются в Новгороде свои сторонники...», кон.: «...раздрася вся земля русьская»)[13].

После описания обвинений, предъявленных новгородцами князю Всеволоду в 1136 г.[14], в диссертации следовал обширный сокращенный в статье фрагмент текста о роли смердов и новгородских епископов в восстаниях XI– XIII вв. (С. 47–50; нач.: «Замечательно, что в перевороте 1136 г. принимают активное участие смерды...», кон.: «...помещение для ареста князя и его семьи, а возможно и стражу»)[15].

После слов «...право на прежние княжеские земли»[16] в диссертации находится рассуждение о характере государственной власти в Новгородской республике (С. 51–54; нач.: «В данной грамоте новгородского князя Изяслава Мстиславича...», кон.: «...признаком признания нового порядка Владимиро-Суздальскою Русью»). Здесь же сокращена обширная сноска, в которой приводится библиография и история изучения «Устава о десятине» (С. 54–55).

После слов «Оно («Учение» Кирика. – *А. Б.*) отразилось, как это мы увидим в дальнейшем, в Новгородской I летописи под 1136 г.»[17] Д. С. Лихачев сократил исторический очерк смены князей на новгородском столе за 1137–1148 гг. (С. 57–60; нач.: «События, однако, не заканчиваются на перевороте 1136 г. ...», кон.: «...а Святополка выводят "злобы его ради"»).

Важное разъяснение соотношения политических сил в середине XII в. было сокращено в статье после слов «В борьбу эту, захватившую также Германию, Чехию и Сицилию, были втянуты и русские княжества»[18]. В диссертации находится далее такой текст: «Союзниками Византии против Гезы Венгерского были Владимир Галицкий, владения которого граничили с Византийскими владениями, и сват его Юрий Суздальский

[11] В сокращенном виде этот пассаж отразился в монографии 1947 г.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 197–198.

[12] *Он же.* «Софийский временник»... С. 157.

[13] Этот текст сокращен и в монографии 1947 г.: *Он же.* Русские летописи... С. 198.

[14] *Он же.* «Софийский временник»... С. 158.

[15] Этот текст сокращен и в монографии 1947 г.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 199. Далее все «избыточные» фрагменты диссертации по отношению к статье 1948 г. отсутствуют и в монографии 1947 г., за исключением специально оговоренных случаев.

[16] Там же. С. 159.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 160.

[сноска: «Сын Владимирко был женат на дочери Юрия и гречанки»], верный традициям дома Мономаха в поддержке греческой митрополии. На стороне венгров был Изяслав Мстиславич Волынский и великий князь Киевский – Всеволод» (С. 61).

Находившееся в диссертации существенное замечание о киево-печерском игумене Федосе (после слов «разве неделя празьдник»[19]) также не вошло в статью: «Напомним, что именно этот Федос был автором известного слова против латинян. На основании этого слова можно предположить, что Федос втайне сочувствовал ориентации Нифонта. В самом деле: Изяслав Мстиславич, ища опоры против Константинополя, был склонен вести переговоры с Римом. Таким образом слово против Рима в данной политической обстановке было словом против Изяслава, за Константинополь. Кроме того, что очень важно для уяснения его политических взглядов, Федос был греком по происхождению» (С. 67)[20].

Говоря об антиминсе Николо-Дворищенского собора 1149 г. после слов «...в котором Нифонт называет себя архиепископом» Д. С. Лихачев, напротив, по сравнению с текстом диссертации делает в статье вставку следующей фразы: «Антиминс этот ясно свидетельствует о том, что именно Нифонт, а не Иоанн, как это обычно принято считать, был первым новгородским архиепископом»[21]. Эта мысль в целом присутствует и в самой диссертации, но для статьи исследователь решил еще раз ее подчеркнуть и выразить более четко.

Одна лишь фраза («Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча и устранялась от влияния на нее Киева»[22]) осталась в статье от следовавшего за ней в диссертации подробного описания взаимоотношений новгородских владык с вечем и роли епископа в системе государственного управления (С. 76–79; нач.: «Так, например, в 1211 г.

[19] *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 162.

[20] Сокращение данного фрагмента текста обусловлено учетом Д. С. Лихачевым аргументации в только что опубликованной статье И. П. Еремина *(Еремин И. П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 160–163; там же история вопроса). Исследователь доказывал, что автор комплекса посланий, приписываемых в рукописной традиции игумену Феодосию, жил в XI в., вопреки А. А. Шахматову, предложившему атрибуцию посланий другому Феодосию, греку по происхождению, также киево-печерскому игумену, но жившему в середине XII в. Шахматовская гипотеза требует предположения, что дошедшие списки посланий ошибочно называют князя Изяслава Ярославича (киевский князь в 1054–1078 гг.) вместо современника Феодосия Грека – князя Изяслава Мстиславича (киевский князь в 1146–1154 гг.). Очевидно, что в данном случае Д. С. Лихачев под влиянием аргументации И. П. Еремина по меньшей мере усомнился в гипотезе А. А. Шахматова, сократив основанное на ней положение своего исследования.

[21] Там же. С. 163.

[22] Там же. С. 165.

новгородцы низлагают...», кон.: «...господствующее положение в течение ряда веков»)[23].

После слов «...епископ с этой поры усиленно покровительствует искусствам и письменности» в диссертации следовал целый очерк истории новгородской культуры XII в. и последующего времени (С. 80–88; нач.: «и в особенности, как мы это увидим в дальнейшем, летописанию. Переворот XII в. не замедлил сказаться во всех областях культурной жизни Новгорода...»), замененный в статье 1948 г. одним кратким абзацем[24]. Материалы этого фрагмента диссертации были использованы Д. С. Лихачевым в монографии о русских летописях[25] и в книге, посвященной древнему Новгороду[26].

Третий раздел статьи 1948 г. имеет заглавие «Княжеский свод Всеволода 1119–1135 гг.»[27]. Он соответствует сразу трем разделам диссертации: с IV по VI (С. 89–142).

Содержание раздела IV диссертации передано в статье очень кратко, всего на двух страницах[28]. Сокращены обширные цитаты из трудов А. А. Шахматова, который обосновывал существование новгородского свода 1167 г. Значительный фрагмент диссертации (после слов «подвести итог всему предшествующему периоду новгородской истории»[29]), посвященный опровержению шахматовской гипотезы о своде 1167 г., и весь раздел V «Особенности текста Синодального списка Новгородской I летописи в пределах до 1074 года» (С. 104–131) был в статье сокращен и остается неопубликованным (С. 95– 131; нач.: «Итог этот и выразился в своде 1167 г. ...», кон.: «...вставки (возможно по памяти), касающиеся церкви Софии и церкви Якова»). Весь этот материал заменен в статье одним абзацем (нач.: «Установить этапы новгородского летописания...», кон.: «...с третьей редакцией Повести временных лет»)[30].

После примеров использования в Синодальном списке известий 1107–1117 гг., восходящих к третьей редакции ПВЛ, Д. С. Лихачев в статье

[23] Этот текст кратко представлен в монографии 1947 г.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 200 (сокращения обозначены в тексте диссертации круглыми скобками, что доказывает использование при написании монографии именно этого машинописного экземпляра работы).

[24] *Он же.* «Софийский временник»... С. 166.

[25] *Он же.* Русские летописи... С. 200–202 (сокращенный по отношению к диссертации вариант).

[26] *Он же.* Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. Л., 1945; 2-е изд.: М., 1959.

[27] *Он же.* «Софийский временник»... С. 166–174.

[28] Там же. С. 166–168.

[29] Там же. С. 168.

[30] Там же. С. 168–169.

1948 г.[31] существенно переработал и дополнил соответствующий текст диссертации (С. 136–137). Усилив и уточнив аргументацию, исследователь в целом подтвердил вывод, к которому ранее пришел А. А. Шахматов: «...в начале новгородских летописей была сперва использована Повесть временных лет в третьей редакции, а затем уже в пределах до 1074 г. эта часть была изъята и заменена текстом Начального свода»[32]. В самом тексте диссертации этой переработке соответствует помета рукой Д. С. Лихачева: «вставка» (С. 136).

Очевидно вынужденный уложиться в определенный объем статьи, Д. С. Лихачев сократил примеры связи третьей редакции ПВЛ с Мстиславом, старшим сыном Владимира Мономаха, выразившейся «между прочим, в усиленном интересе летописца к этому князю»[33]. Вместо процитированных слов в диссертации находим конкретные указания на дополнительные известия третьей редакции ПВЛ, связанные с Мономахом и Мстиславом, включая существенные соображения о Поучении Владимира Мономаха (С. 138–141).

После слов «Для нас важен лишь самый факт связи третьей редакции Повести временных лет с новгородским князем Мстиславом и с Новгородом» в диссертации находится помета рукой Д: С. Лихачева: «сюда вставка» (С. 141).

Действительно, в статье далее читаем отсутствующий в диссертации фрагмент: «Факт этот тем более замечателен, что начало княжеского летописания и в Переяславле Русском, где также одно время княжил Мстислав, так же как и в Новгороде, связано с инициативой Мстислава, положившего в его основу третью редакцию Повести временных лет [сноска: «См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв., с. 68. Таким образом, кроме Новгорода, третья, Мстиславова, редакция Повести временных лет положена в основу летописания и тех двух других городов, где княжил Мстислав: Киева (откуда третья редакция во главе киевской летописи XII в. – см. Ипатьевскую летопись) и Переяславля Русского]»[34].

Четвертый, последний, раздел статьи 1948 г. имеет заглавие «Пересмотр княжеского мономашьего летописания и составление „Софийского временника“ при Нифонте»[35]. В диссертации ему соответствует раз-

[31] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник»... С. 170–172.
[32] Там же. С. 172.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 173. В монографии 1947 г. текст диссертации о сводах Мстислава и Всеволода изложен весьма кратко: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 202–203.
[35] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник»... С. 174–184.

дел VII «„Софийский временник“ и обстоятельства его составления»[36] (С. 143–185). Вся начальная часть этого раздела диссертации (С. 143–158, до слов «...должно быть отнесено ко времени до середины XIV в.») в статье сокращена и заменена на один абзац[37]. Между тем этот обширный и принципиально важный фрагмент диссертации, посвященный обоснованию невозможности датировки «Софийского временника» XV веком, остается неопубликованным (нет его и в монографии 1947 г.).

После слов «Яркая антикняжеская окраска предисловия позволяет А. А. Шахматову отнести его ко времени размолвки Киево-Печерского монастыря с князем Святополком (1093–1113)»[38] в диссертации читается обширный фрагмент о Святополке (С. 160–165; нач. «Святополка, особенно в начале его княжения, киевляне недолюбливали...», кон.: «... единством мысли и настроения. Итак мы видим, что...»[39]).

Сокращен в статье и абзац на с. 172 диссертации – как повторяющий уже сказанное выше (от слов «Надо сказать, что «Повесть временных лет» уже в своей первоначальной...» до слов «...перенеся ведение ее в свой Выдубицкий монастырь»).

Наиболее важные для Д. С. Лихачева соображения о роли в реформе летописания Кирика Новгородца вошли в статью почти без сокращений. Напротив, исследователь дополнил свой текст новым соображением: «Кирик не только перерабатывал и сокращал предшествующую ему летопись – кое в чем он ее и дополнял. Так, например, записи об Антониевом монастыре под 1117, 1125 и 1127 гг. вряд ли современны событиям: во всех них Антоний назван игуменом, тогда как игуменом он был поставлен Нифонтом только в 1131 г. Очевидно, что доместик Антониева монастыря Кирик присоединил к своему своду также и свои местные отметки по истории Антониева монастыря»[40]. Впрочем, один аргумент Д. С. Лихачев в статье сократил: «Замечательно, что Кирик в своем хронологическом труде ссылается на то, что писал при греческом царе Иоанне и новгородском князе Святославе Ольговиче. Такое хронологическое определение своего труда по времени царствования греческого императора явилось, очевидно, у Кирика не без влияния использованного им в своем своде предисловия Начального свода, время

[36] Рукой Д. С. Лихачева в экземпляре диссертации это заглавие исправлено на следующий вариант: «„Софийский временник” Нифонта» (С. 143).

[37] *Он же.* «Софийский временник»... С. 174.

[38] Там же. С. 175.

[39] За исключением фрагмента на с. 162 диссертации от слов «Перейдем к вопросу о том...» до слов «...идею которого воспроизводило предисловие», вошедшего в статью (Там же. С. 175).

[40] Там же. С. 180.

составления которого определено в нем царствованием греческих царей Олексы и Исакия» (С. 176). Причина этого сокращения заключается в том, что Д. С. Лихачев в статье, в отличие от диссертации, принимает мнение А. А. Шахматова, что «это имена греческих императоров начала XIII в. – Алексея и Исаака Ангелов», и «имена эти были вставлены в предисловие при присоединении к „Софийскому временнику" повести о взятии Царьграда»[41], следовательно, Кирик не мог использовать этот текст в XII в. Следует, однако, учитывать возможность отождествления «Олексы и Исакия» не с Ангелами, а с Комниными – Алексеем (1085–1118) и его братом Исааком, севастократором, и соответственно – отнесения всей фразы к первоначальному тексту Предисловия. В таком случае аргумент Д. С. Лихачева остается в силе.

Раздел VII диссертации завершается словами: «Если так, то далеко не случайно, а по сознательной воле московского „цензора" древнейший из списков Новгородской летописи оказался начатым с насмешки по адресу новгородцев: „А вы плотници суще, а приставим вы хором рубити"» (С. 185). Следующее за этим текстом окончание статьи 1948 г. является дополнением к тексту диссертации: «Наличие такой московской цензуры в Синодальном списке может быть продемонстрировано следующим примером: под 6840 (1332) г. в Синодальном списке читается: „Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них серебра Закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьскыи верх за новгородскую измену". Однако слова „за новгородскую измену" оказываются написанными по выскобленному, а первоначально, как видно из чтений других списков Новгородской I летописи, в нем стояли слова: „через крестное целование". Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования; москвич же „цензор", в руках которого побывал в конце XV или, может быть, в начале XVI в. Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения против Калиты. Не тот ли самый москвич уничтожил и первые 15 тетрадей Синодального списка?»[42].

Наконец, завершает статью 1948 г. указание на существование еще одного раздела диссертации: «Свод, составленный Кириком, не был при Нифонте единственным. Выдающуюся роль в летописании Новгорода XII в. сыграл другой ставленник Нифонта – настоятель церкви Якова в Неревском конце Герман Воята, но его работа требует особого

[41] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник»... С. 174 (сн. 57).
[42] Там же. С. 184.

рассмотрения»[43]. Здесь речь идет о разделе VIII диссертации – «Свод Германа Вояты» (С. 186–211), который также остается неопубликованным[44].

Заключительный, девятый, раздел диссертации («Стиль и характер новгородских летописных записей XII в.» (С. 212–261) в частично сокращенном, а частично дополненном виде отразился в книге 1947 г.[45]

В своем диссертационном исследовании Д. С. Лихачев создал новую историю новгородского летописания XII в. Ключевое значение в этой текстологической картине раннего новгородского летописания имеют новые звенья, существование которых между предполагаемым Древним Новгородским сводом XI в. и сводами второй половины XII в. было впервые убедительно обосновано Д. С. Лихачевым: Новгородский свод Всеволода Мстиславича 1119–1132 гг. и Свод Нифонта – Кирика 1136 г.

В отличие от А. А. Шахматова Д. С. Лихачев считал, что новгородские летописцы заменили текст ПВЛ в начале новгородской летописи (которую он называл «Софийским временником») текстом Начального свода не в 1167 г. или в XV в., а около 1136 г. Д. С. Лихачев пришел к выводу, что в Новгороде на смену княжеской летописи – своду Всеволода около 1136 г. приходит владычный Свод Нифонта – Кирика, поскольку в событиях этого времени исследователь видел «завязку» многих «узлов»: это и возникновение республики в Новгороде, заключавшей «ряд» с приглашенными князьями и выбиравшей архиепископа на вече, и изменение общего характера новгородского искусства и письменности; в это же время закономерно происходит общий «пересмотр установок летописания» (замена начальной части третьей редакции ПВЛ антикняжеским Киево-Печерским Начальным сводом).

Основные выводы и наблюдения, сделанные Д. С. Лихачевым в кандидатской диссертации, полностью или частично принимаются современными исследователями. Наиболее авторитетный специалист в области раннего новгородского летописания А. А. Гиппиус считает, что «относительно времени создания летописного свода, впервые соединившего материалы местного новгородского летописания с текстом Начальной летописи, доведенной до 1115 г., есть все основания принять точку зрения Д. С. Лихачева. Важнейшим аргументом, свидетельствующим, что соединение это произошло не в 1167 г., как считал А. А. Шахматов, а еще в княжеском своде начала XII в., остается новгородское добавление к извлеченному из Начальной летописи известию 6614 (1106) г. о пострижении

[43] Там же. С. 184.

[44] Основные положения этой главы диссертации в сокращенном виде вошли в монографию 1947 г.: *Он же.* Русские летописи... С. 212–214.

[45] Там же. С. 208–215.

черниговского князя Святоши, который в обоих изводах НПЛ упомянут как „тѣсть Всѣволожь" (с. 19, 203). Не приходится сомневаться в том, что добавление это было сделано летописцем, работавшим при Всеволоде Мстиславиче: после изгнания (1136) и смерти (1137) Всеволода никто не стал бы пояснять имя черниговского князя начала XII в. указанием на его родственную связь с одним из прежних обладателей новгородского стола (который, заметим, за время, прошедшее от изгнания Всеволода до 1167 г., одиннадцать раз переходил из рук в руки). Скорее всего, это пояснение принадлежит самому составителю свода, выполнявшему заказ Всеволода»[46].

По поводу другого впервые выявленного Д. С. Лихачевым этапа в истории новгородского летописания тот же исследователь пишет: «Предполагаемый Д. С. Лихачевым механизм превращения софийской летописи из княжеской во владычную в связи с изменением статуса св. Софии кажется вполне правдоподобным. Оправдано и отнесение этого преобразования к 30-м гг. XII в. Действительно, если в статье 6638 (1130) г. еще чувствуется рука княжеского летописца, то уже через шесть лет, в статье 6644 (1136) г. в летописи обнаруживает свою редкостную календарно-астрономическую осведомленность Кирик – автор „Учения о числах" и приближенный епископа Нифонта»[47].

Признает А. А. Гиппиус и то, что А. А. Шахматов ошибался, «связывая создание „свода 1167 г." с учреждением новгородской архиепископии: рукоположенный в 1165 г. Илья-Иоанн не был, как это теперь ясно, первым новгородским архиепископом. Эти справедливо отмеченные Д. С. Лихачевым ошибки А. А. Шахматова стали причиной того, что „свод 1167 г." незаметно сошел со страниц литературы, посвященной новгородскому летописанию. В работах последних десятилетий, затрагивающих проблемы текстологии НПЛ (М. Х. Алешковский, В. Л. Янин, Н. Н. Подвигина, Б. М. Клосс, В. Водов), этот некогда широко обсуждавшийся этап в развитии новгородского летописания даже не упоминается»[48].

В то же время А. А. Гиппиус полагает, что переход княжеского летописания в руки новгородского владыки мог произойти не в 1136 г., а в 1132-м, когда новгородцы с союзниками уже выгоняли из Новгорода князя Всеволода, но через недолгое время позвали обратно[49]. По мнению исследователя, не обязательно точно датировать изменение статуса новго-

[46] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6(16). С. 39–40.
[47] Там же. С. 40–41.
[48] Там же. С. 41.
[49] Там же. С. 41–42.

родской летописи 1136 г., поскольку, как показали новейшие исторические исследования, восстание 1136 г. вовсе не породило единовременно тех норм республиканской жизни, возникновение которых обычно связывают с ним. Начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходило долгое время спустя после восстания 1136 г. Действительно, В. Л. Яниным было уточнено, что принцип «вольности в князьях» восторжествовал не сразу и что изгнание Всеволода и приглашение Святослава в 1136 г. было лишь этапом на пути трансформации княжеского правления в республиканское. Этот процесс трансформации продолжался с конца XI до XIII в., но необходимо признать, что смена летом 1136 г. на новгородском столе Мономаховича на Ольговича все же явилась ярким и бескомпромиссным примером реализации принципа «вольности в князьях», который именно в этом году, по словам самого В. Л. Янина, «окончательно восторжествовал»[50]. Предполагая, что «рубеж, отделяющий княжескую летопись от владычной», проходит по статье 1132 г., а не 1136–го, А. А. Гиппиус в то же время не отвергает в принципе возможности того, что в статье 1132 г. проявилась, как полагал Д. С. Лихачев, редактура, которой подверглась летопись при составлении «Софийского временника» в 1136 г.

По мнению А. А. Гиппиуса, вклад Кирика Новгородца в реформу летописания был не столь велик, как думал Д. С. Лихачев, поскольку, вслед за М. Х. Алешковским[51], он считает, что замены ПВЛ на Начальный свод вообще не было и что в новгородском летописании с начала XII в. уже находился Киево-Печерский свод 1090-х гг. с продолжением до 1115 г. В то же время исследователь признает, что переход от княжеского свода к владычному осуществил именно Кирик Новгородец[52].

Впервые о Кирике как о летописце заговорил еще А. А. Шахматов. В работе 1908 г. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» он посвятил один из параграфов обоснованию предположения, что Кирик был причастен к созданию годовых статей 6644/1136 и 6645/1137 гг. НІЛст. Исследователь обратил внимание на запись 6644/1136 г. в НІЛст.: «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Чернигова, от брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ

[50] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М, 2003. С. 88–106.

[51] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М, 1971. С. 25–31.

[52] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста... С. 40–41.

19 день. Томъ же лѣтѣ, наставъшю индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвергоша...»[53].

Аргументы А. А. Шахматова в пользу гипотезы об авторстве Кирика таковы:

1) хронологическое совпадение записи 6644/1136 г. Новгородской первой летописи со временем, «когда Кирик писал свое Учение»;

2) сложность календарного счета в летописной статье и в сочинении Кирика (счет календами, лунный день);

3) трехкратное упоминание «индиктов» в летописных статьях 1136–1137 гг. при том, что «до этого 6644 г. индикты в Новгородской 1-й не обозначаются», а в следующий раз индикты упоминаются только под 6676/1168 г.

На основании этих наблюдений А. А. Шахматов, завершая свой краткий анализ текста НIЛст. под 6644/1136 и 6645/1137 гг., задается вопросом: «Не следует ли из этого, что Кирику принадлежали во владычнем своде только записи 6644 и 6645 гг.?»[54].

Позже Е. Ю. Перфецкий предположил, что Кирик писал и обрабатывал новгородскую летопись на протяжении не только двух лет, как думал А. А. Шахматов, а на протяжении 1130–1160-х гг.[55]

Д. С. Лихачев вслед за А. А. Шахматовым обратил особое внимание на то, что, описывая приход в Новгород князя Святослава Ольговича, летописец использовал необычные хронологические указания, причем именно при описании прихода в Новгород первого приглашенного князя после политического переворота 1136 г. В этом летописце ученый, так же как и А. А. Шахматов, видел Кирика, уставщика Антониева монастыря, и полагал, что именно он, автор написанного в том же 1136 г. подготовительного для ведения летописания труда – «Учения им же ведати числа всех лет», – такой точностью и подробностью датировки подчеркивал начало новой эры в жизни Новгорода.

Д. С. Лихачев предложил новые аргументы и соображения в пользу авторства Кирика Новгородца. Для исследователя существенными факторами представляются:

1) установление факта перехода ведения новгородского летописания от князя к владыке около 1136 г.;

2) объяснение этого перехода изменениями в государственном управлении Новгорода в те же годы;

---

[53] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 24.

[54] *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 137–138.

[55] *Перфецкий Е. Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. С. 68–69.

3) синхронные перемены в новгородском искусстве.

Свод, составленный Кириком Новгородцем, по мнению Д. С. Лихачева, лег в основу новгородского летописания, а также дал «толчок» к возникновению летописи Святослава Ольговича, отца будущего главного героя «Слова о полку Игореве», и его сына Игоря Святославича, и именно с таким текстом впоследствии был знаком автор «Слова». Доказательство участия Кирика Новгородца в реформе новгородского летописания, выявление связи его календарно-математических работ с появлением в летописи «точных дат» – это настоящее открытие Д. С. Лихачева, которое он сам ценил очень высоко. Существует записка Д. С. Лихачева, датируемая 1996 г.: «В т. 25 Исторических записок очень важно о матем[атическом] труде Кирика, как подготовке к летописанию Софии, и это получило отражение в летописи (Новг[ородская] I мл[адшего] изв[ода]) – торжеств[енное] начало и новое летописание по индиктам. Я считаю у себя эту роль Кирика – самым важным открытием. Д[митрий] Л[ихачев]»[56].

Эта запись свидетельствует о том, что первая крупная научная работа во многом определяет дальнейшую судьбу исследователя и, более того, навсегда остается в памяти как самая дорогая и ценная. Подобно тому как исследования А. А. Шахматова во многом основаны на его раннем открытии первичности текста новгородских летописей по отношению к ПВЛ, сделанное Д. С. Лихачевым в молодые годы открытие развивалось в его научном творчестве: в работах по истории и культуре Новгорода, по летописанию, по истории древнерусской литературы в целом.

В пользу вывода Д. С. Лихачева о роли Кирика в реформе летописания могут быть высказаны некоторые дополнительные соображения. В статье 6644/1136 г. впервые в русском летописании церковным по происхождению индиктом датируется не сакральное событие истории (например, перенесение мощей святых или торжественное вокняжение), а бурные события текущей политической жизни. Такое необычное отношение к употреблению термина «индикт» мы видим в статье 6644/1136 г. («Томъ же лѣтѣ наставъшю индикту 15»), когда сообщается об убийстве «Гюргя Жирославиця», а также в статье 6645/1137 г., индикт 15, где говорится о переходе посадника Константина на сторону князя Всеволода. Далее в НІЛст. следует перерыв более чем в тридцать лет, и индикт появляется вновь только при описании вокняжений – в статьях 6676/1168 г. (приглашение князя Романа Мстиславича) и 6686/1178 г. (смерть князя

[56] Фотовоспроизведение см. на вклейке в изд.: Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб.: Амфора, 2006.

Мстислава Ростиславича, вокняжение его брата Ярополка), и после того индикты вновь исчезают и появляются только в дополнительных записях Синодального списка НІЛст. второй четверти XIV в.

Таким образом, датировка по индиктам в раннем новгородском летописании была достаточно редкой[57]. Трехкратное и столь своеобразное упоминание «индикта» в двух годовых статьях 1136 и 1137 гг. именно на фоне исключительной редкости таких упоминаний в новгородском летописании убеждает в том, что вопреки сомнениям некоторых исследователей эти статьи писал Кирик Новгородец, автор «Учения о числах» 1136 г., в котором находился целый раздел, посвященный индиктам.

О тождестве летописца и Кирика Новгородца также говорят и другие аргументы «единиц времени»: использование в статье 1136 г. указания на точный час описываемого события (редкие в старшем изводе, все указания такого рода в НІЛмл. были сокращены как избыточные); указание в летописной статье «лунного дня», подробно рассмотренного Кириком; уникальное для раннего летописания использование хронологического термина «каланда». Интерес к единицам измерения времени, в том числе необычным, и схожее использование их обозначений свидетельствуют в пользу отождествления летописца и автора «Учения о числах».

Таким образом, у истоков официального владычного летописания Новгородской республики, как доказал Д. С. Лихачев, лежит труд монастырского книжника, уставщика Антониевой Рождества Богородицы обители Кирика Новгородца. Ему по меньшей мере принадлежат статьи НІЛст. о бурных политических событиях 1136–1137 гг.

Наконец, следует рассмотреть отмеченную Д. С. Лихачевым замену слов «чересъ крестное целование» (в НІЛмл.) на другое чтение – «за новгородскую измену» (НІЛст., Синодальный список: л. 167, строки 17–18). Чтение Синодального списка безусловно вторично, поскольку слова написаны по выскобленному тексту. Д. С. Лихачев увидел в произведенной замене работу московского «цензора» конца XV – начала XVI в., но позже А. Н. Насонов, издавший НІЛ, отметил, что эта правка была произведена прежде, чем на обороте того же листа был написан текст известия 6845 г.[58]

В. Водов, развивая наблюдение А. Н. Насонова, пришел к выводу, что слова «за новгородскую измену» были вписаны не в XV в., а значи-

[57] В семи из восьми случаев упоминание «индиктов» в НІЛст. оказалось сокращенным в НІЛмл., в которой есть только два случая упоминания индиктов, и оба – в известиях о торжественных церковных событиях: 2 мая 6623/1115 г., индикта 8 – перенесение мощей Бориса и Глеба (есть и в НІЛст.); 6842/1334 г., индикта 2 – поездка новгородского архиепископа Василия Калики к митрополиту во Владимир.

[58] Новгородская первая летопись... С. 99.

тельно раньше (до того, как был написан текст известия 6845/1337 г. на обороте того же листа, поскольку между частями слова: «архи» и «мандрита» оставлено место, испорченное скоблением на лицевой стороне листа в тексте известия 6840/1332 г.). Исследователь заключил, что в этой тенденциозной правке летописного текста отразилась борьба двух политических партий в Великом Новгороде 30-х гг. XIV в.[59] Из этого наблюдения В. Водова А. А. Гиппиус делает важный текстологический вывод: при создании в XV в. оригинала НIЛмл. был использован текст не самого Синодального списка (уже к тому времени исправленный), а его источника[60]. Эту точку зрения поддержали многие исследователи, в том числе и автор настоящей статьи.

Недавно, однако, московский ученый А. В. Севальнев сделал доклад «Когда и кем было исправлено известие Синодального списка Новгородской I летописи о взятии Иваном Калитой Торжка и Бежецкого Верха?: (К вопросу о практической палеографии средневековья)», в котором убедительно показал, что находящееся в Синодальном списке на обороте л. 167 известие 6845/1337 г. было вписано другим (хотя и средневековым) почерком на остававшейся свободной от текста нижней части листа[61]. «Создается впечатление, – считает А. В. Севальнев, – что редактор вовсе и не хотел скрывать следов редактирования, напротив, стремился показать, что текст был изменен, более того – изменен новгородцем и именно во второй четверти XIV века»[62]. По мнению исследователя, «манера письма статьи 6845 года и характер ее расположения в рукописи указывает на то, что написана она уже после того, как на следующем листе была написана статья 6853 года. Почерк статьи 6845 года более мелкий, а текст написан значительно плотнее, чем предыдущий и последующий. Создается впечатление, что писец старался втиснуть свой текст в оставленном на листе пространстве, и как будто не имел возможности перейти на следующий лист. Если принять во внимание, что пергамен в месте написания статьи

[59] *Vodoff W.* Quelques remarques sur la premiere chronique de Novgorod // Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dictate. Roma, 1986. P. 741–753.

[60] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста... С. 18.

[61] XVIII научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления» памяти Елены Ивановны Каменцевой. 26–28 января 2006 г. Москва. Историко-архивный институт РГГУ. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Тезисное изложение исследования см.: *Севальнев А. В.* Когда и кем было исправлено известие Синодального списка Новгородской I летописи о взятии Иваном Калитой Торжка и Бежецкого Верха?: (К вопросу о практической палеографии средневековья) // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы 18-й науч. конф. Москва, 26–28 января 2006 г.: Памяти Е. И. Каменцевой. М., 2006. С. 366–369.

[62] Там же. С. 368.

6845 года был поврежден выскабливанием, то стремление написать текст именно на этом листе можно объяснить только лишь тем, что следующий лист уже был занят статьей 6853 года. Таким образом, у нас нет достаточных оснований утверждать, что текст статьи 6845 года написан около 1337 года, более того имеются основания полагать, что статья эта вписана после 1345 года, и, по всей видимости, значительно после»[63]. Следовательно, место между буквами «и» и «м» в слове «архимандрита» было оставлено не в 1337 г., а позже, скорее всего в XV в., как и считал Д. С. Лихачев[64].

Подводя итоги краткого обзора исследования Д. С. Лихачева в сравнении с опубликованным текстом основанной на нем статьи, можно сделать вывод, что кандидатская диссертация «Новгородские летописные своды XII века» отнюдь не устарела и не потеряла своего научного значения. Обусловленные, скорее всего, ограниченным объемом статьи в «Исторических записках» сокращения касаются в целом ряде случаев важных для понимания научной концепции Д. С. Лихачева фрагментов текста. В монографию 1947 г. положения диссертации также были включены в существенно сокращенном виде, хотя в отдельных случаях здесь сохранились отсутствующие в статье фрагменты текста. Комментированное издание кандидатской диссертации с учетом ее отличий от опубликованных работ Д. С. Лихачева и с привлечением исследований последующего времени представляется важным и целесообразным как для истории древнерусского летописания, так и для изучения истории научной мысли.

[63] Там же. С. 368–369.

[64] А. В. Севальнев, на наш взгляд, небезосновательно предположил причастность к созданию фальсификации московского дьяка середины – второй половины XV в. Стефана Бородатого (Там же. С. 369). В один ряд с этим примером средневековой фальсификации текста должна быть поставлена подложная юрьевская запись XIV–XV вв. на рукописи РНБ. Собр. М. Н. Погодина. № 716 (*Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 17–21).

ЧАСТЬ 3

ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

ОЧЕРК 1

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕТОПИСАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV В. [1993 г.]

Усилиями нескольких поколений ученых, начиная главным образом с А. А. Шахматова, была реконструирована история летописания первой половины XV в. в ее наиболее существенных чертах[1]. В то же время ряд вопросов требует еще, на наш взгляд, уточнения и корректировки, а именно: о происхождении летописных подборок Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК), об их отношении к Новгородской IV (далее – НIV) и Софийской I (далее – СI) летописям и о датировке их предполагаемых протографов[2].

НК, как известно, – летопись еще неопубликованная, хранится в Отделе рукописей ГПБ (F.IV.603) и состоит из двух частей: первой, от начала летописного текста до 1411 г. (далее – $НК_1$), и второй, с 988 г. по 1428 г. (далее – $НК_2$). Впервые исследовавший эту летопись, сохранившуюся в списке конца XV в., А. А. Шахматов считал ее либо списком первоначальной редакции НIV[3], либо списком НIV, исправленным и дополненным по более раннему летописному памятнику – общему источнику НIV и СI[4]. Происхождение двух подборок А. А. Шахматов предлагал объяснять следующим образом: сначала было сделано извлечение из протографа начал летописных статей, содержавших, главным образом, новгородские известия, потом, дойдя до 1411 г., составитель НК, не

[1] Основные итоги изучения летописания первой половины XV в. подведены в книге: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–121; см. также: *Он же.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190–205 (здесь же библиография).

[2] См. краткие справки и основную литературу об этих летописях в статьях Я. С. Лурье: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 51–52 (НIV), 54–55 (НК), 57–60 (СI).

[3] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 9. Отд. 1. С. 96–99.

[4] *Он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 189–195.

удовлетворенный результатом, прервал первую выборку и восполнил во второй выборке все опущенное[5]. Я. С. Лурье в специальной статье, посвященной НК, присоединился к этому мнению А. А. Шахматова, а также доказал первичность текста НК по отношению к HIV и вторичность – по отношению к протографу HIV–CI. По мнению Я. С. Лурье, НК отражает новгородскую переработку протографа CI–HIV – архетип HIV[6]. Точку зрения А. А. Шахматова и Я. С. Лурье на происхождение НК не принял Г. М. Прохоров, обнаруживший противоречие в том, что обе подборки НК не имеют дублировок внутри каждой из них, но более 60 раз дублируют друг друга. Получается, отметил Г. М. Прохоров, что один писец – создатель архетипа HIV–НК 65 раз себя продублировал, а другой писец – разделитель НК «виртуозно – точно» его раздублировал. Г. М. Прохоров предложил свой вариант взаимоотношения летописных текстов: первоначальная версия $НК_1$ была источником для CI, $НК_2$ возникла из CI, а соединение $НК_1$ и $НК_2$ дало HIV[7]. В ответной статье Я. С. Лурье не согласился с предположениями Г. М. Прохорова, однако предложил в будущих исследованиях поставить вопрос о том, не было ли разделение на две выборки присуще уже общему оригиналу НК и HIV.[8] «Это предположение, – отметил Я. С. Лурье, – устранило бы трудности, возникающие при „раздублировании" дублировок НК».[9] Это же предположение Я. С. Лурье высказывает и в другой, более поздней статье.[10] Такое объяснение представляется убедительным, однако возникает вопрос: каково же происхождение этих подборок, если они не являются просто разделением текста протографа HIV, как думал А. А. Шахматов? Ответ, предложенный Г. М. Прохоровым, предполагает настолько частые и регулярные взаимоотношения летописных текстов, что заставляет исследователя практически отказаться от понятия летописного свода как результата творческой единовременной работы летописца-редактора.[11] Как справедливо заметил Я. С. Лурье, предложенная Г. М. Прохоровым схема взаимоотношения летописных текстов предполагает повторное обращение на каждом этапе к одним и тем же источникам (Новгородская

[5] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 193–195.

[6] *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207–213.

[7] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198.

[8] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199–218.

[9] Там же. С. 215–216 (примеч. 38).

[10] *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема... С. 200.

[11] См. о термине «летописный свод»: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 366–371, 380–381.

I летопись (далее – HI), общерусская летопись до 1392 г.).[12] Кроме того, как возведение CI к $НК_1$, так и возведение $НК_2$ к CI встречает ряд трудностей, справедливо отмеченных Я. С. Лурье.[13] Важно отметить, что при наличии большого числа смысловых дублировок между $НК_1$ и $НК_2$ нет текстуальных совпадений. Видимо, летописец мог в $НК_2$ ни разу дословно не повторить $НК_1$, только имея перед собой оригинал, в котором им было отмечено то, что уже использовано в 1-й подборке. Этот оригинал (восходящий к протографу CI) сводился составителем НК с другими летописями, откуда и возникли дублировки подборками друг друга. Рассмотрим эти источники.

Совпадения между CI и $НК_1$ Г. М. Прохоров объясняет тем, что CI сокращает $НК_1$. В тех случаях, когда CI содержит несомненно более первичные чтения по сравнению с $НК_1$ (например, в статьях 887, 903, 921, 1050, 1154 гг.), исследователь предполагает вторичные исправления текста CI.[14] Необходимость такого предположения отпадет, если мы признаем, что $НК_1$ и CI независимо отражают общий протограф, который в $НК_1$ дополнялся известиями, взятыми из HI и из неизвестных новгородских источников. Я. С. Лурье отметил 20 случаев, когда в НК по сравнению с CI новгородские известия переносятся в начальные части годовых статей[15], что характеризует принцип работы составителя НК. В 1-й подборке он выделяет из своего общерусского источника (протографа CI), особенно после 1185 г., в основном новгородские известия, переставляет их в начала статей и существенно дополняет по HI и другим новгородским источникам. Следует отметить, что предлагаемая схема происхождения $НК_1$ позволяет обойтись без предположения о дополнительной правке $НК_1$ по центрально-русской летописи в 4 статьях конца XIV–начала XV в. (1383, 1386, 1408, 1411 гг.)[16], поскольку эти чтения можно возвести к протографу CI. Смысл создания $НК_1$ заключается, как можно понять, в подготовке начальных частей годовых статей новгородского свода, основанного на общерусском летописании.

После того, как основа будущей летописи (начала годовых статей) была подготовлена, сводчик стал «добирать» материал, теперь уже главным образом общерусский, из протографа CI и пополнять его вновь

[12] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде... С. 207.

[13] Я. С. Лурье приводит ряд примеров, доказывающих первичность некоторых чтений CI по отношению к $НК_1$, а $НК_2$ – по отношению к CI (Еще раз о своде... С. 208–213). Объясняя все такие случаи «вторичной правкой» или даже «заменой» текстов, Г. М. Прохоров значительно усложняет картину происхождения реальных летописей.

[14] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 176.

[15] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде... С. 215.

[16] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 172.

не вошедшими в $НК_1$ известиями НІ и дополнительными новгородскими сведениями. Можно согласиться с Г. М. Прохоровым в том, что целью создания $НК_2$ было дополнение $НК_1$ но, по его мысли, составители $НК_1$ и $НК_2$ – это разные люди, жившие в разные годы, и $НК_2$ создавалась путем «вычитания» из СІ текста $НК_1$ лежавшего также перед писцом[17]. Как верно заметил Я. С. Лурье, при такой работе невозможно не ошибиться[18], но $НК_2$ ни разу дословно не повторяет $НК_1$. Единственное объяснение видится в том, что составитель $НК_1$ и $НК_2$ – один и тот же человек, а его работа, отразившаяся в подборках НК, заключалась в перекомпоновке и дополнении оригинала. $НК_1$ и $НК_2$, на наш взгляд, отражают механизм перестановки и преобразования общерусской летописи, отразившейся в СІ, в новгородскую. В результате соединения $НК_1$ и $НК_2$ (с новым редактированием и дополнением) появилась НІV, ради создания которой и была проведена работа, этапы которой отразились в двух подборках НК.

Когда и кем могла быть проведена такая работа? Как известно, НІV дошла до нас в двух редакциях – старшей, доведенной до 1437 г., и младшей – до 1447 г. Текст обеих редакций совпадает только до 1428 г., на основании чего можно предположить, «что НІV в основной своей редакции заканчивалась 1428 г.»[19]. Текст НК обрывается также на 1428 г., а далее следует добавление на бумаге XVII в. более поздней летописи (Новгородской V)[20]. Однако конец статьи 1428 г. («на всех волостех новгородских и по Заволочью с десяти человек по рублю»)[21] в XVII в. переписан так же, как он читается в НІV.[22] Г. М. Прохоров предположил, что последний лист рукописи, на котором читались только эти слова, в XVII в. вынули, решив продолжать летопись, а конец статьи 1428 г. переписали заново.[23] Таким образом, совпадение окончания общих чтений редакций НІV и вероятного окончания НК указывает нам на известие о заключении новгородцами мира с Витовтом в 1428 г. как на границу

[17] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 177.

[18] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде... С. 211–212. Учитывая, что любые текстологические аргументы могут быть оспорены благодаря предположению о вторичной правке или вторичной замене отдельных статей, именно этот аргумент Я. С. Лурье, наряду с замечанием об однородности новгородских дополнений в $НК_1$ и $НК_2$, убеждает в невозможности вывести СІ из $НК_1$, а $НК_2$ - из СІ.

[19] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 450.

[20] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 190. А. Н. Насонов (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. XIX) указал, что за Новгородской V следует Псковская летопись.

[21] ГПБ, F. IV. 603, л. 426.

[22] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 432. На этих же словах оканчивается общий текст НІV старшей и младшей редакций.

[23] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 184 (примеч. 75).

летописного свода. Известно, что в 1429 г. был избран новый архиепископ Евфимий II, бывший до этого игуменом Лисицкого монастыря.[24] Хотя общий текст HIV и НК доходит только до 1428 г., есть основания полагать, что протограф НК–HIV составлялся уже при Евфимии II: для $НК_2$ и HIV характерно включение дополнительных известий, связанных с Лисицким монастырем. В текст $НК_2$ включаются известия 1389, 1403 и 1406 гг.,[25] причем последнее свидетельствует об особых симпатиях летописца к этому монастырю: он называет его «лаврой»[26] (в это время так не называли еще даже Троице-Сергиев монастырь). Еще 2 известия (1392 и 1400 гг.), связанные с Лисицким монастырем, были добавлены при окончательном редактировании в HIV.[27] Таким образом, создание протографа HIV–НК можно связать с инициативой нового новгородского архиепископа Евфимия II и датировать временем не ранее ноября 1429 г., вероятно, 1430 г. Этот свод, возможно, отразился и в не дошедшей до нас Лисицкой летописи 1450 г., известной по упоминанию в Новгородской II летописи, где приведены сведения о ней: формат «в полдесть», сохранность – «держана», доведена «развие до владыкы Евфимия» (т. е. 1429 г.?), а также приведена запись писца: «В лето 6958 написана бысть сия книга в летописец во обители пречистеи Рожества на Лисьи гори повелинием раба Божия дьякона инока Геронтия».[28] Употребление предлога «в» здесь представляется излишним; можно предположить, что название переписанной книги «В (2) летописец» (двойной/второй (?) летописец). Именно так можно было бы назвать протограф НК–HIV или саму НК – летописи, состоящие из двух подборок.

Таким образом, мы приходим к очень ответственному предположению: в 1430 г. начинается новый этап новгородского летописания. Помимо прежней традиционной линии HI[29] появляется «владычное» летописание, впервые включающее в столь широких масштабах общерусскую летописную традицию.

---

[24] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 433; Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 21 («Повесть о Евфимии»).

[25] ГПБ. F.IV.603. Л. 393, 411об., 413об.

[26] Об Иларионе, епископе Коломенском: «...бывъ преже игуменъ Лисицкоя лавры» (л. 413об.).

[27] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 372 («Маиа 27 по обѣдехъ сгорѣ церковь святыя Богородица древяная, и весь монастырь на Лисицьи горкѣ погорѣ» – 6900 (1392) г.) и с. 390 («Преставися Василеи, брат владычнь, в чернецехъ и въ скимѣ, на Лисицьи горкѣ, мѣсяца июля 9» – 6908 (1400) г.).

[28] ПСРЛ. М,, 1965. Т. 30. С. 194–195.

[29] Краткую справку и основную литературу о HI: *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. (XI – первая пол. XIV в.). С. 245–247.

* * *

Датировка протографа НК–HIV 1430-м годом противоречит, однако, принятой в науке датировке общего протографа CI, НК и HIV 30–40-ми годами XV в. или даже 1448 г.[30] Как известно, CI дошла до нас в двух редакциях – старшей и младшей. В обоих списках старшей редакции (далее – CI ст.) последние статьи относятся к 1418 г., а в списках младшей редакции (далее – CI мл.) после 1418 г. имеются лишь редкие записи за отдельные годы, практически не совпадающие в части до 1428 г. с НК и HIV[31]. Логично было бы предположить, что свод – протограф CI–HIV–НК оканчивался 1418 г., и датировать его приблизительно этим временем. Однако многие исследователи вслед за А. А. Шахматовым, а в последнее время полнее всего Я. С. Лурье, выдвигают ряд аргументов в пользу более поздней датировки этого свода. Рассмотрим эти аргументы.

1) В CI ст. под 1418 г. встречаются дополнительные известия, относящиеся к 1422 г.[32] Однако отсутствие этих известий в HIV и НК, а также то, что они присоединены к статье 1418 г., позволяет думать, что они вторичны в CI ст. Более того, они текстуально не совпадают даже с CI мл., где есть схожие известия.

2) В НК под 6932 (1424) г. есть известие о вокняжении Василия Васильевича. Оно есть и в CI мл. под 6933 (1425) г.[33] Однако текстуально эти известия не совпадают, а внесение в добавочные статьи списков столь важного известия могло быть сделано независимо друг от друга. Такое предположение подтверждается отсутствием этого известия в HIV и CI ст.

3) Я. С. Лурье отмечает бедность материала в записях 1408–1418 гг., в то время как современник мог пользоваться «обильными и свежими источниками».[34] Но тогда еще удивительней при более поздней датировке свода практически полное отсутствие записей за 20–40-е гг., хотя бы не «политически острых», которые могли быть сокращены, но и нейтральных. Так, в CI мл., в которой Я. С. Лурье видит отражение текста «свода 1448 г.», вообще нет годовых статей 1419–1421, 1424, 1428–1430,

[30] *Шахматов А. А.* 1) Общерусские летописные своды... С. 90–176; 2) Обозрение... С. 151–160, 366; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 150; *Лурье Я. С.* 1) К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142–146; 2) Общерусский свод – протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // Там же. 1974. Т. 28. С. 114–139; 3) Общерусские летописи... С. 67–121; 4) Генеалогическая схема... С. 199.

[31] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 81–275; СПб., 1853. Т. 6. С. 1–111.

[32] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 108.

[33] Там же. Отметим, что, даже признав эти два известия восходящими к протографу CI–HIV–НК, мы не вступаем в противоречие с датировкой протографа HIV–НК 1430-м годом.

[34] *Он же.* 1) Общерусский свод... С. 134; 2) Общерусские летописи... С. 112.

1435–1436, 1440, 1442–1444 гг. Кроме того, надо сказать, что «обильные» источники за 1408–1418 гг., которыми, по мнению Я. С. Лурье, мог бы пользоваться составитель свода, нам неизвестны. Еще Н. М. Карамзин отмечал бедность известий всех летописей за эти годы.[35]

4) Я. С. Лурье отмечает, что для протографа CI–HIV–НК характерна тема осуждения «братоненавидения» – борьбы между князьями, что, по его мнению, мало актуально для конца 10-х гг. XV в. «Ни о какой борьбе за власть в этот период мы ничего не знаем», – отмечает исследователь.[36] Но это не совсем так: борьба Ивана и Даниила, сыновей Бориса Константиновича, за свою отчину (1411–1418 гг.), столкновение Москвы и Новгорода в 1417 г. и особенно конфликт Василия Дмитриевича с братом Константином, закончившийся отъездом Константина в Новгород в начале 1419 г., свидетельствуют об актуальности темы осуждения междоусобных распрей и в это время[37].

5) Отмечая антитатарские настроения составителя свода-протографа CI–НК–HIV, Я. С. Лурье пишет: «Никем не ставился еще в первые десять лет после нашествия Эдигея и вопрос о борьбе с Ордой»[38]. Однако сам же Я. С. Лурье в другой статье признает, что составитель летописного свода 1412 г. был сторонником не «осторожного маневрирования», а более «смелой и достойной политики» в отношении Орды[39]. Уже в Повести о Едигее в своде 1412 г. отразились антитатарские настроения эпохи.

6) Идея местной автономии в рамках единого государства, которую Я. С. Лурье справедливо находит в своде-протографе CI–HIV–НК[40], также знакома уже редактору свода 1412 г. и отразилась в Повести о Едигее, как показал Л. В. Черепнин[41].

Еще одним доказательством, убеждающим нас в датировке свода-протографа CI–HIV–НК 1418 годом, является совпадение границы общего текста Московского свода 1479 г. (далее – МС) и Ермолинской летописи (далее – Ерм.) с завершением общего текста CI–HIV–НК на известии об убиении Михаилом Рассохиным Анфала и Нестера в 1418 г.[42] Именно этим

---

[35] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. С. 114 (примеч. 207).

[36] *Лурье Я. С.* 1) Общерусский свод... С. 135; 2) Общерусские летописи... С. 111.

[37] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. Т. 4. С. 355–362.

[38] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 111.

[39] *Лурье Я. С.* Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 298.

[40] *Лурье Я. С.* О политических идеях общерусского свода 1448 года // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen, 1982. S. 135–152.

[41] *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 726.

[42] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 155–156.

известием и заканчиваются общие чтения CI, HIV и НК. Признавая, что протограф МС и Ерм. отразил свод-протограф CI–HIV–НК[43], Я. С. Лурье не придал значения тому факту, что протограф МС–Ерм. еще раз дает независимое подтверждение окончания свода 1418 годом.

Рассматривая источники свода-протографа CI–HIV–НК, исследователи выделяют заимствования из новгородских, московских, ростовских, псковских, тверских, южнорусских летописных сводов, ни один из которых не датируется временем после 1418 г.[44] Напротив, изучая влияние свода-протографа CI–HIV–НК на позднейшее летописание, исследователи отмечают его использование уже в протографе HI младшего извода (далее – HI мл.), доведенном до 1432 г.[45]

Особенно сложным и важным представляется вопрос о датировке и происхождении целого ряда повестей, впервые появляющихся в протографе CI– HIV–НК, в том числе Повести о Куликовской битве,[46] Повести о нашествии Тохтамыша,[47] «Слова о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича»[48] и многих других текстов. Разумеется, на исследователей не могла не оказывать влияние принятая в науке датировка свода-протографа CI–HIV–НК 30–40-ми гг. XV в., и они пытались найти в этих повестях черты эпохи феодальной войны. Так, М. А. Салмина, убедительно доказавшая в цикле работ вторичность упомянутых повестей по отношению к текстам, встречавшимся в Троицкой летописи (далее –Тр.) или в «своде 1409 г.»[49], менее аргументированно, на наш взгляд, предложила датировать повести концом 40-х гг. XV в.[50]

---

[43] Я. С. Лурье признает, что «в отдельных случаях обнаруживаются совпадения этого памятника (протографа МС–Ерм. – *А. Б.)* то со старшей, то с младшей редакцией CI, то с HIV» (*Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 155), что свидетельствует, по нашему мнению, о непосредственном влиянии на него свода-протографа CI–HIV–НК (ср.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 258–261), а не CI старшей редакции.

[44] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 93–104 (здесь же отмечены наблюдения А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, В. А. Кучкина и М. А. Салминой).

[45] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 163–171; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 91–93: *Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 138; *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая. С. 246.

[46] *Салмина М. А.* Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 244–246 (здесь же библиография).

[47] *Она же.* Повесть о нашествии Тохтамыша // Там же. С. 254–255 (здесь же библиография).

[48] *Прохоров Г. М., Салмина М. А.* «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Там же. С. 403–405 (здесь же библиография).

[49] См. библиографию в указанных статьях «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (примеч. 46–48).

[50] Датировка «Слова о житьи... Дмитрия Ивановича...» XVI веком, предложенная М. А. Салминой позднее (*Салмина М. А.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения

Один из доводов М. А. Салминой, которому Я. С. Лурье придает особое значение для датировки свода[51], заключается в следующем: в рассказ о смерти Дмитрия Донского вставлены цитаты из его завещания, причем к словам о передаче Василию Дмитриевичу великого княжения сделано добавление: «яже есть стол отца его и деда и прадеда»[52]. М. А. Салмина, а вслед за ней и Я. С. Лурье связывают это добавление с политической позицией Василия II, искавшего в 1432 г. в Орде великого княжения на основании аналогичной формулы: «Князь великый по отечьству и по дедьству искаше стола своего...»[53]. Однако именно это известие убеждает в том, что летописный свод, включающий «Слово о житии...», к 1432 г. уже существовал, так как далее говорится: «...князь же Юрьи – летописци старыми списки» (разрядка наша. – *А. Б.*). «Старые» списки летописцев здесь явно противопоставляются неназванным «новым», на которые Юрий Дмитриевич уже не мог сослаться, чтобы подтвердить свои права. Таким «новым» летописцем и был свод-протограф CI–HIV–НК, дополнение которого «яже есть стол отца его и деда и прадеда» фактически процитировано формулой 1432 г. «по отечьству и по дедьству».

Важно отметить, что вопрос о том, кто после Василия Дмитриевича унаследует великое княжение, возник уже в 1418–1419 гг. Как отмечается в HI мл., 25 февраля 1419 г. в Новгород приехал брат великого князя Константин Дмитриевич, «а про то был в Новѣгородѣ, занеже брат его князь великыи Василии хотѣлъ его в челование привести под своего сына Василья; и онъ не хотя быти подъ своимъ братаничем, и князь Василии возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину, и бояръ его поима, и села и животы их отъима»[54]. Очевидно, для того, чтобы в нарушение завещания Дмитрия Донского[55] «в челование привести» дядю под племянника, Василий Дмитриевич должен был иметь уже какое-то юридическое обоснование. Такое обоснование и содержал, на наш взгляд, текст Новгородско-Софийского свода.

Предложенная М. А. Салминой датировка ряда повестей свода-протографа CI–HIV–НК не является общепринятой; так, например, Г. М. Прохо-

культурного наследия. М., 1985. С. 159–162), как справедливо отметил Г. М. Прохоров, опровергается фактом существования списков XV в. (*Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 119).

[51] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 113.

[52] *Салмина М. А.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 99–100.

[53] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 103; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 249.

[54] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 412.

[55] *Черепнин Л. В.* 1) Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 91–106; 2) Образование русского... С. 652, 737 и др.

ров высказал вслед за А. В. Соловьевым убедительно аргументированное предположение о том, что автором «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» является Епифаний Премудрый (ум. между 1418 и 1422 гг.),[56] а Л. А. Дмитриев считает автора «Повести о нашествии Тохтамыша» (1382 г.) современником, а возможно, даже очевидцем нашествия.[57]

Существование общерусского свода, созданного при митрополите Фотии (до 1425 г.) и протографичного по отношению к CI, HIV и НК, было подробно обосновано еще А. А. Шахматовым,[58] который, в частности, отметил особый интерес этого свода к событиям, связанным с Фотием. Исследователь предположил, что этот свод назывался «Владимирским Полихроном» «именно потому, что составлен митрополитом, кафедральным городом которого считался Владимир».[59] М. Д. Приселков уточнил датировку «свода Фотия», остановившись на 1418 г.[60] С этой датой согласился и Д. С. Лихачев.[61] Анализ исторической и культурной обстановки эпохи митрополита Фотия, данный в работах А. А. Шахматова, а также М. Д. Приселкова и Д. С. Лихачева, убеждает в том, что общерусский летописный свод, создатель которого стремился к тому, чтобы стать выше границ между княжествами, мог быть создан в конце 10-х гг. XV в. при митрополичьей кафедре.

Как известно, Я. С. Лурье убедительно опроверг общее со времен А. А. Шахматова представление о двух этапах редактирования общерусского летописания после свода типа Троицкой летописи[62]. На основе этого прежнего представления выделялись и «Владимирский Полихрон» (свод Фотия) 1418–1423 гг., и «Свод 1448 г.» («Новгородско-Софийский свод 30–40-х гг. XV в.»). Доказав, что предположение о существовании обоих сводов текстологически необоснованно, Я. С. Лурье подошел к вопросу: «Не следует ли считать, что датировка Полихрона (1418–1423 гг.), так же как и его общая характеристика (как общерусского свода), может быть отнесена к непосредственному протографу CI–HIV?». Приведенная выше система аргументов позволяет предложить положительный ответ на этот вопрос, вопреки Я. С. Лурье, который датирует протограф CI–HIV–НК

[56] *Соловьев А. В.* Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 85–106; *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 88–122.

[57] *Дмитриев Л. А.* Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 180.

[58] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 162–176.

[59] Там же. С. 176.

[60] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 142–149.

[61] *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 305–308.

[62] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 68–73 и др.

40-ми гг. XV в. или, предположительно, 1448 г. Эту дату, как известно, предложил еще А. А. Шахматов на основании интерпретации записи под 1380 г., где указано, что Пасха в 1380 г. совпала с Благовещением, «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета [т.е. в 1296 г.], а потом будет за 80 лет без лета [т.е. в 1459 г.], а потом будет за 11 лет». Так как в 1470 г. Пасха с Благовещением не совпадает, то А. А. Шахматов предложил отнять эти 11 лет от 1459 г. и получил предполагаемую дату составления свода – 1448 г.[63] Очевидный недостаток такой интерпретации текста заключается в том, что в одном случае предлагается понимать одни и те же слова «потом будет за...» как основание для прибавления указанной даты, а в другом – для вычитания. Конъектура А. Поппэ, предложенная им в письме Я. С. Лурье и обнародованная последним[64], дает возможность понимать слова «а потом будет за 11 лет» в прямом значении. По мнению А. Поппэ, перед этими словами пропущена фраза «а потом будет за 80 лет и за 4 лета» (гаплография; ср. начало записи), т. е. совпадение праздников в 1543 г., а затем через 11 лет – в 1554 г. Исправление текста здесь вполне обосновано палеографически, а главное, текст становится понятен и точно отражает интервалы между совпадениями Пасхи и Благовещения.

Я. С. Лурье, оценивая значение свода-протографа СІ–НІV–НК для последующего летописания, называет создателя этого свода «Нестором XV в.»[65]. Трудно представить себе, чтобы столь незаурядный митрополичий свод, собравший воедино большое количество летописных и внелетописных источников, был создан во времена феодальной войны и разрухи, когда на Руси вообще не было митрополита, либо при Герасиме или Исидоре. Характерно, что Я. С. Лурье, отстаивающий представление об общерусском характере «свода 1448 г.», даже гипотетически не может связать его создание с каким-либо кругом книжников или политиков, в то время как общерусский «свод 1418 г.» определенно связывается с именем и деятельностью митрополита Фотия. Очень соблазнительной представляется и мысль Г. М. Прохорова, что Епифаний Премудрый до самой смерти (т. е. до 1418–1422 гг.) «мог служить своим пером... митрополиту Фотию»[66], выполняя его заказы, в том числе, как нам представляется, и связанные с созданием общерусского летописного свода 1418 г.

---

[63] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 98. С этой точкой зрения согласился Я. С. Лурье (К проблеме свода 1448 г. С. 142–144), хотя сам А. А. Шахматов после возражений А. В. Маркова отказался от термина «свод 1448 г.» и стал называть его «предположительно 30-х гг. XV в.» (*Шахматов А. А.* Обозрение... С. 366; *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 447–449).

[64] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 109.

[65] *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 28–38.

[66] *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 120.

* * *

Итак, датировка протографа CI–HIV–НК не может, по нашему мнению, противоречить гипотезе о создании новгородского летописного свода «повелением» архиепископа Евфимия II в 1430 г. Датировка другого известного источника HIV–НК – местной новгородской летописи, ведшейся на протяжении столетий, пока не может быть определена достаточно точно. В дошедшем до нас виде списки HI мл. совпадают до 1432 г., но их протограф, доведенный до 1432 г., уже испытал, как отмечалось, влияние «свода 1418 г.». Болеее ранний этап новгородского летописания А. А. Шахматов называл «Софийским временником» и датировал его 1421 г.[67], правда, без основательной аргументации. В. Л. Янин обнаружил, что список князей, посадников, тысяцких, митрополитов, епископов, архиепископов и архимандритов в начальной части Комиссионного списка HI мл. и в статье 6497 (989) г. восходят к протографу 1423 г.[68], но тексты HI мл., НК и HIV родственны и дальше, до 1428 г. Можно думать, что новгородский владычный летописец – «Софийский временник» – велся регулярно, из года в год, и Евфимий II мог использовать его в списке, доведенном до 1428 г. Почему же новый новгородский архиепископ не продолжил существующую летопись, а стал создавать новую, включающую в себя общерусский свод митрополита Фотия? Ответ на этот вопрос, думается, можно найти, проанализировав традиции и культурные особенности того монастыря, из которого Евфимий II взошел на «владычную» кафедру. Напомним, что до этого он был игуменом Лисицкого монастыря, а спустя 3 десятилетия, заболев, он отправится в него же умирать[69].

Лисицкий (на Лисьей, или на Лисичьей, горке) монастырь Рождества Богородицы находился в 7 верстах от Новгорода по Московской дороге. В летописях он упоминается впервые под 1389 г., по-видимому, как уже существующий. У нас имеются сведения о 13 рукописных книгах конца XIV – первой половины XV в., создание которых может быть связано с книгописной мастерской этого монастыря[70]. Анализ данных, имеющихся в этих рукописях, а также в других источниках, позволил сделать ряд наблюдений об особенностях культурной ориентации монахов-книжников Лисицкого монастыря. Во-первых, обращают на себя внимание

[67] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 155–156.

[68] *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1984. С. 158–160.

[69] Памятники старинной русской литературы... Вып. 4. С. 21.

[70] Подробнее см.: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (конец XIV–первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси: XI–XVI вв. СПб., 1991. С. 78–98.

связи лисицких иноков со Святой горой – Афоном. В конце XIV в. инок Арсений (в будущем – св. Арсений Коневский) и игумен Иларион совершили «хождения» на Святую гору и принесли оттуда книги: Устав монастырский[71] и Тактикон Никона Черногорца[72]. В сборнике лисицкого писца Серапиона 1431 г. содержится запись о том, что переписанное здесь «Слово постническое» Максима Исповедника было переведено на Афоне всего шестью годами раньше – в 1425 г.[73] В 5 рукописях, связываемых с книгописной мастерской Лисицкого монастыря, имеются заставки «балканского» стиля, созданные, по мнению Т. Б. Уховой, по одному канону, сложившемуся здесь, в монастыре, под влиянием Афонской традиции[74]. Важно также отметить, что монастырские Тактикон Никона Черногорца и Минея служебная конца XIV в. (ГПБ, Софийское собр., № 187) относятся к Афонско-Иерусалимскому уставу, хотя в Новгороде в целом, как показало исследование Е. М. Шварц, переход от Студийского устава к новому произошел лишь в конце 30-х гг. XV в. – при Евфимии II[75].

Анализ репертуара книг Лисицкого монастыря показал, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых традиционно связывается со «вторым южнославянским и византийским влиянием», – это произведения Симеона Нового Богослова, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Нила Философа, Филофея Синаита, Никиты Стифата, Исаака Сирина и др. Таким образом, культурная ориентация лисицких книжников просматривается в их «афонских связях», в принятии церковного устава, распространителем которого был митрополит Киприан, и в репертуаре сочинений, которые они включали в свои сборники. Важно также, что лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского или Кириллу и Ферапонту, уходит на север и основывает новый, судя по всему, общежительный монастырь – Коневский. На основании этих фактов иноков Лисицкого монастыря можно отнести к сторонникам, используя термин Г. М. Прохорова, грекофильской «монашеской партии»[76], представителям

[71] Согласно Житию Арсения Коневского (ГПБ, собр. Михайловского, Q.149. Л. 43), святой «устав иноческого жительства от Святыя горы съ собою принесе».

[72] *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 36 (ГПБ. F. п. I. 41, 1397 г.).

[73] *[Иларий, иером., Арсений, иером.].* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. Ч. 1. С. 157–158 (ГБЛ. Ф. 304. № 175).

[74] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль» в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: XIV–XV вв. М., 1984. С. 149.

[75] *Шварц Е. М.* О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. ст. Л., 1984. С. 82–87.

[76] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 111 и др.

общежительного движения среди русского монашества. Политический идеал этой партии, как показал Г. М. Прохоров, заключался в сочетании единства «централизма» церковного и «федерализма» политического, в независимости церкви от княжеской власти. Представители иноческой партии в Новгородских землях остались вне поля зрения Г. М. Прохорова, однако, как мы видим на примере лисицких книжников, они были и, можно думать, противостояли новгородским «традиционалистам». Об их политической ориентации свидетельствует сравнение приписок к двум рукописям 1397 г. и 1398 г. Тактикон 1397 г. был переписан Лисицкими иноками по повелению архиепископа Иоанна с афонского оригинала, как сказано, «при князе великом Васильи Дмитриевиче всея Руси, при митрополите Киприяне всея Руси, при архиепископе новгородском Иоане»[77]. В конце 1397 г. произошло военное столкновение Москвы и Новгорода на Двине, и возобладали другие настроения: запись в Минее служебной 1398 г. гласит, что рукопись переписана «повелением архиепископа владыце Ивана при посаднице Олександре Цесари»[78]. Характерно, что первая рукопись отражает практику Афонско-Иерусалимского устава, принятого в Московских землях, а вторая – Студийского устава. Возможно, именно приверженность к «объединяющей» общерусской позиции Киприан оценил в тогдашнем лисицком игумене: в 1396 г. Иларион становится архимандритом Симонова монастыря, позже благословляется Киприаном в епископы Коломенские[79].

Подчеркнутые Я. С. Лурье особенности политической программы составителя свода-протографа CI–HIV–НК – антитатарская направленность, призыв к братолюбию и прекращению междоусобиц, сочетание автономии отдельных земель и княжеств с национальным единством[80] – находят полное соответствие с описанной Г. М. Прохоровым политической программой сторонников «иноческой партии». Несомненно, и митрополит Фотий, и многие книжники его времени (включая Епифания Премудрого) по своим взглядам были близки «иноческой партии», у истоков которой стояли, можно думать, Сергий Радонежский и Киприан. «Свод 1418 г.» представляется отражением таких политических взглядов. Для Евфимия II – выходца из Лисицкого монастыря стремление «влить» этот свод в традиционное местное «владычное» летописание представляется закономерным, тем более что в глазах составителя общерусского

[77] ГПБ, F. п. I.41, л. 222.

[78] БАН, 34. 7. 5, л. 115.

[79] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877. Стб. 1029; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 400.

[80] *Лурье Я. С.* О политических идеях... С. 135–152 (особенно с. 146–150).

свода «идея новгородского самоуправления не противоречила идее национального единства, а включалась в нее»[81]. Те факты, что Евфимий II пригласил с Афона Пахомия Логофета (не позже 1438 г.)[82], а также организовал не позже того же 1438 г. переход церковной жизни Новгородских земель на Иерусалимский устав[83], принятый в других русских княжествах, подтверждают наши представления о его культурной и политической позиции в 1429–1438 гг.

Принято считать, что деятельность Евфимия II по воскрешению памяти новгородских святынь, канонизация архиепископов и князей Великого Новгорода, строительство храмов «на древней основе», стремление возвеличить церковное и государственное значение города и республики – носили антимосковский, «сепаратистский» характер[84]. Однако обращает на себя внимание тот удивительный факт, что все свидетельства источников о деятельности Евфимия II в таком «областническом» духе начинаются только с 1439 г. В НІ мл. под 1439 г. отмечается: «Того же лѣта обрѣтоно бысть тѣло архиепископа Иоана, при коемъ былѣ суздальцѣ под Новымъ-городом. Того же лѣта архиепископъ Еуфимии позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; такоже и матери его гробъ подписа; и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября в 4»[85]. В Житии Иоанна Новгородского об упомянутом в НІ мл. обретении мощей архиепископа Иоанна рассказывается подробнее: в паперти Софийского собора «камень... отпаде от верхние стены» и разбил надгробную плиту. Под плитой обнаружен был некий архиепископ в нетленных ризах. Приказав закрыть гробницу, Евфимий начал молить Бога, «да проявит ему», кто есть «лежащий во гробе оном». Явившийся во время молитвы Иоанн повелел установить в Новгороде 4 октября память по преставившимся князьям и архиепископам Новгородским «и всем православным христианомь». Житие сохранило более позднюю, по сравнению с летописью, дату этого явления – 6948

[81] *Лурье Я. С.* О политических идеях... С. 148.

[82] *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 167.

[83] Любопытно, что в обоих случаях датировку «не позже 1438 г.» мы извлекаем из одной и той же рукописи – ГПБ, Софийское собр., № 191; Минея служебная (ноябрь), писец – Дионисий «Шестник», игумен Перынского монастыря.

[84] *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода XIV–XV вв. § 1. Литература 30-х–50-х гг. XV в. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 256–264; *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 263–264; *Хорошев А. С.* Из истории борьбы Новгорода против Москвы (местная канонизация 30–40-х годов XV в.) // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1971. № 6 (ноябрь–декабрь). С. 54–61 и др.

[85] Новгородская первая летопись... С. 420.

(1440) г.[86], однако если считать, что житие датирует обретение мощей уже по сентябрьскому году, то 6948 г. соответствует (для 4 октября) 6947 году летописного мартовского счета[87], т. е. получаем тот же 1439 г. Существует еще один текст, связанный с установлением «памяти» новгородских архиепископов и князей, – «Видение пономаря Аарона», дошедшее до нас в составе сборников[88], а также поздних летописей под 1438 и 1439 гг.[89] В «Видении» рассказывается о том, что в одну из ночей пономарь Софийского собора Аарон увидел, как «преже отшедшая архиепископы» вошли в собор и молились в нем. Аарон поведал об этом архиепископу Евфимию, и тот «быв радостен о таком явлении», и «гробъ позлати князя Владимера..., и матери его гробъ подписа и покровъ положи, и память им управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4»[90]. Заключительная часть «Видения» почти дословно совпадает с известием 1439 г. в НІ мл:

НІ мл.	**«Видение»**
«...архиепископъ Еуфимии позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа. Такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября въ 4».	«...архиепископъ Еуфимии и гробъ позлати князя Владимера, внука великаго *князя* Владимера, *крестившаго Рускую землю,* и подписа. Такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4».

«Видение пономаря Аарона»[91], очевидно, использует текст НІ мл., добавляя к имени Владимира уточнения: «князя... крестившаго Рускую землю». Вторичность текста «Видения» по отношению к НІ мл. позволяет признать первоначальной дату НІ мл. – 1439 г. К 1439 г. исследователи обычно относят и канонизацию десяти новгородских епископов и архиепископов, похороненных в Софийском соборе[92]. «Выходило так, – за-

[86] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 160–161.

[87] *Каменцева Е. И.* Русская хронология: (Справочное пособие). М., 1960. С. 20.

[88] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 171–174.

[89] ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 2. С. 491 («Видение» здесь включено в статью 6966, т. е. 1458 г., в связи с кончиной Евфимия II, и датировано 6946 (1438) г.); *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода... С. 261.

[90] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 491.

[91] Пономарь Аарон отождествляется В. В. Филатовым с «иноком Аароном», иконописцем, написавшим в 1439 г. икону «Архангел Гавриил» «повеленьем» архиепископа Евфимия (*Филатов В. В.* Иконостас Новгородского Софийского собора // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 63–82).

[92] *Филарет, архиеп.* Русские святые, чтимые всею церковью или местночтимые. 2-е изд. Чернигов, 1865. Кн. 1. С. 173.

метил Д. С. Лихачев, – что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе»[93]. Впрочем, после чудесных событий 1439 г. Евфимий II уже по собственной инициативе в 1440 г. освидетельствовал мощи Варлаама Хутынского[94], а с 1441 г. начал строительство, а точнее, реконструкцию церквей XI–XII вв. «на старой основе»[95]. Отметим, что поворот в политике новгородского архиепископа сказался, очевидно, и на летописании: уже начиная с 1438 г. прекращаются дополнения к спискам HIV старшей редакции, а через некоторое время создается новая летопись, названная А. А. Шахматовым «Новгородской 5-й», в которой текст HIV в значительной степени просто заменен текстом HI мл[96]. Можно предположить, что с изменением новгородской политики связан и отъезд из Новгорода в Троице-Сергиев монастырь Пахомия Серба, который датируется 1440–1443 гг. Пахомий вернулся в Новгород только после смерти Евфимия II, при архиепископе Ионе[97]. Перемены в Новгороде, несомненно, были замечены в Москве, и зимой 1441 г., как сообщается в HI мл., Василий II без всяких видимых причин «възверже нелюбье на Новъгород Великыи, присла грамоту розметную и повоева волостеи новгородчкых много».[98]

Приведенный материал, свидетельствующий о повороте политики Евфимия II в 1439–1440 гг., дает, на наш взгляд, дополнительное подтверждение датировки свода-протографа HIV–НК, так как после 1439 г. Евфимий, наверное, уже не стал бы организовывать сведение новгородского летописания с общерусским. Вся его деятельность этого периода направлена на создание культа новгородской «старины»[99].

---

[93] *Лихачев Д. С.* Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. М., 1959. С. 69.

[94] Об этом рассказывает распространенная редакция Жития Варлаама Хутынского (см.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 54–55).

[95] См.: *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. С. 263; *Никитин В. А.* Житие и труды святителя Евфимия, архиепископа Новгородского // Богословские труды. М., 1983. Сб. 24. С. 300–301; Новгородская первая летопись... с. 421 (в 1441 г. Евфимий поставил церковь Бориса и Глеба «на старои основе», «и быша ему пособници новъгородци»).

[96] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 196–207.

[97] *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб... С. 167.

[98] Новгородская первая летопись... С. 421.

[99] Вопрос о причинах, побудивших Евфимия II совершить поворот от «иноческой партии» к новгородскому сепаратизму, непрост. Конечно, нужно учитывать влияние на политику архиепископа, фактического главы Новгородской республики, настроений жителей города. Но особенно важно, что 6 июня 1439 г. митрополит Исидор подписал Флорентийскую унию, и осенью того же года это могло быть известно в Новгороде. Враждебное отношение Евфимия II к унии подтверждается тем фактом, что Симеон Суздальский, бежавший 9 декабря 1439 г. из Италии (от Исидора), весной 1440 г. добрался до Новгорода и лето прожил при дворе Евфимия (см.: *Дробленкова Н. Ф.* Симеон

* * *

Для уяснения характера работы над созданием нового новгородского летописного свода (HIV) представляется важным проанализировать, какие материалы были дополнительно включены в него на заключительном этапе редактирования. Как уже отмечалось, соединение двух подборок НК позволило создать HIV, но при этом в 41 годовую статью были внесены добавления[100]. Начинаются эти добавления со статей 1141 и 1147 гг., где уточнены отчества новгородских посадников; далее под 1273 и 1308 гг. добавлены 2 общерусских известия[101], а с 1320 г. по 1421 г. остальные дополнительные материалы HIV связаны почти исключительно с Новгородом. Отметим, что к первой половине XIV в. относятся 4 таких известия:

1320 г.: «А Лука ходи на Мурманы, а нѣмци избиша ушку[и] Игната Молыгина»;

1321 г.: «Моръ бысть на люди»;

1330 г.: добавлено о владыке Моисее – «бывъ 5 лѣтъ, и съидѣ съ владычества в монастырь на Ко[ло]мци»;

1331 г.: «Того же лѣта помрачение бысть солнцю».

Как справедливо заметил Г. М. Прохоров, далее, с 1350 г., «лишние» материалы идут «сплошной цепью»[102], однако невозможно согласиться с тем, что они вносились постепенно, в процессе ведения летописи со времен Василия Калики (1331–1352 гг.). Дополнительные материалы содержат в основном известия о строительстве церквей (1350, 1351, 1353, 1371, 1378, 1390, 1404 гг.), о пожарах, эпидемиях и стихийных бедствиях (1371, 1378, 1384, 1385, 1389, 1390, 1392, 1400, 1403 гг.) и о военных и дипломатических событиях в Новгородской республике (1350, 1355, 1369, 1384, 1385, 1404, 1421 гг.). Все эти известия, как и «Поучение архиепископа Симеона псковичам» (1418 г.), могли быть извлечены из архива «владычной» кацелярии и добавлены при окончательном со-

Суздальский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 334). Сам же Исидор, проезжая осенью 1437 г. по дороге на Флорентийский собор через Новгород и Псков, отобрал у Новгорода и передал псковичам «суд владычнъ и вси пошлины» (Новгородская первая летопись... С. 419). Очевидно, идея православного и национального единства в условиях церковного разлада и феодальной войны выглядела как утопия и потеряла для Евфимия-политика свою привлекательность.

[100] При выявлении дополнительных материалов HIV по сравнению с НК была использована таблица соотношения известий CI, $НК_1$, $НК_2$ и HIV, подготовленная Г. М. Прохоровым. Пользуюсь случаем выразить Г. М. Прохорову свою глубокую благодарность. См. также: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 191.

[101] 6781 (1273) г.: «Бысть число 2-е изъ орды отъ царя»; 6816 (1308) г.: «И того же лѣта казнь бысть отъ Бога: на люди моръ, на кони, и мышь поясть жито, и бысть дороговъ велика».

[102] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 191.

ставлении HIV. Под 1385 г. составитель HIV добавляет рассказ об отказе новгородцев от митрополичьего суда: «А тои зимы бысть цѣлование въ великои постъ по сборѣ, на 2 недѣли: цѣловаше крестъ Феодоръ посадникъ Тимофеевичь, тысячкои Богдан Обакуновичь, на вѣчи на княжи дворѣ, и вси боляре и дѣти болярьскии, и житьеи и черныи люди, и вся пять концевъ, что не зватися к митрофолиту, судити владыке Алексею въ правду по манакамуну, а на судѣ подняти двѣма истцемъ по два болярина на сторонѣ и по два житья чловѣка; такоже и посаднику и тысячкому судити право по цѣлованию»[103]. Включение в HIV этого рассказа связано, на наш взгляд, с тем, что вопрос о давно утраченном Москвой праве на митрополичий суд вновь остро встал в 1429–1431 гг. В грамоте 8 августа 1430 г. тверскому епископу Илье митрополит Фотий говорит о своих попытках восстановить это право и утверждает, что не поставит нового новгородского архиепископа, пока не добьется своего[104]. 1 июня 1431 г. Фотий умер, а следующий митрополит Герасим «поставил и благословил» Евфимия. Таким образом, добавляя в HIV этот рассказ, Евфимий II хотел показать, что он не властен в вопросе о митрополичьем суде и не в силах отменить «крестное целование» и решение веча. Такой «дипломатический ход» имел смысл только при жизни Фотия, т. е. до середины 1431 г., и показывал, что митрополит должен был познакомиться с новой новгородской летописью.

Как уже отмечалось, 2 дополнительных известия HIV связаны с Лисицким монастырем (1392, 1400 гг.), что закономерно: его игуменом был Евфимий II. Труднее объяснить происхождение целой серии известий HIV, связанных с родом некоего Матфея Михайлова:

1375 г.: «Родися Матфѣй Михаилов»;

1382 г.: «Преставися Михаило, отець Матфѣев»;

1405 г.: «Преставися Феодосиа Матфѣева, мѣсяца маа 18»;

1406 г.: «Брак бысть Матфѣю Михаилову маиа в 23»;

1411 г.: «Родися Матфѣю сын Кюприан».

На фоне других записей о значительных событиях выделяется и сообщение под 1416 г. о том, что 16 апреля «преставися Наумъ крилошанинъ святѣи Съфѣи». Впервые обратил внимание на записи, связанные с Матфеем, еще А. А. Шахматов, предположивший, что они попали в свод-протограф CI–HIV–НК «из одного из его источников»[105] – редакции

[103] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 342.

[104] См.: *Прохоров Г. М.* Фотий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 482; РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 422–426 (ошибочно под 1422 г.).

[105] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 114

HI, составленной Матфеем Михайловым[106], которого исследователь отождествил предположительно с уставщиком владычного двора Матвеем Кусовым[107]. Я. С. Лурье уточнил, что, поскольку записей Матфея нет ни в CI, ни в НК, они могли быть включены только уже редактором HIV[108]. Относя создание HIV ко времени после 1448 г., Я. С. Лурье предположил, что составитель HIV включил в летопись «личные записи» Матфея Михайлова[109]. Эта мысль вызвала справедливые сомнения Г. М. Прохорова: «Трудно представить себе, чтобы летописец привлек для этих записей какой-то письменный источник или написал это о ком-то другом, не пояснив, кто такой этот Матфей Михайлов. Скорее всего он писал о себе»[110]. В таком случае Матфей, очевидно, – исполнитель замысла Евфимия II, сводчик подборок НК в единую летопись.

А. А. Шахматов не указал оснований, по которым он отождествил Матфея Михайлова с Матфеем Кусовым, однако нам удалось найти подтверждения этого предположения. Среди дополнений Матфея Михайлова имеется упоминание о преставлении 16 апреля 1416 г. некоего Наума, клирошанина Софийского собора, очевидно, близкого Матфею человека. Действительно, в Синодике Лисицкого монастыря начала XV в. обнаруживается упоминание Наума Кусова[111], который, видимо, и является названным в HIV Наумом-клирошанином, родственником летописца. Матфей Кусов известен из записей на рукописях как участник новгородского книгописания первых десятилетий XV в. Приведем тексты этих записей.

1. «В лѣт(о) 6919 (1411) г. написана быс(ть) книга сия с(вя)тѣи Софии повелѣньемь владыцѣ Иоана и изисканьемъ Матфѣя Кусова. А писалъ Василии дьякъ с(вя)т(о)го Дмитрия. Аминь. А сего лѣта ходиш(а) новгородци к Выбору. А хто украдеть книжкы си, или хто старѣи украл, или хто възвѣдаеть, а не скажеть, да будут со всѣми еретикы прокляти» (ГПБ. Софийское собр. № 399. Л. 95–95 об. Канонник, 1411 г.)[112].

2. «В лѣт(о) 6921 (1413) г. н[апис]ана быс(ть) книга си с(вя)тѣи Софиѣ повелѣньемь вл(а)д(ы)цѣ Ивана, а изисканьем Матфѣя Кусова. А писалъ

[106] Там же. С. 189.

[107] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 155–156.

[108] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 82.

[109] Отождествление редактора HIV с Матфеем Михайловым в таком случае сомнительно, так как ему должно быть уже более 73 лет (ср.: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 114). Впрочем, Я. С. Лурье не исключает такую возможность (*Лурье Я. С.* Матфей Михайлов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 109).

[110] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 193.

[111] ЦГАДА. Ф. 381. № 141. Л. 70 об.

[112] *Гранстрем Е. Э.* Описание... С. 62.

Василии дьякъ с(вя)таго Дмитрия. А сего лѣт(а) от Можаиска град[а] за 10 верст в селѣ Андрѣя кн(я)зя Дмитриевич(а) от иконы прес(вя)тыя вл(а)д(ы)чица нашея Б(огороди)ца явилося жалованья и прощения людемъ много слѣпымъ, хромымъ, разслабленым, глухимъ и инымъ, нъ нѣс(ть) мощно сказати или исчести ихъ. Умъ ч(е)л(о)в(е)чь не может изрещи, колико ч(е)л(о)в(е)колюбие Божие и какова м(и)л(о)сть на людехъ» (ГПБ. Софийское собр. № 53, внутренняя сторона верхней крышки переплета. Паремийник, конец XIII в., переплет XV в.)[113].

3. «В лѣт(о) 6922 (1414) г. написана бы(сть) книга си къ с(вя)т(о)му [Володимеру] ц(е)ркви бл(а)г(ослове)ниемъ вл(а)д(ы)цѣ [Иоана], повелѣниемь Сидора Кюприянова, [...] Матфѣя Кусова, а хто сю книгу украдеть, да будеть проклят. Сеи зимы м(е)с(я)ця ноября в 17 постриженся вл(а)д(ы)ка [Иоанъ] въ скиму и масломъ мазася въ манастыри на Деревяници по сем днии, а посадникъ Кирило Дмитрѣевич преставися» (Мусин-Пушкинский сборник, 1414 г., сгорел в 1812 г., далее – Сб. 1414 г.)[114].

4. Полууставом XVII в.: «А ся книга дана бысть от Матфѣя от Кусова с(вя)тѣи Софѣи вл(а)д(ы)ци Еуфимью» (ГПБ, Софийское собр., № 387, л. 1 об. Минея праздничная, XV в.)[115].

Тот факт, что Матфей Кусов был причастен к летописанию, очевиден из того, что все три прижизненные записи содержат добавления летописного характера. Важно отметить, что если первое известие (о походе новгородцев к Выборгу) изложено в летописях иначе и полнее[116], то второе (о чуде иконы Богородицы) и третье (о пострижении в схиму владыки Иоанна и о смерти посадника) известия имеют практически дословные соответствия в НІ мл., НК и НІV[117]. Сопоставление текстов известия 1414 г. в Сб. 1414 г., НІ мл. и НІV позволяет сделать очень важный вывод: не писец сборника заимствовал это сообщение из летописи, а в НІ мл. использован текст Сб. 1414 г. Из НІ мл. через НК текст попал уже в НІV.

---

[113] См.: Там же. С. 28; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. С. 309–310.

[114] В квадратные скобки заключены выскобленные места в Мусин-Пушкинском сборнике, причем вместо «Иоанна» в обоих случаях было дописано «Антона». Запись известна по спискам нач. XIX в.: ГПБ. F.I.295 и БАН. 24.4.41: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Ч. 1, разд. XVIII: Сборник 1414 года. СПб., 1867. С. 82–88; *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сборник в копии начала XIX-го века. СПб., 1893; Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3. Вып. 3. С. 113.

[115] *Гранстрем Е. Э.* Описание... С. 71.

[116] Новгородская первая летопись... С. 402; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 411.

[117] Новгородская первая летопись... С. 404, 405; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 413.

Сб. 1414 г.	НІ мл.	НІV
«Сеи зимы м(е)с(я)ця ноября в 17 *постриже-ся* вл(а)д(ы)ка [Иоанъ] в скиму *и масломъ мазася въ манастыри на Деревяници по сем днии, а* посадникъ Кирило Дмитрѣевич преставися».	«Пострижеся владыка Иоанн въ скиму, а посадникъ Кирила Дмитриевич преставися. *Тои же зимы, мѣсяца генваря въ 20, сойде владыка Иоан со владычества, бывши въ владычьствѣ 30 лѣт без трии.*	«Пострижеся владыка Иванъ въ скиму мѣсяца ноября 15, *а генваря 20 съиде съ владычества, бывъ въ владычествѣ 30 лѣтъ бес треи.* А посадникъ Кирилъ Дмитриевичь преставися».

Нетрудно заметить, что писец Сб. 1414 г. еще не знает об уходе Иоанна «со владычества» 20 января 6922 (1415) г. При составлении НІ мл. сокращены слова «сеи зимы м(е)с(я)ця ноября в 17»; «и масломъ мазася въ манастыри на Деревяници по сем днии», но добавлено известие о сошествии Иоанна с архиепископской кафедры. Наконец, при редактировании НІV два известия, связанных с Иоанном, были объединены вместе, а сообщение о смерти посадника переставлено в конец летописной статьи. Таким образом, участие Матфея Михайлова Кусова во «владычном» новгородском летописании, дошедшем в НІ мл., представляется доказанным[118].

Как свидетельствует упомянутая поздняя запись на Минее праздничной, Кусов и после по крайней мере 1423 г.[119] сотрудничал с новгородским владыкой. Наличие его семейных записей в НІV и отсутствие их в НІ мл. и НК позволяет думать, что и в 1430 г. Матфей по-прежнему был причастен к составлению летописи. Роль Матфея в этой работе была, очевидно, аналогична его роли при переписывании известных нам рукописных книг 1411–1414 гг. Записи определяют эту работу словом «изискание», которое в словарях переводится как «исследование; рассмотрение; разыскание; мнение; мысль»[120]. Наиболее точно функции Матфея Кусова определил Б. Д. Греков, очевидно, со слов А. А. Шахматова: «Над переписчиками и составителями летописей (в книгописной мастерской новгородских владык. – А. *Б.)* был особый надзор специалиста, который сам должен был нести на себе главную ответственную работу... Матвей Кусов наблюдает за работой переписчиков...»[121]. Именно таким «техническим руководителем»

[118] Именно это предполагал еще А. А. Шахматов, считая Матфея составителем протографа НІ мл. (*Шахматов А. А.* Обозрение... С. 154–156).

[119] Евфимий I был избран архиепископом в конце 1423 г.

[120] *Срезневский*, Материалы. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1059; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 217.

[121] *Греков Б. Д.* Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. Ч. 1. С. 57–58.

новгородского летописания на протяжении более 15 лет (1414–1430 гг.) нам и представляется Матфей Михайлов Кусов[122].

* * *

Итак, проведенный анализ летописей и их историко-культурного контекста позволил прийти к следующим основным выводам:

1. Общий протограф HIV–НК, уже разделенный на две подборки, отражает промежуточный этап работы над переделкой общерусского свода в новгородский.

2. Этот новгородский свод, в завершенном виде представленный в HIV, заключался статьей 1428 г. о мире новгородцев с Витовтом и был создан в книгописной мастерской «новгородского дома святой Софии» по инициативе Евфимия II и под непосредственным руководством Матфея Михайлова Кусова. Время создания свода, очевидно, – 1430 г.

3. Основной источник свода Евфимия II – общерусский свод-протограф CI–HIV–НК мы связываем с деятельностью митрополита Фотия и датируем 1418 годом. В политической программе этого свода отразилось, по-видимому, стремление сторонников «монашеской партии» к церковному и национальному единству при сохранении политического самоуправления русских земель, к прекращению междоусобиц и к борьбе с татарами.

[122] В указанной книге Б. Д. Грекова (с. 58) содержится утверждение, что Матвей был составителем IV Новгородской летописи. При этом исследователь ссылается на статью А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды...» (С. 114), где, напротив, Кусов признается составителем источника свода-протографа CI–HIV–НК, т. е. новгородской летописи, дошедшей в составе HI мл. Возможно, А. А. Шахматов впоследствии пришел к тому же выводу, к которому подвело настоящее исследование, и сообщил его Б. Д. Грекову.

ОЧЕРК 2

НОВГОРОДСКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД 1411 ГОДА И ВАРЛААМ ЛИСИЦКИЙ [1995 г.]

Новгородские летописи – это круг памятников, объединяемых по месту их создания в Великом Новгороде. Древнейшим памятником новгородского летописания является так называемая Новгородская первая летопись (Н1), известная в двух редакциях: старшей (Н1ст.) и младшей (Н1мл.). Старшая редакция представлена Синодальным списком XIII–XIV вв. (это вообще древнейшая из дошедших до нас рукописей с летописным текстом), а младшая сохранилась в списках начиная с середины XIV в.

Синодальный список, состоящий из двух разновременных частей конца XIII в. и второй четверти XIV в., – дефектен: в нем утрачено начало; повествование охватывает период с 1016 г. до 1333 г. (приписки, сделанные разными почерками, доводят изложение до 1352 г.).

Текст Н1мл. близок к Н1ст., но продолжает его до 30–40-х гг. XV в. В Н1мл. отразился так называемый Начальный свод конца XI в., предшествовавший созданию "Повести временных лет". Очевидно, он же находился и в утраченной части Н1ст. Вопрос о времени появления Начального свода в новгородском летописании остается пока спорным. Характерными чертами Н1 являются подчеркнуто местный, новгородский круг интересов летописцев, безыскусственность стиля, демократичность языка, отразившего ряд диалектизмов.

Следующий этап новгородского летописания представлен в так называемой Новгородской Карамзинской летописи, оканчивающейся 1428 г. Эта летопись, состоящая из двух подборок известий, сохранилась в единственном списке (РНБ, F.IV.603) конца XV – начала XVI в. и остается до сих пор неизданной. Значение этого памятника определяется тем, что здесь впервые новгородские летописцы проявляют заметный интерес к событиям не только местным, но и общерусским, именно с этого момента они широко включают в свои своды произведения южно- и центральнорусской письменности, начиная с "Повести временных лет".

В завершенном виде эта тенденция реализуется в Новгородской четвертой летописи (Н4; называется условно "четвертой" согласно тому порядку, в котором публиковались новгородские летописи в издании 1841 г.). Составитель Н4, очевидно, летописец архиепископа Евфимия II (1429 – 1458 гг.), – использовал обе подборки Новгородской Карамзинской летописи, корректируя их тексты по Н1 и дополняя другими статьями.

Первая подборка летописных известий Новгородской Карамзинской летописи (НК1) охватывает хронологический период от раздела земли сыновьями Ноя после потопа до 1411 г., а вторая (НК2) – от 6496 (988) до 6936 (1428) г. Существуют две основных точки зрения на происхождение этих летописных подборок. Согласно первой, высказанной еще А. А. Шахматовым и наиболее подробно аргументированной Я. С. Лурье, НК1 и НК2 – это выборки из единого оригинала, которые невозможно рассматривать как самостоятельные памятники. Таким общим источником, согласно этой точке зрения, является знаменитый Новгородско-Софийский свод, восстанавливаемый путем сопоставления Н4 и общерусской (московской) Софийской первой летописи (С1)[1]. Другой взгляд на происхождение НК1 и НК2 был высказан Г. М. Прохоровым, который предложил рассматривать подборки как самостоятельные, составленные в разное время летописные памятники[2]. Оба исследователя – и Я. С. Лурье, и Г. М. Прохоров, – сходятся в том, что НК2 вторична по отношению к протографу С1, и в том, что Н4 возникла в результате соединения НК1 и НК2. Главное отличие двух точек зрения заключается в интерпретации взаимоотношений между НК1 и С1: если Я. С. Лурье считает, что они отражают общий протограф – Новгородско-Софийский свод, то Г. М. Прохоров настаивает на вторичности С1 по отношению к НК1.

Необычайная сложность этой текстологической проблемы объясняется многократными перекрестными влияниями летописных памятников друг на друга. Достаточно сказать, что Н1мл. в дошедшем до нас виде, с одной стороны, восходит к протографу, использованному составителем Новгородско-Софийского свода, а с другой – сама испытала влияние этого реконструируемого памятника[3]. Понятно, что бывает очень непросто сказать, восходит ли конкретное чтение Новгородско-Софийского свода к Н1мл., или же наоборот. Аналогичным образом своды-предшественники

[1] *Лурье Я. С.* 1). Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т.29. С. 207–213; 2). Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 199–218; 3). Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С.108–122.

[2] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С.165–198.

[3] *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып.1. С. 245–247.

дошедшего до нас текста Н1мл., бесспорно, оказывали влияние на НК1, НК2 и Н4. При анализе этого "текстологического многоугольника" существенным оказывается тот факт, что традиционная линия новгородского летописания в целом имеет местный характер, и заимствованные известия сразу выделяются своим содержанием.

Если бросить самый общий взгляд на структуру НК1, нетрудно заметить, что до 1185 г., как это было уже отмечено Г. М. Прохоровым, текст содержит как новгородские, совпадающие с Н1, известия, так и общерусские. После этой хронологической границы почти все известия НК1 родственны только Н1. Казалось бы, можно предположить, что до 1185 г. составитель НК1 сводил новгородский и общерусский источники, а далее следовал только первому из них.

Один из сильных текстологических аргументов Я. С. Лурье в пользу того, что С1 и НК1 отражают общий источник (Новгородско-Софийский свод) – это наличие в НК1 неизвестных и чужеродных новгородскому летописанию известий 1383, 1386, 1404, 1408 и 1411 гг. Отказываясь возводить эти известия к общему с С1 протографу, Г. М. Прохоров был вынужден выдвинуть предположение о дополнительной правке НК1 по центральнорусской летописи в статьях конца XIV – начала XV вв., которое существенно ослабляло его позицию. Если, однако, мы рассмотрим эти известия более внимательно, то обнаружим, что по своему содержанию они вряд ли могут быть связаны с московским летописанием (известие *1383 г. недоброжелательно по отношению к князю Василию Дмитриевичу,* подкупом добившемуся в Орде великого княжения для Москвы; известия 1386 и 1404 гг. имеют западнорусский характер, два известия под 1408 г. невразумительны и напоминают запись искаженных неясных слухов). Наконец, в НК1 есть еще одно известие под 6919 (1411) г., предпоследнее в последней годовой статье подборки, которое нельзя возвести к новгородским источникам: "А князь великыи Василеи далъ дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича". Это известие, действительно, московское по происхождению, но его интерпретация возможна только в контексте всей годовой статьи 1411 г.

Сравнивая НК1 с ее источником – Н1мл., мы замечаем, что в заключительной годовой статье 6919 (1411) г. составитель НК1 не использовал последнее известие: "Сеи зимы езди владыка Иоан на Москву к митрополиту Фотею" (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. (НПЛ). С. 403). Чем может объясняться это умолчание?

Как известно, в 1406 г. умер митрополит Киприан, с которым новгородцы были настолько в плохих отношениях, что даже угрожали патриарху переходом в "латинство". С именем Киприана исследователи связывают

подготовку так называемой Троицкой летописи (далее – Тр.), законченной уже после его смерти, но еще до приезда на Русь Фотия. Эта летопись весьма недоброжелательна по отношению к новгородцам. Следующий митрополит, грек Фотий, прибыл на Русь только в 1410 г. (22 апреля) и вскоре обратился к новгородцам с довольно дружественным посланием (29 августа того же года). Это послание было полностью включено в НК1 под 1410 г.

В следующем 1411 г. состоялся интересующий нас визит новгородского архиепископа Иоанна в Москву к митрополиту Фотию. Поездка Иоанна в Москву к новому митрополиту была для него первой после некоторого перерыва. Предыдущая закончилась тем, что митрополит Киприан продержал его более 3 лет под арестом. Н4 сообщает о поездке 1411 г. к новому митрополиту чуть подробнее: "Езди владыка Иванъ на Москву къ митрополиту Фотию, и тамо преставился Акимь дьяконъ марта 9 и положенъ бысть в монастыри святаго Иоанна Златоустаго вне града". Так как 9 марта 1412 г. относилось уже к 6920 г., в Н4 это известие перенесено в следующий после 6919 мартовский год. Пребывание новгородского посольства в Москве, таким образом, следует датировать концом 1411 – началом 1412 г.

Именно в конце 1411 г. была переписана рукопись, имеющая для нашей темы большое значение, – это Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями (РГБ, ф.304 (собр. ТСЛ), № 156). На л. 252–252 об. этой рукописи находится приписка: " Помощию святыя Троиця съписася книга сия, еи же именование Лествица, на имя священноиноку Матфею рукою грубаго и худаго, страннаго, последняго во иноцехъ, смереннаго многыми грехы Варлама. Слава съверъшителю Богу и пречистеи его матери въ векы, аминь. Ты же, възлюбленныи о святемъ Дусе о священне Матфее, Христа ради не сътвори мя забвена, егда предстоиши пред престоломъ славы, и ту да помянеши мя въ священныхъ ти молитвахъ, а не сътвори мя забвена грубости ради писаниа. В лето 9620 (1411) написася божестъвенаа Лествица месяца октовриа в 14 день на память святыхъ мученикъ Назариа, Геврасиа, Протасиа, Келесиа въ обители преподобнаго иигумена Сергиа. В то ж лето и священа бысть церкви в тои же обители месяца семптямриа въ 25 день. О ленивыи Варламе, готовися к ранамъ, близь есть конець".

Хотя в записи указано место написания рукописи – Троице-Сергиев монастырь, есть основания относить ее к лисицкой книгописной школе. Т. Б. Ухова считает заставку этой рукописи "вполне чуждой канону Троицкого монастыря". "Выделение группы памятников, украшенных орнаментом, сходных с заставкой Лествицы, написанной иноком Варламом, – отмечает Т. Б. Ухова, – позволило обнаружить еще один канон, который...

можно связывать с новгородским монастырем Рождества Богородицы на Лисичьей горке". Исследовательница считает Варлаама "новгородским мастером, работавшим в Троице-Сергиевом монастыре", выходцем из Лисицкого монастыря[4]. Действительно, в записи Варлаам называет себя "странным", что трудно понять иначе, как "путешествующим, иной области, чужим, странником".

Новгородский книжник Варлаам с Лисичьей горки хорошо известен по источникам конца XIV– начала XV в. Наиболее раннее упоминание имени Варлаама датируется 1397 г. В приписке к Тактикону Никона Черногорца (РНБ, F. п. I. 41, л. 222) говорится: «В лето 6905 (1397) при князе великомъ Васильи Дмитриевиче всея Руси, при митрополите Киприане всея Руси, при архиепископе Новгородьскомь Иоане списана бысть книга сия святыи Никонъ въ Великомъ в Новегороде къ святеи Богородице честному ея Рожеству на Лисичью Горку повелениемь того же архиепископа Новгородьского Иоана. Вынеслъ бо бяше сия книгы святыи Никонъ изъ Святое Горы игуменъ Ларионъ того же монастыря. А тогда игуменьствующю Варламу, ученику его. А писали сия книгы два калугера Яковъ да Пуминъ $\overline{\text{к}}$ днии и $\overline{\text{д}}$ днии во славу Богу и Пречистеи его Матери, владычице нашеи Богородици честному ея Рожеству, аминь".

Из этого текста о Варлааме становится известно следующее: он был учеником игумена Лисицкого монастыря Илариона и на время поездки своего учителя на Афон выполнял игуменские обязанности. Очевидно, это было до 1397 г., когда с привезенной со Святой горы книги была снята дошедшая до нас копия. Монастырь, где, вероятно, принял постриг и, наверняка, получал образование Варлаам, как и личность его учителя – Илариона, также достаточно известны.

Лисицкий (на Лисьей, или на Лисичьей, горке) монастырь Рождества Богородицы находился в 7 верстах от Новгорода по старой Московской дороге. В летописях он упоминается впервые под 1389 г., по-видимому, как уже существующий. У нас имеются сведения о 14 рукописных книгах конца XIV – первой половины XV вв., создание которых может быть связано с книгописной мастерской этого монастыря[5]. Анализ данных, имеющихся в этих рукописях, а также в других источниках, позволил сделать ряд наблюдений об особенностях культурной ориентации монахов – книжников

[4] *Ухова Т. Б.* "Балканский стиль" в орнаменте рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: XIV–XV вв. М., 1984. С.149–150.

[5] См. об этом подробнее *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси: XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.

Лисицкого монастыря. Во-первых, обращают на себя внимание связи лисицких иноков со Святой горой – Афоном. В конце XIV в. инок Арсений (в будущем – св. Арсений Коневский, основатель Коневского монастыря на Ладожском озере) и игумен Иларион совершили "хождения" на Святую гору и принесли оттуда книги: Устав монастырский и Тактикон Никона Черногорца. В сборнике лисицкого писца Серапиона 1431 г. содержится запись о том, что переписанное здесь "Слово постническое" Максима Исповедника было переведено на Афоне всего шестью годами раньше – в 1425 г. В 6 рукописях, связываемых с книгописной мастерской Лисицкого монастыря, имеются заставки "балканского" стиля, созданные, по мнению Т. Б. Уховой, по одному канону, сложившемуся здесь, в монастыре, под влиянием Афонской традиции. Важно также отметить, что монастырские Тактикон Никона Черногорца и Минея служебная конца XIV в. (РНБ, Софийское собр., № 187) относятся к Афонско-Иерусалимской редакции устава, хотя в Новгороде в целом, как показало исследование Е. М. Шварц, переход от Студийской редакции устава к новой произошел лишь в конце 30-х гг. XV в. – при Евфимии II[6].

Анализ репертуара книг Лисицкого монастыря показал, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых традиционно связывается со "вторым южнославянским и византийским влиянием", - это произведения Симеона Нового Богослова, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Нила Философа, Филофея Синаита, Никиты Стифата, Исаака Сирина и др. Таким образом, культурная ориентация лисицких книжников просматривается в их "афонских связях", в принятии церковного устава, распространителем которого был митрополит Киприан, и в репертуаре сочинений, которые они включали в свои сборники. Важно также, что лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского или Кириллу и Ферапонту, уходит на север и основывает новый общежительный монастырь – Коневский. На основании этих фактов иноков Лисицкого монастыря можно отнести к сторонникам, используя термин Г. М. Прохорова, грекофильской "монашеской партии"[7], представителям общежительного движения среди русского монашества. Политический идеал этой партии, как показал Г. М. Прохоров, заключался в сочетании "централизма" церковного и "федерализма" политического, в независимости Церкви от светской власти. Возможно, именно приверженность к

[6] *Шварц Е. М.* О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. ст. Л., 1984. С. 82–85.

[7] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С.111 и др.

этому идеалу Киприан оценил в тогдашнем лисицком игумене. В 1396 г., вскоре после возвращения из путешествия на Афон, Иларион становится архимандритом московского Симонова монастыря. Спустя десять лет учитель Варлаама становится одним из высших иерархов русской церкви – 26 августа 1406 г. он поставляется Киприаном в епископы Коломенские. Вскоре, в том же году, он присутствует на похоронах Киприана (умер 16 сентября 1406 г.), а 9 марта 1408 г. умирает и сам Иларион. Интересно, что продвижение Илариона к высшим церковным должностям происходит в Москве. В Новгороде же выходцы из Лисицкого монастыря начинают занимать значительные посты несколько позднее[8]. Первым здесь оказывается ученик Илариона Варлаам – он становится архимандритом Новгородским.

Под 1410 г. в Н1мл. сообщается о строительстве архимандритом Варлаамом церкви, посвященной св. Варлааму Хутынскому: "Того же лета Варлаам анхимандрит постави церковь камену во вратах монастыря Лисичкого во имя преподобного Варлама, игумена святого Спаса Хутиньскаго" (НПЛ. С. 402). П. М. Строев в "Списках иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви" (СПб., 1877), справедливо поместив Варлаама среди архимандритов Юрьева монастыря, отметил: "Не из Лисицкого ли?" Основанием для такого предположения, конечно, послужили упоминание Варлаама в приписке к Лисицкому Тактикону 1397 г. и строительство архимандритом Варлаамом церкви именно в Лисицком монастыре.

В. Л. Янин, однако, подверг сомнению такое отождествление. В своем исследовании актовых печатей Новгорода он проанализировал сохранившиеся печати Хутынского монастыря, имеющие на лицевой стороне надпись: "Печат Варлама Игумена стго Спса Хуты", а на обратной – поясное изображение св. Варлаама и надпись: "Варлам". Свидетельство этой буллы, датируемой исследователем началом XV в., позволило ему "уверенно предположить, что до избрания в архимандриты новгородские Варлаам был игуменом Спаса-Хутынского монастыря"[9]. В. Л. Янин отметил, что данная печать применялась при актах Хутынского монастыря на протяжении долгого времени, указав на опубликованный В. И. Корецким список

[8] Характерно, что выходцы из наиболее значительных общежительных монастырей – Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского, как заметил Н. С. Борисов, "в XV веке почти никогда не получали прямого доступа к епископскому сану и митрополичьей кафедре" (*Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 144–145). Даже те редкие случаи, когда это происходило, относятся к последней трети XV в. (Там же. С.152–153).

[9] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. С. 140.

с грамоты Хутынского игумена Закхея Палеостровскому игумену Конону (ок. 1477–1478 гг.). В этом списке говорится о скреплявшей несохранившийся подлинник печати: "А печать у грамоты на свинцу преподобнаго Варлама чюд(отворца), а на другой стороне потпись печать Варлама"[10]. Из этого обстоятельства В. Л. Янин, в соответствии с высказанной им точкой зрения, что эта печать – именная, Хутынского игумена начала XV в. Варлаама, делает такой вывод: "матрицы с именем игумена Варлаама действительно употреблялись при других, более поздних игуменах, а не были уничтожены после смерти их первоначального владельца, как уничтожались матрицы других именных булл"[11].

Такая интерпретация печати Хутынского монастыря наталкивается, однако, на серьезные возражения. Именные печати игуменов монастырей в Древней Руси вообще неизвестны. Что касается новгородских монастырей, то до нас дошли печати 11 из них: Благовещенского, Варваринского, Кириллова, Юрьева, Нередицкого, Хутынского, Вяжищского, Спасского в Русе, Никольского Белого в Неревском конце, Никольского на Поле в Загородском конце, Антониева (последние три одновременно являлись печатями соответственно Неревского, Загородского и Плотницкого концов)[12]. Все они имеют надписи лишь с названием монастыря. Печать Хутынского монастыря упоминается еще в одном письменном источнике – Отписи Ивана Даниловича Спасскому Хутынскому монастырю (не позже 1417 г.): "...игумен Василии, и поп, к все чернецы даша Ивану даную новую, с Ондреева рукописания список, за Варламовою печатью; а рукописание Андреево у игумина и у всех чернецов святаго Спаса на полатех..."[13]. Архимандрит Юрьевский Варлаам также упоминается в начале этого документа, но "Варламовой печатью" явно называется булла Хутынского монастыря, по аналогии с "Печатью Онтоновской" и "Печатью Варварьининой"[14], а не его именная печать (специальной печати архимандрита вообще не было, существовала лишь монастырская "Печать с(вя)то(го) Егорья")[15]. Игуменом святого Спаса Хутыни на печати, конечно, назван основатель монастыря – преподобный Варлаам, а юрьевский архимандрит начала XV в. не был игуменом Хутынской обители. Справедливости ради следует

[10] *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 450.
[11] *Янин.* С. 141.
[12] Там же. С. 230–232.
[13] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С.184–185 (№ 127).
[14] *Янин.* С. 135, 138.
[15] Там же. С.231.

отметить, что в других работах В. Л. Янин признает архимандрита Варлаама выходцем из Лисицкого, а не из Хутынского монастыря[16].

Являются ли, однако, достаточными основания для отождествления "игуменствующего" в Лисицком монастыре Варлаама с юрьевским архимандритом? Окончательно убеждают в справедливости такой точки зрения лисицкие Синодики, хранящиеся в РГАДА и ГИМ, в которых поминается "архимандрит Варлаам".

Следует полагать, что Варлаам в качестве новгородского архимандрита, главы черного духовенства республики, принимал участие в поездке архиепископа Иоанна 1411–1412 гг. в Москву к митрополиту Фотию, а, возможно, прибыл в Москву даже раньше основного посольства.

Заметное улучшение отношений между церковными иерархами Новгорода и Москвы, книгописная деятельность новгородского книжника Варлаама в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре – вот та почва, на которой, по нашему мнению, возникает возможность соединения двух ветвей летописания: осенью-зимой 1411/1412 г. создается свод-протограф НК1. Можно думать, что Варлаам привез с собой из Новгорода список официальной владычной летописи, начинавшейся словами: "Временникъ, еже есть нарицается летописание..." (так в Н1мл.). В Троице-Сергиевом монастыре при сведении воедино двух летописей Варлааму понадобилось сделать "географическое" уточнение к заглавию свой части: "Софеискыи Временникъ..."

Особенно важным для определения места и времени создания НК1 представляется уже упоминавшееся известие 1411 г. о женитьбе дочери Василия Дмитриевича Анны на сыне византийского императора Иоанне (Калуяне): "А князь великыи Василеи даль дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича" (НК1, л. 301). Как известно, дьякон именно Троицкого монастыря Зосима был в числе сопровождавших Анну в Царьград. Фраза из приписки Варлаама к Лествице 1411 г. («В то ж лето и священа бысть церкви в тои же обители месяца семптямриа въ 25 день») имеет в общем летописный характер (а это верный признак причастности к ведению летописания) и отражает, думается, или его личные впечатления, или устные рассказы о недавнем, бывшем незадолго до его приезда, событии. Такое же устное происхождение, несомненно, имеет и запись о женитьбе княгини Анны на византийском царевиче – об этом говорили буквально в те дни, когда Варлаам жил в Троице-Сергиевом монастыре.

[16] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 145; Он же. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 238, 301.

Анализируя списки посадников, В. Л. Янин показал, что существовал так называемый список А (первая редакция), датируемый им около 1409 г. Исследователь предположил, что составление списка А было одной из форм новгородского участия в подготовке Тр.[17] Однако, насколько мы можем судить, список посадников никоим образом не нашел отражения в Тр. Думается, скорее надо связывать его с поездкой к митрополиту зимой 1411–1412 гг. и с деятельностью в Троице-Сергиевом монастыре архимандрита Варлаама, видимо, имевшего в своем распоряжении новгородскую летопись, доведенную до 1410/1411 г. Напомним, что в статье 6919 (1411/1412) г. составитель НК1 не использовал последнее известие Н1мл. о приезде в Москву архиепископа Иоанна, что кажется нам подтверждением предлагаемой гипотезы, ибо Варлаам в момент завершения работы или еще не знал об этом приезде (его пребывание в Троице-Сергиевой лавре зафиксировано 14 октября 1411 г., а архиепископ был в Москве "зимой" при точной дате 9 марта 1412 г.), или же, опираясь на воспоминания о предыдущей поездке Иоанна в Москву, считал, что до благополучного завершения визита о нем еще рано упоминать. В свете изложенного становится ясным, почему в НК1, доведенной до 1411 г., не нашла отражения Тр. 1409 г. Новый митрополит Фотий не стал продолжать линию Киприана на конфронтацию с Новгородом, и Тр. с ее в целом антиновгородской позицией не была использована Варлаамом при создании НК1. Вероятно, в Троице-Сергиевом монастыре в 1411– 1412 гг. Варлааму был предоставлен для его работы список Владимирской летописи 1185 г.

Дальнейшая судьба летописи Варлаама 1411 г. видится нам так: с одной стороны, она была использована при составлении Новгородско-Софийского свода в Москве вскоре после 1418 г., а с другой, естественно, попала в Новгород. В это же время в самом Новгороде начинается летописная деятельность другого яркого книжника первой половины XV в. Матфея Михайлова Кусова (ему в 1411 г. было 36 лет), но его усилия направлены на продолжение традиционной линии новгородского владычного летописания[18]. Свод Варлаама не получил распространения в Новгороде, но в Москве он оказался первым шагом на пути к созданию Новгородско-Софийского свода (или свода Фотия 1418–1423 гг.). Новгородский владычный свод, созданный при участии Матфея Михайлова Кусова, также используется при создании свода Фотия (этот этап новгородского летописания, как показал В. Л. Янин, хронологически зафиксирован в окончательной редакции "Списка А" новгородских посадников). 1 сентября

[17] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С.42.

[18] См. подробнее: *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3–20.

1421 г. новгородским архиепископом становится Феодосий, выходец из Троицкого Клопского монастыря с его традиционной промосковской ориентацией. С деятельностью Феодосия мы связываем вторую попытку соединить новгородское и общерусское летописание, следами которой являются перечни русских князей, митрополитов, городов, родословия великих князей в некоторых списках новгородских летописей, а также влияние Новгородско-Софийского свода на некоторые сочинения в составе Н1мл. После изгнания Феодосия с владычной кафедры официальное летописание возвращается в традиционное русло[19]. Наконец, еще один питомец Лисицкого монастыря – Евфимий II, занявший архиепископскую кафедру в конце 1429 г., вновь, уже в третий раз, инициировал работу по соединению новгородского летописания с общерусским, использовав все результаты своих предшественников и призвав к исполнению этой задачи все того же Матфея Кусова[20]. Многолетние усилия привели к созданию Н4, видимо, самого яркого литературного памятника новгородского "Евфимьевского возрождения".

Последние годы жизни Варлаама освещены источниками довольно скудно. В перечне новгородских архимандритов, находящемся в Комиссионном списке Н1мл., вслед за Варлаамом упомянуты еще 6 имен: "Семеон, Михаило, Маркианъ, Нафанаиль, Саватии, Дионисии". Последние два имени, однако, являются дополнением, восполняющим пропуск в более ранней части перечня. Они восходят к известию 6702 (1194) г.: "В то же лето преставися Дионисии анхимандрит новъгородчкыи, игуменъ святого Георгиа; и поставиша на месте его Саватия" (НПЛ. С. 234). Таким образом, последнее имя в перечне – Нафанаил. К сожалению, Симеон, Михаил, Маркиан и Нафанаил неизвестны другим источникам, поэтому, казалось бы, ничего нельзя сказать и о датах их архимандритства. Важно, однако, что в Комиссионном списке список архимандритов помещен в составе обширного хронологического обзора, во всех остальных рубриках которого, как показал В. Л. Янин, изложение доведено до 1423 г. Так как последнее упоминание архимандрита Варлаама относится к 1419 г. (см. ниже), то следующие за ним иерархи должны были сменяться ежегодно: 1420 г. – Симеон, 1421 г. – Михаил, 1422 г. – Маркиан, 1423 г. – Нафанаил. Учитывая, что должность архимандрита Новгородского была, как установил В. Л. Янин, выборной (на вече) и что мы имеем массу примеров частой смены архимандритов, это не должно казаться странным. По всей види-

[19] См. подробнее: *Бобров А. Г.* Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 187–191.

[20] См. подробнее: *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 17–19.

мости, в 1419 г. Варлаам перестал быть архимандритом Новгородским, но умер ли он, удалился ли на покой – неизвестно.

В последние годы деятельности Варлаам еще дважды фигурирует на страницах летописи. В 1418 г. в Новгороде произошли крупные беспорядки, известные в литературе как "восстание Степанки". Примирителем сторон выступил архиепископ Симеон, а его послом для ведения переговоров был архимандрит Варлаам: "Владыка послуша молениа их, посла анхимандрита Варлама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль дворъ... да идут в домы своя. И разидошася молитвами святыя Богородица и благословениемъ архиепископа Семеона, и бысть тишина въ граде" (НПЛ. С. 410). Вероятно, авторитет Варлаама, занимавшего выборную должность бессменно много лет, был в Новгороде достаточно высок.

Под 6927 (1419) г. Варлаам в последний раз упоминается летописью: "А Варламъ анхимандрит постави церковь камену въ Юрьеве манастыри Рожество Богородицю" (НПЛ. С. 412). Посвящение новой церкви именно Рождеству Богородицы кажется не случайным. Этот праздник в сознании современников не мог не связываться с происшедшей в этот день Куликовской битвой. Как показал Г. М. Прохоров, победа над Мамаем была одновременно и политической победой грекофильской "иноческой" партии в борьбе со сторонниками церковного обособления и протатарской ориентации Великой Руси. Строительство монастырей и церквей, посвященных Рождеству Богородицы, после 1380 г. заметно активизируется. Особую роль играет в этом процессе возвышение московского Симонова монастыря Рождества Богородицы. В 1384 г. патриарх Константинопольский Нил дал грамоту "строити манастырь Симановскии в патриарше имя... а митрополиту ничимь, никоторыми делы не повиноваться, ни владети митрополиту манастырем Симановскимъ ничемъ"[21]. В Новгороде, где уже существовали древние, основанные в XII–начале XIV вв. Антониев, Михалицкий, Десятинский и Перынский монастыри Рождества Богородицы (последний, впрочем, несмотря на древность сохранившейся церкви, впервые упомянут источниками в 1386 г.), в интересующий нас период Рождеству Богородицы посвящен Лисицкий монастырь (первое упоминание – 1389 г., каменная церковь – 1393 г.) и основанный выходцем с Лисьей горы Арсением – Коневский на Ладожском озере (первое упоминание –1398 г.). Еще одна церковь Рождества Богородицы была поставлена в начале 6905 (1397) г.: "Постави Исакъ Окинфовъ церковь камену святыя Богородица Рожество на Десятине»,

[21] ПСРЛ. СПб., 1897. Т.11. С.142.

как раз во время сближения с Москвой и с митрополитом Киприаном, до начала Двинского конфликта.

По всей видимости, строительство церкви именно Рождества Богородицы в Юрьевом монастыре для Варлаама – это не просто богоугодное дело, но в какой-то мере и знак его общественно-политических и культурных взглядов, позволивших ему, как мы пытались доказать, создать далеко не рядовой памятник – летописный свод 1411 года.

ОЧЕРК 3

НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ 20-х гг. XV в. [1993 г.]

В истории летописания важным и до сих пор до конца не проясненным вопросом остается складывание новгородских сводов в 20-х гг. XV в. Общепризнанным является мнение, что новгородская «владычная» летопись велась «из года в год»[1], однако исследователи уже обнаруживали различные приметы существования определенных этапов летописания – сводов-протографов. А. А. Шахматов показал, что Новгородская I летопись младшего извода (далее – НIмл), доведенная в Комиссионном списке до 1439 г. (основной почерк), а в Академическом, Толстовском и Воронцовском – до 1443 г., восходит к протографу 1432 г. или 1433 г.[2] Эта гипотеза, основанная на факте повторения известия 6940 (1432) г. в списках НIмл[3] и подкрепленная упоминанием Юрия Дмитриевича как «великого князя» в Троицком списке НIмл, поддерживается и современными учеными[4]. Более ранний этап новгородского летописания А. А. Шахматов относил к 1421 г. («ибо свод 1448 г., держась своих источников, не переходил в основной своей части за 1422 г.»[5]) и считал, что это и был «Софийский временник», составитель которого (Матфей Михайлов) использовал в ранних известиях так называемый Начальный свод конца XI в.[6] Впоследствии исследователь отказался от представления о двух этапах редактирования новгородского летописания и предложил считать

[1] См., например: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 168; *Лихачев Д. С.* Литература Новгорода // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2. ч. 1. С. 115–116.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 174, 336.

[3] Там же. С. 129, 156, 165 и др.

[4] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 301; *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников. Вып. 1. С. 246.

[5] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 155.

[6] *Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду и Нестерова летопись // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 1.

«Софийским временником» Матфея Михайлова свод 1432 г.[7] М. Д. Приселков датировал этот памятник 1418 г.[8], а Д. С. Лихачев вернулся к гипотезе о своде-протографе 1433 г., полагая, что «Софийский временник» возник в 30-х гг. XII в.[9] По мнению Я. С. Лурье, свод-протограф НIмл может быть датирован началом XV в., причем возможно существование и более раннего свода первой половины XII в.[10] В. Л. Янин считает, что «Временником» назывался реконструируемый им свод 1204 г., который был продолжен более поздними записями вплоть до первой четверти XV в.[11] Исследователь предположил, что раздел, предшествующий летописному тексту в Комиссионном списке НIмл (включающий перечни князей, митрополитов, посадников, тысяцких, архиепископов и т. д.), был составлен в 1423 г.[12], но аналогичный обзор в статье 6497 (989) г. «демонстрирует более поздний этап редактирования»[13]. Различные мнения высказывались также и о времени возникновения и о характере взаимоотношения протографов Новгородской Карамзинской (далее – НК) и Новгородской IV (далее – НIV) летописей[14]. Таким образом, мы видим, что существующие исследования оставляют не до конца проясненным вопрос о редактировании летописей Великого Новгорода в 20-х гг. XV в. Для того чтобы попытаться его прояснить, мы рассмотрим текст названных летописей за период начиная со смерти архиепископа Симеона (15 июня 1421 г.), когда владычную кафедру последовательно занимали игумен Клопского монастыря Феодосий (1 сентября 1421 г. – конец августа 1423 г.) и выходец

[7] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 366.

[8] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 150.

[9] *Лихачев Д. С.* 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 206–207, 443–444 и др; 2) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240–265.

[10] *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199.

[11] *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153–181.

[12] Там же. С. 158–160.

[13] Там же. С. 159.

[14] *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207–213; *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199–218; *Lind J.* In the Workshop of a Fifteenth Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages). Odense, Univ. Press, 1989. P. 65–81; *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3–20.

из Деревяницкого монастыря Емелиан (Евфимий) Брадатый (31 августа 1423 г. – 1 ноября 1429 г.).

В НІмл после описания выборов по жребию нового архиепископа 1 сентября 1421 г. следуют недатированные известия:

«Того же лѣта свершены быша 4 церкви камены: Богоявление на полѣ, Въскресение у Благовещениа въ манастыри, Иванъ милостивыи в Людинѣ конци; а новгородци человаша крестъ за одинъ брат. Въ си два лѣта бысть глад и мор великъ, и наметаша мертвых три скуделницѣ: одину въ святѣи Софѣи за олтарем, а двѣ у Рожества на полѣ»[15].

6930 (1422) г. в тексте вообще не проставлен, а летописная запись 6931 (1423) г. открывается известием: «Бысть знамение в солнци». Как отметил Н. Г. Бережков, эта запись относится, по всей видимости, к солнечному затмению 26 июня 1424 г.[16], хотя в следующей годовой статье встречаются известия, датируемые сентябрем 1423 г. (изгнание Феодосия и возведение на кафедру Евфимия). Правда, в неопубликованном и требующем специального изучения «Летописце епископа Павла» сообщается о знамениях в солнце как под 1422 г., так и под 1423 г., а под 1424 г. отдельно сообщается о затмении («гибло солнце») (см.: БАН, собр. Доброхотова, № 18, л. 46 об.). Но в любом случае, относить ли возобновление летописных записей в Н1мл после лакуны к осени 1423 г. или к лету 1424 г., мы можем отметить практически полное отсутствие известий за время архиепископа Феодосия. Возникает вопрос: сокращены ли эти записи впоследствии, или же при Феодосии летописание не велось?

Напомним, что, как показал Л. А. Дмитриев, этот владыка был выходцем из монастыря с промосковской ориентацией и занял архиепископскую кафедру на гребне народных волнений летом 1421 г., а уже через два года был вынужден вернуться в свою обитель[17]. Феодосий был чужим, пришельцем в Новгороде[18]. Подвизавшийся в том же монастыре Михаил Клопский был родственником московских князей (сын Дмитрия Донского Константин назвал его, встретив в монастыре, «своитином»[19]). В. Л. Янин

---

[15] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 414 (далее – НПЛ). В приведенном тексте обращает на себя внимание тот факт, что вместо 4 церквей названо только три; сравнение с НК и НІV показывает, что кроме церкви Воскресения в Благовещенском монастыре должна быть названа церковь Воскресения в Павлове монастыре (см. НК: ГПБ, F.IV.603, л. 425). Этот повтор слова «Воскресения» вызвал ошибку переписчика протографа НІмл (пропуск присущ всем спискам НІмл).

[16] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 301.

[17] Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л. 1958. С. 32–34.

[18] Согласно НІV, новгородцы мотивировали его смещение с кафедры так: «Не хотим шестника владыкою» (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431).

[19] Повести о житии... С. 91.

убедительно предположил, что Михаил был сыном Д. М. Волынского-Боброка, внуком князя Ивана Красного[20]. В этой связи появление в разделе, предшествующем Комиссионному списку Н1мл, рубрик «Сице родословятся велицѣи князи русьстии», «Родословие тѣх же князеи», «Кто колико княжил», «А се князи русьстии»[21], в которых, кстати, упоминается и Иван Красный[22], действительно можно отнести к 1423 г., когда «владычное» летописание велось под руководством Феодосия Клопского. Характерно, что эти рубрики дошли до нас только в одном списке Н1мл – Комиссионном, причем в Новороссийском списке НIV, где есть аналогичный раздел, великокняжеские родословия опущены, однако они встречаются в «Летописце епископа Павла»[23].

Среди статей, предшествующих Комиссионному списку Н1мл, отметим также рубрику «А се имена всѣм градом рускым, далним и ближним» (НПЛ. С. 475–477). По поводу этого текста, оформившегося в конце XIV – начале XV в. и встречающегося в различных летописных сборниках, А. Н. Насонов заметил, что в нем «выражена идея единства Юго-Западной и Западной Руси и Руси Северной и Северо-Восточной, собраны города „дальние" и „ближние"»[24]. Для Н1мл, в целом не интересующейся событиями за пределами Новгородских земель, включение в предваряющие ее текст статьи таких разделов кажется по меньшей мере необычным. Действительно, в статье 6497 (989) г., содержащей перечни такого типа, нет ни списков великих князей, ни списков русских городов.

Таким образом, можно полагать, что эти рубрики в Комиссионном списке Н1мл представляют собой случайно уцелевшие следы работы с летописью владыки Феодосия. Если эта работа велась, то, по всей видимости, известия 1422 и 1423 гг. существовали, а после изгнания этого владыки были изъяты как неприемлемые с точки зрения следующего архиепископа – Евфимия I Брадатого. Из жития Михаила Клопского мы знаем о неприязненном отношении иноков этой обители к новому владыке[25], выходцу из Деревяницкого монастыря, со времени

[20] *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52–61.

[21] НПЛ. С. 465–469.

[22] Там же. С. 466, 468.

[23] *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 92–93.

[24] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 276.

[25] Повесть о житии... С. 43–45, 93 (о том, что Евфимий I не захотел принять участие в похоронах Феодосия, из-за чего последний пролежал три дня непохороненным), 98,

основания тесно связанного с «домом святой Софии»[26]. Как справедливо заметила Э. С. Смирнова, «Евфимий I, сменивший Феодосия, восстановил традиционно новгородскую, сепаратистскую ориентацию архиепископского дома»[27]. Продолжил он и летопись, хотя записи 6931 (1423)–6936 (1428) гг. весьма лапидарны; они посвящены главным образом строительству церквей (1423, 1424, 1427 гг.) и военным акциям новгородцев (1425, 1426, 1428 гг.). Из неновгородских событий отмечены лишь введение во Пскове собственных денег, преставление Василия Дмитриевича (1424 г.) и Ивана Михайловича Тверского (1425 г.). Летописец Евфимия I подчеркивал роль владыки в церковном строительстве, что в летописях, составленных после его смерти, при Евфимии II, было замечено и исправлено:

	Н1мл	**НК (ГПБ, F. IV.603)**
6932 (1424) г.	Того же лѣта постави *владыка Еуфимеи* церковь святого Спаса Милостиваго за олтаремъ у святѣи Софѣи (НПЛ. С. 415).	Того ж лѣта поставиша *новгородци* церковь святыи Спас у Софьи за олтарем в един день (л. 425 об.).

104–105 (о том, как Евфимий I, захотев получить с Клопского монастыря «куны», взял вороного коня, а Михаил в ответ предсказал ему скорую смерть).

[26] В Деревяницком монастыре существовали «владычнѣ хоромы» (1414 г., НПЛ. С. 404), предназначавшиеся, по всей видимости, для ушедших «на покой» архиепископов, а сам монастырь рассматривался как «владычный» некрополь. Если факт погребения здесь архиепископов Алексея (ум. в 1389 г.) и Иоанна (ум. в 1417 г.) подтверждается свидетельством Н1мл (см.: НПЛ. С. 407, 475), то вопрос о месте погребения Евфимия I более сложен. В. Л. Янин отмечал, что «место погребения Евфимия I Брадатого (1423–1429) в древних источниках не зафиксировано» (*Янин В. Л.* Некрополь Новогородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 66), и предполагал, что он мог быть похоронен в Мартирьевской паперти Софийского собора (Там же. С. 66, 87). Однако в 1989 г. Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР приобрело Устав Иерусалимский, датируемый по пасхалии 1498 г. и принадлежавший в XVI в. Деревяницкому монастырю. Запись того же времени прямо указывает: «Месяца ноября 1 день обѣд по владыкы по Еуфимьи, что лежит здѣсь, по челкви братьи» (ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 89, л. 296 об.). Таким образом, Евфимий I, выходец из Деревяницкого монастыря, в этой же обители и похоронен. В находящихся рядом записях упоминаются поминальные трапезы для братии по владыкам Алексею, Иоанну и Василию Калике, из чего следует, что последний, возможно, предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, так как дал вклад на «вечное поминание».

[27] *Смирнова Э. С.* Очерки истории новгородской иконописи XV в. // *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 26.

6935 (1427) г.	Свершена бысть церковь камина святыи Спасъ Милостивыи *владыкою Еуфимиемъ, и устроена бысть дивно иконами и книгами* (там же).	Съвершена бысь церковь камена святыи Спас Милостивым *повелением владыце Евфимиа* (там же).

1 ноября 1429 г. Евфимий Брадатый преставился. Он управлял новгородской епархией более 6 лет, не оставив заметного следа в ее истории[28]. В области летописания он отличился, кажется, лишь тем, что устранил годовые статьи 1422 и 1423 гг., написанные при его предшественнике Феодосии, и возобновил традиционный узконовгородский подход к ведению владычной летописи. И в других областях книжной культуры время Евфимия I не дало ничего примечательного (известна всего лишь одна переписанная в период его «владычества» новгородская рукопись: Стихирарь 1424 г. – ГИМ, Синодальное собр., № 199). Местный патриотизм, порожденный стремлением к независимости, начал перерастать в искусственную самоизоляцию, автаркию. Новгородская культура отторгла чужака – Феодосия с его слишком прямолинейной промосковской линией, но она нуждалась в притоке свежих тем, сюжетов и образов. Следующий архиепископ, Евфимий II, выходец из Лисицкого монастыря с его богатыми книжными традициями и связями с византийским миром[29], сумел вдохнуть новые силы в культуру Великого Новгорода.

[28] См. о нем: *Понырко Н. В.* Евфимий I (Емелиан) Брадатый // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 205–206; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 50–51, 176–177.

[29] См.: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси: XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.

ОЧЕРК 4

РЕДАКЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТОЙ ЛЕТОПИСИ [1999 г.]

1. Издания и списки

Новгородская четвертая летопись (далее – Н4) была издана дважды. Опубликованный в 1848 г. четвертый том ПСРЛ[1] («Новгородские и Псковские летописи») содержит Н4 и прибавления, выделенные из Н4: Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, Сказание о Царьграде дьяка Александра, Повесть о преставлении князя Михаила Александровича Тверского. Н4 была опубликована по 5 спискам (с. 1–165). За основной текст Н4 взят Строевский список, варианты– по спискам: Академическому (№ 21), Синодальному (№ 152/46), Публичной библиотеки (Фроловскому) и Хронографическому (Синодальное собр., № 280). Целостного текста Н4 данное издание, как и все первые публикации в серии ПСРЛ, не дает, так как фрагменты, параллельные ранее опубликованным в предыдущих томах, вновь не воспроизводились, а лишь обозначались отсылками.

В 4-м томе (второе издание) серии ПСРЛ вновь была опубликована Н4 (в трех выпусках)[2]. В предисловии к 1-му выпуску даны характеристика первого издания Н4 и описание списков, использованных при втором издании. В предисловии ко 2-му выпуску перечислены рукописи, использованные при издании этого выпуска. В предисловии к 3-му выпуску– описание списков, использованных при подготовке текстов 2-го и 3-го

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 4. 8 с., 2 табл., 362 с.

[2] Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению имп. Археографическою комиссиею. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. 9, 320 с.; Полное собрание русских летописей, издаваемое Гос. Археографическою комиссиею Российской Академии наук. Л., 1925. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. 1 ненум., с. 321–536; Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссиею Академии наук СССР. Л., 1929. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. 4, с. 537–687.

выпусков и не описанных в 1-м выпуске. В отличие от первого издания Н4, где из текста были выпущены места, встречающиеся в других летописных сводах, в этом издании текст летописи опубликован полностью. За основной текст взят Строевский список. Разночтения подведены по следующим восьми спискам: Синодальному (№ 152/46), Фроловскому, Академическому, Толстовскому, Голицынскому, Новороссийскому, Архивному (Архив Министерства иностранных дел, № 20/25) и списку Дубровского. Четыре последних списка в первом издании Н4 использованы не были. Вслед за текстом Н4 в этом издании следуют варианты окончания летописи по спискам Строевскому, Новороссийскому, Голицынскому, Академическому и Дубровского, а также приведены варианты по списку Дубровского. Полностью был опубликован сокращенный новгородский летописец по списку Н. К. Никольского и приложения: «А се имена всим градом Рускымь далним и ближнимь», «А се Рустии митрополити», «А се Новъгородцкии епископи», «А се посадници Новгородстии», «А се тысяцькии Новгородцкыи», «Архимандриты Новгородстии», «Поучение Петра митрополита всея Руси кьнязю Дмитрею...», «Никифора патриарьха Царяграда летописець въскоре».

Н4 сохранилась в десяти списках:

1. **Музейский первый список**, конца 50–70-х гг. XV в. (ГИМ, Музейское собр., № 2982)[3] – сокращенно обозначается М1;

2. **Фроловский список**, конца 70-х гг. XV в. (РНБ, ОСРК, F.IV.235)[4] – сокращенно обозначается Фр.;

3. **Новороссийский список**, 70–80-х гг. XV в. (БАН, Тек. пост. 1107)[5] – сокращенно обозначается Нр.;

4. **Строевский список**, конца 70–80-х гг. XV в. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 2035)[6] – сокращенно обозначается Ст.;

5. **Толстовский список**, конца XV в. (РНБ, ОСРК, Q.IV. 138)[7] – сокращенно обозначается Т.;

---

[3] *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 107–108 (№ 103); Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986 (далее – ПС XV в.). С. 199 (№ 1985). Список не привлекался при изданиях.

[4] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 3–4 (1-я паг.); ПС XV в. С. 309 (№ 3418).

[5] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 7–8 (1-я паг.); ПС XV в. С. 199 (№ 1984). Список впервые был введен в научный оборот: [*Павлов А. С.* Сообщение] // ЛЗАК. СПб., 1877. Вып. 6. Отд. 4. Выписка из протоколов. С. 25–27.

[6] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 2 (1-я паг.); ПС XV в. С. 308 (№ 3408).

[7] *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 238. Отд. II, № 52; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 8 (1-я паг.); ПС XV в. С. 253 (№ 2707).

6. **Академический первый список**, XV в. (БАН, 45.8.296)[8] – сокращенно обозначается А1;

7. **Голицынский список**, второй половины 1510-х гг. (1516–1518 гг.) (РНБ, ОСРК, Q.XVII.62)[9] – сокращенно обозначается Гл.;

8. **Академический второй список**, первой половины XVI в. (БАН, 16.3.2 (Осн. 22))[10] – сокращенно обозначается А2;

9. **Синодальный список**, 1544 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 152/46)[11] – сокращенно обозначается С.;

10. **Музейский второй список**, середины XVI в. (ГИМ, Музейское собр., № 2060)[12] – сокращенно обозначается М2.

Списки Н4, как было установлено А. А. Шахматовым, представляют две редакции текста – так называемую первую, или старшую, в которой изложение доведено до 1437 г. (Нр. и Гл.), и вторую, или младшую, в которой текст продолжен до 1447 г. (остальные списки)[13]. Различаются две редакции главным образом окончанием текста. Текст обеих редакций совпадает только до конца известия 1428 г. («основная редакция» Н4), а далее расходится.

2. Вопрос о «первоначальной» редакции Н4

По мнению Я. С. Лурье, «первоначальная» редакция Н4 представлена в неопубликованной так называемой Новгородской Карамзинской летописи[14].

Новгородская Карамзинская летопись сохранилась в единственном списке конца XV–начала XVI в. (РНБ, ОСРК, F.IV.603, л. 181–425 об.)[15] –

[8] *Покровская В. Ф., Копанев А. И., Кукушкина М. В., Мурзанова М. Н.* Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 317; ПС XV в. С. 111 (№ 782). Список не привлекался при изданиях.

[9] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 5–7 (1-я паг.).

[10] *Шилов А. А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты: Материалы для Полного собрания русских летописей. Вып. 1 // ЛЗАК за 1909 год. СПб., 1910. Вып. 22. С. 14–15 (6-я паг.); ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 4–5 (1-я паг.).

[11] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 2–3 (1-я паг.); *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 107 (№ 102).

[12] *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 257–258; *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки... С. 106 (№ 101).

[13] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182–184.

[14] *Лурье Я. С.* Летопись Новгородская Карамзинская // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 54.

[15] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1878 год. СПб., 1879. С. 9, 14–15; Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. XIX–XX; ПС XV в. С. 309 (№ 3422).

сокращенно обозначается НК. Особенностью НК является то, что она состоит из двух приблизительно равных по объему частей (подборок летописных известий), следующих в рукописи одна за другой. В тех случаях, когда речь идет отдельно о первой (до 1411 г.: л. 181–301) либо второй (до 1428 г.: л. 302–425 об.) подборке летописных известий НК, они сокращенно обозначаются соответственно НК1 и НК2.

В обеих подборках НК представлен принципиально иной, по сравнению с Новгородской 1 летописью младшего извода (далее – Н1 мл.), вид новгородского летописания. Значение этого памятника определяется тем, что здесь новгородские летописцы проявляют заметный интерес к событиям не только местным, но и общерусским, в НК1 и НК2 они широко включают в свои своды произведения южно- и центральнорусской письменности, начиная с «Повести временных лет».

НК1 охватывает хронологический период от раздела земли сыновьями Ноя после потопа до 6919 (1411 г.) (последние известия: о свадьбе дочери Василия Дмитриевича Анны и византийского царевича Ивана Мануиловича и о походе новгородцев «на мурмани»); а вторая подборка (НК2) – от 6496 (988) г. (известие о строительстве князем Владимиром первой церкви в Киеве) до 6936 (1428) г. (известие о примирении новгородцев с Витовтом). Обе части переписаны одним почерком, но вторая начинается в рукописи с нового листа (оборот предыдущего был оставлен незаполненным).

Существуют две основные точки зрения на происхождение этих летописных подборок. Согласно первой, высказанной еще А. А. Шахматовым[16] и наиболее подробно аргументированной Я. С. Лурье[17], НК1 и НК2 – это выборки из единого оригинала, которые невозможно рассматривать как самостоятельные памятники. Таким общим источником, согласно этой точке зрения, является так называемый Новгородско-Софийский свод[18], гипотетически восстанавливаемый путем сопоставления Н4 и общерусской (московской) Софийской 1 летописи (далее – С1) (см. рис. 1).

[16] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 189–195.

[17] *Лурье Я. С.* 1) Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207–213; 2) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 199–218; 3) Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 108–122.

[18] А. А. Шахматов полагал, что «протограф Карамзинского списка представлял собою соединение» двух летописей – Н4 и «Новгородско-Софийского свода» (свода-протографа Н4 и С1) (*Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 193).

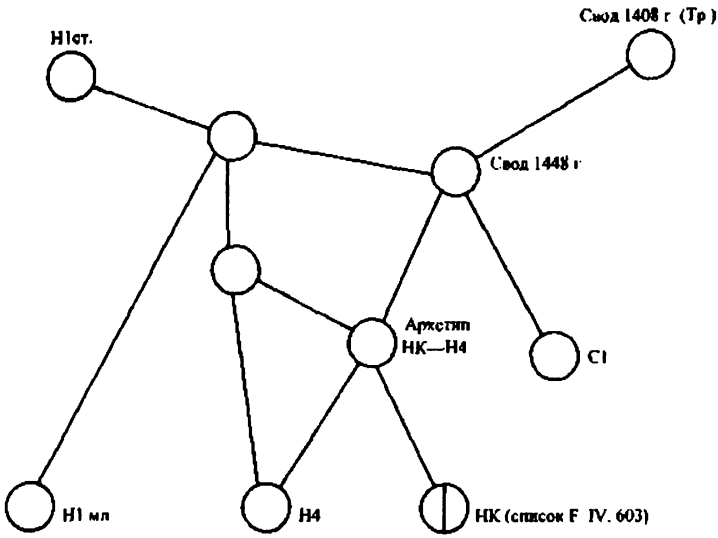

Рис. 1. Стемма взаимоотношения летописей по Я. С. Лурье

Принципиально другой взгляд на происхождение НК1 и НК2 был высказан Г. М. Прохоровым, который предложил рассматривать подборки как самостоятельные, составленные в разное время летописные памятники[19]. Оба исследователя – и Я. С. Лурье, и Г. М. Прохоров – отчасти сходятся в том, что НК2 вторична по отношению к протографу С1, и в том, что Н4, по всей вероятности, возникла в результате соединения НК1 и НК2 (эту точку зрения Я. С. Лурье частично принял под влиянием аргументов своего оппонента по дискуссии, хотя в целом он рассматривал НК1 и НК2 как выборки из Н4 в ее протографичном виде)[20]. Принципиальное отличие

[19] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198.

[20] Происхождение двух подборок А. А. Шахматов предлагал объяснить следующим образом: сначала было сделано извлечение из протографа начал летописных статей, содержавших, главным образом, новгородские известия, потом, дойдя до 1411 г., составитель НК, не удовлетворенный результатом, прервал первую выборку и восполнил во второй выборке все опущенное (*Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 193–195). Я. С. Лурье присоединился к мнению А. А. Шахматова (*Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись. С. 207–213), однако после того, как Г. М. Прохоров обнаружил противоречие в том, что обе подборки НК не имеют дублировок внутри каждой из них, но более 60 раз дублируют друг друга (один писец – «создатель архетипа Н4–НК 65 раз себя продублировал», а другой «писец – разделитель НК... виртуозно-точно

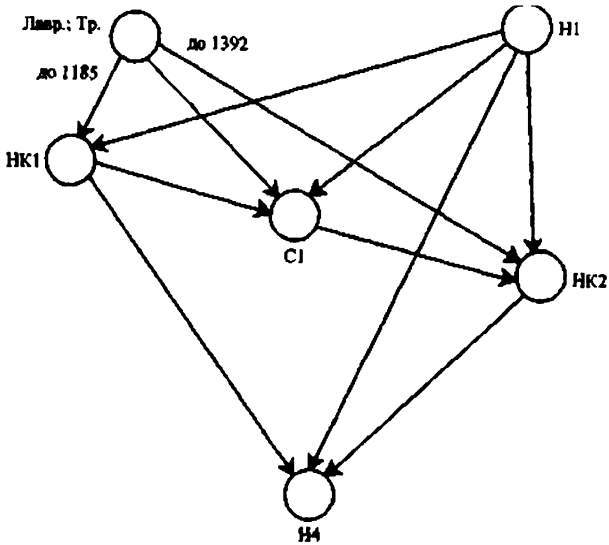

Рис. 2. Стемма взаимоотношения летописей по Г. М. Прохорову.

двух точек зрения заключается не только в отношении к НК1 и НК2 как к выборкам из единого текста (Я. С. Лурье) или как к самостоятельным текстам (Г. М. Прохоров), но и в интерпретации отношения между НК1 и С1: если Я. С. Лурье считает, что они отражают общий протограф – Новгородско-Софийский свод, то Г. М. Прохоров настаивает на вторичности С1 по отношению к НК1. Спор между исследователями, проведенный на высочайшем научном уровне, показал исключительное значение вопроса о происхождении летописных подборок НК. Предложенная Г. М. Прохоровым интерпретация привела его не только к отказу от гипотезы о существовании Новгородско-Софийского свода, но и к пересмотру всей схемы истории русского летописания (см. рис. 2).

Необычайная сложность этой текстологической проблемы объясняется многократными перекрестными влияниями летописных памятников друг на друга. Достаточно сказать, что Н1мл. в дошедшем до нас виде неоднородна: на разных этапах существования этой непрерывно

его „раздублировал"»: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 170), Я. С. Лурье предложил в будущих исследованиях поставить вопрос о том, не было ли разделение на две выборки присуще уже общему оригиналу НК и Н4. «Это предположение, – отметил Я. С. Лурье, – устранило бы трудности, возникающие при „раздублировании" дублировок НК» (*Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 215–216, примеч. 38). В таком случае Н4 понимается Я. С. Лурье как результат соединения текстов НК1 и НК2, но остается открытым вопрос о происхождении подборок.

ведущейся летописи, с одной стороны, ее протограф был использован составителем С1 (или его гипотетического протографа – Новгородско-Софийского свода), а с другой – в ряде статей он сам испытал влияние общерусского (центральнорусского) источника[21]. Аналогичным образом Н1мл., бесспорно, оказывала влияние на НК1, НК2 и Н4. При анализе этого «текстологического многоугольника» существенным оказывается тот факт, что традиционная линия новгородского летописания в целом имеет местный характер и заимствованные известия сразу выделяются своим содержанием.

Если бросить самый общий взгляд на структуру НК1, нетрудно заметить, что до 1185 г., как это было отмечено Г. М. Прохоровым[22], текст содержит как новгородские, совпадающие с Н1, известия, так и общерусские. После этой хронологической границы почти все известия НК1 родственны только Н1. Естественным образом возникает положение, что НК1 является «сводом, соединяющим выборки из двух источников: центрально-русской летописи типа Лаврентьевской и новгородской типа Н1»[23].

Текстологический анализ, проведенный Г. М. Прохоровым, показывает, что летописные известия НК1 действительно в целом ряде случаев первичны по отношению к С1[24]. Я. С. Лурье, однако, возразил своему оппоненту: «Если считать вслед за А. А. Шахматовым, что С1, Н4 (и НК) восходили к общему протографу, то естественно, что во всех этих летописях могли обнаруживаться и первичные, и вторичные чтения»[25].

Дело в том, что необратимую текстологическую силу могли бы иметь лишь те случаи, когда НК1 первична по отношению и к С1, и к Н4, т. е. к тому предполагаемому протографу С1–Н4, о котором говорил, вслед за А. А. Шахматовым, Я. С. Лурье, – Новгородско-Софийскому своду. Таких случаев, однако, нет, ибо составитель Н4 опирался непосредственно на НК (в обеих подборках) и корректировал текст по одному из первоисточников – Н1 (см. об этом подробнее ниже). Можно сказать, что составитель Н4, встречаясь с расхождениями своих источников, использовал чтения либо НК1, либо НК2, либо Н1 (или соединял их)[26].

---

[21] *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников. Вып. 1. С. 245–247. Влияние общерусской летописи на протограф Н1мл. связывается нами с деятельностью владыки Феодосия Клопского (1421–1423).

[22] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 172–174.

[23] Там же. С. 172.

[24] Там же. С. 174–177.

[25] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 208.

[26] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 182–186.

Обнаруживает ли текст Н4 какое-либо знакомство с С1? Для аргументации первичности НК1 по отношению к С1 нам были бы важны такие примеры, когда общие чтения Н4 и С1 оказывались вторичными по отношению к НК1. В тех случаях, когда текст НК1 первичен только по отношению к С1, можно предполагать его искажение составителем именно С1, а протографичными (восходящими к Новгородско-Софийскому своду) считать чтения НК1 и Н4[27].

В результате сопоставления текстов удалось обнаружить лишь несколько примеров, когда НК1, используя известие, взятое из своего раннего источника, сохраняет даже в мелких деталях его текст, а С1 и Н4 приводят этот текст уже измененным[28].

1. В статье 6587 (1079) г. ПВЛ говорится о походе князя Романа с половцами к городу Воиню и об убийстве князя его же союзниками: «И възвратися Романъ с половци въспять, [и] убиша и половци»[29]. В полном соответствии со своим источником НК1 дает чтение: «И възвратися Роман с половци въспять, и убиша и половци» (НК, л. 261 об.). В С1 читается текст с редакторской вставкой: «И възвратися Романъ с половци въспять. И бывшу ему, [и] убиша его половци»[30]. Важно, что эта правка присутствует и во всех списках Н4: «И възвратися Романъ с половци въспять. И бывшу ему, убиша и половци»[31]. Можно было бы думать, что вставка «бывшу ему» появляется в предполагаемом общем источнике С1–Н4 – Новгородско-Софийском своде (возможно, из Троицкой летописи)[32], а составитель НК1 еще не знаком с этой правкой. Дело, однако, осложняется тем, что фраза «бывшу ему» в контексте всего предложения явно бессмысленна[33], и переписчик НК1 мог сократить или пропустить ее (в таком случае надо предположить, что в протографе НК1 эта фраза также читалась).

2. В статье 6688 (1180) г. в рассказе о битве князя Святослава Всеволодовича и его сына Владимира с суздальцами в Новгородской 1 летописи

[27] Именно такова логика опровержения аргументов Г. М. Прохорова в ответной статье Я. С. Лурье.

[28] Здесь и далее при сопоставлении текстов использовалась неопубликованная подготовленная Г. М. Прохоровым таблица соотношения чтений НК1, НК2, С1 и Н4. Пользуюсь случаем выразить благодарность Г. М. Прохорову за предоставление этой работы (см. наст. изд. С. 137–205).

[29] ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 135. Заключенного в скобки союза «и» нет в Лаврентьевском списке ПВЛ, но он присутствует в Радзивиловском (далее – Радз.) и Московско-Академическом (далее – МАк.) списках (ПВЛ. Ч. 2. С. 197).

[30] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 147. В таблице Г. М. Прохорова этот пример, как и последующие три, не учтен.

[31] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 134.

[32] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 153.

[33] На это обстоятельство обратил мое внимание О. В. Творогов.

старшего извода (далее – Н1ст.) употреблено редкое слово «сълипатися» (сходиться, сражаться): «сълипали бо ся бяху на мале часу»[34]. Это же чтение сохраняется и в НК1: «слипалися бяше на малѣ часѣ» (НК, л. 271). Очевидно, составители С1 и Н4 не поняли этого чтения, так как оно выглядит соответственно следующим образом: «повадилися мало межи себе» в С1[35] и «ступили бо ся [съступилися бяху] на малѣ часу» – в Н4[36]. Хотя чтение НК1 первично по отношению к обеим летописям, важно то, что С1 и Н4 здесь расходятся. Ясно, что это чтение НК1 было искажено ими независимо друг от друга.

3. В статье 6689 (1181) г., согласно Н1 и НК1, говорится, что князь Всеволод стоял у Торжка «5 недѣль» (НПЛ. С. 37, ср. с. 227). С1 и Н4, соответственно, добавляют: «у града [города]»[37] и «около града [города]»[38]. Это дополнение можно было бы возводить к общему источнику С1 и Н4, если бы оно не было столь незначительным и не имело различия «у/около». В данном случае дополнения «у града» и «около града» могли появиться в С1 и Н4 независимо друг от друга.

4. В статье 6745 (1237) г. в НК1 говорится, что против «немцев» «съвокупишася вси, и рижане, и вся Чюдская земля» (л. 279 об.). Это чтение полностью соответствует Н1ст.: «совокупившеся вси, и рижане, и вся Чюдьская земля» (НПЛ. С. 74). В С1 окончание этого фрагмента дополнено: «...и рижане, и вся Чюдьская земля въборзѣ»[39]. В Н4 также встречаем дополненный текст: «...и рижанѣ, и вся Чюдскаа земля просто»[40]. Можно было бы думать, что в гипотетическом Новгородско-Софийском своде читалось добавление «просто» (в значении «совершенно, без исключения»[41]), сохранившееся в Н4 и искаженное в С1, и что в НК1 содержится первоначальное чтение без этого дополнения. Дело, однако, в том, что чтение «просто» имеется и в Н1мл. (НПЛ. С. 285), откуда оно попало, очевидно, в Н4 и, независимо от этого, могло повлиять на появление дополнительного слова в С1.

Приведенные текстологические примеры могут быть интерпретированы по-разному. Во всяком случае, можно утверждать, что убедительных

---

[34] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 36; ср. Н1мл.: Там же. С. 226 (Комиссионный список: «слипали бо ся бяху на малѣ часу»).

[35] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 178.

[36] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 170.

[37] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 179.

[38] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 171.

[39] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 210.

[40] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 215.

[41] *Срезневский.* Материалы. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1576.

примеров первичности текста НК1 по отношению к *общим, совпадающим* чтениям Н4 и С1 нами не зафиксировано. Это означает, что либо прав Я. С. Лурье, и текст НК1 не являлся первоначальным по отношению к С1, либо, как считает Г. М. Прохоров, у С1 и Н4 не было общего протографа, и они использовали текст НК1 независимо друг от друга (тогда у Н4 не может и быть *общих* чтений с С1, вторичных по отношению к НК1, так как если они изменяли текст НК1, то делали это по-разному). Какая же точка зрения верна?

Приведенные выше примеры, несомненно, не обладают силой необратимых текстологических доказательств. Наиболее показательным для истории текста НК1 оказывается сопоставление его с общими чтениями С1 и НК2 (очевидно, с точки зрения Я. С. Лурье, восходящих к общему протографу – Новгородско-Софийскому своду). Между НК1 и НК2 имеется довольно значительное число дублировок, перечень которых приведен Г. М. Прохоровым[42]. Исследователь насчитывает их около 65, но далеко не все из них для нас существенны: в одних случаях НК1 и НК2 настолько расходятся, что возможность текстологического сопоставления исключена, в других же, напротив, чтения НК1, С1 и НК2 практически полностью совпадают. Существует, однако, ряд случаев, когда совпадающий текст С1 и НК2 имеет явные черты вторичности по отношению к аналогичному тексту в НК1. Именно эти примеры, думается, могут служить решающим доказательством первичности текста НК1 по отношению к тексту С1.

1) В статье НК1 под 6622 (1114) г. читается следующее известие: «Бысть знамение въ солнци тако же: погыбе въ 1 час дни, бысть видѣти всемь людем, осталося его мало, аки месяца, долу рогома, март 19» (л. 264 об.). Этот текст восходит к ПВЛ (кроме дополнения «тако же: погыбе», заимствованного из Н1[43], и замены «солнца» на «его»): «Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дьне, бысть видити всѣмъ людемъ, остася солнца мало, аки мѣсяца, доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19»[44]. Сравнение с С1 и НК2 показывает, что в их общем протографе читался вторичный по отношению к ПВЛ и НК1, значительно сокращенный текст: «Бысть солнце акы мѣсяць»[45].

---

[42] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 169–170.

[43] «Яко же погыбе»: НПЛ. С. 20 (Н1ст.); С. 204 (Н1мл.). Влияние Н1 на это известие в таблице Г. М. Прохорова не отмечено.

[44] ПВЛ. Ч. 1. С. 196.

[45] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 158 (С 1); ср.: «Бысть солнце аки месяць» (НК, л. 304 об.). Характерно, что составитель Н4 предпочел в данном случае соединить тексты НК1 и С1 – НК2: «Бысть знамение въ солнци тако же: погибѣ въ 1 часъ дни, бысть видѣти всѣмь людемъ, остася его мало, аки мѣсяць, долу рогама, марта 19... Бысть солнце аки мѣсяць» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 142).

2) В той же годовой статье 6622 (1114) г. в НК1 читаем: «...преставися благовѣрныи князь Михаило, зовомыи Святоплък» (л. 264 об.). Известие также восходит к ПВЛ: «...преставися благовѣрныи князь Михаилъ, зовемыи Святополкъ»[46]. Как С1, так и НК2 приводят измененный (сокращенный) вариант текста (без читавшегося в ПВЛ и НК1 слова «благовѣрныи», но с дополнением отчества князя): «преставися (князь) Михаило (Михаила) зовомыи (князь) Святополкъ Изяславичь»[47].

3) В статье 6666 (1158) г. в НК1 читается следующее известие: «победи Мстислав Изяславич Изяслава Давыдовича и прогна ис Киева, и позва Ростислава, строя своего, на столъ в Киев» (НК, л. 268). Этот текст восходит к Н1ст.: «побѣди Мьстиславъ Изяславиць Давыдовиця Изяслава и прогна ис Кыева, и позва Ростислава, стръя своего, Кыеву на столъ» (НПЛ. С. 30; ср. почти такой же текст в Н1мл.: НПЛ. С. 217). Версия С1–НК2 представляет собой, по всей видимости, сокращений пересказ известия: «вда (дасть) Мьстиславъ Киевъ подъ собою Ростиславу, стрыю своему...»[48] (ср.: «вда Мстислав под собою Киев Ростиславу, строю своему...»: НК, л. 309)[49].

4) Под 6675 (1167) г. в НК1 находится известие о смерти князя Ростислава Мстиславича: «Преставися князь Ростислав, сынь Мстиславль, идя из Смоленска к Киеву, княживъ в Киевѣ лѣт 9» (НК, л. 268 об.). Под тем же годом аналогичное известие, засвидетельствованное Н. М. Карамзиным, читалось и в Троицкой летописи: «Преставися благовѣрныи князь Ростиславъ, сынь Мстиславль, ида из Смолинъска г Кыеву, княжи в Киевѣ 9 лѣтъ»[50]. И здесь в общем источнике С1–НК2 читался под 6673 (1165) г. сокращенный текст: «Престависа Ростиславъ Мьстиславичь, княживъ (въ) Киевѣ 9 лѣтъ»[51].

5) Под 6676 (1168) г. в НК1 говорится, что князь Владимир, после того как Мстислав Изяславич «выгна» его из Киева, тогда «и иде в

[46] ПВЛ. Ч. 1. С. 196.

[47] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 158 (С 1); НК, л. 304 об. В этом случае составитель Н4 следует за вторичным текстом С1–НК2: «преставися Михаилъ (Михаило) зовемы (зовемыи) Святополкъ Изяславичь» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 142).

[48] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 168.

[49] Н4 здесь следует версии С1–НК2 (см.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 158).

[50] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 244. Ср. тот же текст в Радз., и МАк. (ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 131).

[51] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 169; ср. дополненный точной датой (по летописи типа Радз.) тот же текст в НК2, также под 6673 (1165) г.: «Преставися Ростислав Мстиславлич марта 21, княжив в Киевѣ 9 лѣт» (НК, л. 310). В С1, НК2 и Н4 это известие было приведено вторично под 6675 (1167) г., на этот раз точно в соответствии с НК1 (см.: ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 169; Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 161).

Половци» (л. 269 об.). Это чтение встречается в Троицкой, Лаврентьевской[52], Радзивиловской, Московско-Академической летописях[53]. В С1 встречаем явно вторичное чтение: «(и) иде в Орду»[54], которое, очевидно, смутило составителя НК2, и он вообще опустил эти слова (см. НК, л. 310)[55].

Приведенные примеры показывают, что аргументированно выдвинутый Г. М. Прохоровым тезис о первичности текста НК1 по отношению к С1 имеет под собой достаточно веские основания, хотя исследователь не исчерпал всей возможной аргументации. Принципиально важным является анализ тех чтений, когда текст НК1 оказывается первичным по отношению не только к С1 (что показал Г. М. Прохоров), но и общему тексту С1 и НК2. Эти примеры невозможно подвергнуть сомнению предположением о лучшей сохранности в НК1 чтений гипотетического протографа С1–Н4–НК (Новгородско-Софийского свода), ибо тогда нужно говорить о независимом и случайном совпадении изменений в С1 и НК2.

Предложенный Г. М. Прохоровым тезис о том, что «НК1 на всем своем протяжении сохраняет первичный по отношению к С1 текст»[56], вызвал категорические возражения Я. С. Лурье, которые заслуживают специального рассмотрения.

1) Исследователь отметил, что под 6395 (887) г. в статье «Вкупе же се лета собираются», содержащей перечень князей, в НК1 ошибочно читается «Данила Ярославича сынове» (НК, л. 190 об.), вместо правильного «Данила Александровича сынове» в С1, причем Н4 дает также ошибочное чтение[57].

В данном случае, очевидно, составитель Н4 прямо использовал НК1. Г. М. Прохоров полагал, что правильное чтение С1 возникло в результате правки по «внелетописному источнику»[58], однако для составителя протографа С1 не составляло никакого труда исправить ошибку НК1, так как предшествующая фраза родословного списка гласила: «Александра Ярославича сынове: ...Данило» (НК, л. 190 об.).

[52] «В харатейных сказано, что Владимир бежал к Половцам» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. С. 351 = Т. 2. Примеч. 417); *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 244.

[53] ПСРЛ. Т. 38. С. 131.

[54] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 171.

[55] Автор Н4 в этом случае возвращается к варианту НК1: «и идѣ в Половци» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 162).

[56] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 177.

[57] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 208.

[58] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 177.

2) Я. С. Лурье пишет: «Под 6411 г. в НК1 и (HIV) читается: „Игорь и Олегъ пристроиста воя многы и корабли бесчислены“; в С1 та же фраза (без упоминания Олега) обнаруживается под 6429 г., и первичность этой даты подтверждается ее совпадением с HI»[59].

Заметим сразу, что отсутствие упоминания Олега в основном тексте издания С1 (1925 г.) – это лишь прихоть издателей, ибо все семь списков, привлеченных к публикации, согласно между собой дают под 6429 (921) г. текст: «Игорь и Олегъ пристрои (но «пристроиста» в пяти списках. – *А. Б.)* вои многы и карабля бесчислены»[60]. Это исправление, бесспорно, объясняется тем, что в одном из списков (в списке Царского) слова «и Олегъ» были зачеркнуты (другими, киноварными, чернилами), а причина этой правки заключалась в том, что о смерти Олега в С1 уже было рассказано выше, причем под 6421 (913) г. было сказано: «Княжение Игорево. Поча княжити Игорь по Олгѣ... и древлены затворишася от Игоря по Олговѣ смерти»[61]. В чем же причина появления в С1 этого хронологически абсурдного известия и расхождения в дате НК1 и С1?

Еще А. А. Шахматов отметил, что статья Н1 6429 (921) г. тесно связана с последующей, 6430 (922) г., где говорится об успешном походе Олега на Царьград («победу можно изложить под 6430 годом, предполагая, что промежуточный 6429 г. пошел на сборы... Для этого же он (летописец.– *А. Б.)* сочиняет статью 6429 года: „...Игорь и Олегъ пристроиста воя многы...“»)[62]. Составитель НК1, имевший два основных источника– Н1 (где фраза об Игоре и Олеге была датирована 6429 (921) г., а поход – 6430 (922) г.)) и центральнорусскую летопись с ПВЛ в начале (где фразы об Игоре и Олеге не было, а поход датировался 6415 (907) г.), заметил тесную связь двух статей в Н1. В результате он принял дату похода из ПВЛ, а фразу об Игоре и Олеге перенес в предшествующую годовую статью. Такой статьей и оказался 6411 (903) г., так как 6412 (904)–6414 (906) гг. были не заполнены[63]. В результате и в его своде (как и в Н1) за фразой о сборах в поход Игоря и Олега следовала фраза «Иде Олегъ на Грекы, а Игоря оставивъ в Киевѣ...» (НК, л. 193 об.). Составитель свода-протографа С1, бесспорно, вновь использовавший Н1[64], обнаружил, что известие об Игоре и Олеге в НК1

[59] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 208.

[60] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 25 (сноска 3).

[61] Там же. С. 22–25.

[62] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 99.

[63] ПВЛ. Ч. 1. С. 23.

[64] См. об этом, например: *Лурье Я. С.* Летопись Софийская I // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 58; *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 176–177.

переставлено по сравнению с Н1, решил исправить «ошибку» и вернул его на «свое» место, но он не понял логики этой перестановки в НК1. В результате статья о сборах Игоря и Олега в поход на Царьград читается в С1 под 6429 (921) г. (получилось, что **после смерти Олега!**), а описание самого похода – под 6415 (907) г.[65] Составитель Н4, конечно, не мог принять столь нелепой схемы и последовал версии НК1[66].

Разумеется, признать изложение С1 (где сначала Олег совершает поход, потом умирает, а потом собирается в этот поход) изначальным совершенно невозможно[67]. И в этом случае текст НК1 явно первоначален по отношению к С1.

3) Еще одно возражение Я. С. Лурье против первичности текста НК1 звучит так: «Под 6528 г. в НК1 говорится о пожалованиях Ярослава новгородцам: „И дав им Правду и Устав, списав грамоту ркуще: По сеи грамоте ходите, яко же списах вамъ, тако же дръжите“; тот же текст и в СІ, но далее там естественно следует Русская Правда (помещенная и в НІ), а в НК1 и НІV ее нет. Очевидно, в общем протографе обоих памятников Правда должна быть помещена; иначе непонятно упоминание о ней (отсутствующее в тексте ПВЛ, где нет Русской Правды)»[68].

Здесь Я. С. Лурье не учел того обстоятельства, что в Н1 и С1 читаются совершенно разные тексты Русской Правды[69]: в Н1 (под 6524 (1016) г.) встречаем Краткую Русскую Правду (вообще известную только по Н1мл.), а в С1 (под 6527 (1019) г.) – целый комплекс историко-юридических статей, открывающийся текстом Пространной Русской Правды, а завершающийся известием о том, что этот комплекс статей восходит к Номоканону, найденному великим князем Василием

[65] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 18 (6415 г.), 25 (6429 г.).

[66] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 18.

[67] Г. М. Прохоров дал схожее объяснение соотношения чтений НІ, НК1 и С1: «Правкой по Н1 объясняется то, в частности, что С1 изымает из статьи НК1 6411 (903) г. фразу „Игорь и Олег пристроиста воя многы и корабли бесчислены“, представляющую собой сокращение статьи Н1 6429 (921) г., и возвращает ее – но уже в том виде, какой она имеет в НК1, – под 6429 (921) г.» (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 176). Исследователь, однако, не показал связи статей Н1 о сборах в поход и о походе, не объяснил логику их перестановки в НК1 под влиянием ПВЛ и не обратил внимания на получившуюся в С1 в результате сверки с Н1 бессмыслицу, выдающую явную вторичность текста. Я. С. Лурье поэтому имел возможность оспорить утверждения оппонента: «...предположения о вторичных влияниях должны быть текстологически обоснованы (двойственность построения, противоречия, повторение известия и т. д.)» (*Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. ... С. 209). В данном случае нами приводятся именно текстологические доказательства такого вторичного влияния, справедливо отмеченного Г. М. Прохоровым.

[68] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 208.

[69] См. об этом, например: *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. 192 с. (здесь же библиография).

Дмитриевичем и митрополитом Киприаном: «списанъ же бысть сии свертокъ изъ великого и старого Номоканона на Москвѣ в лѣто 6911 [1402], индикта 11, мѣсяца ноября 11»[70]. Ясно, что этот московский по происхождению комплекс статей мог быть включен в состав свода-протографа С1, а не в новгородские летописи. Н4 проявляет знакомство как с Н1 (под 6524 (1016) г.: «О правдѣ. Правда Рускаа»), так и с НК1 (под 6528 (1020) г.: «И дав Правду имъ и Уставъ списав, глаголюще: По сеи грамоте ходѣте, якоже списахъ вамъ, тако дрьжите»)[71].

Таким образом, составитель НК1, видимо, опустил текст Русской Правды, оставив лишь упоминание о ней, а автор протографа С1 к этому упоминанию присоединил совершенно другой, московский по происхождению, сборник юридических статей. Если в протографе НК1 и была Правда, то это, конечно, могла быть только известная в Новгороде Краткая Русская Правда[72], замененная в С1 на московский юридический сборник. Текст С1 и в этом случае все равно оказывается вторичным по отношению к НК1.

4) Я. С. Лурье отметил, что «под 6549 и 6553 гг. в НК1 дважды сообщается о смерти жены Ярослава, матери его сына Владимира (HIV опустила оба этих противоречащих друг другу известия); в CI об этом событии сообщается однократно и в соответствии с HI под 6558 г. (да еще с точной датой, отсутствующей в HI и не совпадающей с НК1)»[73].

Известия НК1 6549 (1041) г. и 6553 (1045) г. несколько отличаются друг от друга: под 6549 (1041) г.: «Того же лѣта умре княгини, мати Володимиря, жена Ярославля, месяца октябръ в 5 день, в лѣто 1-е, егда нача здати святую Софию» (НК, л. 251); под 6553 (1045) г.: «Того же лѣта умре княгини, мати Володимеря, жена Ярославля, месяца октября 5 день» (НК, л. 251 об.). Второе сообщение, однако, присоединено к известию «Заложи Володимиръ святую Софию в Новѣграде» (восходящему к Н1[74]). Таким образом, в обоих случаях составитель НК1 исходил из того убеждения, что княгиня умерла в год *основания* Софийского собора, хотя в Н1мл. сообщение о смерти княгини присоединено к известию о *завершении* строительства новгородской Софии под 6558 (1050) г. («И преставися жена Ярославля княгыни»). Так как в Н1ст. нет никаких известий о смерти жены Ярослава, можно полагать, что

[70] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 123.

[71] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 110.

[72] Центральнорусский источник НК1 не мог содержать указанный комплекс юридических статей, так как он был найден в 1402 г. и его не было в Троицкой летописи, – значит, он включается в московское летописание лишь при составлении протографа С1.

[73] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 208–209.

[74] НПЛ. С. 16, 181.

в Новгороде дата ее кончины стала известна только через посредство ПВЛ («В лѣто 6558 [1050]. Преставися жена Ярославля княгыни»[75]), что подтверждается дословным совпадением формулировок ПВЛ и Н1мл. В таком случае известие Н1мл. 6558 г. следует считать вторичным, возникшим под влиянием ПВЛ в составе С1[76]. Действительно, если бы в новгородском источнике составителя НК1 (новгородца!) читалось это сообщение, он не гадал бы о дате смерти княгини, помещая его под двумя разными годами. Видимо, сообщение ПВЛ о том, что жена Ярослава умерла в 6558 (1050) г., противоречило его собственному «знанию» (возможно, устному), что дата ее смерти совпадает с датой основания Софийского собора, и летописец проигнорировал этот источник. Составитель протографа С1, напротив, предпочел догадкам НК1 авторитетное свидетельство ПВЛ, автор же Н4 счел недостоверными все предположения и сократил их.

5) Я. С. Лурье отметил, что под 6662 (1154) г. в НК1 читается: «... выгнаша новгородци Святослава Изяславича [Н4: Ярослава Изяславича], а Романа Ростиславлича [так и в Н4] посадиша»; в С1: «...изъгнаша князя Ярослава новгородьцы, а посадиша Мьстислава Ростиславича», и «первичность обоих чтений опять подтверждается соответствующим текстом НІ (младшей редакции)»[77].

Действительно, отчасти схожий текст под 6662 (1154) г. читается в Н1мл. («Мѣсяца марта изъгнаша новгородци князя Ярослава, въ 26, и введоша Мьстислава, сына Ростиславля, априля въ 17»[78]; ср. в Н1ст. перестановка в имени нового князя: «...въведоша Ростислава, сына Мстиславля, априля въ 17»[79]). Нет, однако, никаких сомнений в том, что составитель НК1 заимствовал это известие не из Н1, а из своего центральнорусского источника (типа Лаврентьевской–Радзивиловской), где текст почти совпадает с НК1 (как и в НК1, нет точных дат, а имя нового князя – Роман Ростиславич): «выгнаша новгородци Изяславича Ярослава, а Ростиславича Романа посадиша»[80]. От чтения НК1 этот текст отличается, по сути, несколькими буквами: вместо «**Яросла-**

[75] ПВЛ. Ч. 1. С. 104.

[76] Известно, что церковное почитание («память») князя Владимира Ярославича и его матери было установлено только в 1439 г. (НПЛ. С. 420), до этого же, видимо, «память» была изустной.

[77] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. ... С. 209.

[78] НПЛ. С. 215.

[79] Там же. С. 29.

[80] ПСРЛ. Т. 38. С. 126. Г. М. Прохоров утверждает, что «в статье 6662 (1154) г. в тексте, взятом из Лавр., НК1 допускает ошибку – пишет „Романа" вместо „Мьстислава"; С1 исправляет эту ошибку, очевидно, по Н1» (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 176). Как мы видим, эта интерпретация неточна.

ва» – «**Свят**ослава», что можно объяснить небрежностью переписчика списка НК[81].

Если источник заимствования текста в НК1 очевиден, то чтение С1 может быть объяснено только вторичной контаминацией двух источников: «Мѣсяца марта изъгнаша князя Ярослава Новогородьци, а посадиша Мьстислава Ростиславича»[82]. Первая часть статьи просто восходит к Н1 (упоминание «мѣсяца марта», «изъгнаша» вместо «выгнаша», имя «Ярослава» без отчества), а вторая ее часть соединяет особенности, с одной стороны, НК1 или его источника (отсутствие точных дат «въ 26», «априля въ 17»; «посадиша», как в НК1, вместо «введоша», как в Н1), а с другой стороны – Н1мл. (имя князя «Мьстислава Ростиславича»). Таким образом, текст С1 и в данном случае не может рассматриваться как первоначальный по отношению к НК1, напротив, он здесь явно вторичен.

Итак, подробный анализ конкретных текстологических аргументов Я. С. Лурье в пользу того, что НК1 не может содержать первоначальный текст по отношению к С1, показал, что приведенные исследователем примеры не являются доказательными. В двух случаях (с «Игорем и Олегом» – пример 2, и с известием о смене князей – пример 5) сопоставление текстов, наоборот, прямо свидетельствует против точки зрения Я. С. Лурье.

Один из аргументов Я. С. Лурье в пользу того, что С1 и НК1 могут отражать общий источник (Новгородско-Софийский свод), – это наличие в НК1 неизвестных и чужеродных новгородскому летописанию известий 6891 (1383), 6894 (1386), 6912 (1404), 6916 (1408) и 6919 (1411) гг. Отказываясь возводить эти известия к общему с С1 протографу, Г. М. Прохоров был вынужден выдвинуть предположение о дополнительной правке НК1 по центральнорусской летописи в статьях конца XIV – начала XV в., которое ослабляло его аргументацию[83]. Рассмотрим эти известия более внимательно: действительно ли они могут восходить к какой-то центральнорусской (московской) летописи? Сопоставим первые два известия с известиями Рогожского летописца (далее – Рог.) и Симеоновской летописи (далее – Сим.), отразившими за это время центральнорусское летописание (Троицкую летопись).

---

[81] Чтение Н4, очевидно, восходящее к протографу списка НК1 («выгьнаша новгородци Ярослава Изяславлича, а Романа Ростиславлича посадиша» – ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 153), совпадает (кроме выделенных 3 букв) с НК1 полностью и подтверждает предположение об ошибке переписчика списка НК.

[82] ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 165.

[83] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 172.

1) В известии 6891 (1383) г. в Сим. – Рог. говорится: «Тое же весны князь великии Дмитреи Ивановичь отпусти въ Орду къ царю Тахтамышю сына своего стареишаго Василия...», и далее: «Тое же осени князь великии Михаило Александрович Тферскыи выиде изъ Орды, а сына своего князя Александра въ Ордѣ оставилъ»[84]. Н1мл. сообщает лишь, что «поиде князя великаго сынъ князь Василии в Орду, позванъ цесаремь... Поиде князь Михаило Тфѣрьскыи в Орду, ища великаго княженіа»[85]. На фоне этих недомолвок сообщение НК1 выглядит и наиболее подробным, и наиболее содержательным: «Посла князь великыи Дмитрии к царю в Орду сына своего Василиа в свое мѣсто тягатися о великом княжении съ князем Михаилом Тферскым... Поиде князь Михаило Тферскыи в Орду, ища великого княженіа... Выиде из Орды князь Михаило Тферскыи без великого княженіа, а Василья Дмитриевича прия царь въ 8000 сребра. И Михаилов сынъ Александръ остался въ Орде» (НК, л. 292). Мы видим, что текст Сим.–Рог. производит впечатление не просто сокращенного, но сокращенного до полной потери смысла. Из него не ясно, зачем Василий направился в Орду, что они там делали с Михаилом Тверским и чем окончилась их поездка. Известие НК1, хотя действительно в данном случае текстологически связано с Сим. – Рог., однако отражает его несокращенный источник, явно *недоброжелательный* к Василию Дмитриевичу, подкупом добившемуся великого княжения. Вероятно, этот источник не мог быть московским. Некоторые соображения о возможном источнике этого известия дает нам сопоставление текста НК1 с памятником, отразившим не дошедшее до нас в полном виде смоленское летописание – «Сказанием летом вкратце» (далее – СЛВ). Известие СЛВ почти полностью совпадает с первой фразой известия НК1: «В лѣто 891 (1383). Посла князь Дмитреи в Орду // сына своего Василиа въ свое мѣсто прѣтися о княжении со князем Михаилом» (СЛВ, л. 448 об.–449). Эта параллель позволяет думать о возможном западнорусском (смоленском) источнике известия НК1.

2) В известии 6894 (1386) г. речь идет о битве смоленских и литовских войск под Мстиславлем. В Сим. – Рог. содержится обширный рассказ об этих военных действиях, начинающийся словами: «Того же лѣта князь великии Святославъ Ивановичъ Смоленскии, собравъ воя многы, поиде ратью на Литовьскую землю...»[86]. НК1 описывает события двумя фразами, вторая из которых текстуально близка Сим. – Рог.: «И на том

[84] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 426.
[85] НПЛ. С. 379.
[86] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 431–432.

сступе убишя князя великого Святослава Смоленского и брата его князя Ивана, а князя Глѣба изымашя» (НК, л. 292 об.), ср. в Сим. – Рог.: «И ту на суимѣ убиша великаго князя Святослава Ивановича Смоленскаго, внука Александрова, правнука Глѣбова, и его братаничя князя Ивана Александровичя, и его дѣтеи, и бояръ, и слугъ, и множество воя побиша. И приидоша къ городу Смоленьску, тѣлеса избитыхъ князеи вдаша, а взяша всю свою волю, елико въсхотѣша, и сътвориша и отьидоша, а князя Глѣба поведоша съ собою Святославичя...»[87]. Мы можем с равной степенью текстологической вероятности предполагать здесь как распространение в Сим. – Рог. общего с НК1 краткого источника, так и сокращение текста, восходящего к общему протографу Сим. – Рог., составителем НК1. Отметим, однако, что известие это не московское, поэтому предлагаем возводить его к западнорусскому (смоленскому) источнику.

3) То же самое относится и к известию 6912 (1404) г., посвященному осаде Смоленска Витовтом. В целом текст НК1 совпадает с Н1мл., за исключением одного маленького дополнения: «...а с ним (т. е. с Витовтом. – *А. Б.)* князь Семен Олгердович и брат его князь Свѣтригаило» (НК, л. 295). И здесь мы предполагаем влияние западнорусского источника.

4) Два известия, по содержанию центральнорусские и отсутствующие в Н1мл., находятся в НК1 под 6916 (1408) г.: добавлена фраза «Погорѣ Ростов» (НК, л. 296), а рассказ о победе князя Ивана Владимировича Пронского, которому помогали татары, над Федором Ольговичем Рязанским (известен по Сим.), передан в НК1 совершенно невразумительно: «А татарове бишася съ княземь рязанскым Феодоромъ Олговичем. И побиша рать коломенскую» (НК, л. 296). Для того чтобы написать эти известия, составителю НК1 не обязательно было использовать письменные источники. В особенности второе известие напоминает запись искаженных неясных слухов.

Итак, по своему содержанию эти известия вряд ли могут быть связаны с центральнорусским (московским) летописанием: известие 1383 г. недоброжелательно по отношению к князю Василию Дмитриевичу, подкупом добившемуся в Орде великого княжения для Москвы, и текстологически связано с памятником, отразившим не дошедшее до нас в полном виде смоленское летописание; известия 1386 и 1404 гг. имеют западнорусский (смоленский) характер. Эти три известия, скорее, могли находиться в новгородской летописи – источнике НК1,

[87] Там же. С. 431.

чем в центральнорусской[88]. Наконец, два известия под 1408 г. невразумительны и напоминают запись искаженных или неясных слухов. Доказательств правки НК1 по центральнорусской летописи мы, таким образом, не находим.

В НК1 находится также известие под 6919 (1411) г., предпоследнее в последней годовой статье подборки, которое нельзя возвести к новгородским (или смоленским) источникам: «А князь великыи Василеи далъ дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича» (НК, л. 301). Вот это известие действительно бесспорно московское по происхождению, но выяснение причины его появления в НК1 уже выходит за рамки текстологического анализа.

1. НК1 имеет самостоятельное, не связанное с С1, Н4 и их предполагаемым общим протографом происхождение. Текст НК1 первичен по отношению к С1, Н4 и НК2.

2. Составитель НК1 соединил два основных источника: с одной стороны, в границах до 1185 г. – центральнорусскую летопись[89] с ПВЛ в начале текста, а с другой – на всем протяжении своего труда, вплоть до 1411 г., – Н1, открывающуюся «Начальным сводом»[90].

Создание НК1 хронологически предшествовало появлению как С1, так и Н4. В таком случае НК1 –это первый опыт масштабного сведения традиционной новгородской летописи с центральнорусской. Улучшение отношений между митрополитом и новгородским владыкой и книгописная деятельность в Троице-Сергиевом монастыре выходца с Лисьей горы Варлаама – вот та почва, на которой, по нашему мнению, возникает возможность соединения двух ветвей летописания. Можно полагать, что зимой 1411/1412 г. новгородским архимандритом Варлаамом (или каким-то книжником из его окружения) был создан протограф НК1, который в дальнейшем будет условно именоваться также

[88] Обратим внимание на то, что в начале XV в. в Новгороде княжили западнорусские князья: Семен (Лугвень) Ольгердович в 6915 (1407) – 6920 (1412) гг. (НПЛ. С. 400, 403) и изгнанный из Смоленска Юрий Святославич в 6912 (1404) – 6914 (1406) гг. (НПЛ. С. 398, 399). Именно в это время официальная «непрерывно ведущаяся» новгородская летопись, какою была Н1мл., могла содержать западнорусские известия, позже сокращенные.

[89] Г. М. Прохоров назвал этот источник «центральнорусской летописью типа Лаврентьевской», заметив, однако, что отдельными чтениями он сближается с Радзивиловской и Ипатьевской и что можно думать о его «каком-то родстве... с мыслимым А. А. Шахматовым Владимирским сводом 1185 г.» (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 172–173).

[90] Сложный вопрос об отражении текста «Начального свода» в летописании XV в. (С1, Н4 и др.) заслуживает отдельного рассмотрения и в данной работе не анализируется.

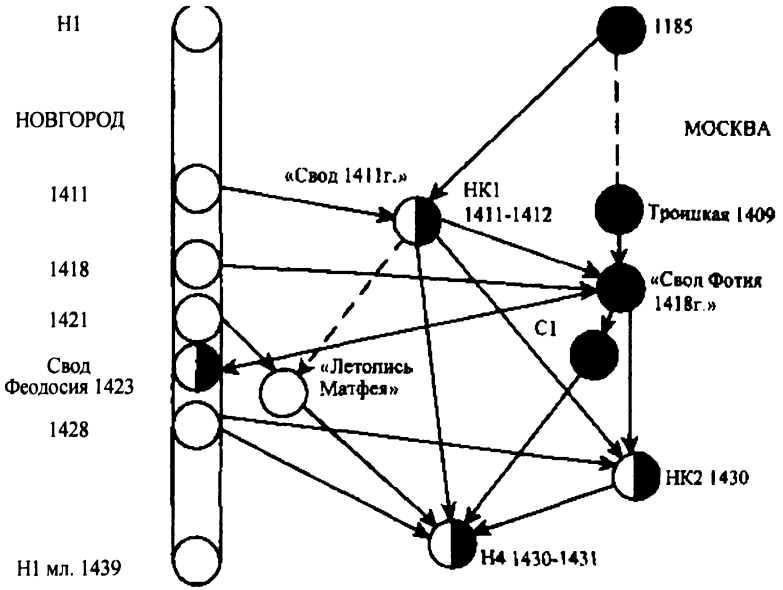

Рис. 3. Стемма взаимоотношения летописей.

«Свод (или Летопись) 1411 г.». В конце 1410-х гг. эта летопись была использована в Москве при составлении протографа С1 (см. рис. 3)[91].

Отдельно следует рассмотреть вопрос об окончании текста НК2 и о времени создания этого памятника летописания. Как уже отмечалось, текст НК2 доведен до годовой статьи 6936 (1428) г. С этого же года начинаются и серьезные разночтения между первой (Новороссийский и Голицынский списки) и второй редакциями Н4, что дало нам основания предположить: основной текст Н4 был доведен до известия о заключении мира с Витовтом в 1428 г.[92] С этой мыслью не согласился Я. С. Лурье: «Окончание НК под 6936 г. – это именно обрыв текста (на середине фразы: «а то серебро браша...»); в обеих редакциях Новго-

[91] *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 89–101.

[92] *Он же.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 5–6.

родской 4 последние слова 6936 г. и первые слова 6937 г. совпадают»[93]. Эту же мысль Я. С. Лурье неоднократно высказывает и в книге «Две истории Руси XV века»[94].

Поразительным образом все исследователи, работавшие с рукописью НК, да и автор этих строк, до недавнего времени не обращали внимания на наклейку – узкую полоску бумаги на последнем листе НК (л. 425 об.). Оказывается, достаточно посмотреть этот лист на свет, как становится видным, что под этой наклейкой читается окончание годовой статьи: в основном тексте – «а то серебро браша...», а под наклейкой почерком того же писца: «...на всехъ волостехъ новгородскихъ и по Заволочью з десети человекъ рубль». Именно этим известием и этими словами оканчивается общий текст списков Н4, и они расходятся на 2 редакции – так называемые первую и вторую. Более того, в НК вслед за последним словом под наклейкой («рубль») писец поставил небольшой крестик, означающий в рукописях обычно окончание текста. Думается, что факт окончания летописного текста НК2 статьей о заключении мира с Витовтом в 1428 г. не требует дополнительных доказательств.

Среди обильных новгородских по происхождению добавлений НК2[95] («неизвестно-откуда-взятых» материалов, по терминологии Г. М. Прохорова) для определения времени и места создания этого памятника наиболее показательными представляются следующие:

1. 6897 (1389) г. Л. 393: «Того же лѣта поставиша церковь древяну Рожество Богородицы на Лисьи горкѣ».

2. 6911 (1403) г. Л. 141 об.: «Того же лѣта подписана бысть церковь святыа Богородиця на Лисьи горкѣ».

3. 6914 (1406) г. Л. 413 об.: к словам: «...Иларион, епископъ Коломенскыи» добавлено: «бывъ преже игуменъ Лисицкои лавры».

4. 6919 (1411) г. Л. 419: «Поставиша церковь древяну святого Николы на Вежищах».

Эти дополнительные известия, неизвестные ни Н1мл., ни НК1 («Своду 1411 г.»), очевидно, позволяют связать создание НК2 с деятельностью новгородского архиепископа (с 13 ноября 1429 г.) Евфимия II, бывшего до избрания на владычную кафедру постриженником Вяжищского монастыря, а затем – игуменом Лисицкой обители. Создание

[93] *Лурье Я. С.* Феодальная война в Москве и летописание первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 84.

[94] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 113 и др.

[95] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 190–191.

НК2, таким образом, следует датировать временем «не раньше ноября 1429 г.», а вероятнее всего, – 1430 г.

Итак, подведем некоторые итоги. На протяжении первых десятилетий XV в. традиционное новгородское летописание, почти не уделявшее внимания событиям за пределами республики, стало претерпевать принципиальные изменения. Появился новый тип летописного свода, соединяющего известия новгородские и общерусские. Первым по времени, на наш взгляд, из памятников такого рода был «Свод 1411 г.» (его текст дошел до нас в НК1), создание которого предположительно связывается с деятельностью выходца из Лисицкого монастыря архимандрита Варлаама или кого-то из книжников его круга. Этот свод пополнил новгородское летописание комплексом общерусских известий от начала «Повести временных лет» до 1185 г. Позже, видимо, около 1423 г., определенное влияние общерусского летописания (типа С1) испытал протограф Н1мл., созданный при владыке Феодосии Клопском. Можно думать, что в области летописания Евфимий II продолжил дело, начатое его предшественниками. Новгородское летописание теперь, благодаря созданию НК2, обогатилось не только новым комплексом общерусских известий, но и сочинениями самого яркого писателя конца XIV – начала XV в. – Епифания Премудрого.

3. «Основная» редакция Н4

Отказавшись, вслед за Г. М. Прохоровым, от представления, что НК1 и НК2 являются выборками из Н4, и установив первичность их текста по отношению к Н4, мы должны, безусловно, принять и тот тезис исследователя, что в результате соединения НК1 и НК2 (с новым редактированием и дополнением) появилась Н4. Мы предположили, что создание НК1 следует датировать 1411–1412 гг., а создание НК2 – временем не ранее ноября 1429 г. Сам характер НК2, выполняющей «дополнительную» функцию по отношению к НК1, предполагает идею последующего соединения текстов этих двух летописных выборок. Такое соединение и было осуществлено, дав нам в результате самый значительный памятник новгородского летописания – Н4.

Когда и кем могла быть проведена такая работа? Совпадение окончания общих чтений редакций Н4 и установленного нами окончания НК2 (см. выше) указывает нам на известие о заключении новгородцами мира с Витовтом в 1428 г. как на границу летописного свода. Известно, что в ноябре 1429 г. был избран новый архиепископ Евфимий II, бывший до

этого игуменом Лисицкого монастыря[96]. Хотя общий текст двух редакций Н4 и НК2 доходит только до 1428 г., есть основания полагать, что протограф НК2–Н4 составлялся не при Евфимии I, умершем 1 ноября 1429 г., а уже при Евфимии II. Об этом свидетельствует сопоставление летописных известий за время правления владыки Евфимия I в Н1мл. и Н4: если в Н1мл. подчеркивается роль этого архиепископа в церковном строительстве, то в Н4 текст соответствующих известий исправлен[97]. Кроме того, не только для НК2, но и для Н4 характерно включение в летописный текст дополнительных известий, связанных с Лисицким монастырем. Как уже отмечалось, в текст НК2 включаются известия 1389, 1403 и 1406 гг., причем последнее свидетельствует об особых симпатиях летописца к этому монастырю: он называет его «лаврой» (см. об этом выше). Важно отметить, что еще 2 известия, связанные с Лисицким монастырем, были добавлены при окончательном редактировании в Н4:

1) 6900 (1392) г.: «Маиа 27 по обѣдехъ сгорѣ церковь святыя Богородица древяная, и всь монастырь на Лисицьи горкѣ погорѣ»[98].

2) 6908 (1400) г.: «Преставися Василеи, братъ владычнь, въ чернецехъ и въ скимѣ, на Лисицьи горкѣ, месяца июля 9»[99].

Таким образом, создание протографа Н4 можно связать с инициативой нового новгородского архиепископа Евфимия II и датировать временем не ранее ноября 1429 г., вероятно, 1430–1431 гг. (естественно, Н4 была создана после своего источника – НК2).

Для уяснения характера работы над созданием нового новгородского летописного свода (Н4) представляется важным проанализировать, какие материалы были дополнительно включены в него на заключительном этапе редактирования. Если мы вычленим из текста Н4 все то, что составитель этой летописи позаимствовал из НК1 и НК2, получится довольно обширный перечень известий. Такую сопоставительную работу уже проделал Г. М. Прохоров, и она от-

[96] В Житии Евфимия II, написанном Пахомием Сербом, говорится, что преподобный при владыке Симеоне (1415–1421) был казначеем, а при владыке Евфимии I (1423–1429): «отходитъ въ монастырь святаго Спаса, иже и Хутино зовомъ, и тамо житие имяше. По семъ же времени старцы монастыря Пречистыя, иже на Лисичи горѣ, молбою возведоша того на игуменство въ свои монастырь. И тамо ему бывшу настоятелемъ, всѣхъ бо миловаше и всѣмъ купно честь даяше» (Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Н. Костомаровым. С. 18).

[97] См.: *Бобров А. Г.* Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 190.

[98] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 372.

[99] Там же. С. 390.

ражена в подготовленной им таблице соотношения известий НК1, С1, НК2 и Н4. Датский ученый Дж. Линд, проделав аналогичную работу, пришел к выводу о существовании «третьего источника» Н4 – летописи, «более близкой к повседневной жизни города, чем все другие Новгородские летописи»[100]. Правда, исследователь сделал важное примечание: «Множество, хотя и не все, из этих и сходных дополнений также обнаруживаются в Новгородской Первой летописи»[101]. Как мы увидим далее, Н1мл. являлась действительно «третьим» источником Н4, поэтому известия Н4, отсутствующие в НК1 и НК2, но имеющиеся в Н1мл., не могут быть напрямую использованы для реконструкции неизвестной новгородской летописи, использованной при создании Н4.

Г. М. Прохоров заметил: «Первым после НК1 и НК2 вспомогательным источником для Н4 послужила Н1. Ее непосредственное влияние заметно в 116 статьях, начиная с 6508 (1000) и кончая 6933 (1425) г.»[102]. Летописец, бесспорно, сводил чтения своих источников, предпочитая по своему усмотрению то один из них, то другой [103]. Мелкие детали позволяют предположить определенное влияние Н1мл. на Н4 и в годовых статьях после установленной Г. М. Прохоровым границы 1425 г., вплоть до самого окончания текста «основной» редакции[104]. Итак, мы можем утверждать, что при создании Н4 летописец-сводчик снова обратился к Н1мл. и в целом ряде случаев вернулся к ее чтениям или учитывал

[100] *Lind J.* In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages, Odense University, 20–21 November 1989). Odense, 1990. P. 77.

[101] Ibid. P. 81.

[102] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки. С. 185.

[103] На примере анализа известий заключительной части Н4 можно увидеть, как он это делал. Так как НК1 оканчивается 1411 г., для более позднего периода основными источниками Н4 остаются НК2 и Н1мл. Составитель Н4 чаще опирался на НК2, но в целом ряде случаев привел известия, имеющиеся в Н1мл., но не вошедшие в НК2 (точная дата выборов по жребию владыки – 1421 г, сообщение «А новгородци целоваша крест за один брат», известие о «гладе» (в Н1мл. – «глад и мор», в НК2 – «мор») – 1422 г. (в Н1мл. – 1421 г.), известие о «море» в Корельской земле – 1423 г. (Н1мл. – 1424 г.), запись «Денгѣ сковаша во Псковѣ» – 1424 г. (в Н1мл. – «... въ Пьсковѣ дѣнги сковаша», а в НК2 – совсем иначе: «Начаша торговати в Пскове денгами»), сообщения «Погорѣ Торговая сторона и Людинъ конець» и о смерти Феодосия – 1425 г.).

[104] Церковь Спаса «свершена», согласно Н4, «*устроениемъ*» владыки, ср. в Н1мл. «*устроена бысть*», а в НК2 – «*повелением*» – 1427 г., в Н4 «*И ту... приеха* владыка», в Н1мл. «*И тогда приха владыка*», а в НК2 «*И приехаша владыка...*» – 1428 г.

их при редактировании известий НК, которые были для него основным источником[105].

Еще один источник Н4, отличный от упомянутых выше, – это С1. Г. М. Прохоров, отметив ряд случаев (всего 14), когда текст Н4 независимо от подборок НК совпадает с центральнорусским источником, счел их незначительными и предложил объяснять их существование дефектами или лакунами в дошедшем до нас списке НК или в одном из предшествовавших ему списков[106]. Несомненно, писцы могли ошибаться, однако обращает на себя внимание определенная тенденция этих общих для С1 и Н4 дополнений, вряд ли возможная при случайном характере предполагаемых Г. М. Прохоровым пропусков: целый ряд из них связан с отношениями Пскова и «Немцев»[107]. К числу общих для С1 и Н4 дополнений, неизвестных ни НК1, ни ее источнику (Н1мл.), ни НК2, следует отнести и такое существенное чтение, как известие о казни стригольников (6883 (1375) г.: «И тогда стригальниковъ побиша, дьякона Микиту, дьякона Карпу, 3-ее чловѣка его, и свергоша ихъ с мосту»). Приведенный Г. М. Прохоровым[108] ряд общих чтений С1 и Н4, отсутствующих в НК1, НК2 и Н1мл., может быть дополнен. К известиям, очевидно, взятым составителем Н4 из С1, относятся также

[105] На примере анализа известий заключительной части Н4 можно видеть, что ее составитель использовал следующие чтения НК2, отличные от Н1мл. 1) вместо уже упоминавшегося чтения Н1мл. о строительстве 4 церквей, в НК2 и Н4 приводится известие о строительстве только 2 церквей, но с указанием заказчиков (1421 г.), 2) вместо подробного рассказа о «жребии» при выборе владыки в Н1мл., как НК2, так и Н4 ограничиваются одной фразой «возведен бысть по жребию в домъ святыя Софѣя Феодосеи игуменъ святыя Троица съ Клопьска» (1421 г.), 3) в НК2 и Н4 добавлено, по сравнению с Н1мл., известие о строительстве еще 3 церквей (1422 г.), 4) в Н1мл. отсутствует сообщение о распространении мора «во Пскове, и за Волокомъ, и по всеи Руси, и в Литвѣ и в Нѣмцехъ...», имеющееся как в НК2, так и в Н4 (1424 г.), 5) в НК2 и Н4 говорится, что церковь Спаса была построена не Евфимием I, как в Н1мл., а новгородцами (1424 г.), 6) к известию о преставлении Ивана Михайловича НК2 и Н4 добавляют «а приказа княжение свое сыну своему Борису Александровичю, а Кашинъ брату своему Василию» (1425 г.), 7) все известия годовой статьи 1426 г. взяты составителем Н4 из НК2, а не из Н1мл., 8) в статье 1427 г. НК2 и Н4 сокращают текст об иконах и книгах, украсивших церковь Спаса, 9) весь рассказ о нашествии Витовта (кроме упоминавшейся конструкции «И ту (тогда) приеха (прииха)...») восходит в Н4 к НК2 (1428 г.)

[106] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 185.

[107] Например, под 6849 (1341) г. в Н4 читается в соответствии с С1: «Того же лѣта мѣсяца септѣября убиша нѣмци в Латыголѣ на сѣлѣ на Опочнѣ псковьскихъ пословъ 5 мужь, Михаля Любиновича с други, на миру, и плесковици, ѣхавше съ княземь Александромъ Всеволодовичемъ, повоеваша Латыголу, и князь Александръ, учинивъ розратье с нѣмци, и поѣха прочь»; под 6875 (1367) г. к известию о походе псковичей против немцев добавлено (как и в С1): «и убиша у плесковичь Селилу воеводу»; под 6917 (1409) г. в Н4 (как и в С1) добавлено: «Пьсковичи взяша миръ с Витовтомъ и с Нѣмци» (схожее известие есть и в Н1мл., но Н4 дословно совпадает с С1, а с Н1мл. расходится).

[108] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 185.

приведенная под 6913 (1405) г. фраза «И митрополит еха к Витовту»[109], и обширный перечень сожженных новгородских монастырей и церквей во время осады города москвичами (6894 (1386) г.)[110].

Таким образом, составитель Н4 последовательно сводил воедино чтения НК1, НК2, Н1мл. и С1 (в меньшей степени), но помимо использования (соединения) этих текстов он внес из неизвестных нам источников добавления в 40 годовых статей[111].

Начинаются эти добавления со статей 1141 и 1147 гг., где лишь уточнены отчества новгородских посадников; далее под 1273 г. добавлено уже целое известие, а с 1320 г. по 1421 г. дополнительные материалы Н4 идут все более интенсивно и связаны почти исключительно с Новгородом. Отметим, что к первой половине XIV в. относятся всего 4 таких известия. Как справедливо заметил Г. М. Прохоров, далее с 1350 г. «лишние» материалы идут «сплошной цепью»[112]. Для удобства дальнейшего анализа приведем здесь тексты этих дополнений.

6649 (1141) г.: добавлено отчество посадника «Ивановичю».

6655 (1147) г.: добавлено отчество посадника «Микулиничь».

6781 (1273) г.: «Бысть число 2-е изъ Орды отъ царя».

6828 (1320) г.: «А Лука ходи на Мурманы, а нѣмци избита ушку[и] Игната Молыгина».

6829 (1321) г.: «Моръ бысть на люди».

6838 (1330) г.: добавлено о владыке Моисее – «бывъ 5 лѣтъ, и съидѣ съ владычества в монастырь на Ко[ло]мци».

6839 (1331) г.: «Того же лѣта помрачение бысть солнцю».

6858 (1350) г.: о церкви Иоанна Златоуста добавлено: «заложи Юрьи посадникъ». «Выгониша новгородци из Новагорода въ Плесковъ Феодора посадника и брата его Михаила, и Юрьа, и Ондрѣяна, а домы ихъ разграбиша, а Прускую улицю всю пограбиша; они же изъ Пскова поѣхаша в Копорью. А рать нѣмецкаа истопе въ морѣ».

---

[109] Ср.: «...митрополит поиде в Литву к Витовту» (ПСРЛ. М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. С. 138).

[110] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 346. Это известие, хотя и связано с Новгородом, по своему происхождению является, вероятно, московским. В перечне монастырей среди обителей Софийской стороны (после Юрьева и перед Пантелеевым) упоминается некий «Рожественыи», по другим источникам неизвестный. Если перечень принадлежит перу московского книжника, то эту ошибку следует объяснять наличием Рождественской церкви в Юрьевом монастыре. Новгородец, наверное, так не мог ошибиться.

[111] При выявлении дополнительных материалов Н4 по сравнению с НК1 и НК2 была использована таблица соотношения известий С1, НК1, НК2 и Н4, подготовленная Г. М. Прохоровым. См. также: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 191.

[112] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 191.

6859 (1351) г.: о поновлении церкви Бориса и Глеба добавлено: «Орѣховьскымъ серебромъ».

6861 (1353) г.: «Поставиша Симионъ святыи».

6863 (1355) г.: «А с княземъ Иваномъ новгородци смиришася».

6866 (1358) г.: «Того же лѣта целоваша бочек не пити».

6869 (1361) г.: о серебре, взятом из св. Софии на починку новгородского Детинца, добавлено: «владычня Моисѣе[ва] скопления».

6875 (1367) г.: к имени купца Василия, захваченного великокняжескими боярами, добавлено: «Машкова... и Прокопья Киева».

6877 (1369) г.: после известия из Н1мл. о пожаре в Новгороде добавлено: «предъ Воздвижениемь. Тои же осени шло Волгою 10 ушкуевь, а инии шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары».

6879 (1371) г.: «Постави Наталья церковь каменну святаго Андрѣя Уродиваго на Ситискѣ. Августа 20... [далее известие о пожаре из Н1мл.]. И новгородци взяли градъ Ярославль и Кострому».

6883 (1375) г.: «Родися Матфѣи Михаилов».

6886 (1378) г.: «Бысть знамение въ солнци мѣсяца июля въ 29, въ день недѣльныи. Поставиша святаго Никиту и святаго Георгия».

6890 (1382) г.: «Преставися Михаило, отець Матфѣев» (2 раза, в начале и в конце годовой статьи).

6892 (1384) г.: «Бысть жалование на Патракия князя к Новугороду отъ городчанъ, и выѣха князь в городъ, и подня посуломъ Славеньскии конець, и смути Новъгородъ. И стояху Славлянѣ по князи, и съзвониша вече на Ярославли дворѣ по 2 недѣли, а здѣсе и на сѣи сторонѣ три конци другое вече ставиша, по двѣ же недѣли, у святѣи Софѣи, и тысячкии Есифъ ходи на сию сторону въ вече, Плотничани и добрыи люди. И бысть на Черьтисовѣ недѣли, в четвергъ, удариша Славеньскии конецъ на тысячкого на Есифовъ дворъ с вѣча, сь Ярославля двора, и Плотничанѣ тысячкого Есифа не выдаша, и биша грабѣжниковъ и полупиша. А тогда быша у князя Патракиа два чловѣка в дому, Кирилка Олисѣикове да Мишка Щекоткове, поповичь с Подола. И бысть на мясопустнои недѣли, вторникъ, февраля 9, доспѣша 3 конци, Неревьскии, Загородскии, Людинъ, на Славеньскии конець, и стояше у святѣи Софьи на вечи, всякии въ оружии, аки на рать, отъ обѣда и до вечернии; и Плотиньскои конець съслався послы с тремя конци, на Славлянъ хотѣша ити. А заутра въ среду не потягнуша Плотничани на Славлянъ с треми конци, [и три конци] списаше три грамоты въ одина слово обѣтныи, и Славлянѣ, собѣ доспѣвъ, стояше съ княземь на вѣчи на Ярославли дворѣ, въ вторникъ на мясопустнои недѣли. В четвертокъ Славлянѣ отъ своеи сторонѣ мостъ великои переметаша промежи

двемя городнями. И по усобнои тои рати поидоша вся 5 концевъ во одиначество: отняша тыи городи у князя, а даша ему Русу да Ладогу, и Наровьскии берегъ, и грамоту списаша съ княземь, и запечаташа на вечи на Ярославли дворѣ. В Петрово говѣние ѣхаша из Новагорода на Яму города ставити: воевода Есифъ Захарьичь, Юрии Онцифоровичь, Иванъ Феодоровъ, Феодоръ Тимофеевъ, Стефанъ Борисовъ, и инии боляре и житьи люди, и поставиша его въ 30 днии и въ 3 дни. Погорѣша лѣсы и сѣна многы по пожнямъ, и в Новѣгороди бысть помрачение на многи дни и нощи».

6893 (1385) г.: «А в Новѣгороди на Даньславли улици бысть пожарь. Того же лѣта загорѣся на Подолѣ, июня 14, заговѣвъ Петрово говѣние, на 3 недѣли, и погорѣша оба конца, Плотничкои и Словенскои, и Торгъ всь, и церквеи каменныхъ 26, а древяныхъ 6; толко не горела церкви святая Богородица на Михалици монастырь, и на Микитинѣ улици отъ креста в полѣ не горело, и Красилничкая улка; и много бысть убытка крестьяномъ обѣима концема. А загорелося середѣ утра, и горе всь день, чресъ всю нощь въ среду, и заутриа, и в четвертокъ чресъ все утро, престало по обедѣ конець Славна, все выгоревъ; а Успѣние святѣи Богородици конець Ильинѣ улици внутри церкви велми много погорело у купцевъ в коробьяхъ всякого товара; и дымомъ ся подхнуло 9 чловѣкъ Васильевыхъ и 2 сторожа; нищих трое сгореша, а Ивашь, церковныи росписникъ, сгорѣ в Павловѣ монастырѣ; и въ святомь Иванѣ конець Славна на Торгу въ церкви сторожь затъхнулся; и у святѣи Пятници сторожь затъхнулся, а другии сторожь живъ; а у Христовѣ церкви сторожь да странникъ дымомъ ся затьхнулъ. И всѣхъ душь погорѣло и дымом ся затьхнуло 70. В тои же день въ среду, за 6 днии до Петрова канона, загорѣся у святаго Мины въ обѣднюю и погорѣ от Князчевѣ трубѣ въ Духовьскои улкѣ, на память святаго мученика Ульяна.

А тои зимы бысть цѣлование въ великои постъ по Сборѣ, на 2 недѣли: цѣловаше крестъ Феодоръ посадникъ Тимофеевичь, тысячкои Богдан Обакуновичь, на вѣчи на княжи дворѣ, и вси боляре и дѣти болярьскии, и житьеи и черныи люди, и вся пять концевъ, что не зватися к митрофолиту, судити владыке Алексею въ правду по манакануну, а на судъ подняти двѣма истцемъ по два болярина на сторонѣ, и по два житья чловѣка; такоже и посаднику и тысячкому судити право по целованию».

6894 (1386) г.: «Тогда по Вѣлице дни погорѣ все внутрь въ Орѣшкѣ, и самъ городъ попортися. И новгородци прислаша Василья Кузмина Орѣховьскаго города починивати и костровъ».

6897 (1389) г.: «Тогда бысть въ Блудкинѣ городкѣ моръ и по всему Залѣсью желозою».

6898 (1390) г.: о строительстве церкви св. Афанасия добавлено: «а мѣсяца октября въ 12, въ среду, крестьянѣ... изъ лѣса привезоша бревна, у святѣи Софьи... по благословению и по повелѣнию владычьню». О пожаре церкви св. Дмитрия на Даньславле улице добавлено: «февраля въ 8... во обѣдъ». «А зима стала за двѣ недѣли до Яковля дни, а и по Радуницахъ люди и дрова возили из лѣса на конѣхъ, аки зимнии возы».

6899 (1391) г.: «А новгородци взяли сребра 5000 у святѣи Софьи с полатеи, скопления владычня Алексеева, и разделиша на пять концевъ, по 1000 на конець, и иставиша костры каменныи по обѣ сторонѣ острога, у всякои улици». О строительстве церкви Богородицы «на полатах» церкви св. Иакова на Яковли улице добавлено: «полаты у святаго Иякова над дверми, октября 2, и бысть отъ крестьянъ помету много Покрову святѣи».

6900 (1392) г.: «Маиа 27 по обѣдехъ сгорѣ церковь святыя Богородица древяная, и всь монастырь на Лисицьи горкѣ погорѣ».

6904 (1396) г.: к списку ростовских епископов добавлены: «36. Дионисии. 37. Ефрѣмъ».

6908 (1400) г.: к известию о вокняжении в Твери Ивана Михайловича добавлено: «марта въ 7 день. Погорѣ владычнь берегъ на вербници. Преставися Василеи, братъ владычнь, въ чернцехъ и въ скимѣ, на Лисицьи горкѣ, мѣсяца июля 9».

6909 (1401) г.: о новгородском после в Тверь добавлено: «Якова Федоровича сына посаднича».

6911 (1403) г.: «Бысть вода суха велми, рли вси сухи быша».

6912 (1404) г.: «Постави Перфурии Камьскии на Папортнии церковь древяну святаго Николу и манастырь устрои».

6913 (1405) г.: «Преставися Феодосиа Матфѣева, мѣсяца маа 18».

6914 (1406) г.: «Брак бысть Матфѣю Михаилову, маиа в 23. ...Июня въ 16 солнце погибе».

6917 (1409) г.: перед рассказом о смерти Арсения Тверского добавлено: «Блюдите убо братья: зде нужда».

6919 (1411) г.: «Родися Матфѣю сын Кюприан».

6924 (1416) г.: к известию о возвращении в Новгород из Москвы владыки Симеона 16 апреля добавлено: «на ту нощь преставися Наумъ крилошанинъ святѣи Съфѣи».

6926 (1418) г.: рассказ о «восстании Степанки» подробнее, чем в Н1мл.; «И митрополитъ Григореи Витовтовъ приеха в Литву, бывъ в Римьскомъ градѣ Костянтинѣ»; к известию о поездке владыки Симеона во Псков добавлено: «и поучивъ ихъ: [текст Поучения Симеона пско-

вичам о том, чтобы им не вступаться «в земли, и в водѣ, и в суды, и в печать, и во вси пошлины церковныи»]».

6928 (1420) г.: «Поставлени быша 2 церкви древяны: святыи Никола во Отннѣ пустынѣ, святои Енуфреи на Красномъ островѣ».

6929 (1421) г.: подробный рассказ о наводнении в Новгороде 21 апреля «при архиепископѣ Симеонѣ, в лѣто 6-е владычества его»; подробный рассказ о грозе 19 мая и молении архиепископа; в известии о смерти Симеона добавлено, что он был владыкою 6 лет «безъ дву мѣсяць и безъ 4 днеи. И князь Ивань Тферьскии изнима болярина новоторъскаго Ивана Кумганца и сына его Фому и, бѣвъ ихъ, заточи в Новый городокъ. И в Новѣгороди восташа бранью два конца, Неревьскии и Славеньскии, за Климентѣя Ортѣмьина, про землю, на посадника Ондрѣя Ивановича, и пограбиша дворъ его в доспѣсехъ, и иныхъ боляръ разграбиша дворы напрасно, и убиша Андрѣевыхъ пособнъниковъ 20 чловѣкъ до смерти, а Неревлянъ 2 чловѣка, и умиришася. ...Генваря 15 свершиша мостъ великии».

6931 (1423) г.: к известию об отправке новгородцами владыки Феодосия обратно в монастырь добавлено: «а ркучи тако: „не хотимъ шестника владыкою"».

Дополнительные материалы содержат в основном известия о строительстве церквей (1350, 1351, 1353, 1371, 1378, 1390, 1391, 1404, 1420 гг.) и укреплений (1361, 1384, 1386, 1391 гг.), о пожарах, эпидемиях, затмениях и стихийных бедствиях (1321, 1331, 1371, 1378, 1384, 1385, 1386, 1389, 1390, 1392, 1400, 1403, 1406, 1421 гг.); о военных и дипломатических событиях в Новгородской республике (1320, 1350, 1355, 1369, 1371, 1384, 1385, 1404, 1418, 1421 гг.). Можно ли выявить какую-либо закономерность в привлечении составителем или составителями Н4 «неизвестно-откуда-взятых» дополнительных материалов?

Как уже говорилось, 2 дополнительных известия Н4 связаны с Лисицким монастырем (1392, 1400 гг.), что представляется закономерным: его игуменом перед избранием во владыки был Евфимий II. С окончательным редактированием Н4 при Евфимии, возможно, связано и включение в ее текст рассказа 1385 г. об отказе новгородцев от митрополичьего суда. Включение в Н4 этого текста объясняется, на наш взгляд, тем, что вопрос о давно, еще в конце XIV в., утраченном Москвой праве на митрополичий суд вновь остро встал в конце 1429 – середине 1431 гг. В грамоте 8 августа 1430 г. тверскому епископу Илье митрополит Фотий говорит о своих попытках восстановить это право и утверждает, что не «поставит» нового новгородского архиепископа Евфимия II, пока не добьется

своего[113]. 1 июня 1431 г. Фотий умер, а следующий митрополит «всея Руси» Герасим «поставил и благословил» Евфимия. Таким образом, добавляя в Н4 этот рассказ, Евфимий II, возможно, хотел показать, что он не властен в вопросе о митрополичьем суде и не в силах отменить «крестное целование» и решение высшего органа власти в Новгороде – веча. Такой «дипломатический ход» имел особый смысл, видимо, только при жизни Фотия, т. е. до середины 1431 г.[114]

С редактированием Н4 при Евфимии II можно связать и появление в тексте ряда известий об архиепископской кафедре. Из Жития Евфимия мы знаем, что при владыке Симеоне (1415–1421) будущий архиепископ выполнял функции владычного казначея. Этим, вероятно, объясняется появление дополнительных сведений о казне и имуществе «дома святой Софии»: 1351 г. – «Орѣховьскымъ серебромъ»; 1361 г. – «владычня Моисѣева скопления»; 1391 г. – «скопления владычня Алексеева»; 1400 г. – «погорѣ владычнь берегь».

К «владычным» источникам информации можно предположительно отнести также появление известий 1330 г. об архиепископе Моисее, дополнения к списку ростовских епископов под 1396 г., сообщения о возвращении Григория Цамблака с Констанцского собора в 1418 г., объяснения отставки Феодосия Клопского в 1423 г., а также сведений о строительстве ряда церквей (особенно в тех случаях, когда подчеркивается роль владычной кафедры, как в 1390 г., или когда речь идет явно про общежительные, подобно Лисицкому, монастыри: 1404, 1420 гг.).

Хотя появление некоторых из приведенных выше «неизвестно-откуда-взятых» известий Н4 можно объяснить редакторской работой Евфимия II или его книжников вскоре после ноября 1429 г., значительная часть «избыточного» текста не поддается интерпретации такого рода. Так, например, редактированием при Евфимии II невозможно объяснить происхождение целой серии известий Н4, связанных с родом некоего Матфея Михайлова:

1375 г.: «Родися Матфѣй Михаилов»;

1382 г.: «Преставися Михаило, отецъ Матфѣев»;

1405 г.: «Преставися Феодосиа Матфѣева, мѣсяца маа 18»;

1406 г.: «Брак бысть Матфѣю Михайлову, маиа в 23»;

1411 г.: «Родися Матфѣю сын Кюприан».

[113] *Прохоров Г. М.* Фотий // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 482; РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 422–426 (ошибочно под 1422 г.).

[114] В таком случае, вероятно, предполагалось, что митрополит Фотий познакомится с новой новгородской летописью и оценит перемены в официальном владычном летописании.

На фоне других записей о значительных событиях в жизни города и республики выделяется своим частным характером и дополнительное сообщение под 1416 г. о том, что 16 апреля «преставися Наумъ крилошанинъ святѣи Съфѣи».

На записи, связанные с Матфеем, обратил особое внимание еще А. А. Шахматов, предположивший, что они попали в гипотетический свод-протограф С1–Н4–НК «из одного из его источников»[115] – редакции Н1 («Софийского временника»), составленной Матфеем Михайловым[116], которого исследователь отождествил предположительно с уставщиком владычного двора Матвеем Кусовым[117]. Я. С. Лурье уточнил, что, поскольку записей Матфея нет ни в Н1 мл., ни в С1, ни в НК, они могли быть включены только уже редактором Н4[118]. Относя создание Н4 ко времени после 1448 г., Я. С. Лурье предположил, что составитель Н4 включил в летопись «личные записи» Матфея Михайлова[119]. Эта мысль вызвала сомнения Г. М. Прохорова: «Трудно представить себе, чтобы летописец привлек для этих записей какой-то письменный источник или написал это о ком-то другом, не пояснив, кто такой этот Матфей Михайлов. Скорее всего, он писал о себе»[120]. Согласившись с этим утверждением, в статье 1993 г. я пришел к выводу, что в таком случае Матфей, очевидно, – исполнитель замысла Евфимия II, сводчик подборок НК в единую летопись[121]. Эта точка зрения, однако, должна быть пересмотрена.

Дж. Линд, рассмотрев возможность отождествления Матфея Михайлова с редактором-составителем Н4, отверг ее на основании наличия дублировки: известие о смерти отца Матфея приведено в Н4 дважды, в начале и в конце статьи 6890 (1382) г.[122] Действительно, характер этой дублировки не оставляет сомнений в том, что составителем Н4 был ошибочно дважды использован некий *письменный* источник: дословно повторяются сразу три летописных известия (о смерти отца Матфея, о строительстве каменной церкви Рождества на Поле и о приезде в

[115] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Ч. 332, № 11, отд. 2. С. 114.

[116] Там же. С. 189.

[117] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 155–156.

[118] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 82.

[119] Отождествление редактора Н4 с Матфеем Михайловым в таком случае сомнительно, так как ему должно быть уже более 73 лет (ср.: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 114). Впрочем, Я. С. Лурье не исключает такую возможность (*Лурье Я. С.* Матфей Михайлов // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 109).

[120] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 193.

[121] *Бобров А. Г.* Из истории летописания... С. 17.

[122] *Lind J.* In the Workshop... P. 76.

Новгород Дионисия Суздальского). Этот письменный источник, таким образом, представлял собой не просто «личные записи» некоего Матфея Михайлова, как полагал Я. С. Лурье, а какую-то летопись, дополнительный источник Н4, существование которого обосновал в своей статье Дж. Линд.

Этот «четвертый» источник Н4, бесспорно, принадлежал перу Матфея Михайлова, внесшего туда сведения о себе и о своей семье. Составлен он был во всяком случае после 1411 г., так как под этим годом читается бесспорно заимствованное из него известие «родися Матфѣю сын Кюприан». В таком случае можно полагать, что Матфей Михайлов был знаком с НК1, ибо находившееся в его летописной подборке известие о строительстве каменной церкви Рождества на Поле (1382 г.), отсутствующее в Н1мл., обнаруживается уже в тексте «Свода 1411 г.» (НК1).

А. А. Шахматов не указал оснований, по которым он отождествил Матфея Михайлова с Матфеем Кусовым, известным по записям на рукописных книгах, однако нам удалось найти прямое подтверждение этого увлекательного предположения. Среди дополнительных известий Н4, как уже отмечалось, имеется упоминание о преставлении 16 апреля 1416 г. некоего Наума, клирошанина Софийского собора. Это известие своим «частным» характером напоминает записи Матфея Михайлова о своих близких. Действительно, в Синодике Лисицкого монастыря начала XV в. обнаруживается поминание Наума Кусова[123], который, видимо, может быть отождествлен с названным в Н4 Наумом-клирошанином, родственником летописца. Связующим звеном между Матфеем-книжником и Матфеем-летописцем может служить и дополнение в Н4 указания на точное время пожара 1390 г. в церкви св. Дмитрия на Данъславле улице («февраля въ 8, ...во обѣдъ»). Как уже отмечалось, дьяк церкви св. Дмитрия Василий переписал «изисканьем Матфѣя Кусова» рукописные книги 1411 и 1413 гг., причем более вероятной кажется принадлежность упомянутого дьяка именно к этой (из посвященных св. Дмитрию) церкви. Матфей Михайлов и Матфей Кусов в таком случае – одно лицо, а летопись Матфея Михайлова Кусова, использованную составителем Н4, следует датировать временем не ранее упоминания в ней Наума-клирошанина, т. е. 1416 г.

Как свидетельствует поздняя запись на Минее праздничной, Матфей Кусов и после по крайней мере 1423 г.[124] был жив и сотрудничал с

[123] РГАДА, ф. 381, № 141, л. 70 об.

[124] «А ся книга дана бысть от Матфея от Кусова святѣи Софѣи владыцѣ Еуфимью» (РНБ, Софийское собр., № 387, л. 1 об. Минея праздничная, XV в., запись полууставом XVII в.).

новгородским владыкой, поэтому при реконструкции летописи Матфея, видимо, следует учитывать, что «неизвестно-откуда-взятые» материалы Н4 следуют «сплошной цепью» до 6929 (1421) г.[125] Последним дополнением такого рода является известие о волнениях в Новгороде в 1421 г.: «И в Новѣгороди восташа бранью два конца, Неревьскии и Славеньскии, за Климентѣя Ортѣмьина, про землю, на посадника Ондрѣя Ивановича, и пограбиша дворъ его в доспѣсехъ, и иныхъ боляръ разграбиша дворы напрасно, и убиша Андрѣевыхъ пособнъниковъ 20 чловѣкъ до смерти, а Неревлянъ 2 чловѣка, и умиришася»[126].

Что же представляла собой использованная, по нашему мнению, в Н4 летопись Матфея Михайлова Кусова? Некоторое представление о ее характере дают дополнительные известия Н4 1369 и 1371 гг. В первом случае редактор Н4, выявив в летописи Кусова целое неизвестное ему сообщение о походе ушкуйников на Волгу и Каму, заодно позаимствовал из предыдущего сообщения хронологическое уточнение «предъ Воздвижениемь». Это уточнение относилось к известию о пожаре, встречающемуся в Н1мл. Во втором случае редактор Н4, выявив в той же летописи Кусова новое известие о построении церкви св. Андрея, заодно позаимствовал из последующего сообщения хронологическое уточнение «августа 20». Это уточнение также относилось к известию о пожаре, встречающемуся в Н1мл. Таким образом, «неизвестно-откуда-взятые» сообщения были заимствованы из летописи типа Н1мл., но более полной.

Итак, предположительно установлены два источника дополнений Н4: редакторские вставки Евфимия II или кого-то из его книжников и Летописец Матфея Михайлова Кусова, основанный на Н1мл. и доведенный по крайней мере до 1421 г. Не всегда возможно провести четкую границу между этими источниками. Так, например, явный интерес дополнительного источника к деятельности владыки Симеона (см. известия 1416, 1418, 1421 гг.) соотносим как с деятельностью Матфея Кусова, «владычного» летописца при этом архиепископе, так и с деятельностью Евфимия, «владычного» казначея в те же годы.

Таким образом, мы приходим к заключению: «неизвестно-откуда-взятые» известия Н4 были извлечены из архива «владычной» канцелярии и из не дошедшего до нас летописного источника и добавлены при окончательном составлении Н4.

[125] Дополнение 1423 г. о Феодосии Клопском мы относим к редакторской правке Евфимия II (см. выше).

[126] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431.

Главный вывод, к которому приводит текстологическое исследование Н4 в ее основной редакции, доведенной до 1428 г., заключается в том, что, в отличие от Н1мл., Н4 – это не «постоянно ведущаяся летопись», а именно свод, результат сознательной творческой работы одного или нескольких летописцев, трудившихся в первые годы владычества Евфимия II (1430–1431). Для создания принципиально новой основы официального владычного летописания были использованы обе подборки НК, Н1мл., С1 и Летопись Матфея Кусова 1421 (?) г. В результате этой «собирательской» деятельности книжников Евфимия появилась «новгородская общерусская летопись» – Н4.

4. О «старшей» редакции Н4

Для установления истории текста Н4 и связанных с ней памятников принципиальное значение имеют наблюдения Я. С. Лурье о предполагаемой связи «первой» («старшей») редакции Н4 (далее – Н4ст.) с Григорием Васильевичем Заболотским, великокняжеским наместником в Новгороде. Исследователь заметил, что последние слова летописи в списке Нр. о поездке Евфимия II в Москву к митрополиту Исидору написаны, «как это делалось в конце текста, треугольником вершиной вниз, а после этого следует запись: „Господи, помози рабу Божью Григорью Васильевичю на многа лета"»[127].

По мнению Я. С. Лурье, «личность человека, связанного с написанием летописи, может быть определена. „Григорий Васильевич" – это, очевидно, Григорий Васильевич Заболотский, наместник Василия II, у которого новгородцы Яким Гуреев и Матвей Петров получили откупную грамоту, „коли был князь велики Василеи Васильевич в Великом Новегороде", т. е. в 1434 г.»[128]. Предполагаемая связь «первой» редакции Н4 с великокняжеским наместником, наряду с окончанием текста Н4ст. 1437 г., позволила Я. С. Лурье прямо утверждать, что она была создана в Новгороде в 1437 г. при Григории Васильевиче Заболотском[129]. Исследователь предположил, что этот составитель Н4ст. «проявил куда большую лояльность Василию Васильевичу»[130], чем составители Н1мл. и Н4мл.

[127] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 75.

[128] Там же. С. 75, 117. Исследователь датирует грамоту 1434 г. вслед за изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 149 (№ 93).

[129] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 75, 76, 88, 113.

[130] Там же. С. 75.

Отвергая мои возражения против датировки Новгородско-Софийского свода 1448 г.[131], Я. С. Лурье посчитал, однако, анализ окончания списка Нр. достаточным, чтобы пересмотреть свою датировку Свода. Исследователь отметил: «Этот именно текст дает веское основание для определения даты, ранее которой (terminus ante quem) был составлен Новгородско-Софийский свод. Если в конце 30-х гг. существовала первая редакция Н4, то, значит, ее протограф... уже существовал к этому времени. Именно наблюдения над Новороссийским списком... дают основания отказаться от датировки Новгородско-Софийского свода 1448 годом, предложенной Шахматовым и прежде разделявшейся автором этой книги»[132].

Дело, однако, заключается в том, что датировка 1434 г. документа с упоминанием имени Григория Васильевича Заболотского издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова» ошибочна[133]. Как показал В. Л. Янин, великокняжеский наместник Григорий Васильевич Заболотский был посажен Василием Темным в Новгороде после Яжелбицкого мира 1456 г.[134], а упоминание того, «коли был князь велики Василеи Васильевичь в Великом Новегороде», относится не к 1434 г., когда тот «был в Новгороде в положении непринятого беглеца»[135], а к 1460 г.

Не исключено, что «Григорий Васильевич» записи списка Нр. (который датируется 70-ми гг. XV в.) – это действительно Заболотский, но выводы Я. С. Лурье из этой догадки представляются ошибочными. Наличие в одном из списков Н4ст. записи некоего Григория Васильевича, даже при его гипотетическом отождествлении с великокняжеским наместником конца 50–60-х гг. XV в. (который мог быть просто владельцем списка Нр. или его протографа), никак не способствует ни уточнению датировки Новгородско-Софийского свода, ни определению характера и взаимоотношения двух редакций Н4.

Н4ст., бесспорно, – это «детище» Евфимия II (как и НК2, и Н4 «основной» редакции, заканчивающейся 1428 г.). Это, правда, уже не свод, а «ежегодно-ведущаяся летопись», добавления к которой прекращаются летом 1437 г. (последнее известие: «Того лѣта поѣха на Москву архиепископъ Новгородчкии Еуфимии к митрофолиту Сидору,

[131] *Бобров А. Г.* Из истории летописания... С. 6–11; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 109 и далее.

[132] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 113.

[133] На это обстоятельство обратил мое внимание В. Л. Янин, которому я, пользуясь случаем, приношу благодарность.

[134] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 182–184.

[135] Там же. С. 184.

мѣсяца июля 7, на память святаго отча нашего, Фомину недилю»[136]). Прекращение дополнений к Н4ст. хронологически близко примыкает к тому повороту в политике Евфимия II, который напрямую связан со сложными взаимоотношениями церковных и политических деятелей Москвы, Новгорода и Пскова и с их отношением к одному из центральных, ключевых событий эпохи – к Флорентийской унии 1439 г.[137]

5. Некоторые выводы

Годами наивысшего расцвета ногородской культуры, думается, были первые десятилетия XV в. (1400-е – начало 1440-х гг.). Именно к этому периоду, согласно нашему исследованию, относится создание ключевых памятников новгородского летописания, в том числе НК1, НК2 и Н4. Этот вывод расходится не только со взглядами А. А. Шахматова и Я. С. Лурье, которые, в связи с их представлением о существовании Свода 1448 г., датировали перечисленные летописи серединой XV в., а то и более поздним временем. Предложенная точка зрения существенно отличается и от позиции Г. М. Прохорова (чьи текстологические тезисы во многом приняты и развиты в данном исследовании) по вопросу о времени и характере сложения новгородских летописных текстов.

Пересмотрев традиционную точку зрения на проблему соотношения летописных подборок НК, а также Н1, С1 и Н4, Г. М. Прохоров аргументированно отверг гипотезу о существовании непосредственного общего протографа С1–Н4 – Новгородско-Софийского свода (Свода 1448 г.). Дальнейший анализ характера распределения в перечисленных летописях «неизвестно-откуда-взятых» известий[138] привел исследователя к мысли о том, что все эти памятники создавались не единовременно, а протяженно во времени, «наращиваясь» год за годом. По мнению Г. М. Прохорова, НК1 создавалась на протяжении конца XII в. – 1411 г. как «заготовка новгородской составляющей общерусского свода», который также велся непрерывно с конца XII в. и дошел до нас в С1; НК2 «мыслилась и создавалась» с середины XIV в. по 1428 г. как «заготовка для Н4», дополнительная по отношению к НК1 «вытяжка из общерус-

[136] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 453.

[137] См. подробнее: *Бобров А. Г.* Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 359–373.

[138] Следует отметить, что указанный Г. М. Прохоровым перерыв в использовании НК1 в С1 с 1237 г. по 1311 г., которому исследователь придает особое значение (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 189), не подтверждается данными таблицы, составленной им же (см. использование именно НК1 составителем С1 под 6759 (1251), 6766 (1258), 6771 (1263), 6772 (1264), 6788 (1280) гг.).

ского свода»; наконец, Н4 была начата сразу следом за НК2 (в 1350 г.) и до 1428 г. велась как новгородский вариант общерусского свода[139].

С формально-текстологической точки зрения, конечно, трудно различить, единовременно или растяженно во времени происходило заимствование летописных известий. Следует, однако, заметить, что ежегодное накопление на протяжении 80 лет «дополнительных», вспомогательных по назначению статей НК2 в одной рукописи представляется бессмысленным и загадочным; что обрыв ведения «новгородской составляющей» общерусского свода НК1 в 1411 г., когда после 30-летнего «розмирья» наконец улучшились новгородско-московские отношения, кажется необъяснимым; и что прекращение составления общерусской подборки НК2 в конце 1420-х гг., когда «традиционалиста» Евфимия I сменил на новгородской владычной кафедре сторонник «открытой политики» Евфимий II, выглядит по меньшей мере странным.

Для датировки перемен в летописании Великого Новгорода следует обратить внимание на удивительное соответствие между ними и общими переменами в рукописной книжности XV в. Как отметил А. А. Турилов, процесс появления в древнерусской книжности рукописей, переписанных новыми полууставными почерками, с сильным влиянием южнославянской графики и орфографии, с орнаментикой балканского (реже неовизантийского) стиля «явно носил взрывной, революционный характер»[140]. «На основании точно датированного материала, – пишет исследователь, – можно утверждать, что где-то на рубеже 1400–1410-х гг. в скрипториях Северо-Восточной Руси» (в первую очередь Троицкий монастырь) появляется значительное число таких рукописей, а «для Новгорода такой гранью служит рубеж 1420–1430-х гг.»[141]. Эти данные, полученные на основании анализа многочисленных и бесспорно достоверных источников, точно совпадают с нашими выводами о времени и месте создания основных памятников новгородского летописания: рубеж 1400–1410-х гг. (1411 г.), Троицкий монастырь – для НК1, рубеж 1420–1430-х гг., Новгород – для НК2 и Н4.

Объяснение этого совпадения вытекает из дальнейшего изложения А. А. Турилова: «Первоначально рукописи этого круга связаны происхождением с митрополичьей кафедрой (в Новгороде со второй трети

[139] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 187–193, 196–197.

[140] *Турилов А. А.* Предисловие (Опыт авторецензии) //Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986). М., 1993. С. 13.

[141] Там же.

XV в.[142] с владычной кафедрой) и новыми общежительными монастырями (Троице-Сергиев и дочерние обители на Северо-Востоке Руси, в Новгороде в первую очередь Лисицкий)»[143]. Одни и те же новгородские книжники совершали подлинный переворот и в создании нового типа рукописных книг, и в создании нового типа сводного общерусского летописания. И то, и другое являлось плодом их общих представлений о единстве православного мира.

Именно анализ истории новгородского летописания XV в. в контексте историко-культурных перемен в жизни республики на протяжении изучаемого периода позволяет объяснить причины появления многих «неизвестно-откуда-взятых» известий и показать обусловленность и закономерность возникновения новых летописей и их редакций.

[142] Точнее, с рубежа 1420–1430-х гг.

[143] *Турилов А. А.* Предисловие (Опыт авторецензии). С. 13.

ОЧЕРК 5

НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ [1996 г.]

1. Непонятное решение митрополита Исидора (декабрь 1437 г.).

Псков, как известно, в церковном отношении был наместничеством новгородского архиепископа. Источники не сохранили упоминаний новгородских владычных наместников в Пскове до XIV в. Известны «печати архиепископа новгородского», которые по сфрагистическому типу отнесены к XIV–XV вв., а по месту находок – только к Пскову. Их считают принадлежащими новгородским владычным наместникам в Пскове[1]. Наиболее ранняя среди известных наместничьих печатей Пскова датируется началом XIV в. и имеет надпись «Плесковьшкаг намешник(а)»[2]. Сфрагистические данные свидетельствуют о то большей, то меньшей степени подчиненности наместника новгородскому владыке[3], но постоянные попытки псковичей добиться церковной независимости от Новгорода не имели успеха вплоть до декабря 1437 г., когда, как отмечает Новгородская I летопись младшего извода (далее: НIмл.), митрополит Исидор по дороге на Флорентийский собор проезжал Псков и «постави имъ анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычнъ и вси пошлины»[4], т. е. вывел псковскую церковную организацию из-под юрисдикции новгородского архиепископа.

Несомненно, Исидор этим ослабил позиции новгородской архиепископии, существенно урезал ее доходы. Почему митрополит решился на такую акцию накануне Флорентийского собора, когда, казалось бы, ему

[1] *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова // СА. 1960. № 3. С. 252–256.

[2] *Белецкий С. В.* Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14–начале 15 вв. // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 82–83.

[3] Там же. С. 84–85.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л. 1950. С. 419.

незачем было портить отношения с самым влиятельным и могущественным русским иерархом?

Исследователи не дали пока вполне удовлетворительного аргументированного ответа на этот вопрос. Так, например, по мнению А. В. Карташева, митрополит «устроил себе <...> новый источник доходов»[5]. А. А. Зимин без каких-либо доказательств предположил, что Исидор сделал это, «стремясь упрочить власть Московской митрополии, в пику Евфимию»[6]. А. С. Хорошев и Я. С. Лурье, напротив, говорят о новгородской ориентации Исидора[7]. А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко показали, что решению митрополита Исидора о выводе Пскова из церковного подчинения Новгороду предшествовала специально проведенная подготовительная работа – создание Сборника посланий церковных иерархов (преимущественно митрополитов Киприана и Фотия) во Псков[8]. По мнению этих исследователей, Исидор решил воспользоваться обострением взаимоотношений Пскова и Новгорода для «переподчинения псковской церкви непосредственно митрополичьей кафедре»[9].

Объяснение загадочного решения Исидора вряд ли следует искать в московско-новгородских или новгородско-псковских отношениях (ранее они неоднократно бывали значительно более напряженными) или в корыстолюбивых соображениях митрополита – перед ним стояла задача, несопоставимая по масштабам с перераспределением церковных налогов. Исидор ехал на Ферраро-Флорентийский собор, который должен был преодолеть многовековое разделение католического и православного миров. Как воспринималась идея объединительного собора и его решения на Руси, этим вопросом задавались многие исследователи (только в XX в. – А. Я. Шпаков, О. Пирлинг, А. Зиглер, М. Чернявский, А. В. Карташев, Г. Штекль, Л. В. Черепнин, Г. Алеф, О. Халецки, Дж. Джилл, А. А. Зимин, Н. А. Казакова, И. Мейендорф, Я. С. Лурье и др.). И все же некоторые аспекты этой проблемы, в первую очередь касающиеся позиции и роли новгородского архиепископа Евфимия II в событиях 1437–1441 гг., могут быть пересмотрены.

---

[5] *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. 351.

[6] *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 87.

[7] *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической истории Новгородской феодальной республики. М. 1980. С. 90: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. СПб. 1994. С. 105.

[8] *Плигузов А. И., Семенченко Г. В.* Новгородско-псковские отношения во второй половине 1430-х годов и формулярник митрополита Исидора // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тез. докл. и сообщ. науч. симпозиума. Новгород, 1986. С. 11.

[9] Там же.

2. Митрополит Исидор и архиепископ Евфимий II

Первая встреча Исидора и Евфимия состоялась в Москве летом 1437 г., вскоре после прибытия митрополита на Русь. Очевидно, эта встреча была в определенном смысле значимой для Евфимия: известием о его отъезде в Москву 7 июля 1437 г. завершается основной текст Новгородской IV летописи первой редакции (общий для обоих списков – Новороссийского и Голицынского)[10]. Уже 7 или 9 октября того же года[11] посольство во главе с Исидором на пути в Италию остановилось в Новгороде. «Летописец епископа Павла» упоминает, что суздальский епископ Авраамий, а следовательно, и остальные суздальцы, участники поездки, прибыли вместе с митрополитом[12]. Как справедливо заметил Г. Штекль[13], судя по тому, что, согласно псковским летописям, делегация прибыла в Псков только «на память святого отца Николы, в Рожественное говѣние»[14] (т.е. 6 декабря 1437 г.), в Новгороде она пробыла не «семь днии», как утверждает автор «Хождения на Флорентийский собор»[15], а целых семь недель.

Разумеется, главным предметом переговоров на обеих встречах (в Москве и в Новгороде) был грядущий объединительный собор. Хотя пребывание Исидора в Новгороде описывается летописцем как бесконфликтное («и почестиша его владыка и посадники, и боярѣ, и купчи, и весь Великыи Новъград»[16]), это выражение представляется в большей степени этикетным, чем действительно отражающим ход и содержание переговоров.

К встречам летом и осенью 1437 г. два бывших игумена, ставших выдающимися церковными деятелями и политиками, пришли с разным жизненным опытом, воспитанием и образованием. Исидор и Евфимий II

[10] ПСРЛ. Л. 1925. Т. 4, ч. 1. Вып. 2. С. 453.

[11] Дата 7 октября содержится в анонимном «Хождении на Флорентийский собор» (см. *Казакова Н. А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. М., Л. 1970. Т. 25. С. 63), дата 9 октября – в НIмл (Новгородская первая летопись. С. 419).

[12] «Приехал[и] в Новгород митрополит Сидор, владыка Создальский» – БАН. собр. Доброхотова, № 18, л. 47 об. Об этом же свидетельствует и анонимный автор «Хождения на Флорентийский собор» (см. *Казакова Н. А.* Первоначальная редакция. С. 62).

[13] Reisebericht eines unbekannten Russen (1437–1440) / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Günther Stökl // Europa im XV. Jahrhundert von Bysantinern gesehen. Graz, Wien, Köln, 1954. S. 175 (A 17) / (Bysantinische Geschichtsschreiber. Bd 2).

[14] Псковские летописи / Пригот. к печати А. Н. Насонов. М., Л. 1941. Вып. 1. С. 44.

[15] *Казакова Н. А.* Первоначальная редакция. С. 63.

[16] Новгородская первая летопись. С. 419.

были представителями двух различных направлений в культурной жизни первой половины XV в.

Исидор был человеком широкого кругозора, и его интересы не замыкались в кругу церковных проблем. Он занимался астрономией[17], оставил после себя географическое сочинение о плавании из Константинополя в Сиракузы[18], состоял в дружеской переписке с итальянским гуманистом Гуарино Гуарини[19], любил читать сочинения Гомера, Софокла и Цицерона[20]. По воспитанию и убеждениям Исидор был гуманистом. Он был опытным дипломатом и ревностным сторонником идеи Унии: еще в 1433 г. по поручению византийского императора он, тогда еще игумен константинопольского монастыря св. Дмитрия, ездил на Базельский собор для переговоров о соединении церквей[21].

Новгородский архиепископ Евфимий II взошел на новгородскую кафедру из игуменов Лисицкого монастыря, известного традиционными крепкими связями со Святой горой, интересом к переводным мистическим и исихастским сочинениям[22]. Взгляды Евфимия II в первое десятилетие его правления (1429–1438 гг.) были достаточно широки, чтобы пригласить «немецких» мастеров строить архиепископскую палату (не культовое здание!) и соорудить первую в Новгородских землях часозвоню[23], чтобы впервые в широких масштабах соединить официальное традиционное узконовгородское летописание с митрополичьим общерусским (Новгородская IV летопись). Для Новгорода в целом тогда были характерны культурные контакты не с Константинополем, как у Москвы, а с Афоном[24]. «Святогорская» ориентация Евфимия II сказалась, конечно, и в том, что в 30-х гг. с Афона в Новгород приезжает Пахомий Логофет, и в том, что архиепископ начинает распространять в своей епархии Иерусалимский церковный устав Афонской редакции[25].

---

[17] *Гукова С. Н.* Естественно-научные знания в палеологовский период // Культура Византии XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 367.

[18] *Бородин О. Р.* Развитие географии в поздней Византии // Там же. С. 385.

[19] *Карташев А. В.* Очерки по истории. Т. 1. С. 353.

[20] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 85.

[21] *Карташев А. В.* Очерки по истории. Т. 1. С. 349.

[22] *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.

[23] Новгородская первая летопись. С. 416, 418.

[24] *Вздорнов Г. И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. / ТОДРЛ. Л. 1968. Т. 23. С. 181.

[25] *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб. 1993. Т. 46. С. 12–13.

Парадоксальные встречи и переговоры 1437 г. между новгородцем – «грекофилом» Евфимием и греком – «западником» Исидором не нашли отражения в источниках, но дальнейшие события позволяют думать, что проходили они непросто, и первым знаком разногласий между ними явилось изъятие митрополитом Пскова из новгородской юрисдикции.

Пока огромная делегация во главе с Исидором на двухстах лошадях медленно двигалась в Италию, и позже, когда шли заседания Феррара-Флорентийского собора, православный мир как бы замер в ожидании вестей. И в Византии и на Руси многие ожидали, что «латиняне» покаются в своих догматических заблуждениях и признают правоту ортодоксии. В 1438 г. новгородские летописцы отметили только два события: приезд на княжение 3 марта Юрия Семеновича и новую попытку строительства церкви Николы в Вяжищском монастыре, обрушившейся годом раньше. В первой половине следующего 1439 г. летопись отмечает еще несколько незначительных «строительных» мероприятий Евфимия[26]. 28 августа 1438 г. в Перынском монастыре игумен Дионисий Шестник заканчивает переписывать ноябрьскую служебную Минею «при благовѣрнѣмь и велицѣмь князи Василии Василиевиче Московстѣмь, при архиепископѣ нашемь Исидорѣ митрополитѣ Киевьстѣм и всея Роуси, повелѣниемь господина моего архиепископа владыкы Еуфимиа Великаго Новагорода»[27]. Для нас важно, что в официальных выходных данных рукописи 1438 г. упоминается митрополит Исидор. В ожидании вестей с собора он попрежнему признается в Новгороде законным главой русской церкви.

3. Отношение Новгорода к известию о провозглашении Флорентийской Унии (осень 1439 г. – лето 1440 г.).

Известие о провозглашении (6 июня 1439 г.) и, главное, о содержании решений Флорентийского собора должно было достичь Новгорода к началу осени, и реакция на него последовала незамедлительно. Согласно Житию Иоанна Новгородского, 4 октября 1439 г. в паперти Софийского собора «камень <...> отпаде от верхние стены» и разбил надгробную плиту. Под плитой был обнаружен некий архиепископ в нетленных

[26] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 2. С. 436.

[27] РНБ, Соф. 191, л. 299. Наименование Исидора здесь одновременно архиепископом и митрополитом не должно смущать: в рукописи 1433 г. о предыдущем митрополите вообще говорится «при архиепископѣ нашемь Герасимѣ Киевстѣмь и всеа Русѣи» (ГИМ, собр. Черткова, № 230-1°. Л. 424).

ризах, который по молитве Евфимия II явился ему (это и был Иоанн) и повелел установить в этот день память по преставившимся князьям и архиепископам новгородским «и всем православным христианомь»[28]. К этой же дате (4 октября 1439 г.) следует относить и «Видение пономаря Аарона», которому явились «преже отшедшая архиепископы», и Евфимий, узнав об этом, «гробъ позлати князя Владимера <...> и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память им управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4»[29]. Аналогичным известием об установлении памяти князю Владимиру 4 октября 1439 г завершается основная часть Комиссионного списка НIмл. (далее текст написан другой рукой и на бумаге с другой филигранью)[30]. Как отметил Д. С. Лихачев, «выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе»[31]. После чудесных событий осени 1439 г. Евфимий II уже по собственной инициативе в 1440 г. освидетельствовал мощи Варлаама Хутынского[32]. Начиная с 1439 г. в писцовых записях на рукописях, переписанных «повелением» Евфимия, полностью исчезают упоминания как великого князя, так и митрополита[33]. Наконец, участник русского посольства иеромонах Симеон Суздальский, принявший сторону противников Флорентийской Унии, уже после ее подписания, во время остановки в Венеции 9 декабря 1439 г. бежит из «крепости» и весной 1440 г. прибывает в Новгород, где проводит все лето при дворе Евфимия II[34]. Очевидно, отношение архиепископа к готовившейся Унии Симеон мог понять еще при первых встречах в Новгороде осенью 1437 г.

---

[28] О датировке чуда см. *Бобров А. Г.* Из истории летописания. С. 14.

[29] ПСРЛ. Т. 4, ч. 2. Вып. 2. С. 491.

[30] Новгородская первая летопись. С. 7–8, 420. На этом рубеже основного и дополнительного текста НIмл. сменяется и календарный стиль: последний год основной части – 6947 (1439/1440 мартовский год), а первый в дополнительной части – 6948 (1439/1440 сентябрьский год): *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М. 1963. С. 303.

[31] *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. М., 1959. С. 69.

[32] Об этом повествуется в распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского (*Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 54–55).

[33] См., например, записи на рукописных книгах 1441–1443 гг. РНБ. Соф. 196 (1441 г.), Соф. 200 (1441 г.), Соф. 1248 (1441 г.), РГБ. Собр Румянцева. Ф. 256. № 273 (1441 г.), № 438 (около 1441 г.), ГИМ, Син. 332 (вкладная запись 1441 г.), Собр. Щукина. № 9 (1442 г.), БАН. 16.14.15 (1443 г.) и др.

[34] Этот факт Я. С. Лурье сопоставил с тем, что первое известие о неприятии унии появилось именно в новгородских летописях, и объяснил тем, что «латинская» опасность осознавалась здесь сильнее, чем в Москве (*Лурье Я. С.* Две истории Руси. С. 107).

Создание культа новгородской «старины» Евфимием II начинается только с осени 1439 г.[35], а до этого он занимал иную, «общеправославную» позицию[36]. Впрочем, по сути дела он ей и не изменил: вовсе не «новгородский сепаратизм» и западническая ориентация, как полагают многие исследователи, а, напротив, неприятие Унии определяло его действия.

О всплеске антизападных настроений в конце 1439 г. можно судить по письму ганзейских купцов из Новгорода бургомистрам и магистрату Ревеля от 28 декабря 1439 г.[37] В этом письме подробно описывается, как при установке новых ворот Готского двора на Михайловой улице плотник стесал мостовую на ширину ладони, так как новые косяки были толще прежних. В результате разгорелся конфликт с участием старост Михайловой улицы, новгородского тысяцкого и посадника, а также «большого числа возбужденных людей»[38]. Раздавались даже угрозы повесить приказчика Готского двора. Незначительный бытовой вопрос перерос в серьезное столкновение, видимо, под влиянием антизападных настроений новгородцев вскоре после получения известия о заключении Флорентийской Унии. В дальнейшем этот конфликт привел к полному разрыву отношений и отъезду всех западных купцов из Новгорода, причем сам Евфимий II даже отказался принять на хранение ключи от немецкой церкви[39].

4. Возвращение митрополита Исидора (осень 1440 г.).

Следующий этап развитая событий наступил после возвращения митрополита. Приезд Исидора из Италии псковским летописцем был отмечен вполне благожелательно: «Того же [6949] лѣта на осень приѣха митрополить киевскии Сидоръ, на Покровъ святѣи Богородицы, из собора от Риму, из Флорентея града, от вселеньскаго собора, и от римскаго папе

[35] Джоэл Раба обратил внимание на тот факт, что в области строительства Евфимий 1430-х гг. был новатором, обогатившим новгородскую архитектуру новыми, доселе неизвестными образцами, а Евфимий 1440-х гг. обращается к прошлому (*Raba J.* Archiepiscopal authority and Novgorodian culture in the fifteenth century // IJSLP. 1985. Vol. 31–32. P. 356). Отметим также, что с начала 1440-х гг. в новгородских рукописях наблюдается расцвет тератологического декора, казалось бы, уже ушедшего в прошлое и вытесненного балканским орнаментом (см. *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода XV век. М. 1994. С. 65).

[36] *Бобров А. Г.* Из истории летописания. С. 11–15.

[37] *Клейненберг И. Э., Севастьянова А. А.* Уличане на страже своей территории (По материалам ганзейской переписки XV в.) // Новгородский исторический сборник. Л. 1984. Вып. 2 (12). С. 157–164.

[38] Там же. С. 161.

[39] *Рыбина Е. А.* Ганзейская контора в Новгороде в XV в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тез. докл. и сообщ. науч. симпозиума. Новгород. 1986. С. 8.

Евѣгения, и присла во Псковъ свое благословение и грамоты»[40]. Дата 1 октября 6949 г., несомненно, соответствует 1440 г., так как здесь применено сентябрьское летосчисление (в предыдущей годовой статье последняя точная дата – 29 августа, а первая в анализируемой – 5 сентября)[41].

Хотя псковский летописец не говорит прямо, куда именно прибыл Исидор, известно, что в августе 1440 г. он был уже в Вильно[42]. Действительно, в дальнейшем Псковская I летопись утверждает, что Исидор весной следующего 1441 г., «в вербную неделю», прибывает в Москву из Литвы[43], а Псковские II и III летописи прямо уточняют, что «на Покров» 1440 г. он прибыл именно в Литву[44], откуда, очевидно, и осуществлял руководство своей митрополией: «...позва свего намѣстника Галасѣя пъсковъскаго архимарита; онъ же поѣха изо Пъскова на Николинъ день на осеннин; и по томъ присла митрополит иного архимарита во Псковъ Григориа по Петрове дни зимнем»[45].

Новгородский летописец, правда, считает, что Исидор «тои же зимѣ приѣха <...> съ осмого собора на Русь из Рима»[46], но следует отметить, что представления новгородских летописцев о «Руси» весьма неоднозначны: иногда для них что не Новгород – то и Русь (ср.: «бысть пожаръ в Руси: погорѣ город Москва, Вологда, Витебьско»)[47].

Возможно, подобно своему предшественнику Герасиму, Исидор обосновался в Смоленске. Для такого предположения у нас есть достаточно веские основания. Согласно первоначальной авторской редакции сочинения Симеона Суздальского о Флорентийском соборе, сторонник митрополита Исидора князь Юрий Семенович (Лугвеньевич) обманом вызвал иеромонаха из Новгорода в Смоленск, где противник Унии просидел всю зиму 1440/1441 г. «въ двоих железех»[48]. Симеон так описывает события, случившиеся после его возвращения в Новгород: «В то же время прииде княз Юрьи Семеновичь Лугвениевич, и сѣде въ Смоленску въ своеи вотчинѣ. И тому митрополиту пришедшу Исидору со збора. И присла по мене княз Юрьи к Новугороду, и мнѣ пошедшю къ Смоленску, надѣющися,

[40] Псковские летописи. Вып. 1. С. 45.

[41] Н. Г. Бережков предполагает, что «1 октября датировано здесь прибытие Исидора в тот город великого княжества, из которого митрополит прислал грамоты во Псков» (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 346).

[42] *Карташев А. В.* Очерки по истории. Т. 1. С. 354.

[43] Псковские летописи. Вып. 1. С. 45.

[44] Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М. 1955. Вып. 2. С. 46, 134.

[45] Псковские летописи. Вып. 1. С. 45.

[46] Новгородская первая летопись. С. 421.

[47] Там же. С. 346.

[48] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев. 1901. Прил. С. 98.

яко христианинъ есть. <...> И руку свою дасть ми на томъ, яко „ничтоже ти будеть, токмо честь тобе будеть от мене и от всѣх христаанъ". И мнѣ у него пребывшю немного дни, и ту быша грекове митрополичи черньци, и выдасть мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сѣдѣвшу въ двоих железѣх в велицѣ нужи въ единои свитцѣ и на босу ногу»[49]. Далее в своем сочинении Симеон вновь возвращается к описанию приезда митрополита Исидора с Флорентийского собора и замечает: «...много злата папа дал ему, и тою областию папежскою преиде вси земли, и Литовскую землю, доиде и до Киева, и до Смоленска. А в то лѣто въ Смоленску на княжение княз Юрьи Лугвениевич»[50].

Хотя суздальский иеромонах не говорит напрямую, что Исидор обосновался именно в Смоленске, это следует из общего смысла его рассказа: князь Юрий «седе» в Смоленске, и Исидор вернулся с собора (почти подразумевается – туда же); в Смоленске находится аппарат (двор) митрополита – его чернецы, причем не проездом, так как всю зиму Симеон находится у них в заточении и позже отсюда они повезут его в Москву; наконец, Смоленск назван как конечный пункт маршрута Исидора с собора. Следует также отметить, что в поздней польско-белорусской «Летописи Панцырного и Аверки» находится указание, хотя и довольно туманное, на пребывание Исидора в Смоленске после возвращения с Флорентийского собора[51].

В том, что Смоленск тогда мог быть избран резиденцией митрополита, есть определенная логика компромисса между Вильно и Москвой. Еще смоленский епископ Герасим, избранный в 1433 г. митрополитом «Киевстѣмь и всеа Русѣи»[52], по свидетельству псковской летописи, «на Москву не поѣха, зане князи руския воюются и

[49] Там же. Прил. С. 97–98.

[50] Там же. Прил. С. 98.

[51] В разделе летописи, переписанной Михаилом Панцырным из Витебска (не позже 1768 г.), содержится следующее известие: «Roku 1439. Izydor, metropolit kiiowski, iezdził na sobor do Florencyi, tam go wczynił ociec swienty kardynałem, lecz za przybyciem do Kiiowa powrociwszy z Florencyi tego kniaz moskowski nieulubiwszy, kazał osadzić go w Smolensku w wienzieniu, zkond do Polski salwował sie y uciekł» (ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 194). Перевод на русский язык: «В лето 1439 Киевский митрополит Исидор ездил на собор во Флоренцию. Там святой отец сделал его кардиналом. Но когда возвратился он из Флоренции и прибыл в Киев, тогда Московский князь, негодуя на него, велел послать его в Смоленск, в заточение, откуда он спасся бегством в Польшу» (*Сапунов А.* Витебская старина. Витебск, 1883. Т. 1. С. 457). По мнению С. Г. Жемайтиса, высказанному в личной беседе, фраза «kazał osadzić go w Smolensku w wienzieniu» может быть переведена и по-другому: «велел осадить его в Смоленске в окружение». В обоих случаях известие не может быть признано исторически достоверным, однако указание на пребывание Исидора в Смоленске может восходить к местной устной традиции.

[52] ГИМ. собр. Черткова. № 230-1. Л. 424.

сѣкутся о княжении великомъ»[53], а стал жить в Смоленске. После его гибели в 1435 г. митрополичий двор, очевидно, находился здесь в ожидании нового иерарха.

Если наши рассуждения верны, то становится ясной причина расхождения информации псковского и новгородского летописцев о том, куда приехал Исидор – в Литву или на Русь, так как Смоленск, в зависимости от точки зрения, мог быть назван в это время и литовским, и русским городом[54].

5. Сторонники Исидора (зима 1440/1441 г.).

Обосновавшись, вероятнее всего, в Смоленске, Исидор вел тонкую политику и добился заметных успехов. О. Пирлинг так описывает его тактику: «Митрополит, видимо, заранее решил подолгу останавливаться в славянских землях, чтобы всюду вербовать сторонников Унии и сломить сопротивление ее врагов. Можно сказать, что, пропагандируя идею Унии, Исидор хотел прилететь в Москву как на крыльях. Переходя от успеха к успеху, он мечтал этим подготовить свою окончательную победу в Кремле»[55].

Поддержкой Пскова митрополит заручился при помощи предоставления церковной независимости от Новгорода еще по пути в Италию. Вернувшись с собора, он отозвал архимандрита Геласия и прислал другого – Григория[56], значит, Псков продолжал признавать законность власти Исидора[57]. По возвращении с собора Исидор получил союзников в лице православных западнорусских князей – Юрия Семеновича в Смоленске

[53] Псковские летописи. Вып. 1. С. 42.

[54] Ср. упомянутое выше причисление летописцем-новгородцем Витебска к русским городам. Москва же в XV в. неоднократно заявляла права на свою «вотчину» – Смоленск (*Насонов А. Н.* История русского летописания XI–начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 301).

[55] *Пирлинг О.* Россия и папский престол. М., 1912. Кн. 1. Русские и Флорентийский собор. С. 95.

[56] В 1995 г. во Пскове был обнаружен фрагмент печати, поступившей через антикварный рынок в одну из частных коллекций Санкт-Петербурга, с надписью на реверсе «[Григ]ория [наме]стник[а ми]тропо[лита]» (см. подробнее: *Белецкий С. В.* Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30–40-е годы XV в. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков. 20–24 ноября 1995 года. СПб., Псков. 1995. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. С. 50–52).

[57] В послании Филиппа Петрова новгородскому архиепископу Геннадию говорится о существовавшей в то время грамоте митрополита Исидора во Псков, подписанной следующим образом: «Благословение Исидора митрополита Киевскаго и всея Русии, легатоса и от ребра апостолъскаго сѣдалища лятскаго и литовскаго, и немецкого, въ Псков о Святѣм Дусѣ» (РНБ. Q. XVII. 50, л. 94. Сборник XVI в.). Об этом послании: *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1969. С. 356.

и Александра Владимировича в Киеве; последний даже дал ему грамоту, в которой подтверждались все права митрополита[58].

Особо следует сказать об отношении к Унии двух русских великих княжеств – Твери и Москвы. Я. С. Лурье уже отмечал, что в «Слове похвальном» великому князю тверскому Борису Александровичу, написанном иноком Фомой, «нет никакого осуждения Унии»[59]. К этому следует добавить тот факт, что в первой, видимо, наиболее ранней части «Слова похвального» греческие иерархи, подписавшие Унию, восхваляют тверского князя, но среди них нет похвалы того, кто единственный не подписал ее, – Марка Ефесского[60]. Если это не следствие дефектности списка, то перед нами уже не «отсутствие осуждения», а ясно выраженная позиция.

Кроме того, существует московско-тверской мирный договор, заключенный «по благословению отца нашего Исидора, митрополита Киевьского и всея Руси»[61]. Я. С. Лурье считал на основании этого документа, что «после возвращения Исидора митрополит рассматривался в Москве не как отступник», а как законный глава русской церкви[62]. Датировка договора, однако, не может считаться окончательно установленной[63],

---

[58] *Карташев А. В.* Очерки по истории. Т. 1. С. 355.

[59] *Лурье Я. С.* Две истории Руси. С. 106.

[60] ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 274–278. В единственном списке «Слова», правда, как раз в этой части вырван лист. Это позволило Н. В. Понырко и Я. С. Лурье предположить, что на нем могли быть записаны недостающие речи митрополитов Марка Эфесского, Исидора Русского и Досифея Монемвасийского (Там же. С. 610).

[61] ДДГ. С. 105 (№ 37).

[62] *Лурье Я. С.* Две истории Руси. С. 107.

[63] Л. В. Черепнин находил указание на связь с событиями 1438–1439 гг. (походом Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного против Улу-Махмета к Белеву и нашествием Улу-Махмета на Москву) в следующих словах докончания: «А что ся есте воевали со царемъ, а положить на вас царь вину в том, и мнѣ вам, брате, не дати ничего в то, и моеи братьи молодшеи, и моимъ братаничем, ни нашим дѣтем, ни внучатом, а вѣдатися в том вамъ самимъ» – ДДГ. С. 106 (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., Л., 1948. Ч. 1. С. 124). Этот текст, однако, вряд ли может быть использован для датировки договора, так как схожий с ним встречается в московско-тверском договоре, заключенном около 1396 г. «А что есмя воевал со царемъ, а положит на нас в том царь вину, и тобѣ, брате, в том намъ не дати ничего ни твоим дѣтем, ни твоим внучатом, а в том намъ самимъ вѣдатися» – ДДГ. С. 41. Вероятнее всего, благословленный Исидором договор Москвы и Твери следует датировать 1437 г., когда митрополит находился еще на Руси, а не 1440–1441 гг., как я полагал ранее (см. *Бобров А. Г.* Церковные отношения Пскова с Новгородом и Флорентийская уния // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. С. 55). Датировать его временем после возвращения Исидора на Русь затруднительно ибо в нем упомянут как здравствующий «Жигимонт» (Сигизмунд), убитый 19 марта 1440 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 303), когда Исидор был еще в Венгрии или Польше (на это обстоятельство обратила мое внимание О. А. Абеленцева).

возможно даже, что он остался только проектом[64], подготовленным еще в 1437 г., но сам факт существования этого текста, благословленного Исидором, показателен.

Единственный довод, который может трактоваться как свидетельство негативного отношения Твери к Унии, – это утверждение Симеона Суздальского, что тверской посол на соборе Фома якобы бежал вместе с ним от Исидора во время остановки на обратном пути в Венеции. Однако еще А. Я. Шпаков заметил, что охранный лист, выданный папой послу Фоме, служит доказательством его независимости от митрополита[65]. Фома не был членом делегации Исидора и мог самостоятельно выбирать свой маршрут на Русь. Забегая вперед, заметим, что бегство Исидора из Москвы именно в Тверь осенью 1441 г. показывает, что даже после разрыва с Кремлем митрополит ожидал встретить здесь союзников. В Твери Исидор пробыл почти полгода (до 12 марта 1442 г.). Как справедливо указал Э. Клюг, «тверичам явно потребовалось время, чтобы определить свою позицию по отношению к Исидору»[66]. Что же касается более раннего момента, зимы 1440/1441 г., то поддержка Унии Тверью представляется бесспорной.

Наконец, Москва. Согласно «Повести» Симеона Суздальского, Исидор еще в Италии говорил римскому папе, «яко вси в твоеи руце, вси князи и епископи: ни един со мною не может глаголати; а сам князь великии млад есть и в моеи воли есть»[67]. Вряд ли это было лишь пустое бахвальство, и московско-тверской договор тому подтверждение.

Один из пунктов этого договора касался отношений с Новгородом: «А с Новымъ ти городомъ жити по старинѣ...»[68] Очевидно, с точки зрения Москвы, «старина» была нарушена. Зимой 1440/1441 г. без всяких видимых причин Василий II «възверже нелюбье на Новъгород Великыи, присла грамоту розметную и повоева волостеи новгорочкых много»[69]. Псковичи выступают заодно с москвичами, и псковский летописец сразу за известиями о приезде Исидора и сношениях с ним помещает подробный отчет о военных действиях. В соответствии с благословленным Исидором московско-тверским договором, тверские войска также

[64] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 125.

[65] *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Киев, 1904. Ч. 1. Княжение Василия Васильевича Темного. С. 92.

[66] *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 329.

[67] *Черепнин Л. В.* К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 182.

[68] ДДГ. С. 107.

[69] Новгородская первая летопись. С. 421.

приняли участие в военных действиях против Новгородской республики зимой 1440/1441 г.: «...а съ нимъ (Василием Васильевичем.– *А. Б.)* была сила Тверскаа, а воевода былъ Александрь Романовичь да Карпь Федоровичъ»[70].

Насколько летописцы дружно молчат о причинах этой московско-псковско-тверской агрессии против Новгородской республики, настолько теряются в догадках исследователи, предполагавшие, что либо Василий II просто «искал <...> добавочных доходов»[71], либо совершал «карательный поход» за заключение новгородско-литовского мирного договора[72], – но такой же договор с Литвой в разгар боевых действий 30 декабря 1440 г. заключили союзники Василия II – псковичи[73]. Разгадку, очевидно, надо искать в самом Великом Новгороде.

6. Новгород против Унии (1440–1441 г.).

В отличие от своего псковского коллеги, новгородский летописец сразу говорит о возвращении Исидора с явным осуждением: «Тои же зимѣ приѣха митрополитъ Исидоръ съ осмого сбора на Русь из Рима, и нача зватися легатосомъ от ребра апостольскаго, сѣдалища римьскыя власти, и митрополитомъ римьскымъ, и нача поминати папу римьскаго въ службѣ, и иныя вещи новыя, их же николиже слышахомъ от крещениа Рускыя земля; а повелѣ в лячкых божницах рускымъ попом свою службу служити, а в рускых церквахъ капланомъ, Литва же и Русь за то не изымашеся»[74]. Существенно, что эта оценка дана новгородским летописцем ранее (в предшествующей годовой статье) рассказа о приезде митрополита Исидора в Москву.

Отношение новгородского архиепископа к сложившейся в 1440–1441 гг. политической и конфессиональной ситуации проявилось, на наш взгляд, в его строительной и иконописной программе. В конце летописной статьи 6948 г. (это соответствует для данного случая примерно осени 1440 г.[75]) содержится, на первый взгляд, ничем не примечательное

[70] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15 (Летописный сборник, именуемый Тверской летописью) Стб. 491 (Репринтное переизд. М., 1965).

[71] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 247.

[72] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 90.

[73] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 321–322 (№ 335).

[74] Новгородская первая летопись. С. 421.

[75] Предыдущее известие этой годовой статьи (о бегстве Юрия Семеновича из Литвы в Москву), как показал Н. Г. Бережков, уже выходит за пределы сентябрьского 6948 г.

известие: «Постави владыка церковь камену святую Анастасию»[76]. Строительство этой церкви, однако, представляется делом далеко не случайным. Э. С. Смирнова в статье об иконах с изображением Богоматери «Знамение» (помогшей новгородцам одержать победу над суздальцами в XII в. при архиепископе Иоанне) отметила повторяемость на них определенных избранных святых, и среди них – великомученицы Анастасии[77]. Уже на самой ранней иконе этого типа (со святыми и «Знамением»), которую исследовательница датирует 30-ми гг. – серединой XV в., изображены Илья, Никола и Анастасия[78]. Присутствует ее изображение и на многих других иконах этого типа XV–XVI вв. В чем же причины такой распространенности почитания Анастасии в Новгороде начиная с эпохи Евфимия II?

Размышляя о значении отдельных персонажей и составе фигур в каждой иконе со святыми и «Знамением», Э. С. Смирнова говорит об Анастасии, что она – «святая-целительница; во время эпидемии чумы в 1417 г. новгородцы общими усилиями построили за один день деревянную церковь Анастасии»[79]. В средневековом Новгороде известна только одна церковь Анастасии, значит, осенью 1440 г. каменная церковь была сооружена на месте деревянной 1417 г. О первоначальной деревянной церкви в НІмл. говорится, что она была поставлена «в память ея»[80], т. е. в день ее церковного почитания. Известно три отдельно почитаемые святые Анастасии: две мученицы – так называемые Анастасия Старшая (память 29 октября) и Младшая (память 22 декабря), а также преподобная Анастасия (память 10 марта). «Святая-целительница», которую имеет в виду Э. С. Смирнова, – это великомученица Анастасия Младшая, или Узорешительница[81]. Обращение к тексту Новгородской IV летописи позволяет уточнить, что церковь 1417 г. была посвящена «мученици Анастасии в память ея мѣсяца октября 29»[82], т.е. речь идет об Анастасии Старшей. Хотя в XV–XVI вв. постоянно наблюдается смешение двух Анастасий-мучениц[83] (так, напри-

---

т. е. относится к осени 1440 г. (см. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 304).

[76] Новгородская первая летопись. С. 421.

[77] *Смирнова Э. С.* О местной традиции в новгородской живописи XV в. Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение» // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М. 1978. С. 193–211.

[78] Там же. С. 194–196.

[79] Там же. С. 211.

[80] Новгородская первая летопись. С. 408.

[81] Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1 (А–К). С. 72.

[82] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 2. С. 418.

[83] Э. С. Смирнова отмечала запутанность и взаимозависимость культов Анастасий-мучениц (*Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 240–241).

мер, в Великих Минеях Четьих оба их жития помещены под 29 октября[84]), обращение к текстам житий позволяет думать, что в Новгороде эпохи Евфимия II особо почиталась именно Анастасия Старшая.

Ее житие известно по древнейшему датированному списку октябрьской Четьей Минеи 1490 г.[85] В нем рассказывается следующее: «Въ времена Диоклитияна царя <...> бѣ гонение велико христьаномъ в Римѣ»[86]. Старейшине Прову доносят, что «есть монастырь, иже прямо граду, христианыих жень, еже наричаються преподобныя София»[87], и в нем живет Анастасия, возвещающая повсюду учение Христа. Посланные в монастырь воины, «влѣзще, рѣша къ игумени, еи же имя София: „Ей, старице, даждь ны отроковицю, юже имаши зде, нарицаемую Анастасию“»[88]. Игумения София просит дать ей немного времени и напутственно поучает Анастасию: «„...прельстят тя словесы многыими, и имѣнии, <...> но стани крѣпко, якоже поистинѣ Христова невѣста“. И инѣми мнозѣми утверди ю словесы учителница ея София»[89]. Когда святую привели в Рим, «стариишина рече: „Почто ся наричаеши Анастасиа?“ – „Яко въстави ми Господь и Богъ мои труждатися пред тобою, да негле побѣжду отца твоего сотону“»[90]. Старейшина уговаривает Анастасию отречься от веры: «Дам ти имѣние и ризы многы, и бисерь, и челядъ многу...»[91]. Она отказывается, и после ужасных мучений Анастасию выводят за город, казнят и бросают ее тело. «Великои Софии, учителнице ея»[92], как именует агиограф игумению, явился ангел и сказал: «Въстани и возми тѣло чада своего Анастасия, процвѣте бо труд учения твоего <...> имаши ю молящююся за тя и за вся печалныя»[93].

Некоторые параллели между сюжетом жития и сложившейся в эпоху Флорентийской Унии ситуацией (гонение на христиан в Риме, попытки материальными благами склонить к отказу от веры) относятся к настолько распространенным топосам, что не могут пролить свет на расцвет почитания Анастасии в евфимиевском Новгороде. Существенной в этом житии представляется роль «великой» Софии, чей «труд учения процвете», благословляющей Анастасию принять венец мученичества. Не только игумению в житии зовут Софией, но и сам монастырь посвящен

[84] ВМЧ. Октябрь. Дни 19–31. СПб., 1880. Стб. 1987–1996.
[85] РНБ. Соф. 1385. Л. 432об. – 437об.
[86] Там же. Л. 432об.
[87] Там же.
[88] Там же. Л. 433об.
[89] Там же.
[90] Там же. Л. 434.
[91] Там же. Л. 434об.
[92] Там же. Л. 437.
[93] Там же.

преподобной Софии (в другом списке: «рекомыи Софиинь»[94]). Известно, что София для Новгорода – это не только кафедральный собор, но также символ и небесный хранитель республики и ее церковной организации.

Сочетание имен Софии и Анастасии, столь важное именно для Жития Анастасии Старшей, зримо воплощается в строительстве церкви, посвященной мученице Анастасии, не просто в Детинце, но вплотную к Софийскому собору, непосредственно у его южного фасада[95]. Осенью 1440 г., когда коалиция всех соседних русских княжеств собиралась начать войну против Новгорода, такое строительство должно было означать готовность новгородцев по благословению Софии принять мученический венец за веру, отказавшись от возможных приобретений земных благ, по примеру Анастасии, чье имя толкуется в житии как «восстание» («Яко въстави ми Господь и Богъ мои труждатися пред тобою, да негле побѣжду отца твоего сотону»[96]). Понятным становится и тот ряд ассоциаций, который вызывал древнейший тип иконы Богородицы «Знамение» с избранными святыми Ильей, Николой и Анастасией: старинная победа над великим княжеством *(«Знамение»)* при архиепископе Иоанне *(Илья)* вспоминается сейчас, при Евфимии (монастырь, где он принял постриг, вел строительство и впоследствии погребен, – *св. Николы* Вяжищский), когда новгородцы готовы во имя учения Софии принять даже мученичество *(Анастасия)*.

С 1441 г. начинается ряд летописных известий о воссоздании Евфимием церквей XI–XII вв. «на старой основе». Первая из таких «воссозданных» церквей посвящена святым Борису и Глебу: «Того же лѣта постави архиепископъ Еуфимеи церковь святыи Борисъ и Глѣбъ, на старои основѣ, во Околоткѣ; и быша ему пособьници новъгородци»[97]. Эта церковь, по размерам равная Софийскому собору, построенная в XII в. знаменитым Сотко Сытиничем и находившаяся на территории новгородского Детинца, ранее неоднократно перестраивалась, а в последний раз перед восстановлением сгорела в 1405 г.[98] Как показал В. Л. Янин, в XIV–XV вв. борисоглебский культ в Новгороде тесно связан с идеей небесного заступничества в военных столкновениях[99]. Заметим, что во всех отмеченных исследователем случаях, когда Борис и Глеб помогают одерживать военные победы, противниками

[94] ВМЧ. Октябрь. Дни 19–31. Стб. 1987.
[95] *Гордиенко Э. А.* Владычная палата Новгородского Кремля. Л., 1991. С. 15.
[96] РНБ. Соф. 1385. л. 434.
[97] Новгородская первая летопись... С. 421.
[98] Там же. С. 398.
[99] *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце: (О новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Культура средневековой Руси: Посв. 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 91.

являются шведы или немцы, что придает новгородскому борисоглебскому культу «антизападный» или, точнее, «антикатолический» оттенок.

Таким образом, воссоздание церкви Бориса и Глеба в контексте событий 1441 г. и общего отношения Евфимия II к Флорентийской Унии может быть соотнесено с обращением к небесным заступникам православной республики, а фраза летописца «и быша ему пособьници новъгородци», видимо, свидетельствует о поддержке не только самого строительства, но и позиции архиепископа горожанами.

Частью широкой культурной программы Евфимия II было и создание знаменитой иконы «Битва новгородцев с суздальцами»[100]. Лежащий в ее основе сюжет на протяжении XIV – первой половины XV в. неоднократно вновь и вновь становился актуальным (например, в 1340, 1393, 1398, 1401, 1417 гг.), что порождало новые версии и переработки исходного повествования. Не мог он не вызвать исторических сопоставлений и в 1441 г. Опять, как и в XII в., на Новгород двинулась «вся земля Русская»; вновь столкновения происходили как вблизи города, так и на Двине. При всей повторяемости исторических событий, на иконе есть два мотива, которые находят объяснение лишь в контексте войны 1440–1441 гг. Во-первых, в центре среднего регистра иконы изображены переговоры (две группы всадников и надписи: «послове»; «суздальцы»[101]), о которых, как установил Л. А. Дмитриев, письменные источники до середины XV в. ничего не упоминают. Только в Новгородской V летописи, созданной около 1447 г., появляется фраза: «...и слы съежжахуся по три дни и не умиришася»[102]. Вероятно, этот мотив послов и переговоров проникает в

[100] Икона известна в целом ряде списков, из которых два древнейших (из Третьяковской галереи и из Новгородского музея) датируются по стилистическим признакам приблизительно серединой – второй половиной XV в. Современные исследователи предполагают, что сюжет возник при архиепископе Евфимии II, после 1439 г., когда было установлено церковное почитание архиепископа Иоанна (см.: *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода: XV век. С. 83–86, 100–101, 150–154, 217–220, 229–230).

[101] Как заметила В. К. Лаурина, в композиционном и геометрическом центре иконы «Битва новгородцев с суздальцами» из Новгородского музея дана рука одного из суздальцев (послов) с указующим перстом (*Лаурина В. К.* О новгородской иконописи XV в. // *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко* Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. С. 151). Несомненно, этот требовательный жест принадлежит великому князю, возглавлявшему, согласно данной иконописной версии, переговоры в XII в., и является смысловым стержнем всего изображения. Невозможно, однако, согласиться с мнением В. К. Лауриной, что «осторожный иконописец», изобразив этот жест в центре композиции, «уважительно изображает» противника Новгорода, «отдавая тем самым дань и могущественной Москве» (Там же). «Московская» аллюзия здесь очевидна, но именно противостояние Новгорода повелительному жесту великого князя определяет композицию иконы.

[102] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера... С. 145.

летопись из иконы, а в нее в свою очередь – из реальных событий 1441 г., в которых переговоры, как мы увидим, сыграли ключевую роль.

На иконе «Битва новгородцев с суздальцами» есть еще один мотив, неизвестный письменным источникам (в том числе и поздним): только здесь мы видим Бориса и Глеба, помогающих осажденному городу[103]. Характерно, что святые князья выступают здесь против своих «сродников» – Рюриковичей. Упоминавшийся «антикатолический» характер новгородского борисоглебского культа и восстановление церкви Бориса и Глеба именно в 1441 г. позволяют связать появление этого мотива также с войной Новгорода против благословленной Исидором коалиции русских княжеств.

Итак, в вопросе об Унии Евфимий II занял ту же позицию, что и его духовные учителя и сподвижники – афонские монахи, наотрез отказавшиеся признать решения Флорентийского собора. Известно, что святогорские иноки отправили на Русь послание, в котором выступали против решений объединительного собора[104], и новгородский архиепископ, возможно, был знаком с ним. Поддержка далеких афонских монахов, однако, мало что значила с военной точки зрения. Вопреки традиционному мнению о неуспехе дела Унии на Руси[105], Исидор был близок к полной победе, а положение Новгорода было критическим.

7. «Странный» мир (конец зимы 1441 г.).

Тем временем военные действия продолжались. После того как псковские отряды повоевали на порубежных землях и дошли до Порхова, как Василий II в Деревской пятине подступил к Демону, а новгородские воеводы «с заволочаны» повоевали великокняжские земли, возле города Демона состоялась встреча «на высшем уровне» между великим князем и новгородским архиепископом, и был заключен не менее «странный» мир, чем сама война.

Новгородский летописец пишет только следующее: «...докончаша с ним (Василием II. – *А. Б.)* миръ по старинѣ, и даша ему 8000 рублевъ»[106]. Пскович хотя и более подробно излагает ход переговоров, но ясности добавляет немного: «...Еуфимии и с посадники новогородскими биша

[103] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера...С. 144–145.

[104] *Карташев А. В.* Очерки по истории... Т. 1. С. 355–356.

[105] *Макарий, архим.* История русской церкви. СПб., 1866. Т. 5. Кн. 2. С. 363 –367; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 233–236, и др.

[106] Новгородская первая летопись... С. 421.

челомъ много князю великому, и князь великии Василии Василиевичь челобитие новгородское приять, владычня ради благословения и богомоления; и миръ доконъчаша князь великии с новгородцы, како за себе, тако и за пскович; и даша новгородцы князю великому Василию Василиевичю осмь тысящь рублевъ за свою вину». В этом известии псковской летописи следует обратить внимание на то, что при заключении мира для Василия Васильевича существенным было «благословение и богомоление» новгородского владыки Евфимия II, – не содержится ли здесь указание на конфессиональную природу конфликта?

Особенно же удивляет тот факт, что, не сдав ни одного города и не проиграв ни одного сражения, новгородцы заплатили «окуп» за неведомую «вину», равный выплаченному в 1386 г., когда был осажден Новгород и сожжены все пригородные монастыри, и лишь на 2 тысячи меньший, чем в 1456 г., когда они были полностью разгромлены, потеряли Старую Русу и другие города. Несомненно, впечатляет сумма в 8000 р., если вспомнить, что, когда Исидор приехал во Псков в 1437 г. и вывел его из церковного подчинения Новгороду, ему дали 20 р. при приезде и 100 р. на дорогу.

Демонский мир был заключен, как можно судить по косвенным свидетельствам источников, в конце зимы 1441 г., а в начале весны (19 марта) того же года, видимо, ничего не подозревавший Исидор (5 февраля 1441 г. он был еще в Киеве) наконец прибыл в Москву. Судьба Флорентийской Унии на Руси, однако, уже была решена в заключенном возле Демона соглашении, и Василий II «внезапно» обнаружил, что митрополит во время литургии первым поминает папу, а не патриарха...

Дальнейшие события хорошо известны: Василий Васильевич повелел заточить Исидора в Чудов монастырь, все лето 1441 г. его пытались уговорить отказаться от Унии, но безуспешно, и, наконец, 15 сентября 1441 г. митрополит при явном попустительстве властей бежал в Тверь, затем в Литву, а оттуда в Рим. Впоследствии он был участником обороны Константинополя в 1453 г., а последние годы жизни провел в Италии, где в 1458 г. получил номинальный сан патриарха константинопольского[107].

Война Москвы, Пскова и Твери против Новгорода зимой 1440/1441 г. свидетельствует о поддержке митрополита Исидора инициаторами этих военных действий не на словах, а на деле. Оставшись в одиночестве, архиепископ Евфимий II стал демонстративно создавать культ новгородских святых и новгородской старины, а упомянутому Симеоном Суздальским «папскому золоту», которое использовал Исидор, вынужден был во время переговоров под Демоном противопоставить средства из казны Новгородской республики.

[107] *Лурье Я. С.* Исидор // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 450.

В Житии Евфимия II, написанном Пахомием Логофетом вскоре после смерти архиепископа по заказу его преемника Ионы, события, связанные с восприятием Флорентийской Унии, не нашли практически никакого отражения, и это естественно: слишком уж они противоречили агиографическому канону. Лишь одна фраза Пахомия, возможно, косвенно намекает читателю, хотя и в самых общих выражениях, на роль Евфимия II в ситуации 1440–1441 гг.: «Аще бо нѣции, иже богатствомъ и саномъ велицы, законопреступно дѣяти хотяще, зѣло тѣмъ запрещаше»[108].

Политическая победа Евфимия над Исидором и неприятие Флорентийской Унии Русью предопределили в какой-то степени многие дальнейшие события и тенденции – неуспех как идеи Унии в целом, так и антитурецкой военной кампании 1443–1444 гг., и падение Константинополя, так и не получившего реальной военной помощи, и автокефалию русской церкви, и постепенное затухание в русской культуре предвозрожденческих гуманистических веяний. Как справедливо заметил в статье о Флорентийском соборе И. Мейендорф, «московское религиозное и политическое самоутверждение, которое вскоре приобрело мессианские формы, <...> является не причиной, а следствием событий середины XV в.»[109].

Что же касается церковной независимости Пскова от Новгорода – разменной монеты в игре политиков, то она продолжала существовать какое-то время после Демонского мира 1441 г. и бегства Исидора, так как и в 6950 (1442) г. псковская летопись упоминает архимандрита Григория[110]. Возможно, юридически отменить решение предыдущего митрополита смог только следующий – Иона, избранный собором русских епископов лишь в 1448 г.[111]. Во всяком случае, когда в 1449 г. после 14-летнего перерыва состоялся традиционный приезд новгородского архиепископа Евфимия II во Псков, ни о каком архимандрите речь уже не идет. В псковско-новгородских отношениях воцаряется идиллическое согласие до следующего «розмирия».

---

[108] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 20.

[109] *Мейендорф И. Ф.* Флорентийский собор: Причины исторической неудачи // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 97.

[110] Псковские летописи. Вып. 1. С. 46.

[111] С. В. Белецкий считает, что «возвращение псковского наместничества в состав новгородской епархии произошло вскоре после потери архимандритом Григорием статуса наместника митрополита, то есть – вскоре после 1442 г.» (*Белецкий С. В.* Новые данные. С. 52). Неясно, однако, почему исследователь дату последнего упоминания архимандрита Григория источниками отождествляет с датой потери им своего статуса.

ОЧЕРК 6

ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД МИТРОПОЛИТА ФОТИЯ (ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТА)[1] [2001 г.]

1. Введение

В своем классическом труде по текстологии Д. С. Лихачев отметил: «Одним из важнейших средств оживления фактов и гипотез по истории текста служит реконструкция текста произведения на одном из этапов его жизни. С помощью реконструкции текстолог в известной мере может проверить свои предположения, сделать их наглядными и удобовоспринимаемыми»[2].

Очевидно отличие реконструкции от научного издания реально дошедшего до нас текста (с исправлением ошибочных чтений): в реконструкциях «текст восстанавливается в отдельных частях с разной степенью вероятности», поэтому реконструкции текста необходимо предпосылать особое исследование, в котором и должны оправдываться все переделки реально дошедших текстов, легших в основу реконструкции[3].

В истории изучения русского летописания особое место занимают выполненные А. А. Шахматовым реконструкции Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г.[4], Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 г.[5] и «Повести временных лет»[6]. Достоинства и недочеты шахматовских реконструкций были детально проанализиро-

[1] Исследование выполнено при поддержке Research Support Scheme (HESP № 308/1995).

[2] *Лихачев Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 462.

[3] Там же. С. 464–465.

[4] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 539–610.

[5] Там же. С. 611–629.

[6] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. 80, 403 с.

ваны Д. С. Лихачевым[7]. Отметим здесь лишь принципиальное отличие предложенных А. А. Шахматовым реконструкций от «сводных» текстов, издававшихся еще в XVIII–XIX вв.[8]: исследователь стремился в первую очередь установить историю текста «Повести временных лет» и более ранних этапов летописания на основе изучения генеалогических связей всех известных списков летописей; он не просто пытался выявить некий «авторский», первоначальный текст (как это делал еще А. Л. Шлецер), а устанавливал этапы развития и изменения летописных текстов: своды, предшествующие «Повести временных лет», и далее – редакции этого важнейшего памятника. Даже в реконструкциях А. А. Шахматов стремился не допустить произвольной замены «худших» чтений «лучшими», что было характерно для многих изданий летописей, выполненных по старым принципам. В целом реконструкции А. А. Шахматова являются наглядной иллюстрацией к выводам исследователя об истории раннего русского летописания.

Несколько иной тип реконструкции текста «Повести временных лет» представлен в издании 1950 г. (подготовка текста Д. С. Лихачева)[9]. Положив в основу издания текст Лаврентьевского списка 1377 г., публикатор внес в него значительное число исправлений и дополнений по другим спискам (с учетом данных истории летописания), выделив такие чтения курсивом и оговорив каждый случай в примечаниях. Опубликованный текст «Повести временных лет» не претендует на то, чтобы представлять какой-то определенный этап литературной истории памятника: использованы варианты, имеющие исторический, историко-культурный или собственно литературный интерес, и таким образом дается более или менее полный обзор содержания всех списков «Повести временных лет»[10]. Такой подход к выбору принципов публикации текста в первую очередь определялся тем фактом, что это издание в серии «Литературные памятники» носило не столько чисто научный, сколько просветительский характер («издание для чтения»)[11].

---

[7] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 472–476.

[8] Ср., например, «сводный», никогда реально не существовавший текст «Повести временных лет» по всем опубликованным спискам: *Лейбович Л. И.* Сводная летопись. Вып. 1. «Повесть временных лет». СПб., 1876.

[9] Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1–2. (сер. «Лит. памятники»); 2-е изд., испр. и доп.: СПб., 1996.

[10] Повесть временных лет. Ч. 2. С. 180.

[11] Различия между типами издания не принимаются во внимание Д. Островски, рассматривающим в равной степени публикации Л. И. Лейбовича, А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева как «сводные» (*Ostrowski D.* Textual Criticism and the Povest' vremennykh let: Some Theoretical Conciderations // Harward Ukranian Studies. 1981, March. Vol. 5, № 1. P. 12–14).

Существует также реконструкция текста сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи, созданная М. Д. Приселковым[12]. Основывая свою реконструкцию не только на данных родственных летописных текстов, но и на счастливо сохранившихся разночтениях в готовившемся издании Лаврентьевской летописи Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова (1804 г.), а также на выписках Н. М. Карамзина (в «Истории государства Российского»), исследователь, однако, осторожно заметил: «Реконструкция не есть реставрация. При наличии наших данных нет никакой сейчас возможности ставить задачу восстановления памятника начала XV в. во всех подробностях его состава, изложения и чтений»[13].

Разумеется, реконструкция текста реально существовавшей и использованной исследователями рукописи заметно отличается от реконструкции текста гипотетического летописного свода; степень достоверности последней неизбежно оказывается меньшей. Ни в коем случае нельзя рассматривать реконструкцию такого рода как реально существовавший текст – это лишь наглядная иллюстрация научной гипотезы. Реконструкция текста предполагаемого этапа в истории летописания создается не для того, чтобы ссылаться на него как на источник, а для того, чтобы проверить и проиллюстрировать выдвинутую автором текстологическую концепцию. Относительность достоверности текстов такого рода всегда следует учитывать в полной мере: «Разве не подтачивает время даже такие великолепные реконструкции, как реконструкции А. А. Шахматова, тогда как изданные им реальные летописные тексты стоят незыблемо и будут служить еще много десятилетий»[14].

Целью данного исследования является попытка суммировать те сведения и представления о гипотетическом летописном своде начала XV в. (Своде мирополита Фотия), которые сложились в результате текстологического исследования новгородских и, отчасти, московских летописей[15], а также обосновать саму гипотезу о его существовании, очертить круг

[12] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. 513 с.

[13] Там же. С. 24.

[14] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 471. Заметим, что Я. С. Лурье выдвинул (и в какой-то степени реализовал в своих исследованиях) достаточно спорную идею «о необходимости *предварительной* (курсив мой – *А. Б.)* реконструкции содержания не дошедших до нас сводов-протографов доступных нам летописей – для их определения и характеристики» (*Лурье Я. С.* Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 144). Если реконструкции летописных текстов недостаточно надежны даже в тех случаях, когда они представляют собой заключительную стадию исследования, то зыбкость результатов многократно увеличивается в случае *«предварительной»* реконструкции.

[15] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. (Исследование и тексты). Автореф. дисс. д-ра филол. наук. СПб., 1996. 66 с.

его источников, рассмотреть проблему его датировки и, наконец, дать представление о его реконструируемом составе.

2. История изучения летописного Свода Фотия

Существование не дошедшего до нас общерусского по своему характеру гипотетического летописного свода (или сводов) первой половины XV в. (упоминания и характеристику которого можно обнаружить во многих учебниках и обобщающих трудах по древнерусской литературе и историографии)[16] впервые было обосновано в трудах А. А. Шахматова[17]. Установив, что текст Софийской 1 летописи (далее – С1) и Новгородской 4 летописи (далее – Н4) сходен вплоть до 6926 (1418) г., исследователь предположил, что в основе обоих памятников лежит общий протограф – новгородский «Свод 1448 г.» (или «Новгородско-Софийский свод» в его же более поздней терминологии), в свою очередь восходивший к более ранней общерусской митрополичьей летописи – «Владимирскому Полихрону» 1423 г.

М. Д. Приселков, развивая положения А. А. Шахматова, датировал первоначальный митрополичий свод 1418 г. и назвал его «Фотиев Полихрон» или «Свод 1418 г.», а «Свод 1448 г.» предложил считать в равной степени митрополичьим[18]. По мнению Д. С. Лихачева, Свод Фотия также датируется 1418 г., но «Новгородско-Софийский свод» был создан не в Москве, а в Новгороде, при архиепископе Евфимии II[19].

В цикле работ Я. С. Лурье убедительно опроверг общее со времен А. А. Шахматова представление о двух этапах редактирования обще-

[16] См., например, *Орлов А. С.* Лекции по истории древней русской литературы. М., 1916. С. 217–220, *Петухов Е. В.* Русская литература. Древний период. 3-е изд., испр. и доп. Пг., 1916. С. 98–101, *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 111, История русской литературы. М., Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 116–117, 257–260, История русской литературы X–XVII веков. М., 1980. С. 253–255, История русской литературы. В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 194–195, История всемирной литературы. В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 475–477, *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. М., 1993. С. 109–111, Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник. М., 1994. С. 80, Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 103, и мн. др.

[17] *Шахматов А. А.* 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 118–182 (особенно с. 137–161), 2) Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 331, № 9. Отд. 1. С. 90–176, 3) Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., Л., 1938. С. 151–160, 366.

[18] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 142–151 (по новому изданию СПб., 1996. С. 204–215). Далее сноски приводятся по изданию 1996 г.

[19] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М; Л., 1947. С. 305–317.

русского летописания после свода типа Троицкой летописи (на основе этого прежнего представления выделялись как «Владимирский Полихрон» (Свод Фотия) 1418–1423 гг., так и «Свод 1448 г.» («Новгородско-Софийский свод 30–40-х гг. XV в.»)[20]). Доказав, что предположение о существовании обоих сводов текстологически необоснованно, Я. С. Лурье подошел к вопросу: «Не следует ли считать, что датировка Полихрона (1418–1423 гг.), так же как и его общая характеристика (как общерусского свода), может быть отнесена к непосредственному протографу С1–Н4?»[21]. Вывод исследователя, однако, заключался в том, что гипотеза о существовании именно Полихрона Фотия является излишней, а основным митрополичьим сводом первой половины XV в. являлся «Свод 1448 г.», автора которого Я. С. Лурье даже назвал «Нестором XV века»[22].

Иной ответ на поставленный вопрос был предложен нами в статье 1993 г. Понимая, вслед за А. А. Шахматовым и его последователями, гипотетический летописный свод как общий источник С1 и Н4, я предложил датировать его не 30–40-ми гг. XV в. (или даже 1448 г.), а временем около 1418 г.[23]

Принципиально другой взгляд на проблему соотношения текстов летописей был предложен Г. М. Прохоровым, по мнению которого привлечение к текстологическому анализу неопубликованной Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК) в корне меняет всю картину.

НК сохранилась в единственном списке конца XV – начала XVI в. (РНБ, ОСРК, F.IV.603, л. 181–425 об.)[24]. Особенностью НК является то,

[20] В этой связи анахронизмом выглядит использование В. А. Кучкиным в текстологическом комментарии к изданию повестей о Куликовской битве обоих терминов (Свод 1423 г. и Свод 1430-х гг.). См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11, 45–47 и др.

[21] *Лурье Я. С.* 1) К проблеме свода 1448 г. //ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142–146; 2) Общерусский свод – протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // Там же. Л., 1974. Т. 28. С. 114–129; 3) Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–121; 4) Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199; 5) Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 15–16 и др.; 6) Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 37–38 и др.

[22] *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 28–38.

[23] *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3–20 (особенно с. 6–11); см. также: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века... С. 24–28. Б. М. Клосс придерживается абсолютно той же датировки свода – общего источника С1 и Н4 –1418 г. и отвергает принятую в науке датировку 1448 г., однако не ссылается на мою статью, замечая лишь, что «пересмотр этой (традиционной. – *А. Б.*) датировки – тема особого исследования» (*Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 110–112, 116–117).

[24] Описание рукописи см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1878 год. СПб., 1879. С. 9, 14–15; Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. XIX–XX; *Клосс Б. М.* Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 63.

что она состоит из двух приблизительно равных по объему частей (подборок летописных известий), следующих в рукописи одна за другой: первой (далее – НК1; до 1411 г.: л. 181–301) и второй (далее – НК2; до 1428 г.: л. 302–425об.). Существуют две основные точки зрения на происхождение этих летописных подборок. Согласно первой из них, высказанной еще А. А. Шахматовым[25] и наиболее подробно аргументированной Я. С. Лурье[26], НК1 и НК2 – это выборки из единого оригинала, которые невозможно рассматривать как самостоятельные памятники. Таким общим источником, согласно этой точке зрения, и является так называемый «Новгородско-Софийский свод»[27]. Другой взгляд на происхождение НК1 и НК2 был высказан Г. М. Прохоровым, который предложил рассматривать подборки как самостоятельные, составленные в разное время летописные памятники[28]. Принципиальное отличие двух точек зрения заключается не только в отношении к НК1 и НК2 как к выборкам из единого текста (Я. С. Лурье) или как к самостоятельным текстам (Г. М. Прохоров), но и в интерпретации отношения между НК1 и С1: если Я. С. Лурье считает, что они отражают общий протограф – «Новгородско-Софийский свод», то Г. М. Прохоров настаивает на вторичности С1 по отношению к НК1. Спор между исследователями показал исключительное значение вопроса о происхождении летописных подборок НК. Предложенная Г. М. Прохоровым интерпретация привела его не только к отказу от гипотезы о существовании «Новгородско-Софийского свода», но и к пересмотру всей схемы истории русского летописания, в которой общерусский летописный свод (дошедший до нас в С1) рассматривался как создававшийся «протяженно во времени» начиная с 80-х гг. XII в. и до первой половины XV в.[29]

---

[25] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 189–195.

[26] *Лурье Я. С.* 1) Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207–213; 2) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 199–218; 3) Две истории Руси XV века. С. 108–122.

[27] А. А. Шахматов, правда, полагал, что «протограф Карамзинского списка представлял собою соединение» двух летописей – Н4 и «Новгородско-Софийского свода» (свода-протографа Н4 и С1) (*Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 193).

[28] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198.

[29] Среди работ последних лет необходимо отметить также статью датского ученого Джона Линда, посвященную проблемам новгородского летописания XV в. (*Lind J.* In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages; Odense University, 20–21 November 1989). Odense, 1990. P. 65–81), в которой исследователь в целом присоединяется к точке зрения Г. М. Прохорова о первичности НК1 по отношению к С1, но приводит аргументы против возведения текста НК2 к С1 (Ibid. P. 81).

Текстологический анализ, проведенный Г. М. Прохоровым, показал, что летописные известия НК1 действительно в целом ряде случаев первичны по отношению к С1[30]. Я. С. Лурье, однако, имел возможность возразить своему оппоненту: «Если считать вслед за А. А. Шахматовым, что Cl, Н4 (и НК) восходили к общему протографу, то естественно, что во всех этих летописях могли обнаруживаться и первичные, и вторичные чтения»[31].

Автором данной статьи первоначально принималось, что тексты С1, Н4, а также НК1 и НК2 восходят к одному общему источнику. В процессе изучения летописных текстов, однако, было подвергнуто пересмотру, вслед за Г. М. Прохоровым, представление о существовании свода, являвшегося общим источником (или протографом) С1 и Н4 («Новгородско-Софийского свода» или «Свода 1448 г.»). Этот пересмотр в значительной степени был основан на изучении соотношения текстов НК1 и С1. Были предложены новые (не привлекавшиеся Г. М. Прохоровым), имеющие, на наш взгляд, необратимую силу аргументы в пользу первичности текста НК1 по отношению к С1. Принципиально важным, на наш взгляд, явился анализ тех чтений, когда текст НК1 оказывается первичным не только по отношению к С1 (что показал Г. М. Прохоров), но и по отношению к общим, совпадающим чтениям С1 и НК2. Такого рода примеры невозможно подвергнуть сомнению предположением о лучшей сохранности в НК1 чтений гипотетического общего протографа С1– Н4–НК («Свода 1448 г.» или «Новгородско-Софийского свода»), ибо тогда пришлось бы говорить о независимом и случайном совпадении изменений текста в С1 и НК2. Признание этого текстологического соотношения между НК1 и С1 уже не позволяет утверждать, что С1 и Н4 напрямую восходят к общему протографу; наличие в этих летописях схожих текстов может и должно объясняться иначе. Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводам, подтверждающим текстологический анализ Г. М. Прохорова, и в нашей статье 1999 г. они были сформулированы следующим образом:

1. НК1 имеет самостоятельное, не связанное с Cl, Н4 и их предполагаемым общим протографом происхождение. Текст НК1 первичен по отношению как к С1, так и к Н4 и НК2 (в тех случаях, когда между НК1 и НК2 имеются дублировки).

[30] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 174–177.
[31] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 208.

2. Составитель НК1 соединил два основных источника: с одной стороны, в границах до 1185 г. – центральнорусскую летопись[32] с «Повестью временных лет» в начале текста, а с другой – на всем протяжении своего труда, вплоть до 1411 г., – Новгородскую первую летопись (далее – Н1), открывающуюся Начальным сводом[33].

3. Создание НК1 хронологически предшествовало появлению как С1, так и Н4. В таком случае НК1 –это первый опыт масштабного сведения традиционной новгородской летописи с центральнорусской[34].

История создания НК1 понимается нами как своего рода «предыстория» возникновения общерусского митрополичьего свода, являющегося предметом данного исследования. Следует напомнить, что появление Свода 1408 г. (Троицкой летописи), по мнению М. Д. Приселкова, «не вызвало к себе сочувствия и произвело совершенно иное впечатление, чем то, на которое рассчитывала эта работа. Ее московский характер и пренебрежительное ее отношение к местным летописцам, очевидно, отозвалось весьма чувствительно...»[35]. На этом фоне создание НК1 было событием неординарным, и анализ этого памятника в значительной степени может служить ключом к пониманию последующей истории летописания[36].

3. Источник Свода Фотия – Свод 1411 г.

Сравнивая НК1 с ее источником – Новгородской первой летописью младшего извода (далее – Н1мл)[37], мы замечаем, что в заключительной

[32] Г. М. Прохоров назвал этот источник «центральнорусской летописью типа Лаврентьевской», заметив, однако, что отдельными чтениями он сближается с Радзивиловской и Ипатьевской и что можно думать о его «каком-то родстве... с мыслимым А. А. Шахматовым Владимирским сводом 1185 г.» (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 172–173).

[33] Сложный вопрос об отражении текста «Начального свода» в летописании XV в. (С1, Н4 и др.) заслуживает отдельного рассмотрения и в данном исследовании не анализируется.

[34] См. подробнее: *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 107–136; см. также: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века... С. 13–18.

[35] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 202.

[36] Изучению вопроса о времени и месте сложения текста НК1 и проблеме его атрибуции была посвящена наша статья: *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года). Новгород, 1995. С. 89–101; см. также: *Бобров А. Г.* 1) Варлаам Лисицкий – новгородский книжник конца XIV–начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. № 18. С. 5; 2) Новгородские летописи XV века... С. 18–24. Для данного исследования прежде опубликованные наблюдения уточнены и дополнены.

[37] Следует отметить, что Н1мл. в дошедшем до нас виде представляет собой более поздний вид текста, чем тот, который отразился в НК1, поэтому исследование заимство-

годовой статье мартовского 6919 г. (март 1411 – февраль 1412 г.)[38] составитель НК1 использовал весь текст, кроме самого последнего известия: «Сеи зимы ѣзди владыка Иоан на Москву к митрополиту Фотѣю»[39]. Чем может объясняться это умолчание или пропуск?

Как известно, в сентябре 1406 г. умер митрополит Киприан, с которым новгородцы были настолько в плохих отношениях, что даже угрожали самому патриарху переходом в «латинство»[40]. С именем Киприана исследователи связывают подготовку Троицкой летописи, законченной уже после его смерти, но, возможно, еще до приезда на Русь митрополита Фотия. Эта летопись весьма недоброжелательна по отношению к новгородцам[41]. Следующий митрополит, грек Фотий, прибыл на Русь только в 1410 г. (22 апреля) и почти сразу обратился к новгородцам с довольно дружественным посланием (29 августа того же года). Это послание было полностью включено в НК1 под 6918 (1410) г.

Уже в следующем 1411 г. состоялся упомянутый в Н1мл. визит новгородского архиепископа Иоанна в Москву к митрополиту Фотию. Поездка Иоанна в Москву к новому митрополиту была для него первой после некоторого перерыва в общении с московскими митрополитами. Предыдущая, как известно, состоялась в 1401 г. и закончилась тем, что митрополит Киприан продержал новгородского архиепископа более 3 лет под арестом.

Для более точной датировки новой поездки архиепископа Иоанна к митрополиту существенным оказывается указание Н4, сообщающей о ней несколько подробнее, чем Н1мл.: «Ездиˇ владыка Иванъ на Москву къ митрополиту Фотию, и тамо преставился Акимь дьяконъ марта 9 и положенъ бысть в монастыри святаго Иоанна Златоустаго внѣ града»[42]. Так как 9 марта 1412 г. относилось уже к следующему мартовскому году, в Н4 это известие перенесено из 6919 г. соответственно в 6920 г. Пребывание

ваний НК1 из новгородского источника может иметь исключительно большое значение для установления истории текста Н1.

[38] О том, что в этой части летописи используется мартовский стиль летосчисления, см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 301.

[39] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 403 (далее – НПЛ).

[40] *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 80–82.

[41] См., например, выписку из Троицкой летописи у Н. М. Карамзина: «Таков бо есть обычай Новгородцев: часто правают ко Князю к Великому, и паки рагозятся, и не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от Князь не прогневаша? или кто от Князь угоди им, аше и Великий Александр Ярославичь не уноровил им?» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 282. Примеч. 148).

[42] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, Ч. 1. Вып. 2. С. 411–412.

новгородского посольства в Москве, таким образом, следует датировать концом 1411 – началом 1412 г. (зима–начало весны).

Приблизительно в это время в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре была переписана рукопись (Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями), приписка к которой[43] имеет для нашей темы большое значение. В ней сообщается, в частности, следующее: «...съписася книга сия... на имя священноиноку Матфею рукою грубаго и худаго, страннаго, последняго во иноцехъ, смереннаго многыми грехы Варлама... В лето 6920 написася божестъвенаа Лествица месяца октовриа в 14 день... въ обители преподобнаго иигумена Сергиа. В то ж лето и священа бысть церкви в тои же обители месяца семптямриа въ 25 день...»[44].

Следует остановиться на вопросе о том, какой стиль летосчисления – мартовский или сентябрьский – использован в процитированной записи. По мнению Г. И. Вздорнова, «так как рукопись закончена Варлаамом во втором месяце нового (сентябрьского) года, при переводе на современное летосчисление вычитаем 5509 лет»[45]. В таком случае как саму рукопись, так и освящение церкви в Троице-Сергиевом монастыре следует относить к 1411 г. Б. М. Клосс, однако, полагает, что здесь применено мартовское летосчисление (в таком случае речь идет о 1412 г.), аргументируя эту точку зрения теми обстоятельствами, что 25 сентября (день освящения Троицкой церкви) 1412 г. исполнялся «20-летний юбилей со дня кончины» преп. Сергия Радонежского, и к тому же этот день являлся воскресным[46]. Вряд ли, однако, «юбилейные» соображения могли являться определяющими для троицких иноков начала XV в., а в 1411 г. 25 сентября была суббота, также вполне подходившая для освящения церкви. Существенным оказывается то обстоятельство, что в рукописи РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 165 (Поучения аввы Дорофея с прибавлениями), переписанной в том же Троице-Сергиевом монастыре в 1414 г., «на имя» того же священноинока Матфея, который был заказчиком и Лествицы Варлаама, используется, судя по всему, именно сентябрьский стиль летосчисления[47]. Таким образом, как напи-

[43] Цит. по: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980. № 74 (РНБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой Лавры. № 156 Л. 252–252об.).

[44] Эта запись была использована В. Н. Лазаревым для датировки «Троицы» Андрея Рублева, написанной, как он считает, для деревянной Троицкой церкви 1411 г. (*Лазарев В. Н.* Андрей Рублев и его школа. М., 1966 С 33, 135–137).

[45] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. № 74.

[46] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 148.

[47] «В лето 6922 индикта 7 месяца февруаря въ 8 день...» (цит. по *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. № 75). Если предположить, что в этой записи использован

сание Лествицы иноком Варлаамом, так и освящение Троицкой церкви следует относить не к 1412 г., а к 1411 г.

Хотя в записи инока Варлаама 1411 г. прямо указано место написания рукописи – Троице-Сергиев монастырь, Т. Б. Ухова считает заставку этой рукописи «вполне чуждой канону Троицкого монастыря»[48]. «Выделение группы памятников, украшенных орнаментом, сходных с заставкой Лествицы, написанной иноком Варламом, – отмечает исследовательница, – позволило обнаружить еще один канон, который... можно связывать с новгородским монастырем Рождества Богородицы на Лисичьей горке»[49]. Т. Б. Ухова считает Варлаама «новгородским мастером, работавшим в Троице-Сергиевом монастыре», выходцем из Лисицкого монастыря[50]. Действительно, в записи Варлаам называет себя «странным», что можно понять как «путешествующим, иной области, странником»[51].

Новгородский книжник Варлаам с Лисичьей горки хорошо известен источникам конца XIV – начала XV в. Наиболее раннее упоминание имени Варлаама Лисицкого датируется 1397 г. В приписке к Тактикону Никона Черногорца говорится, что «В лѣто 6905 (1397)... списана бысть книга сия святыи Никонъ въ Великомъ в Новѣгородѣ къ святѣи Богородицѣ честному ея Рожеству на Лисичью Горку... Вынеслъ бо бяше сия книгы святыи Никонъ изъ Святое Горы игуменъ Ларионъ того же монастыря. А тогда игуменьствующю Варламу, оученику его...»[52].

Из этого текста о Варлааме становится известно следующее: он был учеником игумена Лисицкого монастыря Илариона и после него (или во время отъезда Илариона на Святую гору) также выполнял игуменские обязанности.

Лисицкому монастырю, в котором Варлаам, вероятно, принял постриг и где он, во всяком случае, наверняка получал образование у своего учителя игумена Илариона и позже сам «игуменствовал», был посвящен ряд наших статей, основные выводы которых следует кратко повторить[53].

мартовский стиль, то указанная дата соответствовала бы 8 февраля 6923 сентябрьского года, что дало бы не 7-й, а 8-й индикт

[48] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль» в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 149.

[49] Там же.

[50] Там же. С. 150.

[51] *Срезневский.* Материалы. Т. 3. С. 540–541.

[52] РНБ, F. п. I. 41, л. 222.

[53] *Бобров А. Г.* 1) Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV–начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 10–16, 2) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV–первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98, 3) Лисицкий Рождества Богородицы монастырь // София (Новгород). 1997. № 1. С. 19–21.

Было установлено, что эта обитель[54] являлась крупнейшим центром книгописания в Новгороде конца XIV – первой половины XV в.[55] В первую очередь обратили на себя внимание афонские связи книжников Лисицкого монастыря (инок Арсений и игумен Иларион совершили хожения на Святую гору и принесли оттуда рукописные книги– Устав монастырский и Тактикон Никона Черногорца; кроме того, переписанное в 1431 г. на Лисьей горе «Слово постническое» Максима Исповедника было переведено с греческого на Афоне всего шестью годами раньше – в 1425 г., причем Троицкие списки этого Слова, по предположению Р. П. Дмитриевой, были копиями Лисицкого)[56]. Существует еще несколько фактов, говорящих о связи монастыря с афонской книжной традицией. В шести лисицких рукописях имеются заставки балканского стиля. По мнению Т. Б. Уховой, они созданы по одному канону, сложившемуся в монастыре на Лисичьей горе под влиянием именно афонской традиции, причем независимо от канона, созданного в книгописной мастерской Троице-Сергнева монастыря[57]. К проблеме влияния афонской традиции на книгописание Лисицкого монастыря примыкает вопрос о переходе в новгородских землях от Студийского к Афонско-Иерусалимскому уставу и о роли книжников Лисицкого монастыря в этом процессе. Как известно, переход от Студийского к Афонско-Иерусалимскому уставу и, следовательно, к новым редакциям книг, отражающим литургическую и дисциплинарную практику, совершался в Московской Руси при митрополите Киприане (1389–1406). В Новгороде, как показало исследование Е. М. Шварц, служебные минеи, составленные по новой редакции, появляются лишь при архиепископе Евфимии II в конце 30-х – начале 40-х гг. XV в.[58], и только сентябрьская служебная минея из Лисицкого монастыря, датируемая концом XIV в., содержит текст Афонско-Иерусалимской редакции. Если учесть, что Тактикон Никона Черногорца определяет дисциплинарную практику Афонско-Иерусалимского устава, а его оригинал был доставлен лисицким игуменом с Афона, то можно сделать вывод: в конце XIV в. в Лисицком

[54] Лисицкий (на Лисьей, или на Лисичьей, горке) монастырь Рождества Богородицы находился в 7 верстах от Новгорода по Московской дороге, на берегу Малого Волховца. В летописях он упоминается впервые под 1389 г., по-видимому, как уже существующий.

[55] 12 рукописных книг конца XIV – первой половины XV в., связанных по своему происхождению с Лисицким монастырем, сохранились до наших дней, а еще две не сохранились, но мы имеем письменные свидетельства об их существовании (см. подробнее: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря. С. 78–98).

[56] *Дмитриева Р. П.* Четьи сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 158.

[57] *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль». С. 149, 151.

[58] *Шварц Е. М.* О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. статей. Л., 1984. С. 82–85.

монастыре уже знали и могли использовать новый для новгородских земель церковный устав. Вполне вероятно, что и Лисицкая служебная минея восходит к афонскому оригиналу, тем более что на ее текст, как отметил М. Лисицын, оказал влияние сербский церковный устав[59]. Помимо связи лисицких книжников непосредственно с афонской традицией можно отметить факты, свидетельствующие об общем византийском и южнославянском влиянии на деятельность этого книгописного центра. Текст одного из произведений, содержащихся в Паренесисе Ефрема Сирина с прибавлениями, – апокрифического переводного «Сказания Афродитиана», как показало проведенное исследование, отличается от большинства других списков: вставлено несколько фраз, отсутствующих в других славянских списках, но имеющих соответствия в известных греческих рукописях (перевод этих фраз описателен, неточен, имеет лишь приблизительное соответствие в греческом тексте, а порой и просто неверен). Эта версия «Сказания Афродитиана» с правкой по греческому тексту была названа нами Новгородской редакцией. Вслед за «Сказанием Афродитиана» в рукописи находится связанное с ним тематически «Пророчение о Христе в кумирнице елинска бога Аполона» – самый ранний из известных нам русских списков этого произведения[60].

Анализ репертуара книг мастерской Лисицкого монастыря показывает, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых на Руси традиционно связывается со вторым южнославянским и византийским влиянием[61]. Зачастую в рукописях, связанных с лисицкой книгописной мастерской, находятся наиболее ранние датированные русские списки новых переводных сочинений, таких как «Слово постническое» Максима Исповедника, Слова Григория Синаита, «Главы добродетельные» Феодора Едесского, «Главы трезвительные» Филофея Синаита, «О восьми помыслах» Нила Философа, сочинения Никиты Стифата, Илариона

[59] *Лисицын М.* Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911. С. 12, 320.

[60] *Бобров А. Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 24–27, 60–75, 82–83, 100–104.

[61] *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность XIV–XV вв. // *Соболевский А. И.* История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 150–151; *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Доклады сов. ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 95–171. М. Г. Гальченко отметила, кроме того, более раннее, чем в других новгородских рукописных книгах, появление «южнославянских» особенностей в графике и орфографии лисицких рукописей (*Гальченко М. Г.* Лисицкие датированные рукописи конца XIV–первой половины XV вв. и проблема второго южнославянского влияния // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5. P. 59–81).

«Об отвержении мира» и Зосимы «Беседы душеспасительные о ярости»[62]. Как эти, так и многие другие сочинения в рукописях, связанных с Лисицким монастырем (Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, аввы Дорофея и др.), большей частью переводные, относятся к кругу монашеской литературы, получившей распространение на Руси в связи с проникновением из Византии и от южных славян идей исихазма. Культурная ориентация лисицких книжников на новые веяния просматривается в их афонских связях, в принятии церковного устава, распространителем которого был митрополит Киприан, и в репертуаре сочинений, которые они включали в свои рукописи. На основании этих фактов их можно отнести к «единомудренным» с Киприаном и Сергием Радонежским сторонникам «грекофильской иноческой партии»[63], представителям общежительного движения среди русского монашества. Не случайно лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского или Кириллу и Ферапонту, уходит далеко на север и основывает новый общежительный монастырь (Коневский). Наиболее известны из лисицких книжников конца XIV – первой половины XV в. игумены этой обители Иларион (позже ставший настоятелем московского Симонова монастыря и епископом коломенским) и Евфимий (впоследствии новгородский архиепископ).

Анализ книгописной деятельности в Лисицком монастыре позволил утверждать, что на протяжении конца XIV–первой половины XV в. монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния. На протяжении более полувека монастырь на Лисичьей горе был своего рода духовной академией, готовившей крупных церковных деятелей (преп. Арсений Коневский, епископ Иларион, архиепископ Евфимий II). Из этой среды вышел и тот книжник, пребывание которого в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре в конце 1411 г. засвидетельствовано записью на Лествице Иоанна Лествичника, – Варлаам[64].

Мы видели, что в конце XIV – начале XV в. продвижение одного из лисицких книжников – Илариона к высшим церковным должностям происходит в Москве. В Новгороде же выходцы из Лисицкого монасты-

[62] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... СПб., 1903. С. 15–23.

[63] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

[64] См. подробнее о Варлааме: *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий. С. 89–101.

ря начинают занимать значительные посты несколько позднее. Первым здесь оказывается ученик Илариона Варлаам: в 1410 г. он упоминается в качестве архимандрита юрьевского, первого, главного игумена Новгорода. По мнению В. Л. Янина, Варлаам, возможно, оставался при этом и Лисицким игуменом[65]. Под 1410 г. в Н1мл. сообщается о строительстве архимандритом Варлаамом церкви, посвященной св. Варлааму Хутынскому: «Того же лета Варлам анхимандрит постави церковь камену во вратах монастыря Лисичкого во имя преподобного Варлама, игумена святого Спаса Хутиньскаго»[66]. П. М. Строев, справедливо поместив Варлаама среди архимандритов Юрьева монастыря, отметил: «Не из Лисицкого ль?»[67]. Основанием для такого предположения, конечно, послужило упоминание Варлаама в приписке к Лисицкому Тактикону 1397 г. и строительство архимандритом Варлаамом церкви именно в Лисицком монастыре.

Варлаам – игумен Лисицкого монастыря упоминается еще в одном недавно обнаруженном источнике – Житии Ксенофонта Робейского: «Тѣмъ же праведныи сеи мужъ преподобныи отецъ Ксенофонтъ, послѣдуя святѣишимъ стопамъ апостолъ Христовыхъ, рѣкшихъ: „Се мы вся оставихомъ и вслѣдъ Тебѣ, дражаишии нашъ учителю, идохомъ", отвержеся мира и возлюби Христа, и приидѣ в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы, нарицаемыми Лисицкии, къ пречестному тоя обители игумену Варлааму, вдадѣ себе въ научение иноческаго и постническаго жития, въ скоромъ времени постриженъ бысть от него во ангельскии образъ»[68]. Далее в тексте этого Жития, известного по единственному позднему списку, Варлаам оказывается не кем иным, как преподобным Варлаамом Хутынским, бывшим, согласно этой версии, до основания своей обители лисицким игуменом. Казалось бы, доверять этому источнику у нас нет оснований, однако известие Жития о пострижении Ксенофонта в Лисицком монастыре при игумене Варлааме находит неожиданное, хотя и косвенное, подтверждение в летописи. В НК2 мы встречаем следующее известие 6925 (1417) г.: «Поставишя 5 церквии древяных: Въскресение Христово на Варяжскои улици, Възнесение Господне в Савинѣ пустынѣ, святого

[65] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 145.

[66] НПЛ. С. 402.

[67] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 45.

[68] *Бобров А. Г.* Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257–268 (Новгородский государственный музей, КП 30056–312 (старый шифр: НГМ 10923), л. 104–104 об. Сборник Житий новгородских святых. 30-е гг. XIX в. Житие Ксенофонта Робейского: л. 103 об. – 106).

Николы в Селифонтовѣ, святого Николы на Вяжищах» (НК2, л. 421 об.). Схожий текст читается и в Н4, где к слову «Селифонтовѣ» добавлено «пустынѣ»[69]. Эта Селифонтова пустынь фиксируется писцовыми книгами конца XV в.[70], а в позднем «Летописце Новгородском церквам Божиим» аналогичное НК2 и Н4 известие читается так: «...да церковь святаго Николая чюдотворца в Ксенифонтовѣ пустыни»[71]. Сам контекст упоминания Селифонтовой (Ксенофонтовой) пустыни сразу после Савиной пустыни (под которой, конечно, разумеется незадолго до этого основанная обитель Саввы Вишерского) позволяет уверенно считать преподобного Ксенофонта современником не Варлаама Хутынского (как это принято в церковной традиции), а Саввы Вишерского и Варлаама Лисицкого. По всей вероятности, лежащий в основе сохранившегося Жития письменный источник свидетельствовал о том, что Ксенофонт был выходцем из Лисицкого монастыря и принял постриг при игумене Варлааме в конце XIV – начале XV в. Агиограф, творивший, судя по всему, никак не ранее XVIII в., ошибочно отождествил лисицкого игумена с хутынским, жившим раньше его на два века. Следует полагать, что Варлаам в качестве новгородского архимандрита, главы черного духовенства республики[72], должен был принимать участие в официальной поездке архиепископа Иоанна 1411–1412 гг. в Москву к митрополиту Фотию, а возможно, он прибыл в Москву даже раньше основного посольства (его пребывание в Троице-Сергиевой Лавре зафиксировано 14 октября 1411 г., архиепископ же был в Москве «зимой» при точной дате 9 марта 1412 г.).

Последние годы жизни Варлаама освещены источниками довольно бедно. В перечне новгородских архимандритов, находящемся в Комиссионном списке Н1мл., вслед за Варлаамом упомянуты еще 6 имен:

[69] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 417.

[70] *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе... С. 207 (Приложение II: Список новгородских монастырей-землевладельцев. № 59).

[71] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 258. Ясно, что имя «Селифонт» – это русифицированное «Ксенофонт» (в новгородско-псковской зоне это греческое имя адаптировалось как Ксинофонт, Синофонт, Селифонт, см.: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 423–424); соответственно в указателе к т. 4 ПСРЛ Селифонтова пустынь отождествляется с Ксенофонтовой (ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 673), хотя у В. В. Зверинского они ошибочно учтены как разные (см.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. С. 195–196 (№ 902); Т. 3; Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 154 (№ 2004)). См. подробнее: *Бобров А. Г.* Ксенофонтов Робейский монастырь // София (Новгород). 1998. № 3. с. 21–23.

[72] См. об институте новгородских архимандритов: *Янин В. Л.* Из истории высших государственных должностей в Новгороде // *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения... С. 136–149.

«Семеон, Михаило, Маркианъ, Нафанаилъ, Саватии, Дионисии». Последние два имени, однако, являются дополнением, восполняющим пропуск в более ранней части перечня. Они восходят к известию 6702 (1194) г.: «В то же лѣто преставися Дионисии анхимандрит новъгородчкыи, игуменъ святого Георгиа; и поставиша на мѣстѣ его Саватия»[73]. Таким образом, последнее современное имя в перечне – Нафанаил. К сожалению, Симеон, Михаил, Маркиан и Нафанаил неизвестны другим источникам, поэтому, казалось бы, ничего нельзя сказать и о датах их архимандритства. Важно, однако, что в Комиссионном списке Н1мл. список архимандритов помещен в составе обширного хронологического обзора, во всех остальных рубриках которого, как показал В. Л. Янин, изложение доведено до 1423 г. Так как последнее упоминание Варлаама в качестве архимандрита относится к 1419 г. (см. ниже), то следующие за ним иерархи должны были сменяться ежегодно: 1420 г. – Симеон, 1421 г. – Михаил, 1422 г. – Маркиан, 1423 г. – Нафанаил. Учитывая, что должность архимандрита новгородского была, как установил В. Л. Янин, выборной (на вече) и что мы имеем массу примеров частой смены архимандритов, это не должно казаться странным. По всей видимости, в 1419 г. Варлаам перестал быть архимандритом новгородским, но умер ли он или удалился на покой – неизвестно.

В последние годы деятельности Варлаам еще дважды фигурирует на страницах летописи. В 1418 г. в Новгороде произошли крупные беспорядки, известные в литературе как восстание Степанки. Примирителем сторон выступил новгородский архиепископ Симеон, а его послом для ведения переговоров был архимандрит Варлаам: «Владыка послуша молениа их, посла анхимандрита Варлама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль дворъ..., да идут в домы своя. И разидошася молитвами святыя Богородица и благословениемъ архиепископа Семеона, и бысть тишина въ градѣ»[74]. Вероятно, авторитет Варлаама, занимающего выборную должность бессменно уже много лет, был в Новгороде достаточно высок.

Под 6927 (1419) г. Варлаам в последний раз упоминается летописью: «А Варламъ анхимандрит постави церковь камену въ Юрьевѣ манастыри Рожество Богородицю»[75]. Посвящение новой церкви именно Рождеству Богородицы кажется не случайным. Этот праздник в сознании современников не мог не связываться с происшедшей в этот день Куликовской битвой. Строительство монастырей и церквей, посвященных Рождеству

[73] НПЛ. С. 234.
[74] Там же. С. 410.
[75] Там же. С. 412.

Богородицы, после 1380 г. заметно активизируется. Особую роль играет в этом процессе возвышение московского Симонова монастыря Рождества Богородицы[76]. По всей видимости, строительство церкви, посвященной именно Рождеству Богородицы, для архимандрита Варлаама – это не просто богоугодное дело, но в какой-то мере и знак его приверженности традиции «грекофильской иноческой партии» с ее общеправославными идеями и идеалами.

Итак, мы могли убедиться, что книжники Лисицкого монастыря в своей деятельности в различных областях (репертуар и оформление рукописных книг, распространение церковного устава, связи с Византией и т.д.) успешно преодолевали узконовгородскую ограниченность, что учитель архимандрита Варлаама Иларион переехал в Москву, а позже стал одним из высших иерархов русской церкви (епископом коломенским), и что сам Варлаам во время заметного улучшения отношений между церковными иерархами Новгорода и Москвы в 1411–1412 гг. занимался книгописной деятельностью в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре[77], при этом оставил на рукописи запись летописного характера (об освящении Троицкой церкви 25 сентября 1411 г.). Время завершения работы Варлаама в Сергиевом монастыре над переписыванием рукописи (14 октября 1411 г.) точно совпадает с окончанием текста НК1, доведенным до 6919 мартовского года (март 1411 – февраль 1412 г., но известие Н1мл. о поездке архиепископа Иоанна в Москву «зимой» 1411/1412 г. не включено в летопись).

Вся сумма сделанных наблюдений позволила нам еще в статье 1995 г. предположить, что летопись, дошедшая до нас в списке НК1, могла быть

[76] В Новгороде, где уже существовали древние, основанные в XII – начале XIV вв. Антониев, Михалицкий, Десятинский и Перынский монастыри Рождества Богородицы (последний, впрочем, несмотря на древность сохранившейся церкви, впервые упомянут источниками в 1386 г.), в интересующий нас период Рождеству Богородицы были посвящены Лисицкий монастырь (первое упоминание – 1389 г., каменная церковь – 1393 г.) и основанный выходцем с Лисьей горы Арсением Коневский монастырь на Ладожском озере (первое упоминание в летописи – 1398 г.). Еще одна церковь Рождества Богородицы была поставлена в начале 6905 (1397) г.: «Постави Исакъ Окинфовъ церковь камену святыя Богородица Рожество на Десятинѣ» (в период недолгого сближения с Москвой и с митрополитом Киприаном, до начала двинского конфликта).

[77] Представляется существенным то обстоятельство, что сразу после известия о поездке в Москву владыки Иоанна Н1мл. сообщает о строительстве трех церквей, в том числе «3-ю на Клопскѣ церковь древяную святую Троицю»» (НПЛ. С. 403). Это первое свидетельство источников о Троицком Клопском монастыре, который, как известно, был оплотом сторонников Москвы в Новгороде; видимо, его основание связано с улучшением новгородско-московских отношений в 1411–1412 гг. Следствием этой перемены был, очевидно, и отъезд в Литву князя Семена (Лугвеня) Ольгердовича («А Лугвень съѣха в Литву и намѣстники сведе с пригородовъ новгородчкых» – НПЛ. С. 403; следующее известие после сообщения об основании Троицкой церкви «на Клопскѣ»).

создана в конце 1411 – начале 1412 г. архимандритом Варлаамом во время его пребывания в Троице-Сергиевом монастыре[78].

Эта гипотеза дополнительно подкрепляется некоторыми косвенными свидетельствами.

1) Особенно важным для определения места и времени создания НК1 представляется известие 6919 (1411) г. (т. е. в той части НК1, которая использует исключительно новгородский источник – Н1) о свадьбе дочери Василия Дмитриевича Анны и сына византийского императора Иоанна (Калуяна): «А князь великыи Василеи далъ дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича» (НК1, л. 301). Как известно, дьякон именно Троице-Сергиева монастыря Зосима был в числе лиц, сопровождавших Анну в Царьград[79]. Напомним, что фраза из приписки Варлаама к Лествице 1411 г. («В то же лето и священа бысть церкви в тои же обители, месяца семптямриа въ 25 день») имеет в общем летописный характер (а это верный признак причастности к ведению летописания) и отражает или его личные впечатления, или устные рассказы о недавнем, бывшем накануне его приезда, событии. Такое же устное происхождение, несомненно, имеет и запись о свадьбе княжны Анны и византийского царевича: об этом говорили буквально в те дни, когда Варлаам жил в Троице-Сергиевом монастыре[80].

2) Среди дополнений составителя НК1, не известных предшествующему новгородскому летописанию (насколько мы можем судить по Н1мл.), находится известие 6906 (1398) г.: «Поставлена бысть церковь Рожество святыя Богородица на Коневомъ острову» (НК, л. 294). Речь идет здесь о строительстве церкви в Коневском монастыре на Ладожском озере. Это событие не показалось составителям непрерывно ведущейся официальной новгородской летописи (отразившейся в Н1мл.) достойным включения в соответствующую годовую статью, но в НК1 оно включено. Причина этого, очевидно, заключается в том, что основатель этого монастыря Арсений Коневский был, как и Варлаам, выходцем из Лисицкого

[78] *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий. С. 97–101. Б. М. Клосс, утверждая, что «архимандрит Варлаам занимался... вопросами общерусского летописания» (*Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 106–107), не ссылается на эту статью.

[79] Зосима, описывая свое путешествие в Константинополь (1419 г.), упомянул свою предыдущую поездку: «...яко же преже бех, коли со княжною...» (*Прокофьев Н. И.* Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину: (Текст и археографическое вступление) // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 26 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 455)).

[80] Княжна Анна умерла в 1417 г. и была похоронена в Константинополе, в монастыре Лива (*Медведев И. П.* Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С 255).

монастыря, причем жили они в одной обители примерно в одни и те же годы (1390-е гг.).

3) Бывший источником НК1 список официальной владычной летописи, бесспорно, начинался словами: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание...» (так в Н1мл.). В Новгороде заголовок не требовал никаких комментариев, но при сведении воедино двух источников летописцу, находившемуся за пределами республики, понадобилось сделать географическое уточнение к заглавию своей части: «**Софеискыи** Временникъ...».

4) Напомним, что в статье 6919 (1411/1412) г. составитель НК1 не использовал последнее известие соответствующей статьи Н1мл. об отъезде в Москву архиепископа Иоанна (см. об этом подробнее выше), что кажется нам подтверждением предлагаемой гипотезы, ибо в момент завершения работы летописец-создатель НК1 или еще не знал об этом, или же, опираясь на воспоминания о предыдущей поездке Иоанна в Москву (когда тот был арестован на 3 с лишним года), считал, что до благополучного завершения визита писать о нем еще рано.

5) Анализируя списки посадников, В. Л. Янин показал, что существовала первая редакция списка (так называемый список А), датируемая им около 1409 г. Исследователь предположил, что составление списка А было одной из форм новгородского участия в подготовке Троицкой летописи 1408 г.[81] Однако, насколько мы можем судить, список посадников никоим образом не нашел отражения в Троицкой летописи[82]. Возможно, создание его следует связать с подготовкой новгородского посольства к новому митрополиту в 1410–1411 гг. (летописец – создатель НК1, очевидно, имел в своем распоряжении новгородскую летопись, доведенную до 6919 (1411) г.)[83].

Итак, улучшение отношений между митрополитом и новгородским владыкой и книгописная деятельность в Троице-Сергиевом монастыре

---

[81] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 42.

[82] М. Д. Приселков отметил вообще незначительное использование составителем Троицкой летописи новгородских источников, «в противоположность другим источникам свода 1408 г.», что «нужно объяснять как нерасположением сводчика к Новгороду и его политическому строю, так и тем обстоятельством, что у Киприана был длительный и не улаженный до смерти митрополита конфликт с Новгородом в связи с отказом последнего платить митрополиту особые подати» (*Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 190).

[83] Новые наблюдения В. Л. Янина о хронологии смены посадников показывают, что завершающие «Список А» Иван Александрович и Фома Иванович «пришли на смену умершему в 1409 г. Есифу Захарьиничу», причем последний умер во второй половине года (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 37–38), следовательно, «Список А» был составлен не раньше второй половины 1409– начала 1410 г.

выходца с Лисьей горы Варлаама – вот та почва, на которой, по нашему мнению, возникает возможность соединения двух ветвей летописания. Можно полагать, что зимой 1411/1412 г. новгородским архимандритом Варлаамом (или каким-то книжником из его окружения) был создан свод-протограф НК1, который в дальнейшем будет условно именоваться также Свод (или Летопись) 1411 г.[84]

Фигура новгородского архимандрита Варлаама оказалась объектом пристального внимания в монографии Б. М. Клосса, посвященной «Житию Сергия Радонежского»[85]. Два существенных факта, отмеченных исследователем, ускользнули от моего внимания. Во-первых, Б. М. Клосс указал, что на створках созданного «повелением» архиепископа Евфимия (бывшего игумена Лисицкого монастыря) Софийского панагиара 1435 г. появляется гравированное изображение Святой Троицы, «иконографическая композиция которого чрезвычайно близка к „Троице" Андрея Рублева»[86]. Действительно, через архимандрита Варлаама «можно протянуть связующую нить» от Троице-Сергиева к Лисицкому монастырю, хотя между пребыванием Варлаама в Сергиевой обители и временем создания панагиара прошло 24 года. Другой важнейший факт, впервые отмеченный Б. М. Клоссом, – это наличие в тверской переработке Троицкой летописи (а автором этой переработки исследователь не без оснований считает игумена Кирилла) обращения к некоему Варлааму: «Довлѣетъ же здѣ о семъ написати, отче боголюбивыи Варламе, таковыа ради вещи: отселе убо не въсхотѣша сынове Тверстии помагати Москвичемъ на Литву»[87]. Б. М. Клосс справедливо, на наш взгляд, отождествляет этого Варлаама с юрьевским архимандритом.

В то же время, как нам представляется, исследователь чрезмерно преувеличивает роль и значение новгородского книжника в истории древнерусской книжности вообще и общерусского летописания в частности. Так, например, Б. М. Клосс обнаружил в составе Жития Кирика и Улиты авторское предисловие и послесловие, из которых мы узнаем, что некое «преподобство» заказало автору (по мнению исследователя, – Епифанию Премудрому) написать это сочинение и для этого послало ему книги[88]. На том основании, что само Житие находилось в новгородском Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г., делается вывод:

[84] Здесь, как и в других случаях, дата в названии свода условна; она означает хронологические границы текста, содержащегося в памятнике, созданном вскоре после этой даты.

[85] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 66, 87–88, 103–107, 116, 123, 148.

[86] Там же. С. 88.

[87] Там же. С. 106; ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 475–476.

[88] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 103.

«В „преподобстве“, заказавшем Епифанию сборник житий святых, необходимо видеть влиятельного церковного деятеля Новгорода Великого», а именно архимандрита Варлаама. Б. М. Клосс, однако, умолчал о том, что заказчики Мусин-Пушкинского сборника 1414 г. хорошо известны. Как следует из выходной записи, это архиепископ новгородский Иоанн, некто Сидор Куприянов, а также Матфей Кусов, отождествленный еще А. А. Шахматовым с летописцем Матфеем Михайловым: «В лѣто 6922 [1414] г. написана бысть книга си къ святому [Володимеру] церкви благословениемъ владыцѣ [Иоана], повелѣниемъ Сидора Кюприянова, [а изисканьем?] Матфѣя Кусова, а хто сю книгу украдеть, да будеть проклят. Сеи зимы месяця ноября в 17 постризеся владыка [Иоанъ] въ скиму и масломъ мазася въ манастыри на Деревяници по сем днии, а посадникъ Кирило Дмитрѣевич преставися» (Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. сгорел в 1812 г.)[89].

Никаких оснований для отождествления заказчика («преподобства») именно с архимандритом Варлаамом, таким образом, нет. Если имена заказчиков самого новгородского списка сборника нам известны, то заказчик его несохранившегося оригинала («преподобство») совершенно необязательно должен быть также новгородцем.

Далее Б. М. Клосс без какой-либо ссылки на источники утверждает, что Варлаам владел собранием книг, причем «некоторые из них он присылал Епифанию в Троицкий монастырь»[90]. К сожалению, нам неизвестны такие рукописи[91]. Обличение составителем Троицкой летописи (по Б. М. Клоссу, – Епифанием Премудрым) обычаев новгородцев («человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни...») исследователь также считает «естественно» предназначенным «для новгородца», причем далее он пишет: «Без особых натяжек мы можем предположить, что этим новгородцем был

[89] В квадратные скобки заключены выскобленные места в Мусин-Пушкинском сборнике, причем вместо читавшегося изначально «Иоанна» в обоих случаях было написано «Антона». Чтение «а изисканьем» предположительно восстановлено нами в данном контексте по аналогии с записями на рукописях 1411 и 1413 гг., переписанных «изисканьем» Матфея Кусова. Запись 1414 г. известна по спискам начала XIX в. РНБ, F.I.295 и БАН, 24.4.41 (*Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Ч. 1, разд. 18. Сборник 1414 г. С. 82–88, *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сборник в копии начала XIX-го века. СПб., 1893, Описание Рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3, вып. 3. С. 113). См. подробнее: *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. С. 17–19.

[90] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 105.

[91] Существует запись полууставом XIV–XV в. на Стихираре XII в. (РНБ, Q.п.I.15, л. 105) «Г(осподин)у архимандриту Варламу [сиротина твои]» (заключенные в скобки слова читаются только в ультрафиолетовых лучах), однако интерпретировать этот текст как свидетельство принадлежности рукописи Варлааму невозможно - это не владельческая запись, а, скорее, проба пера.

архимандрит Варлаам»[92]. На наш взгляд, составитель Троицкой летописи мог бы обратиться с таким пассажем к Варлааму (как, впрочем, и к любому другому новгородцу) только в том случае, если имел намерение оскорбить его. Вывод исследователя о том, что Троицкая летопись была составлена «в расчете на апробацию Юрьевским архимандритом Варлаамом»[93], представляется не только ничем не обоснованным, но и совершенно невероятным хотя бы в силу самой антиновгородской направленности этого памятника.

Далее Б. М. Клосс отмечает, что внутри текста «Слова о житии и преставлении» Дмитрия Ивановича «*обнаруживается* (курсив мой. – *А. Б.)*[94] вклинившееся в него сопровождающее письмо», в котором автор обращается к заказчику «преподобьство твое», причем для исследователя «понятно, что это – Варлаам Новгородский». «Таким образом, – делается вывод, – Епифаний Премудрый выполнял литературные заказы Варлаама для составлявшегося в то время общерусского митрополичьего летописного свода»[95] (остается, правда, неясным, почему летописный свод называется «митрополичьим», если его заказчиком был юрьевский архимандрит).

Следует заметить, что в том случае, когда составитель Тверской летописи обращается действительно к Варлааму (что справедливо отметил Б. М. Клосс), он именует его не «преподобство», а «отче боголюбивый» (традиционное обращение к духовным лицам[96]). Автор Предисловия к некрологу князя Михаила Тверского обращается к заказчику, Кириллу Тверскому (также игумену, как и Варлаам Лисицкий), схоже: «отче отцемь» и «твое боголюбьство»[97].

Употребление абстрактного существительного «преподобство» для обозначения адресата также неоднократно встречается в памятниках средневековой эпистолографии, причем «как почетный титул епископа проходит через всю патристическую литературу; применялся иногда и для духовных лиц более низкого ранга»[98]. Думается, что заказчика (или заказчиков) как Жития Кирика и Улиты, так и Троицкой летописи и Свода

---

[92] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 107.

[93] Там же.

[94] Исследователь не ссылается на тот факт, что это письмо было впервые обнаружено и подробно прокомментировано Г. М. Прохоровым еще в 1985 г. (см. *Прохоров Г. М.* Непонятый текст и письмо к заказчику в «Слове о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 229–247).

[95] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 115–116.

[96] См.: *Фаль С., Харней Ю., Штурм Г.* Адресат и отправитель в древнерусских письмах // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 122.

[97] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 386; НК, л. 407. Ср.: к Феофану Греку Епифаний Премудрый обращался: «твое мудролюбие» (ПЛДР: XIV – середина XV века. М., 1981. С. 446).

[98] *Фаль С., Харней Ю., Штурм Г.* Адресат и отправитель в древнерусских письмах. С. 125.

1418 г. следовало бы искать среди духовных лиц не Новгорода (для чего нет достаточных оснований), а Москвы.

Согласно Б. М. Клоссу, Варлаам Новгородский оказывается не только заказчиком всех основных летописных памятников, но и «соавтором» Епифания Премудрого. Исследователь пишет: «Под 1406 г. в Новгородской IV и Софийской I летописях читаются известие о смерти митрополита Киприана и его Духовная грамота. В одном месте заметно вмешательство Варлаама Новгородского, именно – в уточнении, что епископ Иларион Коломенский „быв преже игуменом Лисицкой лавры“: такое добавление естественно было сделать Варлааму, самому бывшему игумену Лисицкого монастыря, а пристрастие монаха Лисицкого монастыря выдает его наименование „лаврой“»[99]. Ошибочность этого рассуждения определяется тем, что дополнение об Иларионе не встречается ни в НК1, ни в С1, соответственно его не было, очевидно, и в Своде 1418 г.; наряду с двумя другими известиями о Лисицкой обители (1389 г. – о строительстве церкви Рождества Богородицы и 1403 г. – о росписи той же церкви) оно впервые появляется в НК2 и оттуда заимствуется в Н4. Эти дополнения НК2 позволяют связать ее создание с деятельностью не архимандрита Варлаама, а новгородского архиепископа Евфимия II (с 1429 г.), также бывшего до избрания на владычество игуменом Лисицкого монастыря[100].

Итак, роль новгородского архимандрита Варлаама по отношению к общерусскому сводному летописанию заключалась, как нам представляется, не в том, что он был заказчиком или инициатором его создания, а в том, что во время пребывания в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1411 г. или в начале зимы 1411/1412 г. он впервые соединил тексты, относящиеся к новгородской и центральнорусской летописным традициям в одно целое. Это «сведение» двух принципиально различных источников было для своего времени первым, во многом несовершенным (и незавершенным) опытом[101]. «Заготовка» Варлаама послужила, однако, основой для последующих шагов по созданию сводного общерусского летописания.

[99] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 123.

[100] *Бобров А. Г.* 1) Новгородские летописи XV века... С. 31–32; 2) Редакции Новгородской четвертой летописи. С. 123. Конечно, теоретически возможно, что Варлаам после ухода с юрьевской архимандрии вернулся в свою прежнюю Лисицкую обитель и там работал над созданием НК2, однако в пользу атрибуции этой выборки именно Евфимию свидетельствуют, во-первых, тот факт, что она доведена до 1428 г. (а Варлаам не упоминается источниками после 1419 г.), и, во-вторых, дополнение НК2 под 1411 г. о строительстве церкви св. Николы в Вяжищском монастыре, постриженником которого и был Евфимий.

[101] Центральнорусский источник Варлаам использовал только до 1185 г., то ли из-за недостатка времени, то ли потому, что ему был доступен лишь такой текст, да и после-

Дальнейшая судьба Летописи 1411 г. видится нам так: с одной стороны, в конце 1410-х гг. она была использована в Москве при составлении общерусского митрополичьего свода, а с другой – попала в Новгород, но здесь Летопись Варлаама оставалась, видимо, некоторое время не востребованной до той поры, пока архиепископ Евфимий II не инициировал создание Н4.

4. Доказательства существования Свода Фотия

Еще Я. С. Лурье, формально используя шахматовские названия «Новгородско-Софийский свод» и «Свод 1448 г.», по сути дела, радикально пересмотрел представления о составе этого гипотетического памятника. Если А. А. Шахматов считал его новгородским (что и отразилось в названии) и реконструировал в равной степени на основании текстов С1 и Н4, то Я. С. Лурье не только признал его московским, но и практически отождествил по составу с С1 («Текст этого общего протографа СI– HIV... без существенных добавлений дошел до нас в СI... Если это и не „реальный текст" свода 1448 г., то очень близкий к реальному»)[102].

Установление первичности текста НК1 по отношению к С1 приводит к новому пониманию проблемы общерусского летописного свода начала XV в. Наличие общих чтений С1 и Н4 теперь может быть удовлетворительно объяснено не тем, что они восходят к общему протографу, а тем, что обе эти летописи, во-первых, имеют общий непосредственный источник (т. е. НК1) и, во-вторых, связаны между собой, как показал Г. М. Прохоров, посредством выборки из протографа С1 (т. е. НК2), также послужившей источником Н4. Но и в таком случае, казалось бы, гипотетический общерусский митрополичий свод начала XV в. практически может быть сближен с протографом С1, и проблема реконструкции его состава должна быть решена путем сопоставления списков этой летописи[103].

Г. М. Прохоров действительно считает, что общерусский летописный свод дошел до нас в Cl, а НК2 является «выборкой» из него, хотя и дополненной по другим источникам.

дующая часть его труда не выглядит завершенной: в ней отсутствует, например, даже упоминание о Куликовской битве.

[102] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 215; подробнее: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 71–87.

[103] Г. М. Прохоров, собственно говоря, и считает С1 первой «сводной общерусской летописью», но в связи со своими представлениями о протяженности во времени процесса создания летописных сводов датирует ее 80-ми гг. XII – первой половиной XV вв. (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 197).

Существует, однако, свидетельство того, что дошедший до нас в составе С1 текст не может быть в полном объеме признан первичным по отношению к НК2. Я. С. Лурье приводил уже некоторые аргументы против этого предположения, но среди них не было, на наш взгляд, «текстологически необратимых» и бесспорно доказательных[104].

И здесь распутать «текстологический клубок» нам помогает привлечение «контрольного текста», а именно анализ одной дублировки (совпадения) текста между НК1 и НК2. Рассмотрим, как изменялся в НК1, С1 и НК2 летописный текст статьи 6900 (1392) г.:

НК1	С1	НК2
Вышед из Орды, князь Василеи Дмитриевич	Ходи князь великыи Василеи Дмитриевич въ Орду ко царю Тактамышу, и *выиде* из Орды на великое княжение.	Ходи князь великыи Василеи Дмитриевич въ Орду к царю Тактамышу, и *вышед* из Орды на великое княжение.
взя Нижнии Новград и поима князи и княгини в *таль;*	И ходи под Нижнии Новъгород ратию, и взя город за себе, а князи и княгини поима *въ полонъ*.	И ходи под Нижнии Новград ратью, и взя град за себе, а князи и княгини поима *в таль*.
а князь Семен бѣжа в Орду.	А князь Семенъ Дмитреевичь убѣжа въ Орду.	А князь Семен Дмитриевичь убѣжа в Орду.

В данном случае у нас есть возможность одновременно увидеть, как читалось летописное известие не только в непосредственном источнике протографа С1 (т. е. в НК1), но и в выписке из этого протографа (т. е. в НК2). Сопоставление текстов показывает, что в архетипе С1 должны были, несомненно, находиться чтения «вышед» и «в таль», однако во всех дошедших до нас списках С1 читаем «выиде» и «въ полонъ». Это может свидетельствовать только об одном: в С1 до нас дошел уже измененный, отредактированный текст, а НК2 сохраняет летописные чтения в более раннем виде, какими они были еще до их редактирования создателем С1. Следует, таким образом, различать архетип С1

[104] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 211–213. Дж. Линд также отмечал неубедительность предположения Г. М. Прохорова о вторичности текста НК2 по отношению к С1 и приводил примеры с написанием имени «Бергер» под 6860 (1352) г. и географического названия «Каяно море» под 6885 (1377) г., точнее переданными в НК2, в то время как С1 дает искаженные чтения (соответственно «Бергел» и «Окиян море»). Исследователь отметил принципиальное значение этих примеров, так как иностранные имена собственные, оказавшись искаженными, вряд ли могли быть легко исправлены летописцем (*Lind J.* In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor... P. 81).

(к которому восходят все дошедшие до нас списки этой летописи) и общий протограф С1 и НК2[105].

Значение этого наблюдения определяется тем, что в НК2 содержится не только «выборка из С1», но и еще целый ряд дополнительных («избыточных» в сравнении с С1) текстов, на протяжении от 6580 (1072) г. до самого конца памятника. Г. М. Прохоров, отстаивая первичность текста С1 по отношению к НК2, предложил рассматривать эти чтения как результат дополнения НК2 по различным источникам: во-первых, по Н1 и другим новгородским летописям; во-вторых – по «центральнорусской» летописи «типа Троицкой» (до 1392 г.); и, в-третьих, по внелетописным письменным памятникам (после 1392 г.)[106].

Действительно, невозможно предположить, что многочисленные новгородские «избыточные» известия НК2 находились уже в ее московском источнике (протографе С1–НК2); они, выделяясь своим содержанием, легко вычленяются из текста и могут быть возведены частично к Н1, а частично – к неизвестным новгородским источникам[107].

Сложнее обстоит дело с «центральнорусскими» (в основном московскими) «избыточными» текстами НК2. Они, главным образом, расположены в заключительной части летописи. Г. М. Прохоров заметил по поводу дополнительных неновгородских текстов НК2: «Можно допустить, что все это было в центральнорусском источнике НК2, но возможно также, что составитель НК2 специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов»[108].

Рассмотрим поэтому в первую очередь не отдельные летописные известия, а значительные по объему тексты – повести и документы, находящиеся в НК2, но отсутствующие в С1:

1) 6898 (1390) г. Л. 393–396: «Списокъ грамоты патриарши сборное» [Грамота патриарха Антония];

---

[105] Определение характера и времени редакторской работы, произведенной при создании архетипа С1, заслуживает особого исследования. Отметим здесь лишь регулярное и последовательное употребление титулов «князь» и «великий князь» при всех упоминаниях соответствующих персонажей на протяжении всего текста (причем НК1, НК2 и Н4 не придерживаются такой системы, и это является свидетельством вторичности С1), что, наряду с другими обстоятельствами, позволяет видеть в этом памятнике великокняжескую обработку митрополичьего свода, не слишком доброжелательную по отношению к князю Юрию Дмитриевичу (например, в С1 при описании похода этого князя под 6903 (1395) г. был сокращен сохранившийся в НК2 вывод летописца: «...никтоже не запомнит так воююще русь Татарскую землю»).

[106] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 177–182.

[107] Там же. С. 178, 190–191.

[108] Там же. С. 181.

2) 6898 (1390) г. Л. 396 об.–397: «О трех татаринех, иже из Орды придоша к Москвѣ и крестишася»;

3) 6902 (1394) г. Л. 399об.–401об.: «Антониа патриарха грамота к Новуграду»;

4) 6903 (1395) г. Л. 401об.–403: [«Хождение дьякона Александра»];

5) 6904 (1396) г. Л. 404об.: [Перечень 35 епископов ростовских];

6) 6907 (1399) г. Л. 407–409: [«Некролог»] «О преставлении князя Михаила Тферскаго»;

7) 6910 (1402) г. Л. 409об.–411: [«Слово о небесном знамении»];

8) 6914 (1406) г. Л. 413–416об.: [«Некролог» – плач о митрополите Киприане];

9) 6916 (1408) г. Л. 416об.–418: [Грамота Едигея];

10) 6917 (1409) г. Л. 418–419: [«Некролог» о смерти епископа Тверского Арсения].

Из перечисленных дополнительных по отношению к С1 значительных по объему текстов три (под 1390, 1394 и 1395 гг.) связаны с византийской тематикой. Две грамоты патриарха Антония[109], одна из которых прямо адресована в Новгород, а другая в качестве циркулярного послания также могла быть здесь известна, как и «Хождение дьякона Александра» (возможно, новгородца)[110], казалось бы, могли отсутствовать в составе архетипа С1 и, наряду с другими дополнительными новгородскими известиями, войти в состав НК2 при ее составлении в Новгороде. Следует, однако, отметить, что грамота Антония в Новгород 1394 г. имеет «обличительный» характер и отстаивает интересы митрополии (в ней патриарх подтверждает наложенное митрополитом Киприаном на новгородцев «отлучение»), поэтому ее затруднительно рассматривать в качестве новгородского дополнения к летописному тексту. Действительно, судя по НК1, в источнике протографа С1–НК2 читалось под тем же 6902 (1394) г. следующее известие: «И приеха из Царяграда от патриарха Антониа Вифлеомскыи владыка Михаил, а привез Новуграду две грамоты, поучение христианом». Свидетельство НК2 о возможном наличии в протографе С1–НК2 грамоты 1394 г., таким образом, подкрепляется сообщением НК1 о ее привозе из Царьграда (к этому известию естественно было присоединить сам текст патриаршей грамоты). В протографе С1– НК2, очевидно, читались обе

[109] Одна из грамот (1390 г.) впервые была опубликована по единственному списку НК2 (ее нет и в Н4): *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе... С. 225–228. Греческий оригинал грамоты неизвестен.

[110] Текст «Хождения» публиковался только по Н4; памятник исследован «недостаточно» (см.: *Белоброва О. А.* Александр // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 20).

части рассказа – и засвидетельствованная источником (НК1), и дошедшая в выписке (НК2), а редактор С1 их сократил.

Схожий текстологический «след» присутствия в протографе С1–НК2 другой грамоты патриарха Антония (1390 г.) усматривается в известии под тем же годом (дошедшем как в С1, так и в НК2) о приходе из Царьграда на Русь митрополита Киприана. Грамота написана в защиту его интересов; естественно, Киприан привез ее с собой, и находиться в своде-протографе С1–НК2 она могла именно после этого летописного известия.

Что же касается «Хождения дьякона Александра» (1395 г.), следом его наличия в протографе С1–НК2 можно считать сохранившееся в обеих летописях под тем же 6903 (1395) г. известие о военном конфликте в Византии («Приходилъ царь Калочанъ Андрониковъ сынъ съ туркы ко Царюграду. И выѣха царь Мануилъ съ грекы и съ фрязы, и прогонилъ турки»), к которому оно и могло быть присоединено.

Еще менее вероятным кажется нам предположение, что сводчик-новгородец собрал центральнорусские по происхождению сочинения (по поводу трех сочинений из числа указанных дополнений НК2 – «некрологов» Михаила Тверского, Киприана и Арсения Тверского уже давно было высказано предположение, что это сочинения Епифания Премудрого[111]), и при этом неизвестные московскому летописанию (или, во всяком случае, отсутствующие в С1)[112]. Учитывая более чем сложные отношения Новгорода и митрополита Киприана (см. об этом выше), особенно сомнительной представляется возможность того, что новгородский летописец сам нашел и включил в свой свод плач об этом иерархе и посвященную ему повесть «О трех татаринех...».

Главное же обстоятельство, препятствующее предположению, будто составитель НК2 собрал «списки цельных, способных к самостоятельному существованию произведений»[113] и вставил их в свой свод, заключается в том, что большинство из перечисленных выше текстов самостоятельными как раз и не являются. Рассмотрим эти тексты более пристально.

1. Под 6904 (1396) г. в НК2 находится следующий текст: «О поставлении Григориа, епископа Ростовскаго. Индикта 4, марта 19, Киприанъ митрополит на Москве поставил въ владыкы Григориа епископом граду

[111] См. о стилистическом родстве этих произведений и «Слова о житии... Дмитрия Ивановича»: *Антонова М. Ф.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 147–150. См. также: *Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 217.

[112] Из названных текстов только повесть «О трех татаринех...» читалась в Троицкой летописи (см.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 443).

[113] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 181.

Ростову, и Ярославлю, Бѣлуозеру, и Углечю Полю, и Устьюгу, и Молозѣ. А с ним были на поставлении епископов 5; сеи же Григореи 35-и бысть епископъ Ростовский. 1 Феодоръ, 2 Феогностъ, 3 Феодоръ, 4 Иларионъ, 5 Феогностъ, 6 Феодоръ, 7 Леонтии, 8 Иларион, 9 Исаия, 10 Ефрем, 11 Нестеръ, 12 Леон, 13 Лука, 14 Иоанъ, 15 Пахомеи, 16 Симон, 17 Кюрьякь, 18 Митрофан, 19 Кирил, 20 Кирилъ, 21 Тарасеи, 22 Игнатии, 23 Семион, 24 Прохоръ, 25 Антонии, 26 Иаков, 27 Иоан, 28 Гавриил, 29 Игнатеи, 30 Петръ, 31 Парфении, 32 Арсении, иже бѣ и князь, [33 Матфѣи Гречин], 34 Феодоръ архиепископъ, 35 Григории».

В С1 текст явно испорчен: «Киприанъ митрополитъ... постави... Григориа епископомъ Ростову, и Ярославлю, Бѣлуозеру, и Углечю Полю, и Устьугу, и Молозѣ. А съ нимъ были на поставлении 5 владыкъ. Си же Григории 30 и 5 [вариант С1мл. – 20 и 5] *лѣтъ* бысть епископомъ Ростову»[114].

Г. М. Прохоров полагает, что, «каким бы ни был в данном случае источник С1, ясно, что перечня ростовских епископов в нем не было: был бы перечень, понятны были бы цифры и не возникло бы ошибки. Вставляя перечень в НК2, естественно было исправить и искаженную фразу»[115]. Однако трудно представить себе самостоятельно существующий вне летописи список ростовских владык. Кроме того, предположение о существовании свода-протографа С1–НК2 позволяет объяснить и происхождение ошибочных чтений С1: в этом своде должен был читаться тот же текст, что и в НК2; далее уже в архетипе С1 был сокращен перечень епископов и текст приобрел такой вид: «...Си же Григории 35 бысть епископъ Ростову»; наконец, редакторы С1ст. и С 1мл. схожим образом попытались его осмыслить[116].

2. Под 6907 (1399) г. в НК2 читается отсутствующий в С1 текст Предисловия к рассказу о кончине Михаила Тверского:

«О преставлении князя Михаила Тферскаго.

Егда единою видѣвы пришлець великаго града изрядное стоание, что убо хощеть рещи о немь, но токмо же в собѣ видению дивится, яко инѣм же глаголеть. Видѣх убо аз преславное граду видѣние, о нем же по части нѣсть ми съглаголати, преудивиша бо мя мудраа основаниа твердости и крѣпости стѣнъ, и утвръжение врат, и сведение стлъпъ, и полатъ украшение, разум же не прѣде ми ни къ единому ухищрению, да тѣмь не могу

[114] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 249–250.

[115] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 181.

[116] Отметим здесь, что, хотя С1ст. в целом точнее отражает архетип С1, чем С1мл., порой именно в младшей редакции сохраняются первоначальные чтения. Создание С1ст. должно быть отнесено ко времени после 1431 г., так как в обоих ее списках говорится, что Фотий был митрополитом 22 года (см.: ПСРЛ. Т. 5. С. 258).

инѣмъ исповѣдати, ибо сам азъ не насладихся неизреченныа красоты. Яко же и се в томь подобное вещи, отче отцемь Кирилъ .Г.С.Р.Ч.Е.Е.Г., еже повелѣл ми еси написати от жития премудраго Михаила, боголюбца князя. И то выше силы, и не досажема умалению нашему, обаче же блюсти подобает, да не преслушание в нас обрещется; молю твое боголюбство, честнаа главо, ибо самь чюдяся мужа разуму и нравомъ, и не могы единаго рассужениа въ умъ привести, ослушаниа же бояся, да еще от великых многъ малаа нѣкаа речемь, всяко прощение въ оглаголаниа мѣсто да приимемь, от священнаго верха»[117].

Далее в НК2 следует совпадающий с С1 текст о смерти князя: «Разболѣся князь великыи Михаило Александрович Тверскии по Госпожинѣ дни...» (НК2, л. 407). Процитированное Предисловие – это такое же письмо к заказчику, как и то, которое вычленил из текста «Слова о житьи... Дмитриа Ивановича» Г. М. Прохоров[118]. Хотя это Предисловие было использовано (переработано) в Тверском сборнике[119], его отдельное от дальнейшего повествования, самостоятельное бытование в рукописной традиции не зафиксировано и представляется маловероятным, поэтому и его следует возводить к протографу С1–НК2.

3. Встречающийся в НК2 под 6910 (1402) г. текст «Слова о небесном знамении» также является частью, а точнее, продолжением соответствующей летописной статьи, начало которой совпадает в С1 и НК2: «В лѣто 6910. В Великое говѣние месяца марта являшеся нѣкое знамение на небесѣ, в вечернюю зарю, на западѣ звѣзда немала, аки копеиным образомъ, верху же еа акы лучь сиаше, иже на встоцѣ всходящи и на западѣ лѣтнем являющеся, юже видѣхомь всь тои месяць..»[120].

Далее в НК2 текст продолжает процитированное известие: «...тако всходящи и сиающи. Се же является грѣх ради нашихъ, прообразуеть и претить, и велить намъ покаатися от грѣх наших. Убо смѣю рещи,

[117] Текст Предисловия является одновременно и посланием к заказчику Жития Кириллу «Г.С.Р.Ч.Е.Е.Г» (тайнопись?), отождествляемому «с тем Кириллом, к которому обращался Епифаний Премудрый в своем послании о Феофане Греке, упоминая, что Кирилл предоставил ему убежище в Твери во время нашествия Едигея в 1408 г. (когда троицкие монахи, включая, очевидно, и Епифания Премудрого, покинули свой монастырь)» (*Лурье Я. С.* Житие Михаила Александровича // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 299–301). Атрибуция Предисловия Епифанию Премудрому принадлежит А. Д. Седельникову: *Седельников А. Д.* Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский») // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 159–176.

[118] *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 88–122.

[119] ПСРЛ. Т. 15. С. 463 (*Лурье Я. С.* Житие Михаила Александровича. С. 300–301).

[120] ПСРЛ. Т. 5. С. 252, ср. НК2, л. 409 об.

сбывается слово евангельское, якоже самь Спасъ въ Евангелии рече: „В послѣдняя дни будут знамениа велика на небеси, в солнци и в лунѣ, и въ звѣздах, услышати же имате слух ратеи и нестроениа, и слышаниа бранемъ, встанет бо языкъ на языкъ, и страна на страну, и царство на царство, и будут гладове, и мятежи, и пагубы, и труси велици по мѣстом, и страхованиа в мори, все же се начало болѣзнемь. Предасть же брат брата на смерть, и отець чадо, и въстанут чада на родителя своя, и убиють я, и друг друга предасть, и възненавидит и прелстит, и за умножение безаконии изсякнеть любы многых; будеть бо тогда печаль велика, и скорбь человекомь, и туга языкомъ, и гнѣвь на людехъ, и страх повсюду". Да еже въ Евангелии Спасъ нашь преже глаголаше, то нынѣ в послѣднее время все збывается, а реченаа знамениа с небесе в солнцѣ, и в лунѣ, и въ звѣздахъ являются; а еже рече: „Встанет язык на языкь, царство на царство", се бо всташа языци воеватися, ратующеся: ово татарове, ово же туркове, индеже фрязове, а инде ляхове, а онамо нѣмци, а овамо глаголемаа литва. Что ли поминаю татаръ, и турков, и прочая языкы невѣрныа и некрещеныа; но и мы сами, рекомыа христиане, правовѣрнии суще и православни, сътворяем межи събою брани и рати, и кровопролития, яже суть межи нами усобици; случает бо ся сице встает ратью правовѣрныи князь на правовѣрнаго князя, и тьи же на брата своего, или на дядю, и бывает промежи ими вражда и непокорение, гнѣвь же и ярость, конечнее же рать и брань, сѣча бо и кровопролитье, еже есть межиусобица, промежи ими бывает воини, а обои суще правовѣрнии христиане, и сюду, и овоюду, овии по своимь княземь ретують, желающе не токмо дръзнути, но и умрети за своего князя, а друзии с другую страну, тако же православнии суще воини, зѣло побарающе за своего князя, и волею и неволею стоят, хотяще и дръзающе главы своя положили за нь, и егда на соимѣ, тогда в то время обои бьются нещадно, и сѣкутся без милости. И ту прочее жалостно видѣти, и позоръ плачя достоинъ, подоимет бо руку хрестьанинъ на христианина, и въздвигнеть оружие свое друг на друга, скует же копие свое брат на брата, и поострить мечь свои любовник на любовника, и стрѣлами своими състрѣляет ближнии ближняго, и сулицею прободаетъ сродникъ сродника, и племенник своего племенника низлагает, и правовѣрныи единовѣрнаго посѣкаеть, и юношя старця сѣдинъ многолѣтных не усрамляется, и рабь Божии раба Божиа не пощадить. Да где есть любовь съвръшеная, юже Христос въ Евангелии предасть намь, глаголя: „Заповѣдь нову даю вамь, да любите друг друга". И пакы: „Болше сея любве никто же имать, да кто положит душу свою за ближняго". Мы же токмо не полагаем душя своеа за ближняго, но и з ближняго извлачим ю, хотящи изяти ю оружиемь заколениа. Тако ти есть межиусобная рать,

от нея же дабы избавил ны Господь Богъ нашь, яко вси есмы в бѣдах, и яко посреди сѣти мимо ходихъ; да вси вкупѣ помолимся Богу, глаголюще: „Молитвами, Господи, всѣх святых твоих и молитвъ ради святыя Богородица подаи же, Господи, правовѣрнымь княземь нашимь мирно же княжение и тихо, и красно, и не мятежно, и не завистно, и не зарочно, и не раздорно, и не расколно, и не развратно, и бескрамолно, да и мы в тишинѣ их тихо и безмлъвно житие поживемь, въ всякомь благовѣрии и чистотѣ, да и прочее лѣто живота нашего в мирѣ и в покаании скончати у Господа просим". И понеже время послѣднее приходит, и скращено есть уже, и конець житию приближается, и знамениа же въ звѣздах являются. И се звѣзда, юже видѣхомь нынѣ, необычныа и незнаемыа звѣзды, о неиже нынѣ пишемь и глаголемь, продлъжающе слово; но абие препокоимъ бесѣду и скратимъ рѣчь, и дадим величие Богу нашему, ему же слава» (НК2, л. 409 об. – 411)[121].

Невозможно представить себе самостоятельный текст, начинающийся словами «...тако всходящи и сиающи. Се же является...». Более того, в конце «Слова о небесном знамении» вновь возникает звучавшая в начале летописной статьи 1402 г. С1–НК2 тема звезды: «И се звѣзда, юже видѣхомъ нынѣ...» (НК2, л. 411). Таким образом, следует признать, что данное произведение читалось уже в составе свода-протографа С1–НК2 и было сокращено при редактировании архетипа С1.

4. Под 6914 (1406) г. в НК2 после рассказа о преставлении митрополита Киприана и текста его Духовной грамоты читается «Плач о Киприане», завершающий все повествование[122]: «Множество человеческое, все на землю пришедшее, общее естество оплачим, еже злочастнѣ обогащаемься. О, како честнѣишее Божиих създании, еже по подобию его, увы, и по образу, без дыханиа зрится и мертво, увы, и мерзко, полно червии нечистых, испущаа от дыханиа смрадна! Како изчезе мудрование? Како скрыся слово? Како разставися сугубое? Како утаися вскорѣ? Тричастное погыбе! Четвръртое же растлѣ! Пятое без дыханиа и мертво! Увы, страсти, увы! Сугубая десяторица погибе, и по седмѣи, осмая же будущаго въображает растворение. Земля убо наше смѣшение, земля покрывает,

[121] Убедительные аргументы в пользу атрибуции «Слова о небесном знамении» Епифанию Премудрому были приведены Б. М. Клоссом, заметившим, между прочим, что «это небольшое произведение написано с такой силой и с таким литературным мастерством, что обязательно должно учитываться в учебниках древнерусской литературы» (*Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 121–123). Ранее текст издавался только в составе Н4 (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 392–394).

[122] Знаки препинания расставлены в соответствии с публикацией этого текста по списку НК Г. М. Прохоровым (*Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 127–128).

и пакы земля встание. Увы, страсти, увы мнѣ! Нагъ изыдох на плач съи младенець съи, наг и отиду пакы. Отнюду же что тружаюся и смущаюся всуе, нагъ, вѣдая конець житиа? Дивьство, како шествуем вси равны образом от тмы на свѣт, от свѣта же въ тму, от чрева матерня с плачемь в миръ, от мира же печалного с плачемь въ гробъ! Начало и конец – плач. Каа потреба посреднимь? Сонъ, сѣнь, мечтание – красота житиискаа. Увы, увы, страсти многосплетенны житиа! Яко цвѣт, яко прах, яко сѣнь, преходить» (НК2, л. 415 об. – 416)[123].

Как показал Г. М. Прохоров, хотя в рукописной традиции этот поэтический текст встречается и отдельно, первоначальный его вид принадлежит автору, выполнявшему заказы составителя общерусского свода, «который легко мог сопроводить сообщение о смерти митрополита Киприана не только текстом его Духовной грамоты, но и своей поэмы»[124]. Хотя прямо исследователь не говорит, кто же этот автор, его мысль ясна: «Нет нужды напоминать, что „Слово о житии и учении" Стефана Пермского насыщено у Епифания подобного рода стихообразными медитациями»[125]. Эти наблюдения противоречат мысли самого Г. М. Прохорова, что «поэтический плач» принадлежал к числу «цельных, способных к самостоятельному существованию произведений»[126]. Ясно, что этот текст изначально являлся частью единого летописного повествования о кончине Киприана в протографе С1–НК2.

5. Под 6916 (1408) г. в НК2 и С1 находится краткий рассказ о нашествии Едигея. В НК2 после слов «Едегѣи приде ратью к Москвѣ ноября 23 и да грамоту в град» помещен сам текст этой грамоты (НК2, л. 416 об.–418)[127]. В С1 текста самой грамоты нет, но имеется упоминание о ней: «Прииде Едегѣи ратию къ Москвѣ, мѣсяца ноября въ 23 день... Присла Едегѣи свою грамоту къ великому князю на Москву»[128]. Отдельное, самостоятельное бытование в рукописной традиции грамоты Едигея вне рассказа о самом нашествии 1408 г. не только не зафиксировано, но и крайне маловероятно. Очевидно, и этот текст был сокращен редактором архетипа С1.

[123] См. об этом тексте с атрибуцией его Епифанию Премудрому: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 123–152; ср.: *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 123 (без ссылки на Г. М. Прохорова утверждается, что «описание последних дней Киприана и его кончины принадлежит, несомненно, Епифанию Премудрому»).

[124] *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 146.

[125] Там же. С. 150.

[126] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 181.

[127] См. об этом тексте: *Лурье Я. С.* Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 197–201 (особенно с. 199–200).

[128] ПСРЛ. Т. 5. С. 257.

6. Под 6917 (1409) г. в НК2 читается рассказ и поэтический плач о смерти епископа тверского Арсения (НК2, л. 418–419)[129]: «В лѣто 6917. О Христѣ Исусѣ, Господи нашемь, Богъ щедротамь благыи человеколюбець, Спасъ всѣмь приходящимъ к нему с вѣрою, хотяи всѣмь человекомь спастися, и в разумъ истинныи приити, не хотяи смерти грѣшникомь, но ожидая обращения, приемляи кроткыа, и упокоевая смиреныа по дѣанию добродѣтели их. Бысть в богоспасаемѣмь градѣ Тфери при благовѣрном великом князи Иване Михаиловиче священному епископу Арсению Тферскому, от житья преставитися сицевымь образом. Индикта 2, приспѣвшу сбору всегодищному, и многолѣтствовахом пастырю и учителю своему в неделю сборную, в понеделник же поучение слышахом от устъ его, и нѣкаковаа исправления о законных дѣлех, послѣ же всѣмь благословение и прощение, и отъидохом въсвояси. Бысть же месяца февраля 28, тоя же недели в четверг, поболѣ главою велии нашь учитель, к полунощи же случися словесному органу угаснути и затворитися гласу. Наставшу месяцю марту, по книжному день первыи, а по лунному февраля 15, в пяток по заутрении, приходить к нему князь великыи с своею братьею, и з детми, и з боляры, и съзывает архимандриты, и игумены, и попове на освящение масла и на помазание святителя. Сему же тако бывшу, приходящим же к нему всѣмъ благословениа ради и прощениа, глубоцѣ нощи суще, присѣдяху у него 10 черноризцов, чающе нѣкоего словеси услышати от него, и не бысть гласа, ни послушаниа. О нужа, страхъ бо ны обдержит и ужасъ: в толицѣ сыи славѣ и чьсти бываи, лежит безгласенъ, и нечювствен истязаяся, приемля за пищу алкание, за покои болѣзнь, за беспечалие тугу; увы, увы, слышати въздыханиа болезньная, и стенаниа сердечнаа. Тое нощи бысть за полътретья часа, пастырь нашь и учитель, сборныа великыа церкве святаго Спаса настолникъ от житиа к Богу отходить, нас же сирых оставль, своя овця, не имущих пастыря. О нужда, плач и рыдание, вопль мног! По Богослову: не злѣ ли и болезнь, нѣ старость над главою, печалемь сплетение, изчезе доброта, умножися злоба, друзи невѣрны, церковь бес пастыря, путье нощию, свѣщи нѣсть, посѣтитель спит; бываи на своемь столѣ, добрѣ упасъ свою церковь лѣт 19 и 6 месяць, месяца марта в 2, свитающи суботѣ, на память святого священномученика Феодота Киринеиска. И вложи Богъ в мысль великому князю и всѣм людемъ положите честное тѣло его у святои Богородици въ

[129] См. публикацию части текста по списку НК с атрибуцией Епифанию Премудрому: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 149–150; о списках: *Конявская Е. Л., Прохоров Г. М.* Арсений // Словарь книжников. Вып. 2. Ч. 1. С. 68–70 (особенно с. 70). По мнению Б. М. Клосса, автором является не Епифаний, а Кирилл Тверской (*Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 123–124).

богосъзданиѣмь его монастырѣ и у святых отецъ Феодосия и Антониа. Събравшу же ся събору священному и всему множеству народа, и пѣвше надгробное в святомь Спасѣ, и проводиша и честно в богосъзданѣ его церкви, и тамо пѣвше над гробомь, и положиша и в гробъ. О великое человеколюбие Божие! Бывъ пастырь и посѣтитель всеи земли Тферскои, гробу предается, имѣа честь славну и слугы доволны, обладаемаа вся преминушяся по пророку: в тои день погыбнут вся помышления их, в гробѣ покрываются; котораа слава свѣта сего пособьствуеть, токмо единь Господь Богъ, владыка всемогии Иисус Христос, и пречистаа его мати, да избавит ны в день будущаго суда, в вѣкь на вѣкъ, и в вѣкъ вѣку. Слава в Троици единому Богу. Аминь».

Хотя в С1 вообще нет упоминания о кончине Арсения Тверского, ее источник (НК1) содержит краткое известие («Тое же весны преставися епископь Тферскии Арсении»: НК, л. 296), очевидно, замененное на подробный рассказ в своде-протографе С1–НК2. Следует заметить, что этот текст, по мысли Г. М. Прохорова, сочинен также Епифанием Премудрым для общерусской летописи[130] и отдельно в рукописной традиции не встречается.

Итак, гипотеза Г. М. Прохорова о том, что составитель НК2 специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов, к тому же «способных к самостоятельному существованию»[131], наталкивается на существенные возражения. Перечисленные выше тексты центральнорусского происхождения, очевидно, не могли быть включены в состав НК2 редактором-новгородцем; они находились в составе его центральнорусского летописного источника (протографа С1–НК2), а при составлении оригинала дошедших до нас списков С1 названные тексты были сокращены[132].

Придя к этому выводу, мы должны по-новому взглянуть и на проблему интерпретации всего комплекса разночтений С1 и НК2. Выявленная нами характерная особенность редактирования архетипа С1 – сокращение различного рода текстов, видимо, проявляется и в целом ряде других случаев. Наиболее существенные из них встречаем в составе

[130] *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 149–150, 152.

[131] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 181.

[132] Между прочим, Г. М. Прохоров, предполагая влияние центральнорусского источника типа Лаврентьевской или Троицкой летописи на НК2 «по крайней мере по статью 1392 г.», считает, что «НК2 обычно берет статью в том объеме, какой она имеет в С1, но внутри нее производит отдельные замены – как бы восстанавливает первоначальные чтения» (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 178–179). Мы, однако, приходим к выводу, что во всех этих случаях НК2 как раз и отражает текст более первоначальный, чем сохранившийся в С1.

летописных повестей конца XIV – начала XV в., впервые появляющихся в протографе С1–НК2.

Так, например, в Повести «О различныхъ градопленениих, о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ» (1372 г.) в архетипе С1 сокращена фраза «Кто, братье, о семь не поплачется, кто ся осталъ живых, видѣв како они горкую и нужную смерть подъяша, и святыа церкви пожжены, и град всь отнюдь пусть, ниже от поганых бывало таково зло» (здесь и далее текст цитируется по НК).

В Повести 1375 г. о событиях в Твери С1 сокращает заголовок: «Того же. О воинѣ и о брани, иже бѣ под Тферью», в Повести того же года «О Прокоповѣ кончинѣ» – заключительную фразу «И такова бысть кончина Прокопу и его дружинѣ».

Не как вставку новгородца, а как первоначальное чтение протографа С1–НК2, следует теперь расценивать и фразу из Летописной повести о Куликовской битве (1380 г.): «А не яко при нынешних временех литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беду оставльше и на предлежащее възвратимся»[133].

Далее, редакторским сокращением следует объяснять и отсутствие в С1 читавшихся в протографе С1–НК2 нескольких крупных фрагментов из Повести «О плѣнении и о прихожении Тахтамыша царя, и о московскомъ взятьи» (1382 г.): «...и святыа церкви стояше акы разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши. Плачется церкви о чядех церковных, паче же о избьеных, яко матере о чядѣх плачющися. О, чада церковнаа, о, страстотерпци избьении, иже нужную кончину подъясте, иже сугубую смерть претръпѣсте от огня и мечя, от поганых насилства! Церкви стоаше не имущи лѣпоты ни красоты! Где тогда красота церковнаа, понеже престала служба, ею же многа блага у Господа просимъ, престала святаа литургиа, престала святаа просфира приношение, еже на святомъ жрътвеницѣ, престала молитва заутреняа и вечерняа, преста гласъ псалму, по всему граду умлъкоша пѣсни! Увы мнѣ! Страшно се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти! Грѣси наши то нам створиша! Где благочиние и благостоание церковное, где четци и пѣвци, где клиросници церковнии, где суть священници, служащии Богу день и нощь? Вси лежать и почиша, вси уснуша, вси посѣчени быша и избьени быша, усѣчениемь меча умроша. Несть позвонениа в колоколы, и в било нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща,

[133] См. историю вопроса и аргументацию в пользу новгородского происхождения фразы: *Кучкин В. А.* Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 86–87. Б. М. Клосс, напротив, связывает появление этой фразы с «явной антилитовской направленностью» Свода митрополита Фотия (*Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 117).

нѣсть слышати славословиа, ни хвалословиа, не бысть по церквамъ стихословиа и благодареніа. Въистину суета человѣчьскаа, и бысть всуе мятежь человѣчьскыи. Сице же бысть конець московскому плѣнению. Не токмо же едина Москва взята бысть...»; «И кто нас, братие, о семь не устрашится, видя таковое смущение Рускои земли? Якоже Господь глагола пророкомъ: Аще хощете, послушаете, благаа земнаа снѣсте, и положю страх вашь на вразех ваших; аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никим же гонимы, пошлю на вы страх и ужасъ, побѣгнет васъ от пяти сто, а от ста тма», «А опрочь того, елико здѣлаша татари напасти же и убытка Руси и княжению великому, елико створиша протора своимь ратнымъ нахожениемь, колико град плениша, колыко злата и сребра и всякого товара взяшя, и всякого узорочьа, колико волостеи и селъ повоевашя, колико огнемь пожгоша, колико мечемь посѣкошя, колико в полон поведоша! И аще бы мощно было то вси убытки, и напасти, и проторы исчитати, убо не смѣю рещи, мню, яко ни тысяща тысящ рублев не имет число!»; «...оханье сѣтовалное, ...изчезновение, попрание, безчестие, поругание, посмѣание врагов, укоръ, студ, срамота, поношение, уничижение».

В Повести «О том, како приходилъ князь великии Московскыи ратью к Новугороду к Великому» (1386 г.) редактор С1 сократил принадлежавшую протографу С1–НК2 фразу: «...а инии с студениа помроша, занже низовци их грабили до нага тѣла, а иныи полонъ на миру отпущали» (ее принадлежность протографу подтверждается, между прочим, схожим по смыслу пассажем в Повести 1372 г : «...видяще над собою грабление, а они одираху до послѣднеи наготы... тые от срамоты и бѣды в водѣ истопошася»).

Бесспорно восходят к протографу С1–НК2 многочисленные «избыточные» чтения НК2 в «Слове о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя рускаго» (1389 г.). На самый большой «избыточный» период (занимающий в рукописи л. 389 об. – 391 об.) обратили внимание М. А. Салмина и Я. С. Лурье, указав на тот факт, что его отсутствие в С1 делает текст бессвязным[134].

Этот «избыточный» текст уже был издан по списку НК (частично М. А. Салминой и частично Г. М. Прохоровым). Начинается он со слов «Бчелы ничим же хужшу ему быти...» (издан до слов «предобляго господина ми слово изнести восхотѣх...»[135]). Далее текст издан Г. М. Прохоровым от слов «...инъ добродѣтели вид и въздержание, еже святыи любляше...» до слов «...двѣ главѣ бышя филосовомь, Платонъ и Пифагоръ: овъ благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ млъче,

[134] *Лурье Я. С.* Еще раз о Своде 1448 г. С. 212–213.

[135] ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 222–224 (подгот. текста М. А. Салминой).

понеже...»[136]; потом следует текст «Письма заказчику», вычлененный из «Слова...» Г. М. Прохоровым («Преподобство твое испроси у нашего художества слова... но токмо колико слышал еси, сице. О Господѣ, здравствуи!»[137]), и наконец, продолжение самого сочинения: «...Богъ двоиства не имѣет, душамъ имѣеть троиство... а не якоже человеци мертвии, преже смерти скончашася»[138]. Наконец, окончание «избыточного» текста НК2 вновь следует смотреть в издании М. А. Салминой (от слов «Солнцю же доброта и величьство...» до слов «.. яко солнце, лучя испущаа и вся съгрѣя»)[139].

Очевидно, что весь этот «избыточный» период религиозно-философского характера, как и включенное в него случайно «Письмо к заказчику», принадлежит автору самого сочинения и не мог быть добавлен при создании НК2. Г. М. Прохоров вынужден был предположить, что текст «Слова...» был либо «выправлен» составителем НК2 по «исправному списку», либо «просто заменен»[140], однако представляется бесспорным, что и этот текст восходит к протографу С1–НК2, но был сокращен в С1.

Такое редактирование в целом соответствует общей тенденции изменения текста в архетипе С1: сокращаются (или лишаются ритмичности[141]) недостаточно информативные, «поэтические» тексты, либо не подходящие, с точки зрения редактора, для летописи в жанровом отношении (грамоты патриарха, «хождение» и т. д.).

Приведенные наблюдения вынуждают нас пересмотреть представление Г. М. Прохорова о том, что текст НК2 в целом вторичен по отношению к С1. Очевидно, с большой степенью вероятности можно утверждать, что НК2 представляет собой выборку из более раннего текста, чем тот, который дошел до нас в составе С1. Таким источником, по нашему мнению, и был летописный Свод митрополита Фотия.

В этом своде, в целом более полно (по объему) отраженном в С1, но, как правило, более точно – в выборке НК2, «поэтические» тексты, создание которых Г. М. Прохоров, а теперь и Б. М. Клосс справедливо связывают с именем Епифания Премудрого, должны были читаться в том же виде, что и в НК2. Наличие в протографе С1–НК2 (Своде Фотия) «некрологов» Михаилу Тверскому, Киприану и Арсению Тверскому, а также

[136] *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы. С. 104.
[137] Там же. С. 89–90.
[138] Там же. С. 104, 110–111.
[139] ПЛДР. XIV – середина XV века. С. 224–226.
[140] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки. С. 180.
[141] См., например, в С1 сокращенный прозаический пересказ «Плача о разоренной Москве» из Повести о нашествии Тохтамыша (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 102, 110).

«Слова о небесном знамении», приписываемых Епифанию Премудрому, подтверждается их стилистической родственностью и предполагаемой общей атрибуцией с рядом других летописных повестей, впервые появляющихся в составе протографа С1–НК2 (начиная с Повести «О различныхъ градопленениих, о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ» 1372 г.[142], «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича...», и вплоть до «Некролога» Арсению Тверскому 1409 г.)[143]. Можно полагать, что включение в состав летописи предполагаемых творений Епифания носило единовременный характер и было одной из наиболее существенных характерных черт реконструируемого гипотетичекого летописного свода митрополита Фотия.

Итак, мы приходим к определенному заключению, что НК2 не просто восходит к С1 в ее протографичном виде, как полагает Г. М. Прохоров[144], а отражает не сохранившийся в первоначальном виде их общий свод-протограф (Свод митрополита Фотия). Для реконструкции состава этого свода нельзя просто привлекать и сопоставлять общие чтения С1 и Н4, предположительно включая и часть текстов, дошедших только в одной из этих летописей (как следовало из концепции А. А. Шахматова – Я. С. Лурье), но невозможно и ограничиться самим «реальным» текстом С1 (что вытекает из взглядов Г. М. Прохорова).

Для определения реконструируемого состава свода, на наш взгляд, необходимо привлечение текстов как его непосредственного источника – НК1 («Свода 1411 г.»), так и текстов обоих летописных памятников, восходящих к нему напрямую: С1 и НК2.

Можно отметить, что для реконструкции состава Свода Фотия вообще нет смысла привлекать текст Н4, так как эта летопись восходит не собственно к своду, а, главным образом, к одному из его источников (НК1) и к отразившему свод напрямую памятнику – НК2 (с дополнениями по Н1мл.). Кроме того, Н4 использует еще один источник, отличный от упомянутых выше, – это С1. Г. М. Прохоров, отметив ряд случаев (всего 14),

[142] См. *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы. С. 149.

[143] См. также *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 110–116, 119–124. Для будущих исследований по атрибуции летописных повестей С1 и НК2, наряду со стилистическими сопоставлениями, может оказаться существенным тот факт, что в заглавии двух повестей в НК2 указано «Того же» (1375 г. «Того же. О воинѣ и о брани, иже бѣ под Тферью индикта 13, о Великомъ заговѣньи»; 1380 г. «Того же. О побоищи, иже на Дону, и о томь, что князь великии бился съ Ордою»), причем в первом случае такое написание явно не может рассматриваться как дефектная (сокращенная) формула «Того же [лета]», ибо находится в самом начале годовой статьи.

[144] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки. С. 182.

когда текст Н4 независимо от подборок НК совпадает с центральнорусским источником, счел их незначительными и предложил объяснить их существование дефектами или лакунами в дошедшем до нас списке НК или в одном из предшествовавших ему списков[145]. Несомненно, писцы могли ошибаться, однако обращает на себя внимание определенная тенденция этих общих для С1 и Н4 дополнений, вряд ли возможная при случайном характере предполагаемых Г. М. Прохоровым пропусков: целый ряд из них связан с отношениями Пскова и «Немцев»[146]. К числу общих для С1 и Н4 дополнений, неизвестных ни НК1, ни ее источнику (Н1мл.), ни НК2, следует отнести и такое существенное чтение, как известие о казни стригольников (6883 (1375) г.: «И тогда стригальниковъ побиша, дьякона Микиту, дьякона Карпу, 3-ее чловѣка его, и свергоша ихъ с мосту»). Приведенный Г. М. Прохоровым ряд общих чтений С1 и Н4, отсутствующих в НК1, НК2 и Н1мл., может быть дополнен. К известиям, очевидно, взятым составителем Н4 из С1, относится также обширный перечень сожженных новгородских монастырей и церквей во время осады города москвичами (6894 (1386) г.)[147]. Таким образом, Н4 не является непосредственным отражением Свода Фотия, поэтому текст этой летописи не может использоваться при реконструкции его состава.

Для того чтобы очертить состав реконструируемого гипотетического свода, важно отметить тот факт, что по объему С1 примерно в два раза больше НК1, и это удвоение объема в первую очередь обусловлено включением в текст С1 целого ряда общерусских повестей конца XIV –начала XV в. Характер дополнений С1 по сравнению с НК1 рельефно вырисовывается при анализе состава НК2 – летописной подборки, восходящей к «Своду 1418 г.». Текст НК2 содержит практически только те известия

[145] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки. С. 185.

[146] Например, под 6849 (1341) г. в Н4 читается в соответствии с С1 «Того же лѣта мѣсяца септября убиша нѣмци в Латыголѣ на сѣлѣ на Опочнѣ псковьскихъ пословъ 5 мужь, Михаля Любиновича с други, на миру, и плесковици, ѣхавше съ княземь Александромъ Всеволодовичемъ, повоеваша Латыголу, и князь Александръ, учинивъ розратье с нѣмци, и поѣха прочь», под 6875 (1367) г. к известию о походе псковичей против немцев добавлено (как и в С1): «...и убиша у плесковичь Селилу воеводу», под 6917 (1409) г. в Н4 (как и в С1) добавлено: «Пьсковичи взяша миръ с Витовтомъ и с Нѣмци» (схожее известие есть и в Н1мл., но Н4 дословно совпадает с С1, а с Н1мл. расходится).

[147] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 346. Это известие, хотя и связано с Новгородом, по своему происхождению является, вероятно, московским. В перечне монастырей среди обителей Софийской стороны (после Юрьева и перед Пантелеевым) упоминается некий «Рожественыи», по другим источникам неизвестный. Если перечень принадлежит перу московского книжника, то эту ошибку следует объяснять наличием Рождественской церкви в Юрьевом монастыре. Новгородец, наверное, так не мог ошибиться. Заметим, что этот перечень монастырей отсутствует в С1мл., поэтому можно предположить использование составителем Н4 именно С1ст.

С1, которых нет в НК1. Возражая Г. М. Прохорову, Я. С. Лурье считал невероятным чудом то, что один текст (НК2) возникает из другого (С1) путем скрупулезного, филологически точного удаления содержащихся в этом другом заимствований из третьего (НК1)[148]. Ничего чудесного, однако, нет в том, что составитель НК2, если он имел в своем распоряжении НК1, стремился для рационального уменьшения объема своей работы избежать повторений уже известного ему текста, т. е. не тратить время на переписывание текстов, совпадающих в своде-протографе (Своде Фотия) с НК1. В таком случае текст НК2 позволяет ясно увидеть, чем составитель их общего с С1 протографа дополнил один из своих основных источников – НК1.

В реконструкцию Свода Фотия следует включить текст НК1, за исключением явно местных новгородских известий, отсутствующих в С1 (такие известия, очевидно, сокращались при составлении Свода Фотия). В тех случаях, когда текст присутствует и в НК1, и в С1, можно утверждать, что он бесспорно находился и в Своде Фотия.

Далее, в реконструкцию Свода Фотия должен быть включен текст НК2, за исключением явно местных новгородских известий, отсутствующих как в НК1, так и в С1 (такие известия, очевидно, добавлялись при составлении НК2). В тех случаях, когда текст присутствует и в НК2, и в С1, можно утверждать, что он бесспорно находился и в Своде Фотия.

Текст, находящийся только в С1 (отсутствующий в НК1 и НК2), может быть возведен к Своду Фотия лишь предположительно, но с большой долей вероятности. Его отсутствие в новгородских версиях может объясняться либо случайными пропусками списка НК, либо сознательным сокращением ненужного в Новгороде (или неприятного новгородскому летописцу) материала. Что касается редактора архетипа С1, то он, судя по всему, не дополнял, а только сокращал и редактировал текст свода, поэтому «избыточные» по сравнению с новгородскими версиями чтения С1 следует все же возводить к самому Своду Фотия.

5. Вопрос о датировке Свода Фотия

Как известно, С1 дошла до нас в двух редакциях – старшей и младшей. В обоих списках С1 старшей редакции (далее – С1ст.)[149] последние статьи относятся к 1418 г., а в списках младшей редакции (далее – С1мл.) после 1418 г. имеются лишь редкие записи за отдельные годы, практи-

[148] *Лурье Я. С.* Еще раз о Своде 1448 г. ... С. 211.

[149] Списки Карамзина (РНБ, F.IV.298) и Оболенского (РГАДА, ф. 135, рубр. 2, № 3).

чески не совпадающие в части до 1428 г. с НК и Н4[150]. Логично было бы предположить, что текст С1 заканчивался 1418 г., и датировать создание свода-протографа С1–НК2 приблизительно этим временем. Однако некоторые исследователи вслед за А. А. Шахматовым (полнее всего Я. С. Лурье) выдвинули ряд аргументов в пользу более поздней датировки гипотетического общерусского свода – 1430–1440-ми гг. (или даже 1448 г.). Рассмотрим заново эти аргументы[151].

а) Датировку свода (протографа С1 и Н4 в его понимании) 1448 г., как известно, предложил еще А. А. Шахматов на основании интерпретации записи под 1380 г., где указано, что Пасха в 1380 г. совпала с Благовещением, «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета (т. е. в 1296 г. – *А. Б.),* а потом будет за 80 лет без лета (т. е. в 1459 г. – *А. Б.),* а потом будет за 11 лет». Так как в 1470 г. (1459 + 11) Пасха с Благовещением не совпадает, то А. А. Шахматов предложил не прибавить, а отнять эти 11 лет от 1459 г. и получил предполагаемую дату составления свода – 1448 г.[152] Очевидный недостаток такой интерпретации текста заключается в том, что в одном случае предлагается понимать одни и те же слова «потом будет за...» как основание для прибавления указанной даты, а в другом – для вычитания. Конъектура А. Поппэ, предложенная им в письме Я. С. Лурье и обнародованная последним[153], дает возможность понимать слова «а потом будет за 11 лет» в прямом значении. По мнению А. Поппэ, перед этими словами пропущена фраза «а потом будет за 80 лет и за 4 лета» (гаплография: ср. начало записи), т. е. совпадение праздников в 1543 г. (1459 + 84 = 1543), а затем через 11 лет – в 1554 г. В таком случае можно представить себе, что в протографе С1–НК2 текст читался следующим образом:

«В лѣто 6888. Благовѣщение бысть въ Великъ день [= 1380 г.],
а перво сего было за 80 лѣтъ и за 4 лѣта [= 1296 г.],
а потомъ будеть за 80 лѣтъ безъ лѣта [= 1459 г.],
– [а потомъ будеть за 80 лѣтъ и за 4 лѣта] [= 1543 г.],
а потомъ будеть за 11 лѣтъ»[154] [= 1554 г.].

---

[150] ПСРЛ. Т. 5. С. 81–275; Т. 6. С. 1–111.

[151] В более кратком виде аргументация была изложена в статье 1993 г.: *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. С. 6–11.

[152] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 98. С этой точкой зрения согласился Я. С. Лурье (К проблеме свода 1448 г. С. 142–144), хотя сам А. А. Шахматов, как известно, после возражений А. В. Маркова отказался от термина «Свод 1448 г.» и стал называть его «предположительно 30-х гг. XV в.» (см.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 366; *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 447–449).

[153] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 109.

[154] Пропуск был допущен уже в протографе С1–НК2, так как в НК2 также находится ошибочное чтение.

Исправление текста по А. Поппэ вполне обоснованно палеографически, а главное, текст становится понятен и точно отражает хронологические интервалы между совпадениями Пасхи и Благовещения[155].

б) Общий текст двух редакций С1 оканчивается 6926 (1418) г., однако встречающиеся в С1ст. под 1418 г. два летописных известия (преставление княгини Анастасии 11 июля и пожар в Москве 18 августа) находятся в С1мл. под 1422 г.[156]:

С1ст.	С 1мл.
6926 (1418). «Мѣсяца июля 11 преставися благовѣрная княгини Анастасия княжа Юрьева Дмитриевича въ Звенигородѣ.	6930 (1422). «Мѣсяца июля 11 преставися благовѣрная княгини Анастасия княжа Юрьева Дмитреевича во Звенигородѣ, а положена бысть на Москвѣ въ манастыри святого Вознесения.
Того же лѣта Москва город погорѣ, мѣсяца августа 18, въ полунощи загорѣся, а назаутрие о полудне преста горѣти».	Того же лѣта Москва городъ погорѣ, мѣсяца августа въ 18, въ полночь загорѣся, а назавтрие о полудни преста горѣти».

По своему содержанию эти известия не поддаются проверочной датировке независимым источником, поэтому в принципе их можно было бы относить как к 1418 г. (согласно С1ст.), так и к 1422 г. (согласно С1мл.). Недавно, однако, М. А. Шибаеву удалось найти убедительное объяснение расхождения дат в двух редакциях С1. По его мнению, составитель С1мл. обнаружил под 6929 (1421) г. известие о приезде в Москву другой княгини Анастасии, дочери Василия Дмитриевича[157], но не понял, что речь идет о разных людях, и поэтому перенес известие о смерти Анастасии из статьи 6926 (1418) г. в 6930 (1422) г. Таким образом, первоначальный вариант текста читается в С1ст., и

[155] Г. М. Прохоров предложил свой вариант объяснения этого текста. По мнению исследователя, из текста записи ясно, что писец работал в 1380 г. Г. М. Прохоров также считает, что после слов «а потомъ будеть за 80 лѣтъ безъ лѣта» [1459 г.] читалось соответствующее хронологии «а потом за 80 и 4 лѣта» [1543 г.], но в результате описки «невнимательный переписчик» принял буквенное обозначение 84 (ПД) за буквенное обозначение 11 (АІ) (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 193). При таком объяснении кажется совершенно неправдоподобным, что получившееся в результате описки (случайного искажения) чтение «а потомъ будеть за 11 лѣтъ» оказалось точно соответствующим следующему за упомянутым интервалу между совпадениями Пасхи и Благовещения (1554 г. – 1543 г. = 11).

[156] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 108 (ПСРЛ. Т. 5. С. 261–262). Именно на основании сопоставления известий о кончине Анастасии и пожаре в Москве в С1ст. и С 1мл. А. А. Шахматов датировал завершение текста С1 1422 г. (*Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 209).

[157] См., например: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 245.

оснований предполагать окончание протографа С1 не 1418 г., а 1422 г. не существует[158].

в) В НК2 под 6932 (1424) г. есть известие о вокняжении Василия Васильевича. Оно есть и в С1мл. под 6933 (1425) г.[159] Однако текстуально эти известия не совпадают, а внесение в добавочные статьи списков столь важного известия могло быть сделано независимо друг от друга. Такое предположение подтверждается и отсутствием этого известия в С1ст.

г) Я. С. Лурье отмечает бедность материала в записях 1408–1418 гг., в то время как современник, по его мнению, мог пользоваться обильными и свежими источниками[160]. Но тогда еще удивительней при более поздней датировке общерусского свода оказывается практически полное отсутствие записей за 20–40-е гг., хотя бы не политически острых, которые могли быть сокращены, но и нейтральных. Так, в С1мл., в которой Я. С. Лурье видит отражение текста «Свода 1448 г.», вообще нет годовых статей 1419–1421, 1424, 1428–1430, 1435–1436, 1440, 1442– 1444 гг. Кроме того, надо сказать, что обильные источники за 1408– 1418 гг., которыми, по мнению Я. С. Лурье, мог бы пользоваться составитель свода, вообще не существуют. Еще Н. М. Карамзин отмечал бедность известий всех летописей за эти годы[161].

д) Я. С. Лурье отметил, что для протографа С1 характерна тема осуждения «братоненавидения» – борьбы между князьями, что, по его мнению, мало актуально для конца 10-х гг. XV в. «Ни о какой борьбе за власть в этот период мы ничего не знаем», – отмечает исследователь[162]. Но это не совсем так: борьба Ивана и Даниила, сыновей Бориса Константиновича, за свою отчину (1411–1418 гг.), столкновение Москвы и Новгорода в 1417 г. и особенно конфликт Василия Дмитриевича с братом Константином 1418 г. (см. о нем подробнее далее), закончившийся отъездом Константина в Новгород в самом начале 1419 г., свидетельствуют об актуальности темы осуждения междоусобных распрей и в это время[163].

е) Отмечая антитатарские настроения составителя свода-протографа С1, Я. С. Лурье пишет: «Никем не ставился еще в первые десять лет

---

[158] Доклад М. А. Шибаева «Наблюдения над текстом Софийской первой летописи» на диссертационном семинаре Европейского Университета С.-Петербурга (Факультет истории), апрель 1998 г.

[159] ПСРЛ. Т. 5. С. 263.

[160] *Лурье Я. С.* 1) Общерусский свод... С. 134; 2) Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 112.

[161] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. С. 114, примеч. 207.

[162] *Лурье Я. С.* 1) Общерусский свод... С. 135; 2) Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 111.

[163] См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. Т. 4. С. 355–362.

после нашествия Эдигея и вопрос о борьбе с Ордой»[164]. Однако сам же Я. С. Лурье в другой статье признает, что составитель летописного свода 1412 г. был сторонником «не осторожного маневрирования, а более смелой и достойной политики в отношении Орды»[165]. Уже в «Повести о Едигее» в Тверском своде 1412 г. отразились антитатарские настроения эпохи.

Итак, выдвигавшиеся исследователями аргументы в пользу относительно поздней (1430–1440-е гг.) датировки свода-протографа С1, на наш взгляд, не являются доказательными.

Аргументы в пользу более ранней датировки протографа С1 представляются более весомыми:

а) Анализируя состав церковно-юридических статей в С1, Я. Н. Щапов показал, что они были утверждены грамотой митрополита Киприана в 1402 г., в то время как тот же церковный сборник, при том же князе Василии Дмитриевиче был подтвержден вторично такой же грамотой митрополитом Фотием в 1419 г. и в этом виде получил новое распространение на территории Русского государства[166]. Исследователь справедливо, на наш взгляд, заключает, что включение в С1 сборника не 1419 г., а 1402 г. может свидетельствовать о том, что это было сделано еще до 1419 г.[167]

б) Особенно сложным и важным представляется вопрос о датировке и происхождении целого ряда повестей, впервые появляющихся в протографе С1–НК2, в том числе «Повести о Куликовской битве»[168], «Повести о нашествии Тохтамыша»[169], «Слова о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича»[170] и многих других текстов. Разумеется, на исследователей не могла не оказывать влияния принятая в науке датировка общерусского свода 30–40-ми гг. XV в., и они пытались найти в этих повестях черты эпохи феодальной войны. Так, например, М. А. Салмина, убедительно доказавшая в цикле работ вторичность упомянутых повестей по отношению к текстам, встречавшимся в Троицкой летописи (или в своде 1409 г.)[171], менее аргументированно, на наш взгляд,

---

[164] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 111.

[165] *Лурье Я. С.* Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 298.

[166] *Щапов Я. Н.* К характеристике некоторых летописных трудов XV в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 178.

[167] Там же.

[168] См.: *Салмина М. А.* Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 244–246 (здесь же библиография).

[169] См.: *Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // Там же. С. 254–255 (здесь же библиография).

[170] См.: *Прохоров Г. М., Салмина М. А.* «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Там же. С. 403–405 (здесь же библиография).

[171] См. библиографию в указанных статьях «Словаря книжников».

предложила датировать повести концом 40-х гг. XV в.[172] Предложенная М. А. Салминой датировка ряда повестей свода-протографа С1 не является общепринятой; так, например, Г. М. Прохоров высказал, вслед за А. В. Соловьевым, убедительно аргументированное предположение о том, что автором «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» является Епифаний Премудрый (ум. между 1418 и 1422 гг.)[173], а Л. А. Дмитриев считал автора «Повести о нашествии Тохтамыша» (1382 г.) современником, а возможно, даже очевидцем нашествия[174].

в) Один из доводов М. А. Салминой, которому Я. С. Лурье придавал особое значение для датировки свода[175], заключается в следующем: в рассказ о смерти Дмитрия Донского (в «Слове о житии...») вставлены цитаты из его завещания, причем к словам о передаче Василию Дмитриевичу великого княжения сделано (по сравнению с текстом Духовной грамоты Дмитрия) добавление: «яже есть столъ отца его и дѣда и прадѣда»[176]. М. А. Салмина, а вслед за ней и Я. С. Лурье связывали это добавление с политической позицией Василия II, искавшего в 1432 г. в Орде великого княжения на основании аналогичной формулы: «Князь великы по отечьству и по дѣдьству искаше стола своего...»[177]. Однако анализ именно этого летописного известия убеждает в том, что свод, включающий «Слово о житии...» (т. е. протограф С1–НК2), к 1432 г. уже существовал.

Приведем этот летописный фрагмент полностью:

«Князь великы по отечьству и по дѣдьству искаше стола своего, князь же Юрьи – *лѣтописци старыми списки* (здесь и далее курсив мой. – *А. Б.)* и духовною отца своего великого князя Дмитрея»[178].

---

[172] Датировка «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» XVI в., предложенная М. А. Салминой позднее (*Салмина М. А.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159–162), как справедливо отметил Г. М. Прохоров, опровергается фактом существования списков XV в. (*Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 119). Ср. также: *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 116.

[173] *Соловьев А. В.* Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 85–106; *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 88–122. См. также: *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 111–117.

[174] *Дмитриев Л. А.* Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 180. См. также: *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 111.

[175] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 113.

[176] ПСРЛ. Т. 6. С. 108 (см.: *Салмина М. А.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 99–100).

[177] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 103; Т. 25. С. 249.

[178] ПСРЛ. Т. 27. С. 103; ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

«Старые списки» летописцев (вместе с Духовной грамотой) здесь явно противопоставляются неназванным новым, на которые Юрий Дмитриевич уже не мог сослаться, чтобы подтвердить свои права. Именно так понимал этот текст и М. Д. Приселков, писавший: «...в Орду не только возили наши летописные тексты, но и выбирали разные редакции этих текстов, конечно, старыми редакциями («старыми списки») опорочивая работу редакторов современных»[179]. Далее исследователь уточнил: «Автор (летописного известия. – *А. Б.)* хочет сказать, что князь Юрий повез к хану не новый список Летописца, а старые его списки...»

Таким «новым списком летописца» и был, очевидно, свод-протограф С1–НК2, формулировка которого «яже есть стол отца его и деда и прадеда» фактически процитирована использованной в споре в Орде 1432 г. формулой «по отечьству и по дедьству». И дело тут даже не в самой формуле, а в ее понимании. В Троицкой летописи, судя по всему, также уже была использована формулировка «яже есть стол отца его и деда и прадеда», но речь шла о том, что Василий Дмитриевич получил великое княжение, как и его отец, дед и прадед, от царя («...а посаженъ бысть царевым посломъ Шихматомъ»)[180], в то время как в «Слове о житии...» явно намекается на получение великого княжения как «отчины», наследуемого владения (Дмитрий Иванович «призвавъ сына своего прьвие болшаго, князя Василья, на старѣишии путь, предасть в руцѣ его великое княжение, яже есть столъ отца его, и дѣда, и прадѣда, съ всѣми пошлинами, *и далъ есть ему отчину свою Рускую землю»)*. Новгородский летописец тонко чувствовал эту разницу между «отчиной» (уделом) и великим княжением: «...князь Василеи прииде въ отчину свою на Москву. И тогда прииде из Орды посол Уланъ царевич, и посади его на великомъ княжении» (НК2, в С1 текст изменен).

Спор в Орде 1432 г., таким образом, можно думать, был отчасти текстологическим, и князь Юрий Дмитриевич мог легко доказать, что ни в духовной грамоте его отца, Дмитрия Донского, ни в старых летописях не говорилось о принципе наследования не только великого княжения, но и самого удела «по отчине и дедине»[181]. В подлинном завещании Дмитрия Ивановича, напротив, прямо говорится: «А по грехом отъимет Бог сына моего Василья [Дмитриевича], а хто будет под тем сын мои, ино тому сыну моему княж Васильев удел...»[182] Правда, А. А. Зимин, интерпретируя этот текст, писал: «...говоря о переходе своего удела к следующему по старшинству сыну, он (Дмитрий Донской. – *А. Б.)* как бы осторожно

[179] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 41.
[180] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 434–435.
[181] Ср.: ДДГ. С. 34–35.
[182] Там же. С. 35.

внушал мысль, что и великое княжение должно перейти к нему»[183]. Но и в таком случае Юрий Дмитриевич мог ссылаться в Орде на это завещание как на аргумент в пользу своих прав.

Судьбу великого княжения решила, однако, не текстология: согласно Московскому летописному своду конца XV в., боярин великого князя Иван Дмитриевич Всеволожский в своей речи противопоставил мертвой грамоте (т. е. завещанию Дмитрия Ивановича) «жалование волного царя», что на тот момент решило спор о великом княжении в пользу Василия II[184]. На самом же деле впереди была еще 30-летняя феодальная война.

Итак, можно утверждать, что к 1432 г. летописный Свод, содержавший формулу «яже есть столъ отца его и дѣда и прадѣда» в такой интерпретации, что на нее можно было опереться в споре о получении великого княжения, уже существовал.

г) Для датировки того летописного свода, в котором уже появилось понимание «стола отца его и дѣда и прадѣда» как «отчины», принципиальное значение имеет тот факт, что вопрос о наследовании после Василия Дмитриевича великого княжения возник при его жизни, уже в 1418 – начале 1419 г. Как отмечается в Н1мл., 25 февраля 1419 г. в Новгород приехал брат великого князя Константин Дмитриевич, «а про то был в Новѣгородѣ, занеже брат его князь великыи Василии хотѣлъ его в челование привести под своего сына Василья: и онъ не хотя быти подъ своимъ братаничем, и князь Василии возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину, и бояръ его поима, и села и животы их отъима»[185].

Очевидно, для того чтобы в нарушение завещания Дмитрия Донского[186] «в челование привести» дядю под племянника, Василий Дмитриевич должен был иметь уже какое-то обоснование. Такое обоснование и содержал, на наш взгляд, текст протографа С1–НК2. Важно отметить, что если в своем первом завещании 1406 г. Василий Дмитриевич писал лишь о гипотетической возможности получения великого княжения его сыном («А даст Бог сыну моему [...] княженье великое держати...»), то во втором, датируемом 1419–1420 г., прямо говорится: «А сына своего, князя Василья, благословляю своею *вотчиною, великим княженьем,* чем мя благословил мои отець». Реакцию братьев Василия I можно понять по известию 1419 г. об отъезде в Новгород Константина Дмитриевича.

---

[183] *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 8.

[184] ПСРЛ. Т. 25. С. 249–250.

[185] НПЛ. С. 412.

[186] См.: *Черепнин Л. В.* 1) Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 91–106; 2) Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 652, 737 и др.

В результате третье завещание 1423 г. повторяет первую из формул («А даст Бог сыну моему великое княжение...»)[187]. Ясно, что появление в протографе С1–НК2 сближения между «отчиной» и великим княжением («столом отца и дѣда и прадѣда») должно было хронологически соответствовать именно второму завещанию Василия Дмитриевича, что дает нам датировку этого летописного памятника временем не позже 1423 г.

д) Идея местной автономии в рамках единого государства, на отражение которой Я. С. Лурье указывает в тексте гипотетического «Свода 1448 г.» (его он практически отождествляет с текстом С1)[188], не чужда эпохе митрополита Фотия: она знакома уже редактору свода 1412 г. и, как показал Л. В. Черепнин, отразилась в вошедшей в эту тверскую летопись «Повести о Едигее»[189].

е) Еще одним доказательством, убеждающим нас в датировке окончания свода-протографа С1–НК2 1418 г., является совпадение границы общего текста Московского свода 1479 г. (далее – МС) и Ермолинской летописи (далее – Ерм.) с завершением текста С1 на известии об убиении Михаилом Рассохиным Анфала и Нестера в 1418 г.[190] Именно этим известием и заканчивается текст С1. Полагая, что протограф МС и Ерм. отразил С1[191], Я. С. Лурье не придал значения тому факту, что протограф МС–Ерм. еще раз дает независимое подтверждение окончания текста свода именно 1418 г.

ж) Рассматривая источники свода-протографа С1, исследователи выделяют заимствования из новгородских, московских, ростовских, псковских, тверских, южнорусских летописных сводов, ни один из которых не датируется временем после 1418 г.[192] Напротив, изучая влияние свода-протографа С1 на позднейшее летописание, исследователи отмечают его использование уже в протографе Н1мл., доведенном до 1432 г.[193]

---

[187] *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 9.

[188] *Лурье Я. С.* О политических идеях общерусского свода 1448 года // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen, 1982. S. 135–152.

[189] *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства... С. 726.

[190] См.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 155–156.

[191] Я. С. Лурье признает, что «в отдельных случаях обнаруживаются совпадения этого памятника (протографа МС–Ерм. – *А. Б.)* то со старшей, то с младшей редакцией С1, то с Н4» (*Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 155), что свидетельствует, очевидно, о непосредственном влиянии на него именно свода-протографа С1–НК2, а не архетипа С1 или С1ст. (ср.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 258–261).

[192] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 93–104 (здесь же отмечены наблюдения А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, В. А. Кучкина и М. А. Салминой).

[193] См.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 163–171; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 91–93; *Салмина М. А.* Повесть о

Согласно нашим наблюдениям, влияние свода-протографа С1 на Н1мл. следует относить ко времени правления в Новгороде владыки Феодосия Клопского (1421–1423)[194].

Существование общерусского свода, созданного при митрополите Фотии, было подробно обосновано еще А. А. Шахматовым[195], который, в частности, отметил особый интерес этого свода к событиям, связанным с Фотием. Исследователь предположил, что этот свод назывался «Владимирским Полихроном» именно потому, что был составлен митрополитом, кафедральным городом которого считался Владимир[196]. М. Д. Приселков уточнил датировку Свода Фотия, остановившись на 1418 г.[197] С этой датой согласился и Д. С. Лихачев[198]. Анализ исторической и культурной обстановки эпохи митрополита Фотия, данный в работах А. А. Шахматова, а также М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и некоторых других исследователей[199], убеждает в том, что общерусский летописный свод, создатель которого стремился к тому, чтобы стать выше границ между княжествами, скорее всего, мог быть создан в конце 10-х гг. XV в., около 1418–1419 гг., при митрополичьей кафедре в Москве[200].

Я. С. Лурье, оценивая значение свода-протографа С1 для последующего летописания, называет создателя этого свода «Нестором XV в.»[201]. Трудно представить себе, чтобы митрополичий свод, собравший воедино большое количество летописных и внелетописных источников, был создан во времена феодальной войны, когда на Руси вообще не было митрополита, либо при Герасиме (находившемся в Смоленске) или Исидоре (проведшем в Москве всего несколько месяцев, не считая периода заточения

нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 138; *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников. Вып. 1. С. 246.

[194] См.: *Бобров А. Г.* 1) Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 189; 2) Новгородские летописи XV века... С. 10.

[195] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 162–176.

[196] Там же. С. 176.

[197] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 213.

[198] *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 305–308.

[199] См., например: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 465–482.

[200] Б. М. Клосс также считает, что 1419 г. – это «верхняя граница времени создания митрополичьего свода», однако нижнюю границу он парадоксальным образом определяет как 1412 г., игнорируя тот текстологический факт, что общие чтения С1ст., С1мл. и НК2 доходят до 1418 г. (*Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 116–117). Весьма существенным для датировки летописного Свода Фотия является указание Б. М. Клосса на его «антилитовскую направленность», что справедливо связывается исследователем с обострением отношений митрополита с Литвой после поставления в 1415 г. киевского митрополита Григория Цамблака, нормализовавшихся только после смерти последнего в 1419 г. (Там же. С. 117–119).

[201] *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. С. 28–38.

после возвращения с Ферраро-Флорентийского собора). Характерно, что Я. С. Лурье, отстаивающий представление об общерусском характере Свода, даже предположительно не мог связать его создание с каким-либо кругом книжников или политиков, в то время как «Свод 1418 г.» определенно связывается с именами и деятельностью митрополита Фотия и Епифания Премудрого. В этой связи совершенно справедливой представляется мысль Г. М. Прохорова, что Епифаний Премудрый до самой смерти (т. е. до 1418–1422 гг.) «мог служить своим пером... митрополиту Фотию»[202], выполняя его заказы, в том числе и связанные с написанием целого ряда летописных повестей для летописного свода 1418 г.[203] Отметим, между прочим, что если троицкий инок выполнял такого рода «заказы», то вряд ли он мог быть одновременно и составителем самой летописи, но литературные достоинства «Свода 1418 г.» в первую очередь определялись вкладом именно этого писателя, поэтому «Нестором XV в.» можно назвать Епифания Премудрого.

Итак, подвергнув рассмотрению вопрос о датировке общерусского митрополичьего свода, отразившегося в С1 и НК2, мы пришли к определенному подтверждению вывода, сформулированного нами еще в статье 1993 г.: он мог быть создан только в 1418–1419 гг. Исполнителем работы по написанию ряда повестей для включения в этот выдающийся памятник летописания был, по всей вероятности, инок Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый, а «заказчиком» создания произведения в целом – митрополит киевский и всея Руси Фотий, поэтому мы и называем его «Летописный свод митрополита Фотия».

---

[202] *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 120.

[203] Сведения о возможном заказчике летописи могут быть извлечены из обнаруженного Г. М. Прохоровым в составе «Слова о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича...» письма автора заказчику (см.: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы... С. 88–122). Справедливо предполагая в авторе «Слова...» и письма Епифания Премудрого, исследователь, однако, пишет: «...автор жил и работал не там, где его корреспондент-заказчик... – иначе ему незачем было бы писать ему письмо и сетовать на редкость встреч. ...Получается, что территориально от него удаленный заказчик, имевший, видимо, отношение к сводному общерусскому летописанию – причем отношение такое, какое давало ему право раздавать литературные заказы для общерусского летописного свода, – жил не в Москве» (Там же. С. 114). Это рассуждение требует уточнения: автор (Епифаний Премудрый) жил как раз не в Москве, а в Троице-Сергиевой Лавре, а заказчик (на наш взгляд, митрополит Фотий) по преимуществу находился в Москве. Мнение Б. М. Клосса о том, что «Епифаний Премудрый выполнял литературные заказы Варлаама (Новгородского. – *А. Б.)* для составлявшегося в то время общерусского митрополичьего летописного свода» (*Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. С. 116), как уже было показано, чрезмерно гиперболизирует влияние и возможности юрьевского архимандрита.

ОЧЕРК 7

ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV В. [2003 г.]*

Летописание Новгорода второй половины XV в. отразилось в следующих памятниках: Новгородская пятая летопись; несохранившийся Лисицкий летописец 1450 г., выписка из которого читается в Новгородской второй летописи; Летопись Авраамки; Летописец епископа Павла; Строевский и Синодальный списки Новгородской четвертой летописи; Устюжская летопись (Архангелогородский летописец) и Новгородская Хронографическая летопись.

1. Новгородская пятая летопись

Окончанием текста «второй» редакции Новгородской четвертой летописи (далее – Н4), как отметил еще А. А. Шахматов[1], является известие 6955 (1447) г. о борьбе великого князя Василия Васильевича Темного с Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским: «Князь великии выбѣже во Тферь, и приехаша к нему князи и бояри, и татари; и слышавъ князь Дмитрии и князь Иванъ Можаискии, и выехаша за Волгу в Галич и на Кострому, и на Вологду, и стоаху противу себе о рѣцѣ о Волгѣ, а новгородци не въступишася ни по одиномъ; а землю Русскую остатокъ истратиша, межи собою бранячися. А за Волокомъ Онѣго и Каркополе, и Пудогу повоеваша и пограбиша шестники»[2].

---

* Предполагалось, что данная статья будет опубликована ранее итоговой монографии, в которую вошла ее основная часть, за исключением Приложения (см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 218–242), но в связи с неравномерностью скорости издательского процесса получилось наоборот. Автор приносит свои извинения читателям.

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182–183.

[2] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 444.

Это летописное известие как нельзя лучше характеризует ту социально-психологическую ситуацию, в которой оказалась Русская земля к началу второй половины 40-х гг. XV в., после того, как Василий II был в 1445 г. побежден и захвачен в плен татарским царевичем Мамотеком, в следующем году за огромный выкуп выпущен из плена, а позже схвачен в Троицком монастыре и ослеплен. В статье, которой завершилось ведение «общерусского новгородского летописания», фраза «землю Русскую остатокъ истратиша» выглядит своеобразным объяснением прекращения работы над Н4.

Подобно тому, как несколькими годами раньше события, связанные с Флорентийской унией и ее восприятием на Руси, повлияли на политику новгородского владыки и, вероятно, обусловили прекращение ежегодных дополнений к Н4 «старшей» редакции[3], именно эти обстоятельства побудили Евфимия II еще в большей степени пересмотреть те принципы, которые нашли яркое отражение в созданном им в первые годы своего правления и продолженном до 1447 г. «новгородском общерусском летописании»[4].

К 1447 г. не только перестает пополняться новыми годовыми статьями «вторая» редакция Н4, но и, более того, создается Новгородская пятая летопись (далее – Н5)[5] – летопись, в целом ряде текстов возвращающаяся снова к Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1 мл.), то есть к традиционной узконовгородской точке зрения. Н5 сохранилась в 15 списках:

1. Хронографический список, начала XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 280, л. 433–707)[6] – сокращенно обозначается Хр.;

2. Погодинский первый список, второй половины XVI в. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1404 а, л. 421 об. – 629 об.)[7] – сокращенно обозначается П1;

---

[3] *Бобров А. Г.* Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 359–373.

[4] *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб. 1999. Т. 51. С. 107–136.

[5] В первом издании ПСРЛ были, как известно, опубликованы четыре новгородские летописи. Определение данной летописи как «пятой» принадлежит А. А. Шахматову (см.: *Шахматов А. А.* 1) Обозрение русских летописных сводов... С. 196–207): 2) Киевский Начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 145–147).

[6] ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2. вып. 1. С. 2–3 (1-я паг.). Описание: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1: № 577–819. С. 133–134 (№ 754).

[7] ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 3–5 (1-я паг.); Псковские летописи / Пригот. к печ. А. [Н.] Насонов. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 14–15 (1-я паг.).

3. Погодинский второй список, конца XVI в. (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1402, л. 6–270)[8] – сокращенно обозначается П2;

4. Библиотечный первый список, начала XVII в. (РНБ, ОСРК, Q.XVII.54) (до 1017 г.) – сокращенно обозначается Б1;

5. Академический первый список, начала XVII в. (БАН, 34.4.32, л. 394 об. – 591)[9] – сокращенно обозначается Ак1;

6. Карамзинский список, середины XVII в. (РНБ, ОСРК, F.IV.603, л. 426–438)[10] (за 1429–1446 гг.) – сокращенно обозначается Кар.;

7. Список Оболенского, середины XVII в. (ФИРИ РАН, собр. Археографической комиссии, № 252, л. 16 об. – 533 об.)[11] – сокращенно обозначается Об.;

8. Библиотечный второй список, XVII в. (РНБ, ОСРК, Q.XVII.151, л. 9–133 об.)[12] (до 1100 г.) – сокращенно обозначается Б2;

9. Архивский список, XVII в. (РГАДА, собр. МГАМИД, № 447/915, л. 1–18, 55–68, 89 об. – 120)[13] – сокращенно обозначается Арх.;

10. Список Царского, второй половины XVII в. (ГИМ собр. Уварова, № 752, л. 558–611)[14] (отрывок за 1134–1447 гг.) – сокращенно обозначается Ц;

11. Снегиревский список, начала XVIII в. (ФИРИ РАН, собр. Археографической комиссии, № 242, л. 10–243)[15] – сокращенно обозначается Сн.;

12. Академический второй список, начала XVIII в. (БАН, 31.4.22 (Осн. 1127), л. 1–128)[16] – сокращенно обозначается Ак2;

13.[17] Вахромеевский список, XVIII в. (ГИМ, собр. Вахромеева, № 499, л. 7–209)[18] – сокращенно обозначается Вах.;

14. Типографский список, XVIII в. (РГАДА, собр. Синод. типогр., № 1915/1179, л. 4–137 об.)[19] – сокращенно обозначается Тип.;

15. Румянцевский список, начала XIX в. (РГБ, собр. Румянцева, № 249, л. 4–192 об.)[20] – сокращенно обозначается Рум.

---

[8] Псковские летописи. Т. 1. С. 15–16 (1-я паг.).
[9] Там же. С. 18 (1-я паг.).
[10] Там же. С. 19–20 (1-я паг.).
[11] Там же. С. 16–18 (1-я паг.).
[12] ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 5–6 (1-я паг.).
[13] Псковские летописи. Т. 1. С. 21–23 (1-я паг.).
[14] Там же. С. 21 (1-я паг.).
[15] Там же. С. 18 (1-я паг.).
[16] Там же. С. 20 (1-я паг.).
[17] Здесь и далее – сокращение Н5, выполненное ок. 1630 г. (по Насонову).
[18] Псковские летописи. Т. 1. С. 24–25 (1-я паг.).
[19] Там же. С. 25–26 (1-я паг.).
[20] Там же. С. 23–24 (1-я паг.).

Состав Н5, по замечанию А. А. Шахматова, «вполне прозрачен»[21]. Как было установлено исследователями, Н5 представляет собой особую сокращенную переработку Новгородской четвертой летописи младшей редакции (далее – Н4 мл.), в которой была проведена правка по Новгородской первой летописи младшего извода, причем статьи 955–996 гг. и 1384–1405 гг. были просто полностью заменены на текст Н1 мл.[22]

А. А. Шахматов обратил внимание «на связь составителя Новгородской 5-й летописи с церковью Пантелеймона в Новгороде». «Мы видели,– пишет исследователь, – что летопись эта выпускала много известий Новгородской 4-й, а между прочим и известия о построении церквей. Поэтому вставка трех известий, относящихся к церкви Пантелеймона, не может быть объяснена случайностью, а конечно вызвана теми или иными отношениями к этой церкви самого летописца»[23]. Исследователь привел эти три дополнения:

1) Под 6664 (1156) г. прибавлено после слов: «въ то же лѣто поставиша купци заморьстии церковь святыя Пятница на Торговищи» – «а Федоръ Пинещиниць св. Пантелемона»;

2) В статье 6716 (1208) г. к известию о строительстве церкви св. Пантелеймона добавлено: «камену»[24].

3) Под 6880 (1372) г. добавлено известие: «Того же лѣта поновиша церковь камену святаго Пантелеимона, бѣ бо палася»[25].

Итак, неизвестный нам исполнитель, несомненно связанный каким-то образом с церковью св. Пантелеймона, около 1447 г. провел работу по «исправлению» Н4. Значительное число списков, среди которых и явно «официальные», убеждает в том, что этот отход от «общерусской» линии был не частной инициативой, а исполнением заказа владыки Евфимия II.

О церкви св. Пантелеймона известно немного фактов, но они позволяют отчасти пролить дополнительный свет на историю создания Н5.

---

[21] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 197.

[22] Там же. С. 196–207; *Клосс Б. М.* Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 257–264; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 241–251; *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 91.

[23] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 204.

[24] В Н4: «Свѣршиша церковъ святаго Пянтелѣимона в монастырѣ Феодоръ Пинѣшиничь» (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 181).

[25] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 204–205. Исследователь отмечает, что кроме известий о церкви Пантелеймона «находим еще только одну вставку в Новгородской 5-й – это о построении церкви Иоанна-усекновения Моисеем Домажиричем в 6682 (1174) г.» (Там же. С. 205).

Эта церковь находилась в Пантелеймоновом монастыре, до наших дней не сохранившемся. Монастырь был основан в 1134 г. князем Изяславом Мстиславичем[26] на левом берегу Волхова, у южной оконечности оз. Мячино, совсем недалеко от Юрьева монастыря. Не только географически, но и своей былой принадлежностью княжескому домену, Пантелеймонова обитель «тянула» к Юрьеву монастырю. Более того, в 1667 г. она и была к нему приписана[27].

Достаточно ярко характеризуется консервативная позиция иноков Пантелеймонова монастыря тем фактом, что общежительным он стал только в 1528 г. по реформе архиепископа Макария[28]. Если вспомнить «общежительные» корни и симпатии Евфимия II, а также традиционную противопоставленность резиденции архимандрита (Юрьева монастыря) и владычной кафедры, то сама передача летописного дела в Пантелеймонов монастырь оказывается почти символом «смены курса» новгородской политики.

Особенно существенна для характеристики взглядов составителя Н5 принадлежащая ему обширная вставка под 6911 (1403) г.:

«Того же лѣта бысть сие: искони дьяволъ не хотя добра роду человѣчьскому, паче же Бога любящимъ спротивится, вложи въ сердце Кюприану митрополиту, еже удержати владыку Новгородьского Ивана безъ разсуда; честныи же старець радуяся съ благодарениемъ терпяше, и молящеся Богу Господу нашему Исусу Христу и пречистѣи его Матери, по написанному: "Господи! Не постави ему грѣха сего!". И исполнися еуангельское слово, рекшее: „Не можеть градъ укрытися вверху горы стоя, ни вжигають свѣтилника и поставляютъ въ скровѣ, но на свѣтилѣ, да свѣтить на вся". Такоже и сего старца не може утаитися смиренная его добродѣтель, исполняше бо еуангельская словеса, еже рече: „Страненъ бѣхъ, и введосте мене", а сии самъ страненъ и въ неволи бяше тамо, а странныя и нищая велми любляше и потребная имъ даяше. И вложи Богъ въ сердце великому князю Василью Дмитрѣевичу, и въспомяну архиепископа Ивана, видя честныя его добродѣтели, и посла къ митрополиту

[26] Датировку жалованной грамоты князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю 1134 г. см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 136–138.

[27] *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 260–261 (№ 1036). По Описи Новгорода 1617 г. после «шведского разорения» в Пантелеймоновом монастыре числилось «26 книг в десть и в полдесть и в четверть писменые на бумаге»; «а келей и ограды и старцов и слуг никого нет» (Опись Новгорода 1617 года / Под ред. В. Л. Янина. М., 1984. Ч. 1. С. 111–112).

[28] ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 545.

глаголя: „Иже еси удержалъ владыку Ивана, въ тъ часъ отпусти его съ честью къ Великому Новугороду". Куприанъ же митрополитъ, не могыи ослышатися слова князя великаго, отпусти архиепископа Ивана съ благословениемъ и съ честию.

И приѣха владыка Иванъ въ Новгородъ, мѣсяца июня въ 15, бывъ на Москвѣ 3 годы, и 3 мѣсяци, и 3 недѣли. И стрѣтоша и со кресты игумены, и попове, и всь клиросъ святыя Софья, и всь Новгородъ, у святаго Николы на Ярославлѣ дворѣ, и обрадовашася радостию великою своему господину владыцѣ»[29].

Этот текст в своей заключительной части основан на известии Н1 мл.: «Того же лѣта прииха в Новгород владыка Иоанн, мѣсяца июля въ 15 день, бывъ на Москвѣ 3 годы и 4 мѣсяци у Киприяна митрополита. Стрѣтоша и со крести игумены и попове с крилошаны святыя Софѣя, и весь Новъгород, у святого Николы на Ярославлѣ дворѣ, и обрадовашася радостию великою своему владыцѣ»[30]. Уточнение срока задержания владыки Иоанна (вместо 3 лет 4 месяцев в Н1мл. – 3 года, 3 месяца и 3 недели в Н5), скорее всего, является литературным приемом, придающим «эпичность» повествованию (типа сказочной формулы «тридцать лет и три года»). Сам рассказ в целом следует рассматривать не как достоверный исторический источник, а как факт литературы и датировать его создание временем работы над составлением Н5 (около 1447 г.). Благочестивая роль великого князя Василия Дмитриевича в этом тексте, видимо, служит напоминанием сражающимся за его наследие сторонам о христианских заповедях.

Отметим, что благодаря замене текста Н4 на текст Н1мл. за 1384–1405 гг. составитель Н5 исключил из своего свода целый ряд общерусских повестей, в первую очередь «О том, како приходилъ князь великии Московскыи ратью к Новугороду к Великому» (1386 г.) и «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго» (1389 г.).

Под 1421 г. в Н5 при имени посадника Александра Фоминича добавлено его прозвище: «Царько». Действительно, в писцовой записи на Минее служебной (БАН, 34.7.5, л. 115) читаем о том, что она была создана в 1398 г., в разгар новгородско-московского конфликта и боевых действий, «повелѣниемь архиепископа владыцѣ Ивана при посадницѣ Олександрѣ Цесари. В то время послаша новгородьци за Волокъ рать». Возможно, это необычное прозвище посадника было дано ему в связи с его «антимосковской» позицией (напомним, что в «Слове о житьи...» Дмитрий

[29] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 144.

[30] Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 398.

Иванович носит титул «царя Рускаго»). Можно думать, что составитель Н5, исключивший текст «Слова о житьи...» из своего летописного свода, не случайно вспомнил «значимое» прозвище новгородского посадника[31].

Почти в те же годы, что и Н5, в Лисицком монастыре также создается какая-то летопись. Хотя она не сохранилась до наших дней, кое-что о ней все же известно.

2. Лисицкий летописец 1450 г.

В Новгородской второй летописи (далее – Н2), составленной во второй половине XVI в., под 6958 (1450) г. на л. 147 об.–148 находится запись: «В лѣто 6958 [1450 г.] написана бысть сия книга в лѣтописець во обители Пречистеи Рожества на Лисьи гори повелинием раба Божия дьякона инока Геронтия, в полдесть, держанъ. В лѣто 7000 восмъдесятага [1572 г.] мѣсяца февраль въ 5, вторник, а служилъ того дни //в манастыри на Лисьи горѣ обидню и смотрил в манастыри книгы литописца церковнаго. А сказывал, что литописець Лѣсицкои добри сполна, ажо не сполна. Развие написано в лѣписцѣ (sic!) в Лѣсуцкомъ владыкы Навгороцькые, не вси сполна писаны, развие до владыкы Еуфимия Навгороцького. А смотрилъ въ кельи у старца у келаря у Деонисия»[32].

Запись под 7080 (1572) г. о просмотре в Лисицком монастыре местного летописца, доведенного «до владыкы Еуфимия», принадлежит, возможно, новгородскому архиепископу Леониду. Д. С. Лихачев[33], а вслед за ним и

[31] В других источниках, кроме записи на Минее 1398 г. и Н5 (и восходящих к Н5 летописях), это прозвище не упоминается. В этой связи любопытно вспомнить, что в Предисловии к «Временнику» («Начальному своду») говорится: «...все по ряду извѣстьно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакья» (Новгородская первая летопись... С. 104). Попыткам интерпретации имен Александра и Исаакия посвящена огромная литература, начиная с П. М. Строева, заметившего: «Стоит только разыскать, кто были сии последние, чтобы узнать время, в которое жил летописатель... Не были ли они Посадниками Новгородскими?» (Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. Строев. М., 1820. Ч. 1: С 862 по 1425 г. С. 12–13). Еще Филарет заметил, что «если летописец начинает повесть с Михаила царя, то и оканчивает ее, конечно, царем Исаакием, а не посадниками». Упомянутого в Предисловии Исаакия он отождествил с Исаакием Ангелом (1185–1204) (*Филарет (Гумилевский)*, архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. 862–1863. 3-е изд., поправл. и доп. СПб., 1884. Кн. 1: 862–1720. С. 44–45). Александра же исследователи, на основании чтения Троицкого списка Н1мл. («до Олекси, Исакья»: Новгородская первая летопись... С. 512), отождествляют с братом Исаака Алексием. Но не связано ли каким-то образом чтение всех списков (кроме Троицкого) «до Александра» с необычным прозвищем посадника Александра Фоминича, умершего в 1421 г.?

[32] ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 194–195 («Новгородская вторая (Архивная) летопись»).

[33] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.. 1947. С. 444.

А. И. Семенов[34] на основании первой части этой записи считали Лисицкий летописец одним из основных источников сведений Н2 до 1450 г. Однако новое издание этой летописи в 30-м томе ПСРЛ, где текст издан в том же порядке, что и в рукописи, а не в «хронологическом», реконструированном порядке, как ранее, дает возможность установить, что записи под 1450 и 1572 гг. составляют единое целое. Автор записи 1572 г. оставил описание просмотренного им Лисицкого летописца 1450 г., включив в него сведения о том, до какого времени доведено повествование («...до владыкы Еуфимия»), о приписке писца, о формате кодекса («в полдесть»), о его сохранности («держан», то есть подержанный, ветхий). Тот факт, что Лисицкий летописец 1450 г. был просмотрен составителем Н2, еще не значит того, что он вообще был им использован для своей летописи, а тем более не значит того, что он был его основным источником в части до 1450 г.

Вопрос об источниках и составе Н2 в науке исследован еще недостаточно[35]. Так как Н2 – летопись XVI в., то ее изучение выходит за хронологические рамки настоящего исследования, однако для выяснения вопроса о Лисицком летописце 1450 г. придется остановиться на ее рассмотрении немного подробнее.

1. Лисицкий летописец 1450 г. и Новгородская вторая летопись

Как отметил В. К. Зиборов, текст Н2 «можно разделить на две части: до XVI в. и после. Источниками первой части являются: Летопись Новгородская I младшего извода, Лисицкий летописец и другие новгородские летописи...»[36]. Это замечание достаточно полно характеризует состояние изученности вопроса. Н2 существует в двух списках (РГАДА. Собр. МГАМИД. № 62/85, конца XVI – начала XVII в. и РНБ, Q.IV.213, начала XIX в.), но поскольку второй список является сделанной для Н. М. Карамзина копией с первого, остановимся подробнее лишь на характеристике древнего списка.

[34] *Семенов А. И.* Лисицкий монастырь – пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 369–373.

[35] См. библиографию и обзор литературы: *Зиборов В. К.* Летопись Новгородская II // Словарь книжников. Вып. 2. Ч. 2. С. 51, а также новейшие работы: *Новикова О. Л.* 1) Об одном источнике Новгородской второй летописи (К вопросу об особенностях новгородского летописания середины XVI в.) // Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: Материалы конференции (Ярославль, 7–9 октября 1998 года). Ярославль. 1998. С. 66–72: 2) Новгородские летописи XVI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 18-20.

[36] *Зиборов В. К.* Летопись Новгородская II. С. 51.

Рукопись была описана в Предисловии к изданию в т. 30 ПСРЛ[37]. Содержит она 184 л. и написана разными полууставными почерками конца XVI – начала XVII в. Состав Н2 не вполне обычен для летописи: она написана без соблюдения какой-либо хронологической последовательности событий, а к тому же переплетена в некоторых случаях с перебивкой листов. Попытки вычленить в тексте Н2 возможные следы использования Лисицкого летописца 1450 г. приводят к выделению некоторых отдельных комплексов летописных известий.

Так, например, один из них, переписанный на л. 52–59 об., содержащий известия 1354-1424 гг., в принципе мог бы восходить к утраченному Лисицкому летописцу 1450 г., но этот ряд завершается записью, очевидно, скопированной с использованного списка: «В лѣто 7000 шездесятого. Мѣсяца октября в 17 день в суботу написана сии тетратрать (sic!) Федши волосного диака». Содержащиеся в этом комплексе известия, бесспорно, восходят к Н4. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие примеры:

а) Под 6914 (1406) г. читаем: «Брак бысть Матфѣю Михаилову маиа в 23 день» (л. 52). Это известие имеется только в Н4.

б) Под 6920 (1412) г. читаем: «...ѣзди владыко Иван на Москву к митрополиту Фотѣю, и тамо преставись Иаким диакон мѣсяца марта 9, и положен бысть в манастыри святого Иоана Златоустаго» (л. 52 об.). Вся вторая часть этого известия читается только во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК2) и Н4.

в) Весь рассказ о восстании Степанки 1418 г. изложен по Н4 (л. 54 об.–58).

Наличие прямого указания на источник (тетрадь Федши 1551 г.) позволяет утверждать, что эти известия не были выписаны из Лисицкого летописца 1450 г.

Далее в Н2 еще неоднократно встречаются выписки из Н4. Так, например, в тетради на л. 67–74 содержатся известия 989-1409 гг., включая характерные именно для Н4 сообщения 1330, 1331, 1371 гг. Следующая тетрадь на л. 75–81 также содержит выписки из Н4 (включая характерные именно для Н4 известия 1321, 1403 гг.), причем в распоряжении у книжника был список Н4, продолженный известиями до начала XVI в., следовательно, это также не был Лисицкий летописец 1450 г. Вероятно, к Н4 восходят также известия на л. 93 (о пожаре в Лисицком монастыре, 1392 г.), на л. 99 (о смерти Наума крилошанина, 1416 г.) и некоторые другие, но все они находятся в окружении выборок, относящихся ко второй

[37] ПСРЛ. Т. 30. С. 5–6.

половине XV–XVI в., что свидетельствует о том, что они не могли быть выписаны из источника 1450 г.

Сама запись о просмотре Лисицкого летописца, однако, также находится (на л. 147 об. – 148) в окружении известий XVI в., которые, естественно, не могут восходить к этому памятнику. Единственное известие, видимо, заимствованное из интересующего нас источника, отделено от сообщения о просмотре 5 февраля 1572 г. Лисицкого летописца всего лишь одним днем и одной фразой («Да того же мѣсяца февраля въ 6 горило в Новигородѣ на Славкове улицы, згорило три двора»). Далее следует такой текст: «Клали жеребьи в Софии на престоли на Благовѣщенского манастыря игумена Перфирия, да на Рожественьского манастыря Афанасья игумена с Поля, да на Спасъкого монастыря с Хутыни игумена Ивана о владычестви Навгороцьком. И остася жеребии Иванов на престолѣ. Ивана владыкою поставили в Новигороди, а вынесъ жереби из церкви протопопъ въладычень Измаило» (л. 148–148 об.).

Этот рассказ относится к 1388 г. и изложен в Н1мл., НК2, Н4 и Н5 значительно подробнее. Думается, здесь в Н2 не выписка из источника, а его сокращенный пересказ. Заметим, однако, что ни в одной из названных летописей нет дополнительного уточнения об игумене Рождественского монастыря: «с Поля». Такое уточнение вполне могло находиться в списке Лисицкого летописца, ибо монастырь на Лисьей горе также был Рождественским, и для писца было важно указать, что в источнике упоминается другая обитель.

Некоторые детали сближают выписку Н2 с текстом НК2. В Н1мл. (и следующей за ней в этом разделе Н5) читаем «игумена святого Благовѣщениа», а в НК2 – «игумена Благовѣщенскаго» (ср. в Н2: «Благовѣщенского манастыря игумена»); точно так же вместо чтения Н1мл. – Н5 «игумена святого Рожества» в НК2 находим «игумена Рожественаго» (ср. в Н2: «Рожественьского манастыря игумена»). Кроме того, в НК2 есть чтение «...а Иванов остася на престолѣ» (ср. «...остася жеребии Иванов на престолѣ» в Н2), в то время как в Н1мл. – Н5 аналогичное чтение выглядит совсем иначе: «...(о)стави жеребеи его на престолѣ своем».

Вряд ли известие о выборах 1388 г. в Н2 может быть возведено и к Н4. В Н4 отличается от схожего в НК2 и Н2 другое чтение: если в НК2 находим «протопоп Измаило *вынесе* жребии» (ср. Н2: «*вынесъ* жереби из церкви протопопъ въладычень Измаило»), то в Н4: «протопопъ Измаило, вземъ с престола, *изнесе* на вече жребеи». Известие 1388 г. в Н2 вряд ли восходит к Н4 и потому, что там добавлены отчества кандидатов на избрание, на которые составитель выписки должен был бы обратить внимание.

Таким образом, выпиской из Лисицкого летописца 1450 г. в Н2 следует считать только известие о выборах архиепископа в 1388 г., причем сопоставление текста этого сообщения в Н2 и других новгородских летописях показывает, что некоторыми мелкими чтениями оно сближается с НК2.

О том, что Лисицкий летописец 1450 г. не являлся «основным источником» Н2, свидетельствует также и то, что за период до 1450 г. на всем протяжении Н2 встречаются только два упоминания событий в Лисицком монастыре: пожар 1392 г. и строительство каменной церкви в 1393 г. В то же время не упоминаются: строительство деревянной церкви – 1389 г., «преставление» в Лисицком монастыре «владычня брата» Василия 1400 г., роспись каменной церкви – 1403 г., уточнение при упоминании Илариона, епископа коломенского, «...быв преже игуменом Лисицкои лавры» – 1406 г. и строительство церкви Варлаама Хутынского – 1410 г. Все эти сведения содержатся только в Н4 и, кроме двух - пожара 1392 г. и преставления Василия 1400 г., – в НК1 (л. 293, 300 об.) и НК2 (л. 393, 411 об., 413 об.). Если бы действительно составитель Н2 использовал Лисицкий летописец 1450 г. как основной источник (который должен был бы содержать эти статьи, известные Н4), вряд ли он сократил бы 5 из 7 известий, связанных с этим монастырем. Таким образом, вероятнее всего, Лисицкий летописец лишь упомянут в Н2, из него сокращенно использовано известие 1388 г., но сам он не являлся одним из ее основных источников до 1450 г.

Какой же новгородский летописный свод мог быть переписан «повелинием... инока Геронтия» в Лисицком монастыре? Можно высказать осторожное предположение, подкрепленное текстологическим анализом выписки 1388 г. в Н2, что в этой обители в 1450 г. мог быть переписан протограф сохранившейся рукописи Новгородской Карамзинской летописи, содержащей две самостоятельные подборки известий (далее, соответственно, – НК1 и НК2). Предполагаемая связь обеих подборок с выходцами из Лисицкой обители (Варлаамом и Евфимием II)[38] позволяет думать, что списки этих сводов могли находиться в лисицкой монастырской библиотеке.

Более того, в связи с необычной структурой НК, состоящей из двух подборок летописных известий, обращает на себя внимание запись в Лисицком летописце 1450 г.: «Написа бысть сия книга в летописець». Употребление предлога «в» здесь кажется излишним, если не предположить, что название переписанной книги – «в̃ [2] летописець» (двойной

[38] *Бобров А. Г.* 1) Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 89–101; 2) Редакции Новгородской четвертой летописи. С. 107–136.

летописец). Вероятнее всего, так и должны были назвать летопись, содержащую НК1 и НК2. Несомненная причастность к созданию НК2 (а значит, и к бытованию НК1) бывшего в 1450 г. архиепископом выходца из Лисицкого монастыря Евфимия II позволяет объяснить, почему этот летописный памятник мог быть переписан «повелинием» дьякона инока Геронтия[39] именно в Лисицком монастыре.

3. Летописание последних лет Новгородской республики

Летописание последних лет существования Новгородской республики (6957 (1449) – 6985 (1477) гг.) отразилось в двух списках Н4: Строевском (далее – Ст.) и Синодальном (далее – С.)[40].

Известия последних лет правления Евфимия II (6957 (1449) – 6966 (1458) гг.) здесь весьма лапидарны, причем годовые статьи за 6985 (1450), 6959 (1451), 6960 (1452), 6964 (1456), 6965 (1457) гг. вообще отсутствуют. Летописец ограничился лишь самыми краткими известиями о строительстве часозвони (1449 г.), о смерти и захоронении Дмитрия Юрьевича (1453 г.), о строительстве церкви св. Михаила и о падении Царьграда (1454 г.), о строительстве колокольни и церкви св. Ильи (1455 г.). За последние 10 лет правления Евфимия Ст. и С. содержат лишь 4 очень краткие годовые статьи.

Так же нерегулярны летописные сведения Ст. и С. при преемнике Евфимия II – архиепископе Ионе. Пропущены полностью годовые статьи 6967 (1459), 6968 (1460), 6972 (1464) – 6974 (1466), 6976 (1468) гг.

Лишь начиная с 6978 (1470) г., когда архиепископом новгородским становится Феофил, летопись делается значительно более подробной (см. о летописании 1470-х гг. ниже). Вывод о затухании новгородского

---

[39] Нам не представляется невероятным отождествление лисицкого инока (в 1450 г.) Геронтия с митрополитом всея Руси Геронтием (до 1453 г. – архимандрит Симонова монастыря, в 1453–1472 гг. – епископ коломенский, в 1472–1489 гг. - митрополит всея Руси). О возможности такого отождествления говорит путь Геронтия по ступеням церковной иерархии, аналогичный тому, который проделал ранее Иларион (Лисицкий монастырь - Симонов монастырь - Коломенская епископия), а также существование «посоха владыки Геронтия», созданного новгородскими мастерами в 1462 г. (см.: *Бочаров Г. Н.* Резьба по кости в Новгороде: X–XV века // Древний Новгород: История. Искусство. Археология. М., 1983. С. 129–140). Характерно, что летописный свод 80-х гг. XV в., связываемый с именем митрополита Геронтия, содержит много отсутствующих в других летописях новгородских известий (рассказы из Жития Варлаама Хутынского, рассказ 1460 г. о том, как новгородский владыка Иона отговорил новгородцев от нападения на Василия II, об освобождении пленных новгородцев по просьбе владыки Феофила, о поездке Ивана III в Новгород, об отказе новгородского владыки Феофила от архиепископского престола; см.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 235–240).

[40] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1, вып. 2. С. 445-450.

летописания в 1447–1469 гг., однако, был бы ошибочным. Текст владычной летописи за последнее десятилетие правления Евфимия II и за весь период правления Ионы дошел до нас в достаточно полном виде в составе так называемой Летописи Авраамки.

3.1. Летопись Авраамки

Под названием Летопись Авраамки принято понимать текст, содержащийся в летописном сборнике, составленном в 1495 г. в Смоленске западнорусским книжником Авраамкой, а также совпадающий с ним в ряде других рукописей. Только в одном переписанном Авраамкой списке этого летописного памятника повествование продолжено до 1469 г., но и те списки, которые оканчиваются раньше (в 1382 или 1446 г.) или фрагментарны, но при этом текстуально близки в совпадающей части к списку 1495 г., также обычно называются списками Летописи Авраамки.

Летопись Авраамки (далее – ЛА) сохранилась в 6 списках:

1. **Виленский список**, 1470-е гг. (ЦБАН Литвы. F.22–49, л. 1–313 об.)[41] (с уникальными известиями за 1447–1469 гг.) – сокращенно обозначается В.

2. **Синодальный список**, конца XV в. (ГИМ, Синодальное собр. № 154, л. 32 об.–152 об.)[42] – сокращенно обозначается Син.

3. **Толстовский список**, начала XVI в. (РНБ, ОСРК, F.IV.156) – сокращенно обозначается Тол.

4. **Супрасльский список**, первой половины XVI в. (РГАДА, собр. МГАМИД, № 26–70)[43] – сокращенно обозначается Суп.

5. **Погодинский список**, XVI в. (РНБ, собр. Погодина, № 1570) – сокращенно обозначается Пог.

---

[41] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. [1–3]; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986 (далее–ПС XV в.). С. 78, № 318; *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // Krakowsko-Wileńskie Studia slawistyczne. Kraków, 1997. Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. T. 2. S. 75–79. В последнем, наиболее подробном, описании указано, что почерк писца Авраамки начинается с л. 436, а вся начальная часть рукописи датируется по филиграням не 1495 г., а 1460–1470-ми гг.

[42] Псковские летописи. Т. 1. С. 12–14 (1-я паг.); Описание рукописей Синодального собрания... Ч. 1. С. 135–136; ПС XV в. С. 308, № 3413.

[43] Текст этого списка был полностью опубликован М. А. Оболенским: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М.: Синод. типогр., 1836. 24, 172, 32 с.

6. **Тихановский список**, первой половины XVII в. (РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 201, л. 2–8 об.)[44] (отрывок за 1371–1375 гг.) – сокращенно обозначается Тих.

Основным и наиболее полным списком Летописи Авраамки является В. Состав этой рукописи, обнаруженной А. В. Рачинским в Полоцке[45], довольно сложен. Она содержит 450 л. и состоит из трех условно выделяемых разделов.

Первый раздел (л. 1–313 об.) содержит особую хронографическую компиляцию, доведенную до императоров Льва и Константина (начало утрачено)[46], и следующий за ней летописный свод новгородского происхождения от «начала Русской земли» до 6977 (1469) г.[47] Этот текст в свою очередь подразделяется также на три части, первая из которых, по мнению А. А. Шахматова, восходит к реконструируемому им гипотетическому «Краткому извлечению из Свода 1448 г.»[48]. Я. С. Лурье оспорил это мнение, показав, что некоторые чтения в этой части ЛА специфичны для Н4[49]. Далее, от 1309 г. до 1446 г., текст восходит к Н5[50], и наконец, заключительная часть текста (до 1469 г.), сохранившаяся только в списке В., представляет собой официальное летописание владык[51] Евфимия II (до 1458 г.) и Ионы Отенского (1458–1469 гг.)[52].

Второй раздел содержит летописный текст за 6453 (945) – 6496 (988) гг.[53] Издатели ПСРЛ (А. Ф. Бычков и К. Н. Бестужев-Рюмин) сочли,

[44] Описание: Псковские летописи. Т. 1. С. 10; Опубл.: Там же. С. 143–146.

[45] *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. М., 2000. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. С. V.

[46] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 1–33.

[47] Там же. Стб. 33–324.

[48] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 231–255.

[49] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 87–91.

[50] Зависимость ЛА от Н5 видна из следующего примера: составитель Н4, как известно, допустил дублировку нескольких известий под 1382 г. В начале этой годовой статьи он переписал сообщения о смерти отца Матфея Михайлова, о строительстве церкви Рождества на Поле и о приезде в Новгород владыки Дионисия Суздальского. Поместив далее Повесть о нашествии Тохтамыша, в конце ее он вновь повторил дословно известия из начала статьи. Эта дублировка (за исключением сообщения о смерти отца Матфея Михайлова) встречается в Н5, и именно в таком виде находим ее в ЛА.

[51] «Продолжение это, сильно отличающееся от соответствующей части Синодального и Строевского списков, содержит явные указания на то, что заимствовано из Софийского владычного свода: ср. подробное описание всех событий, связанных с новгородским архиепископом, скажем больше – рассказ касается только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка» (*Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 239).

[52] См.: ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190–224.

[53] Там же. Стб. 225–260.

что текст здесь представлен «в редакции, подобной той, которая вошла в состав Софийского временника (сл. ПСРЛ, V, 99–120)»[54], то есть С1, но А. А. Шахматов уточнил, что в этом отрывке содержится текст Н4[55].

Наконец, третий раздел сборника состоит из историко-юридических статей (в том же составе и в том же порядке, что и в Комиссионном списке Н1мл.) и перечней князей и иерархов[56].

Наибольший интерес в ЛА, конечно, представляют уникальные известия за 1447–1469 гг. Сопоставление этого текста с краткими сообщениями за те же годы в списках Ст. и С. показывает, что не краткий текст был распространен в ЛА, а, напротив, Ст. и С. сокращают первоначальный текст ЛА, причем не всегда удачно. Это доказывается следующим примером: в ЛА читаются два известия под 6962 (1454) г.: «Того же лѣта взяша Турци Царьградъ, и хрестьяньство погубиша, и святыя церкви разориша. Того же лѣта поставиша церковь камену у Святыхъ Апостолъ»[57] (во втором сообщении имеется в виду церковь Двенадцати апостолов на Софийской стороне, возле Чудинцевой улицы). Составитель протографа списков Ст. и С. соединил эти два известия следующим образом: «Того же лѣта взяша Турци Царьградъ, и хрестьяньство погубиша, и святыа церкви разориша, толко оставиша церковь каменну Святыхъ Апостолъ»[58].

В составителе анализируемой части ЛА можно видеть современника описываемых происшествий. Зачастую у него проявляется личностное отношение к событиям. Так, например, говоря о смерти Евфимия II, летописец добавляет: «Мнимъ его свята» (1458 г.); о нарушении мира между Псковом и немцами он замечает: «И не устоиша в томъ крестномъ человании не вѣмъ кто, Пъсковици или Нѣмьцѣ» (1463 г.); выпад против псковичей, бывших виновниками пожара, летописец смягчает самоуничижительным добавлением: «...по пьсковъскому невидѣнию и неразумию, и по худому ихъ величанию, якоже азъ писечъ многогрѣшнии всихъ людеи» (1466 г.).

С литературной точки зрения ЛА за 1447–1469 гг. является произведением незаурядным. Летописец охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов («тои день благъ, и свѣтелъ, и радостенъ»; «святителя честьна, смирена, благоумна»; «мужа честьна, проста и тиха»; «бысть дни

[54] Там же. С. [2].
[55] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 235–238.
[56] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 261–320.
[57] Там же. Стб. 194.
[58] ПСРЛ. Т 4, ч. 1, вып. 2. С. 445.

снѣжны, бурны, студены, бестравны» и др.); ритмизацию повествования и глагольные рифмы. Приведем несколько примеров:

«...а коневъ и скота много пригнаша, / а землю повоеваша, / и села пожгоша, / а сами приѣхаша / добры и здоровы» (1447 г.);

«...и животы пограбиша, / и у святыхъ церквеи двери выломаша, / и отъ иконъ круту отъимаша, / и всякую утварь сребряную и златую и ларцы разьбиша, / и много зла учиниша, / а Рушанъ почаша имати, / и бити, / и животовъ у нихъ сочити» (1456 г.);

«...а ины оружиемъ прободоша, / иному руцѣ и нозѣ отсѣкоша, / а иныя въ водѣ истопиша, / и многы мукы приемлюще, / бещисленыя язвы мучителя побѣдиша, / крови своя излияша / за друголюбие и за князя Василья Ярославича» (1462 г.).

Не вызывает сомнения тот факт, что автор известий ЛА за 1447–1469 гг. был официальным «владычным» летописцем, весьма искушенным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный «экспрессивно-эмоциональный» стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями («малъ вѣкъ, кратко время!»), цитатами из церковной службы и Священного Писания[59]. Известный только по изданию ПСРЛ более чем столетней давности и полузабытый медиевистами-литературоведами, этот текст, на наш взгляд, требует более пристального внимания будущих исследователей и нового комментированного издания.

3.2. Летописец епископа Павла

Летописец епископа Павла (далее – ЛЕП) – это довольно небольшой по размерам текст, занимающий всего 12 листов с оборотами формата фолио в сборнике, хранящемся в БАН, в собрании Доброхотова, № 18[60]. Этот сборник смешанного содержания, датируемый по филиграням второй половиной XVI в., назван так по имени своего прежнего владельца: он поступил в БАН в 1905 г. от епископа Павла Доброхотова.

Весь сборник переписан одним писцом. В языке имеются белорусские или западнорусские особенности. На л. 36 об. – 48 в нем содержится

[59] В будущих исследованиях стоит обратить особое внимание на некоторую неоднородность этого текста: начиная с 1458 г. он становится более литературно отделанным; в нем появляется значительно больше точных дат. В этой связи следует задуматься о возможном участии в его создании Пахомия Серба, вернувшегося в Новгород в 1458 г. и служившего своим пером архиепископу Ионе (см.: *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 167).

[60] Мне посоветовал обратить на него пристальное внимание В. Л. Янин, за что я ему искренне признателен.

текст, до сих пор не публиковавшийся, который озаглавлен в рукописи так: «Летописец руских князеи и земли рускои» (см. текст этого летописца в разделе Приложение настоящего исследования). Повествование в нем хронологически обнимает период от начала русской истории до 1461 г. Впервые обратил на это произведение внимание и привлек к анализу А. А. Шахматов, посвятивший ему специальную главу в «Обозрении русских летописных сводов XIV–XVI вв.»[61].

Основные его выводы таковы: ЛЕП представляет собой краткую выборку новгородских известий, созданную в Новгороде в 60-х гг. XV в. на основе двух источников – так называемого «Краткого извлечения из Свода 1448 г.» и (в меньшей степени) из Хронографа. «Краткое извлечение из Свода 1448 г.» А. А. Шахматов реконструировал на основе сопоставления ЛЕП с Летописью Авраамки (в части до 1309 г.) и Рогожским летописцем (в части до 1288 г.). Известия ЛЕП после 1448 г., по мнению А. А. Шахматова, могли быть взяты из продолжения «Свода 1448 г.», ведшегося при дворе новгородского владыки. В статье для «Нового энциклопедического словаря» А. А. Шахматов кратко повторил приведенные выводы, заменив лишь название «Свод 1448 г.», от которого он отказался, на название «Новгородский Софийский свод»[62].

Основные положения А. А. Шахматова поддержал Д. С. Лихачев[63], однако Я. С. Лурье оспорил эту гипотезу[64]. Сравнивая тексты рассказа о битве на Калке в Рогожском летописце (далее – Рог.), ЛА и других летописях, исследователь обнаружил черты вторичности повествования в Рог. – ЛА по отношению к Н1 и С1, совпадающие, однако, с Н4: Мстислав Галицкий назван «Черниговским», а дары половцев вместо «вельблудов, буволов и девок» обозначены как «злато и паволокы». Следовательно, полагает Я. С. Лурье, мы имеем основания считать, что общий источник Рог. и ЛА – это текст, близкий Н4, а оснований реконструировать «Краткое извлечение из Новгородско-Софийского свода» в данном случае нет. По мнению исследователя, «еще меньше могут пригодиться для такой реконструкции кратчайшие выборки известий в сборнике епископа Павла», которая состоит почти полностью из «известий о новгородском строительстве и внутренних происшествиях, специфичных для Н4 и отсутствующих в С1»[65]. В совместной статье 1976 г. Б. М. Клосс и Я. С. Лурье так

[61] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 302–310.
[62] Там же. С. 368.
[63] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 467–468.
[64] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 87–91.
[65] Там же. С. 91.

сформулировали свой вывод: текст ЛЕП основан на Н4, но дополнен по другим источникам[66].

Если к приведенному обзору исследований добавить еще подробное описание рукописи из собрания Доброхотова, № 18, опубликованное в 1965 г. А. И. Копаневым, М. В. Кукушкиной и В. Ф. Покровской[67] (где, кстати, вопреки всем остальным авторам, писавшим о ЛЕП, рукопись на основании анализа филиграней датируется не XVII в., а второй половиной XVI в.), то историю вопроса можно считать исчерпанной.

Подводя итоги, заметим, что, во-первых, некоторые текстологические выводы А. А. Шахматова в настоящее время отвергаются современными исследователями (например, о Русском Хронографе как источнике ЛЕП – в связи с пересмотром его датировки), а, во-вторых, основной текстологический аргумент Я. С. Лурье в пользу вторичности по отношению к Н4 Рог. и близких ему летописей не имеет прямого отношения к ЛЕП, так как рассказ о битве на Калке в рассматриваемом памятнике вообще отсутствует.

Итак, состояние вопроса таково, что текст ЛЕП еще нуждается в детальном анализе для определения его места в истории летописания.

Сопоставление текста ЛЕП с другими новгородскими летописями (Н 1, НК1, НК2, Н4, Н5), а также с ЛА и Софийской первой летописью (далее – С1) показало, что, несмотря на свою краткость, этот памятник содержит ряд чтений (целых известий, мелких уточнений либо даже отдельных слов), противопоставляемых чтениям остальных летописных памятников. Чтения ЛЕП в части до 1424 г. оказываются не вторичными, а первоначальными по отношению к Н4. Приведем следующие примеры, позволяющие предположить вторичность Н4 по отношению к ЛЕП:

1. В ЛЕП о церкви св. Дмитрия на Славкове ул. говорится сначала под 1381 г. («заложили»), а потом под 1382 г. («доконали... и за мало падеся»), и наконец, в соответствии с Н1, под 1383 г. – об окончательном завершении. В Н4 все три известия объединены в одно, под 1381 г.: «заложиша... и за мало днии падеся».

2. В ЛЕП о церкви Рождества на валу также говорится дважды – сначала под 1381 г. о закладке, потом под 1382 г. – о завершении. В Н4 – только о завершении («свершиша») под 1382 г.

3. Аналогичным образом ЛЕП в соответствии с Н1 сообщает сначала о закладке церкви св. Филиппа (1383 г.), а потом об окончании строительства («поставили» – 1384 г.). В Н4 содержится только первое известие (1383 г.).

[66] *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв. С. 93.

[67] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. С. 133–137.

4. Под 1414 г. в ЛЕП сообщается: «Была болесть на людех костолом». Н1 сообщает о том же, но несколько иначе: «Бе болезнь крестианом тяжка». Текст Н4 контаминирует оба варианта: «Бе болезнь крестьяномъ тяшка, костолом».

Можно отметить целый ряд случаев, когда составители НК2 и Н4 использовали чтения ЛЕП, отличающиеся от Н1 и С1 (о нашествии татар на Переяславль – 1388 г., о том, что владыка Иоанн находился в Москве три с половиной года – 1404 г., о том, что наводнение на Волхове снесло 20 «городен» моста – 1421 г. и др.). В то же время многие чтения ЛЕП (о природных явлениях в Новгороде и о строительстве некоторых церквей) не показались составителям Н4 достойными внимания.

Достоверность одного из таких уникальных известий ЛЕП может быть подтверждена: под 1424 г. встречаем запись – «гибло солнце». Действительно, проведенные исследователями астрономические вычисления подтверждают факт солнечного затмения 26 июня 1424 г.[68] Характерные для ЛЕП избыточные по сравнению с другими летописями сведения местного новгородского происхождения группируются, главным образом, в хронологических рамках второй половины XIV – первой четверти XV в. Но если бы особенностью ЛЕП были бы только чтения такого рода, наверное, А. А. Шахматов не затруднился бы определить наш памятник как краткий новгородский летописец, частично использованный при создании Н4 и продолженный до 1461 г. Тогда не нужна была бы ни гипотеза о сокращении «Краткого извлечения из Новгородско-Софийского свода», ни предположение о влиянии на ЛЕП Русского Хронографа.

А. А. Шахматов, однако, отметил наличие в ЛЕП неновгородских известий, которых не знают другие новгородские летописи. Исследователь привел три таких примера, которые и послужили базой для его построения. В полном же виде перечень примеров такого рода выглядит так:

1425 г. – К сообщению о смерти великого князя Василия Дмитриевича добавлено: «...а был 36 лет». Ср. в С1: «...а был на великом княжении лет 36».

1426 г. – «Василеи Васильевич седелъ на великом княженьи». Ср. в С1: «Василии Васильевич седе на великом княжении».

1426 г. – «Того лета мор был на Москве». Ср. в С1: «...бысть мор во всех градехъ русьскых».

1429 г. – «Тое зимы взяли татарове Кострому Галич на Крещенье».

1430 г. – «Была у Литве у озере Троцком кровь».

1430 г. – К сообщению о смерти Витовта добавлено: «...и был лет 38».

[68] *Бережков М. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 301.

1431/32 г. – сообщение о поездке в Орду князей Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича приведено без характерной для новгородских летописей дублировки.

Действительно, по смыслу (хотя и не дословно) все эти сообщения находят соответствие в С1. Но, несмотря на этот факт, возведение всего текста ЛЕП к протографу С1 представляется ошибочным по следующим соображениям:

1. Все случаи, которые приведены выше, укладываются в хронологические рамки 1425–1432 гг. Невозможно представить себе, чтобы составитель ЛЕП сократил все восходящие к общерусскому летописанию известия за остальные годы и оставил только эти.

2. Приведенные известия нельзя рассматривать как совсем неизвестные новгородскому летописанию. Сообщение о вокняжении Василия Васильевича с другим порядком слов встречается в НК2 (1426 г.); три известия за 1429–1430 гг. содержатся в Н4; наконец, сам характер дублировки известия о поездке в Орду князей 1432 г. новгородских летописей предполагает возможность ее устранения, осуществленную, в частности, в Н4.

Таким образом, те известия ЛЕП, которые А. А. Шахматов возводил к «Краткому извлечению из свода 1448 г.», должны быть возведены к новгородскому источнику ЛЕП (типа Н4). После 1432 г. дополнительные сведения ЛЕП становятся уже чисто новгородскими и в ряде случаев представляют не только текстологический интерес. Приведем один пример. Как известно, владыка новгородский Евфимий II был поставлен в архиепископы митрополитом Герасимом, который находился в Смоленске. Новгородские летописи сообщают об этом так: «Поеха на поставление». Текст ЛЕП заметно отличается: «А владыка Евфимеи сышолся в Литвѣ».

Итак, мы пришли к следующим предположениям. По нашему мнению, в своей основе ЛЕП – это краткий новгородский летописец. Время создания его протографа определяется четырьмя признаками.

1. В предваряющем текст памятника родословии русских князей последними названы сыновья Василия Дмитриевича – Юрий, Иван и Василий. Младший из них – Василий – родился в 1415 г., однако он не назван еще великим князем, что предположительно указывает на время до 1425 г.

2. Цепочка оригинальных новгородских известий в тексте ЛЕП прерывается в 1424 г.

3. Как мы пытались показать ранее, внесение в новгородские летописи статьи о родословии русских князей (которая имеется в ЛЕП) относится ко времени владыки Феодосия (1421–1423 гг.).

4. Использование текста протографа ЛЕП составителем Н4 говорит, согласно нашим представлениям, о том, что это могло произойти не позже 1430–1431 гг.

Совокупность этих признаков позволяет предположить, что основная часть памятника (протограф ЛЕП) была завершена в 20-х гг. XV в., вероятнее всего, около 1424–1425 г. Последующая часть ЛЕП составлялась, видимо, на основе не дошедшего до нас списка Н4ст. и была продолжена до 1461 г.

Из сказанного следует, что ЛЕП нельзя пренебрегать как поздним, вторичным либо сокращенным ни при изучении истории летописания, ни при изучении собственно новгородской истории[69].

3.3. Летописание 1470-х гг.

«Эстафету» официального новгородского летописания после окончания ЛА на известии 6977 (1469) г. о пожаре («Тои же весны, по Велици дни, на Щеркови улици загорѣша дворы. Якоже милость Божия, тако и наказъ, а умножаи не умножи, а малаго не умали»)[70] подхватывают списки Ст. и С.

Весьма краткие в части 1447–1469 гг., они содержат подробный рассказ о событиях 1470–1476 гг. Стиль летописи вновь становится деловым и информативным; очевидно, что этот текст принадлежит не тому автору, который создавал заключительную часть ЛА. Более того, нет никаких ясных указаний на «владычный» характер летописи. Архиепископ Феофил, избранный на место умершего в 1470 г. Ионы, упоминается на всем

[69] Следует сказать о записи, завершающей текст ЛЕП. Вот как ее прочитал А. А. Шахматов: «В лето 6929 (1421), круг солнцу 17, а луне 17, индикта 14, переписаны лета о немецкомъ побитьи, о татарском и о великомирском; ино изочтено немецкому побитью 70 лет и лето вышло, а татарскому побитью 82 лете. По матце Божьеи опошнеи назавтрее». Комментируя эту запись, А. А. Шахматов заметил, что под татарским побитьем имеется в виду поход Товлубия под Смоленск, бывший в 1339 г., т. е. за 82 года до 1421 г.; что разумеется под немецким побитьем – неизвестно; «неясны также последние слова этой приписки». Справедливо заметив, что под «Вилкомирском побитьи» разумеется сражение при Вилькомире 1435 г., исследователь не придал значения противоречию между этой датой и прочитанной им в начале записи – 1421 г. Б. М. Клосс и Я. С. Лурье, воспроизведя эту запись без исправлений по сравнению с А. А. Шахматовым, заметили, что вместо 6929 (1421) г. следует читать 6989 (1481) г., так как именно в этом году исполнилось 71 год со времени Грюнвальдского сражения и 82 года – от битвы Витовта с Темир-Кутлуем. Это верно тем более, что в рукописи как раз и стоит «п», а не «к» – т. е. именно 6989 г. Мнение исследователей, что список ЛЕП восходит к протографу 1481 г., представляется, однако, небесспорным – ведь речь в записи идет о переписанных «летах», содержащих описания перечисленных сражений, а в ЛЕП битвы при Грюнвальде и Вилькомире даже не упоминаются. Вероятнее всего, запись попала в конец ЛЕП по недоразумению, случайно и к нему не относится.

[70] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 224.

протяжении повествования только 3 раза, там, где не упомянуть его было просто невозможно: при возведении на кафедру (1470 г.), при заключении Коростынского мира с Москвой (1471 г.) и при «поставлении» в архиепископа в Москве (1471 г.).

В описании Шелонской битвы 1471 г. летописец даже, кажется, осуждает действия архиепископской дружины: «...коневаа рать не пошла к пѣшеи рати на срокъ в пособие, зане же владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: „владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути; послалъ насъ владыка на Псковичь“»[71]. Складывается впечатление, что составитель известий ЛА за 1447–1469 гг. был последним «владычным» летописцем, а с 1470 г. ведение летописания передается в руки магистрата. Возможно, конечно, что «владычная» летопись за последние годы новгородской независимости существовала, но просто не дошла до нас.

В центре внимания летописи по спискам Ст. и С. за 1470–1476 гг. находятся новгородско-московские политические отношения, военные действия, пожары, а также метеорологические и астрономические явления. Лишь однажды летописец отступает от делового стиля изложения, поднимаясь до высокой патетики, – при осуждении «перевѣтника» Упадыша, заколотившего железом 5 пушек во время столкновения с Москвой 1471 г. Риторически обращаясь к уже казненному Упадышу, он восклицает: «Како не вострепета, зло мысля на Великии Новъгородъ, не сытыи лукавъства? На мьзды ли предаеши врагомъ Новъгородъ, о Упадыщче, сладкаго брашна вкусилъ въ Великомъ Новѣградѣ? О, колика блага не памятивъ, недостаточное ума достиглъ еси! ...И злочтивому злочтивая пагуба. Уне бы ти, Упадыше, аще не былъ бы во утробѣ матерьни, не бы былъ нареченъ предатель Новуграду»[72].

Завершаетя летописный текст Ст. и С. известием об очередном пожаре: «В лѣто 6985. Тои осени, септябряᵃ 21, бысть пожар: от Розважи улици погорѣᵇ и до Борковиᵛ улициᵍ, побережье все и до Великои улици, и Марфиᵈ посадницеᵉ дворъ. Арипъ*»[73].

Если дату 21 сентября 6985 г. считать приведенной по сентябрському летосчислению, то она будет соответствовать 21.09.1476 г.[74] Дальнейшие драматические события хорошо известны. Новгородские летописные

[71] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 446.

[72] Там же. С. 448.

ᵃ семтября въ *С.* ᵇ *Нет С.* ᵛ Борковѣ *С.* ᵍ улицѣ погорѣ *С.* ᵈ Марфѣ *С.* ᵉ *Доб.* чюдныи *С.* * О Христи Исусѣ аминь *С.*

[73] Там же. С. 450.

[74] Возможно, однако, здесь использован мартовский счет, более традиционный для новгородцев. В таком случае последняя запись независимого новгородского летописания

источники о событиях 1477–1478 гг. не сохранились, лишь в Устюжской летописи (далее – Уст.) содержится одно уникальное известие под 6985 (1477) г. Я. С. Лурье отметил, что совпадение Уст. с известными нам новгородскими летописями заканчивается 6979 (1471) г., «однако под 6985 г. в Уст. читается еще один рассказ, посвященный новгородским событиям, но неизвестный по новгородским летописям, – о посольстве Ивана III в Новгород и о волнениях в городе накануне его окончательного присоединения к Москве»[75]. Этот небольшой, но выразительный текст заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью:

«В лѣто 6985. В Новѣгородѣ Великом бысть пожар силен: 15 церквеи згорѣло, а 3 каменные разсыпалися, а над городом, яко солнъце красно стояло. Тое же осени от великаго князя посол Федор Давыдовичь. И ста на вѣчи и рече слово: „Бояре новогородски и весь Новъгород, приходил к великому князю ваш подвоискои Назареи и дьяк ваш вѣчнои, и ркуще тако: новгородские посадники, и тысяцкие, и весь Великии Новъгород наркли князеи великих себѣ Ивана Васильевича и сына его Ивана Ивановичя государем Новугороду; вы чем великих князеи имѣете?“. И тако рькли чернь: „Мы с тѣм не посылывали, то посылали бояря, а народ того не вѣдает“. И начаша народ на бояр за то злобу имѣти. И Федора Давыдовичя отпустиша ни с чѣм. Меж собою в брани, и в том на вѣчьи убиша Василья Никиферовичя, а иные розбѣглися. В то же возмущение убиша 2 посадника: Захарью Григорьевича да брата Козму, а сына Кузьмина замертво оставиша, а Луку Федорова да Фефилата Захарьина, изымавше, посадиша за сторожи. И потом приведше их на вѣчье и пожаловаша их, и целовали крест, что им хотети добра Новугороду»[76].

Как и в тексте Ст.–С. за предыдущие годы, здесь совершенно не видна роль в описываемых событиях архиепископа и «Дома святой Софии». Ясно, что в Уст. дошел до нас фрагмент не «владычного», а городского летописания. Очевидно, перед нами последняя запись последнего летописца Новгородской республики: «...после окончательного присоединения города это летописание уже не продолжалось»[77].

была сделана буквально за считанные дни до надвигавшейся катастрофы – падения республики и потери независимости.

[75] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 196.

[76] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 91–92.

[77] *Лурье Я. С.* К истории присоединения Новгорода в 1477–1479 гг. // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 94.

О дальнейших событиях 1477–1478 гг., закончившихся тем, что «вечнои колокол сняли долов и на Москву свезоша»[78], мы узнаем уже не из новгородских, а из московских и псковских летописей[79].

3.4. Летописание 1490-х гг.?

Существует гипотеза о ведении летописи в Новгороде при архиепископе Геннадии, в 90-х гг. XV в. Я. С. Лурье высказал предположение, что «источником Новгородской Хронографической летописи и сходных с нею в этой части летописей (до 1491 г.: «Сокращенного свода 1495 г.», Новгородской Уваровской летописи, Новгородского свода 1539 г. – *А. Б.*) был великокняжеский свод второй половины 90-х годов (с дефектом в изложении 6999 г. и последующих годов) в какой-то редакции, связанной с архиепископом Геннадием Новгородским»[80]. Исследователь отметил, что во всех указанных летописях под 6999 (1491) г. читается дополнительный рассказ о соборе на еретиков, подчеркивается роль Геннадия и описывается знамение в Новгороде[81].

В любом случае, принимать ли гипотезу Я. С. Лурье или нет, этот летописный текст относится уже совсем к другому жанру: это не летопись Новгородского государства или епархии, а личный, частный летописец, точнее, даже два частных летописных известия (о соборе на еретиков и о знамении) внутри одной обширной годовой статьи 6999 (1491) г.

Яркое и самобытное явление литературной, культурной и политической жизни Новгорода – его летописание – не смогло пережить саму республику. То новгородское летописание, которое вновь появится в XVI в., будет уже совсем другим, утратившим связь с политикой, с живыми веяниями эпохи, оно будет скорее бытописательским и церковно-историческим.

Летописи Великого Новгорода последних трех десятилетий существования республики сохранились, по большей части, в единичных списках. Если Н4 известна в 10, а Н5 – в 15 рукописных копиях, то Лисицкий летописец 1450 г. вообще не дошел до нас, и мы можем лишь предположительно установить его состав; ЛА сохранилась в 6 списках, но только один сберег для нас уникальные известия 1447–1469 гг. Лишь в 2 списках (Ст. и С.) дошло до наших дней новгородское летописание 1470-х гг., а единичное летописное известие самого последнего года независимости, подобно

[78] Псковские летописи. Т. 1. С. 75.

[79] *Лурье Я. С.* К истории присоединения Новгорода... С. 89–95.

[80] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 251.

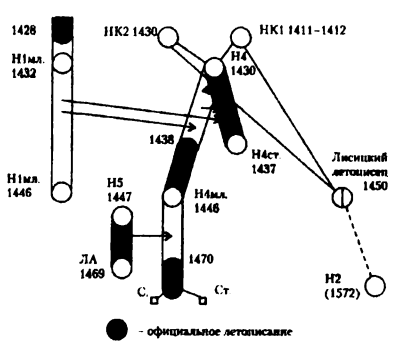
[81] *Лурье Я. С.* Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 176–178. См. этот текст: ПСРЛ. Т. 4. С. 158–159.

осколку разбитой посуды, обнаруживается в далеком Устюге. По всей видимости, мнение Н. Н. Яниша о том, что после падения республики новгородские летописи сознательно уничтожались победившей стороной[82], может быть принято, хотя и на другом материале, чем полагал исследователь.

Высокий трагизм накладывает отпечаток на все события и произведения последних десятилетий эпохи республики. Для летописания и других литературных жанров наступила пора последнего расцвета. Потеряв независимость, Новгород надолго еще сохранил особенности своей культуры, а Русский Север унаследовал и сберег их.

Еще П. М. Строев заметил: «Двиняне, Онежане, Пинежцы, Важане мало изменились от времени и нововведений: их характер свободы, волостное управление, образ селитьбы, пути сообщения, нравы, самое наречие, полное архаизмов, и выговор невольно увлекают мысль в пленительный мир самобытия новгородцев. Скажу более: Двина и Поморье суть земля классическая для русского историка. Только там можно постигать вполне народный дух наших предков и физиогномию естественную и государственную древней России. Самые новгородские и другие северные летописи делаются вразумительнее во многом»[83].

Судьба летописания Великого Новгорода оказалась неразрывно связана с судьбой самой республики, пережить которую ему было не суждено. Новгородское летописание XV в. именно потому и останется уникальным памятником истории и литературы, что его питали независимая политика Новгородского государства и споры, происходившие и на вече, и в монашеских кельях.

Стемма взаимоотношения летописей

[82] *Яниш Н. Н.* Новгородская летопись и ее московские переделки // ЧОИДР. 1874. Кн. 2, отд. 1. С. 1–96 (то же отд. изд.: М., 1874. 96 с.).

[83] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 198.

Приложение

ЛЕТОПИСЕЦ ЕПИСКОПА ПАВЛА[1]

(БАН. Собр. Доброхотова. № 18. Л. 36 об. – 48)

Л. 36об. **Летописец руских князеи и земли рускои.**

И был язык словенескъ от племени Афетова, называемыи Иноречии, иже суть словяне. По многих же временех сели есть словяне по Дунаеви, где теперь есть Угорская земля и Болгарская, от тых словяне розышлись. Волотом бо нашедшим на Дунаиския словянци, и седшим им у них, и насилующими. Славяне же пришедше и сели на реце Висле, по Днепру, и назвались Поляне, а иншии сели в лесех, и назвались Древляне, а иншии сели мижи Двиною и Припетью, и назвались Дрегвицы, а иншии Полочане реки для Полоты, што течет у Двину.

О Новегороде.

Славяне же пришодши з Дуная, и сели около озера Илменя, и прозвались своимъ имянем, и уделали город, и назвали его Новгород, и пасадили старшим Гастомысла, а иншии сели по Дисне, и по Семи, по Суле, и такъ разышолся словенескии язык. Про то же и грамота празвалась словенска. Поляном же живущим особе по городом тым.

О дорозе.

И была дорога из варягъ у греки по Днепру и у верхъ Днепра, увоити у Волмень озеро великое, из него же течет Волхов, и течет у озеро Великое Неву, и Невою течет у море Варяжское, и па тому // мору доити Рима,
Л. 37 а от Рима по тому же мору приити к Царюгороду.

А от Царигорода приити у Понтское море, которое же течетъ река Днепръ. Днепръ бо патеклъ изь Оковскаго леса[2] и потек на полудень, а Двина же идет с того же леса на полночь. И увашла у море Варяжское, а Днепръ потеклъ у Понтъ море. А Волга потекла ис того же леса на всток, и течет у Хвалитское море 70-ми устью. Про то же из Руси по Волзе может ити у Болгари и во Хвалисы на всток, доити во жребии Симов, а по Двине у варяги, а из варяг до Рима, от Рима же до племяни Хамова.

[1] Текст подготовлен по правилам, принятым в ТОДРЛ. Киноварные написания рукописи передаются полужирным шрифтом.

[2] *В ркп.* лела.

О Киеве.

Поляном живущим особе и обладающимъ роды своими на своих местех. И были три браты: Кыи, Щокъ, Хорив; и учинил Кии город на горе у свое имя Киев, а Щок селъ на горе, где теперь Щековица, а Хорив сел на горе, от него же прозвалась Хоровица. Кию же княжившу в роде своемъ, и живот свои кончал, и братья его. И почал род ихъ у полянех княжити[3], а у дремянех свои, а в Новегороде свои, а на Полоте полочане, от них же кривицы, што седят верхъ Волгы и верхъ Двины, и верхъ Днепра, их же есть город Смоленескь, таже Север[4] от нихъ. А на Беле озере седят весь, и на Ростовском меря, а на Клещине меря же. По Оче[5], где утекла у Волгу, и седит мурома, язык свои, мещора, свои, мордва, свои, авручи, свои. От словен же назвались древляне, радимичи же и вятицы. От ляхов и древяне // и поляне вси жили у миру. Держали же дань варязи иза моря Л. 37 об. на чуди и на словяне, а козари держали на полянех по беле з дыма.

В лето 6370 [862] выгнали варяги за море и не дали им дани, и почали сами в собе володети, и не было в ных правды, и востал[6] род на род, и были в них усобицы, и почали воевати сами на себе, и решыли сами в собе: «Паищемъ сами в собе, штобы володел нами и судил право». Пошли за море к варягом и выбрали три браты з роды своими: один Рурикъ, што седел у Новегороде, другии Синеусъ – на Белеозере, третии Трувор, брат его. И принял волость один Рурик, и роздал городы мужам своим. И были у него два мужа: Аколдъ и Дир, и таи изпрасились к Царюгороду с вои, и вселились у Киеве, и пачали валодети Палянскою землею.

В лето 6374 [866] почол Аскольдъ и Дир на греки у 200 людеи.

В лето 6377 [869] крещена есть земля Болгарская.

В лето 6384 [876] Михаилова царства 24 лета. Кончался великии круг.

В лето 6387 [879] переставился Рурик, предал княженье Олгови от рода своего, и сына своего Игоря[7].

В лето 6388 [880] пошол Олгъ, поимав слуги многи, и взял Смоленескъ, и пасадилъ мужи свои, и пришол к горам Киевским, и, оболгав, убил Осколда и Дира, и сел у Киеве княжити, и уставил дань словенам и кривицам, и уставил дань варягом от Новагорода 300 гривен на лето, миру для.

---

[3] *В ркп.* стяжити.

[4] *В ркп. над строкой скорописным почерком XVIII–XIX вв. доб.* северъ – северяне.

[5] *В ркп. над строкой скорописным почерком XVIII–XIX вв. доб.* Ока – река.

[6] *В ркп.* воал

[7] *В ркп.* Исоря.

В лето 6391 [883] пашол Олегъ на древляны и на северы, и узлажил
Л. 38 на них дань // по чорнои куне[8].

В лето 6405 [897] седели словяне по Дунаеви, угри, морова, и у дунаиских болгарех крещением и князем их Растиславу, Святослав, Кочет, послали к царю Михаилу, говоряче: «Земля наша крещена вже, но нет у нас учителя[9], иж бы протолковал святые книги. Не разумеем бо ни греческому языку, ни латынскому». И паслал царь два брата филосова Мефедия и Костянтина у словенскую землю, и почали изставляти писанья азбуки на славенские, и перелажили Апостолъ и Евангелии, и Пъслтыри, и Охтаики, и все книги от греческого языка на словеньски язык за 6 месяцов.

В лето 6414 [906] пошол Олегъ на греки, и было у него слуг много без числа, и было их 2000 корабли, и велел уставляти корабли на колеса, и успели переже, и пошли корабли по полю к городу, и взяли дань по две гривне на человека[10], а в корабли по 40 муж.

В лето 6419 [911] умер Олегъ, княжив лет 33.

В лето 6448 [940] пашол Игорь на греки у 1000 кораблев, и была велие (?), и отняли от них греки, а русь иншии у мори истонули, а иншии отошли.

В лето 6453 [945] пашол Игорь на древляны и приложил на них к дани дань, и убили его, а княжил лет 34.

В лето 6455 [947] пошла Олга на древляны, извоевала их и дань взяла.

В лето 6463 [955] пошла Олга к Новугороду и уставила погосты дани.

В лето 6466 [958] пошла Олга к Царигороду и крестилась, и названа есть Олена.

В лето 6472 [964] пошолъ Святослав Игорович на Оку и на Волгу, и взял дань.

Л. 38об. **В** лето 64//74 [966] пошол Святослав на вятици и изваевал ихъ, и дань взял.

В лето 6475 [967] пошол Святослав на Дунаи и на Балгари, и изволеваль ихъ, и взял городов 80 по Дунаеви.

В лето 6477 [969] переставилася Олга месяца июня 11 дня.

В лето 6478 [970] Святослав посадил Ярополка у Киеве, а Олга у древлянех, и пришедше новогродци, выпросили на княженье Володимера.

В лето 6479 [971] Святослав завоевал Болгари и пошол на греки у 30 000 слуг, и звоевал их 100 000, и дань взял.

В лето 6480 [972] пришол Святослав рати зимовать у Белобережьи, и убили его печенези. А княжил лет 28. И пачал княжити Ярополкъ у Киеве.

---

[8] *В ркп. над строкой скорописным почерком XVIII—XIX вв. доб.* по черной куне.
[9] *В ркп.* учтля.
[10] *В ркп.* ч *(в круге).*

В лето 6485 [977] пошол Ярополкъ на Олга и на древлян, и звоевал ихъ, и побег Олгъ у город, и пал у греблю, и умер. **В**олодимер же слышав, побег за море, а Ярополкъ посадил посадники свои у Новегороде, и володил один в Руси.

В лето 6488 [980] пошол Володимер з новогродци и з варяги на Ярополка, и не[11] возмогъ Ярополкъ стати против Валодимеру, и вчинил прелесть воевода Ерополков Блуд з Володимером, вылгал Ярополка в Родне, и убили его 2 варяга и указаньемъ Володимеровым, а княжил 8 лет.

В лето 6490 [982] пошол Володимер на ятвяги и взял землю их, и пришол Киеву, и чинил требу болваном.

В лето 6492 [984] пошол Володимер на рядимицы и на болгари, и звоевал ихъ.

В лето 6492 [984] пришли к Володимеру болмичи и варязи, и жидове, и немцы, сказуюче законы свои, и з грек пришол философ. //

В лето 6495 [987] послал Володимер 30 муж по землям, испытая за- Л. 39
коны их, и похвалили закон греческии.

В лето 6496 [988] пошол Володимер на Корсунь город греческии, и стоял под городом 3 месяци, и взял его, и послал у Царьгород к царю Василью и к Костянтину, говоря: «Се город есми ваш узял. И слышал есми, што же сестру держите деву[12]. Да коли не даста ее за[13] мене, учиню городу вашому, как же и сему учиних». И послали цари сестру свою у Корсунь, и крестился Володимер, и дали имя ему Василеи. И позревъ, реклъ: «Теперь есми познал правого Бога, был бо в тое веремя слеп очима». И оженился Володимер царицею Анъною, а Корсунъ дал царема за вено, и пошол къ Киеву.

В лето 6497 [989] пришол Володимер[14] къ Киеву и болваны велел опрокинути, и послал по всему миру, говоря: «Коли хто не изнаидется порану на реце, то ужъ мне будет[15] противен». И были порану на Днепре митрополиты и владыки, игумены и попове, молитву говорили на березе стоаче людемь, крестились в реце, и такъ крестилась вся земля руская.

И велел Володимер церкви рубити, и поставили у Киеве митрополита, а и по иншимъ городом владыки и попы. **П**ришол в Новгород митрополитъ Аким и службы бесовские прокинул, и Перуна посеклъ, и велел его волочи у **В**олхов, и волочили его по калу, бьяче и пъхающе. И в тое веремя увошол был у Перуна бес и кликал голосом, крича: «Ох, ох мне,

---

[11] *В ркп.* но.
[12] *В ркп.* дву *(без титла).*
[13] *В ркп. испр. из* у.
[14] *В ркп.* Водимер.
[15] *В ркп.* б *(в круге).*

достался есми немилостивым рукам». И вкинули его у Волхов, и заказа-
Л. 39об. ли, штоб нихто не переимал его, // и впловя сквозе великии мост, и кинул палицу свою на мостъ, тою же и теперь котории безумныи, убиваючесь и утеху чинят бесом.

В лето 6499 [991] заложил Володимер церковь святую Богородицу первозданную, и мастери привел из Грекъ, и вдал Богородицы Корсунскои.

В лето 6519 [1011] переставилась Анна царица.

В лето 6523 [1015] переставился Володимер месяца июля 15 дня. Месяца того же убъенъ святыи Борис от Святополка[16], 24 день, и святыи Глеб убъенъ месяца сентября 5 дня, а княжил Володимер лет 34.

В лето 6524 [1016] пришол Ярослав с новгородци, съ 3000 муж, а ворягъ 1000, на Святополка[17], и была сеча у Любца, и звоевал Ярослав, и сел у Киеве, а Святополкъ[18] побег у Ляхи.

В лето 6524 [1016] пришол Святополкъ[19] з Болеславом, з силою з великою на Ярослава, и измог Святополкъ, и сел у Киевѣ, а Ярослав прибег к Новугороду с чатырьми мужи[20].

В лето 6524[21] [1016] опять пошол Ярослав на Святополка[22], собрав слуг много, и побег Святополкъ у печенеги, а Ярослав сел у Киеве.

В лето 6527[23] [1019] пришол Святополкъ[24] в силе великои на Ярослава, и была сеча зла на Алте, и изтупились 3-щды, и перемог[25] Святополка Ярослав, и сел у Киеве, а Святополкъ[26] побег у Ляхи и пропал.

В лето 6544 [1036] переставился Аким, и поставленъ был Лука митрополитом.

В лето 6545 [1037] заложил Ярослав святую Софию у Киеве.

В лето 6550 [1042] згорела святая София у Новегороде, держачи 13 верхи.

В лето 6553 [1045] заложил Володимеръ святую Софию у Новегороде[27].

Л. 40 **В** лето 6557 [1049] // священа была святая София на Узрхе (?), иже и есть, при митрополите Луце. И того лета переставился Володимер, и положили его у святое Софии, што сам нарядил.

---

[16] *В ркп.* Стополка *(без титла)*.
[17] *В ркп.* Стополка *(без титла)*.
[18] *В ркп.* Стополкъ *(без титла)*.
[19] *В ркп.* Стополкъ *(без титла)*.
[20] *В ркп.* мури.
[21] *В ркп.* 6554.
[22] *В ркп.* Стополка *(без титла)*.
[23] *В ркп.* 6557.
[24] *В ркп.* Стополкъ *(без титла)*.
[25] *В ркп.* не перемог *(но* не *зачеркнуто)*.
[26] *В ркп.* Стополкъ *(без титла)*.
[27] *В ркп. далее следует знак вставки, однако самой вставки на полях нет.*

В лето 6562 [1054] переставился великии Ярослав у суботу 1 поста, и положили его у святое Софии у Киеве, и сел у Киеве и у Новегороде сын его Изеслав, а Святослав в Чернигове, Всеволод же у Переяславли, Игорь у Володимери, Вячеслав у Смоленску.

В лето 6563 [1055] клевета была на митрополита Луку от своего холопа Дудики, и вышол з Новагорода, и пошол у Киев он, судил митрополит Ефрем, и перебыл там 3 лета.

В лето 6566 [1056] митрополит Лука опять принял стол свои у Новгороде, Дудице же холопу урезали носа и руки отсекли, и убег у Немци.

В лето 6568 [1060] переставился митрополит Лука, идя с Киева на Копысы. И поставлен был митрополит Стефан.

В лето 6571 [1063] пошел Волхвов[28] узвод 5 днев.

В лето 6572 [1064] явилась звезда на западе велика велми, луки держачи как кривавы, усходячи з вечера, и была 7 днев.

В лето 6574 [1066] изъял Изяслав Синициничь Новгород и пожогъ до окрома Неровского, и покуль пожог, потуль город учинили.

В лето 6576 [1068] пошол митрополит Степан къ Киеву, и там свои холопи удавили его.

В лето 6577 [1069] поставлен был митрополит Федор. Того же лета змог Глѣбъ з новгородци Изяслава на Гзене, и велика была сеча важаном октября 23. И парану знашолся крестъ Володимеров у святои Софеи на полатех.

В лето 6581 [1073] залажил игумен Феодосии Богородицю // у Пе- Л. 40об.
черском манастыри.

В лето 6585 [1077] убъенъ есть Изяслав Ярославич. Того же лета преставился и Феодор митрополит.

В лето 6589 [1081] поставлен был митрополит Герман и пошол къ Киеву, и там умер. Того же лета змогли Олга новгородци на Кулакши. Того же лета преставился Всеволод Ярославович.

В лето 6605 [1097] поставлен был митрополит Никита. Того же лета послеплен был Василько Ростиславович от деда своего.

В лето 6616 [1108] переставился митрополит Никита. И поставили Иоанна[29].

В лето 6621 [1113] заложили церьковь святаго Никулу на Ярославове дворе. Того же лета бысть солнце[30] как месяць.

[28] *В ркп.* Волфхов.
[29] *В ркп.* Иону.
[30] *В ркп.* слонце.

В лето 6625 [1117] заложил Мстислав город болше перваго[31], а посадникъ Павел заложил Ладугу город[32] камен.

В лето 6627 [1119] заложил Всеволод Олгович, игумен Кирьякъ святаго Георгия манастырь.

В лето 6630 [1122] заложил Антонеи игумен святую Богородицу у манастыри.

В лето 6635 [1127] заложил Всеволод святого Иоанна на Петрятине дворе.

В лето 6638 [1130] откинулся владыка Иоанн[33] Папаян, и седевъ 20 лета, сего же не поминают, и поставили митрополита Нифонта.

В лето 6639 [1131] ходил Мьстислав с низовцы на Литву и звоевал их, и того лета переставился Мъстислав.

В лето 6643 [1135] заложил Всеволод и владыка Нифондъ святую Богородицу у Торгу.

В лето 6655 [1147] убили кияне князя Игора Изяславовича.

В лето 6664 [1156] заложили купцы заморскии святую Пятницу у Торгу. Того же лета переставился Нифонт митрополит у Киеве, и положили его у Печерском манастари. //

Л. 41 **В** лето 6665 [1157] поставили митрополита[34] Аркадья. **И** Богородицу поставили манастырь[35].

В лето 6671 [1163] переставился Аркадии митрополит, и поставили Иоана.

В лето 6672 [1164] Ярослав Всеволодович побил немец под Ладогою[36] шнек 43, пришли были у полу 60 шнек.

В лето 6675 [1167] заложил Сытко Сытинич святого Бориса и Глеба.

В лето 6676 [1168] ходил Даньслав Лазутичъ на Двину у 400 человека дани имать, и пришли на них сужданци 1400 человекь, и пало их 800, а новгородцов 15 мужъ.

В лето 6677 [1169] пришли к Новугороду суждальци и вся земля руская, 70 и 2 князи, и змог их Роман з новгородцы, молитвами святыя Богородица.

В лето 6687 [1179] уделал митрополит Илья Благовещения манастырь за 70 днев.

В лето 6688 [1180] преставился Мстислав, и положили его у святои Софии, у Богородици.

---

[31] *В ркп.* аго.
[32] *В ркп.* нород.
[33] *В ркп.* Иона.
[34] *В ркп.* литрополита.
[35] *В ркп.* манастых.
[36] *В ркп.* Лагодою.

В лето 6693 [1185] заложили Лукиници святого Петра и Павла на Сильнищи, а Миронег Вознесенье.

В лето 6694 [1186] переставился митрополит Илья, нареченыи Иоанн[37], и поставили Гаврила, зовомого Григорья.

В лето 6696 [1188] заложили 7 молодцов святую Богородицу у Каркажи манастыри.

В лето 6700 [1192] поставил игумен Варламъ святого Спаса на Хути.

В лето 6701 [1193] переставился митрополит Григореи, и поставили Мантурию по жеребью.

В лето 6703 [1195] поставил Мантурии митрополит святу Богородицу на воротехъ и Воскресению обложил манастырь.

В лето 6706 [1198] поставил Ярослав Всеволодович святого Спаса в Нередицах, а Мантурии Спаса в Русе, а Ревша Илью[38] на Холме въ Славне, а Полюжая Еофимью // постав. Л. 41 об.

В лето 6707 [1199] переставился Мантурии, и поставили митрополита Митрофана[39]. Того же лета исполнил Прокша 40 мученик.

В лето 6710 [1202] взят был Киев Рориком Ольговичем со всею землею Половецкою.

В лето 6711 [1203] ходил Рурик и Роман и иншие князи многие на половци и полонили, и стада их отняли. Того же лета послав Роман Вячеслава, и постриг у чернци Рурика.

В лето 6712 [1204] пришедши фрязи, и взяли Царьгород, и веру свою уставили, и царя своего поставили.

В лето 6713 [1205] убили Романа в Лясех. Того лета ростригся Рурик и пошол на галици. Того же лета остил месяць 8 ночей.

В лето 6719 [1211] выгнали Митрофана владыку, и поставили Антонья.

В лето 6720 [1212] в неделю сыропустную гром был, февраля 1.

В лето 6723 [1215] голод был. Кадь ржи по 10 гривен, а овса по 3 гривны, и было зло: скуделници намета мертвых и божане померли, а Ярослав засел Торжик, и было побоище князю Мстиславскому и новгородцом зъ Ярославом на реце Хзе. Новгородци же бились боси и без портовъ, и повоевал Мстислав з новъгородци, а Ярослав побег. И пало Ярославовых без числа, а новгородцов 15 муж.

В лето 6725 [1217] был пожар, 15 церквеи изгорело.

В лето 6726 [1218] обложил Антонеи владыко святую Варвару манастырь.

[37] *В ркп.* Иона.

[38] *В ркп.* Имью.

[39] *В ркп.* митрополит, *испр. почерком XVIII—XIX вв. над строкой:* митрофана.

В лето 6727 [1219] сышол Антонеи со владычьства своею волею, и поставили его опять на владычство. Того лета заложил Твердислав святого Михаила и Трех отрок.

В лето 6728 [1220] поехал Антонеи к митрополиту на поставленье, а новгородци узвели Митрофана. //

Л. 42 **В** лето 6731 [1223] переставился Митрофан владыка, и пришол Антонии на владычство.

В лето 6732 [1224] заложил Семен Борисовичъ святого Павла.

В лето 6738 [1230] узвели на владычство Спиридона. Тое осени голод был, кадь[40] ржи по 40 гривен, а овса по 5 гривен.

В лето 6740 [1232] переставился владыка Антонии, лежаньемъ 6 лет.

В лето 6748 [1240] послали новгородци Спиридона владыку по князя Александра, и одва дал Ярослав сына своего Александра.

В лето 6749 [1241] пришол Александръ къ Новугороду.

В лето 6750 [1242] пошол Александръ з братом на немци, и занял дороги вси, а немци поковал.

В лето 6751 [1243] переставился Варламъ мая у 4 день.

В лето 6753 [1245] Батыи убил князя Андрея.

В лето 6756 [1248] убили литва Михаила Ярославовича.

В лето 6757 [1249] переставился владыка Спиридон.

В лето 6759 [1251] поставили Далмата владыку.

В лето 6764 [1256] переставился Данил Ярославович.

В лето 6765 [1257] Михаила убили.

В лето 6766 [1258] взяли татарове Литву.

В лето 6767 [1259] приехал в Новгород Боркан десятины просити, и выгнали его, и не дали ему.

В лето 6770 [1262] взял Дмитреи Александрович з новгородци Юрьевъ немецкии.

В лето 6771 [1263] переставился Александръ Ярославович.

В лето 6773 [1265] Домонтъ со псковичи взял Литовскую землю.

В лето 6776 [1268] князь Юрьи з новгородци воевал за Нарвою.

Л. 42об. **В** лето 6777 [1269] выгнали // новгородци Ярослава.

В лето 6778 [1270] пришол Ярослав ратью к Новугороду, и смирился.

В лето 6779 [1271] переставился владыка Далмат, и узвели Климента.

В лето 6792 [1284] приходил Дмитреи к Новугороду ратью, и вышли новгородци на Шону (?), переимати князю, и ту ся смирили.

[40] *В ркп.* кап.

В лето 6800[41] [1292] заложил владыка Климент святого Николу на Липнѣ.

В лето 6802 [1294] пришол Андреи из Орды Дудине ратью на Дмитрея, и много зла было Руси.

В лето 6803 [1295] поставили немци город Корельскии, и шедше новгородци взяли его, и Сига воеводу убили.

В лето 6804 [1296] поставил владыка Климент Воскресение на воротех.

В лето 6807 [1299] переставился владыка Климент.

В лето 6808 [1300] поставили владыку Феоктиста, и святого Михаила церковь поставили.

В летъ 6809 [1301] князъ Ондреи з новгородци взял город Венец.

В леть 6811 [1303] тепла зима была без снегу, и хлеб дорог был, и 4 жоны сожгли.

В лето 6812 [1304] переставился князь Ондреи.

В лето 6816 [1308] сышол Феоктист по своеи воли со владычества, и благословил на свое место Давыда.

В лето 6818 [1310] переставился владыка Феоктисть.

В лето 6819 [1311] поставил владыка Давидъ святого Володимера.

В лето 6820 [1312] завалачился князь Михаило з новгородци.

В лето 6821 [1313] взяли немци Ладогу. Того же лета поставил владыка Давыдъ Николу манастырь в Неровском конци.

В лето 6822 [1314] ходили новгородци на Вагу.

В лето 6823 [1315] пошол князь Юрьи в Орду, а оставил в Новегороде[42] // брата Афанасья. Л. 43

В лето 6824 [1316] пошол князь Михаило к Новугороду и вернулся.

В лето 6825 [1317] приехавше немцы в озеро Лацкое и купцов много побили.

В лето 6827 [1319] убилъ царь в Орде князя Михаила, а Юрьи выехал на великое княженье.

В лето 6828 [1320] знамене было у солнци.

В лето 6830 [1322] ходил Юрьи з новгородцы к Выбору. Того же лета ходил князь Дмитреи у в Орду и взял великое княженье.

В лето 6831 [1323] князь Юрьи з новгородци поставил городъ Орехов.

В лето 6832 [1324] доканали церькви Христова.

В лето 6833 [1325] вышол з Орды князь Александръ Михаилович, и много было пакости Михаиловскои земли.

В лето 6834 [1326] поставили Моисея владыку.

[41] *В ркп.* 6700 800.
[42] *В ркп.* Нове.

В лето 6835 [1327] поставила княгиня Стославлевая Богородицу на Десятине. Того же лета пришол з Орды на Тферь Щолкан в силе великои, и убил его князь Александръ. Того лета пришла рать татарская, и взяли Тфери и Кашин.

В лето 6836 [1328] ходил у в Орду князь Иоан Костянтинович.

В лето 6837 [1329] пришол князь Иоан в Новгород на стол. Того лета побили новгородцов на Юрге.

В лето 6838 [1330] сышол Моисеи со владычества по своеи воли.

В летъ 6839 [1331] постави Василья владыкою. Того же лета заложил владыка город камен.

В лето 6842 [1334] выехал Наримонт в Новгородъ.

В лето 6843 [1335] поставил владыка Моисеи Воскресение на Деревиници.

Л. 43 об. **В** лето 6844 [1336] заложил владыка // Моисеи и Вход во Ерусалимъ.

В лето 6847 [1339] князь Александръ и сын его убъен есть у Новегороде.

В лето 6848 [1340] погорел весь Новгород, и святая Софея изгорела, црьквеи 50. Того лета воевали новгородцы Устижну.

В лето 6851 [1343] поновили Бловещение на Городищи.

В лето 6852 [1344] заложил Ананья Кузму и Демьяна, и Пятницу поновили.

В лето 6853 [1345] заложил Никин святого Спаса на Ковалеве.

В лето 6854 [1346] взяле Олгерде Лугу всю и Шолому до Торгу, и приехал Семен князь в Новгород на стол.

В лето 6856 [1348] пришол корол Магнуш у Неву ратью.

В лето 6857 [1349] ходили новгородци на Мурмары.

В лето 6858 [1350] была бура великая, подрала церькви и хоромы. Того же лета поставили Фрола и Лавра.

В лето 6859 [1351] поновили святого Бориса и Глеба.

В лето 6860 [1352] заложили город камен Орехов. Того лета переставился владыка Василеи, и узвели опять Моисея на владычство. Того лета поставили церковь святого Дмитрея на Лубеницы.

В лето 6862 [1354] поставили Знаменье святои Богородицы на Ильине улицы.

В лето 6863 [1355] поставил Моисеи владыка святого Михаила на Сковородке.

В лето 6864 [1356] поставили святого Георгия на Лубнѣ и 40 мученик на Янове улицы.

В лето 6865 [1357] поставил владыка Святого Духа у манастыри.

В лето 6866 [1358] поставил Моисеи владыка святую Богородицу в Радоковичах. Того лета поставили Апостолы 12.

В лето 6867 [1359] поставил владыка Моисеи святого Прокопья на княжим дворе и сышол // со владычства по своеи воли. Л. 44

В лето 6868 [1360] поставил Лазута святого Иоана у Немецкого двора. Того лета вышол князь Дмитреи с Орды на великое княженье. Того лета поставили владыку Алексея.

В лето 6869 [1361] поставил Семион Ондреевичъ и мати его Наталья святого Феодора.

В лето 6870 [1362] поставил владыка Моисеи Благовещенье на Михаилове улицы. И того лета поставил владыка Алексеи Рожество на Сенех. И тое зимы переставился Моисеи.

В лето 6873 [1365] поставил владыка Алексеи Устретенье въ Онтонове манастыри. И тое зимы было знаменье у святом Петре во Славне от иконы святои Богородици аки роса.

В лето 6874 [1366] постави святую Троицу на Рядине улицы.

В лето 6875 [1367] заложили церковь камену во в Славне.

В лето 6876 [1368] погорило за стеною все и в самом городе владычнъ двор и святая София, и иныи црькви, и Неровскии конец, и Плотницкии.

В лето 6877 [1369] заложили 2 црькви камены: святого Евпатья и святого Василья.

В лето 6878 [1370] ходили новгородци со псковичи за Изорескъ (sic!) к Нову городку к немецкому, и отошли, не взявше, за год Юреи (?).

В лето 6879 [1371] поставили святого Андрея камену церьковь на Ситиске и Николу во Русе. Того лета посадник ездил за Изборескъ, до конца мир узя з немци.

В лето 6880 [1372] скупили новгородци селян и копали город около Неровского конца // и Гончарского. Того лета пришол князь Михаилов ратью Л. 44об. Тферскии у Торжок и город весь пожог, и пагуба велика была христианом.

В лето 6881 [1373] пошол Волхов назад 6 днев.

В лето 6883 [1375] поставил Юрьи посадник святого Иоана Златоустаго. Того лета стоял князь Дмитреи з новгородци под Тферею и взяли мир.

В лето 6881 [1373] заложили святого Бориса и Глеба во Плотницох.

В лето 6885 [1377] доконали святого Бориса и Глеба. И того лета заложили святую Богородицу образ камен. Того лета изжог гром церковь святой Богородицы на Михалкове улицы.

В лето 6886 [1378] доконали святои Образ.

В лето 6887 [1379] заложили святую Богородицу на Михаилове улицы. Того лета приехал в Новгород князь Юрьи Наримонтович. Того лета заложили Фрола и Лавра камен.

В лето 6888 [1380] доконали святое Богородици на Михаилове улицы и Фрола и Лавра на Людгощи улицы. Того лета ездилъ владыка Алексеи на Москву и посадник Юрьи, и бояр много. И принял ихъ великии князь и чтил. Того лета бился князь великии Дмитреи и брат его Володимер с татари съ князем Мамаем, месяца сентября во 8, на Рожество святои Богородици, в суботу, и пасобил Бог князю Дмитрею и Володимеру.

В лето 6889 [1381] заложили святого Дмитрия на Славкове улицы и Рожества на Валу. Того лета князь Скригаило стоял под Полочком немецким.

Л. 45 **В** лето 6890 [1382] царь Тахтамыш с татари узял Москву. // Того лета доконали Рожества на Валу и Дмитрея на Славковѣ улицы, и за мало падеся.

В лето 6891 [1383] заложили церковь камену святого Филипа и святого Дмитрея доконали. Того лета приехал князь Патрикеи Наримонтович.

В лето 6892 [1384] поставили святого Филипа и доконали святого Иоана в Радоковицах. Тое осени было помраченье на многи дни, и не могли люди по рекам ездити, ни птахи не могли летати.

В лето 6893 [1385] доконали церкви святая Богородица в Радоковицах. Того лета погорела Торговая улица вся и церькви вси.

В лето 6894 [1386] поставили святого Климента камен на Иворове улици. Тои же зимы пришол князь Дмитреи к Новугороду ратью и стоял во Ямнах. Новгородци же послали владыку Алексея и додали ему за винныи люди 8000 серебра, и умирилися.

В лето 6895 [1387] пошла вода возвод 7 днев.

В лето 6896 [1388] вышол Алексеи со владычества и поставили Иоана. Того лета взяли татарове Переяслав. Того лета было знамена у церькви святая Богородица в Торгу.

В лето 6897 [1389] переставился князь Дмитреи. Того лета поставили церковь Покров святая Богородица на воротех.

В лето 6898 [1390] пошли новгородцы на Псков з ратью. Того лета был мор в Новегороде.

В лето 6899 [1391] погорел Неровъскии конец и Плотницкии от Килавое (?) улицы до Радаковицах.

В лето 6899 [1391] поставили святаго Семена на Чудинконе улицы каменого.

В лето 6901 [1393] раскинул мир князь великии Василеи з новгородци и послал рать на новгородские волости. Того лета поставили церковь камену на Лисичеи горе.

В лето 6902 [1394] поставили святого Дмитрия камен на Данславле
Л. 45об. улицы. Того лета ходили новгородци // ко Пскову ратью.

В лето 6903 [1395] приехал в Новгород митрополит Киприян.

В лето 6904 [1396] сталось знаменье у святом Евпатьи на Щоркове улицы от иконы владычня образа, так, как вино.

В лето 6905 [1397] поставили святую Богородицу на Десятине каменну.

В лето 6906 [1398] докончал владыка Воскресение на воротех. Того лета поставили святого Николу конец Людогощи улицы. Тое весны поехали новгородци за Волокъ ратью, и узяли Белоозеро и Кубелу, и Устиг, а под Орлецем стояли месяць и день, и взяли его. И на двинанех взяли окуп и приехали вси здорови. А воеводу Ивана привезли в Новгород и потопили, а иных воевод постригли в чернци.

В лето 6907 [1399] погорела Торговая улица сторона от Федоровского ручея до конец Славна. Того лета поставили церьковь камену святую Богородицу у Зверинъцех.

В лето 6908 [1400] заложил владыка Иоан город детинец камен по брегу. Того лета поставили церьковь камену святых Костянтина и Олену. Тое осени шла вода назад 5 днев. Тое зимы поехал владыка Иоан на Москву и посадил его митрополит у таль.

В лето 6909 [1401] заложили церковь камену святого Иоана на Чудинцове улицы и святую Варвару у манастыры.

В лето 6911 [1403] погорел от Славковы улицы до конца Славна.

В лето 6912 [1404] приехал владыка Иван, седел на Москве полчетверта года. Того лета взял взял князь Витовтъ Смолнескъ, а Смолнескии князъ Юрьи Святославович прибег у Новгород, и приняли его чорныи люди у честь.

В лето 6913 [1405] погорелъ Гончарскии конец. Того лета погорел у другое от Рядятине улици и до Чюдинцове, и детинец весь, и церъкви 12, и людие 52, толко // не горел владечнъ двор да святая София. А за 4 Л. 46
дни погорела Людагоща улица. Тое осени заложили 3 церькви каменыи: на Микитине улици, и святыи Петрь в Неровском конци, и святыи Иоан в Ростинѣ манастыри.

В лето 6916 [1408] владыка Иоан у святое Софии позолотил голову, а царь Гелдата с татари узял Переяслав, Юрьевъ и пожог. Узял у москвич окупа 3000 рублев.

В лето 6917 [1409] поставилъ владыка теремец камен, где воду крещают на всяк месяцъ.

В лето 6918 [1410] был бои князю Витовту и королю Ягаилу з немци ларици (?) и побили их, прусов, и взяли окупа з города Марьина три тысячи пенязеи золотых. Того лета почали торговати талери немецкими.

В лето 6919 [1411] ходили новгородци со князем Семионом Олгеръдовичом к городу к Выбору немецкому и извоевали свию, и взяли у города охабень.

В лето 6922 [1414] владыка Иоан сышол со владычъства, а был лет 30 без трох. Была болесть на людех костолом.

В лето 6923 [1415] было знаменье у солнци помраченье. И узвели владыку Самсона. А Витовтъ поставил на Киеве митрополита Григорья Чамрака.

В лето 6924 [1416] поставил митрополит Фотеи владыку Семена. А владыка Семен поставил церьков камену святого Петра у святои Софеи.

В лето 6925 [1417] переставился владыка Иоан июля 21 у святого Воскресения у манастыры. И поставили церькви каменыи 2: святого Николу на Яколи улицы и святого Мину на Данславли улицы. И был мор жолозою. Того лета поставили святую Настасию и Овдотию.

В лето 6926 [1418] была усобица новгородцом межи себе, владыка
Л. 46об. Семен крестом смири. Того лета поставили // святого Саву церковь камену хотовицы.

В лето 6927 [1419] почали новгородци торговати деньгами серебряными. Во Пскове мор и вода велика.

В лето 6929 [1421] знесла вода мосту великого 8 городен. Того лета была маия у полночи туча огненая з градом и дождъ великии с каменьемъ. А владыка Семион переставился. И узвели владыку Федосья игумена от святое Троици. И поновил Сутдян Онципорович церковь камену святаго Спаса на Розважи улицы.

В лето 6930 [1422] было знамя у солнци. Витовтъ и немци пустили хлеб в Новгороцкую землю, и был голод на 2 лете, и наметали мертвых 3 скуделници, и зло было.

В лето 6931 [1423] было знамя у солнци. И сослали навгородцы Феодосия у его манастырь, а был 2 лете. И взяли Омельяна. И был мор во Пскове. И поставила Настасья Михаилова церьковь камену святую Богородицу Успенье на Колмови у манастыри.

В лето 6932 [1424] гибло солнце, и был у Новегороде, и по всеи Руси, и в Литве, и в немцох мор жолозою и охракъ кровью. Того лета поставлен был на Москве владыка Евфимеи от митрополита Фотея. А великии князь Василеи Дмитрович переставился, а был 36 лет.

В лето 6934 [1426] Василеи Васильевичъ седелъ на великом княженьи.

В лето 6934 [1426] пришол Витовтъ к городу Вороночу ратью и стоял 3 недели, и взял окупа 1000 серебра. Того лета мор был на Москве.

В лето 6935 [1427] поставил владыка Еуфимеи церковь камену святыи Спас Многомилостивый.

В лето 6936 [1428] князь Витовтъ пришол к Новгоду (sic!) и стал у Порхова. И дабили чалом порховци, дали князю Витовту 5000 рублев, а 1000 на полону.

В лето 6937 [1429] переставился // Евъфимеи месяца декабря во Л. 47
1 день, а был 5 лет и 5 недель и 2 дни. Того месяца по жеребью узвели инаго Евъфимья от святое Богородици с Лисичье гори. Тое зимы взяли татарове Кострому, Галич на Крещенье.

В лето 6938 [1430] была у Литве у в озере у Троцком кровь. И князь Витовтъ умер, и был лет 38.

В лето 6939 [1431] была велика засуха по всеи земли, болота и лесы погорели и от многого дыму у воды рыбы померли и птахи падали. В тое лето великии князи шли в Орду к царю, Василеи Васильевич и Юрьи Дмитрович, и царь Бахмет далъ великое княженье Василью Васильевичу.

В лето 6940 [1432] вышли из Орды князи рускии. И приехал з Литвы в Новгород князь Юрьи Семенович. И погорел околоток весь и владычень двор.

В лето 6941 [1433] загорелось на Янове улицы и погорел Загороцкии конец. И поставили церьковь камену святого Георгея на Буркове улицы, а владыка Евфимеи поставил полату у дворе.

В лето 6942 [1434] князь Юрьи Дмитровичъ взял Москву. А великии князь Василеи Васильевич приехал в Новгород. А Юрьи князь на Москве переставился, и великии князь Василеи Васильевич ехал на Москву. А владыка Евфимеи сышолся в Литвѣ. И того лета приехал князь Василеи Юрьевич в Новгород.

В лето 6943 [1435] ходили новгородцы ратью на Ражову и приехали вси здоровы.

В лето 6944 [1436] поставил владыка Еуфимеи церковь камену святого Иоана Златоустаго у себе у дворе. Тое осени была вода велика, как по весне, и выломили мосту великого семь городен ноября 17.

В лето 6945 [1437] приехал в Новгород князь Юрьи Патрикеевич, и дали новгородцы великому князю чорныи бор. Того лета // ехал Еуфимеи Л. 47об.
владыка на Москву. И приехал в Новгород митрополит Сидор, владыка Создальскии.

В лето 6948 [1440] князь великии Василеи Васильевичъ взял Бежицкии верхъ и Торжок город, и Димяну, и взял окупа 8000 серебра.

В лето 6950 [1442] поставил владыка святого Николу у святои Софеи. А новгородцы ходили ратью на немцы и к Ругодиву, и приехали вси здоровы.

В лето 6953 [1445] было побоище князю Василью Васильевичу с татари, и изымали князя, а Москва выгори. А владыка Евфимеи ехал за волоки.

В лето 6955 [1447] пришли немцы к городку Ями и не взявше отошли. И шли новгородци, и взяли у моря с у немцев два бусни, 3 шнеки, а самых и побили.

В лето 6956 [1448] князь Юрьи Дмитрович посадил княгиню свою у Новегороде во Юрьеве монастыри.

В лето 6960 [1452] у васен была вода велика, как весне. А зиме межи говеином князь Иван Можаискии воевал волости новгороцски. И на тых винѣ святую Богородицу церковь пограбили. Того же лета весне князь Олександръ з новгородцы воевали князя Ивана Можаиского и зачирикияны (?) волости, и приехали вси здоровы с полоном.

В лето 6961 [1453] переставился князь Дмитреи Юрьевич на Городищы, и положили его у Юрьева манастыри у церкви.

В лето 6964 [1456] пришол князь великии Василеи Васильевичъ ратью к Новугороду февраля 11, и стал под Деминою, и взял 2 городы – Молтодицы да Русу, и убили Есифа Васильевича, и пало навгородцов муж 20 (?), а княжих 50, и владыка Евфимеи докончил миръ. И дали князю великому пол 9000 тисячи рублев и чорныи бор, и княжищину, а полон взад.

Л. 48 **В** лето 6966 [1458] переставися владыка // Еуфимеи марта во 18, и был лет 29. **М**есяца того же паставили на владычество игумена Иону от святого Николы из Неровского конца. Того лета был пожар июля 4 от святого Бориса и Глеба от погреба, погорело и до Феодорова ручья. **М**есяца ноября во 2 приехал из Литвы от короля Казимера в Новгород князь Юрьи Семенович.

В лето 6967 [1459] было Благовещенье на Велик день. Месяца июня 14 день, погорело на Данславле улицы побережье от города по Борковои[43] улицы. Генвара 20 приехал з Москвы в Новгород князь великии Василеи Васильевич и с ним сынъ его Ондреи и Юрьи миромъ у госты, и был на Городищи 5 недель, потом же съехал на Москву. И того лета владыка Иона поставил церковь камену святого Сергея у себе у дворе.

В лето 6968 [1460] поставили церковь деревяную святого Николу на устье Пидьби.

В лето 6969 [1461] поставили 2 церкви каменые святого Володимера на воротех и святого Лазора в Неревском конци.

В лето 6989 [1481] круг солнцу 17, а луне 17, индикт 14, переписаны лета о немецком побитии, о татарском и о Вилкомирском. Ино изочтено немецкому побитью 70 лет и лѣто вышло, а татарскому побитью 82 лете.

По матце Божье опошнеи на завтрее.

[43] *В ркп.* Бокровои.

ОЧЕРК 8

ЛЕТОПИСЕЦ НОВГОРОДСКОГО ВЛАДЫКИ ЕВФИМИЯ СЕРЕДИНЫ XV ВЕКА [2008 г.]

Летописание в Новгородской республике велось при кафедре епископа (впоследствии архиепископа) на протяжении целой трети тысячелетия. Ведение летописи, как установил Д. С. Лихачев, было передано из рук князя в руки владыки около 1136 г.[1], а последняя запись архиепископского летописца датируется ранней весной 1469 г. Начиная с 1470 г. и до конца Республики летописание, судя по всему, находилось в ведении магистрата[2]. Отражение владычного официального летописания обнаруживается в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (до 1428 г.) и в двух редакциях Новгородской четвертой летописи (до 1446 г.). Наконец, последний период с 1447 до 1469 г. представлен Виленским списком так называемой «Летописи Авраамки» (далее – ЛА)[3].

Начальная часть текста ЛА (до 1308 г. включительно), как установлено исследователями, основана на Новгородской 4 летописи; после чего ЛА вплоть до известия 6954/1446 г. о дороговизне ржи в Новгороде близка Новгородской 5 летописи, но поскольку текст последней завершается этим известием, А. А. Шахматов предположил, что далее создатель ЛА вновь «приступил к списыванию Новгородской 4-й летописи» вплоть до известия 6955/1447 г. «о прибытии в Новгород псковских послов и о заключении мира по старине»[4]. Весь дальнейший текст ЛА, от известия о закладке церкви Богоявления (6955/1447 г.) до пожара на Щеркове улице (6977/1469 г.), не находит соответствия в других памятниках[5] и

[1] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 23. С 240–263.

[2] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 238–239.

[3] БАН Литвы, F.22–49; Изд.: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки (переизд.: М., 2000); *Лурье Я. С.* Авраамка // СККДР. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С 3–6.

[4] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводои XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 239.

[5] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190–224.

содержит единственную полную версию официального новгородского летописания почти за четверть века[6]. Эта последняя часть текста ЛА за 1447–1469 гг., безусловно, создавалась накануне падения новгородской независимости в кругах, близких двум новгородским архиепископам – Евфимию II Вяжищскому (умер 10 марта 1458 г.) и Ионе Отенскому (с 19 марта 1458 г.). Для нее характерно, как отметил А. А. Шахматов, описание «только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка»[7].

Первые издатели ЛА датировали список по записи 1495 г. смоленского книжника Авраамки[8], однако в научном описании рукописи, принадлежащем коллективу авторов и опубликованном в 1997 г., было впервые показано, что почерк Авраамки начинается только с л. 436, а древнейшая часть рукописи (л. 1–435 об.) датируется по филиграням не 1495 г., а концом 1460-х – началом 1470-х гг.[9] Высказывалось предположение, что, поскольку летописный текст доведен до 1469 г., перед нами, возможно, оригинал ЛА[10]. Во всяком случае, столь ранняя датировка списка позволяет считать дошедшую до нас рукопись если не самим оригиналом, то его непосредственной копией, очень близкой к нему по времени создания.

Таким образом, значение ЛА для истории летописания определяется двумя факторами: наличием в ней уникального текста, отражающего новгородский взгляд на события русской истории середины XV в., а также современностью создания этого текста и дошедшей до нас рукописи.

Для понимания особенностей владычной летописи, дошедшей до нас в составе ЛА, существенное значение имеет анализ точных дат в ее тексте (под «точной датой» мы понимаем календарную информацию летописи, позволяющую установить конкретный день, к которому приурочено описываемое событие). Подсчет точных дат на протяжении текста ЛА за все описанные годы русской истории дает интересные результаты.

Всего в ЛА на протяжении 611 лет упомянуто 292 точных даты (в среднем – 0,48 точной даты за год), в том числе:

---

[6] В сокращенном виде этот текст был впоследствии использован при создании протографа Строевского и Синодального списков Новгородской четвертой летописи, доводящих повествование до 1476 г. (*Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 231–232).

[7] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов. С. 239.

[8] ПСРЛ. Т. 16. С. 2–3.

[9] *Кобяк Н.А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // Krakowsko-Wileńskie studia sławistycznie. Kraków, 1997. Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. T. 2. S. 75–79. Позже, в 2000 г., Б. М. Клосс представил этот вывод как собственное открытие (*Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. М., 2000. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. С. V–VII).

[10] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 230.

За 859–1308 г. – 39 точных дат за 450 лет (0,09 точной даты за год);
за 1309–1446 гг. – 157 точных дат за 138 лет (1,14 точной даты за год);
за 1447–1469 гг. – 96 точных дат за 23 года (4,17 точной даты за год).

Точные даты внутри последнего периода также распределяются крайне неравномерно. Если за период 1447–1457 гг. мы имеем всего 20 точных дат (1,8 точной даты за год), причем более половины из них обнаруживается в составе одного рассказа о походе Василия Темного на Новгородскую республику в январе-феврале 1456 г., то последние годы (1458–1469 гг.) разительно выделяются на фоне как всего текста ЛА, так и непосредственно предшествующего периода. Летописные статьи заключительной части ЛА буквально пестрят точными календарными указаниями: встречается 76 таких дат за 12 лет, т.е. по 6,3 точной даты за год.

Естественно, по мере приближения к современности количество точных дат описываемых событий должно возрастать, но все же этот рост представляется весьма значительным, особенно на фоне предыдущего десятилетия, близкого к средним показателям за последние полтора столетия.

Еще более существенно, что во второй части владычного летописца за 1458–1469 гг. (на фоне его первой части за период 1447–1457 гг.) заметно изменяется не только количество, но и характер употребления точных дат (см. Табл. 1 и 2).

Между двумя частями текста владычной летописи обнаруживаются важные отличия. В известиях 1447–1457 гг. почти всегда (в 95% случаев!) указывались дни недели, в которые происходили описываемые события, а в тексте за 1458-1469 гг. это делалось существенно реже (только в 11,8% случаев), да и то, главным образом, отмечались приуроченность событий к воскресному дню.

Если в первой части преимущественно указывалась датировка по подвижным праздникам (в 65% случаев) и значительно реже – по неподвижным (только в 10% случаев), то во второй, наоборот, редко упоминались подвижные праздники (только в 15,8% случаев), и значительно чаще – неподвижные (в 56,6% случаев). Иначе говоря, в ЛА за 1447–1457 гг. использовалась преимущественно датировка по лунному календарю, а в части за 1458–1469 гг. – по солнечному.

Уточнение времени описываемых событий в первой части производилось исключительно описательно (*порану, по обеде, на ноць*) и никогда не указывался «час», а во второй части, наряду с традиционным способом (*нощь, полунощь, время литургии*), неоднократно (9 раз, т. е. в 11,8% случаев) используются достаточно редкие в летописании указания на точный час происходивших событий.

Граница между двумя вариантами как количественных, так и качественных характеристик упоминания в летописи точных дат находит соответствие в смене новгородских архиепископов в марте 1458 г.: 10 марта умер Евфимий II, а 19 марта был избран его преемник Иона. Это наблюдение приводит нас к выводу, что дошедший до нас уникальный фрагмент владычного летописания за 1447–1469 гг. создавался двумя авторами, один из которых работал при владычестве архиепископа Евфимия II (ему принадлежит текст до конца годовой статьи 6965/1457 г.), а второй – с 6866/1458 г. до конца текста – при архиепископе Ионе[11]. Одного из этих авторов в дальнейшем мы будем условно называть «летописец Евфимия», а другого – «летописец Ионы». Часть сохранившейся в Виленском списке ЛА владычной летописи, относящаяся к 1447–1457 гг., т. е. к последнему периоду деятельности архиепископа Евфимия II, является предметом настоящего исследования.

Владычный летописец за 6955/1447–6965/1457 гг. неоднократно подчеркивает роль в описываемых событиях архиепископа Евфимия II. Он упоминается на протяжении сравнительно небольшого текста[12] семнадцать раз: Евфимий закладывает каменную церковь Богоявления (6955 г.) и каменные укрепления города Яма (6956 г.); посол Дмитрия Шемяки направляется «къ архиепископу владыце Еуфимию и въ Новъгородъ», и владыка принимает жену и сына князя (6957 г.); он укрепляет новгородский Детинец и строит «часозвонъ» (6958 г.); ставит «чашницю камену и молодечкую» (6959 г.) и возобновляет их после падения (6960 г.); велит рушить каменную церковь Иоанна Предтечи на Торгу, а после восстановления освящает ее (6961 г.); велит расписать ту же церковь и построить деревянную церковь Алексея человека Божия (6963 г.); едет на мирные переговоры с великим князем и заключает с ним мир, принимает в Новгороде его сына Юрия и велит отлить для Софийского собора два колокола (6964 г.); его повелением строится каменная церковь Иоанна Богослова в Вяжищском монастыре и деревянная церковь Иоанна Златоуста в Лисицком монастыре (6965 г.).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что точные даты событий, связанных с владыкой, приведены летописцем только при описании работ в церкви Иоанна Предтечи на Торгу (6961/1453 г.) и отношений

[11] Это предположение уже высказывалось нами ранее: в монографии 2001 г. было предложено обратить особое внимание на некоторую неоднородность заключительной части ЛА, поскольку начиная с 1458 г. текст «становится более литературно отделанным; в нем появляется значительно больше точных дат», и задуматься «о возможном участии в его создании Пахомия Серба, вернувшегося в Новгород в 1458 г. и служившего своим пером архиепископу Ионе» *(Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 233).

[12] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190–197.

с князьями во время войны 6964/1456 г. Вообще подавляющее большинство точных дат летописец владыки Евфимия II приводит при описании не церковных, а «мирских» политических событий: военных столкновений, дипломатических переговоров, происшествий в княжеском роде. Из 20 точных дат 17 (85%) напрямую относятся к событиям такого рода (приход войска новгородцев с князем Александром к р. Нарове, сражение с «немцами» на р. Нарове, возвращение войска с р. Наровы – 6955 г.; приезд в Новгород князя Дмитрия Шемяки – 6957 г.; отъезд его из Новгорода – 6959 г.; смерть князя Дмитрия Шемяки – 6961 г.; выход в поход князя Василия Темного на Новгород, взятие Русы, выход новгородцев на войну из города, сражение при Русе, взятие Василием Темным Молвотиц, побег из Новгорода вдовы Шемяки княгини Софьи, погребение княгини Марьи (дочери княгини Софьи), отъезд владыки Евфимия на переговоры с великим князем, приход войска псковичей на помощь Новгороду, возвращение владыки Евфимия с миром, приезд в Новгород князя Юрия Васильевича – 6964 г.).

Только три известия из 20, имеющих точную дату, казалось бы, относятся исключительно к церковным делам (пожар в Юрьевом монастыре – 6959/1451 г., разрушение и восстановление церкви Иоанна Предтечи на Торгу – 6961/1453 г.). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и они связаны с княжеской историей.

Пожар в Юрьевом монастыре упомянут сразу после точно датированного известия о том, что князь Дмитрия Шемяки «поѣха» из Новгорода 21 марта 1451 г., «а княгиню свою оставивъ в Великомъ Новѣгородѣ и сына Ивана». Из предшествующего текста известно, что с осени 1448 г. жена Шемяки Софья и их сын Иван находились именно в Юрьевом монастыре, поэтому описание пожара в нем может быть также отнесено к событиям, непосредственно касающимся княжеского дома.

Летописец Евфимия проявляет знание деталей юрьевской топографии и точного времени начала пожара: «Тои весны погорѣ Юрьевъ манастырь весь, отъ Спаса да отъ сѣнеи отъ домовныхъ къ Рожеству Христову по ручеи; а загорѣся назавтрѣе Радуничь, в среду на ноць»[13]. Кроме того, он указывает место захоронения («у святого Георгия въ притвори») и точную дату похорон в Юрьевом монастыре княгини Марии, жены князя Александра Чарторыйского, дочери Шемяки («в пятокъ на Федоровѣ недѣли», т. е. 13 февраля 1456 г.), при этом не упоминая ни обстоятельств, ни места и времени ее смерти. Похоже, летописец Евфимия описывал современную

[13] Для 1451 г. точной датой будет 28 апреля. Выражение «назавтрие Радоничь» встречается также в Синодальном списке Новгородской 4 летописи под 6880/1372 г. (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, Ч. 1. С. 297).

историю, глядя на нее из-за стен Юрьева монастыря. В этом нет ничего удивительного, поскольку эта обитель славилась своими книжными древностями, и еще в XIV в. здесь дополнялся список владычной летописи[14]. Кроме того, Новгородская 5 летопись (1447 г.) создавалась, судя по ее специфическим чтениям, в Пантелеймоновом монастыре, не только непосредственно прилегавшем территориально к Юрьеву монастырю, но и связанном с ним общей историей[15].

Две точных даты в ЛА относятся к описанию под 1453 г. разрушения, воссоздания и освящения церкви св. Иоанна в Торгу, «на Петрятинѣ дворѣ». Из владычной летописи мы узнаем, что подготовительные работы в церкви начались в воскресенье, 3 июня 1453 г.: «Того же лѣта, веснѣ, почаша рушити церковь камену святого Ивана на Петрятинѣ дворѣ, в Торгу, повелѣниемъ владыкы Еуфимия, мѣсяца июня въ 3 день в недѣлныи, на память святого Лукиана». Предыдущее известие того же года («тои зимы») сообщает о приезде в Новгород князя Дмитрия Шемяки с войны «изъ Заволочья», а следующее после него – о смерти Шемяки во вторник, 17 июля 1453 г. В свою очередь, после сообщения о смерти Дмитрия Юрьевича следует известие о воссоздании и освящении церкви св. Иоанна: «Того же лѣта свершиша церковь святого Ивана в Торгу, на Петрятинѣ дворѣ, мѣяца септяврия въ 23 день, в недѣлю; и священна бысть архиепископомъ владыкою Еуфимиемь на память Зачатия святого Иоанна»[16]. Такое чередование в летописи Евфимия событий, связанных с судьбой Дмитрия Шемяки и с работами в церкви Иоанна Предтечи, представляется неслучайным.

Как известно, эта церковь («Иоанна на Опоках») была построена князем Всеволодом Мстиславичем «в имя сына своего» Ивана в 1127 г. и получила от него пожалование («Рукописание Всеволода»)[17]. Существенным представляется тот факт, что у князя Дмитрия Шемяки тоже был сын Иван, и возобновление княжеской по происхождению церкви должно было иметь смысл выражения поддержки Дмитрия Юрьевича и его наследника архиепископом Евфимием и новгородцами. Деятельное

[14] *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Северноруссские монастыри. СПб., 2001. С. 15–23.

[15] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 220–222.

[16] Позже, в 1455 г., был «подписанъ святыи Иванъ на Петрятинѣ дворѣ, новелѣниемъ владыкѣ Еуфимия» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194).

[17] *Янин В. Л.* Буевище «Петрянино дворище» в Новгороде // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 190–201. Об этой же церкви говорится в Повести о посаднике Добрыне, где рассказывается история о наказании получившего мзду посадника Добрыни, который был утоплен вихрем в Волхове за содействие «немцам» и повеление перенести церковь Иоанна Предтечи на другое место (см.: *Бобров А. Г.* «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 140–141, 160–161).

участие архиепископа Евфимия в судьбе этой церкви символизировало политическое единство Великого Новгорода и великого князя Дмитрия Юрьевича с сыном Иваном.

Это единство проявилось в летописании. Летописец Евфимия в равной степени описывает события связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом (при этом точные даты он проставляет даже чаще при описании последних), создавая своего рода совместное «владычно-княжеское» летописание. Такой необычный симбиоз оказался возможным благодаря присутствию в Великом Новгороде семьи и, очевидно, двора великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, который сам был «книжным» человеком. Об этом свидетельствуют церковные иерархи, направившие ему в 1447 г. послание с призывом прекратить борьбу за великое княжение. Приведя ряд примеров из Священной истории, авторы послания говорят Дмитрию Шемяке, что могли бы еще много писать, «но сам, господине, как ти дал Бог разум, потонку разумеешь Божественое писание»[18].

Вопреки большинству известий московских великокняжеских сводов, летописец Евфимия II на всем протяжении текста последовательно именует Дмитрия Шемяку «великим князем», а его жену Софию – «великой княгиней». Нумизматические свидетельства подтверждают, что Шемяка действительно назывался великим князем с середины 1430-х гг. Именно к этому времени Я. С. Лурье относит так называемые «двуименные» монеты Василия II и Дмитрия Шемяки, содержащие надписи «князя великого Василия» и «князя великого Дмитрия». Так как под 1437 г. оба они были названы в летописи «великими князьями», исследователь приходит к выводу, что между 1436 и 1445 гг. на Руси было своего рода «двоевластие»[19]. Столица великого князя Василия II находилась в Москве, а великого князя Дмитрия Шемяки – в Угличе.

К этому же времени относится известная «Шемякина плащаница» – «воздух», являющийся вкладом в Юрьев монастырь великого князя Дмитрия Юрьевича, его жены великой княгини Софьи и сына Ивана. Шитая золотом вкладная запись на этой плащанице (XIX в., повторяющая содержание древней утраченной надписи) гласит следующее: «В лѣто 6957 индикта 7, какъ былъ велики князь Дмитрии Юриевичь в Великом Новѣгородѣ, и повелением великаго князя наряжен бысть сии воздухъ въ храмъ святаго великомученика Георгия того же лѣта месяца августа въ 23 день благоверною и его великою княгинѣю Софьею и при сыну благовернои (так! – *А. Б.)* князѣ Иванѣ. И положенъ бы[сть] въ церкви

[18] Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1986. [Вып.] 1. С. 114.

[19] *Лурье Я.* С. Двуименные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // Средневековая Русь. М., 1986. С. 84–88.

святаго великомученика Христова Георгиа в Великом Новѣгородѣ в Юриевѣ манастырѣ при архиепископе велико Новагорода Евфимии, при архимандритѣ Мисаилѣ, за оставление греховъ и спасения ради душъ наши и наши детѣи, и внучатом, и правнучатам, в семъ вѣцѣ и в будущем. Аминь»[20].

Следует согласиться с В. Л. Яниным, что «дата Шемякиной плащаницы неверна в той ее части, которая обозначена годовым числом», и что вместо 6957/1449 г. следует, в соответствии с индиктом, читать «6952» (1444 г.)[21], тем более что в этом году 23 августа падало на воскресенье, самый подходящий день для торжественного вклада плащаницы в обитель. Невозможно, в то же время, принять другой вывод В. Л. Янина: «в 1444 г. Шемяка находился в Новгороде как гость, просивший и получивший временное убежище», а шитая легенда плащаницы с именованием его «великим князем» появилась позже, в 1446–1456 гг.[22] Такое допущение совершенно необязательно, поскольку в 1444 г. Шемяка явно не нуждался во «временном убежище»; скорее всего, Дмитрий Юрьевич с семьей посетил Новгород в августе 1444 г. как один из двух соправителей Руси – «великих князей».

Ситуация резко изменилась 7 июля 1445 г., когда Василий II потерпел поражение от татар под Суздалем. Единственным великим князем «всея Руси» на время пленения Василия II остался Дмитрий Шемяка. Пообещав за себя огромный выкуп, Василий Васильевич 1 октября 1445 г. был отпущен на Русь с большим татарским отрядом для сбора денег; узнав об этом, Шемяка вновь укрылся в Угличе, а позже – в Рузе, ставшей на время центром складывающейся антивеликокняжеской коалиции. Как отметил А. А. Зимин, «широкая оппозиция Василию II питалась в первую очередь тревогой за судьбу страны, ибо великий князь "навел" на Русь татар, и чем это могло кончиться, никто не знал»[23]. 12 февраля 1446 г. войска союзных с Дмитрием Шемякой князей взяли Москву, а в ночь с 13 на 14 февраля Василий II был захвачен в Троицком монастыре, привезен в Москву, ослеплен и сослан в самое надежное место – столицу Шемяки Углич. 15 сентября 1446 г. Василий дал крестное целование и «проклятые грамоты», очевидно, с обязательством прекратить борьбу за великое княжение (эти документы до нас не дошли). Ослепленный князь Василий Васильевич

[20] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. М., 1971. С. 43 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–49).

[21] *Янин В. Л.* Дата Шемякиной плащаницы // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. С. 330–336.

[22] Там же. С. 334–335.

[23] *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 109.

Табл. 1. «Точные даты» в Летописи Авраамки за 1447–1457 гг.

№	Дата	Содержание	День недели	Подвижный	Неподвижный	Время	Час
1	03.07.1447	Приход новгородцев к р. Нарове	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
2	06.07.1447	Сражение с «немцами» на р. Нарове	Четверг	*Нет*	*Нет*	по обеде	*Нет*
3	08.07.1447	Возвращение новгородцев с р. Наровы	Суббота	*Нет*	*Нет*	по обеде	*Нет*
4	02.04.1449	Приезд в Новгород кн. Дмитрия Шемяки	Среда	на Вербной неделе	*Нет*	*Нет*	*Нет*
5	21.03.1451	Отъезд из Новгорода кн. Дмитрия Шемяки	Воскресенье	«по Зборе»	*Нет*	*Нет*	*Нет*
6	28.04 1451	Пожар в Юрьевом монастыре	Среда	«назавтрее Радуничь»	*Нет*	«на ноць»	*Нет*
7	03.06.1453	Ремонт ц. св. Иоанна на Торгу	Воскресенье	*Нет*	Св. Лукиана	*Нет*	*Нет*
8	17.07.1453	Смерть кн. Дмитрия Шемяки	Вторник	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
9	23.09.1453	Создание ц. св. Иоанна на Торгу	Воскресенье	*Нет*	Зачатие Иоанна Предтечи	*Нет*	*Нет*
10	20.01.1456	Кн. Василий Темный вышел на Новгород	Вторник	на Черкизове неделе	*Нет*	*Нет*	*Нет*
11	02.02.1456	Взятие кн. Василием Темным Русы	Понедельник	на Сырной неделе	*Нет*	Порану	*Нет*

12	02.02.1456	Выход новгородцев на войну из города	Понедельник	на Масленой неделе	*Нет*	по обеде	*Нет*
13	03.02.1456	Сражение при Русе	Вторник	*Нет*	*Нет*	Порану	*Нет*
14	06.02.1456	Взятие кн. Василием Темным Молвотиц	Пятница	на Масленой неделе	*Нет*	*Нет*	*Нет*
15	07.02.1456	Побег из Новгорода кн. Софьи	Суббота	Сыропустная	*Нет*	*Нет*	*Нет*
16	13.02.1456	Погребение кн. Марьи, дочери кн. Софьи	Пятница	на Федоровой *неделе*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
17	15.02.1456	Отъезд владыки Евфимия на переговоры	Воскресенье	Сборная	*Нет*	*Нет*	*Нет*
18	22.02.1456	Приход псковичей на помощь Новгороду	Воскресенье	«по Зборе»	*Нет*	*Нет*	*Нет*
19	25.02.1456	Возвращение владыки Евфимия с миром	Среда	на 3-й неделе поста	*Нет*	*Нет*	*Нет*
20	28.02.1456	Приезд в Новгород кн. Юрия Васильевича	Суббота	на 3-й неделе поста	*Нет*	Нет	Нет
	Итого:		19 (95%)	13 (65%)	*2* (10%)	6 (30%)	0 (0%)

Табл. 2. «Точные даты» в Летописи Авраамки за 1458–1469 гг.

№	Дата	Содержание	День недели	Подвижный	Неподвижный	Время	Час
1	10.03.1458	Преставление Евфимия II	*Нет*	*Нет*	Св. Софрония Иерусал.	*Нет*	2 час ноч.
2	19.03.1458	Выборы нового аохиепископа – Ионы	Воскресенье	*Нет*	Св. Хрисанфа и Дарии	*Нет*	*Нет*
3	01.11.1458	Приезд в Новгород королевича из Литвы	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
4	11.01.1459	Отъезд владыки Ионы в Москву	*Нет*	*Нет*	Св. Феодосия Великого	*Нет*	*Нет*
5	01.02.1459	Поставление владыки Ионы в архиепископы	Четверг	Сыропустная неделя	Св. Трифона	*Нет*	Час 5
6	03.03.1459	Возвращение владыки Ионы из Москвы	*Нет*	*Нет*	Св. 42 мученик	*Нет*	*Нет*
7	25.03.1459	Совпадение Пасхи с Благовещеньем	*Нет*	Пасха	Благовещение	*Нет*	*Нет*
8	20.07.1459	Начало строительства ц. «над Исповедникы»	*Нет*	*Нет*	Св. Ильи	*Нет*	*Нет*
9	01.09.1459	Конец строительства ц. «над Исповедникы»	*Нет*	*Нет*	Св. Симеона	*Нет*	*Нет*
10	20.01.1460	Приезд на княжение Василия Васильевича	*Нет*	*Нет*	Св. Евфимия Великого	*Нет*	*Нет*
11	31.01.1460	Чудо Варлаама Хутынского о умершем	*Нет*	*Нет*	Св. Кира и Иоанна	*Нет*	*Нет*

12	10.02.1460	Отъезд владыки Ионы в Москву	*Нет*	*Нет*	Св. Харлампия	*Нет*	*Нет*
13	01.09.1460	Начало работы по укреплению города	*Нет*	*Нет*	Св. Симеона	*Нет*	*Нет*
14	06.01.1461	Съезд послов на мирные переговоры	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
15	01.02.1461	Заключение перемирия	*Нет*	*Нет*	Св. Трифона	*Нет*	*Нет*
16	15.02.1461	Поставление владыкой игумена в Хутынь	*Нет*	На Собор	*Нет*	*Нет*	*Нет*
17	13.03.1461	Знамение колокола звонящего в Аркаже	*Нет*	*Нет*	Св. Никифора патриарха	*Нет*	*Нет*
18	31.03.1461	Преставление митрополита Ионы в Москве	*Нет*	*Нет*	Св. Ипатия	*Нет*	2 час дня
19	6-9.04.1461	Наводнение в Новгороде	Понед.– четв.	На Святой неделе	*Нет*	*Нет*	*Нет*
20	03.05.1461	Поставление митрополита Феодосия	Воскресенье	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
21	24.06.1461	Падение притвора ц. Иоанна Предтечи	*Нет*	*Нет*	Св. Иоанна Предтечи	литургия	*Нет*
22	24.06.1461	Закладка ц. св. Владимира на вратах	*Нет*	*Нет*	Св. Иоанна Предтечи	*Нет*	*Нет*

23	06.08.1461	Освящение ц. св. Владимира на вратах	*Нет*	*Нет*	Чудо св. Михаила	*Нет*	*Нет*
24	01.11.1461	Освящение ц. св. Лазаря в монастыре	*Нет*	*Нет*	Св. Козмы и Дамиана	*Нет*	*Нет*
25	07 12.1461	Пожар в Новгороде	*Нет*	*Нет*	Св. Амвросия	полунощь	*Нет*
26	17.12.1461	Лунное затмение	*Нет*	*Нет*	Св. Пророка Даниила	*Нет*	5-12 час
27	07.01.1462	Приезд послов кн. Василия Темного в город	*Нет*	*Нет*	Св. Иоанна Предтечи	*Нет*	*Нет*
28	22.01.1462	Отъезд послов кн. Василия Темного	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
29	06.03.1462	Поставление владыкой архимандр. в Юрьев	*Нет*	*Нет*	Св. муч. в Херсоне	*Нет*	*Нет*
30	23.03.1462	Смерть Василия Темного	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	3 час ноч.
31	06.06.1462	Конец непогоды в Новгороде	*Нет*	Троица	*Нет*	*Нет*	*Нет*
32	06.06.1462	Знамение слез от иконы в ц. Бориса и Глеба	*Нет*	Троица	*Нет*	литургия	*Нет*
33	08.06.1462	Знамение огня от свечи в Хутыни	*Нет*	3 день по Троице	Св. Федора Стратилата	*Нет*	*Нет*

34	15.08.1462	Строительство ц. Трех Святителей в Отне	*Нет*	*Нет*	Успение богородицы	*Нет*	*Нет*
35	26.08.1462	Пожар в Новгороде	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	6 час ноч.
36	02.09.1462	Пожар в Новгороде	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	6 час ноч.
37	07.02.1463	Конец непогоды в Новгороде	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
38	26.10.1462	Освящение ц. Дмитрия на Славкове улице	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
39	21.11.1462	Освящение ц. Трех святителей в Отне	Воскресенье	*Нет*	Введение богородицы	*Нет*	*Нет*
40	07.01.1463	Пожар в Новгороде	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
41	22.01.1463	Отъезд владыки Ионы в Москву	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
42	09.02.1463	Возвращение владыки Ионы из Москвы	*Нет*	*Нет*	Св. муч. Никифора	*Нет*	*Нет*
43	29.06.1463	Освящение ц. Евфимия в Вяжищах	*Нет*	*Нет*	Св. ап. Петра и Павла	*Нет*	*Нет*
44	29.05.1463	Закладка ц. св. Образа Господня на Поле	*Нет*	Троица	Св. преп. Феодосии	*Нет*	*Нет*

45	03.07.1463	Закладка ц. св. Анастасии	Воскресенье	*Нет*	Св. муч. Акинфа	*Нет*	*Нет*
46	28.08.1463	Пожар; Освящение ц. св. Образа Господня	*Нет*	*Нет*	Св. Моисея Мурина	*Нет*	*Нет*
47	14.09.1463	Освящение ц. св. Анастасии	*Нет*	*Нет*	Воздвиженье	*Нет*	*Нет*
48	12.11.1463	Освящение ц. Воскресения	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
49	26.11.1463	Пожар на Ильине улице	*Нет*	*Нет*	Перед Иконы Знамения	На нощь	*Нет*
50	29.03.1464	Владыка Иона «умы ногу» митроп. Иосифа	Четверг	На Страстной неделе	*Нет*	*Нет*	*Нет*
51	15.05.1464	Отъезд митрополита Иосифа в Псков	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
52	08.07.1464	Возвращение митроп. Иосифа из Пскова	*Нет*	*Нет*	Св. Прокопия	*Нет*	*Нет*
53	01.04.1464	Чудо в Николо-Островском монастыре	Перед понед.	Велик день	*Нет*	полунощь	*Нет*
54	30.05.1464	Строительство ц. Козмы и Дамиана	*Нет*	*Нет*	Св. Исаакия	*Нет*	*Нет*
55	03.06.1464	Строительство ц. Положения пояса	*Нет*	*Нет*	Св. Лукиана	*Нет*	*Нет*

56	24.06.1464	Строительство ц. Бориса и Глеба в Торгу	*Нет*	*Нет*	Св. Иоанна Предтечи	*Нет*	*Нет*
57	21.05.1465	Пожар в Аркаже монастыре	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
58	09.06.1465	Смерть Романа Ключника, Федора протод.	Воскресенье	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
59	08.06.1466	Закладка ц. Благовещения на Михайл. улице	*Нет*	*Нет*	Св. Феодора Стратилата	*Нет*	*Нет*
60	22.06.1466	Пожар в Десятинном монастыре	*Нет*	*Нет*	*Нет*	Нощь	*Нет*
61	03.07.1466	Закладка ц. св. Иакинфа на владычном дворе	*Нет*	*Нет*	Св. Иакинфа	*Нет*	*Нет*
62	08.091466	«Блистания грозна бысть и громъ великъ»	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
63	23.09.1466	Пожар в Антониеве монастыре	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
64	01.09.1465	Начало мора в Новгороде	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
65	26.09.1466	Выбор по жребию посвящения новой ц.	*Нет*	*Нет*	Св. Иоанна Богослова	*Нет*	*Нет*
66	30.09.1466	Заготовка деревьев для ц. св. Симеона	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	6 час ноч.
67	01.10.1466	Создание и освящение ц. св. Симеона	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	7 час дня

68	07.10.1466	Смерть Ивана Григорьевича	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
69	01.10.1467	Освящение камен. ц. Симеона Богоприимца	*Нет*	*Нет*	Покров, Св. Анании	*Нет*	*Нет*
70	07.07.1468	Пожар в Новгороде	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
71	06.07.1468	Пожар от ц. св. Николы	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
72	07.07.1468	«Громъ бысть страшенъ и блистания грозна»	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*	*Нет*
73	17.01.1469	Отъезд владыки Ионы в Псков	*Нет*	*Нет*	Св. Антония	*Нет*	*Нет*
74	09.02.1469	Возвращение владыки Ионы из Пскова	*Нет*	На Масленой неделе	Св. Никифора	*Нет*	*Нет*
75	03.03.1469	Смерть посадника Якова Лозьева	*Нет*	*Нет*	Нет	*Нет*	*Нет*
76	02.04.1469	Пожар на Щерковой улице	*Нет*	«По Велици дни»	*Нет*	*Нет*	*Нет*
	Итого:		9 (11.8%)	12 (15.8%)	43 (56,6%)	6 (7,9%)	9 (11.8%)

был отпущен Шемякой на княжение в Вологду, в честь чего был устроен пир. На протяжении почти всего 1446 г. (с 12 февраля по 25 декабря) Москва была в руках Дмитрия Шемяки и его союзника Ивана Можайского, а Василий Темный тем временем из Вологды отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, игумен которого Трифон «с братиею» снял с него крестное целование. Вернувшись на путь военных действий, Василий Темный вступил в союз с князем Борисом Тверским и обручил своего малолетнего сына Ивана с его дочерью Марией; на Рождество 1446 г. Москва вновь перешла в руки ослепленного великого князя; московские и тверские войска захватили Шемякину столицу – Углич, что ознаменовало победу Василия Темного, и 17 февраля 1447 г., через год и три дня после своего ослепления, он, наконец, с триумфом вернулся в Москву[24].

До 1448 г. жена Шемяки Софья и сын Иван некоторое время находились в Галиче. Начавшийся новый этап феодальной войны принудил Дмитрия Юрьевича искать для своей семьи более безопасное место, и он, как мы узнаем из летописи Евфимия, обратился к новгородцам с просьбой принять «княгыню и сына Ивана»[25]. В ответ на просьбу Шемяки «архиепископъ владыка Еуфимии и Великыи Новъгородъ прияша княгиню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осенинѣ въ Юрьевъ манастырь, а самъ князь великыи Дмитрии Юрьевичь, въ Великомъ Новѣгородѣ не бывъ, пошедъ Галицю»[26]. Как сообщает летописец Евфимия, 2 апреля 1449 г. великий князь Дмитрий Юрьевич «челова крестъ» Великому Новгороду, а новгородцы – великому князю. Шемяка сел на новгородском столе именно как великий князь, поскольку одновременно с ним в Новгороде, согласно ЛА, был и служилый князь – доблестный Александр Васильевич Чарторыйский[27]. Великий князь сделал своей столицей Новгород.

В конце января 1450 г. московские войска взяли Галич, после чего Дмитрий Юрьевич бежал к семье в Новгород. Шемяке еще удалось на некоторое время занять Устюг, но поход на Русский Север 1452 г., который возглавлял 12-летний сын Василия Темного Иван, вынудил Дмитрия вновь вернуться в Новгород. В то время, когда Дмитрий Шемяка был «за Волоком», в Новгороде, по сообщению летописи Евфимия, состоялась свадьба служилого новгородского князя Александра Васильевича Чарторыйского с дочерью Шемяки Марией[28].

[24] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 122.
[25] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.
[26] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 122.
[27] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192–193.
[28] Там же. Стб. 193.

Вернувшись в Новгород в начале 1453 г., Дмитрий Юрьевич пошел на мирные переговоры с Василием Темным. Мы знаем о них из Послания митрополита Ионы архиепископу Новгородскому Евфимию II, где говорится, что Москва потребовала от Шемяки направить «посла с чистымь покоениемь» к великому князю, «и жалованиа у него просити такова, как было Богу любо, а крестияньское бы устроение было и тишина, а ему бы как в чем было прожити по пригодью»[29]. Предлагаемое «жалование» великого князя описано достаточно ясно, хотя и в иносказательной форме: здесь говорится о том, что Дмитрию Юрьевичу следует ожидать «жалования» явно не в виде княжеского удела, а в виде какого-то тихого *богоугодного* места, где было бы *«крестияньское устроение»*, и где были бы обеспечены его повседневные потребности. Это описание идеально подходит к монастырю. Нет никаких сомнений, что речь идет о предполагаемом пострижении князя Дмитрия Юрьевича в иноки. Но Шемяка не смирился: его ответный посол боярин Иван Новосильцев приехал, с точки зрения Москвы, «ни с чем, чему ся не мощно никоторыми делы свести» (т. е. согласие князя Дмитрия на предложенный вариант не было получено), а его посылаемые «тайно» грамоты были написаны с «великою высостию». Московский митрополит Иона почти прямо угрожал Евфимию II за поддержку князя Дмитрия Юрьевича: «поберези своего святительства»[30].

В июле 1453 г. Дмитрий Юрьевич Шемяка умер. Родственник («своитин») великих князей преподобный Михаил Клопский дважды предупреждал Шемяку о скорой смерти. В первый раз он сказал Дмитрию Юрьевичу: «Княже, досягнеши 3-лакотнаго гроба!»[31]. Второй приезд Шемяки в Клопский монастырь состоялся перед самой его кончиной, «на Троецькои недели в пяток»[32], то есть 25 мая 1453 г. Когда монахи пошли провожать Дмитрия Юрьевича, «Михаила князя за голову погладить да молвит: "Княже, земля вопиет!" И трижды молвить»[33]. Для нас суще-

[29] Русский феодальный архив. [Вып.] 1. С. 160. «Пригодье», согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», вообще значит «то, что нужно, полезно для повседневной потребности», хотя в нашем случае, приведенном в качестве примера, авторы Словаря видят значение «как следует, надлежит, в соответствии с пользой» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1994. Вып. 19. С. 132). Смысл анализируемой фразы становится более понятен, если мы будем понимать слово «пригодье» в его основном значении.

[30] Русский феодальный архив. [Вып.] 1. С. 160–161.

[31] Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 96.

[32] Там же. С. 108.

[33] Там же. С. 96. В тексте варианта Б Первой редакции Жития Михаила Клопского, содержащей указание на точную дату второго приезда Шемяки в монастырь, после этих слов добавлено: «И молвит князь: „Михаилушко, хочу во Ржову ехати Костянтинову

ственно, что оба предсказания Михаила Клопского были сделаны незадолго до начала работ в Иоанновской церкви (3 июня 1453 г.). Очевидно, в случае смерти или ухода Дмитрия в монастырь возникала перспектива выработки отношения к его наследнику Ивану, и в конце весны – начале лета 1453 г. эта проблема уже встала перед новгородцами во весь рост. Поскольку Дмитрий Юрьевич был великим князем, то и его сын, несомненно, мог претендовать на великое княжение. Если следовать новому принципу наследования «от отца к сыну», который отстаивали сами противники «Юрьевичей», Иван Дмитриевич мог претендовать на старшинство в роде. В этой связи заслуживает внимания запись в Синодике Иосифо-Волоколамского монастыря, поминающая, наряду с Иваном III, в качестве великого князя и Ивана Дмитриевича[34], следовательно, сын Дмитрия Шемяки мог восприниматься как реальный претендент на престол. Более того, по возрасту он, скорее всего, был чуть старше Ивана III, родившегося 22 января 1440 г., поэтому прежний принцип наследования («по старшинству») также был в его пользу[35].

В Житии Михаила Клопского утверждается, что Дмитрий Юрьевич Шемяка «канун Ильина дни преставися»[36] (т. е. перед 20 июля 1453 г.). Летописец Евфимия приводит точную дату: «преставися князь великыи Дмитрии Юрьевичь в Великомъ Новѣгородѣ на Городѣщи месяца июля въ 17 день, въ вторникъ; и положенъ бысть в манастырѣ святого Егоория въ церкви»[37]. Действительно, 17 июля 1453 г. был вторник. Если учесть сообщение Львовской летописи, что Шемяка был отравлен и болел 12 дней, то вероятная дата отравления – это четверг, 5 июля, день памяти перенесения мощей Сергия Радонежского, произошедшего в 1422 г.[38] Для Дмитрия Шемяки это был особый день: его отец, князь Юрий Дмитриевич, бывший крестником и особым почитателем памяти Сергия («многу

на свою вотчину". И рече ему Михаило: „Княже, не исполниши желания своего"» (Там же. С. 108).

[34] *Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В.* Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 125.

[35] Согласно этому принципу наследования на старшинство в роде из числа потомков Дмитрия Донского, очевидно, мог претендовать и князь Иван Андреевич Можайский.

[36] Повести о житии Михаила Клопского. С. 96.

[37] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193. Та же дата смерти Шемяки, 17 июля, читается в окончании Новгородской четвертой летописи (по спискам Строевскому и Синодальному): ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 445. В псковских летописях говорится о смерти Шемяки 18 июля, «на намять святого мученика Емелиана» (Псковские летописи. Вып. 1. С. 51; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 48, 140).

[38] *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 72, 543.

вѣру имѣ къ святому Сергию, бѣ бо от преподобнаго просвѣщению сподобленъ бысть»[39]), свидетельствовал тогда открытые мощи преподобного, а впоследствии построил для них каменный Троицкий собор. 5 июля 1422 г. Дмитрию Шемяке было уже лет девять-десять; вполне возможно, что он в этот день также присутствовал на празднике в Троице-Сергиевом монастыре, куда «стекошяся с радостию великою дръжавнии князи, священнии събори, иноци же и простии людие от многых странъ»[40]. При этом, как замечает Б. М. Клосс, «ни одного представителя центральной власти (великого князя и митрополита) на празднестве не было, и состоявшаяся канонизация носила местный характер»[41], т. е. это был своего рода «праздник Юрьевичей». Случайно ли столь памятный день был выбран для отравления последнего из детей Юрия Дмитриевича?

Само отравление не было тайной для современников (в некоторых летописях упоминается, что Дмитрий Шемяка «умре со отравы»[42] или что «даша ему лютаго зелия»[43]), но московское великокняжеское летописание, несмотря на это, умолчало об обстоятельствах и причине смерти Шемяки, заметив лишь, что он умер «напрасно» (внезапно, безвременно[44]) и что подьячий, принесший эту весть в Москву, был сделан дьяком[45].

В неофициальном летописании мы встречаем два варианта рассказа о смерти князя Дмитрия Юрьевича. В Кирилло-Белозерском своде 1472 г., судя по Ермолинской летописи, содержался такой текст: «Того же лѣта в Новѣградѣ Великомъ преставися князь Дмитреи Юрьевичь Шемяка; людская молва говорятъ, что будетось со отравы умерлъ, а привозилъ с Москвы Стефанъ Бородатыи дьякъ къ Исаку к посаднику к Борецкому[46], а Исакъ деи подкупилъ княжа Дмитреева повара, именемъ Поганка, тъи же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вѣстью на Москву к великому князю Василеи Бѣда подьячеи; князь же велики пожаловалъ его дьячествомъ, и прорѣкоша ему людие мнози, яко не надолго будетъ времени его, и по малѣ сбыться ему»[47].

---

[39] *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 418–419.

[40] Там же. С. 418.

[41] Там же. С. 69.

[42] ПСРЛ. Т. 4. вып. 2. С. 464, 490.

[43] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 83.

[44] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10. С. 194–195.

[45] Н. М. Карамзин по этому поводу заметил: «Великий Князь изъявил нескромную радость» *(Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 188).

[46] В ркп. ошибочно «Богородицкому».

[47] ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

Еще более определенно вина за отравление Шемяки возлагается на московского великого князя в тексте Львовской летописи, восходящей к неофициальному своду 1480-х гг.: «Того же лѣта посла великии князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха въ Новгородъ къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову[48], поведа ему речь великого князя, он же обещася, якоже глаголетъ Давидъ: яды хлебъ мои възвеличи на мя лесть; призва повара на сеи советъ. Бысть же князю Дмитрею по обычью въсхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря доспети. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ доспеша его и принесоша его предъ князь; и яде не ведыи мысли ихъ; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеся, и лежа 12 днеи преставися»[49].

Разница между приведенными выше версиями неофициального летописания[50] состоит в двух принципиальных подробностях. Во-первых, более ранняя версия говорит о том, что отрава была привезена великокняжеским дьяком «с Москвы», лишь намекая на причастность к убийству самого великого князя Василия Темного (об этом же, вероятно, говорит и многозначительный эпизод с пожалованием «дьячества» гонцу, доставившему весть в Москву), а более поздняя версия берет на себя смелость прямо утверждать: заказчик преступления – Василий II (Стефана Бородатого «посла великии князь», боярину Котову была передана «речь великого князя»). Другое отличие состоит в том, что если в первом случае предполагаемым посредником между дьяком Стефаном и поваром-отравителем выступает новгородский посадник Исаак Борецкий, то во втором случае им прямо назван боярин Дмитрия Шемяки Иван Котов.

Первая версия изложена в значительной степени предположительно («...людская молва говорятъ, что будетось <...> деи...»). Поскольку же «новгородское правительство в борьбе Василия II с Шемякой держало сторону Шемяки, а после его смерти сын его пользовался там большим почетом», постольку «участие Исаака Борецкого в отравлении Шемяки представляется мало вероятным»[51]. А вот бывший боярин Шемяки Иван

[48] В Эттеровом списке Львовской летописи ошибочно читается «Нотову» (ПСРЛ. Т. 20, первая пол. С. 262).

[49] Там же.

[50] Только в версиях неофициального летописания утверждалось, что Шемяка был отравлен своим поваром, и об этом же знали иноки белозерских монастырей («нецыи поведают, окормленъ бысть зелием от повара своего и умре») (Житие Мартиниана Белозерского / Подгот. текста и коммент. Е. Э. Шевченко // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994. С. 256). Благодарю Е. Э. Шевченко, обратившую мое внимание на этот факт.

[51] *Насонов А. Н.* История русского летописания: XI – начало XVIII века. М., 1969. С. 335.

Котов, оказывается, может быть пойман за руку при получении платы за преступление: он становится сразу после отравления Дмитрия Юрьевича дьяком московского великого князя, о чем прямо свидетельствует наличие его монограммы на жалованной грамоте Василия Темного от 17 апреля 1454 г. (установлено Ю. Г. Алексеевым)[52]. Кроме того, именно Котова считал отравителем Шемяки и близкий к семье великого князя преподобный игумен Пафнутий Боровский: когда к нему в монастырь пришел один монах-странник, прозорливый старец, никогда его раньше не видевший, сказал своим ученикам, что этот человек даже иночеством не очистился от крови князя Дмитрия, которого он уморил, и это был не кто иной, как Иван Котов[53].

Вторая версия представляется более достоверной не только из указанных соображений, но и благодаря наличию в ней мельчайших подробностей, которые выдают очевидца и которые трудно было бы придумать: «...князю Дмитрею *по обычью* въсхоте ясти о *полудни* и повеле себе *едино куря* доспети <...> *не случи же ся никому дати его.* Ту же разболеся, и *лежа 12 дней* (курсив во всех случаях мой. – *А. Б.)* преставися». В версии истории отравления Дмитрия Шемяки, дошедшей до нас в неофициальном летописании 80-х гг. XV в., мы видим явные признаки свидетельства очевидца происходивших событий. Одним из немногих таких «самовидцев», безусловно, был сын Шемяки, князь Иван Дмитриевич, которого мы отождествляем с кирилло-белозерским книжником второй половины XV в. Ефросином[54]. Особое внимание Ефросина Белозерского к судьбе Шемяки проявилось, в частности, в том, что заключительное известие основной части его краткого летописца, созданного в середине 1460-х гг., посвящено кончине князя Дмитрия: «В лѣто 6961 [1453 г. – *А. Б.*]

[52] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерки развитии аппарата управлении XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 176–177, 307.

[53] Троицкий патерик, или Сказания о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях просиявших. Свито-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 243 (Репринт изд. 1896 г.). Между прочим, запрещение митрополита Ионы поминать Шемяку в церкви вызвало возмущение Пафнутия Боровского, вышедшего победителем из спора с иерархом: «И Пафнотеи до конца поминовал князя Дмитрея» (Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 365–366; Зимин *А. А.* Витязь на распутье. С. 154–156).

[54] *Бобров А. Г.* 1) Попытка одного отождествления: (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 270–278; 2) Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2005. Т. 22. P. 238–298; 3) Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинока Ефросина Белозерского: (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008 (в печати).

преставися князь Дмитреи Юрьевич июля 23» (РНБ, Пог. 1554, л. 15; цифра «23» приписана позже, другими чернилами).

Узнать правду о заказчиках отравления было непросто: московские дьяки Котов и Бородатый были недоступны для проводимого в Новгороде расследования. Поэтому думается, что подробности отравления Дмитрия Юрьевича его сын, теперь уже кирилло-белозерский книжник Ефросин, смог узнать значительно позже событий 1453 г.

В декабре 1477 г. – феврале 1478 г. Ефросин записал в одном из своих сборников, что он покинул Кирилло-Белозерский монастырь: «Тое зимы [6986. – *А. Б.*] на игуменство поехалъ» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, л. 235). Е. Э. Шевченко справедливо считает, что упомянутая под 6986 г. поездка на игуменство относится к Ферапонтову монастырю[55]. Исследовательница пришла к выводу, что «Ефросин был игуменом Ферапонтова монастыря в то время, когда Мартиниан, вернувшись из Троице-Сергиева монастыря, был там строителем»[56], а именно в конце 1470-х гг. В высшей степени примечательно, что соответствующая действительности информация о прямом указании Василия Темного отравить Шемяку и о передаче яда повару Дмитрия Юрьевича боярином Иваном Котовым попадает в неофициальное летописание только после того, как Ефросин в конце 1470-х гг. становится игуменом в Ферапонтовом монастыре, где живет единственный в это время знавший правду о преступлении человек – Мартиниан Белозерский, бывший в 1453 г. духовником Василия Темного. Сын отравленного князя спустя четверть века после преступления встретился с духовником отравителя. Преподобный Мартиниан Белозерский, умерший в 1483 г., несомненно, был хорошо осведомлен об участии Василия Темного в отравлении Шемяки и о подлинных исполнителях преступления; он, по всей видимости, сурово осудил убийство князя Дмитрия Юрьевича: «примечательно, что охлаждение отношений между Василием II и его духовником наблюдается с тех самых пор, как в Москве узнали об отравлении Дмитрия Шемяки»[57]. Скорее всего, лишь от Мартиниана Ефросин и смог узнать наверняка, что Василий Темный действительно был заказчиком отравления и что виновником смерти Шемяки был не Исаак Борецкий (как предположительно утверждалось в Кирилло-Белозерском своде 1472 г.), а боярин Иван Котов.

[55] *Шевченко Е. Э.* Книжник XV в. Мартиниан: (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Вожеозерский и Ферапонтов монастыри) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 297–298.

[56] Там же. С. 297.

[57] *Борисов Н.* С. Иван III. М., 2003. С. 138.

Хорошо осведомленный летописец Евфимия ничего не сообщает об отравлении Шемяки («преставися князь великыи Дмитрии Юрьевичь»), но в ЛА встречается другой текст, позволяющий думать, что об этом грехе Василия Темного и об отношении к нему духовников (в том числе и Мартиниана Белозерского) было известно его преемнику – летописцу Ионы. Описывая кровавые казни в Великий пост 1462 г., он говорит: «не постави грѣха сего князю великому Василью Васильевичю, *таковая съдѣявша, что и отцемь духовнымъ не велѣлъ приступити к нимъ* (курсив мой. – *А. Б.*)»[58]. Что же именно летописец Ионы просит не считать грехом Василию Темному? Он сам описывает эти действия против «друголюбных съвѣтников» заточенного князя Василия Ярославича, совершенные «княжимъ велѣниемъ, а злаго диавола научениемъ»: «иныя извѣшаху, а иного коньми растерзающе немилостивно, а ины оружиемъ прободоша, иному руцѣ и нозѣ отсѣкоша, а иныя въ водѣ истопиша, и многы мукы приемлюще, бещисленыя язвы...». Но все это, по мнению летописца, можно не считать грехом по сравнению с чем-то иным, что совершил Василий Темный. Этот неназванный грех князя даже не мог быть снят духовными отцами. Скорее всего, летописец имеет в виду здесь отравление соправителя Василия Васильевича – великого князя Дмитрия Юрьевича.

Как сообщает летописец Евфимия, через восемь месяцев после смерти Шемяки, в «великое говение», ранней весной 1454 г. (Великий пост начинался 4 марта), Иван Дмитриевич покинул Великий Новгород и направился в Литву, к королю Польскому и великому князю Литовскому Казимиру. Конечная цель его поездки известна нам только благодаря хорошо осведомленному современнику описываемых событий, летописцу Евфимия: «къ князю Казимиру королевичу»[59]. Путь его лежал через Псков, куда он прибыл во вторник Вербной недели, 9 апреля 1454 года. Как отмечает псковский летописец, «посадники псковския, и священники, и священноиноки, и дияконы, и вси мужи псковичи выидоша со кресты от святыя Троица, и прияша его с великою честию»[60]. В Пскове Иван Дмитриевич провел три недели. Отметив 21 апреля Пасху, заручившийся поддержкой республики и, видимо, полный надежд князь Иван в среду, 1 мая 1454 г., «на память святого пророка Еремѣя» (Запрягальника), отправился дальше, в Литву, покинув гостеприимный Псков. В Великом

[58] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 208.

[59] Там же. Стб. 193. Для нас это важно, так как А. А. Зимин полагал, что князь Иван сначала собирался посетить только Псков: «Прошло всего три недели, как князь Иван Дмитриевич подобру-поздорову решил уехать в Литву» (*Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 161). С этим утверждением трудно согласиться: Иван изначально направлялся именно в Литву.

[60] Псковские летописи. Вып. 1. С. 52.

Новгороде у него остались мать, княгиня Софья Дмитриевна, и сестра Мария, ставшая супругой князя Александра Чарторыйского.

Прошло меньше двух лет после отъезда Ивана Дмитриевича в Литву, и в январе 1456 г. Василий Темный без видимых причин атаковал Великий Новгород. Летописец Евфимия включил в состав своего сочинения обширную Повесть о походе Василия Васильевича на Новгород в 1456 г. Этот текст занимает примерно две пятых всего сохранившегося объема работы летописца Евфимия. Автор рассказа о событиях января-февраля 1456 г. последователен в изложении календарной информации: почти всегда он использует указание на подвижные праздники, зависящие от Пасхи, но не упоминает месяц и число. Он ни разу не использовал указание на неподвижный праздник (день памяти святого), зато во всех одиннадцати точных датах указал день недели. Схожую манеру указания точных дат мы видим на всем протяжении фрагмента 1447–1457 гг. (см. Табл. 1), следовательно, эта повесть также принадлежит перу летописца Евфимия.

Причины войны ни в ЛА, ни в других источниках прямо не называются. «Расплатой за двоедушную и близорукую политику новгородского боярства во время Шемякиной смуты» объясняет начало войны явно симпатизирующий Василию Темному В. Н. Бернадский[61]. По мнению А. А. Зимина, нападение Москвы объясняется тем, что Новгород «так или иначе стоял за спиной Дмитрия Шемяки», и в нем продолжали находиться его жена, дочь и зять[62]. Псковичи, «крестное целование правя»[63], в отличие от других аналогичных ситуаций XV в., выступили против московского великого князя и заняли сторону Новгорода, но Казимир в конфликт не вмешался. Можно быть уверенным, что не случайно в день накануне выступления в поход на Новгород Василий Темный устроил торжественные проводы в принадлежащий Литве Смоленск возвращаемой реликвии – чудотворной иконы Пресвятой Богородицы[64] – это была своего рода благодарность за невмешательство в конфликт.

Как сообщает летописец Евфимия, после того, как военное превосходство москвичей стало очевидным, 7 февраля 1456 г. бежала в Литву мать Ивана Дмитриевича Софья: «А княгиня великая Софья Дмитриева, видевъ ту скорбь Великому Новугороду, и убояся князя великого, и побеже из Новагорода в Литву, къ сыну своему князю Ивану, месяца февраля въ

[61] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 254.

[62] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 173.

[63] Псковские летописи. Вып. 1. С. 53. Из этого известия, кажется, следует, что псковичи вслед за новгородцами в 1454 г. «целовали крест» Ивану Дмитриевичу как великому князю.

[64] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 172–173.

7 день, в суботу сыропустную»[65]. Только летописец Евфимия сообщает, что «тогда же» внезапно умирает и юная сестра Ивана Дмитриевича: «преставися княгиня Марья княжа Олександра Черторыского, а дчи князя Дмитрия Юрьевича, положена бысть в манастырѣ, у святого Георгия въ притвори, въ Юрьевѣ, манастырѣ, в пятокъ на Федоровѣ недѣли»[66] (точная дата погребения – 13 февраля 1456 г.). А. А. Зимин считает, что после этого «путь к переговорам с Василием II был открыт», поэтому всего через два дня после погребения княгини новгородцы отправили посольство к великому князю для заключения Яжелбицкого мирного договора, включающего обязательство новгородцев не принимать князя Ивана Дмитриевича и его родственников. Исследователь замечает: «Уж очень эта смерть была для новгородцев своевременной, чтобы считать, что они не имели к ней никакого касательства»[67]. Так окончилась недолгая история великого княжения в Новгороде (2 апреля 1449 г. – февраль 1456 г.).

Завершающее летопись Евфимия известие о строительстве в Лисицком монастыре деревянной церкви Иоанна Златоуста как бы предваряет известный нам по Житию Евфимия Новгородского последний эпизод земной жизни святителя: именно в эту обитель отправился он умирать, туда же стекались толпы новгородцев, чтобы проститься со своим пастырем: «Вси путие, иже к тому монастырю ведущии, речным быстринам подобяхуся; вси скорбяху и вси тужаху...»[68]. Следующее известие ЛА открывает новую статью 6966/1458 г.: «Преставися преосвященныи архиепископъ Великаго Новагорода и Пьскова владыка Еуфимеи мѣсяца марта въ 10, 2 часа нощи, на память святого отца Софрония архиепископа Ерусалимьскаго <...> Мнимъ его свята...»[69]. Все хронологические признаки этого известия (указание на день, месяц и час события, указание на неподвижный праздник памяти святого, отутствие указания на день недели и на подвижный праздник) говорят о том, что его автором является уже не летописец Евфимия II, а его преемник – летописец Ионы.

Итак, проведенное исследование показало, что сохранившийся до наших дней в единственном списке ЛА текст владычного новгородского летописания за 1447–1469 гг. написан двумя разными летописцами. Его первая часть за 1447–1457 гг. принадлежит перу книжника, трудившегося

[65] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 196.
[66] Там же.
[67] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 175.
[68] Повесть о Евфимии // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 21.
[69] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 197.

при архиепископе Евфимии II, вероятнее всего, в Юрьевом монастыре. Летописец Евфимия почти всегда указывал дни недели, в которые происходили описываемые события; использовал их датировку преимущественно не по солнечному, а по лунному календарю; большинство точных дат приводил при описании не церковных, а «мирских» политических событий: военных столкновений, дипломатических переговоров, происшествий в княжеском роде. Особое внимание владычного летописца привлекло деятельное участие архиепископа Евфимия в судьбе княжеской по происхождению церкви Иоанна Предтечи на Торгу, которое, вероятно, символизировало политическое единство Великого Новгорода и великого князя Дмитрия Юрьевича с сыном Иваном. Это единство проявилось и в летописании. Летописец Евфимия в равной степени описывал события как связанные с архиепископом, так и с княжеским домом, создавая тем самым своего рода совместное «владычно-княжеское» летописание. Такой симбиоз оказался возможным благодаря присутствию на новгородском столе великого князя Дмитрия Юрьевича. Повествуя о событиях середины XV в., летописец владыки Евфимия сохранил для нас уникальные сведения о пребывании Шемяки в Новгороде, о событиях в его семье, а также об отношении новгородцев к противостоянию двух ветвей княжеского рода на заключительном этапе феодальной войны, к «неправде» своего времени.

ОЧЕРК 9

НОВГОРОДСКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СУДЬБА ВИЛЕНСКОГО СПИСКА ЛЕТОПИСИ АВРААМКИ [2017 г.]

Сборник, именуемый «Летописью Авраамки» (совр. шифр: БАН Литвы, F. 22–49; далее ЛА), впервые был опубликован в серии «Полное собрание русских летописей» А. Ф. Бычковым и К. Н. Бестужевым-Рюминым[1]. Виленский (Вильнюсский) список Летописи Авраамки содержит, наряду с другими литературными памятниками, единственный полный текст последнего периода новгородского летописания с 1447 до 1469 г. Он создавался в кругах, близких двум новгородским архиепископам: Евфимию II Вяжищскому и Ионе Отенскому. Для него характерно, как отметил А. А. Шахматов, описание «только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка»[2].

Первые издатели датировали весь Виленский сборник по записи 1495 г. смоленского книжника Авраамки, однако исследования последних десятилетий показали, что рукопись состоит из двух разновременных частей. Как отметила в своей статье 1995 г. Н. А. Морозова, «впервые на это указывал Б. Клосс; А. Турилов подтвердил его предположение при знакомстве с рукописью *de viso* в октябре 1995 г. и датировал "русскую" часть последней четвертью XV в.»[3]. Впоследствии Н. А. Морозовой было установлено, что вся древнейшая часть рукописи (л. 1–435 об.) датируется по филиграням еще более ранним временем, чем думал А. А. Турилов, – рубежом 1460-х и 1470-х гг.[4] В связи с отнесением древнейшей части

[1] Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 239.

[3] *Морозова Н. А.* Виленский список «Летописца великих князей литовских»: Языковые особенности и состав // Slavistica Vilnensis. Serija «Kalbotyra». 1995. № 45 (2). S. 26.

[4] *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // Krakowsko-Wilenskie Studia

сборника к концу 1460-х началу 1470-х гг. было высказано предположение, что, поскольку летописный текст доведен до 1469 г., столь ранняя датировка списка позволяет считать дошедшую до нас рукопись если не самим оригиналом, то его непосредственной копией, очень близкой к нему по времени создания[5].

В своей начальной части (до 1309 г.) ЛА является компиляцией, соединяющей различные источники, в том числе родственные Кирилло-Белозерскому своду 1472 г., Краткому новгородскому летописцу, Новгородской пятой и Рогожской летописям. С конца статьи 1309 г. вплоть до известия 1446 г. о дороговизне ржи в Новгороде ЛА близка к Новгородской пятой летописи. Текст основного источника ЛА Новгородской пятой летописи заканчивается на середине статьи 6954/1446 г. (о дороговизне ржи), здесь же обнаруживается смена пера и чернил, свидетельствующая о перерыве в работе книжника. Со следующего л. 268 сменяется и сорт использованной бумаги: вместо филиграни «Якорь» появляется филигрань «Голова быка». А. А. Шахматов показал, что далее создатель ЛА вновь «приступил к списыванию Новгородской 4-й летописи» вплоть до известия 6955/1447 г. «о прибытии в Новгород псковских послов и о заключении мира по старине»[6]. После этого небольшого фрагмента весь дальнейший текст ЛА, от известия о закладке церкви Богоявления (6955/1447 г.) до пожара на Щеркове улице (6977/1469 г.), не находит соответствия в других памятниках и содержит единственную полную версию официального новгородского летописания почти за четверть века (см. табл. 1).

Таблица 1
Соотношение содержания сборника ЛА и водяных знаков бумаги

№	Содержание	Филигрань
1	Л. 1–267: ЛА от Адама до 1446 г.	«Якорь» (первая пол. 1460-х гг.)
2	Л. 268–313: ЛА за 1447–1469 гг.	«Голова быка» (1466,1473)
3	Л. 314–364: Летописный отрывок за 945–988 гг. типа Новгородской четвертой летописи.	«Голова быка» (1466,1473) + в конце «Корона» (1464)

slawistyczne. Krakow, 1997. Seria poswiecona starozytnosciom slowianskim. T. 2. S. 75–79.

[5] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 230.

[6] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. С. 239.

4	Л. 365–434: Родословные списки типа Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода.	До л. 387 «Якорь» (первая пол. 1460-х гг.) + в конце «Корона» (1464)
5	Л. 435: «Повесть о тверском епископе Арсении»	«Корона» (1464)
6	Л. 436–450: «Летописец великих князей литовских», 1495 г.	«Голова быка» (1493–1503)

В рукописи уникальная часть ЛА занимает около 50 листов (л. 268–313), при этом сам летописный текст за 1447–1469 гг. также неоднороден, в нем обнаруживаются важные отличия между двумя частями. Первая часть охватывает 1447–1457 гг., а вторая 1458–1469 гг. Если за период 1447–1457 гг. мы имеем всего 20 точных дат, то последние годы (1458–1469 гг.) наполнены точными календарными указаниями: встречается 76 таких дат за 12 лет. Заметно изменяется не только количество, но и характер употребления точных дат. В известиях 1447–1457 гг. почти всегда указывались дни недели, в которые происходили описываемые события и указывалась датировка по подвижным праздникам, а во второй части, в тексте за 1458–1469 гг., это делалось существенно реже. Уточнение времени описываемых событий в первой части производилось исключительно описательно (порану, по обеде, на ноць) и никогда не указывался «час», а во второй части неоднократно используются указания на точный час происходивших событий. Граница между двумя вариантами количественных и качественных характеристик упоминания точных дат находит соответствие в смене новгородских архиепископов в 1458 г.: 10 марта умер Евфимий II, а 19 марта был избран его преемник Иона. Это наблюдение приводит нас к выводу, что дошедший до нас уникальный фрагмент владычного летописания за 1447–1469 гг. создавался по меньшей мере двумя авторами, один из которых работал при владычестве архиепископа Евфимия II (ему принадлежит текст до конца годовой статьи 6965/1457 г.), а второй с 6866/1458 г. до конца текста при архиепископе Ионе. Одного из них мы называем «летописец Евфимия», а другого «летописец Ионы».

Летописец Евфимия работал, очевидно, в Юрьевом монастыре. Он проявил детальное знание юрьевской топографии и времени начала пожара в монастыре, указал место захоронения и точную дату похорон в Юрьевом монастыре княгини Марии, жены князя Александра Чарторыйского, при этом не упомянув ни места, ни времени, ни обстоятельств ее смерти. Ясно, что летописец Евфимия видел и описывал современные

события, глядя на них из Юрьева монастыря, причем непосредственный источник ЛА, Новгородская пятая летопись, создавалась, судя по ее специфическим чтениям, в соседнем Пантелеймоновом монастыре, исторически тесно связанном с Юрьевым монастырем[7].

Летописец Евфимия описывал события, связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом (точные даты он проставлял намного чаще при описании последних). Такое необычное соединение двух летописных традиций оказалось возможным благодаря присутствию в Великом Новгороде в конце 1440-х середине 1450-х гг., причем именно в Юрьевом монастыре, семьи и двора великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки. Когда во время феодальной войны Дмитрий Юрьевич искал для своей семьи безопасное место, он, как мы узнаем из летописи Евфимия, обратился к новгородцам с просьбой принять «княгыню и сына Ивана». В ответ на просьбу Шемяки «архиепископъ владыка Еуфимии и Великыи Новъгородъ прияша княгиню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осенинѣ въ Юрьевъ манастырь». Таким образом, текст владычного новгородского летописания за 1447–1457 гг. принадлежит перу книжника, который трудился при архиепископе Евфимии II, судя по всему, в Юрьевом монастыре, и в равной степени описывал события как связанные с архиепископом, так и с княжеским домом, создавая тем самым своего рода совместное «владычно-княжеское» летописание. Хотя имеются веские основания утверждать, что летопись велась в стенах Юрьева монастыря, вовсе не обязательно причислять ее автора к черному духовенству. Он мог быть иноком, но мог быть и дьяком великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки или архиепископа Евфимия II; можно предположить и совместное ведение летописи владычным и княжеским книжниками[8].

Совершенно иной характер имеет дальнейший текст летописи. После окончания текста, созданного летописцем Евфимия II, следующее известие ЛА открывает новую статью 6966/1458 г.: «Преставися преосвященныи архиепископъ Великаго Новагорода и Пьскова владыка Еуфимеи мѣсяца марта въ 10, 2 часа нощи, на память святого отца Софрония архиепископа Ерусалимьскаго... Мнимъ его свята...». Все хронологические признаки этого известия (указание на день, месяц и час события, указание на неподвижный праздник памяти святого, отсутствие указания на день недели и на подвижный праздник) говорят о том, что его автором является уже не летописец Евфимия, а его

[7] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 221.

[8] *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники: Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 124–151.

преемник летописец Ионы. С литературной точки зрения летопись за 1458–1469 гг. является незаурядным произведением. Летописец Ионы охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес»: нанизывание эпитетов, троекратные повторы, эмоциональные восклицания. Автор заключительного новгородского текста ЛА за период до 1469 г. был весьма искушенным в литературе официальным владычным летописцем: на смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный «экспрессивно-эмоциональный» стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями и обширными цитатами из священных текстов.

Неоднородность уникального текста ЛА, который «начиная с 1458 г. становится более литературно отделанным», позволила допустить возможность участия в создании его заключительной части Пахомия Серба[9], который как раз в 1458 г. вернулся в Новгород и выполнял литературные заказы архиепископа Ионы. Анализ упоминаний монастырей в части ЛА за 1458–1469 гг. подтверждает нашу мысль о тождестве летописца Ионы и Пахомия Серба. Для летописца Ионы характерен особый интерес к двум находившимся неподалеку друг от друга монастырям: Хутынскому Спасо-Преображенскому и Николо-Островскому. Если Хутынский монастырь и его основатель преподобный Варлаам часто упоминаются летописцем в первой половине повествования, то события в Николо-Островской обители привлекают его внимание начиная со второй части произведения.

Говоря о благополучном возвращении в Новгород из Москвы владыки Ионы в 1459 г., летописец замечает: «преподобнаго Варлама молитвою». Далее в статье 1460 г. находится текст Чуда Валаама Хутынского об умершем отроке. Из Жития архиепископа Ионы известно, что владыка повелел именно Пахомию Сербу «въсписати чудо сие преподобнаго Варлама». Согласно Л. А. Дмитриеву, Пахомий в 1470-х гг., перерабатывая собственную более раннюю редакцию Жития Варлаама Хутынского, включил в нее дополнительные чудеса, в том числе и переработанное им Чудо об умершем отроке[10]. Наконец, в статье 1462 г. описание пожара в Хутынском монастыре показывает прекрасное знание летописцем точных обстоятельств и мельчайших подробностей этого события («възгорѣся огнь у гроба святого Варлама отъ свѣщи...

[9] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 233.

[10] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 31.

всяку ютварь, злато, и сребро, и камень, и жемъчюгъ, и паволока, и жезлъ святого Варлама, и свѣщи, и все драгое, вся огнемъ сожьже»).

Если 8 июня 1462 г. летописец Ионы еще находился в Хутынском монастыре, то 1 апреля 1464 г. он, судя по всему, уже был свидетелем чуда в соседнем только что основанном Николо-Островском монастыре, который появляется как в летописях, так и в актовом материале только начиная с 60-х гг. XV в., сразу выступая в качестве заметного книжного центра. Автору летописи известна такая подробность, что явления Николая Мирликийского давно болеющему Николо-Островскому старцу Акинфу («в тяжцѣ болезни издавна въсклоншуся ко концю») происходили «в полуноши», в первый раз «ударивщю в бѣло трижды», а следующей ночью – «такоже въ скепь по прежнему клепанью». Известия, связанные с Николо-Островским монастырем, обнаруживаются в ЛА уже со статьи 6971/1463 г. («Того же лѣта подписываша церковь святого Николы на Островкѣ, повелѣниемь и тщаниемъ и вѣрою еже къ святому Николѣ, рабомъ Божиимъ Пуминомъ, ключника владычня архиепископа Ионы, но неуспѣша написать зимы ради»).

Именно под этим 6971/1463 г. в ЛА имеется так называемая «дублировка» – две разных статьи под одним и тем же годом. В первой из них говорится о событиях осени 1462 – зимы 1463 гг.: пожар (2 сентября 1462 г.), отливка колоколов (октябрь), поновление церкви Бориса и Глеба (осень), разные беды (осень), освящение церквей Дмитрия на Славкове улице (26 октября), Трех святителей в Отней пустыни (21 ноября), пожар (7 декабря), отъезд Ионы в Москву (22 декабря), возвращение Ионы в Новгород (9 февраля). После записи о возвращении Ионы в Новгород 9 февраля 1463 г. в рукописи вновь сменяются перо и чернила (л. 304 об.). Далее говорится о строительстве церкви Евфимия Великого на Вяжищах и освящении этой церкви (29 июня). Вторая годовая статья того же 6971/1463 г. начинается с известия 29 мая 1463 г., но в любом случае смена пера и чернил летописцем коррелирует с почти четырехмесячным перерывом в многочисленных датированных записях. Поскольку палеографический «шов» почти точно совпадает с границей повторяющихся годовых статей 6971/1463 г., можно сделать следующий вывод: между записью о событии 9 февраля 1463 г. и последующими записями конца мая-июля 1463 г. в работе летописца случился очевидный перерыв. Предположение о тождестве летописца Ионы и Пахомия Серба интересным образом соотносится с тем фактом, что около 1462–1463 г. писатель действительно покидал Великий Новгород: он совершил поездку в Кирилло-Белозерский монастырь для сбора сведений о преп. Кирилле. Поскольку отъезд новгородского

посольства в Москву датируется 22 декабря 1462 г., то соблазнительно думать, что Пахомий отправился в путь вместе с данным посольством. Если это так, то последняя до перерыва протокольно-этикетная запись 9 февраля 1463 г. о возвращении посольства в Новгород могла быть сделана в его отсутствие, что раздвигает возможное время поездки писателя в Кирилло-Белозерский монастырь до шести месяцев.

С отмеченным перерывом в работе соотносится и смена обители: летописец после возвращения оказывается уже не в Хутынском, а в Николо-Островском монастыре. Вернувшись к работе над незаконченной рукописью, книжник дописал остававшуюся пустой половину л. 304 об. с соблюдением полей, как это было ранее во всему тексту, но уже начиная со следующего л. 305 он пишет вообще без полей, используя все пространство листа, более небрежно. В его тексте появляются явные признаки «черновой» работы. Например, вслед за известием о строительстве церкви Анастасии 3 июля 1463 г. читается явно «вспомогательная» заметка о псковичах: «Зри лѣта 69-го о Псковицахъ, како отъ того лѣта по князя великого Ивана Васильевича рукѣ и по архиепископа Великого Новагорода и Пьскова владыкѣ Ионы благословениемъ и всего Великого Новагорода здоровьемъ и печалованьемъ о своемь братѣ мнимемъ Пъсковѣ, како бы кровь крестьянскаа не излилася, и ти смотри назадъ лѣта 69-го и чти внимая лѣто 71-е да прииде к лѣту 71-му» (л. 305 об.). Возможно, это была помета на полях, внесенная при переписке в основной текст.

В ряде случаев книжник оставил свободными части строки, предполагая позже вписать неизвестную ему на момент написания текста информацию: псковичи «взяша у князя великого у Ивана Васильевича воеводу князя [...] и с нимъ вои», л. 306; «Той же зимы, мѣсяца [...], приѣха митрополитъ в Великий Новъгородъ именемъ Иосифъ», л. 307; «приспѣ приѣхать епископъ Вымский владыка Ивона в Великый Новъгородъ мѣсяца [...]», л. 312; «а от житьихъ [...] и съ своимъ дворомъ», л. 313. Встречаются также приписки и исправления текста (зачеркнуто ошибочное имя игумена «Федосѣю», исправлено на «[Де]сефѣю», л. 307 об.).

Рассказ летописи за 1463–1469 гг., безусловно, принадлежит современнику описываемых событий, но, если считать автором текста Пахомия, то следует предполагать наличие у него секретаря-нотария, поскольку отождествление почерка писца ЛА и сербского писателя представляется затруднительным. Оригиналом же, который столь тщательно, вплоть до пробелов и записи на полях, копировал писец ЛА, был, скорее всего, автограф сербского писателя.

Летописца Ионы и Пахомия Серба объединяет целый ряд общих для них характерных черт. Как и Пахомия Серба, летописца Ионы интересовала агиография, о чем свидетельствуют его регулярные ссылки на дни памяти святых, а также включение в летопись многочисленных описаний чудес, свойственных агиографическому жанру. И Пахомий, и летописец Ионы охотно использовали риторические приемы, выработанные школой «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов, ритмизацию повествования и глагольные рифмы; им обоим свойствен «экспрессивно-эмоциональный» стиль, насыщенный молитвами, цитатами из церковной службы и Священного Писания, наставительными авторскими замечаниями и похвальными восклицаниями. Известно, что Пахомий находился в Новгороде в начале архиепископства Ионы, но около 1462–1463 г. он совершил поездку в Кирилло-Белозерский монастырь для написания Жития основателя этой обители. После возвращения он снова обнаруживается в Новгороде, где выполняет литературные заказы архиепископа Ионы, причем приблизительно ко времени поездки Пахомия в Белозерье относится фиксируемый палеографически перерыв в работе над созданием ЛА. Наконец, как Пахомий, так и автор заключительной части ЛА были тесно связаны с Хутынским и Николо-Островским монастырями: сербский писатель создал, используя рассказы хутынских старцев, целый цикл сочинений о Варлааме, в том числе несколько редакций его Жития, а позже, видимо, записывал устные рассказы Николо-Островского игумена; летописец Ионы обнаруживает особый интерес к событиям в тех же обителях. Совокупность косвенных данных позволяет предположить, что летописец Ионы и Пахомий Серб это одно лицо. В таком случае заключительная часть ЛА – это беловой оригинал летописи, писцовая копия с чернового автографа святогорского старца, создававшаяся поэтапно, с перерывами в работе: первая часть до конца основного источника (1446 г.), вторая часть до зимы 1462/1463 гг., третья часть с конца мая 1463 г. до 1469 г.

Последующие события - смерть Ионы 5 ноября 1470 г., приезд на княжение 8 ноября того же года Михаила Олельковича в ЛА уже не описаны. Всего через четыре дня после смерти владыки Ионы в Новгород приехал «на столъ князь Михаило Олелковичь князеи киевскых ис королевы рукы новогородци испросенъ, а с ним на похвалу людей много силно; и новогородци и приаше честно»[11]. Как известно, Михаил Олелькович провел в Новгороде более 4 месяцев и «отъехал» 15 марта 1471 г. (за четыре месяца до Шелонской битвы 14 июля 1471 г.).

[11] Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 172.

С отъездом с новгородского княжения Михаила Олельковича, весьма вероятно, и было связано перемещение официального экземпляра новгородской летописи за пределы республики, в Литву. Узнав о смерти своего старшего брата – киевского князя, Михаил Олелькович покинул Новгород, причем по пути пограбил Старую Русу и окрестности, «неизрѣченно чкоты почини Новогородскои волости»[12]. Это позволяет предположить, что расставание князя с новгородцами было в той или иной мере конфликтным. Возможно, что князю и его дружине не предоставили обещанных средств на их содержание, или были иные причины разногласий, обозначенные в Особой редакции Жития Варлаама Хутынского как «мятежи и межьусобная рать»[13]. В этом контексте предположение о вывозе Михаилом Олельковичем из Новгорода рабочего экземпляра владычной официальной летописи кажется вполне вероятным. Скорее всего, таким образом летопись попала на территорию Литовского государства, а в 1495 г. оказалась в Смоленске в руках у книжника Авраамки, давшего сборнику свое имя.

[12] Там же. С. 175.

[13] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. С. 80.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕВОДЫ НОВГОРОДСКИХ СОЧИНЕНИЙ НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ЖИТИЕ АРСЕНИЯ КОНЕВСКОГО [2005 г.]

Житие Арсения Коневского – самобытный и недостаточно изученный памятник древнерусской литературы, несомненно новгородского происхождения. Композиция Жития напоминает икону с клеймами, а его стиль – лаконичные иконы «северных писем». Древнерусское Житие Арсения дошло до наших дней по крайней мере в 15 списках. Помимо рукописей Житие преподобного Арсения можно прочитать в целом ряде изданий прошлого века (в частности, 1850 и 1879 гг.), однако опубликованный в них текст заметно отличается от древнерусского и был написан, очевидно, в первой половине XIX в. в связи с включением определением Синода 1819 г. памяти Арсения Коневского в церковные месяцесловы.

Местное почитание преподобного началось значительно раньше, бесспорным свидетельством чего являются дошедшие до нас древнерусские рукописи с Житием преподобного. Согласно указаниям заглавий списков оно было «списано» (что в Древней Руси означало не только переписывание, но и сочинение произведений) игуменом Коневской обители Варлаамом. Многие исследователи отождествляли игумена Варлаама с известным псковским автором многочисленных служб и житий Василием, в иноках Варлаамом, жившим и писавшим свои сочинения в 40–60-х гг. XVI в., но никаких конкретных доказательств этой догадки не приводилось. Известен и Коневский игумен по имени Варлаам: он назван в послании Ивана Грозного в Коневский монастырь 1578 г. (Материалы по истории Карелии: XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 254), причем Х. Киркинен и М. Виднес предполагали, что ранее именно он был псковским писателем Василием-Варлаамом, а около 1578 г. уже на Коневце составил интересующее нас произведение (*Kirkinen H., Widnas M.* Pyhittaja Arseni Konevitsalaisen Elama // Ortodoksia. Karkkila, 1963. № 14. S. 17). Варлаам, однако, – имя достаточно распространенное, и в истории Коневского монастыря в разные годы мог быть не один игумен с таким именем. Проблема авторства древнерусского Жития Арсения, таким образом, тесно связана с проблемой его датировки. Для ее разрешения обратимся к самому тексту Жития.

Согласно Житию Арсений, приняв иночество в Лисицком монастыре, узнает о приходе в Новгород старцев с Афона (Святой горы) и упрашивает игумена благословить его на путешествие к Афону. О связях именно

новгородского Лисицкого монастыря со Святой горой в конце XIV – первой половине XV в. у нас действительно имеются конкретные свидетельства. Анализ книгописной деятельности иноков Лисицкого монастыря позволяет утверждать, что на протяжении конца XIV – первой половины XV в. эта обитель играла значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния на культуру Новгородской республики. Свидетельство Жития Арсения о том, что именно в Лисицком монастыре он узнает о приезде афонских старцев и именно отсюда отправляется на Святую гору, таким образом, полностью соответствует современным научным представлениям о роли этой обители в культурных связях того времени (см.: *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98).

Возвращение Арсения в Новгород с благословением святогорских старцев и основание монастыря автор Жития относит ко времени архиепископа Новгородского Иоанна, «иже бысть по архиепископе Алексии», т. е. Иоанна III (1388–1415), что полностью согласуется с авторитетной летописной датой строительства церкви Рождества Богородицы на Коневце в 1398 г. Впервые это известие появляется в первой части так называемой Новгородской Карамзинской летописи, написание которой предположительно датируется 1411–1412 гг. и связывается с именем Юрьевского архимандрита Варлаама, бывшего монахом той же Лисицкой обители в одно время с Арсением Коневским, потому, видимо, и внесшего в свою летопись сообщение о строительстве церкви на Ладожском озере своим сподвижником (см.: *Бобров А. Г.* Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Мат-лы чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 89–101). В принципе соответствует летописной дате этой постройки (1398 г.) и приведенная в Житии дата поселения Арсения на острове Коневец (1393 г.) – ясно, что строительство церкви должно было занять несколько лет.

Описанное в 4-й главе Жития первоначальное недостаточно последовательное соблюдение в монастыре общежительных правил, очевидно, было характерно для той эпохи. Это известие находит прямую аналогию в смешении общежительного и келлиотского уставов в те же годы монахами Псковского Снетогорского монастыря (1380–1410-е гг.) (см.: Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1987. Т. 3. С. 486–495). Справедливо также и утверждение автора Жития, что посетивший Коневец архиепископ Новгородский Евфимий II и Арсений являлись выходцами из одного и того же Лисицкого монастыря (правда, он ошибочно думает, будто они жили в

этой обители одновременно – на самом деле Евфимий был постриженником Вяжищского монастыря, а Лисицким игуменом стал уже после отъезда Арсения на Коневец). Дата смерти преподобного (12 июня 1447 г. согласно Житию) подтверждается тем, что владыка Евфимий II посетил монастырь еще при жизни Арсения, а поездка архиепископа в северные земли республики засвидетельствована современной описываемым событиям Новгородской четвертой летописью под 7 августа 1446 г.

Подтверждением достоверности и, следовательно, ранней датировки Жития является и упоминание в 4-й главе Михея Кобылкина из Новгорода: дело в том, что новгородские бояре Кобылкины были переселены в конце XV в. в Нижегородский уезд (*Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 145). Завершающие Житие три посмертных чуда преподобного (гл. 10–12: об избавлении монастырских рыбаков из ледового плена, о слепце, приведенном семилетней дочерью от Вяжищ под Новгородом до Коневца, и об исцелении недужного инока Леонтия) не имеют хронологических примет, но их бесхитростная простота по стилю близка основному повествованию о жизни Арсения. Вероятно, весь текст принадлежит перу одного автора, создавшего его вскоре после кончины преподобного, когда подробности его жизни были еще свежи в памяти.

Гипотеза о написании Жития Арсения во второй половине XVI в. противоречит и еще одному обстоятельству. Хотя наиболее ранний полный список Жития датируется 30–40-ми годами XVII в. (РГАДА, собр. Оболенского, № 52), однако существует отрывок Жития (в рукописи РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 806, л. 244–246), на который обратил внимание еще В. О. Ключевский, датировавший рукопись XVII в. и признавший его отражением «простой первоначальной редакции без книжных украшений» (*Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 357). На самом же деле, как установила Н. Охотина-Линд, бумага этой части сборника относится к концу 30-х гг. XVI в. Текст, озаглавленный в этом списке просто как «Сказание о авве Арсении», достаточно точно соответствует четвертой и пятой главам Жития Арсения в других полных списках (*Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 107).

Не может противоречить ранней датировке Жития Арсения и то, что Евфимий II упоминается как «блаженоименитый и чюдный во архиерѣох, иже послѣжде просия в чюдесѣх». Дело в том, что, хотя архиепископ Новгородский Евфимий II, умерший в 1458 г., был официально канонизирован только на церковном соборе 1549 г., Житие его (с посмертными чудесами) было написано знаменитым сербским писателем Пахомием Логофетом уже в 1460-х гг.

Как же быть с указанием на авторство Коневского игумена Варлаама в заглавии Жития? Оказывается, что в Летописи Авраамки под 1458 г. есть упоминание в качестве кандидата на «владычество» «мужа честна Варлама Коневьского». Учитывая высказанные выше соображения, следует поставить вопрос: не мог ли он быть автором Жития преподобного Арсения? Во всяком случае, его авторство представляется значительно более вероятным, чем авторство коневского игумена Варлаама, жившего в последней четверти XVI в.

Хотя память Арсения Коневского официально была включена в церковные месяцесловы только в XIX в., его почитание началось значительно раньше. Известен, например, хранящийся в Православном музее Куопио покров 1551 г. с надписью «Преподобный Арсений старец Коневскаго монастыря». Житие, однако, является наиболее ранним свидетельством почитания преподобного, начавшегося вскоре после его кончины.

Мы публикуем перевод Жития на современный русский язык по списку РГАДА. Ф. 201. Собрание М. А. Оболенского. № 52, середины XVII в., л. 442–463 об.

МЕСЯЦА ИЮНЯ В 12 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ, И ЧАСТИЧНО ИЗЛОЖЕНИЕ ЧУДЕС ПРАВЕДНОГО ОТЦА НАШЕГО АРСЕНИЯ, ОСНОВАТЕЛЯ КОНЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ. НАПИСАНО ВАРЛААМОМ, ИГУМЕНОМ ТОЙ ЖЕ КОНЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Благослови, отче!

Придите, отцы и братья, придите, стадо именующихся христианами, придите, собор православных, и преклоните слух ваш к словам уст моих, и без лени послушайте то, что говорится, чтобы насладиться нам этим духовным пиром, изобильным не плотской пищей, но составленным из Божественных истин, не тело насыщающим, но ум просвещающим, и более того, душу и тело освещающим словами Божественных истин. Что же скажу, и что изреку, и откуда начну повесть о доблестном житии, и о мужестве терпения, и о подвиге духовном твердого алмаза, стойкого в воздержании и чудного в благоговении, дивного среди иноков и славного житием, и достойного многих похвал, могущего привлекать к себе послушателей и вкладывать им в душу ревностное желание последовать по его стопам в иноческое жительство? Ибо ныне вам предлагается повесть о добром во всем и исполненном благодатью Святого Духа, и просиявшем чудесами преподобном отце и великом старце, основателе Коневского общежительства, доблестном подвижнике Арсении.

Ублажим же этого добродетельного мужа и поведаем всем его житие. И вспомним о рождении его и о том, как он рос, и о жизни его в миру, и об отказе от мирской жизни, и как он дошел до Святой горы и потрудился

там, и принял благословение от святогорских старцев и игумена Иоанна Святогорского, получив благословение иконой Пресвятой Богородицы, и оттуда по благословению старцев пришел в Великий Новгород, и испросил благословение от архиепископа Иоанна на создание обители, и как отошел из Великого Новгорода в северные края, и в Корельской земле на великом озере, называемом Нево[1], на Коневском острове поселился с иконой, полученной на Святой горе, которую и доныне в своей обители сохранили Божией благодатью целой и невредимой, – а еще он и Устав иноческой жизни принес со Святой горы, – и как прожил на острове в скиту три года. И потом благоизволением и милостью человеколюбца Бога, помощью же и заступничеством и молитвами игумена Святой горы Иоанна и тамошних старцев, а также благословением и молитвами архиепископа Иоанна и всего духовенства, да своими постами и подвижничеством, также и трудами учеников его и братии, сошедшейся в то время, чтобы жить с ним, воздвиг он чудный и честной храм во имя честного и славного Рождества Пресвятой и Всенепорочной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и создал большой общежительный монастырь, и собрал множество иноков, и передал им правила по уставу древних святых отцов, которые он видел на Афоне, также и сам с ними усердно подвижничал, и Богу премного угодил.

Его же добродетельное житие мы написать попытались, не подчиняясь собственному желанию, но повинуясь повелению иноков его обители, а более того – влекомые верой и любовью к тому святому отцу, и от того воодушевляемы. Если мы и не способны на это, но призывая на помощь человеколюбца и даров подателя Иисуса Христа Бога нашего, и прося слов, которые бы отверзли уста, и надеясь на помощь молитв преподобного отца, взялись за такое дело. Ибо этот святой отец угодил Богу своим добродетельным житием, и был украшен небесными добротами и совершен в добродетелях. Соберемся же, о возлюбленные, созерцать его душевную красоту. Скорее направим очи разума нашего, да не просмотрим что-либо из его доброты. Его же чудесное житие Бог возлюбил и принял, и ангелы ему удивились и похвалили его, и имя его написано на небесах. Потрудимся же душой и светло отпразднуем его почитаемую память: начальствующие – как возлюбленного Богом начальника, ученики – как премудрого учителя, чада – как отца, любящего детей, хор составив и воздавая ему подобающую честь.

И откуда же воссиял такой этот муж, не от Иерусалима ли или от Синая? Нет же, не от Иерусалима и не от Синая; родили и взрастили его славная Российская земля и Великий Новгород, и в благочестии укоренили, и в смирении посеяли, и в воздержании укрепили, и в чистоте воспитали, и

в благоговении житие его сотворили, и милостыне прилежать научили, и в любви усовершенствовали, и во святости поддерживали, и страх Божий в сердце его вложили, и душу его к любви Божественной распалили, и в иноческую жизнь его привели, и от мирской суеты его упасли, и к постническому лику причли, и сохранением заповедей к Господу приобщили.

Времени рождения его и мирского имени, и имени родителей, которые его во плоти родили и просветили святым крещением, найти мы не смогли, так как прошло много лет. Но, впрочем, отцом ему был Создатель всех, которому он все вверил, а монастырем – небесный Сион, который он пытался постичь, родственниками же – собрание святых, житию и пути которых следовал блаженный преподобный отец Арсений, о котором теперь и предстоит нам рассказать и поведать воспоминания.

Глава 1. Начало жития блаженного

Этот преподобный и блаженный отец наш Арсений родился в славном Великом Новгороде от благоверных и христолюбивых родителей. Получил же он хорошее воспитание и образование, рос в благочестии и чистоте. Жил он, почитая Господа, и каждый день трудился во славу Бога, а игры и забавные разговоры, свойственные детям, ненавидел и гнушался ими. Не ел он и вкусной пищи, а более того воздержание любил и одобрял, всем же преходящим сего мира пренебрегал и с юных лет пожелал служить только одному Богу. Потому и к святым церквам часто приходил, и внимательно слушал Божественные слова, и наслаждался, когда их читали.

Затем отдан он был родителями своими учиться ремеслу. И в то время, как мастер заставлял его приобщаться к работе, мальчик усердно исполнял то, что ему говорили, и быстро научился этому делу, и стал кузнецом по меди. Посвятил он себя многим трудам и подвигу, делом своим прилежно занимаясь и проводя дни таким образом, нищим милостыню от трудов своих с усердием подавал, ибо был очень милостив, и любил всегда усердно молиться Богу, и в Божественном весь пребывал. И потому он, Божественной любовью разгоревшись, решил отречься от мира и послужить Богу в безмолвии, что и сделал с помощью благодати Божией. И оставил он родителей своих и имения, и имущество, и отверг все житейское, и пошел в один из монастырей, называемый Лисья гора[2], и принял на себя святой ангельский образ. Вместе с волосами и все мудрствование житейское отрезал, и суровейшей жизни отдался, и во всяком послушании в службах монастырских всегда работал, не давая себе покоя. Уста же его никогда не бывали праздны от Исусовой молитвы, но непрестанно молился он Богу. И все положенное инокам с великим усердием он творил, во всяком добром деле усердно трудясь,

и желал больших подвигов и совершенной добродетели, помышляя, как бы ему обрести благого наставника и как лучше ему спастись. Господь же не отвергнет жаждущих душевной пользы, но исполнит их желание на благо.

Было же у него желание идти во Святую гору; и размышлял он о том, как дойти до Святой горы, а в то время пришли монахи от Святой горы в Великий Новгород. Услышав это, блаженный Арсений обрадовался и захотел увидеть их и получить благословение. Когда же блаженный пришел к ним, то поклонился им до земли. Они же, увидев его смирение, подивились, и благословили его, и приветствовали его во Христе, как это принято у иноков. Затем, сотворив молитву, они сели, и начал блаженный Арсений кротко расспрашивать их, как живут святые отцы во Святой горе. Они же рассказали ему все по порядку о Святой горе и о живущих там святых отцах. Он же еще больше разгорелся любовью, и сказал им о желании своем, и молил их позволить ему быть их попутчиком. Они же с радостью обещали взять его с собой. И блаженный очень обрадовался тому, что получит желаемое. И вот приходит он к игумену, чтобы тот благословил его идти во Святую гору. Игумен долго не желал его отпускать из-за его доброго жития и смирения, и послушания; посчитал он, что не стоит его отпускать. Арсений же вновь долго молил о том игумена. И игумен, не в силах отказать его мольбе, склонился к просьбе блаженного и отпустил его с благословением. Он же, получив благословение от игумена, пошел на Святую гору вместе со святогорскими монахами, благодаря Богу, помогающему своим угодникам.

И приходит он во Святую гору, и там его любезно принимают святогорский игумен Иоанн[3] и вся братия. И было повелено ему служить. Он же положенную службу творит со всем удовольствием и смирением. Преподобный игумен Иоанн, испытав его доподлинно и поняв, что проходит он подвиг добродетелей в страхе Божием и с великим усердием, наставлял его истинному пути спасения. Он же всю волю свою отверг и во всем игумена слушался беспрекословно.

И повелено ему было пройти через службы монастырские и трудиться на кухне и в пекарне, и в прочих службах вместе с братьями. И блаженный Арсений со всем усердием исполнял повеленное, послушный во всяком благом деле и смиренный. Невозможно ведь никому без смирения жить благостно, сначала не смирив себя. Так и он всего себя боголюбию посвятил и считал себя последним из всех и наихудшим. Устами же не переставая молиться, бодрствованием и жаждою сердце свое усмиряя, полностью предался он Божественной любви, благодаря чему получил дар умиления, проливая источники слез из своих очей, ограничивая себя

в пище, оберегаясь от всего неполезного, и был всем очень добрым примером. За это его все любили и почитали.

Вскоре становится известно о ремесле блаженного Арсения, и повелел ему игумен Иоанн с братией ковать сосуды и все необходимое монастырю. Он же порученное неленостно исполнял, не давая себе покоя. Днем он ковал то, что ему наказывали, а ночью предстоял перед Богом с молитвой, сна же почти не имел, для телесного обуздания, а был он крепок телом. Игумен же и братия, видя, что он искусен в этом деле и трудится, словно бесплотный или словно купленный раб, удивились терпению его и еще более возлюбили его. И трудился он так многое время. Мало было ему таких поручений от одного монастыря, но и из других монастырей приносили ему сосуды. Он же с усердием работал, не беря платы и работая Бога ради. Многие приходили по этому делу, и задумал он идти в другие монастыри, в которых требуется его ремесло, чтобы братии не было беспокойства от приходящих к нему.

И приходит он к игумену Иоанну, и молит его, поведав ему мысль свою, да повелит ему идти в другие монастыри для этого занятия и поработать Бога ради. Игумен же, видя старательность и усердие его, и что не ради вознаграждения хочет поработать, но Бога ради и от Него вознаграждение получить, благословил его. Блаженный же Арсений, получив благословение, обходит святогорские монастыри, также работая, как и раньше мы говорили. И от всех он получает благословение и молитвы, как соизволил Бог, чтобы не даром он благословение святых отцов унаследовал, но многими трудами и подвигом. И прожил он так три года, трудясь на братию.

И было у него желание, если Бог поможет ему, создать монастырь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честному и славному ее Рождеству и получить благословение своему монастырю от Святой горы. И приходит блаженный Арсений к игумену Святой горы Иоанну и говорит ему о желании своем, прося от него благословения и молитвы, и желания этого не отступается. Игумен же, глядя на него прозорливыми очами, ибо был он человек благочестивый и исполненный пророческого дара, уразумел будущее. И благословил он блаженного Арсения, и предсказал ему: «Твоими руками Бог воздвигнет обитель в северной стране, и многие люди смогут спастись там, страна же та освобождена будет на многие годы». И другому многому поучив блаженного, благословил его. И дал он ему икону Пресвятой Богородицы, которую и доныне в обители блаженного все видят, называемую Святогорская[4], а также и Устав Святой горы. Затем он помолился о нем, говоря: «Господи наш Боже, призри на раба своего Арсения! Да будет

благодать Твоя на нем и благословение, а где он поселится, да будет там благословение Святой горы». И, так сказав, отпустил его с миром.

Арсений же, вновь обходя монастыри и отдельно живущих, рассказывает им о своем желании, если Бог поможет, создать монастырь в своей стране, и от них благословение получает. Получив же от всех благословение, отошел он в землю свою и так был храним Божественной благодатью.

И пришел он в Великий Новгород с благословением Святой горы. Тогда правил престолом Софии, неизреченной премудрости Божией, в Великом Новгороде архиепископ Иоанн[5], который был после архиепископа Алексия. Блаженный же приходит к нему и рассказывает о благословении Святой горы, также и сам молит его и просит благословения с Божией помощью создать в его архиепископии монастырь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честному и славному ее Рождеству. Архиепископ же благословил его и дал ему все необходимое. Блаженный же Арсений, получив благословение и взяв все необходимое, помолился Господу Богу и Пресвятой Богородице, чтобы его желание исполнилось. И вот садится он в лодку, и приплывает по реке Волхову на озеро великое Нево, и с помощью Бога и соизволением Пресвятой Богородицы приходит на остров, называемый Коневец.

Глава 2. О выборе места старцем Арсением и о соизволении Пресвятой Богородицы быть монастырю на этом острове, называемом Коневец

В году 1393.

Когда блаженный Арсений приехал на этот остров и выбирал место, где бы ему поселиться, обошел он остров быстро, словно олень. И не присмотрел еще места, ибо сказали ему люди: «Многие еще есть острова впереди на этом озере и глухие места». И устремился он вперед, и пристал у реки Городецкой в поисках места для поселения, но и тут снова не приглянулось ему. Подумывал блаженный, как бы ему и дальние острова увидеть, но, желая покинуть пристань, удержан был ветром на долгое время, и никак не мог плыть дальше. И размышлял блаженный, что теперь будет, и начал о том молиться Богу и Пречистой его Матери, да пошлют они свою милость и тишину, и где же повелит Пречистая, там и быть монастырю в ее имя. Помолившись же со слезами, подумал он, что куда Бог принесет и Пречистая Богородица, там он и поселится по Божьей воле и желанию Пресвятой Богородицы. И тотчас настала великая тишина.

И выехал блаженный на озеро, и устремился вперед. Встретил его очень сильный ветер, и не мог он ни грести против него, ни пристать где-либо, ибо поднялся сильный ветер, по изволению Господа Бога и Пресвятой

Богородицы, за один час принесло лодку блаженного Арсения вновь к острову Коневскому. Когда же подъезжали они к острову, то услышали очень сильный звон. Раздумывали они, откуда раздается этот звон – ведь ни церкви нет на том острове, ни жителей. И сказал блаженный своим ученикам: «Дети мои, знамение это нам предназначено, ибо соизволили Бог и Пречистая Богородица быть монастырю на острове этом, и чтобы не помышляли мы никуда отсюда идти, вот, словно на крыльях, за один час Пречистая принесла нас сюда». И, выйдя на берег, вознес он хвалу Богу и Пречистой Богородице. Взойдя на гору, поставил он крест, а потом поставил келью и прожил в ней один год. И перешел в другое место, называемое позже Владычная лахта. Этот рассказ досюда.

Глава 3. О названии острова, почему называется Коневец, и об изгнании бесов из острова

Когда пришел блаженный старец Арсений на этот остров и начал на нем жить, встретил он там рыбака по имени Филипп. И спросил его, почему называется остров этот Коневский. Сказал же ему рыбак: «Есть, отче, на этом острове большой камень, известный как Конь, и тому камню язычники жертву приносили – каждый год приводили по коню[6], и потому называется этот остров Коневский. А еще на нем много корма, поэтому обитатели этих мест привозили на этот остров много скотины на лето от хищников и воров, не выпасая ее. Дают же жертву камню, чтобы скоту и им самим вреда не было, по бесовскому обряду».

И сказал ему блаженный Арсений: «Друг, покажи мне тот камень». Рыбак пошел и показал ему камень. Блаженный же вернулся в свое пристанище и пробыл всю ночь без сна, молясь, чтобы Бог и Пречистая очистили то место от бесовского обряда. И, встав наутро, повелел облачить себя в священнические одежды. И, взяв икону Пречистой Богородицы, принесенную от Святой горы, которой благословил его святогорский игумен Иоанн, вот эту икону взяв и святую воду, и фимиам, и пошли они к камню, и пели молебен Пресвятой Богородице, а сам он со слезами молился об очищении того места. И обойдя вокруг, покропил он святою водой и прогнал нечистых духов. Рассказали же рыбаки, что видели тогда стаю воронья[7], летящую к северу, рыдающую, словно ревущие волы. И с тех пор благодаря благодати Божией и молитвам преподобного старца Арсения наставника очистилось то место и до наших дней.

Глава 4. О христолюбце Михее и о прозорливом старце

Приехал однажды в монастырь христолюбец по имени Михей Кобылкин из Великого Новгорода к блаженному Арсению и, накормив братию и

милостынею оделив, вновь возвратился в Новгород с благословением, и получил великую пользу. В ту пору еще жил старец в старом монастыре и имел немного братии. Был же тогда у него простой обычай: когда к нему приходили клирошане и старцы пользы ради, он поучал их от Божественного Писания и предлагал им пищу во имя Божией любви, а сам изнурял себя молитвами, постом и трудами. Упомянутый же христолюбец Михей в Новгороде начал прославлять старца Арсения и доброе житие его в Боге.

Был же тогда в монастыре на Коневце монах духовный и прозорливый. В одну из ночей во время молитвы услышал он двух демонов, разговаривающих между собой, и один другого спросил: «Откуда пришел?» Тот же отвечал: «Был я этой ночью в Новгороде и слышал многих, хвалящих жизнь в этой обители и старца Арсения наставника. А что ты думаешь о них?» Сказал же ему другой: «Была и есть их монастырская жизнь и правило монастырское без порока. Но одним только меня утешает старец Арсений: держит у себя в келье пищу для приходящих к нему и кормит их во имя (Божией) любви. Если бы не это, то не было бы нам от них житья». Прозорливый же старец, услышав это от бесов, поведал все старцу Арсению. Блаженный же повелел келарю разделять трапезу братии поровну, а в келье у себя ничего не держать. И так пользу получил от прозорливого старца.

Глава 5. О некоем человеке кареле

Был некий человек простолюдин из Олонецкой деревни, карел, и жил благочестиво около Коневского монастыря, каждый день приходил он молиться в церковь и раздавал милостыню по мере своих сил с радостной душой. Имел он любовь большую к инокам и нищим, приглашал их в свой дом и угощал трапезой скудной, и был очень скромен. И случилось ему однажды быть на пиру у своих близких, и когда приступили к обеду, тот человек с ними ел и пил с воздержанием. После того он пошел один к себе домой, а другие люди продолжали веселиться на пиру. Был он еще на полпути, и явился ему неведомый человек, сказав ему: «Мир тебе, друг». Он же испугался. И сказал ему пришедший: «Не бойся, друг». И тотчас покинул его страх. И тот начал говорить ему: «Я послан к тебе Господом Богом Вседержителем, чтобы за твои добрые дела предупредить тебя о конце твоей жизни. Иди отсюда в свой дом и распорядись о своем имении и о своих домочадцах. Потом иди в монастырь и прими иноческий образ, и позаботься о покаянии. Через 40 дней я приду за твоей душой». И сказав так, стал невидимым.

Человек же тот пришел в свой дом, и не медля нимало, распорядившись имуществом своим и испросив прощения у своих домашних,

пошел в монастырь на Коневец в дом Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества, и обратился со слезами к игумену, умоляя его, чтобы тот постриг его в иноческий образ, и рассказал ему обо всем, что говорил являвшийся ему. Игумен же тому очень удивился, и облек его в святой иноческий образ, и причислил его к своей святой дружине. Он же пробыл в монастыре, трудясь в покаянии, молитве и посте, ожидая времени, о котором говорил являвшийся ему. И через 40 дней, согласно предсказанию явившегося ему ангела Божия, преставился к Богу, которого он возлюбил, и погребли его с другими иноками.

Глава 6. О житии преподобного старца Арсения и о явлении Пресвятой Богородицы его ученику старцу Иоакиму, и о изобилии необходимого

Однажды этот блаженный Арсений поехал в Святую гору, при архиепископе Симеоне Новгородском[8], и там задержался. Братия же, которая осталась на Коневце без него, была в великой нужде из-за недостатка самого необходимого, и совсем они изнемогли, и от голода хотели разойтись из монастыря. Один же из старцев по имени Иоаким, муж добродетельный и просиявший всяческими добрыми делами, однажды взошел на некую гору около монастыря, молясь со многими слезами Богу и Пресвятой Богородице, чтобы не запустело то место. И был он погружен в чуткий сон, и явилась ему Святая Богородица, говоря: «Не скорби, старец, и братии скажи, чтобы не расходились от этого места. Старец ваш Арсений скоро к вам вернется со множеством необходимого».

Он же, пробудившись от видения, пошел в монастырь и поведал братии о посещении Богоматери. Братия же, радуясь душевно, обещали с благодарностью еще терпеть на этом месте, возложив надежду на Господа Бога и Пречистую Богородицу. Поутру же, как и предсказывала Богородица, вернулся старец Арсений на двух больших лодках и привез множество всего необходимого. Даже и до сих пор изобильно это место милостью Божией и молитвами Пресвятой Богородицы, и усердием преподобного отца нашего Арсения наставника и подвижничавших с ним трудолюбивых духовных старцев.

Глава 7. О названии Святая гора

В ту пору братия собрались на совет, и поставили они на той горе крест и образ Пресвятой Богородицы на том месте, где явилась Святая Богородица старцу Иоакиму и сказала: «Не скорби, старец, но пойди и братии скажи, чтобы не расходились от этого места. Старец ваш Арсений скоро вернется со множеством необходимого». Вот из-за этого иноки

так сделали в память этого преславного чуда и посещения Божией матери Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и из-за этого называется «Святая гора» и до наших дней. Братия же и приходящие православные христиане начали ходить на Святую гору на поклонение честному кресту и образу Пресвятой Богородицы, ибо было это недалеко от монастыря, примерно в половине версты. На том месте случаются многочисленные исцеления приходящим с верою благодаря посещению Божией Матери.

Глава 8. О перенесении монастыря на другое место и о посещении старца Арсения архиепископом Евфимием

В те времена жил еще старец Арсений с братией в старом монастыре, который находился во Владычной лахте, как называлось то место. Название же это произошло от следующего. Приехал некогда из Новгорода к преподобному старцу Арсению на Коневский остров блаженный и чудный среди архиереев, просиявший позже в чудесах, новгородский архиепископ Евфимий Второй[9], чтобы помолиться чудному образу Пресвятой госпожи Богородицы, принесенному от Афонской Святой горы, и увидеть монастырь Коневский, и дать благословение старцу Арсению и его братии, и от них сподобиться молитв к Богу. И тогда пристал он к острову в той лахте, и оттого она стала называться так – Владычная лахта.

Этот архиепископ Евфимий великую любовь имел к старцу Арсению, потому что они в начале постничества своего жили оба в одной и той же обители, называемой «на Лисичьей горе». Евфимию же тогда был вручен пастырский жезл той обители, и он хорошо о пастве своей заботился, и имел попечение о спасении многих душ. Арсений же с любовью нес свое смиренное послушание и в телесных трудах усердно время проводил, и поэтому известен был блаженному Евфимию как добрый раб Божий и ревностный в трудах иноческих. Именно поэтому архиепископ посетил его и дал его монастырю на созидание многие средства, и братию угостил, и милостынею одарил, старца же духовного сподобил чести и дал ему носить свой старый белый клобук. Сам же он возвратился в Великий Новгород на свой престол. Мы же об архиепископе рассказ сократим, только до сих пор, и на предшествующее возвратимся.

Прожил же блаженный Арсений в том старом монастыре 25 лет, и поставил там церковь с трапезной, и много келий было устроено, и братии собралось там немало. А потом случилось наводнение[10], и вода дошла до порога церковного, и под трапезной была вода, и под кельями. И с тех пор начали они думать о том, чтобы перенести монастырь на другое место, более высокое. Так они размышляли, куда же перенести монастырь,

и начал блаженный молиться Богу и Пречистой Богородице, да известят его о том. И однажды ходил он по острову и искал, куда бы перенести монастырь. И пришел он к рыбаку по имени Филипп, и начал блаженный с ним беседовать о перенесении монастыря. И сказал ему рыбак: «Где захочет Бог, и где Пречистая соизволит, – там и будет, но есть, господин мой, ровное место, и имя тому месту такое-то». Побеседовав так, они разошлись. В одну из ночей, когда блаженный молился, прилег он немного отдохнуть, и видит он сам себя, ходящего по острову; и вот пришел он на то место, где ныне благодатью Христа и по милости Пречистой Богородицы стоит монастырь. И видит себя, очерчивающего место, где быть монастырю. И видит он идущего себе навстречу того рыбака, также очерчивающего. И когда приблизились друг к другу, то вновь разошлись, не окликнули один другого, но оба хотели остаться незамеченными. Пробудился блаженный от сна и помолился Богу со словами: «Господи, если угодно так быть Твоей власти, то да будет воля Твоя и Пресвятой Богородицы. И если изволишь на месте этом быть создану монастырю твоему, то обоим нам одинаковое явилось, и о том истина откроется».

Встав наутро, взял он свой жезл и пошел к тому рыбаку, и придя, сказал: «Мир тебе, друг». Он же благословился у старца. А блаженный Арсений сказал: «Да благословит тебя Бог, чадо». И спросил его старец: «Где ты был этой ночью, чадо?» Он же отвечал: «На стоянке с товарищами, честный отец». Блаженный тогда спросил его тихим голосом: «Что ты, чадо, видел этой ночью? Если не откроешь мне истину, то не буду иметь дружбы с тобой». Он же отвечал ему: «Если так спрашиваешь, то поведаю тебе всю истину». И сказал тогда: «Видел тебя, честный отец, на том самом месте идущего и очерчивающего монастырь. Также и себя видел, идущего с другой стороны, и также очерчивающего. Когда же я увидел тебя, честной отец, то мы друг к другу не подошли». И сказал ему блаженный Арсений: «И я, чадо, то же видел, о чем ты мне рассказал», и назвал место, в котором они не сошлись друг с другом. И подивились они такому видению, что им обоим такое явилось.

И сказал блаженный: «Пойдем, чадо, туда, где мы были, покажи мне то место». И пошли оба, и пришли на то место, и показали друг другу, где виделись и где не сошлись, и открылась истина. Было же то место ровным и пригодным для постройки монастыря. Блаженный Арсений похвалил за это Бога и Пречистую Богородицу, и так они разошлись.

Рассказал он братии о том месте, на котором хочет поставить монастырь. Братия же, словно едиными устами, сказали: «Где тебе Бог известил и Пречистая Богородица, и где ты, отец, решил, там и мы согласны». Тогда поведал он им бывшее видение. Братия же сказали,

что от Божественного промысла было это явление. И стали братия рассказывать старцу Арсению: «И мы, честный отец, много раз на том месте видели яркий свет, а иногда звон слышали, порой же благоухание сильное доносилось, и не могли мы понять, что же будет». Тогда блаженный Арсений повелел облачить его в священническую одежду, и взял икону Пресвятой Богородицы, которую принес со Святой горы, и пошли на то место, и обошли его, начертав монастырь, как было ему явлено, с пением молитв. И, помолившись, блаженный сказал: «О, Госпоже, Пресвятая Владычица Богородица, позаботься об этом месте. И да будет благодать Твоя на месте этом и благословение Святой горы». И так начал рубить бревна и расчищать это место. Так, благодаря помощи Бога и Пресвятой Богородицы, перенесли монастырь на это место и церковь воздвигли во имя Рождества Пресвятой Богородицы, где и ныне он благодатью Христа всем видим. И стало число братии умножаться, и создали они большой монастырь со всем устройством по милости Бога и Пресвятой Богородицы.

Глава 9. О кончине преподобного Арсения

И жил блаженный много лет в строгом воздержании и трудах. Когда же наступила глубокая старость, он ничуть не отлучился от Божественной службы, но насколько старился возрастом, настолько укреплялся усердием, и приступал к Божественным подвигам мужественно и сердечно, не давая старости себя побеждать. Пробыл же он в иночестве 65 лет[11], ни разу не изменив монашеским правилам, сначала спасаясь многими трудами и подвигами, в конце же – постом и молитвами. От постоянного стояния ноги его словно столпы сделались, день ото дня как по ступеням приближались они к Богу.

В июне месяце начал блаженный изнемогать. И понял он, что отходит к Богу, (что пора) отдать долг естеству, а дух предать желанному Исусу, и призывает он игумена Иоанна с братией, новоизбранное стадо, и подобающим образом побеседовав с ними на пользу душевную, завещал им неизменно в православии пребывать и единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную, и любовь нелицемерную, от злых же и скверных помыслов отлучаться и хранить устав Святой горы. Завещал также и трапезу иметь равную для братии, хмельного же питья не повелел иметь; странствующих же и приходящих в гости велел кормить и необходимое в дорогу им давать: «Такие жертвы принимает Бог и благословение подает. И если так будете жить, то не оставит Господь этого места». И еще много поучив их, сказал: «Я к Господу Богу, зовущему меня, отхожу от вас телом, но духом всегда с вами буду. И если

выполните мое завещание, то не оскудеет ничем эта обитель и после моего ухода, пока Бог благоволит вам и Пречистая Матерь Божия. Теперь же передаю вас Всемогущему Богу и Пречистой Богородице, да будут они вам прибежищем и стеной от вражьих сетей и козней».

И в самый час исхода души его, когда хотела она освободиться от телесного союза, причастился он Владычного тела и крови, ученики же руками поддерживали его немощное тело. Воздел он к небу руки и молитву сотворил, и с молитвою предал Господу свою чистую и святую душу в 1447 году, 12 июня, на память преподобных отцов наших Ануфрия Великого и Петра Афонского. И разлилось тогда великое и несказанное благоухание от тела святого. Братия же все, собравшись, с плачем и рыданием печалились, и на ложе досточтимое и подвижническое тело положили с почетом, и пением псалмов надгробных его провожали, и ученики его потоки слез проливали, кормчего лишившись и учителя потеряв, плакали, не вынося разлучения, желая с ним вместе умереть. Лицо же святого светилось как снег, не так, как обычно у мертвых, но словно у живого или у ангела Божия, показывая его душевную чистоту, в награду от Бога за труды его.

И положили досточтимое тело его в созданной им обители вне церкви Рождества Пресвятой Богородицы в паперти, в приделе преподобного отца нашего Ануфрия Великого, и погребли досточтимые и чудотворные мощи его. И подают они исцеление приходящим с верой к раке с мощами его и до наших дней. Так отошел блаженный в вечную жизнь, прославляя Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа.

Глава 10. Чудо святого Арсения о монастырских рыбаках, как избавил их из льда

Один из старцев той же Коневской обители по имени Моисей, человек благочестивый, рассказал вот что: «Однажды осенью игумен и братия послали нас из монастыря на так называемый Вощаный остров, на зимний лов рыбы, как и до того обыкновенно ездили. Была же в тот раз осень очень холодной. Местные жители не поехали из-за надвигающейся зимы, но только мы отправились, монастырские рыбаки. Когда же мы были там и, как обычно, ловили рыбу, и уже хотели собирать сети, суровая зима наступила, и начали льды двигаться. Мы же из-за этого сильно опечалились и раздумывали, как же вернуться в монастырь, а наутро устремились в путь. Когда мы проехали половину пути, внезапно наступили сумерки и началась сильная буря, и принесла множество льда, и наши лодки стало затирать льдом. Мы же совсем отчаялись спастись и только ожидали смерти. И начали мы молиться Господу Богу и Пречистой его Матери,

заступнице нашей, и призывать на помощь святых его угодников. И начали призывать на помощь наставника преподобного старца Арсения Коневского. Так мы слышали от прежних старцев, что дана была от Бога благодать преподобному старцу Арсению, наставнику нашему, спасать на этом озере, и что многим попавшим в беду он помогает. Вот потому с горькими слезами молились мы об избавлении от надвигающейся беды, но буря ничуть не прекращалась, а все усиливалась. Бог же хотел прославить угодника своего преподобного Арсения. Лед с силою затирал лодки, а мы не могли ни грести, ни вырваться из льда, и носило нас во льдах, а мы ожидали только смерти. Я же, Михаил, сидя на корме, в отчаянии задремал и увидел напротив себя идущего прямо от монастыря высокого старца с седыми волосами и с большой бородой. И, подойдя к нам, стал он спрашивать о нашем положении, говоря: „Все ли благополучно, как вас Бог милует?" Я же тотчас пробудился от дремы и никого тут не увидел. С того момента начал перед нами лед расступаться в ширину, словно река, так что можно было проплыть. Я же, Михаил, стал рассказывать своим товарищам, как видел наставника преподобного старца Арсения. Ветер также был попутный, и так с помощью Бога и Пречистой его Матери и молитвами преподобного старца Арсения дошли мы до острова Коневского».

Глава 11. Чудо святого о слепце

Жил некий человек в селе Коровие Вяжищского монастыря[12], и случилось ему тяжко заболеть глазами, и ослеп он. Начал он тогда жить бобылем и просить милостыню Христа ради; водили его по миру, и тем он кормился. Так он и жил. Однажды ночью явился ему почтенный старец и сказал: «Если хочешь исцелиться, то иди к Пречистой на Коневец». Слепой же ответил ему: «Как мне дойти – не вижу ничего, а вести некому, ребенок мой мал еще». И сказал ему старец: «Иди, Бог поможет тебе». Слепой вопросил его: «Откуда ты, отче, что я тебя не знаю, не из нашего ты монастыря». И сказал ему тот почтенный старец: «Я иду в Новгород». Тогда он спросил его об имени. И сказал старец: «Имя мое Арсений». Я же пробудился от сна и пошел в Вяжищи, в монастырь, и поведал о видении старцам. Они же повелели ему идти на Коневец. Спросил он их: «Кто знает старца Арсения?» Они сказали: «Не основатель ли Коневский? Думаем, что это он посетил тебя. Иди, может быть, получишь обещанное тебе старцем».

Слепой же, ничуть не промедлив, пошел, ведомый своей семилетней дочкой, и пришел на Коневец к Пречистой Богородице и к преподобному старцу Арсению, и к чудотворному его гробу приложился. Было же тогда святое богослужение, и пелась святая Литургия. И когда начали мы

петь «Достойно есть», тотчас слепой прозрел и начал кричать громко и славить Бога и Пречистую Богородицу, и преподобного старца Арсения. И рассказал он всем нам о своем видении, как видел святого, мы же восславили Бога. Он же, выздоровев, пошел к себе домой, и никто его не вел, а он радовался и хвалил Бога.

Глава 12. Чудо святого Арсения о иноке Леонтии

Был в Коневской обители некий инок по имени Леонтий, человек богобоязненный и добродетельный, и случилось ему очень тяжело заболеть: разбил его паралич, и лицо перекосило, и языком говорить он не мог. Болел он так долгое время, и ничто не могло ему помочь. Очнувшись, начал он молить Господа Бога и Пречистую его Богородицу, и преподобного старца Арсения, угодника их, об избавлении от тяготившей его болезни. Пришел он ко гробу преподобного старца Арсения наставника и повелел петь панихиду, а также святую Литургию, ибо имел он крепкую веру в наставника преподобного Арсения. И так он благодаря молитвам святого получил исцеление.

Бывали и другие многие чудеса преподобного старца Арсения, но раньше не были они никем записаны. Мы же это написали для поминовения того, что случилось на наших глазах у гроба преподобного старца Арсения наставника.

Комментарии

[1]*Нево* – так называлось Ладожское озеро.

[2]*...один из монастырей, называемый Лисья гора...* – Рождества Богородицы Лисицкий монастырь находился в 7 верстах от Новгорода по старой Московской дороге; впервые упоминается в 1389 г., но, видимо, существовал и ранее.

[3]*...святогорский игумен Иоанн...* – Под 1396 г. среди братии монастыря Русика (Пантелеймонова) на Афоне упоминается «стары духовникъ Иоанникие». В 1366 г. он подписал Акт о передаче Русику келий Корнилия как «иеромонах и блюститель Святой горы», а в 1375 г. – Акт об уступке Алексеем Палеологом Русику своего имения – как «монах и бывший блюститель» (*[Азария, монах]*. Акты русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. С. 406, 115, 187). Впрочем, среди братии Пантелеймонова монастыря в перечне 1396 г. упоминается также «духовник Иоан», а около 1420 г. – «еклесиархъ попъ Иоаннъ». (Там же. С. 406, 408).

[4]*И дал он ему икону Пресвятой Богородицы, которую и доныне в обители блаженного все видят, называемую Святогорская....* – Чудот-

ворная Коневская икона Богородицы, хранящаяся с 1940 г. в Финляндии (ныне – в Ново-Валаамском монастыре), датируется ее исследовательницей А. Яаскинен «самым концом XV в. или, скорее всего, XVI в.» (*Jaaskinen A.* The Icon of the Virgin of Konevitsa. Helsimki, 1971. P. 22). Э. С. Смирнова, видевшая икону в процессе ее реставрации, предлагает датировать ее началом–серединой XVI в. (пользуемся случаем поблагодарить Э. С. Смирнову за консультацию). Характерная особенность иконографии этого образа заключается в том, что Младенец держит в руке голубка. По мнению финской исследовательницы, эта икона – копия с более ранней (другие списки XVI в. находятся в Третьяковской галерее, в Русском музее и в Троице-Сергиевой Лавре) (*Jaaskinen A.* The Icon of the Virgin... P. 189–200). Близость всех известных копий между собой указывает на то, что они восходят к одному протографу – итальяно-византийскому прототипу, попавшему на Русь или через Арсения Коневского, принесшего икону с Афона, либо благодаря общему влиянию византийской живописи на древнерусскую (*Jaaskinen A.* The Icon of the Virgin... P. 216). В сохранившихся источниках нет никаких указаний на то, что случилось с оригиналом Коневской иконы Богородицы, однако Н. Троицкому была известна запись на Евангелии XVI в. из Тульского краеведческого музея, сообщающая о сильном пожаре в Коневском монастыре в 1527 г. (*Троицкий Н.* Коневская икона Пресвятой Богородицы «с птичкой» // Светильник. 1913. № 5–6. С. 25–32). Время замены оригинальной иконы копией может служить косвенным датирующим признаком для Жития Арсения, так как его автор не знает о гибели образа и о написании нового, и называет икону «Святогорской».

[5] *Тогда правил престолом Софии, неизреченной премудрости Божией, в Великом Новгороде архиепископ Иоанн.* – Архиепископ Новгородский Иоанн III управлял епархией с 1388 по 1415 г.

[6] *...тому камню язычники жертву приносили – каждый год приводили по коню.* – Существуют некоторые косвенные свидетельства почитания лошадей карелами в средневековый период. Известно наименование «кобылицкая корела» в летописной статье 1338/39 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 349), но локализация этого топонима (или этнонима?) не ясна: это какая-то пограничная новгородско-шведская территория; по предположению С. И. Кочкуркиной, – или юг Карельского перешейка, или юго-восточная часть Финляндии, территория Саво (*Кочкуркина С. И.* Корела и Русь. Л., 1986. С. 48–49). В источниках XIV–XVI вв. фиксируются топонимы «на Кобылицах», «Коневы Воды» на территории Карелии (см.: *Кочкуркина С. И.* Корела и Русь. С. 48).

[7]*...видели тогда стаю воронья...* – Ворон – это популярный образ в средневековых скандинавских верованиях, но в финских культах он не встречается. В Житии, надо думать, вороны являются символом дьявола, темной силы, а не отражением реальных языческих верований карел.

[8]*...при архиепископе Симеоне Новгородском...* – Новгородский архиепископ Симеон управлял епархией с 1415 по 1421 г.

[9]*...блаженный и чудный среди архиереев, просиявший позже в чудесах, новгородский архиепископ Евфимий Второй...* – Архиепископ Новгородский Евфимий II (1429–1458) был канонизирован только на Макарьевском церковном соборе 1549 г., но Житие его с посмертными чудесами было написано Пахомием Сербом по заказу его преемника архиепископа Ионы уже в 1460-х гг. Поездка Евфимия II в северные земли республики засвидетельствована современной описываемым событиям Новгородской четвертой летописью под 7 августа 1446 г.

[10]*...случилось наводнение...* – Крупное наводнение описано в Новгородских летописях под 1421 г.

[11] *Пробыл же он в иночестве 65 лет...* – Учитывая, что дата кончины преподобного 12 июня 6955 (1447) г., получаем, что Арсений стал иноком Лисицкого монастыря около 1382 г.

[12]*...Вяжищского монастыря...* – Вяжищи – местность в 12 верстах от Новгорода, где находится основанный не позже 1411 г. Вяжищский Николаевский монастырь.

ОФИЦИАЛЬНОЕ НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА (за 1429–1448 годы) [2006 г.]

Новгородское летописание XV в. было ярким и самобытным явлением литературы. Анализируя дошедшие до нас памятники, мы видим, что на смену летописи, повествующей главным образом о событиях в самом городе (Новгородская первая летопись младшего извода), на протяжении первой половины XVв. приходит другой тип повествования: теперь события, происходящие в сопредельных государствах (Московском княжестве, Литве, Орде и т.д.), также входят в круг интересов летописцев. Этот новый взгляд отразился в текстах, вошедших в состав двух подборок Новгородской Карамзинской летописи и, в завершенном виде, в состав Новгородской четвертой летописи. Этот памятник, созданный в своем первоначальном виде («основная» редакция), вероятно, в 1430-х гг. при дворе архиепископа Новгородского Евфимия II, завершался известием 1428 г. о походе на Новгородские земли великого князя Литовского Витовта. Отражение официального архиепископского летописания обнаруживается в «старшей» редакции Новгородской четвертой летописи (до 1437 г.), а после прекращения работы над ней – в «младшей» редакции, вплоть до окончания ее текста (1448 г.). Стремление к описанию не только собственно новгородских, но и «общерусских» событий (включая сведения о Литве), несомненно, просматривается в статьях Новгородской летописи за 1429–1448 гг. Замечание летописца под 1448 г., что московские князья своими междоусобицами «остаток Русской земли истратили», служит своеобразным объяснением прекращения работы над этой новгородской версией «общерусского» летописания.

В основу перевода положен текст Новгородской четвертой летописи «старшей» (до 1437 г.) и «младшей» (за 1438–1448 гг.) редакций.

В год 6937 (1429). Преставился архиепископ Новгородский владыка Евфимий[1], 1 ноября, а был архиепископом пять лет, пять недель и два дня, а чернецом был в архиепископском доме год и две недели. Того же

[1] Архиепископ Евфимий I (Брадатый) управлял Новгородской епархией с 1423 по 1429 г.

месяца ноября, 13 числа, в день памяти святого Иоанна Златоуста, избран был по жребию в дом святой Софии на архиепископскую кафедру священноинок владыка Евфимий из монастыря святой Богородицы с Лисичьей горки[2]. В том же году рухнула церковь Святых Отцов на княжьем дворе. В том же году татары на Крещенье взяли Кострому и Галич.

В год 6938 (1430). В том году построили каменную церковь Святых Отцов на княжьем дворе. В том году новгородцы пристроили к укреплениям Порхова вторую каменную стену. В том же году собраны были в Новгород крестьяне строить укрепления, а снаряжали четверо пятого. Той же осенью в Литве было озеро Тракайское кроваво на протяжении трех дней, так что люди и скот не могли пить воду. Умер князь Витовт Литовский, княжил 38 лет[3]. Той же осенью была великая засуха, и горели мхи и болота, и дыма было очень много, а воды мало, и от того дыма погибали рыбы и птицы, а люди не могли плавать по озеру, и по милости Божией прекратились дым и мгла, и наступил свет. И рады были христиане свету. Той же осенью сел на княжении в Литве Свидригайло[4].

В год 6939 (1431). Преставился в Москве митрополит всей Руси Фотий, родом грек, а митрополитом был 21 год[5]. В том же году ходили князья русские в Орду, князь Василий Васильевич с дядей своим Юрием Дмитриевичем, за великим княжением[6]. Началась междоусобица в Литовской земле.

В год 6940 (1432). Вернулись князья русские из Орды, князь Василий Васильевич и Юрий Дмитриевич, и дал царь Махмет великое княжение над всей Русской землей князю Василию Васильевичу. В том же году владыка Евфимий построил церковь деревянную святых Апостолов на Чудинцевой улице, на старом месте, а прежнюю порушил. Той осенью

[2] Архиепископ Новгородский Евфимий II управлял епархией с 1429 по 1458 г. В момент избрания на кафедру он был игуменом Лисицкого монастыря Рождества Богородицы, находившегося в 7 верстах от города.

[3] Великий князь литовский Витовт (1344–1430), сын Кейстута, княжил с 1392 по 1430 г.

[4] Великий князь литовский Свидригайло (1355–1452), сын Ольгерда, княжил с 1430 по 1432 г.

[5] Митрополит всея Руси Фотий, управлял кафедрой с 1410 по 1431 г.

[6] Согласно завещанию Дмитрия Ивановича Донского, после смерти его сына, Василия I Дмитриевича (1425), великим князем должен был стать следующий по старшинству сын – Юрий Дмитриевич, но престол занял его племянник, Василий II Васильевич. Ордынский хан Улу-Мухаммед (царь Махмет), выдававший ярлыки на великое княжение, в 1432 г. занял сторону Василия Васильевича. В 1433–1434 гг. Юрию Дмитриевичу удалось изгнать из Москвы племянника и стать великим князем. После его смерти (1434) началась продолжительная феодальная война между Василием II и сыновьями Юрия Дмитриевича.

приехал в Новгород из Литвы князь Юрий Семенович[7] со своей княгиней. Той же осенью погорел околоток весь и владычный двор, и выгорела церковь святого Иоанна Златоуста. Той же осенью заложили церковь каменную святого Георгия на Борковой улице.

В год 6941 (1433). Той весной загорелось на Яневой улице, и погорел Загородский конец и Людин конец до церкви святого Луки и до Лукиной улицы. В том году построили жители Борковой улицы церковь каменную святого Георгия. Той осенью построил преподобный нареченный на владычество Евфимий великую палату у себя во дворе, а дверей у ней тридцать; а мастера делали новгородские и немецкие из Заморья.

В год 6942 (1434). Князь Юрий Дмитриевич взял город Москву. Той весной приехал в Новгород князь великий Василий Васильевич на святой неделе, 1 апреля. Тогда же, на святой неделе, выехал весь Великий Новгород ратью на поле и встали напротив Городища, на Жилотуге, а князь Василий Васильевич был тогда на Городище, и не было новгородцам ничего худого. Той же весной преставился в Москве князь великий Юрий Дмитриевич. Той же весной поехал на поставление на владычество преподобный Евфимий к митрополиту Герасиму[8] в Смоленск, 11 апреля. А князь великий Василий Васильевич поехал из Новгорода в Москву 26 апреля. Той же осенью поставлен был митрополитом Герасимом в Смоленске архиепископ Новгородский владыка Евфимий, и приехал в Новгород месяца мая в 26 день. В том же году приехал князь Василий Юрьевич в Новгород, и поехал из Новгорода в Москву. Той осенью построили посадник Григорий Кириллович и Есиф Андрианович церковь каменную в Околотке, святого Иоанна Златоуста, на старой основе. Той же осенью заключили новгородцы с псковичами мир на старых условиях. Той зимой ездил владыка Евфимий во Псков с церковным судом[9].

В год 6943 (1435). Заложил архиепископ владыка Евфимий у себя во дворе на воротах церковь святого Иоанна Златоуста. Той осенью построил архиепископ владыка Евфимий каменную церковь святого Иоанна Златоуста у себя во дворе, на воротах, но как только мастера, закончив,

[7] Литовский князь Юрий Семенович (Лугвеньевич) (ум. 1446) из рода Гедиминовичей, сын князя Лугвеня (Семена) Ольгердовича; несколько раз приглашался новгородцами в качестве служилого князя – военачальника и получал «в кормление» налоги с ряда городов.

[8] Митрополит всея Руси Герасим управлял кафедрой, находясь в Смоленске, с 1433 по 1435 г. (сожжен на костре князем Свидригайло за сношения с его противником князем Сигизмундом 26 июля 1435 г.).

[9] Новгородский архиепископ периодически приезжал во Псков для осуществления церковного суда и получения налогов с города, входившего в состав его епархии.

стали спускаться с церкви, в тот же час рухнула стена церкви Иоанна Златоуста. А с князем великим Василием Васильевичем новгородцы целовали крест, чтобы отказался князь великий Василий Васильевич от новгородских владений в Бежецком Верхе, на Вологде и на Ламском Волоке[10], а новгородским боярам – отказаться от княжеских владений, где бы они ни были. Той зимой ездили воеводы новгородские – посадник Иван Васильевич, посадник Григорий Кириллович, тысяцкий Феодор Олисеевич, Есиф Васильевич, Онанья Семенович, Остафий Норовых, и бояре новгородские, и новгородцы, а с рушанами[11] Феодор Остафьевич, Михаил Буйносов, и молодцы архиепископского двора, и порховичи, – ратью на Ржев, и шли тремя путями, и наказали ржевцев, и разорили, и села их все пожгли по Ржеве до Псковской границы и на Бардове. С помощью Божией, святой Софии и благословением архиепископа Евфимия, вернулись в Новгород все в здравии и с пленниками.

В год 6944 (1436). Ослеплен был в Москве князь Василий Юрьевич от брата своего Василия Васильевича[12]. В том же году создал архиепископ владыка Евфимий у себя во дворе часы самозвонные. В том году послали новгородцы на размежевание земли в Бежицкий Верх посадников Григория Кирилловича, Ивана Максимовича, а житьих людей Кузьму Тарасьина и Ивана Максимова, а иных – на Вологду и на Ламский Волок; и не было новгородцам от князя великого никакого разбора дела. В том же году архиепископ владыка Евфимий создал во второй раз у себя во дворе на воротах церковь каменную святого Иоанна Златоуста, которая прежде разрушилась. И уничтожил мороз урожай в Новгородской земле. А осенью стояла вода высоко в Волхове, словно весной, и выломило льдом у великого моста семь пролетов. Той же зимой послали новгородцы посадника Григория Кирилловича и Якова Стефановича в Литву, к князю Сигизмунду, и князь Сигизмуид целовал крест новгородским послам и всему Великому Новгороду, и заключили мир.

В год 6945 (1437). Приехал в Новгород от князя Василия Васильевича князь Юрий Патрикеевич просить черный бор[13], и новгородцы дали кня-

[10] Бежецкий Верх, Вологда и Ламский Волок (Волоколамск) в XIV–XV вв. являлись объектом упорной борьбы между Новгородом, Москвой и Тверью. Хотя Дмитрий Иванович Донской фактически присоединил эти земли к Московскому княжеству, они еще долго считались спорным либо совместным владением Москвы и Новгорода.

[11] Рушане – жители г. Руса (ныне – г. Старая Русса Новгородской обл.).

[12] Василий Юрьевич Косой (ум. 1448), сын князя Юрия Дмитриевича, после смерти отца в 1434 г. объявил себя великим князем, но не был признан им даже родными братьями. Потерпев поражение в битве у с. Скарятина в 1436 г., был пойман и ослеплен своим двоюродным братом великим князем Василием II.

[13] «Черным бором» называлась дань в Орду русских княжеств, которая выплачивалась раз в семь-восемь лет.

зю великому Василию Васильевичу черный бор, и той весной поехал из Новгорода в Москву Юрий Патрикеевич. Той весной была вода высока в Волхове, подмывала укрепления у Детинца, и рухнули стена каменная и колокольня. Той же осенью приехал в Москву из Царьграда от патриарха Иосифа митрополит Исидор Грек на митрополию всей Руси[14]. В том году поехал в Москву архиепископ Новгородский владыка Евфимий к митрополиту Исидору, 7 июля, на память святого отца нашего Фомы, в воскресенье[15].

В том же году рухнула церковь каменная святого Николы на Вяжищах. В тот год владыка Евфимий заложил церковь каменную святого Петра на воротах у себя во дворе, а старую порушил. В том же году был создан великий мост. Той осенью приехал из Москвы в Новгород митрополит Исидор Грек, 9 октября; и почтили его владыка и посадники, и бояре, и купцы, и весь Великий Новгород, а зимой поехал митрополит во Псков и к Царьграду, и к немцам в Рим, и во Пскове поставил им архимандрита Геласия, и отдал ему право владычного суда и все архиепископские пошлины.

В год 6946 (1438). Весной приехал в Новгород князь Юрий Семенович, 3 марта. В том же году опять владыка Евфимий построил церковь каменную святого Николы на Вяжищах, на старом основании.

В год 6947 (1439). Построил архиепископ Евфимий амбар хлебный каменный. В том же году архиепископ Евфимий обмазал известью Софийский собор. В том же году построил архиепископ Евфимий колокольню каменную на старом месте, на крепостной стене, там, где разрушилась она до основания. В том же году обретено было тело архиепископа Иоанна, при котором приходили суздальцы войной под Новгород[16]. В том же году архиепископ Евфимий позолотил и расписал гроб князя Владимира[17], внука великого Владимира. Тогда же и матери его гроб расписал, и покров на него положил, и память им постановил совершать ежегодно 4 октября.

---

[14] Митрополит всея Руси Исидор управлял кафедрой с 1437 по 1441 г. В 1439 г. от лица русской церкви подписал Флорентийскую унию и активно пропагандировал ее решения, но, прибыв в Москву 19 марта 1441 г., был вскоре заточен в Чудов монастырь, откуда бежал в Тверь, затем в Литву и далее в Рим.

[15] Этим известием завершается текст Новгородской четвертой летописи «старшей» редакции. Дальнейший текст перевода основан на «младшей» редакции этой летописи.

[16] Архиепископ Новгородский Иоанн II (1164–1186 гг.); при нем в 1170 г. объединенные силы русских княжеств потерпели поражение под стенами Новгорода. Легенда объясняет победу новгородцев помощью иконы Знамения Богородицы.

[17] Князь Владимир Ярославич (1020–1052), сын Ярослава Мудрого и Ирины-Ингигерды, дочери короля норвежского Олава, был строителем Софийского собора в Новгороде, где покоятся мощи его самого и его матери.

В год 6948 (1440). Убит был в Литве князь великий литовский Сигизмунд Кестутьевич князем Александром Черторийским и Иваном, а княжил девять лет. Этот князь был лютым и немилостивым, сребролюбивым более других, и многих князей литовских погубил: иных утопил, а других убил мечом, а знатных и простых людей множество сгубил немилосердно; потому-то Бог и наслал на него такую злую смерть. И так никто не захотел подчиниться его сыну Михаилу, из-за злобы отца его, и все литовские и русские города избрали себе князя великого Казимира королевича, сына Ягайло, и посадили его в Вильне на великом княжении тихо и безмятежно. В тот же год был укреплен Полоцк весь; а князь Юрий Семенович из Великого Новгорода выехал в Литву, и князь великий Казимир дал ему всю его вотчину, Мстиславль и Кричев, и иных городов и волостей много. Он же, возгордившись, захватил Смоленск, Полоцк и Витебск, и было это ему не на пользу, а людям – на великое смятение и на брань. Той же осенью, убоявшись и увидев свое самоуправство, совершенное по неразумию, сбежал в Москву. В том же году построил владыка церковь каменную святой Анастасии. В том же году построил владыка дом каменный небольшой.

В год 6949 (1441). Зимой князь великий московский Василий Васильевич разгневался на Великий Новгород, прислал грамоту с объявлением войны и разорил много волостей Новгородских. Новгородцы же послали архиепископа Евфимия, а с ним бояр и житьих людей, и застали его в Деревской пятине у города Демона, и заключили с ним мир на старых условиях, и дали ему 8000 рублей; а псковичи, помогая князю великому Василию, многие земли новгородские разорили и пакости сотворили немало. В то же время воеводы новгородские с заволочанами земель князя великого разорили намного больше того, чем князь повоевал в Новгородских волостях. Той же зимой приехал митрополит Исидор с восьмого собора на Русь из Рима, и начал называться «легатом от ребра апостольского, иерархом Римской власти и митрополитом Римским», и начал поминать папу Римского во время службы, и иные творить новые вещи, о которых мы никогда не слышали со времен крещения Русской земли; и повелел в католических соборах русским попам свою службу служить, а в русских церквях – капелланам, Литва же и Русь на это не согласились. В том же году повелением пресвященного архиепископа Великого Новгорода и Пскова владыки Евфимия расписана была церковь святого Николы на Вяжищах. В том же году расписаны были большая владычная палата и прежде построенный дом. В том же году архиепископ Евфимий построил церковь каменную святых Бориса и Глеба на старом основании, в Околотке, и были ему помощниками новгородцы.

В год 6950 (1442). Приехал митрополит из Литвы в Москву, и князь великий Василий Васильевич повелел ему служить в церкви; услышав же от него, что поминает он во время службы папу Римского, а не патриарха Царьграда, и многие другие вещи, бывшие не по обычаю Русской земли, сказал князь великий: «При нашей братии, князьях великих, такого не бывало, и я этого не хочу слышать». И повелел ему жить в монастыре, и приставам повелел стеречь его, он же бежал в Тверь и оттуда в Литву. В том же году князь Василий Московский разгневался на князя Дмитрия Юрьевича и погнался за ним; и тот бежал в Новгородскую землю, в Бежицкий Верх, и много пакости сделал волостям; и прислал в Новгород посла, «чтобы приняли меня на своей воле». Новгородцы же отвечали: «Хочешь, князь, приезжай к нам, а если не захочешь, то как тебе будет угодно». В том же году построил боголюбивый архиепископ новгородский владыка Евфимий церковь святого Спаса Преображения в Русе, на старом основании, и были ему помощниками новгородцы и рушане; и закончена была 13 сентября. В тот же день приехал из Новгорода архиепископ, и повелел совершить всенощное бдение в честь Господского праздника, и облачился во все священные одежды, и с ним весь клир Софийского собора, и повелел рушанам – игуменам и попам – вместе с ним служить, и освятил ту церковь сам на праздник Воздвижения Креста Господня, и святую литургию служил, блаженный, веселясь сердцем и душой, глядя на храм милосердного Спаса и видя, как успешно закончено начатое дело, совершенное им себе на вечную память и на оставление грехов, и всем христианам – прибежище и радость, и веселье верным, и хвала архиепископу. И люди, приходя в дом святого Спаса, взирая на церковь, говорили: «Благословен Бог, вложивший в сердце господину нашему мысль создать храм святого Спаса выше прежнего!» И он его должным образом украсил, и иконы вложил хорошо написанные на золотом фоне, и другие нужные вещи правильно сотворил, как и полагается в церкви для красоты, и церковные служебные сосуды сделал, и иные сосуды серебряные создал для нужд монастыря.

В год 6951 (1443). В то же время был посадник новгородский Иван Васильевич, имел посадничество в Русе. А освящена была та церковь при Иоанне, игумене монастыря святого Спаса. В том же году построил архиепископ Евфимий церковь каменную святого Николы во своем дворе. В том же году построена была церковь каменная святого Прокопия на Белой. В том же году построил архиепископ Евфимий поварни каменные и дом каменный на своем дворе. В том же году случился пожар в Плотницком конце: загорелось от Щитной улицы 4 мая, и выгорела половина Конюховой улицы, и Запольская улица вся, и за городом выгорело до

Антониева монастыря. И вновь, в том же месяце, 11 числа, на память священномученика Мокея, загорелось на Подоле, и был пожар лютый, и пакости людям было много, и церквей каменных обгорело двенадцать, а христианских душ Бог знает сколько погибло, и конец весь выгорел до церкви святого Георгия, и там утих на улице Лубянице. И вскоре, в том же месяце, выгорела запольская часть Микитиной улицы, и была великая пакость людям, которые сносили туда свое имущество. Такие пожары бывают из-за наших грехов, чтобы мы покаялись в злобе своей. В то же время люди от скорби той великой, вызванной пожаром, схватили других людей, говоря в ярости и смятении: «Вы тайно ходите и скрываетесь от людей, и поджигаете город, и людей губите». И одних на огне сожгли, а других с моста скинули; и Бог знает, ведающий сердца человеческие, правы ли были обвинявшие.

В год 6952 (1444). Построил архиепископ Евфимий здание для церковной утвари каменное и сторожку каменную на своем дворе. В том же году построили церковь каменную святого Николы на Кречеве.

В год 6953 (1445). 14 сентября приехал князь Иван Владимирович в Новгород на те пригороды, которые раньше были даны Лугвеню и сыну его Юрию, по прошению новгородцев; а князь Юрий Лугвеньевич поехал к немцам, и немцы его не пропустили, и он уехал в Москву. Той же осенью пришли войной немцы, у Яма города посад пожгли и побережье разорили, а в Новгород прислали послов со словами: «То не мы против вас воюем, а воюет с вами князь Григорий Клепский из Заморья из-за своего проводника Итолька Ругодивца[18]; а то все лгали немцы. Той же осенью люди из вотчины князя великого тверского разорили много земель и сел новгородских, Бежицкий Верх, и Заборовье, и все Новоторжские волости. А из Литвы князь великий Казимир прислал послов в Новгород с такими словами: «Возьмите моих наместников на Городище, я вас хочу оборонять; а с князем московским мир не заключаю ради вас»; и новгородцы на это не согласились. Той же зимой пошли новгородцы в Немецкую землю за Нарву с князем Иваном Владимировичем, захватили и разорили земли около Ругодива и до Пурдозны, и возле Нарвы, и до Чудского озера. В том же году собрались немцы, магистр[19] со всем своим войском, и пришел под город Яму, используя пушки, и осаждал его 5 дней, и по Водской земле, и по Ижоре, и по Неве захватил и разорил земли, а сам город, хранимый Богом и святым архистратигом Михаилом, не смог взять, а самих немцев множество погибло под городом, а

[18] Ругодив – прибалтийский город, находившийся неподалеку от современной Нарвы.

[19] Имеется в виду магистр (гермейстер) Ливонского ордена, существовавшего в Прибалтике в XIII–XVI вв.

иные раненые ушли в свою землю. А в то время в городе Яме был князь Василий Юрьевич из суздальских князей; а новгородцы послали вперед бояр, жителей лужских и водских и ижорских, а сами хотели идти с ними за Нарву воевать вместе с князем Иваном Владимировичем. И в то же время, за грехи наши, начался очень сильный конский падеж в городе и по волости; новгородцы же возвратились назад и не пошли за Нарву. А в то время псковичи прислали в Новгород своих послов заключать мир, и, увидев, что в Новгороде множество коней пало, а сами новгородцы не пошли за Нарву, уехали, не заключив мир. В том же году ходили карелы войной на норвежцев, разбили их и повоевали, и пленили, и вернулись все целы и здоровы.

В год 6954 (1446). Построил архиепископ Великого Новгорода владыка Евфимий церковь каменную святого Варлаама в Хутынском монастыре[20], а наверху колокольню. В том же году архиепископ Евфимий заложил монастырь святого Георгия в Городке, и стену каменную обновил, и церковь святого Георгия обновил и расписал, где отпало, и покрыл ее чешуйчатой кровлей, и было христианам прибежище[21]. В том же году приехал в Новгород из Москвы князь Юрий Лугвеньевич, и новгородцы дали ему кормление, от волости пропитание, а пригородов не дали; а князь Иван отъехал в Литву. Той же зимой князь великий Василий наслал татар, двух царевичей, на Литовские города, на Вязьму и на Брянск, и на иные города внезапно, и много земель опустошил, и пленил, и пожег, чуть не до Смоленска. И, услышав то, князь литовский Казимир послал своих панов и рать свою на Можайск и на другие города, пять городов захватил, и пленил земли много и повоевал, и христианам погибель была великая. Той же зимой пошел князь великий Василий против татарского царя Махмета, и много христиан от мороза умерло, а иных татары убили, а землю опустошили; и помог Бог великому князю Василию, и побежали татары, а другие были убиты. Той же зимой князь тверской Борис захватил пятьдесят новгородских волостей, повоевал и пограбил Бежицкие земли и около Торжка, и Торжок захватил. Той же зимой послали новгородцы послов, князя Юрия и бояр и купцов на съезд с немцами, с магистром, магистр же захотел получить Остров, и из-за этого разъехались они без заключения мира. А в Новгороде хлеб дорог был не только в один тот год, по все десять лет: по полтине за две меры зерна, иногда чуть больше, иногда меньше, а иногда и негде купить; и

[20] Хутынский Спасо-Преображенский монастырь, основанный преп. Варлаамом Хутынским в конце XII в.; находится в 10 верстах от города. Евфимий II был некоторое время иноком этого монастыря.

[21] Речь идет о Георгиевском соборе в Старой Ладоге.

была великая скорбь и печаль христианам, только слышны были плач и рыдание по улицам и по торгу; и многие, от голода падая, умирали, дети на глазах родителей своих, и отцы и матери на глазах детей своих; и многие разбежались: одни в Литву, другие в католические страны, третьи же ради хлеба продавали себя мусульманским и иудейским купцам. А в то время не было в Новгороде правды и справедливого суда, и выступили клеветники, организовав по сговору ложные обещания и крестоцелования, и начали грабить в селах и в волостях, и по городу; и стали мы предметом насмешек для соседей наших, живущих вокруг нас; и были по волости большие обложения и многочисленные поборы, и крик, и рыдание, вопль, и кляли все люди старейшин наших и город наш, ибо не было у нас милости и справедливого суда. В том же году построил архиепископ Евфимий теплую каменную церковь святого Евфимия у себя на дворе, и расписал, и иконами украсил; а все то было сделано за четыре месяца. В том же году построили княжьи люди церковь каменную Святых Жен Мироносиц на старой основе. В том же году построили в Русе церковь каменную святого Дмитрия. В том же году Василий Шенкурский и Михайло Яковлев, воеводы новгородские, пошли с заволоцкой дружиной в три тысячи воинов на Югру[22]; и, захватив югорских людей много, и жен, и детей, потеряли бдительность. Эти же югры, обманув их, сказали так: «Мы хотим дать вам дань, а для того хотим пересчитать себя и указать вам наши станы, острова и урочища», а в то время собрались и ударили на острог Василия, и многих людей, детей боярских и удалых людей избили, числом восемьдесят; и тяжело было услышать об их смерти. А Василий убежал с сыном своим Семеном и с небольшой дружиной, а другие разбежались по лесу. А второй воевода, Михайло Яковлев, в то время был на другой реке, и когда Михайло приехал к острогу Василия и увидел, что острог разорен и наши воины побиты, а другие разбежались, то начал искать своих вдоль реки; и пришли к нему Василий с сыном и все остальные, и возвратились в свою землю. В том же году приходили шведы норвежские внезапно за Волок на Двину ратью, на Неноксу, разорили и сожгли селения и людей перебили, а некоторых прислали в Новгород, человек сорок, а воеводы же их Ивор и Петр, и еще третий, были убиты, другие же, немногие, спешно погрузившись в корабли, бежали. В том же году было великое знамение в городе Суздале, в соборной церкви святой Богородицы, 20 апреля, накануне праздника Преполовения, при великом князе Василии Васильевиче и при епископе

[22] Югра – название земель между р. Печора и Северным Уралом, а также угро-финских племен (ханты, манси), живших там и плативших дань Новгородской республике.

Суздальском Авраамии: начали внезапно гробы святителей внутри гореть и рушиться, а на следующий день, в самый праздник Преполовения, рухнула церковь соборная святой Богородицы. В том же году князь великий собрал воинов, и пошел снова на Махмета, и пришел к Суздалю; и, когда был он у Евфимьева монастыря, внезапно напали татары, и была у них великая битва, у великого князя с татарами, и за грехи наши побежден был князь великий, и татары, захватив государя великого князя на той битве, повели его в Орду, а с ним князя Михаила Андреевича, и множество других людей – бояр и молодых людей, и монахов, и монахинь, а множество иных зарубили, а князья Иван Андреевич и Василий Ярославич, раненые, с небольшой дружиной убежали. А после этого поражения от татар и другая была беда: через шесть дней, когда сбежались в Москву со своим имуществом со всех сторон оставшиеся люди, загорелась Москва внутри города, и выгорела вся, и много христиан сгорело, числом семьсот, а имущество все сгорело, и рухнула церковь Воздвижения Честного Креста. В том же году, седьмого августа, архиепископ Великого Новгорода владыка Евфимий благословил своих детей – посадников и тысяцких, и весь Великий Новгород, и поехал за Волок, чтобы благословить владения Новгорода и своей кафедры, и своих детей. В том же году, двадцать второго августа, тверской князь Борис[23] прислал своих людей и воевод на Торжок[24], остававшихся там людей разогнал и разграбил, а других убил, а некоторых взял в плен, а сорок повозок московского, новгородского и новоторжского имущества и товаров отвез в Тверь, а некоторые повозки с товаром утонули в реке, а в Бежицком Верхе и в Заборовье за два года разорил восемьдесят волостей.

В год 6955 (1447). И отпустил царь Махмет князя великого Василия на Русскую землю, и взял за него выкупа двести тысяч рублей, а другое об их договоре Бог знает да они сами. В том же году начали люди деньги хулить серебряные, и все новгородцы друг друга подозревали, и были у них между собой волнение, смятение и вражда; а посадники и тысяцкие, и весь Новгород выбрали пять мастеров по чеканке монет и начали переливать старые деньги, а новые ковать в ту же меру, на четыре таких же весовые единицы, а забирая от гривны по полуденьге; и была христианам скорбь великая и убыток в городе и по волостям; и пусть это не будет забыто в последующих поколениях. В том же году, 3 января, было облако грозовое с дождем, и падали вместе пшеница и рожь, и жито на поля и

[23] Великий князь тверской Борис Александрович княжил с 1425 по 1461 г.

[24] Торжок – город на р. Тверце (ныне в Тверской обл.); долгое время являлся объектом упорной борьбы между Новгородом, Москвой и Тверью. В XIV–XV вв. был спорным либо совместным владением Москвы и Новгорода.

на леса, от города за пять верст, а от Волховца и до Мсты реки на расстоянии пятнадцати верст; люди же, собрав, кто сколько нашел, принесли в город, горожане же сходились смотреть на это удивительное чудо, расспрашивая, где и как оно произошло. Той же зимой, 23 января, приехал архиепископ из Заволочья в Новгород. В том же месяце, в 30-й день, на память Трех Святителей, архиепископ Евфимий освятил вместе с духовенством теплую церковь святого Евфимия. Той же зимой сговорились три князя – князь Дмитрий Юрьевич[25], князь Иван Андреевич Можайский[26] и князь великий тверской Борис Александрович, захватили князя великого Василия Васильевича Московского и ослепили его по такому обвинению: «Зачем татар привел на Русскую землю, и города отдал им, и волости дал им в кормление? А татар любишь и слова их сверх всякой меры, а христиан мучаешь немилостиво сверх всякой меры, а золото и серебро, и собственность отдаешь татарам». И по причине этого гнева ослеплен был брат Дмитрия Юрьевича князь Василий. И сел на великом княжении князь Дмитрий Юрьевич в Москве, а князя Василия и мать его, и жену его, и детей его держали под стражей. Присланы были из Москвы посланцы в Новгород, и новгородцы тоже отправили послов, посадника Федора и Василия посадника, и князь Дмитрий крест целовал на всех старинах. А тверской князь Борис под стражей держал новгородских послов четыре месяца и отпустил их. В том же году новгородцы признали негодным серебро, и старые рубли, и новые; была у мастеров по чеканке монет прибыль, когда они серебро переливали в деньги, и то обещанное вознаграждение у них отобрали. В том же году мера ржи была по полтине. В том же году посадник Секира вывел на вече Федора Жеребца, мастера, взвешивавшего и отливавшего серебро, напоив его, и начал допытываться: «Для кого ты отливал рубли?» Он же оговорил восемнадцать человек, и по его речам одних с моста скинули, а у других дома разграбили, и из церквей вывозили их имущество; а прежде того вложенное в церковь не забирали[27]. И еще того же Федора начали лживые бояре учить оговаривать многих людей, грозя ему смертью; он же, протрезвившись, сказал:

[25] Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, сын Юрия Дмитриевича, вместе с братом Василием Юрьевичем Косым принимал участие в борьбе за великое княжение. В 1446 г. совместно с другими князьями захватил и ослепил Василия II (с тех пор именуемого Темным) и стал великим князем, но в 1447 г. был вынужден бежать из Москвы. В 1453 г. отравлен в Новгороде по приказанию Василия II; похоронен в Юрьевом монастыре.

[26] Князь Иван Андреевич Можайский, сын Андрея Дмитриевича, во время войны за великое княжение переходил то на одну, то на другую сторону. За участие в ослеплении Василия II получил от Дмитрия Шемяки во владение Суздаль.

[27] В Новгороде было принято хранить ценное имущество жителей в церквях (возможно, в каменных храмах оно было надежнее защищено от пожаров), но неотъемлемой собственностью церкви оно не являлось.

«На всех я отливал рубли и на все земли, и взвешивал вместе со своей братией литейщиками». Тогда весь город находился в великой скорби, а радовались голодранцы и клеветники, и взяточники, только бы Федор на кого указал; и его самого смерти предали, а имущество его из церкви разграбили и разделили. И был в городе великий мятеж, и с того времени сам Секира разболелся и умер.

В год 6956 (1448). Князь великий Василий бежал в Тверь, и приехали к нему князья и бояре, и татары; и, узнав о том, князь Дмитрий и князь Иван Можайский выехали за Волгу в Галич, и на Кострому, и на Вологду, и стояли напротив друг друга через Волгу, а новгородцы не вступились ни за кого; а земли Русской остаток истратили, между собою воюя; а за Волоком Онегу и Каргополь и Пудогу разорили и пограбили пришлые люди.

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА IV НА НОВГОРОД в 1570 году [2006 г.]

Разгром Новгорода в 1570 г. царем Иваном Грозным – это одна из самых трагических страниц русской истории. Воспользовавшись слухами или ложным доносом о том, что новгородцы вместе со своим архиепископом Пименом якобы хотят перейти на сторону польского короля Сигизмунда-Августа, царь отправился на город с карательным походом и разгромил его. Объяснялась эта экспедиция по-разному: желанием Ивана Васильевича пополнить истощенную Ливонской войной казну, стремлением свести счеты с политическими противниками, попыткой превратить Новгород из потенциального соперника Москвы в рядовой город Русского государства, наконец, болезненной психикой царя (мания преследования, садистские наклонности, неконтролируемый гнев). Для автора «Повести о походе Ивана IV на Новгород», очевидно новгородца и свидетеля описываемых событий, первопричина страшного разгрома – человеческие грехи, за которые Бог и наказывает людей. На первый взгляд, автор не осуждает действия царя, уважительно называя его благочестивым и благоверным государем, почти бесстрастно и протокольно перечисляет действия царских войск против мирного населения Великого Новгорода. Однако, во-первых, он называет вложенные «в уши» царя слова о том, что новгородцы хотят передаться иноземцам, обманными и ложными, то есть отвергает саму выдвинутую Иваном Грозным причину похода. Во-вторых, он настолько ярко и подробно описывает мучительные казни и пытки, совершаемые по приказу самого царя, что невольно возникает ощущение иронии или сарказма в настойчивом именовании его «благочестивым» и «благоверным». Особенно выразительной представляется заключительная сцена погрома, когда царь, собрав оставшихся в живых новгородцев, смотрит на них «милостивым и кротким» взором и обращается к ним с «милостивым» словом. Читателю «Повести» как бы предлагается самому делать выводы из описываемых кровавых событий.

«Повесть» была широко распространена в древнерусской книжности; известно более 80 списков ее различных редакций в составе новгородских летописных сводов и исторических сборников (самый ранний дефектный список датируется 10–20-ми гг. XVII в.). Создание самой «Повести» обычно относят к концу XVI в.

В основу перевода положен текст из рукописного сборника, содержащего Новгородскую четвертую летопись с прибавлениями (см.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 393–404; совр. шифр: БАН. 16.3.2, л. 312–319).

В год 7078 (1570), 2 января, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич[1], самодержец всей Руси, разгневавшись, пошел войной на Великий Новгород, и на архиепископа Пимена[2], и на его архиепископских бояр, и на лучших именитых людей, и на всех жителей города.

Посещением и изволением и наказанием Вседержителя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, за умножение беззакония нашего и богомерзких отвратительных грехов, которыми наполнилась великая греховная злоба в людях: братоненавидение, разные преступления, вражда, ненависть, воровство, обман, – за все эти мерзкие дела и беззакония, согласно пророческим писаниям, приходит с небес гнев Божий на непокорных сынов и на всякое беззаконие. Разными способами наказывает нас создавший все блага для живущих всещедрый Бог человеческого рода, своими щедротами и милосердием: иногда – голодом и эпидемиями, то есть моровой язвой, иногда – пожаром, иногда – нашествием страшных безбожных врагов, а страшней и хуже всего – междоусобными распрями и кровопролитием, бывающими в человеческом роду; и случается от этого оскудение и запустение святых Божьих церквей за злословие Богу, и разорение мирским жителям, и домам – разрушение до основания, городам же и всем живущим в них – окончательная погибель до основания.

Так случилось и в наши дни великое потрясение и колебание, смятение и разрушение, каких в минувшие времена и в прежних поколениях людей не было, и отцы наши не могли о таком рассказать, что произошло в Российской земле, в богоспасаемом и знаменитом и славном городе. Такого глаза не видели и уши не слышали, и сердце человеческое вместить не может того, что сделал создавший все блага для живущих Господь своим праведным судом с городом отцов наших, за беззакония наши и великие прегрешения, подстрекательством и намерением богоотступников, злых лживых людей, хищников, по действию злого врага дьявола вложивших в уши царя злые слова против архиепископа Новгородского Пимена и его архиепископских бояр, и лучших именитых людей, жителей города, о том, что они хотят передать город иноземцам. И от этих обманных ложных слов ожесточил Бог сердце благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу, самодержцу всей Руси, великим

[1] Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) – великий князь и царь (с 1547), сын великого князя московского Василия III Ивановича.

[2] Пимен Черный – архиепископ Новгородский (1553–1570).

гневом и неукротимой яростью, и великим озлоблением на Великий Новгород, на принадлежащую ему государеву царскую державу, и на всех людей, живущих в городе.

От создания мира в год 7078 (1570), 2 января, в понедельник, в день памяти святого Сильвестра, папы Римского, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, послал в Великий Новгород вперед себя быстрым маршем передний полк своих государевых бояр, и воевод, и князей, и дворян, и детей боярских, и разных воинов великое и бесчисленное множество. Они же, приехав в Великий Новгород по повелению благочестивого государя царя и великого князя Ивана Васильевича, самодержца всей Руси, установили вокруг Великого Новгорода великую стражу и крепкие заставы со всей твердостью и повелели на заставах сторожам зорко стеречь всех живущих в городе, чтобы ни один человек из города не убежал.

А другие государевы князья и дети боярские из того же царского первого полка разъехались по всем монастырям, находящимся вокруг Великого Новгорода, и опечатали монастыри и их церковную казну, а игуменов и монастырских священников, и дьяконов, и соборных старцев из всех новгородских монастырей собрали и привезли с собою в Великий Новгород, числом до пятисот старцев и даже больше, и всех их поставили на правеж[3] до приезда царя.

А другие дети боярские из того же первого государева полка собрали со всего Новгорода от всех церквей священников и дьяконов, и поставили их на правеж, разделив их под стражей по десять человек, и повелели их содержать сторожам строго, в цепях железных, и повелели их бить сторожам на правеже с утра до вечера, пока не откупятся, без всякой пощады, а получить с них повелел государь по двадцать рублей по новгородскому счету, как у них в Новгороде подсчитывают деньги[4].

А другие дети боярские из того же государева первого полка опечатали по всему Великому Новгороду по улицам во всех городских приходах церкви, и принадлежащие церквям здания, и домашние палаты у всех известных людей Великого Новгорода со всем их имуществом и поставили многочисленных сторожей, чтобы они тщательно стерегли их до приезда государя.

А другие дети боярские из того же государева первого полка, согласно повелению государя, во всем Великом Новгороде купцов и известных государственных служащих схватили и отдали под стражу, и повеле-

[3] Правеж – битье батогами, прутом или дубиной как средство принуждения к выплате налогов или долгов.

[4] В XVI в. московский рубль соответствовал половине новгородского рубля.

ли сторожам содержать их строго в железных цепях, а дома их и всю собственность опечатали, а жен и детей их повелели сторожам стеречь тщательно до приезда государя.

И в том же 7078 (1570) году, 6 января, на праздник Богоявления Господа нашего Иисуса Христа, приехал в Великий Новгород благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, а с ним сын его государев, благоверный царевич князь Иван Иванович, и с ним, с государем, великое бесчисленное множество полков, князей и бояр, и детей боярских, и прочих воинов, да с ним, с государем, полторы тысячи стрельцов. И приехал государь в Великий Новгород и встал со всем войском на Торговой стороне, на месте, называемом Городище, от новгородского посада в двух верстах[5].

И на следующий день после своего приезда, в субботу, повелел благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, игуменов и монастырских священников, и дьяконов, и старцев соборных, которые еще до приезда государя силами первого полка были забраны из монастырей и поставлены на правеж, их повелел избивать на правеже дубинами насмерть, и, убив их всех, повелел каждого отвезти в свой монастырь и там похоронить.

А в воскресенье Господне, 8 января, государь поехал со всеми своими полками к соборной великой церкви Премудрости Божией Софии слушать обедню, и встретил его, государя, согласно царскому закону, архиепископ Пимен с крестами и с чудотворными иконами, и со всем духовенством, на Великом Волховском мосту, у Черного креста[6]. И хотел архиепископ Пимен, согласно царскому обычаю, благословить крестом государя царя и великого князя Ивана Васильевича и сына его, благоверного царевича князя Ивана Ивановича. И государь царь и великий князь Иван Васильевич и сын его царевич князь Иван к кресту не подошли к архиепископу. И говорит государь царь и великий князь архиепископу Пимену: «Ты, коварный, в руке своей держишь не Крест Животворящий, но вместо креста – оружие, и этим оружием собираешься поразить наше царское сердце своим неистовым злоумышлением вместе со своими злодеями и единомышленниками, жителями этого города. И хотите владения нашей царской державы, этот великий спасаемый Богом Новгород передать нашим врагам, иноземцам, королю Литовскому Сигизмунду

[5] Городище (Рюриково городище), место на правом берегу Волхова, где в период независимости Великого Новгорода находилась официальная княжеская резиденция. В XV–XVI вв. московские князья жили здесь во время своих приездов в город.

[6] Великий Волховский мост соединял Софийскую и Торговую стороны Новгорода. Черный (Чудный) крест находился при въезде на мост.

Августу[7]. Отныне и впредь ты будешь называться не пастырь и учитель, и служитель великой соборной апостольской церкви Премудрости Божией Софии, а волк, и хищник, и губитель, и изменник, причиняющий оскорбления нашей царской багрянице».

И, произнеся такие яростные слова, повелевает государь архиепископу с крестами идти в соборную церковь Премудрости Божией Софии и служить литургию вместе со всем духовенством. А сам государь благоверный царь и великий князь Иван Васильевич с благоверным царевичем князем Иваном Ивановичем и со всеми государевыми воинами пошел вслед за святыми и животворящими крестами и за святыми почитаемыми и чудотворными иконами в церковь Премудрости Божией Софии. И в соборной церкви Премудрости Божией государь выслушал божественную литургию. И после обедни государь пошел к архиепископу Пимену в столовую палату на трапезу вместе со всеми своими князьями и боярами, и детьми боярскими, и со всеми воинами. И как только государь сел за стол и начал есть, и вскоре, немного помедлив, завопил громким голосом с яростью условным царским кличем, по обычаю[8], к своим князьям и боярам. И тотчас повелел государь казну архиепископа и весь его двор архиепископский, со всеми службами, и все палаты и кельи разграбить, и бояр его архиепископских и всех слуг его повелел схватить и под стражу посадить впредь до его, государева, указания. А самого архиепископа Пимена, ограбив, повелел посадить под стражу, и строго повелел его стеречь, и давать ему повелел из казны ежедневно на прокормление по две деньги на день. А дворецкому своему Льву Андреевичу Салтыкову и протопопу Евстафию, и другим своим боярам повелел государь идти в соборную и великую церковь Премудрости Божией Софии, и повелел захватить ризницу и другие дорогие освященные церковные вещи и святые чудотворные иконы Корсунские[9] письма греческих живописцев. Кроме того, повелевает им государь по всему Великому Новгороду во всех святых Божьих церквях захватывать церковную казну и святые почитаемые божественные дорогие чудотворные иконы, и облачения, и колокола. И вокруг всего

[7] Сигизмунд II Август (1520–1572), последний из рода Ягеллонов, великий князь Литовский и (с 1548) король Польский.

[8] Условный великокняжеский (царский) боевой клич, использовавшийся, по обычаю, во время боевых действий, назывался «ясаю». Из новгородских летописей известно, что этот клич был – «Москва». Таким образом, именно это слово Иван Грозный «завопил громким голосом с яростью», что и послужило сигналом для погрома во время трапезы у архиепископа Пимена.

[9] Корсунскими иконами здесь названы византийские по происхождению образы, возможно, потому, что они привозились на Русь через Корсунь (Херсонес).

Великого Новгорода во всех монастырях повелел государь захватывать из всех церквей также церковную казну и драгоценные иконы греческие, иначе говоря, Корсунские, и дорогие облачения, и остальные дорогие освященные церковные вещи и колокола.

Тогда благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, вместе с сыном своим, с благоверным царевичем князем Иваном Ивановичем, устроил суд там, куда государь приехал и остановился – на Городище. И повелел государь приводить из Великого Новгорода архиепископских бояр и множество других служивых людей, и детей боярских, и купцов, и всяких горожан и известных видных людей, и жен их, и детей, и ставить их перед ним, и повелел государь их перед собой жестоко и люто и бесчеловечно мучить их различными муками. И среди многих неописуемых, страшных и различных мучений повелел государь тела их поджигать неким огненным изобретенным составом, который называется поджар, и повелевает государь своим государевым детям боярским тех измученных и поджаренных людей за руки и за ноги и за волосы связывать тонкими веревками сзади разными способами, и повелел привязывать их по одному человеку к саням, и велел их волочить стремительно за санями на Великий Волховский мост и сбрасывать с моста в реку Волхов. А жен их и младенцев – мальчиков и девочек, и даже грудных детей, и любого возраста, повелел государь привозить на Великий Волховский мост, и приводить их на высокое место, специально устроенное, и связывать им руки и ноги сзади, а младенцев привязывать к их матерям, и с большой высоты повелел государь сбрасывать их в воду, в реку Волхов.

А в то время другие государевы люди, дети боярские и воины, в небольших лодках ездили по реке Волхову с оружием, и с рогатинами, и с копьями, и с баграми, и с топорами, и тех людей, мужчин и женщин, разного возраста, которые из глубины речной наверх всплывали, зацепляли баграми, и тех людей копьями и рогатинами пронзали, и топорами рубили, и в глубину речную безжалостно сурово погружали, предавая их горькой смерти. И было такое неописуемое кровопролитие человеческому роду за наши грехи, неукротимой яростью царя ежедневно, без перерыва, около пяти недель и даже больше, и каждый день сбрасывали и топили в воде людей разного возраста числом до тысячи, а иногда и до полутора тысяч. А тот день был легким и благодарственным, когда сбрасывали в воду до пятисот или шестисот человек[10].

[10] Общее число жертв опричного террора в Новгороде определяется исследователями в диапазоне от 2700 до 40 тыс. человек. Есть данные, что за все время царствования

И после окончания этого дела благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, со своими государевыми людьми, с князьями и с боярами, и с детьми боярскими, и с прочими воинами, начал ездить в окрестностях Великого Новгорода по почитаемым и великим монастырям, и там повелел грабить в монастырях церковную и монастырскую казну, и кельи, и дома для монастырских служб, и всякие хозяйственные постройки, в амбарах всяческий хлеб, а стоящий в скирдах и оставшийся на полях немолоченый хлеб повелел огнем сжигать, а скот их весь, и лошадей, и коров, повелел зарезать.

И после того благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, приехал из монастырей в Великий Новгород и повелел по всему Новгороду, по всем торговым рядам, и по всем улицам, и на временных базарах, и у городских торговцев, и в лавках любой товар грабить, а торговые амбары и лавки повелел рубить и до основания разрушать.

И потом благоверный государь царь и великий князь со всеми своими людьми и со всеми воинскими полками начал ездить по всему Новгороду и по всем посадам, и повелел государь у всех горожан во всех их домах имущество грабить, а самих людей и жен их беспощадно, без исключения, всех грабить, и дворы, и дома их ломать, а окна и ворота вскоре после этого повелел безжалостно разрубать.

А в ту пору, во время разорения города, разослал государь других своих государевых людей около Великого Новгорода, на все четыре стороны, во все новгородские пятины[11], по округам и волостям, и по усадьбам боярским, и по поместьям, и по всем местам вокруг Великого Новгорода верст за двести и за двести пятьдесят, и больше, и повелел дома там всячески грабить, и скот убивать у всех людей беспощадно, чей бы он ни был, без раздумья. И продолжалось то неизреченное колебание и великое падение, смятение и кровопролитие человеческому роду в Великом Новгороде и в окрестных землях около Великого Новгорода непрерывно шесть недель, за наши грехи.

И в том же 7078 (1570) году, 13 февраля, на второй неделе Великого поста, в понедельник, повелел государь с утра оставшихся новгородцев от каждой улицы по лучшему человеку привести к нему. Они же стояли перед царем с трепетом, подавленные и печальные, уже простившиеся с жизнью, и были словно мертвые, видя неукротимую ярость царя.

Ивана Грозного население города уменьшилось приблизительно на 30 тыс. человек (в 1546 г. в Новгороде было около 35 тыс. жителей, а в 1583 г. – около 4 тыс.).

[11] Новгородская земля состояла из пяти административных частей (пятин) – Водской, Обонежской, Бежецкой, Деревской и Шелонской.

И благочестивый и христолюбивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, посмотрев на них милостивым и кротким взглядом, изрек им свое царское милостивое слово, сказав им так: «Люди, жители этого Великого Новгорода, все, оставшиеся теперь в городе! Молите милостивого и щедрого, человеколюбивого Господа Бога и Пречистую его Богоматерь, владычицу Богородицу, и всех святых его за нашу благочестивую царскую державу, и за детей моих, благоверных царевичей Ивана и Федора, и за все наше христолюбивое воинство, чтобы нам Господь Бог свыше даровал победу и одоление надо всеми нашими видимыми и невидимыми врагами и противниками. И пусть Бог будет судьей общему нам с вами изменнику архиепископу Новгородскому Пимену и его злым советникам и единомышленникам, ненавистникам рода человеческого, и взыщется пролитая кровь на этих изменниках. И вы об этом теперь не печальтесь, живите с благодарностью в этом городе, а я вам вместо себя оставляю в городе царского правителя, своего боярина и воеводу князя Петра Даниловича Пронского». И, произнеся эти слова, отпустил их с миром домой.

А сам благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич с сыном своим благоверным царевичем князем Иваном Ивановичем и со всем своим войском пошел из Великого Новгорода во Псков. А архиепископа Новгородского Пимена, и священников, и дьяконов, которые не откупились от правежа, и других оставшихся новгородцев повелел государь отсылать под стражей в Александрову слободу[12], до его царского возвращения. И когда государь вернулся из Пскова в богоспасаемый город Москву, повелел он с архиепископа Новгородского Пимена сан снять и послать в заточение в монастырь, тот же там вскоре, через некоторое время, и преставился с благодарностью[13]. А других оставшихся новгородцев, попавших в опалу, повелел государь в Москве предать смертной казни через отсечение головы. И так те здесь скончались. А других, сильно истязав, повелел государь по другим городам разослать на жительство.

Это все случилось непостижимыми судьбами и наказанием Вседержителя Господа Бога нашего, в великом этом спасаемом Богом Новгороде, со всеми, живущими в нем, за наши грехи, а всему остальному человеческому роду в назидание. Аминь.

[12] Александрова (Александровская) слобода – поселение в 105 верстах к северу от Москвы, куда Иван Грозный удалился в декабре 1564 г. с целью учреждения опричнины.

[13] Пимен Черный умер в ссылке (1571) в Веневском монастыре под Тулой.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА БОБРОВА (1982–2023 ГГ.)

1982

1. Некоторые проблемы текстологии и датировки «Сказания Афродитиана» // Материалы 20 Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. Новосибирск, 1982. С. 55–60.

1983

2. О Новосибирском списке «Сказания Афродитиана»: (К вопросу о формировании Великих Миней Четий митрополита Макария) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: «Наука», 1983. С. 117–119.

3. Пинежская экспедиция 1980 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 354–358. Совместно с Н. И. Николаевым.

1984

4. Древнерусский апокриф «Сказание Афродитиана» в рукописных сборниках из фондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л.: [ГПБ], 1984. С. 88–94.

5. «Сказание Афродитиана» в домонгольском переводе: (Вопросы текстологии) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 18–30.

1985

6. Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV – начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л.: [ГПБ], 1985. С. 10–16.

7. И мудрость древних книг... // Ленинградский университет. 1 ноября 1985 г. № 31 (3059). С. 10.

8. Русская рукописная книга древней традиции // Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979–1983). Каталог / Сост. Л. С. Георгиева. Л.: [ГПБ], 1985. С. 76–102. Совместно с П. А. Медведевым.

9. Северодвинская экспедиция 1983 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 417–428. Совместно с Н. В. Шухтиной, С. А. Якуниной.

10. Сохраненная история // Пинежская правда (с. Карпогоры Архангельской обл.). 30 июля 1985 г. № 91 (5971). С. 4.

1986

11. «А денег за книгу не взял нисколько»: (Археографическая экспедиция на Пинегу) // Вечерний Ленинград. 13 февраля 1986 г. № 37 (17827). С. 3.

12. Рукописный Отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII – начало XX в.) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 135–164. Совместно с А. Е. Финченко.

1987

13. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. Автореферат дисс. ... канд. филолог. наук. Л.: [ЛГУ], 1987. 17 с.

14. Житие Алексея человека божия // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 129–131.

15. Сказание Афродитиана // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 396–398.

1988

16. Древнерусская книжность: Десять веков [Буклет]. Л., 1988. 6 с. Совместно с А.А. Амосовым, Г.В. Маркеловым.

17. Записи (№№ 1–92) // Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Л.: [ГПБ], 1988. Вып. 1. С. 23–76.

18. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения В.П. Адриановой-Перетц // Русская литература. 1988. № 3. С. 237–241.

19. Псковский сборник XV в. «Златая Матица» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 40–41.

20. У истоков Сороти: Археографическая работа Государственной Публичной библиотеки // Памятники письменности: Новые находки. Каталог-путеводитель по экспозиции археографических центров Северо-Запада и Севера Европейской части РСФСР на археографической выставке. Л., 1988. С. 148–155. Совместно с В. В. Лебедевым.

21. Указатель географических названий, упоминаемых в записях; Указатель писцов, владельцев рукописей и лиц, упоминаемых в записях // Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Л.: [ГПБ], 1988. Вып. 1. С. 293–334. Совместно с Н. Н. Невзоровой.

1989

22. Пинежская экспедиция 1985 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т. 42. С. 439–447. Совместно с Н. В. Шухтиной.

23. Поиски и находки археографов // Библиотекарь. 1989. № 3. С. 34–35. Совместно с П. А. Медведевым [в Оглавлении пропущено].

24. Усть-Цилемская редакция «Сказания Афродитиана» [публикация текста] // Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. 1: Рукописные книги. Вып. 1. С. 253–258.

25. Усть-Цилемская редакция «Сказания Афродитиана» [статья] // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 41–46.

1990

26. Золотарев Петр Алексеевич // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 44. С. 105–106. Совместно с Н. Ф. Дробленковой, М. А. Салминой.

27. К проблеме Златой матицы // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 341–358. Совместно с Т.В. Черторицкой.

28. Новые материалы по истории северодвинской книжной традиции: (Находки 1988 и 1989 годов) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1990. Ч. 2. С. 12–13.

29. [Ред.]: Проблемы развития русской литературы XI–XX веков: Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов 18–19 апреля 1990 года. Л., 1990. Совместно с В. Н. Баскаковым, Т. М. Вахитовой, А. М. Грачевой, Н. Н. Мостовской.

1991

30. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (Конец XIV – первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78–98.

1992

31. Золотарев Петр Алексеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. А–З. С. 404–406. Совместно с Н. Ф. Дробленковой, М. А. Салминой.

32. Описания №№ 459, 460 // Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. С. 109–110. Совместно с Е.В. Крушельницкой.

33. Описания №№ 452–458, 461–470 // Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. С. 104–109, 110–115. Совместно с Е. А. Пережогиной.

34. Экспедиция на Северную Двину 1988 года // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1992. Т. 45. С. 445–455.

1993

35. Из истории летописания первой половины XV века // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 3–20.

36. Из истории народной письменности Русского Севера: (Старообрядческое сочинение 1887 года о качемских скитах) // Культурно-исторический диалог: Традиция и текст. Межвузовский сборник / Под ред. А. Б. Муратова, С. Б. Адоньевой. СПб., 1993. С. 30–41.

37. Калязинская челобитная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2 (И–О). С. 139–140.

38. «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV века // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 291–299.

39. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 187–191.

40. Экспедиция на Северную Двину 1989 года // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 473–487.

1994

41. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты / РАН. ИРЛИ; Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1994. 169 с.

1995

42. Афанасьев Владимир Александрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН. ИРЛИ; Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 1 (А–В). С. 77–78.

43. Блок Александр Александрович // Там же. С. 123–125.

44. Богатырев Петр Григорьевич // Там же. С. 127.

45. Водовозов Николай Васильевич // Там же. С. 219–221.

46. Глухов Василий Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН. ИРЛИ; Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 2 (Г – И). С. 30–31.

47. Гордлевский Владимир Александрович // Там же. С. 44–45.

48. Горский Антон Анатольевич // Там же. С. 51–52.

49. Григорьян Камсар Нерсесович // Там же. С. 59–60.

50. Грунский Николай Кузьмич // Там же. С. 64–66.

51. Грушевский Михаил Сергеевич // Там же. С. 66–68.

52. Дмитриева Руфина Петровна // Там же. С. 121–123.

53. Драгоманов Михаил Петрович // Там же. С. 136–138.

54. Дынник-Соколова Валентина Александровна // Там же. С. 155–156.

55. Елеонский Сергей Федорович // Там же. С. 166–167.

56. Изюм // Там же. С. 273–275.

57. Ипатьевская летопись // Там же. С. 304–305.

58. Исаченко Александр Васильевич // Там же. С. 305.

59. Каллаш Владимир Владимирович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН. ИРЛИ; Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 3 (К–О). С. 7–8.

60. Каяла // Там же. С. 31–36.

61. Кожух // Там же. С. 54–55.

62. Кудряшов Константин Васильевич // Там же. С. 110–112.

63. Лука моря // Там же. С. 183–185.

64. Мелиоранский Платон Михайлович // Там же. С. 235–236.

65. Оксамит // Там же. С. 348–349.

66. Орьтъма // Там же. С. 372–374.

67. Оскол // Там же. С. 375–376.

68. Паволока // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН. ИРЛИ; Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 4 (П - Слово). С. 6.

69. Папороз // Там же. С. 11–13.

70. Парманин Михаил Палладиевич // Там же. С. 14.

71. Плетнева Светлана Александровна // Там же. С. 118–119.

72. Попов Александр Иванович // Там же. С. 155–157.

73. Поход Игоря Святославича на половцев 1185 г. // Там же. С. 160–169.

74. Путины // Там же. С. 192–193.

75. Пядышев Г.Е. // Там же. С. 197–198.

76. Русская земля // Там же. С. 243–245.

77. Салтан // Там же. С. 263.

78. Сальница // Там же. С. 263–267.

79. Самара // Там же. С. 267.

80. Сибилев Николай Викентьевич // Там же. С. 287.

81. Стремя // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН. ИРЛИ; Отв. ред. О.В. Творогов. СПб., 1995. Т. 5 (Слово Даниила Заточника – Я. Дополнения. Карты. Указатели). С. 66–67.

82. Стружие // Там же. С. 75–76.

83. Стяг // Там же. С. 77–79.

84. Сулейменов Олжас Омарович // Там же. С. 83–85.

85. Сюурлий // Там же. С. 89–91.

86. Тул // Там же. С. 140.

87. Япончица // Там же. С. 286–287.

88. Яруга // Там же. С. 297–299.

89. Карты / Составитель А.Г. Бобров // Там же. С. 309–321.

90. 1976 г. // Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1973–1987 гг. / РАН. ИРЛИ; Сост. А. Г. Бобров, М. Д. Каган, Н. И. Милютенко, М. А. Салмина, О. В. Творогов. СПб., 1995. Ч. 1: (1973–1977 гг.). С. 101–141.

91. Афанасий Никитин // Русские писатели XI – начала XX века: Биобиблиографический словарь. Книга для учащихся / Под ред. Н. Н. Скатова; Сост. В. А. Котельников, Ю. М. Прозоров. М., 1995. С. 14–16.

92. Нестор // Там же. С. 23–24.

93. Сильвестр // Там же. С. 24–26.

94. Варлаам Лисицкий – новгородский книжник конца XIV – начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. № 18. С. 5.

95. Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 года) / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 89–101.

96. Церковные отношения Пскова и Новгорода и Флорентийская уния // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. С. 53–57.

1996

97. 1984 г. // Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1973–1987 гг. / РАН. ИРЛИ; Сост. А. Г. Бобров, С. А. Давыдова, С. Э. Коляда, Н. И. Милютенко, М. А. Салмина, О. В. Творогов. СПб., 1996. Ч. 3: (1983–1987 гг.). С. 46–90.

98. Археографическая работа Древлехранилища имени В. И. Малышева // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Филология. Литературоведение. Культурология. Лингвистика. Искусствознание. М., 1996. С. 5–20. Совместно с В. П. Бударагиным.

99. Калязинская челобитная // Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь / Под ред. О. В. Творогова. М., 1996. С. 85.

100. Летописи Новгородские // Там же. С. 105–106.

101. Повесть о Горе-Злочастии // Там же. С. 147–148.

102. Повесть о Савве Грудцыне // Там же. С. 162–163.

103. Повесть о Фоме и Ереме // Там же. С. 167–168.

104. Повесть о Шемякином суде // Там же. С. 169–170.

105. Служба кабаку // Там же. С. 210.

106. Новгородские летописи XV века (Исследование и тексты). Автореферат дисс. ... доктора филологических наук. СПб., 1996. 66 с.

107. Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 50. С. 359–373.

108. Предисловие // *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 1–10 (1-я паг.).

109. Флорентийская уния и Новгород // София (Новгород). 1996. № 1 (17). С. 12–13.

1997

110. Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие / Сборник статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257–268.

111. Лисицкий Рождества Богородицы монастырь // София (Новгород). 1997. № 1 (21). С. 19–21.

1998

112. Ксенофонтов Робейский монастырь // София (Новгород). 1998. № 3. С. 21–23.

113. О публикации древнерусских летописей // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, состоявшейся 14–16 октября 1998 года. Нижний Новгород, 1998. С. 5–7.

114. Повесть о Фоме и Ереме // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3 (П – С). С. 208–209.

115. Повесть о Шемякином суде // Там же. С. 245–247. Совместно с О. В. Васильевой.

116. Служба кабаку // Там же. С. 478–479. Совместно с О. С. Сапожниковой.

1999

117. В. И. Малышев – сотрудник Публичной библиотеки // История библиотек: Исследования, материалы, документы. СПб., 1999. Вып. 2. С. 148–155.

118. Копенгагенский сборник середины XVII века и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 463–476.

119. Редакции Новгородской четвертой летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 107–136.

120. Сказание Афродитиана (Подгот. текста, пер. и комм.) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 248–255, 395–397.

121. Слово о злых женах (Подгот. текста, пер. и комм.) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 484–487, 577–578.

122. Троицкий Клопский монастырь // София (Новгород). 1999. № 2. С. 8–11.

123. К вопросу о древнейших скрипториях Великого Новгорода // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России: Сборник докладов конференции 17–21 ноября 1998 года, Москва. М., 1999. С. 42–50.

2000

124. Пока есть библиотеки, не все потеряно // Санкт-Петербургский курьер. 2000. № 38 (28 сентября – 4 октября). С. 9.

125. Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович // Арзамас (Нью-Йорк, США). 2000. № 8. С. 110–113.

126. Первое предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 5–9 (1-я паг.).

2001

127. Новгородские летописи XV века / РАН. ИРЛИ. СПб., 2001. 287 с.

128. Летописный свод митрополита Фотия: (Проблемы реконструкции текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С. 90–130.

129. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 3–123.

130. Принципы издания древнерусских летописей // *Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва.* Текстология: На материале

русской литературы X–XVII веков. СПб., 2001. Изд. 3-е, перераб. и дополн. С. 718–751.

131. Д.С. Лихачев и Великий Новгород // София (Новгород). 2001. № 3. С. 28–31.

2002

132. От составителей // Полное собрание русских летописей / Отв. ред. серии В. И. Буганов, Б. А. Рыбаков. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись / Ред. тома Я.С. Лурье; Текст подгот. А. Г. Бобровым, З. В. Дмитриевой. С. 14 (совместно с З. В. Дмитриевой).

133. Археографическое введение // Там же. С. 15–20.

134. Вторая выборка [подготовка текста] // Там же. С. 98–178.

135. Программа дисциплины «Текстология древнеславянских памятников» // Учебные программы по дополнительной специализации «Палеославистика» 021721. СПб., 2002. С. 11–14 (совместно с Н. С. Демковой).

136. [Воспоминания о Д. С. Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. СПб., 2002. С. 356–362, 389–395.

137. Сказание Афродитиана (перевод на совр. русский язык, комм.) // Апокрифы Древней Руси / Сост. и предисл. М. В. Рождественской. СПб., 2002. С. 97–103, 219–220.

138. О древнерусском Житии Арсения Коневского // Житие преподобного Арсения Коневского чудотворца / Публ. и переложение на совр. русский язык Н. Н. Ильиной. СПб., 2002. С. 61–68. Совместно с Н. А. Охотиной-Линд.

139. «Катание по росе» как языческое таинство // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Натальи Михайловны Герасимовой / Сост. А. Г. Бобров, И. Ф. Данилова, Е. Л. Мадлевская, Е. В. Хворостьянова. СПб., 2002. С. 45–59.

140. [Сост.]: Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Натальи Михайловны Герасимовой. СПб., 2002 Совместно с И.Ф. Даниловой, Е.Л. Мадлевской, Е.В. Хворостьяновой.

141. Описания №№ 48, д51, д69 // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. М., 2002. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская). С. 152–153 (совместно с Е. В. Афанасьевой, Е.М. Шварц); С. 644–646 (совместно с Е. В. Афанасьевой, А. Л. Лифшиц); С. 664 (совместно с Е. В. Афанасьевой).

2003

142. Имитация науки: О книге Б. М. Клосса «Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса.

Тексты» (М.: Языки русской культуры, 1998. 564 с.) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 53. С. 418–445. Совместно с Г. М. Прохоровым, С. А. Семячко.

143. Летописание Великого Новгорода второй половины XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 53. С. 90–121.

144. «Повести древних лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54. С. 136–171.

145. Поиски растительного энтеогена в свободное от работы время // Slavic Research Center News (Annual Newsletter of the Slavic Research Center, Hokkaido University, [Саппоро, Япония]). No. 11. December, 2003. P. 11–13.

146. Попытка одного отождествления: (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 270–278.

2004

147. Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 56. С. 94–120.

148. К вопросу о времени и месте создания Летописца Еллинского и Римского второй редакции // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 82–90.

149. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.; М., 2004. С. 470.

150. Нейрофизиологические механизмы целенаправленных движений и труды В. Я. Проппа // Первая Российская конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Казань, 2004. С. 36–37. Совместно с Е. В. Бобровой.

151. Описания №№ 791, 792 // Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. СПб., 2004. Вып. 3. С. 163–166.

152. [Рец. на книгу]: *Накадзава А.* Рукописание Магнуша: Исследование и тексты // Bulletin of the Japan Association for the Study of Russian Languge and Literature. 2004. Vol. 36. P. 181–183.

153. [Рец. на книгу]: *Кисаки Р.* Генеалогические таблицы по русской истории // История России. Токио, 2004. No 75. С. 101–103 (на японском языке).

2005

154. On Unknown People in the Eastern Land // Slavic Studies. Sapporo, 2005. Vol. 52. P. 261–280 (публикация древнерусского текста, перевод и статья). Совместно с Г. Кошино, Ю. Мияно, К. Мори, Ш. Самицу (на японском языке).

155. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2005. Т. 22. P. 238–298.

156. [Рец. на книгу]: *Кисаки Р.* Генеалогические таблицы по русской истории // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2005. Т. 22. P. 324–325.

157. Some Neurophysiological Aspects of Language Birth: Vertical Posture and Explosion // International Summer School for Semiotic and Structural Studies. Imatra, Finland, June 11–19, 2005. Abstracts. Imatra, 2005. P. 39–43. Совместно с Е.В. Бобровой (на английском языке).

158. Соловецкие «четьи» сборники конца XV века // Международная научная конференция «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.». 5–10 сентября 2005 г. Тезисы докладов. Соловки, 2005. С. 14–16.

159. Житие Арсения Коневского / Перевод на совр. рус. язык // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13: XVI в. С. 155–181.

160. Житие Арсения Коневского / Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13: XVI в. С. 773–776. Совместно с Н. А. Охотиной-Линд.

161. «Волшебные превращения» в «Слове о полку Игореве» // О древней и новой русской литературе. [Сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой]. СПб., 2005. С. 66–74.

2006

162. Неудачный поход против «Сказания о Валаамском монастыре» (по поводу статьи С. Н. Азбелева) // Русская литература. 2006. № 1. С. 277–281.

163. Подготовка текста к изданию по рукописи: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. Т. II: Духовные движения XVII–XIX веков // *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. Т. I: Духовные движения XVII века. Т. II: Духовные движения XVII–XIX веков. Статьи. М., 2006. С. 355–531. Совместно с Н.С. Демковой.

164. Ефросин Белозерский как историограф // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 134–144.

165. По поводу статьи М.А. Салминой «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения «Сказания о Мамаевом побоище»» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 963–967.

166. Вячеслав Михайлович Загребин (31.10.1942–9.10.2004): (Некролог) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 984–987. Совместно с Т. В. Рождественской.

167. Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб., 2006. – 438 с. (35, 75 печ.л. + 2, 6 вкл.).

168. Предисловие // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб., 2006. С. 7–21.

169. Официальное новгородское летописание первой половины XV века

(за 1429–1448 годы) [перевод на совр. рус. яз. и комм.] // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб., 2006. С. 319–332.

170. Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году [перевод на совр. рус. яз. и комм.] // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб., 2006. С. 425–433.

171. «У него была смелость мысли...» [О Д. С. Лихачеве] // Библио-Глобус. 2006. № 11 (ноябрь). С. 4–5.

172. [Воспоминания о Д.С. Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. СПб., 2006. С. 337–342, 373–379 [переизд. № 136].

173. Сказание Афродитиана (перевод на совр. русский язык, комм.) // Апокрифы Древней Руси / Сост. М.В. Рождественская. СПб., 2006. С. 97–103, 219–220 [переизд. № 137].

2007

174. «Концепция времени» Д. С. Лихачева // Филологические исследования. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 2750-летию г. Самарканда. Самарканд, 2007. Вып. 2. С. 3–6.

175. Время Лихачева // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2007. Т. 4. С. 497–507.

176. Существовал ли Мусин-Пушкинский сборник со «Словом о полку Игореве»? (Об одном заблуждении Эдварда Кинана) // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. СПб., 2007. Вып. 1/2. С. 39–51.

177. Чин мироварения в автографе Ефросина Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 833–856.

178. Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 55–58.

179. Варлаам архимандрит // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 106–107.

180. Дмитриев Лев Александрович // Там же. С. 156.

181. Летописание новгородское // Там же. С. 264–265.

182. Летопись Авраамки // Там же. С. 267–268.

183. Монастыри: Лисицкий // Там же. С. 317–318. Совместно с Л. А. Секретарь.

184. Розов Николай Николаевич // Там же. С. 416–417.

2008

185. Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинока Ефросина Белозерского: (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2008. С. 94–172.

186. Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники: Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 124–151.

187. «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3. С. 65–118.

188. Сказание Афродитиана (перевод на совр. русский язык, комм.) // Апокрифы Древней Руси / Сост. М. В. Рождественская. Изд. 2-е, дополн. СПб., 2008. С. 137–143, 284–285 [переизд. № 137, 173].

2009

189. «Сказание об Индийском царстве» в версии Ефросина Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 59. С. 264–292.

190. «Нравился он мне чрезвычайно» (Д. С. Лихачев и Великий Новгород) // Новгородский край в русской литературе. Новгород, 2009. С. 831–839.

191. Монастырское летописание Новгородской республики // Там же. С. 116–141.

192. О происхождении Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Чтения по истории и культуре Древней и Новой России. Ярославль, 2009. С. 114–123.

193. К вопросу о древнерусском «двоеверии» // Japanese Slavic and East European Studies. 2009. Vol. 30. P. 59–79.

194. К 50-летию Валерия Шалабина // Valery Shalabin. Валерий Шалабин [Буклет]. [СПб., 2009]. С. 13–15.

2010

195. К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 27–61.

196. Экспедиция на Северную Двину в 2009 и 2010 годах // Вестник РГНФ. 2010. № 4. С. 155–165. Совместно с А. Б. Бильдюг, А. Н. Власовым, Т. Б. Карбасовой.

197. Краткая редакция «Задонщины»: Текст, перевод, примечания и указатель слов // Kodai Roshia Kenkyu = Studia Philologica Palaeorussica. 2010. Vol. 22. P. 97–189. Совместно А. Сато, Э. Имамура, Ю. Огура, Х. Танака, Е. Брыдня, Д. Ямасита (на японском языке).

198. Novgorodian Chronicles of the Fifteenth Century // Encyclopedia of the Medieval Chronicle / Edited by Graeme Dunphy. Leiden: Brill, 2010. Vol. 2. P. 1157–1158 (на английском языке).

199. Д. С. Лихачев как исследователь новгородских летописей

(Диссертация «Новгородские летописные своды XII века») // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2010. Т. 61. С. 128–141.

2011

200. Монастыри новгородские (до XVI века) // София. 2011. № 1. С. 16–23.

201. Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Т. 2. СПб., 2011. С. 565–575.

202. [Рец. на книгу]: *Власов А. Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: Изд. «Олег Абышко», 2010. – 640 с. // Вестник РГНФ. 2011. № 1 (62). С. 213–214.

203. Досифей I Соловецкий: Жизнь и творчество // Первая международная научная конференция «Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря»: Сборник научных статей и докладов / Отв. ред.-сост. О. Г. Волков. П. Соловецкий [Архангельская обл.], 2011. С. 10–16.

2012

204. Комментарии к Повести временных лет // Повесть временных лет. Иллюстрации М.М. Мечева; СПб., 2012. – 512 с.: 186 ил. (Сер. «Фамильная библиотека: Героический зал»). С. 183–380. Совместно с С. Л. Николаевым, А. Ю. Черновым, при участии Л. В. Войтовича, А. М. Введенского.

205. В поисках Нестора (послесловие к комментариям) // Там же. С. 383–397.

206. О Рюрике, Гостомысле и простушке Умиле // Там же. С. 464–468. Совместно с С. Л. Николаевым, А. Ю. Черновым.

207. Русские старообрядцы о Наполеоне антихристе / [Подгот. текстов А. Г. Боброва] // «Отчизну обняла кровавая забота...»: Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома / Сост. Г. В. Маркелов. СПб., 2012. С. 120–137.

208. Заговоры из «Тихого Дона» и сборник магических текстов из Каргополья // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. Kaukolempiala (Цвелодубово), 2012. С. 8–19.

209. О заговорах и заклинаниях в русской литературе [Рецензия на книгу: *Коровашко А. В.* Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М., 2009] // Русская литература. 2012. № 3. С. 214–222.

210. Японский профессор в Санкт-Петербурге: Книга и экспедиция // Санкт-Петербург – Япония: XVIII–XXI вв. СПб., 2012. С. 239–257 (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

211. «На золоте сидим!» [Воспоминания о Николае Николаевиче Розове] // Николай Николаевич Розов. Человек. Наставник. Ученый / Ред.-сост. А. Н. Розов. СПб., 2012. С. 323–329.

212. Археографические экспедиции Древлехранилища им. В.И. Малышева в 2009–2011 гг. // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Сборник материалов пятого научно-практического семинара, 21–22 марта 2012 г. Петрозаводск, 2012. С. 55–61. Совместно с А. Б. Бильдюг, А. Н. Власовым.

213. Рукописные собрания старообрядцев-филипповцев в Древлехранилище им. В. И. Малышева // Экология традиционных культур: Проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире. Материалы Международных научных конференций «Лингвистическая экология: Сохранение исчезающих языков» и «Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире», проходивших при поддержке РГНФ (проекты № 12–04–14060г и 12–04–14099г). 19–22 сентября 2012 года. Ставрополь, 2012. С. 85–89.

2013

214. Баня в древнерусской литературе // Девятая Международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. Цвелодубово [Ленинградская обл.], 2013. С. 14–28.

215. Biblioteche monastiche e storia russa: influenza reciproca // I testi cristiani nella storia e nella cultura. Prospettive di ricerca tra Russia e Italia. Atti del convegno di Perugia – Roma, 2–6 maggio 2006 e del seminario di San Pietroburgo, 22–24 settembre 2009. Roma: Pontificio Istituto Orientale, 2013. S. 195–220 (Orientalia Christiana Analecta, 294). (на итальянском яз.).

216. К спорам о «варягах» и «руси» в «Повести временных лет» // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. СПб., 2013. С. 50–57 (Россия – Запад – Восток: Литературные и культурные связи. Вып. 1).

2014

217. Очарование древнерусской литературы // Повести минувших лет. Памятники литературы Древней Руси XII–XVII веков. СПб., 2014. С. 5–20.

218. Комментарии [Повесть временных лет; Поучение Владимира Мономаха; Слово о полку Игореве; Повесть о Петре и Февронии Муромских; Житие протопопа Аввакума] // Повести минувших лет. Памятники литературы Древней Руси XII–XVII веков. СПб., 2014. С. 245–314.

219. Упоминания русских князей XIV–XV веков в автографах Ефросина Белозерского // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи

Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 155–172.

220. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 528–553.

221. Смех в «Повести временных лет» // Русская литература. 2014. № 2. С. 5–21.

222. Сакральная вода в древнерусской традиции: Парная баня и утренняя роса // Живоносный источник. Вода в иеротопии и иконографии христианского мира: Сборник материалов международного симпозиума / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2014. С. 130–135.

223. Обзор фольклорных и археографических экспедиций Пушкинского Дома 2008–2013 годов // Вестник РГНФ. 2014. № 3 (76). С. 215–224. Совместно с А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул, Н. Г. Комелиной.

224. Солдатские магические тексты // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русских крестьян: По материалам Пушкинского Дома. СПб., 2014. С. 269–278.

225. Воспоминания крестьян о времени Первой мировой войны // Там же. С. 281–284.

226. *Карпов И.С.* Воспоминания / Подгот. текста и комм. А. Г. Боброва // Там же. С. 285–299.

227. *Ступин С.А.* Воспоминания / Подгот. текста и комм. А. Г. Боброва // Там же. С. 300–307.

228. Великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в древнерусской литературе и книжности // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 63. С. 516–540.

229. Литературный источник Мелётовской фрески // Там же. С. 485–498. Совместно с К. Миура.

2015

230. The Future in the Past: Predictions in the Old Rus' Chronicles // Past and Present in Medieval Chronicles / Edited by Mari Isoaho. Helsinki, 2015. P. 82–91 (COLLeGIUM. Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences, Vol. 17).

231. А. А. Шахматов и спорные вопросы раннего новгородского летописания // Академик А. А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб., 2015. С. 242–250.

232. Волшебный корень айнов: икема (Cynanchum caudatum Maxim.) // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович. СПб., 2015. С. 177–195

(Маклаевский сборник. Вып. 5).

233. Поминальная трапеза в Лисицком монастыре в конце XV века // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 133–147.

234. Ксенофонт // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 39. С. 204–205. Совместно с И. Ю. Анкудиновым.

2016

235. Подложные записи в новгородских рукописных книгах, сделанные в XV веке // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России. Материалы научной конференции. Ярославль, 2016. С. 107–122.

236. «Рука Москвы»: Правка текста в Синодальном списке Новгородской первой летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64. С. 140–163.

237. «Земной рай» Ефросина Белозерского // Пятые Лихачевские чтения. Русская культура: история и экология. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2016. С. 231–236.

238. Текстологическое значение списка Слова о погибели Русской земли, найденного И. Н. Заволоко // Международные Заволокинские чтения. Рига, 2016. Сб. 4. С. 226–232.

239. Novgorod in the Life of Dmitry Likhatchov // Russian Literature & Arts. 2016. No 3. P. 9–13 (на китайском языке; Trans. Chen Yucai).

240. Лисицкий в честь Рождества пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 124–128.

241. Лихачёв, Дмитрий Сергеевич // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 303–308.

242. Лурье, Яков Соломонович // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 680–682.

2017

243. Сакральная вода в древнерусской традиции: утренняя роса и парная баня // Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2017. С. 481–495.

244. Китоврас Ефросина Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65. С. 423–449.

245. Жития общерусских святых (преподобных и святителей) в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография. СПб., 2017. Т. 3. С. 118–133.

246. Летопись Авраамки: Проблемы изучения // Русская литература. 2017. № 4. С. 126–143. Совместно с А. М. Введенским.

247. «Святые горы» Великого Новгорода: О символических смыслах пригородных монастырей «на горах» // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы Международного симпозиума / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2017. С. 79–81.

248. Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2017. С. 314–322.

249. Что искал в Индии Афанасий Никитин? // ROSSICA ANTIQUA. 2017. № 2 (15). С. 124–143.

2018

250. [Рец. на изд.]: Лаврентьевская летопись. Факсимильное издание. СПб.: Росток, 2017. 352 с.; Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Подгот. текста, пер. и исслед. Г. М. Прохорова. СПб.: Росток, 2017. 752 с. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1 (90), январь–март. С. 198–201.

251. Предисловие // Полное собрание русских летописей. СПб., 2018. Т. 44: Летопись Авраамки / Сост. А. Г. Бобров; предисл. А. Г. Бобров, А. М. Введенский, Н.А. Морозова; Отв. ред. А. В. Майоров. 2-е изд., испр. и доп. 224 с., 7 илл. С. V–XXI. При участии А. М. Введенского и Н. А. Морозовой.

252. Текст Летописи Авраамки / Подгот. текста А. Г. Бобров, А. М. Введенский // Там же. С. 1–156.

253. Указатель личных имён / Сост. А. Г. Бобров // Там же. С. 157–182.

254. Указатель географических названий и этнонимов / Сост. А. Г. Бобров // Там же. С. 183–198.

255. Предисловие // Полное собрание русских летописей. СПб., 2018. Т. 45: Варшавский летописный сборник / Сост. А. М. Введенский, Т. И. Афанасьева; Предисл. А. Г. Бобров, А. М. Введенский; Отв. ред. А. В. Майоров. 174 с.; 8 ил. С. V–X. Совместно с А. М. Введенским.

2019

256. [Отв. ред.]: Житие протопопа Аввакума / Изд. подгот. Н.С. Демкова и Л. В. Титова; Отв. ред. А.Г. Бобров. СПб., 2019. 440 с. (Сер. «Литературные памятники»).

257. Сказания о восточных странах и Кирилло-Белозерский монастырь // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2019. Т. 66. С. 110–134.

2020

258. «Песнь о полку Игореве» (1836) // Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2020. Т. 4: П–Р. С. 43–47.

2021

259. Стишной Пролог русской редакции: время и место создания // Шестые Лихачевские чтения. Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие». Тезисы докладов. СПб., 2021. С. 16–19.

2022

260. «Неизвестно-откуда-взятые» имена в летописном Списке ростовских владык // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. СПб., 2022. С. 50–91; вклейка между С. 256 и 257.

261. Японский профессор в Санкт-Петербурге: Книга и экспедиция // *Накадзава А.* Древняя Русь и её окрестности. Белград, 2022. С. 157–172 (Серия «Дальний Восток, близкая Россия»; вып. 5) [переизд. № 210, испр. и дополн.].

262. Из воспоминаний о В. А. Кошелеве // «Чужое: мое сокровище!»: Сб. статей памяти В. А. Кошелева / Отв. сост. А. В. Кошелев. Великий Новгород, 2022. С. 389–393.

263. Спорные вопросы изучения «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 2. С. 127–156.

264. Писцы рукописей, содержащих летописные тексты, и датировки летописных сводов XII–XVI вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2022. Т. 41. С. 128–160 (совместно с А. М. Введенским).

2023

265. Вассиан Патрикеев в Кирилло-Белозерском монастыре: факты и гипотезы // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: «Пушкинский Дом», 2023. Т. 70. С. 129–148.

266. Ефросин Белозерский в поисках Рая. СПб.: «Алетейя», 2023. 270 с., илл.

267. Образ земного Рая у Ефросина Белозерского // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 1. С. 64–77.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	–	Археографический ежегодник
АН	–	Академия наук
БАН	–	Библиотека Российской Академии наук
БАН Литвы	–	Библиотека Академии наук Литвы имени Врублевских
БЛДР	–	Библиотека литературы Древней Руси
ВВ	–	Византийский временник
ВМЧ	–	Великие Минеи четьи митрополита Макария
ГБЛ	–	Государственная библиотека имени В. И. Ленина. См. РГБ
ГВНП	–	Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ГПБ	–	Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. См. РНБ
ДДГ	–	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
Ерм.	–	Ермолинская летопись
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС	–	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
Ипат.	–	Ипатьевская летопись
ИРЛИ	–	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
ЛА	–	Летопись Авраамки
Лавр.	–	Лаврентьевская летопись
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова. См. СПбГУ
ЛЕП	–	Летописец епископа Павла
Лихачев	–	Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1–3.
ЛЗАК	–	Летопись занятий Археографической комиссии
МАк	–	Московско-Академическая летопись
МГАМИД	–	Московский главный архив Министерства иностранных дел

МГПИ	–	Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
МГУ	–	Московский государственный университет
МДА	–	Московская Духовная академия
МС (МС 1479)	–	Московский летописный свод 1479 г.
НГОМЗ (НГМ)	–	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИС	–	Новгородский исторический сборник
НК	–	Новгородская Карамзинская летопись
НК1	–	Первая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НК2	–	Вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НПЛ (Н1, Н1Л)	–	Новгородская первая летопись
НПК	–	Новгородские писцовые книги
Н1мл. (НIЛмл)	–	Новгородская первая летопись младшего извода
Н1ст. (НIЛст)	–	Новгородская первая летопись старшего извода
Н2 (НII, НIIЛ)	–	Новгородская вторая летопись
Н3 (Н3Л, НIII)	–	Новгородская третья летопись
Н4 (НIV, НIVЛ)	–	Новгородская четвертая летопись
Н5 (НV, НVЛ)	–	Новгородская пятая летопись
ОИДР	–	Общество истории и древностей Российских
ОЛДП	–	Общество любителей древней письменности
ОР	–	Отдел рукописей
ОРЯС	–	Отделение русского языка и словесности [Императорской АН]
ОСРК	–	Основное собрание рукописных книг [РНБ]
ПВЛ	–	«Повесть временных лет»
ПЛДР	–	Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
ПС XV в.	–	Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР
ПЭ	–	Православная энциклопедия
Радз.	–	Радзивиловская летопись
РАН	–	Российская Академия наук
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГБ	–	Российская государственная библиотека
РГГУ	–	Российский государственный гуманитарный

		университет
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РГНФ	–	Российский государственный научный фонд
РИБ	–	Русская историческая библиотека
РЛ	–	Русская литература
РНБ	–	Российская Национальная библиотека
Рог.	–	Рогожский летописец
РФА	–	Русский феодальный архив XIV–первой трети XVI века
С.	–	Синодальный список Новгородской четвертой летописи
СА	–	Советская археология
Сим.	–	Симеоновская летопись
СККДР (Словарь книжников)	–	Словарь книжников и книжности Древней Руси
Собр.	–	собрание (рукописных книг)
Сол.	–	Библиотека Соловецкого монастыря [РНБ]
Соф.	–	Библиотека Новгородского Софийского собора [РНБ]
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбИИ	–	Санкт-Петербургский Институт истории РАН
Ст.	–	Строевский список Новгородской четвертой летописи
С1 (СIЛ)	–	Софийская первая летопись
С1мл.	–	Софийская первая летопись младшей редакции
С1ст.	–	Софийская первая летопись старшей редакции
ТОДРЛ	–	Труды Отдела древнерусской литературы
Тр.	–	Троицкая летопись
ТСЛ	–	Троице-Сергиева лавра
Уст.	–	Устюжская летопись
ФИРИ	–	см. СПбИИ
ЦГАДА	–	см. РГАДА
ЦГИА	–	см. РГИА
ЧОИДР	–	Чтения в Обществе истории и древностей российских
IJSLP	–	International Journal of Slavic Linguistics and Poetics

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН*

Аарон, пономарь, иконописец 86–87, 200–201, 211, 225, 400
Абеленцева О. А. 477
Абышко О. 675
Аввакум, протопоп 676, 679
Авраам, новг. тысяцкий 168, 248
Авраамий, еп. Суздальский 469, 651
Авраамка, книжник 450–451, 582, 617, 673, 678–679
Агафья («Огафья»), новг., инокиня 272
Адоньева С. Б. 665
Адрианова-Перетц В. П. 115, 488, 663
Азария, инок 638
Азбелев С. Н. 359–360, 672
Аким – см. Иоаким
Акинф, инок Островского монастыря 110, 216, 614
Акулина, новг. 272
Александр, дьяк 427
Александр, настоятель Андроникова монастыря 163
Александр Васильевич (Суздальский), кн. 244–245
Александр Васильевич (Чарторыйский), кн. 251, 252, 254, 580, 585, 598, 606–607, 611, 646
Александр Владимирович, кн. 477
Александр Всеволодович, кн. 452, 527
Александр Глебович (Смоленский), кн. 445
Александр Михайлович (Тверской), кн., 444, 573–574
Александр («Олександр»), новг. 272
Александр Романович, тверской воевода 479
Александр Фоминич («Цесарь»), новг. посадник 31, 108–109, 398, 544–545
Александр Ярославич (Невский), св., кн. 98, 438, 495, 572
Алексеев А. А. 11, 29, 56, 342, 499, 669, 679
Алексеев Ю. Г. 603
Алексей I Комнин, имп. Византии 374
Алексей III Ангел, имп. Византии 109, 374
Алексей (Палеолог), зять имп. Византии Алексея III Ангела 638
Алексий, архиеп. Новгородский 89–90, 121, 132, 140, 149, 181–182, 266, 337–338, 425, 455–456, 458, 575–576, 629
Алексий, инок Лисицкого монастыря, ключник 126
Алексий, митрополит Киевский и всея Руси 113, 314, 303
Алексий, настоятель Антониева монастыря 121–122
Алексий, настоятель Савво-Вишерского монастыря 161
Алексий, новг., священник 272
Алексий (Смола), настоятель «застенского» монастыря 21, 309
Алексий (Студит), патриарх Константинопольский 28
Алексий, человек Божий, св. 663

* В Указателе личных имён курсивом выделены имена исследователей, переводчиков, издателей, редакторов, собирателей рукописей. Принятые сокращения: архиеп. – архиепископ; библ. – библейский персонаж; еп. – епископ; имп. – император, императрица; кн. – князь, княгиня; легенд. – легендарный персонаж; новг. – новгородец, новгородка, новгородский; св. – святой, святая.

Алеф Г. 468
Александр Попович, богатырь 311
Алешковский М. Х. 361, 376–377
Алпатов М. В. 132, 169
Алфановы братья, св. 162
Амосов А. А. 663
Анания, новг. 574
Анастасий (Синаит), св. 298–299, 303, 309
Анастасия, кн., дочь кн. Василия Дмитриевича 530
Анастасия кн., жена кн. Юрия Дмитриевича 530
Анастасия Михайлова, новг. 578
Анастасия Младшая, св. 480
Анастасия, св. 480–481
Анастасия Старшая, св. 480–482
Андреев В. Ф. 50, 175
Андрей Александрович (Городецкий), кн. 573
Андрей Васильевич (Горяй), кн. 70, 580
Андрей Дмитриевич (Можайский), кн. 405, 652
Андрей Иванович, новг. посадник 100–101, 457, 461
Андрей Кесарийский, св. 302–303, 310
Андрей, настоятель Антониева монастыря 121–122
Андрей, новг. 415
Андрей, новг., инок 272
Андрей, новг. посадник 125
Андрей (Рублев), св. 23, 32, 116, 496, 507
Андрей Юродивый, св. 21, 30, 298–299
Андрей Ярославович, кн. 572
Андреян (Горшков), новг. 276
Андреян, инок («нареченый Маркиян»), сын Пимена 131
Андреян, новг. посадник 453
Андроник Московский, св. 113
Анисим («Онисим»), настоятель Кириллова Нелезинского монастыря 141
Анисимова Т. В. 256–257
Анкудинов И. Ю. 38, 44, 122, 124, 127–128, 131–132, 134–136, 138, 140–147, 149–164, 166–167, 171, 277, 678
Анна Васильевна, дочь кн. Василия Дмитриевича 410, 416, 430, 446, 505
Анна Ивановна, дочь кн. Ивана Красного 99
Анна, настоятельница Варварина монастыря 128–129
Анна, новг. 272
Анна, новг., инокиня 272
Анна, царевна византийская 567–568
Антиох («Онтиох»), св. 301, 307
Антоний («Антон»), архиеп. Новгородский 508
Антоний, архиеп. Новгородский 96, 128, 217, 226, 353, 570–572
Антоний Великий, св. 56–57
Антоний Дымский, св. 93, 96, 348, 352–355
Антоний, еп. Ростовский 516
Антоний, инок Юрьева монастыря (в подложной записи) 53, 167, 174, 262, 272
Антоний, настоятель Хутынского монастыря 164
Антоний, патриарх Константинопольский 513–515
Антоний Печерский, св. 522
Антоний, св. (Виленский мученик) 332, 334
Антоний («Антон») Римлянин, св. 42, 44, 46–49, 120–122, 175–176, 373, 570
Антонис Хутеерис (Гутеерис), член нидерландского посольства 135
Антонова М. Ф. 515
Ануфрий Великий, св. 636
Анфал Никитин, новг. 311, 391, 536

Аркадий, настоятель Пантелеймонова монастыря 155
Аркадий, св., еп. Новгородский 122–124, 570
Арсений, архиеп. Новгородский 81
Арсений, еп. Ростовский 516
Арсений, еп. Тверской 456, 514–515, 521–522, 525–526
Арсений, иером. 25, 397
Арсений, инок Лисицкого монастыря – см. Арсений Коневский
Арсений, инок Хутынского монастыря 81–82
Арсений, ключник из Лисицкого монастыря 27, 75, 100, 126, 183–184
Арсений Коневский, св. 16–17, 26, 31, 33, 36, 73–76, 96, 114, 116, 147, 183–184, 190, 196, 270, 341, 349–350, 352, 397, 413, 419, 498, 500, 504–505, 621–622, 623–624, 626–640, 670, 672
Арсений, настоятель Хутынского и Юрьева монастырей 164, 167
Арсений, новг. 272
Арсений, новг., инок 272
Арсений, новг. св. 217
Арсений, новг., священник 272
Арциховский А. В. 156, 195
Аскольд (Аколд, Осколд), легенд. 565
Афанас, новг. 272
Афанасий Александрийский, св. 299, 307
Афанасий Данилович, кн. 573
Афанасий Иерусалимский, св. 298
Афанасий, настоятель Антониева монастыря 122
Афанасий, настоятель Рождественского на Поле монастыря 126, 160, 548
Афанасий (Никитин), купец 667, 679, 680
Афанасий Остафьевич (Груз), новг. посадник 8, 273–275, 277–278
Афанасьев В. А. 665
Афанасьева Е. В. 670
Афанасьева Т. И. 679
Афет, библ. 564
Афродитиан, персидский жрец 7, 17, 29–30, 499, 662–665, 669–670, 673–674

Бальтерманц Т. Н. – см. Боброва Т. Н.
Баранов К. В. 38
Барсуков Н. П. 16, 346, 563
Баскаков В. Н. 664
Бассалыго Л. А. 273
Батый, хан 299, 572
Бахмет, хан 579
Бахрушин С. В. 361
Бахтурина Р. В. 52, 170
Бегунов Ю. К. 295–297, 302–304
Белецкий С. В. 335, 467, 476, 486
Белоброва О. А. 48, 96, 353, 514
Бельский Иван Владимирович – см. Иван Владимирович (Бельский), кн.
Беляев И. 100
Берденевы, новг. боярский род 278
Бережков Н. Г. 242, 421, 423, 472, 474, 479–480, 495, 557
Бернадский В. Н. 273, 278, 479, 606
Бестужев-Рюмин К. Н. 552, 609
Бестужев-Рюмин М. П. 347
Бильдюг А. Б. 674–677
Блок А. А. 666
Блуд, воевода кн. Ярополка 567
Бобров А. Г. 5, 7–11, 16–17, 29, 37, 39, 57, 67, 74–76, 81, 85, 88, 92–94, 103, 114, 116, 147–148, 170, 183–184, 190, 204, 210, 212, 216, 251–253, 262, 267, 269–270, 276, 281–282, 310, 312, 317, 319, 334, 336–337, 342–344, 350, 352–

353, 363, 366, 379, 382, 396, 412, 417–418, 422, 426, 447, 450, 459, 463–464, 470, 472–473, 477, 489, 491, 494, 497–502, 505, 508, 510, 529, 537, 540, 549, 581–582, 584, 486, 603, 610, 612–613, 622, 667–668, 670, 672, 675, 677, 679
Боброва Е. В. 671
Боброва Т. Н. 5
Боброк-Волынский – см. Дмитрий Михайлович (Боброк-Волынский), кн.
Богатырев П. Г. 666
Богдан Обакунович, новг. тысяцкий 403, 455
Богданов С. В. 235, 242–243, 247, 259–260
Богородица 17, 26, 46, 60, 72, 76, 107, 207, 223, 225, 229–231, 233–234, 405, 419, 425, 628–630, 632–639, 661
Болеслав I (Храбрый), король Польши 568
Болховитинов Евгений, архиеп. 52
Борецкая Марфа – см. Марфа (Борецкая), новг.
Борецкие, новг. боярский род 278
Борецкий Исаак – см. Исаак (Борецкий), новг. посадник
Борис Александрович (Тверской), кн. 452, 477, 598, 649, 651–652
Борис Андреевич (Тверской), кн. 125
Борис Владимирович, св., кн. 314, 364, 380, 482, 484, 568
Борис Константинович, кн. 391, 531
Борис, новг., инок 272
Борис, новг., священник 272
Борис Михайлович (Оболенский Туреня), кн. 127
Борисов Н. С. 414, 604
Борисов Стефан – см. Стефан (Борисов), новг.
Боркан, ордынский посол 572
Бородатый Степан Никифорович – см. Степан Никифорович (Бородатый), дьяк
Бородин О. Р. 470
Бороздин Савва – см. Савва (Бороздин), тверской боярин
Бочаров Г. Н. 35, 550
Брыдня Е. 674
Бубнов Н. Ю. 31
Буганов В. И. 257, 366, 670
Бударагин В. П. 11, 266–267, 668
Будовниц И. У. 114, 152, 170, 346, 353, 476
Буйносов Михаил – см. Михаил (Буйносов), новг.
Букал, легенд., «пустынник» 316
Буланин Д. М. 8, 10, 57, 204–205, 539
Булкин Вал. А. 6, 46, 156
Булкин Вас. А. 6
Бычков А. Ф. 552, 609
Бычкова М. Е. 47, 351

Вавила, отец архиеп. Спиридона Новгородского 322
Варвара, настоятельница Варварина монастыря 128–129
Варвара, новг., скимница 272
Варлаам (Вячеслав) Прокшинец, новг. боярин 572
Варлаам (Лисицкий), настоятель Юрьева монастыря 17, 23, 32, 36, 74, 76, 94–95, 147, 183–184, 338, 346–352, 354–355, 411–412, 414, 416–419, 420, 446,449, 496–497, 500–505, 507–511, 538, 549, 622, 624, 667, 673
Варлаам, настоятель Вяжищского монастыря 135
Варлаам, настоятель Коневского монастыря 621, 624

Варлаам, настоятель Юрьева монастыря 167
Варлаам Хутынский, св. 34–35, 74, 76–77, 80, 83, 92–94, 96–97, 111, 144, 163–165, 183, 203, 217, 220, 226, 270, 344, 348, 350–356, 401, 414–416, 472, 501–502, 571, 591, 613–614, 616, 649
Варнава, библ. 233
Василий I, Дмитриевич, кн. 17, 31, 107–108, 147, 391, 393, 398, 410, 412, 416, 425, 430, 440–441, 444–446, 505, 512, 530–536, 543–544, 557, 576, 578, 642
Василий II, Васильевич (Темный), кн. 35, 104–105, 115, 151, 157, 251, 254, 256–258, 273, 390, 393, 401, 462–463, 471, 478–479, 484–485, 530, 533, 535, 539, 550, 557–558, 578–580, 583, 585, 587–591, 593, 598–599, 602–607, 642–647, 649–653
Василий III, Иванович, кн. 655
Василий Александрович (Казимир), новг. тысяцкий 321
Василий Александрович, кн. 452
Василий (Беда), московский дьяк 601
Василий, брат архиеп. Иоанна 26, 33–34, 74–75, 183–184, 349, 389, 450, 456, 549
Василий Буслаевич, новг. 91, 181, 268
Василий (Варлаам), автор служб и житий 621
Василий Великий, св. 238
Василий Есифович, новг. посол 321
Василий Игнатьевич, новг. 321
Василий, имп. Византии 567
Василий (Калика), архиеп. Новгородский 90, 136, 139, 154, 168–169, 182, 238, 242, 245, 248–250, 266–267, 313, 314, 319–321, 324, 332, 336–338, 340–341, 364, 380, 402, 425, 574
Василий Карло, дьяк митрополита 256–257
Василий Кесарийский, св. 298–299, 309
Василий Кузмин, новг. 455
Василий, легенд. («греченин») 316
Василий (Машков), новг. купец 454
Василий, настоятель Хутынского монастыря 415
Василий Никифорович, новг. 561
Василий, новг. (XIV–XV в.) 131
Василий, новг. (1385 г.) 455
Василий, новг. (XV в.) 272
Василий, новг. книжник, «дьякъ святаго Дмитрия» 404–405, 460
Василий Обакунович, новг. посол 321
Василий Пантелеевич, новг. тысяцкий 321
Василий Ростиславич, кн. 569
Василий Филиппович, новг. 101
Василий Шенкурский, новг. воевода 650
Василий Юрьевич (Косой), кн. 479, 644, 649, 652
Василий Ярославич, кн. 553, 605, 651
Василиса, мать архиеп. Спиридона Новгородского 322
Василиста, новг., инокиня 272
Васильева О. В. 668
Васкул А. И. 677
Вассиан (Василий Иванович) Патрикеев, кн. 680
Вахитова Т. М. 664
Вахрамеев (Вахромеев) И. А. 541
Введенский А. М. 10, 342, 675, 678–680
Вениамин, инок, доминиканец 206
Вера, новг. 272
Веселовский Ф. П., резидент 348
Веселовский С. Б. 623
Вздорнов Г. И. 15, 21, 25, 27, 78, 132, 170, 203, 470, 496

Виднес М. 621
Викторов А. Е. 312
Виленские мученики, св. (Антоний, Иоанн и Евстафий) 332, 334
Вилкул Т. Л. 361–362, 365
Виноградов В. П. 28, 388
Витовт, кн. литовский 103, 407, 430, 445, 447–449, 452–453, 527, 557, 577–579, 641–642
Владимир Андреевич (Храбрый), кн. 576
Владимир (Василий) Святославович, св., кн. 312, 314, 399–400, 430, 434, 508, 566–568, 573
Владимир Всеволодович (Мономах), кн. 53, 167, 174, 370, 372, 676
Владимир Мстиславич, кн. 437–438
Владимир Ярославич (Галицкий), кн. 360
Владимир Ярославич (Новгородский), св., кн., 369, 399–400, 441–442, 472, 645
Владимирко, кн. 370
Власий («Волос»), настоятель Антониева монастыря 121–122
Власов А. Н. 674–676
Вовина-Лебедева В. Г. 358
Водов В. 51, 57, 250, 259, 376, 380–381
Водовозов Н. В. 666
Вознесенский А. В. 306
Воинов Демидка – см. Демидка (Воинов), псковский стрелец, книжник
Войтович Л. В. 675
Волков О. Г. 675
Волынский-Боброк Д. М. – см. Дмитрий Михайлович (Боброк-Волынский), кн.
Востоков А. Х. 36, 135, 170
Всеволод Мстиславич, св., кн. 50, 57, 166, 173–174, 250, 253, 312, 375–377, 379, 586
Всеволод Ольгович, кн. 362–364, 369–370, 570
Всеволод Юрьевич, кн. 435
Всеволод Ярославич, кн. 569
Всеволодко, кн. 128
Всеволожский Иван Дмитриевич – см. Иван Дмитриевич (Всеволожский), кн.
Всеслав Брячиславич («Изяслав Синицинич»), кн. Полоцкий 569
Вышеслав Владимирович, кн. 359
Вячеслав, кн. 571
Вячеслав Ярославич, кн. 569

Гавриил, библ. 233
Гавриил (Григорий), архиеп. Новгородский 123–125, 158, 164, 199, 223, 571
Гавриил, еп. Ростовский 516
Галактион, новг. 272
Галасий – см. Геласий, архимандрит Псковский
Гальченко М. Г. 499
Гастомысл – см. Гостомысл («Гастомысл»), воевода Новгородский
Геврасий, св. 23, 411
Гедиминовичи, род литовских князей 643
Геза II, король Венгрии 369
Гейман В. Г. 621
Геласий («Галасий»), архимандрит Псковский 467, 474, 476, 645
Геласий, настоятель Савво-Вишерского монастыря 161
Гелдата, «царь» ордынский 577. См. также Едигей (Эдигей), ордынский военачальник
Геннадий, настоятель Мостищского монастыря 150
Геннадий, архиеп. Новгородский 84, 106, 209, 219, 280, 287–288, 309–310, 319, 476, 561–562

Георгиева Л. С. 663
Георгий Амартол, византийский хронист 256–257
Георгий (Гюргий) Жирославич, новг. 362, 378–379
Георгий (Гюргий), «сын Лотыша», новг. 52
Георгий Победоносец, св. 42, 49–50, 52, 58, 61, 120, 122, 143, 166–169, 173, 177, 233, 247–248, 250, 252, 254, 418, 454, 503, 570, 574, 585, 587–588, 607, 643, 648–649
Георгий – см. также Юрий
Гера, языческая богиня 29
Герасим, инок на Святой горе 205–206, 213, 231–232
Герасим, митрополит («архиепископ») Киевский и всея Руси 103, 151, 395, 403, 458, 471, 474–475, 537, 558, 643
Герасим, настоятель Аркажского монастыря 123–124, 231
Герасим, новг., скимник 272
Герасим (Поповка), книжник 206–207, 310
Герасимов Дмитрий – см. Дмитрий (Герасимов), книжник
Герасимова Н. М. 6, 670–671
Герман (Воята), книжник 374
Герман, еп. Новгородский 569
Герман, настоятель Спасо-Преображенского (Хутынского?) монастыря 78, 164–165
Герман, патриарх Константинопольский, св. 315, 317
Герман Соловецкий, св. 78, 279, 286–287, 289–290
Геронтий, инок, дьякон Лисицкого монастыря 26, 33–35, 149, 389, 545
Геронтий, митрополит Киевский и всея Руси 35–36, 549–550
Гильбер де Ланнуа, рыцарь 38
Гимон Т. В. 236, 238, 242–243, 246–248, 250, 259–260, 262, 361, 365
Гиппиус А. А. 50, 57–58, 174, 238, 246, 248, 251, 363–365, 376–377, 381
Глеб Владимирович, св., кн. 314, 364, 380, 482, 484, 568
Глеб Ростиславич (Смоленский), кн. 445
Глеб Святославич, кн. 569
Глухов В. М. 666
Голубинский Е. Е. 42, 44, 47, 50, 173, 175–177, 250, 600
Голышенко В. С. 52, 80–81, 165, 170, 172, 197
Гомер, поэт-сказитель 470
Гордиенко Э. А. 425, 480, 482–483
Гордлевский В. А. 666
Городецкий М. Л. 243
Горский А. А. 666
Горский А. В. 170, 540
Горшков Андреян – см. Андреян (Горшков), новг.
Горшков Есип Андреянович – см. Есип (Есиф) Андреянович (Горшков), новг. посадник
Горшков Иван Есифович – см. Иван Есифович (Горшков), новг.
Горшковы, новг. боярский род 272, 276
Гостомысл («Гастомысл»), воевода Новгородский 564, 675
Гранков А. П. 295, 303–304
Грачева А. М. 664
Гранстрем Е. Э. 17–18, 25, 48, 53, 57, 131, 147, 157, 164–165, 170, 397, 404–405
Греков Б. Д. 406–407
Греков И. Б. 537
Григорий – см. Гавриил (Григорий), архиеп. Новгородский

Григорий, архиеп. Ростовский 515–516
Григорий, архимандрит Псковский 474, 476, 486
Григорий Васильевич (Заболоцкий), наместник в Новгороде 462–463
Григорий Великий (Двоеслов), св. 315
Григорий, дьякон, книжник 165
Григорий, инок Синайской горы 205
Григорий Кириллович (Посахно), новг. посадник 104, 273, 643–644
Григорий Кириллович (Немир), новг. посадник 40
Григорий Клепский, кн. «из Заморья» 648
Григорий, новг. 272
Григорий, новг., инок 272
Григорий, папа Римский 315–316
Григорий Синаит 30, 75, 349, 499
Григорий Цамблак (Чамрак), западнорусский митрополит 103, 456, 458, 537, 578
Григорий Якунович, новг. 130
Григорьев А. Д. 247
Григорьян К. Н. 666
Грудцын Савва – см. Савва (Грудцын), литературный персонаж
Груз Афанасий Остафьевич – см. Афанасий Остафьевич (Груз)
Груз Есип – см. Есип (Груз), дед Афанасия Остафьевича (Груза)
Грузов Кузьма Остафьевич – см. Кузьма Остафьевич (Грузов), новг. боярин
Груз Остафий – см. Остафий, инок, отец Афанасия Остафьевича (Груза)
Грузов Никита Афанасьевич – см. Никита Афанасьевич (Грузов)
Грузов Тимофей Кузьмич – см. Тимофей Кузьмич (Грузов)
Грузов Тимофей Остафьевич – см. Тимофей Остафьевич (Грузов)
Грузова Марья – см. Марья, жена Афанасия Остафьевича (Груза)
Грузовы, новг. боярский род 272–275, 277–278
Грунский Н. К. 666
Грушевский М. С. 666
Гуарино Гуарини да Верона, итальянский гуманист 470
Губарев Иван Васильевич – см. Иван Васильевич (Губарев), новг. боярин
Губины, новг. род 272
Гукова С. Н. 470
Гутеерис Антонис – см. Антонис Хутеерис (Гутеерис), член нидерландского посольства

Давид, библ. 255, 602
Давыд, архиеп. Новгородский 152, 573
Давыдов С. Н. 151
Давыдова С. А. 667
Далмат, архиеп. Новгородский 572
Даль В. И. 39
Даниил, новг., инок 272
Данила Александрович (Московский), кн. 316, 438
Данила Борисович, кн. 391, 531
Данила Иванович (Московский), кн. 315–317
Данила Ярославич, кн. 438, 572
Данилова И. Ф. 670–671
Даньслав Лазутичь, новг. 570
Дева Мария – см. Богородица
Демидка (Воинов), псковский стрелец, книжник 669
Демкова Н. С. 5–7, 670, 672–673, 679
Деонисий – см. Дионисий («Деонисий»), келарь Лисицкого монастыря
Деонисий (Старый), новг. 270
Десефей – см. Досифей
Джилл Дж. 468

Джурова А. 313–314, 319, 324, 331–333, 335, 344
Дианова Т. В. 600
Диоклетиан, римский имп. 481
Дионис, языческий бог 29
Дионисий Ареопагит, св. 298–299, 302, 310
Дионисий, архиеп. Суздальский 460
Дионисий, архимандрит Новгородский 167, 418, 503
Дионисий, еп. Ростовский 456
Дионисий («Деонисий»), келарь Лисицкого монастыря 26, 149, 245
Дионисий, священник Вяжищского монастыря 135
Дионисий (Шестник), настоятель Перынского монастыря 157, 399, 471
Дир, легенд. 565
Дмитриев Л. А. 5, 40, 80, 85–86, 88, 97, 100–102, 104, 111, 127, 150, 165, 170, 178, 188, 195–196, 198–199, 201, 203, 212, 394, 400–401, 423, 472, 483, 533, 599, 613, 617, 673
Дмитриева З. В. 281, 670
Дмитриева Р. П. 27, 78, 186, 193, 196, 201, 279, 281–289, 291, 498, 666
Дмитрий Александрович, кн. 572–573
Дмитрий (Герасимов), книжник 206
Дмитрий Иванович (Донской), кн. 66, 68, 91–92, 99, 108, 178, 180, 268, 392–394, 423, 427–428, 444, 517, 533–535, 544, 575–576, 600, 642, 644
Дмитрий Михайлович (Боброк-Волынский), кн. (возможно, в иночестве Максим) 99, 424
Дмитрий Михайлович (Грозные Очи), кн. 573
Дмитрий Юрьевич (Красный), кн. 477
Дмитрий Юрьевич (Шемяка), кн. 40, 97, 104, 251–258, 262, 477, 539, 550, 580, 584–589, 598–608, 612, 647, 652–653, 677
Доброхотов П. – см. Павел (Доброхотов), еп.
Добрыня, новг. посадник 199, 221–222, 253, 586
Добрыня (Золотой пояс), богатырь 311
Добрыня Ядрейкович – см. Антоний, архиеп. Новгородский
Довмонт (Домант), кн. Псковский 572
Долгая Т. 6
Домка («Дъмъка»), священник, книжник 62–63, 146
Дорофей Газский, св. 30, 75, 148, 349, 397, 413, 496, 500
Досифей, архим. 295
Досифей («Десефей»), настоятель Островского монастыря 110
Досифей, митрополит Монемвасийский 477
Досифей (Соловецкий), настоятель Соловецкого монастыря, книжник 9, 21, 41, 88, 207, 216, 279–281, 284–291, 293–297, 300–309, 311–312, 319, 343–345, 673–674
Драгоманов М. П. 666
Дробленкова Н. Ф. 26, 293, 401, 664–665
Дубровина В. Ф. 52, 170
Дубровский П. П. 201
Дудика, холоп еп. Луки 569
Дынник-Соколова В. А. 666

Евгений (Болховитинов) – см. Болховитинов Евгений
Евгений, папа римский 473–474
Евдокия, мать св. Иоанна Новгородского 323

Евдокия, настоятельница Воскресенского на Мячине монастыря 133–134
Евпл («Еоупл»), св. 165
Евсевий, инок Афонский 27
Евстафий, св. (Виленский мученик) 332, 334
Евстафий (Еустафий), новг. посадник 168, 248
Евстафий, протопоп 658
Евфимий I (Брадатый), архиеп. Новгорода 89–90, 102, 141, 181, 266–267, 337–338, 341, 405, 406, 423–426, 450, 452, 455, 460, 545–546, 578–579, 641
Евфимий II (Вяжищский, Лисицкий, Хутынский), архиеп. Новгородский 17, 26–29, 32–36, 40, 74, 76, 80–81, 91, 102–103, 105–107, 135–136, 147, 149, 151, 157, 182–184, 196, 200–201, 203, 217, 225–226, 251–253, 256, 313–317, 319–320, 322, 332, 334, 339–341, 349–350, 389, 396–399, 400–404, 407, 409, 413, 418, 425–426, 448–450, 457–459, 461–465, 468–473, 480–481, 482–486, 490, 498, 500, 507, 510–511, 540, 542–543, 545–546, 549–550, 552–553, 558, 579–580, 582, 584–588, 590–591, 598–600, 605–609, 611–612, 622–623, 633, 640–652, 674
Евфимий Великий, св. 56
Евфимий Суздальский, св. 313–314, 332, 334, 338
Евфимия, св. 138
Евфросиния, св. 166
Егоров Е. Е. 217, 256
Едигей (Эдигей), ордынский военачальник 391, 514, 517, 520, 531
Екатерина («Катерина»), новг. 272
Екатерина II (Великая), имп. Всероссийская 40
Елеонский С. Ф. 666
Елисава, настоятельница Росткина монастыря 160
Елисей Константинович, кн. Копорский 321
Емельян («Омельян») – см. Евфимий I (Брадатый), архиеп. Новгорода
Епифаний Кипрский, св. 56, 159
Епифаний (Премудрый) 32, 113, 116, 394–395, 398, 449, 507–510, 515, 517, 519–520, 522, 525–526, 533, 538
Ерема, литературный персонаж 668–669
Еремин И. П. 370
Есип, новг. 272
Есип (Есиф) Андреянович (Горшков), новг. посадник 276, 643
Есип Григорьевич, новг. 276
Есип (Груз), дед Афанасия Остафьевича (Груза) 277
Есиповы, новг. род 272
Есиф, настоятель Юрьева монастыря 168, 246–248, 259–260
Есиф, новг. тысяцкий 454
Есиф Васильевич, новг. 273, 580, 644
Есиф Захарич, новг. воевода 455, 506
Есфирь (Эсфирь), библ. 301
Еустафий – см. Евстафий (Еустафий), новг. посадник
Ефимий, настоятель Юрьева монастыря 53, 57, 167, 174, 262
Ефрем, еп. Ростовский 456, 416, 516
Ефрем, митрополит Киевский 569
Ефрем Перекомский, св. 156
Ефрем Сирин, св. 15, 28–29, 147, 301, 307, 309, 499
Ефрем, ученик Саввы Вишерского 275
Ефросин (Белозерский), священноинок, книжник 116, 256, 295, 312, 603–604, 671–673, 676, 678, 680

Ефросиния, вдова Петра Купцевица, настоятельница Зверина монастыря 139

Жемайтис С. Г. 475
Жервэ М. Б. 4
Жервэ Н. Н. 122, 137, 140, 164
Живова М. В. 330–331
Жирошка Городщинич, новг. 138

Заболоцкий Григорий Васильевич – см. Григорий Васильевич (Заболоцкий), наместник
Заболоцкий Петр Лобан Григорьевич – см. Петр Лобан Григорьевич (Заболоцкий), боярин
Заволоко И. Н. 678
Завижая, настоятельница Михалицкого монастыря 150
Загребин В. М. 11, 57, 672
Закхей, настоятель Хутынского монастыря, книжник 82–89, 111–112, 164, 195, 199, 208–211, 216, 219–220, 222, 415
Зализняк А. А. 61, 95, 502
Захарий Григорьевич, новг. посадник (XV в.) 561
Захарий, книжник 52
Захарий Михайлович, новг. посадник 168, 243
Захарий, настоятель Благовещенского монастыря 100, 126–127
Захарий, новг. посадник (XIV в.) 244
Захарьев Фефилат – см. Феофилакт («Фефилат») (Захарьев), новг.
Зверинский В. В. 15, 40, 49, 95, 106, 122, 124, 127–132, 134–138, 140–147, 149–153, 155–162, 164, 166–167, 170, 173, 346, 351, 502, 543
Зеньковский С. А. 672
Зиборов В. К. 311, 546
Зиглер А. 468
Зимин А. А. 254, 260, 273, 360, 468, 470, 479, 534–535, 588, 598, 603, 605–607, 674
Зина – см. Лихачева З. А.
Золотарев Петр Алексеевич – см. Петр Алексеевич (Золотарев), книжник
Зосима, дьякон Троице-Сергиева монастыря 416, 505
Зосима, настоятель Пантелеймонова монастыря 155
Зосима Палестинский, св. 30, 75, 349, 500
Зосима Соловецкий, св. 78, 186, 279–294, 311, 317–319, 343–344

Иаков, брат Господень, библ. 371, 374, 456
Иаков «Дописец», книжник 27
Иаков, еп. Ростовский 516
Иаков (Яков) Игнатьевич (Лозьев), новг. посадник 162, 597
Иаков (Яков), инок Лисицкого монастыря, книжник 17, 19, 64, 147, 179, 412
Иван I Данилович (Калита), кн. 154, 168, 244–245, 247, 259–260, 316, 374, 381, 415, 574
Иван II Иванович (Красный), кн. 99, 424, 454
Иван III Васильевич (Великий), кн. 35, 58, 70, 89, 104, 110, 154, 165, 169, 188, 258, 260, 273–275, 278, 282, 550, 560–561, 598, 600, 615
Иван IV Васильевич (Грозный), царь 193, 621, 654–661, 673
Иван Александрович (Смоленский), кн. 445
Иван Александрович, новг. посадник 506

Иван Андреевич (Можайский), кн. 104, 258, 580, 598, 600, 651–653
Иван Борисович, кн. 391, 531
Иван Васильевич (Губарев), новг. боярин 277
Иван Васильевич, кн., сын кн. Василия Дмитриевича 558
Иван Васильевич (Немир), новг. посадник 40
Иван Васильевич, новг. посадник 273, 644, 647
Иван Васильевич (Чарторыйский), кн. 646
Иван Всеволодович, кн. 253, 586
Иван Владимирович (Бельский), кн. 648–649
Иван Владимирович (Пронский), кн. 445
Иван Григорьевич, новг. 597
Иван Дмитриевич (Всеволжский), кн. 535
Иван Дмитриевич (Шемякин), кн. 252–255, 258, 585–587, 600, 603, 605–608, 612, 671, 673
Иван Есифович (Горшков), новг. 276
Иван Иванович (Молодой), кн. 561
Иван Иванович, царевич 657–659
Иван Константинович, кн. 574
Иван (Котов), боярин 255–256, 509, 602–604
Иван (Кумганец), боярин новоторжский 457
Иван Лукинич, новг. тысяцкий 157
Иван Максимов, новг. 644
Иван Максимович, новг. посадник 644
Иван Михайлович (Тверской), кн. 425, 452, 456–457, 521
Иван Морозов, новг. 137
Иван, новг. 272
Иван, новг. воевода 577
Иван, новг. священник 121
Иван (Новосильцев), боярин кн. Дмитрия Шемяки 599
Иван Феодоров, новг. 455
Иван Шенкурский, новг. 274
Иван – см. также Иоанн
Иванов А. И. 205
Ивор, воевода норвежский 650
Игнат, дьякон, книжник 343
Игнат, настоятель Лавришевского монастыря 343
Игнат (Малыгин), новг. ушкуйник 402, 453
Игнатий I, еп. Ростовский, св. 314, 320, 332, 516
Игнатий II, еп. Ростовский 516
Игорь Изяславич, кн. 570
Игорь Ольгович, кн. 47
Игорь Рюрикович, кн. 362, 439–440, 565–566
Игорь Святославич, кн. 5, 379, 666, 673–675, 677, 680
Игорь Ярославич, кн. 569
Иев – см. Иов
Иеремия, библ. 80
Измаило, протопоп Софийского собора 548
Изяслав Давыдович, кн. 437
Изяслав Мстиславич, кн. 106, 155, 369–370, 542
Изяслав Синицинич – см. Всеслав Брячиславич, кн.
Изяслав Ярославич, кн. 569
Иисус Навин, библ. 301
Иисус (Исус) Христос, библ. 23, 25, 107, 127, 224–229, 231–234, 248, 292, 318, 355–357, 402, 405, 411, 481, 501, 517–519, 521–525, 534–535, 543, 559, 567, 587, 625–638, 644–645, 647–649, 654–655, 657, 661

Иконников В. С. 15
Иларий, иером. 25, 397
Иларион Великий, св. 30, 56, 75, 349, 499
Иларион I, еп. Ростовский 516
Иларион II, еп. Ростовский 516
Иларион, еп. Коломенский 17, 21, 26, 31–32, 34–36, 74–76, 94, 96, 146–147, 183–184, 190, 269, 349–350, 352, 389, 397–398, 412–414, 448, 497–498, 500–501, 504, 510, 549–550
Илинарх, новг., скимник 272
Ильина Н. Н. 670
Илья, еп. Тверской 403, 457
Илья-Иоанн – см. Иоанн, архиеп. Новгородский
Илья Пророк, библ. 480, 482, 550
Илья (Цветной), настоятель Никольского монастыря 71, 185
Имамура Э. 674
Иоаким (Аким), еп. Новгородский 358–359, 567–568
Иоаким, дьяк 343
Иоаким, дьякон 411, 495
Иоаким («Иаким»), новг., священноинок 270
Иоаким, инок Коневского монастыря 632
Иоаким, настоятель Вяжищского монастыря 135
Иоаким (Яким), настоятель Валаамского монастыря 83, 220
Иоанн I, еп. Ростовский 516
Иоанн II еп. Ростовский 516
Иоанн VII (Калоян), имп. Византии 515
Иоанн, архиеп. Новгородский «от града Ладоги» 314, 323–324, 328–329, 334, 336, 339, 343
Иоанн архиеп. Новгородский «от града Орешка» 314, 317–318, 324, 326, 334, 336
Иоанн Богослов, библ. 119–120, 140–141, 146, 158–159, 298–299, 302, 576, 584, 596
Иоанн Дамаскин, св. 298–299, 302–303, 309
Иоанн, «духовник» на Афоне 638
Иоанн, «еклесиархъ попъ» на Афоне 638
Иоанн (Заяц), настоятель Рождественского на поле монастыря 71, 185
Иоанн Златоуст, св. 77, 298–299, 303, 411, 453, 495, 547, 575, 579, 584, 607, 642–644
Иоанн (Илья), архиеп. Новгородский (XII в.), св. 88, 110, 124–125, 152, 199, 207, 212, 223, 318, 323, 332, 339, 341, 353, 370, 376, 399, 471–472, 480, 482–483, 569–571, 645
Иоанн, имп. Византии 373
Иоанн («Иоанишка»), книжник 151
Иоанн Лествичник, св. 21, 25, 30, 32, 35, 75, 148, 349, 397, 411, 413, 496, 500
Иоанн Мануилович (Калуян), имп. Византии 410, 416, 430, 446, 505
Иоанн Милостивый, св. 56, 130, 154
Иоанн, настоятель Коневского монастыря 635
Иоанн, настоятель Спасо-Преображенского монастыря в Русе 647
Иоанн, настоятель Святой горы 16, 625, 627–628, 630, 638
Иоанн, настоятель Юрьева монастыря 167
Иоанн, новг., инок 272
Иоанн, новг., священник 272
Иоанн, новг., «церковный росписникъ» 455
Иоанн (Попьян), еп. Новгородский 53, 569–570

Иоанн Предтеча, библ. 42, 106, 129, 137, 160, 177, 180, 198–199, 222, 251–253, 256, 276, 542, 570, 575, 577, 584–586, 589, 592–593, 596, 600, 608
Иоанн, св. (Виленский мученик) 332, 334
Иоанн, св. (память 31 января) 591
Иоанн (Стухин), архиеп. Новгородский (XIV-XV в.) 17, 26, 31, 72, 74–75, 80, 89–90, 97–98, 107–108, 120, 126, 129–130, 139, 147, 164, 181–183, 186, 190, 266, 318–319, 323, 332, 336–339, 341, 343–344, 349, 398, 404–406, 410–412, 416–417, 425, 495, 502, 504, 506, 508, 543–544, 548, 557, 576–578, 622, 625, 629, 639
Иоанн Устюжский, св. 675
Иоанн, экзарх Болгарский 298–299, 302
Иоанникий, «стары духовникъ» на Афоне 638
Иоасаф, архиеп. Ростовский 309
Иов, инок Спасо-Преображенского (Хутынского?) монастыря 78, 80–81, 164
Иона, архиеп. Новгородский, св. 35, 72, 78, 81, 85–87, 97, 109–111, 154, 163, 165, 167, 186, 195, 201–203, 207, 211–213, 215, 217, 225–226, 401, 486, 550–552, 554, 559, 580, 582, 584, 591–592, 594–595, 597, 599, 603, 605, 607, 609, 611, 613–616, 640
Иона, митрополит Киевский и всея Руси, св. 256–257, 314, 322, 332, 486, 552
Иона, настоятель Клопского монастыря 142
Иосиф II, патриарх Константинопольский 645
Иосиф Волоцкий, св. 116, 206, 603
Иосиф, иером. 282
Иосиф, митрополит Кесарии Филипповой 595, 615
Иосиф, настоятель Кириллова Нелезинского монастыря 141
Иосиф, священноинок «з Белаезера тамошних монастырей» 280, 287, 311
Иосиф (Солтан), митрополит Киевский 343
Ирина, новг. 272
Ирина-Ингигерда, кн. 445
Иринарх, настоятель Волотова монастыря 132
Ириния, новг., скимница 272
Ириния, новг., «млада» 272
Исаак II Ангел, имп. Византии 108, 374, 545
Исаак (Борецкий), новг. посадник 601–602, 604
Исаак Комнин, брат имп. Византии Алексея I Комнина 374
Исаак Онкифов (Окинфов), новг. 124, 137, 419, 504
Исаак Онциферович («Онкифорович»), новг. 101, 127
Исаак Сирин, св. 15, 25, 75, 103, 148, 349, 397, 413, 500
Исаище, книжник из Десятинского монастыря 137
Исаия, еп. Ростовский 516
Исаия, настоятель Соловецкого монастыря 293
Исаия, настоятель Юрьева монастыря 57, 60, 145, 167, 174, 177
Исаковы, новг. боярский род 272
Исаченко А. В. 666
Исидор, настоятель Вяжищского монастыря 135
Исидор, настоятель Хутынского монастыря 164

Исидор (Сидор) (Куприянов), новг. 405, 508
Исидор (Сидор), митрополит Киевский и всея Руси 157, 395, 401–402, 462–463, 467–471, 473–479, 484–486, 537, 579, 645–647
Исидор Юрьевский, св. 86, 111, 196
Истрин В. М. 360
Исус Христос – см. Иисус Христос, библ.
Итолька Ругодивец, «проводник» 648

Каган М. Д. 312, 667
Кадыкин П. Ф. 136, 170
Казакова Н. А. 39, 206, 468–469
Казимеры, новг. боярский род 278
Казимир IV, король Польши 256, 274, 580, 605–606, 646, 648–649
Калайдович К. 18, 198, 428
Калита Иван Данилович – см. Иван I Данилович (Калита), кн.
Каллаш В. В. 666
Калочан Андроников – см. Иоанн VII (Калоян), имп. Византии
Каменцева Е. И. 381, 400
Карамзин Н. М. 98, 198, 391, 437–438, 489, 495, 531, 546, 601
Карбасова Т. Б. 674
Каргер М. К. 482
Карп, новг., дьякон 527
Карп Федорович, тверской воевода 479
Карпов И. С. 677
Карташев А. В. 468, 470, 474, 477, 484
Кацнельсон Р. 156
Кейстут, кн. литовский 642
Келесий, св. 23, 411
Киев Прокопий – см. Прокопий (Киев), новг.
Кий, легенд. 565
Кинан Э. 673
Киприан, митрополит Киевский и всея Руси 17, 28, 30–34, 72, 97–98, 107–108, 113, 147, 186, 313–314, 332, 397–398, 410–414, 416, 420, 441, 468, 495, 498, 500, 504, 506, 510, 514–516, 519–520, 525, 532, 543–544, 576
Киприан (Кюприан), новг., сын Матфея Михайлова 403, 456, 458, 460
Кириак («Кюрьякь»), еп. Ростовский 516
Кириак («Кюрьякъ»), настоятель Юрьева монастыря 50, 52, 61, 166–167, 173, 250, 570
Кирик Новгородец, книжник 49, 64, 362–365, 373–380
Кирилка – см. Кирилл Олисеиков
Кирилл I, еп. Ростовский 516
Кирилл II, еп. Ростовский 516
Кирилл Александрийский, св. 318
Кирилл Андреевич («Ондрѣянович»), новг. посадник 129–130
Кирилл Белозерский, св. 31–32, 314, 397, 413, 500, 614
Кирилл Дмитриевич, новг. посадник 405–406, 508
Кирилл, дьяк Юрьева монастыря 58, 169
Кирилл, еп. Туровский, св. 48
Кирилл Иерусалимский, св. 25, 298–299, 302
Кирилл (Константин) Философ, св. 566
Кирилл, настоятель Тверского Спасо-Афанасьева монастыря 507, 509, 517, 520
Кирилл, настоятель Юрьева монастыря 143, 166
Кирилл Олисеиков («Кирилка Олисѣиков»), новг. 454
Киркинен Х. 621
Кисаки Р. 671
Клейненберг И. Э. 473

Климент, еп. Новгородский 125, 146, 572–573
Климент (Климентий) Ортемьин, новг. 100, 457, 461
Клосс Б. М. 105, 376, 389, 409, 424, 433, 491–492, 496, 505, 507–510, 519–520, 522, 525–526, 533, 536–538, 542, 551, 555, 559, 582, 601, 670
Клюг Э. 478
Ключевский В. О. 85–87, 112–113, 122, 170, 193, 194–195, 207, 281–282, 284, 291–294, 623
Князевская О. А. 264
Кобылкин Михей – см. Михей (Кобылкин), новг. боярин
Кобылкины, новг. боярский род 623
Кобяк Н. А. 551, 582, 609
Коваль Н. С. 264
Козловская М. В. 6
Колесов В. В. 5
Коляда С. Э. 667
Комарович В. Л. 366–367, 669
Комелина Н. Г. 677
Кондрат, св. 52
Конон, настоятель Палеостровского монастыря 84, 87, 209–210, 415
Константин I Великий, имп. Византии 125, 154
Константин VII Багрянородный, имп. Византии 552
Константин VIII Багрянородный, имп. Византии 567
Константин Дмитриевич, кн., сын кн. Дмитрия Донского 40, 99, 104, 187, 391, 393, 423, 531, 535
Константин Микулинич, новг. посадник 453
Константин, новг. посадник 364, 379
Константин – см. Кирилл (Константин) Философ, св.
Конявская Е. Л. 521
Копанев А. И. 429, 555
Корецкий В. И. 84, 209, 414–415
Кормилицын Нифонт – см. Нифонт (Кормилицын), еп. Крутицкий и Сарский
Корнилий, инок Пантелеймонова монастыря на Афоне 638
Корнилий, митрополит Новгородский 217
Короб, новг. боярский род 278
Коров Якович, новг. 141
Коровашко А. В. 675
Корф, посол в Копенгагене 348
Коска Матфей Федорович – см. Матфей Варфоломеевич (Федорович) (Коска)
Косой Василий Юрьевич – см. Василий Юрьевич (Косой), кн.
Костомаров Н. И. 41–42, 74, 152, 171, 198–199, 270, 339–340, 346, 351, 450
Костюхина Л. М. 80–81, 165, 172, 600
Котельников В. А. 667
Котов Иван – см. Иван (Котов), боярин
Кочанов Никола – см. Никола (Кочанов), св.
Кочет, кн. 566
Кочкуркина С. И. 639–640
Кошелев А. В. 680
Кошелев В. А. 10, 76, 353, 667, 680
Кошелева О. Е. 264
Кошино Г. 671
Красноречьев Л. Е. 122, 132, 134, 136, 156, 171
Кривоборский Паисий – см. Паисий (Кривоборский), инок Сковородского монастыря
Крушельницкая Е. В. 281, 296–297, 305, 308, 311, 665
Крылова О. Н. 9, 677

Ксенофонт, настоятель Хутынского монастыря 164
Ксенофонт (Синофонт, Селифонт) Робейский, св. 9, 40, 74, 92–97, 116, 144, 346–356, 501–502, 668, 678
Кудряшов К. В. 666
Кузьма, новг. 272
Кузьма, настоятель Юрьева монастыря 58, 169
Кузьма, сын новг. посадника Кузьмы Григорьевича 561
Кузьма («Козма») Григорьевич, новг. посадник 561
Кузьма Остафьевич (Грузов), новг. боярин 274–275, 277
Кузьма Пресвитер, св. 298–299, 301, 310
Кузьма Тарасьин, новг. 644
Кузьма Терентьевич, новг. тысяцкий 100
Кузьмин А. Г. 360
Кузьмина Н. Н. 67, 134
Кукушкина М. В. 171, 296–297, 305–307, 429, 555
Кумганец Иван – см. Иван (Кумганец), боярин новоторжский
Куприян, новг. 272
Куприянов И. К. 149, 171
Куприянов Сидор – см. Исидор (Сидор) (Куприянов), новг.
Курил – см. Кирилл Иерусалимский
Кусов Матфей – см. Матфей Михайлов (Кусов)
Кусов Наум – см. Наум (Кусов)
Кучкин В. А. 360, 491, 522, 536
Кушелев-Безбородко Г. 77, 198–199, 203, 218, 339–340, 389, 450, 486, 607
Кюрьяк – см. Кириак
Лаврентий, настоятель Юрьева монастыря 168, 245–247
Лаврентий, новг. книжник 145
Лазарев В. Н. 23, 47, 496
Лазарь, киевлянин 47
Лазарь, св. 60–63, 119, 144–146, 176–177, 233–234, 593
Лазута, новг. 121, 149, 575
Ларион, настоятель Лисицкого монастыря – см. Иларион, еп. Коломенский
Лаурина В. К. 425, 480, 483
Лев, настоятель Вяжищского монастыря 135
Лев, настоятель Колмова монастыря 143
Лев, имп. Византии 551
Лев Андреевич (Салтыков), дворецкий 658
Левичкин А. Н. 270, 348
Левоний, новг. 272
Лейбович Л. И. 488
Леон, еп. Ростовский 516
Леонид, архиеп. Новгородский 33, 545
Леонид, архимандрит 25, 136, 171
Леонтий еп. Ростовский 314, 332, 516
Леонтий, инок Коневского монастыря 623, 638
Леонтий, настоятель Троице-Сергиева монастыря 352
Леонтий, настоятель Хутынского монастыря 164
Лидов А. М. 8, 677, 678
Лилов А. И. 295
Линд Дж. 451, 459–460, 492, 512
Лисицын М. 21, 28, 499
Лифшиц А. Л. 670
Лихачев Д. С. 5–7, 9, 29, 33, 37, 40, 49, 63, 68, 86, 99, 115, 189, 194, 217–218, 238, 259, 360, 363–364, 366–380, 382,

388, 394–395, 399–401, 421–422, 472, 487–490, 499, 529, 537, 545, 555, 581, 663, 665, 669–671, 673–675, 678
Лихачев Н. П. 18, 30, 85, 148, 194, 196, 201, 270, 313
Лихачева З. А. («Зина») 367
Лихачева О. П. 31
Лозьев Иаков Игнатьевич – см. Иаков Игнатьевич (Лозьев), новг. посадник
Лосева О. В. 330, 333
Лошинские, новг. боярский род 278
Лука Варфоломеев («Валъфромѣев»), новг. 168, 245
Лука, еп. Ростовский 516
Лука (Жидята), еп. Новгородский 360, 568–569
Лука, новг. 402, 453
Лука (Федоров), новг. 561
Лукиан, св. 252
Лукиан Онцифорович, новг. 101
Лукиничи, новг. боярский род 158, 571
Лукьянов В. В. 195
Лурье Я. С. 34–35, 105, 116, 206, 254, 256, 258, 309, 311, 358, 385–388, 390–395, 398–399, 404, 409–410, 422, 424, 429–433, 436, 438–443, 447–448, 459–460, 462–464, 468, 472, 477, 485, 489–493, 511–512, 517, 520, 524, 526–533, 536–537, 542, 550, 552, 555–556, 559–562, 581, 587, 670, 678
Лутиана, новг. 272
Лысенко О. В. 6
Любинович Михаил – см. Михаил («Михаль») (Любинович), псковский посол

Магнус (Магнуш) II, король Швеции и Норвегии 574, 671
Мадлевская Е. Л. 670–671
Майоров А. В. 10, 679
Макарий, архиеп. Новгородский – см. Макарий, митрополит Московский и всея Руси
Макарий, архим. 270, 484
Макарий Калязинский, св. 310
Макарий, книжник из Андроникова монастыря 163
Макарий, митрополит Московский и всея Руси 46, 49, 62, 107, 126, 175, 184, 193, 196, 205, 282, 543
Макарий, настоятель Десятинского монастыря 137
Макарий, настоятель Колмова монастыря 143
Макарий, настоятель новг. монастыря (1433 г.) 151
Максим Грек, книжник 204–205, 207, 294, 344
Максим Исповедник, св. 27, 30, 75, 184, 349, 397, 413, 498–499
Максим, митрополит Киевский 126
Максим, новг., инок 272
Максим – см. Дмитрий Михайлович, кн.
Малинин В. 474
Малков Ю. Г. 135, 171
Малыгин Игнат – см. Игнат (Малыгин), новг. ушкуйник
Малышев В. И. 90, 266–267, 336–337, 425, 668–669, 676
Мамай, ордынский темник 31, 419, 576
Мамотек, ордынский царевич 105, 539
Мантурий, архиеп. Новгородский – см. Мартирий, архиеп. Новгородский
Мантурий, новг., инок 270
Мануил II Палеолог, имп. Византии 515
Мануил, настоятель Антониева монастыря 121–122
Мануила, новг., скимница 272
Маремиана, настоятельница Варварина монастыря 128–129

Мария – см. Богородица
Мария, настоятельница Воскресенского на Мячине монастыря 133–134
Мария Борисовна, кн., дочь кн. Бориса Тверского 598
Мария Дмитриевна, кн., дочь кн. Дмитрия Шемяки 251–252, 585, 590, 598, 606–607, 611
Мария Ярославна, кн., вдова кн. Василия Темного 258
Марк, библ. 146
Марк Ефесский, св. 477
Марк, книжник из Хутынского монастыря 164
Маркелов Г. В. 11, 663, 675
Маркиан, настоятель Юрьева монастыря 418, 502
Маркиан – см. Андреян, инок
Марков А. В. 395, 529
Мартиниан Белозерский, св. 604–605
Мартирий, инок Соловецкого монастыря 291–293
Мартирий («Мантурий», «Мартурий»), архиеп. Новгородский 133, 141, 153, 571
Мартышин О. В. 50, 175
Марфа (Борецкая), новг. 110, 215, 560
Марфа (Мехиева), новг. 270, 277
Марья, жена Афанасия Остафьевича Груза 270, 272, 277–278
Марья, новг. 272
Марья, новг., скимница 272
Матрена, новг. 272
Матрона, новг., «млада» 272
Матфей, библ. 146
Матфей Варфоломеевич (Федорович) (Коска), новг. посадник 168, 244, 319–320
Матфей Гречин, еп. Ростовский 516
Матфей Десятый, книжник (начало XVI вв.) 11, 342, 679
Матфей, дьяк Хутынского монастыря 64, 164, 178
Матфей, книжник (конец XI – начало XII вв.) 145, 272
Матфей Михайлов (Кусов), новг. книжник 403–407, 417–418, 421–422, 454, 456, 458–462, 508, 547, 552
Матфей, новг. 272
Матфей Петров, новг. 462
Матфей, священноинок Троице-Сергиева монастыря 23, 411, 496
Машков Василий – см. Василий (Машков), новг. купец 454
Медведев И. П. 505
Медведев П. А. 11, 663
Медоварцев Яков Дмитриевич – см. Яков Дмитриевич (Медоварцев), новг.
Медоварцев Михаил – см. Михаил (Медоварцев), книжник
Медоварцева Наталья – см. Наталья (Медоварцева), новг.
Мейендорф И. 468, 486
Мейерберг Августин, барон 158
Мелиоранский П. М. 666
Мельникова Е. А. 236
Мефодий («Мефедий»), св. 566
Мехиева Марфа – см. Марфа (Мехиева), новг.
Мечев М. М. 675
Микита (Грузов) – см. Никита («Микита») Афанасьевич («Офонасов») (Грузов), новг.
Микита, новг., инок 272
Микифор – см. Никифор
Микула, новг., священник 272
Мильчик М. И. 281, 296
Милютенко Н. И. 666–668
Милята Лукинич, новг. 146
Минеева С. В. 279, 282–290, 292–294

Миронег, новг. 571
Мисаил, настоятель Юрьева монастыря 588
Митрофан, архиеп. Новгородский 125, 571–572
Митрофан, еп. Ростовский 516
Митрофан, настоятель Нередицкого монастыря 151
Митрофан, св. 123
Митрофан – см. Михалко, новг. посадник
Миура К. 677
Михаил III, имп. Византии 108, 545, 565–566
Михаил Александрович – см. Михаил Олелькович (Александрович), кн. литовский
Михаил Александрович (Тверской), кн. 427, 444, 509, 514–517, 525, 575
Михаил Андреевич (Верейский, Белозерский), кн. 651
Михаил Архангел, библ. 47, 65, 80, 120, 124, 129–130, 161, 169, 249, 550, 572–574, 648
Михаил (Буйносов), новг. 644
Михаил Всеволодович (Черниговский), св., кн. 572
Михаил, инок Коневского монастыря 637
Михаил Клопский, св. 40, 85–86, 89, 97–99, 101–104, 111, 142, 170, 187–188, 196, 201, 203, 213, 217, 423–425, 599–600
Михаил, «Максимов сын» – см. Михаил Клопский, св.
Михаил Малеин, св. 150
Михаил (Медоварцев), книжник 201, 225
Михаил Медовник, новг. 270
Михаил, митрополит Вифлеемский 514
Михаил («Михайло»), настоятель Юрьева монастыря 418, 503
Михаил («Михайло»), новг., отец Матфея Михайлова 403, 454, 458
Михаил («Михаль») (Любинович), псковский посол 452, 527
Михаил («Мишка») (Щекотков), «поповичь с Подола» 454
Михаил, настоятель Пантелеймонова монастыря 155
Михаил, настоятель Сковородского монастыря 162
Михаил, новг. 272
Михаил, новг., брат посадника Феодора 453
Михаил, новг., священник 272
Михаил Олелькович (Александрович), кн. литовский («Киевъскыи») 169, 616–617
Михаил (Панцырный), книжник, из Витебска 475
Михаил (Рассохин), новг. 391, 536
Михаил Святополк – см. Святополк Изяславич, кн.
Михаил Сигизмундович, кн. литовский 646
Михаил Федорович, кн., тверской воевода 153
Михаил Юрьевич, новг. боярин 101
Михаил Яковлев, новг. воевода 650
Михаил Ярославич (Тверской), св., кн. 509, 514–516, 525, 573
Михаил Ярославич (Хоробрит), кн. 572
Михалко (Митрофан), новг. посадник 123
Михей (Кобылкин), новг. боярин 623, 630–631
Мияно Ю. 671
Можайский Иван Андреевич – см. Иван Андреевич (Можайский), кн.
Моисей, библ. 305

Моисей, архиеп. Новгородский 89, 110, 132, 136–139, 143–144, 159, 161, 169, 181, 212, 217, 249, 321, 402, 453–454, 458, 542, 573–575
Моисей, инок Коневского монастыря 636
Моисей Домажирич, новг. 106, 542
Моисей Мурин, св. 595
Моисей, настоятель Антониева монастыря 121–122
Молдован А. М. 303
Мономах Владимир Всеволодович – см. Владимир Всеволодович (Мономах), кн.
Мономаховичи, ветвь рода Рюриковичей 377
Мори К. 671
Морозова Н. А. 10, 342, 551, 582, 609, 679
Москвин И. В. 6
Мостовская Н. Н. 664
Мошин В. А. 17
Мошкова А. В. 264
Мстислав Владимирович, кн. 53, 57, 62, 167, 174, 372, 377, 570
Мстислав Изяславич, кн. 437
Мстислав Мстиславич (Удатный, Галицкий), кн. 555, 571
Мстислав Ростиславич (Храбрый), кн. 364, 380, 442–443, 570
Мстислав Сятославич (Черниговский), кн. 555
Мстислав Юрьевич, кн. 123
Муратов А. Б. 665
Мурзанова М. Н. 429

Назарий, новг.131
Назарий, новг. подвойский 561
Назарий, св. 23, 411
Накадзава А. 361, 671, 680
Наполеон, имп. Франции 675
Наримонт, кн. литовский 574
Насонов А. Н. 44, 235–236, 238, 259, 262, 380, 388, 424, 429, 469, 474, 476, 491, 536, 540, 602
Настасья, новг., инокиня 272
Наталья (Медоварцева), новг. 201, 225
Наталья, новг. 454, 575
Наум (Кусов), новг. 403–404, 456, 459–460, 547
Нафанаил, настоятель Хутынского монастыря 83, 89, 164, 211, 220
Нафанаил, настоятель Юрьевского монастыря 418, 503
Невзорова Н. Н. 664
Невоструев К. И. 170, 540
Немир Григорий Кириллович – см. Григорий Кириллович (Немир), новг. посадник
Немир Иван Васильевич – см. Иван Васильевич (Немир), новг. посадник
Нестер, еп. Ростовский 516
Нестер, новг. 391, 536
Нестор, летописец 395, 491, 537–538, 667, 675
Никита, еп. Новгородский 217, 569
Никита («Микита») Афанасьевич («Офонасов») (Грузов), новг. 272, 274–275, 277
Никита («Микита»), новг., дьякон 527
Никита Переяславский, св. 314, 332
Никита Стифат, св. 30, 75, 349, 397, 413, 499
Никитин Афанасий – см. Афанасий (Никитин), купец
Никитин В. А. 32, 401
Никифор («Микифор»), настоятель Юрьева монастыря 169, 249–250
Никифор, патриарх Константинопольский, св. 109, 153, 215, 428, 592, 594, 597

Никола (Кочанов), св. 217
Николай (Святоша, Святослав Давыдович, кн.), св. 376
Николай Чудотворец (Мирликийский), св. 92, 94–95, 109–110, 130, 135, 144, 146, 149, 151–152, 158, 171, 215–216, 348, 351, 356, 457, 480, 482, 502, 614
Николаев Н. И. 6, 662
Николаев С. И. 4
Николаев С. Л. 675
Николаева Т. В. 254, 588
Никольский А. И. 198
Никольский К. Т. 306
Никольский Н. К. 136
Никон («Никин»), новг. 574
Никон Черногорец, св. 15, 17, 26, 28, 31, 33, 64, 74–76, 94, 147, 178, 183, 190, 269, 349–350, 397, 412–413, 497–498
Нил, патриарх Константинопольский 419
Нил Философ, св. 30, 75, 349, 397, 413, 499
Нифонт, архиеп. Новгородский 46, 48, 53, 167, 174–175, 217, 364, 368, 370, 372–374, 376, 570
Нифонт, еп. Кипрский, св. 168
Нифонт (Кормилицын), еп. Крутицкий и Сарский 193, 196, 281–282
Новикова О. Л. 197, 217, 312, 546
Новосильцев Иван – см. Иван (Новосильцев), боярин кн. Дмитрия Шемяки
Ной, библ. 409, 430
Норовых Остафий – см. Остафий (Норовых), новг. воевода

Обакун, новг. 272
Оболенский М. А. 451, 528, 541, 551, 623–624
Оболенский Борис – см. Борис Михайлович (Оболенский Туреня), кн.
Овдокия, новг. 272
Овдокия, новг., скимница 272
Овиновы, новг. боярский род 272
Овсей, новг. 272
Овчинников П. А. 295, 303
Огрофена, новг., инокиня 272
Огура Ю. 674
Оксения, новг. 272
Олаф (Шётконунг), король Швеции 645
Олег (Вещий), кн. 362, 439–440, 443, 565–567
Олег Святославич («Гориславич»), кн. 569
Олекса – см. Алексей III Ангел, имп. Византии
Олекса Михайлович – см. Варлаам Хутынский, св.
Олекса («Олькса»), настоятель Антониева монастыря 121
Олександр – см. Александр
Олоний – см. Щил, посадник
Ольга, кн., св. 314,333, 566
Ольгерд, кн. литовский 375, 642
Ольговичи, ветвь рода Рюриковичей 363, 377
Ольшевская Л. А. 281, 294
Омельян, новг. 272
Онаний, новг. 272
Онаний Семенович, новг. 273, 644
Онцифор, новг. 272
Онцифоровичи, новг. боярский род 101, 187
Орлов С. Н. 42, 44, 122, 171, 490
Остафий, инок, отец Афанасия Остафьевича (Груза) 272, 273, 277
Остафий, новг. тысяцкий 154
Остафий Есифович, новг. 273
Остафий (Норовых), новг. воевода 644
Островски Д. 488

Офимия, новг., жена Есипа Горошкова 270, 276
Охотина-Линд Н. А. 37, 81, 83–85, 87, 171, 186, 208–210, 352–353, 623, 668, 670, 672

Павел, библ. 158, 160, 189, 221, 571, 594
Павел (Доброхотов), еп. 10, 109, 423–424, 469, 539, 554–555, 564
Павел, инок на Афоне 204, 206, 213, 232–233
Павел Исповедник, св. 120, 154, 572
Павел, новг., инок 131, 272
Павел, новг. посадник 570
Павлов А. 428
Паисий (Кривоборский), инок Сковородского монастыря 218
Пам, языческий жрец 114
Панкратий, настоятель Аркажского монастыря 123–124
Пантелеймон, св. 638
Панцырный Михаил – см. Михаил (Панцырный), книжник
Панченко А. М. 99
Панченко О. В. 279
Парманин М. П. 666
Парфений, еп. Ростовский 516
Парфений, настоятель Благовещенского монастыря 126–127
Патрикей (Патракий) Наримунтович, кн. литовский 454, 576
Пафнутий Боровский, св., 603
Пахомий, настоятель Вяжищского монастыря 135
Пахомий, еп. Ростовский 516
Пахомий Серб (Логофет), книжник 8, 33, 35, 76, 88, 109–113, 116, 160, 202–203, 212–216, 218, 220, 315, 339–340, 399, 401, 450, 470, 486, 554, 584, 613–616, 623, 640
Первозванский А. А. б
Пережогина Е. А. 665
Перун, языческий бог 567
Перфецкий Е. Ю. 363, 378
Перфирий, настоятель Благовещенского монастыря 548
Перфирий («Перфурий Камьский»), новг. 187, 456
Петков Г. 331
Петр Алексеевич (Золотарев), книжник 664–665
Петр Афонский, св. 636
Петр, библ. 145, 157–158, 160, 189, 221, 571, 575, 577–578, 594, 645
Петр Великий, имп. Всероссийский 348
Петр, воевода норвежский 650
Петр Данилович (Пронский), кн. 661
Петр, еп. Ростовский 516
Петр Купцевич («Купцевиц»), новг. 139
Петр Лобан Григорьевич (Заболоцкий), боярин 257
Петр Михайлович (Плещеев), боярин 257
Петр Муромский, св. 314, 332, 334, 676
Петр, св., митрополит всея Руси 314, 332, 334, 428
Петров М. Т. 115
Петров Филипп – см. Филипп (Петров), дьякон, пскович
Петрова Л. И. 38, 44, 122, 124, 127–128, 131–132, 134–136, 138, 140–147, 149–156, 158–164, 166–167, 171
Петрята, новг. 252–253, 570, 586
Петухов Е. В. 490
Печников М. В. 4, 242
Пимен, владычный ключник, инок Островского монастыря 109–110, 112, 154, 215–216, 614

Пимен, настоятель Вяжищского монастыря 135
Пимен («Пумен», «Пумин»), инок Лисицкого монастыря 17–18, 19, 21, 64, 147–148, 179, 269, 412
Пимен («Пумин»), отец архип. Иоанна 131
Пимен (Черный), архиеп. Новгородский 654–655, 657–658, 661
Пиотровская Е. К. 49
Пирлинг О. 468, 476
Пифагор, философ 524
Платон, философ 524
Плетнева С. А. 666
Плещеев Петр Михайлович – см. Петр Михайлович (Плещеев), боярин
Плигузов А. И. 257, 468
Плюханова М. Б. 331
Поганка, повар кн. Дмитрия Шемяки 601
Погодин М. П. 48, 56–57, 137, 164, 167, 261–262, 368, 382, 540, 663–665, 671
Подвигина Н. Н. 376
Подон, «римлянин» 316
Поздеева И. В. 600
Покровская В. Ф. 31, 429, 555
Покровский А. А. 18, 21, 264
Покровский Н. Н. 662
Полюжая, дочь Жирошки Городщинича 138, 571
Понинарья, новг. 272
Пономарева И. Г. 256
Поныркo Н. В. 90, 99, 308, 312, 426, 477
Попов А. И. 666
Попов В. А. 38, 44, 122, 124, 127–128, 131–132, 134–136, 138, 140–147, 149–156, 158–164, 166–167, 171
Поповка Герасим – см. Герасим (Поповка), книжник
Поппэ А. В. 361, 395, 529
Попруженко Г. М. 301
Порфиридов Н. Г. 399, 401
Порфирий – см. Перфирий, настоятель Благовещенского монастыря
Порфирий – см. Перфирий («Перфурий Камьский»), новг.
Порфирий, книжник 343
Приемышева М. Н. 9, 677
Приселков М. Д. 259, 352, 372, 390, 394, 422, 434, 438, 444, 489–490, 494, 506, 515, 533–534, 536–537
Прозоров Ю. М. 667
Прозоровский Д. И. 368
Прокопенко Л. В. 331
Прокопий (Киев), новг. 454
Прокопий, новг., инок 272
Прокопий («Прокоп»), новг. 523
Прокопий, св. 141, 322
Прокопий Устюжский, св. 675
Прокофьев Н. И. 505
Прокша, новг. 571
Пронский Иван Владимирович – см. Иван Владимирович (Пронский), кн.
Пронский Петр Данилович – см. Петр Данилович (Пронский), кн.
Пропп В. Я. 671
Протасий, св. 23, 411
Протасьева Т. Н. 80–81, 165, 172, 204, 540
Прохор I, еп. Ростовский 516
Прохоров Г. М. 26, 30–32, 115, 203, 321, 347, 386–388, 393–395, 397–399, 401–404, 409–410, 413, 419, 422, 431–434, 436, 438–440, 442–443, 446, 448–449, 451–453, 458–459, 464–465, 491–494, 500, 509, 511–517, 519–520, 522, 524–527, 530, 532–533, 538, 554, 671, 679
Пудалов Б. М. 307
Пядышев Г. Е. 666

Раба Дж. 473
Рамм Б. Я. 484
Раппопорт П. А. 46, 122, 124, 127, 142, 151, 155–156, 171, 175
Рассохин Михаил – см. Михаил (Рассохин), новг.
Рачинский А. В. 551
Ревша, новг. 571
Рождественская М. В. 7, 202, 312, 670, 673–674
Рождественская Т. В. 6, 51, 672
Розов А. Н. 676
Розов Н. Н. 6–7, 15, 21, 41, 44, 48, 51, 63, 163, 171, 295–296, 304, 307, 309–310, 673, 676
Роман, ключник 165, 596
Роман Мстиславич (Великий), кн. 364, 379, 570–571
Роман, новг., инок 272
Роман, отец св. Иоанна Новгородского 323
Роман Ростиславич, кн. 442–443
Роман Святославич (Красный), кн. 434
Роман, ученик св. Ефрема Перекомского 156
Романенко Е. 264
Романов Б. А. 561
Ромодановская Е. К. 8–9, 264, 267, 336, 662, 678
Ромодановская В. А. 207, 218
Ростислав, кн. Моравии 566
Ростислав Мстиславич, кн. 437, 442
Руди Т. Р. 314
Рузский Н. В. 312
Румянцев Н. П. 36, 135, 148, 196, 472, 541
Руфь, библ. 301, 308
Рыбаков Б. А. 360, 670
Рыбина Е. А. 198, 473
Рюрик, кн., родоначальник Рюриковичей 316, 362, 565, 675
Рюрик Ольгович, кн. 571
Рюриковичи, княжеский род 484

Савва (Бороздин), тверской боярин 187
Савва (Грудцын), литературный персонаж 668
Савва Освященный, св. 56, 134, 137, 149, 578
Савва («Сава»), «иконом» Юрьева монастыря 52, 167
Савва («Сава»), инок Лисицкого монастыря 18, 22, 147
Савва («Сава») Вишерский, св. 95, 110, 144, 160–161, 212, 275–290, 292–294, 352, 502
Савва («Сава»), настоятель Антониева (и Юрьева?) монастыря 121–122
Савва («Сава»), настоятель Духова монастыря 137–138
Савва («Сава Грек»), настоятель Юрьева монастыря 167
Савватий, настоятель Юрьева монастыря 50, 167, 174, 251, 418, 502–503
Савватий Соловецкий св. 78, 186, 279–282, 287, 289, 311, 319
Савельева Н. В. 266
Савич А. А. 113
Савич Н. Г. 257
Сазонов С. В. 269
Салмина М. А. 316, 392–393, 524–525, 532–533, 536, 664–665, 666–668, 672
Салтыков Лев Андреевич – см. Лев Андреевич (Салтыков), дворецкий
Самицу Ш. 671
Самсон, архиеп. Новгородский 578
Сапожникова О. С. 668
Сапунов А. 475
Сар, литературный персонаж 316
Сарабьянов В. Д. 47–48, 176

Cato A. 674
Свидригайло (Светригайло) Ольгердович, кн. литовский 103, 445, 642–643
Святополк Владимирович (Окаянный), кн. 568
Святополк (Михаил) Изяславич, кн. 373, 437
Святополк Мстиславич, кн. 369
Святослав Всеволодович, кн. 434
Святослав Давыдович – см. Николай (Святоша, Святослав Давыдович, кн.), св.
Святослав Иванович, кн. Смоленский 444–445
Святослав Игоревич, кн. 566
Святослав Изяславич, кн. 442–443
Святослав, кн. Моравии 566
Святослав Ольгович, кн. 362–363, 373, 377–379
Святослав Ростиславич, кн. 128
Святослав Ярославович, кн. 569
Святоша – см. Николай (Святоша, Святослав Давыдович, кн.), св.
Святский Д. О. 243
Севальнев А. В. 259–260, 262–263, 381–382
Севастьянова А. А. 473
Седельников А. Д. 517
Седых В. Н. 6
Секира, новг. посадник 652–653
Секретарь Л. А. 44, 130, 132, 137, 142, 144, 149–150, 153, 155–156, 158, 161–163, 165, 167, 171–172, 673
Селила, воевода псковский 452, 527
Сельвестр – см. Сильвестр
Семен Борисович, новг. посадник 154, 572
Семен Васильевич, новг., сын Василия Шенкурского 650
Семен Дмитриевич, кн. 512
Семен Иванович, кн. 168, 248
Семен (Лугвень) Ольгердович, кн. литовский 98, 445–446, 504, 643
Семен, новг. 272
Семен («Смен») (Судоков), новг. 168, 243
Семен – см. также Симеон
Семенко, посол «из Велыньскои земли» 242
Семенов А. И. 15, 33, 147, 172, 545
Семенченко Г. В. 257, 468
Семион – см. Симеон
Семьюн Дыбучевич («Дыбачевиць»), новг. 123
Семячко С. А. 314, 671, 673
Сенефонт (Судоков), новг. 168, 243
Сенигов И. П. 368
Серапион, архиеп. Новгородский, св. 217
Серапион (Маза), инок Лисицкого монастыря, книжник 25, 27, 75, 148, 184, 349, 397, 413
Сербина К. Н. 561, 601
Сергий, архиеп. Новгородский 111, 212
Сергий, архим. 28
Сергий, настоятель Островского монастыря, отец Закхея 84–88, 110–112, 153, 195, 199–201, 208–211, 213–214, 216, 220, 222
Сергий Радонежский, св. 23, 30–31, 75, 98, 113, 115, 349, 352, 397–398, 411, 413, 491, 496, 500, 505, 507–510, 519–521, 523, 526, 533, 537–538, 580, 600–601, 603, 670
Сибилев Н. В. 667
Сивак С. И. 172
Сиг, шведский воевода 573
Сигизмунд II Август, король Польши 654, 657–658

Сигизмунд («Жигимонт») Кестутьевич, кн. литовский 474, 643–644, 646
Сидор – см. Исидор
Силаева Т. В. 38, 44, 122, 124, 127–128, 131–132, 134–136, 138, 140–147, 149–156, 158–164, 166–167, 171
Сильвестр, настоятель Мостищского монастыря 151
Сильвестр, папа Римский, св. 56, 206, 298–299, 302, 309, 566, 656
Сильвестр, протопоп 667
Сим, библ. 464
Симеон Богоприимец, библ. 139, 172, 233, 596–597
Симеон, еп. Ростовский 516
Симеон Новый Богослов, св. 25, 30, 75, 301, 307, 349, 397, 413, 500
Симеон, настоятель Юрьева монастыря 418, 503
Симеон (Семион), архиеп. Новгородский 72, 99–100, 186, 317–318, 321, 340, 343, 402, 419, 422, 450, 456–457, 458, 461, 503, 578, 632, 640, 699
Симеон (Семион), еп. Ростовский 516
Симеон (Семион) Андреевич («Ондреевичъ»), новг. 575
Симеон (Семион) Иванович (Гордый), кн. 574
Симеон (Семион) Ольгердович, кн. литовский 577
Симеон Столпник, св. 123, 591–592
Симеон Суздальский, инок 401, 472, 474–475, 478, 485
Симон, еп. Ростовский 516
Симон, инок Юрьева монастыря 52
Синеус, легенд. 565
Синицына Н. В. 201
Скатов Н. Н. 667
Скригайло, кн. литовский 576
Скрынников Р. Г. 278
Слизины, новг. боярский род 273
Смирнов В. Н. 6
Смирнова Э. С. 35, 39, 78, 80, 82, 91, 110, 154, 163, 172, 181, 215, 219–220, 268, 338, 425, 473, 480, 483, 639
Снегирев И. М. 541
Соболевский А. И. 29–30, 56, 204, 499–500
Соколова Л. В. 86
Соловьев А. В. 394, 533
Соловьев С. М. 391, 531
Соломон, библ. 221, 355
Сотко (Сытко) Сытинич, новг. 482, 570
София, настоятельница Софийского монастыря 481–482
Софокл, драматург 470
Софон, новг. 272
Софроний Грек, инок Савина монастыря близ Иерусалима 205
Софья Дмитриевна, кн., жена Дмитрия Шемяки 251–252, 254, 257, 585, 587, 590, 598, 606, 612
Спас – см. Иисус Христос
Спиридон, митрополит киевский 279–290, 294, 311, 319, 324
Спиридон, архиеп. Новгородский 314, 322, 324, 327, 332, 334, 336, 341, 572
Спиридон-Савва – см. Спиридон, митрополит Киевский
Спиридон Тримифунтский, св. 56
Срезневский И. И. 23, 39, 53, 368, 405–406, 435, 497, 508
Станчев К. 313–314, 319, 324, 331–333, 335, 344
Станюкович М. В. 677
Степан (Стефан) Никифорович (Бородатый), дьяк 8, 255–258, 262–263, 382, 601–602, 604
Степанка, новг. 503, 547
Стефан (Борисов), новг. 455

Стефан, дьяк Видогощского монастыря 64, 131, 178
Стефан, еп. Новгородский 569
Стефан, новг., «убиенный» 272, 277
Стефан Пермский, св. 114, 520
Стехн (Фомин), новг. 270
Столярова Л. В. 52–53, 56–57, 60–63, 145–146, 167, 172, 174, 178
Строев П. М. 15, 18, 21, 23, 32, 108, 122, 124, 127–130, 132, 134–139, 141–146, 149–153, 155–156, 158–162, 164, 166–167 172, 346, 368, 398, 314, 428, 501, 545–745, 562
Ступин С. А. 677
Судила Иванович, новг. посадник 453
Судоков Сенефонт – см. Сенефонт (Судоков), новг.
Суздальский Александр Васильевич – см. Александр Васильевич (Суздальский), кн.
Сулейменов О. О. 667
Сумароков П. И. 153
Сутдян Онципорович, новг. 578
Сытко Сытинич – см. Сотко (Сытко) Сытинич, новг.

Танака Х. 674
Тараканова-Белкина С. А. 273
Тарасий, еп. Ростовский 516
Тарасий, настоятель Лисицкого (?) монастыря 18, 147
Тарасий, настоятель «св. Пятницы да чудотворцев Космы и Дамиана, что на Ивангородской дороге» монастыря 131
Тарасий, настоятель Сковородского монастыря 162
Тарасий, настоятель Хутынского монастыря 164
Тарасий, пономарь Хутынского монастыря 83–84, 208–209
Татищев В. Н. 49–50, 173, 250, 311, 359, 368
Татьяна, новг. 272
Татьяна, новг., скимница 272
Тахтамыш, ордынский хан 444, 512, 576
Твердислав, новг. 123–124, 129, 572
Творогов О. В. 5, 56, 315, 318, 322, 333, 434, 665–668
Темир-Кутлуг («Темир-Кутлуй»), ордынский хан 559
Тенеткина А. А. 333
Тизенгаузен, баронесса 367
Тимофей, новг., инок 272
Тимофей, новг., «млад» 272
Тимофей Васильевич, новг. посадник 100
Тимофей Кузьмич (Грузов), новг. боярин 274–275
Тимофей Остафьевич (Грузов), новг. боярин 274–275, 277
Титова Л. В. 679
Тиханов П. Н. 451
Тихомиров И. А. 490
Тихомиров М. Н. 58, 360, 428–429, 440, 490
Тоглу-бай («Товлубий»), эмир 559
Толоконина Е. 6
Толочко А. П. 359
Толстой Л. Н. 678
Толстой М. 346
Томсон Фр. Дж. 56
Топоров В. Н. 65, 179, 268
Травников С. Н. 281, 294
Тралич С. Н. 17
Тредиаковский В. К. 93, 347
Трифон, настоятель Кирилло-Белозерского монастыря 598
Трифон («Труфан») Скиман, священноинок Видогощского монастыря 131

Трифон («Труфан»), священник Софийского собора 100
Троицкая Т. С. 207
Троицкий Н. 639
Трофим, новг., инок 272
Троцкий И. М. 51, 57, 246, 248–249
Трояновский С. В. 161, 172
Трувор, легенд. 565
Труфан – см. Трифон
Турилов А. А. 269, 313–315, 319, 324–325, 331–336, 342–344, 465–466, 551, 582, 609
Турова Е. А. 46
Тутова Т. А. 296

Уваров А. С. 136, 490, 541
Угринец («Оугриньць»), книжник 52, 167
Улан, царевич, посол 534
Улу-Мухаммед («Махмет»), ордынский хан 477, 642, 649, 651
Ульяна, новг. 272
Умила, новг. 675
Упадыш, новг. 560
Успенский Б. А. 284
Ухова Т. Б. 16, 23, 25–27, 397, 411–413, 497–498

Фаль С. 509
Фасмер М. 348
Феврония Муромская, св. 314, 332, 334, 676
Федор – см. также Феодор
Федор Александрович, кн. 574
Федор Ахмыл, новг. посадник 168, 243–244
Федор Давыдович, посол великого князя 560–561
Федор Данилович, новг. посадник 151, 154, 157, 453, 652
Федор Жеребец, новг. 652–653
Федор Иванович (Блаженный), царь всея Руси 661
Федор, новг. 272
Федор, новг., инок 272
Федор, новг., «млад» 272
Федор, новг., «убиенный» 272, 277
Федор Олисиевич, новг. тысяцкий 273, 644
Федор Ольгович (Рязанский), кн. 445
Федор Остафьевич, новг. 644
Федор Пинещинец («Пинещиниць»), новг. 106, 155, 542
Федор Твердиславович, новг. 168, 245
Федор Тимофеев, новг. 455
Федор Тимофеевич, новг. посадник 403, 455
Федор Угринец – см. Угринец
Федора, новг., инокиня 272
Федора, новг. 272
Федорко, посол «из Велыньскои земли» 242
Федоров Лука – см. Лука (Федоров), новг.
Федот, новг., инок 272
Федотов Г. 353
Федотова М. А. 275–276
Федша, волостной дьяк 547
Феннел Дж. 247
Феогния, настоятельница Росткина монастыря 160
Феогност I, еп. Ростовский 516
Феогност II, еп. Ростовский 516
Феогност, митрополит Киевский 238
Феодор I, еп. Ростовский 516
Феодор II, еп. Ростовский 516
Феодор III (Симоновский), св., архиеп. Ростовский 113, 516
Феодор, диакон, книжник 309
Феодор, еп. («митрополит») Новгородский 569

Феодор, казначей архиеп. Евфимия II 256
Феодор, настоятель Киево-Печерского монастыря 370
Феодор, протодьякон Софийского собора 596
Феодор, священник в Хутынском монастыре, книжник 64, 78, 178
Феодор Стратилат, св. 575, 593
Феодор Студит, св. 168, 298–299, 302, 309
Феодор (Угринец?), книжник 52, 167
Феодор Эдесский (Едесский), св. 30, 75, 349, 499
Феодосий Великий, св. 591
Феодосий (Грек), настоятель Киево-Печерского монастыря (XII в.) 370
Феодосий (Клопский), архиеп. Новгородский 40, 89, 90, 98–99, 100–102, 104, 126, 124, 187–188, 418, 422–426, 433, 447, 449, 451–452, 457–458, 461, 537, 558, 578
Феодосий, настоятель Отенского монастыря 163
Феодосий, митрополит Киевский и всея Руси 592
Феодосий («Федос») Печерский, св. 314, 333, 352, 370, 423–426, 522, 569
Феодосий («Федосий»), новг. инок 272
Феодосий («Федосѣи»), настоятель Островского монастыря (в ркп. исправлено) 615
Феодосия, жена Матфея Михайлова 403, 456, 458
Феодосия Константинопольская, св. 163, 594
Феодосия («Федосья»), новг. 272
Феоктист, архиеп. Новгородский 125–126, 166, 224, 573
Феофан Грек, художник 26, 517
Феофил, архиеп. Новгородский 35, 58, 87, 165, 169, 211, 550, 559
Феофил, инок Юрьева монастыря, книжник 52, 168
Феофил, патриарх Александрийский 318
Феофилакт («Фефилат») (Захарьев), новг. 561
Ферапонт Белозерский, св. 31–32, 397, 413, 500, 602, 604
Фет Е. А. 330
Фетинья, новг. 272
Филарет (Гумелевский), архиеп. 108, 400, 545
Филатов В. В. 201, 400
Филимон, новг., инок 272
Филипп (Петров), дьякон, пскович 476
Филипп, рыбак на острове Коневец 630, 634
Филипп, св. 140, 159, 556, 576
Филиппова Л. А. 44, 67, 104, 130, 132, 142, 144, 149–150, 153, 155–156, 158, 161–163, 166–167, 172
Филофей Синаит, св. 30, 75, 349, 397, 313, 499
Филофей, инок Елеазарова монастыря 116, 474
Финченко А. Е. 663
Фома, библ. 133
Фома, инок, тверской книжник 477
Фома Иванович, новг. посадник 506
Фома, литературный персонаж 668–669
Фома Малеин, св. 645
Фома Малой «з Дворища», новг. 270, 277
Фома, сын боярина Ивана (Кумганца) 457
Фома, тверской посол 478
Фомин Стехн – см. Стехн (Фомин), новг.

Фомина Т. Ю. 366
Фомичев С. А. 9, 37, 270, 501, 668
Фотий, митрополит Киевский и всея Руси 67, 72, 97–98, 103, 186, 314, 332, 394–396, 398, 403, 407, 410–411, 416–417, 457–458, 468, 489, 490, 491, 494, 495, 502, 516, 532, 535, 537–538, 547, 578, 642, 669
Фрол, новг., священник 272
Фролов С. В. 90, 264, 266–270, 272, 338

Халецки О. 468
Хам, библ. 464
Харитина, св., настоятельница Петропавловского на Синичьей горе монастыря 158
Харитона, новг. 272
Харней Ю. 509
Хворостьянова Е. В. 670–671
Хлобыстин А. Л. 6
Хорив, легенд. 565
Хорошев А. С. 65–66, 80, 89, 122, 124, 127–132, 134–138, 140–147, 149–153, 155–164, 166–167, 172, 179–180, 182, 351, 399, 468, 495, 502
Христина, настоятельница Варварина монастыря 128–129
Хрущов И. 206
Хутеерис Антонис – см. Антонис Хутеерис (Гутеерис), член нидерландского посольства

Царский И. Н. 541
Цветков А. 92–93, 144, 172, 347
Цицерон, оратор 470

Чарторыйский Александр Васильевич – см. Александр Васильевич (Чарторыйский), кн.
Чарторыйский Иван Васильевич – см. Иван Васильевич (Чарторыйский), кн.
Чеботарев Х. А. 489
Черепанов Н. Е. 489
Черепнин Л. В. 391, 393, 468, 477–478, 535–536
Черниговский архиеп. – см. Филарет (Гумелевский), архиеп.
Чернов А. Ю. 675
Чернявский М. 468
Чертков А. Д. 150, 163, 475
Черторицкая Т. В. 28, 114, 664
Чистякова М. 333
Чумовицкая М. 140

Шалабин В. Г. 6, 674
Шапиро А. Л. 490
Шаров О. В. 6
Шахматов А. А. 9, 33, 104–106, 238, 246–248, 263, 358–366, 368, 370–379, 385–386, 388, 390, 394–396, 401, 403–404, 406–407, 409, 421–422, 429–431, 433, 439, 446, 459–460, 463–464, 487–494, 508, 511, 526, 529–530, 536–537, 539–542, 552, 554–555, 557–559, 581–582, 609–610, 677
Шварц Е. М. 11, 18, 28, 57, 397, 413, 498, 670
Шевченко Е. Э. 602, 604
Шемяка Дмитрий Юрьевич – см. Дмитрий Юрьевич (Шемяка), кн.
Шемяка, судья, литературный персонаж 668–669
Шемякин Иван Дмитриевич – см. Иван Дмитриевич (Шемякин), кн.
Шибаев М. А. 313–315, 345, 530
Шилов А. А. 429
Шихмат, ордынский посол 534
Шлецер А. Л. 488
Шмидт С. О. 195–196, 198, 205–206

Шпаков А. Я. 468, 478
Штекль Г. 468–469
Штендер Г. М. 6, 151, 158
Штурм Г. 509
Шухтина Н. В. 663–664. См. также *Савельева Н. В.*
Щапов Я. Н. 296, 308, 532
Щек (Щок), легенд. 565
Щекотков Мишка – см. Михаил («Мишка») (Щекотков), «поповичь с Подола»
Щелкан («Щолкан»), ордынский царевич 574
Щепкин В. Н. 57
Щепкина М. В. 80–81, 165, 172
Щил (Олоний), новг. посадник 165–166
Щукин П. И. 472

Эдигей – см. Едигей, ордынский темник
Эсфирь – см. Есфирь (Эсфирь), библ.

Юрий Андреевич, кн. 572
Юрий Васильевич, кн., сын Василия Темного 252, 558, 580, 585, 590
Юрий (Георгий) Всеволодович, св., кн. 369–370
Юрий Данилович, кн. Московский 573
Юрий Дмитриевич, новг. посадник 124
Юрий Дмитриевич, кн. 393, 421, 513, 530, 533–535, 558, 579, 580 (ошибочно, вместо Дмитрия Юрьевича), 584–585, 600–601, 642–644, 652
Юрий Наримонтович, кн. литовский 575
Юрий Онцифорович, новг. посадник 101, 453, 455, 575–576
Юрий Патрикеевич, кн. 579, 644–645
Юрий Святославович (Смоленский), кн. 446, 577
Юрий Семенович (Лугвеньевич), кн. литовский 471, 474–476, 479, 579–580, 643, 645–649
Юрьевичи, ветвь рода Рюриковичей 600–601

Яаскинен А. 639
Яблонский В. 33
Ягайло, кн. литовский 577, 646
Ягеллоны, королевская династия 658
Яким Гуреев, новг. 462
Яким – см. также Иоаким
Яков Дмитриевич, брат новг. посадника Юрия Дмитриевича 124
Яков Дмитриевич (Медоварцев), новг. 225
Яков Игнатьевич (Лозьев) – см. Иаков Игнатьевич (Лозьев), новг. посадник
Яков Стефанович, новг. 644
Яков Федорович, новг., сын посадника 456
Яков – см. также Иаков
Якунина С. А. 663. См. также *Семячко С. А.*
Ямасита Д. 674
Янин В. Л. 32, 38–39, 47, 50, 57–58, 60–63, 65, 87, 89–91, 99, 101, 106, 129–130, 141, 143–145, 153, 155, 161, 172, 174–176, 179, 181, 210, 238, 248, 251, 253, 257, 264, 266–268, 272–278, 281, 320–321, 351, 363, 376–377, 396, 414–418, 422–426, 463, 467, 482, 501–503, 506, 542–543, 554, 586, 588
Яниш Н. Н. 235, 368, 563
Ярослав II Всеволодович, кн. 166, 570–572
Ярослав Владимирович, кн. (XII–XIII в.) 150–151
Ярослав (Георгий) Владимирович (Мудрый), св., кн. (XI в.) 6, 49–50, 173, 250, 312, 359, 440–443, 568–569, 645

Ярослав Изяславич, кн. 442–443
Ярополк Ростиславич, кн. 364, 380
Ярополк Святославич, кн. 128, 566–567
Ярослав Ярославич, кн. 572

Chen Yucai 678
Dunphy G. 674
Fennel J. 247
Isoaho M. 677
Jaaskinen A. 639
Kirkinen H. 621
Lind J. 451, 459, 492, 512
Mošin V. A. 18
Naoki Chujo 47, 214
Ostrowski D. 488
Rowell S. C. 238
Shakhmatov A. A. 238
Thomson Fr. J. 56
Traljić S. M. 18
Vodoff W. 51, 238, 246, 248, 250, 259, 381
Widnas M. 621

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть 1
Книжные центры Великого Новгорода

Очерк 1. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV – первая половина XV в.) 15

Очерк 2. Монастырские книжные центры Новгородской республики 37
Введение 37
1. Монастырские книжные центры Великого Новгорода в домонгольский период 41
2. Монастырские книжные центры XIV–XV вв. 65
Приложение 117

Очерк 3. Монастыри новгородские (до XVI в.) 173
Домонгольский период 173
Середина XIII – конец XV в. 179

Очерк 4. «Святые горы» Великого Новгорода: О символических смыслах пригородных монастырей «на горах» 189

Часть 2
Люди и книги Великого Новгорода

Очерк 1. «Повести древних лет» 193
1. Волоколамский сборник 193
2. «Новгородский цикл» Волоколамского сборника 198
3. «Святогорский цикл» Волоколамского сборника 203
4. Датировка «Новгородского цикла» 207

5. Атрибуция «Новгородского цикла» 212
6. Место создания «Новгородского цикла» 214
7. «Новгородский патерик»? 217
8. Неовизантийский орнамент 219
Приложение. «Повѣсти древних лѣтъ, яже съдѣяшася в Великомъ Новѣгородѣ» 221

Очерк 2. «Рука Москвы»: Правка текста в Синодальном списке Новгородской первой летописи 235
1. Текст приписок Синодального списка 238
2. Юрьев монастырь 250
3. Дьяк Степан Бородатый 256
4. «За новгородскую измену» 259

Очерк 3. Поминальная трапеза в Лисицком монастыре в конце XV века 264

Очерк 4. К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого 279
1. Досифей Соловецкий как писатель 279
2. Досифей Соловецкий как книжник 295

Очерк 5. Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института 313
1. Житие Евфимия Новгородского 315
2. Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка» 317
3. Житие Василия Новгородского 319
4. Житие Спиридона Новгородского 322
5. Житие Иоанна Новгородского «от града Ладоги» 323

Очерк 6. О месте создания Стишного Пролога русской редакции 330

Очерк 7. Житие Ксенофонта Робейского в списке пушкинского времени 346

Очерк 8. А. А. Шахматов и спорные вопросы раннего новгородского летописания 358

Очерк 9. Д. С. Лихачев как исследователь новгородских летописей 366

Часть 3
Летописание Великого Новгорода

Очерк 1. Из истории летописания первой половины XV в. 385

Очерк 2. Новгородский летописный свод 1411 года и Варлаам Лисицкий 408

Очерк 3. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. 421

Очерк 4. Редакции Новгородской четвертой летописи 427

Очерк 5. Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния 467

Очерк 6. Летописный свод митрополита Фотия (Проблема реконструкции текста) 487

Очерк 7. Летописание Великого Новгорода второй половины XV в. 539

Очерк 8. Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века 581

Очерк 9. Новгородско-литовские отношения и судьба Виленского списка Летописи Авраамки 609

Приложение
Переводы новгородских сочинений на современный русский язык

Житие Арсения Коневского 621

Официальное новгородское летописание первой половины XV века (за 1429–1448 годы) 641

Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году 654

Список печатных работ Александра Григорьевича Боброва (1982–2023 гг.) 662

Список сокращений 681

Указатель личных имён 684

Александр Григорьевич Бобров

КНИЖНОСТЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Верстка *М. Э. Кузнецова*
Корректор *М. Г. Смирнова*

Формат 60×90/16. Объем 42,5 п.л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Тираж 600. Заказ 2674

Издательство «Квадрига»

ISBN 978-5-91791-468-8

Отдел реализации издательства
E-mail: marimarbooks@yandex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(495)107-02-68

Предлагаемая вниманию читателей книга – сборник научных работ, посвящённых книжности Великого Новгорода. Они написаны на протяжении нескольких десятилетий и сюжетно складываются в три части очерков, посвященных единому новгородскому тексту.

Первая посвящена книжным центрам Новгородской республики. Вторая («Люди и книги») посвящена отдельным новгородским сюжетам, произведениям, персонажам, а также основоположникам текстологического исследования новгородского летописания. Третья часть состоит из материалов о новгородском летописании.

В Приложении помещены переводы на современный язык новгородских сочинений: Жития Арсения Коневского, новгородского летописания за 1429–1448 гг. и Повести о походе Ивана IV на Новгород.

Завершают издание Список печатных работ автора и Указатель личных имен.

ISBN 978-5-9171-468-8

9 785917 914688

Издательство «Квадрига»